История Югославии

История Югославии

В ДВУХ ТОМАХ

I

I

История Югославии

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

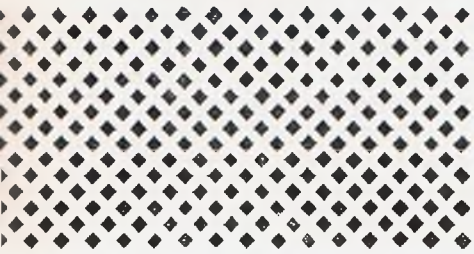
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

История Югославии

в двух томах

Издательство Академии наук СССР
Москва
1963

История Югославии



Том I

Под редакцией
Ю. В. Бромлея
И. С. Достян
В. Г. Карасева
С. А. Никитина

Издательство Академии наук СССР
Москва
1963

ОТ РЕДАКЦИИ

публикованием двухтомной «Истории Югославии» Институт славяноведения АН СССР продолжает предпринятое им в начале 50-х годов издание серии обобщающих трудов по истории зарубежных славянских народов. До этого были выпущены в свет «История Болгарии» (т. I—II), «История Польши» (т. I—III), «История Чехословакии» (т. I—III). «История Югославии», как и эти работы, — издание научно-популярного характера, предназначенное для широкого круга советских читателей, интересующихся историческим прошлым народов, входящих в состав СФРЮ. Труда по истории Югославии подобного типа и объема в советской историографии не имелось. Работы советских историков, вышедшие до сих пор, посвящены отдельным проблемам и периодам и не дают обобщенной картины исторического развития народов СФРЮ. Между тем большой интерес советской общественности к историческим судьбам народов Югославии, потребности преподавания истории в высшей и средней школе настоятельно требуют создания именно обобщающего труда, в хронологической последовательности излагающего важнейшие события и процессы социально-экономического, политического и культурного развития этих народов с древнейших времен до наших дней, показывающего многовековую борьбу югославянских народов[1] против национального и социального угнетения, раскрывающего традиции братской дружбы народов нашей страны с народами Югославии. Выполнить эту задачу и пытался авторский коллектив предлагаемого вниманию читателей труда. При этом авторы стремились возможно полнее использовать результаты исследований как советских, так и югославских историков.

С 1949 г. югославскими историками начата работа над пятитомной «Историей народов Югославии». До настоящего времени выпущено в свет два тома, из которых первый посвящен истории народов Югославии с древнейших времен до XVI в., а второй — с XVI до XVIII в. Таким образом, и в Югославии пока не имеется законченного обобщающего труда по истории народов Социалистической Федеративной Республики Югославии с древнейших времен до наших дней.

[1] Термины «югославянские народы», «югославянские земли» применяются в книге для обозначения народов и земель, входящих в состав современной Югославии. В отличие от этого термины «южнославянские народы», «южнославянские земли» относятся ко всем славянским народам Балканского полуострова и землям, населенным ими.

В «Истории Югославии» предпринята попытка наметить основные этапы социально-экономического развития югославянских народов, показать их многовековую героическую борьбу против иноземного гнета, феодальной и капиталистической эксплуатации. Большое внимание авторский коллектив уделял раскрытию исторических и культурных связей югославянских народов с русским и другими народами СССР.

Недостаток материала и отсутствие предварительных исследований по многим важным вопросам не дают возможности в настоящее время с равной полнотой осветить все важные периоды и вопросы исторического прошлого народов Югославии, в том числе многие вопросы истории самих народных масс. Этим в значительной мере объясняется неравномерность изложения отдельных вопросов в данной книге. Чрезвычайно слабо разработана в частности история культуры. Несмотря на это, авторы и редколлегия считали необходимым в обзорах по истории культуры не ограничиваться изложением вопросов развития литературы и искусства, а дать хотя бы минимум сведений о просвещении, науке.

Некоторые проблемы исторического прошлого югославянских народов вызывают споры и дискуссии в исторической науке, освещаются неодинаково различными исследователями. В относительно небольшой (сравнительно с охватываемым периодом) книге авторы, за малым исключением, не имели возможности дать историографию по отдельным вопросам, охарактеризовать различные взгляды ученых. При изложении спорных или малоизученных вопросов авторы опирались на те материалы и точки зрения, которые казались им более правильными и научно обоснованными.

«История Югославии» издается в двух томах. Первый том посвящен истории народов, входящих в настоящее время в состав СФРЮ, с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Второй том охватывает историю Югославии с Великого Октября и образования в 1918 г. самостоятельного Югославского государства до окончания второй мировой войны и провозглашения ФНРЮ. В дальнейшем Институт славяноведения АН СССР предполагает создать работы по истории СФРЮ в период после второй мировой войны.

Структура настоящего издания определялась в первую очередь принципами периодизации исторического прошлого народов Югославии. Принятая авторским коллективом схема периодизации основана на делении на социально-экономические формации и определенные этапы развития внутри каждой из них. Авторы исходили из общепринятой в советской исторической науке периодизации истории европейских народов, учитывая при этом особенности развития самих югославянских народов.

Исторические судьбы Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии до 1918 г. были различными, а степень общественно-экономического развития этих земель неодинаковой. Это обусловило чрезвычайную сложность разработки общей для всех югославянских земель периодизации в эпоху средневековья и нового времени. Ввиду этого структура первого и второго томов «Истории Югославии» неодинакова. Том первый разбит на шесть частей, соответствующих определенным периодам в социально-экономическом и политическом развитии югославянских народов. Части состоят из отдельных глав по истории различных областей и народов или нескольких из них. Естественно, что хронологические границы между частями не могли быть во всех случаях совершенно одинаковыми. В некоторых главах, исходя из конкретно-исторического материала, делались небольшие хронологические отступления (например, в главе о сербских землях в первой половине XIX в. изложение доведено до 1858 г., а в главе о Македонии в первой половине XIX в. — до 1878 г., и т. д.). В каждой части книги имеется глава по

истории культуры всех югославянских народов. Второй том «Истории Югославии» имеет три части и особую главу, посвященную истории культуры народов Югославии в 1918—1945 гг.

В написании первого тома «Истории Югославии» принимали участие Л. С. Алешина (разделы по истории изобразительного искусства и архитектуры в гл. 7, 14, 21); М. А. Бирман (гл. 38 и 39); А. Г. Бокщанин (гл. 1); Ю. В. Бромлей (часть гл. 2, гл. 4, гл. 12, часть гл. 17, гл. 18—разделы «Борьба хорватского народа против турок в XVI — начале XVII в. Крестьянская война 1573 г.», «Банская Хорватия и Военная Граница в XVII в.»); Н. П. Данилова (гл. 24, 36); И. С. Достян (гл. 5, 8, 9, 11, 15, 16, 19); В. В. Зеленин (гл. 22—разделы «Первое сербское восстание», «Восстановление турецкой власти в Сербии. Второе сербское восстание и образование вассального Сербского княжества (1815—1833 гг.)», гл. 28, 35); В. Г. Карасев (гл. 22 — разделы «Социально-экономическое развитие Сербского княжества в 30 — 50-е годы XIX в.» и «Политическое развитие Сербии в 1833—1858 гг.», гл. 31); Н. И. Кравцов (гл. 7, 14, 21, исключая разделы о изобразительном искусстве и архитектуре, гл. 30, гл. 40—разделы «Просвещение и наука», «Литература»); И.И. Лещиловская (часть гл. 17, гл. 18, раздел «Хорватия, Славония и Военная Граница XVIII в.», гл. 26, 29); С. А. Никитин (часть гл. 2, гл. 6, гл. 10); Л. П. Солнцева (часть раздела «Театр. Музыка. Изобразительное искусство. Архитектура» гл. 40); К. Л. Струкова (гл. 25, 37); В. И. Фрейдзон (гл. 33, 34); Н. И. Хитрова (гл. 23, 32); И. В. Чуркина (гл. 3, 13, 20, 27); И. М. Ямпольский (раздел «Музыка» гл. 40). При написании глав 30 и 40 были использованы материалы, представленные В. И. Фрейдзоном (по истории науки), Н. В. Яворской (по истории изобразительного искусства и архитектуры), В. И. Кудрятовым (архитектура). Иллюстрации подобраны В. И. Фрейдзоном, часть их получена из СФРЮ от Лексикографического института в Загребе и отдельных историков. Карты составлены или подобраны членами авторского коллектива. Научно-вспомогательная и организационная работа по тому проведена И. И. Лещиловской и И. П. Даниловой.

В написании второго тома «Истории Югославии» принимали участие: В. Н. Белановский (гл. 44 и 45; при написании глав были использованы материалы Н. С. Йованович); И. Ф. Бэлза (введение к гл. 48); В. К. Волков (гл. 46); Н. С. Йованович (раздел «Просвещение и печать», «Естествознание и технические науки» в гл. 48); Ю. А. Писарев (гл. 41, 42, 43); Е. И. Рябова и М. Б. Богданов (раздел «Литература» в гл. 48); Г. М. Славин (гл. 47); Л. П. Солнцева (раздел «Театр» в гл. 48); И. А. Хлябич (раздел «Философия» в гл. 48); Л. И. Тапанаева и О. А. Швидковский (разделы «Изобразительное искусство», «Архитектура и градостроительство» в гл. 48); И. М. Ямпольский (раздел «Музыка» в гл. 48); Н. И. Толстой (раздел «Языкознание» в гл. 48).

Научно-вспомогательная и организационная работа по второму тому проведена Т. П. Блиновой, Л. Я. Гибианским и М. М. Сумароковой.

Календарные даты в главах по истории Сербии, Черногории и Македонии в конце XVIII—начале XX в. даны по старому стилю, в главах по истории Хорватии, Словении, Воеводины, Боснии и Герцеговины — по новому стилю, за исключением отдельных случаев, потребовавших двойной датировки.

В конце тома II помещена библиография литературы по истории народов Югославии с древнейших времен до конца второй мировой войны и образования ФНРЮ. Библиография составлена Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы. Составитель Л. П. Лихачева.

Указатели географических названий, имен к первому и второму тому помещены во втором томе.

В период подготовки рукописи «Истории Югославии» к печати текст обоих томов подвергался неоднократному обсуждению и рецензированию.

В декабре 1961 г. по просьбе Института славяноведения АН СССР в Белграде состоялось обсуждение этой рукописи югославскими специалистами при участии группы редакторов и авторов книги. В обсуждении, организованном Союзом обществ историков Югославии, приняли участие ведущие историки всех республик СФРЮ. Обсуждение было весьма полезным и дало ценный материал для доработки рукописи. Кроме того, часть глав рецензировалась отдельными югославскими историками и литературоведами.

В апреле—мае 1962 года доработанная рукопись «Истории Югославии» была дважды обсуждена широким кругом советских специалистов: в Институте славяноведения, где в дискуссии участвовали научные сотрудники ряда Институтов АН СССР, ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, преподаватели МГУ и других вузов Москвы, а также в Институте истории АН УССР, где к обсуждению были привлечены специалисты научных учреждений и вузов Киева, Львова, Харькова, Одессы и Днепропетровска.

Полезные замечания были сообщены авторскому коллективу группой преподавателей Воронежского университета.

Коллектив авторов и редакторы «Истории Югославии», стремившиеся в максимально возможной степени учесть результаты обсуждений и замечания рецензентов, приносят глубокую благодарность всем советским и югославским историкам, филологам, историкам культуры и другим специалистам, взявшим на себя труд ознакомиться с рукописью и высказать по ней замечания и предложения.

Публикуя «Историю Югославии», коллектив Института славяноведения стремится содействовать укреплению советско-югославского научного и культурного сотрудничества, делу дружбы народов Югославии с народами Советского Союза и других социалистических стран.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дославянский период

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ СТРОЙ У ДОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГОСЛАВИИ

В северо-западной части Балканского полуострова, на восточном побережье Адриатического моря и в области среднего течения рек Дунай, Савы, Дравы, Моравы население существовало с глубокой древности. Древнейшими обитателями на территории современной Югославии, как и в других областях Центральной и Южной Европы, были люди неандертальского типа. Свидетельства об их пребывании, относящиеся ко времени за 150—120 тысяч лет до н. э., т. е. к раннему палеолиту, обнаружены археологами в нескольких пунктах Балканского полуострова. Особенно важные раннепалеолитические находки сделаны близ Крапины в Хорватии. Раннепалеолитические люди на территории Югославии изготовляли примитивные кремневые орудия, занимались охотой и собирательством. В последующий — позднепалеолитический период, который на территории Югославии имел место за 120—50 тысячелетий до н. э., неандертальцев сменили более совершенные по своему физическому типу люди. Наряду с каменными они широко использовали костяные орудия. В древнекаменную (палеолитическую) эпоху жильем служили главным образом пещеры. В них селились примитивные орды, составлявшиеся для облавной охоты и защиты от зверей.

Археологам пока не удалось обнаружить следы существования человека на территории Югославии в период за 50—8 тысяч лет до н. э. Эпоха мезолита — переходная от палеолита к неолиту (новокаменному веку) представлена здесь несколькими памятниками, наиболее ранние из них датируются VIII—VII тысячелетием до н. э. Материальная культура этого периода характеризуется совершенствованием техники обработки камня, а также появлением наряду с охотой и собирательством мотыжного земледелия.

В значительно большем числе на территории Югославии сохранились памятники жизни людей эпохи неолита (IV — начало II тысячелетия до н. э.). Остатки поселений данной эпохи обнаружены археологами в Словении, в Далмации, в центральных районах современной Сербии (в долине Моравы и в окрестностях Белграда), в южной части Македонии (в долине р. Вардара и около Битоля). Археологическое изучение следов этих поселений позволило установить, что в эпоху неолита во всех перечисленных пунктах обитало оседлое население, занимавшееся скотоводством и

Археологические находки в Боснии.
IV тысячелетие до н. э.

земледелием, знакомое с гончарным производством.

Жители этих древних поселков возделывали пшеницу, просо, выращивали фиговые деревья, разводили овец, коз, свиней и крупный рогатый скот. В остатках поселений, на берегах реки Дуная найдены глиняные грузила от сетей и зазубренные с обеих сторон костяные гарпуны, выделанные из оленьих рогов, а также наконечники стрел и булавы из обсидиана, позволяющие предполагать, что рыболовство и охота оставались еще весьма важными отраслями хозяйственной деятельности.

В период неолита жилищами людей первоначально были землянки, наполовину врытые в почву, однако с течением времени они уступили место небольшим хижинам, опиравшимся на столбы, к которым были прикреплены стены, сделанные из плетенки, обмазанной глиной с примесью соломы. Обнаружены также остатки низких сводчатых печей, использовавшихся для обжигания глиняной посуды. Во всех исследованных археологами неолитических поселениях найдено большое количество остатков керамических изделий. Наиболее древним типом керамики была глиняная посуда с неровной поверхностью и грубо намеченным примитивным рельефным орнаментом, уступившая с течением времени место черной и красной лощеной керамике, украшенной разнообразными спиральными и врезными орнаментами, а также ручками в виде голов животных.

Среди остатков на некоторых поселениях найдены каменные тесла, а также пряслица и грузики от ткацких станов. Кое-где сохранились следы ям для засыпки зерна, размеры которых позволяют предполагать наличие коллективного ведения хозяйства.

В ряде поселков найдены вылепленные из глины изображения женских и мужских фигурок — объекты домашнего культа и небольшие глиняные макеты тронов и треножников, по-видимому, также имевших культовое значение. Археологические данные указывают на родовую организацию общественного и хозяйственного строя неолитического населения и отсутствие в его среде резкой социальной дифференциации.

Между 1800—1000 гг. до н. э. на территории Югославии наступает эпоха бронзы, которой предшествовал кратковременный переходный период от камня к металлу — энеолит. Люди эпохи бронзы уже строили свои поселения в местах, удобных для обороны, а также сооружали укрепления для защиты своих возросших богатств. В начале I тысячелетия до н. э. на территории Югославии появляются изделия из железа, использовавшегося первоначально для изготовления украшений; окончательное преобладание железных орудий труда и оружия наблюдается на большей части этой территории лишь с IV в. до н. э.

Установлено, что уже в эпоху бронзы на большей части территории Югославии появились различные иллирийские племена; восточные районы этой территории с начала эпохи железа были населены фракийцами, а на севере иллирийцы граничили с паннонскими племенами. Наиболее известны из иллирийских племен карни (близ Альп, вдоль восточной границы Фриульской низменности), норики (в бассейне верховья Дравы), истры (в Истрии), ясы и бревки (в междуречье Савы и Дравы), либурны (в Хорватском Приморье), далматы (в северной части Далмации), доклеаты (в южной Далмации), диседиаты (в средней и восточной Боснии), авторитаты (в северной Герцеговине и юго-западной Боснии), дарданы (в районе водораздела рек Моравы и Вардара). Из фракийских племен на территории Югославии обитали трибаллы и мезы.

Около 400 г. до н. э. на Балканском полуострове появились кельты, переселившиеся сюда первоначально из Галлии, а затем и из Северной Италии. В течение двух веков они распространились на значительную часть полуострова, оседая главным образом вдоль дорог и речных долин. Так, при впадении Савы в Дунай расположилось кельтское племя скордисков, а вдоль верховьев Дравы — тавриски. Подчиняя иллирийцев, кельты нередко сливались с ними, образуя так называемые иллиро-кельтские племена. Наиболее значительным из них было племя яподов, которое занимало территорию, простиравшуюся от Словении до Боснии. Вместе с тем появление кельтов на Балканах привело к перемещению иллирийских и фракийских племен. Однако основную массу населения на территории Югославии и после кельтского вторжения продолжали составлять иллирийцы.

В начале IV в. до н. э. на территории Югославии стали возникать греческие колонии. Такие колонии были основаны как на островах, разбросанных вдоль Далматинского побережья, так и на самом побережье. Наиболее крупными из них были Исса на острове Вис, Фарос на острове Хвар, Коркира Мелайна на острове Корчула, Трагурион (совр. Трогир), Салона (совр. Солин), Эпидавр (совр. Цавтат).

Взаимоотношения с греческими колонистами ускорили процесс экономической и социальной дифференциации в среде иллирийских племен, начавшийся у них в эпоху бронзы. Торговые и культурные связи, а в иных случаях враждебные столкновения греческих колонистов с иллирийцами и кельтами способствовали усилению у последних общественного значения племенной аристократии и военных вождей. Те же результаты имели и войны между иллирийцами и кельтами, а также между иллирийцами и граничившими с ними с востока фракийцами и македонянами. Постепенно в разных местах иллирийской территории стали складываться союзы племен, возглавлявшиеся военными вождями.

Появление племенной знати и военных вождей с их дружинами повлекло за собой возникновение домашнего рабства, организацию грабительских экспедиций — набегов, совершавшихся иллирийцами с целью захвата добычи и пленных. Начались войны как между иллирийскими племенами, так и с их соседями, населявшими Балканский полуостров и восточное побережье Италии.

Конечный результат этих межплеменных войн и набегов описал греческий географ Страбон, указавший, что иллирийцы: «...вначале сами себя ослабляя в междоусобицах, впоследствии были уничтожены македонянами и римлянами».

Одним из первых крупных военных столкновений была война между иллирийцами и македонским царем Филиппом II, вспыхнувшая в начале 350-х годов до н. э. Иллирийский военный вождь Бардилис, объединивший под своим руководством племена, жившие к западу от Лихнидского (Охридского) озера, организовал вместе со своим сыном Клитом ряд набегов на пограничные районы Македонии и даже попытался утвердиться на захваченных землях. В 358 г. до н. э. Филипп II лично выступил с македонским войском против Бардилиса и после жестокого боя заставил его уйти из пределов Македонии. Несколько позже македонская армия, руководимая Филиппом II, вторглась в Иллирию. Опустошив область дарданов и соседних с ними племен, македонский царь заставил их признать свое господство.

Однако после смерти Филиппа II, в 336 г. до н. э. сын Бардилиса Клит захватил пограничный городок Пелион. В связи с этим наследовавший Филиппу II Александр Македонский предпринял большой поход в центральные и северо-западные области Балканского полуострова.

Македонская армия, перейдя через Балканский хребет, спустилась в долину Дуная, где нанесла жестокое поражение обитавшим здесь трибаллам. Совершив после этого короткий набег на область гетов, живших к северу от Дуная, Александр повернул свои войска на запад, против кельтских племен, которые признали зависимость от македонского царя. После этого он напал на иллирийские племена. Пройдя через земли племени агриан, вождь которых Лангорий вступил с ними в союз, Александр продвинулся к Пелиону, занятому Клитом. Однако на помощь Клиту вскоре подошел с сильным войском вождь другого иллирийского племени. Это обстоятельство, а также политические осложнения в Греции заставили Александра отказаться от продолжения похода и возвратиться на юг.

В конце IV и начале III в. до н. э., когда Александр Македонский совершал восточные походы, а наследовавшие ему диадохи и эпигоны вели ожесточенную борьбу за раздел и передел его владений, иллирийцы полностью восстановили свою политическую независимость.

К середине III в. до н. э. в центральной части восточного побережья Адриатики сложилось сильное политическое объединение иллирийских племен во главе с Агроном, правителем города Скодра (Скадар), расположенного на обрывистой горе над озером того же названия. Агрон построил военно-морской флот, состоявший из мелких боевых кораблей — либурн. Иллирийские эскадры стали контролировать мореходство в северной и северо-восточной частях Адриатического моря и предпринимать опустошительные набеги как на берега западных областей Греции, так и на восточное побережье Италии. Ряд греческих городов, расположенных на восточном побережье Адриатики и островах (Аполлония, Эпидамн, Керкира и другие) оказались в зависимости от правителя Скодры, а македонский царь Деметрий II искал с ним союза для борьбы со своими противниками в западных областях Греции.

В течение III в. до н. э. значительно усилилось и союзное племенное объединение дарданов. Они неоднократно успешно вели борьбу с Македонией, а в 229 г. до н. э. им удалось разбить македонское войско, руководимое царем Деметрием II. Но процесс консолидации иллирийских племен был прерван в результате наступления на Иллирию с запада нового мощного противника — римлян.

Неоднократные набеги иллирийских либурн на восточное побережье Италии, с середины III в. до н. э. уже полностью зависимое от Римской

республики, заставили римский сенат обратить внимание на жалобы своих союзников.

Весной 229 г. до н. э. большой римский флот с сильным десантным войском под командой консулов появился у захваченной иллирийцами Керкиры и овладел ею. Двинувшись на север вдоль восточного побережья Адриатического моря, римляне вытеснили иллирийцев из городов Аполлонии и Эпидамна, население которых оказало им энергичную поддержку. Разбив в нескольких столкновениях эскадры либурн, римляне приблизились к району Иссы и продиктовали правительнице Скодры Тевте суровые условия мира. Ее государство ограничивалось первоначальными пределами. Иллирийским либурнам запрещалось выходить в море числом более двух. Если на иллирийских кораблях были вооруженные люди, то им разрешалось плыть на юг только до Лиссы (современный албанский порт Лежа). Правители Скодры признали себя зависимыми союзниками Рима и обязались выплачивать ему ежегодную дань. Греческие города, освобожденные от иллирийского господства, были объявлены римскими союзниками.

Для укрепления своего господства на крайнем северо-востоке Италии римляне основали там колонию — крепость Аквилею («Водяной город»), сделавшуюся основной базой для ведения римлянами наступательных войн в северо-западной части Балканского полуострова. В 178—177 гг. до н. э., опираясь на Аквилею, римские войска вторглись на полуостров Истрию и, разгромив укрепленные селения, установили свое господство над местными племенами.

Во время войны римлян с македонским царем Персеем (171—168 гг. до н. э.) правитель Скодры Гентий попытался освободиться от Рима и заключил союз с Македонией. После разгрома македонской армии в битве при Пидне, римские войска были двинуты на владения Гентия. В течение 30 дней его войско и флот были разбиты, Скодра взята, а ее правитель, попавший в плен к римлянам, был продемонстрирован в качестве живого трофея во время триумфа Эмилия Павла (168 г. до н. э.).

Разделив земли иллирийцев, находящихся под властью Гентия, на три «независимых» государства, римляне выделили из их состава еще ряд городских общин. Все население этих государств и городов было обложено данью в пользу Рима, а корабли иллирийцев были полностью уничтожены под предлогом борьбы с пиратством.

В 155 г. до н. э. римляне обрушились на племенной союз далматов и поставили их под свое управление. К середине II в. до н. э. римские рабовладельцы господствовали на большей части северо-восточного побережья Адриатического моря, сделав его население источником пополнения массы рабов.

Жестокости римских магистратов и публиканов, собиравших налоги, неоднократно вызывали антиримские восстания. В 77—75 гг. до н. э. восстание в Далмации свирепо подавлял пропретор Гай Косконий, прошедший страну с «огнем и мечом» и взявший штурмом крепость Салону. В 74—72 гг. до н. э. другой римский военачальник после напряженной борьбы разгромил дарданов и вышел на берега среднего течения Дуная. Однако в конце 60-х годов I в. до н. э. далматы, воспользовавшись уходом войск Юлия Цезаря на подавление восстания галлов, вновь выступили против римлян. Они захватили город Премону, не выполнили требования Юлия Цезаря оставить ее и разбили посланную против них карательную армию.

Во время гражданской войны в Риме, происходившей в начале 40-х годов между сторонниками Цезаря и Помпея, иллирийцы поддерживали помпеянцев. В 46 г. до н. э. они разбили армию одного из легатов Юлия Цезаря Авла Габиния, пытавшегося проникнуть в их горные районы.

поставили тем самым под угрозу сохранение римского владычества в городах на побережье Адриатики — Салоне и Эпидавре. Только отступление флота сторонников Помпея из Адриатического моря заставило иллирийцев отойти в горные крепости.

Тяжелая ожесточенная война с далматами и другими иллирийскими племенами велась военачальниками Цезаря до самой его смерти (44 г. до н. э.) и продолжалась при следующем триумвирате.

После ряда неудачных для Рима экспедиций в 34 г. до н. э. в Иллирию вторглась большая армия, возглавлявшаяся Гаем Цезарем Октавианом. Преодолевая отчаянное сопротивление местного населения, героически защищавшего свои укрепленные селения, римляне полностью подчинили себе мелкие племена в северной части восточного берега Адриатического моря. В следующем году римские войска, перевалив через горы, вторглись в населенную паннонцами долину реки Савы и овладели одним из крупных укрепленных центров этой местности — городом Сискией (Сисак). В течение 33—32 гг. до н. э. были окончательно подчинены остальные группы далматинцев. Вслед за тем Август поселил во вновь покоренных местностях римских колонистов и даровал права муниципиев ряду городов на побережье Адриатического моря: Тергесту (современный Триест), Поле (современная Пула), Ядеру (современный Задар) и Салоне (около современного Сплита).

В последующие годы наступательные операции в Иллирии и Паннонии были временно прекращены и возобновились только в 16—15 гг. до н. э., когда Август, будучи уже единоличным правителем империи, решил продвинуть границы римских владений до Дуная.

Для закрепления своей власти в завоеванных землях паннонских, иллирийских и кельто-иллирийских племен Август создал особую провинцию Иллирик, в которой расквартировал большие военные силы. Два легиона были поставлены в Далмации, а два других — на покоренных окончательно в 15 г. до н. э. землях Паннонии. Административным центром вновь образованной провинции стал город Сиския на реке Саве. Притеснения и жестокости римской администрации заставили паннонцев и далматинцев в 12—11 гг. до н. э. вновь взяться за оружие. Это восстание было жестоко усмирено пасынком Августа Тиберием. Взятых в плен повстанцев продали в рабство, у оставшегося населения было отобрано оружие; в некоторых местах римляне отрубали мужчинам и юношам восставших племен кисть правой руки, чтобы те не могли держать меча. Погромы и сожжение ряда населенных пунктов дополнили меры по восстановлению в Иллирике «римского мира».

Однако эти жестокие меры не уничтожили стремления к освобождению среди населения Паннонии и Далмации. В 6 г. н. э. паннонцы и далматинцы вновь поднялись против своих угнетателей. Восстание охватило все области от Дуная до границ Македонии и Италии. Во главе его стояли вожди племени диседиатов Батон и вожди бревков Батон и Пипп. В течение двух с лишним лет (6—9 гг. н. э.) восставшие не только успешно отражали наступление римских армий, но даже атаковали римскую крепость на Саве Сирмиум и вторглись в Македонию. Небольшие отряды их подошли к границам Северной Италии, вызвав панику в самом Риме.

Римский историк Светоний сообщает, что для подавления восстания в Иллирике пришлось сосредоточить армию в 15 легионов и большое количество фракийских вспомогательных войск. Тем не менее восставшие опустошили римские поселения на Адриатическом побережье и нанесли ряд поражений отдельным римским отрядам. Ввиду опасности, угрожавшей самой Италии, в Риме были призваны под знамена ветераны и проведены новые специальные наборы. Но даже появление новых легионов в Иллирике не сразу отразилось на ходе военных действий. Продолжая

Античные находки на территории Югославии

Сверху: изображение почтальона на надгробии.
Внизу: пляска нимф и Пана. Рельеф. Национальный музей в Белграде

53

героически сопротивляться, восставшие не раз ставили римские войска в тяжелое положение. Только голод, вызванный опустошениями, произведенными римлянами, и начавшиеся вследствие него эпидемии помогли, наконец, римлянам добиться победы. Им удалось подкупить вождя бревков Батона, предавшего своего товарища Пинна. Однако диседиат Батон расправился с предателем. Но вскоре, осажденный в крепости Андетриум, он вынужден был сдаться.

Даже некоторое время после этих событий восставшие продолжали сопротивление. Дион Кассий сообщает, что в некоторых городах «женщины против воли мужей, боясь рабства, настаивали на сопротивлении», а когда римляне врывались на укрепления «...женщины, схватив детей, бросались в пламя или с утесов в реку».

В 9 г. н. э. подавление восстания было завершено. В связи с этим центр военно-административного управления Иллирии и Паннонии был перенесен в построенную на среднем течении Дравы крепость Петовио (Птуй), ставшую основным звеном цепи пограничных укреплений, воздвигнутых вдоль границы. Была создана и сеть военных дорог. Важнейшие из них — дорога из Аквилеи через Петовио до Сирмиума и далее к Наиссусу (Ниш), и из Эпидамна или, как называли его римляне, Диррахия до Лохнита (Охрид) и далее на юго-восток через Фессалонику, вдоль северного побережья Эгейского моря до Византия. Второй из этих путей получил название Via Egnatia (дорога Эгнация). Вдоль путей были построены укрепленные постоялые дворы, с течением времени превратившиеся в поселки и городки. Движение здесь было относительно оживленным, так как эти дороги соединяли Рим и Италию с восточными провинциями империи.

В I—II вв. н. э. Иллирик, разделенный с течением времени на ряд более мелких провинций (Далмация, Верхняя и Нижняя Паннонии, Дардания), был одним из наиболее спокойных районов Римской империи.

На побережье Адриатического моря, в Истрии, на землях захваченных римскими колонистами, появились большие оливковые насаждения. Из горных районов Далмации через порты на Адриатическом побережье вывозился в Италию в значительном количестве строевой лес и скот, многочисленные стада которого паслись на горных пастбищах.

К концу I и началу II в. на горных склонах Далмации были разбиты виноградники, а в долинах притоков Дуная стало развиваться землепашество. В обеих Паннониях среди земледельческих культур преобладали зерновые. Важное значение для римлян вскоре приобрели в Иллирике рудники, в которых добывались золото, серебро, медь. Паннонские города Петовио, Спрмиум, Сингидунум и другие сделались торговыми центрами, в которых встречались римские купцы и жители «варварских» задунайских стран. Римляне вывозили за пределы империи вино, украшения, стеклянные сосуды, изделия из металла и ткани, получая взамен меха, кожи, а самое главное — «живой товар» (рабов).

Дальнейшее развитие получила колонизация римлянами Далмации и Паннонии. Часть земель была объявлена собственностью императорской семьи и представителей римской знати. На других землях поселялись римские ветераны или их семьи и италийские колонисты. В городах появились переселившиеся из Италии ремесленники и торговцы. В крупные населенные пункты превратились и места, где стояли римские гарнизоны, обраставшие поселениями ремесленников, торговцев, семей воинов и других лиц, так или иначе связанных с войсками.

Вследствие этого именно данные районы и сделались центрами романизации. Особенно рано и быстро, ко второй половине I в. н. э., романизация сделала большие успехи в Истрии и на Далматинском побережье. Позднее, к концу II в. н. э. романизировалось и население больших городов в долинах Савы, Дравы, Дуная и Моравы. Важнейшими центрами

Амфитеатр в Пуле

скопления романизированного населения сделались Эмона (Любляна), Мурса (Осиек), Сиския, Петовио, Сингидунум, Сирмиум и Наиссус. Население этих городов, как и романизованное население приморских городов Адриатики, усвоило римский быт и нравы.

Как свидетельствуют археологические раскопки, большинство городов римского времени имело мостовые, сложенные из больших каменных плит неправильной формы. В некоторых городах сохранились остатки водопроводов — «акведуков», по которым вода из горных источников подавалась в городские бассейны. Обнаружены и остатки общественных бань — «терм», обширных крытых рынков, храмов и святилищ различных божеств, театров и амфитеатров. На окраинах древних городов, подле их стен и вдоль дорог, ведших к городским воротам, найдены кладбища — некрополи [1], памятники которых, зачастую с надписями, дают представление о составе, занятиях и материальном положении различных слоев городского населения. Дома не только городской знати, но и менее состоятельных обитателей городов строились из камня и обыкновенно имели по нескольку жилых и хозяйственных помещений. Среди развалин домов богатых горожан были найдены остатки штукатурки со следами стенной

[1] Некрополь — по-гречески «мертвый город».

росписи, полы, выложенные мозаикой, составлявшей красочные орнаменты, или целые картины. Сохранились также фрагменты скульптурных карнизов, дверные запоры, бронзовые ключи и т. д. Найдено большое количество разнообразной посуды: глиняной, металлической и даже стеклянной. Интересные находки представляют собой железные ошейники для животных и рабов, ножные цепи, в которые заковывались пытавшиеся бежать или непокорные рабы, бронзовые и глиняные светильники, инструменты ремесленников. Из предметов, украшавших одежду, нужно отметить различные, иногда золотые и серебряные пряжки, костяные шпильки, ожерелья из цветных камешков, золота и перламутра, кольца со вставленными в них самоцветными камнями или же перстни-печатки.

Кроме того, в развалинах храмов и общественных зданий обнаружено большое количество скульптур, изображавших божества олимпийского пантеона, портретных скульптур римских императоров, местных общественных деятелей и просто состоятельных горожан. Имелись также и рельефные изображения. На одном из них, найденном в развалинах древнего Диррахия, запечатлен бой гладиаторов. Это интереснейшее художественное произведение. Распространение типичных для Рима зрелищ (бои гладиаторов и травля зверей) явилось характерной чертой быта и иллирийско-паннонских областей. Ярким памятником этого является сохранившийся до настоящих дней амфитеатр в городе Пуле.

Благодаря развитию торговли и вследствие того, что в римских войсках, расквартированных в Иллирии и Паннонии, служили воины из различных частей империи, в том числе и многочисленные уроженцы восточных провинций, в города этих провинций проникли различные религиозные культы, в частности культ восточного солнечного божества Митры (особенно это относится к Паннонии).

Однако местное население, оттесненное в горы, в известной мере сохраняло свою самобытность. Оно продолжало жить племенами, во главе которых стояли вожди, в большинстве получившие права римского гражданства. Некоторые из племенных вождей и старейшин, переселившихся в романизованные городские центры, постепенно превращались в крупных магнатов — владельцев земли и рабов.

Наоборот, масса рядовых представителей иллирийских и паннонских племен была вынуждена искать заработка, нанимаясь поденщиками на работу в хозяйствах римских колонистов, или превращалась в наследственных арендаторов — колонов, живших на землях, присвоенных римской знатью и романизованными представителями местной племенной аристократии.

Уже с середины I в. н. э. иллирийцев вновь начали набирать в римскую армию. Сначала они служили в союзных когортах, а позднее (с начала II в. н. э.) и в легионах. По своим боевым качествам иллирийские воины считались одними из лучших. Во II в. н. э. представители романизованной знати из иллирийских провинций появились на высших военных постах в римской армии, а также в числе римских сенаторов.

В I—II вв. н. э. иллирийские провинции, хотя иногда и оказывались местом тех или иных военно-политических событий (мятеж паннонских легионов в 14 г. н. э., попытка восстания для восстановления республики Камилла Скрибониана в 42 г. н. э., участие дунайских легионов в гражданской войне в 68—69 гг. н. э., набеги язигов, войны с даками в конце I и начале II в. н. э.), однако эти события не отразились сколько-нибудь серьезно на их экономическом и социальном развитии. В конце II и в III в. н. э., в период маркоманских войн и особенно во время массовых вторжений «варварских» племен (середина III в. н. э.) эти провинции, особенно придунайские районы и Дардания, подверглись жестоким опустошениям.

Внутренняя галерея дворца Диоклетиана в Сплите

Между тем Римская империя в III в. н. э. переживала острый кризис, вызванный разложением рабовладельческой системы хозяйства. Углубление в этих условиях внутренних противоречий, а также усиление внешней опасности со стороны «варваров» привели к росту роли армии и ее предводителей. Уже с середины III в. отдельные военные предводители с помощью своих войск добиваются императорской власти. Во второй половине III в. римскими императорами неоднократно становятся выходцы из Иллирика: уроженцы Паннонии Деций, позднее Проб и Максимилиан; Дардании — Клавдий II и Констанций Хлор; Далмации — Диоклетиан. Именно военно-политическим деятелям из среды романизованного населения Иллирика удалось на время предотвратить распад Римской империи и восстановить ее могущество.

Клавдий II и Проб изгнали за Дунай вестготов и другие варварские племена, вторгшиеся в центральную часть Балканского полуострова. Диоклетиан (284—305 гг. н. э.) создал новую систему управления и выделил часть иллирийских провинций в особый административный район — Иллирийскую префектуру, куда вошла Дардания. Обе Паннонии (Верхняя и Нижняя) вместе с северной частью Далмации образовали Паннонский диоцез, входивший в Италийскую префектуру. Вскоре после утверждения на императорском троне Диоклетиан избрал себе соправителя — паннонца Максимилиана. Это было вызвано тем, что вследствие резкого обострения социальных противоречий и частых восстаний, охватывавших различные области обширной территории империи, одному монарху было не под силу следить за всеми событиями ее внутренней и внешнеполитической жизни. Отдав Максимилиану в управление западную часть империи,

Диоклетиан оставил себе ее восточную часть. Тем самым было положено начало фактическому разделению Римской империи на Западную и Восточную. Позднее Диоклетиан, лишившись власти, поселился в Далмации, где в окрестностях Салоны на месте современного Сплита построил великолепный дворец, в котором и провел последние годы жизни (305—308 гг. н. э.). Величественные остатки этого дворца сохранились до наших дней.

Создание крупных латифундий, распространение колоната и ухудшение положения колонов, прикреплявшихся к земле, а также новая система податного обложения, введенная в Римской империи при Диоклетиане и Константине, — все это тяжело отразилось на экономической и социальной жизни населения Иллирика. Но все же местное сельское население еще сохраняло остатки свободы до 371 г. н. э., когда оно было окончательно закреплено на своих землях согласно эдикту императоров Валентиниана и Валента. Этот эдикт был толчком для участия иллирийских колонов в грандиозном восстании против императорской администрации, поднятого вестготами, которые в 376 г. поселились в провинции Мезии (к югу от Нижнего Дуная). Разрешая им здесь поселиться, римское правительство рассчитывало использовать вестготов для борьбы против других «варваров» и обещало всяческие льготы. Однако уже вскоре римляне начали обращать их в рабство.

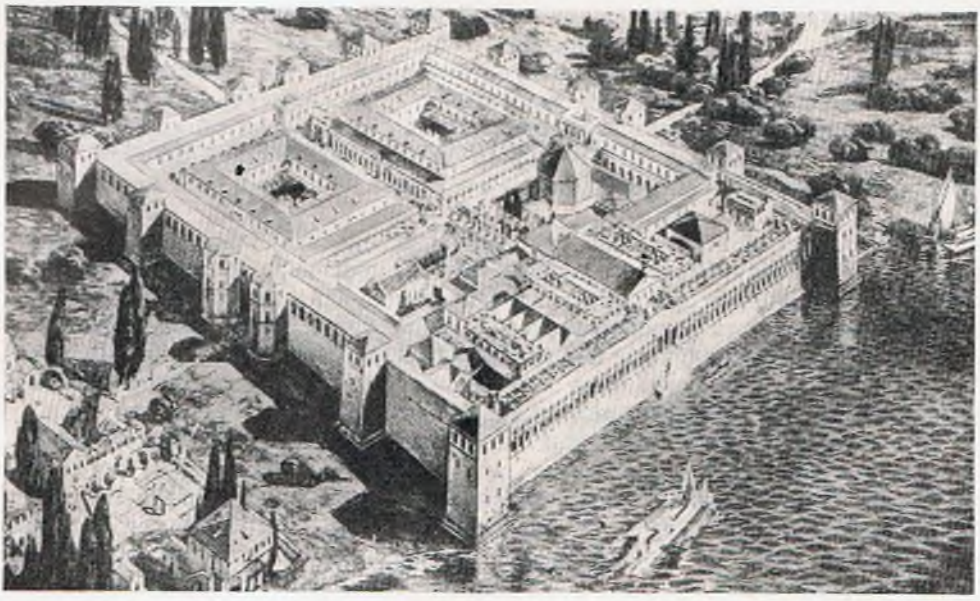
В 378 г. в битве при Адрианополе восставшие уничтожили большую часть римской армии, после чего восстание стало быстро распространяться на западные области Балканского полуострова. Только в 382 г. римскому полководцу Феодосию, ставшему впоследствии императором, удалось нанести им поражение. Однако Феодосий был вынужден разрешить вестготам поселиться на опустошенных в предшествующие годы землях придунайских провинций.

В 395 г. произошло окончательное разделение Римской империи на две части, отданные Феодосием в управление двум его сыновьям: Гонорию (западную часть) и Аркадию (восточную). Граница между Западной Римской империей и Восточной Римской империей (Византией) проходила по территории современной Югославии, от Будвы к верховью Дрины, затем вдоль Дрины до ее впадения в Саву и далее по течению Савы к Дунаю. Разделение имело в дальнейшем важные последствия для судеб народов, населявших эту территорию: одни из них оказались преимущественно в сфере западного культурного и политического влияния, другие — в сфере влияния Византии.

Политическо-административное разделение Иллирика было закреплено борьбой за сферы влияния различных, конкурировавших между собою групп христианского клира[1].

Христианство проникло в иллирийские провинции Римской империи только в III столетии н. э., но уже к началу IV в. н. э., невзирая на жестокие преследования христианских общин при Диоклетиане, получило здесь широкое распространение. Как проповедники, так и руководители первых христианских общин (пресвитеры, епископы) в большинстве своем приходили в Паннонию из Италии. Они вели богослужение на латинском языке, в то время как в южной Далмации, Мезии и Дардании языком христианского клира и богослужений сделался греческий. Уже в IV столетии противоречия и споры между западным и восточным христианским клиром приняли такие острые формы, что для примирения пришлось собирать съезды (соборы) руководителей общин — епископов и другого духовенства в Сердике (София) в 343 г. н. э. и в Сирмиуме в 351 г. н. э.

[1] Клир—от греческого слова «κλῆρος» — место, русское произношение «клирос». В переносном смысле собрание лиц, ведущих богослужение.



Дворец Диоклетиана.
(Реконструкция)

Из среды уроженцев Паннонии вышли видные деятели христианской церкви. Наиболее известен из них воин Мартин (Мартин Турский), сделавшийся одним из основателей монашества на западе и закончивший жизнь в 400 г. н. э., будучи наиболее авторитетным из епископов Галлии (в городе Туроне). Еще большее значение имела деятельность уроженца паннонского города Стридона Иеронима (умер в 420 г. н. э.). Он получил превосходное классическое образование в Риме, совершал путешествия по различным частям Римской империи. Иероним написал ряд сочинений и выполнил большую работу по переводу библейской литературы на латинский язык. Библия в его переводе (так называемая Vulgata) на многие столетия сделалась основной частью богослужебной литературы римско-католической церкви.

Если восточная часть империи — Византия — сохраняла самостоятельность в течение более одного тысячелетия, то Западная Римская империя уже вскоре погибла под натиском «варваров».

Вскоре после разделения империи против римского владычества вновь подняли восстание вестготы, вождь которых Аларих, используя противоречия между правителями Восточной и Западной империй, сначала жестоко опустошил южную часть Далмации, Македонию и Грецию (406—407 гг. н. э.), а после этого (408 г. н. э.) вторгся в Италию. 24 августа 410 г. вестготы с помощью рабов, открывших им ворота, овладели Римом и жестоко разграбили древнюю столицу. Однако после ряда столкновений с римскими войсками они были вынуждены поселиться в южной Галлии.

В середине V в. владения Западной и Восточной империй на Балканском полуострове подверглись опустошительному вторжению полчищ кочевников-гуннов, занявших еще в начале этого столетия Паннонию. В 441 г. гунны под предводительством Аттилы, разрушив пограничные укрепления и уничтожив их гарнизоны, разорили иллирийские города от Сирмиума до Наиссуса, а затем во время похода в Италию (452 г.) — ряд городов в западной части Балканского полуострова (Петовио, Целию,

Эмону и другие). Десятки тысяч людей из романизованного городского населения были захвачены гуннами в плен. Впоследствии часть из них гунны отпустили за огромный выкуп, большинство же было вынуждено служить кочевникам своими знаниями. В 453 г. после смерти Аттилы гунны были изгнаны из Паннонии остготами. Кроме них, через западную часть иллирийских земель в V в. проходили другие германские племена, а в междуречье нижней Савы и Дуная — в Среме — вскоре поселились гепиды.

Если Византия в середине V в. еще удерживала большинство своих владений в восточной части Балканского полуострова, то власть Западной Римской империи в Паннонии и Далмации была лишь номинальной. Измученное режимом позднеимперского управления население не могло и не хотело сопротивляться новым вторжениям. Вместе с тем во второй половине V в. в Норике и в не занятых остготами районах Паннонского диоцеза широкое распространение получило движение угнетенного сельского населения — так называемых скамаров, громивших крупные усадьбы.

После того как остготы завоевали Италию (493 г.) и создали там свое государство, в их руках оказалась также Далмация, южная часть Норика и Паннонии, откуда в 507 г. они изгнали гепидов. Остготы владели этой территорией вплоть до середины VI в., когда Византии удалось одержать над ними решающую победу. В результате Восточная Римская империя установила свою власть над большей частью территории современной Югославии. Лишь Срем оставался в руках гепидов, которые вновь овладели им в 540 г., а Паннония — у лангобардов, захвативших ее в 546 г. Многочисленные вторжения «варваров» привели к запустению и хозяйственному упадку бо́льшую часть Балканского полуострова, который к этому времени все чаще начинает подвергаться нападениям аваров и славян.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Югославянские земли в период становления феодальных отношений в VII—XI вв.

ГЛАВА 2

ЗАСЕЛЕНИЕ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА СЛАВЯНАМИ И ИХ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ В VII—VIII ВВ.

Славяне к началу нашей эры занимали огромную территорию в Центральной и Восточной Европе к северу от Карпатских гор и между бассейном Вислы и средним Поднепровьем. Они соприкасались в разное время с кельтами, готами, фракийскими, сарматскими и другими многочисленными племенами, — частично поглощая их, частично растворяясь в их среде. Первые достоверные свидетельства письменных источников о славянах относятся к I и II вв. н. э. Они называют их венедами и указывают, что венеды — славяне — были многочисленным народом, жившим на Висле, близ Балтийского моря, за Карпатами. Однако до VI в. сведения о славянах скудны и отрывочны, потому что ни римляне, ни греки не соприкасались с ними и не знали их близко. Так, писатель конца I—начала II в. н. э. Тацит затруднялся в решении вопроса, принадлежат ли славяне к германцам или к сарматам. Только в начале VI в., когда славяне стали нападать на византийские владения, в свидетельствах историков появились более обстоятельные и подробные сообщения о них.

В это время славяне были известны современникам под общими именами склавинов и антов. Склавины занимали территорию к западу от Днестра. Анты, располагаясь главным образом на восток от него, частично проникали и в области расселения склавинов. Славянские поселения в этом районе к VI в. значительно распространились на юг и пододвинулись уже к нижнему Дунаю.

Славяне жили в различных географических условиях. На территории, населенной ими, были горы, а также равнины, пересекаемые реками и частично занятые болотами. «Вместо городов (т. е. укреплений. — *Ред.*) у них болота и леса», — писал готский историк VI в. Иордан. Его сведения подтверждает византийский автор конца VI—начала VII в. Псевдо-Маврикий. Поселки, расположенные в защищенных местах, имели несколько выходов на случай опасности.

Славяне были земледельцами. Им были известны железные сельскохозяйственные орудия: серпы, сошники. Просо и ячмень являлись основными сельскохозяйственными культурами славян. Зерно они хранили в ямах, вырытых в земле. Наряду с земледелием славяне занимались скотоводством. Они имели лошадей, коров, свиней, овец. Реки и озера

Славянские ральники (сошники)

обеспечивали их рыбой; обилие птиц и зверей в лесах благоприятствовало успешной охоте.

Славяне умели обрабатывать металлы, в частности железо. То обстоятельство, что такие слова, как секира, тесло, долото, нож являются общими для всех славян, свидетельствует, что еще до переселения на Балканский полуостров им, несомненно, хорошо были известны эти инструменты. Существовало у славян в это время также производство бронзовых украшений с эмалью. Изготовляли они и глиняную посуду, применяя гончарный круг. Женщины пряли, пользуясь при этом веретеном с пряслицем, ткали, шили иглой одежду из тканей и мехов. Широко развита была у славян обработка дерева для разных поделок. В византийских источниках часто упоминается использование ими выдолбленных из ствола дерева лодок.

В войнах славяне выработали свои приемы борьбы, соответствовавшие их вооружению. Основную массу славянских воинов составляла пехота. Бойцы не защищали себя панцирями, сражались со щитами и дротиками в руках, употребляли луки и стрелы, смазанные ядом. Они стремились принять бой в местности, дающей естественное укрытие от оружия врага, и искусно действовали под защитой деревьев, скал, на обрывах, часто прибегали к обману противника ложным отступлением. На утлых лодках-однодеревках они отважно переправлялись даже через большие реки и озера.

Религия славян состояла в поклонении богу — творцу молний — Перуну, память о котором до сих пор хранят такие географические названия Балканского полуострова, как Перун, Перунпй верх, Перунья весь и др., встречающиеся от Истрии и Словении до Македонии. Вероятно, они отмечают места культа Перуна. О вере в Перуна говорят некоторые крестьянские обряды, а также названия растений. Славяне признавали и другие божества, поклонялись духам рек и другим силам природы. Они приносили богам жертвы, верили, что гаданиями можно узнать их волю и определить будущее.

Общественный строй склавинов и антов византийские писатели считали примитивным. Тем не менее картина общественного устройства, нарисованная ими, свидетельствует об уже происходившем распаде первобытнообщинных отношений. Основой социальной жизни была большая семья, известная и из более поздних южнославянских источников, а в научной литературе обозначаемая термином задруга. В состав задруги входили родственники: родители, их дети, внуки. Они совместно жили и вели хозяйство сообща. Главой задруги был родоначальник — домачин. Жившие поблизости задруги объединялись в роды (братства), члены которых считались родственниками и не вступали друг с другом в брак. Род возглавлялся старейшиной. Несколько родов составляли племя. Во главе племен стояли вожди; греки их называли архонтами, в сочинениях на латинском языке они именуются королями. Древнейшее славянское название вождя: владыка, челник (от «чело»), начелник. Византийские авторы (Прокопий, Менандр, Псевдо-Маврикий и др.), отмечая наличие у славян многих предводителей, говорят, что некоторые из них пользовались большим влиянием и в соседних племенах. Подчеркивая отсутствие согласия между славянскими племенами, эти писатели вместе с тем рассказывают о совещаниях, происходивших между вождями сла-

вянских племен. Известно также о союзах племен, создававшихся главным образом для военных целей. Их образованию византийская дипломатия стремилась помешать, привлекая на свою сторону некоторые из племен, организуя нападения на других.

Длительные войны с соседями, особенно с Византией, способствовали усилению власти племенных вождей, обогащению их и родовых старейшин. Византийские источники отмечают сосредоточение денег и ценностей в руках славянской знати. Богатство способствовало укреплению власти вождей и росту влияния знатных лиц. Обогащалась знать и благодаря получению выкупа за пленных. Славяне, захватывавшие много пленных, не обращали их в пожизненное рабство. Продержав плененного известный срок, ему предлагали выбор: остаться среди славян в качестве свободного человека или, уплатив выкуп, возвратиться на родину.

Усиление роли вождей, появление народных собраний — все это свидетельствует о развитии строя военной демократии, знаменующего наступление последней стадии первобытнообщинных отношений.

Стремление племенных вождей и их окружения обогатиться за счет военной добычи, а также невозможность просуществовать на старой территории при возросшем населении и тогдашнем уровне производительных сил, сделали войну обыденным занятием славян, как и других племен, находившихся на стадии военной демократии.

Передвижение славянских племен представляло часть происходившего в первой половине и середине I тысячелетия н. э. так называемого великого переселения народов. Наиболее крупным перемещением славян было их распространение из-за Карпат, в область нижнего течения Дуная, в Паннонию и прилегающие районы, а затем за Дунай — на Балканский полуостров. Это распространение славян на юг находилось в тесной связи с передвижениями других народов.

Еще в конце IV и в V в. многие славянские племена были затронуты гуннским вторжением в Европу и последовавшим за ним передвижением гепидов и готов. Эти события, несомненно, ускорили процесс передвижения славян на юг, начавшийся, видимо, еще в первые века н. э. В источниках середины V в. славянские племена отмечены в Паннонии и на левобережье Дуная. Свидетельства византийца Приска, ездившего в 448 г. в качестве посла в лагерь гуннского вождя Аттилы и описавшего обычаи народа, жившего в Паннонии, многими исследователями не без основания толкуются, как относящиеся к славянам. Движение славян было, вероятно, неравномерным во времени: более слабым вначале, широким и массовым после падения гуннской державы.

Продвигаясь на юг, славяне пришли в столкновение с Восточной Римской империей (Византией), владевшей Балканским полуостровом. Первоначально славяне, видимо, лишь участвовали в нападениях на Византию других народов, но уже с первой четверти VI в. они начали действовать и самостоятельно. В конце 20-х годов VI в. большое антское войско перешло Дунай, но потерпело поражение. В 30-е годы VI в. византийские войска под командой Хильбудия три года успешно отражали нападения славян и, переходя Дунай, неоднократно опустошали населенные славянами земли. После гибели Хильбудия (533 г.) набеги славян на правый берег вновь возобновились.

Усиление славянских вторжений было для Восточной Римской империи, уже давно переживавшей внутренний кризис, тем более ощутимым, что в середине VI в. ее основное внимание было сосредоточено на военных действиях далеко за пределами Балканского полуострова. Византия вела в это время войны: в Африке против вандалов, в Испании против вестготов и в Италии против остготов, а также в Сирии и Закавказье против персов.

Затяжные войны императора Юстиниана I (527—565 гг.), рост налогов и обнищание широких слоев населения подрывали обороноспособность империи; народные массы отказывались переносить военные тяготы. Современник императора Юстиниана I историк Прокопий писал: «народ большими толпами убегал... к варварам..., чтобы скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами». В массовом бегстве участвовали, конечно, представители эксплуатируемых слоев населения: рабы, колоны, городская беднота, которым общественные порядки «варваров» — славян — были более приемлемы, чем рабовладельческий режим империи. Разложение рабовладельческой системы сопровождалось обострением классовой борьбы, восстаниями рабов и колонов.

В этих условиях вторжения славян в пределы империи все более учащались. В 30—40-х годах VI в. они не раз опустошали Фракию, причем в 540 г. впервые подошли к стенам Константинополя и захватили его предместье.

Для защиты дунайской границы император Юстиниан восстановил прежние укрепления на берегах Дуная и построил много новых. Однако это не могло сдержать натиска славян. Император Юстиниан пытался поставить славян в положение федератов (союзников), предоставив им территорию близ Дуная для поселения и обороны византийских владений. Однако вскоре после этого, в 548 г., славяне совершили опустошительный поход в Иллирию, дойдя вплоть до Эпидамна (греческое название албанского города Дуррес, сербскохорватское — Драч) на Адриатическом море. При этом, по свидетельству Прокопия, они убивали и обращали в рабство «...всех попадавшихся навстречу, не разбирая возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время, казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять...» На следующий год славянский отряд в три тысячи человек, перейдя Дунай, перевалил через Балканские горы и дошел до города Топер (Топир) на реке Месте (греч. Нестос) близ побережья Эгейского моря. Показав гарнизону лишь малую часть своих воинов, славяне выманили его из крепости, окружили и уничтожили, а затем захватили и разграбили город. 15 тысяч жителей — мужчин — было истреблено.

В следующем году совершили набег за Дунай другие славянские отряды. Они вторглись в Далмацию, подходили к Константинополю. Во время этих набегов славяне впервые остались в пределах империи для зимовки (550—551 гг.). Высланное против них византийское войско не решилось принять бой, не смогло оно задержать славян и при их переправе через Дунай на обратном пути, что позволило им уйти с большой добычей. В этом славянам помогли гепиды, которые за плату перевезли их через реку.

В середине VI в. положение балканских провинций Византии осложнилось тем, что помимо набегов славян, их территория подверглась нападениям и других «варваров», в которых большинство историков видит тюрок-болгар (кутригуров), обитавших в причерноморских степях. Они совершили большой набег в 540 г., пройдя до побережья Адриатического моря. Еще более крупным было нападение 559 г., когда отряды «варваров», в числе которых были и славяне, проникли в Македонию, а часть их во главе с кутригурским ханом Заберганом дошла до Константинополя и заставила императора Юстиниана заплатить значительный выкуп.

Вскоре после этого появился другой тюркский народ — авары. Они стали нападать на антов и грабить их земли, а в 558 г. прислали послов в Константинополь, предлагая заключение союза с Византией. Последняя отказала в землях для поселения аваров, но обещала ежегодно уплачивать им определенную сумму денег. В 566 г., заключив союз с лангo-

бардами, авары разгромили гепидов и заняли северо-восточную часть Паннонии (между Дунаем и Тисой). В следующем году в связи с переселением лангобардов в Италию авары овладели всей Паннонией. В ходе этого передвижения они вобрали в свои орды остатки разбитых гуннов и часть тюрок-болгар. Вместе с аварами переместились сюда и некоторые подвластные им группы славян с нижнего Дуная.

На новой территории расселения, помимо готов, авары застали также славян, дальнейшее проникновение которых в Паннонию, а затем в долины Восточных Альп было связано с передвижениями народов на среднем Дунае, вызванными уходом лангобардов и уничтожением здесь господства германских племен.

Сохранившиеся сведения об общественном строе скотоводов-кочевников аваров показывают, что они, подобно славянам, делились на племена, возглавляемые старейшинами. Племена объединялись в союз, во главе которого стоял каган, выбравшийся народным собранием. Объединение племен не лишало каждое из них внутренней самостоятельности и не устраняло межплеменной борьбы и столкновений.

В руках кагана и аварской знати сосредоточивалась основная масса захватываемой во время войн и грабительских походов добычи, а также дань с подвластных племен и с соседней Византии, откупавшейся от нападений.

Авары подчинили себе славян, живших в Паннонии, и включили их в состав своего племенного союза, обложив данью. По-видимому, взаимоотношения славян с аварами не всюду были одинаковыми; одни славянские племена находились в положении подвластных, другие являлись союзниками аваров. Нередко славяне участвовали в военных походах и нападениях аварских отрядов на византийские земли. Во время этих походов они чаще выступают как подчиненные аварам. Однако это не устраняло ни аваро-славянских столкновений, ни враждебных действий аварских каганов против славян. Дело в том, что Византия использовала аваров для борьбы против славян, с которыми ей было значительно труднее достигнуть соглашения, поскольку в отличие от аварского каганата, они не представляли единого политического объединения.

В 578 г., когда произошло массовое вторжение славян в византийские владения, император Тиберий II, занятый войной в Персии, призвал на помощь аварского кагана Баяна. Авары разгромили несколько славянских поселений, не нанеся серьезного урона самим славянам, укрывшимся в лесах. Однако вскоре после похода на славян авары напали на византийские владения и окончательно овладели Сирмиумом. Ухудшение аваро-византийских отношений было использовано славянами, стотысячная масса которых в 581 г. опустошила Фракию, Элладу и другие области. Византия была бессильна сопротивляться славянскому вторжению. «Они,— писал современник этих событий Иоанн Эфесский о славянах,— опустошают, жгут и грабят страну... они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».

Славяне действовали и самостоятельно, и совместно с аварами. Византийский историк Феофилакт Симокатта рассказывает, что авары «подослали племя славян, и огромное пространство римских земель было опустошено». Авары вместе со славянами почти непрерывно нападали в 80—90-х годах VI в. на Далмацию, Среднюю Грецию, Пелопоннес. Все это побудило Византию усилить сопротивление. Весной 594 г. император Маврикий послал против славян стратига Приска. Перейдя Дунай около Доростола и «сделав огромные толпы славян пищей мечей», Приск захватил много пленных. Один славянский князь — Ардагаст — с трудом спасся, другой — Мусокий — был захвачен. Однако вскоре после того славяне напали на несколько византийских городов на черноморском

побережье и в нижнем течении реки Тимок. Активизировались в это время аварско-славянские набеги и на западе.

В самом конце VI в. славянские отряды из Паннонии стали все чаще появляться в долинах Восточных Альп; начали они также проникать на Истрийский полуостров, а из Истрии нападать на Италию. В 593—595 гг. славяне вели упорную борьбу против баварцев в верховьях Дравы. Борьба эта при поддержке аварского кагана окончилась победой славян. Вслед за тем войскам византийского равеннского экзарха (в Италии) удалось разбить славян в Истрии. Но спустя еще два года (около 600 г.) славяне, авары и лангобарды вновь громили и грабили Истрийский полуостров. Архиепископ Салоны Максим писал папе Григорию I об огромной опасности, нависшей над Далмацией.

В начале VII в. славянские отряды в составе аварских войск помогали лангобардам захватить города Северной Италии. Славяне пускались и в морские походы за пределы Балканского полуострова (на о-в Крит и др.).

Нападения славян и аваров на владения Византии продолжались с тем большей свободой, что Византия вновь была занята войной на Востоке: с персами, а позднее — с арабами. Только такие укрепленные центры как Константинополь и Фессалоника (слав. Солун, совр. Салоники) оставались неприступными для нападавших и представляли прочное убежище для населения, покинувшего разоренные города и села.

В 626 г., в то время как персы грозили Константинополю с азиатского берега, авары вместе со славянами и тюрками-болгарами, известными в исторической литературе под именем протоболгар, пытались захватить его с моря и европейского берега. В первых рядах авары посылали на противника славянскую, не носившую панциря пехоту, славянские однодеревки перевозили войска по морю. Набег 626 г. окончился полным разгромом нападавших. Поражение аварско-славянского войска имело важные последствия. Разбитые авары не смогли уже в полной мере восстановить свою силу; их могущество было подорвано.

Уже с середины VI в. характер движения славян стал изменяться; они шли на Балканский полуостров не только ради добычи. Все большее их количество оседало в разных его частях. В результате дальнейшую борьбу за новые владения часто теперь вели не пришельцы из далекого Задунавья, а жители ближайших районов. Сирийский историк Иоанн Эфесский писал в 80-х годах VI в.: «они живут, сидят и грабят в римских провинциях»; завоевав желанные места, они селились на них. Так было при захвате славянами далматинского города Салоны в начале VII в. Хроника далматинского писателя XIII в. архидиакона Фомы Сплитского сохранила рассказ, заимствованный из неизвестного источника, по-видимому, близкого по времени к описываемым событиям. В хронике дана яркая картина штурма города Салоны славянами, вооруженными дротиками и осыпавшими город камнями и стрелами. Хотя горожане упорно сопротивлялись, сбрасывая на штурмующих камни и обстреливая их из луков, удержаться они не смогли. Несколько городских богачей, вынеся скрытно свое имущество к морю, решили уплыть на острова. Увидев это, простой народ также бросился к морю, а некоторые искали спасения на суше. Славяне воспользовались этим, избивали бегущих, захватывали добычу, уводили в плен девушек и детей. Город перешел в руки нападавших. Были захвачены и другие далматинские города. Сохранились немногие; среди них Ядер (Задар), Трогир и некоторые другие.

В ходе заселения Балканского полуострова славяне знакомились с византийской военной техникой и перенимали ее. Писатель конца VI в. Иоанн Эфесский отмечал, что славяне, которые ранее не знали никакого оружия, кроме дротиков, «научились вести войну лучше, чем римляне». Когда славяне в 677 г. осаждали Фессалонику, они пользовались стенобитными,

камнеметными и даже огнеметными орудиями. «Это было нечто,— говорил автор «Чудес св. Димирия»,— чего никто из нашего поколения не слышал и не видел». Во время осады славяне проявили исключительную изобретательность. Они строили новые машины и орудия, а один плотник из племени драгувитов предложил соорудить передвижную башню в три этажа, обтянутую в целях защиты от огня сырой кожей со стенобитными машинами на втором этаже и бойницей для стрелков на третьем.

К началу второй четверти VII в. процесс расселения славян на Балканском полуострове в основном закончился. Позднее имели место лишь отдельные небольшие перемещения.

Уже после разгрома аварских полчищ под Константинополем в 626 г. обнаруживаются начатки мирных отношений между осевшими на Балканском полуострове славянами и Византией и, возможно, даже частичного подчинения их последней. Фома Сплитский упоминает императорский приказ славянским князьям не нападать на беженцев из Салоны, поселившихся в диоклетиановом дворце в Сплите. О мирной обстановке в Далмации свидетельствует посылка папой Иоанном IV (640—642 гг.) аббата Мартина в Далмацию и Истрию для выкупа рабов-христиан и сбора церковной утвари из разоренных и опустевших храмов. Поворотным моментом в установлении мирных отношений между империей и славянами в Македонии обычно считают поход Юстиниана II в 688 г. К сожалению, состояние источников не позволяет проследить весь этот процесс с достаточной полнотой.

В отличие от западных и восточных славян, оставшихся на территории, расположенной к северу от Дуная, новых насельников Балканского полуострова в исторической науке принято именовать южными славянами.

В ходе переселения южные славяне заняли обширную территорию, простирающуюся от Восточных Альп до Пелопоннеса. Здесь они встретили весьма пестрое в этническом отношении, но сравнительно немногочисленное население, значительно поредевшее в результате предшествующих вторжений варваров.

Переселение славян привело к дальнейшему сокращению численности прежних обитателей Балканского полуострова. Часть романского и романизованного населения была вытеснена ими на запад в области, занятые баварцами и лангобардами. Относительно компактные группы романского населения сохранились лишь на островах Адриатического моря и в некоторых приморских городах Далмации и Истрии. Оставшиеся в континентальных районах Балканского полуострова романизованные иллирийцы и фракийцы были либо ассимилированы славянами, либо оттеснены в горные районы. Эта часть древнего населения известна в последующие столетия под именем влахов, куцовлахов, морлаков и др. Потомками дославянского населения, сдвинутого славянским вторжением на новые места, где они нередко селились вместе со славянами, являются и нынешние албанцы.

Славянизирована была и значительная часть территории, населенной греками. Лишь в пределах Пелопоннеса, отчасти Фессалии и Эпира славянские пришельцы в дальнейшем растворились в более многочисленном греческом населении.

Переселение славян имело существенные последствия не только для местного населения, но и для соседей, с каждым из которых у новых насельников Балканского полуострова сложились особые отношения.

Наибольшее значение переселение славян имело для судеб Восточной Римской империи, способствуя разрушению рабовладельческой системы хозяйства, кризис которой начался еще в предшествующие столетия. Варварские вторжения первых веков н. э., особенно славянские, нано-

сившие удары по рабовладельческой государственной машине империи извне, вместе с тем содействовали развитию классовой борьбы рабов и колонов, подрывавшей ее изнутри. Колонизация славянами Балканского полуострова, а также переселение их Византией в Малую Азию привели к увеличению на территории империи числа свободных земледельцев — общинников, т. е. к дальнейшему развитию прогрессивного процесса формирования мелкой земельной собственности. Наличие многочисленных свободных земледельцев не только позволило Византии укрепить свои военные силы, но и существенно содействовало складыванию новых, феодальных отношений. Одним словом, славяне сыграли значительную роль в превращении рабовладельческой Византии в феодальное государство, сохранившееся, в отличие от западной части Римской империи, еще в течение целого ряда столетий.

Крупные сдвиги в социальных отношениях и рост внешней опасности как на Балканах, так и в Малой Азии (со стороны арабов) привели к реорганизации византийского войска и созданию крупных военно-административных областей, получивших наименование фем. Главную военную силу фем составляли свободные земледельцы, обязанные отбывать воинскую повинность; в руках начальников фем (стратигов) была сосредоточена как военная, так и административная власть. Фемное устройство, первоначально введенное в отдаленных частях империи, постепенно было распространено и на владения Византии на Балканском полуострове, где за период с конца VII по начало IX вв. ей удалось несколько укрепить свои позиции. Возвратив к концу VII в. почти все собственно греческие владения на Балканском полуострове, империя предприняла ряд походов к Дунаю. К концу VIII в. она восстановила свою верховную власть, правда, более ограниченную, чем прежде, над значительной частью полуострова.

Существенной помехой распространению византийской власти на Балканском полуострове явилось вторжение в последней четверти VII в. в восточную часть полуострова новой орды тюрок-болгар (протоболгар). Это вторжение оказало вместе с тем значительное влияние на дальнейшие судьбы восточнобалканской группы славян. Однако поскольку это происходило за пределами интересующей нас территории, отметим лишь, что, хотя тюркам-болгарам удалось подчинить данную группу славян, два столетия спустя они уже полностью растворились в среде покоренных племен, оставив им только свое имя.

Аналогичной по существу была судьба северных соседей южных славян — кочевников-аваров, сыгравших, как уже отмечалось, важную роль в славянской колонизации полуострова. Значительная часть славянских племен в северо-западных областях полуострова первоначально либо оказалась под властью аварского каганата, либо находилась с ним в союзнических отношениях. Однако уже в 20-х годах VII в. большинству из них удалось освободиться от аварского господства. В конце VIII в. в результате совместного похода франков и славян каганат был полностью разгромлен. Паннония попала в руки славян, а авары вскоре вообще исчезают с исторической арены.

Еще при переселении славяне столкнулись на западе, как мы видели, с германскими племенами — баварцами и лангобардами. В течение VII — первой половины VIII в. славянам пришлось вести с ними упорную борьбу, в итоге которой часть славянских племен на северо-западе вынуждена была вступить в вассальную зависимость от правителей Баварии. Во второй половине VIII в. с запада над балканскими славянами нависла новая серьезная угроза — франки, которые, установив тесный союз с римским папой, подчинили в это время лангобардов и баварцев. Соседство франков

Славяне на Балканском полуострове в VI—VII в.

вскоре весьма ощутимо дало себя знать западной части балканских славян, о чем специально речь будет идти ниже.

Совместное пребывание на Балканском полуострове с другими народами нашло отражение в словарном фонде южных славян. Соприкосновение с романским населением привело, в частности, к заимствованию у него славянами ряда географических названий. К ним относится, например, название расположенной на Адриатическом побережье области Конавли — от латинского термина «canabula» (отводной канал); река Буна (Бояна) получила наименование от старого ее названия — Бона, а замок Бона стал называться переводным именем Благай; гора Касон получила свое название от слова «castellion» и т. д. В то время как на побережье сохранились романские названия, во внутренних областях удержалась географическая номенклатура дорийского автохтонного населения. Старые имена сохранили крупные реки: Сава, Дрина, Босна, Тара, Уна. Острова Адриатического моря с крупными городами также сохранили старые названия Исса—Вис, Коркира — Корчула, Арба — Раб и др.

В славянский словарный фонд вошел ряд слов из греческого языка. Уже в середине VI в. упоминаются славяне, знавшие греческий язык.

Взаимоотношения с прежним населением и соседями оказали также влияние на внутреннюю жизнь славян в VII—VIII вв. Однако это влияние не следует переоценивать. Находившиеся на более низкой стадии общественного развития протоболгары и авары, естественно, не смогли оказать сколько-нибудь существенного воздействия на хозяйственную и социальную жизнь балканских славян. Немногим отличалось в этом отношении и значение соседства баварцев и лангобардов, хотя они в рассматриваемое время несколько опередили славян по общественному развитию; к тому же их влияние затронуло самую западную часть балканских славян. Гораздо большим было влияние Византии, которое еще до IX в., оставило, в частности, заметный след в материальной культуре отдельных групп южных славян и, видимо, несколько ускорило разложение первобытнообщинных отношений у тех из них, которым особенно часто приходилось соприкасаться с византийцами. Но на общественное развитие основной массы южных славян в континентальной и западной частях Балканского полуострова Византия в это время, надо полагать, не оказала значительного воздействия. Что касается франков, то их господство в известной мере сказалось на социально-экономическом развитии западнобалканской части славян уже после VIII в.

Невелико было и значение римского наследия для внутренних сдвигов, происходивших у южных славян в первые века после переселения. В результате многочисленных варварских вторжений, предшествовавших появлению славян на Балканском полуострове, большинство римских городов было разрушено, латифундии уничтожены, рудники заброшены. Некоторые римские традиции сохранили лишь прибрежные города, но и в них в VII—VIII вв. хозяйственная жизнь пришла в упадок. К тому же в раннее средневековье, как мы увидим, их влияние распространялось лишь на находящиеся поблизости славянские племена.

Сохранившиеся письменные источники VII—VIII вв. содержат случайные, отрывочные сведения о социально-экономической жизни южных славян в это время. Некоторое исключение представляет византийский законодательный памятник VIII в. «Земледельческий закон». По своему составу памятник этот весьма сложен. Возникнув вскоре после славянской колонизации территории Византии, он отчасти отразил отношения, сложившиеся здесь в это время в славянской среде (неслучайно существует целый ряд позднейших переводов этого памятника на славянские языки). Но в существе своем «Земледельческий закон» содержит нормы византийского права. Следует также иметь в виду, что данные «Земледельческого закона» могут быть распространены лишь на тех южных славян, которые непосредственно соприкасались с Византией и, следовательно, занимали сравнительно небольшую часть интересующей нас территории. Поэтому судить в целом о социально-экономических процессах, происходивших в VII—VIII вв. на этой территории у славян возможно только на основе проверки и дополнения показаний «Земледельческого закона» археологическими, лингвистическими и более поздними письменными материалами.

У славян, издавна занимавшихся земледелием и скотоводством, и после переселения на Балканский полуостров эти отрасли хозяйства оставались основными. Можно лишь предположить, что в период самого переселения скотоводство играло у них особенно важную роль. Но несомненно, что сразу же после оседания славян на новой территории земледелие быстро становится вновь основным источником их существования. При этом в методах его ведения происходит значительный прогресс. Трудоемкая и мало продуктивная подсечно-огневая система все более вытеся-

ется пахотным земледелием, хорошо известным славянам еще задолго до переселения. Выжигание и раскорчевка леса теперь производились главным образом для расширения обрабатываемых земель.

Основными орудиями обработки земли под посевы у них были соха и легкий, бесколесный деревянный плуг — рало, имевший снимающийся железный сошник. Вместе с тем установлено, что тяжелый плуг с колесами, который еще в период римского господства был распространен на Балканах, славяне в раннем средневековье не употребляли.

Сохранившееся наряду с пахотным мотыжное земледелие имело явно подсобное значение: оно применялось при возделывании огородов, а также для обработки земли под посевы в районах с каменистой почвой. В частности, славянам, населявшим Далмацию, пришлось вложить огромный труд в расчистку земельных участков от камней.

После переселения несколько изменился круг возделываемых славянами земледельческих культур. Наряду с посевами проса — основной культуры при подсечно-огневой системе земледелия — все большее значение приобретали ячмень, пшеница, овес и рожь. Выращивали славяне также лен и коноплю, необходимые для изготовления одежды. Известны им были и различные садовые и огородные культуры; от прежнего населения они заимствовали виноградарство.

Сочетаясь с пахотным земледелием, скотоводство имело пастушеский характер. В качестве пастбищ, помимо лугов и заброшенных пахотных участков, широко использовались леса. Преобладало разведение мелкого скота: овец, свиней и коз. «Земледельческий закон» упоминает также коров. Рабочим скотом служили прежде всего волы, а иногда ослы и мулы. Лошади были редки и использовались почти исключительно для военных целей.

Распространено было разведение птицы, бортничество, а затем и пчеловодство. Для населения, жившего у моря и у больших рек, важным источником питания служило рыболовство.

О ремесленном производстве южных славян в VII—VIII вв. известно очень немного. Согласно «Земледельческому закону», они изготовляли разнообразные металлические сельскохозяйственные орудия: сошники, лопаты, мотыги, топоры, серпы, садовые ножи и т. д. Археологические данные, пока еще, к сожалению, очень немногочисленные, свидетельствуют также о производстве различных видов оружия, металлических украшений, гончарных изделий, тканей и т. п. На некоторых из этих изделий заметно античное и византийское влияние. Однако сохранившиеся от VII — VIII вв. славянские подражания античным и византийским образцам (керамика, металлические украшения), как правило, значительно примитивней их по своему исполнению. Вместе с тем в изготовлении славянами украшений наблюдаются некоторые заимствования от старого иллирийского и фракийского населения. Ремесленная специализация, видимо, была еще развита слабо, и в каждом хозяйстве производилось почти все необходимое (исключение, возможно, представляло изготовление изделий из железа). Участие основной массы населения в товарообмене имело, как правило, эпизодический характер; лишь в районах, непосредственно граничащих с византийской территорией и далматинскими городами, торговля, надо полагать, развивалась несколько более интенсивно. Об этом свидетельствуют, в частности, довольно многочисленные золотые украшения византийского происхождения, обнаруженные археологами в отдельных славянских могильниках VIII в. Славяне прибрежных районов сочетали в это время морскую торговлю с пиратством.

Процесс разложения первобытнообщинного строя, начавшийся у славян еще до переселения, с продвижением их на Балканский полуостров

значительно ускорился. По мере вытеснения подсечно-огневой системы земледелия пахотной все более отпадала необходимость в больших родственных коллективах. В результате на новой территории хозяйство велось у славян уже не целым родом, а патриархально-семейной общиной или моногамной семьей. Несколько проживавших по соседству и, как правило, родственных больших и малых семей составляли сельскую или соседскую (территориальную) общину, являющуюся основной социально-хозяйственной ячейкой в рассматриваемое время. В коллективном пользовании всех жителей такой общины находились необрабатываемые угодья, в первую очередь пастбища и леса, а пахотные земли уже стали переходить во владение отдельных семей. При этом первоначально, очевидно, обособливались крупные комплексы пахотной земли, обрабатываемые совместно членами больших патриархальных семей. Следы таких земельных комплексов (правда, уже обычно разделенных между членами патриархальных семей) сохранились у южных славян и в более позднее время под византийским названием «стась». Как свидетельствует «Земледельческий закон», в VIII в. отдельные земельные участки уже могли обмениваться.

Образование соседских общин сопровождалось сменой племенного деления территориальным. Еще в ходе переселения славян племена перемешивались, разрывались племенные связи. Об этом свидетельствует сохранение в различных концах Балканского полуострова топонимов, производных от таких, например, названий племен, как дулебы и хорваты. При заселении полуострова происходило территориальное размежевание племен.

В результате принадлежность к племени определялась уже не столько родством, сколько проживанием на соответствующей территории. Как правило, племена теперь получали наименование от занимаемой территории. Об этом свидетельствует появление таких племенных названий, как тимочане — в бассейне реки Тимок; струмляне — в бассейне реки Струмы; неретвляне — между устьями рек Неретвы и Цетины; травуняне, получившие свое имя от прежнего названия области Требуний (между Дубровником и Котором) и др.

Постепенно племенное деление было заменено административно-территориальными единицами—жупами. Их центром был обычно укрепленный пункт — «град»; при сооружении «градов» южные славяне подчас использовали сохранившиеся от римского времени остатки крепостей.

Распад родоплеменной организации у южных славян был теснейшим образом связан с происходившим у них процессом имущественного расслоения.

Будучи одной из предпосылок переселения славян, процесс этот значительно ускорился в ходе освоения ими Балканского полуострова.

Большая часть захваченной во время вторжения на полуостров военной добычи попадала в руки родоплеменной знати — князей и жупанов. Обогащалась знать также за счет дани с побежденного населения, даров и приношений соплеменников. В VII—VIII вв. отдельные представители знати были очень богаты, о чем ярко свидетельствуют археологические материалы. В некоторых захоронениях этого времени обнаружено большое количество золотых предметов, оружия, гончарных изделий.

Наряду с родоплеменной знатью постепенно выделялись в имущественном отношении и участвовавшие в военных походах дружинники. Избрав военное ремесло своим главным занятием, они, надо полагать, пользовались рядом привилегий. На это, в частности, косвенно указывают данные о длительном сохранении у западной ветви балканских славян (словенцев) значительной привилегированной прослойки сельского населения — так называемых коссзов, предки которых, как считает

большинство исследователей, по-видимому, еще в VIII в. были княжескими дружинниками.

Процесс имущественного и социального расслоения у южных славян в VII—VIII вв. имел и другое следствие: распад родовых связей создавал условия для увеличения числа обедневших людей. Некоторое представление об этом дает «Земледельческий закон». В нем, например, упоминаются общинники, не имеющие возможности собственными средствами возделывать свое поле и поэтому сдающие его в аренду. В качестве общинных пастухов и подносчиков воды в том же законе фигурируют мистии — люди, видимо, лишившиеся своего хозяйства и вынужденные работать по найму на кабальных условиях. Есть также косвенные свидетельства о существовании у западной части балканских славян еще до IX в. зависимых общинников.

Наряду с земледельцами, попавшими в зависимость, но еще сохранявшими свою свободу, имелись у южных славян в первые века после переселения и люди, полностью лишенные прав. В силу неправоспособности эти люди обычно именовались теми же терминами, что и античные рабы (серв, дулос). Есть основание полагать, что еще во время переселения славянами была превращена в рабов некоторая часть прежнего населения Балканского полуострова. Во всяком случае обращение ими в рабство военнопленных не вызывает сомнений — об этом имеются прямые свидетельства, начиная с VI—VII вв. Но порабощение соплеменников, очевидно, в VII—VIII вв., если и практиковалось, то все же крайне редко. В этом отношении весьма показательно, что в источнике, относящемся ко второй половине VIII в., сообщается, что у западнобалканской группы славян рабы именуются «христианами» в отличие от их господ — «неверных» (язычников).

Из «Земледельческого закона» известно об использовании рабов в качестве пастухов. Судя по другим источникам, относящимся, правда, к более позднему времени (IX—XI вв.), у южных славян в раннее средневековье рабы нередко жили вместе с семьей своего господина, использовавшего их в качестве вспомогательной рабочей силы. Такие отношения принято называть патриархальным рабством. По свидетельству тех же памятников, сервы часто наделялись небольшим участком земли, на котором они самостоятельно вели хозяйство, либо отдавая господину часть произведенного ими продукта, либо обрабатывая господскую землю. В этом случае мы по существу имеем дело со складывающимися феодальными отношениями, поскольку непосредственные производители были наделены средствами производства. Патриархальное рабство, имевшее лишь вспомогательное хозяйственное значение, естественно, не могло стать основой производства. Развитых же рабовладельческих отношений у южных славян, как и у других славянских народов, не сложилось. Это было обусловлено тем, что процесс классообразования проходил у них на основе более развитых производительных сил, чем у народов античного мира в период складывания классового общества. При сравнительно высоком уровне развития производительных сил труженик, имеющий свое хозяйство и потому заинтересованный в результатах своего труда, мог дать больше прибавочного продукта нежели раб, лишенный такой заинтересованности.

В своей совокупности приведенные выше данные свидетельствуют, что в течение VII—VIII вв. процесс классообразования у южных славян значительно продвинулся по сравнению с предшествующим временем. И все же это было всего лишь зарождение классовых отношений — основную массу непосредственных производителей составляли по-прежнему полноправные свободные люди, члены сельских общин. К тому же, как показывают позднейшие материалы, интенсивность процесса классообра-

зования у южных славян в первые века после переселения была далеко не одинаковой в различных частях занимаемой ими территории. Это обстоятельство в свою очередь привело к некоторой неравномерности темпов формирования государственности у отдельных южнославянских племен.

Как и повсюду, развитие классовых отношений у южных славян сопровождалось постепенным превращением органов военной демократии в свою противоположность — эти «органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [1].

Социальное расслоение неминуемо влекло за собой усиление власти родоплеменной знати—князей-жупанов, —которые постепенно узурпировали права народных собраний не только в военных, но и в административно-судебных вопросах. Более того, отдельные князья-жупаны к концу VIII—началу IX в. добились превращения своей власти в наследственную. Правда, у значительной части южных славян еще долго сохранялись народные собрания, но их деятельность, в том числе избрание высших представителей власти, все более приобретала формальный характер, а круг участников неуклонно сужался.

Наиболее могущественным князьям-жупанам в VII—VIII вв. удалось, опираясь на свои дружины, распространить власть на несколько племен, объединив занимаемую ими территорию. Эти союзы племен, как мы увидим ниже, уже были значительно более прочными политическими образованиями, чем те, которые временно возникали у славян в период переселения.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 165.

ГЛАВА 3

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ

При переселении южных славян предки современных словенцев заняли территорию, расположенную на крайнем северо-западе Балканского полуострова, а отчасти даже за его пределами. Они поселились в долине реки Сочи и верховье Савы, в восточноальпийских областях, включая восточный Тироль, а также в Нижней Паннонии. Таким образом, возникло два ядра расселения словенцев: одно в альпийских землях — так называемая Карантания, или Хорутания (под именем хорутане словенцы известны в древнерусской летописи), другое — в низменных районах среднего Подунавья в Нижней Паннонии. Еще в ходе расселения на новой территории карантанские и паннонские славяне попали под власть аваров. Они не только платили аварам дань, но иногда должны были ходить вместе с ними в походы на византийские земли. Особенно сильной была зависимость славянских племен в Паннонии.

В 622—623 гг. авары совершили большой поход против Византии. Во время этого похода началось восстание против аваров покоренных ими славянских племен — чехов, моравян, карантанцев. Во главе этого восстания стал Само — человек, о происхождении которого известно очень немного. По сведениям франкского хрониста, Само был франкским купцом, путешествовавшим по славянским землям. Некоторые историки полагают, что Само был славянином, долго жившим среди франков.

Неоднократные попытки аваров подавить восстание окончились полной неудачей, чему немало способствовало их поражение под Константинополем в 626 г. Славянские племена, возглавляемые Само, не только отразили наступление аваров, но и успешно воевали со своими западными соседями.

Так, в середине 20-х годов VII в. карантанцы отбили нападение лангобардов, а затем совершили набег на баварские племена, жившие в районе верховьев Дравы. В 631 г. франкский король Дагоберт предпринял крупный поход против чехов и моравян, но в решающей битве был разбит. Результатом этого явилось присоединение к славянским племенам, объединенным Само, также и племен лужицких сербов.

Таким образом образовалось одно из первых крупных политических объединений славян, просуществовавшее сравнительно длительное время. В него входили чехи, моравяне, словаки, карантанцы, сербы-лужичане. Вопрос о характере этого объединения решается в современной

исторической науке по-разному. Одни исследователи считают его союзом племен, другие — одним из первых славянских раннефеодальных государств. Несомненно лишь, что причиной его образования была не только внешняя угроза со стороны аваров и франков, но и само внутреннее развитие славян, среди которых уже начался процесс классообразования. Политическое объединение во главе с Само было непрочным. Повсюду сохранялись местные племенные князья, многие из которых усилились во время войн с аварами и франками. В частности, входившая в это объединение Карантания представляла по существу самостоятельную область, во главе которой около 630 г. стоял князь Валук.

После смерти Само (658 г.) возглавлявшееся им объединение более не упоминается в источниках. Оно оставило, однако, глубокий след в истории западных и южных славян. Существование его привело к освобождению словенских, чешских и моравских племен от власти аваров и на время приостановило продвижение германцев на восток, в области, заселенные славянами. Тем самым были созданы благоприятные условия для быстрого внутреннего развития славянских племен, входивших в его состав, в том числе и карантанцев.

Карантания, сохранив внутреннюю самостоятельность в составе возглавляемого Само объединения, вскоре после смерти Само стала самостоятельной и в течение нескольких столетий оставалась целостной политической единицей. Вплоть до начала XI в. она включала в свой состав большинство земель, населенных словенцами. Ее ядро составляла территория в районе верховьев Дравы и Муры. К ней примыкали с востока и с юга области, которые во второй половине VII—VIII вв. несколько раз отходили от Карантании. Центром Карантании был Крнски град на Госпосветском поле.

На протяжении второй половины VII — первой половины VIII в. карантанцы продолжали вести упорную борьбу с аварами, баварцами, лангобардами. Особенно ожесточенной была борьба с аварами, набеги которых на Карантанию резко усилились во второй четверти VIII в. Карантанские князья одни не могли сдержать их натиск и поэтому стали искать поддержки у своих западных соседей баварцев. Около 745 г. во время одного из наиболее значительных набегов аваров карантанский князь Борут отдал себя и свою страну под покровительство баварского князя Одило. С этого времени Карантания потеряла независимость, продолжая, однако, существовать как автономное княжество, имевшее внутреннее самоуправление.

В течение этого периода произошел значительный сдвиг в общественном развитии карантанцев. К концу VIII в. социальная дифференциация в Карантании зашла настолько далеко, что там уже наряду с сервами-военнопленными упоминаются сервы — несвободные люди из числа обедневших словенцев. Иногда в зависимом положении оказывались целые общины. Из богатых общинников формировалась словенская феодализирующаяся знать. Это были прежде всего князь и его окружение. Уже с середины VIII в. отчетливо проявляется тенденция к превращению княжеской власти в наследственную: устанавливается обычай избрания князя из одной и той же семьи. После смерти Борута карантанским князем стал его сын Горазд, а затем его племянник Хотимир.

Привилегированную прослойку словенцев представляли собою уже известные нам косезы. Косезы сохраняли особое положение по сравнению с остальной массой сельского населения даже после полного подчинения словенских земель немецкими феодалами. Письменные источники свидетельствуют, что еще в XIII в. косезы были не только лично свободны, но и имели свой суд и право ношения оружия. Одна из важнейших привилегий косезов состояла в том, что только их представители имели право

возведения князя на престол. Правда, выборы князя из среды карантанцев происходили лишь до начала IX в., когда произошло окончательное подчинение Карантании франкам. Но сама церемония избрания и возведения князя на престол сохранилась здесь до начала XV в. и применялась уже к немецким герцогам, правившим страной. Сохранение ее было уступкой завоевателей наиболее влиятельным слоям словенского населения.

Предметы карантанской культуры. VIII—X вв.

Позднейшие свидетельства рисуют яркую картину этой церемонии, позволяющую получить некоторое представление о древних обычаях карантанского раннефеодального общества. В XIII—XV вв. обряд возведения немецкого герцога на княжеский престол в Каринтии, включавшей бывшие карантанские земли, происходил следующим образом: в крестьянской одежде герцог приходил на Госпосветское поле к так называемому Княжьему камню. Одной рукой он вел быка, другой — кобылу. На Княжьем камне сидел старейший член семьи косезов, которая имела наследственное право возводить на престол нового князя. Перед тем как уступить место герцогу-князю, он задавал ему несколько вопросов на словенском языке. Потом получал от герцога 60 денариев, быка и кобылу и уступал ему свое место. Здесь же на Госпосветском поле, но уже на княжеском престоле герцог подтверждал присягой старые права и привилегии местной знати. В более ранние времена (в XI в.) герцог, кандидатура которого предлагалась германским государем, сначала утверждался выборными от косезов лицами, а потом уже совершался обряд на Госпосветском поле.

Одновременно с феодализацией среди словенцев постепенно начинает распространяться христианство. Попытки обратить карантанцев в христиан делались уже около 630 г., когда в Карантании выступал с проповедями утрехтский епископ Аманд. Он потерпел, однако, полную неудачу, поскольку в то время среди словенцев еще не сложился социальный слой, заинтересованный в принятии христианства. Весьма существенное значение имело и то обстоятельство, что новую религию несли представители германских племен, враждебных словенцам. Но во второй половине VIII в. положение стало иным. Князь и формирующийся класс словенских феодалов, рассчитывая, что христианство укрепит их власть, поддержали деятельность зальцбургских миссионеров в Карантании. Со своей стороны, баварские феодалы тоже активно содействовали распространению христианства среди словенцев, поскольку оно должно было способствовать усилению их влияния в карантанских землях. Христианство в Карантании имело значительное количество сторонников не только среди феодализирующейся знати, но и среди зависимых от нее сервов,

часть которых была словенцами, а другая — военнопленными (главным образом ранее принявшими христианство лицами романского происхождения). Для массы свободного словенского населения христианство несло не только рост феодальной эксплуатации, но и усиление чужеземного гнета. Поэтому словенские свободные общинники упорно сопротивлялись его распространению.

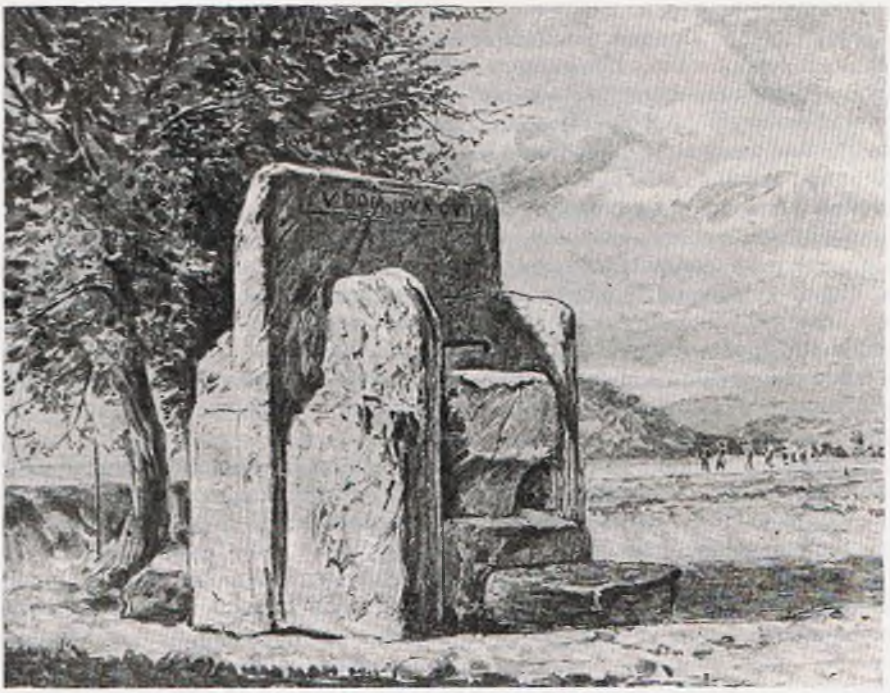
Деятельность христианских проповедников особенно широко развернулась при князе Хотимире, который принял христианство в Баварии, куда попал в качестве заложника еще в 745 г. После прихода к власти в 752 г. Хотимир ввел особую подать в пользу Зальцбургского архиепископства. Вмешательство баварских феодалов и немецких священников во внутренние дела Карантании привело к взрыву недовольства среди словенских свободных общинников и части родоплеменных старейшин. Около 763 г. вспыхнуло крупное восстание против немецких миссионеров. Оно было подавлено. Но вскоре после смерти Хотимира, приблизительно в 770 г., началось новое, еще более мощное выступление карантанцев. Как в первом, так и во втором восстаниях борьба против христианской церкви слилась с борьбой против иноземных поработителей. Все баварцы и христианские проповедники были изгнаны из Карантании. На короткое время словенцы опять приобрели независимость. Однако в 772 г. баварцы при активной поддержке карантанского князя Вальтунка подавили восстание. После этого в Карантанию снова вернулись христианские проповедники. Их деятельность теперь протекала почти беспрепятственно, поскольку основные силы непокорных карантанцев были разгромлены. Успеху христианства содействовало и введение франками около 800 г. вместо обычной десятины — налога в пользу церкви — «славянской десятины», несколько меньшей по размерам.

Победа христианства способствовала укреплению феодальных отношений в Карантании. В этом его прогрессивное значение. Но вместе с тем христианство, воспринятое словенцами от немцев по западному обряду, создавало условия для усиления иноземного порабощения словенцев. Этому содействовал и тот факт, что главные церковные центры, которым подчинялись словенские земли (Зальцбургское архиепископство и Аквилейский патриархат) находились за пределами словенской этнической территории.

В 803 г. Карл Великий определил зоны их влияний. Область к северу от Дравы была передана Зальцбургу, а область к югу от Дравы — Аквилее. Зальцбургское архиепископство и зависимые от него епархии, находившиеся на немецкой территории, были связаны очень тесными узами с немецкими феодалами и уже в это время стали проводниками их политики в словенских землях.

Когда в 788 г. баварцы были подчинены франками, вместе с ними в состав империи Карла Великого вошли и словенцы. Под властью франков Карантания продолжала сохранять автономию и имела своих князей (Вальтунку наследовали Прибислав, Семика, Стоймир, Этгар — как можно видеть, лица, в большинстве имевшие славянские имена). Однако с начала IX в. немецкие феодалы стали чаще вмешиваться во внутренние дела карантанцев.

Особенно славился своим самоуправством фриульский маркграф Кадалох. Произвол немецких феодалов вызывал недовольство не только словенских общинников, но и феодализирующейся знати. Поэтому, когда против власти франков вспыхнуло восстание, во главе которого стал князь посавских славян Людевит, к нему в 819 г. присоединились словенцы из Нижней Паннонии, из района верховья Савы и части Карантании. Во время крупного похода франков против повстанцев в 820 г. Карантания была разгромлена. После этого она окончательно потеряла остатки



Княжеский престол на Госпосветском поле

независимости, управлять ею стали графы, назначаемые сначала франкскими, а затем германскими императорами. Большинство словенских феодалов было лишено своего привилегированного положения сразу же после разгрома восстания 819 г., а немногие оставшиеся постепенно сливались с немецкой феодальной верхушкой. Словенские земли с большой щедростью стали раздаваться немецким феодалам и церкви. Феодализация пошла ускоренным темпом. Уже в 822 г. Фрейзингенская епархия получила земли на территории современной Каринтии, а в 824 г. император Людовик Благочестивый санкционировал получение Аквилейским патриархатом в дар от маркграфа Кадалоха и его наследника Бальдерика земельного владения с двадцатью крестьянами в Зильской долине. Это были одни из первых зафиксированных источниками феодальных пожалований на территории Словении.

Под властью франков находились также населенные словенцами земли к югу от Карантании (в долине Сочи, в западной части Истрии и верховьях Савы), разделенные в это время между маркграфствами Фриульским и Посавским (с середины IX в. марка на Саве, будущая Краньская марка). В 843 г. во время раздела Франкского государства Карантания вместе с Краньской маркой отошла к Восточнофранкскому королевству, а словенские земли во Фриульской марке и Истрии — к Италии.

Несколько иначе сложилась судьба словенцев в Нижней Паннонии. В самом конце VIII в. она, освобожденная от власти аваров, разбитых окончательно Карлом Великим, также попала в зависимость от франков. К середине IX в. Нижняя Паннония была в значительной степени колонизована словенцами, население ее выросло, что создавало предпосылки для роста производительных сил, которому сопутствовало установление феодальных отношений. Нарождавшаяся феодальная знать была в подавляющем большинстве славянской по происхождению.

К этому времени значительно изменилась политическая обстановка в Центральной Европе. Ослабление Франкского государства облегчило создание славянской Великоморавской державы, объединившей в своем составе чешские, моравские и словацкие земли. В противовес этому восточнофранкский король Людовик Немецкий создал в Нижней Паннонии Блатенское княжество, поставив в 847 г. во главе его своего союзника князя Прибину, изгнанного ранее великоморавским князем Моймиром из Нитранской области в Словакии. Прибина и в Нижней Паннонии оставался верным сторонником франков. При нем в Паннонии стало активно распространяться христианство по западному обряду, началась колонизация Паннонии немцами. Прибина принял участие в борьбе Людовика Немецкого против преемника Моймира великоморавского князя Ростислава, в ходе которой был убит. После смерти Прибины князем Нижней Паннонии стал его сын Коцел (861—874 гг.), сначала придерживавшийся политики своего отца, но вскоре вступивший в сношения с Великой Моравией.

Изменение политической ориентации Коцела создало благоприятные условия для деятельности в Нижней Паннонии византийских миссионеров, братьев Константина-Кирилла [1] и Мефодия. В 863 г. они были присланы византийским императором по просьбе князя Ростислава в Великую Моравию. Кирилл и Мефодий должны были помочь Ростиславу создать славянскую христианскую церковь, которая могла бы стать верным помощником князя в борьбе против немецкой агрессии и ее наиболее рьяного проводника — Зальцбургского архиепископства. Деятельность Кирилла и Мефодия вызвала яростный отпор со стороны немецких миссионеров. Братья вынуждены были в 867 г. отправиться из Моравии для утверждения своих полномочий к римскому папе. По дороге в Рим они побывали в Паннонии. Встреча с ними оказала большое влияние на князя Коцела. Согласно житию Кирилла, Коцел полюбил славянские книги и даже дал на обучение Кириллу и Мефодию 50 учеников.

В 869 г. против немцев вспыхнуло восстание многих славянских племен от берегов Лабы до Карантании. В нем принял деятельное участие и Коцел.

В результате восстания Великая Моравия и Нижняя Паннония стали независимыми. Коцел и Ростислав добились от папской курии создания нового архиепископства, охватывающего Паннонию и Великую Моравию. Во главе этого архиепископства был поставлен Мефодий. В отличие от немецких христианских проповедников, служивших орудием порабощения славянских племен и чуждых славянской культуре, Мефодий вел богослужение на славянском языке.

Разрешая создание славянского архиепископства, папская курия рассчитывала, что ликвидация зависимости Паннонии от немецких епископов будет способствовать укреплению политического влияния Рима в этой части Центральной Европы. Между тем немецкие духовные и светские феодалы отнюдь не были намерены отказаться от своих притязаний на Великую Моравию и Нижнюю Паннонию. При этом они использовали внутренние осложнения, возникшие в Великоморавском государстве. В 870 г. Ростислав был выдан немцам своим племянником Святополком. Вслед за тем немецкие священники заманили Мефодия на свой синод и бросили его в тюрьму. Коцел продолжал придерживаться прежней политики, но, лишившись поддержки Великоморавской державы, не смог долго сопротивляться немцам. В 874 г. Блатенское княжество снова, и на этот раз окончательно, потеряло свою независимость. Мефодий, возвратившийся в Паннонию в 873 г., и его ученики вскоре были изгнаны из

[1] Константин умер в Риме, перед смертью принял пострижение под именем Кирилл.

страны, а богослужение на славянском языке запрещено. Распространение христианства в паннонских землях опять перешло в руки немецких проповедников.

Таким образом, к началу последней четверти IX в. большинство населенных словенцами земель оказалось под властью немецких феодалов, господство которых над большею частью этой территории продолжалось более тысячи лет.

В конце IX в. над паннонскими словенцами нависла новая угроза, связанная с появлением в Подунавье венгров — воинственных кочевников, державших в страхе всю Центральную Европу. Особенно пострадали от их нападений словенские племена. Венграм удалось подчинить всю Паннонию.

В середине X в. дальнейшее наступление венгров было остановлено в битве под Аугсбургом. Они осели в среднем Подунавье на территории бывшей Паннонии. Тем самым южные славяне оказались отрезанными от западных славян землями, населенными венграми. Что касается жившего в Нижней Паннонии словенского населения, то спустя некоторое время оно было почти целиком мадьяризировано. С другой стороны, влияние материальной культуры и социальных отношений паннонских славян способствовало переходу венгров к земледелию и ускорило у них процесс феодализации.

Во второй половине X в., когда только что созданная на базе Восточнофранкского королевства Германская империя начала энергичное наступление на венгров, в нем приняли активное участие и карантанцы. В это время Карантания составляла одно герцогство вместе с Баварией. На землях, отвоеванных у венгров и захваченных в Италии, Германская империя создала несколько пограничных военно-административных областей — марок. В 976 г. Карантания, превращенная императором в самостоятельное герцогство, была объединена с окружающими ее с востока и юга марками: Карантанской, Подравской, Савинской, Краньской, Истрийской, Фриульской, а также Веронской. За исключением последней, во всех марках жили словенцы, составляя во многих из них подавляющее большинство населения. Так в составе Германской империи была создана крупная политическая единица — Великая Карантания, объединявшая почти все населенные словенцами земли. Однако объединение это было непрочным. Уже в первой половине XI в. Великая Карантания практически распалась на прежние составные части.

Таким образом, в словенских землях в XI в. начался период феодальной раздробленности.

В IX — XI вв. ремесло еще не отделилось от земледелия, торговля была незначительной. Хотя в горном деле и обработке железной руды был сделан известный шаг вперед, но и они развивались в качестве крестьянских промыслов. Зато в земледелии произошел важный сдвиг в связи с распространением трехполья. Рост населения и введение трехполья способствовали более широкому освоению словенцами новых земель, главным образом в долинах и по берегам рек.

В эти столетия в словенских землях окончательно утвердились феодальные отношения. Основной организацией для эксплуатации населения стала феодальная вотчина со значительной барской запашкой, отделенной от наделов крестьян или расположенной вперемежку с ними. Собственник земли, феодал, обладал в своих владениях иммунитетными правами. Его земли обрабатывались зависимыми крестьянами. Степень этой зависимости и формы эксплуатации были различны. Значительную прослойку сельского населения составляли так называемые хланцы, часть из которых совсем не имела наделов и все время работала на барской земле, а часть владела небольшими участками и три дня в неделю выполняла барщину. Хланец-

кий надел был первоначально наиболее распространенным среди словенцев. Уже с X в. в связи с внутренней колонизацией переселенцам стали даваться некоторые привилегии по сравнению со старожилами. В частности, вместо барщины они должны были платить оброк натурой. Так появилась категория «празников», которые были «празны» (т.е. свободны) от барщины. Празники могли передавать свой надел по наследству. Некоторые крестьяне сохраняли свою свободу, но число их уменьшалось с каждым годом. Наконец, продолжала существовать уже упоминавшаяся привилегированная прослойка косезов.

Церкви крестьяне платили десятину. В XI в. «славянская десятина» была заменена обычной. В этом же веке десятину ввели и на территории, подчиненной в церковном отношении Аквилейскому патриархату (к югу от Дравы).

Существенные изменения произошли к XII в. и в составе господствующего класса. Если значительную часть мелких землевладельцев еще долгое время составляли словенцы, то среди крупной знати уже в XII веке почти перестают встречаться словенские имена. Создание господствующего класса, чуждого по своей национальности основной массе словенского населения, явилось одним из главных последствий немецкого завоевания.

Другим не менее важным его результатом стала немецкая колонизация. Многие феодалы селили в своих владениях на словенской территории немецких крестьян-колонистов, главным образом из Баварии. Немецкая колонизация началась уже в IX в. и продолжалась в последующие столетия. В Каринтии немецкие колонисты заселили Целовецкую котловину, долину Крки и Лабодицы; в Штирии — Градецкую котловину и долину Мурицы.

Таким образом, в IX—XI вв. в результате венгерского завоевания и немецкой колонизации резко сократилась территория, занятая словенцами. Оставшиеся земли, на которых уже господствовали феодальные отношения, были разделены между рядом самостоятельных феодальных владетелей.

ГЛАВА

4

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Территория современной Хорватии [1] в основном была заселена славянами, несомненно, еще в VI в. Существует, однако, мнение, опирающееся на сообщение Константина Багрянородного, что собственно хорватские племена переселились сюда только в начале VII в., заняв на первых порах лишь часть Далмации (между нагорьем Велебит и р. Цетиной). Эту область в исторической литературе принято именовать Далматинской Хорватией. Хорватские земли между средним течением Дравы и нагорьем Капела, а иногда и Кварнерским заливом, в средневековых источниках — вплоть до XVI в. обычно именуются Славонией (Sclavonia). В исторической литературе эти земли применительно к раннему средневековью условно также называют Посавской (или Паннонской) Хорватией. Из состава Славонии нередко особо выделяют территорию между Велебитом, Капелой и рекой Рашей (в Истрии); эти земли ранние источники именуют Либурнией, а позднее ее основную часть (без истрийских земель) стали называть Хорватским Приморьем.

Отдельные части территории расселения хорватов в географическом отношении существенно отличаются друг от друга. Славония представляет обширную равнину, пересеченную несколькими небольшими возвышенностями. В Далмации преобладает ландшафт высоких и средних гор, входящих в Динарскую горную систему. Далматинская часть Хорватии резко отграничена от остальной ее территории почти непроходимым нагорьем Велебит.

Географическая среда наложила некоторый отпечаток не только на хозяйственное, но и на политическое развитие отдельных частей Хорватии, несомненно, содействуя их обособленности. Это проявилось, в частности, весьма отчетливо в период возникновения у хорватов первых политических объединений.

На основании сообщений Константина Багрянородного можно предположить, что у хорватов далматинского побережья первое политическое объединение (союз племен) сложилось еще в VII в. В начале IX в. в Далматинской Хорватии уже существовало княжество, охватывающее почти всю территорию между рекой Цетиной и нагорьем Велебит. В северной

[1] Наименования «Хорватия» и «хорваты» (применительно к части этой территории и ее населению) впервые появляются лишь в письменных памятниках, относящихся к IX в.

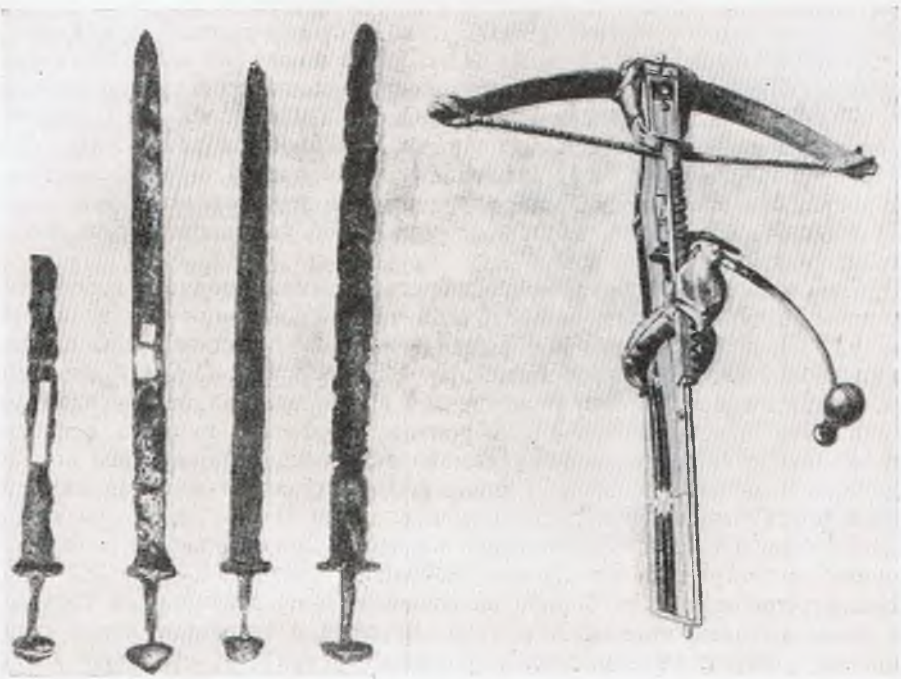
же части Далматинского побережья хорватские племена, занимавшие здесь территорию от Велебита до реки Раши в Истрии, в VII—VIII вв., видимо, не представляли политически единого целого; в начале IX в. юго-запад этой территории (Гачка, Крбава и Лика) временно входил в состав княжества, образовавшегося в Далматинской Хорватии.

О внутренней жизни хорватов Далматинского побережья в этот период почти ничего неизвестно. Несомненно лишь, что уже тогда, как и в последующее время, важное значение для их развития имели взаимоотношения, особенно торговые связи, с романским населением, сохранившимся в городах (Задар, Трогир, Сплит) и на островах (Крк, Црес, Лошинь, Раб). Однако эти отношения далеко не всегда были мирными. Романскому населению Далмации приходилось отстаивать занимаемую территорию, в первую очередь небольшие участки побережья вокруг городов, в упорной борьбе с проживавшими по соседству славянами. В этой борьбе романское население опиралось на поддержку Византии, стремившейся использовать далматинские города и острова в качестве баз для морской торговли и опорных военных пунктов на Адриатике. Византия, являвшаяся в это время номинальным владельцем далматинских городов и островов, передала их в непосредственное управление равеннскому экзарху (до середины VIII в.).

Еще более скудные сведения, чем о далматинских хорватах, сохранились от VII—VIII вв. о славянских племенах, населявших Посавскую (Паннонскую) Хорватию. По мнению большинства исследователей, посавские славяне находились в это время в зависимости от аваров. Только в конце VIII в., использовав внутренние неурядицы в каганате и нападения франков на аваров, славяне Посавья сумели освободиться от аварского господства. Согласно сообщению франкских анналов, в этой борьбе против каганата принял активное участие славянский князь из Паннонии Войномир; однако лапидарность этого известия не позволяет с полной уверенностью считать его князем посавских славян.

Освободившись от аварского господства, славянские племена Посавской Хорватии оказались под властью франков. Пытаясь подчинить остальную территорию Хорватии, франки натолкнулись на упорное сопротивление славян, которые в 799 г. в битве около Трсата (Либурния) нанесли им тяжелое поражение; в этой битве погиб фриульский маркграф Эрик. Преемнику Эрика Кадалоху лишь к 803 г. удалось вновь распространить власть франков на все хорватские земли. В 812 г. Карл Великий окончательно закрепил за собой эти земли договором с Византией, формально являвшейся владелицей Далмации. У Византии на хорватском побережье оставались лишь города Сплит, Трогир и Задар, а также прибрежные острова.

Посавская и Далматинская Хорватия были вместе со словенскими землями отданы Карлом Великим под верховную власть фриульского маркграфа. Хорватская знать, обязанная помогать императору войском и регулярно слать ему дары, все же сохранила в своих руках непосредственное управление страной. Однако степень самостоятельности местной знати, как и характер ее взаимоотношений с франками, в Посавской и Далматинской Хорватии были различными. Ведя непрерывную борьбу с Византией за земли, прилегавшие к далматинским городам, хорвато-далматинская знать была весьма заинтересована в поддержке со стороны Франкского государства. В то же время непосредственное соседство далматинских хорватов с византийскими владениями не позволяло франкам активно вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Положение в Посавской Хорватии было иным. Карл Великий, уделяя особое внимание укреплению восточной границы империи, после разгрома аварского каганата оставил в Паннонии и Посавье значительную часть своих войск. Вслед



Оружие хорватов

за тем здесь, видимо, как и в словенских землях, началась раздача земель франкской военно-служилой знати. Франки, стремясь полностью подчинить себе жителей Посавья, обращались с ними крайне жестоко.

Все это вызывало сильное недовольство со стороны не только широких народных масс Посавской Хорватии, но и местной знати. За время господства франков посавские славяне неоднократно поднимали восстания против своих угнетателей. Благоприятные условия для их борьбы создавало начавшееся после смерти Карла Великого ослабление Франкского государства.

Особенно мощным было восстание, вспыхнувшее в 819 г. Возглавил его князь нижнепаннонских славян, в том числе посавских хорватов, Людевит. К восстанию, как уже говорилось, примкнула значительная часть словенцев, а также тимочане, которые до этого были союзниками болгар. В том же 819 г. император направил из Италии для борьбы против восставших огромное войско, но оно потерпело неудачу. Между тем Людевит Посавский, видимо, надеялся добиться мирного решения вопроса. Как сообщают источники, он вступил в переговоры с франками. Но эти переговоры не дали никаких результатов и вскоре против Людевита выступил фриульский маркграф Бальдерик. Однако ему удалось лишь несколько потеснить повстанцев в районе реки Дравы. Не оказало существенной помощи франкам и выступление против Людевита их союзника — князя Далматинской Хорватии Борны. Оставленный в решающий момент ранее подвластным ему племенем гачан, Борна в битве на реке Купе потерпел полное поражение и сам едва спасся бегством. Людевит, преследуя Борну, вторгся в Далмацию и опустошил ее.

В 820 г. франки вновь выступили против повстанцев; их войска, поддержанные отрядами Борны, двинулись в Посавскую Хорватию одновременно с трех сторон. Разорив страну, они, однако, не смогли сломить

сопротивления повстанцев; франкам удалось восстановить свою власть лишь в словенских землях. Новый поход, предпринятый франками в 820 г., также был безуспешным. В 822 г. они в пятый раз выступили против посавских славян. Под давлением превосходящих сил противника Людевит был вынужден оставить город Сисак и бежать на юг. Подчинив своей власти племя сербов, проживавших в верховьях реки Уны, Людевит затем отправился в Далматинскую Хорватию, надеясь, видимо, при посредничестве местной знати вступить в переговоры с франками. Здесь в 823 г. он был предательски убит дядей умершего Борны Людемыслом.

Однако гибель Людевита не обеспечила франкам прочного господства в среднем Подунавье. Вскоре восточной частью Славонии овладели болгары (827 г.), которым удалось поставить во главе остальных паннонских славян своего вассала князя Ратимира (829—838 гг.). Лишь к середине IX в. франки сумели вновь восстановить здесь свою власть; в это время западная часть Посавской Хорватии, вероятно, входила в состав Блатенского княжества, возглавляемого союзником германского короля Людовика Немецкого князем Прибиной. В полувассальной зависимости от франкских правителей находились славяне Посавской Хорватии и в самом конце IX в., когда во главе их стоял князь Браслав, владения которого простирались от Дравы до Купы.

Более успешной была борьба за создание самостоятельного государства славян Далматинской Хорватии, которая в конечном итоге стала основным центром объединения хорватских земель. К середине IX в. здесь значительно усилилась княжеская власть и стала отчетливо проявляться тенденция к ее превращению в наследственную. После раздела франками Фриульской марки (828 г.) хорвато-далматинские князья оказались в вассальной зависимости от королей Италии, но эта зависимость вскоре по существу приобрела номинальный характер, что создавало благоприятные условия для образования самостоятельного Хорватского государства.

Процесс объединения хорватов и создания у них независимого государства протекал в весьма сложной внешнеполитической обстановке. На IX в. приходятся первые значительные столкновения далматинских хорватов с Венецией, которая постепенно становится важнейшим торговым центром на Адриатике. Серьезную угрозу для хорватов представляла и Византия, создавшая во второй половине IX в. для усиления своих позиций на Адриатике особую Далматинскую фему, в состав которой вошли города Задар, Трогир, Сплит, Дубровник и Котор, а также прибрежные острова.

Князь далматинских хорватов Трпимир (около 845—864 гг.), используя ослабление Византии вследствие набегов арабов, после упорной борьбы с византийским наместником в Далмации сумел значительно укрепить свои позиции на побережье. Трпимиру удалось также расширить границы княжества на северо-востоке в результате успешных военных действий против болгар. Вскоре при одном из ближайших преемников Трпимира была окончательно ликвидирована зависимость хорватов от франков. Это произошло в 878 г., когда, воспользовавшись ожесточенной борьбой между Каролингами за итальянские владения, Византия возвела на хорватский княжеский престол своего ставленника Здеслава; при этом она передала ему право получать дань с городов и островов Далматинской фемы. Но уже в следующем году Здеслав был убит и хорватским князем стал Браничмир, в результате чего Византия лишилась верховной власти над Хорватией. Освобождению Хорватии благоприятствовали новые неудачи Византии на востоке. Стремясь закрепить самостоятельность своего княжества, Браничмир заручился поддержкой римской курии,

которая одобрила его вступление на княжеский престол.

Главной предпосылкой создания самостоятельного Хорватского государства был процесс становления феодальных отношений, протекавший наиболее интенсивно в Далматинской Хорватии, что, несомненно, связано с уже отмеченным выше наличием здесь городов. В сочетании с позднейшими данными документы IX в. (хотя достоверность отдельных из них спорна) дают основание считать, что в это время хорватодалматинские князья владели землями, обрабатываемыми трудом зависимых людей — сервов, большинство которых было посажено на наделы. Наряду с князем, имевшим населенные сервами доменикальные земли, крупными земельными собственниками, надо полагать, были жупаны, постепенно превращавшиеся в княжеских служилых людей, а также другие представители княжеского окружения, в том числе члены княжеской дружины.

Часть надписи с упоминанием хорватского князя Трпимира. IX в.

Феодализация хорватского общества сопровождалась распространением христианства, появление которого в далматинских городах относится еще к периоду римского господства. По сообщению Константина Багрянородного, начало крещения славянского населения Далмации положила Византия в VII в. Однако значение этого сообщения не следует преувеличивать. Возможно лишь, что Византии удалось в VII в. крестить отдельных представителей хорватской знати. Имеются письменные свидетельства о том, что в середине этого века славяне в Далмации и Истрии были язычниками. Как показывают археологические материалы, язычество у хорватов и в конце VIII в. имело еще очень широкое распространение. Поворотным моментом в христианизации хорватов принято считать установление господства франков. Они подчинили Хорватию в церковном отношении Аквилейскому патриархату, усиленно насаждавшему новую религию. Видимо, уже со второй половины IX в. в Хорватию стало проникать богослужение на славянском языке, понятное народным массам. Особенно широкое распространение христианство, в частности богослужение на славянском языке, получило в Далматинской Хорватии. У далматинских хорватов в IX в. имелась уже самостоятельная епископия с центром в городе Нине. Вместе с тем на территории Далматинской Хорватии постепенно начинается концентрация земельной собственности в руках духовенства.

В начале X в. в период правления Томислава (около 910—930 гг.) хорваты успешно отразили набеги венгров, только что переселившихся в Паннонию. В ходе борьбы против венгров Томиславу удалось распространить свою власть на Посавскую Хорватию (Славонию). Хорваты вышли победителями и в последовавшем затем столкновении с болгарским царем Симеоном. Внешнеполитические успехи Томислава нашли отражение и в признании римской курией его верховной власти над далматинскими городами. Все это выдвинуло Хорватию в число наиболее сильных

государств на Балканах. Не случайно с именем Томислава обычно связывают превращение Хорватии в королевство (начиная с Томислава правители Хорватии, как правило, именуются королями — rex Chroatorum).

Формирование хорватского раннефеодального государства выразилось в развитии и укреплении его политической надстройки. Все основные функции государственного управления были сосредоточены в руках короля. Центром этого управления стал королевский двор-курия. Во главе придворной знати стоял мажордом, называвшийся по-хорватски «дед». Важное место в королевской курии занимал жупан-палатин (jupanus palatinus, curiales comes), помогавший королю в осуществлении судебных и административных функций. В состав королевской курии входил также королевский казначей (postelnic, camerarius). Королевскую канцелярию обычно возглавлял придворный священник.

В административном отношении страна была разделена на жупании, управляемые жупанами, которые из выборных лиц постепенно превращаются в назначаемых королем чиновников. Кроме того, отдельные территории, объединявшие несколько жупаний, находились в непосредственном ведении бана —одного из наиболее важных лиц государственного управления. По имеющимся данным, в X в. Далматинская Хорватия состояла из 11 жупаний и одной бановины, включавшей Крбаву, Лику и Гачку. В XI в., помимо этой бановины, имелась также банская область в Славонии.

Важной опорой хорватского короля было войско, прежде всего его дружина, а также отряды феодальной знати. Кроме того, в начале X в., надо полагать, значительную часть военных сил Хорватского государства составляло ополчение свободного сельского населения. Не случайно Хорватия того времени представлялась современникам мощной в военном отношении державой, способной, по свидетельству Константина Багрянородного (правда, несомненно преувеличенному), выставить до 100 тысяч пехоты, до 60 тысяч всадников, до 80 больших и 100 малых судов.

В начале X в. произошли важные перемены в церковной организации Хорватского государства. Значительно укрепив к этому времени свои позиции на Балканах, римская курия начала энергичную борьбу с влиянием восточной (византийской) церкви в далматинских городах, в Хорватии и в сербской области Захумье. С этой целью в 925 г. в Сплите был созван церковный собор, на котором наряду с представителями папы и местными епископами приняли участие хорватский король Томислав и захумский князь Михаил Вишевич. Решения собора были направлены против употребления духовенством глаголической письменности и богослужения на славянском языке. Одновременно собор провозгласил подчинение Сплитской архиепископии всех окрестных епископств, в том числе и Нинской епископии, возглавлявшей хорватские церковные учреждения. А на следующем соборе, состоявшемся в 927 г. также в Сплите, Нинская епископия вообще была ликвидирована. Тем самым Хорватия была лишена самостоятельной церковной организации, что привело к еще большей зависимости хорватских королей от римской курии. Вместе с тем укрепление позиций западной церкви, боровшейся с богослужением на славянском языке, отрицательно сказалось на последующем развитии хорватской письменности и литературы.

В X—XI вв. происходит дальнейшая феодализация хорватского общества, выразившаяся прежде всего в росте феодальной земельной собственности.

Сохранившиеся от этого времени актовые материалы в своей совокупности убедительно свидетельствуют об интенсивном процессе концентрации земельной собственности. В них содержатся многочисленные данные о покупках земельных участков как духовной, так и светской знатью.

Изображение хорватского государя. Сплитский собор. XI в.

Не менее важным источником роста феодальной земельной собственности, судя по этим документам, были королевские пожалования, сопровождавшиеся подчас предоставлением почти полного иммунитета. Особенно богато одаривалось земельными владениями духовенство.

Подавляющая часть жалованных грамот X—XI вв. относится к монастырям. Это легко объясняется тем, что именно в монастырях и сохранилось большинство дошедших до нас документов того времени. Но в нашем распоряжении имеются также отдельные свидетельства о королевских земельных пожалованиях служилой знати. Весьма существенно, что эти земли новые владельцы обычно имели право передавать в другие руки. Вместе с тем сохранились известия о передаче хорватскими королями представителям светской знати права на сбор в свою пользу налогов с определенной территории. Однако судя по тому, что должностные лица, особенно жупаны, в X—XI вв. часто менялись, право сбора налогов предоставлялось им лишь на время.

Наряду с крупными феодалами, в Хорватии X—XI вв. существовала многочисленная прослойка мелких вотчинников, выделившихся из свободного сельского населения в результате имущественной дифференциации. Это были, видимо, люди, освобожденные от части налогов и обязанные нести конную военную службу.

Основную массу хорватского сельского населения в X—XI вв. составляли, как и прежде, свободные крестьяне-общинники. Источники их именуют вилланами (villani). Обычно в памятниках виланы выступают как свободные люди, отчуждающие свою землю (аллод). Продавая свои аллодиальные наделы, многие виланы, несомненно, разорялись. Среди них встречаются такие, которые продают за несколько луковиц или просто за угощение свои карликовые участки. Имеются также неоднократные свидетельства о превращении свободных людей в сервов.

Однако значительной части крестьян-общинников в Далматинской Хорватии, судя по позднейшим данным, удалось сохранить свободу, а многим из них—даже добиться впоследствии привилегированного положения. В этом одна из специфических особенностей развития феодальных отношений в Далматинской Хорватии.

Основной категорией зависимого населения в Хорватии X—XI вв. оставались сервы. Их труд использовался светской и духовной знатью как в домашнем хозяйстве, так и для обработки земель; в последнем случае сервы, как правило, имели свой земельный надел и скот. Есть основания считать, что в это время существовали целые села, населенные сервами. Правовое положение сервов было крайне тяжелым, почти ничем не отличаясь от рабского: по существу они были полной собственностью господина. Это объясняется прежде всего тем, что они попадали в зависимость так же, как и рабы, из-за долгов или в качестве пленных. Сохранились многочисленные свидетельства о покупке сервов. Вместе с тем в источниках X—XI вв. появляются первые данные об изживании этого института: они содержат ряд показаний об отпуске сервов на свободу.

Крупные земельные собственники эксплуатировали также обедневших общинников, сохранявших личную свободу; при этом преобладала, видимо, эксплуатация в форме издольщины (уплаты части урожая). Важнейшей статьей дохода духовенства была десятина, собиравшаяся и от урожая и с поголовья скота.

Характеризуя развитие феодальных отношений в хорватском раннесредневековом обществе, необходимо особо оговорить, что дошедшие до нас источники относятся преимущественно к Далматинской Хорватии; документов этого времени, характеризующих социально-экономические отношения в других частях страны, почти не сохранилось. Это позволило некоторым историкам утверждать, что в Славонии вплоть до XII в. господствовали родоплеменные отношения. Не исключено, что до этого времени развитие феодальных отношений в Славонии проходило менее интенсивно, чем в Далматинской Хорватии, но делать на основании умолчания источников заключение, что феодализм возник в этих частях страны лишь в XII в., вряд ли правильно.

Особенно быстрые темпы феодализации общества в Далматинской Хорватии, как мы уже отмечали, были обусловлены прежде всего наличием здесь городов. В рассматриваемый период в Далматинской Хорватии наблюдается дальнейший прогресс в развитии городской жизни. В связи с выделением ремесла из сельского хозяйства и ростом торговли (особенно морской), здесь уже в IX в. появляются наряду с прежними новые городские центры, выросшие вокруг градов-крепостей в жупах. Наиболее значительными из этих городов были Биоград, Нин, Книн, Шибеник, Клис. Некоторые из них, возникнув на развалинах старых римских крепостей, приняли их наименования, правда, в несколько изме-

Церковь в Нине. Около 800 г.

ненной, славянизированной форме. Население всех новых городов в своем подавляющем большинстве было славянским. Постепенно все больший удельный вес славяне приобретают в этническом составе и тех далматинских городов, где первоначально преобладало романское население.

Данные источников о внутренней жизни далматинских городов в X—XI вв. довольно скудны. Но и на их основе нетрудно убедиться, что городское население в это время было значительно дифференцировано. Оно делилось на народ (populus), знать (nobiles, majores) и духовенство (clerici). Одним из основных источников доходов знати были земельные владения и скот. Яркие свидетельства о тех богатствах, которые сосредоточились в руках отдельных представителей городской знати, содержит завещание задарского градоначальника — приора (начало X в.). Согласно этому завещанию, приору принадлежало, помимо целого ряда земельных участков, 5 домов, 800 голов мелкого скота, большое количество серебряных изделий, дорогих тканей и т. п. Наряду со светской знатью, не менее крупным собственником в далматинских городах было духовенство, в первую очередь различные церковно-монастырские корпорации. Особенно в этом отношении отличалось духовенство Сплита — резиденции далматинского архиепископа. Малоимущее население далматинских городов, именовавшееся народом, состояло из мелких торговцев, ремесленников, матросов и т. д.

Большинство далматинских городов, используя борьбу между различными претендентами на побережье Восточной Адриатики, добилось автономии во внутренней жизни. Городское управление сосредоточивалось в руках городской знати, избиравшей городского главу — приора и других должностных лиц.

Стремление светской и духовной знати закабалить свободное население вызывало с его стороны упорное сопротивление, смыкавшееся с антифеодальной борьбой сервов. Недаром в первом же из сохранившихся хорватских законодательных памятников (постановлениях Сплитского

церковного собора 925 г.) специально установлены жестокие кары для лиц, посягнувших на жизнь своего господина.

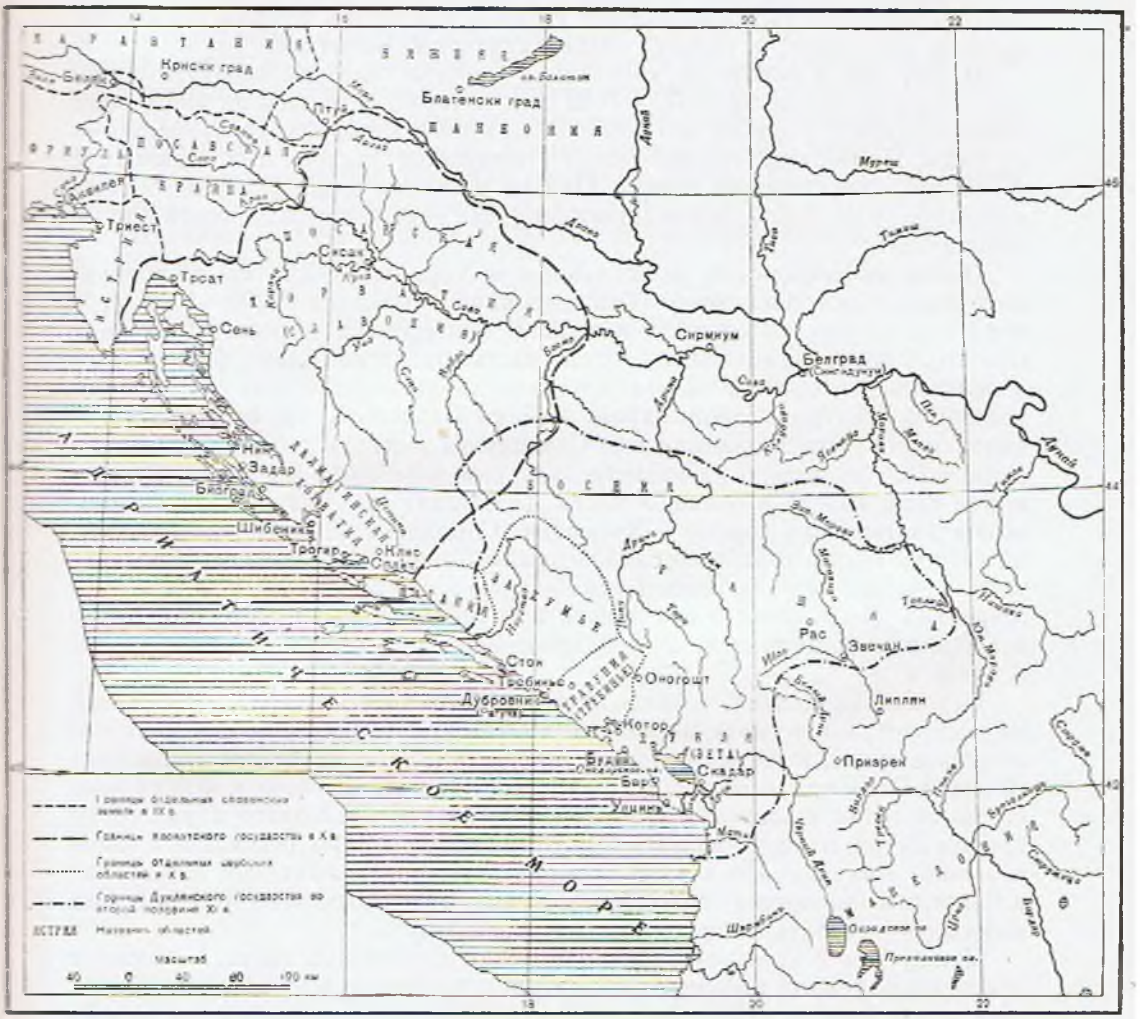
Развитие феодальных отношений привело также к обострению противоречий внутри господствующего класса Хорватии. Вследствие усиления феодалов за счет королевских пожалований, захвата земель и военной добычи все чаще стали происходить столкновения между отдельными группировками знати, стремившимися получить в свои руки центральную власть в стране. Внутренняя борьба ослабляла государство. К тому же уже в середине X в. заметно сократилась численность хорватского войска, что было, очевидно, вызвано разорением и закабалением значительной массы свободного населения.

Начался период неудач во внешней политике. Ослаблением хорватского государства не замедлили воспользоваться венецианцы, которые, как отмечал К. Маркс «открыли еще в X веке..., что господство в Адриатике может принадлежать только тому, кто владеет ее восточными берегами» [1]. Особенно благоприятная обстановка для осуществления притязаний Венеции на Далматинское побережье сложилась в конце X в.: в Хорватии в это время шла борьба за престол между наследниками короля Степана Držислава (969—995 гг.), а Византия — номинальный владелец Далмации — вела тяжелую войну против державы Самуила (см. главу 6, стр. 73). Воспользовавшись этим, венецианский дож Пьетро II Орсеоло в 1000 г. разгромил хорватский флот и захватил далматинские города и острова. Вскоре в результате междоусобной борьбы Трпимировичей от Далматинской Хорватии отделилась Славония.

В течение всей первой половины XI в. между Хорватией и Венецией продолжалась непрерывная борьба за далматинское побережье, верховная власть над которым номинально оставалась за Византией. Но к середине XI в., когда Византия была занята тяжелой борьбой с турками-сельджуками в Азии и с норманнами в Южной Италии, далматинские города фактически уже перестали считаться с ее верховной властью. Хорватский король Петр Крешимир IV (1058—1074 гг.), установив тесную связь с далматинскими городами, стал считать себя их верховным патроном, о чем свидетельствует его титул «король Хорватии и Далмации». Одним из важнейших внешнеполитических событий в период правления Петра Крешимира явилось воссоединение Далматинской Хорватии и Славонии.

Для осуществления своих внешнеполитических планов Петр Крешимир стремился найти поддержку у западной церкви, которая незадолго до этого (в 1054 г.) окончательно порвала с восточной. С его согласия в 1060 г. в Сплите был созван церковный собор, чтобы провести в Хорватии реформы, подобные тем, которые осуществлялись в то время папской курией в большинстве западноевропейских стран для увеличения авторитета и организационного укрепления католической церкви. На соборе был установлен новый порядок избрания сплитского архиепископа, а также подтверждены постановления, лишавшие священников права жениться и носить бороды. Большое внимание собор уделил борьбе со славянским богослужением, категорически запретив славянам, не знающим латыни, занимать церковные должности. Мероприятия по проведению в жизнь постановлений сплитского собора и, в частности, попытка закрытия церквей, в которых шло богослужение на славянском языке, вызвали сильное сопротивление в стране. Особенно широкий размах приняло движение против церковных реформ на острове Крке, где его возглавил священник Вульф. При содействии королевской власти латинской церкви удалось подавить направленные против нее выступления, но до полного

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 93.



Югославянские земли в период раннего средневековья

искоренения богослужения на славянском языке было далеко: оно сохранялось в Хорватии еще в течение многих столетий.

Некоторое укрепление Хорватского государства при Петре Крешимире, достигнутое отчасти ценой уступок католической церкви, имело временный характер. В условиях наступившей после его смерти анархии Хорватия лишилась всех своих приобретений на побережье. В 1075 г. значительную часть далматинских городов и островов заняли норманны, а затем эти города и острова были захвачены Венецией.

Между тем в борьбе за хорватский престол одержал победу бывший бан Дмитрий Звонимир (1075—1089 гг.), который опирался на поддержку римской курии, в связи с чем должен был принять вассальную зависимость от папы. При содействии последнего Звонимиру удалось присоединить к Хорватии далматинские города. Однако во время междоусобицы, начавшейся сразу же после смерти Звонимира, эти города вновь перешли в руки венецианцев.

Новая междоусобица, вспыхнувшая в Хорватии после кратковременного правления последнего Трпимировича — Степана (1090—1091 гг.), повлекла за собой вторжение в страну венгерского короля Ладислава (Ласло), у которого искала поддержки часть хорватской знати; формальным основанием для притязаний Ладислава на хорватскую корону служило его родство с Дмитрием Звонимиром. Войска Ладислава, не встретив организованного отпора, заняли всю Славонию и достигли побережья. Однако полностью подчинить Хорватию венграм помешала Византия. Восстановив свою власть в большей части Далмации, она поддержала противников венгерского короля в Хорватии. Одновременно византийское правительство организовало вторжение куман (половцев) в Венгрию. В результате Ладислав был вынужден отказаться от своих планов в отношении Хорватии. Последствием его похода в хорватские земли было появление в Славонии самостоятельного Загребского епископства, основанного им в 1093 г.

Неудача Ладислава, однако, не поколебала намерения венгерской знати распространить свою власть на хорватскую территорию и тем самым получить выход к Адриатическому морю. В 1097 г. преемник Ладислава Коломан (Кальман) предпринял поход в Хорватию. В горах к югу от реки Купы он нанес решительное поражение войскам последнего хорватского короля Петра, павшего на поле боя. Вслед за тем венгры двинулись к морю и заняли Биоград. Но в 1099 г. венгры потерпели жестокое поражение в Галицком княжестве от русских и куман, вследствие чего Коломан был вынужден отозвать свои войска из Хорватии.

Между тем у отдельных представителей хорватской знати, а также у значительной части населения далматинских городов все более возрастала тяга к соединению с Венгрией. Многолетняя непрекращающаяся борьба с Венецией наглядно показала хорватским феодалам, какими тяжелыми последствиями чревато для них венецианское господство. В то же время было совершенно очевидно, что без помощи более сильных союзников Хорватское государство, раздираемое внутренними противоречиями, ослабленное длительными войнами, не в состоянии отстоять свою независимость. Не могла хорватская знать рассчитывать и на помощь Византии, которая в последние годы XI в. была занята борьбой с турками-сельджуками и норманнами, а также урегулированием отношений с участниками первого крестового похода.

В 1102 г. Коломан вновь двинул войска в Хорватию, где в это время в связи с прекращением правящей династии господствовала феодальная анархия. Страна оказалась зажатой в тисках между венграми и венецианцами, стремившимися расширить свои владения в Далмации. В этих усло-

виях, не имея надежды на помощь со стороны других государств, хорватская знать предпочла пойти на переговоры с королем Венгрии.

Последний, видимо, не рассчитывая лишь с помощью оружия надолго сохранить свою власть в Хорватии, и прежде всего в ее далматинской части, также был заинтересован в поддержке со стороны хорватской знати. В результате, как полагало большинство исследователей, в 1102 г. был заключен хорватско-венгерский договор, о чем, правда, прямо свидетельствует лишь один документ, составленный к тому же не ранее XIII в. Вместе с тем многие современные историки считают, что дошедшее до нас свидетельство о договоре хорватской знати с Коломаном недостоверно.

Но так или иначе, несомненно, что в 1102 г. подавляющая часть хорватских земель, в том числе и в Далмации, оказалась под властью венгров. В течение 1105—1107 гг. Коломан подчинил также далматинские города и острова. Таким образом, в начале XII в. под властью венгерских королей оказалась вся территория Хорватии, потерявшей свою независимость на многие столетия.

ГЛАВА 5

СЕРБСКИЕ ЗЕМЛИ

Среди славян, переселившихся на Балканский полуостров в VI — VII вв., были и племена, из которых впоследствии сформировался сербский народ. Центр поселения этих племен находился в юго-западной части нынешней Сербии — междуречье верховья Дрины, Лима, Ибара и Западной Моравы. В период средневековья эта область обычно называлась Рашкой. Нынешние Черногория, Босния, Герцеговина и часть Далмации (на юго-восток от реки Цетины) объединялись в несколько географических областей — Дуклю, Травунию или Требинье, Захумье, Паганию (Неретвлянскую область) и Боснию. Эти территории были заселены племенами, которые в этническом и культурном отношениях были сходны со славянами, жившими в Рашке. Наши сведения о первых веках существования славянских племен в этих землях чрезвычайно скудны. Археологические материалы немногочисленны и трудно поддаются датировке. Письменные источники полностью отсутствуют. Впервые имя сербов упоминается в источниках,связанных с восстанием Людевита Посавского (IX в.), а более подробно о них рассказывает в середине X в. византийский император Константин Багрянородный, который сообщает некоторые сведения по истории славянских племен Рашки, Дукли, Травунии, Захумья, Пагании и Боснии со времени их появления в византийских владениях. Но его данные отрывочны, а иногда и противоречивы.

По свидетельству Константина Багрянородного, Дукля была расположена между Драчем и Котором. Севернее находилась Травуния, граничившая в районе Дубровника с Захумьем, простиравшимся до бассейна реки Неретвы. Далее по побережью между реками Неретвой и Цетиной лежала Пагания, включавшая также острова Корчула, Млет, Хвар и Брач. Константин упоминает о существовании шести городов во внутренних областях Сербии (Рашке), двух — в Боснии, трех — в Дукле, десяти — в Захумье и Травунии и четырех — в Пагании. По-видимому, эти города служили славянам убежищами, крепостями и центрами управления.

В приморских районах Дукли, Травунии и Захумья еще от римских времен сохранились городские центры Скадар, Улцинь, Будва и Котор. Во внутренние области Балкан и к центру Византийской империи — Константинополю от них шли торговые пути, пролегавшие и через сербские земли. Однако вторжение славян на время ослабило торговые связи приморских центров с континентальными районами Балкан. Как и в Далма-

тинской Хорватии, эти городские центры, сохраняя преимущественно романское население, развивались обособленно от внутренних областей Балканского полуострова.

Как и в других частях Балканского полуострова, в сербских землях распространение христианства среди славянских племен началось вскоре после их переселения. Инициатором христианизации в этих землях была Византия, которая рассчитывала таким путем расширить свое политическое влияние на славян. Константин Багрянородный сообщает, что крещение сербов началось еще при императоре Ираклии (610—641 гг.), который послал сербам священников из Рима. Весьма возможно, что попытки Византии распространить христианство в сербских землях имели несколько бо́льшие результаты, чем в Хорватии. Христианство первоначально распространялось медленно, широкие слои населения с трудом его воспринимали и нередко вновь возвращались к язычеству. Окончательно новая религия утвердилась в сербских землях лишь во второй половине IX в. при императоре Василии I, когда крестился княжеский род в Рашке (по-видимому, между 867 и 874 гг.).

Уже на первых этапах распространения христианства сербские земли оказались на стыке двух церковных влияний — западного и восточного. В первое время христианство проникало главным образом с запада, о чем свидетельствуют долго сохранявшиеся остатки латинской церковной терминологии у сербов. Но между Римом и Византией шла борьба за влияние в сербских землях. К концу IX в. определилось преобладание римской церкви в районах, прилегавших к Адриатическому побережью, и византийской — во внутренних сербских землях. Широкому распространению среди сербов христианства по восточному обряду содействовала в это время деятельность на Балканах учеников Кирилла и Мефодия, приведшая к распространению среди сербов понятного народу богослужения на славянском языке. В результате переход к христианской религии способствовал развитию сербской культуры, в частности письменности.

Процесс складывания феодального государства у сербов в течение раннего средневековья шел сравнительно медленно. Одной из причин этого, несомненно, являлись географические особенности мест их расселения. В Рашке, Дукле, Травунии, Захумье и Боснии не только преобладал горный рельеф, но все эти области были отделены друг от друга горными хребтами и представляли поэтому географически замкнутые территории. Хотя некоторые из сербских земель (Дукля, Травуния и Захумье) прилегали к Адриатическому побережью, они оставались мало связанными в хозяйственном отношении с торговыми центрами Адриатики, так как их основная территория была отрезана горами от побережья. Все это обусловило слабые темпы развития производительных сил у сербов, способствовало сохранению экономической и политической обособленности отдельных областей.

Центр государственного объединения сербов в течение раннего средневековья неоднократно перемещался то во внутренние, то в приморские районы.

После переселения на Балканский полуостров первыми территориальными объединениями у сербов, как и у большинства южных славян, были жупы. Жупы обычно занимали районы, ограниченные течением рек или горами и так далее. Их центрами являлись укрепленные поселения или города. Как административные территориальные единицы жупы в дальнейшем стали прочной основой Сербского государства.

По-видимому вскоре, после переселения славян на Балканский полуостров стали создаваться и политические союзы соседних жуп во главе с князьями или банами (в Боснии). Должности жупанов, князей и банов

постепенно становились наследственными и закреплялись за отдельными зажиточными и влиятельными родами. Постоянная борьба и военные столкновения этих сравнительно мелких союзов вели к созданию более обширных территориальных объединений. Все эти политические образования находились под верховной властью Византии. Но их зависимость от империи была незначительной и, по-видимому, сводилась к уплате дани. Признавая верховную власть Византии, сербы фактически были самостоятельными в политическом отношении.

Во второй половине VIII — первой половине IX в. в центре сербских земель — Рашке существовало уже государственное объединение. В середине IX в. правил князь Властимир. Константин Багрянородный сообщает и имена трех его предшественников. Славянские племена, населявшие западную часть Балканского полуострова (хорваты, сербы, захумляне, травуняне, дукляне и др.), по его словам, уже отпали от Византии, «сделались самостоятельными и независимыми, не покоряясь никому».

Складывавшемуся Сербскому государству пришлось вести тяжелую борьбу с сильными соседями — Болгарией и Византией. Усилившаяся с начала IX в. Болгария подчинила себе Срем и правобережье Дуная, после чего попыталась овладеть Сербией. Но после продолжавшейся три года войны Властимиру удалось отразить нападение болгар. Он сумел поставить от себя в зависимость и Травунию. Все это свидетельствует о том, что в середине IX в. государство в Рашке было уже достаточно обширным и сильным в военном отношении.

Наследниками Властимира были три его сына — Мутимир, Строймир и Гойник, поделившие между собой владения отца. Они также успешно отразили нападение на свои земли болгар, взяв в плен сына их князя Бориса — Владимира с двенадцатью великими болярами. Это поражение заставило Бориса пойти на заключение мира с сербами. Вскоре после этого между сербскими князьями началась жестокая борьба за власть, способствовавшая ослаблению государственного единства. Византия, рассчитывая создать в лице сербов противовес все усиливавшейся Болгарии, старалась подчинить сербских правителей своему влиянию. Мутимиру удалось, по-видимому, опираясь на поддержку Византии, победить братьев, нашедших убежище в Болгарии (около 872 г.).

После смерти Мутимира (около 891 г.) его сыновья не смогли удержать власть и были изгнаны их двоюродным братом Петром Гойниковичем. Отразив попытки сыновей Мутимира и Строймира занять сербский престол, Петр Гойникович правил в Рашке вплоть до 917 г., когда после победы над Византией болгарский князь (позднее царь) Симеон сверг его. После этого сербский престол стали занимать ставленники болгар — Павел Бранович и Захарий Прворлавич, которые, однако, недолго оставались верными болгарскому царю.

В 924 г. Симеон послал в Сербию крупное войско, которое совершенно опустошило страну. Значительная часть населения была уведена в Болгарию, жупаны взяты заложниками. Сербские земли вошли в состав Болгарского царства.

Другим центром государственного объединения сербов в начале X в. стало Захумье, где в это время правил князь Михаил Вишевич, ведший в отношении своих соседей довольно ловкую политику. Стараясь, по-видимому, отразить попытки Петра Гойниковича укрепиться в приморских областях, Михаил Вишевич установил дружеские отношения с Симеоном и оказывал ему всевозможные услуги. Так, около 916 г. он сообщил Симеону о тайных сношениях сербов из Рашки с византийцами, которые склоняли Петра Гойниковича совместно с венграми выступить против Болгарии. Этот случай свидетельствует о том, что Михаил был настолько си-

лен, что не побоялся действовать против интересов Византии. Захумский князь поддерживал связи и с Хорватией.

Как уже говорилось выше, вместе с представителями захумской знати он присутствовал на церковном соборе в Сплите (925 г.), решением которого захумская епископия перешла под власть зависимой от Рима Сплитской архиепископии. Это способствовало укреплению в Захумье позиций западной церкви.

После смерти царя Симеона в Болгарском царстве начался острый внутренний кризис, сопровождавшийся феодальными смутами и восстаниями. Изменившаяся политическая ситуация заставила захумского князя отойти от союза с болгарами и стать под защиту Византии. Как союзник он получил от империи высокий византийский титул.

Начавшееся ослабление Болгарии облегчило восстановление самостоятельного государства в Рашке. Вскоре после смерти царя Симеона один из членов сербской княжеской фамилии — Часлав Клонимирович,— находившийся при болгарском дворе, вместе с четырьмя сербскими жупанами бежал на родину (по-видимому, в 927 или 928 г.). Опираясь на поддержку Византии, Часлав освободил сербские земли от власти болгар. Стремясь сделать сербов противовесом своим опасным соседям — болгарам и хорватам — Византия всемерно помогала восстановлению Сербского государства, которое быстро окрепло и территориально расширилось. В состав владений Часлава Клонимировича, кроме Рашки, входили Босния и Травуния.

О судьбе государства Часлава Клонимировича, как и Захумского княжества, во второй половине X в., не сохранилось никаких сведений. Можно лишь предположить, что вскоре после смерти Часлава (в 50-х гг. X в.) созданное им государство стало распадаться. Так, известно, что Босния в это время уже не входила в его состав.

Сохранению политической самостоятельности сербов не благоприятствовала и внешнеполитическая обстановка. Усилившаяся Византия установила свое господство в северо-восточной части Первого Болгарского царства. Возникшее в 70-е годы X в. Болгарское государство во главе с царем Самуилом вело успешное наступление на византийские владения.

В конце X в. в состав государства Самуила вошли и сербские земли (см. гл. 6, стр. 72). Легкость, с которой Самуил овладел областями, населенными сербами, свидетельствует о том, что в это время они были полностью раздроблены в политическом отношении.

Падение державы Самуила в 1018 г. привело к переходу сербских земель под власть Византии, которая, однако, не смогла сделать свое господство над ними столь прочным, как над расположенной ближе к центру империи Болгарией. Она ограничилась установлением вассальной зависимости сербских князей при условии уплаты ими дани и исполнении других обязательств. В церковном отношении сербские земли были подчинены Охридской архиепископии.

В XI в. центр борьбы за политическую независимость сербских земель и их государственное объединение перемещается из внутренних районов Сербии на юго-запад, в населенные сербами приморские области — Дуклю, Травунию и Захумье.

Дукля (которая с XI—XII вв. стала называться также Зетой) и прилегавшие к ней с северо-запада Травуния и Захумье в IX—X вв. временами находились под властью жупанов Рашки, но развивались в политическом отношении несколько обособленно.

Во второй половине X в. в Дукле значительно усилилось влияние Византии, которая старалась разжечь вражду между старейшинами отдельных племен. Но Дукля сохраняла свою самостоятельность. В конце

X в. в ней правил князь по имени Владимир. В это время царь Самуил напал на эту область и подчинил ее своей власти. Князь Владимир попал в плен и был уведен в столицу Самуила Преспу, где скоро женился на дочери царя, получив в управление Дуклю. Князь Владимир правил Дуклей как вассал царя Самуила; Травунией и Захумьем управлял в это время родственник Владимира Драгомир.

Византия, подчинив после 1018 г. сербские земли, установила свою власть и в Дукле, которая занимала важное стратегическое положение в системе владений империи на Балканском полуострове. Но система управления, существовавшая там ранее, не была разрушена, сохранились владения местной знати, племенных старейшин и церкви.

Хотя гнет византийского правительства в сербских землях не был столь тяжелым, как в областях, расположенных ближе к центру империи, например в Болгарии, византийское господство вызвало недовольство как сербских феодалов, так и крестьянства. Окраинное положение Дукли в системе византийских владений на Балканском полуострове облегчало борьбу за независимость. К тому же во второй четверти XI в., после смерти императора Василия II Болгаробойцы, Византия вновь ослабела. Постепенное усиление налогового гнета вызывало сопротивление порабощенного населения. В 1035 г. сын Драгомира Стефан Воислав поднял в Дукле восстание против Византии. Оно закончилось неудачно, и Воислав как заложник был отведен в Константинополь, а управление Дуклей передано одному из византийских полководцев. Но Воиславу вскоре удалось бежать на родину и установить свою власть не только в Дукле, но также в Травунии и Захумье.

Византия не могла без борьбы согласиться на отпадение Дукли, Травунии и Захумья. Однако мощное восстание 1040—1041 гг., охватившее почти всю западную часть Балканского полуострова, не позволило ей сразу же выступить против сербов. В 1042 г. большое византийское войско вторглось из Драча в Дуклю и разграбило ее. Но войска Воислава, засев в горах, настигли возвращавшихся из похода византийцев и нанесли им жестокое поражение. После этого византийское правительство оставило попытки вернуть себе Дуклю, Травунию и Захумье. Это дало возможность Воиславу постепенно укрепить свою власть на этой территории и создать самостоятельное Дуклянское государство.

Преемником Воислава был его сын Михаил (около 1050 — около 1082 г.), который, прежде чем утвердиться на престоле, выдержал тяжелую борьбу за власть со своими братьями. В первое время правления Михаил поддерживал мирные отношения с Византией, которая в это время была сильно ослаблена феодальными распрями и внешними вторжениями и поэтому стремилась не портить отношений с сербами.

Союз с империей помог Михаилу укрепить государственное объединение Дукли, Травунии и Захумья, а затем подчинить своей власти и Рашку.

Хотя Дуклянское государство давно уже было независимым от Византии, оно нуждалось в международном признании своей самостоятельности, символом чего могло стать получение сербским князем королевского титула от византийского императора или римского папы. Разрыв между западной и восточной церквами и усиление борьбы между Римом и Византией создавали для этого удобные условия.

Римский папа Григорий VII, стремившийся распространить свое влияние в балканских странах и ослабить там позиции константинопольской патриархии, в 1077 г. по просьбе князя Михаила даровал ему королевский титул.

К XI в. развитие феодальных отношений в Дукле, Травунии и Захумье зашло уже достаточно далеко. Из сведений, сообщаемых в «Барском ро-

дослове» (Летописи попа Дукляпина), можно заключить, что в это время в сербских землях существовал в значительной мере оформившийся феодальный класс. Он состоял из членов княжеских фамилий и придворной знати, жупанов, княжеских дружинников.

Феодалы владели землями с поселенными на них крестьянами, получали в управление отдельные области, где вершили суд и собирали налоги с населения. Члены военных дружин получали в вознаграждение за службу земли или права на поборы с населения. Феодальную собственность на землю имели также церкви и монастыри. Высшее духовенство в начале XI в. владело зависимым населением. Таким образом, часть ранее свободных крестьян-общинников в это время уже была подчинена феодалам и несла в их пользу повинности.

Развитие феодальных отношений в Дукле, Травунии и Захумье шло несколько более быстрыми темпами, чем во внутренних районах Сербии. Большое значение для ускорения феодализации имели крупные приморские города Скадар, Улцинь, Бар, Котор, Будва и другие, которые хотя и продолжали развиваться обособленно в административном и политическом отношениях, но поддерживали торговые и политические связи с близлежащими сербскими землями, чему способствовала и начавшаяся в X—XI в. постепенная славянизация городов. Они имели собственное автономное управление, находившееся в руках местной романской и славянской знати. Во главе городской общины Котора, как, по-видимому, и других городов, стоял приор.

Население городов и их округ состояло из свободных торговцев, ремесленников, крестьян, а также зависимых кметов, живших на землях городской знати. В городах имелись и рабы, которые использовались главным образом для домашних работ.

В Дуклянском государстве существовал и ряд небольших городков, являвшихся обычно военными укреплениями и центрами управления. Так, восточнее Скадарского озера по течению реки Дрина недалеко друг от друга было несколько небольших городов, представлявших собой, по-видимому, пограничные крепости.

В Летописи попа Дукляпина содержатся некоторые, хотя и не вполне ясные сведения о государственном устройстве Дукли. Государство делилось на несколько областей, во главе которых стояли жупаны (comes), имевшие в своем распоряжении сотников — чиновников, ведавших судом и сбором налогов, часть которых шла князю, а часть предоставлялась банам и жупанам.

При князьях и королях существовал совет, члены которого участвовали в решении важных государственных дел. В Дуклянском государстве проводились саборы, ведшие свое происхождение от народных собраний периода военной демократии.

Однако на них обычно был представлен уже не народ, а крупные феодалы и чиновники, иногда члены княжеских дружин. На саборах принимались различные законы и постановления, определялись административные и церковные границы, решались различные государственные дела. В некоторых случаях саборы избирали князей и королей из членов правящего рода.

В 70-е годы XI в. Византия, потерявшая свои малоазиатские владения, которые перешли в руки турок-сельджуков, и Южную Италию, захваченную норманнами, оказалась в тяжелом положении. Между тем норманны не остановили своей агрессии. В 1081 г. их грозное войско высадилось на Адриатическом побережье и осадило город Драч.

Новый правитель Дукли Константин Бодин (1082—около 1101 гг.), хотя и поддерживал дружеские отношения с норманнами, не стал непосредственно вмешиваться в военные действия между ними и Византией.

Используя удобный момент, он вторгся в Рашку и передал управление ею двум верным ему жупанам — Вукану и Марку. В состав Дукляпского государства вошла в это время и Босния, где был поставлен князем некий Стефан. Таким образом, Дуклянское государство включило в свой состав все сербские земли — Зету, Рашку, Травунию, Захумье и Боснию. Бодину удалось добиться и признания римским папой церковной самостоятельности сербов — Барская епископия была превращена в митрополию, которой в церковном отношении подчинялись все земли Дуклянского королевства.

Но объединение сербских земель под властью Зеты носило временный характер и не привело к экономической и политической консолидации отдельных областей, к укреплению центральной власти. Земли, входившие в состав Дуклянского королевства, продолжали жить обособленной жизнью. Местные князья, жупаны и крупные феодалы были в них полными хозяевами и лишь номинально подчинялись власти королей. Постоянная борьба среди феодального класса и членов правящей династии, особенно обострившаяся в начале XII в., ослабляла государственное единство сербов. Вскоре после смерти Бодина, а возможно и ранее, от Зеты отпали Травупия, Захумье, Босния и Рашка. Между претендентами на зетский престол шла жестокая борьба, что позволило Византии укрепить свои позиции в сербских землях. Во внутренние дела Зеты активно вмешивался и усилившийся в это время великий жупан Рашки Вукан. Быстро сменявшие друг друга зетские правители были обычно ставленниками Византии или рашского жупана и находились от них в полной зависимости.

Правители Захумья, Травунии и Боснии, отделившись от Зеты, также оказались не в состоянии вести самостоятельную политику. Раздробленность сербских земель делала неизбежным их поглощение сильными соседними государствами — Византией и Венгрией. В зависимость от последней попала Босния, историческое развитие которой в дальнейшем пошло самостоятельным путем. Остальные сербские земли в XII в. оказались под властью Византийской империи.

ГЛАВА 6

МАКЕДОНИЯ

В пору переселения славян на Балканский полуостров имп была заселена и территория провинции Македонии, за исключением Фессалоники (Солуна). Осевшие в Македонии славянские племена (струмляне или стримонцы на реке Струме, берзиты на притоке Вардара Црне, драгувиты на реке Бистрице и др.) постепенно ассимилировали остатки прежнего фракийско-македонского и иллирийского населения. О соприкосновении славян с этим древним населением Балканского полуострова говорит заимствование славянами от него некоторых географических названий: старинный город Скупи славяне стали именовать Скопле, Касторию — Костуром, реку Стримон — Струмой и т. д. По своему социально-экономическому развитию славяне Македонии находились в это время примерно на том же уровне, что и в соседних землях. Как там, так и в Македонии славянские племена объединялись между собой, создавая уже в первой половине VII в. значительные племенные союзы.

В VII в. славянские племенные союзы делали неоднократные попытки овладеть важнейшим центром византийской торговли после Константинополя—Фессалоникой, манившей славян возможностью захватить богатую добычу. В союзы объединялись племена ринхинов, велегезитов, струмлян, сагудатов и др. Иногда они действовали против Византии вместе с аварами. Славяне применяли стенобитные, камнеметные и огнеметные орудия. Они пытались блокировать город не только с суши, но и с моря при помощи многочисленных лодок, выдолбленных из древесных стволов. Однако оборонительные средства Фессалоники были достаточно мощными. Все попытки захвата города оказались безуспешными.

Как только Византия получила возможность отвлечься от борьбы с арабами, ведшими наступление на владения империи в Азии и Африке, она в 658 г. предприняла военный поход в Македонию и подчинила себе часть славянских племен, живших на побережье Эгейского моря. Подчиненные племена Византия обязала платить дань и оказывать ей военную поддержку, а некоторые из этих славян были переселены в Малую Азию. Бо́льшая часть славян Македонии сохранила и после похода 658 г. свободу и независимость. В 670—675 гг. в Македонию вторглась и с согласия Византии осела в районе Битоля (Керамисийское поле) протоболгарская орда, находившаяся до этого в Паннонии под властью аваров. Стоявший во главе орды протоболгарин Кувер (Кубер), не довольствуясь отведенной

территорией, попытался овладеть Фессалоникой, но был разбит византийцами.

Передвижение из-за Дуная в северо-восточную часть Балканского полуострова протоболгарской орды во главе с Аспарухом заставило Византию усилить внимание к обороне своих владений на Балканах. В 688 г. византийцами был предпринят поход в Македонию, в результате которого она была подчинена империи и немалое число жителей Македонии вновь переселено в Малую Азию. Вместе с тем византийское правительство для укрепления своих позиций в Македонии начало переселять туда из малоазиатских фем стратиотов — свободных крестьян, обязанных нести военную службу.

В связи с ростом Болгарского государства все более отчетливо проявлялось стремление болгарских ханов включить в состав своих владений территорию Македонии. Но Византия упорно отстаивала здесь свои позиции.

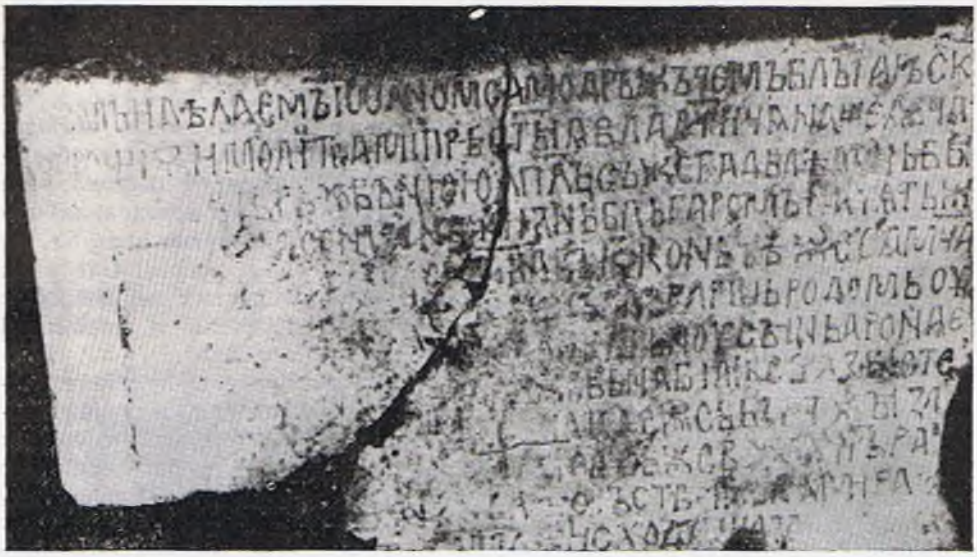
Лишь во второй четверти IX в. болгарскому хану Преславу удалось включить центральную и западную Македонию в состав Болгарского царства (в руках Византии остались только район Фессалоники и земли по нижнему течению рек Струмы и Месты).

С этого времени развитие Македонии шло в русле развития Болгарского государства. Исторические источники для этого периода малочисленны и неясны. Они не дают возможности точно определить этнический состав славян Македонии и степень их родства с другими группами южных славян. Однако, насколько можно судить на основании этих источников и данных лингвистики, славянское население Македонии этнически было наиболее близким славянскому населению Болгарии.

Внутренняя жизнь Македонии в IX — начале X в. мало известна. Данные, относящиеся к драгувитам и сагудатам, жившим в районе Фессалоники, показывают, что они платили дань последней и должны были поставлять ей военные отряды. Другая часть славянских племен находилась в таком же отношении к Болгарии. Славяне являлись свободными людьми, владевшими земельными участками. Население Македонии занималось земледелием и было главным поставщиком хлеба в Фессалонику. Существовали и ремесла. В области между Фессалоникой и Афоном имелись рудники, на которых работали славяне из племени ринхинов.

По-видимому, IX — начало X в. были порой становления феодальных отношений в Македонии. Усилившаяся дифференциация внутри общин и племен вела к их распаду. Постепенно формировался господствующий класс, сосредоточивший в своих руках власть. Во главе отдельных областей стояли византийские наместники — комесы, пользовавшиеся широкими правами. Большую роль в ускорении процесса феодализации сыграл переход в христианство.

Христианство в Македонию проникало, по-видимому, еще до IX в. Как и в других славянских землях, Византия стремилась использовать здесь церковь для укрепления своего влияния. Особо благоприятные условия для этого создавало непосредственное соседство славянских племен Македонии с Фессалоникой. Не случайно первые славянские просветители — Кирилл и Мефодий, были как уже отмечалось, жителями Фессалоники. Однако их основная деятельность протекала за пределами Македонии. Христианство получило широкое распространение в Македонии лишь вслед за принятием новой религии в Болгарии, появлением здесь изгнанных немцами из Моравии учеников славянских просветителей. В 886 г. болгарский князь Борис направил одного из них — Климента в область Кутмичевицу, включавшую часть Албании и часть Македонии. В городе Деволе (в современной Албании), который был центром деятельности Климента, он создал школу для подготовки духовенства, вы-



Надпись царя Ивана-Владислава (1015—1018 гг.) в Битоле

пустившую значительное количество учеников. В Охриде Климент построил монастырь, ставший центром просвещения и письменности. В 893 г. Климент был поставлен епископом. С того же времени в Македонии проповедовал и Наум, построивший монастырь на юго-восточном берегу Охридского озера. В Македонии протекала деятельность и еще одного ученика Мефодия — Константина Пресвитера.

Наряду с христианством, проповедуемым учениками Кирилла и Мефодия, в Македонии, как и в соседних с ней областях, населенных славянами, в это время еще сохранились остатки язычества, а вместе с тем начали распространяться различные еретические учения. В частности, из Малой Азии сюда проникали дуалистические ереси манихеев, месальян и павликиан. Но особенно широкое распространение получило богомильство, появившееся здесь еще в первой половине X в. Ряд исследователей предполагает, что именно в Македонии протекала первоначально деятельность основателя богомильства — попа Богомила и его последователей. Распространение богомильства оставило следы в топонимике: гора Бабуна в центральной Македонии, река Бабуна [1], текущая с этой горы, Богомильское поле и др. Обилие этих названий именно в Македонии показывает на связь ереси с территорией этой области.

Богомилы не признавали учения церкви и создали свою космогонию (учение о происхождении мира и человека) и эсхатологию (учение о конце мира и человечества). Основным их принципом был дуалистический взгляд на мир и человека. Согласно учению богомилов, в мире первоначально существовал единый «добрый бог» и сотворенные им ангелы. Но его сын и первый помощник — Сатанаил противопоставил себя богу и явился носителем зла. Он сотворил материальный мир и тело человека, но не смог его оживить, тогда бог создал добрую душу человека. С тех пор началась борьба между добром и злом. Поскольку богомилы отвергали учение церкви, они не признавали духовенства, не почитали храмы, иконы и т. д.

[1] Бабунами обычно называли богомилов.

Будучи выражением народного протеста против феодальной эксплуатации, богомильство отрицательно относилось к власти государства и феодалов. По словам их противника пресвитера Козьмы, богомилы «учат своих (приверженцев.— *Ред*). не повиноваться властям своим, осуждая богатых, царя ненавидят, поносят старейшин». Выражая взгляды обездоленных слоев, богомилы считали богатство происходящим от дьявола, вели аскетический и строго нравственный образ жизни, проповедовали безбрачие. Однако они признавали, что духовное совершенство доступно не всем и допускали для разных людей различный образ жизни. Богомилы делились на несколько категорий: «слушателей», «простых верующих» и «совершенных». Последние являлись образцом мудрости и моральной чистоты, они были духовными руководителями богомилов.

Богомильство стало одной из форм выражения протеста крестьян против установления феодальной зависимости. Критикой существующих порядков оно воодушевляло народные массы на борьбу против феодалов и церкви. Жесточайшие преследования не уничтожили богомильского движения, которое распространилось в близлежащих южнославянских землях и Византии. В Македонии же, как и в соседних областях, богомильство сохранялось в течение нескольких столетий, намного пережив те крупные политические изменения, которые произошли здесь в конце X в.

Уже с середины X в. Первое Болгарское царство вело тяжелую борьбу с Византией. Участвовавшие в этой борьбе дружины киевского князя Святослава под натиском византийских войск вынуждены были уйти на Русь (972 г.). Вслед за тем император Иоанн Цимисхий присоединил северо-восточную часть Болгарии к империи, а болгарского царя Бориса в качестве пленника увел в Константинополь.

Болгарское государство, испытывавшее нападения извне, переживало трудности и внутри. Еще до указанных событий, в 969 г. в Македонии, входившей в состав Первого Болгарского царства, началось восстание. Четыре брата — сыновья крупного боярина Николы отложились от царя. В период борьбы этого царства против Византии братья упрочили свое положение и власть, которая распространялась на некоторые земли, входившие в Первое Болгарское царство — западную часть Болгарии и Македонию (исключая южные ее районы). Воспользовавшись междоусобной борьбой в Византии, усилившейся в 976 г. после смерти императора Иоанна Цимисхия братья начали войну против последней. В военных столкновениях один из них погиб, другой был убит, как думают, по проискам Византии, третий — умерщвлен по обвинению в связях с Византией. Фактическое управление страной полностью перешло в руки четвертого из братьев — Самуила.

Государство Самуила являлось непосредственным преемником Первого Болгарского царства. В исторической литературе оно обычно называется Западно-Болгарским царством. Самуил носил титул царя, до этого принадлежавший главе Первого Болгарского царства, и владел землями, входившими ранее в состав этого царства. Самуил стремился раздвинуть границы своих владений. В период наибольшего территориального расширения (конец X в.) в состав государства Самуила входили: почти вся Македония (без Фессалоники), большая часть Болгарии, Рашка, Срем, Босния, Захумье, Травуния, Дукля, Фессалия, Эпир и часть Албании. Его столицей считалась первоначально Пресна, а затем Охрид. Была восстановлена болгарская патриархия, уничтоженная императором Иоанном Цимисхием, центром которой после ряда изменений стал Охрид. Новое Болгарское царство представляло собой государство феодальное. Господствующий класс составляли крупные феодалы — боляре. Они владели десятками укрепленных городов и были самостоятельными повели-

Крепость в Охриде. X—XI в.

телями своих областей, хотя и признавали верховную власть Самуила. О том, как велось феодальное хозяйство и о положении крестьян сведений не сохранилось.

Между царством Самуила и Византией велась непрерывная борьба, обострившаяся с начала XI века, когда император Василий II начал систематическое завоевание владений царя Самуила. Уже в первые годы борьбы Самуил потерял северные болгарские земли, владения в Албании и часть Македонии. В 1014 г. при Беласице произошло решительное сражение, в котором болгарские войска потерпели поражение. Вскоре после этого Самуил умер, а в еще сохранявшей независимость части государства начались феодальные смуты и борьба за престол. Через четыре года Византия окончательно подчинила своей власти большую часть территории бывшей державы Самуила, в том числе Македонию.

На всех завоеванных Византией славянских землях установилась чужеземная власть. Было изменено административное деление территории и введено фемное устройство. В Скопле, ставшем центром фемы, называвшейся Болгария, и других пунктах находились греческие начальники (катепаны, дуки, стратиги, архонты). Патриархия была превращена в архиепископию, подчиненную императору, который назначал архиепископов. Церковь способствовала усилению греческого влияния в Македонии. Одним из наиболее активных проводников политики эллинизации был охридский архиепископ Феофилакт (1090—1103 гг.).

Вскоре после падения Болгарского царства Самуила Балканский полуостров стал объектом нападений кочевников-печенегов, торков (узов) и др. Видя в них военную силу и средство держать в руках местных жителей, империя предоставляла кочевникам территории в Македонии, что вело к усилению этнической пестроты ее населения.

В период византийского господства в Македонии усилился греческий элемент, появилось значительное количество армян и евреев, а также влахов. Еще шире раздвинулись владения феодалов, особенно светских, большинство которых было греками. Крестьянское население остро ощу-

щало рост феодального гнета, налогового обложения, которое ко второй четверти XI в. было превращено из натурального в денежное. Зависимые крестьяне (парики), имевшие наделы, выполняли повинности в пользу землевладельца. В феодальных владениях проявлялся повышенный интерес к «парическим работам», т. е. к увеличению барщины. Наряду с париками имелись безземельные крестьяне, которых государство разрешало феодалам селить в их владениях. Существовали и рабы, все чаще переводившиеся в положение зависимых крестьян. Зависимое состояние в XI—XII вв. было наследственным. Власть землевладельцев усиливалась, чему содействовало развитие и расширение иммунитета феодальных владений. Их собственники по мере углубления процесса феодализации становились все более независимыми от государственной власти. В крупных владениях имелся административный центр — кастрон, который нередко укреплялся и обносился стенами. В распоряжении крупных феодалов были и свои вооруженные силы. Так, охридского архиепископа Феофилакта называли «многосильным». В больших феодальных владениях в связи с этим возникали ленные держания. Эти новые социально-экономические явления проявились в полной мере в последующий период.

Политика феодального угнетения и эллинизации славянского населения, тяжелое положение народных масс — все это возбуждало недовольство покоренного населения и вызывало в нем готовность к борьбе. Не удивительно поэтому, что на протяжении XI в. Македония, как и другие находившиеся под властью Византии славянские земли, стала ареной крупных восстаний против византийского гнета. В 1040 г. началось восстание, возглавленное Петром Деляном, выдававшим себя за внука царя Самуила. Собрав войско в районе Белграда и реки Моравы, Петр Делян отправился с ним к Нишу и Скопле и овладел ими. В это же время в феме Диррахий подняли восстание военные отряды под предводительством некоего Тихомира.

Между предводителями двух восстаний начались переговоры, не приведшие, однако, к соглашению. Толпа повстанцев убила Тихомира, а руководство восстанием осталось в руках Петра Деляна, который с возросшими силами отправился к Фессалонике, но взять ее не смог. Местное население по пути следования войск Петра Деляна оказывало ему помощь и пополняло его ряды. Ход движения был нарушен прибытием в лагерь повстанцев внука Самуила — Алусиана, который до этого был стратигом одной из фем в Малой Азии. Алусиан принял участие в борьбе, но оказался бездарным предводителем. Летом 1041 г. он попытался взять Фессалонику и потерпел поражение. Затем, пользуясь брожением, начавшимся вслед за этой неудачей, он ослепил Петра Деляна и бежал к византийскому императору. Движение, в котором проявилось отсутствие социального единства и недостаток организованности, вслед за тем было подавлено.

Восстание 1040—1041 гг. приняло широкий характер и охватило владения Византии — от Дуная до Аттики и от Драча до Средеца и окрестностей Фессалоники. Основную массу его участников составляли крестьяне, а также городские низы. Участвовали в нем и представители феодальных кругов. Интересы повстанцев и их предводителей — феодалов не были одинаковы. Поэтому последние поддержали Алусиана и способствовали поражению движения.

После подавления восстания 1040—1041 гг. усилилась раздача земель феодалам, расширилась сфера феодальной зависимости крестьян и возросла их эксплуатация. Все это вызвало спустя 30 лет, в 1072 г., новое восстание, центром которого был город Скопле. Во главе повстанцев стал скопльский болярин Георгий Войтех. Восстание было поддержано дуклянским князем Михаилом, пославшим на помощь Войтеху вооруженный отряд во главе со своим сыном Константином Бодином, которого восста-

шие провозгласили «царем болгар». Охрид, Девол и Скопле перешли в руки повстанцев. Но вскоре они начали терпеть неудачи. Константин Бодин и Георгий Войтех были захвачены в плен, и восстание подавлено.

В первой половине 80-х годов XI в. норманны под предводительством Роберта Гвискара захватили Албанию, Эпир, Фессалию и бо́льшую часть Македонии. Восстание в Италии побудило Роберта возвратиться туда, оставив на Балканском полуострове войско во главе со своим сыном Боэмундом Тарентским. Вторжение норманнов, а также продолжавшиеся набеги кочевников и борьба с ними способствовали разорению Македонии.

В 90-х годах XI в. в Македонию были вновь переселены Византией куманы (половцы) и печенеги.

В самом конце XI в. через Македонию прошли отряды участников первого крестового похода, подвергшие ее ограблению, а в начале XII в. вновь вторглись норманнские отряды во главе с Боэмундом Тарентским — одним из предводителей первого крестового похода. Однако эти отряды вскоре были изгнаны войсками императора Алексея I Комнина (1081—1118 гг.) восстановившего в Македонии власть Византии.

ГЛАВА 7

КУЛЬТУРА

Содержание, характер и формы духовной культуры югославянских народов в период раннего средневековья определялись уровнем их общественного развития и материальной культуры. Духовная культура югославян в VII — XII вв. еще сохраняла печать славянской общности, сложившейся до их поселения на Балканском полуострове. Но постепенно она приобретала и новые особенности в результате своего развития и усвоения славянами культурного наследия народов, занимавших ранее эту территорию. Началсяся также и процесс дифференциации культур отдельных народов в связи с различием их исторических судеб — вхождением в состав разных государств, разделением церкви на восточную и западную, культурными связями с соседними народами. Культурная общность югославянских народов, в частности, выражалась в сходстве их верований и устной поэзии, которая была основной формой творчества в области художественного слова в дописьменный и дохристианский период их истории, а также и на протяжении нескольких веков после создания письменности и принятия христианства. Языческие верования славян отражали их представления о вселенной, природе и действии ее сил. Главными богами считались Дабог (Дажбог) — бог солнца и огня, податель благ, Перун — бог неба, молнии и грома и Велес — покровитель хозяйства и скота. Им славяне приносили жертвы. Одушевляя природу, они представляли ее себе в образах вил, дивов, самодивов — лесных, водяных и полевых духов, злых или добрых. Верили югославяне в существование загробной жизни, в превращение людей в животных и растения.

Богатая мифология послужила основой устной, особенно обрядовой поэзии. В песнях, сказках и легендах объяснялись происхождение мира, человека, животных, растений. В них действовали чудесные, говорящие по-человечьи животные — крылатый конь, огненный змей, вещий ворон, а человек изображался в его отношениях с чудовищами, добрыми и злыми духами.

Важную часть древнейшего народного творчества составляли трудовые песни, в которых долго сохранялись дохристианские воззрения. Их тексты и мелодические интонации близки подобным песням восточных и западных славян. Песни нередко имели магическое назначение: они сопровождали обряды, связанные с важнейшими событиями жизни человека (рож-

дением, бракосочетанием, смертью), а также с трудовыми процессами и сменой времен года. Большая часть песен исполнялась во время полевых работ. В обрядовых песнях основой служат просьбы к солнцу, ветру, дождю, рекам, растениям о помощи, о ниспослании счастья и довольства (колядные песни, веснянки и другие).

По-видимому, уже в это время у южных славян существовали и героические песни, создававшиеся в связи с их продвижением на Балканы. Это были песни во славу героев, выдающихся князей и родоначальников. Но героический эпос был еще лишь в зародыше.

Древнейшая устная поэзия югославянских народов во многом послужила основой дальнейшего развития их духовной культуры, которое определялось потребностями формировавшегося феодального общества.

Поселившись на Балканском полуострове, славянские племена вошли в соприкосновение с византийской и романской культурами. Воздействие этих высоко развитых культур на славян усилилось в период становления феодализма и возникновения южнославянских государств. Важное значение имело и то, что в VIII—IX вв. среди южных славян стало распространяться христианство, а это привело к росту их культурных связей с Византией и с государствами, где господствовала римская церковь. При этом западная и северная части Балканского полуострова испытывали на себе большее влияние романской культуры, а центральная, южная и восточная — византийской. Влияние этих культур в той или иной мере сказалось на письменности югославян и их языке, а также в архитектуре и изобразительном искусстве. В то же время славянское население Балканского полуострова сохраняло самобытность своей культуры, своеобразие и богатство образного мышления, например в мифологии и устной поэзии. Уже в этот период культура славян оказывала влияние на культуру соседних народов.

Одним из важнейших достижений в культурном развитии южных славян, как и всех славян, в период раннего средневековья было появление у них письменности. Необходимость этого вызывалась государственными потребностями, возросшими политическими и торговыми связями с соседними государствами. В письменности нуждалась и христианская церковь.

Южные славяне издавна пользовались для письма особой системой знаков («черты и резы»), а затем латинскими и греческими буквами для передачи славянских слов. Об этом рассказывает писатель конца IX — начала X в. черноризец Храбр в своем сочинении «О письменах». Письменность у южных славян появилась во второй половине IX в., когда в славянских землях началась деятельность братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, а в дальнейшем их учеников. Кирилл и Мефодий на основе наречия славянского населения, жившего близ Фессалоники, откуда они были родом, составили азбуку, приспособив ее к фонетическим особенностям славянских языков, использовав при этом некоторые начертания греческой скорописи. Они перевели греческие богослужебные книги.

Так было положено начало письменному языку славян, получившему позже название старославянского. Он надолго стал государственным и церковным языком у всех народов, входивших в сферу влияния восточной (православной) церкви, то есть у большинства южных и восточных славян, а также у молдаван и валахов.

Деятельность Кирилла и Мефодия имела огромное историческое значение для всего славянства. Создание письменности ускорило общественное развитие южных славян, дало им средство для борьбы за самостоятельность своей культуры от притязаний и давления Византии, римской курии и соседних европейских государств. Показательно, что автор первого

сочинения о славянской азбуке и письменности черноризец Храбр принужден был защищать славянские богослужебные книги, а тем самым и славянское письмо, от нападок греческого духовенства, не признававшего их древности и законности.

С возникновением письменности у южных славян связано и распространение письменности на Руси. Единая государственная и церковная письменность сыграла большую роль в установлении и поддержании культурных связей южнославянских и русского народов.

Одним из центров славянской письменности наряду с Преславом с конца IX в. стала Македония, входившая в Болгарское царство, где нашли убежище ученики Мефодия — Климент, Константин Пресвитер и Наум. Учениками Кирилла и Мефодия были написаны их жития.

Климент (умер в 916 г.) известен своей просветительной и литературной деятельностью в Охриде, где он создал школу писателей и переписчиков, почему и получил прозвание Охридского. Он составил ряд поучений, молитв и похвал. Ему приписывается и создание азбуки, более простой и практичной нежели первая. Вопрос о соотношении двух славянских азбук окончательно не выяснен. Но одна из них более древняя и, очевидно, созданная Кириллом и Мефодием, получила впоследствии название глаголицы; другая, созданная несколько позже, вероятно, Климентом, получила название кириллицы. Глаголица была более распространена в Македонии; ее ценными памятниками являются Асеманиево евангелие (XI в.) и Зографское евангелие (конец X — XI в.). Кириллица была распространена в Сербии, Восточной Болгарии и на Руси. Ее древнейшими памятниками являются надписи в церквах в Преславе (893 г.), в Добрудже (943 г.), на надгробной плите родителей царя Самуила на берегу озера Преспа (993 г.) и в церквах св. Архангела в Прилепе (996 г.), а также Саввина книга (XI в.).

Константин Пресвитер составил так называемое Учительное евангелие, сборник бесед на тексты евангельских чтений, куда он ввел молитву, первые буквы стихов которой составляют глаголическую азбуку. В этой молитве автор выразил радость по поводу того, что «славянское племя» приобщилось к христианству. В «Прогласе святого евангелия» Константин объявляет народам, что славяне получили письменность и что прошло то время, когда они

...разумом своим непросвещенным
на чуждом языке словам внимали...
...А всякая душа без письменного слова
Познать не может божьего закона...

Это первый образец стихотворного произведения в славянской письменности.

Сочинения Климента Охридского и Константина Пресвитера были популярны во всех славянских землях и имели общеславянское значение.

Под влиянием Охридской школы развивалась письменность и в сербских областях, где переписывались обрядовые книги, беседы и жития. Из ранних памятников сербской письменности особенно ценно Мирославово евангелие, написанное для князя Мирослава в конце XII в. на пергаменте кириллицей и украшенное красивыми инициалами в красках и золоте.

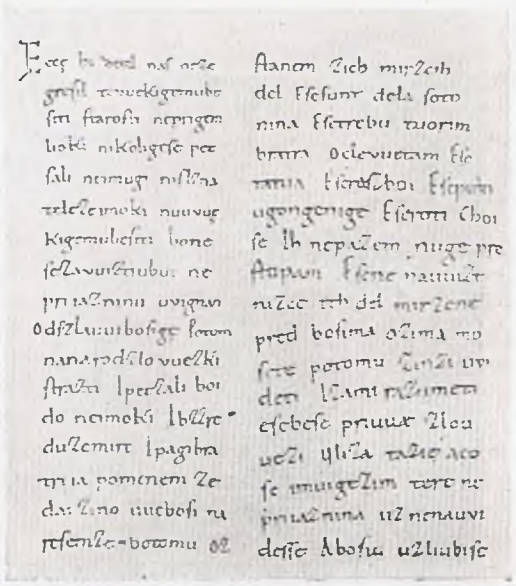
Оригинальным произведением письменности XII в. была Летопись попа Дуклянина («Барский родослов»), которую одни ученые датируют 1149 г., другие — 1167 г. Это первое известное нам югославянское историческое сочинение. Оно сохранилось в более позднем латинском и сделанном с него хорватском переводах. В этом памятнике использованы народные предания о героических подвигах защитников народа — юнаков и приведены первые сведения о народных песнях. В нем широко развито повест-

вовательное начало, а также находят отражение греческие и латинские литературные произведения. Историческое повествование нередко ведется в чисто литературных формах, с картинными драматизованными сценами. Многие эпизоды получают сюжетную завершенность, как, например, рассказы о борьбе сына и отца (князей Часлава и Радослава), об убийстве князем Владиславом Радомира. В Летописи приведено немало легенд, объясняющих названия городов рек и пр. (Радославова скала, Дубровник, Бело). Есть в ней и мотивы религиозных сказаний, например, запись о князе Владимире,спасшем молитвой народ от ядовитых змей.

Миниатюра из Мирославова евангелия. XII в.

В дальнейшем общая славянская письменность начинает приобретать особые черты у каждого югославянского народа. В язык письменности (старославянский) стали проникать особенности языков различных славянских народов. Так образовались в окончательном виде сложившиеся позже различные редакции старославянского языка — болгарская, сербская, хорватская, русская. В сербской письменности кириллица постепенно вытеснила глаголицу. В хорватской письменности, напротив, распространение получила глаголица, которая там стала известна, по-видимому, еще во время деятельности Мефодия в Моравии и Нижней Паннонии. Его ученики бежали от преследований немецкого духовенства из Моравии в Далматинскую Хорватию и распространяли здесь славянское богослужение. Но и в Хорватии им пришлось испытать гонения со стороны духовенства, придерживавшегося западной ориентации и добивавшегося запрещения богослужения на славянском языке. Священники, несмотря на преследования, упорно отстаивавшие славянское богослужение и глаголицу, получили прозвание глаголяшей. Из их ранних текстов сохранились отрывки церковных бесед (Клоцов сборник, XI в.), посланий апостолов. Официальным же языком в Далматинской Хорватии был латинский.

То, что правящим классом в словенских землях были немецкие феодалы, а в религиозном отношении эти области подчинялись немецкому архиепископу в Зальцбурге, не способствовало ни созданию словенских культурных центров, ни развитию словенской письменности. В качестве официального и делового языка употреблялся немецкий, а в богослужении — латинский. Непродолжительная деятельность славянского просветителя Мефодия и его учеников в Нижней Паннонии при князе Коцеле оставила некоторый след в словенской культуре IX—X вв., но от этого времени на словенском языке почти не сохранилось письменных памятников. Известны лишь две исповедные молитвы и отрывок поучения, которые



Брижинские листки

около 1000 г. были вписаны латинскими буквами в кодекс епископа баварского города Фрейзинга (Брижинь). Этот памятник получил название Брижинских листков, которые и являются самыми старыми текстами на словенском языке.

Создание письменности в югославянских землях мало отразилось на культуре народных масс. Грамотность распространялась преимущественно среди духовенства, а основными памятниками письменности были религиозные сочинения. Письменность с самого ее начала использовалась феодалами как идеологическое орудие в борьбе за укрепление власти и привилегий господствующего класса. Этому содействовала и церковь. В религиозных сочинениях, и прежде всего в проповедях, священники и монахи призывали народные массы к терпению и смирению. Но сами народные массы из-за полной неграмотности лишены были возможности пользоваться письменностью и тем более при ее помощи удовлетворять свои эстетические запросы, хотя христианская религия и церковь оказывали влияние на народную культуру. Богослужение, проповеди, церковные песнопения, бытовавшие в устной форме, были доступны народу и, собственно, предназначались для него; они усваивались народом, входили своими элементами в народное творчество и народную речь, жили своими сюжетами в легендах и духовных стихах, вошли даже в народные пословицы. Весь этот материал перерабатывался народом, который подчинял религиозные сказания, легенды и изречения своим жизненным интересам.

Художественное творчество народа и после распространения христианства и появления письменности жило в традиционных, то есть устных формах. Но произошли перемены в содержании и характере его жанров. В устной народной поэзии стали совмещаться старая славянская мифология и христианские представления. В народных песнях, сказках и особенно легендах теперь рядом с вилами и дивами начинают действовать Христос, богородица, ангелы, святые, а события происходят не только на земле, но и в раю и в аду. На основе поклонения «скотьему богу» Велесу возник культ святого Власия, а Илья-пророк завладел громами Перуна. Многие христианские легенды были переработаны в народной среде и использованы для критики социального угнетения, для обличения несправедливости.

Под влиянием христианства в народном творчестве, например, словенцев, появились произведения религиозного характера: короткие молитвенные песнопения, песни о легендарных событиях, песни о покаявшемся грешнике. Христианство оказывало воздействие и на форму языческих обрядов, связанных с полевыми работами и сменой года. Церковь стремилась придать языческим обрядам и праздникам христианское содержание и новые формы. Это проявилось, например, в песнях на Юрьев день у сербов и хорватов и в колядках у словенцев. В то же время христианская церковь всячески преследовала народное творчество, обличая его языческие

Церковь св. Доната в Задаре. IX в.

и сатирические мотивы. В религиозных сочинениях не один раз встречаются осуждения языческого характера народных песен, плясок и обрядов.

Большое значение имело и распространение в сербских, хорватских и словенских землях легендарных и сказочных сюжетов из литературы Византии, западноевропейских и ближневосточных стран. Основой этого явления были развивающиеся политические, торговые и культурные связи. Словенское народное творчество уже в IX—X вв. усвоило из других литератур не только сюжеты, но и поэтические формы, например балладу — жанр романского происхождения. Так, в X в. в словенских землях стала популярной баллада с трагическим сюжетом о прекрасной Виде. Песня о ней возникла в Византии в VII—VIII вв. и затем через Италию попала к словенцам. В этой балладе рассказывается о том, как арабский купец заманил на свой корабль прекрасную Виду, пообещав ей лекарство для больного ребенка, а затем продал ее в рабство.

Славянские племена, придя на Балканский полуостров, нашли там богатые художественные традиции греческого и римского античного нас-

Оплакивание Христа. Фреска церкви в Нерези. XII в.

ледия. Но славяне принесли с собой и собственные навыки в строительстве, обработке металлов, камня и дерева, в украшении предметов быта.

Формирование основ феодального общества и принятие христианства дали толчок развитию искусства и архитектуры и поставили перед ними новые задачи. Началось сооружение крепостей и замков, строительство церквей и монастырей.

Наиболее ранние памятники архитектуры сохранились в Хорватии, особенно в ее приморской части, где были богатые запасы строительного камня. Здесь со времен античности существовали города с замечательными произведениями зодчества, из поколения в поколение передавались традиции и навыки строительного дела. В первых постройках часто использовались остатки позднеантичных сооружений. Так, город Сплит возник в VII в. внутри мощных стен дворца римского императора Диоклетиана. В качестве собора там был использован мавзолей императора.

Многовековый опыт каменного зодчества обусловил высокое совершенство некоторых сохранившихся памятников раннехорватской архитектуры. Так, круглая в плане церковь св. Доната в Задаре (начало IX.) в является одним из наиболее выдающихся строений подобного типа в Европе того времени. От каменных замков этой эпохи остались лишь руины (например, резиденция хорватских князей в Биячах).

Памятники раннесербской архитектуры дошли до нас либо разрушенными, либо сильно перестроенными. Это были небольшие сооружения из камня. Архитектурный тип построек в это время еще не установился:

Интерьер церкви св. Доната

встречаются и вытянутые в длину базилики, и центрические, и крестчатые в плане здания. Большинство памятников зодчества этого времени находится в Зетском Приморье (церковь св. Петра и Павла около Требинья, церковь св. Михаила в Стоне).

Широко распространенный в ранней архитектуре Хорватии и Сербии тип центрической постройки имеет аналогии с памятниками зодчества этого же периода у других славянских народов, в частности у чехов и поляков.

Архитектурные формы храмов Македонии свидетельствуют о воздействии византийского зодчества, хотя и имеют в то же время своеобразные черты (церковь св. Наума на Охридском озере, церковь св. Софии в Охриде).

Архитектурные памятники в Хорватии, Сербии и Македонии обычно украшены каменной резьбой, главным мотивом которой была сначала так называемая плетенка. Позднее, в XI в., появляются стилизованные изображения зверей, а затем и человека. Так, известна плита из крещальни собора в Сплите с изображением князя, сидящего на троне.

Сохранились лишь немногие остатки югославянской фресковой живописи этого периода, созданной под византийским влиянием. Из них наиболее ценны фрагменты росписи в церкви св. Софии в Охриде (X или

начало XI в.). Для них характерны суровость и аскетизм образов, отсутствие ярких тонов, сдержанность поз и движений. Близки к традициям охридских росписей фрески церкви в Нерези (1164 г.) в Македонии, но в них усиливается линеарная манера. С помощью гибких разноцветных линий передаются пластика тела и выражения лиц.

Значительное развитие художественных ремесел у югославянских народов подтверждают сохранившиеся от того времени украшения, оружие и утварь.

Письменность, устно-поэтическое народное творчество и другие виды искусства, отражая важнейшие тенденции и явления исторического процесса югославянских народов в период раннего средневековья, помогали им сохранять свой духовный облик в условиях сложного этнического окружения и военных столкновений с соседними народами, а также вырабатывать свои культурные и художественные традиции, которые в последующий исторический период получили дальнейшее развитие.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Югославянские земли в период развитого феодализма в XII—XV вв.

ГЛАВА 8

СЕРБСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Освобождение сербского народа от византийской зависимости в конце XII в. Расширение и укрепление Сербского государства в XIII — первой половине XIV в.

В конце XI в., когда Дуклянское государство стало клониться к упадку, центром борьбы сербов за государственную самостоятельность вновь сделалась Рашка. Эта небольшая горная область была труднодоступна, и поэтому византийское правительство всегда с трудом удерживало свою власть в Рашке. В 80—90-е годы XI в. великий жупан Рашки Вукан, избавившись от своего соправителя Марка, начал вести самостоятельную политику. Он пытался распространить свое влияние на Зету и другие сербские земли, упорно отстаивал независимость Рашки от притязаний Византии. Вукан старался расширить подвластную ему территорию за счет соседних византийских владений в плодородных низменных районах Косова поля, по течению Южной Моравы и Вардара.

Нападения сербов на пограничные области империи встречали активное противодействие византийцев. Император Алексей Комнин не раз выступал против Рашки и принуждал ее правителя к покорности Византии, уплате дани и выдаче заложников. Но эти меры лишь на короткое время удерживали сербов в повиновении.

В 1104 г., после того как сербы сожгли пограничный город Звечан и разбили византийское войско, прибывшее из Драча, император двинул против Рашки крупные военные силы и вынудил сербского великого жупана признать зависимость от империи. Но уже через два года, когда начался первый крестовый поход, Вукан не преминул воспользоваться тяжелым положением империи и предпринял нападение на пограничные области. Лишь в 1106 г. Византии удалось заставить сербов покориться и выдать заложников.

Борьба против Византии была продолжена преемниками Вукана, которые опирались на Венгрию, ведшую в это время периодические войны с византийцами. Между сербскими жупанами и венгерским двором поддерживались близкие отношения, закрепленные родственными связями.

Нападения сербов на византийские владения усилились во время второго крестового похода. В ответ на это император Мануил Комнин в 1149 г. двинул на Рашку большое войско, которое заняло города Рас и Галич в долине реки Ибар и опустошило занятую территорию. На помощь сербам выступили венгры, но и тогда великий жупан Урош не смог

одержать верх над византийской армией. Он вынужден был признать свою зависимость от империи.

В 50-60-х годах XII в. между членами династии великих жупанов Рашки обострилась борьба за власть, что дало возможность Византии активно вмешиваться во внутренние дела сербов. Император назначал великими жупанами своих ставленников, смещал их при первых попытках действовать против империи. Но эта политика, направленная на внутреннее ослабление Рашки, лишь на время задержала борьбу сербов за независимость. По-видимому, в конце 60-х годов византийцы взяли в плен великого жупана Десу, пытавшегося стать независимым от империи. После этого император поставил у власти некоего Тихомира, братья которого получили в управление отдельные области. Младший брат Тихомира Стефан Неманя, который владел землями в междуречье Южной и Западной Моравы, сверг Тихомира с престола и провозгласил себя великим жупаном. Тихомир и его братья пытались найти защиту у Византии. Они выступили против Стефана, но были разбиты. Братья Немани Страцимир и Мирослав признали его великим жупаном.

Время правления Стефана Немани (около 1168—1196 гг.) — основателя династии Неманичей и одного из наиболее выдающихся сербских правителей было началом и нового этапа в истории средневекового Сербского государства, достигшего полного расцвета в XIII — первой половине XIV в. при преемниках этого правителя.

Закрепившись на престоле, дальновидный и решительный великий жупан сосредоточил свою деятельность на борьбе за объединение всех сербских земель и их освобождение от византийской зависимости. В течение более четверти века правления Немани сербы неоднократно нападали на земли, принадлежавшие империи. Войны с Византией не всегда оканчивались для сербов успешно, однако постепенно территория Сербского государства значительно расширилась за счет византийских владений.

Во время правления Немани была окончательно присоединена к Рашке Зета. Неманя изгнал правителя Зеты князя Михаила и занял его владения, в том числе и крупные города на Адриатическом побережье — Котор, Улцинь, Бар и Скадар. Области Зета и Травуния были отданы в управление наследнику престола — Вукану. Такой порядок управления превратился в традицию.

Неманя не упускал случая опереться на врагов империи — Венецианскую республику, а позднее — Венгрию. Он заключил также явно направленный против Византии союзный договор с Болгарией, освободившейся от византийского господства в результате восстания 1185—1187 гг. Осуществлению его планов во многом способствовала и сложная внешнеполитическая обстановка, в которую попала Византийская империя в связи с третьим крестовым походом, начавшимся в 1189 г.

Как только в Европе разнеслась весть о подготовке крестового похода, Неманя отправил посольство к германскому императору Фридриху Барбароссе, войско которого должно было пройти через Балканский полуостров. Когда немецкие рыцари проходили через Сербию, Неманя и его братья с богатыми подарками встретили германского императора в Нише, предложив ему вступить в союз против Византии. Заключить этот союз сербам так и не удалось, зато Неманя воспользовался внутренними затруднениями в Византии в связи с третьим крестовым походом и захватил ряд принадлежавших империи земель в юго-восточной Сербии и западной Болгарии. После ухода крестоносцев Византия вновь бросила свои силы против сербов, отобрала ряд занятых территорий и разбила в 1190 г. войска Немани на реке Мораве. По миру, на заключение которого вынужден был пойти Неманя, Византия вернула себе некоторые из

занятых сербами территорий, но в составе владений сербского великого жупана осталась значительная часть отвоеванных у империи сербских земель. Это означало фактическое признание самостоятельности Сербского государства.

Создание независимого от Византии Сербского государства было следствием значительных экономических и социальных сдвигов, подспудно зревших во время византийского владычества, и в свою очередь явилось стимулом для дальнейшего общественно-экономического прогресса, наблюдавшегося в XIII —XIV вв.

Еще во второй половине XII в. современники описывали Сербию, как труднодоступную, покрытую лесом страну, населенную воинственными пастухами. В XIII в. экономический облик страны стал быстро меняться. Увеличилось население, в плодородных равнинах основывались новые села, возникло много монастырей с большими, хорошо организованными хозяйствами. Были прорежены когда-то непроходимые леса, а в некоторых ранее пустынных местах возникли рудники, вокруг которых поднимались новые города и села.

Еще в период правления Немани несколько оживилась торговля сербских земель с Адриатическим побережьем. В 1186 г., после неудачной попытки захватить Дубровник, с этим городом был заключен договор о мире, предоставлявший купцам-дубровчанам свободу торговли в сербских землях. Несколько лет спустя было дано право свободной торговли в Сербии купцам из Сплита.

Укрепление Сербского государства и его территориальное расширение сопровождалось усилением класса феодалов. Вся деятельность Стефана Немани выражала интересы класса светских феодалов и церкви, которая благодаря дарениям ей обширных земельных владений стала превращаться в крупного земельного собственника.

Ускорившийся в это время процесс феодализации протекал не без внутренней борьбы. Свидетельством этого служит отчасти распространение в сербских землях богомильского движения, получившего развитие уже в предшествующем столетии в Болгарии и Македонии и имевшего там ярко выраженную антифеодальную направленность. Немногочисленные источники, касающиеся богомильского движения в Сербии, не дают возможности судить об его характере и особенностях. Можно лишь предполагать, что среди богомилов были представители простого народа, так как это еретическое движение приняло достаточно широкий размах. Богомильство нашло сторонников и среди феодального класса — властелы, — отдельные представители которой оказывали отпор централизаторской политике великого жупана.

Сербский великий жупан, православное духовенство и светские феодалы решительно и жестоко расправлялись с богомилами. Биограф Стефана Немани его сын Стефан Первовенчанный рассказывает, что после того, как на государственном саборе, на котором присутствовали все вельможи «от малых до великих», было решено силой искоренить «мерзкую и проклятую ересь», т. е., по-видимому, богомильство. Неманя с войском выступил против еретиков «и одних сжег, других наказал различными наказаниями, иных прогнал из своего государства, а их дома и все имущество, собрав, роздал прокаженным и нищим... и повсюду искоренил эту проклятую веру, чтобы больше не существовала она в его государстве». Жестокие расправы с богомилами, хотя и остановили расширение еретического движения, не привели к его полному прекращению.

В 1196 г. Неманя отрекся от престола в пользу своего сына Стефана и принял монашество. После смерти Стефан Неманя был причислен к лику святых. Его подвиги и заслуги как основателя Сербского государства

усиленно прославлялись сербской церковью в XIII—XIV вв., что укрепляло авторитет правящей в Сербии династии Неманичей.

В конце XII — начале XIII в. в международной обстановке Юго-Восточной Европы происходили крупные перемены. На восточных границах Сербии усилилась ставшая независимой Болгария, в то время как Византия все более слабела в экономическом и политическом отношении, фактически распавшись на полунезависимые феодальные владения. Начавшийся в 1202 г. четвертый крестовый поход привел к завоеванию империи крестоносцами. На ее обломках в 1204 г. возникла Латинская империя, а также несколько независимых от крестоносцев государств. Но все эти государства оказались крайне непрочными, между ними и их соседями на Балканах и в Малой Азии шла постоянная борьба, что вело к крайней неустойчивости соотношения сил в Юго-Восточной Европе.

В этих условиях молодое Сербское государство должно было постоянно лавировать между то усиливавшимися, то слабевшими соседями, отражать попытки Латинской империи, Венгрии и Болгарии овладеть землями, завоеванными Неманей. Вступившему на престол сыну Немани Стефану, прозванному впоследствии Первовенчанным (1196—1227 гг.), пришлось выдержать тяжелую борьбу с братом Вуканом, который, опираясь на помощь Венгрии, в 1202 г. захватил власть в Сербии. Однако Стефан нашел поддержку со стороны Болгарского царства, боровшегося против расширения венгерского влияния на Балканах. Это помогло Стефану вновь вернуться на престол великого жупана.

Чтобы достигнуть международного признания независимости Сербского государства, Стефан упорно добивался получения от римского папы королевской короны. Ради этого он шел на сближение с римской курией, а также с Венецией, пользовавшейся в это время громадным политическим влиянием в Европе и на Ближнем Востоке. Наконец, в 1217 г. папа Гонорий III даровал Стефану королевский титул. Получение короны из Рима не привело, однако, к победе в Сербии западного влияния и распространению католицизма.

Ослабление Латинской империи, борьба против нее Никейской империи и в особенности Болгарии, позволили сербскому королю, маневрируя в этой сложной политической обстановке, добиваться признания независимости сербской церкви, что являлось в средние века одним из важнейших элементов государственной самостоятельности. Соперничество между Никейской патриархией и Охридской архиепископией, которой подчинялись сербские земли в церковном отношении, помогло Неманичам получить от никейского патриарха признание автокефалии (независимости) сербского архиепископства. Брат короля монах Савва в 1219 г. был посвящен в Никее в архиепископы, а его преемники могли избираться в самой Сербии.

Таким образом, в Сербии была создана самостоятельная церковь с сербской церковной иерархией и богослужением на славянском языке. Это одновременно означало и окончательную победу православия. Будучи умным политиком и образованным проповедником Савва добился перехода в православие многих приверженцев богомильской ереси, в особенности феодалов — властелей. Таким образом, им была продолжена борьба с богомильским движением, начатая Стефаном Неманей. При Савве было основано семь новых епископств, а центром архиепископства стал построенный в это время монастырь Жича (у слияния Ибара с Западной Моравой), которому Стефан Первовенчанный даровал обширные земельные владения.

Основание архиепископства привело к дальнейшему укреплению экономических позиций церкви как крупного феодального собственника и усилило ее политические позиции в государстве, что выразилось в росте

влияния высшего духовенства на государственных саборах, активном участии архиепископа Саввы в государственных делах. Церковь, которая была тесно связана с королевской властью и обогащалась за ее счет, поддерживала авторитет правящей династии. Она стала верной опорой королей в их борьбе за укрепление центральной власти в государстве.

Савва. Фреска монастыря Милешево. XIII в.

Достижение независимости Сербского государства и его территориальное расширение способствовало ускорению развития феодальных отношений, укреплению позиций сербского господствующего класса, увеличившегося численно и получившего большие земельные владения. Экономически окрепшая сербская властела стала приобретать все бо́льшую политическую мощь и не всегда подчинялась власти королей. Это замедлило дальнейшее упрочение государственного единства сербских земель, еще недостаточно связанных между собой в экономическом и политическом отношениях. Слабость центральной власти в Сербии наглядно проявилась во второй четверти XIII в., когда после смерти Стефана Первовенчанного к власти пришел его малоспособный сын Радослав (1227—1234 гг.), а затем Владислав (1234—1243 гг.), придерживавшийся болгарской ориентации. Во время их правления в стране усилилась борьба властельских группировок, свергавших королей и возводивших их на престол.

В 1243 г. королем стал третий сын Стефана Урош I (1243—1276 гг.), оказавшийся сильнее своих старших братьев. Во время его правления сербские земли значительно окрепли в экономическом отношении благодаря развитию горного дела, ремесла и торговли. В связи с этим повысились государственные доходы, что дало возможность Урошу I вести войны за приобретение новых территорий. В своей внешней политике он постоянно колебался между ориентацией на Никейскую империю, Латинскую империю и ее вассалов. Он то вступал в тесные отношения с Венгрией, то воевал с ней. Но войны, которые велись против Венгрии и Дубровника, были мало успешны и не дали территориальных приобретений.

Урош I был свергнут с престола своим сыном Драгутином, который, опираясь на помощь Венгрии, в 1276 г. разбил войска отца и занял королевский трон. Но Драгутин удержался на престоле лишь несколько лет. По-видимому, под давлением властелы, он отказался от власти в пользу своего младшего брата Милутина, оставив себе в управление некоторые области в северной Сербии.

Период правления Милутина (1282—1321 гг.), был временем быстрого территориального расширения Сербского государства в юго-восточном направлении. Уже в первый год своей власти Милутин начал войну против Византии, которая после своего восстановления в 1261 г. еще

не приобрела достаточно сил для активной защиты собственных границ, и быстро овладел землями северной Македонии и северной Албании. В последующие годы Милутин вместе с братом Драгутином развернул военные действия в юго-восточной Македонии — в Струмской и Серской областях, и вышел к Эгейскому морю. Война с Византией, сопровождавшаяся грабительскими походами войск Милутина в Македонию и Фессалию, продолжалась ряд лет. Лишь в 1299 г. был заключен мир, закрепленный женитьбой Милутина на дочери императора Андроника II Симониде, в приданое которой Сербия получила завоеванные Милутином земли в Македонии и северной Албании.

Между тем Драгутин, которого современники иногда называли «сремским кралем» [1], опираясь на поддержу Венгрии, создал на северных границах Сербии фактически самостоятельное государство. Владея районами около города Рудника и реки Западной Моравы, он получил от Венгрии в управление Мачванскую бановину с Белградом и земли между реками Дриной и Босной в северной Боснии, а затем с помощью Милутина захватил у болгарских феодалов Браничево. Драгутин вел самостоятельную внешнюю политику: поддерживал тесные связи с венгерским двором, вмешивался в борьбу между претендентами на престол в Венгрии. Он стремился опереться на католическую церковь. В противовес этому Милутин был вынужден искать укрепления своего положения в союзе с Византией и не смог поэтому продолжить экспансию в Македонию. Между братьями существовало соглашение, что после смерти Милутина сербский престол перейдет к потомкам Драгутина, но Милутин хотел передать престол собственному наследнику. Это явилось причиной все возраставшей вражды между братьями. В разгоревшейся династической борьбе властела, недовольная, по-видимому, мирной политикой Милутина в отношении Византии, активно поддерживала Драгутина. Однако на сторону Милутина стало высшее духовенство, опасавшееся связей Драгутина с Римом. Благодаря вмешательству духовенства удалось достигнуть примирения между братьям, при условии признания за потомством Драгутина прав на сербский престол. Но как только Драгутин умер (1316 г.), Милутин отказался от этого соглашения и занял владения брата. Однако сербы не смогли удержать Мачванскую бановину с Белградом, которую заняли венгерские войска.

После смерти Милутина в Сербии вновь началась ожесточенная борьба за престол, вызвавшая в стране беспорядки. Все три претендента — сыновья Милутина Стефан и Константин и сын Драгутина Владислав поддерживались различными группировками феодалов. Наиболее сильная из них сумела возвести на престол Стефана Дечанского (1321—1331 гг.), которому пришлось еще несколько лет воевать со своим двоюродным братом Владиславом, поддержанным венгерским королем Карлом Робертом и боснийским баном Степаном Котроманичем. Последний, пользуясь неурядицами в Сербии и непокорностью сербскому королю властелы пограничных с Боснией земель, захватил область Хум (Захумье).

В интересах сербских феодалов, стремившихся к новым территориальным захватам, Стефан Дечанский старался вести активную внешнюю политику и продолжать экспансию в Македонии. Однако здесь он наталкивался на противодействие Болгарии, в которой несколько усилилась центральная власть, что создавало предпосылки для борьбы за расширение территории Болгарского государства. Стефан Дечанский активно вмешивался в междоусобную борьбу, происходившую в ослабевшей Византийской империи. Военная помощь императору Андронику II позволила сербам овладеть городом Просеком в Вардарской Македонии. Однако

[1] Срем в это время охватывал и сербские земли, лежащие к югу от Савы.

Фрагмент из грамоты Стефана Дечанского. XIV в.

этот успех заставил нового императора Андроника III и болгарского царя Михаила Шишмана заключить союз и начать войну против сербов.

Болгарские войска вступили в сербские земли, намереваясь пройти в Македонию и соединиться там с войсками Андроника III. Но они дошли лишь до Велбужда (Кюстендила), где их ожидали сербские отряды под командованием Стефана Дечанского и его сына Стефана Душана. 28 июля 1330 г. сербы нанесли болгарам сокрушительное поражение в битве у Велбужда, вынудив их к беспорядочному бегству с поля боя, во время которого погиб болгарский царь Михаил Шишман. По свидетельству современников, победу сербов в этой битве обеспечили отряды западных наемников, предводительствуемые наследником престола Стефаном Душаном. Преследуя бежавших, сербские войска вступили на болгарскую территорию и принудили болгар к заключению мира. На болгарский престол была возведена первая жена царя Михаила Шишмана, сестра Стефана Дечанского Анна и ее малолетний сын. Вслед за этим сербские войска совершили поход в Македонию, возвратив некоторые пограничные области, захваченные греками.

Победа у Велбужда закрепила ведущее место Сербии среди ослабевших в это время балканских государств. Но сербские феодалы были недовольны Стефаном Дечанским, так как он не использовал победы для дальнейшей экспансии против Византии и Болгарии. Поэтому они помогли Стефану Душану, чей авторитет и политическое влияние значительно укрепились в результате победы у Велбужда, расправиться со своим отцом и занять сербский престол.

Время правления Стефана Душана (1331—1355 гг.) было кульминационным периодом в развитии политического могущества Сербского государства, достигшего наибольшего территориального расширения и превратившегося, хотя и ненадолго, в крупнейшее государство Юго-Восточной Европы.

Стефан Душан был человеком чрезвычайно честолюбивым, энергичным, упорно добивавшимся осуществления своих замыслов. Еще ребенком он провел семь лет при византийском дворе и был хорошо знаком как с византийскими порядками и обычаями, так и с тяжелым положением дел в империи, раздираемой народными движениями и династическими войнами. Вступив на престол еще совсем молодым человеком, в возрасте около 23 лет, Душан имел уже точно определившуюся, чрезвычайно смелую и обширную программу внешней политики, которая последовательно осуществлялась им в течение 24-летнего правления. Она заключалась в борьбе против ослабевшей Византии, завоевании ее балканских владений и создании нового Сербо-греческого государства во главе с династией Неманичей. Этой основной внешнеполитической задаче были подчинены отношения Стефана Душана со своими соседями — Боснией и Венгрией, с могущественной Венецианской республикой и католической церковью. Этой программой отчасти была обусловлена и внутренняя политика сербского короля.

Дипломатическую подготовку к наступлению на Византию Стефан Душан начал сразу после восшествия на престол. В этих целях были урегулированы отношения с Болгарией, где после недолгого правления сестры Стефана Дечанского Анны, в 1332 г., воцарился Иван Александр. Сербы пошли на примирение с новым болгарским царем.Союз был закреплен женитьбой Стефана Душана на сестре Ивана Александра Елене и не нарушался в течение всего правления Душана.

Неурядицы в империи и бегство в Сербию византийского полководца Сиргияна позволили Душану открыть военные действия. Сербские войска в 1334 г. почти без сопротивления начали продвигаться на юг Македонии, дойдя до Фессалоники. Император Андроник III вынужден был заключить мир с сербами ценой потери македонских городов Охрида, Струмицы и Прилепа. Этим закончился первый этап сербского наступления на владения Византии, мирные отношения с которой при жизни Андроника больше не нарушались.

Следующий удобный момент для наступления на Византию представился Душану после смерти Андроника III в 1341 г. В Византии началась борьба за престол между сторонниками малолетнего сына Андроника Иоанна V Палеолога и вождем партии провинциальной знати Иоанном Кантакузином, объявившим себя императором. После безуспешной попытки занять императорский трон в Константинополе Кантакузин с остатками своего войска нашел прибежище в Сербии, заключив с сербским королем договор о совместных действиях против Византии. Начав военные действия в Македонии, совершенно беззащитной и разоренной, войска Душана овладели городом Воденом, а затем без сопротивления взяли город Мелник.

Союз с Кантакузином, которому вскоре удалось укрепить свое положение благодаря помощи турок, быстро распался, и Душан сблизился со сторонниками Иоанна V, правившего в Константинополе. Это не помешало сербскому королю, пользуясь военной слабостью Византии, занять почти всю Албанию и завершить завоевание Македонии, овладев в 1345 г. упорно оборонявшимся городом Сером. Сербы не смогли подчинить себе лишь самый важный город и порт Македонии — Фессалонику, где в это время в результате восстания зилотов была провозглашена независимая республика.

Завоевание Македонии и Албании стало важным рубежом в истории правления Стефана Душана, так как позволило ему в конце 1345 г. на государственном саборе провозгласить себя «царем сербов и греков». В следующем году сербский архиепископ Иоанникий без согласия константинопольского патриарха был провозглашен патриархом и в апреле

1346 г. торжественно коронсвал Душана царем. Душан разделил свое обширное царство на две части, оставив в своем непосредственном управлении Македонию, греческие и албанские области, и предоставив своему сыну Урошу, который получил королевский титул, управлять сербскими землями. Этот акт подчеркивал намерение Душана завоевать византийские владения на Балканах и стать действительно «царем ромеев».

Последним этапом наступления на Византию были походы сербских войск в Эпир, Фессалию и Акарнанию в 1348 г., приведшие к переходу под власть сербов этих коренных греческих областей.

Стефан Душан. Фреска монастыря Лесново. XIV в.

Таким образом, в результате ряда походов в состав Сербского государства были включены почти все византийские владения в юго-западной части Балканского полуострова. Однако Стефан Душан не думал останавливаться на этом. Он мечтал овладеть столицей империи Константинополем. Этот смелый план нельзя было рассчитывать осуществить в одиночку, без надежного и сильного союзника. Такого союзника Душан попытался найти в могущественной Венецианской республике, флот которой был совершенно необходим для осады «Второго Рима» с моря. Однако Душан не учел, что Венеция отнюдь не была заинтересована в столь непомерном усилении Сербского государства и не собиралась помогать в осуществлении замысла, коренным образом менявшего соотношение сил в Юго-Восточной Европе и бассейне Средиземного моря. Все старания Стефана Душана привлечь Венецию к союзу против империи оказались напрасными. В 1350 г. республика решительно отклонила предложение о военном союзе против Византии. Это сделало совершенно нереальным план овладения Константинополем, на осуществление которого Душан продолжал надеяться до конца жизни.

В борьбе со своими западными и северными соседями — Боснией и Венгрией — Душан не проявлял такой активности, как в отношении Византии. Войны с этими государствами по существу не были для Сербии успешными.

С Боснией велись войны из-за Хума, потерянного сербами во время правления Стефана Дечанского. Но Душан не проявил в вопросе об этой области большой настойчивости. В результате похода 1350 г. часть ее была занята сербскими войсками, но закрепить свою власть там Душану, так и не удалось.

Значительно усилившаяся в это время Венгрия не упускала случая напасть на сербские земли с севера, особенно когда сербские войска вели военные действия против Византии. Венгерские феодалы ставили своей

целью овладеть центром горных разработок городом Рудником. Сербы, со своей стороны, рассчитывали закрепиться на Дунае и Саве, овладев Мачвой и Белградом. Однако в ходе двух войн и частых пограничных столкновений ни одному из противников не удалось достигнуть своих целей. Старые границы между двумя государствами были сохранены.

Таким образом, при непомерном расширении границ Сербского государства на юг и завоевании областей, населенных греками и албанцами, ряд земель, населенных сербами, оставался за пределами государства Стефана Душана.

Внутренняя политика Стефана Душана была направлена на укрепление центральной власти в государстве. После вступления на престол положение Душана не было прочным. Об этом свидетельствует например, мятеж весной 1332 г. некоторых феодалов в Зете и северной Албании, еще недавно помогавших Душану победить отца. По-видимому, в первое время своего правления Душан, так же как и его предшественники, находился в сильной зависимости от властелы. Лишь постепенно, благодаря блистательным победам над Византией, он сумел поднять свой личный авторитет, расширить и укрепить органы государственного управления.

Для второго периода правления Душана, после того, как он был провозглашен царем и стал претендовать на трон византийского императора, характерно усиленное проникновение в Сербское государство византийских порядков и обычаев. «...И варварский образ жизни переменил на обычаи ромеев и торжественно возложил на себя тиару и все особенные одежды, которые свойственны этому высокому достоинству и пользуется ими до сих пор»,— писал о Стефане Душане византийский историк Никифор Григора.

Византийское влияние распространялось на различные стороны государственной жизни сербов, на законодательную деятельность Душана, придворный быт, литературу и искусство. При сербском дворе стал вводиться византийский церемониал, наместники во вновь завоеванных землях наделялись греческими титулами деспотов, севастократоров, кесарей и т. д. Во вновь завоеванных областях Душан хотел править по «установлениям и обычаям ромеев». Все высшие должности были предоставлены местным знатным грекам. Душан старался приблизить к себе греческую знать, по-видимому, сохраняя за ней прежние земельные владения и феодальные права. Аналогичная политика проводилась во вновь завоеванных землях в отношении греческого духовенства и монастырей, богато одаренных сербским царем.

Большое значение для оформления юридических норм и социальных отношений в Сербском государстве этого времени имела законодательная деятельность царя Душана. На саборе в Скопле в 1349 г. был принят свод законов — Законник Стефана Душана, дополненный спустя пять лет некоторыми новыми статьями. Законодательство царя Душана включало не только сам Законник, но и переведенные на сербский язык компиляции византийского права (Синтагму Матвея Властаря и так называемый Закон Юстиниана). В самом Законнике можно проследить значительное влияние византийского права. В то же время в нем подтверждались и издавна существовавшие в Сербии порядки и нормы обычного права. Законник Стефана Душана является важным памятником социально-экономического строя Сербского государства в период наибольшего расцвета феодальных отношений.

Хотя в постановлениях Законника прослеживается стремление усилить центральную власть в стране и подчинить феодалов государственному контролю, внутренняя политика Стефана Душана не способствовала этому. Отстранив от управления государством ряд сильных властельских родов, он возвысил многих своих сподвижников, получавших громадные

земельные владения и высокие должности за личные заслуги. Все эти феодалы пользовались полной самостоятельностью, собирали в свою пользу государственные налоги и торговые пошлины, чеканили собственную монету и так далее. Экономическая и политическая сила крупных феодалов не только не ослабла, но еще более выросла. Поэтому отсутствие в стране феодальных междоусобиц и мятежей в период правления Душана оказалось явлением временным и не означало победы централизованной формы правления.

Земли, вошедшие в состав Сербского государства в конце XIII — первой половины XIV вв., отличались от старых сербских владений не только по этническому составу населения, но и по степени хозяйственного развития, общественным отношениям, внутреннему устройству. Уже при короле Милутине стало делаться различие между собственно сербскими и «греческими землями», т. е. завоеванными у Византии. Как уже было сказано, Стефан Душан поделил свое государство на две части: «греческие земли» и сербские области, сохранив в каждой из этих частей местные порядки и обычаи.

Таким образом, отдельные части Сербо-греческого царства остались слабо связанными друг с другом в экономическом и политическом отношениях. Все это дало себя знать вскоре же после неожиданной смерти царя Душана в декабре 1355 г.

Социально-экономическое развитие Сербии в XII—XIV вв.

Если для периода раннего средневековья почти нет материалов, позволяющих осветить процессы социально-экономического развития сербов, то для изучения внутренней жизни Сербского государства в XII—XIV вв. имеется значительно больше источников, дающих возможность составить, хотя и не всегда полное, представление о развитии экономики и феодальных отношений в Сербском государстве в этот период. К этим источникам относятся прежде всего Законник Стефана Душана, многочисленные грамоты сербских королей (хрисовулы) о даровании монастырям земельных владений и привилегий, которые содержат ценные сведения о монастырском землевладении, его организации, феодальных привилегиях, положении монастырского крестьянства и так далее. Сохранилось несколько грамот середины XIV в. о даровании земли светским феодалам и городам, но они гораздо менее полны, чем хрисовулы, относящиеся к монастырям.

Для освещения социально-экономической жизни Сербии в XII—XIV вв. имеют значение договоры сербских правителей с Дубровником и другими государствами, некоторые городские законы, а также византийские законодательные сборники, сведения византийских писателей и прочие источники.

Большинство имеющихся в распоряжении исследователя памятников относится лишь к концу XIII и XIV вв. Это обстоятельство весьма затрудняет выяснение тех изменений, которые происходили в экономике и социальных отношениях в течение рассматриваемого периода.

Развитие феодальных отношений в Сербии в XII—XIV вв., укрепление и расширение Сербского государства были обусловлены заметным прогрессом в развитии производительных сил, который наблюдался прежде всего в основной отрасли производства — в сельском хозяйстве. Он выразился в расширении посевных площадей, в медленном, но неуклонном совершенствовании техники земледелия. В XIII—XIV вв. происходил переход к трехпольному севообороту, о широком распространении которого содержатся сведения в Законнике Стефана Душана и некоторых

других источниках. Характерным для данного периода явилось и развитие тех отраслей сельского хозяйства, продукция которых была рассчитана на рынок,— виноградарства, маслоделия, пчеловодства, шелководства, садоводства. Стала намечаться и хозяйственная дифференциация некоторых районов.

В скотоводстве, которое было в ряде горных местностей основной отраслью сельского хозяйства, также наблюдался заметный рост товарного производства. Монастыри, светские феодалы, сами короли владели крупными скотоводческими хозяйствами, разводили скот на продажу. По монастырским грамотам можно проследить значительное разделение труда в скотоводстве. Монастыри имели своих овчаров, конюхов, табунщиков, свинопасов. Особое развитие в это время получило коневодство.

К концу XII в. в Сербии уже окончательно сформировались основные классы феодального общества: господствующий класс (властела) и зависимое крестьянство.

С конца XII и на протяжении XIII—XIV вв. можно проследить быстрый рост и укрепление феодального землевладения. Имеющиеся источники свидетельствуют прежде всего о росте монастырского землевладения. Короли щедрой рукой раздавали монастырям обширные земельные владения, населенные крестьянами. Земли монастырям даровали также феодалы и крестьяне.

В XIV в. церковь превратилась в наиболее мощного феодального собственника. Монастырские земли иногда составляли целые жупы, например в Метохии (южная Сербия). Иногда монастыри владели несколькими десятками и даже сотнями населенных крестьянами сел. Самым богатым земельным собственником был знаменитый Хиландарский монастырь на горе Афон, который одно время имел власть над 360 селами, разбросанными между Фессалоникой и Поморавьем. Крупнейшими землевладельцами являлись сами короли (цари), которым принадлежало верховное право собственности и на все земли в государстве. Кроме этого, короли и члены их семей имели личные, доменпальные владения.

Значительная часть земли находилась в руках светских феодалов. Некоторые из них владели или управляли целыми районами и областями. Кроме своих старых владений и земель, силой захваченных в более ранний период, властели постоянно получали пожалования от королей.

Рост феодальной собственности в XII — XIV вв. сопровождался подчинением светским и духовным феодалам свободных крестьян и захватом общинных земель, а также перераспределением земель между представителями господствующего класса.

Одним из видов феодального землевладения в Сербском государстве были баштины. Баштинами назывались наследственные владения феодалов. В категорию баштин входили и монастырские земли. Баштинник мог свободно распоряжаться своим владением: продать его, передать «церкви на помин души» и т. д. Король мог отобрать баштину лишь в случае измены со стороны ее владельца.

Кроме баштин, в Сербском государстве было распространено и условное землевладение. В XIII в. это были владения воинов, расположенные на государственных или монастырских территориях. Позднее появились условные владения, получаемые за административную службу. В XIV в. короли стали давать некоторым крупным феодалам отдельные области или города в управление — «на државу». В вознаграждение за службу такой феодал взимал в свою пользу часть государственных налогов. Примерно с XIV в. встречаются упоминания о раздаче сербскими королями условных владений — пронпй, которые были распространены в Византии. Особенно много пронпй раздавалось при Стефане Душане. Пользуясь землей и рентой с крестьян, пронпары не имели права от-

Деталь фрески «Пахота Каина». Дечанский монастырь. XIV в.

чуждать землю или передавать ее по наследству. Правда, пронии могли наследоваться при условии несения новым владельцем военной службы.

Светские феодалы в зависимости от величины своих земельных владений делились на властелей «великих» (вельможи), властелей «малых» и властеличичей или воинников. Правовые различия между крупными и мелкими феодалами были невелики. Властеличич, получив от короля крупное земельное владение, мог стать вельможей. В состав господствующего класса входило и высшее духовенство, которое в источниках обычно причисляется к властеле или упоминается вместе с ней. Властела имела определенные обязательства перед центральной властью — военные и фискальные. Все светские феодалы были обязаны по требованию короля предоставлять в его распоряжение пешее войско, а сами со своим «копем добрым» «войну воевать по закону». Властели собирали и передавали в государственную казну налог с крестьян (сок).

Сербские феодалы — как баштинники, так и пронияры — пользовались значительными привилегиями, имели широкие права над зависимыми крестьянами, осуществляя в своих владениях административную и судебную власть. Крупные властели обычно имели свой двор, чиновников, тюрьмы. Вместе с тем, сербские короли пытались ограничивать административную и судебную деятельность феодалов. Особо важные судебные дела — об измене, убийстве, разбойничестве, а также земельные тяжбы рассматривались государственными судьями, а не феодальными владельцами. По Законнику Стефана Душана крестьянин имел право жаловаться суду на своего господина, однако, это право, по-видимому, редко осуществлялось на практике.

Таким образом, политика сербских королей была направлена на подчинение центральной власти светских феодалов, стремившихся стать полными хозяевами в своих землях. Но они далеко не всегда имели возможность обуздать своих самовольных вельмож, которые постепенно приобретали все большую экономическую и политическую силу и мало считались с государственными законами.

Монастырское землевладение пользовалось бо́льшими привилегиями, чем светское. Монастырские хозяйства обычно имели налоговый, судебный

и административный иммунитет. Зависимые от монастырей крестьяне несли все налоги и повинности в пользу монстырей, судились не государственными судьями, а игуменами, которые осуществляли все административные функции в монастырских хозяйствах. Иммунитетные права монастырей постепенно расширялись. По Законнику Стефана Душана им передавалось право суда над их крестьянами во всех делах, в том числе и особо важных, которые раньше разбирались королевским судом. В XIV в. в Сербии имелись феодалы, которые находились в вассальной зависимости от монастырей. Таким образом, монастырские хозяйства превратились в независимые владения со всеми чертами сеньории.

По своему правовому положению и роду занятий зависимые крестьяне делились на меропхов, скотоводов-влахов и отроков. Кроме того, в источниках упоминается термин «себры», содержание которого исследователями толкуется различно: большинство ученых понимает под этим термином все крестьянство, а некоторые в нем видят только свободных общинников.

Меропхи представляли собой земледельческое население, находившееся в феодальной зависимости от церкви, светских феодалов и короля. В их держании были земельные наделы, которые, как и наследственные владения феодалов, именовались баштинами. Крестьянские баштины переходили по наследству по мужской линии. Если крестьянин не имел мужского потомства или был не в состоянии обработать свою землю, феодал мог передать ее другому владельцу. Меропх имел право продать свою баштину, но при условии выполнения новым владельцем всех прежних феодальных обязательств.

Меропх владел своей землей при условии выполнения многочисленных повинностей и уплаты налогов феодалам и государству. В XIII—XIV вв. в Сербии были распространены все три вида феодальной земельной ренты — отработочная, натуральная и денежная. Как свидетельствуют королевские грамоты, в монастырских хозяйствах главной обязанностью зависимых крестьян была обработка земельных участков определенной величины или работа в течение определенного числа дней на монастырских землях. Обычно крестьянин должен был вспахивать монастырю ежегодно по 6—8 матов [1] земли, и кроме того,— работать несколько дней в году по уборке урожая на монастырских землях, косить монастырское сено и выполнять ряд других отработочных повинностей, а также вносить натуральные платежи. В некоторых монастырях объем отработочных повинностей крестьян был меньшим, чем указанный выше, и ограничивался несколькими днями в году. Однако в целом в рассматриваемый период наблюдается тенденция к увеличению барщины: в грамотах середины XIV в. фиксируется бóльший, по сравнению с предшествующим временем, объем отработочных повинностей.

По Законнику Стефана Душана повинности меропхов были унифицированы и точно определены. Крестьяне должны были работать на пропиара два дня в неделю, а кроме того, по одному дню в году косить сено и обрабатывать виноградник, а если такового не имеется, выполнять другую работу. Кроме того, меропх уплачивал натуральную десятину с урожая и поголовья скота. Таким образом, Законник закреплял очень высокую норму барщинных работ меропхов в пользу пропиаров — 106 дней в году. Большой объем отработочных повинностей свидетельствует о наличии в это время значительной господской запашки, что было связано с развитием внешней торговли и ростом внутреннего рынка. В этот же период в некоторых районах наблюдалось увеличение денежной ренты и коммутация повинностей.

[1] Мат, кабал или рало — мера площади в феодальной Сербии, равная, по-видимому, примерно 0,084 гектара.

Меропхи платили налог в пользу государства (сок): с каждого хозяйства по одному перперу или кабалу жита [1]. Они выполняли также работы по строительству и ремонту крепостей и дорог, должны были провожать и содержать проезжих чиновников, несли сторожевую службу. Крестьяне обязаны были платежами и в пользу духовенства.

Влахи, жившие преимущественно в горных районах страны, в XIII—XIV вв. были почти полностью сербизированы. Постепенно название «влах» утвердилось за скотоводческим населением. Количество влахов увеличилось за счет пополнения сербским населением. Влахи нередко сочетали занятие скотоводством как основной отраслью хозяйства с земледелием. С развитием феодальных отношений все бо́льшая часть влахов попадала в феодальную зависимость.

Горные поселения — катуны, в которых жили влахи, и их пастбища считались собственностью королей. Но уже со времени Стефана Немани встречаются упоминания о дарении влахов во владение монастырям. Так, у Дечанского монастыря было 8 катунов влахов с 266 домами, во владении Архангельского монастыря около Призрена — восемь катунов с 500 домами. Как и меропхи, влахи несли феодальные повинности и платили налоги в пользу своих господ и государства. Соответственно роду занятий налоги уплачивались ими скотом, а повинности были связаны с пастьбой и откормом скота, перевозкой товаров и т. д.

Объем феодальных повинностей и налогов, которые несли влахи, был несколько меньшим, чем у меропхов, а формы феодальной зависимости более легкими. Поэтому власти обычно препятствовали переходу меропхов в разряд влахов.

В наиболее сильной степени зависимости от феодалов находились отроки. Они считались полной собственностью своих господ и были совершенно бесправны. В противоположность другим категориям сельского населения, отроки не могли просить правовой защиты у короля и за все проступки судились своими владельцами. Господин мог продать своего отрока, мог даровать ему свободу. Обычно отроки использовались в домашних работах, были слугами, но нередко они занимались земледелием на монастырской или властельской земле или были ремесленниками в имениях своих владельцев. Характерно, что отроки постепенно вливались в состав меропхов, получая паделы и права меропхов. Количество отроков в целом было, по-видимому, невелико и постепенно уменьшалось.

Немногочисленную прослойку среди крестьянства составляли сокальники, которые исполняли специальные работы для своих господ: перевозили товары, чинили дороги, сопровождали феодалов в пути.

Немногим отличалось от положения крестьянства экономическое и правовое положение низшего духовенства. Сельские священники или владели свободными от налогообложения баштинами, или получали от феодала в качестве земельного надела «три нивы законные». В последнем случае они, как и меропхи, находились в зависимости от феодала и несли в его пользу повинности, хотя и меньшие, чем меропхи. Священники были освобождены от государственных налогов и повинностей, но должны были платить налоги и делать подарки своим епископам.

Известную роль в жизни сербского крестьянства продолжали играть общинные институты. Общины меропхов находились в полной зависимости от феодалов и использовались ими в своих интересах. Однако они сохраняли некоторые общественные функции. Село как коллективная единица несло ответственность за уплату его жителями налогов, за совершенные на его территории преступления, возмещало ущерб, причиненный проезжим

[1] Перпер — византийская монета. Кабал как мера веса, по-видимому, составлял около 15 кг.

купцам. Существовали сельские угодья, находившиеся в коллективном пользовании жителей. В общинах имелся свой суд, правда, поставленный в зависимость от феодалов.

Большую роль играла сельская община у влахов. Во влашских общинах-катунах стойко сохранялись патриархальные обычаи. Во главе катунов стояли старейшины (катунары, кнезы, примичуры, челники), пользовавшиеся административной и судебной властью.

Уже с конца XII в. появляются сведения о государственных мерах, направленных на обеспечение феодальных хозяйств рабочей силой, на прикрепление крестьян к земле. Грамота Хиландарскому монастырю 1198 — 1199 гг. предписывает возвращать монастырю крестьян, бежавших во владения великого жупана или кого-либо другого. Монастырь со своей стороны должен был передавать бежавших бывшим владельцам. Даже влахам, которые всегда были более подвижны, чем земледельцы-меропхи, запрещалось покидать своих феодальных владельцев. В некоторых других грамотах также встречаются постановления о запрещении крестьянам уходить от своих господ, о сыске беглых. Несмотря на все эти меры, перемещение сельского населения, главным образом влахов, в XIII—XIV вв. было весьма значительным. Этому способствовало наличие большого количества свободных земель. В монастырских грамотах часто упоминается, как игумены, икономы (управители церковных земель) «приселяли» людей, давали им землю, основывали новые поселения. Монастыри имели право поселять на новых землях людей, прожившних три года без господина. Кроме добровольного заселения крестьянами свободных монастырских и властельских земель, феодалы практиковали захваты чужих крестьян.

В Законнике Стефана Душана прикрепление крестьян к земле получило полное юридическое оформление. В нем запрещалось под страхом высшего наказания принимать чужого человека, определялась суровая кара меропхам, бежавшим от своего господина. Крестьянам не разрешалось переселяться и в города.

Усиление феодальной зависимости на протяжении XIII—XIV вв. выражалось в постепенном ухудшении правового положения значительной части крестьянства. В это время уже существовала значительная имущественная дифференциация сельского населения: имелись большие различия в величине крестьянских наделов, были и безземельные крестьяне, обрабатывавшие землю феодалов.

Источники содержат лишь косвенные, отрывочные сведения о классовой борьбе крестьянства. Так, крестьяне иногда отказывались от уплаты налогов, пытались вернуть обратно земли, захваченные феодалами, избивали управителей поместий, бежали от своих господ, эмигрировали в другие государства. Непокорность крестьян, отказ от уплаты налогов и несения повинностей, попытки бегства карались штрафами, заточением в тюрьмы и другими строгими мерами.

В рассматриваемый период в Сербии, по-видимому, не было крупных крестьянских движений, которые оставили бы следы в известных нам источниках. Это не значит, конечно, что в этом государстве, где крестьянство не менее страдало от феодального гнета, чем в других странах Европы, совсем не было антифеодальных выступлений крестьян. Характерно, что в Законнике Стефана Душана содержится строгое запрещение крестьянам собираться на сходки (саборы). По всей вероятности, здесь имеются в виду сходки, собранные без разрешения властей и направленные против феодалов. Можно предположить, что это запрещение крестьянских сходок законодательным путем было вызвано реальной опасностью коллективных действий крестьян против своих господ, антифеодальных крестьянских восстаний.

В XII—XIV вв. в сербских землях развивалось ремесленное производство. Дарственные грамоты монастырям нередко упоминают о сельских ремесленниках — кузнецах, кожевниках, гончарах, ювелирах, седельниках, портных и т. д. Оживленное строительство крепостей, церквей, монастырей стимулировало развитие строительного дела. Основные отрасли ремесла сосредоточивались в самих феодальных вотчинах, где имелись ремесленные мастерские, удовлетворявшие в основном нужды своих владельцев. Но их ремесленники обслуживали и местный рынок. Монастыри иногда имели целые поселения ремесленников одной профессии, например кузнецов или строителей.

Пастух на фреске «Рождество Христово». Монастырь Сопочаны. XIII в.

Главной отраслью ремесленного производства Сербии, сыгравшей первостепенную роль в ее экономике, было горное дело, особенно быстро развивавшееся со второй половины XIII в. Разработкой недр, богатых залежами серебра, свинца и других металлов, с этого времени стали заниматься преимущественно переселенцы из Словакии (северной Венгрии), которых в южнославянских странах обычно называли сасами (от «саксы» — саксонцы). Сасы получили от сербских королей значительные привилегии: право основывать новые поселения, свободно рубить лес и выжигать уголь. Благодаря им была усовершенствована существовавшая ранее примитивная техника добычи и плавки руд, значительно увеличилось количество горных разработок. Первым значительным центром горного дела был город Брсково, расцвет которого падает на вторую половину XIII — первую половину XIV вв. В конце XIII в. началась разработка недр около города Рудника, где существовали шахты еще в римские времена, а затем в горном массиве Копаоника (южная Сербия). В 20-х годах XIV в. начинается добыча серебра около Ново Брда, превратившегося благодаря этому в наиболее крупный и богатый город во внутренней части Сербии. Существовал и ряд других менее значительных центров разработки руд.

Верховное право собственности на рудные богатства принадлежало сербским королям, которые собирали со всех горных разработок налог — урбуру. Короли налагали также таможенные пошлины на вывозимые из страны металлы. Доходы с рудников были, таким образом, одним из источников пополнения королевской казны.

Рудниками обычно владели отдельные лица или компании, которые, уплачивая урбуру, свободно распоряжались своей собственностью. Владельцами рудников, мастерами по выплавке металлов и чеканке монеты обычно были сасы, а также дубровчане и которане, но рудокопами работали сербы, главным образом, крестьяне близлежащих сел. Добыча руд и

выплавка металлов дала возможность сербским королям с середины XIII в. чеканить большое количество собственной серебряной монеты, которая стала распространяться и вне границ Сербии.

Городская жизнь в Сербии, за исключением приморских районов Зеты, где издавна существовали крупные города, участвовавшие в международной торговле, развивалась сравнительно медленно. Характерной особенностью городов была незначительная роль в их экономике местного сербского элемента. Дубровницкие, итальянские и другие иностранные купцы и ремесленники занимали в городах прочные экономические и политические позиции, оттесняя на задний план местных жителей. Иностранные купцы и ремесленники имели в крупных городах свои колонии, пользовались особыми правами, получаемыми от сербских королей. Это создавало разобщенность городского населения, разнившегося не только по социальному положению, но и по этническому составу. Города в Сербии в период средневековья не играли сколько-нибудь заметной политической роли, не могли стать как это было в других европейских странах, опорой королевской власти в борьбе с феодальной раздробленностью. Слабое развитие городской жизни и особенности сербских городов наложили, таким образом, заметный отпечаток на всю историю феодальной Сербии.

По происхождению, экономической роли и внутреннему устройству города в различных частях Сербии не были одинаковы.

Из старых приморских городских центров наиболее крупным был Котор. Город поддерживал оживленные торговые связи с внутренними областями Сербии. Другие приморские города — Улцинь, Будва, Бар — и Скадар были менее связаны экономически с внутренней частью страны. Их население занималось главным образом мореходством и, кроме того, судостроительством.

К каждому приморскому городу относилась точно определенная сельскохозяйственная территория, где было развито виноградарство и виноделие, пчеловодство, разведение оливок. Продукция этих отраслей сельского хозяйства служила предметом торговли приморских городов.

Приморские города, пользовавшиеся с давних времен широкой автономией, имели свои городские статуты, фиксировавшие систему городского управления, права и обязанности городских властей и граждан. Последние делились на городской нобилитет — властелу и простых горожан — пучан. Продолжали существовать в городах и рабы, обычно используемые как слуги. Члены городских общин имели право голоса в местной народной скупщине, роль которой, однако, неуклонно падала. Постепенно вся власть сосредоточивалась в руках городского патрициата, ставшего замкнутой корпорацией и составлявшего Великое вече. Иногда в городах существовал более узкий орган управления — Малое вече, избиравшееся из состава городского нобилитета. В Которе в 1361 г. городское устройство было преобразовано в духе аристократической республики. Великое вече полностью вытеснило народную скупщину. По примеру Венеции и Дубровника, был учрежден Сенат из 15 человек, члены которого избирали городских судей и Малое вече. Сосредоточение всей власти в руках городской аристократии, имевшее, по-видимому, место не только в Которе, но и других городах, усилило противоречия и борьбу между городскими низами и властелой, выливавшуюся иногда в восстания.

Во внутренних областях Сербии, в присоединенных к ней районах по правобережью Дуная и Моравы существовали города, в большинстве случаев выросшие как центры ремесла, торговли или горного дела лишь в XIII—XIV вв. Наиболее крупными из них в южной части Сербии были Призрен, достигший высшего расцвета в начале XIV в., Ново Брдо, Приштина, Трепча и другие. В северной и северо-восточной части

страны крупными городскими центрами были Ниш — оживленная торговая станция на пути, шедшем от Дуная к Константинополю, и Браничево.

Административное и общественное устройство городов внутренней части Сербии в XIII—XIV вв. не было столь четко регламентировано, как в приморских городах. Городскими делами обычно ведала управа, во главе которой стоял назначаемый королем кнез, или кефалия.

В Македонии, а также в греческих областях, вошедших во второй четверти XIV в. в состав Сербского государства, города имели преимущественно греческое население. В Македонии наиболее крупными ремесленными центрами были Скопле, Охрид, Штип и др., а в греческих землях — Бер (Верия), Сер, Янина и др. После завоевания сербами все эти города сохранили свои исстари закрепленные привилегии и общинные территории, владение которыми гарантировалось специальными грамотами и Законником царя Душана. Кратковременное пребывание этих городов в составе Сербского государства не привело к заметному расширению их экономических связей с сербскими областями.

Развитие горного дела и рост товарности сельского хозяйства послужили основой для расширения в XIII—XIV вв. внутренней и в особенности внешней торговли. Дешевизна сельскохозяйственных продуктов и обилие руд привлекали к сербским землям внимание не только далматинских, но и итальянских торговцев. Они вывозили из Сербии металлы (в первую очередь серебро), зерно, мед, воск, кожи, древесину. Ввозились в страну преимущественно предметы роскоши, шедшие на удовлетворение возросших потребностей феодалов (дорогие ткани, ювелирные изделия и др.), а также соль, грубые ткани и дешевые украшения, имевшие сбыт у всего населения.

В некоторых городах, например в Призрене, существовали рынки и ярмарки, где продавались местные и иностранные товары. Еженедельные торги и ежегодные ярмарки нередко собирались около монастырей, а также в крупных феодальных владениях. На них преимущественное право продажи имели духовные и светские феодалы, торговавшие скотом, зерном, вином и другими излишками своего производства.

Среди иноземных купцов, которые, как говорилось выше, сосредоточивали в своих руках главные позиции в сербской торговле, преобладали дубровчане. По договору 1186 г. дубровницкие купцы получали право свободно торговать в сербских землях. Торговые привилегии дубровчан в дальнейшем были закреплены в ряде договоров с сербскими правителями. По этим грамотам дубровчане получали широкие юридические права в Сербии: им обеспечивалось возмещение причиненного ущерба и защита от неправильного взимания пошлин, несправедливости властей; они имели собственный суд.

Итальянские и византийские купцы в сербских землях были менее активны, чем дубровчане, но и они пользовались торговыми привилегиями, которые, кроме специальных договоров, подтверждались и в Законнике Стефана Душана.

Внешняя торговля Сербии в период всего средневековья тяготела к Адриатике. Торговые пути связывали сербские земли с далматинским побережьем, Боснией, Венгрией, австрийскими владениями, Македонией, Албанией и греческими землями. Важной торговой артерией был и старый римский путь, шедший от Дуная по Мораве к Нишу и оттуда через Болгарию в Константинополь. В Нише от этого пути отделялись две дороги одна из которых шла через Скопле в Македонию, а другая — к Адриатическому побережью.

До середины XIII в. в Сербии имели обращение иностранные деньги, главным образом византийские и венецианские. Они имели хождение на

рынке и после того, как короли начали чеканить собственную монету. В горных районах была распространена и меновая торговля: население меняло свой скот на соль и другие необходимые товары.

Сербское государство в XIII—XIV вв. представляло собой феодальную монархию, вся власть в которой принадлежала светским и духовным феодалам во главе с королями. Аппарат власти Сербского государства, первоначально очень немногочисленный, постепенно расширялся. В XIV в., и особенно во время правления Стефана Душана, при сербском дворе появился многочисленный штат чиновников (более 70 человек). Королевской казной и сбором налогов ведал казнац, королевской канцелярией — логофет, имелся также специальный управитель королевского двора и ряд других должностных лиц.

Решение особо важных государственных дел входило в компетенцию саборов, на которые съезжалась духовная и светская властела. В круг вопросов, решаемых на властельских саборах, входили коронация (а иногда и избрание) королей, выборы архиепископов, принятие различных законов и постановлений. Иногда на саборах решались особо важные религиозные и судебные дела, вопросы объявления войны или заключения мира. Саборы в известной мере ограничивали власть королей, однако последние имели право решать государственные вопросы (исключая выборы архиепископов) и без их согласия. Помимо властельских саборов при королевском дворе существовали и более узкие советы, на которые собиралась придворная знать и члены королевской фамилии.

Основной административной единицей в Сербии, как и в раннее средневековье, были жупы. Они давно уже потеряли права самоуправления и полностью находились во власти государства и феодалов. Однако в жупах еще сохранялись некоторые остатки общинных прав. Имелись леса, пастбища, водоемы, которыми совместно пользовалось все население жупы. Последнее несло и коллективную ответственность за совершенные на территории жупы преступления.

Если жупа или большая часть ее принадлежала какому-либо феодалу, он управлял ею как своим владением. В ином случае жупы управлялись государственными чиновниками — кефалиями. Основной функцией феодалов-жупанов и кефалий был сбор налогов и обеспечение выполнения повинностей населением жупы. Они имели свой аппарат, на содержание которого взимался особый налог с населения. Пограничные районы государства (краишта) управлялись феодалами-крайишниками, основной обязанностью которых была охрана пограничных территорий.

Военная обязанность в Сербии ложилась на все население. Каждый феодальный владетель, городские и сельские общины должны были выставлять и снаряжать определенное число воинов в феодальное ополчение. От военных повинностей были освобождены лишь монастырские крестьяне. Кроме феодального ополчения, состоявшего из конницы и стрелков, в XIV в. сербские правители обычно имели наемное войско, в котором служили иностранцы. Находясь на содержании королей, наемное войско стало их верной опорой в борьбе с непокорной властелой и нередко решало исход военных сражений.

Сербские ополченцы, особенно стрелки, были опытными в лесных и горных сражениях. Боевое оружие сербских воинов составляли копье, меч, палица (из дерева или металла), лук со стрелами. Для защиты употреблялись щиты, шлемы, кольчуги. К XIV в. относится появление на Балканах первых примитивных огнестрельных орудий, центром производства которых стал Дубровник.

Распад Сербо-греческого царства. Турецкая агрессия против балканских государств во второй половине XIV в.

Уже в последние годы жизни Стефана Душана появились признаки непрочности обширного государства, созданного воинственным сербским царем. С вступлением на престол сына Душана Уроша (1355—1371 гг.) начался быстрый распад Сербо-греческого царства. Крупные феодалы, усилившиеся за время правления Душана, почувствовали себя полными хозяевами в своих владениях. Некоторые из них стали полностью самостоятельными, другие лишь номинально подчинялись власти молодого царя Уроша.

В стране ширились феодальные междоусобицы. Борьба среди феодального класса с каждым годом принимала все более острые формы. Вскоре после смерти Душана его сводный брат, правитель Эпира Симеон (Синиша) попытался свергнуть Уроша и занять сербский престол. Собрав войско, он в 1356 г. провозгласил себя в городе Костуре царем. Однако борьба за власть в греческих областях не дала Симеону возможности добиться намеченной цели. К тому же большинство феодалов в самих сербских землях не поддержало его претензий.

Уже в первые годы правления Уроша, кроме Эпира, фактически отпали от Сербского государства Фессалия и Албания. В Македонии также сохранилась лишь видимость власти царя Уроша. Там фактически независимыми правителями стали Вукашин, принявший королевский титул, его брат деспот Углеша и другие феодалы.

Распад царства Стефана Душана шел не только за счет отделения несербских областей. В самих сербских землях наблюдалось быстрое ослабление центральной власти, ожесточенная феодальная борьба. В области Косова поля утвердился князь Воислав Войнович, который враждовал с тремя братьями Балшичами, ставшими владетелями в Зете. С 1366 г. Балшичи перестали признавать власть Уроша, и Зета таким образом откололась от Сербского государства.

Одним из наиболее сильных великашей в центральной части Сербии стал князь Лазарь Хребелянович, который первоначально правил богатой областью Ново Брда. За время правления Уроша князь Лазарь значительно расширил свои владения за счет соседних земель.

В районе Ужице, Рудника и Подринья в 60-х гг. укрепился воинственный феодал Никола Алтоманович, который сосредоточил в своих руках все западные и юго-западные области Сербии. Он вел чрезвычайно агрессивную политику — захватывал земли соседних феодалов, совершал опустошительные набеги на территорию Дубровницкой республики, требуя уплаты так называемой святодмитровской подати, которую раньше получали от Дубровника сербские короли.

Междоусобицы и полный упадок центральной власти дали возможность королям соседней Венгрии усилить свое влияние на сербских правителей. Венгерский двор поддерживал некоторых сербских феодалов в их борьбе с соседями и тем самым способствовал обострению феодальных распрей.

После смерти царя Уроша в 1371 г. феодальная междоусобица разгорелась с еще большей силой. Особенно ожесточенная борьба в это время развернулась между наиболее сильными владетелями — Николой Алтомановичем и князем Лазарем. Объединившись с боснийским баном Твртком и заручившись поддержкой Венгрии ценой признания ее верховной власти и обязательства платить ей дань, князь Лазарь в 1373 г. напал на владения Николы Алтомановича и нанес ему полное поражение. Земли побежденного были поделены между князем Лазарем, которому достались

области Ужице и Рудника, и баном Твртком, расширившим границы Боснийского государства на восток. Часть владений Алтомановича перешла к Балшичам. Победа над самым опасным противником сделала князя Лазаря наиболее сильным феодалом в Сербии и позволила ему вскоре подчинить северные области страны, расположенные по правобережью Дуная и Мораве.

Таким образом, к концу 70-х гг. князь Лазарь объединил под своей властью всю северную и центральную часть сербских земель. В южных областях Сербии (в районах Приштины, Звечана, Сеницы и в Полимье) находились владения другого крупного феодала — Вука Бранковича, с которым князь Лазарь имел родственные связи и установил добрососедские отношения. Он не нарушал мира и с правителями Зеты Балшичами, а позднее с их преемником — Георгием Стратимировичем, который был зятем князя Лазаря.

Политика князя Лазаря была направлена на подчинение своей власти непокорных властелей в собственных областях, прекращение в сербских землях феодальной междоусобицы. Она привела к некоторому укреплению внутреннего положения в стране. Объединение под властью князя Лазаря значительной части населенных сербами земель могло положить начало их внутренней консолидации в прочное единое государство.

Однако этот процесс не смог развиться в полной мере ввиду тяжелой внешнеполитической обстановки, вызванной нашествием в Европу грозных завоевателей турок-османов.

Османы — одно из турецких племен северо-западной части Малой Азии — в конце XIII в. основали собственное независимое княжество. Распад государства сельджукидов и ослабление Византии позволили османам быстро расширить свои владения в Малой Азии. В 1330 г. они захватили у византийцев Никею, а в 1337 г. — Никомедию и вышли на побережье Мраморного моря. В 1341—1347 гг., во время междоусобной войны в Византии, Кантакузин неоднократно использовал турок как своих союзников, что позволило им беспрепятственно грабить Фракию.

С середины XIV в. угроза завоевания турками балканских государств усилилась. В 1352 г. около Димотики османы нанесли поражение отрядам греков, сербов и болгар, сражавшихся на стороне Иоанна Палеолога. В том же году турки переправились через Дарданеллы и взяли крепость Цимпе, а в 1354 г. захватили Галлиполи. Закрепившись на Галлиполийском полуострове, они проникли в Восточную Фракию, которая стала их опорной базой для дальнейшего наступления на Балканский полуостров.

В конце своего царствования Стефан Душан сделал попытку, заручившись поддержкой римского папы, начать поход против турок, грабительские набеги которых уже тогда опустошали греческие и болгарские земли. Но план похода против османов так и остался неосуществленным. Усилившаяся вскоре после смерти царя Душана феодальная раздробленность сербских земель и противоречия между балканскими государствами парализовали попытки совместной защиты от турецких нападений. Напрасными были и надежды на военную и денежную помощь римской курии, итальянских торговых республик и Венгрии. Сражаясь с турецкими армиями в одиночку, постоянно предавая друг друга, а иногда призывая самих же турок для помощи в борьбе со своими соседями, феодальные правители балканских государств во многом облегчали туркам осуществление их завоевательных планов.

Турецкое государство в это время было единым и крепким, оно имело многочисленную и хорошо организованную армию. Все это давало османам большие преимущества в борьбе с внутренне слабыми, феодально раздробленными балканскими государствами.

Турецкая экспансия на Балканы активизировалась с конца 50-х гг. XIV в. и особенно в период правления султана Мурата I (1362 — 1389 гг.). В 1359—1360 гг. османы заняли Фракию. Затем они овладели Адрианополем и начали развивать наступление в юго-западную часть полуострова, что создавало большую опасность для Македонии. Местные феодальные владетели вынуждены были принять меры для защиты своих областей. Но деспот Углеша напрасно старался создать коалицию против турок с участием Византии. К походу против османов ему удалось привлечь лишь своего брата короля Вукашина. В 1371 г. они совместно выступили против турок. На реке Марице недалеко от Адрианополя ополчения македонских феодалов были наголову разбиты превосходящими по численности турецкими армиями. Вукашин и Углеша с большей частью своего войска погибли на поле боя.

Воины. Фреска. Монастырь Матеич. XIV в.

В результате победы на реке Марице османы значительно укрепили свои позиции на Балканском полуострове. В 1372 г. они двинулись в Македонию и греческие земли, опустошая их и уводя население в рабство. Земли деспота Углеши перешли к туркам. Наследник Вукашина король Марко (1371—1395 гг.) стал вассалом Турции, а часть его владений перешла к соседним сербским феодалам (Балшичам и Вуку Бранковичу). В северо-восточной части Македонии в качестве турецких вассалов, стали править братья Деяновичи.

Византийская империя вскоре превратилась в данницу султана, а ее владения были фактически сведены к Константинополю с частью Восточной Фракии и несколькими островами на Эгейском море. Морейский деспотат лишь номинально подчинялся власти византийских императоров. Вместе с византийскими владениями опустошительным набегам турецких армий стали подвергаться и болгарские земли.

Продолжив наступление на Болгарию, турки вынудили царя Ивана Шишмана признать зависимость от Османского государства.

Все эти события приблизили опасность турецкого нашествия на сербские земли и Боснию, поставили феодальных правителей этих государств перед необходимостью сплотиться, чтобы дать отпор общему врагу.

С начала 80-х гг. XIV в. турки неоднократно совершали грабительские набеги на Сербию, которые, однако, отражались войсками сербских феодалов. В 1386 г. султан Мурат I овладел Нишем, но вслед за этим сербы одержали победу над турками в битве у Плочника. Это побудило султана Мурата I ускорить набор войск в своих европейских и азиатских владениях для большого похода в Сербию. Зная об этом, князь Лазарь активно

готовился к отпору туркам. Он поспешил наладить дипломатические отношения с Венгрией, обязался уплачивать ей дань и помогать войсками. Лазарю удалось получить военную помощь от боснийского бана Твртка, пославшего в Сербию войско во главе с воеводой Влатком Вуковичем. Из сербских феодалов в коалиции принял участие Вук Бранкович и некоторые другие властели.

Громадное турецкое войско, предводительствуемое самим султаном Муратом, его сыновьями Якубом и Баязидом и другими опытными турецкими полководцами вступило в бой с сербами и босняками на Косовом поле, около Приштины в день святого Витта 15 июня 1389 г. Косовская битва явилась одной из наиболее героических страниц в истории сербского народа. Подвиги сербских воинов, упорно и самоотверженно сражавшихся против численно превосходящих турецких армий, в течение нескольких веков воспевались в народных песнях и сказаниях.

О том, как протекало это знаменитое в истории сербов сражение, сохранилось мало сведений. Известно, что в первые часы битвы войска Лазаря сумели потеснить османов. Большое замешательство среди турок вызвало неожиданное убийство султана Мурата одним из сербских феодалов Милошем Обиличем (Кобиличем). Тогда сын Мурата Баязид, приказав убить своего соперника — старшего брата, взял на себя командование военными действиями. По описанию современников и очевидцев, битва была необыкновенно ожесточенной и кровавой. Лишь в конце ее турецкие войска начали брать верх над сербами. Князь Лазарь и несколько воевод попали в плен и были убиты по распоряжению Баязида. Многие сербские военачальники и солдаты пали на поле боя или были уведены в плен. Но и турки понесли огромные потери, а смерть Мурата и убийство наследника престола вызвали неурядицы в Османском государстве.

Все это вынудило султана Баязида на следующий же день после победы покинуть Сербию.

Таким образом, победа турок не была полной и досталась им ценой тяжелых потерь. Характерно, что среди балканских народов и на западе долгое время ходили слухи о победе на Косовом поле христианского войска или о ничейном исходе сражения. Тем не менее Косовская битва решила участь страны: через несколько месяцев, когда Сербия находилась в тяжелом положении из-за внутренних неурядиц и угрозы нападения венгерских феодалов с севера, был заключен тяжелый мир с турками. Сербия превращалась в вассальное государство; наследник князя Лазаря Стефан Лазаревич и другие сербские удельные правители сохранили свои владения ценой признания верховной власти султана. Они обязались уплачивать ему дань и участвовать со своими войсками в турецких походах. Косовская битва приблизила окончательное завоевание турками Болгарии, которая в 1393—1396 гг. была включена в состав Османского государства.

К концу XIV в. большинство феодалов внутренней части Зеты попало в вассальную зависимость от турок. После того как в сражении с османами в 1385 г. погиб Балша II, его владения в Зете перешли к Георгию II Страцимировичу. Последний был вынужден обороняться и от турок, и от притязаний зетских феодалов (особенно усилившихся в горной части Зеты Черноевичей), и от Венеции, стремившейся овладеть Зетским приморьем. В 1396 г., надеясь получить от республики помощь в обороне от турецких нападений, Страцимирович передал ей после долгих переговоров города Скадар, Дриваст и порт Святой Срд на Бояне. В дальнейшем Зета и особенно города Зетского приморья стали объектом борьбы между Венецией и Турцией.

Завоевание сербских земель турками в XV в.

В начале XV в. турецкая экспансия в Европе была временно остановлена. В Малую Азию в это время вторглись громадные полчища монголов во главе с Тамерланом и в 1402 г. нанесли туркам сокрушительное поражение в битве при Ангоре (Анкаре). В Турции началась борьба за престол между сыновьями попавшего в плен к монголам султана Баязида I. Азиатские владения османов распались на самостоятельные уделы. Все это создавало благоприятные условия для возобновления борьбы за освобождение Сербии от турецкой зависимости.

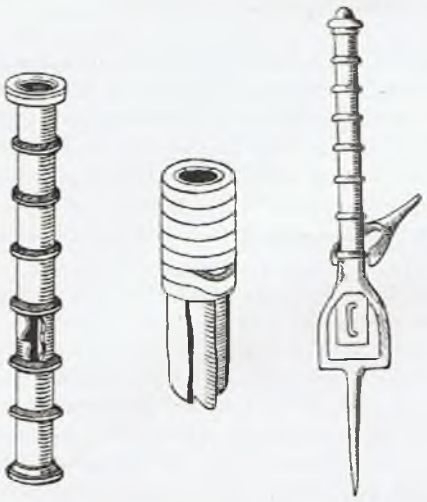
Стефан Лазаревич, как и другие турецкие вассалы, участвовал со своим войском в Ангорской битве. После поражения турок он отправился в Константинополь, где был торжественно встречен и получил от византийского императора титул деспота (первый по рангу после царского) [1]. После этого, использовав удобный момент, он вышел из подчинения туркам. Надеясь опереться в борьбе с ними на соседнюю Венгрию, для которой турецкая агрессия в западной части Балканского полуострова представляла грозную опасность, Стефан Лазаревич в 1403 г. заключил договор с королем Сигизмундом (Жигмондом). Он признал вассальную зависимость от Венгрии и получил в управление Белград. Но Венгерское королевство не оказало реальной поддержки сербскому деспоту, не смогло организовать нового похода против турок. Безуспешными оказались и предпринятые в это время попытки Византии получить помощь с Запада. В самих сербских землях продолжалась феодальная борьба. Брат Стефана — Вук претендовал на часть земель деспотовины. Лазаревичи враждовали с владетелями южной части Сербии Бранковичами.

В этих тяжелых условиях Стефан Лазаревич не смог последовательно бороться за освобождение от турецкой зависимости. Он вместе с другими удельными правителями вмешивался в междоусобицу претендентов на престол в Турции, что тяжелым бременем ложилось на плечи местного населения. В 1413 г., после неудачных попыток изгнать из Сербии грабительские отряды претендента на турецкий престол Мусы, деспот Стефан оказал военную помощь его противнику султану Мехмеду. Это положило конец борьбе за престол в Турции. Разделавшись со своими врагами, Мехмед I в благодарность за помощь несколько расширил границы Сербской деспотовины и отказался от грабительских походов на ее территорию, но деспотовина осталась в вассальной зависимости от Турции.

В период существования деспотовины Сербское государство претерпевало заметные изменения в общественно-экономическом строе. Военные опустошения, эмиграция сельского населения в связи с турецким нашествием — все это привело к убыли земледельческого населения и росту роли скотоводства в хозяйстве страны. Положение зависимого крестьянства ухудшилось в связи со стремлением феодалов увеличить ренту с крестьян, а также из-за введения новых налогов на военные нужды. Убыль населения и военные опустошения подрывали экономическую мощь феодалов. Некоторые из них стали искать новые источники дохода, иногда даже участвовали в предпринимательской и торговой деятельности.

Несмотря на общий упадок сельского хозяйства, Сербия все еще оставалась цветущей страной. Такой ее увидел в 1433 г. французский путешественник Бертрандон де Брокиер, такой ее описывали и некоторые другие современники. Они обычно отмечали необыкновенное богатство Сербии залежами драгоценных металлов и многочисленные рудники. Действитель-

[1] Поэтому Сербское государство в первой половине XV в. принято называть деспотовиной.



Огнестрельное оружие. XIV—XV вв.

но, в первой половине XV в. горное дело в Сербии переживало наибольший подъем. Крупнейшим центром добычи серебра было Ново Брдо, а также Рудник, Сребрница (входившая с 1412 г. в состав деспотовины) и другие центры. По описанию де Брокиера, Ново Брдо приносило деспотам ежегодный доход в 200 тыс. пиастров, а Сребрница — 30 тыс. пиастров.

Доходы от горного дела, а также торговые пошлины на вывоз металлов и других товаров явились главным источником накоплений государственной казны. Это дало возможность Стефану Лазаревичу быть самостоятельным во внутренней политике, создать постоянное войско и стать более независимым от ополчений феодальных владетелей. При Стефане Лазаревиче центральная власть в деспотовине укрепилась, а роль крупных феодалов в управлении страной снизилась. Стефан Лазаревич старался ликвидировать сепаратизм крупных феодалов, расправлялся с непокорными властелями, отнимал у них владения. Характерно, что в это время потеряли свое былое значение властельские саборы, прерогативы их были ограничены.

Экономическая политика Стефана была направлена на развитие в стране ремесла и торговли, на усиление роли в них местных элементов. Он пытался ограничить засилие иностранного купечества и особенно дубровчан, увеличив права сербских торговцев. Значительные привилегии получили в это время некоторые города и в первую очередь Белград, жители которого были освобождены деспотом от таможенных пошлин.

Стефан Лазаревич стремился не только упрочить свою власть над сербскими землями, но и расширить границы деспотовины. Он поддерживал дружеские отношения с правителем Зеты, своим племянником Балшей III, и после его смерти в 1421 г. наследовал ее.

Деспот продолжил войну с Венецией, которую много лет вел Балша из-за городов Зетского приморья, но вскоре вынужден был заключить мир, по которому признал переход городов Скадара, Леша, Улциня, Котора и приморской общины Паштровичи в руки Венеции. Стефану Лазаревичу не удалось установить свою твердую власть и во внутренней части Зеты, особенно в горных ее районах, где феодалы, и среди них такие влиятельные как Черноевичи, неприязненно отнеслись к новому владетелю.

Укрепление Сербского государства в первой четверти XV в. оказалось кратковременным. Крайне неблагоприятное внешнеполитическое положение деспотовины, со всех сторон окруженной врагами, находившейся в двойной вассальной зависимости от Венгрии и Турции, исключало возможность прочной внутренней стабилизации.

Во второй четверти XV в. деспотовина стала постепенно клониться к упадку. Не имевший детей Стефан Лазаревич провозгласил своим наследником племянника — Георгия Бранковича. Желая урегулировать отношения с Венгрией, Стефан в 1426 г. заключил с ней государственный договор, в котором подтверждалась вассальная зависимость Сербии от Венгрии, а Георгий Бранкович признавался наследником Стефана.

Деспот Георгий Бранкович (1427—1456 гг.) правил в чрезвычайно сложной и тяжелой обстановке. В стране усиливалась феодальная анархия. Турция, Венгрия, Венеция со всех сторон теснили Сербию, отрывали от нее кусок за куском. В 1427 г. войска султана Мурата II заняли города Ниш и Крушевац. В 30-х гг. турки захватили область Браничево. После смерти Стефана Лазаревича во владение Венгрии перешел Белград и большая часть Мачвы. Так деспотовина постепенно лишилась большинства крупных городов и была изолирована от важных торговых магистралей. В этих условиях окончательное завоевание ее турками становилось неизбежным.

Сербия была одной из тех балканских стран, где турецкая экспансия встречала наиболее активное сопротивление народных масс и значительной части феодалов. В войнах с турками сербские войска не раз показывали примеры доблести и героизма и иногда одерживали верх над превосходящими силами османов. Сербские крепости и города сдавались туркам лишь после тяжелых боев и длительной осады. Однако сербы были не в состоянии объединить свои силы и оказать действенный отпор турецким завоевателям. Города Сербии были слабо развиты как в экономическом, так и в политическом отношениях. Местный сербский элемент в них был слаб. Поэтому сербские города не смогли стать центрами борьбы против турецких завоевателей.

Главными организаторами вооруженного отпора туркам были феодалы. Но среди них не имелось единства, шла жестокая внутренняя борьба. Сербские великаши вели войны с османами с помощью немногочисленных военных ополчений и наемных солдат и не стремились привлекать к военным действиям с турками народные массы, вооружать их.

По мере внутреннего ослабления деспотовины сербские феодалы проявляли все большую растерянность перед лицом внешних врагов, возлагая все надежды на помощь Венгрии и Венеции. Часть властелы, особенно в период упадка деспотовины считала для себя более выгодным подчиниться османам, рассчитывала с их помощью сохранить и расширить свои владения. Эти феодалы были главными помощниками турок при завоевании ими югославянских земель. Они постепенно вливались в феодальный класс Турции, переходя на службу к султану.

В южной части сербских земель, особенно в Зетском приморье, большинство феодалов ориентировалось в борьбе с турками на Венецию. Но военная помощь, которую оказывала Венецианская республика сербам, была недостаточной. Сеньория, подчинив своей власти города Зетского приморья, оказалась не в состоянии укрепиться во внутренних районах Зеты, которые постепенно переходили под власть Турции.

Крупные феодалы северной Сербии, и прежде всего сами деспоты, имели тесные экономические и политические связи с Венгрией. Венгерские короли, желая привлечь на свою сторону сербских феодалов, передавали деспотам и влиятельным властелям обширные владения в южной Венгрии, Славонии, Трансильвании, куда те обычно бежали после захвата их основных владений турками.

Слабые, не имевшие сил обороняться от внешних врагов, балканские государства стали объектом борьбы между Османской империей и европейскими государствами — Венгрией и Венецией, которым помогала римская курия. Перевес постепенно переходил на сторону турок, умело использовавших слабость и противоречия своих противников и наносивших им удар за ударом.

Деспот Георгий Бранкович, продолжая политику Стефана Лазаревича, установил дружеские отношения с венгерским двором. В то же время, используя свои родственные связи с султаном (дочь его была замужем за Муратом II), он старался поддерживать дипломатические отношения

с султаном, предотвращать турецкие набеги на Сербию. Лавируя таким образом между Венгрией и Турцией, Георгий Бранкович несколько отсрочил окончательное падение деспотовины.

Тем временем международное положение в Юго-Восточной Европе все более осложнялось. В 1438 г., когда после смерти короля Сигизмунда (Жигмонда) в Венгрии началась борьба за престол и усилились феодальные междоусобицы, турецкие войска напали на Сербию, разорили и разграбили ее. Войска деспота оказывали упорное сопротивление. Но силы были неравны. В 1439 г. после трехмесячной осады было взято Смедерево и вся деспотовина оказалась под турецкой властью. Георгий Бранкович отправился в Бар, надеясь оттуда организовать борьбу с турками. Но он натолкнулся на сопротивление владетелей Верхней Зеты Черноевичей. Отказали в помощи деспоту и венецианцы, не упустившие при этом случая захватить еще остававшуюся у сербов часть Зетского приморья.

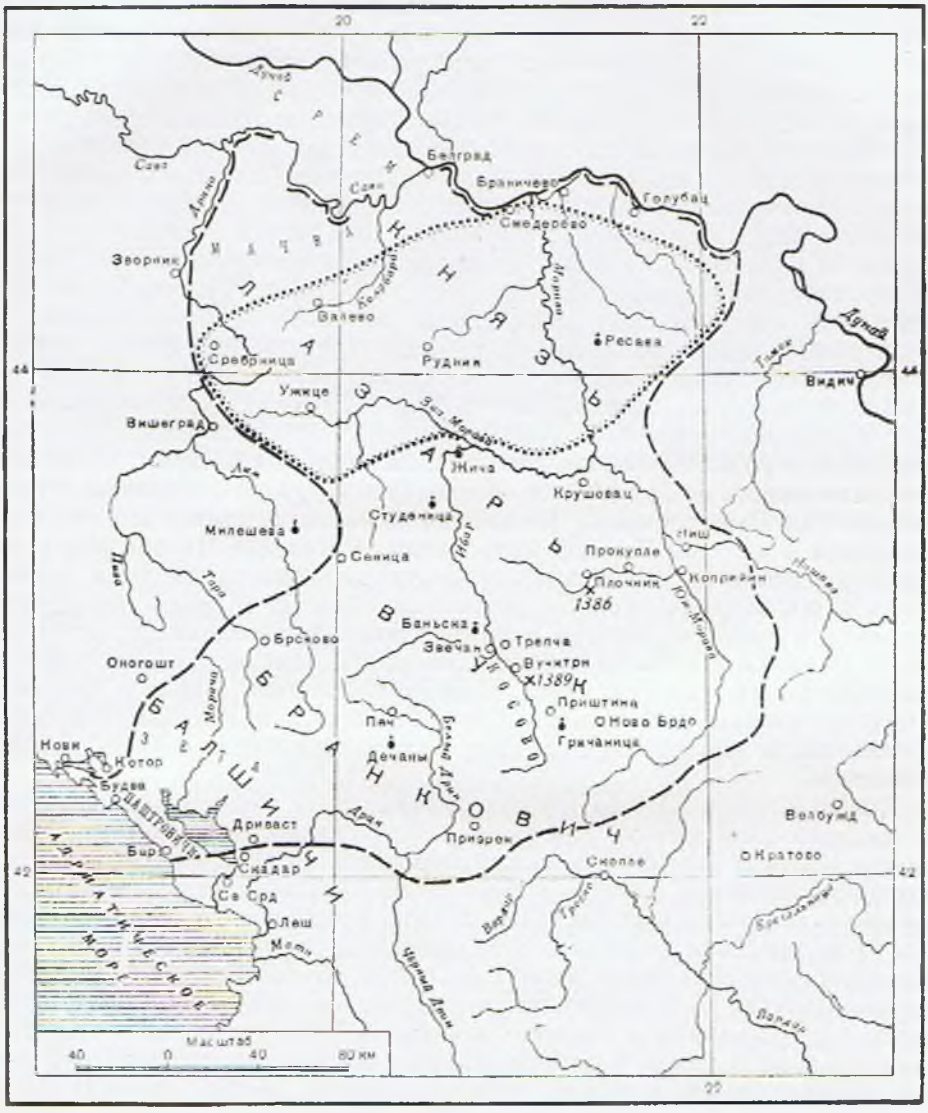
В последующие годы попытки османов продвинуться в Венгрию не имели успеха. А в 1443 г. несмотря на неблагоприятную внутреннюю обстановку в стране, венгерские войска во главе с королем Польши и Венгрии Владиславом III (Уласло I) и талантливым полководцем Яношем Хуньяди двинулись за Дунай в турецкие владения. Пройдя через Сербию, венгры овладели Софией, но не сумели преодолеть Балканский хребет. Ненастная зима и недостаток продовольствия вынудили их оставить занятые территории. Вскоре после этого, в 1444 г., напуганный вестями о подготовке крестового похода европейских государств на Балканский полуостров, султан пошел на заключение перемирия с Венгрией, по которому была восстановлена Сербская деспотовина и Георгий Бранкович вернулся в свои владения.

Венгерский король, побуждаемый римской курией, которая договорилась с Венецией и Генуей о снаряжении флота против турок, в том же году нарушил перемирие с Портой. Польско-венгерское и валашское войско вступило в Болгарию и достигло Варны. Здесь оно было наголову разбито многочисленной турецкой армией, переправившейся из Анатолии, несмотря на присутствие в Галлиполи итальянских галер. С поражением под Варной (1444 г.) фактически окончились попытки Венгрии и итальянских государств дать совместный отпор туркам.

Экспансия османов в Европе получила новый толчок с приходом к власти султана Мехмеда II (1451—1481 гг). После того, как в 1453 г. турками был взят Константинополь, Порта решила окончательно подчинить своей власти деспотовину, которая имела для Османской империи большое стратегическое значение как плацдарм для нападений на Венгрию, боснийские и хорватские земли.

В течение 1454—1456 гг. турецкие войска совершали разорительные походы в деспотовину. Сербы оказывали им героическое сопротивление. Упорно защищались от турецкого войска жители одного из наиболее крупных городов Сербии Нова Брда, отказавшиеся вступить в переговоры с султаном о капитуляции. Турецкие войска 40 дней осаждали город, прежде чем заставили его сдаться. Героическими подвигами прославились в это время два небольших сербских отряда, руководимые воеводой Николой Скобаличем, которые сражались против турок в южной Сербии. Отрезанные от основной части сербского войска, они не сдались на милость победителей и, вступив в неравный бой с турками, нанесли им поражение. Большое турецкое войско, двинувшееся против отрядов Скобалича, смогло разбить их лишь после упорного боя.

В 1456 г. почти вся деспотовина была захвачена османами. Во владении наследников умершего в это время Георгия Бранковича остались лишь Смедерево и небольшая область вокруг этой крепости. В 1459 г. Смедерево пало, и деспотовина перестала существовать.



КНЯЗЬ ЛАЗАРЬ — Владения крупных сербских феодалов перед Косовской битвой 1389 г.

Граница Сербской деспотовины к 1427 г.

Граница Сербской деспотовины к 1455 г.

КОСОВО — Названия отдельных областей

1389 × — Места и даты сражений с турками

Монастыри

Сербские земли в 70-х годах XIV — первой половине XV в.

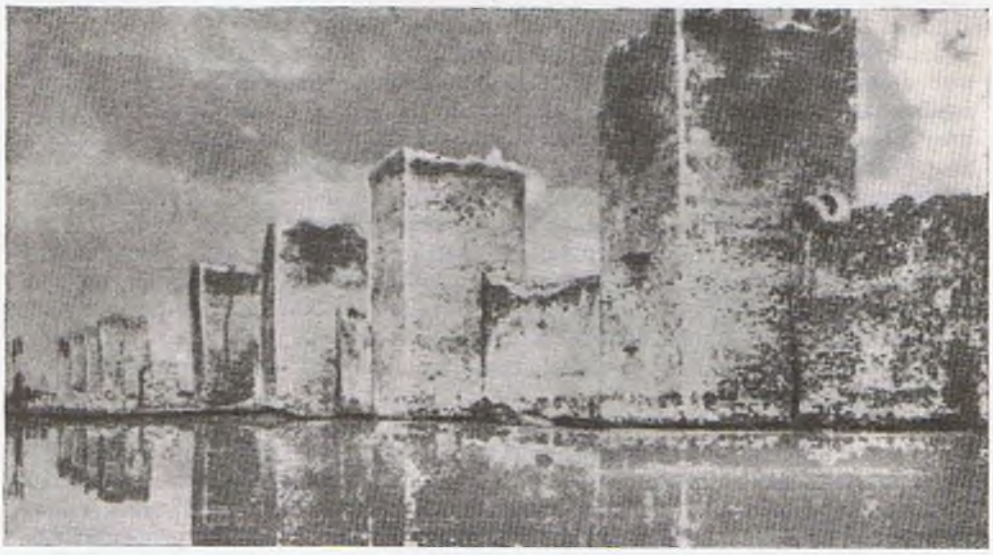
К этому времени к Османской империи были присоединены и владения деспотовины в Зете, а все Зетское приморье оказалось в руках Венеции. Расположенная на запад от реки Морачи горная часть Зеты, которая уже в это время иногда упоминается в документах под именем Черногории, в 1455 г. также признала зависимость от Венеции. Владетель Верхней Зеты Стефан Черноевич сохранил свою власть как венецианский вассал. Пользуясь материальной поддержкой Венеции, Стефан Черноевич упорно оборонял Черногорию и Зетское приморье от турецких нападений. Его сын Иван Черноевич (1465—1490 гг.) попытался освободиться от вассальной зависимости и занять приморские районы и города, где население, недовольное властью Венеции, готово было стать на его сторону. Однако он вскоре был вынужден отказаться от осуществления этого плана и пойти на примирение с венецианцами, чтобы с их помощью защищаться от натиска османов, прорывавшихся в это время на Адриатическое побережье в венецианские владения. Войска Ивана Черноевича оказали большую помощь венецианцам, помогая оборонять Скадар, но туркам все же удалось занять всю равнинную часть Черногории, что вынудило Ивана Черноевича бежать в Италию.

Как только умер султан Мехмед II и в Турции началась борьба за власть между его сыновьями, Иван Черноевич воспользовался удобным моментом, вернулся в Черногорию и снова овладел ею. Признав вассальную зависимость от Турции, он обосновался в трудно доступном горном районе. Там Иван построил Цетинский монастырь, сделав его своей резиденцией и центром Зетской митрополии. Население Черногории в это время значительно увеличилось в результате эмиграции туда сербов, покидавших занятые турками равнинные области. Жители Черногории занимались главным образом скотоводством. Черноевичи и другие феодалы располагали большими стадами скота. Имелись у них также и пахотные земли, виноградники. Черноевичи владели селами с жившими в них зависимыми крестьянами. Они раздавали земли и крестьян своим приближенным за верную службу, щедро одаривали баштинами Цетинский монастырь.

Вместе с тем в XV в. в горных районах Зеты наблюдались заметные изменения в общественных отношениях. В результате бегства и истребления многих местных феодалов, а также активного притока в горные районы нового населения в известной мере были нарушены старые отношения зависимости крестьян от феодалов. Можно предположить, что значительная часть крестьян в Верхней Зете оказалась свободной. В то же время здесь появился слой новых мелких феодалов, объединившихся в так называемые братства (характерно, что некоторые названия этих братств идентичны наименованиям возникших позднее в Черногории племен). Оторванность горных районов Зеты от внешнего мира способствовала укреплению патриархального образа жизни населения, распространению больших патриархальных семей, росту общественной роли сельских общин. Все эти изменения получили дальнейшее развитие позднее, во время турецкого господства.

Правление Черноевичей в Верхней Зете длилось недолго. Начавшаяся после смерти Ивана Черноевича борьба между его сыновьями позволила Порте в 1496 г. ликвидировать самостоятельность Черногории.

Наступление турок на Сербию и Боснию вызвало значительную эмиграцию населения этих стран в соседние государства. Волна эмиграции южных славян в XIV—XV вв. докатилась даже до Польши и Руси, где нашли убежище некоторые представители высшего духовенства, деятели на поприще славянского просвещения. В Россию переселилось и много простых людей, в том числе ремесленников, о чем свидетельствуют сообщения русских летописей.



Крепость Смедерево. XV в.

Естественно, что более массовый характер приняла эмиграция сербов в соседние славянские области — Далмацию, Хорватию и особенно в земли Венгерского королевства, расположенные по левобережью Дуная и течению Тисы. Среди сербских эмигрантов в Венгрии были феодалы, получавшие обычно от венгерских королей земельные владения, но основную массу переселенцев составляли крестьяне. Вследствие этой эмиграции южные районы Венгерского королевства, сильно опустошенные турецкими набегами, стали заселяться сербами.

После падения деспотовины и завоевания турками большей части Боснийского государства венгерский король Матьяш Хуньяди (Корвин) даровал титул боснийского короля одному из боснийских феодалов, а титул сербского деспота — внуку Георгия Бранковича Вуку. Этим шагом Венгрия преследовала важные военно-политические цели, так как была чрезвычайно заинтересована в создании на своих южных границах защитного рубежа против турецких набегов. В районах, где оседали беженцы, часто создавались военные поселения, значительная часть эмигрантов поступала на службу в венгерский военный флот на Дунае. Сербские деспоты, не имея фактически никакой политической власти, были в первую очередь командующими сербскими военными силами в южной Венгрии, которая во второй половине XV — начале XVI в. непрестанно подвергалась набегам турецких войск. Югославянские переселенцы не теряли надежды на освобождение своей родины от турецких завоевателей. Поэтому они с готовностью принимали участие во всех войнах с Османской империей, героически сражались против турецких войск.

Тяжелое положение зависимых крестьян в Венгрии в начале XVI в. вело к усилению среди них антифеодальной борьбы. Когда в 1514 г. началось мощное восстание под руководством Дьердя Дожи, в нем приняли участие и сербы, в то время как сербские феодалы выступали на стороне венгерского дворянства. Подавление восстания Дожи привело к еще большему ухудшению условий жизни крестьянства, страдавшего к тому же от турецких набегов и непрестанных феодальных междоусобиц. После поражения венгров в битве с турками при Мохаче в 1526 г. Венгрия стала

ареной борьбы за престол между сторонниками Фердинанда Габсбурга и Яноша Запольяи, в ней наступила полная анархия.

В это время и началось восстание сербского населения южных районов Венгрии, которое возглавил Йован Ненада (Черный), призывавший сербов к борьбе с турками. Личность Ненады была окружена ореолом таинственности. Сербские, а также венгерские крестьяне видели в нем своего спасителя и массами стекались в его лагерь.

Очень быстро было создано большое войско, которое изгоняло из городов турецкие войска. Центром его действий была область Бачка. В города и местечки, освобожденные от турецких гарнизонов, Ненада назначал своих старейшин. Он раздавал земли четникам и не разрешал венгерским феодалам возвращаться в их бывшие земли. Ненада объявил себя царем, а Бачку и Банат своими владениями. Он организовал в Суботице свой двор, сформировал личную гвардию, назначал своих чиновников и военачальников.

Хотя движение, возглавлявшееся Йованом Ненадой, было царистским, оно имело прежде всего антифеодальный и антитурецкий характер. Правда, в нем приняло участие небольшое число мелких феодалов, но большинство сербских великашей, а особенно венгерское дворянство, сразу же проявило враждебность по отношению к этому народному восстанию.

Между тем движение расширялось и численность четнических отрядов быстро росла. В конце 1526 г. Ненада переправил свои четы в Срем и занял несколько городов и турецких укреплений. Но эти успехи оказались ненадежными и вскоре сменились неудачами.

Йован Ненада первоначально не вмешивался в борьбу между венгерскими феодалами. Однако вскоре приверженцы Фердинанда Габсбурга привлекли Ненаду на свою сторону, пообещав ему оказать помощь снаряжением. Тогда против сербских повстанцев выступили венгерские феодалы, поддерживавшие Яноша Запольяи, и нанесли им тяжелое поражение. Участие войск Ненады в борьбе между претендентами на венгерский престол привело к спаду боевого воодушевления четников и сокращению численности повстанческого войска. В борьбе между партией Яноша Запольяи и Фердинанда Габсбурга вскоре погиб и сам Ненада. Он был убит сторонниками Запольяи. После гибели Ненады народное движение сербов было быстро ликвидировано.

Это восстание было ярким событием в истории освободительного движения сербов. В нем участвовали широкие народные массы и прежде всего крестьяне, которые под руководством своего вождя самостоятельно организовали борьбу с турками.

В результате турецких походов, последовавших за Мохачской битвой, к середине XVI в. в состав Османской империи вошла вся центральная часть венгерских владений, в том числе Срем, Бачка и Банат, значительную часть населения которых уже тогда составляли сербы.

ГЛАВА 9

МАКЕДОНИЯ

В XII в. Македония оставалась в составе Византийской империи. Ее общественно-политическое развитие в это время было тесно связано с историей Византии, а с конца этого столетия и с историей балканских государств — Болгарии и Сербии, стремившихся к обладанию Македонией. В период правления династии Комнинов (1081—1185 гг.) внутреннее и внешнеполитическое положение Византии заметно укрепилось. Улучшилось финансовое положение империи и ее военные силы. Однако эта стабилизация не была прочной. Императоры были не в состоянии достаточно усилить центральную власть в государстве. Завершение процесса феодализации вело к росту мощи и самостоятельности крупных провинциальных феодалов, развитию тенденций к феодальной раздробленности.

В XII в. положение крестьян в Византийской империи, в том числе и в Македонии, продолжало ухудшаться. Росло обложение населения в пользу феодалов и государства и особенно налоги и повинности, шедшие на военные нужды. Участились злоупотребления многочисленного чиновничьего аппарата и сборщиков налогов. Распространившаяся практика передачи налогов на откуп фактически вела к увеличению налогообложения.

Тяжесть иноземного владычества, усиление феодального гнета вызывали протест населения Македонии, одним из выражений которого было движение богомилов и павликиан. Ереси находили много сторонников, особенно среди тех категорий населения, которые вовлекались в феодальную зависимость. Богомильство в Македонии усилилось в начале XII в., во время правления Алексея I Комнина, когда сторонники этой ереси принимали участие в волнениях городского и сельского населения, направленных против византийской власти. Деятельность богомилов снова оживилась во второй половине XII в. при Мануиле Комнине. Опираясь на церковь, императоры жестоко преследовали их, но были бессильны искоренить ересь.

В 80-х гг. XII в. Византия вновь оказалась в тяжелом положении. Сербы отложились от империи и добились самостоятельности. На северо-западных границах Византию теснили венгры, а в Малой Азии все усиливалась активность турок. Ставшая почти независимой феодальная знать бесчинствовала в провинциях. В это время на Византию вновь напали норманны. В 1185 г. они высадились в Драче и двинулись оттуда на

Фессалонику. Город был осажден норманнами с суши и с моря, взят и немилосердно разграблен. После этого часть норманнского войска направилась к городу Серу, а главные силы стали наступать на Константинополь. В столице и в ряде провинций империи начались беспорядки. Андроник I был свергнут с престола и убит разъяренной толпой. Все это создало благоприятные условия для восстания в Болгарии (1185—1187 гг.), во главе которого стали Петр и Асень. Восстание закончилось созданием Второго Болгарского царства.

С событиями в балканских владениях Византии и особенно в Болгарии была связана деятельность болгарского феодала Добромира Хриза в Македонии. Хриз был одним из участников болгарского восстания и, по-видимому, оказал важные услуги Петру и Асеню. В 1195 и 1196 гг. Асень совершал походы в Македонию, стремясь присоединить эту область к Болгарскому государству. В 1195 г., когда болгары овладели средним течением реки Струмы, Хриз был назначен начальником крепости Струмица. Он мечтал избавиться от болгарской власти, и после того, как царь Асень в 1196 г. был убит, объявил себя независимым владетелем области вокруг Струмицы, т. е. македонских земель, вошедших в состав Болгарского государства. Дальнейшие действия Хриза были направлены на объединение под своей властью Македонии и присоединение к ней юго-западной части болгарских земель. Пытаясь осуществить эти намерения, он то вступал в соглашения с новым болгарским царем Калояном, то признавал свою зависимость от империи, а между тем расширял свои владения в долине реки Вардара и районе Сера. В 1198 г. Хриз овладел удобной для защиты крепостью Просек и укрепился в ней. Император Алексей III Ангел дважды предпринимал походы против мятежника, но после того, как византийские войска в 1199 г. не смогли овладеть Просеком, Византия вынуждена была пойти на соглашение с Хризом. Ему, как независимому правителю, были переданы Струмица и Просек с окружающими районами.

Все это, однако, не удовлетворило Хриза. В 1201 г., действуя совместно со своим тестем, отложившимся от империи протостратором Мануилом Камицей, он начал военные действия против Византии, овладев Битолем и Прилепом, а затем проник в Фессалию и Пелопоннес. Все это время Хризу тайно содействовал болгарский царь Калоян, заинтересованный в ослаблении империи. Но вскоре Алексею III удалось одержать верх над мятежниками: в 1202 г. Хриз и Камица были вынуждены покориться византийской власти. О дальнейшей судьбе Хриза сведений не сохранилось.

В период четвертого крестового похода и латинского владычества на Балканском полуострове шла непрекращающаяся борьба за обладание Македонией между Латинской империей (или ее вассалами), Никейской империей, Болгарией и Сербией. В ходе этой борьбы различные части Македонии неоднократно переходили из рук в руки, ее города и села постоянно опустошались завоевателями. Все это крайне неблагоприятно сказывалось на экономическом положении этой области, препятствовало нормальному развитию производительных сил.

В 1203 г., воспользовавшись тяжелым положением Византии во время четвертого крестового похода, царь Калоян овладел значительной частью Македонии с городами Скопле, Охрид и Бер, а южная часть Македонии вошла в состав основанного в 1204 г. Фессалоникского королевства.

После смерти царя Калояна (1207 г.) в Болгарии началась борьба за престол и феодальные смуты. Престол захватил племянник Калояна Борил, против которого выступил другой член царской семьи боярин Стрез. Однако последний оказался слабее и вынужден был бежать в Сербию. Опираясь на помощь Стефана Первовенчанного, Стрез вскоре овладел крепостью Просек и большей частью Македонии, ранее входившей в состав Болгарского царства. Желая оторвать Стреза от союза с сербами и

«Святые воины». Фреска. Церковь св. Пантелеймона в Нерези. XII в.

предотвратить полное отпадение Македонии от Болгарии, Борил признал Стреза правителем захваченных им земель и даровал высокий титул севастократора (1209 г.). В последующие годы Стрез выступал союзником болгарского царя, а в 1214 г. совместно с Борилом и латинянами начал войну против Сербии, но был убит ночью в своем лагере (по-видимому, не без участия сербов или сторонников сербской ориентации).

После смерти Стреза большая часть Македонии оказалась под властью Эпирского деспотата, а в 1230 г., после победы болгарского царя Ивана Асеня II при Клокотнице, снова вошла в состав Болгарии. В последующие десятилетия различные части Македонии входили то в Никейское царство, то в Эпирский деспотат, то отвоевывались Болгарией или Сербией, пока восстановленная в 1261 г. Византийская империя не объединила снова под своей властью все македонские земли.

В XII—XIII вв. по уровню развития феодальных отношений Македония мало отличалась от соседних исконно византийских земель: здесь господствовало феодальное землевладение, преимущественно греческое, а подавляющая часть сельского населения превратилась в зависимых крестьян — парików. Большое распространение получила передача императорами государственной земли в пронарные владения, что вело к дальнейшему сокращению слоя свободного крестьянства.

Мирное положение в Македонии после возвращения ее в состав Византии продолжалось недолго. В 80-е гг. XIII в. начинается сербское наступление против Византии, направленное прежде всего в Македонию. Ведя

войну против империи, сербы в 1282—1283 гг. овладели северной и западной частью Македонии. При короле Стефане Дечанском сербские границы были расширены на юг до города Просека и района города Прилепа, а во время правления Стефана Душана в состав Сербского государства вошла вся Македония, исключая Фессалонику и прилегающие к ней земли.

Во время войн Милутина и Стефана Дечанского против Византии часть феодального класса в Македонии выступала на стороне Византии. Однако укрепление сербской власти после битвы при Велбужде заставило бо́льшую часть феодалов примириться с новой властью. Непокорившиеся лишались своих владений. Их заменяли сербские феодалы, которым короли раздавали земли во вновь завоеванных владениях, передавали в управление отдельные области и города, особенно в пограничных районах.

Завоевывая Македонию, сербские правители не меняли издавна существовавших там византийских порядков и обычаев. Уже Милутин выделял в своих владениях «греческие земли». Этот обычай сохранялся и в дальнейшем. Завоевание византийских владений, и в первую очередь Македонии, оказало большое влияние на общественно-политическое устройство Сербского государства, привело к распространению там византийских правовых норм и феодальных институтов и отразилось на образе жизни высших слоев общества.

В период, когда Македония входила в состав Сербского государства, произошло заметное оживление ее экономической жизни. После опустошительных войн XIII в. стали постепенно заселяться заброшенные села и разоренные города. В Македонию переселялось много крестьян и горожан из соседних сербских, болгарских и греческих областей. Продолжалась и колонизация из Малой Азии. Расширился внутренний обмен, развивавшийся на основе увеличения производства сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий в городах, а также и в феодальных хозяйствах. В городах и крупных монастырях собирались ярмарки, привлекавшие купцов из болгарских, сербских и греческих земель.

В XIV в. феодальные отношения в Македонии получили полное развитие. Это выразилось в концентрации земли в руках крупных земельных собственников, особенно монастырей, и в полном закрепощении сельского населения. Так как Македония в первой половине XIV в. входила в состав Сербского государства, то общественные отношения здесь имели много общих черт с сербскими. В Македонии было введено и употреблялось на практике сербское феодальное право, кодифицированное в Законнике Стефана Душана.

Сербские правители раздавали светским феодалам и монастырям большие земельные владения. При Душане в Македонии значительно укрепились крупные феодалы, ставшие почти самостоятельными правителями во вверенных им областях. Среди них были такие, как Хреля, владевший землями в районе реки Струмицы, Оливер — господин Овчего поля и Леснова, Деян — правитель области около Куманова и Велбужда, Вукашин в Прилепе, Иован Углеша и кефалия Радослав в Сере и другие. Большое распространение на землях светских феодалов и монастырей имели проинарные владения.

Зависимые крестьяне назывались «люди» или «люди земляне». Среди них были «люди» королевские, властельские, церковные и монастырские. Имелся слой свободных, однако, большая часть крестьянства была зависимыми парниками сербских и греческих феодалов или монастырей. Как и в Сербии, в Македонии существовали такие категории сельского населения, как влахи и отроки. В XIV в. в связи с развитием товарно-денежных отношений наблюдалось стремление феодалов, в первую очередь монастырей, к увеличению барщинных повинностей и тенденция к росту де-

нежной ренты. Выросло число безземельных крестьян, нанимавшихся на работу к крупным землевладельцам. Тяжелое положение заставляло некоторых крестьян бежать от своих феодалов в леса и горы.

При Душане земли делились на небольшие области, называвшиеся катепанатами или хорами, а иногда и славянским наименованием жупы. Их центрами обычно являлись города. Система управления в основном была аналогична существовавшей в сербских землях. В городах находились сильные гарнизоны сербских войск, войсковые части располагались и вне городов. Этими военными силами руководили только сербские феодалы.

Сербские правители, и особенно Стефан Душан, старались привлечь на свою сторону греческую светскую знать. Греческие феодалы участвовали в государственных саборах наравне с сербскими и получали хрисовулы, подтверждавшие их права на феодальные владения. Но часть греческих феодалов не примирилась полностью с сербской властью. Особенно оппозиционно настроен был высший клир, подчиненный теперь не Константинопольской патриархии, а сербской церкви. При Стефане Душане греческие епископы стали заменяться сербскими, а границы Охридской архиепископии были значительно сдвинуты на юг. Недовольство сербской властью высказывало и греческое городское население. В городах обычно существовали партии антисербской ориентации. Это обнаружил, например, поход Кантакузина в Македонию в 1350 г., когда от сербов с легкостью отпали города Бер и Воден, и за помощью к Кантакузину обратились жители города Скопле. Таким образом, сербская власть в Македонии не была прочной и в значительной мере опиралась на военную силу.

Непрочность сербской центральной власти в Македонии обнаружилась тотчас же после смерти Душана. Один из наиболее сильных феодалов — Вукашин постепенно вытеснил более слабых соседей и подчинил себе центральную и западную часть Македонии. Он принял титул короля сербов и греков (по-видимому, в 1365 г.) и вел самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, не считаясь с царем Урошем. В юго-восточной части Македонии (области Сера и Драмы) правил деспот Йован Углеша, на северо-западе — Деян, а затем его сыновья. В других частях Македонии также самостоятельно правили своими землями крупные феодалы.

После сражения с турками в 1371 г. на реке Марице, в котором войска Вукашина и Углеши потерпели жестокое поражение, а сами они погибли (см. гл. 8, стр. 109), османы совершили поход в глубь Македонии, опустошая все на своем пути и уводя население в рабство. Земли Углеши перешли под непосредственное управление Османской империи, а сохранившие свои владения феодалы признали верховную власть султана. Наиболее крупными и влиятельными из таких феодалов, ставших турецкими вассалами, были наследник Вукашина, его сын король Марко (1371—1395 гг.) и братья Деяновичи — Йован Драгаш и Константин. Они платили султану дань и участвовали со своими войсками в турецких походах. В 1395 г. в войне против валашского воеводы Мирчи погибли последние крупные феодалы Македонии — Константин Деянович и король Марко. После этого турки окончательно присоединили их земли к своим владениям. Таким образом, в конце XIV в. вся Македония оказалась под властью Турции.

ГЛАВА 10

БОСНИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Возникновение и развитие Боснийского государства в XII—XIV вв.

бласть, лежащая к западу от реки Дрины—в бассейне Босны и Врбаса, составляющая центральную часть современной Боснии, в период раннего средневековья не имела политической самостоятельности. Но, по-видимому, уже во второй половине X—XI вв. Босния представляла собой целостный территориально-политический организм, во главе которого стоял бан как носитель государственной власти. С начала XII в., после распада Дуклянского государства, Босния стала самостоятельной. Но она не смогла сохранить свою независимость. Усилившееся в это время Венгерское королевство, в состав которого вошли хорватские земли, стремилось подчинить и прилегавшую к ним Боснию. Уже в 50-е гг. XII в. баном Боснии вместо представителя местной знати был поставлен славонский феодал Борич — вассал венгерского короля. В результате византийско-венгерской войны 1166—1167 гг. Босния на 13 лет попала в зависимость от Византии, но после смерти императора Мануила I она вновь оказалась под властью Венгрии. В вассальной зависимости от Венгерского королевства Босния оставалась вплоть до турецкого завоевания (вторая половина XV в.), хотя степень этой зависимости менялась в связи с переменой политической конъюнктуры и соотношения сил, и иногда носила номинальный характер.

Уже в конце XII в. бан имел собственный, хотя, видимо, еще немногочисленный аппарат власти. Так же как и в Сербии, отдельные области в Боснии назывались жупами. Во главе их стояли честники, назначавшиеся баном. Они объединяли в своих руках военные и судебно-административные функции, собирали налоги.

Развитие Боснийского государства в период средневековья и его политическая история были тесно связаны со спецификой сложившихся в Боснии церковных отношений. Первые сведения о церковной организации Боснии относятся к концу XI в., когда она подчинялась Барской архиепископии. Затем ненадолго боснийские земли в церковном отношении попали в зависимость от Сплитской митрополии. В конце XII в. бан Кулин в целях ослабления хорвато-венгерского влияния добился подчинения Боснии Дубровницкой архиепископии. К этому времени относятся и первые сведения о распространении в стране ереси.

В самом конце XII в. римская церковь обратила внимание на то, что в Далмации и Дукле сохраняется восточный обряд богослужения на славянском языке, а также многие обычаи, принятые в восточной церкви (вступление духовенства в брак и другие). В Далмации обнаружилось много еретиков, которые проникли и в Боснию; еретики эти были заподозрены в принадлежности к патаренству. Бан Кулин обвинялся в пособничестве им. В Боснию в 1203 г. был послан специальный папский легат. По его требованию составили акт, подписанный дубровницким архидьяконом, рядом представителей боснийского духовенства и баном Кулином, содержавший обязательство следовать учению римско-католической церкви. В целях насаждения порядков западной церкви в 1232 г. был смещен местный епископ и назначен иностранец. Для преследования ереси в Боснию отправились представители воинствующего монашеского ордена доминиканцев. В следующем столетии сюда проникли францисканцы. В борьбе против католичества сформировалась боснийская церковь, приверженцы которой звали себя «добрыми людьми», «добрыми боснягами» и отстаивали церковную независимость. Борьба за церковное подчинение Боснии закончилась для римской курии неудачно: епископ не удержался в стране и переехал в 1239 г. в Славонию.

Вопрос о происхождении и характере боснийской церкви вызвал споры в научной литературе, которые еще не закончены. Часть историков вообще отрицает еретический характер вероучения боснийской церкви. Однако бо́льшим признанием пользуется взгляд, согласно которому боснийская церковь по своему учению отличается и от православной, и от католической и является еретической — патаренской.

Учение боснийской церкви было дуалистическим, ее приверженцы отрицали церковные обряды и имели свое особое богослужение, близкое к богослужению богомилов. В то же время в отличие от последних боснийские патарены признавали христианские праздники, святых, действенность молитв об умерших и другое. В богомильстве нашло выражение социально-религиозное движение крестьян, в нем были сильны противоцерковные и антифеодальные тенденции. В отличие от этого приверженцами боснийской церкви были светские феодалы и даже некоторые баны, а не только простой народ. Но и последнему она была ближе, чем католическая церковь, так как служба велась на славянском языке, а духовенство состояло из местных людей. Боснийская церковь не собирала с крестьян десятину, как католическая, и не имела земельных владений с феодальнозависимыми крестьянами. Оставаясь всегда еретической, она с середины XIII в. и до уничтожения самостоятельности Боснии (во второй половине XV в.) сохраняла господствующее положение в стране.

Во главе церкви стоял епископ, называвшийся дедом, следующую ступень иерархии составляли «гости». Словом «крестьяне» обозначали патаренское монашество, составлявшее основу церковной организации. Они, подобно «совершенным» богомилам Болгарии и Македонии, вели аскетический образ жизни, жили общинами. Простые верующие могли жениться, не исполнять постов, но должны были поддерживать свою церковь и участвовать в молитвенных собраниях.

Боснийская церковь оказала влияние на государственную жизнь и политическую историю Боснии. Отсутствие крупных земельных владений у духовенства способствовало особенно быстрому росту экономической силы, а вслед за этим и политического могущества светских феодалов. Если в Сербии православная церковь была крупнейшим в стране земельным собственником, имела тесные связи с правящей династией и всемерно помогала королям в борьбе с властелой, то в Боснии положение было совсем иным. Боснийская церковь не могла стать опорой банов в их

борьбе против сепаратистских устремлений светских феодалов. Она была тесно связана с последними и подчас поддерживала их в борьбе против банов и королей. Все это препятствовало укреплению центральной власти в государстве, способствовало росту самостоятельности крупных феодалов, постепенно ставших неограниченными господами в своих владениях. В то же время, борясь против католической церкви, патарены отстаивали политическую независимость Боснии от притязаний венгерских королей.

Специфика боснийской церкви была причиной длительной борьбы внутри страны и целого ряда внешнеполитических конфликтов. Католическому миру «боснийская ересь» давала постоянный повод для вмешательства в дела Боснии, для организации против нее крестовых походов или посылки туда инквизиторов. В своей борьбе против патаренства Рим всегда опирался на вооруженную поддержку католических феодалов Венгрии, стремившихся полностью подчинить себе Боснию и периодически совершавших по призыву пап крестовые походы против нее. В этих походах, начавшихся с 1234 г. и не раз повторявшихся в XIII—XIV вв., церковные интересы тесно сплетались с политическими расчетами и территориальными притязаниями венгерских королей.

История Боснии XIII в. наполнена главным образом церковно-политической борьбой. Страну разоряли походы венгерских феодалов. В 1241 г. Босния, как и ряд соседних стран (Венгрия, Далмация), подверглась нашествию монголо-татар. Правившие в 30—80-х гг. XIII в. боснийские баны Матей Нинослав и Приезда стали послушными вассалами венгерских королей. Правда, Матей Нинослав первоначально пытался отстоять самостоятельность Боснии (1235 г.), но угроза нового нападения заставила его подчиниться. Подчинение Венгрии ослабляло власть бана и его влияние в стране. В середине XIII в. от Боснии были отторгнуты венграми ее северные области — Усора и Соли.

Политическая ситуация еще более усложнилась с 90-х гг. XIII в., когда в Венгрии начинается ослабление центральной власти, растут феодальные усобицы и усиливаются некоторые венгерские и хорватские магнаты. Среди них была хорватская фамилия князей Брибирских, возглавляемая баном Павлом Шубичем. Заручившись поддержкой претендентов на венгерский престол из династии Анжу, Шубичи значительно расширили свои владения. В 1298 г. Павел Шубич именовался «баном всей Хорватии», а в следующем году принял титул бана Хорватии, Далмации и господина Боснии. Непосредственную власть в Боснии он передал сначала своему брату Младену I, погибшему в борьбе с патаренами, а потом сыну Младену II (с 1304 г.).

Господство Шубичей в Боснии, характеризовавшееся прокатолической политикой и преследованием местной церкви, вызывало активное противодействие значительной части феодалов. После того как Младен II потерпел поражение в борьбе с хорватскими феодалами, он не смог удержаться и в Боснии, где власть после четвертьвекового господства Шубичей вновь перешла к представителю боснийской династии — Степану II Котроманичу (1322—1353 гг.).

Во время правления Степана II произошло значительное расширение и укрепление Боснийского государства. Будучи сам католиком, Степан старался поддерживать хорошие отношения с патаренами. Он пользовался доверием и покровительством венгерского двора, но во время междоусобиц хорватских феодалов Нелипчичей и Шубичей не упустил возможности значительно расширить свои владения на север и запад. Используя династические неурядицы в Сербии, Степан присоединил к Боснии Хум. В результате все Адриатическое побережье от Дубровника до Омиша оказалось в его руках. Приобретение прочных позиций на далматинском

побережье по соседству с Дубровником имело большое значение для экономического развития Боснии и расширения ее торговых связей. Этому способствовало и урегулирование торговых отношений с Дубровником (1332 г.).

В борьбе за расширение своих владений боснийский бан опирался на помощь феодалов, которых он привлекал раздачей земель и городов с условием: «да служи господину оружием колико може наиболее» и освобождением от налогов. Это позволило Степану II укрепить свое положение и подчинить непокорных феодалов.

Боснийская королевская печать. XV в.

Однако преемнику Степана II Котроманича Степану Твртко (1353—1391 гг.), вступившему на престол в 15-летнем возрасте, пришлось столкнуться с сильной оппозицией феодалов. Приход к власти молодого и неопытного бана совпал с периодом усиления Венгерского государства. Венгерский король Людовик (Лайош) I вел активную внешнюю политику, стремясь прочнее подчинить своей власти земли, зависимые от королевства, и расширить его границы. Людовик I усиленно вмешивался во внутренние дела Боснии. Желая привлечь на свою сторону некоторых боснийских феодалов (Хорватинчей, Степанчичей), он обещал за верность венгерской короне изъять их из-под власти и юрисдикции бана. Со своей стороны Твртко старался удержать колеблющихся вельмож и шел им на уступки. В 1357 г., чувствуя свою слабость, бан вынужден был пойти на примирение с венгерским королем. Людовику была уступлена часть Хума, расположенная между реками Неретвой и Цетиной, и область Завршье с торгом Дриева. Твртко признал верховную власть венгерского короля, обязавшись как вассал помогать ему в войнах. Венгерский король не удовлетворился этим и, опираясь на разрешение папы Иннокентия VI боснийскому епископу Петру призвать на помощь инквизиции государственную вооруженную силу (1360 г.), двинул в 1363 г. на Боснию войска, но встретил активный отпор и вынужден был отступить.

Между тем внутреннее положение Боснии все более осложнялось. В 1366 г. началось восстание феодалов против бана, вынужденного бежать в Венгрию. Лишь при поддержке венгерского короля, стремившегося использовать создавшуюся ситуацию для укрепления своих позиций в Боснии, Твртко вернулся на банский престол. Вслед за тем он начал энергично бороться за укрепление своей власти, изгоняя непокорных вельмож, раздавая земли и привилегии своим приверженцам.

Твртко пришлось вести борьбу не только с боснийскими феодалами, но и со своим агрессивным соседом Николой Алтомановичем, который подстрекал против бана подвластных ему князей, присоединял владения бана к своим. Победа над Николой Алтомановичем в 1373 г. (см. главу 8, стр. 107) позволила боснякам овладеть землями в бассейне рек Пивы, Тары и Лима.

Приморские владения Николы Алтомановича, перешедшие к Балшичам, в результате восстания травунской властелы вскоре также оказались в составе Боснии.

Внешнеполитические успехи значительно подняли престиж Твртка, а захват сербских земель пробудил в нем новые претензии. По бабке, дочери сербского короля Драгутина, он состоял в родстве с династией Неманичей. После смерти царя Уроша других более прямых потомков семьи сербских владетелей не оказалось и Твртко в монастыре Милешево у гроба архиепископа Саввы венчался, как «краль срблем и Босне и Поморию и западным странам» (1377 г.). Однако Твртко не сделал никакой попытки реализовать новый титул, использовать феодальную борьбу в Сербии для расширения своей власти в сербских землях. Его внимание вскоре было отвлечено в другую сторону — к Адриатическому побережью, где Босния имела серьезные экономические интересы.

Смерть венгерского короля Людовика I снова вызвала борьбу за престол и внутренние беспорядки в Венгрии. Этим не преминул воспользоваться деятельный боснийский король. Узнав о смерти Людовика, он тотчас напал на западный Хум и вернул себе земли, отданные Венгрии по договору 1357 г. Затем к Боснии были присоединены Котор, переданный в 1385 г. Твртку венгерской королевой Елизаветой, Клис и Островица (1387 г.). В 1390 г. Боснии заявили покорность города Сплит, Трогир и Шибеник, а также острова Брач, Хвар и Корчула. Чтобы привлечь новых подданых на свою сторону, Твртко подтвердил права, которыми они пользовались раньше. Расширив таким образом свои владения за счет приобретений на далматинском побережье, в том числе и в Далматинской Хорватии, Твртко изменил свой титул и стал называться: «краль Рашки, Босны, Далмации, Хорватии и Приморья».

Столь быстрый территориальный рост Боснийского государства и включение в его состав части сербских и хорватских земель, хотя и были результатом ловкой политики энергичного и решительного правителя, свидетельствовали не столько о внутренней силе Боснии, сколько о слабости Венгрии, раздиравшейся усобицами, о бессилии расчлененной на ряд феодальных владений Сербии, уже немало ослабленной турками.

Турецкий натиск, хотя и не столь упорный как в Сербии, с 80-х гг. XIV в. начала ощущать на себе и Босния. Первые набеги османов на ее территорию представляли собой не завоевательные, а грабительские походы. Так, осенью 1388 г. турецкое войско напало на Боснию, но было разбито отрядами воеводы Влатка Вуковича у Билечи (севернее Требинья). Твртко принадлежал к немногим балканским правителям, понимавшим опасность турецкой агрессии. Он пытался оказать помощь сербам в борьбе с османами и вступил в союз с князем Лазарем. Как говорилось выше, босняки приняли участие в Косовской битве.

Во второй половине своего правления Твртко стремился достигнуть оживления экономики в боснийских землях. Он сделал попытку вести самостоятельную экономическую политику и избавить Боснию от торговой монополии Дубровника, а также поддерживал купцов Котора, бывших конкурентами последнего. Чтобы иметь прочные позиции на море и вести самостоятельную торговлю, он построил в 1382 г. при входе в Которскую бухту город Святой Степан (позже Нови, теперь Герцегнови). Но все эти меры существенных последствий не принесли. Твртко по требованию Дубровника пришлось отказаться от создания в Святом Степане центра соляной торговли. А Венгрия по просьбе Дубровника запретила вывозить из Хорватии и Далмации в этот порт соль и вино.

Быстрое расширение Боснийского государства вполне соответствовало интересам феодалов, получавших от короля все новые владения. Поэтому боснийские вельможи поддерживали Твртко, во время правления которого их мощь и влияние еще более выросли. Это стало одной из причин непрочности успехов, достигнутых Твртко в деле расширения Боснийского государства и стабилизации его внутреннего положения.

Социально-экономическое и государственное развитие Боснии в XII—XV вв.

Складывание феодальных отношений в Боснии шло медленно. Но к концу XII в. они уже значительно укрепились: выросла феодальная земельная собственность; сократилось число свободных крестьян; крестьяне, которые жили на землях феодалов, оказались в подчиненном положении. Однако недостаток источников не позволяет обрисовать точнее процесс развития феодальных отношений в Боснии этого времени.

Несколько лучше известны социально-экономические отношения в XIV—XV вв., когда феодализм находился в полном расцвете. Но и памятники этого времени недостаточно ясно обрисовывают объем и формы феодальной ренты, степень личной зависимости крестьян.

Боснийский феодальный класс вырос из родо-племенной старейшинской верхушки. Об этом свидетельствуют некоторые остаточные черты родового строя, сохранявшиеся в течение всего средневековья. Земли феодалов обозначались терминами: «дедина», «племенштина», «племенита баштина». Последние указывают на то, что в прошлом земля находилась в общем владении широкого круга родственников. Первоначально неделимые и неотчуждаемые, в последующее время эти земли стали делиться между родственниками и превращались в собственность семьи. Термины «племенита баштина», «племенштина» в феодальной Боснии обозначали крупную земельную собственность, владение которой восходило к отдаленным предкам. Интересно, что как и в средневековой Хорватии, на продажу племенитой баштины требовалось согласие родственников, независимо от того, было ли владение совместное или раздельное. Это делало феодальную собственность в Боснии устойчивой, затрудняло ее оборот, хотя купля-продажа земли и имела место.

Сила феодалов увеличивалась благодаря пожалованиям банов, которые первоначально давали владения в управление и пользование, но уже в первой половине XIV в. стали предоставлять их в личную наследственную собственность при условии несения службы и соблюдения верности. Как уже упоминалось, для Боснии был характерен небольшой удельный вес церковного землевладения по сравнению со светским. Католические церкви и монастыри не имели здесь больших земельных владений. Что касается господствующей патаренской церкви, то о ее землевладении почти ничего не известно. Это заставляет думать, что во всяком случае крупной земельной собственностью она не располагала.

Боснийские феодалы без различий в рангах и величине земельных владений назывались князьями. Постепенно к концу XIV в. сложилась феодальная иерархия, в которой высшее место принадлежало великим воеводам и воеводам, а нижнюю группу составляли властеличичи, находившиеся часто в вассальной зависимости от великих воевод. Вместе с укреплением всего феодального класса увеличивались сила и влияние отдельных крупных феодалов. Вельможи (воеводы) имели свой двор, канцелярию по образцу банской, вассалов — «слуг» и «племенитых людей», которым предоставляли баштины и выдавали на них грамоты. Привилегию феодального класса составляло право быть судимым только равными. Лишь в отдельных случаях суд доверялся церковным властям патаренской или католической церкви.

Боснийские феодальнозависимые крестьяне-земледельцы обычно назывались «людьми». Известен и другой термин для обозначения крестьян — «кметы». Значение его историками толкуется неодинаково. Одни полагают, что так именовались зависимые крестьяне. Другие считают, что первоначально это было свободное сельское население, которое в небольшом количестве, по-видимому, сохранялось и в XIII—XIV вв.

В дальнейшем, когда свободное крестьянство исчезло, кметами стали называть зависимых крестьян.

В XIV в. боснийские «люди» уже были лишены права по собственному желанию переселяться из одного феодального владения в другое, о чем говорят источники, запрещающие феодалам принимать чужих людей. Они в этот период уже были прикреплены к земле и феодалы могли возвращать бежавших, а также дарить и продавать своих крестьян вместе с землей. Характерно, что в период турецкого наступления на Боснию турки обещали крестьянам свободу и тем привлекали их на свою сторону.

По аналогии с положением зависимого сельского населения в других областях Балканского полуострова можно полагать, что крестьяне Боснии работали на землях феодалов и несли в их пользу натуральные повинности. Однако формы феодальной ренты и размеры повинностей крестьян недостаточно выяснены.

Кроме крестьян-земледельцев, в южной части Боснии существовало много скотоводческих поселений (катунов) влахов. Так же как и в Сербском государстве, влахи постепенно попадали в зависимость от феодалов. Немногочисленную прослойку среди населения составляли рабы-сервы, использовавшиеся главным образом в качестве слуг. Вплоть до XV в. встречаются сведения о вывозе из Боснии большого количества рабов: значительную долю их составляли пленные патарены.

В течение XII—XV вв. в Боснии происходит значительный рост ремесла и торговли. Большую роль в этом отношении сыграло горное дело, которое начало развиваться с конца XIII—XIV вв. Запасы полезных ископаемых — серебра, свинца, меди, золота, железа, соли и других — были расположены в центральной и северной частях страны. В связи с горными разработками и торговлей металлами здесь выросли такие города, как Оструженица, Хвойница, Дежевице, Крешево, Олово. Очень важным центром добычи металлов со второй половины XIV в. становится Сребрница. В XV в. за обладание этим крупным центром («в нем же сребродельци множество») разгорелась борьба, в которой участвовали Босния, Сербская деспотовина и Венгрия.

Развитие горного дела обогащало казну банов, которые в качестве верховных собственников всех боснийских земель, в том числе и горных разработок, получали 10%-ную пошлину с добытых металлов.

Рост экономических связей Боснии в XIV в., а также сосредоточение значительного количества металла в руках бана привели к появлению в начале этого столетия чеканки собственной монеты. Впрочем, позднее — в XV в. выпуск монеты носил спорадический характер.

Развитие боснийского горного производства в значительной мере связано с участием в нем иностранцев, особенно сасов и дубровчан. Как и в Сербии, сасы, появившиеся в Боснии в первой половине XIV в., были обычно предпринимателями и мастерами. Баны часто отдавали им на откуп разработку руд. Так, в 1364 г. бан Твртко дал сасам Гансу и Николе право на эксплуатацию рудного поля у Хвойницы за определенную дань. Позже права на половину этой территории откупили дубровчане. Участие дубровчан в горных разработках и торговле металлами в Боснии во второй половине XIV в. заметно возросло. Они нередко имели в боснийских городах — центрах горного дела свои колонии. Так, например, большая дубровницкая колония была в Сребрнице. Горным делом наряду с иностранцами занимались также местные мастера и рудокопы. Они нередко вели и торговлю металлами. Так, в Сребрнице местные купцы поддерживали оживленные торговые связи с Дубровником и некоторые из них были приняты там в гражданство.

Управление в центрах горного производства, как вообще в боснийских городах, не было одинаковым. В одних местах центральную власть

представлял назначенный баном кнез. Он мог быть и босняком и иностранцем. Иногда крупные горные центры, например Сребрница и Олово, имели некоторую автономию. Здесь во главе управления стояла коллегия из 12 пургаров, которая вместе с кнезом (в Сребрнице также и с воеводой) управляла городом. Горняки-иностранцы имели свой особый суд, действовавший под председательством кнеза.

Помимо горного дела, в Боснии существовали и разнообразные ремесла. Развивалось и домашнее крестьянское производство, в частности выделка грубого сукна (раша), кузнечное дело и некоторые другие.

Феодальные верхи общества не удовлетворялись примитивными местными изделиями и привлекали в свои владения ремесленников из Дубровника, Сплита и других далматинских городов. Особенно значительным приплв ремесленников-дубровчан был в первой половине XV в. Король Твртко по дубровницкому образцу устроил даже мастерскую для производства сукна. Такую же попытку в городе Новом позднее предпринял герцог Степан Вукчич. Много ремесленников из Дубровника жило у отдельных феодалов или приезжало к ним для исполнения заказов. Дубровницкие ремесленники переселялись и по своей инициативе, оседая в городах в качестве членов дубровницких колоний. Они известны в Високом, Хвойнице, Крешеве и некоторых других местах. Это были мастера текстильного, ювелирного, швейного, оружейного, кожевенного, обувного и других видов ремесленного производства. Приезжие ремесленники оказывали влияние на развитие местного ремесла. Влияние соседних более развитых областей проявлялось и в том, что молодые люди из Боснии приходили к мастерам в Дубровник, Задар и Сплит для обучения. В результате местное боснийское ремесло поднималось, усовершенствовалось и создавало свои своеобразные изделия. Так, в XV в. известны пояса, сделанные «по начину босанском», то есть боснийским способом, кубки боснийского типа (ad modum bosnensium).

В связи с ростом сельскохозяйственного производства, городов и горного дела постепенно развивалась торговля внутри страны, усиливались экономические связи Боснии с соседними областями и государствами. Вблизи некоторых городов возникали торгово-ремесленные посады (подградья). Так, например, у города Високи возникло подградье Подвисоки, известное с 1363 г. Центрами внутренней торговли были города Зворник, Борач и некоторые другие. Изредка в источниках встречаются упоминания о ярмарках. Так, близ Сребрницы упоминается ярмарка, существовавшая во второй четверти XV в.

Боснийская внешняя торговля преимущественно была связана с Адриатическим побережьем и шла по долине реки Неретвы, в низовьях которой был расположен ряд торговых пунктов (Осинь, Дриева и другие). Особенно значительной была торговля с Дубровником. Уже в 1189 г. бан Кулин предоставил купцам из Дубровника право свободной торговли на всей территории Боснии и обещал им безопасность и защиту. Этот самый старый боснийский торговый договор впоследствии периодически подтверждался банами и королями. Торговые связи Боснии с другими далматинскими городами менее известны. Однако сохранились свидетельства, что в XIV в. боснийские баны заключали соглашения о торговле с купцами Сплита, Задара, Шибеника, Трогира. Например, баном Степаном Котроманичем были заключены два таких договора с Трогиром, в одном из которых трогирским торговцам предоставлялось право свободно торговать боснийскими металлами.

Далматинские, а иногда и итальянские купцы ввозили в Боснию ткани, вино, масло, рыбу, оружие, конскую сбрую, стеклянные и металлические изделия, бумагу и т. п., а вывозили металлы, скот, шкуры диких и кожи домашних животных, лен, мед, воск и другие товары. Значительная

часть металла вывозилась за границу, главным образом через Дубровник. В последний период существования боснийского государства дубровницкая торговля подверглась усиленному обложению нуждавшихся в деньгах банов и крупных феодалов. Это обстоятельство, а более того — господствовавшая в Боснии в XV в. феодальная анархия и периодические турецкие нападения привели к значительному сокращению оборота. Торговая деятельность затруднялась и ввиду отсутствия удобных путей.

Даже в период наибольшего усиления Боснии при Степане Котроманиче и Твртко она представляла собой феодальное государство со сравнительно слабой центральной властью. Хотя со времени бана Матея Нинослава боснийские правители принадлежали к одной династии Котроманичей, твердого порядка наследования власти не существовало. Он определялся в каждом отдельном случае желанием воевод и князов.

Бан (позднее король) не был самовластным правителем. Он действовал совместно с собором, называвшимся «станак» или «збор» и состоявшим из «почтенных и могущественных» воевод. В отличие от Сербии, ни католическое, ни патаренское боснийское духовенство, как правило, в зборах не участвовало. На станаках обсуждали важнейшие вопросы государственной жизни, выбирали бана (короля), решали вопросы о войне и мире, о раздаче и лишении баштин. Бан (король) опирался в делах управления на небольшой круг лиц — «поштенну дворщину». Первым лицом в административно-придворном окружении правителя был дворский кнез, или просто дворский. Он ведал делопроизводством, в частности составлением грамот. На втором месте стоял коморник (ранее казнац), заведовавший финансами. Со времени учреждения королевства эта должность, так же как и в Сербии, получила византийское название протовестиара. Составляли грамоты дьяки. Последних было несколько категорий.

Государственные доходы стекались в комору — казначейство. Они состояли из рударины — пошлины за разработку металла и его клеймение, доходов от монополии на продажу соли, от торговых пошлин, которые были одним из важнейших источников богатства правителей. Сбор торговых пошлин отдавался на откуп чаще всего дубровчанам.

Вместе с тем нередко крупные феодалы — владетели отдельных областей старались присвоить себе доходы, принадлежавшие государству. Сохранились свидетельства об их попытках создавать местные таможни для взимания пошлин в свою пользу, узурпировать сбор поземельного налога в размере одного дуката с дома, введенного Твртком. Такие случаи особенно участились в XV в., во время господства в Боснии феодальной анархии.

Вооруженные силы Боснии состояли из отрядов отдельных феодалов, поэтому военная мощь правителей зависела от их отношений с властелой. Это обстоятельство очень ослабляло борьбу за укрепление центральной власти.

Упадок Боснийского государства в XV в. и завоевание Боснии турками

Хотя Степану Твртко удалось подчинить себе непокорных феодалов и достигнуть значительных внешних успехов, социально-политический строй Боснии, бывший причиной ее государственной слабости, остался прежним. Поэтому сразу же после смерти Твртка центральная власть снова ослабела. Возведенный на трон властелой король Дабиша (1391—1395 гг.) чувствовал себя бессильным перед собственными вассалами и

не мог оказывать достаточного отпора притязаниям венгерских феодалов. Дабиша признал зависимость от Венгрии и передал венгерскому королю Сигизмунду (Жигмонду) право наследовать боснийский престол. Соглашение это не имело, однако, реальных последствий, так как боснийские феодалы его не признали, а венгерский король, в это время еще не укрепившийся на престоле, не имел возможности реализовать свои права.

Воевода Хрвое Вукчич Хорватинич. Миниатюра XV в.

Ослабление королевской власти в Боснии сочеталось с быстрым возрастанием политического влияния некоторых крупных феодальных семей, владевших иногда целыми областями. Среди них были такие, как старый феодальный род великого воеводы Хрвоя Вукчича Хорватинича, основные земли которого были расположены в северо-западной Боснии, семейство воеводы Сандаля Хранича Косача, который к концу своей жизни (умер в 1435 г.) был обладателем огромных владений от Прпеполя и Никшича на востоке до реки Цетины на западе. Большим влиянием пользовались князы Павловичи — владетели земель в восточной части страны, захватившие Конавлю, Травунию и некоторые другие земли.

Вельможи распоряжались делами, которыми раньше ведали короли, присваивали государственные доходы. Так, Сандаль Хранич установил новую пошлину с торговцев, шедших в Дубровник и Котор. Он добился, чтобы Дубровник платил ему, а не королю «святодмитровскую подать», которую со времени Твртко получал король. Все это способствовало увеличению экономической силы вельмож, а также их внешнеполитического влияния. Последнее ощущалось соседями. Так, Дубровник подарил дворцы в своем городе и королю, и Хрвою.

Некоторые из феодалов фактически вели самостоятельную внешнюю политику, не считаясь с королями. Хрвое Вукчич активно вмешивался в борьбу за венгерский престол, шедшую между Сигизмундом Люксембургом и неаполитанским королем Владиславом. Он выступил на стороне Владислава и получил от него земельные владения и высокие титулы. Когда боснийский король Остоя (1398—1404 гг.) начал войну против Дубровника (1403 г.), Хрвое не участвовал в военных действиях, а затем в союзе с Дубровником и некоторыми феодалами сверг Остою с престола.

Внутренние неурядицы в Боснии создавали благоприятные условия для усиления притязаний венгерских королей. Чтобы укрепиться в Боснии и сломить сопротивление феодалов, недовольных ростом венгерского влияния, король Сигизмунд организовывал туда крестовые походы. Так, в 1408 г. его войска захватили несколько укрепленных городов, истребив многих взятых в плен боснийских феодалов. В 1410 г. города

Усора и Соли перешли под власть венгерского короля, а Сребрница была передана сербскому деспоту Стефану Лазаревичу.

Внутренняя обстановка в Боснии второго десятилетия XV в. в условиях продолжавшегося венгерского наступления характеризовалась ростом феодальных усобиц и фактическим отсутствием центральной власти. В стране не прекращалась борьба враждебных группировок, придерживавшихся различной внешнеполитической ориентации: король стоял во главе одной, Хрвое во главе другой. Феодалы, даже близкие к вновь вернувшемуся на престол королю Остою, не считались с ним и действовали в личных интересах. «Босния почти разрушена, а вельможи между собой готовят наибольшее истребление», — так описывал положение современник.

В это время начинается активное вмешательство Турции во внутренние дела Боснии. Османы помогали претендентам на боснийский престол, разжигали борьбу между феодалами. Используя нежелание части великашей, особенно патаренов, подчиниться власти Венгрии, турки привлекали их на свою сторону, а затем и полностью подчиняли. Боснийское государство фактически стало ареной борьбы между Венгрией и Турцией, причем перевес постепенно переходил на сторону последней. Видя это, боснийские феодалы все чаще обращались к турецкой помощи, а некоторые из них (Павловичи, а затем Сандаль Храпич и другие), чтобы спасти себя от разорения со стороны турок и враждебных соседей, признавали турецкую верховную власть.

Между тем турки не прекращали грабительских походов в Боснию. Местные феодалы не оказывали им никакого сопротивления. Не утихали и междоусобицы. Все это тяжело отражалось на экономическом положении страны: истреблялись стада, разорялись города и села. За два года усобиц в 30-х гг. XV в. было сожжено и разрушено 16 церквей и монастырей.

Король Твртко II (1421—1443 гг.) пытался противостоять туркам и своим внутренним врагам с помощью Венгрии. С этой целью он в 1427 г. завещал свои земли в случае отсутствия наследников-мужчин тестю венгерского короля Герману Цельскому, дальнему родственнику Котроманичей, и женился на венгерской дворянке. Но такая политика тотчас вызвала отпор протурецки настроенных феодалов, в том числе Сандаля Хранича и Радослава Павловича. Вскоре Твртко II был вынужден начать уплачивать дань султану.

В дальнейшем Твртко попытался опереться на римскую курию, постаравшуюся расширить свое влияние в Боснии путем гонений на сторонников местной церкви. В 30-е годы вновь активизировалась деятельность францисканцев, которым Твртко обязался оказывать всемерную поддержку. Это еще более обострило внутреннее положение в государстве, вызвав ожесточенное сопротивление патаренов, сохранявших большое политическое влияние. Сторонники боснийской церкви предпочитали покориться туркам, чем идти на соглашение с Римом и католической Венгрией.

Однако и преемник Твртко Стефан Томаш (1443—1461 гг.) ориентировался на значительно ослабевшую в это время Венгрию. Он заявил о своей покорности ей и обязался выплачивать ежегодную дань лично Яношу Хуньяди. Стремясь найти опору в папской курии, Томаш жестоко расправлялся с патаренами. Эта политика не встречала никакой поддержки в стране, вызывая лишь все большие осложнения.

К 50-м гг. XV в. в условиях непрекращавшейся феодальной анархии наметился процесс экономического и политического обособления южной части боснийских земель, сравнительно поздно вошедших в состав Боснийского государства. Здесь находились владения Сандаля Хранича,

Крепости Ключ и Вишеград в Боснии

который постепенно подчинил себе более слабых феодалов и лишь формально признавал власть боснийских королей. Сандалю Храничу наследовал его племянник Степан Вукчич Косача (1435—1466 гг.), при котором южная часть Боснии фактически превратилась в самостоятельную политическую единицу, зависимую от турок. Степан Вукчич вел враждебную политику по отношению к королю Томашу. В 1448 г., чтобы подчеркнуть свою политическую независимость, он провозгласил себя «герцогом святого Саввы». Поэтому область, принадлежавшая Степану Вукчичу, получила название Герцеговины. Степан стремился укрепить свои экономические позиции. Он ввел новые пошлины и подати, начал изготовлять сукно, открыл торг солью, запретив своим подданным покупать соль в Дубровнике. За свои товары, шедшие в Дубровник, он не хотел платить пошлин. Такая политика вызвала конфликт с Дубровником, а затем и войну, которая имела, однако, неблагоприятный для Степана результат.

К середине XV в. турки овладели всей восточной частью Балканского полуострова. После падения Константинополя и окончательного завоевания Сербской деспотовины они получили возможность продолжать наступление в западной части полуострова. Последний боснийский король Степан Томашевич (1461—1463 гг.) перед лицом грозной опасности обратился за помощью к Риму. Его поддержал Степан Вукчич и ряд других феодалов, слишком поздно осознавших необходимость сплочения сил для оказания отпора туркам. На сборе в Яйце, где присутствовали представители крупнейших феодальных фамилий, в том числе и сын герцога Степана Вукчича, на Степана Томашевича была возложена корона, присланная из Рима.

Надеясь на помощь христианской коалиции, которую пытался организовать папа Пий II, боснийский король в 1462 г. отказался платить

туркам дань, которая совершенно разоряла страну. В ответ на это в 1463 г. султан Мехмед II с большим войском двинулся в Боснию, на призывы о помощи которой никто не отозвался. Турки двигались вниз по Дрине, затем направились в центр страны, где сдался без сопротивления хорошо укрепленный город Бобовац. Его падение вызвало панику. В городе Ключ был взят в плен Степан Томашевич. Перепуганный король дал распоряжение начальникам гарнизонов сдавать вверенные им города, которые один за другим переходили в руки турок. Последние казнили передававшихся им воевод, лишили они жизни и короля. Была захвачена попутно и часть Герцеговины.

Турецкий поход длился всего около полутора месяцев. Ни одной балканской страной турки не овладели так легко и быстро. Причина этого крылась прежде всего в полном экономическом и политическом упадке Боснийского государства, раздираемого социальной и религиозной борьбой. Занятые усобицами феодалы не оказывали действенного отпора туркам. Угнетенное крестьянство осталось пассивным к судьбам страны, а может быть иногда видело в турках избавителей от феодального гнета, чему способствовали и турецкие посулы. Еще в начале своего правления Степан Томашевич, сообщая папе, что без внешней помощи Боснии грозит гибель, писал: «Турки в моем королевстве воздвигли несколько крепостей и льстят крестьянам... и обещают свободу всякому из них, кто перейдет на их сторону». Видимо, эти обещания находили отклик в сознании угнетенных боснийских крестьян, подрывая возможность обороны.

После падения Боснии, осенью 1463 г. Матьяш Хуньяди (Корвин) пошел походом на Боснию и, овладев северной ее частью, создал там две бановины с центрами в Яйце и Сребрнике.

В Герцеговине в последний период ее существования возникли усобицы между Степаном Вукчичем и его сыном Владиславом. Пользуясь враждой отца и сына, турки в 1465 г. овладели большей частью Герцеговины. Тринадцатью годами раньше Венеция наложила свою руку на приморские земли от Неретвы до Цетины. В руках герцога Степана осталась небольшая полоса земли с городом Нови, которую в 1466 г. наследовал один из его сыновей — Влатко. В 1482 г. турки захватили и это владение. Сребрникская и Яицкая бановины еще несколько десятилетий оставались в руках венгров, но в 1512 и 1528 г. и они вошли в состав Османской империи.

ГЛАВА II

ДУБРОВНИЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

По преданию, в конце VII — начале VIII в. беженцы из разрушенного славянами и аварами города на Адриатическом побережье Эпидавра основали несколько севернее его новое поселение Рагузий. Но, по-видимому, это небольшое поселение существовало еще в античное время. Рагузий был расположен на выходящей в открытое море высокой скале, отделенной в то время от земли узким морским проливом. Некоторое время спустя на противоположном берегу этого пролива славяне, заселившие Травунию и Захумье, основали Дубровник. Эти поселения впоследствии слились в одно, которое сохранило оба названия: Дубровник и Рагуза.

Об истории Дубровника до конца XII в. сохранилось мало сведений. Долгое время он оставался небольшим поселением рыбаков, мореплавателей и виноградарей со смешанным славянским и романским населением. Дубровник признавал верховную власть Византии. Вместе с другими городами Адриатического побережья он входил в состав созданной византийцами в IX в. фемы Далмация. Это обстоятельство позволило дубровчанам пользоваться защитой империи и определенными привилегиями. Прилегавшие к Дубровнику земли на материке являлись владениями травунян и захумлян, но дубровчане со временем заняли эти земли под виноградники и за пользование ими уплачивали дань (могориш) славянским князьям.

Развитие Дубровника как торгового и ремесленного центра началось в XI—XII вв., когда во всей Европе стали расти города, а в бассейне Средиземного моря происходил общий хозяйственный подъем.

В это время значительно изменилась и политическая обстановка на Адриатическом побережье. Уже в конце X в. в Северной Италии усилилась экономическая и политическая роль Венеции, вскоре превратившейся в один из главных торговых городов в Средиземноморье. Между тем позиции Византии в Средиземноморье и в западной части Балканского полуострова все более слабели. Во второй половине XI в. империя окончательно потеряла Южную Италию, где возникло сильное и агрессивное государство норманнов. И Венеция, которая в начале XI в. временно овладела значительной частью Далмации, и норманны стремились захватить в свои руки города восточного побережья Адриатики, в том числе Дубровник. Лавируя в этой подчас запутанной политической ситуации, то принимая власть норманнов или Венеции, то возвращаясь под суверенитет

империи, дубровчане постепенно укрепляли свою самостоятельность. Власть Византии над Дубровником в XII в. стала номинальной. В 1205 г., после того как в результате четвертого крестового похода Византия была завоевана крестоносцами, Дубровник признал свою зависимость от Венеции. В таком положении он находился до 1358 г.

В X—XI вв., когда латинская церковь приобрела твердые позиции на Адриатическом побережье, усилились связи Дубровника с римской курией. В 1022 г. в Дубровнике была основана самостоятельная архиепископия.

Экономический подъем Дубровника с самого начала был связан с посреднической торговлей, для развития которой в городе имелись чрезвычайно благоприятные условия. Удобные пути связывали его с внутренними областями Балканского полуострова, по морю можно было торговать с итальянскими городами и европейскими государствами. В городе постепенно развивались и ремесла, связанные с мореходством, — судостроительное, деревообделывающее, а также строительное, кузнечное, ювелирное и другие. Однако ремесло главным образом обслуживало нужды самих горожан.

С середины XII в. дубровчане заключают ряд торговых договоров о дружбе и взаимной защите жителей с рядом итальянских приморских городов. В конце XII в. стали заключаться договоры с балканскими правителями (со Стефаном Неманей в 1186 г., с боснийским баном Кулином в 1189 г.), по которым дубровчанам разрешалось свободно торговать в сербских и боснийских землях. В 1192 г. дубровницкие купцы получили право свободной беспошлинной торговли в Византийской империи. Все эти соглашения впоследствии возобновлялись и подтверждались правителями балканских государств.

Дубровник вел и широкую морскую торговлю. Он имел свой флот и поддерживал торговые связи с Венецией, с городами Южной Италии. Однако могущественная Венецианская республика, боясь конкуренции, старалась ограничить морской оборот дубровчан, поощряя в то же время их сухопутную торговлю с балканскими землями. Расширению хозяйственной и торговой деятельности дубровчан в балканских государствах способствовал экономический прогресс Сербии, Боснии и Болгарии в XIII — XIV вв., развитие там горного дела, некоторый рост сельскохозяйственного производства.

В XIII — XIV вв. Дубровник становится основным торговым центром на восточном побережье Адриатики, через который осуществлялись торговые связи стран Европы (в первую очередь итальянских городов) с балканскими землями. Дубровчане вывозили из Сербии, Боснии, Болгарии и Албании сельскохозяйственные продукты (зерно, кожи, воск и пр.), металлы (золото, серебро, свинец, медь). Они снабжали балканских феодалов оружием, дорогими тканями, восточными пряностями, стеклянными и ювелирными изделиями.

Одной из главных и наиболее доходных статей торговли дубровчан на Балканах была соль.

Особенно прочными были экономические позиции дубровчан в Сербском государстве. В одном из посланий венгерскому королю они писали: «Мы не можем жить, если не торгуем, а торгуем мы большей частью с Рашкой». Сербские короли обычно поощряли торговую и предпринимательскую деятельность дубровчан в своем государстве. Им предоставлялись не только торговые привилегии, но нередко и монополии на разработку горных недр. Дубровчане были владельцами и откупщиками большого числа шахт, где добывались золото, серебро и другие металлы. Они стали основывать в некоторых крупных городах и центрах горных разработок Сербии, Боснии и западной части Болгарии колонии, в которых постоянно

Крепостные стены Дубровника

проживали дубровницкие торговцы и предприниматели. Эти колонии пользовались самоуправлением, их члены не подчинялись местным властям, судились собственными судьями.

Период наибольшего расцвета экономики Дубровника падает на конец XIV—XV вв. Если ранее основой благосостояния города, источником накопления капитала городской верхушкой была посредническая торговля, то в это время, хотя торговля и сохраняет преобладающую роль, значительный шаг в своем развитии делает ремесло. При этом растут те его отрасли, продукция которых шла на вывоз. В то же время в городе значительно увеличилось число местных ремесленников. Городские власти различными средствами привлекали в Дубровник мастеров из Италии и других европейских государств. Ремесла специализировались, усовершенствовались орудия и техника производства.

Так, заметный прогресс наблюдался в оружейном деле: во второй половине XIV в. в Дубровнике началось производство огнестрельного оружия. В конце XIV и XV в. появилось производство стекла, мыла, высококачественных сукон.

Наибольшего прогресса достигло в Дубровнике суконоделие. Большой спрос на сукна в балканских странах и на Востоке побуждал дубровницких торговцев вкладывать свои капиталы в данную отрасль ремесла. Это вскоре привело к важным изменениям в его технике и организации. Во втором десятилетии XV в. итальянец Петр Пантелла организовал в пригороде Дубровника большую мастерскую, основанную на наемном труде, в которой было значительное разделение труда. Вслед за этим стали возникать другие мастерские, производившие сукно, которые по организации производства были рассеянными мануфактурами. В «Описании Дубровника», сделанном итальянцем Филиппо де Диверсисом в 1440 г., говорится, что в городе «ежегодно изготовляется 4 тысячи кусков шерстяных тканей, удивительное изящество которых благодаря совершенному мастерству признают все жители Рагузы...» Однако уже

в 50-х гг. XV в. суконделие в Дубровнике пришло в упадок. Городские власти с 30-х гг. стали запрещать создание частных красилен и старались установить контроль за производством сукон. Упадок суконделия был связан с турецким завоеванием, которое создало затруднения как в доставке сырья, так и в сбыте готовой продукции.

Несмотря на то, что появившиеся мануфактуры были немногочисленны и просуществовали недолго, Дубровник был единственным городом на восточном побережье Адриатики, да и на всем Балканском полуострове, экономическое развитие которого шло в ногу с некоторыми итальянскими городами, где уже в XIV—XV вв. появляются «первые зачатки капиталистического производства» [1].

Во второй половине XIV—XV вв., когда торговля на Балканском полуострове страдала из-за феодальных междоусобиц и турецкого нашествия, позиции дубровницких купцов и предпринимателей в Сербии и Боснии в целом не ослабли. Уплачивая турецкому султану дань, дубровчане получили право свободно торговать в Османской империи. В это же время выросла роль морской торговли Дубровника. Ее развитию благоприятствовало и то, что в 1358 г. по Задарскому миру между Венецией и Венгрией город перешел под верховную власть последней и освободился, таким образом, от ограничений в торговле на море, чинимых Венецией.

Дубровник был также центром всевозможных денежных операций и ростовщичества. Богатые дубровчане не только кредитовали местных и балканских купцов и предпринимателей, но и снабжали деньгами под высокие проценты сербских и боснийских феодалов, королей и банов. Последние в периоды смут и междоусобиц хранили в дубровницкой казне и у частных лиц свои деньги и другие ценности.

Исключая периоды непродолжительных военных конфликтов с Сербией во время правления королей Уроша I и Милутина, а позднее — с некоторыми сербскими и боснийскими феодалами, Дубровник в XIII—XV вв. в основном поддерживал мирные отношения со своими соседями. Вместе с тем владения дубровницкой общины за городской чертой неуклонно расширялись. Эти земли дубровчане скупали у сербских и боснийских правителей, приобретали в благодарность за какие-либо услуги, получали по завещаниям и так далее. Особенно значительным рост территории Дубровника был в XIV—XV вв. В этот период дубровчане приобрели город Стон и полуостров Пелешац, где имелись соляные копи, Приморье, соединившее Пелешац со старыми владениями дубровчан на материке, и некоторые другие земли. Последним важным приобретением Дубровника была прилегавшая к Которскому заливу плодородная жупа Конавли (1419—1426 гг.).

Таким образом, владения Дубровника тянулись узкой полосой вдоль Адриатического побережья от полуострова Пелешац до Которского залива.

В XIV—XV вв. значительно увеличилось население Дубровника и его округи. Причиной этого был как экономический прогресс города и увеличение его владений, так и приток в Дубровник большого числа эмигрантов из стран, порабощенных турками. В XV в. в Дубровнике жило 5—6 тысяч человек, а во всей Дубровницкой республике — около 20 тысяч. Уже к XIV в. романский элемент среди населения Дубровника был почти полностью вытеснен славянским, но церковная зависимость от римской курии, тесные экономические и политические связи с Венецией и другими итальянскими городами — все это способствовало распростра-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 728.

Дивона (монетный двор). Дубровник

нению в Дубровнике итальянского культурного влияния. Языком государственной администрации в городе был латинский, в деловых отношениях преобладал итальянский.

Однако в сношениях с южнославянскими соседями употреблялся сербский язык. В быту горожан и на сельской территории стойко сохранялись сербский язык и обычаи.

Вместе с развитием экономики Дубровника менялись и общественные отношения в городе. В XII в. городское население — пук (populus) — представляло собой еще слабо дифференцированную массу. Правда, уже в это время существовал городской патрициат — властела, постепенно сосредоточивавшая в своих руках крупную торговлю, основные источники доходов и городские земли. Ее представители оттесняли рядовых горожан от участия в политической жизни города. К XIV в. властела превратилась в замкнутую социальную группировку, включавшую торговую, землевладельческую и денежную знать.

В XIV—XV вв. усилилась дифференциация и среди остальных слоев горожан. От рядовой городской массы постепенно отделялась разбогатевшая купеческая верхушка, не входившая в состав властелы, но мало отличавшаяся от нее по своей деятельности, зажиточности и источникам доходов. Эти разбогатевшие торговцы и дельцы вместе с властелой противостояли массе мелких торговцев, ремесленников, подмастерьев, рыбаков, слуг и жестоко их эксплуатировали. Однако зажиточные горожане не принимали участия в городском управлении, которое всецело сосредоточивалось в руках властелы.

Дубровницкие ремесленники, поздно приобретя существенное значение в экономике города, не играли активной роли и в его политической

жизни. Не получила развития и цеховая организация ремесла. В Дубровнике преобладали не чисто профессиональные объединения жителей, а территориально-религиозные корпорации — братства. В братства обычно входили горожане со сходным имущественным и социальным положением, но различных профессий, проживавшие по соседству. Они имели свои уставы, кассы, оказывали помощь своим членам. Лишь в XV в. братства стали исполнять посреднические функции между республикой и отдельными ремесленниками, защищая интересы последних. Некоторые из них начали организовываться по производственному принципу, приобретая характер профессиональных цеховых корпораций. Но в целом общественная роль братств была слабой. Все это позволяло городским властям, т. е. властеле, полностью контролировать и регламентировать ремесленную деятельность.

В целом ремесленники принадлежали к беднейшим слоям населения Дубровника. Не имея возможности самостоятельно заниматься ремеслом, некоторые из них нанимались на работу в крупные мастерские. Наемный труд часто применялся в XV в. в ткацком производстве. Чрезвычайно тяжелым было положение подмастерьев-учеников и наемных слуг. Они целиком зависели от своих хозяев, не могли уйти от них до истечения срока договора, наказывались за малейшие провинности. Наряду с наемным трудом, который применялся и в сельском хозяйстве, использовался труд рабов. Дубровник был одним из центров торговли рабами, которые привозились из Боснии и других стран. В 1416 г. работорговлю в Дубровнике запретили, но рабский труд применялся и в XV в.

Земельная собственность в городе и его владениях принадлежала всей общине как коллективному собственнику, частным лицам или церкви. Общинные земли постепенно были поделены между властелой и зажиточными горожанами. Они представляли собой мелкие участки, которые обрабатывались их владельцами (подчас с помощью рабского или наемного труда), или сдавались в аренду. Отношения крестьян с владельцами земли часто регулировались договорами, заключаемыми на короткий или длительный срок, в которых фиксировались права и обязанности держателя и владельца земли, величина и формы феодальной земельной ренты.

Значительная часть сельского населения, которое в XIV—XV вв. заметно выросло, находилась в большей или меньшей степени феодальной зависимости. Основной формой эксплуатации дубровницких крестьян была издольщина.

О социальной борьбе в Дубровнике и его владениях имеется мало сведений. Правда, часты были случаи столкновений и ссор между предпринимателями, мастерами, учениками.

Однако противоречия между властелой и городскими низами, еще не сложившимися в компактную прослойку со сходными интересами, не достигли такой остроты, чтобы в городе вспыхнули открытые выступления против городского патрициата.

В XV в. частыми были волнения крестьян во владениях Дубровника. В 1402—1403 гг. против городских властей выступило население островов; на острове Млет происходили вооруженные стычки. После приобретения дубровчанами района Конавли там начались крестьянские волнения, а когда в 1430 г. против Дубровника выступил хумский феодал Радослав Павлович, часть жителей Конавли перешла на его сторону. Характерно также, что во время войны между Дубровником и герцеговинским правителем Степаном Вукчичем к последнему примкнуло много крестьян из владений Дубровницкой республики, которые после поражения Степана бежали в Герцеговину.

Княжеский дворец в Дубровнике. XIV в.

Первоначально дубровницкая община была организована как городская коммуна с широким самоуправлением. Важную роль в решении городских дел играла скупщина, или сабор, на котором право голоса имели все горожане.

В течение XIII—XIV вв. внутреннее устройство Дубровницкой общины претерпело ряд изменений, пока в XIV—XV вв. не сложилось окончательно Дубровницкое государство как типичная аристократическая республика, внутреннее управление которой было организовано по образцу Венеции.

В первое время своего господства Венеция активно вмешивалась во внутренние дела Дубровника. Проводниками венецианского влияния были князья-венецианцы, от которых зависело назначение и деятельность дубровницких властей и судей.

Властела вела упорную борьбу против попыток венецианцев лишить Дубровник его самоуправления и фактической самостоятельности. Определенной победой властелы в этом отношении был Дубровницкий статут 1272 г., фиксировавший твердую систему городского управления, прерогативы князя и чиновников.

В XIII — начале XIV в. Великое вече, фактически заменившее скупщину всех горожан, избиралось из городского патрициата и санкционировалось Венецией. С 30-х годов XIV в. Великое вече уже не избирается: в н го входят как постоянные члены все властели-мужчины с 18—20 лет. Великому вечу принадлежало право устанавливать законы, вводить налоги, избирать высших должностных лиц, осуществлять внешнеполитические акции. Великое вече избирало из своей среды Малое вече в составе 11 человек, а с 1253 г. — и Вече умоленных (упрошенных) или Сенат. Последнему принадлежала фактически вся власть в городе. После установления верховной власти Венгрии князь-ректор уже не имел

никакой власти. Он избирался сроком на месяц и лишь формально считался главой исполнительной власти. В городе существовало два суда — по гражданским и по уголовным делам.

Владения Дубровника были поделены на небольшие территории, которыми управляли специальные князья или капитаны, судившие население по мелким делам.

Основные доходы городской казны состояли из торговых пошлин, доходов от производства и продажи соли, являвшихся государственной монополией, налогов с горожан и крестьян. Сбор пошлин обычно сдавался на откуп. За состоянием государственных финансов следили специальные чиновники.

В XV в. первостепенное значение для Дубровника приобрели политические отношения с Османской империей. В первой половине XV в. Дубровник делал некоторые попытки принять участие в борьбе с турками, иногда оказывал помощь воюющим против них государствам. В то же время, поддерживая деловые связи с торговыми центрами на занятой турками территории, оказывая всевозможные услуги султанскому правительству, постоянно задаривая турецких вельмож, дубровчане сумели оградить свой город от грабительских турецких набегов. По мере того как становился очевидным неуспех всех планов изгнания турок из Европы, Дубровник все более стремился к мирным отношениям с османами. В знак признания верховной власти султана дубровчане с 1441 г. стали платить ежегодную дань (харач) в турецкую казну. Величина ее неуклонно увеличивалась и к концу века достигала 12 500 дукатов. За это дубровчанам была обеспечена свобода торговли во всех владениях Турции.

Сами мало занимаясь торговлей, турки были заинтересованы в ввозе различных товаров из европейских стран, а уплачиваемый Дубровником харач был солидным источником султанских доходов.

После Мохачской битвы 1526 г. и распада Венгерского государства находившийся под суверенитетом последнего Дубровник оказался под верховной властью султана, сохранив фактически свое независимое положение.

ГЛАВА 12

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Социально-экономические отношения в хорватских землях в XII — начале XVI в.

Присоединение Хорватии к Венгерскому королевству в 1102 г. было осуществлено на началах личной унии, то-есть венгерский король становился одновременно и королем хорватских земель. Такой характер взаимоотношения этих двух государств был закреплен официальным принятием Коломаном (Кальманом) титула хорватского короля. В административном отношении хорватские земли, получившие в начале XIII в. общее наименование «Королевство Хорватия, Славония и Далмация», на протяжении всего периода вхождения в состав Венгерского королевства оставались несколько обособленными от собственно венгерских областей. Сохранив от прежнего административного устройства Хорватии должность бана, Коломан передал ему фактическое управление страной. Позднее, во второй половине XIII в. хорватская территория была разделена на две бановины (Славонию и Хорватию с Далмацией), каждая из которых имела своего бана. С переходом под власть венгерских королей наибольшие изменения произошли в административном устройстве Славонии, охватывавшей в то время территорию от Дравы до Купы. Здесь еще Коломаном было произведено укрупнение основных административных единиц — жупаний (комитатов). По венгерскому образцу он разделил всю территорию Славонии на ряд крупных жупаний. В Хорватии административное деление осталось прежним.

Верховная власть в хорватских землях с конца XII в. иногда передавалась так называемому младшему королю — дуксу (герцогу) — наследнику венгерского престола. Но это лишь способствовало еще большей обособленности хорватских земель, ибо герцоги управляли подвластной им территорией совершенно самостоятельно, а подчас даже вели войны против своего сюзерена. К тому же и в те сравнительно непродолжительные периоды, когда хорватскими землями управляли младшие короли, непосредственная власть в стране в значительной степени оставалась в руках местной знати, представителями которой, как правило, были баны, жупаны и другие должностные лица.

На протяжении XII—XV вв. в хорватских землях происходит заметный прогресс в развитии сельскохозяйственного производства.

Окончательно устанавливается трехпольная система земледелия, увеличиваются посевные площади за счет расчистки земли из-под леса, совершенствуются земледельческие орудия, появляются новые культуры (например, гречиха), расширяются площади, занимаемые виноградниками.

Значительные перемены в хорватских землях произошли с установлением господства венгерских королей в сфере аграрных отношений, что прежде всего было связано с ростом крупной феодальной собственности. Наиболее интенсивно процесс формирования крупного землевладения протекал в Славонии. Относительно замедленные темпы развития здесь феодализма в предшествующий период были существенно ускорены земельными пожалованиями венгерских королей. Эти пожалования — донации особенно широкий размах приобрели в Славонии начиная с XIII в. Венгерские короли раздавали славонские земли на условиях несения военной службы как старой знати, так и служилым людям; среди тех и других были представители местного населения и иностранцы, в первую очередь венгры. Обширные земельные владения в Славонии получили от венгерских королей духовные феодалы, прежде всего загребский капитул. Рост крупных владений в Славонии происходил в это время также за счет покупки и захвата земель светскими и церковными феодалами.

Особые последствия имело установление венгерского господства для формирования магнатского землевладения на хорватской территории между рекой Купой и Кварнерским заливом. Не рассчитывая собственными силами сохранить за собой эту территорию, венгерские короли в конце XII — начале XIII вв. пожаловали ее бо́льшую часть князьям Кркским, бывшим в то время вассалами Венеции. Им были переданы в наследственное управление Модрушская жупания и Винодольское княжество, со всеми доходами и судебным иммунитетом. Князья Крксние, именовавшие себя впоследствии Франкопанами, превратились вскоре в почти независимых владельцев Модрушской и Винодольской территорий, и лишь номинально признавали верховную власть венгерских королей, оставаясь и вассалами Венецианской республики. Эти владения, основная масса населения которых была превращена в зависимых людей — кметов, Франкопаны сохранили вплоть до конца XVII в.

Менее всего отразилось присоединение к Венгрии на феодальных порядках в области к югу от Велебита, которая в источниках того времени в отличие от Славонии именовалась собственно Хорватией, а в исторической литературе (применительно к более раннему периоду), как уже указывалось,— Далматинской Хорватией. На этой территории, обособленной от остальных частей Венгерско-Хорватского государства, власть венгерских королей была относительно слаба. Характерно, что на протяжении XII—XV вв. венгерские короли не произвели здесь ни одного нового земельного пожалования, ограничившись либо подтверждением дарений своих предшественников, либо передачей отдельных территорий в управление. В силу этого структура феодального землевладения в Далматинской Хорватии, довольно развитого еще в предшествующий период, в XII — первой половине XIII в., почти не изменилась. Заметные перемены начали происходить только в начале XIII в., когда особенно отчетливо проявилось стремление отдельных жупанов, а затем и банов превратить свои должности в наследственные, а подвластное население — в своих подданных.

Возможно, что относительно слабое воздействие венгерских королей на феодальные порядки в собственно Хорватии связано с заключением в 1102 г. представителями местной знати (старейшинами 12 «племен») договора с Коломаном. Согласно сохранившемуся свидетельству об этом договоре, Коломан освободил членов 12 «племен» от всех королевских поборов. Единственная их обязанность перед королем состояла в воен-

ной службе: каждое «племя» в случае военных действий в пределах Хорватского королевства должно было выставить на свои средства 10 вооруженных всадников, служба же вне Хорватии оплачивалась за счет короля.

Впрочем, как уже говорилось, в новейшей историографии широко распространено мнение, что дошедшее до нас свидетельство о договоре 1102 г. не достоверно. Однако тот факт, что в период венгерского господства в Хорватии имелись своеобразные корпорации светской знати, не подлежит сомнению. Эти корпорации в источниках на латинском языке обозначались терминами «generatio», «tribus», а в позднесредневековых документах, написанных по-хорватски, словом «племе»; отличительной чертой каждой из таких корпораций было свое патронимное наименование. Первые косвенные свидетельства об этих корпорациях встречаются уже в источниках, датируемых обычно XI в. В старой историографии господствовало представление, что указанные корпорации являются остатками тех хорватских племен, которые переселились на Балканы еще в начале VII в. В настоящее время среди исследователей преобладает мнение, что эти корпорации не представляли собой пережитков племенной организации первобытнообщинного строя, и получили развитие уже в ходе феодализации хорватского общества.

Особенно многочисленные свидетельства о «племенах», состоявших из людей знатных, сохранились от XIV — начала XVI вв. Среди членов этих «племен», очевидно, сравнительно рано выделились отдельные семьи, представители которых, являясь жупанами и даже банами Хорватии, сосредоточили в своих руках огромные земельные владения. В числе таких магнатов наиболее крупными были князья Брибирские (из «племени» Шубичей), князья Нелипчичи (из «племени» Сначичей) и князья Курьяковичи (из «племени» Гусичей). Но основную массу членов «племен» в это время составляли племичи — свободные, привилегированные мелкие землевладельцы. Часть из них имела зависимых крестьян, но подавляющее большинство вело свое хозяйство, как правило, собственными силами. Поэтому в исторической литературе их обычно именуют крестьянами-племичами.

Сохранились от рассматриваемого периода также сведения о мелких вотчинниках и в других частях Хорватского королевства. На территории между Купой и Кварнерским заливом, как свидетельствует один из древнейших написанных на хорватском языке законодательных памятников — Винодольский закон 1288 г., — племичи были вассалами князей Франкопанов. Существует мнение, что все эти племичи являлись служилыми людьми Франкопанов. Согласно другой точке зрения, многие из винодольских племичей ведут свое происхождение от мелких землевладельцев, составлявших привилегированное сословие еще до установления здесь господства князей Крксских.

Не исключено, что и в Славонии некоторые мелкие племичи выделились из общей массы свободного сельского населения и достигли привилегированного положения до венгерско-хорватской унии. Но вместе с тем в XII—XIII вв. здесь сохранилось значительное число непривилегированных свободных земледельцев (jobagiones castri), обязанных нести военную службу и подчиненных, подобно тому, как это было в Венгрии, администрации королевских замков. После установления власти венгерских королей эти свободные земледельцы составляли основную военную силу государства во вновь организованных в Славонии жупаниях.

В течение XIII в. положение свободных земледельцев-воинов существенно изменилось. Одни из них, попав под власть феодалов, превратились в зависимых крестьян, другие вступили в вассальную зависимость от крупных, главным образом церковно-монастырских феодалов, исполняя в их вотчинах военно-административные функции. (Таково, очевидно,

происхождение непривилегированных вассалов Загребского капитула, владения которых обычно обозначаются в источниках термином «predia»). Наконец, значительная часть свободных воинов превратилась в привилегированных мелких и средних вотчинников — племичей, объединенных обычно в корпорации, аналогичные «племенам» Далматинской Хорватии (наиболее типична в этом отношении так называемая «племенитая община» Турополе, просуществовавшая вплоть до XIX в.). Эти мелкие и средние землевладельцы, получившие привилегии на условиях несения военной службы, являлись непосредственными вассалами короля.

Как и в Венгрии, в Славонии мелкие и средние землевладельцы постоянно испытывали притеснения со стороны все усиливавшейся крупной знати. Стремясь укрепить свое положение, мелкие и средние королевские служилые люди добились в 1222 г. от короля Андрея II издания Золотой буллы, значительная часть постановлений которой была посвящена защите их интересов. В этой булле подтверждалось превращение земельных владений, пожалованных королями, в наследственную собственность; светская знать освобождалась от налогов и получала гарантии личной неприкосновенности. Отдельные постановления Золотой буллы были прямо направлены против магнатов; в частности, король обещал не передавать им в наследственное владение целых жупаний. Король также обязывался ежегодно устраивать судебные заседания для разбора жалоб служилой знати. Этими заседаниями была заложена основа будущих сословных собраний феодальной знати в Венгерско-Хорватском королевстве. В Славонии первое такое собрание — сабор—состоялось в 1273 г. В этом саборе, возглавлявшемся баном, приняла участие феодальная знать трех славонских жупаний: Загребской, Крижевацкой и Загорской (Вараждинской). Сабор, отметив, что славонская знать обязана нести военную службу, вынес ряд постановлений, регламентировавших судопроизводство по делам, касавшимся племичей, и порядок сбора королевских налогов. Как орган славонской знати, имевший некоторые законодательные функции, сабор просуществовал на протяжении всего средневековья, играя, в частности, в XIV—XV вв. важную роль в регламентации внутренней жизни страны.

Превращение мелких и средних землевладельцев в королевскую служилую знать повлекло за собой существенные изменения во внутреннем строе славонских жупаний. На рубеже XIII—XIV вв. в Славонии окончательно складывается новый порядок управления жупаниями. Судебная и административная власть в них по существу переходит в руки служилой знати, избиравшей на своих скупщинах, происходивших в каждой жупании, четырех судей,что значительно ограничило права жупанов. Таким образом, в конце XIII—начале XIV вв. в Славонии складывается сословная организация землевладельческой знати. Вскоре подобная организация (сабор и скупщины знати по жупаниям) появляется и в Хорватии.

Несмотря на то, что на саборах и жупанийских скупщинах подавляющее большинство составляли мелкие и средние землевладельцы, это не могло их полностью защитить от постоянного нажима магнатов. Источники XIV—XV вв. неоднократно свидетельствуют о захвате магнатами земельных владений племичей и попытках превратить их в феодально-зависимых крестьян, чему нередко содействовали королевские пожалования отдельным магнатам, вопреки Золотой булле, целых жупаний.

Заметные перемены после перехода хорватских земель под власть венгерских королей произошли в положении основной массы сельского населения Славонии. В результате королевских пожалований, актов прямого насилия со стороны крупных феодалов, наконец, разорения под воздействием товарно-денежных отношений подавляющее большинство свободных общинников на территории между Дравой и Кварнерским

заливом в течение XII—XIII вв. окончательно превратилось в зависимых крестьян, именуемых в источниках на хорватском языке кметами, в документах на латинском — либо термином колон (colon), либо венгерским словом «йобагио» (jobagio). Как свидетельствует, например, Винодольский закон, к концу XIII в. основную массу крестьян-общинников в Винодоле составляли зависимые от князей Франкопанов кметы.

К XIV в. почти полностью стерлись грани в экономическом и юридическом положении кметов - колонов и сервов. Эти различные по своему происхождению категории непосредственных производителей консолидировались в единый класс феодально-зависимого сельского населения. Как и сервы, кметы-колоны, по свидетельству источников XIV—XV вв., находились под юрисдикцией феодалов; по данным первой половины XIV в., феодалы имели право в случае, если после смерти кмета - колона не осталось наследников мужского пола, присвоить себе не только его недвижимое, но и часть движимого имущества. С середины XIV в. в источниках, относящихся к территории Славонии, термин «сервы» уже больше не употреблялся для обозначения сельского населения, имеющего личное хозяйство и исполняющего феодальные повинности.

В XIII в. на хорватской территории к северу от Капелы был широко распространен обычай приглашения феодалами в свои владения новых поселенцев с целью расширения обрабатываемых земель. Эти крестьяне-поселенцы, которые в документах на латинском языке обозначаются термином «hospites», на первых порах имели некоторые льготы в отношении повинностей и платежей, а также пользовались, по сравнению с кметами - колонами, бо́льшей свободой перехода в другие владения. Однако постепенно госпиты лишались своих привилегий и сливались с основной массой зависимого сельского населения.

В хорватско-славонской деревне в XIII—XV вв. прибавочный труд непосредственных производителей присваивался феодалами как в форме отработочной и натуральной, так и денежной ренты, причем их соотношение не оставалось неизменным.

В XIII—XIV вв. подавляющее большинство крестьян было обязано барщинной работой на господском домене (обработка пахотной земли и виноградников), а также исполнением ряда вспомогательных работ в барском хозяйстве. Величина крестьянской барщины на домене обычно колебалась от 6 до 26 дней в течение года. В отдельных случаях отработочная рента уже в это время заменялась натуральными и денежными платежами. В XV в. эта тенденция усилилась. К концу столетия во владениях светских и некоторых духовных феодалов число крестьян, обязанных отбывать барщину на господской запашке, было, как правило, невелико; только в отдельных церковно-монастырских вотчинах отработки оставались одной из основных повинностей подавляющего большинства зависимого сельского населения. Однако и в этом случае размер барщины существенно сократился (с 5 до 1—2 дней в неделю).

Как правило, непременной составной частью феодальной ренты в хорватско-славонской средневековой деревне были так называемые «дары» (хорв. «časti», лат. «munera»), которые два или три раза в год (к церковным праздникам) крестьяне преподносили феодалам. На протяжении XIII—XV вв. эти «дары», как правило, сохраняли натуральный характер. Помимо того, многие кметы-колоны были обязаны платежами зерном и вином. На славонских крестьян, возможно распространялась также, введенная в 1351 г. королем Людовиком (Лайошем) в Венгрии «девятина» — уплата феодалам девятой части урожая зерна и вина. Судя по данным Модрушского урбария[1] 1486 г., в конце XV в. для части

[1] Урбарий — поземельная опись, включающая обычно данные о крестьянских платежах и повинностях.

крестьян основным видом ренты являлась уплата четвертой части урожая. Особенно распространенной формой эксплуатации — издольщина была в собственно Хорватии. Величина уплачиваемых крестьянами земельному собственнику натуральных взносов нередко достигала здесь половины урожая.

Из натуральных платежей славонских крестьян ранее всего коммутировалась так называемая куновина (лат. marturina).

Первоначально с населения Славонии куновина собиралась хорватскими королями, видимо, куньими шкурами. Но уже первые достоверные известия, относящиеся к периоду правления в Славонии венгерских королей, свидетельствуют, что куновина уплачивалась деньгами. В результате раздачи земельных владений в Славонии права на доходы от куновины частично перешли в руки отдельных светских и духовных вотчинников. Обычно десятая часть куновины, уплачиваемой крестьянами, шла епископу; от остального две трети королю и треть феодалу-вотчиннику. Однако нередко венгерско-хорватские короли одновременно с пожалованием земли передавали феодалам и свою долю куновины.

Первоначально и церковная десятина вносилась крестьянами в натуре, хотя сравнительно рано появляется тенденция к ее коммутации. Однако замена натуральных взносов в счет десятины фиксированными денежными платежами была невыгодна духовенству вследствие неуклонного падения стоимости денег. Поэтому уже в конце XIII в. загребский епископ предпринял попытку восстановить сбор десятины в натуральной форме. Но эта попытка вызвала сопротивление со стороны мелких феодалов, которые, в отличие от крупных землевладельцев, были обязаны вносить десятину и поэтому отнюдь не были заинтересованы в фактическом увеличении ее размеров.

Когда же в 30-х гг. XIV в. загребский епископ повысил размер денежного выкупа десятины, в Славонии началось широкое движение против церковной десятины. В этом движении приняли участие крупные и мелкие феодалы, крестьяне и горожане. Особенно широкий размах это движение приобрело в Križevačkой жупании; инициаторами борьбы против притязаний Загребской епископии здесь явились мелкие вотчинники, так называемые предиалисты. Борьба против десятины, неоднократно принимавшая форму ожесточенных вооруженных столкновений, происходила (с небольшим перерывом) с 1333 г. по 1340 г.; загребскому епископу лишь при помощи королевской власти удалось подавить это движение и добиться относительно регулярного сбора церковной десятины на территории епископии.

В рассматриваемый период с хорватского крестьянства взимались в основном в денежной форме и такие поборы, как судебные штрафы, торговые пошлины и т. п.; к концу XIV в. в Славонии были заменены денежными взносами повинности, связанные с постоем и обеспечением продовольствием свиты короля, герцога и бана.

Не оставалось неизменным на протяжении XIII — начала XIV в. и правовое положение хорватского крестьянства; наиболее существенные изменения за это время произошли в статусе крестьянского перехода от одного владельца к другому. Вплоть до середины XV в. основная масса хорватских крестьян имела право (при условии исполнения всех своих обязанностей) на такой переход. Однако уже в XIII—XIV вв. в связи с усилением борьбы между феодалами за рабочие руки и ростом феодального нажима отчетливо проявилась тенденция к ограничению и усложнению условий крестьянского перехода. Со второй половины XV в. крестьяне по существу были лишены права выхода: кмет - колон мог переселиться в другое имение только при условии специального ходатайства владельца этого имения перед судьей жупании. Более того, в конце XV в. пе-

однократно принимались постановления, запрещавшие на год вывод крестьян. В 1514 г. после восстания крестьян в венгерских, словацких и трансильванских землях на Славонию было распространено постановление государственного собрания Венгрии, отменявшее полностью право крестьян на переход.

Уход к новому владельцу в XIII—XV вв. был одной из распространенных форм сопротивления хорватского крестьянства усилению феодального гнета. Другой типичной для данного периода формой классовой борьбы в хорватской деревне был отказ крестьян от исполнения тех или иных повинностей и платежей. Наиболее ярким проявлением этого явилось участие крестьян в движении против церковной десятины.

В течение XII—XV вв. прогрессирующее развитие общественного разделения труда получило выражение в возникновении и росте новых городов — центров ремесла и торговли — на севере страны, в Славонии, и в расцвете далматинских городов.

Есть основание считать, что большинство ремесленно-торговых поселений в Славонии появилось еще до XIII в. Эти поселения преимущественно возникали близ замков, а иногда и в других выгодных для торговли пунктах. Жителей их источники обычно именуют так же, как и крестьян-переселенцев госпитами (hospites); среди госпитов было немало ремесленников и торговцев-иностранцев (немцев и итальянцев), которых приглашали в свои владения короли и крупные феодалы.

Чаще всего госпиты обосновывались на королевских землях, где для их деятельности были особенно благоприятные условия. Надеясь увеличить свои доходы за счет развития ремесла и торговли, получить от горожан поддержку в борьбе против магнатов и использовать торгово-ремесленные поселения как военно-опорные пункты, венгерско-хорватские короли в XIII в. предоставили целому ряду таких поселений в Славонии многочисленные льготы и привилегии. Они были объявлены свободными королевскими городами и получили право внутреннего самоуправления. Эти городские общины изымались из-под власти жупанов. Они имели свои административно-судебные органы, возглавлявшиеся первоначально выборным судьей, а затем и магистратом; их население могло свободно распоряжаться своим имуществом и, как правило, было освобождено от торговых пошлин. Кроме того, свободные королевские города имели право устраивать еженедельные торги и годичные ярмарки. Аналогичные, хотя и менее обширные права, получили в XIV в. и некоторые торгово-ремесленные поселения на землях крупных феодалов.

Наиболее крупными городами в континентальной части Хорватского королевства в эпоху развитого феодализма были Градец (современный Верхний Град в столице Хорватии Загребе), Вараждин, Вировитица и Крижевцы. Постепенно в славонских городах все более возрастал удельный вес ремесленников и торговцев хорватов. На рубеже XIV—XV вв. хорваты составляли уже подавляющую часть ремесленного и торгового населения этих городов.

Ремесленное производство, в котором была занята основная масса жителей славонских городов, достигло к концу XIV в. значительной специализации. Так, например, в Градце в это время имелись ремесленники более чем 30 различных ремесленных профессий — от хлебопеков до ювелиров. В середине XIV в. здесь появились первые объединения ремесленников — братства, организованные преимущественно по национальному признаку. Во второй половине XV в. в славонских королевских городах возникли цехи, объединявшие мастеров — ремесленников одной или нескольких родственных специальностей. Эти цехи имели уставы, утвержденные королем, которые регламентировали производственные процессы, порядок сбыта продукции, подготовку мастерами учеников и

т. п. Наряду с цехами мастеров в отдельных славонских городах в это время существовали также объединения подмастерьев.

Славонские города в период развитого феодализма имели широкие торговые связи. Так, загребские купцы вели торговлю с Далмацией, Италией и австрийскими землями; на загребский рынок поступали товары даже из Кельна. Особенно тесные торговые отношения поддерживали славонские горожане с венгерскими землями. Этому немало способствовало то обстоятельство, что через Славонию пролегал основной торговый путь, соединявший Венгрию с Италией. Ввозились в Славонию главным образом различные дорогостоящие ткани и другие предметы роскоши. Вывозились преимущественно кожи, воск, скот и т. п. Ремесленные изделия местного производства сбывались почти исключительно внутри страны. Существенной помехой в развитии торговли были различные притеснения, которым подвергались купцы со стороны феодалов (насильственный сбор таможенных пошлин, конфискации товаров). Отрицательно сказывалась на торговле свободных королевских городов и конкуренция торгово-ремесленных поселений, расположенных на землях церковных и светских феодалов. В частности, на протяжении всего средневековья не прекращалась ожесточенная борьба между Загребским капитулом и городской общиной Градца за торговые привилегии. В XIV—XV вв., когда усилилась феодальная анархия, отдельным магнатам удалось подчинить себе некоторые королевские города. При этом были существенно ограничены их прежние права.

Установление власти венгерских королей совпало с экономическим расцветом далматинских городов, который достиг своей кульминации во второй половине XIII—XIV вв. Этот расцвет находился в тесной связи с общим оживлением торговли на Средиземном море и промышленным подъемом северо-итальянских городов. Вместе с тем, присоединение далматинских городов к Венгрии содействовало укреплению их торговых отношений с внутренними землями Балканского полуострова.

Благоприятно сказались на внутреннем развитии далматинских городов и привилегии, предоставленные им венгерскими королями. Первым эти привилегии получил еще в 1107 г. от Коломана город Трогир. Согласно сохранившемуся свидетельству, Коломан освободил жителей Трогира от дани, которую они прежде уплачивали хорватским королям, сохранив за собой лишь право получать $^2/_3$ пошлины, уплачиваемой в городской гавани иностранцами. Обещал также Коломан жителям Трогира не допускать без их согласия поселения в городе иностранцев, в том числе венгров. За городом признавалось право внутреннего самоуправления; в частности, Коломан обязался утверждать князя и епископа, избранного горожанами. Аналогичные привилегии в течение XII—XIII вв. были получены большинством далматинских городов и некоторыми островами. Эти привилегии в значительной мере способствовали развитию автономного самоуправления в далматинских городских коммунах, внутренняя жизнь которых регулировалась собственными законами, записанными в XIII—XIV вв. в специальные статуты. При всем различии коммунального устройства далматинских городов и островов общим для большинства из них было наличие Великого веча, являвшегося коллегиальным органом внутреннего самоуправления.

В экономическом развитии далматинских городов в XII—XV вв. важнейшая роль принадлежала торговле, имевшей преимущественно посреднический характер. Особенно велико было значение морской торговли. Наиболее тесные связи далматинские горожане поддерживали с итальянскими городами, нередко заключая с ними торговые договоры. Ремесленные изделия итальянского, а отчасти и местного производства далматинские купцы продавали в континентальной части Балканского полу-

Грамота короля Белы IV Загребу. XIII в.

острова: как в Хорватии, так и в Боснии, Сербии и в других землях. В свою очередь, отсюда они вывозили сельскохозяйственную продукцию, которую затем перепродавали в Италии. Из товаров местного, далматинского происхождения на внешний рынок поступали главным образом кожи, шерсть, вино и лес.

С развитием морской торговли было тесно связано мореходное дело. Жители Далмации далеко за ее пределами были известны как прекрасные мореходы. Яркая характеристика их искусства дана К. Марксом, отмечавшим, в частности, что Далмация была «первоклассным питомником превосходных моряков, крепких телом и отважных духом, закаленных бурями, почти ежегодно бушующими на Адриатическом море»[1]. В XIII—XV вв. в далматинских городах, расположенных непосредственно на побережье, а также на островах, моряки составляли значительную долю населения. В отдельных городах существовали даже специальные корпорации моряков, объединявшие судовладельцев, капитанов и матросов, а купцы нередко организовывали товарищества для морских поездок.

Наибольшее развитие в далматинских городах получили те отрасли ремесленного производства, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции, особенно с выделкой кож, а также с мореходством (кораблестроение и т. п.); имелись здесь как мастера по металлу — от кузнецов до ювелиров, так и другие ремесленники самых различных специальностей: каменщики, ткачи, портные и т. д. Мастера работали обычно вместе с учениками. Цеховое устройство, однако, не получило в далматинских городах сколько-нибудь значительного развития. Лишь в некоторых городах в XIV—XV вв. появились ремесленные цехи, но они оставались явлением весьма редким; основная масса городского населения была преимущественно объединена в территориальные религиозные братства — «братовштины». На протяжении всего средневековья не только существенным, но и весьма доходным занятием далма-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 94.

тинских горожан являлось земледелие, главным образом виноградарство. Вследствие того, что прилегавшие к городам сельские округи были, как правило, сравнительно невелики, а значительная часть их территории непригодна для обработки, пахотные земельные участки и виноградники представляли здесь большую ценность. Существенным источником доходов для некоторых горожан являлось разведение скота, преимущественно овец. Наряду с земледелием и скотоводством, часть жителей далматинских городов занималась рыболовством.

Специфическая особенность аграрных отношений на территории, принадлежавшей далматинским городам в XIII—XV вв., состояла в том, что земля возделывалась здесь лично свободными арендаторами-издольщиками, обязанными выплачивать собственнику земли одну треть, половину, а иногда и более половины собранного урожая. Кроме того, для обработки земли и выпаса скота использовались «наймиты»— разорившиеся люди, получавшие за свою работу пропитание и небольшую денежную плату. Труд лично зависимых людей — сервов — в XII—XIV вв. почти не применялся в земледелии; они использовались главным образом в домашнем хозяйстве горожан. Количество сервов в далматинских городах постепенно все более сокращалось, и к середине XV в. эта категория зависимого населения вообще исчезла.

Подавляющее большинство населения далматинских городов в XII—XIV вв. по-прежнему составляли свободные люди, разделявшиеся на привилегированную знать — патрициат (nobiles) и простонародье (хорв. puk, pučane, лат. populares). В состав патрициата входили крупные землевладельцы и владельцы скота, богатые торговцы, домовладельцы, откупщики и ростовщики. Простонародьем именовались средние и мелкие торговцы, ремесленники различных профессий, матросы, рыбаки, поденщики и т. п. Отдельное сословие составляло духовенство.

Развитие товарно-денежных отношений сопровождалось дальнейшей концентрацией земельной собственности, скота и денежных средств в руках немногочисленной городской знати. Одновременно возрастала имущественная дифференциация среди простонародья. Отдельным представителям этого сословия удавалось накопить немалые богатства, однако в правовом отношении они оставались людьми непривилегированными, не участвовавшими в городском управлении. Значительная часть простонародья все более нищала и попадала в кабалу к городской знати.

Рост социальных противоречий привел уже на рубеже XII—XIII вв. к распространению среди горожан патаренской и богомильской ересей, а затем и других еретических учений. Особенно обострилась классовая борьба в далматинских городах с середины XIV в. В это время патрициат, стремясь сосредоточить всю власть в своих руках, начал предпринимать шаги, направленные на полное устранение простонародья от городского управления; в частности, в ряде городов были сделаны попытки лишить простонародье права участия в Великом вече — органе, решавшем многие важные вопросы внутренней городской жизни. Народные массы оказывали энергичный отпор притеснениям патрициев. Этот отпор нередко принимал форму вооруженных выступлений, наиболее значительными из которых были народные восстания в Трогире (1357—1358 гг.), в Шибенике (1358—1359 гг.) и в Сплите (1398—1402 гг.). В ходе этих восстаний народным массам иногда удавалось, изгнав из города патрициев, захватывать всю власть в свои руки. Так, в Сплите простонародье удерживало власть почти в течение четырех лет.

Однако как здесь, так и в других городах патрициат в конечном счете сломил народное сопротивление, лишив пучан права участия в вече. Немалую помощь далматинской знати, как правило, оказывала государственная власть.

Бановцы. Хорватские монеты XIII—XIV вв.

Несмотря на обещания, данные Коломаном, венгерско-хорватские короли из династии Арпадовичей весьма активно вмешивались во внутреннюю жизнь далматинских городов, например, в Сплите уже при Коломане были размещены венгерские военные гарнизоны. Арпадовичи также не раз навязывали горожанам своих ставленников на высшие гражданские и церковные должности. По мере усиления крупных феодалов Далматинской Хорватии горожане начали испытывать притеснения и с их стороны. Но особенно они страдали от притязаний Венеции, которую не только привлекало выгодное географическое положение далматинских городов, но и серьезно тревожило их торговое соперничество.

Политическая история хорватских земель в XII — начале XVI в.

Подчинение Коломаном далматинских городов и островов не только не прекратило ожесточенной борьбы за Далмацию, но, наоборот, усилило ее. Венеция, не намереваясь отказываться от своих притязаний на Далмацию, уже в 1115 г. возобновила военные действия, продолжавшиеся с небольшими перерывами около 20 лет. В ходе этой войны венецианцы неоднократно опустошали далматинское побережье, разрушали городские укрепления и уничтожали флот; в результате одного из их походов был, например, полностью разрушен город Биоград. Борьба шла с переменным успехом. Одно время Венеции удалось распространить свою власть почти на все побережье Далматинской Хорватии, но уже в 1133 г. она потеряла все свои приобретения, кроме Задара и островов.

Ведя борьбу за далматинские города, венгерские короли преследовали прежде всего свои собственные цели: иметь выход к морю и получать доходы от городской торговли. Однако основная тяжесть этой борьбы ложилась на хорватов. Вовлекались они и во все другие войны, которые

Сигизмундом объединенный антитурецкий поход рыцарей ряда европейских стран против турок закончился их разгромом в 1396 г. у города Никополя в Болгарии. За этим поражением последовали первые турецкие набеги на славонские земли между Дравой и Савой, а с середины XV в. борьба с турками на долгое время становится одним из важнейших вопросов как для венгерского, так и для хорватского народов.

В целях защиты своего королевства от турецких набегов Сигизмунд в начале 30-х гг. XV в. выдвинул план создания трех оборонительных поясов: хорватского — на юге, славонского — вдоль реки Уны и усорского — на севере боснийской территории; основную их военную силу должны были составлять отряды феодалов. Однако реализовать этот план Сигизмунд не успел.

Хотя в Венгерском королевстве после смерти Сигизмунда (1437 г.) вновь начались феодальные неурядицы, полководцу Яношу Хуньяди все же удалось добиться некоторых успехов в обороне страны от турок. Одновременно ему пришлось вести упорную борьбу с венгерскими и хорватскими магнатами, а также со штирийским графом Ульрихом Цельским. Последний, имея ряд владений в Штирии, Каринтии, Крайне, Венгрии и Славонии и являясь баном Славонии, Хорватии и Далмации, был особенно серьезным противником Яноша Хуньяди. После того, как в 1456 г. граф Ульрих — последний представитель династии Цельских был убит сторонниками Яноша Хуньяди, центральная власть в Венгерском королевстве значительно укрепилась. Внутреннее положение государства еще более стабилизировалось при сыне Яноша Хуньяди — короле Матьяше Хуньяди (Корвине) (1458—1490 гг.). Он опирался в борьбе против магнатства на мелкое и среднее дворянство, города и церковь. Матьяш Корвин предпринял и некоторые меры защиты королевства от турок. В частности, в ряде хорватских пограничных крепостей (от Круины на реке Уне до Сеня на морском побережье), перешедших непосредственно в королевские руки, были размещены специальные военные гарнизоны, что вызвало, однако, недовольство отдельных магнатов, прежде всего Франкопанов. Так как Матьяш Корвин был поглощен борьбой за осуществление своих политических замыслов на западе, связанных с борьбой за императорскую корону и австрийские земли, он так и не сумел сломить магнатов. Сразу же после его смерти, в 1490 г., в стране началась феодальная анархия.

Между тем турки, овладев к 1463 г. большей частью Боснии, стали непосредственными соседями хорватских земель, и их набеги на эти области участились. Особенно тяжелые последствия для Хорватии имело сражение на Крбавском поле в 1493 г., где большой турецкий отряд, возвращавшийся из набега на Штирию, наголову разбил хорватское войско, возглавляемое баном; в Крбавском сражении погибло много далматинско-хорватских племичей. В начале XVI в. турки уже не ограничиваются набегами и переходят к постепенному завоеванию хорватских земель, в первую очередь в Далмации. В 1513 г. ими была захвачена часть хорватской территории, расположенной к юго-востоку от реки Цетины, а в 1522—1524 гг.— города Книн, Скрадин, Островица и Синь. В 1526 г. турецкий султан Сулейман II в битве при Мохаче наголову разбил войска венгерского короля Людовика II, который погиб при бегстве с поля битвы. Вскоре турки заняли южную часть Венгрии, ряд восточных районов Славонии.

После битвы при Мохаче, показавшей, что Венгрия больше не в состоянии самостоятельно противостоять турецкому натиску, Хорватия оказалась перед угрозой полного завоевания турками.

ГЛАВА 13

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ

В XII в. словенские земли входили в состав Германской империи, переживавшей период феодальной раздробленности. Они по-прежнему оставались поделенными на ряд областей, образовавшихся после распада Великой Каринтии. На основе этих бывших составных частей Великой Каринтии стали постепенно складываться следующие стабильные территориально-политические единицы— земли или провинции (Land, dežela): Каринтия (ядро бывшей Каринтии), Крайна (Краньская марка и часть Савинской), Штирия (Карантанская, Подравская и часть Савинской марки), Истрия. Несколько позднее от Фриульской пограничной марки отделилось графство Горица, населенное преимущественно словенцами. Немецкая колонизация словенских земель продолжалась вплоть до XV в., хотя наиболее активно она проходила в XI—XIII вв. В результате северная и центральная Штирия, северная Каринтия и восточный Тироль, где раньше жили словенцы, были почти полностью германизированы. Этому способствовал и тот факт, что население здесь в период раннего средневековья было довольно редким. В южной и восточной частях словенских земель тоже создавались немецкие колонии. Но словенское население в этих районах было плотным, и немногочисленные немецкие поселения в подавляющем большинстве постепенно словенизировались. Границы расселения словенцев на юге и востоке на протяжении всего средневековья оставались почти неизменными. Таким образом, с завершением немецкой колонизации к XV в. определились этнические границы словенцев, близкие к современным.

Так как господствующий класс в словенских землях был в основном немецким, а крестьянство в подавляющем большинстве — словенской народности, национальное и классовое размежевание почти полностью совпадало.

На протяжении многих веков крестьянство являлось единственным хранителем словенского языка, обычаев и культуры.

В XII—XV вв. развитие феодальных отношений в словенских землях происходило на базе дальнейшего роста производительных сил. После заселения долин и берегов рек, начавшегося в предшествующий период и в основном закончившегося уже в XII в., словенцы начинают осваивать лесные массивы в горах. В XIII—XIV вв. появляются многочисленные поселения на высоте примерно до 1000 м над уровнем моря. Одним из важных

стимулов освоения земель было получение поселенцами на новых землях некоторых привилегий.

По мере развития производительных сил в сельском хозяйстве углубился процесс отделения ремесла от земледелия. Стали расти города и торги как центры ремесла и торговли. Этот процесс в свою очередь оказывал значительное влияние на деревню — в XIV—XV вв. интенсивно развиваются сельские ремесло и торговля. В тех районах, где имелось мало удобной для обработки земли, как например, в Верхней Крайне, в Красе и других, промыслы и торговля являлись важным подспорьем для населения. Несмотря на противодействие горожан, в сельских местностях возникали собственные рынки и ярмарки, которые способствовали росту внутреннего обмена в каждой земле и между соседними землями.

В XII—XV вв. в словенских землях происходит дальнейший рост и укрепление феодальной собственности. Верхушку светских феодалов составляли немецкие герцоги, маркграфы, графы, постепенно превращавшиеся в независимых государей и расширявшие свои собственные владения за счет полученных в управление от императора территорий. Из крупных светских феодалов в XII—XIII вв. особенно выделялись своим богатством Спанхеймы, Бабенберги и Траунгавцы. Позднее, после вымирания этих могущественных родов, в первые ряды знати выдвинулись некоторые представители средних феодалов: графы Цельские (Цилли), Туряшские (Ауэрсперги), Турны, Герберштейны, Дитрихштейны и др. Среди духовных феодалов крупнейшими собственниками являлись Зальцбургское архиепископство и Аквилейский патриархат, которым в церковном отношении подчинялись все словенские земли. Много земельных владений было у Каркской, Лавантинской, Бамбергской, Фрейзингенской епархий, у многочисленных монастырей. В конце рассматриваемого периода церкви принадлежала треть всех обрабатываемых земель в Словении.

Как только начала укрепляться феодальная собственность крупных магнатов, многие из них стали передавать часть земель в феод своим дружинникам и представителям вотчинной администрации. Так образовался средний и мелкий слой феодалов. В XII в. он состоял из рыцарей и министериалов. Министериалы имели более крупные феоды, часть которых могли передавать в лен, а рыцари этого права не имели. Первоначально сюзерен сам судил своих вассалов. Однако уже в XIII—XIV вв. в связи с постепенным преодолением феодальной раздробленности мелкие и средние феодалы добились закрепления наследственных прав на свои владения и права быть судимыми общим для каждой земли феодальным судом. Лишь некоторые духовные сюзерены, например Зальцбургское архиепископство и Бамбергская епархия, судили своих вассалов вплоть до середины XVI в. Равное юридическое положение способствовало консолидации различных групп феодалов в единое сословие. В каждой земле-провинции складывается единое право, феодальный суд, управление, возглавляемое земским (провинциальным) князем. В конце XIV — начале XV вв. феодалы завоевывают себе право созывать сословные собрания, на которых присутствовали представители знати, высшего духовенства, рыцарства, а позднее и немногие представители от городов.

В связи с ростом производительных сил в XII—XIII вв. феодальное хозяйство изменяет свой облик. Барская запашка почти повсеместно ликвидируется. Доменпальные земли передаются в надел крестьянам. Соответственно изменилась и структура земельной ренты. В XII—XIII вв. в словенских землях преобладала натуральная рента. Главная часть натурального налога — «правда» платилась зерном. Помимо «правды», словенский крестьянин давал «малую правду» — налог натурой от домашних изделий, скота, пасек и так далее. Барщина, согласно урбариям, была невелика — к XV в. она достигала 2—12 дней в год. Однако кроме

Полевые работы крестьян. XV в.

барщины, записанной в урбарпях, существовали и не зафиксированные этими документами повинности, исполнения которых господин мог потребовать от крестьянина в любое время (охотничья повинность, постройка и поправка дорог, мостов). Денежный налог платился за пользование сервитутами, за дом и так далее.

В XIV—XV вв. с развитием товарно-денежных отношений в словенских землях наблюдается переход к денежной ренте. К XV в. «правда» и отчасти «малая правда» уже давались деньгами. Помимо налогов за землю, крестьянин платил десятину сначала целиком церкви; а потом $^{2}/_{3}$ (или больше) — землевладельцу и только $^{1}/_{3}$ местному настоятелю. Во второй половине XV в. появились общегосударственные налоги в форме «чрезвычайных» поборов.

В начале рассматриваемого периода продолжали существовать разные категории крестьян, возникшие в предшествующий период: хлапцы, празники, косезы и так далее. В связи с заменой барщины натуральной рентой хлапцы по своему положению приблизились к празникам. Вместе с тем рост крупного землевладения, организация феодального войска рыцарей привели и к изменению положения косезов: их число резко сократилось, они утратили многие привилегии. Таким образом, постепенно стирались социальные и юридические различия между категориями сельского населения. К XVI в. уже сформировался единый в социальном отношении класс феодальнозависимого крестьянства, который обозначается в источниках термином «Unterthanen» (подданные). В то же время развитие товарноденежных отношений усиливало имущественную дифференциацию среди крестьян, особенно заметно проявившуюся в XV в.

В подавляющем большинстве зависимые непосредственные производители в Словении XII—XV вв. считались пожизненными владельцами земельных наделов. Правда, практически такой крестьянский надел передавался по наследству, но при перемене владельца платился очень большой налог, достигавший 15% стоимости хозяйства. Иногда надел предоставлялся в пользование крестьянам на время жизни двух-трех поколений. Кроме того, часть крестьян держала землю на условиях так называемой свободной аренды, при которой феодал мог в любое время

согнать крестьянина с его участка земли. В то же время ни пожизненные владельцы, ни «свободные арендаторы» не могли оставить свой надел без разрешения господина.

С XIII и особенно в XV—XVI вв. многие феодалы пытались заставить крестьян выкупать право передавать свои земли по наследству. В этом случае крестьянин мог и отчуждать свою землю, но с особого разрешения господина. Однако выкупные платежи были настолько велики, что крестьяне сопротивлялись переводу своих наделов в наследственное владение, и последнее не получило заметного распространения.

На протяжении всего средневековья в Словении сохранялись сельские общины. Они имели в своем пользовании пастбища, леса, осуществляли общий севооборот. Во главе общин стояли сельские жупаны, избираемые общинниками и утверждаемые феодалом или его управляющим.

Феодальный собственник земли имел право патримониального суда над крестьянами. В XIII—XIV вв. это право закрепляется привилегиями, данными штирийским, каринтийским и крайнским феодалам князьями этих земель. Согласно этим привилегиям собственник земли мог судить своих подданных во всех делах, кроме преступлений, карающихся смертной казнью. Мелкие дела разбирал суд сельской общины —«вече», возглавляемый феодалом или его представителем.

В несколько особом положении находилось крестьянство в Словенском Приморье (Горица, северо-западная Истрия, Венецианская Словения[1]). Здесь был широко распространен так называемый колонат. Колон не считался лично зависимым человеком, за известную долю урожая (нередко за половину) он арендовал землю у ее собственника, чаще всего сроком на 29 лет. В Приморье вообще сохранилось больше, чем в других словенских областях, свободных крестьян. В Венецианской Словении свободные крестьянские общины пользовались правами самоуправления, имели собственный суд, который назначал наказания вплоть до смертной казни. В Горице свободные крестьяне до середины XVI в. избирали своих представителей в сословные собрания.

XII—XV вв. характеризуются ростом городов в словенских землях. Еще от римских времен в Словенском Приморье сохранились такие города, как Трнест, Копер, имевшие на протяжении всего средневековья по преимуществу романское население. В период раннего средневековья они находились в полном упадке. Первые словенские городские поселения как центры ремесла и торговли начинают появляться, очевидно, уже в XI в. В частности, в это время получают право собирать пошлины, проводить ярмарки и чеканить собственную монету каринтийские поселения Бреже и Беляк. Однако массовое возникновение словенских ремесленно-торговых центров относится к XII—XIII вв.: сначала в Каринтии, находившейся на важных торговых путях из северных областей в Италию (Великовец, Дравоград, Целовец), а потом в Штирии и Крайне (Любляна, Камник, Крань, Горица, Марибор, Птуй). В это же время экономически крепнут, развивают обмен с внутренними землями Словении и ведут оживленную морскую торговлю приморские города.

Словенские города являлись преимущественно поселениями малой или средней величины даже по масштабам средневековья и были тесно связаны с сельским хозяйством. Но большинство горожан в основном занималось ремеслом и торговлей. В XIII — XV вв. упоминаются самые разнообразные ремесла: портняжное, сапожное, кожевенное, скорняжное, столярное, бочарное, кузнечное, слесарное, изделия которых были рассчитаны главным образом на внутренний рынок.

[1] Венецианская Словения — условное название захваченной Венецией в начале XV в. горной области к северо-востоку от Фриульской низменности; область в основном была заселена словенцами.

Уплата крестьянами натуральных платежей господину

Большое влияние на развитие ремесла и торговли в словенских землях оказало горное дело. Здесь имелись богатые залежи различных руд: свинцовых, ртутных, железных и других. С раннего средневековья добыча благородных металлов находилась в руках феодалов. Железную руду добывали и перерабатывали в простейших плавильных печах крестьяне. Но уже в XIV—XV вв. с улучшением техники производства в горное дело проникают купцы и предприниматели. На базе горной промышленности возникли и развивались некоторые словенские города — Идрия, Железники, Плиберк (у Беляка). Многие городские ремесла были связаны с обработкой металлов. Отдельные города (Камник, Шкофья Лока, Тржич) славились производством металлических изделий, другие (Беляк, Великовец, Целовец, Любляна) вели обширную торговлю железом. Таким образом, связь словенских городов с горным делом была разносторонней. В этом состояла одна из их специфических особенностей.

Цеховая организация ремесла появилась в словенских городах лишь во второй половине XIV в. Количество цехов значительно выросло в XV в., однако многие ремесленники и в это время все еще оставались вне цехов. По структуре словенские цехи были похожи на цехи других европейских городов, но они имели и некоторые отличия. Так, вплоть до начала XVII в. в них не ограничивалось число мастеров для каждого цеха и число подмастерьев для каждой мастерской. Словенские цехи еще в XV—XVI вв. охотно принимали в качестве учеников и подмастерьев выходцев из деревни.

По мере экономического развития городов росла дифференциация среди городского населения. Цеховые и внецеховые ремесленники, мелкие торговцы составляли основное население словенских городов. Богатых семейств имелось сравнительно немного и они не образовали патрициата в виде наследственной замкнутой корпорации, как это было в более крупных торгово-промышленных городах Германии и Италии.

Помимо богатых и средних слоев населения, в городах существовал и плебс: подеищики, слуги, подмастерья — в большинстве люди, недавно пришедшие из деревни.

Словенские города были не только центрами торговли в самих словенских землях, они играли роль посредников в торговом обороте между немецкими и итальянскими землями. Широкую торговлю словенские города вели с Хорватией и Венгрией.

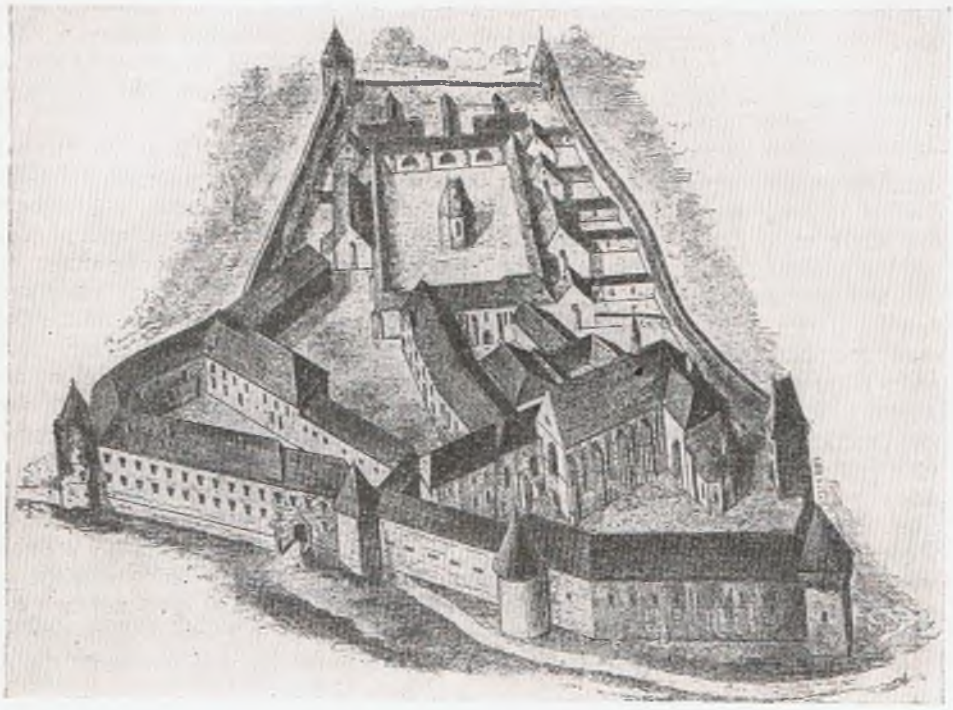
Уже в XIV в. горожане начинают вести упорную борьбу против сельских ремесленников и торговцев, поддерживаемых феодалами. Эта борьба, несмотря на то, что горожане добились для себя ряда дополнительных привилегий (запрещение сельским ремесленникам селиться около городов, отмена сельских ярмарок и другие) не привела к желательным результатам. Деревенские ремесло и торговля продолжали оставаться важным конкурентом городов и в последующие века.

Развитию городов способствовало покровительство со стороны их владельцев — крупных светских и духовных феодалов, заинтересованных в увеличении своих доходов. Многие города добились права укрывать в своих стенах бежавших от феодалов крестьян. Если такой крестьянин жил в городе год и один день, он становился свободным. Позднее, в конце XV в., когда начались опустошительные турецкие набеги, городам было позволено принимать в свои стены столько крестьян, сколько они хотели. В таком случае феодалы уже не могли требовать возвращения беглых в свои владения. Это привлекало сюда многих крестьян из окрестных деревень, способствовало росту городов и увеличению в них словенского населения. Вообще по национальному составу своих жителей города имели преимущественно словенский характер. Однако среди высших слоев городского населения имелось много лиц немецкого происхождения, что было следствием активного притока в словенские города в XIII—XIV вв. колонистов из Германии.

По мере роста и экономического укрепления городов формировалось их внутреннее устройство. Немецкая колонизация оказала большое влияние на словенское городское право, которое почти полностью копировало городское право немецких городов. На протяжении XIV—XV вв. городские общины добились самоуправления и суда над своими горожанами, что в значительной мере охраняло последних от произвола феодалов. Полноправные граждане избирали городской совет. Из членов совета выдвигался городской судья. Городские суды распространяли свою власть нередко и на крестьян окрестных деревень. Так, в судебный округ Краня входило более 20 сел.

Приморские города были более развитыми в социальном отношении, чем города во внутренней части Словении. Они пользовались более широкой автономией и политической самостоятельностью. Особенно выделялся в этом отношении Триест, который в 1463 г. даже заключил самостоятельно мир с Венецией. В Триесте, Копере и других приморских городах уже в XII в. установилась олигархическая система правления по образцу итальянских городов-коммун. Приморские города обычно имели свою земельную собственность, принадлежавшую городской общине или отдельным патрицианским семьям.

Развитие городов и укрепление экономических связей между отдельными частями словенских земель создавало предпосылки для постепенного преодоления феодальной раздробленности. В немалой мере этому способствовало и то обстоятельство, что к середине XIII в. в словенских землях вымерло несколько феодальных родов, среди которых наиболее значительными были Бабенберги. За их наследство разгорелась упорная борьба. Наиболее сильными соперниками выступали чешский король Пржемысл II и венгерский король Бела IV, втянувший в эту борьбу в ка-



Монастырь Жиче в Штирии. XII в.

честве своего сторонника даже русского княжича Романа, одного из сыновей Даниила Галицкого [1]. Победу одержал Пржемысл II. К чешскому королю перешли Австрия, Штирия, Каринтия и Крайна. Снова, как и во времена Само, словенские земли оказались объединенными с чешскими, но ненадолго.

В 1273 г. германским императором стал Рудольф Габсбург. Опираясь на некоторых немецких князей, опасавшихся усиления чешского короля, он объявил незаконным захват им восточноальпийских земель. Война между Габсбургом и Пржемыслом окончилась гибелью последнего в битве на Моравском поле у Сухих Крут (недалеко от Вены) в 1278 г. Рудольф Габсбург оставил себе Австрию и Штирию, а Каринтию и Крайну отдал своему ближайшему соратнику в борьбе с Пржемыслом графу Майнхарду Горицко-Тирольскому. Так было положено начало распространению власти Габсбургов на словенские земли.

В дальнейшем, будучи не в силах укрепить свои позиции в собственно немецких землях, Габсбурги попытались закрепиться на юго-восточной окраине империи. В 1335 г., после прекращения рода Горицко-Тирольских графов Крайна и Каринтия перешла под власть Габсбургов. Вскоре они получили и выход на побережье Адриатики, что было одной из главных целей их внешней политики. В 1382 г. в состав владений Габсбургов был включен Триест, до этого являвшийся независимой коммуной.

Соперниками Габсбургов в деле объединения под своей властью восточноальпийских земель выступили графы Цельские, которые стали усиливаться со второй половины XIV в. В первой половине XV в. графы Цельские, имевшие, как уже говорилось выше, владения в Штирии,

[1] Пржемысл II и Роман были женаты на двух последних представительницах рода Бабенбергов и имели равные юридические права на бабенбергские земли.

Крайне, Каринтии, Венгрии и Славонии, предприняли попытку объединить под своей властью славянские земли на юго-востоке империи. Но после того, как в 1456 г. последний граф Цельский был убит венгерскими феодалами, Габсбурги смогли, наконец, стать владельцами всей Штирии, Каринтии и Крайны.

В борьбе с крупными феодалами Габсбурги опирались на средних и мелких землевладельцев, которым давали различные привилегии. В связи с этим ко второй половине XV в. во внутренней жизни словенских земель все более возрастает роль сословных собраний. Все чрезвычайные налоги могли взыскиваться только с их разрешения. Сословия собирались по отдельным землям. Но иногда происходили общие собрания сословий земель Штирии, Каринтии и Крайны, которые решали важные политические вопросы. Первые общие собрания представителей дворянства Штирии, Каринтии и Крайны относятся уже к XIV в. В 90-х гг. XV в. эти земли образовали так называемую Внутреннюю Австрию. Они были теснее связаны друг с другом экономически и политически, чем с остальными габсбургскими владениями. В конце XV в. император Максимилиан I провел ряд административных реформ с целью централизации управления. Все его владения были разделены на Нижнеавстрийские земли, в состав которых входила и территория, населенная словенцами, и Верхнеавстрийские земли. Каждая из этих частей имела собственное правительство и независимую от него финансовую камеру. Оба правительства и обе камеры подчинялись дворцовому совету и дворцовой казне. Таким образом, можно говорить о преодолении феодальной раздробленности в собственно габсбургских землях уже к концу XV в.

В 1408 г. турки совершили набег на словенские земли. Это была первая весть о той страшной опасности, которая нависла над Словенией с начала XV в. и грозила ей более двухсот лет. Правда, после 1408 г. турецкие набеги какое-то время не повторялись. Но во второй половине XV в. турки с новой силой обрушились на словенские земли. В период с 1469 по 1483 г. их походы происходили ежегодно, а иногда и по нескольку раз в год. Османы грабили и разоряли Словению, убивали и уводили в плен ее жителей. В результате этого резко сократилось население словенских земель.

Турецкие вторжения привели также к росту налогового гнета, еще более ухудшившего и без того крайне тяжелое положение крестьян. Особенно усилилось их недовольство в связи с введением для борьбы с турками поголовного налога в 1470 г. и недельного побора («пенез») в 1475 г. Налоги эти взымались даже с детей и нищих. Но собранные деньги часто шли в карман феодалам, а не на оборону от турецких набегов. Кроме того, в середине XV в. установился новый порядок набора в армию. Хотя основную ее силу составляли наемники, однако каждая земля должна была в случае необходимости выставлять свое ополчение: конницу от дворянского сословия и пешие отряды от крестьян (каждый тридцатый, двадцатый, пятнадцатый, десятый или даже пятый мужчина). Крестьянское ополчение носило наименование черного войска. Участие крестьян в боях с турками, возможность иметь в доме оружие — все это давало в их руки значительную силу, которая могла быть легко обращена и против вековых угнетателей — феодалов.

В 1476 г. турки совершили один из самых опустошительных набегов на словенские земли. В течение четырех месяцев они занимались грабежами, не встречая сопротивления со стороны властей. Это послужило толчком к организации в Каринтии «крестьянского тайного союза», к которому присоединились также некоторые горняки и ремесленники. Основную свою задачу члены союза видели в организации обороны от турок. Союз приступил для этого к закупке оружия на специально собран-

ные средства. В марте 1478 г. он поднял восстание, которое вскоре охватило большую часть южной Каринтии, населенной преимущественно словенцами. Повстанцы намеревались предоставить союзу право определять размеры военных налогов и производить их сбор, взять в свои руки судебную власть, а также исполнять некоторые другие административные функции. При этом они питали иллюзии, что император одобрит их действия. Между тем Фридрих III Габсбург предложил феодалам начать подготовку к подавлению восстания; однако, пока она проводилась, в Каринтию вторгся 30-тысячный турецкий отряд, разгромивший повстанцев.

Опасность турецкого завоевания, усилившаяся во второй половине XV в., не помешала императору Фридриху III вступить в упорную борьбу с венгерским королем Матьяшем Корвином за земли на юго-востоке Германской империи, в том числе и Словению. Восточноальпийские области ненадолго вошли в состав Венгерского королевства. Но в 1490 г. после смерти Матьяша Корвина они вновь отошли к Габсбургам, которые в 1500 г. наследовали и Горицу. После битвы при Мохаче (1526 г.) Габсбурги присоединили к своим владениям вместе с Венгрией и Прекомурье (область к югу от реки Муры).

Таким образом, уже в первые десятилетия XVI в. почти все земли, населенные словенцами, были объединены под властью Габсбургов. Штирия, Каринтия и Крайна с Горицей и Приморьем вошли в состав так называемой Внутренней Австрии. Лишь небольшая территория Венецианской Словении и населенные словенцами области в северо-западной части Истрии оказались под властью Венеции, которая владела ими вплоть до наполеоновских войн

ГЛАВА 14

КУЛЬТУРА

Период XII—XV вв.— новый этап в культурном развитии югославян. В это время достигли полного расцвета средневековая письменность, литература и искусство этих народов, появились начатки естественнонаучных знаний. Новый этап в развитии письменности выразился в том, что наряду с письменностью религиозного и делового характера в это время стали создаваться повествовательные произведения светского содержания. Постепенно выделилась особая область письменности, которая превращалась в художественную литературу. Появились талантливые писатели, оказавшие влияние на весь ход культурной и литературной жизни своих народов, разработавшие жанры и обогатившие язык письменности. Эта последняя развивала свои самобытные черты и все шире отражала историю и быт югославянских народов, содействовала развитию их патриотического самосознания. В формирующейся литературе все более проявлялись элементы художественного творчества. Она становилась литературой в собственном смысле этого слова, переставая быть только соединением религиозно-легендарного и исторического повествования с богословскими моралистическими рассуждениями.

Подъем культуры сказался и в появлении в области искусства самобытных школ и направлений, в самостоятельном художественном освоении господствовавших тогда в Европе стилей искусства.

В XIII—XIV вв. наибольший подъем переживает культура Сербии, превратившейся в это время в мощное славянское государство на Балканах. У народов, лишенных своей государственности, например словенцев, культурное развитие было затруднено, но и они создали много ценного в области искусства.

В завоеванных турками или подвергавшихся турецким набегам областях с конца XIV и особенно в XV в. культурное развитие замедляется. Зато в городах на Адриатическом побережье, находившихся в тесной связи с развитыми в культурном отношении европейскими государствами, и в первую очередь с Италией, в XV в. наблюдается расцвет литературы и искусства, основой чего был экономический подъем этих городов. Во второй половине XV и особенно в первой половине XVI в. здесь поднимается волна культурного движения, тесно примыкавшего к итальянскому Возрождению.

В XII—XV вв. образование полностью сосредоточивалось в руках духовенства. Школы обычно существовали при монастырях. В них монахи обучали грамоте, классическим языкам и богослужению детей, главным образом готовившихся к церковной деятельности. В тех югославянских землях, где господствовал католицизм, в школах прежде всего преподавались начала латинского (а в Словении — и немецкого) чтения и письма.

Уже в конце XII—XIII вв., когда сербы стали быстро укреплять свое государство, у них появилось большое число образованных («книжных») людей, знавших и иностранные языки. Их имена сохранились на многочисленных рукописях, переписанных ими. Такие люди использовались в государственном аппарате, вели дипломатическую переписку, составляли юридические акты и летописи при дворах королей и воевод, работали в монастырях, которые в это время стали центрами сербской культуры, имевшими богатые библиотеки (например, Дечаны). Большое значение имела деятельность сербского монастыря на Афоне Хиландара, основанного Неманей и его сыном Саввой в 1198—1199 гг. В распространении письменности важную роль играли монастыри, находившиеся в самой Сербии, — Студеница, Жича, Милешево, Грачаница, Дечаны и др. Расцвет письменности в это время отмечают сохранившиеся записи: «...мнози начеше книги и повести деяти...» (1202 г.).

Памятники письменности в Сербии XII—XV вв. многочисленны и разнообразны. При преобладании религиозных сочинений (богослужебные сборники, евангелия), в это время получили распространение актовые документы, родословы и летописи. В лучших памятниках письменности (например, в сочинениях Саввы и Стефана Первовенчанного) нашли выражение передовые идеи того времени: идея борьбы с феодальными междоусобиями, идея мира как необходимого условия процветания отечества. В них нашла также отражение тенденция укрепления власти династии Неманичей. Памятники письменности XII—XV вв. отразили своеобразие общественных отношений, роль церкви, характер культуры. А в памятниках XV в. появляются предупреждения о серьезной опасности для государства со стороны продвигающихся на Балканы турок.

Распространенным видом произведений сербской письменности были жития — жизнеописания святых. Популярность этого жанра основывалась на том, что сербская церковь для укрепления авторитета нуждалась в своих собственных святых. Сербские жития представляли собою самобытное явление: они отличались от обычных житий святых, широко известных в религиозной литературе, более обстоятельным изображением исторических событий и картин жизни. Сербские жития совмещают в себе достоинства ценного документального и художественного произведения.

Автором первого жизнеописания был сербский архиепископ Савва (около 1174—1235 гг.), который в составленные им правила жизни (типик) Студеницкого монастыря включил житие его основателя — своего отца Стефана Немани, принявшего в монашестве имя Симеона. Савва прославляет Неманю за его религиозные подвиги, описывает последние годы его жизни и смерть. Рассказывая о похоронах Немани, он упоминает, что отдать последний долг основателю Сербского государства прибыли представители многих народов, в том числе «руси». Своей многосторонней литературной деятельностью (сочинениями, собиранием книг, советами переписчикам) Савва положил начало целой школе писателей и способствовал развитию сербской письменности. За ним следовали его брат Стефан Первовенчанный, иеромонах Хиландарского монастыря Доментиан, монах того же монастыря Феодосий, архиепископ Данил и др.

Стефан Первовенчанный написал «Житие св. Симеона» (1216 г.), в котором поставлены важнейшие вопросы политики и жизни Сербского государства конца XII — начала XIII вв., описана деятельность Немани не только как религиозного подвижника, но и как правителя. В этом произведении нашли выражение и патриотические, и династические интересы автора. Он представляет Неманю как мудрого правителя, освободителя и объединителя сербских земель, борца против богомилов, отмечает факт сожжения их «нечестивых книг». Стефан Первовенчанный стремится показать Неманю как хранителя мира и спокойствия, стража справедливости, правителя, любимого народом. Сочинение Стефана по сравнению с сочинениями Саввы отличается более пространным повествованием об исторических событиях и тем, что в нем немало описаний чудес, часто вводятся библейские цитаты и риторические рассуждения, не мешающие, впрочем, живости изложения и ясности стиля.

Доментиан — автор обстоятельного жизнеописания архиепископа Саввы (1253 г.); оно самостоятельно по материалу и композиции, но тяжело по стилю: язык его перегружен византийской риторичностью. Доментиан охватывает всю жизнь Саввы от его рождения до смерти, его борьбу за самостоятельность сербской церкви и государства. Жизнеописание Саввы составил и Феодосий (конец XIII — начало XIV в.), переработавший труд Доментиана, исключив из него риторику, цитаты и рассуждения и придав повествованию картинность и драматизм. Феодосий был одаренным художником слова и стилистом. Показательно, что его произведение переписывалось и в Болгарии, и на Руси. Оно оказало влияние на возникновение в народной поэзии песен о Савве.

Архиепископ Даниил (умер в 1337 г.), советник королей Милутина, Драгутина и Стефана Дечанского, создал большой труд — «Жития королей и архиепископов сербских», который был продолжен его учениками: они дополнили этот труд житиями Стефана Дечанского, Стефана Душана и самого Даниила. Это произведение ценно как исторический источник: оно дает описание важных событий, характеристики королей и вместе с тем отличается живым и увлекательным рассказом. Наиболее ярки и богаты фактами описание жизни короля Милутина, составленное Даниилом, и биография Стефана Дечанского, написанная одним из учеников Даниила.

Во второй половине XIV в., несмотря на жестокие междоусобицы и тяжелую борьбу с турками, литературная жизнь в Сербии не замерла. Но особого расцвета она достигла в начале XV в. при деспоте Стефане Лазаревиче, деятельном поборнике просвещения. Стефан окружил себя широко образованными людьми, среди которых были и выходцы из Болгарии Григорий Цамблак (1364—1419 гг.) и Константин Философ или Костенчский (умер около 1433 г.). Первый составил «Житие Стефана Дечанского», риторическое и тенденциозное в защите этого короля и в осуждении Душана.

Константин Философ создал памятник большой исторической и литературной ценности — «Житие Стефана Лазаревича» (около 1433 г.), в котором, помимо жизнеописания деспота, дал характеристику сербских земель, состояния деспотовины и ее отношений с соседними странами. В этом произведении впервые приводятся рассказы о Косовской битве, о подвиге Милоша Обилича (без упоминания его имени) и о гибели короля Марка.

Константин заведовал библиотекой Стефана Лазаревича и руководил школой переводчиков и переписчиков в монастыре Ресаве, почему школа и получила название ресавской. Он составил руководство для писцов и переводчиков и сделал в нем попытку установить нормы сербско-славянского письменного языка («Сказание о письменах»). Ресавская школа и

реформа Константина оказали влияние на дальнейшее развитие всей южнославянской и русской письменности.

В начале XV в. в Сербии, кроме житийного, развиваются и другие жанры литературы, например жанр «похвал», богатых жизненными деталями и обычно высоко поэтических. Особенно много похвал было сложено в честь князя Лазаря после его гибели на Косовом поле. Глубоким лиризмом, задушевностью и яркостью отличается похвала князю Лазарю, вышитая позолоченной серебряной нитью на красном шелковом покрове его гроба первой сербской женщиной-писательницей монахиней Ефимией — вдовой погибшего в битве на Марице деспота Углеши. В этой похвале Лазарь представлен как защитник «отечества своего» и «мученик».

Евангелие. Сербская рукопись XV в.
Рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина

Литературной деятельностью занимался и сам деспот Стефан Лазаревич. Его перу принадлежит поэтическое произведение «Слово о любви». По одним предположениям он посвятил его своей сестре, выданной за султана Баязида, по другим — своей невесте-гречанке, долгое время ожидавшей его возвращения из военных походов. Автор, обращаясь к «юношам и девушкам», говорит о силе любви, уничтожающей несогласия и вражду, напоминает о прелести жизни и ее быстротечности. В «Слове о любви» звучит большое, искреннее чувство, особенно там, где автор говорит о своем страстном желании вновь встретиться с той, которой посвящено его сочинение.

Значительное место в сербской литературе занимали переводные произведения, которые при переводе перерабатывались. Наиболее популярны были византийские апокрифы и повести. И те, и другие воспринимались читателями как достоверные рассказы о прошлом, хотя заключали в себе немало фантастических приключений их героев. На апокрифах лежит печать демократизма, в них значительны следы устно-поэтического стиля. Характерно, что в апокрифах в результате их переработки на болгарской и сербской почве отразились воззрения богомилов, средневековые народные представления о мироздании, о религии как защитнице бедных, угнетенных и страдающих («Хождение богоматери по мукам»). Апокрифы в свою очередь оказали влияние на народное творчество (песни «Огненная Мария в аду», «Святые делят мир», «Царь Дуклиян»).

Любимым чтением был также «Физиолог» — своеобразная энциклопедия знаний средневекового человека о природе, дававшая религиозно-нравоучительное и аллегорическое истолкование поведения реальных и вымышленных животных. В «Физиологе» отражены древние языческие представления о природе, переработанные христианством. Он оказал

значительное влияние на образность средневековой письменности, на иконографию и орнаментику.

Среди произведений, переведенных из византийской литературы, значительное место занимали повести и романы: роман о Троянской войне, роман об Александре Великом, где жизнь Александра изображалась с большой долей фантастики, а сам он представлялся как милосердный к побежденным и справедливый правитель. События его жизни связывались в цепь увлекательных приключений. Популярна была повесть о Феофане-корчмарке, отражающая атмосферу дворцовых заговоров в Византии. Своеобразна пародия на жития святых — «Муки блаженного Гроздия», в которой высмеяны нравы духовенства. Из западной литературы были переведены роман о Тристане, роман о Ланцелоте (тексты их не сохранились) и роман о Бове из Антоны.

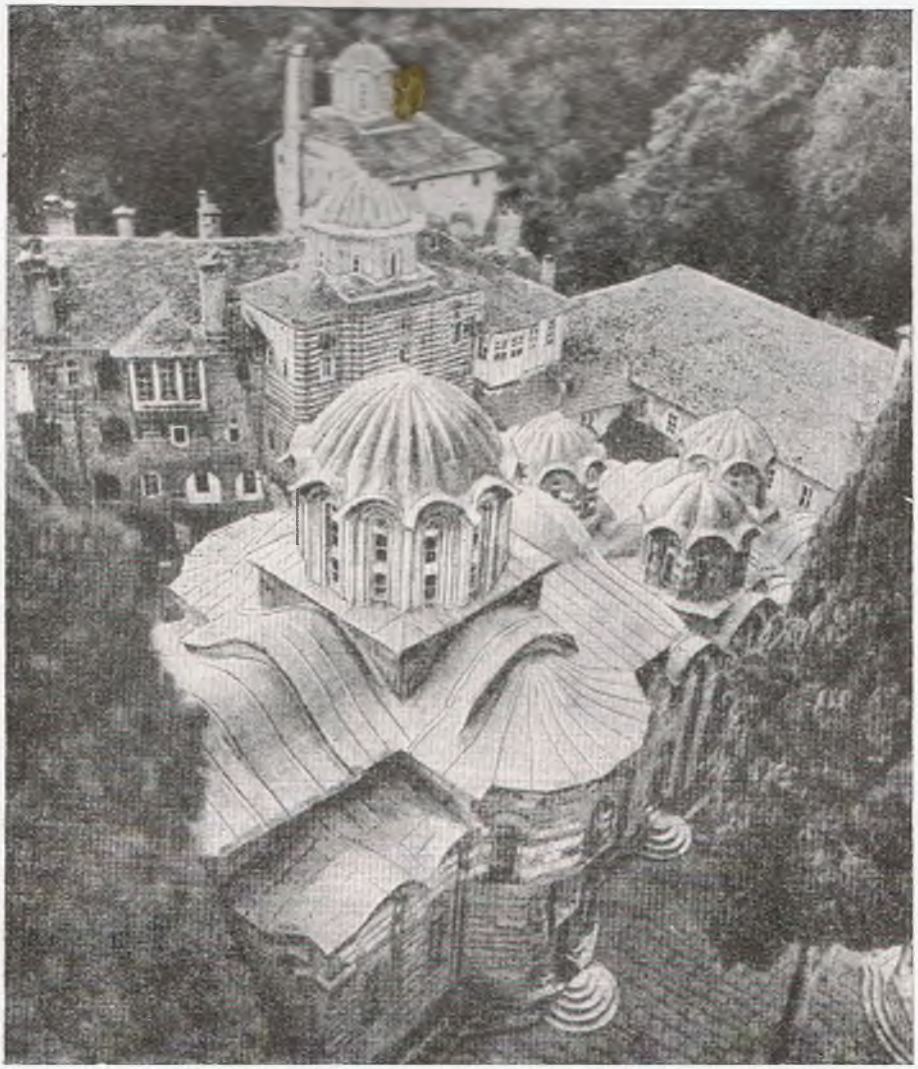
В XIII—XV вв. язык оригинальной и переводной сербской письменности постепенно приобретал богатый словарь, яркую образность, вырабатывал различные стилевые манеры соответственно разнообразию жанров. Так, торжественный, витиеватый стиль был свойствен религиозным сочинениям, более простой и деловой — документальным, яркий и картинный — повествовательным.

В Македонии сохранялись традиции письменности, созданной учениками Кирилла и Мефодия. Но в XIV в., после того как Македония вошла в состав Сербского государства, в письменности стал употребляться старославянский язык сербской редакции, т. е. включавший в себя элементы сербского языка. В Македонии были известны в списках религиозные сочинения и переводные произведения.

Большое значение для развития письменности южных славян, находившихся в сфере влияния восточной церкви, имели связи с Русью, установившиеся еще в период раннего средневековья, расширившиеся и укрепившиеся в XIII—XV вв. Сербско-русские связи, как и болгаро-русские, представляют собой процесс взаимовлияния и взаимообогащения. Важную роль в поддержании культурных связей южных славян с русскими выполнял Афон («Святая гора»), ставший в период средневековья межславянским культурным центром православного Востока. Здесь в 1080 г. был основан русский монастырь святого Пантелеймона. Русские люди, главным образом монахи, нередко посещали Афон, а сербские монахи заходили на Русь. Афон и затем русская колония в Константинополе, существовавшая там с XI в., много содействовали поддержанию культурных связей сербов и русских, проявлявшихся особенно сильно в письменности и литературе. Переводы русских произведений на сербский язык и сербских — на русский и их переписка были нередко плодом совместной работы русских и сербских образованных людей.

По преданию, ко двору Стефана Немани пришел русский монах, вместе с которым Савва ушел на Афон и стал изучать там книги в богатой библиотеке русского монастыря, где и принял монашество. Русскую письменность хорошо знали сербские писатели Доментиан, Феодосий и Даниил. В «Житии св. Симеона» Доментиана сильно влияние «Слова о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона, которое было популярно в Сербии как сочинение, защищавшее православие. Известны сербские списки XIII—XIV вв. «Жития Феодосия Печерского» Нестора, службы св. Борису и Глебу митрополита Иоанна, «Притчи о белоризце» Кирилла Туровского, сборника «Пчела», «Повести об Акире Премудром». Немалое число произведений древнерусской письменности сохранилось именно в сербских списках.

В древней Руси были известны многие церковно-канонические сочинения и жития, а также апокрифы, переведенные с греческого в Сербии и Болгарии. На Руси были переписаны и переработаны «Житие Стефана



Хиландарский монастырь на Афоне

Лазаревича» Константина Философа, «Жизнеописание королей и архиепископов сербских» Даниила и его продолжателей, романы и повести о Трое, об Александре Македонском, о Бове (в переводе последней есть пометка: «из сербских книг»), о Стефаните и Ихнилате, а из Далмации перешли на Русь «Сказание об Индийском царстве», которое оказало влияние на былину о Дюке Степановиче, и «Повесть о двенадцати снах Шахаши», называвшаяся в русских списках «Повестью о снах Мамера». Южнославянское влияние значительно обновило русскую письменность, расширило состав ее памятников, обогатило жанры и стили, оживило литературную деятельность.

Южнославянское влияние на русскую письменность усилилось в XIV—XV вв. (так называемое второе южнославянское влияние на Русь). В это время, в связи с турецким завоеванием, на Украину и на Русь эмигрировало много духовных лиц и образованных людей из Болгарии и

Сербии. Среди них были Григорий Цамблак, впоследствии митрополит киевский, Пахомий Логофет (Пахомий Серб) и другие. Их литературная деятельность отразилась на развитии русской культуры. Под сильным южнославянским влиянием оказалась созданная в это время в Северо-Западной Руси новая литературная школа. Сочинения выходцев из южнославянских земель были весьма популярны. Характерно также, что события, происходившие на Балканах в XIV—XV вв., находили отражение в русской литературе. Например, турецкое завоевание сербских земель описано в так называемом «Русском хронографе», содержащем сведения по всемирной истории (глава «Царство сербское и о запустении его»). Основа этого хронографа была составлена примерно в 1442 г. Пахомием Логофетом. Главной идеей хронографа была мысль о всемирном значении Русского государства, на которое стали возлагать надежды порабощенные турками славяне Балканского полуострова. Русский хронограф использовался впоследствии для составления хронографов в Сербии.

Если Сербия и Македония в XII—XV вв. испытывали на себе сильное византийское влияние, а также имели довольно тесные связи с Русью в области письменности и литературы, то населенные югославянами западные области Балканского полуострова находились в это время во взаимодействии с западной культурой. Лишь Боснийское государство оказалось в известной культурной изоляции, хотя в некоторой мере на него влияли и Запад, и Восток.

Письменность в Боснии не получила в этот период большого развития. Это очевидно, объясняется и острой религиозной борьбой, и отсутствием монастырей как культурных центров. Наиболее старые памятники письменности Боснии относятся к концу XII в. Для них характерно употребление двух азбук: и глаголицы, и кириллицы, которая имела и особый свой вариант (так называемая босанчица). Так, грамота бана Кулина от 1189 г. написана кириллицей (на народном языке), а отрывок из жизни апостолов (конец XII — начало XIII в.) — глаголицей. Из боснийской литературы XII—XV вв. не сохранилось самостоятельных произведений, известны только богослужебные книги.

Письменность в хорватских землях, как и в Сербии, получила в XII—XV вв. дальнейшее распространение и развитие. Это проявилось в создании целого ряда культурных центров, где переводились и переписывались книги, в более оживленной, чем раньше, литературной деятельности, в расширении сфер использования письменности.

В хорватских землях официальным языком и языком католической церкви был латинский. Священники-глаголяши противопоставляли ему и глаголическую традицию, и живой народный язык.

Под влиянием священников - глаголяшей в Хорватском Приморье, на некоторых соседних островах (например, на о-ве Крк) и в Истрии глаголица на протяжении XII—XV вв. продолжала употребляться не только в богослужении, но и в надписях, юридических документах, например в Винодольском законе 1288 г. Глаголическая письменность сыграла важную роль в развитии хорватской культуры, послужив основой последующей литературы и способствуя сохранению ее самобытности. Она имела относительно демократический характер, поскольку была достоянием сельских священников, стоявших близко к народным массам.

Глаголица не была единственной распространенной в хорватских землях азбукой. С XII—XIII вв. там употреблялась и босанчица, а с XIV в. — латиница, которая под влиянием культуры богатых приморских городов постепенно вытеснила другие азбуки и использовалась обычно в юридических и деловых документах, писавшихся на народном языке. В приморских городах старославянский язык не имел распространения; по

в селах Приморья, а иногда и на славонской территории он употреблялся в богослужении и письменности.

От XII—XV вв. сохранилось значительное количество памятников хорватской письменности. В это время все чаще появлялись произведения светского характера, в которых отражались правовые отношения, быт и нравы, история городов. Такова хроника Фомы Сплитского (1200—1268 гг.), написанная в середине XIII в. на латинском языке и являющаяся ценным историческим источником.

Церковно-религиозные произведения занимали основное место и оказывали влияние на прочую литературу и даже на народное творчество. Влияние христианского культа в литературе, как и прежде, сказалось в распространенности таких жанров, как апокрифы, легенды и видения, нравоучительные сочинения с религиозной моралью. В апокрифах и легендах было ярко выражено литературно-художественное начало. Некоторые из них напоминают романы приключений. В легенде «Чудеса славной девы Марии» богородица помогает влюбленной монахине, вору и королевне, которую преследует мачеха. Фантастика и мистика господствовали в «видениях». «Тундалово видение» — рассказ о рыцаре, душа которого скиталась между адом и раем. Такого рода литература свидетельствовала, что религиозная мистика глубоко проникла в письменность. Религиозное морализирование характерно и для дидактической литературы («Люцидарий», «Книга Катона Мудрого», «Цвет добродетели»).

Из переводной литературы, кроме романов и повестей, в хорватских землях распространились стихи религиозного характера. Это были молитвы, духовные гимны, легенды, как Шибенская молитва (1387 г.) или песнь о св. Георгии, представляющая собою обработку житийного мотива борьбы Георгия Победоносца с драконом. Но были и сатирические песни о пороках духовенства. Песня «Мир погибает, солнце заходит» — острое обличение; здесь духовные лица представлены как лицемеры, обманщики, слуги дьявола.

Кардиналы, епископы, аббаты
Думают, бога забыв, лишь о злате.
Тот не услышит от них слова святого,
Кто не принесет им денежного куша большого.

Стихи светского содержания иногда вставлялись в религиозные произведения или записывались на полях документальных памятников, как записана песня «Я один остался средь морской пучины». В некоторых песенных отрывках уже проглядывает зарождение любовной лирики. Все это свидетельствует об обогащении духовного мира человека и о постепенном развитии искусства его художественного воплощения.

Весьма важным явлением и своеобразной особенностью хорватской литературы этого времени, отличавшей ее от других югославянских литератур, было зарождение и развитие в ней религиозной драмы. Это обусловлено тем, что в отличие от православной, католическая церковь не запрещала театральные представления, а, напротив, использовала их в своих целях. Этот род произведений возникал на основе драматических элементов церковного богослужения, но в то же время впитывал в себя и опыт античной, итальянской и немецкой драмы, так называемых мистерий и мираклей. Драма впервые появилась в приморских городах. Из Задара она распространялась на север и на юг. Наиболее популярны были драмы «Рождение Иисусово», «Муки Иисусовы», «Воскресение Иисусово», а также драматизации житий — «Муки св. Маргариты» и «Житие св. Лаврентия». По своей форме они были стихотворными, а по композиции повествовательными: о событиях в них обычно рассказывалось,

драматическое действие не было еще развито. Впоследствии представлялись в церквах, а впоследствии на площадях городов и сел. Это обстоятельство было основой их постепенной демократизации и вбирания ими фольклорных мотивов, комических и сатирических элементов.

Культура словенского народа в XII—XV вв. отличалась от культуры сербского и хорватского народов тем, что словенцы в это время еще не имели своего литературного языка. Немецкое дворянство и католическая церковь, господствовавшие в стране, пользовались немецким языком как языком администрации и судов и латинским как языком богослужения. Поэтому и памятники письменности, сохранившиеся от XII—XV вв., — это деловые бумаги и религиозные сочинения на немецком и латинском языках. Центрами религиозной письменности были монастыри. В некоторых из них существовали школы переписчиков со своими традициями (монастырь Стична около Любляны). Здесь переписывались сочинения энциклопедического и религиозного характера. В монастырях велись и исторические хроники на немецком языке. Таковы Каринтийская хроника (вторая половина XV в.) священника Унреста и Цельская хроника неизвестного монаха-францисканца.

Собственно словенских произведений от этого времени не сохранилось. Словенские тексты дошли до нас только как записи в латинских и немецких рукописях. Так, например, в Целовецкой рукописи, которая датируется примерно 1362—1390 гг., содержатся записи молитв и песнопений (Отче наш, Гимн деве Марии, Символ веры), вероятно переведенных на словенский ранее, о чем свидетельствует их язык. Записи стихотворных строк на словенском языке в немецких рукописях говорят о наличии словенских поэтических произведений, которые, с одной стороны, были близки трубадурской лирике, а с другой, содержали следы образности народной поэзии.

Как и в раннее средневековье, в XII—XV вв. народные массы Сербии, Хорватии, Далмации и Словении выражали свои думы и настроения, нужды и стремления, удовлетворяли свои художественные запросы, создавая песни, сказки, сказания и пословицы. Это творчество крестьян и горожан в некоторой мере испытывало на себе воздействие культуры феодальных кругов и церкви, что сказалось и в образности, в популярности религиозных мотивов в песнях и балладах.

Несмотря на преследование со стороны церкви, в народе продолжали жить замечательные обрядовые и трудовые песни. Устно-поэтическое творчество хранило значительные следы языческих верований. Распространены были сказки волшебного характера. Народная поэзия широко отражала бытовые обряды и обычаи — свадьбы, похороны, побратимство, почитание предков — в связанных с ними песнях.

Новым и важным явлением сербо-хорватского народного творчества XII—XV вв. было развитие и распространение эпических песен. Этот процесс прошел две ступени: сначала возникли песни бытового и религиозного содержания, отразившие своеобразие социальных отношений и быта феодального общества, хотя одновременно с ними складывались и героические песни. А затем, с началом борьбы с турецким нашествием и владычеством, стали создаваться и постепенно заняли первое место в эпосе юнацкие, т. е. богатырские, героические песни. Они сложены народными певцами часто вскоре после изображаемых в них событий.

Южнославянский эпос создан при творческом сотрудничестве всех балканских славян. Эпическим песням южных славян свойственны общие сюжеты, в основе которых лежат события борьбы с турецким нашествием и гнетом, общие герои (Момчил, Марко, Новак), общие выразительные средства и стих, так называемый десятисложник. И вместе с тем эпос каждого народа имеет свои самобытные черты.

Портал собора в Трогире. XIII в.

Сербо-хорватский эпос — исторический в своей основе. Несмотря на наличие анахронизмов, фантастики и гиперболизации, в нем содержатся и исторически верные сведения. Насколько об этом можно судить по произведениям, записанным только в XIX в. и время возникновения которых неизвестно, песни ярко изображали особенности феодальных отношений, политического строя и культуры своего времени. В одной из песен Стефан Душан говорит:

Обуздал я воевод строптивых,
Подчинил их власти нашей царской.

В песнях выражаются мысли о необходимости поддержания государственного единства, о служении правителей народу. Стефан Дечанский, умирая, завещает сыну:

Береги народ, как свою голову.

Ярко изображают песни феодальный быт, отношения князя и его дружины, походы, битвы и поединки, военные состязания.

Эпические песни состоят из докосовского и косовского циклов и цикла песен о Марке Кралевиче.

Докосовский цикл посвящен событиям времени правления Неманичей. Песни носят религиозную окраску и рассказывают о «святых делах» и «праведной жизни» сербских правителей, в них осуждаются феодальные раздоры и междоусобицы.

Второй цикл связан с Косовской битвой и повествует о ее героях. Уже современники этой битвы создали вокруг нее легенды, сказания и песни, которые имеют трагический характер. Их действующие лица — князь Лазарь, его жена Милица, Милош Обилич, Вук Бранкович, которого песня без исторических оснований считает изменником, и другие сербские феодалы.

Третий цикл содержит песни, посвященные основному герою эпоса балканских славян — Марко Кралевичу, королю Марко, сыну Вукашина, наделенному в песнях богатырскими качествами. В согласии с историей, он изображается вассалом турецкого султана. В то же время Марко преследует турок как врагов своего народа. Нежелание Марко покориться завоевателям выражает настроения всего народа. Марко на своем чудесном коне Шарце совершает героические подвиги, побеждает вражеских юнаков, освобождает пленных, восстанавливает справедливость.

Сербо-хорватский эпос — ценнейший памятник средневековой культуры. Он свидетельствует о высоком уровне исторического мышления народа, дает яркое художественно обобщенное изображение судеб родной земли, отличается большой содержательностью сюжетов и образов, замечательным мастерством поэтического слова.

Самостоятельно развивалось в XII—XV вв. устно-поэтическое творчество словенцев. В нем в XIV—XV вв. широко распространились эпические песни о борьбе с турками, где действуют король Матьяш Корвин, Марко Кралевич и турки. Насилия турок, угон ими в плен людей, спасение их героем — обычный сюжет песен («Брат находит сестру», «Несчастная невеста»). Популярными становятся и песни с легендарными и сказочными мотивами, например песня о монахе и райской птице, а также баллады с трагическими сюжетами. Но и в тех, и в других произведениях постепенно усиливались мотивы, отражавшие реальную действительность, в частности социальные отношения (баллады «Мнимо мертвые» и «Молодой конюх»). Популярны мотивы встречи девушки с заморскими рыцарями, борьбы с неверными (басурманами), что является, очевидно,

отражением крестовых походов и начавшихся затем набегов турок. Важным разделом народного творчества словенцев были баллады и песни социального содержания, в которых говорилось о самоуправстве и насилиях дворян над крестьянами, о дворянской расточительности и даже безбожии («Графский садовник», «Графский паж», «Немилосердное дворянство», «Дворянин стреляет в распятие»). Наконец, существовало много видов обрядовых песен, связанных с сельскохозяйственными работами. Важное отличие этих песен — антифеодальная сатира.

Сведения о пении и музыке у сербов и хорватов весьма древни. Многие из них принадлежат представителям церкви, которая преследовала гусляров, актеров и скоморохов. В самом тексте рукописей, а часто в приписках к ним, сообщается о пении и «гуденин». Доментиан в «Житии св. Саввы» рассказывает о том, как люди при уходе Саввы в монастырь «складывали песни и их печально пели». Византийский писатель Никифор Григора слышал в Сербии героические песни во времена Стефана Дечанского. Григорий Цамблак сообщает о «победных песнях», сложенных в честь Стефана Дечанского — победителя в битве при Вельбужде.

Однако музыкальная культура югославян была еще примитивной. Она складывалась из пения, в котором совмещались словесный текст, напев и игра на музыкальных инструментах — свирелях, медных трубах, рожках, гуслях, тулумбасах. Благодаря культурному обмену с соседними народами музыкальные инструменты постепенно становились разнообразнее. К югославянам заходили и чужеземные музыканты и певцы, распространявшие музыкальную культуру других народов. По-видимому, уже в это время существовало сербское нотное письмо, время происхождения которого определить трудно. Оно рано приобрело графическое своеобразие, сохранявшееся вплоть до недавнего времени. Уже в период средневековья установились и русско-сербские музыкальные связи, чему также способствовал Афон. Доказательством этого служит хотя бы греческий ирмолог (сборник песнопений) XI—XII вв. с записью русских мелодий (так называемый Есфигменский кодекс).

Югославянская музыка сохраняла свое родство с общеславянской и в то же время вырабатывала свои особые черты. Так, героическим песням свойственны напевы, построенные на древних ладах, отсутствие равномерного тактового деления, речитативный характер мелодии, с течением времени приобретавшей распевность. В словенских песнях чувствуется влияние немецкого музыкального фольклора. В основе некоторых хорватских песен лежит так называемая истрийская гамма. Югославянская народная музыка диатонична. Для пения характерно двухголосие. Исключительно богата ритмика: сложные двухдольные и трехдольные, смешанные и периодически переменные размеры. Они связаны с архаическим музыкальным языком.

Большую роль играло церковное пение, которое в основном было греческим и оказало влияние на славянские напевы, в свою очередь вторгавшиеся в обрядовую музыку.

Планировка и архитектура населенных пунктов XII—XV вв. определялась оборонными и религиозными целями. Правда, до нашего времени сохранилось мало военных сооружений. Каменные замки и крепости приняли на себя основной удар в пору междоусобиц, войн, потрясений и дошли в очень разрушенном состоянии. Они строились, как правило, на возвышенных местах, имели неправильный план, соответствующий особенностям местности, и состояли обычно из каменных стен, одной или нескольких башен и капеллы или часовни. Башня часто служила и жилищем. Памятники гражданской архитектуры, получившей в этот период большое распространение в связи с ростом городов, также весьма малочисленны. Сельские и городские дома, строившиеся из непрочных

Церковь Богородицы в Студенице. XII в.

материалов, постоянно разрушались, горели и перестраивались. Сохранившиеся от XII—XV вв. югославянские памятники архитектуры и изобразительного искусства носят преимущественно церковный характер.

Наибольшего расцвета зодчество и живопись достигли в XII—XV вв. в Сербском государстве. Здесь строилось большое количество замков, церквей и монастырских комплексов. Последние включали в себя, помимо одного или нескольких храмов, также трапезные, библиотеки, жилые помещения и крепостные сооружения. Характерными были так называемые задужбины — монастырские церкви, построенные по заказу правителей, членов их семьи или крупных феодалов, «за душу» — во спасение души.

С конца XII в. в сербском зодчестве формируется единое направление, получившее название рашской школы. Для него свойствен своеобразный тип храма с вытянутым продольным нефом, увенчанным куполом на высоком барабане. Церкви строились из крупного хорошо отесанного камня, иногда облицовывались полированным мрамором разных цветов. Снаружи они украшались богатой каменной резьбой, помещавшейся обычно вокруг порталов и оконных проемов, а внутри

расписывались фресками. Одним из наиболее выдающихся памятников этой архитектурной школы является церковь Богородицы в Студенице, построенная в 1183—1191 гг. в качестве задужбины Стефана Немани. Это здание отличается большой гармонией составных частей. Исключительно богато скульптурное убранство храма. Несколько беломраморных рельефных поясов включает в себя в причудливом сплетении стилизованные фигурки зверей и птиц, мотивы растительного орнамента. К памятникам этой архитектурной школы относятся также церкви в Жиче (1220 г.), Милешеве (около 1235 г.) и Сопочанах (около 1262 г.).

С архитектурой и скульптурой рашской школы в это время заметно сближается зодчество Зеты, где техника каменного строительства и резьбы основывалась на богатом опыте мастеров из городов Адриатического побережья, которые, по-видимому, нередко принимали участие в строительстве храмов и во внутренних областях Сербского государства.

С начала XIV в. в архитектуре Сербского государства намечаются поиски новых форм, новых средств художественного выражения. Постепенно создается тип храма более тесно, чем ранее, связанный с византийской строительной традицией, с архитектурой македонских церквей. На смену базиликально вытянутым в направлении с запада на восток постройкам приходят сооружения с планом в виде вписанного креста, увенчанные одним или пятью куполами. Постройки производят впечатление большей собранности, сконцентрированности наружного объема. В качестве строительного материала все бо́льшую роль играет кирпич, используемый для создания определенного декоративного и красочного эффекта. Каменная резьба внешних стен заменяется фигурной выкладкой кирпича. Наиболее выразительным памятником этого типа является пятикупольная церковь монастыря Грачаницы (около 1318 г.), построенная для короля Милутина.

Во второй половине XIV в. широкое строительство в Сербии и Македонии замерло. Но непрерывная линия развития сербской архитектуры продолжалась в северных районах Сербии, где в XV в. возникла своя, так называемая моравская школа зодчества. Она исходила из архитектурных решений предшествующей эпохи, но внесла в свои постройки много нового, своеобразного: планировка осталась прежней, но концы вписанного креста с трех сторон выявлялись снаружи полукруглыми завершениями. Строения лишились прежней монументальности и цельности, однако приобрели более нарядный и праздничный характер. Стены зданий стали богато украшаться разнообразными узорами кирпичной кладки, лентами плоского рельефного фриза. Каменная резьба порой раскрашивалась. Среди памятников этой школы следует отметить церковь князя Лазаря в Крушевце (1370—1374 гг.) и церковь монастыря Каленича (1413—1417 гг.). Последняя имеет особенно богатый резной декор, обрамляющий ее порталы и стрельчатые окна восточного типа.

В Македонии значительное место среди памятников архитектуры занимают крепости, которые имели почти все крупные города. Некоторые из них были перестроены из городских укреплений, сохранившихся от римских времен, другие возведены заново.

От сербской гражданской архитектуры XIV в. сохранились укрепленные города (Призрен), дворцы сербских правителей (в Петриче), крепости (Звечан). Крепостное строительство в Сербии приобрело огромное значение в период турецкого наступления. Из построенных в это время крепостей особенно монументальное впечатление производит Смедерево (1428—1430 гг.), протянувшееся на большом расстоянии по низменному берегу Дуная. Высокие каменные стены этой крепости прерываются могучими квадратными башнями с зубчатыми завершениями.

Церковь в монастыре Грачаница. XIV в.

Изобразительное искусство в Сербии и Македонии достигло расцвета в XII—XV вв. Оно было представлено иконописью, имевшей ряд самостоятельных школ, высоко развитым искусством миниатюры и особенно монументальной живописью, давшей ряд памятников мирового значения. Стены церквей обычно покрывались циклами росписей, исполненных в технике фрески. Оставаясь в рамках канонических церковных сюжетов, в пределах традиционной византийской художественной системы, сербские и македонские мастера достигали большой силы эмоциональной выразительности, тонкой гармонии цвета и линий.

К XIII в. сложилась самостоятельная школа сербской живописи, обладавшая самобытным и ярким характером. В отличие от живописи предшествующего периода ей свойственны свободная и красочная манера письма, чистый и светлый колорит. В религиозных сюжетах расширился круг бытовых сцен, появились многочисленные портретные изображения. Художники умело передавали эмоциональное состояние изображаемых лиц. Портреты приобретали благодаря этому гораздо большие жизненность и реализм. Так, в громадной композиции «Успенье богоматери», из росписи церкви в Сопочанах представлена группа охваченных скорбью людей, на лицах которых переданы различные оттенки глубокой печали. В росписи Милешевской церкви изображены многие представители династии Неманичей; эти портреты исполнены, по всей вероятности, с большой близостью к оригиналу и наделены индивидуальными чертами.

Развиваясь далее, сербская живопись все теснее связывалась с реальной жизнью. Появились бытовые сцены, композиции становились все более динамичными и живыми, все больше черт сербской действительности стало проникать в церковные росписи. Сохраняя свою самобытность, фрески XIV в. во многих отношениях приблизились к лучшим

Церковь в монастыре Каленич. XV в.

образцам византийского искусства периода его последнего расцвета (так называемого Палеологовского возрождения XIV в.). Таковы росписи в церкви Богородицы Левишской в Призрене (около 1307 г.), в церкви Якима и Анны в Студенице (1313 г.).

В живописи Македонии в конце XIII — начале XIV в. известны авторы фресок Михаил и Евтихий. Большое распространение в Македонии, как и в Сербии, имела портретная живопись. Сохранились такие ценные образцы ее, как изображения севастократора Влатка с семьей (в Псаче) и Стефана Душана и его супруги Елены (в Леснове). Расцвет живописи в Македонии продолжался до середины XIV в. В начале XV в. там было обновлено и расписано несколько церквей.

В этот же период в Сербии и Македонии существовала и школа живописи, более тесно связанная с местными традициями. Фрески этого направления не столь утонченны, более простонародны. Они поражают смелостью своих композиционных решений, эмоциональной силой, выра-

женной в лаконичных обобщенных формах. Наиболее характерными образцами этого стиля является роспись Маркова монастыря (середина XIV в.).

Последнее значительное направление сербской монументальной живописи связано с архитектурой моравской школы. Оно представлено изысканно декоративными фресками монастырей Ресава и Каленич, в которых, однако, уже нет величественности прежних росписей и их эмоциональной силы.

Средневековая архитектура и живопись Сербии оказали заметное влияние на русское искусство. Это влияние особенно усилилось в XIV—XV вв., когда стали более тесными русско-сербские культурные связи и сербские мастера нередко работали в русских городах. Ими во второй половине XIV в. был расписан ряд новгородских церквей, например Спас на Ковалеве. Серб Лазарь построил в 1404 г. в московском Кремле часовую башню.

Девушки. Деталь фрески. Студеница

От средневекового искусства Боснии не сохранилось монументальных архитектурных сооружений. Но там было развито искусство миниатюры, наиболее ярким образчиком которого является «Хвалово евангелие». Некоторые миниатюры, по-видимому, создавались мастерами из приморских городов. Так, например, иллюстрированный «Миссал герцога Хрвои» (XV в.), где особенно интересно изображение герцога Хрвои на коне, был создан мастером из Сплита.

Своеобразные произведения искусства представляют собою патаренские каменные надгробия — стечцы, широко распространенные в Боснии. Надгробия украшались рельефными изображениями погребенных, сценами охоты, битв и богато орнаментировались.

Развитие изобразительного искусства и архитектуры средневековой Хорватии было связано прежде всего с приморскими городами, в которых велось большое каменное строительство. К концу XI в. относится формирование в архитектуре принципов единого стиля, близкого романской архитектуре Запада. Существование значительной традиции античного зодчества обусловило своеобразный характер романских построек далматинского побережья. Для них свойственна особая ясность и четкость планировки и наружного облика. Церковные здания имели базиликальную форму. Сооружения далматинской архитектуры отличаются соразмерностью частей, конструктивной четкостью и простотой. Таков, например, монументальный кафедральный собор в Задаре (1285 г.).

Большое значение в этот период получает скульптурный декор архитектурных сооружений, материалом для которого служили сначала дерево, а позднее камень и мрамор. Одним из первых значительных памятников деревянной резьбы в средневековой Далмации являются

Деталь фрески «Рождение Христа». Монастырь Сопочаны.

монументальные двери собора в Сплите работы мастера Андрея Бувины (1214 г.). Они включают в себя 28 сцен из жизни Христа, которые окружены богатой орнаментальной резьбой с фигурами зверей и птиц.

Выдающимся далматинским скульптором этой эпохи был мастер Радован, создавший в 1240 г. каменный резной декор портала собора в Трогире. Портал отличается исключительным богатством и разнообразием сцен. По обеим сторонам представлены обнаженные фигуры Адама и Евы — одно из наиболее ранних изображений подобного рода в средневековой скульптуре. В символических изображениях месяцев года мастер стремился показать характерные сценки повседневной жизни.

С XIV в. в архитектуре и скульптуре Далмации сказывается воздействие готики. Однако готика здесь не проявилась в конструкции и внешнем облике построек, использовались лишь отдельные элементы готического стиля, вроде стрельчатой арки, в качестве части декоративного оформления. С начала XV в. усиливается связь далматинской архитектуры и искусства с венецианской готикой. Изобразительное искусство и архитектура Словении были тесно связаны с культурой Центральной Европы. Памятники зодчества XI—XII вв. примыкают к романской архитектуре Запада. С XIII в. распространяется готика. Наряду с церковными постройками возводится большое количество крепостных сооружений (Жичс, Стична, Марибор, Птуй). Из всех видов искусств наибольшего развития в Словении достигла фресковая живопись. Во второй половине XIV в. выделяется живописец Иоанн Аквила. Новаторская черта его творчества — введение в церковные росписи автопортрета (фрески церквей в Велемере и Мартьянце).

Духовная культура XII—XV вв. характеризуется, кроме богатого расцвета искусств, и началом развития научных знаний.

Изучение природы в югославянских землях в средние века стояло на низком уровне. Представления о ней или носили мифологический характер, что было выражено в народных поверьях и песнях, или были фантастическими, как в популярной тогда книге «Физиолог». Но труд земледельцев и скотоводов давал народным массам богатый жизненный опыт и большие знания о природе, которые зафиксированы в устной поэзии, особенно в пословицах, а также в народной медицине. Наконец, из сочинений греческих, латинских и арабских ученых, труды которых переводились в монастырях, становились известными сведения по медицине, географии, астрономии. Естественно-научные знания приносили с собою и иноземцы, прежде всего медики, например Вилим Вариньянский, врач бана Младена Шубича (XIV в.), профессор Болонского университета.

Медициной занимались и духовные лица, обычно тоже иноземцы, как сплитский епископ Петр Ломбардский или загребский епископ Яков Пьяченский (XIV в.), имевший специальную библиотеку.

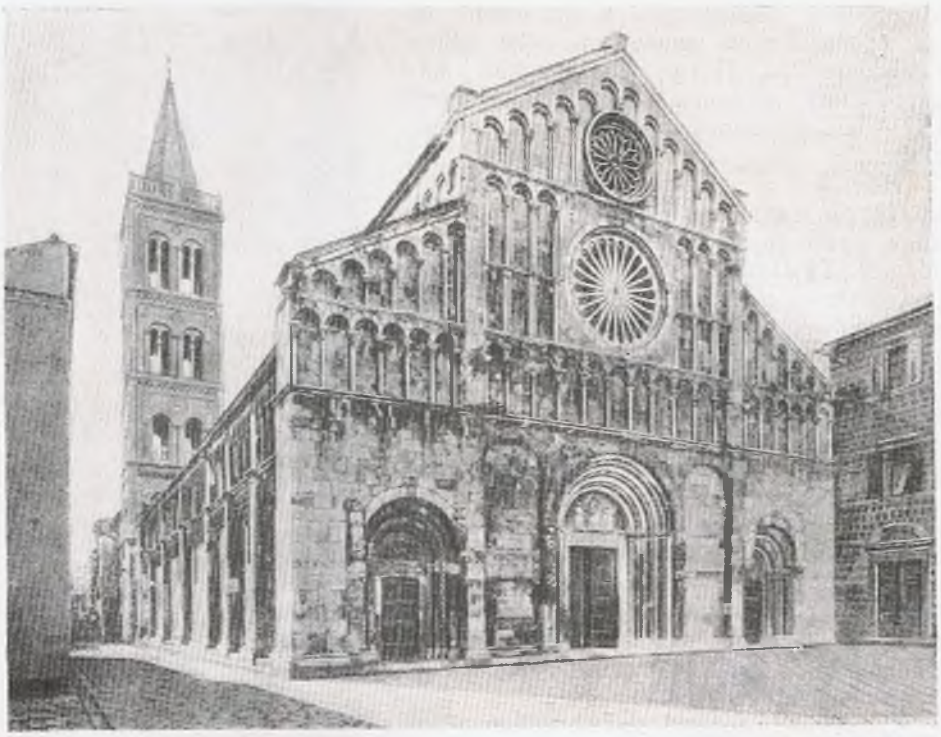
Новый этап в развитии средневековой культуры пришел в Европу с Возрождением и его новой гуманистической идеологией. Гуманизм был протестом против феодального и церковного гнета. Духовной диктатуре церкви деятели Возрождения противопоставляли светское мировоззрение, светскую культуру, реалистическое искусство, научные знания, основанные на опыте и изучении природы. В XIV—XV вв. в большей части югославянских земель еще не сложилось условий для возникновения гуманистического мировоззрения и новой культуры, но в городах Адриатического побережья они заметно проявились, чему способствовали тесные экономические и политические отношения с итальянскими городами и европейскими странами.

Стечак (намогильный камень) купца Милутина

Культура городов далматинского побережья и Дубровника своеобразна и самостоятельна. Последнему принадлежало ведущее место в развитии гуманистической литературы, искусства и образованности, за что этот город получил наименование «славянских Афин». В Дубровницкой республике уже в XIV в. существовала светская школа, которая в 1435 г. была реформирована: в ней были выделены низшее и высшее отделения, что способствовало расширению круга преподаваемых предметов и улучшению образования. Дубровницкие власти для преподавания в этой школе приглашали итальянских гуманистов. Дубровник стал и научным центром. В городе жило много ученых. Богатые дубровчане собирали обширные библиотеки, которые нередко передавали городской общине.

Свидетельством высокой культуры Дубровника является забота об улучшении санитарного состояния города. В XV в. там были построены канализация, водопровод, и поныне снабжающий город водой из близлежащих источников. Одними из первых в Европе дубровчане открыли у себя карантин (1377 г.), что в некоторой степени оберегало их от периодически вспыхивавших в то время эпидемий, а затем — больницу и аптеку.

В XV в. гуманистическое направление проявилось в науке, литературе и искусстве Далмации и особенно Дубровника. Из дубровницких писателей, находившихся под сильным влиянием античной классической литературы, известны Дживо Гучетич (1451—1502 гг.), Петр Менчетич (1451—1508 гг.) и Илья Црневич (1463—1520 гг.), провозглашенный в Риме лауреатом. Они писали преимущественно на латыни. Распространение гуманистического мировоззрения повысило интерес к культуре и истории своего народа, породило патриотические настроения, привело к употреблению в литературе не только латинского, но и родного языка. На народном языке, используя элементы народной поэзии,



Кафедральный собор в Задаре. XIII в.

писали наиболее выдающиеся дубровницкие поэты-лирики этого времени Джоре Држич (умер около 1500 г.) и Шишко Менчетич (1457—1527 гг.). Они сделали первые известные нам записи народных песен и в отредактированном виде 14 из них приложили к своему сборнику стихов. Их стихи близки к любовной итальянской лирике, но, несмотря на условность, они отражали свойственное людям этого времени мировоззрение и особенности быта. Появилась и эпическая поэзия, содержавшая патриотические мотивы. Так, Марко Марулич (1450—1524 гг.) в поэме «Юдифь» (1501 г.), написанной на библейский сюжет, нарисовал образ женщины, своим подвигом спасающей родной город от неприятеля.

Эпоха Возрождения в Далмации выдвинула ряд выдающихся творческих личностей, проявивших себя и в архитектуре, и в изобразительном искусстве. В творчестве архитектора Юрия Далматинца (умер около 1473 г.) выразились черты перехода от готики к ренессансу. Самое значительное его произведение — собор в Шибенике, строившийся им в течение многих лет (1441—1473 гг.), но завершенный уже после его смерти другим крупным зодчим и скульптором Николаем Флорентинцем (1425—1505 гг.). Собор в Шибенике является выдающимся созданием ренессансной архитектуры в Далмации, повлиявшим на многие другие сооружения Адриатического побережья. Чрезвычайно эффектен и оригинален его фасад. Наружный скульптурный декор собора также принадлежит Юрию Далматинцу. Здесь особенно замечателен фриз, опоясывающий абсиды. Это высеченные из камня головы людей — своеобразная и очень выразительная галерея земляков и современников мастера.

Крупным мастером далматинского Возрождения был ученик Юрия Далматинца Андрей Алеши (около 1430 — около 1504 гг.). Им совме-

Кафедральный собор в Шибенике. XV в.

стно с Николаем Флорентинцем была создана капелла Ивана Урсини в Трогирском соборе (1466—1467 гг.), имеющая интересное скульптурное оформление. Большое распространение в период Возрождения в Далмации получило светское строительство — возводились многочисленные общественные сооружения, частные городские дома и загородные усадьбы. Особого расцвета достигла архитектура Дубровника, где выделяются такие постройки общественного назначения, как Дивона (монетный двор) и княжеский дворец (дворец ректоров), в строительстве которого принимал участие Юрий Далматинец.

Живопись Далмации эпохи Возрождения, хотя и не достигла столь высокого развития, как архитектура и скульптура, твердо вступила на путь сближения с действительностью. Наивысшие достижения показала живописная школа Дубровника во главе с Николой Божидаровичем (около 1460—1517 гг.). Произведениям Божидаровича «Благовещение» и «Мадонна со святыми» в доминиканском монастыре Дубровника, «Мадонна с ангелом и маленьким Иоанном Крестителем» в церкви Богоматери на Данчах в Дубровнике свойственна тонкая лирическая настроенность. В образах его мадонн нет ничего условного и религиозного — это простодушные девушки, современницы художника.

Никола Божидарович. Деталь триптиха.
Дубровник

Характерно, что многие крупнейшие мастера далматинского искусства работали и получили заслуженное признание за пределами отечества, в основном в Италии. Самыми выдающимися из них были скульпторы Франьо Лаурана (Франческо ди Лаурана, около 1420—1502 гг.) и Иван Дукнович (Джованни Далмата, середина XV— начало XVI в.) и живописец Андрей Медулич (Андреа Скьявоне Мельдолла, около 1515 — 1568 гг.).

Идеи Возрождения проникают в XV в. и в искусство Словении. Появляются художники, в творчестве которых средневековая готическая традиция переплетается с новым ясным мироощущением Ренессанса. Таков Янез Люблянский, исполнивший в середине XV в. циклы росписей в Високом и Муляве, и Винценц из Каствы, расписавший в 1474 г. церковь деревушки Берам в Истрии.

Таким образом, в XV в. в Далмации и Дубровнике на основе зарождения капиталистических отношений и обращения к традициям искусства античной Греции и Рима начинает складываться новая культура— культура, характерная для эпохи Возрождения. Разрывая со средневековым религиозным мировоззрением, она основывалась на гуманистических идеях: вере в человека и его разум, утверждении права человека на земное счастье. Вместо религиозного идеала спасения души и райского блаженства она ставила как цель человеческой жизни достижение земных благ, удовлетворение духовных запросов человека, обогащение его внутреннего мира. Она значительно расширяла умственный кругозор

Янез Люблянский. Грешница и демон.
Фреска. XV в.

людей и освобождала человеческую мысль из-под гнета религиозных догм.

Известную роль в создании новой культуры в приморских городах и Дубровнике сыграли итальянские и византийские ученые и писатели. Еще с середины XV в. итальянские гуманисты открывали в этих городах свои школы с преподаванием на итальянском языке, создавали ученые и литературные труды. Так, Иван из Равенны в начале XV в., а Филипп из Лукки в середине того века написали книги по истории Дубровницкой республики. Последний, кроме того, был ректором городской школы. После падения Константинополя в 1453 г. в Дубровник бежали византийские ученые Ласкарис и Халкокондил. Все они содействовали обогащению культуры республики.

В то же время следует подчеркнуть, что культура Возрождения в далматинских городах и Дубровницкой республике, хотя и возникла с некоторым запозданием по сравнению с родиной Возрождения — Италией, была вполне самобытна. Ее основа заключалась в экономическом расцвете, активизации народных сил и расширении связей с другими странами, культурный опыт которых использовался применительно к условиям жизни югославянских народов.

Самобытность культуры Дубровника и Далмации проявилась и в том, что некоторые культурные деятели продолжали традиции народной культуры, что в их ученых трудах и художественных произведениях нашло отражение своеобразие быта и истории южных славян, что им свойственна гордость славянской культурой и историей. Так поэт Юрай Шиш-

горич, из Шибеника, юрист по образованию, одним из первых обратился к теме борьбы славянских народов против турецкого нашествия. В своих стихах он изображает нападение турок на родной Шибеник и высказывает желание сменить перо и книги на меч и щит.. Описывая обычаи своего народа, он высоко оценивает мудрость хорватских пословиц и ставит их по глубине мысли выше изречений Нумы Помпилия и Пифагора.

Тема борьбы против иноземного господства уже в это время проникает в художественное творчество югославянских народов. В последующий период она стала одной из важнейших тем литературы и искусства.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Югославянские земли под властью Турции, Венеции и Габсбургов в XVI—XVIII вв.

ГЛАВА 15

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ТУРЦИИ

Положение югославянских народов под властью Турции в XVI в.

Турецкое завоевание сыграло отрицательную роль в исторической судьбе югославянских народов, нарушив и задержав ход их нормального общественно-экономического развития. К классовому антагонизму феодального общества добавился антагонизм религиозный между мусульманами и христианами, который по существу выражал отношения между господствовавшей в Турции народностью и покоренными народами. Прилив населения, бежавшего от турецких завоевателей в горные и лесные районы, привел к увеличению числа жителей Черногории, Герцеговины, Брды и других мест. С другой стороны, шло заселение опустевших земледельческих районов спускавшимися с гор скотоводами-влахами, которые постепенно оседали на новых местах и переходили к земледельческим занятиям. Усилились перемещения населения и миграции, охватившие почти все югославянские земли. Началась колонизация ряда районов турками, выходцами из Малой Азии. Все это привело к значительным переменам в этническом составе ряда областей.

Миграции, убыль старого земледельческого населения, прилив кочевников из Малой Азии и скотоводов-влахов, не имевших навыков ведения земледельческого хозяйства,— все это отрицательно сказывалось на развитии производительных сил югославянских областей.

Система феодальных отношений, установившаяся у балканских народов после турецкого завоевания, сложилась в результате взаимодействия общественных отношений турок-османов и феодальных порядков, существовавших в Византии и южнославянских государствах в XIII—XIV вв. Старые общественные институты были приспособлены к нуждам военно-феодального Турецкого государства.

Большая часть земельной площади в Османской империи принадлежала государству, составляя так называемый мирийский фонд. Кроме того, имелись вакуфы — владения религиозных и общественных учреждений на правах неограниченной феодальной собственности. На таких же условиях имели владения (мюльки) частные лица (их было немного).

Большинство удобных для обработки государственных земель передавалось в военные лены спахиям [1]. Лены делились по величине дохода

[1] Спахии (по-турецки сипахй) члены конного корпуса регулярной турецкой армии. Спахиями на Балканах именовали всех турецких феодалов-военных ленников.

на тимары (менее 20 000 акча)[1] и зеаметы (от 20 000 до 100 000 акча). Более крупные владения — хасы (с доходом свыше 100 000 акча) имели высшие военачальники и гражданские чиновники. Часть мирийского фонда оставалась в руках государства, составляя личный домен султана и членов его семьи (султанские хасы). Владельцы ленных земель получали с крестьян, живших на них, земельную ренту и пользовались рядом других феодальных прав и привилегий.

Отличительной особенностью турецкой феодальной системы, по сравнению с существовавшей ранее в балканских государствах, было активное вмешательство центральной власти во внутренние отношения на частновладельческих землях. Турецкое законодательство строго регламентировало величину ренты феодалов, их отношения с крестьянами и т. д. Спахии не пользовались, например, таким важным правом, как феодальная юрисдикция, их роль в управлении была невелика. Но Порта далеко не всегда была в состоянии провести в жизнь установленные законом порядки, и феодалы часто приобретали более широкие права в своих владениях, чем это предусматривалось законодательством.

Феодальный класс Турции состоял, за некоторым исключением, из мусульман, хотя в большинстве случаев это не были турки-османы, а потурчепцы. Стремясь спасти свое имущество и привилегии, в ислам перешло много балканских феодалов главным образом мелких и средних. Турецкое завоевание не привело к полному уничтожению господствующего класса Сербского и Боснийского государств. В XV — начале XVI вв. в югославянских землях сохранялось и значительное количество мелких феодалов-христиан, которые стали военными ленниками. С течением времени они теряли свои земли или переходили в ислам. Уже во второй половине XVI в. феодалы-христиане сошли с исторической сцены. Они были вытеснены феодалами-мусульманами.

Подавляющее большинство населения югославянских земель составляло феодальнозависимое крестьянство, которое называлось в Турции райей. Крестьяне-земледельцы владели наследственно своими земельными наделами. Все взрослые способные к труду мужчины-христиане уплачивали в султанскую казну подушный денежный налог — харач (тур. харадж) или джизью, который различался по величине в зависимости от имущественного положения платящего. Феодалы собирали в свою пользу денежный налог — испендже (с каждого платящего харач мужчины), натуральную десятину — ушур с урожая всех сельскохозяйственных продуктов, налог на скот, а также целый ряд других поборов, которые различались по величине и форме и зависели от местных условий и обычаев.

Земледельческое население в Турции было прикреплено к земле и без разрешения феодалов или местных властей не могло покинуть своего надела. Турецкие законы устанавливали 10—15-летний срок сыска беглых крестьян, а для переселившихся в города — 20-летний. В некоторых районах, как например в северной Сербии, в XVII в. срок сыска спахиями крестьян вовсе не ограничивался временем.

Значительную часть сельского населения после турецкого завоевания составляли скотоводы-влахи. Много скотоводческих катунов находилось в северной, придунайской части Сербии, в некоторых районах Боснии, в Среме и Славонии и т. д. В Черногории, прилегавших к ней горных районах Герцеговины и южной Сербии скотоводы были преобладающим населением. Как и в составе феодальных балканских государств, влахи при турецкой власти находились в несколько привилегированном положении по сравнению с крестьянами, лично зависимыми от спахий

[1] Акча или акче — турецкая серебряная монета.

В первое время турецкого господства влашские катуны, располагавшиеся обычно в горах и трудно доступных местностях, не передавались частным феодальным владельцам. Влахи, обосновавшиеся в земледельческих районах, переходившие к занятию земледелием, также некоторое время после турецкого завоевания не имели феодальных господ. Специальные «влашские законы» на основе обычного права, существовавшего до завоевания, регламентировали повинности влахов. Они уплачивали в султанскую казну не харач, а налог с каждого дома (филурию) и делали поставки скотом и продуктами скотоводства. Однако постепенно влахи сливались с остальной райей. Уже в XVI в. они стали терять свои привилегии, их поселения начали передаваться частным феодальным владельцам. Во второй половине XV — начале XVI вв. в пограничных северных районах Сербии, а позднее в завоеванной турками южной Венгрии, влахи часто использовались в качестве военной силы, составляя отряды войнуков.

Войнуки, а также мартолозы, сформированные в особые отряды, участвовали в турецких походах, несли пограничную службу в окраинных областях империи, были конюхами или исполняли какие-либо военно-вспомогательные повинности. Мартолозы большей частью получали за свою службу плату. Войнуки и некоторая часть мартолозов освобождались от обложения налогами и наделялись свободными баштинами, которыми при условии исполнения своих повинностей владели наследственно.

Кроме того, существовало много сел, жители которых несли транспортные или какие-либо другие отработочные повинности в пользу османского государства, за что освобождались от уплаты некоторых налогов.

Так, например, дербенджии охраняли горные перевалы и пути, сопровождали по ним путников и войско; чуприджии охраняли и чинили мосты; жители некоторых сел должны были поправлять и строить дороги или крепости, делать определенные поставки войску продуктами или снаряжением и т. д. В XV—XVI вв. группы военнообязанного населения и крестьяне, несшие какие-либо отработочные повинности в пользу государства, составляли значительную прослойку среди райи. Они большей частью населяли государственные земли, не передававшиеся частным владельцам; их экономическое и правовое положение было более благоприятным, чем положение спахийских крестьян.

Таким образом, Турецкая империя широко использовала население Балканского полуострова для осуществления своих завоевательных планов. На военные цели прежде всего шли и все хозяйственные ресурсы покоренных областей.

Нуждаясь в изделиях из металлов для армии, Порта старалась оживить горное дело в балканских землях, открывала новые рудники (например, в Македонии). Это, однако, не смогло предотвратить начавшегося уже в XVI в. упадка большинства рудников в Сербии, Македонии и Боснии. Постепенно пришли в запустение такие крупные центры горного дела, как Ново Брдо и Рудник в Сербии, Сребрница в Боснии. В XVII в. потеряли значение Кратовские рудники в Македонии. Передача рудников на краткосрочный откуп вела к хищнической эксплуатации ряда горных разработок и их запустению. Упадку горного дела способствовало и сохранение отсталой техники добычи и производства металлов. В то время как в других странах Европы техника горного дела постепенно совершенствовалась, в балканских странах она консервировалась на уровне XIII—XIV вв.

В конце XV—XVI вв. начали оправляться после тяжелого периода турецких набегов и войн города в югославянских землях, прежде всего

те из них, которые были расположены на международных и транзитных путях торговли и являлись военными базами турок при их наступлении на европейские государства. Особенно заметный прогресс наблюдался в ремесле и торговле Боснии, через которую в значительной мере поддерживались связи Османской империи с итальянскими землями.

Многие города на Балканах были превращены в опорные пункты турецкого господства, крепости, административные центры. В них располагались военные гарнизоны, жили турецкие феодалы и чиновники. После турецкого завоевания состав городского населения в значительной мере изменился в результате притока турецкого элемента, выселения старых жителей и переселения в города крестьян. В то же время началась исламизация горожан, обусловленная тем, что мусульмане пользовались рядом правовых и налоговых привилегий и были поставлены в более благоприятные для торговой и ремесленной деятельности условия по сравнению с горожанами-христианами. Уже в XVI в. значительный процент населения крупных городов составляли турки и потурченцы. Последние постепенно теряли связь со своим народом, приобщались к турецкому языку, культуре и образу жизни.

Наиболее крупным ремесленным и торговым центром Сербии стал Белград, взятый османами в 1521 г., который был в то же время главным опорным пунктом турок на Дунае. Через Белград шли торговые пути из Турции в европейские страны. Он имел развитое ремесло, обслуживавшее в значительной мере турецкое войско. В XVI в. в Македонии стал быстро расти город Скопле, расположенный на стыке главных торговых дорог в европейской Турции. Скопле играл большую роль в посреднической торговле внутренних областей Балканского полуострова с итальянскими государствами. В Боснии в XVI в. вырос и превратился в крупный торговый и ремесленный центр город Сараево. Увеличилось торгово-ремесленное значение таких городов как Ужице, Ниш, Битоль, Нови Пазар и других. В то же время некоторые ремесленные и торговые центры, например Призрен, Ново Брдо, и много мелких городков и местечек после турецкого завоевания пришли в упадок.

Характерно, что в городах появились некоторые новые виды ремесел, особенно связанные с военным делом и строительством. Ими занимались, главным образом, ремесленники-мусульмане. Да и все городское ремесло в первые века после завоевания организовывалось по турецкому образцу. Цеховые корпорации ремесленников, не получившие большого развития в Сербском и Боснийском государствах, после турецкого завоевания широко распространились. Это были цехи восточного типа — эснафы или руфеты,— которые представляли собой замкнутые корпорации, отдельные для мусульман и христиан. Деятельность эснафов регламентировалась государством. Их права и привилегии фиксировались специальными султанскими указами (фирманами). В цеха были объединены не только ремесленники, но и торговцы.

Города обычно делились на кварталы-махалы, в каждом из которых жило население одной религиозной принадлежности, часто одной или сходных профессий. Городские общины пользовались некоторым самоуправлением в церковных и других внутренних делах.

Крупные города большей частью были слабо связаны со своей округой, почти не участвовали в обмене с деревней. Поэтому рост городов мало влиял на хозяйственный и социальный прогресс самих югославянских народов, не вел к складыванию внутреннего рынка, нарушению натуральной замкнутости сельского производства. Развитию внутренней торговли препятствовала также система таможенных пошлин, всевозможные поборы с купцов, монополии на продажу некоторых товаров или запрещение их вывоза. Порта, заинтересованная в ввозе промышленных

Мостар

товаров из-за границы, предоставляла дубровницким, венецианским, генуэзским купцам широкие торговые привилегии, снижала им пошлины за право ввозить и вывозить товары. Поэтому роль дубровницких и итальянских торговцев в крупных балканских городах после турецкого завоевания еще более возросла, что крайне затрудняло деятельность местного купечества.

В XVI—XVIII вв. торговые пути, шедшие из югославянских земель к Адриатическому побережью, Эгейскому морю и в страны Центральной Европы, сохраняли свое значение. В то же время выросли торговые связи западной части Балканского полуострова с центром империи Константинополем (Стамбулом), которые поддерживались через так называемый царьградский путь, связывавший турецкие владения с европейскими странами и имевший не только торговое, но и военное значение.

Кроме феодального гнета, христианские народы в Османской империи подвергались и религиозному угнетению. Очевидцы рассказывали об унизительных правилах, которым подчинялись в Турции балканские народы. Лица христианского вероисповедания не имели права служить в государственном управлении, носить оружие, а за проявление неуважения к мусульманской религии насильственно обращались в ислам или жестоко наказывались. Некоторые церкви были превращены в мечети, многие церкви и монастыри разрушены, а те, что сохранились, систематически разграблялись.

Чтобы упрочить свою власть в завоеванных землях, турецкое правительство, как уже указывалось, переселяло на Балканы турок из Малой Азии. Наиболее значительной такого рода колонизация была в Македонии, где наплыв (с XV в.) малоазиатских переселенцев привел к еще большему увеличению пестроты этнического состава населения.

Другим средством укрепления турецкого господства на Балканах была планомерно проводимая политика ассимиляции покоренного населения. Много так называемых потурченцев выходило из числа взятых в плен и проданных в рабство людей, для которых принятие ислама было единственным способом вернуть свободу. Нуждаясь в военных силах,

Янычар, идущий на войну

Порта формировала из христиан, принявших ислам янычарский корпус, который был верной гвардией султана. Сначала янычары набирались из числа пленных юношей. Позднее стали проводить систематические наборы среди населения. Наиболее здоровых и красивых мальчиков отбирали у родителей, обращали в ислам, и отправляли на обучение в Малую Азию. Эта система практиковалась в Османской империи вплоть до 1638 г.

Как говорилось выше, мусульманскую религию приняли многие югославянские феодалы, ремесленники и купцы. Нередки были случаи перехода в ислам крестьян. Но массовый характер среди сельского населения исламизация приняла лишь в Боснии (там в мусульманскую веру перешло много патарен) и в некоторых районах Македонии, где возникли отдельные села так называемых торбешей, перешедших в ислам, но сохранивших свой язык и обычаи. Однако подавляющая часть сельского населения Сербии, Македонии, Герцеговины, Черногории осталась верной своей религии, языку и культуре.

Земли, входившие в Османскую империю, делились на крупные военно-административные единицы — беглербегства или эялеты (впоследствии они стали называться пашалыками), которые распадались на более мелкие области — санджаки, состоявшие из каз или нахий, часто соответствовавших старым жупам. Первоначально все покоренные турками земли Балканского полуострова были объединены в составе Румелийского эялета. После завоевания центральной части Венгрии, с середины XVI в., в европейской части Турции было основано несколько новых эялетов, в том числе Будский (1541 г.) и Тимишоарский (1552 г.), в которые вошла часть населенных сербами земель. В 1580 г. был основан также Боснийский эялет.

Управление эялетами находилось в руках беглербегов (они назывались также визирями), которые обладали не только гражданской властью, но и были предводителями войска своего эялета. В их распоряжении имелся штат чиновников, а судебная власть находилась в руках независимых от пашей судей — кадиев. Аналогичным образом управлялись и более мелкие административные единицы — санджаки и нахии. Эта система военно-феодального и административного управления варьировалась по областям в зависимости от местных условий, и не распространялась на все югославянские земли.

Окраинное положение Боснийского эялета в системе турецких владений в Европе заставляло Порту проводить там осторожную политику, итти на уступки местным феодалам. Лишь постепенно турки стали вводить в Боснии и Герцеговине свою феодальную систему, сохраняя в первое время, особенно в Герцеговине, большое число местных феодалов-христиан, которые лишь постепенно переходили в ислам. Вместе с тем военно-политическая роль феодалов-нотурченцев в Боснии неуклонно

Хусревбегова мечеть в Сараеве. XVI в.

росла, особенно в связи с тем, что для обороны от военных нападений европейских государств в пограничных с владениями Габсбургов районах Боснии во второй половине XVI в. стали основываться так называемые капитании — округа, центрами которых были укрепленные города, где сосредоточивались наемные войска.

После того как в 1499 г. Черногория была присоединена к Скадарскому санджаку, турки попытались распространить на нее свою военно-феодальную и налоговую систему. Это вызвало отпор населения и бегство жителей в венецианские владения. В 1513 г. Порта была вынуждена превратить Черногорию в самостоятельный санджак и дать его в управление перешедшему в ислам сыну Ивана Черноевича — Скендер-бегу. В Черногории были ликвидированы немногочисленные существовавшие там до этого лены, вместо харача и других налогов введена филурия с дома, которой обычно облагались влахи. Скендер-бег правил Черногорией фактически самостоятельно, считая себя наследником Черноевичей.

После его смерти (в 1523 г.) Черногория входила в состав соседних санджаков. Она считалась султанским хасом, а сбор филурии с нее передавался обычно на откуп. Постепенно более низменные районы Черногории — вокруг Подгорицы, Жабляка и другие — перешли в руки турецких феодалов. В горных районах Порта так и не смогла установить свою твердую власть. Ей даже не всегда удавалось получать с черногорцев филурию. По-видимому с конца XVI в. этот налог был заменен общей данью, которая также называлась харачем, уплачиваемым единовременно специальным турецким чиновникам, что несколько снизило налоговое бремя населения.

В первое время после завоевания и в других районах Балкан сохранялось значительное количество поселений, не имевших частных владельцев,— султанских хасов. Удельный вес влахов, среди прочего населения, как уже указывалось выше, заметно вырос. Переход влахов к земледелию вел к тому, что их скотоводческие общины постепенно оседали на определенной территории. Положение катунов, права и привилегии их старейшин были различными. Широкими правами пользовались общины в горных скотоводческих районах Брды, Герцеговины и Черногории. Там не было турецких чиновников и феодалов, и вся власть сосредоточивалась в руках местных «главарей» — кнезов, сердарей и воевод, возглавлявших территориальные объединения, которые входили в состав нахий и назывались кнежинами. Отряды крестьян-влахов под предводительством кнезов-катунаров участвовали в военных походах Турции.

Сельское самоуправление существовало и в районах, где было военно-ленное устройство. Этому способствовал, с одной стороны, тот факт, что турецкое управление ограничивалось санджаками и нахиями, а с другой,— распространение влашских общинных институтов. В XVI в. в сербских землях все больше возрастала роль местных общин. Постепенно и тут складывались объединения нескольких сел — кнежины, входившие в свою очередь в состав нахий. В кнежинах имелись выборные кнезы, которые следили за порядком, использованием пастбищ, участвовали в сборе налогов и суде по мелким преступлениям. Они обычно выступали посредниками во всех отношениях между крестьянами и турецкими феодалами. Такие же обязанности несли в селах сельские старосты. Все это в условиях турецкого ига имело большое значение для крестьян, в некоторой мере защищало их от произвола чужеземных властей и феодалов.

Наличие общинных институтов вполне устраивало и турецкое правительство, так как избавляло от хлопот по управлению на местах. За исполнение своей службы кнезы и воеводы освобождались от налогов, наделялись свободными от налогового обложения баштинами, а иногда и тимарами с населенными на них крестьянами. Кнезы, воеводы, сельские старосты по существу превращались в местных чиновников, права и обязанности которых официально признавались турецким правительством, причем их привилегии нередко приобретали феодальный характер.

Общественный уклад жизни крестьян во время турецкого господства имел много специфических черт, в зависимости от степени экономической развитости отдельных районов, положения их в системе турецких владений, географических особенностей и т. д.

Наиболее отсталыми были общественные отношения в горных скотоводческих районах Черногории, Герцеговины и южной Сербии. Экономическая отсталость, изолированность от внешнего мира, необходимость защиты свободы от иноземных завоевателей — все это послужило благоприятной почвой для консервации, а иногда и оживления здесь патриархального уклада жизни. Черногорские общины имели много архаи-

ческих черт. Так, например, территориальные общины—состояли из кровнородственных ячеек— братств, делившихся в свою очередь на отдельные патриархальные семьи. Большая патриархальная семья— задруга, члены которой коллективно владели землей, недвижимым имуществом и вели совместное хозяйство, насчитывала по нескольку десятков членов, а иногда в ее составе было по 60—80 человек. В Черногории была широко распространена кровная месть и прочие патриархальные обычаи. Черногорские и другие скотоводческие общины были оторваны от внешнего мира и слабо связаны друг с другом. Крайняя скудость удобной для обработки земли и всевозможные другие причины часто приводили к вооруженным конфликтам между ними.

Мехмед-паша Соколович

Переселение крестьян-земледельцев в связи с турецким завоеванием в леса и горы усилило замкнутость и изолированность сел, располагавшихся часто вдали от городских центров и проезжих дорог. Колонизация низменных земледельческих районов скотоводами-влахами вела к распространению их патриархального уклада жизни. Это в большой мере способствовало сохранению на протяжении ряда веков народных традиций и обычаев. Так, задруга в югославянских землях сохранялась вплоть до XIX в.

Оживление патриархального уклада жизни крестьянства не уничтожило классового деления югославянского населения, которое отнюдь не представляло собой аморфной, недифференцированной в социальном отношении массы. Процесс социального расслоения не прекратился, хотя и шел более замедленными темпами: кнезы, сердары, воеводы сосредоточивая в своих руках власть над общинами, все более отделялись от крестьянской массы по своему экономическому и правовому положению и часто по существу превращались в мелких феодалов, эксплуатировавших крестьян.

В условиях чужеземного гнета, когда все командные позиции в Османской империи были заняты феодалами-мусульманами, кнезы и воеводы не могли занять прочных позиций в государстве. Но они пользовались большим влиянием среди покоренного населения и нередко играли важную роль в политической жизни и освободительном движении.

Христианская церковь, оказавшаяся в Турецком государстве в тяжелых условиях и потерявшая свои обширные земельные владения, продолжала оставаться феодальным собственником. В первое время после завоевания церкви и монастыри нередко владели вакуфными землями и получали от Порты тимары. Некоторые монастырские земли входили в тимары, зеаметы или хасы, принадлежавшие турецким феодалам, которым монахи уплачивали налоги, но меньшие, чем платила райя. Земельные владения монастырей и церквей пополнялись за счет дарений

и покупок. Крестьяне, жившие на монастырских землях (прияворы), как и до турецкого завоевания, продолжали платить налоги и нести повинности духовным феодалам.

Подавляющая часть славянского населения в Сербии, Македонии и Черногории исповедывала православие. Католики составляли незначительное меньшинство. Лишь в крупных городах, где жило много дубровчан и иностранных купцов, имелись католические церкви и духовенство. Больше христиан-католиков было в Боснии и Герцеговине. Там продолжали существовать францисканские монастыри, получавшие поддержку от римской курии.

После завоевания Македонии Охридская архиепископия стала автономной, фактически самостоятельной церковью в составе Константинопольской патриархии. В эту архиепископию первоначально входила почти вся Македония, южная Албания, юго-западная часть Болгарии и южная Сербия. Уже в конце XVI в. высшие церковные должности здесь стали занимать греки, которые пытались вводить (сначала в городах) богослужение на греческом языке, распространять греческую церковную литературу и письменность.

После падения Сербской деспотовины сербская церковь некоторое время сохраняла свою самостоятельность. Она стала уплачивать дань Порте. Под ее юрисдикцией находилась северная часть Сербии, Босния, Герцеговина и Черногория. По-видимому, в 20-х гг. XVI в. сербская церковь была подчинена Охридскому архиепископству. Это вызвало большое недовольство сербского духовенства. Смедеревский епископ Павел в 1528 г. был избран сербским архиепископом, а затем провозгласил себя патриархом и начал изгонять епископов, поддерживавших Охридскую церковь. Павел и его сторонники потерпели поражение, но и после этого сербское духовенство делало попытки восстановить свою независимость. Оно использовало связи с некоторыми турецкими чиновниками и военачальниками, которые были славянами по происхождению. В 1557 г. с помощью одного из таких потурченцев великого визиря Мехмеда Соколу (Соколовича) сербский патриарший престол был восстановлен. Центром его стал Печ — город в южной части Сербии, а первым патриархом был избран брат Мехмеда Соколовича — Макарий.

В управлении Печской патриархии находилась православная церковь Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, южной части Венгрии и Трансильвании, а также северной Македонии и западной Болгарии. Сербские патриархи имели те же права, что и Константинопольские. Султанские бераты[1] обеспечивали неприкосновенность церковного и монастырского имущества и земельных владений, при условии, что церковь делала определенные взносы в казну.

Восстановление Печской патриархии имело большое положительное значение для сербов. В условиях иноземного господства общественные и политические функции церкви значительно возросли. Синод и церковные соборы, на которые приглашались не только духовные, но и светские лица, решали иногда важные общественные дела. Деятельность православного духовенства была направлена на поддержание народных традиций, церковь развивала сознание религиозной солидарности, поощряла сопротивление исламизации, и таким образом препятствовала ассимиляции балканских народов турками. Православное, а также и католическое духовенство нередко принимало активное участие в освободительном движении.

Сербское духовенство поддерживало связи с Россией. Русское правительство и церковь помогали православным монастырям и церквам на

[1] Бераты — султанские грамоты на получение земельных владений, о назначении на должность и т. д.

Балканах, посылали им богослужебные книги, церковную утварь и т. д. Православные священники часто ездили в Москву просить денежных пожертвований. Эти поездки способствовали распространению среди югославянских народов взгляда на Россию, как на свою покровительницу и защитницу. Быстрое укрепление Русского государства в XVI в. и его заинтересованность в борьбе против татаро-турецкой агрессии рождали у балканских народов надежду на помощь со стороны русских в освобождении от турецкой неволи.

Венецианский посланник в Турции Яков Соранцо писал в 1576 г. в реляции сенату: «По двум причинам султан опасается русских: во-первых — потому, что у них есть страшная кавалерия в четыреста тысяч человек отважных, сильных и послушных; во-вторых,— еще и потому, что все народы Болгарии, Сербии, Босны, Мореи и Греции весьма преданы Московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти».

Рост освободительного и антифеодального движения югославянских народов в конце XVI—XVII вв.

Несмотря на неблагоприятные условия, в конце XVI—XVII вв. в ряде районов Балканского полуострова произошли некоторые сдвиги в развитии производительных сил. Этот процесс в первую очередь охватил области по течению больших рек, приморские районы, города, расположенные на торговых и военных путях. В то время как некоторые старые городские центры (например, связанные с горным делом) приходили в упадок, росли другие города — Белград, Ужице, Нови Пазар в Сербии; Сараево, Фоча, Ливно, Баня Лука в Боснии; Мостар в Герцеговине и др. Характерен и рост мелких торговых и ремесленных центров локального значения. Рост городов шел за счет прилива в них сельского населения, страдавшего от усилившихся притеснений и налогового гнета. В Боснии наблюдался заметный прогресс в развитии некоторых ремесел, изделия которых находили сбыт в Италии. Значительного развития ремесло и торговля достигли в городах южной части Венгерского королевства, населенных в значительной степени сербами. На городские базары Срема, Баната, Бачки собирались тысячи людей из окрестностей, что способствовало проникновению товарно-денежных отношений в деревню.

Перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан, начавшийся в XVII в., упадок Дубровника и итальянских городов — все это снижало значение торговых связей внутренних областей Балканского полуострова с Адриатикой. Ослабела активность дубровницких и итальянских купцов в турецких владениях на Балканах. Их место постепенно стали занимать местные торговцы, которые поддерживали связи с соседними государствами Центральной Европы.

Несмотря на некоторые сдвиги в развитии экономики, балканские народы все заметнее отставали в своем общественно-экономическом развитии не только от государств Западной Европы, но и от восточно-европейских стран. Это было обусловлено прежде всего усилением феодального и национального гнета, препятствовавшего нормальному развитию производительных сил балканских народов.

В период правления султана Сулеймана Законодателя, или Великолепного (1520—1566 гг.), были завершены самые крупные завоевания турок в Европе, Азии и Африке, и Османская империя достигла наибольшего территориального расширения. Однако вскоре после этого, еще в XVI в., появились первые признаки упадка могущественного Турецкого

государства, который неуклонно нарастал в следующие столетия и привел к существенным изменениям как во внутренних отношениях, так и в международном положении Турции. Этот упадок выразился в постепенном ослаблении центральной власти и росте сепаратистских тенденций у местных пашей и чиновников, в оскудении государственных финансов, а также в ряде изменений в аграрных и общественных отношениях.

Завоевательные войны издавна были одним из важных источников пополнения султанской казны и обогащения феодалов. Поэтому Турция продолжала вести агрессивную политику, но встречала теперь более сильный, чем раньше, отпор со стороны своих противников. Под влиянием военных неудач стали разлагаться, терять свою боеспособность и дисциплину военные силы османов, в первую очередь янычары и спахии.

Янычарский корпус, некогда составлявший опору султанской власти, наиболее преданное Порте войско, превратился в скопище бунтующих грабителей. Префект ватиканской библиотеки Стефан Градич, оставивший яркое описание тяжелого внутреннего положения Османской империи в середине XVII в., так характеризовал янычар: «...Непокорные, ленивые, гнусные, вовсе не воинственные, эти презренные выродки способны только к грабежам, их своеволие перешло пределы». Интересно отметить, что многие янычары в XVII в. расселились по городам, стали заниматься ремеслами, торговлей, ростовщичеством, военная служба была для них лишь побочным занятием.

Янычарская верхушка сосредоточивала в своих руках большие богатства, приобретала земельные владения, распоряжалась в ремесленных цехах и т. д.

Так как участие в войнах становилось малодоходным и все более опасным предприятием, спахии нередко посылали в военные походы наемников, или вовсе отказывались выполнять военные обязанности. У них поднялась заинтересованность в увеличении доходов от земельных владений, проявлялось стремление выжать побольше доходов из крестьян.

Основной причиной начавшегося упадка Османской империи был кризис ее экономики и прежде всего военно-феодального устройства. Постепенное развитие товарно-денежных отношений на Балканском полуострове подтачивало устои военно-ленной системы. Лены стали закладываться, продаваться, нередко попадали в руки торговцев и ростовщиков. В XVII—XVIII вв. в некоторых районах Балканского полуострова в результате захвата и скупки ленов и крестьянских земель представителями торговоростовщического капитала и янычарской верхушкой начал возникать новый вид феодальных земельных владений. Это были чифтлики [1], владельцы которых пользовались более широкими феодальными правами, чем спахии, и не несли ленных обязательств. Однако полное развитие этот процесс получил лишь в дальнейшем, в XVIII—XIX вв.

В XVII в. власть помещиков над крестьянами значительно усилилась. Феодалы и местные чиновники разоряли крестьянское хозяйство, произвольно повышая поборы в свою пользу.

Ослабление центральной власти в государстве османов позволяло феодалам и местным чиновникам усилить эксплуатацию беззащитной райи, а нередко заниматься прямым насилием и грабежами. Порта, постоянно ощущая недостаток средств, повышала государственные налоги, вводила всевозможные новые поборы.

Все это вело к неуклонному ухудшению положения населения, находившегося под властью Турции. Сообщения европейских путешественников, официальные документы и летописи содержат яркие описания

[1] Чифтликами назывались также частнособственнические земли, принадлежавшие обычно крестьянам-мусульманам и обрабатываемые их личным трудом.

тяжелых условий жизни балканских народов. Венецианский посланник в Турции Андрей Бадоар писал в 1573 г., что жители Сербии, Боснии и Македонии обременены такими большими налогами и отработочными повинностями, так угнетены в обеднели, что не в состоянии возделывать землю.

Изменения в общественно-экономическом строе Османской империи сопровождались обострением социальной борьбы, что проявилось в росте религиозного антагонизма между мусульманами и христианами.

Политика турецкого правительства в XVII в. была направлена на укрепление центральной власти в районах, полностью не подчиненных ему, в связи с чем сужались права князов и воевод. Так, Порта стремилась полностью подчинить себе черногорцев, принудить их к регулярной уплате харача. Султаны систематически направляли в Черногорию карательные экспедиции, рассчитывая военной силой добиться повиновения жителей.

В XVII в. заметно ухудшилось положение влахов и других ранее пользовавшихся некоторыми привилегиями категорий крестьян. Так, влахи Смедеревского санджака потеряли свои права, что вызвало их массовое переселение на север, в Венгрию и в австрийские владения.

В XVII—XVIII вв. лишь единичные районы в Сербии и Македонии пользовались внутренней автономией: Старый Влах в Старой Сербии, Ключ и Крайна, расположенные на северо-восточной окраине Сербии и некоторые другие. Они были султанскими хасами, а князы — откупщиками налогов в них. Но большинство князов и воевод в Сербии постепенно потеряло свои полученные за службу тимары и баштины.

Глубокое недовольство народных масс в югославянских землях турецким господством, протест против социального, национального и политического гнета турецкого правительства, чиновников и феодалов находили выход в освободительном движении, которое неуклонно нарастало в течение XVI — XVIII вв. Оно проявилось в двух основных формах: в гайдуцком движении — партизанской борьбе против поработителей и в восстаниях против турецкого правительства и феодалов.

В гайдучестве находил выражение стихийный протест смелых и свободолюбивых людей, которые не хотели мириться с национальным и социальным гнетом, предпочитали уходить в леса и горы, подвергая себя тяжелым лишениям и постоянному риску.

В Сербии, Боснии, Македонии во время турецкого господства существовали районы, где постоянно обитали гайдуцкие отряды (четы.) Эти отряды обычно насчитывали по нескольку десятков, а иногда — по 300 и более человек. Гайдуки устраивали засады на дорогах, грабили и убивали турецких чиновников, феодалов, иностранных купцов, нападали на торговые караваны. Крупные гайдуцкие отряды совершали даже налеты на города. Но гайдуки отнюдь не были просто грабителями. Прежде всего они боролись против иноземных угнетателей. Поэтому народ, особенно крестьяне, всегда видел в гайдуках своих защитников, смелых героев, боровшихся против иноземных поработителей. Гайдуки, их бесстрашные подвиги прославлялись в народных песнях и сказаниях.

Тесная связь гайдуков с местным населением придавала им особую силу, затрудняла борьбу турецких властей против них. Жестокие преследования, расправы не могли пресечь гайдуцкого движения, сила которого неуклонно возрастала. Оно обычно принимало особенно широкий размах во время войн Турции с европейскими государствами, в периоды общего подъема освободительного движения. Боевые действия гайдуков являлись обязательным элементом большинства народных восстаний.

В Сербии, Македонии и других югославянских землях не раз вспыхивали восстания против турецкого господства. Они имели более или

менее локальный характер, возникали неодновременно, не были достаточно подготовлены и неизменно подавлялись турецкими войсками, которые жестоко расправлялись с восставшими. Но проходило время, неудачи постепенно забывались, и восстания вспыхивали снова.

Основной движущей силой в восстаниях против Турции выступало крестьянство. Объективно крестьянское движение в это время носило антифеодальный характер, так как оно было направлено против турецких феодалов. В борьбу нередко включалось и городское население, но оно не играло обычно в восстаниях против Турции ведущей и организующей роли. Активно участвовало в освободительном движении духовенство, а также часть князей и воевод, которые часто возглавляли и организовывали народную борьбу против иноземного владычества, так как были заинтересованы в его свержении.

Первое крупное народное движение в югославянских землях произошло в районе Прилепа (Македония) в 1564—1565 гг. Оно началось с восстания крестьян Мариховской нахии, которая была хасом великого визиря. Примеру крестьян вскоре последовали горожане. Причиной восстания послужил рост денежных штрафов, собираемых в пользу великого визиря прилепским воеводой. Брожение и локальные выступления среди крестьян в Македонии продолжались и после подавления этого восстания. В 70—80-х гг. XVI в. резко усилилось гайдуцкое движение в районе Прилепа, а также в Скопльском и Призренском санджаках.

Локальные антифеодальные восстания крестьян и горожан, о которых не всегда сохранились сведения в источниках, неоднократно вспыхивали на протяжении XVI—XVII вв. в различных частях Балканского полуострова. Происходили и более широкие массовые выступления, которые нередко были связаны с политикой европейских государств в отношении Турции.

С конца XVI в. печские патриархи и охридские архиепископы, некоторые князья, воеводы и племенные старейшины в Черногории устанавливали политические связи с римской курией, Венецией, Австрией, Испанией, а в XVII в.— и с Русским государством, рассчитывая получить помощь в борьбе за освобождение Балкан от турецкого господства. Югославянские народы не могли в это время собственными силами одержать победу над Турецким государством. Поэтому они стремились соединить освободительное движение с войнами, которые вели европейские государства против Османской империи.

Завоевание турками Венгрии вбило глубокий клин в восточную часть австрийских владений, а создание находившегося под суверенитетом Порты Трансильванского княжества представляло для Габсбургов постоянную угрозу. По мере укрепления Австрийской монархии, особенно со второй половины XVI в., ее непосредственной задачей стала борьба за страны среднедунайского бассейна. Против Турции выступали также итальянские государства, Испания и римская курия. Но все противники Порты, ввиду противоречий друг с другом, по-прежнему не действовали против нее единым лагерем, не вели активной политики, старались лишь отразить турецкий натиск на свои собственные владения.

На пользу Турции послужили и все усиливающиеся противоречия между габсбургской монархией и Францией, которая в противовес Австрии постоянно поддерживала Порту и этим значительно укрепляла международное положение последней.

Во второй половине XVI в. и другие европейские государства начали оказывать более действенный отпор экспансии Турции, а армии османов стали терпеть первые поражения в войнах. Но противники Турции не были настолько сильными, чтобы вести с ней активную борьбу. Порта, со своей стороны, не собиралась отказываться от продолжения агрес-

сии в Центральной Европе. В 1593 г. султан объявил войну императору Рудольфу II.

Габсбурги вынуждены были воевать с Османской империей без союзников. Поэтому они при поддержке римского папы Климента II попытались вовлечь в антитурецкую коалицию турецких вассалов — трансильванского князя и господарей Молдавии и Валахии. Можно было также надеяться, что эта война побудит сербов, болгар и другие балканские народы поднять восстание против Порты.

Габсбурги не ошиблись в своих расчетах. Уже в 1594 г. на борьбу за свое освобождение поднялись банатские сербы, которые полагали, что наступление императорских войск в Венгрии и вступление в войну Трансильвании поможет им успешно действовать против турок. Восстание началось стихийно и было тесно связано с гайдуцким движением, которое приняло в это время широкие размеры. Действуя небольшими четами, гайдуки и повстанцы нападали на турок в городах и местечках, убивали их или вынуждали к бегству. В течение весны 1594 г. повстанцы с боями заняли ряд городов и турецких укреплений, в том числе городок Вршац, который стал центром движения.

Из-за военных действий против Австрии султан не мог в то время бросить крупные силы для расправы с сербами, это дало возможность повстанцам к лету 1594 г. достичь значительных успехов. Однако чем дальше, тем заметнее обнаруживались слабые стороны восстания. Стихийно возникшие четы были разбросаны по разным частям Баната и действовали несогласованно. Единого руководства восстание не имело. Среди предводителей чет выделялись своим влиянием такие, как владыка Тодор, бан Савва, воевода Велемирович. Они от имени сербских старейшин и всего восставшего народа вели переговоры с трансильванским князем Сигизмундом (Жигмондом) Баторием и австрийскими военачальниками, тщетно надеясь получить от них военную поддержку.

Положение повстанцев становилось между тем все более тяжелым. Турецкое правительство бросило в Банат большие военные силы. В начале июля 1594 г. около Бечкерека произошло решительное сражение 4300 повстанцев с 30-тысячной турецкой армией. Силы были слишком неравными, и сербы, несмотря на героическое сопротивление, потерпели полное поражение. Вскоре после этого около Тимишоары (Темишвар) была разгромлена другая группа повстанцев.

Восстание в Банате было одним из ярких эпизодов героической борьбы сербского народа за свою свободу. Оно положило начало ряду антитурецких выступлений в различных частях европейских владений Османской империи.

Вскоре после подавления восстания в Банате против султана выступили трансильванский князь Сигизмунд Баторий и валашский господарь Михаил Храбрый. В их войсках сражалось много сербских отрядов, среди которых прославились своими подвигами четы Георгия Раца, Дели Марко и Саввы Темишвараца.

Вслед за этим антитурецкие выступления охватили западную часть Балканского полуострова. В этом движении активно участвовало православное духовенство во главе с печским патриархом Йованом.

В течение 1597—1598 гг. в различных районах южной Сербии, Черногории и Герцеговины вспыхивали восстания, ориентировавшиеся на помощь со стороны римского папы, некоторых итальянских владетельных домов и Испании, агенты которых обещали помочь антитурецким выступлениям. Наиболее крупным из этих движений было восстание в Герцеговине, возглавленное никшичским воеводой Грданом. Оно, однако, быстро угасло, когда восставшим стало ясно, что они не получат помощи извне.

Несмотря на все неудачи, освободительное движение в западной части Балканского полуострова не затихало и в начале XVII в. В 1604 г. в битве у Лешкополья черногорцы даже разбили войска скадарского санджакбега.

После окончания в 1606 г. австро-турецкой войны, стала готовиться к войне против Османской империи Испания. В связи с этим у руководителей освободительного движения возникли новые планы. Появился проект основания в областях Балканского полуострова самостоятельного королевства во главе с герцогом Савойским Карлом Эммануилом. Но все эти расчеты не оправдались, так как помощь извне не приходила, и во втором десятилетии XVII в. освободительное движение югославянских народов пошло на убыль.

Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) надолго отвлекла противников Османской империи от борьбы в Юго-Восточной Европе. В первой половине XVII в. Габсбурги старались сохранять мирные отношения с Портой. Но и в это время печские патриархи, некоторые влиятельные князы и воеводы поддерживали политические связи с римской курией, Габсбургами, Венецией и другими итальянскими государствами, сообщали европейским дворам о недовольстве балканских народов, их готовности бороться за свою свободу. В расчете на помощь европейских государств делались попытки организации заговоров и восстаний против Порты. Боснийское католическое духовенство, имевшее непосредственные связи с Римом, в XVII в. также все чаще обращалось за помощью к Габсбургам.

Римская курия, Австрия, Венеция и другие государства стремились укрепить свое влияние на балканские народы, использовать в своих интересах их освободительную борьбу. Одним из средств достижений этой цели была католическая пропаганда.

Уже с конца XVI в., когда в Европе началась католическая реакция, римская курия при активной поддержке Габсбургов стала засылать на Балканы своих миссионеров, которые должны были обращать православных в католичество. Основной базой католических миссионеров в западной части Балканского полуострова была принадлежавшая Турции часть Далмации, где среди населения было распространено католичество, а также францисканские монастыри в Боснии. Оттуда католическая пропаганда проникала в Сербию, Македонию и другие югославянские земли. Однако деятельность католических миссионеров среди православных не имела успеха. Бесплодными оказались и попытки навязать Печской патриархии и Охридской архиепископии унию с Римом.

Во второй половине XVII в. Турция почти беспрерывно вела войны против Венеции, Габсбургов, Польши и России. Международная обстановка в Юго-Восточной Европе в это время изменилась не в пользу Османской империи. Число ее противников и их активность возросли. После воссоединения Украины с Россией последняя стала противодействовать татаро-турецкой агрессии на своих южных границах. Борьба за выход к Черному морю приобретала первостепенное значение во внешней политике русского правительства, что усилило его интерес к судьбе угнетенных народов Османской империи. Покровительство православной церкви стало одним из путей распространения русского политического влияния среди балканских народов, которые могли сыграть важную роль в исходе русско-турецкой борьбы. Расширение границ России на юго-запад позволило легче осуществлять связи с югославянскими народами. Поездки в Москву духовных лиц, в том числе печского патриарха Гавриила, трансильванского митрополита Саввы Бранковича и других способствовали установлению политических связей сербов с русским двором.

Белград в период турецкого господства

В 1683 г. Турция по подстрекательству Франции, с крупными силами напала на Венгрию, а затем осадила Вену, надеясь на легкую победу. Но гарнизон и население Вены два месяца выдерживали тяжелую осаду, а в момент, когда падение австрийской столицы казалось неизбежным, она была спасена от турецких полчищ прибывшими на помощь польскими войсками под командованием Яна Собесского. Венская битва, закончившаяся полным поражением турок и их беспорядочным бегством из Австрии, стала важным рубежом в истории турецкой агрессии в Европе. В результате битвы наступление Османской империи на страны Центральной Европы было окончательно остановлено, непосредственная угроза турецкого завоевания для них миновала. Победа у Вены имела большое международное значение. Вскоре после нее была создана «Священная лига» для борьбы с Турцией в составе Габсбургской империи, Польши и Венеции. В 1686 г. к ним присоединилась Россия.

Вступление России в «Священную лигу» оживило надежды балканских народов на освобождение от власти Турции. Уже в 1687 г. высшим сербским духовенством была сделана попытка установить связи с русским правительством. В 1688 г. в Москву прибыл архимандрит Исаия с грамотами от валашского господаря Шербана Кантакузина, бывшего константинопольского патриарха Дионисия и печского патриарха Арсения Черноевича. В грамотах описывалось тяжелое положение православных народов в Турции и содержались просьбы двинуть против Турции свои войска для освобождения христианских народов.

Миссия Исаии вызвала беспокойство австрийского правительства, старавшегося воспрепятствовать установлению отношений между Россией и балканскими народами. Архимандрит Исаия при проезде через Австрию был арестован, а все документы у него отобраны. Грамота русских царей Ивана и Петра к патриарху Арсению не дошла по назначению, и сношения России с южными славянами были временно прерваны. Но это не могло воспрепятствовать укреплению политических связей между ними. В указе о подготовке Крымского похода 1689 г. русское правительство уже выдвигало как одну из основных целей войны с Турцией освобождение балканских народов от турецкого ига.

Внутренние беспорядки в Османской империи после поражения у Вены, а также вступление в войну России позволило Австрии и Венеции одержать в 1686—1687 гг. значительные победы над турками. Императорские войска сумели занять всю Венгрию, Трансильванию и Славонию. Венецианцы овладели Афинами, Мореей и вели бои в Далмации.

Неудачная для турок война вызвала резкое ухудшение положения населения в Сербии, Македонии и других югославянских землях. Военные поборы и бесчинства турецкого войска тяжелым бременем ложились на беззащитный народ. Опасаясь волнений среди райи, турецкие власти усилили репрессии, отбирали у христиан оружие и т. д. Но все эти меры уже не могли остановить волны освободительного движения, поднимавшегося на Балканах. Война «Священной лиги» с Турцией создавала благоприятную внешнеполитическую обстановку для восстаний против турецкого владычества и обусловила возникновение различных очагов движения, связанных с военными действиями Габсбургов и Венеции на Балканском полуострове.

Уже при продвижении австрийских войск через Венгрию в 1686—1687 гг. к ним стали примыкать многочисленные добровольцы из Хорватии, Срема, Баната и Боснии. Когда весной 1688 г. начались военные действия в Потисье и на левобережье Дуная, население этих районов самостоятельно организовывало отряды, которые нападали на турецкие войска. «И тогда многие сербы перешли на сторону императора и начали воевать против турок и гнали их от города Будим до большого сербского города Белграда»,— записано в сербской летописи этого времени.

После того как в сентябре 1688 г. австрийские войска взяли Белград и вступили в северную Сербию, освободительная борьба сербов усилилась. Многочисленные добровольческие четы и гайдуцкие отряды не только помогали австрийским войскам, но и вели самостоятельные военные действия. Весной 1689 г. один из гайдуцких отрядов, насчитывавший три тысячи человек, взял большой город Ужице, а затем совершил нападение на Нови Пазар.

Габсбурги были крайне заинтересованы в развитии антитурецкого движения среди югославянских народов, которое могло значительно облегчить военные действия. Венский двор засылал на Балканы своих эмиссаров, склонявших население к вооруженным выступлениям против Турции. Габсбургам удалось установить связи с отдельными боснийскими феодалами-католиками. На их сторону перешли и некоторые сербские князы, например, влиятельное семейство Рашковичей, из Старого Влаха, которым Леопольд I обещал сохранить их прежние права и привилегии.

Орудием своей корыстной политики в отношении югославянских народов Габсбурги попытались сделать Георгия Бранковича — серба, проживавшего в Трансильвании, который выдавал себя за потомка сербских деспотов. Георгий Бранкович и его брат митрополит Савва строили планы восстания югославянских народов, валахов и жителей Трансильвании против турецкого господства и создания на Балканах самостоятельного государства. Для осуществления этого замысла Георгий Бранкович надеялся опереться на помощь Габсбургов.

Венский двор, рассчитывая использовать Георгия Бранковича в своих интересах, присвоил ему титул венгерского барона, а позже графа. Осенью 1688 г. он был направлен к командующему императорскими войсками в Венгрии, чтобы помочь формировать сербские добровольческие четы и подготовить восстание на левобережье Дуная. Но Георгий Бранкович решил действовать самостоятельно и начал организовывать восстание балканских народов против турок.

В начале 1689 г. Бранкович с отрядом в 800 человек отправился в придунайский городок Оршаву, чтобы возглавить восстание в северо-восточной Сербии. Но он не решился переправиться со своим отрядом через Дунай, остался в Оршаве и призывал оттуда сербских повстанцев переправляться через Дунай и собираться в его лагерь. Этот призыв не нашел, однако, ожидаемого отклика.

Между тем деятельность Бранковича стала внушать опасения австрийцам. Осенью 1689 г. он был вызван в Кладово к командующему императорскими войсками и арестован. Так Габсбурги пресекли деятельность Георгия Бранковича в самом ее начале. Стремясь использовать помощь местного населения, они вовсе не были заинтересованы в развитии освободительного движения угнетенных Турцией народов, которое могло привести к возникновению на Балканском полуострове независимого государства.

Георгий Бранкович

Осенью 1689 г. главным образом силами сербских добровольческих отрядов была освобождена почти вся северная часть Сербии. После этого австрийское командование решило предпринять глубокий рейд через Сербию и Македонию к Албании и Адриатическому побережью. В этот поход, возглавленный генералом Пикколомини, было направлено небольшое число солдат австрийской армии (3700 человек) и сербское добровольческое войско под командованием Павла Деака.

Войска генерала Пикколомини быстро продвигались в глубь Сербии, почти не встречая сопротивления турок. Население, загнанное отступающими турецкими войсками в горы, возвращалось в свои села и радостно встречало сербских повстанцев, оказывало им всемерную поддержку.

Когда сербы и австрийцы вошли в Македонию, они получили большую помощь от гайдуков, активизировавшихся в это время в районе на север от Скопля, который издавна был центром их деятельности. Крупные группировки гайдуцких отрядов, возглавляемые Карпошем, установили свою власть на значительной территории с городами Куманово, Кратово, Кочани и другими. Население этого района считало Карпоша своим королем. Четы Карпоша вместе с сербским добровольческим войском и австрийскими солдатами вели бои против турок. В октябре 1689 г. был взят Скопле, а затем Призрен.

Вести об этих победах быстро облетели Балканы и вызвали массовые выступления против турецкого господства. В конце 1689 г. правительство Османской империи фактически потеряло власть над Сербией и северной Македонией, народы которых поднялись на борьбу за свое освобождение.

Однако эти успехи оказались непродолжительными. Порта вскоре стянула к Македонии крупные военные силы, которые заняли Скопле, разгромили засевшие в Куманове отряды Карпоша и заставили отступить австрийские и сербские войска к Нишу.

Вслед за ними, спасаясь от мести турок, бежало население из южной Сербии и Македонии.

Осенью 1690 г. наступавшие турецкие войска дошли до Дуная, взяв Смедерево, Белград и Видин. Они разоряли все на своем пути, мстя за восстание. Преследуемые по пятам турками сербы бежали в Черногорию и Герцеговину, массами переправлялись через Дунай. Осенью и зимой 1690 г. в габсбургские владения переселилось около 60—70 тысяч

человек. Среди них было много городских ремесленников и торговцев, духовных лиц, в том числе сербский патриарх Арсений III Черноевич, который был скомпрометирован своими близкими связями с австрийцами и венецианцами. Это так называемое Великое переселение сербов сыграло большую роль в истории сербского народа. Оно способствовало расширению его этнических границ на север.

Жестокое опустошение Сербии и Македонии турецкими войсками тяжело отразилось на экономике этих земель и положении жителей. Хозяйственная разруха, резкая убыль населения в результате эмиграции заставили Порту еще в 1690 г. снизить государственные налоги в этих областях, объявить амнистию участникам восстания. Однако лишь немногие эмигранты рискнули вернуться на родину.

После 1690 г. военные действия союзников против Турции велись довольно вяло. Тяжелая война с Францией не давала Габсбургам возможности активизировать операции на балканском фронте. В 1695 г. началось наступление России против Турции, а в следующем году был взят г. Азов. Петр I собирался продолжить войну с Османской империей и рассчитывал на помощь находившихся под ее властью славянских народов, молдаван и валахов. Поэтому русские дипломаты в Вене установили тесные связи с патриархом Арсением Черноевичем и с другими представителями сербов. Последние искали покровительства у русских послов и всемерно помогали им, сообщая ценные политические сведения.

Во время мирных переговоров в г. Сремски Карловцы, несмотря на неблагоприятные условия, русский представитель попытался защитить интересы православных народов Балканского полуострова — зафиксировать их права и добиться улучшения их экономического положения. Однако это требование не было поддержано остальными союзниками. При продолжении переговоров о мире в Константинополе в 1700 г. русский уполномоченный также ходатайствовал перед Портой об улучшении положения православных народов.

Таким образом, с конца XVII в. Россия выступает на международной арене как защитница интересов балканских народов и пытается использовать их помощь во время русско-турецких войн. Эта политика, проводимая и в дальнейшем, была для русского самодержавия одним из средств расширения своего политического влияния в турецких владениях. Но объективно она имела положительное значение для балканских народов, содействуя развитию их освободительной борьбы.

Сербия, Македония, Босния и Герцеговина под властью Турции в XVIII в.

В XVIII в., после поражения Османской империи в войне со «Священной лигой», ее внутреннее и международное положение продолжало ухудшаться. Все усиливавшаяся слабость центральной власти, разгул феодальной анархии, сложные национальные отношения — все это крайне обостряло обстановку в стране.

Рост антитурецкого движения в Сербии и Македонии в конце XVII в. побудил Порту осуществить ряд мер, которые, по ее расчетам, должны были остановить развитие политической активности населения этих областей и воспрепятствовать усилению освободительной борьбы среди балканских народов.

Одной из таких мер было заселение опустевших юго-западных окраин сербских земель албанцами-мусульманами. Этот процесс наиболее активно шел в Старой Сербии — в Косове и Метохии. Он привел к значительным изменениям этнического состава жителей этого района и ан-

тагонизму между старым и новым населением, усиленно разжигавшемуся Портой.

Другой мерой была политика, направленная на ограничение политической деятельности высшего православного духовенства, которое явно обнаружило свою оппозицию турецкому режиму. Теперь Порта фактически сама назначала сербских патриархов, ранее избиравшихся на церковных соборах и лишь утверждавшихся султанскими берати.

Турецкое правительство усилило экономическое притеснение православной церкви, монастырское и церковное имущество беспрепятственно разграблялось. В дела сербской церкви стала активно вмешиваться и константинопольская патриархия. С конца 30-х гг. на печский патриарший престол стали назначать греков, которые проводили в сербских землях политику эллинизации, грабили сербский народ и имущество самой патриархии.

Охридская архиепископия в XVIII в. находилась в полном упадке. В высшем клире царила коррупция, всевозможные злоупотребления и интриги, что приводило к беспрестанной смене архиепископов. Из-за экономических затруднений некоторые архиепископы вынуждены были просить помощи у римской курии, что давало основание последней навязывать архиепископии унию. Все это вело к полному падению политического значения и культурной роли Охридской архиепископии.

В 1766 г. под давлением фанариотов [1] султан издал фирман о ликвидации Печской патриархии, а вскоре после этого, в 1767 г., была уничтожена автономная Охридская архиепископия. Они были подчинены власти греческого патриарха. Это нанесло тяжелый удар высшему православному духовенству в Сербии и Македонии. Церковная организация окончательно пришла в расстройство. Усилилась эллинизация населения, особенно в Македонии. Греческий язык активно вводился в богослужение и церковную литературу. С ликвидацией Печского патриаршего престола и Охридской архиепископии югославянские народы лишились института, который в XVI — XVII вв. в определенной мере способствовал их консолидации.

Иной была в это время политическая обстановка в Боснии и Герцеговине. После Карловицкого мира 1699 г. Боснийский пашалык снова стал пограничной областью империи. Экспансия Габсбургов на Балканы, усилившаяся в первой половине XVIII в., была направлена прежде всего в Боснию. В результате австро-турецкой войны 1716—1718 гг. боснийские земли по правобережью Савы временно отошли Габсбургам. Стало очевидным, что Порта не в состоянии предоставить средства и войско для защиты Боснии от все нараставшей внешней опасности. Поэтому боснийские феодалы стали самостоятельно организовывать оборону. В Боснии были построены укрепления и крепости, основано много новых капитаний не только в пограничных районах, но и на стратегических путях, и во внутренних частях страны.

Упадок центральной власти в Турции побуждал наиболее сильных боснийских феодалов добиваться полной самостоятельности во внутренних делах. Феодальная знать (аяны), проживавшая в городах и входившая в «вече аянов», сосредоточила в своих руках управление городами и округами. Капитаны постепенно приобрели не только военную, но и гражданскую власть в капитаниях и не подчинялись эялетским властям. Их должность стала переходить по наследству. Янычарская верхушка хозяйничала в ремесленных цехах, скупала земли. Янычары, спахии, капитаны

[1] Фанариоты — богатые греки, жившие в Константинополе в районе Фанар: банкиры, ростовщики, купцы. Фанариоты имели сильное влияние на политику Порты и Константинопольской патриархии.

отказывались выполнять свои военные обязанности по отношению к Турции. Иногда в Боснии наступали длительные периоды полной анархии, как это было, например, в 1747—1756 гг.

Аналогичные явления происходили и в других югославянских землях. Злоупотребления местных властей, мятежи в войске и янычарских частях, совершенно вышедших из подчинения султана, ложились тяжелым бременем прежде всего на беззащитную райю. Население Македонии и Сербии периодически подвергалось нападениям всевозможных разбойничьих банд, число которых увеличилось в связи с ростом дезертирства из турецкой армии, роспуском некоторых местных наемных частей и т. д.

Экономическое развитие югославянских земель шло очень неравномерно. В некоторых областях и районах, например в Македонии, северной Сербии, во второй половине XVIII века имел место определенный хозяйственный прогресс, а в таких, как Босния и Герцеговина, вплоть до последних десятилетий XVIII в. наблюдался почти полный застой.

Македония в хозяйственном отношении была связана с болгарскими землями, с Сербией, Боснией и Герцеговиной. Торговля Македонии тяготела к Болгарии, а также к бассейну Вардара и Эгейского моря.

Развитие товарно-денежных отношений в Македонии было отчасти связано с проникновением в южные районы, главным образом через Салоники (Фессалоника) европейского торгового капитала, прежде всего французского. Салоники до 80-х гг. XVIII в. были главным портом, через который ввозились товары из Европы, распространявшиеся далее по всему Балканскому полуострову. Это оказывало влияние и на северную часть Македонии, где также развивались товарно-денежные отношения. Количество городских жителей стало быстро увеличиваться за счет переселения в города крестьян. В земледелии происходило расширение посевов новых, в том числе и технических культур, начавших распространяться еще в XVII в., — риса, табака, хлопка, которые не столько потребляли на месте, сколько продавали за границу, в Западную Европу. Все более товарный характер получало и скотоводство, продукция которого также в большом количестве вывозилась из страны. Рост овцеводства привел к развитию ремесел, связанных с переработкой шерсти, например суконделия — абаджийства.

В течение XVIII в. хозяйство северной части Сербии, благодаря оживлению дунайского торгового пути все заметнее связывалась со странами Центральной Европы, в первую очередь с югославянскими и венгерскими владениями Австрийской монархии. Этому способствовала и 20-летняя оккупация Габсбургами северной Сербии после успешной для них войны с турками 1716—1718 гг. Кроме того, Пожаревацкий мирный договор, завершивший эту войну, позволил заключить с Портой выгодный торговый договор, по которому подданные Габсбургов получили право свободной торговли при уплате низких пошлин во всех владениях Османской империи. В результате расширились торговые связи австрийских купцов, среди которых было много сербов, с балканскими землями. Эти связи поддерживались прежде всего через Сербию. Во время оккупации северной Сербии Габсбурги старались оживить ремесло и торговлю, начали добычу руды. В это время быстро рос и развивался Белград, через который шел торговый путь из габсбургских владений в балканские земли. Оккупация Австрией северной Сербии несколько активизировала развитие городов, торговли и товарно-денежных отношений, но не улучшила положения сельского населения. Усиление налогового гнета, злоупотребления чиновников, разорительные постои императорского войска вызывали ненависть населения к австрийским властям.

После 1739 г. северная часть Сербии — бывший Смедеревский санджак возвратился под власть Турции и был превращен в особую админи-

стративную единицу — Белградский пашалык. Его пограничное положение заставляло Порту проводить там осторожную политику, не обострять отношений с местным населением. Позиции турецких чиновников и феодалов в этой области заметно ослабли, а процент турецкого населения в городах снизился. В нахиях и кнежинах продолжали существовать органы местного управления, укрепившиеся за время австрийской оккупации. Обер-кнезы в нахиях, кнезы в кнежинах исполняли обязанности чиновников, выступали как доверенные лица землевладельцев, собирали налоги. Турецкие власти должны были считаться с кнезами, иногда уступать их требованиям. В Белградском пашалыке, куда возвращались спахии, были распространены преимущественно мелкие и средние феодальные владения. Зависимость крестьян от спахий сводилась к уплате им небольшой натуральной или денежной земельной ренты. Все это создавало благоприятные условия для хозяйственного оживления в Белградском пашалыке и для притока туда населения из соседних областей.

Экономический подъем выразился прежде всего в росте сельскохозяйственного производства и особенно скотоводства. Благоприятные природные условия и небольшие налоги создавали стимул для увеличения количества скота в крестьянском хозяйстве. Развитию скотоводства способствовало и наличие рынка сбыта в соседних австрийских владениях. Рост товарно-денежных отношений в сербской деревне обусловил формирование слоя сельских торговцев и зажиточных крестьян, расширявших свое хозяйство. Все это создавало предпосылки для становления в Сербии капиталистических отношений.

В XVIII в., особенно во второй его половине, в балканских владениях Османской империи усилился процесс разложения военно-ленной системы и создания чифтликов. Отсталость общественных отношений в Турции, с одной стороны, и развитие в ряде областей Балканского полуострова товарно-денежных отношений — с другой, обусловили противоречивость этого процесса, в котором нашло выражение стремление помещиков феодальными методами приспособиться к новым общественно-экономическим условиям. Но чифтлик-сахибии (владельцы чифтликов) не были помещиками капиталистического типа. Они вели свое хозяйство феодальными методами, используя барщинный труд крестьян. Как и раньше, в XVIII в. чифтлики образовывались путем скупки земли или ее насильственного захвата у крестьян. Создание чифтликов было одним из способов экспроприации крестьянства, однако эта экспроприация не сопровождалось обычно сгоном непосредственных производителей с земли, а вела лишь к усилению их эксплуатации, ухудшению правового положения и т. д.

Распространение чифтликов ускорило разложение военно-ленной системы. Часть ленных земель постепенно переходила в руки новых помещиков. Но некоторые спахии сами стали изменять методы ведения хозяйства, приспосабливать его к условиям развивающегося внутреннего и внешнего рынка. Чифтлик-сахибии использовали землю различными способами: сдавали ее в издольщину, обрабатывали поля и пасли скот с помощью «момков» — крестьян, не имевших своего скота и инвентаря, но чаще всего переходили к барщинной системе хозяйства. Помещики стали производить продукты на продажу. Их хозяйство приобретало товарный характер.

Процесс чифтличенья в разных землях Балканского полуострова происходил неодновременно и с различной интенсивностью[1]. Характерно,

[1] В различных землях этот процесс назывался по-разному: в Сербии и Боснии — почитлученьем, в Македонии — почшфтличеньем. Зависимые от чифтлик-сахибиев (или чифлик-сайбиев) крестьяне назывались обычно чифтчиями, в Боснии также кметами, а в Македонии чифтлигарами.

что чифтликами чаще всего владели в Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине янычары, превращавшиеся таким путем в крупных землевладельцев.

В Белградском пашалыке процесс чифтличенья, прерванный австрийской оккупацией, возобновился во второй половине XVIII в., однако до последнего десятилетия XVIII в. значительная часть крестьян сохраняла свои баштины, уплачивая ренту спахиям. В южных районах Сербии чифтличенье активизировалось несколько позднее и происходило главным образом в XIX в. В Боснии, куда после потери Турцией Славонии, Хорватии и Венгрии бежало много феодалов, лишившихся своих владений, захват крестьянских земель шел весьма активно. К концу XVIII в. значительная часть боснийских крестьян уже была безземельными кметами, обрабатывавшими помещичью землю. Довольно интенсивно создание чифтликов шло в некоторых районах Македонии. Местные крестьяне, лишившись своих прав на землю, должны были или обрабатывать помещичью землю или покидать села и уходить в города, эмигрировать.

Как общая обстановка в Турции, так и положение в самих югославянских землях способствовали дальнейшему обострению противоречий между крестьянами и турецкими феодалами. В XVIII в. в разных частях Балканского полуострова не раз вспыхивали локальные выступления крестьян, в которых иногда принимало участие и мусульманское сельское население (например, в Боснии).

Освободительное движение в XVIII в. наиболее активно протекало в Сербии и было по-прежнему связано с австро-турецкими войнами, проходившими главным образом на территории Сербии и Боснии, овладеть которыми стремились Габсбурги.

Во время австро-турецкой войны 1716—1718 гг., которая была кульминационным пунктом успешного наступления Габсбургов на Балканы, в рядах императорского войска сражалось много сербских и хорватских солдат и офицеров.

Когда в 1737 г. Австрия как союзница воевавшей с Портой России начала войну с Турцией, император Карл VI обратился к балканским народам с манифестом, призывая их восстать и оказывать помощь его войскам. При вступлении в Сербию небольшого австрийского войска к нему стали примыкать добровольцы, из которых были организованы военные отряды. Эти отряды и повстанцы во главе с князем из Старого Влаха Афанасием Рашковичем успешно сражались против турок в юго-западной части Сербии и захватили в свои руки город Нови Пазар. Но императорские войска не сумели там закрепиться и вскоре отступили из Сербии. Это привело к прекращению восстания в юго-западной Сербии уже в самом его начале, вызвало очередное опустошение сербских земель турками и новую волну эмиграции сербов в габсбургские владения.

Неудачная война 1737—1739 гг. приостановила австрийскую экспансию на Балканы и способствовала падению там политического влияния Габсбургов. Тяжелая борьба с Пруссией поглощала все силы Габсбургской империи и не позволяла ей продолжать борьбу за расширение своих владений на Балканском полуострове. В это время наиболее острыми стали русско-турецкие противоречия. С середины XVIII в. ведущее место в борьбе с Турцией перешло к России. Эта перемена расстановки сил в Юго-Восточной Европе в значительной мере определилась в результате успешной для России войны с Турцией 1768—1774 гг. Кючук-Кайнарджийский мир укрепил позиции России в международных отношениях Юго-Восточной Европы. Специальные статьи этого договора были посвящены подвластным Турции народам. Они давали право России защищать интересы православного населения и церкви в Турции.

Занятие Белграда австрийцами в 1789 г.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. обнаружила внутриполитическую слабость и военную отсталость Турции и поставила на повестку дня международной жизни Европы так называемый восточный вопрос — вопрос о разделе турецких владений в Европе. Именно к этому стремилось русское самодержавие, рассчитывавшее укрепить свои позиции на Черном море и обеспечить мореплавание через проливы, ведущие в Средиземное море. Эти планы вызывали большие опасения Габсбургов, для которых расширение русских владений на Балканах представляло непосредственную угрозу. Но Австрии было выгодно действовать против Турции вместе с Россией, в надежде без большого труда получить свою долю при разделе турецких владений.

Планам России и Австрии в отношении Турции активно противодействовали Англия и Франция, которые торговали с Портой на чрезвычайно выгодных условиях, сосредоточивая в своих руках значительную часть торговли на Ближнем Востоке. Препятствуя стремлению России овладеть Черноморским бассейном и выйти на средиземноморский рынок, Англия и Франция всемерно поддерживали Турцию и постоянно использовали ее как орудие в борьбе против России.

В 1787 г. началась новая русско-турецкая война, в которую вскоре вступила и связанная союзным договором с Россией Австрия, рассчитывавшая урвать свою долю при дележе турецких владений в Европе. Начало войны послужило толчком к развитию антитурецкого движения в Сербии. Приток добровольцев из-за Дуная позволил австрийскому командованию сформировать специальные добровольческие части, так называемый сербский фрайкор, которые участвовали во всех боях против турок.

Сербский фрайкор, состоявший из небольших отрядов — чет, в военных операциях против турок широко использовал тактические приемы гайдуцкой борьбы, не ослабевавшей в югославянских землях и в XVIII в. Одним из организаторов четнического движения, получившего в это время широкое распространение, был зажиточный торговец Коча Анджелкович, по имени которого освободительное движение сербов в это время стало называться Кочиной крайной или Кочиной войной.

В начале 1788 г. Коча Анджелкович, действуя по заданию австрийских военных властей, начал организовывать повстанческие четы в Шумадии, как называли центральную лесистую часть Белградского пашалыка. Четническое движение там вскоре приняло широкие размеры. Связь между Белградом и Нишем, откуда шло снабжение Белграда продовольствием и военными припасами, была прервана, четы совершали нападения на Пожаревац, Крагуевац, Баточину. Популярность Кочи росла, чему способствовали победы его чет, насчитывавших до 3 тыс. человек.

Но успехи партизанской борьбы в Шумадии оказались непродолжительными. Воодушевление четников быстро остыло, когда стало очевидным, что австрийцы не собираются начинать наступления в Сербии. Не имея достаточного количества боеприпасов и продовольствия, слабо дисциплинированные отряды не могли долго противостоять турецким войскам, стянутым к этому времени в Сербию. Поэтому первые поражения чет Кочи привели к их быстрому распаду.

Летом 1788 г. крупные турецкие части предприняли наступление в Сербии, принудив восставшее население сложить оружие. Боснийские феодалы с большим войском также выступили против Габсбургов. Лишь во второй половине 1789 г., стремясь обеспечить почетный мир, австрийцы начали наступать, взяли Белград и оккупировали северную часть Сербии. Но эта оккупация длилась немногим более года. В конце 1790 г. Габсбурги вывели свои войска из Сербии и в 1791 г. заключили Систовский мирный договор с Турцией, по которому между ними сохранялись старые границы. Так закончилась последняя австро-турецкая война, вызвавшая у сербов глубокую обиду и разочарование в корыстной политике Вены. «В короткое время немцы трижды сербский народ предавали и под саблю турок отдавали..., — писал современный летописец. — Отныне, отцы и братья, смотрите, чтобы не пострадать, как теперь, когда на наш народ пришла погибель».

Однако участие в австро-турецких войнах и особенно широкое четническое движение в 1788 г. дало сербам большой военный опыт, позволило выработать тактику борьбы с турецкими войсками, что в известной мере способствовало успеху национально-освободительной борьбы против власти Турции, начавшейся в 1804 г.

Борьба черногорцев за освобождение от власти Турции и создание самостоятельного государства в XVII—XVIII вв.

В период турецкого господства Черногория охватывала лишь небольшую часть той территории, которую она занимает в настоящее время. Это была маленькая горная область, лежавшая на запад от рек Морачи и Зеты. В общественно-экономическом отношении Черногория отставала от других югославянских земель. Переход под власть турецких феодалов низменных районов около Подгорицы и Жабляка лишил черногорцев плодородных земель и осложнил ведение торговли. Присоединение к Венеции всего далматинского побережья от Котора до Бара преградило им доступ к морю и еще более ухудшило экономическое положение Черногории.

Занимаясь главным образом скотоводством, обрабатывая мизерные участки земли, отвоеванные у покрытых камнем гор, черногорцы не могли удовлетворить даже самых необходимых жизненных потребностей и обычно жестоко страдали от голода. Торговые связи поддерживались с близлежащими городами — Подгорицей, Спужем, Никшичем, Скадаром, но главным образом с Котором, куда черногорцы отправляли на продажу скот и продукты скотоводства, а покупали соль, хлеб, порох и прочие необходимые им товары. Черногорцы должны были постоянно защищать

свою землю от нападений турецких войск или соседних племен. Это воспитало в них хорошие боевые качества, сделало для многих из них военное дело профессией. Так как Черногория считалась султанским хасом, в ней не было владений турецких феодалов. Удобная для обработки земля находилась в частном владении отдельных семей, лесами и пастбищами на правах коллективной собственности владели сельские общины.

Турецкому правительству так и не удалось укрепить свою власть в Черногории, зависимость которой от Порты была слабой и фактически сводилась к уплате черногорцами харача, нередко собиравшегося с помощью военной силы. Черногорцы имели также военные обязательства перед Портой: они должны были защищать границу от нападений извне. Особые условия, сложившиеся в Черногории, — оторванность от внешнего мира, необходимость защиты свободы от турецких посягательств — привели к тому, что там образовались на основе существовавших ранее княжин территориально-административные единицы — племена, состоявшие из нескольких братств. Племенные объединения стали и военно-политическими союзами. Они совместно защищались от нападений и вели военные действия. Племена оказывали защиту своим членам, в них строго соблюдались установления местного права, включавшего некоторые архаические обычаи, например кровную месть. В каждом племени имелся свой збор — скупщина всех взрослых членов, решения которого были для всех обязательными. Однако по существу вся власть сосредоточивалась в руках старейшин — князей и воевод, фактически пользовавшихся наследственными правами на эту должность. Кроме того имелся главный князь или спахия всей Черногории. Он выступал обычно посредником в отношениях между турецкими властями и черногорцами. Но власть главных князей и спахиев, как правило, была невелика.

В Черногории существовал общий представительный орган — збор или скупщина. На нем решались наиболее важные вопросы внутренней жизни, отношений с турками, Венецией и другими государствами. Решения выносились митрополитом, главным князем и остальными воеводами и князьями — представителями каждого племени. Однако они могли бы быть отменены присутствовавшим на зборах народом.

Несмотря на существование этого общечерногорского представительного органа, племена были очень разобщены между собой, среди них не прекращалась вражда и вооруженные столкновения. Межплеменная рознь нередко разжигалась и турецкими властями, рассчитывавшими таким путем усилить свою власть и влияние в Черногории. С той же целью проводилась политика исламизации, что привело к образованию среди черногорцев слоя потурченцев, правда, незначительного по численности.

В этих условиях единственным фактором, объединявшим черногорские племена, была православная церковь. В XVII и особенно в XVIII вв. постепенно увеличивалась власть и политическое значение черногорских митрополитов, медленно, но неуклонно объединявших племена в единое государственное целое. Резиденция черногорских митрополитов, или владык — Цетинский монастырь — располагалась в неприступных горах Катунской нахии. Монастырь постепенно увеличивал свое имущество и земельные владения, на которых жили крестьяне, находившиеся от него в феодальной зависимости. Впоследствии он превратился в политический центр всей Черногории.

В XVII в. турецкое правительство и феодалы усилили нажим на черногорские племена, стремясь лишить их автономных прав, принудить к регулярной уплате харача и ввести новые налоги. Эта политика встречала активный отпор со стороны черногорцев, защищавших свои права и привилегии. Борьба черногорцев возглавлялась и организовывалась митрополитами, отдельными князьями и воеводами.

Благодаря своему важному стратегическому положению в системе турецких владений на Балканах, Черногория в XVII в. стала привлекать к себе все большее внимание европейских правительств, заинтересованных в борьбе с Турцией. Черногорские митрополиты, князы и воеводы, со своей стороны рассчитывали опереться в борьбе с турками на помощь извне. Непосредственная близость Венецианской республики, ведшей войны с Османской империей, экономические связи черногорцев с Котором и другими центрами Приморья — все это способствовало установлению близких политических отношений Черногории с Венецией.

Вместе с далматинцами, брдскими и герцеговинскими племенами черногорцы предприняли антитурецкое выступление во время Кандийской войны Турции с Венецией из-за Крита. В 1648 г. черногорский збор вынес решение об установлении протектората Венеции над Черногорией при условии, если республика примет на себя определенные обязательства. Однако этот акт не имел реальных последствий из-за неудачи военных действий Венеции против турок.

Антитурецкое движение в Черногории приняло широкий размах во время войны «Священной лиги» с Турцией. Значительно ослабевшая к этому времени Венеция рассчитывала вести войну в Далмации и Черногории силами местного населения. Поэтому венецианцы всеми способами склоняли черногорского владыку и племенных вождей поднять восстание против турок. Чтобы предотвратить его, скадарский паша с большим войском выступил против черногорцев и нанес им в 1685 г. поражение в битве у Вртельской. Этим, однако, он не смог принудить черногорцев к покорности. В 1688 г. вооруженная борьба черногорских племен против турок вновь активизировалась. В битве у села Крусы они нанесли туркам серьезное поражение. После этого черногорский збор, представленный значительной частью племен во главе с митрополитом Виссарионом, решил перейти под власть Венеции и просить сеньорию послать свое войско в Цетинье. Столкновения с турецкими войсками продолжались и в следующие годы. Но Венеция не оказывала черногорцам достаточной военной помощи. Прибывший в Цетинье в 1691 г. небольшой военный отряд не мог защитить Черногорию от турецких нападений. В 1692 г. турецкие войска вновь вторглись в Черногорию, овладели Цетинским монастырем и разгромили его.

После этого освободительное движение черногорцев стало постепенно ослабевать. Оставленные на произвол судьбы Венецией, они вынуждены были признать суверенитет турецкого правительства. Однако Порте так и не удалось установить прочную власть над черногорскими племенами. В XVIII в. борьба черногорцев против турок вступает в новую фазу. Она ведется теперь за полное освобождение от турецкой власти и создание собственной государственной организации.

Большое значение в этом отношении имел период правления митрополита Данилы Шчепчевича из племени Негушей (1697—1735 гг.). В своей деятельности Данила опирался на тех племенных старейшин, которые были заинтересованы в укреплении внутреннего единства племен и полном освобождении от турецкой власти. Данила Шчепчевич приложил много усилий для ослабления в Черногории межплеменной розни, что было важным условием успешной борьбы против Турции. В 1713 г. им был создан общий для всей Черногории судебный орган — «Суд владыки Данилы», состоявший из 12 племенных старейшин.

Владыка Данила в согласии с племенными старейшинами решил истребить и изгнать из Черногории потурченцев, количество которых к этому времени заметно выросло. Проведение в жизнь этой меры способствовало укреплению внутреннего единства черногорских племен и ослабило турецкое влияние.

В первой половине XVIII в. в противовес влиянию Венеции, политика которой вызывала постоянное недовольство и разочарование в Черногории, были установлены и быстро окрепли политические связи черногорцев с Россией. Это в дальнейшем сыграло громадную роль в борьбе черногорцев за независимость и создание самостоятельного государства.

Когда после Полтавской битвы 1709 г. вновь назрел военный конфликт между Россией и Турцией, Петр I попытался получить помощь в предстоящей войне от молдаван и валахов, сербов и черногорцев. В марте 1711 г. русское правительство издало грамоту, в которой призывало все порабощенные Турцией народы восстать и помогать русским войскам. Эта грамота была направлена со специальными посланцами — Михаилом Милорадовичем, Иваном Лукашевичем и Иваном Албанезом.

Надежды Петра I на военную помощь русским войскам со стороны молдаван, валахов и австрийских сербов по различным причинам не осуществились. Наибольший успех призыв Петра I имел у черногорцев, которые летом 1711 г. начали четническую борьбу против турок. В союзе с брдчанами и соседними герцеговинскими племенами они напали на укрепленные города Никшич, Спуж, Подгорицу и Гацко, но не смогли их взять. После неудачного для русских окончания войны борьба черногорцев против турок не прекратилась, хотя постепенно пошла на убыль. В 1712 г. турки, совершив военную экспедицию в Черногорию, потерпели поражение в битве у Царева Лаза. Эта неудача заставила Порту в 1714 г. вновь предпринять опустошительный набег на Черногорию, во время которого в непокорившейся туркам Катунской нахии, а также на территории племен Озриничей и Негушей было разорено и сожжено большинство сел. Но туркам так и не удалось сломить сопротивление черногорцев и остановить развитие их дружественных связей с Россией.

В 1715 г. владыка Данила отправился в Россию, где рассказал о тяжелом положении черногорцев и их борьбе за независимость. Он получил большое количество церковных книг и утвари, а также значительную денежную сумму для раздачи пострадавшим от турецких насилий и восстановления разрушенных церквей. Петром I была установлена и постоянная денежная субсидия Цетинскому монастырю.

В дальнейшем черногорские митрополиты не раз посещали Россию. Материальная и политическая помощь, которую оказывала Россия черногорцам в XVIII в., способствовала успеху их освободительной борьбы. Население этой маленькой горной области видело в России свою единственную спасительницу и будущую освободительницу. То обстоятельство, что связи с русскими поддерживались через духовенство и митрополитов, способствовало росту политического авторитета последних не только среди черногорцев, но и среди соседних брдских и герцеговинских племен.

Вместе с тем в первой половине XVIII в. Венеция сохраняла свое политическое влияние в Черногории. Во время ее войны с Турцией 1714—1718 гг. черногорский збор снова решил стать под защиту республики. В 1717 г. черногорцы оказали значительную помощь венецианцам, воевавшим в Далмации. По предложению Венеции с этого времени черногорцы начинают избирать своего управителя гувернадура (губернатора), который наряду с владыкой осуществлял светскую власть. Гувернадуру и ряду племенных старейшин сеньория стала выдавать постоянную денежную плату, что делало многих из них послушным орудием венецианской политики. В то же время после перехода к Венеции по Пожаревацкому миру приморских общин (Грбаль, Маини, Побори и Брайчи), которые по существу являлись составной частью Черногории, она потеряла последние выходы к морю. Все это содействовало росту экономической и политической зависимости черногорских племен от Венецианской республики, но не укрепляло их позиций в борьбе с Турцией.

Преемник Данилы владыка Савва был слабым и малоэнергичным правителем. Он не продолжал политику, направленную на полное освобождение Черногории от турецкой власти, попустительствовал попыткам венецианцев вмешиваться во внутренние дела черногорских племен.

Племянник Саввы Василий, который замещал владыку во время его двухлетнего пребывания в России в 1742 —1743 г., а позднее стал митрополитом (1750—1766 г.), был гораздо более дальновидным и активным политическим деятелем. Он направил свои старания на создание в Черногории государственной организации. Им был вновь сформирован общечерногорский суд из племенных старейшин, который, однако, просуществовал недолго.

В своей внешней политике митрополит Василий полностью ориентировался на поддержку России. Он стремился снизить влияние Венеции в Черногории и добиться полной независимости страны от Порты. Владыка Василий трижды ездил в Россию, где добивался предоставления черногорцам денежных пособий. В России он написал и опубликовал в 1754 г. «Историю Черной Горы». Эта книга, содержавшая много неточностей и преувеличений, преследовала прежде всего политические цели. Изображая свою родину более обширной и сильной, чем она была на самом деле, полностью свободной от турецкой власти, Василий рассчитывал привлечь к ней внимание русского правительства и общества.

Кратким, но интересным периодом в истории Черногории было правление самозванца Степана Малого (1767—1773 гг.). В период второго правления владыки Саввы этот иностранец неизвестного происхождения, назвавшись русским императором Петром III, спасшимся будто бы от смерти, ловко использовал легковерность черногорцев и страстную приверженность их к России для укрепления своего авторитета. Степан Малый, которого поддерживали сторонники умершего в России владыки Василия, стремился к укреплению в Черногории единой власти и порядка. Строгими мерами он добивался прекращения межплеменных распрей, кровной мести, краж, завел снова суд, собирал налоги с населения, употребляя их на общественные дела.

Появление самозванца в Черногории по разным соображениям вызвало большое беспокойство Турции и Венеции, а также России. В 1768 г. турецкие войска совершили карательную экспедицию в Черногорию, рассчитывая расправиться со Степаном. Но это им не удалось. Началась война с Россией, и турецкие войска были вынуждены покинуть Черногорию. Вскоре после этого туда прибыл князь Долгорукий, который должен был организовать восстание югославянских народов и в первую очередь черногорцев против Турции. Долгорукий попытался разоблачить самозванца и арестовал его, но поняв вскоре, что Степан Малый не представляет опасности для России, вернул его к власти.

Степан Малый погиб от руки нанятого скадарским пашой убийцы. Предпринятые им преобразования так и не были довершены.

С конца 60-х гг. наступило охлаждение русского правительства к Черногории. В 1777 г. черногорская делегация, прибывшая в Россию, не получила обычной денежной помощи. Гувернадур Йован Радонич, расширивший после гибели Степана Малого свою власть, стал искать сближения с Австрией. Митрополит Петр I Петрович Негош (1784—1830 гг.) сделал попытку восстановить дружественные отношения с Россией и в 1785 г. отправился в Петербург. Но царское правительство, подозревая Петра в связях с Веной, выслало его из столицы.

В последних десятилетиях XVIII в. Черногория стала подвергаться нападениям скадарского визиря Махмуда-паши Бушатли, пытавшегося создать самостоятельное государство в северной Албании и присоединить к нему Черногорию. В 1785 г. Махмуд-паша Бушатли во главе 30-ти ты-

сячного войска вторгся в пределы Черногории. Вследствие недостатка боеприпасов черногорцы оказались в тяжелом положении. К тому же среди черногорских племен не было единства: некоторые племенные старейшины были подкуплены и отказались от борьбы. Во время похода войска Махмуда-паши подвергли страну опустошению, а Цетинский монастырь предали огню. В Черногории начался сильный голод.

Когда в 1787 г. вновь началась война Турции с Россией, на стороне которой в следующем году выступила и Австрия, союзные державы пытались склонить черногорцев к военным выступлениям против Турции. Не ведя активных действий, черногорцы отразили несколько турецких нападений в районе Спужа и Подгорицы, отвлекая на себя силы турок.

Во время этой войны в Черногории разгорелась борьба между двумя группировками старейшин, одна из которых, во главе с гувернадуром Йованом Радоничем, придерживалась прогабсбургской, а другая, возглавленная митрополитом Петром I, — прорусской ориентации. Петр I постепенно усилил свой личный авторитет и влияние в Черногории, сосредоточив в своих руках всю власть и руководство борьбой за полное освобождение Черногории от власти Турции.

После окончания войны России и Австрии против Турции возобновились военные нападения на Черногорию Махмуда-паши Бушатли, однако они успешно отражались. Летом 1796 г. черногорцы отбили крупное наступление его войска, но Махмуд-паша, вскоре вновь вторгся в пределы Черногории с большими военными силами. Черногорские и брдские племена, объединившись, нанесли ему решительное поражение в битве у села Крусы (22 сентября 1796 г.). В этой битве пал и сам организатор и предводитель похода — Махмуд-паша; его голова в качестве трофея была привезена в Цетинье. Битва при Крусах явилась поворотным моментом в истории Черногории: с этого времени она становится фактически независимым от Турции государством.

ГЛАВА 16

ДУБРОВНИЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

Признание верховной власти Османской империи не отразилось на внутреннем и внешнеполитическом положении Дубровницкой республики, создав для нее значительные преимущества в торговле с землями, находившимися под турецким владычеством. В то же время Дубровник поддерживал дружественные отношения с Испанией, превратившейся в XVI в. в наиболее могущественное государство Средиземноморского бассейна. Опираясь на защиту Порты и поддержку Испании, Дубровник с помощью дипломатии успешно противостоял Венеции, старавшейся установить свое полное господство в торговле на Адриатике и в восточном Средиземноморье. В первой половине XVI в. продолжался расцвет экономической жизни Дубровника и в первую очередь его сухопутной и морской торговли. Прекращение войн на Балканском полуострове позволило дубровчанам снова значительно укрепить свои экономические позиции в югославянских землях. Во всех крупных городах европейской части Турции дубровчане имели колонии (всего их было около 30—40). Проживавшие в них дубровницкие купцы и ремесленники поддерживали тесные связи с местным торгово-ремесленным населением. Они скупали на Балканах скотоводческие и земледельческие продукты, сырье, металлы и пр., а из западноевропейских и восточных стран ввозили туда промышленные товары, главным образом ткани, в том числе и производимые в самом Дубровнике, а также соль. Уплачивая незначительные пошлины (2% от стоимости товаров), пользуясь различными привилегиями, которые предоставила им Порта, заинтересованная в торговом обмене с европейскими странами, дубровчане почти не имели конкурентов в торговле с балканскими землями. Во второй половине XVI в. средняя ценность товаров, ввозимых в Дубровник из Турции, исключая Сирию и Египет, составляла около 150 тысяч дукатов в год, а вывезенных — на одну треть больше. Ввоз в Турцию особенно увеличивался во время ее войн с европейскими государствами, когда Дубровник, неизменно соблюдавший нейтралитет в международных конфликтах, предпочитавший помогать обеим сторонам и пользоваться их услугами, сосредоточивал в своих руках все торговые связи с Османской империей.

В XVI в. Дубровник вел оживленную морскую торговлю с Египтом и Сирией, откуда вывозились как сельскохозяйственные продукты,

так и дорогие ремесленные изделия и пряности, с Италией, Испанией и другими европейскими государствами. Дубровницкий флот в это время значительно увеличился и насчитывал до 200 судов. На них перевозились и товары иностранных торговцев. Во всех крупных портах Средиземного моря республика имела своих представителей и постоянно проживавших купцов, которые занимались посреднической торговлей. Мореходство было важной статьей дохода города и служило занятием значительной части его населения.

Улица в Дубровнике

Одним из крупных источников дохода богатых дубровчан были денежные операции. Капиталы вкладывались в торговые, мореходные и страховые компании. Дубровницкие банкиры поддерживали деловые отношения с банкирскими домами Италии, Константинополя, Мадрида, Лондона и т. д. Вывоз капиталов за границу вел к исключению их из торгового оборота, снижал городские доходы. Поэтому в 1575 г. был установлен высокий налог на капиталы, вложенные за границей.

В ремесленном производстве Дубровника в XVI в. не произошло больших изменений. В это время сохранялось некоторое число мануфактурных ткацких предприятий, которые постепенно приходили в упадок. Но ткачество по-прежнему оставалось наиболее распространенным в городе ремеслом.

Экономическое оживление побуждало в XVI в. некоторых крестьян оставлять землю и переходить к занятиям, приносившим большой доход. Городские власти не препятствовали этому, а владельцы земли не проявляли в это время большого интереса к ее хозяйственной эксплуатации, так как имели другие источники дохода.

Во второй половине XVI в., когда в связи с великими географическими открытиями изменилась экономическая конъюнктура в бассейне Средиземного моря, появились первые признаки упадка Дубровника, которые становились все явственней в следующие столетия. В это время стала постепенно снижаться морская торговля дубровчан. Их место начали занимать французские, голландские и английские купцы. Упала торговля дубровчан с балканскими землями, откуда они вытеснялись местными торговцами.

В XVII в. обострились отношения Дубровницкой республики с Венецией, которая, потеряв бо́льшую часть средиземноморских рынков, ожесточенно боролась за сохранение и расширение своих позиций в восточной части Адриатического побережья и в торговле с турецкими владениями, пытаясь вытеснить оттуда дубровчан. Венеция препятствовала торговле

Землетрясение в Дубровнике в 1667 г.

Дубровника с итальянскими городами, вынуждала уплачивать высокие пошлины за товары, перевозимые на дубровницких судах по Адриатическому морю, а при удобной ситуации предпринимала попытки подчинить Дубровник своей власти. Против всего этого город боролся дипломатическим путем, используя покровительство Порты, Испании или римской курии.

Торговля дубровчан в Турции и на море несколько ожила во время Кандийской войны 1645—1669 гг., хотя население республики сильно страдало от военных действий, происходивших на ее территории и в соседних районах. В 1667 г. на Дубровник обрушилось тяжелое стихийное бедствие — сильное землетрясение, за которым последовал пожар. В результате была уничтожена бо́льшая часть городских построек, городу был нанесен громадный материальный ущерб. Во время землетрясения и пожара погибло около четырех тысяч жителей, т. е. более половины населения. Узнав об этой катастрофе, в Дубровник прибыли войска боснийского паши и значительный отряд венецианцев. И те и другие, предложив свою помощь, рассчитывали занять город. Дубровницкая властела сумела собрать силы и устранить эту опасность, но город так и не смог полностью оправиться после перенесенного бедствия.

Во время войны «Священной лиги» с Турцией вблизи Дубровника и на его территории шли военные действия, от чего сильно страдали местные жители. Венеция, ведшая бои в Далмации, рассчитывала воспользоваться удобным случаем для захвата города. Это вынудило дубровчан искать защиту у Габсбургов. В 1684 г. был подписан договор, по которому император Леопольд I принимал Дубровник под свою верховную власть. Однако этот договор потерял реальное значение после отступления габсбургских войск на балканском театре военных действий.

В конце XVII—XVIII вв. лишь немногие дубровчане занимались предпринимательской и торговой деятельностью на Балканах. Почти полностью прекратилась их торговля со странами Леванта. Дубровницкие моряки перевозили по Адриатическому морю товары, главным образом, иностранных купцов. К этому времени многие богатые горожане бросили заниматься торговлей и предпринимательской деятельностью. Часть из них разорилась, часть превратилась в рантье, давала деньги в рост. С упадком других доходов властела стала жить прежде всего за счет земельной ренты и хозяйственной эксплуатации своих земель, домов и т. д. Поэтому она старалась крепче привязать крестьян к земле, усилить их эксплуатацию, особенно за счет отработочной ренты.

В середине XVIII в. несколько изменилась экономическая конъюнктура на Средиземном море. Пришел конец господству Венеции в Адриатике. Вытеснившие ее Габсбурги еще не имели сил занять там монопольное положение. Установлением свободного мореходства в Адриатическом море не замедлили воспользоваться дубровчане, быстро увеличившие свой флот. Но при попытках расширить торговлю в Средиземноморье дубровчане натолкнулись на тяжелую конкуренцию с Францией, считавшей Дубровник турецким владением, в котором действуют все торговые привилегии, полученные Францией от Порты.

Когда в 1768 г. началась русско-турецкая война и русский флот появился в Средиземном море, дубровчане оказывали помощь туркам, перевозя их войска, снаряжение и продовольствие. Однако командующий русским флотом Алексей Орлов потребовал от Дубровника согласия на основание в городе русского консульства и православной церкви. В 1775 г. было достигнуто соглашение относительно открытия в Дубровнике консульства, которое, по плану русского командования, должно было стать опорным пунктом влияния России на Балканах.

Политический строй в Дубровнике на протяжении XVI—XVIII вв. оставался почти неизменным. До конца существования самостоятельной городской республики властела сосредоточивала в своих руках всю власть, за редкими исключениями не допуская горожан к управлению городом. Этому способствовало и усиление дифференциации пучан, создание среди их зажиточных слоев замкнутых корпораций, подобных властельской,— братств так называемых антуанинов, появившихся еще в XIV в., и лазаринов[1]. В братство антуанинов входили наиболее зажиточные граждане, по источникам своих доходов и образу жизни почти не отличавшиеся от властелы. Второе братство состояло из представителей низших слоев и крестьян, обогатившихся на торговле. В XVIII в. членство в этих братствах превратилось в почетное звание, которое присваивалось городскими властями. Существование таких замкнутых корпораций среди горожан ослабляло их борьбу против сосредоточения всей власти в руках патрициата.

После землетрясения 1667 г. заметно поредели ряды властелы. Это побудило Великое вече принять в свой состав новых членов из числа антуанинов. Но так называемая новая властела не заняла равноправного положения со старой, что повело в XVIII в. к усилению борьбы среди городского патрициата.

В 1806 г. Дубровник был оккупирован французскими войсками, а в 1808 г. Дубровницкая республика перестала существовать.

[1] Названия «антуанины» и «лазарины» возникли от имен покровителей этих братств — св. Антуана и св. Лазаря.

ГЛАВА 17

ДАЛМАЦИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕНЕЦИИ

В начале XV в. Венеция находилась в расцвете своего экономического и политического могущества. Она вела активную внешнюю политику, расширяя свои приобретения на восточном побережье Адриатики. Овладев к 1420 г. большинством городских общин на далматинском побережье и значительной частью близлежащих островов, Венеция не ограничилась этими приобретениями. Постепенно под власть сеньории попали также остров Крк, город Омиш с округой и Полицкая община, прибрежная территория между реками Цетиной и Неретвой (так называемая Крайна), город Будва и соседняя с ним автономная сельская община Паштровичи. К концу XV в. владения республики св. Марка на восточном побережье Адриатики, за которыми в это время закрепляется наименование Далмация, в северной ее части простирались от острова Крк до реки Неретвы; далее шла территория Дубровника, к югу от которой в состав венецианских владений в Далмации в конце XV — первой половине XVI вв. входили Котор с окрестными селениями, Будва, Паштровичи, Бар и Улцинь. Кроме того, венецианцам принадлежал ряд городов в Албании — так называемая Венецианская Албания (позднее это наименование было распространено на все венецианские владения к югу от территории Дубровника). Как правило, далматинские владения Венеции охватывали лишь узкую прибрежную полосу, а на самом севере в ее руках вообще находились только острова.

Венеция еще продолжала расширять свои владения в Далмации, а над ними уже нависла угроза турецкого завоевания. Первые значительные вторжения турок на территорию, принадлежавшую далматинским городским общинам, произошли в период венецианско-турецкой войны 1463—1479 гг. Турки, захватив к этому времени Боснию, неоднократно совершали с ее территории набеги в окрестности Сплита, Шибеника, Задара и других далматинских городов. Новую волну турецких вторжений в Далмацию повлекла за собой венецианско-турецкая война 1499—1502 гг., в результате которой Венеция потеряла на побережье город Макарска. Но и после мира 1502 г. турки продолжали совершать набеги на далматинские города. Венеция, занятая борьбой в Италии и на ближнем Востоке, не могла оказывать далматинцам достаточной помощи. Некоторую преграду для турецких вторжений в венецианские владения в Далмации представляли лишь находившиеся по соседству с этими владениями хор-

ватские крепости. Однако в 20-х гг. XVI в. туркам удалось овладеть важнейшими из них — Обровацем, Книном и Синем, а в 1537 г. пало последнее хорватское укрепление в Далмации Клис, который в течение многих лет героически обороняли военные поселенцы — ускоки. Со взятием Клиса для боснийских пашей, возглавлявших обычно военные походы на побережье, уже не было больше никаких препятствий для нападений на далматинские города.

Эти нападения, не прекращавшиеся и в период перемирий между Венецией и Турцией, принимали особенно значительные размеры во время войн между ними в 1537—1540 гг. и 1570—1573 гг.

Как и повсюду в Далмации турки во время набегов не только грабили и жгли поселения, но и угоняли в плен местных жителей. Спасаясь от турок, многие далматинцы бежали с побережья на острова. Поэтому к XVI в. заметно уменьшилась численность населения на далматинском побережье. Так, согласно одному свидетельству, к 1511 г. число жителей в окрестностях Задара сократилось примерно на 10 тысяч человек. Одним из следствий турецкой агрессии был резкий упадок сельского хозяйства в Далмации. Исключение представляли лишь острова, где землевладельцы, используя приток переселенцев, несколько расширили обрабатываемую под посевы площадь. Однако это далеко не могло компенсировать запустение возделываемых земель на побережье, в силу чего даже в урожайные годы далматинские коммуны были вынуждены ввозить значительное количество хлеба.

Турецкое господство на Балканском полуострове сказалось и на экономике самих далматинских городов, приведя к сокращению их торговых связей с внутренними районами полуострова. Не мог не отразиться на Далмации и начавшийся во второй половине XVI в. общий упадок торговли в Средиземноморье. Неблагоприятные последствия для торговли, которая играла важную роль в экономической жизни далматинских городов, имела и политическая зависимость от Венеции. Венецианцы, видевшие в далматинских купцах конкурентов, в течение XV—XVI вв. не раз издавали предписания, ограничивавшие их торговые связи с другими странами. Далматинцы могли торговать с иностранными государствами только через Венецию и лишь на венецианских кораблях направлять свои товары на внешние рынки.

Вследствие неблагоприятных условий для экономического развития производственные отношения в Далмации в течение позднего средневековья изменились мало. В сельском хозяйстве одной из господствующих форм эксплуатации продолжала оставаться издольная аренда — так называемый колонат, особенно широко распространенный в окрестностях городов. За пределами городских земель преобладала, судя по всему, кметская форма зависимости; хотя и здесь также практиковалась издольщина, однако, она сочеталась с отработками, денежными платежами и натуральными приношениями — «дарами». В городских коммунах и в самоуправляющихся общинах на островах население, как и прежде, делилось на две основные категории: привилегированную знать — патрициат, в большинстве своем землевладельцев, и простонародье — пучан, состоявших из торговцев, земледельцев, ремесленников, матросов и т. п. Начавшийся еще в предшествующий период процесс выделения из числа пучан зажиточных людей, привел к появлению среди простонародья высшего слоя—так называемых горожан. Как и раньше, обособленное сословие составляло в Далмации духовенство.

Венецианское господство повлекло за собой некоторые перемены в административном управлении далматинских коммун. Во главе каждой из них республика св. Марка поставила князя, избираемого ее сенатом из числа венецианцев. Князья эти, посылаемые обычно сроком на два

года, председательствовали в главных органах самоуправления коммун, рассматривали совместно с избираемыми местной знатью судьями уголовные и гражданские дела, осуществляли надзор за деятельностью должностных лиц, возглавляли местные военные гарнизоны и т. п.

Первоначально для решения вопросов, связанных с обороной и управлением всей Далмации, Венеция ограничивалась лишь временным направлением сюда своего представителя — синдика; обычно он посылался на время войны или в других исключительных случаях. В конце XVI в. была установлена постоянная должность венецианского наместника в Далмации и Венецианской Албании — генерального провидура с местом постоянного пребывания в Задаре. Генеральный провидур возглавлял вооруженные силы и административное управление в венецианских владениях на восточном побережье Адриатики, а также выступал посредником между далматинскими коммунами и центральными органами власти республики св. Марка.

Несмотря на то, что Венеция ограничила автономию далматинских коммун, в их жизни по-прежнему важную роль продолжали играть органы самоуправления, в первую очередь Великое вече (Большой совет), находившийся в руках патрициата. Используя свое политическое господство, патрициат стремился переложить все тяготы, вызванные постоянными войнами и хозяйственным упадком, на плечи простонародья. В этой связи в XV—XVI вв. с новой остротой развернулась борьба пучан за политические права. Особенно активную роль в ней играли разбогатевшие представители простонародья — «горожане». В некоторых городских коммунах пучанам в течение XV в. удалось создать свои политические объединения — «конгрегации» (советы), которые они стремились уравнять в правах с Великим вечем (Большим советом). В большинстве же далматинских коммун простонародье вело борьбу за право участия в Большом совете. Венецианцы, заинтересованные в ослаблении самостоятельности далматинского патрициата, подчас оказывали некоторую поддержку пучанам. Однако всякий раз, когда дело принимало угрожающий для патрициата оборот, Венеция решительно выступала на защиту его интересов.

Борьба пучан против знати в XV—XVI вв. охватила все далматинские коммуны. После почти столетней борьбы пучане Бара в 1512 г. добились признания равноправия созданного ими совета с советом городского патрициата. Примерно в это же время компромиссным соглашением закончилось выступление простонародья в Шибенике.

Наиболее крупным народным движением было восстание, вспыхнувшее в 1510 г. на острове Хвар. В ходе этого восстания, вызванного крайним произволом местной знати, пучане захватили в свои руки власть на острове. Восставшие провозгласили ликвидацию привилегий знати, признание за каждым пучанином права участвовать в выборах и быть избранным в Великое и Малое веча, а также полное налоговое равенство. Крупный отряд солдат, посланный Венецией по просьбе хварского дворянства, был наголову разбит повстанцами. Около трех лет народные массы Хвара успешно отстаивали свою власть на острове. Лишь в конце 1514 г. венецианцам удалось подавить восстание и восстановить господство хварской знати. Однако, опасаясь новых выступлений, Венеция была вынуждена удовлетворить одно из основных требований пучан, признав за ними право участвовать в контроле над общей казной Хварской коммуны.

Восстание на острове Хвар вызвало широкий отклик в других далматинских коммунах. Помимо упомнавшихся движений в Баре и Шибенике, сохранились известия о народных выступлениях во время хварского восстания на острове Крке, в Задаре, Сплите и Улцине. Имеется также немало свидетельств об отдельных выступлениях далматинских пучан во

второй половине XVI в. В результате упорной борьбы пучане многих далматинских коммун в конечном итоге добились расширения своих политических прав; к началу XVII в. они уже нередко в той или иной степени участвовали в решении важнейших вопросов.

Подобно тому, как это имело место во время хварского восстания, в некоторых других коммунах также происходили столкновения между пучанами и венецианскими властями. Имели место в Далмации и отдельные народные выступления, непосредственно вызванные действиями венецианцев (например восстание 1539 г. на острове Рабе). Народные массы были настроены против Венеции не только потому, что она в решающие моменты всегда вставала на сторону патрициата. Все далматинцы, и в первую очередь пучане, были недовольны экономической политикой республики св. Марка и тем, что она не оказывала им достаточной помощи в борьбе против турок. Вместе с тем и далматинская знать не хотела мириться с ущемлением ее политических привилегий Венецией. Все это создавало благоприятные условия для оживления у далматинцев тенденции к освобождению от венецианского господства.

Это отчетливо проявилось во время начавшейся в 1593 г. войны между Турцией и империей Габсбургов, которая возродила у далматинцев надежду на воссоединение с Венгерско-Хорватским королевством. Начало войны послужило сигналом к выступлению против турок, многие далматинцы стали готовиться к борьбе. При этом они открыто заявляли, что намерены избавиться от венецианского господства и принять покровительство Габсбургов. Особенно много сторонников активных действий против турок было среди жителей Сплита. В апреле 1596 г. они совместно с ускоками и поличанами овладели Клисом и обратились к императору Максимилиану II с просьбой взять эту крепость под свою защиту. Однако менее чем через два месяца Клис вновь пал, чему в немалой степени способствовала Венеция. Ее позиция была обусловлена не только ярко проявившимися в ходе борьбы за Клис стремлением населения Далмации перейти под власть Габсбургов, но и тем, что Венеция в конце XVI в. вообще не была заинтересована в войне с Турцией.

Республика св. Марка вследствие ослабления ее позиций в средиземноморской торговле стремилась в это время поддерживать мирные отношения с турками, рассчитывая расширить торговые связи с ними. В частности, с этой целью венецианцы в 1590 г. открыли в Сплите специальную факторию для транзитной торговли с Турцией и подвластными ей землями на Балканском полуострове. По словам современника, торговый путь, проходивший через Сплит, был «золотой цепью между Востоком и Венецией». Хотя местное население было по существу отстранено от транзитной торговли через Далмацию, тем не менее развитие этой торговли в конце XVI и первой половине XVII в. несколько оживило экономику далматинских коммун. Особенно благоприятно на их хозяйственной жизни отразилось относительное спокойствие на венецианско-турецкой границе. Однако такое положение продолжалось лишь немногим более полустолетия.

Когда в 1645 г. турки начали войну с Венецией из-за острова Крита (Кандийская война), который был последней опорной базой республики на пути в страны Ближнего Востока, одной из главных арен сражений стала Далмация. Венеция здесь действовала почти исключительно силами местного населения. Венецианские власти вербовали далматинцев в наемные отряды, в которых в первые годы войны насчитывалось до 8—9 тысяч человек. Активное участие в этой войне приняли беженцы из Боснии, которые на турецкой территории занимались главным образом скотоводством и именовались обычно влахами или морлаками; венецианские власти, стремясь привлечь к себе на службу как можно больше морлаков, расселяли их на пустующих землях.

Кандийская война продолжалась почти 25 лет и окончилась завоеванием турками Крита. В ходе войны экономике Далмации был нанесен огромный ущерб; особенно отрицательно она отразилась на сельском хозяйстве и торговле. Численность населения многих далматинских городов уменьшилась почти в два раза. Несмотря на огромные жертвы, понесенные далматинцами, мир 1669 г. не принес Венеции значительных приобретений: в Далмации наиболее важным из них был Клис, с прилегавшими к нему землями.

Не были удовлетворены миром 1669 г. и жители Далмации, в особенности морлаки, заинтересованные в захвате военной добычи на турецкой территории. Поэтому в 1683 г., как только стало известно о поражении турок под Веной, в северной части Далмации начались массовые антитурецкие выступления, в которых наряду с жителями венецианских владений активное участие приняло население соседних турецких областей. В результате к концу 1683 г. турки лишились большинства крепостей в северной Далмации; в их руках здесь оставались только Книн и Синь. Антитурецкие выступления были настолько многочисленными и сильными, что венецианцы, сохранявшие в начале войны мирные отношения с турками, не были в состоянии их сдержать.

В 1684 г. Венеция, присоединившись к «Священной лиге», сама начала войну с Турцией. Венецианцы, не имея достаточных средств, а также сухопутных войск для ведения войны собственными силами, рассчитывали расширить свои владения в Далмации руками местных жителей, предоставляя им помощь лишь оружием, деньгами и продовольствием.

Венецианско-турецкая война 1684—1699 гг. известная под названием Морейской, оказалась более успешной для далматинцев, чем все предыдущие столкновения с турками. Основные силы Турции были отвлечены борьбой на других фронтах, и она не могла вести активных военных действий в Далмации. Хотя Морейская война продолжалась пятнадцать лет, население Венецианской Далмации пострадало в ходе ее значительно меньше, чем во время прежних войн, так как военные действия велись преимущественно на занятой турками территории. В результате войны Венеции удалось существенно увеличить свои владения в Далмации. По Карловицкому миру 1699 г. к Венеции отошла территория, граница которой проходила северо-восточнее линии: Книн — Врлика — Синь — Задворье — Вргорац — Габела; были несколько расширены также владения венецианцев в районе Котора.

В 1714 г., когда началась новая война между Венецией и Турцией, Далмация вновь стала театром военных действий. По миру, заключенному в 1718 г., Венеция получила в Далмации территорию с городом Имотски.

В XVIII в. верховная гражданская и военная власть в Далмации попрежнему находилась в руках генерального провидура, избиравшегося венецианским сенатом. В старой венецианской части Далмации сохранились коммуны, возглавлявшиеся назначаемыми Венецией князьями. Однако власти республики св. Марка все больше вмешивались в жизнь и управление далматинских городов. Решения Больших советов, осуществлявших автономные права коммун, все чаще подвергались дополнительному рассмотрению со стороны венецианских должностных лиц, и в своей деятельности Большие советы должны были считаться не только со статутами коммун, но и с венецианскими законами, постановлениями генерального провидура и указаниями князя. Территория, которую республика св. Марка получила в результате войн с Турцией в XVII—XVIII вв., управлялась по венецианским законам.

В XVIII в. в Далмации происходил дальнейший упадок экономической жизни. Торговля с Турцией из года в год становилась все слабее, а с другими странами фактически прекратилась совсем. Ремесло же в

Далматинец Марко Мартинович обучает российских дворян морскому делу. 1711 г.

Картина неизвестного художника

далматинских городах так и не стало основной отраслью экономической жизни. Приморские города, некогда богатые и оживленные, находились в запустении.

Все это в первую очередь объяснялось падением торгового значения Средиземноморья, экономическим ослаблением Венеции и Турции, развитием сухопутных и речных связей между Западной и Юго-Восточной Европой. Продолжала отрицательно сказываться на состоянии коммерческой жизни Далмации и всем ее хозяйстве экономическая политика республики св. Марка. Ограничения, установленные венецианскими властями для далматинской торговли, обусловили постепенное свертывание не только транзита товаров через Далмацию, но и обмена между отдельными далматинскими коммунами, а также упадок их торгового судоходства. В результате Далмация превращалась в земледельческую и скотоводческую провинцию, все более замыкавшуюся в своих границах.

Ослабление торговли наиболее крупных далматинских городов, свертывание судоходства имели своим следствием повышение роли сельского хозяйства в экономике провинции. Далматинские торговцы, судовладельцы, предприниматели, связанные с торговлей и морским делом, стали переключать свои капиталы в сферу сельского хозяйства, которое продолжало носить отсталый феодальный характер. Это способствовало сближению интересов зажиточных горожан и дворянства.

Техника земледелия и скотоводство оставались в Далмации крайне примитивными. В результате хищнической порубки лесов и отсутствия налаженного лесного хозяйства в течение XVIII в. постепенно были сведены богатейшие леса, что в свою очередь отрицательно сказалось на состоянии сельскохозяйственного производства.

Однако в некоторых, преимущественно небольших городах Далмации, вследствие упадка Венеции и ослабления ее контроля за коммерческой жизнью далматинских портов, во второй половине XVIII в. наметилось оживление хозяйства: активизировались морские промыслы, возросла транзитная торговля. Отражением новых веяний в экономической жизни отдельных далматинских городов, несомненно, явилась организация в Сплите в 1767 г. Сельскохозяйственной академии, переименованной в 1774 г. в Экономическое общество. Вскоре после этого было основано сельскохозяйственное общество в Каштелях, а в 1787 г. — Экономическо-сельскохозяйственная академия в Задаре. Эти организации преследовали цель поднять земледелие, рыболовство, ремесло и торговлю Далмации путем изыскания и исследования новых методов и способов ведения хозяйства и печатной их пропаганды. Однако влияние их на далматинское общество было очень незначительным.

В освобожденных из-под власти турок районах Далмации Венеция раздала бывшие турецкие земли в пользование отдельным крестьянским семьям, которые отличились в войнах с турками. Но она сохранила при этом за собой верховное право собственности на эти земли. Отношение новых владельцев земли к государству в первое время было крайне разнообразным.

Ни в старой венецианской части Далмации, ни во вновь приобретенных Венецией районах крестьянство не было довольно своим положением. На протяжении первой половины XVIII в. оно не раз вооруженным путем пыталось изменить существующие порядки.

Для урегулирования аграрного вопроса в освобожденных из-под власти турок областях Далмации генеральный провидур Гримани издал в 1755 и 1756 гг. особое постановление, получившее название «Закон Гримани». Этот акт касался землеустройства в северных областях Далмации. Закрепляя за каждым владельцем имеющиеся в его руках участки земли, закон Гримани особо подчеркивал, что предоставленная крестьянам в поль-

зование земля является государственной собственностью. В связи с этим категорически запрещалось какое бы то ни было отчуждение земельных участков и их заклад. Однако закон разрешал владельцам передавать свои участки в пользование другим лицам на началах колоната. За пользование землей владельцы должны были выплачивать государству десятину в натуре. Предоставленный государством отдельной семье земельный участок мог переходить по наследству только к мужскому потомству. В случае прекращения мужской линии или эмиграции держателя участок переходил в руки государства, которое могло предоставить его новому владельцу. Закон Гримани касался также отраслевой структуры новых хозяйств, порядка пользования общественными угодьями и т. п. Он закреплял отсталый, феодальный тип аграрных отношений на освобожденной из-под власти турок территории.

Закон Гримани не во всех своих частях был претворен в жизнь. Но венецианские власти строго следили за тем, чтобы земельные участки не продавались и по прекращению мужской линии передавались другой семье. Такие ограничения препятствовали развитию предпринимательства на этих землях.

В 1797 г., когда пала Венецианская республика, ее владения в Далмации по Кампоформийскому миру были включены в состав Австрийской монархии.

ГЛАВА 18

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Борьба хорватского народа против турок в XVI — начале XVII в. Крестьянская война 1573 г.

После Мохачской битвы и гибели Людовика (Лайоша) II, не оставившего прямых наследников, большинство венгерских феодалов провозгласило королем трансильванского воеводу Яноша Запольяи. К ним присоединилась и основная масса славонской знати, возглавляемая князем Крсто Франкопаном и епископом Шимуном Ердеди. В то же время часть венгерского господствующего класса (преимущественно магнаты) избрала королем австрийского эрцгерцога Фердинанда Габсбурга, брата германского императора Карла V. Формальным основанием для этого послужило то обстоятельство, что Фердинанд по женской линии был родственником Людовика II. В поддержку Габсбургов выступили также крупные феодалы из южных районов Хорватии. В начале 1527 г. на саборе в городе Цетине они признали Фердинанда королем на условии оказания Хорватии военной помощи и сохранения всех их прежних сословных привилегий. При этом хорватская знать рассчитывала, что Австрия, а вместе с ней и вся Германская империя, могут оказать Хорватии, лежащей на пути турецких вторжений в Центральную Европу, бо́льшую помощь, нежели одна Венгрия, значительная часть которой после Мохачской битвы оказалась в руках турок.

Между тем наличие двух претендентов на венгерско-хорватскую корону привело к ожесточенной борьбе их сторонников. Эта борьба с небольшими перерывами продолжалась до 1538 г., когда между Фердинандом и Запольяи был заключен мир, закрепивший переход хорватских земель в руки Габсбургов. Междоусобной борьбой сторонников Фердинанда и Запольяи не замедлили воспользоваться турки, совершив еще в 30-х гг. ряд опустошительных вторжений как в венгерские, так и в хорватские области. Особенно пострадали от этих вторжений Лика и Крбава. В 1532 г. турецкие войска на обратном пути после неудачного похода в австрийские земли опустошили междуречье Дравы и Савы. В 1536 г. турки заняли Пожегу и пять других крепостей в Пожегской жупании, а в 1537 г. овладели важным укрепленным пунктом в Далмации — крепостью Клис.

Перспектива захвата турками всей хорватской территории и их продвижения в глубь австрийских земель настоятельно выдвигала задачу усиления обороны Хорватии. Вопросы, связанные с защитой страны, в сере-

дине XVI в. стали занимать все большее место на хорватско-славонских саборах. На них был принят целый ряд постановлений, обязывавших феодалов посылать своих подданных на строительство укреплений, снабжать гарнизоны крепостей продовольствием и т. д. Саборы определяли также размеры военных отрядов-бандерий, выставляемых крупными феодалами. Вместе с тем, бану было предоставлено право в случае особой опасности объявлять всеобщую мобилизацию, во время которой в соответствии с решениями сабора каждый феодал должен был выставить от каждых 10 крестьянских хозяйств одного пехотинца, от 36 (позднее 20) хозяйств — одного всадника. Регулярно рассматривался на саборах вопрос о размерах военного налога «дики». За счет этого налога содержались пехотинцы (харамии) банской бандерии, в то время как несколько сот всадников, входивших в ее состав, оплачивались баном из жалования, получаемого им от короля.

После многочисленных обращений сабора начал частично осуществлять свои обещания о военной помощи хорватам и Фердинанд. На первых порах он поставил гарнизоны наемных солдат в созданных военных округах — Сеньской и Бихачской капитаниях. Поскольку хорватские феодалы не располагали силами, необходимыми для защиты своих владений, они были вынуждены постепенно передать королевским гарнизонам и ряд укрепленных пунктов в других районах страны.

Так в середине XVI в. на хорватской территории к югу от Купы возникло еще две капитании — Огулинская и Храстовицкая. Вместе с Бихачской и Сеньской они составили так называемую Хорватскую Крайну. В междуречье Савы и Дравы была создана Славонская Крайна, включавшая три капитании: Копривницкую, Крижевацкую и Иваничскую. Кроме того, на словенской территории находилась самостоятельная Жумберацкая капитания. В XVI в. одна из отличительных особенностей Хорватско-Славонской Крайны или Военной Границы заключалась в том, что она еще не представляла компактной, обособленной территории. В распоряжении командования капитаний находились лишь крепости, где были размещены военные гарнизоны; земля, расположенная вокруг этих крепостей, оставалась под властью хорватских феодалов.

Наемные войска в Хорватско-Славонской Крайне содержались главным образом на средства, собранные в соседних австрийских землях (Штирии, Крайне и Каринтии), которые немало страдали от опустошительных турецких набегов и поэтому были непосредственно заинтересованы в создании защитной полосы вблизи своей восточной границы. Однако эти средства обычно поступали в значительно меньших размерах, чем было установлено. Поэтому жалование наемным солдатам выплачивалось весьма нерегулярно и они нередко занимались грабежом местного населения. Вместе с тем особая роль соседних австрийских земель в содержании войск немало способствовала проникновению немецкой знати на командные должности в хорватско-славонских капитаниях.

В середине XVI в. в Хорватско-Славонской Крайне появляется новая категория войск — военные поселенцы, беженцы из находившихся под властью Турции Сербии, Боснии и восточной части Хорватии. Это были главным образом скотоводы-влахи, несшие у турок военную и сторожевую службу. Это наименование они сохранили и в Военной Границе. Военные поселенцы иногда назывались также крайшниками, сербами, рашчанами, чичими, ускоками. Последнее наименование к концу XVI в. закрепилось за крайшниками Жумберацкой и Сеньской капитаний[1].

[1] Основное ядро военных поселенцев Сеня составили ускоки, переселившиеся сюда из Клиса после его падения в 1537 г.

Применительно к более позднему времени (XVII—XIX вв.) всех поселенцев Военной Границы в исторической литературе принято называть граничарами.

В отличие от наемных солдат, для большинства военных поселенцев основным источником средств существования было не жалованье, а собственное хозяйство, в котором обычно главная роль принадлежала скотоводству. Для наделения влахов землей, как правило, использовались заброшенные крестьянские участки. Первое время после поселения влахи-ускоки почти всегда получали льготы в отношении уплаты налогов. Денежное вознаграждение они получали лишь во время военных действий; кроме того, им принадлежало $^2/_3$ военной добычи ($^1/_3$ ее поступала королю).

Хорваты вели героическую борьбу против турецкого наступления, не ослабевавшего до конца XVI в. Хорватию в то время именовали форпостом христианского мира. Вся Европа была изумлена героической обороной венгерской крепости Сигет (1566 г.) объединенным отрядом хорватов и венгров под командованием бана Николы Зринского. В течение месяца этот отряд, насчитывавший 600 человек, отражал атаки 100-тысячной армии султана. Не получив подкрепления, Никола Зринский попытался прорваться из окружения, но во время ожесточенного сражения у стен крепости погиб вместе со всем своим отрядом.

Военная помощь, оказываемая Габсбургами, была явно недостаточной. Поэтому Хорватско-Славонская Крайна, несмотря на отдельные мероприятия по ее усилению, еще не была в состоянии сдержать натиск турок, хотя и становилась все более серьезным препятствием для их продвижения на запад. В конце 70-х гг. XVI в. туркам удалось захватить еще несколько хорватских крепостей между реками Уной и Кораной.

Во второй половине XVI в. Хорватское королевство занимало наименьшую за все время своего существования территорию, которая современниками весьма выразительно именовалась «остатками остатков».

Турецкая агрессия крайне отрицательно сказывалась на экономике Хорватии, существенно замедляя темпы развития производительных сил как в городе, так и в деревне. В XVI в. на оставшейся в руках хорватов территории значительная часть городских поселений была разрушена; большинство же сохранившихся городов неоднократно подвергалось осадам. Вместе с тем опустошительные вторжения и захват турками значительной части хорватских земель мешали развитию рынка сбыта ремесленных изделий. Более или менее заметно увеличился лишь спрос на ремесленную продукцию, необходимую для обеспечения войск. Вследствие турецкой агрессии почти полностью перестали функционировать старые торговые пути, связывавшие хорватские земли с морем. Этот ущерб хорватской экономике был лишь отчасти компенсирован некоторым усилением в XVI в. торговых связей Хорватии с северо-западными соседями, особенно со словенскими землями. Перемещение торговых путей сопровождалось, с одной стороны, упадком городской жизни в южной части хорватских земель, с другой — дальнейшим повышением удельного веса в экономике страны славонских городов, в первую очередь Градца-Загреба.

Неблагоприятно отразилась турецкая агрессия и на экономическом положении феодалов. Крайне тяжелые последствия она имела для мелких и средних вотчинников, особенно на территории к югу от Купы. Многие из них погибли во время турецких нашествий. Другие, покинув территорию, занятую турками, лишились своих земель и крестьян; третьи, хотя и сохранили прежние владения, были полностью разорены. Вся эта обедневшая мелкая знать была вынуждена поступать на военную службу либо к магнатам, либо в королевские войска. Вместе с тем в XVI в. усилилось

наступление на мелких племичей со стороны магнатов, стремившихся компенсировать за их счет недостаток рабочих рук в своих вотчинах. Даже корпорации мелкой знати («племена», «общины племичей»), не выдерживая натиска магнатов, постепенно попадали во все бо́льшую от них зависимость. В XVI в. происходило и дальнейшее изменение национального состава господствующего класса Хорватии: в результате раздачи Габсбургами земель своим приверженцам в нем еще более возрос удельный вес иностранцев как венгерского, так и немецкого происхождения.

Никола Зринский

Крайне ухудшилось в XVI в. положение хорватского крестьянства. Турецкие опустошительные набеги, от которых в первую очередь страдало сельское население, несли неисчислимые бедствия кметам. О губительных последствиях этих набегов ярко свидетельствует огромное число заброшенных крестьянами наделов. Так, в Дубовацком имении князей Зринских во второй половине XVI в. пустовало до 40% кметских земельных участков.

В течение XVI в. в Хорватии, как и в большинстве европейских стран к востоку от Эльбы, резко возросла эксплуатация крестьян в форме барщины. Это было обусловлено прежде всего стремлением феодалов повысить свои доходы, что вызывалось ростом их потребностей, а также разорением страны. Не имея возможности в форме денежной и натуральной ренты выжать из обнищавшего крестьянства заметно большее количество прибавочного продукта, чем то, которое уже в этих формах присваивалось раньше, хорватские феодалы стремились увеличить отработочные повинности. Барщина с 30—40 дней в году, как это было в XIV в., к середине XVI в. возросла до 2—3 дней в неделю с полного надела.

В то же время почти целиком на плечи крестьян легли возраставшие из года в год поборы и повинности, связанные с ведением войны (постройка новых и восстановление разрушенных укреплений, сторожевая служба, надолго отрывавшая людей от производительного труда, и т. д.). Все это усугублялось мародерством и насилиями наемных войск, а также феодальными междоусобицами, нередко сопровождавшимися грабежами и угоном кметов. Рост феодальной эксплуатации в сочетании с турецкими опустошительными вторжениями уже в конце XV — начале XVI вв. вызвали массовое бегство хорватских крестьян. При этом многие из них бежали в соседние земли: Крайну, Штирию, Венгрию и даже уходили к туркам. Эта форма пассивного крестьянского сопротивления была одной из причин того, что в 1538 г. хорватский сабор восстановил свободу крестьянского

перехода, понимая под последним вывод крестьян феодалами в свои имения. Однако решающую роль в восстановлении вывода сыграла заинтересованность в этом крупных магнатов, которые в условиях острого недостатка рабочих рук располагали бóльшими возможностями, чем средние и мелкие феодалы, для того, чтобы переманить к себе крестьян из соседних имений. Для самих же крестьян восстановление вывода не принесло сколько-нибудь существенного облегчения, так как из-за чрезвычайной сложности процедуры крестьянину по своей инициативе было практически почти невозможно уйти от господина. Поэтому и после 1538 г. крестьянские побеги были широко распространенным явлением.

Дальнейшее обострение классовых противоречий в хорватской деревне привело в 60-х гг. XVI в. к массовым крестьянским волнениям. Особенно напряженная обстановка сложилась в это время в Суседградском и Стубицком имениях (в Хорватском Загорье, в 20 км от Загреба), а в 1572 г. здесь вспыхнуло крестьянское восстание. Непосредственным поводом для восстания послужили жестокие притеснения, чинимые графом Франьо Тахи, одним из крупных феодалов Венгрии и Хорватии, личным другом императора Максимилиана II. Выведенные из терпения этими притеснениями, суседградские и стубицкие кметы изгнали из имений слуг Тахи и послали несколько депутаций в Вену с жалобами на него. Не добившись по существу никаких результатов, суседградцы и стубичане вместе с крестьянами соседнего Цесарградского имения начали подготовку к массовому вооруженному выступлению, которое началось 29 января 1573 г. Движение развивалось весьма интенсивно: оно сразу же вышло за пределы Хорватии и распространилось на словенских крестьян; с левого берега Савы восстание быстро перекинулось на правый.

Главной движущей силой движения было хорватское и словенское крестьянство. К крестьянам примкнула часть мелких племичей, рассчитывавших с их помощью свести давние счеты с магнатами. Сочувственно относились к повстанцам некоторые горожане, но за отдельными исключениями активного участия в движении они не приняли. Крестьяне пытались также привлечь на свою сторону жумберацких ускоков, но это им не удалось.

Массовое восстание 1573 г. было стихийным антифеодальным движением, хотя и с появившимся стремлением к организованности. От предшествующих движений оно отличалось относительно бóльшей подготовленностью, наличием общего плана военных действий, определенно выраженным намерением крестьян найти себе союзников среди других общественных слоев. Повстанцы создали руководящий центр движения в составе Матии Губеца, Андрея Пасанаца и Ивана Могаича; одна из основных функций этой тройки заключалась в осуществлении судебной власти. Верховным военачальником восставших был Илья Грегорич, который приобрел военные навыки во время службы на границе.

С первых же дней восстание получило ярко выраженный антифеодальный характер. Своим основным острием оно было направлено против всех видов феодальных поборов. В ходе борьбы у некоторых участников движения возникла идея создания крестьянского государства. Одну из важнейших задач этого государства крестьяне видели в обеспечении собственными силами защиты страны от турок; для этого они намеревались сами собирать налоги. Первоначально повстанцы добились значительных успехов: им удалось захватить целый ряд небольших городов и замков. Восстанием была охвачена значительная территория в западной части Хорватского королевства, юго-восток графства Целе в Нижней Штирии и восточные районы Нижней Крайны. Движение получило широкий отклик далеко за пределами этих областей в Верхней Крайне и Верхней Штирии. На борьбу против господ в 1573 г. поднялись многие тысячи хорватских и словенских крестьян.

Дом туропольского племича

Крайне напуганные успехом повстанцев, господствующие классы Хорватии, Штирии и Крайны стали спешно готовиться к вооруженной борьбе. Не рассчитывая на свои силы, феодалы обратились за помощью к императору и дворянству соседних земель. К борьбе против повстанцев была привлечена банская бандерия; активную роль в подавлении восстания сыграли жумберацкие ускоки под командованием графа Турпа. Хотя феодалам довольно быстро удалось нанести несколько поражений отдельным отрядам повстанцев, однако, это не смогло заставить крестьян отказаться от вооруженной борьбы. Особую решительность повстанцы проявили в заключительном сражении близ Стубицы, которое произошло 9 февраля. Под руководством Матии Губеца они в течение нескольких часов оказывали упорное сопротивление 5-тысячному войску подбана Алапича. Однако в конечном итоге восставшие были разбиты. Началась расправа с побежденными. По сообщению летописца, в окрестностях Стубицы не было дерева, на котором не висело бы трупа. Губец и его ближайшие соратники были преданы мучительной казни. Согласно сообщению одного хрониста, Матии Губецу была надета на голову раскаленная железная корона, а затем его тело, истерзанное раскаленными клещами, было четвертовано.

Так закончилось первое известное нам массовое восстание хорватского крестьянства. Широкий размах этого восстания, его ярко выраженная направленность против феодальной системы в целом, намерение некоторых повстанцев создать собственное государство свидетельствует о том, что по существу это была антифеодальная крестьянская война.

В отличие от большинства антифеодальных крестьянских движений в Западной Европе, где классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток [1], восстание 1573 г. было почти полностью лишено религиозной

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 360.

оболочки. Объяснение этому следует искать в особенностях реформационного движения в Хорватии.

Хотя XVI в. для Хорватии, как и для многих других европейских стран, был кульминационным периодом в развитии реформации, однако, она здесь не получила столь широкого распространения, как в соседних землях (Словении, Венгрии) и к тому же имела верхушечный характер.

Слабое распространение протестантизма в Хорватии было обусловлено прежде всего тем, что города здесь не играли столь значительной роли в политической и экономической жизни, как это имело место в других странах Западной Европы. Если в этих странах бюргерство составляло главную силу реформации, то в Хорватии общее число горожан—приверженцев протестантизма было весьма невелико. Помимо горожан реформационные учения, начавшие проникать в Хорватию в 30-х годах XVI в., имели также немногочисленных последователей среди загребского духовенства, недовольного опекой папской курии, а также некоторых граничар и их офицеров, преимущественно немецкого происхождения. Наиболее активными поборниками реформации в Хорватии выступали крупные магнаты, главным образом те из них, которые одновременно имели владения в венгерских или словенских землях (князья Зринские, Петр Ердеди, барон Иоган Унгнад). Стремясь обогатиться за счет церковных земель, магнаты в то же время рассматривали реформацию как средство ослабления Габсбургов, которые опирались на поддержку римской курии. Вследствие верхушечного характера, слабого участия горожан, отсутствия радикальных направлений реформационное движение почти не затронуло хорватского крестьянства. Лишь во владениях некоторых крупных магнатов часть крестьян приняла протестантизм, но поскольку реформация здесь проводилась сверху, она, естественно, не получила антифеодальной направленности.

Хорватские мелкие племичи в подавляющем большинстве заняли отрицательную позицию в отношении реформации, чему, надо полагать, способствовало обострение борьбы между ними и феодальной знатью соседних земель за доходные командные должности в Крайне. Сохраняя верность католицизму, хорватская мелкая знать надеялась таким образом заручиться в этой борьбе поддержкой Габсбургов.

В значительной мере в результате противодействия мелких феодалов реформация почти не имела приверженцев на хорватской территории, непосредственно подчиненной бану и сабору. Относительно большее распространение она имела во владениях князей Зринских в Меджумурье, а также в Приморской Хорватии. Из пограничных крепостей наибольшее число приверженцев реформационного движения было в Карловаце, в котором с момента его основания (1579 г.) действовали два протестантских проповедника. Имелись сторонники протестантизма также среди хорватского населения в Истрии, особенно среди так называемых поповглаголяшей (низшего духовенства, которое вело богослужение на славянском языке). Хорватом из Истрии был один из значительных деятелей немецкого протестантизма Матия Влачич, которого современники называли Флациус Иллирикус. Не имея достаточной опоры внутри страны, хорватские протестанты в 60-х годах XVI в. создали типографию в Тюбингене, издававшую протестантскую литературу на хорватском языке. Они надеялись таким образом активизировать реформационное движение в хорватских землях.

Однако в силу неблагоприятных в целом условий для распространения протестантизма в Хорватии здесь ранее, чем в других подвластных Габсбургам землях, восторжествовала контрреформация. Уже в 60-х годах XVI в. в Загребе обосновались иезуиты, которые стали жестоко преследовать протестантов. Активную роль в борьбе с реформацией иг-

грали также загребские епископы. Завершающий удар реформационному движению в Хорватии был нанесен в начале XVII в. В отличие от венгерского дворянства, добившегося в 1606 г. свободы вероисповедания, хорватская знать на саборе 1608 г. приняла решение, фактически поставившее протестантов вне закона. В результате реформация не оставила сколько-нибудь значительного следа в политической жизни Хорватии. Относительно заметную роль она сыграла лишь в развитии хорватской культуры.

Несмотря на заискивание перед Габсбургами, надежды, которые хорватская знать возлагала на них, не оправдались. Это было обусловлено тем, что Габсбурги уже в XVI в. предпринимали первые попытки централизации подвластных им земель, весьма отличавшихся по своему внутреннему устройству. В условиях борьбы с турками особенно важное значение приобретали создание в государстве сильного войска и централизация военного управления. Эта политика вела к ущемлению сословных привилегий местной знати, олицетворявших в то время сохранение отдельными народами, входившими в состав габсбургской монархии, элементов национальной самобытности. Ликвидация связанных с этими привилегиями традиционных национальных институтов открывала широкие возможности для германизации тех земель, которые оказались в руках Габсбургов вследствие угрозы захвата их турками.

Вопреки обещаниям, данным хорватской знати в Цетине, Фердинанд начал постепенно урезать ее привилегии. Особенно ощутимый удар хорватским племичам был нанесен при императоре Рудольфе II (1576—1612 гг.), который в 1578 г. передал верховное командование войсками в Хорватской и Славонской Крайне своему наместнику в Штирии эрцгерцогу Карлу. Хорватский сабор и бан были подчинены в военном отношении специальному эрцгерцогскому совету в Граце. В непосредственном ведении бана, помимо собственной бандерии и бандерий хорватских феодалов, остались лишь военные силы так называемой Банской Крайны. Она охватывала небольшое число укреплений, расположенных по нижнему течению Купы и в соседних районах Посавья.

В конце XVI в. Банская Крайна оказалась под угрозой захвата турками. Овладев к 1592 г. Бихачской и Храстовицкой капитаниями, боснийский санджак-бег Хасан-паша бросил свои основные силы против Банской Крайны. Однако хорватам не только удалось отбить неоднократные атаки турок на крепость Сисак, но и в конечном итоге летом 1593 г. наголову разбить их 10-тысячный отряд. Это была первая значительная победа хорватов над турками, она положила начало освобождению хорватских земель от власти Османской империи. В ходе последующих военных действий, продолжавшихся до 1606 г., на хорватской территории были освобождены Петриня, Мославина и Чазма.

В конце XVI — начале XVII вв. одновременно с борьбой против турок хорваты оказались вовлеченными в конфликт между Габсбургами и Венецией. Конфликт этот был связан со стремлением Габсбургов укрепить свои торговые позиции на Адриатике, где важнейшим их портом была Риека. Ее торговое значение к началу XVII в. значительно возросло, что вызывало недовольство князей Зринских, которые вели торговлю через соседний город Бакар. Но особенно обеспокоила торговая конкуренция Габсбургов Венецию, пытавшуюся сохранить за собой монополию на свободное (беспошлинное) судоходство в Адриатике. Обострению конфликта значительно способствовало то обстоятельство, что венецианцы в это время вели оживленную торговлю с турками. В своей борьбе против Венеции императоры использовали сеньских ускоков, поощряя их нападения на венецианские суда и набеги во владения республики. Ожесточенные столкновения между венецианцами и сеньскими ускоками

продолжались вплоть до 1615 г., а через два года республике св. Марка при заключении Мадридского мира удалось заставить Габсбургов согласиться на переселение ускоков из Сеня во внутренние районы Хорватии.

Хотя заключение Мадридского мира далеко не разрешило противоречий между Габсбургами и Венецией, однако, с переселением ускоков конфликт между хорватами и сеньорией потерял прежнюю остроту. Несколько стабилизировалось и положение на хорвато-турецкой границе. Вплоть до второй половины XVII в. здесь имели место лишь небольшие взаимные набеги, преимущественно с целью захвата военной добычи.

Банская Хорватия и Военная Граница в XVII в.

В XVII в., несмотря на ослабление турецкого натиска, хозяйственное положение в хорватских землях, находившихся под властью бана (Банская Хорватия), продолжало оставаться тяжелым.

Господствующую роль в экономике хорватских городов по-прежнему играло простое товарное производство, сохранявшее типично средневековые формы. В королевских городах продолжалось распространение цеховой организации ремесла. Значительно возросло в этих городах влияние патрициата, сосредоточившего в своих руках основные должности в магистратах. Горожане подвергались непосильному налоговому обложению и всячески притеснялись со стороны феодалов, большинство которых еще в XVI в. в связи с турецкой опасностью переселилось в города. Многие небольшие городские поселения, имевшие прежде внутреннюю самостоятельность, оказались в полной зависимости от магнатов. В королевских городах феодалы, используя свои привилегии, превратились в опасных конкурентов торговцев и ремесленников.

Воспользовавшись подавлением восстания 1573 г., феодалы еще в конце XVI в. добились дальнейшего увеличения барщины, которая теперь нередко достигала 6 дней в неделю с полного надела. На протяжении XVII в. отработочная рента продолжала оставаться основной формой феодальной эксплуатации в хорватской деревне. Отрывая крестьян на долгое время от своего земельного надела, барщина все более подрывала их хозяйство. Вследствие этого, а также дальнейшего вовлечения сельского населения в товарно-денежные отношения значительно возросла дробность крестьянских наделов. Уже в середине XVII в. многие крестьяне (так называемые инквилины) имели лишь $^1/_4$ полного надела или того менее; у некоторых из инквилинов вообще была только халупа. Дробление крестьянских наделов феодалы использовали для фактического увеличения барщины: уже в середине XVII в. от кмета, владевшего $^1/_4$ надела, обычно требовалось еженедельно двухдневная барщина, т. е. с полного надела, поделенного между четырьмя крестьянскими семьями, феодал получал 8 человеко-дней барщины в неделю. Вместе с тем, поскольку барщина все более подрывала крестьянское хозяйство, в отдельных имениях появилась тенденция к замене отработочной ренты денежной, но она в это время не получила заметного развития.

В XVII в. значительная часть пахотных земель в хорватской деревне по-прежнему оставалась невозделанной, что в первую очередь было обусловлено недостатком рабочей силы. В связи с некоторым ослаблением турецкого натиска феодалы стали предпринимать попытки усилить свою власть над той частью зависимого сельского населения, которая в годы, когда особенно возросла турецкая опасность, была привлечена к исполнению военных обязанностей и в связи с этим получила некоторые привилегии, в частности, как правило, освобождение от барщины. Наиболее многочисленной эта категория населения была в Банской Крайне;

Загреб. XVII в.

здесь в конце XVI в. во владениях светской и духовной знати имелись целые села, основная обязанность жителей которых, наряду с исполнением некоторых феодальных повинностей, состояла в несении военной службы. Начавшееся уже в первое десятилетие XVII в. наступление на их привилегии вызвало целый ряд антифеодальных выступлений.

Особенно продолжительными были выступления так называемых штибренцев — зависимых крестьян загребского капитула. Они проживали в капитульских владениях, расположенных на восток от Загреба, по берегам Савы и в окрестностях замка Кралевец. Свое наименование они получили от денежного побора — «штибры», который издавна вносили капитулу. В конце XVI в. штибренцы были включены в состав капитульских военных отрядов и за это освобождены от барщинных повинностей. Однако вскоре же после заключения в 1606 г. мира с турками загребские каноники начали вновь требовать от штибренцев исполнения барщины. В ответ на это в середине 1608 г. штибренцы, проживавшие в окрестностях Кралевца, отказались вносить денежные платежи, заявив одновременно о намерении переселиться в соседнее имение князей Зринских. Борьба между капитулом и кралевецкими штибренцами продолжалась около двух лет. Лишь при содействии императора и бана загребскому духовенству весной 1610 г. удалось силой подавить их выступление, казнив нескольких его предводителей. Однако капитул был все же вынужден временно отказаться от введения барщинных повинностей.

Штибренцы и в дальнейшем упорно отстаивали свои привилегии. В 1633 г. произошло их второе открытое восстание. Непосредственным поводом для него послужила попытка капитула поделить штибренцев между отдельными канониками и таким образом принудить крестьян исполнять новые отработочные повинности. В движении приняли участие и кралевецкие, и посавские штибренцы; последние имели тем больше

Сень. XVII в.

оснований для недовольства, что их хозяйства ежегодно страдали от наводнений. После длительных переговоров с капитулом штибренцы взялись за оружие и захватили в 1634 г. замок Кралевец. В борьбу был вынужден вмешаться бан, а затем и император, который в 1636 г. в специальном урбарии определил обязанности штибренцев, несколько ограничив произвол капитула. Светские власти вмешались во взаимоотношения загребского духовенства с зависимыми от них крестьянами, несомненно, потому, что опасались дальнейшего расширения масштабов восстания. Известно, в частности, что одновременно со штибренцами выступили крестьяне Сисакского имения загребского капитула, который попытался сократить здесь число кметов-воинов. Об этом движении, к сожалению, сохранилось мало данных, однако есть все основания считать, что сисакские крестьяне и штибренцы вели совместную борьбу против капитула.

Во второй половине XVII в. борьба сельского населения в Банской Крайне приняла еще более значительные масштабы. На этот раз инициаторами движения были крестьяне посавских владений графа Эмерика Ердеди. В отличие от штибренцев, крестьяне эти несли военную службу не во владениях собственного феодала, а за их пределами, либо в укреплениях Банской крайны, либо в Петриньи. В подавляющем большинстве они исполняли барщину. Когда же граф попытался увеличить ее размеры, начались волнения, которые в 1653 г. переросли в вооруженное восстание. К повстанцам вскоре присоединились крестьяне Сисакского имения загребского капитула, а в 1654 г. — и штибренцы. Таким образом, движение охватило почти все посавские имения от Загреба до Сисака. Крестьяне установили контакт с влахами соседней крепости Иванич. Однако в целом действия повстанцев были разобщены, крестьяне отдельных имений, как правило, самостоятельно вступали в переговоры с представителями господствующего класса. В результате феодалам удалось по частям подавить восстание. Первыми капитулировали штибренцы, против которых было послано банское войско и несколько отрядов граничар. Остальные повстанцы продолжали вести борьбу вплоть до 1659 г., когда графу Ердеди с помощью граничар удалось сломить сопротивление крестьян в

Замок князей Зринских в Кралевице. 40-е годы XVII в.

своих посавских имениях. Вслед за тем сложили оружие и кметы Сисакского имения Загребского капитула. После подавления восстания феодалам удалось лишить крестьян Банской Крайны по существу всех прежних привилегий. Они должны были исполнять те же повинности, что и кметы в других районах Хорватии, хотя некоторые из них продолжали нести военную службу. Однако сопротивление посавских крестьян все же не было полностью сломлено. Сохранились, например, сведения о выступлении крестьян в посавских имениях Ердеди в 1670—1671 гг.

Наряду с усилением эксплуатации крестьян Банской Крайны, светские и духовные феодалы в XVII в. начинают предпринимать попытки подчинить своей власти граничар-влахов, поселившихся в Славонско-Хорватской Крайне. Ссылаясь на то, что в Крайне влахи проживали на землях, входивших прежде в состав феодальных владений, хорватская знать притязала на то, чтобы эта категория сельского населения находилась в непосредственной от нее зависимости и была освобождена от государственной службы. При этом военным поселенцам предлагался статус частновладельческих влахов, заключавших обычно особый договор с феодалом, на землях которого они поселялись. Подобного рода намерения светской и духовной знати весьма отчетливо проявились уже в связи с массовым переселением влахов из турецких владений на хорватскую территорию, освобожденную в ходе войны 1593—1606 гг. Однако граничары решительно выступали против притязаний феодалов, заявляя, что готовы скорее умереть, чем подчиниться господам. Энергично противодействовало этим притязаниям и командование Военной Крайны. Не желали удовлетворять требования хорватских феодалов и Габсбурги. Военная Крайна поставляла империи дешевых солдат, необходимых не только для борьбы с турками, но и для осуществления их внешнеполитических планов в Европе. В связи с этим Фердинанд II в 1630 г. издал специальный статут (Statuta Valachorum), регламентировавший положение влахов Славонской Крайны, именовавшейся в это время Вараждинским генералатом. Согласно Статуту, влахам было предоставлено право внутреннего самоуправления: они могли выбирать своих «кнезов», испол-

Франьо Крсто Франкопан.

нявших административные и судебные функции в селах, а также верховных судей с восемью присяжными для каждой капитании. Вместе с тем Статут подчеркивал обязанность всех влахов-мужчин, начиная с 18-летнего возраста, нести военную службу. Хотя Статут 1630 г. непосредственно относился лишь к Славонской Крайне, однако, его появление сказалось также на положении граничар в Хорватской Крайне (Карловацком генералате). В целом же Статут 1630 г. способствовал дальнейшему обособлению Военной Границы от Банской Хорватии.

Предоставление граничарам права внутреннего самоуправления не устранило противоречия между ними и командованием Военной Границы, которое стремилось пополнить свои доходы за счет различных поборов и штрафов, налагаемых на военных поселенцев. Так, уже в начале XVII в. командование капитаний требовало от переселившихся влахов уплаты харача, который они прежде вносили туркам. Во второй половине XVII в. при содействии венского двора права начальников Вараждинского и Карловацкого генералатов постепенно расширились и население Границы начало все острее ощущать их гнет. В частности, командование капитаний нередко полностью отбирало у граничар военную добычу и удерживало часть жалования; одновременно граничарам было запрещено проводить какие-либо собрания кроме тех, на которых выбирались кнезы, судьи и присяжные. Вместе с тем обострялись также противоречия между рядовыми граничарами и их воеводами, которые были тесно связаны с командованием к аппаний.

В течение XVII в. граничары неоднократно поднимались на вооруженную борьбу. Одним из самых крупных их выступлений в это время было восстание 1665—1666 гг. в Вараждинском генералате. Возглавил движение крижевацкий верховный судья Осмокругович, которому удалось привлечь на свою сторону верховных судей соседних Копривницкой и Иваничской капитаний. Граничары заявляли, что они «огнем и мечом» уничтожат тех, кто посягнет на их привилегии. Командующий Вараждинским генералатом был вынужден направить против повстанцев 3500 своих солдат и 500 человек, посланных ему на помощь загребским епископом. Восстание было жестоко подавлено, а Осмокругович и его ближайшие соратники казнены. После расправы с движением Осмокруговича офицерский произвол еще более усилился. Это привело в конце XVII в. к новым выступлениям граничар. Наиболее значительными были волнения в Лике в 1692 г. и вооруженное восстание в Вараждинском генералате в 1697 г.

Между тем и хорватские феодалы не намеревались отказываться от своих притязаний на граничар. Они выражали недовольство отделением

территории Военной Границы от Хорватского королевства, требуя восстановления своих прав в отношении земель, населенных влахами-граничарами. На протяжении XVII в. хорватский сабор неоднократно обращался с такого рода ходатайствами к венскому двору. Но все эти обращения оставались безрезультатными. Настаивая на возвращении территорий, отошедших к Военной Границе, хорватские, а также и венгерские магнаты возлагали вместе с тем большие надежды на освобождение принадлежащих им ранее земель от власти турок. Однако Габсбурги, занятые Тридцатилетней войной, а затем попытками восстановить утраченные в результате этой войны политические позиции в Европе, не были в состоянии уделять необходимое внимание борьбе против турок. Особенно усилилось недовольство Габсбургами со стороны хорватской и венгерской крупной знати во время войны с Турцией 1663—1664 г. Хотя в ходе ее, в сражении при Сен-Готарде, туркам было нанесено серьезное поражение, императорское командование не только не использовало этой возможности для освобождения венгерских и хорватских земель, но и заключило мир на крайне невыгодных условиях. Росту оппозиционных настроений хорватских и венгерских феодалов немало способствовала также централизаторская политика венского двора, все более ущемлявшего их сословные привилегии.

Петр Зринский.

Оппозиция австрийскому господству со стороны хорватских и венгерских крупных феодалов получила наиболее яркое выражение в так называемом заговоре Зринских (1663—1671 гг.). Инициаторами этого заговора были хорватский бан Никола Зринский и несколько венгерских магнатов, занимавших высшие должности в сословных учреждениях Венгрии (Ференц Вешеленьи, по имени которого иногда называют это движение, Ференц Ракоци и другие). После смерти Николы Зринского (1664 г.) во главе заговора стал его брат граф Петр Зринский, к которому вскоре присоединился князь Франьо Крсто Франкопан. Заговорщики составили план отделения венгерских и хорватских земель от габсбургской монархии и восстановления в них прежних «свобод» местной знати. Не имея опоры в других общественных слоях, магнаты основывали свой план воссоздания Венгерско-Хорватского королевства главным образом на помощи извне. Они вели переговоры с государствами, находившимися в это время во враждебных отношениях с Габсбургами: с Францией, Венецией и Польшей. Когда же стала очевидной бесплодность этих переговоров, Петр Зринский решил искать поддержки у турок. Однако и здесь заговорщиков постигла неудача. Турция, которая вела в это время Кандийскую войну с Венецией, отказалась выступить против Габсбургов.

В этих условиях весной 1670 г. Петр Зринский и Франьо Франкопан все же попытались поднять восстание, рассчитывая помимо своих подданных привлечь к нему также мелких племичей, граничар и горожан. Однако эти расчеты не оправдались. Тем временем о заговоре стало известно венскому двору, пославшему в Хорватию войска. Узнав об этом, Петр Зринский и Франьо Франкопан, бросив своих единомышленников, отправились в Вену, надеясь добиться помилования. Однако Леопольд I не желал упускать удобного предлога для уничтожения двух наиболее крупных магнатских семей в Хорватии. В 1671 г. оба руководителя заговора, обвиненные в государственной измене, были приговорены к смертной казни, а их обширные владения конфискованы. Эти владения, составлявшие около половины всей территории Банской Хорватии, фактически были отторгнуты от нее и переданы в управление венского придворного казначейства. Уничтожение двух наиболее крупных магнатских семей Хорватии значительно ослабило местную знать, облегчив тем самым упрочение здесь власти Габсбургов.

После подавления заговора Леопольд I в течение десяти лет оставлял незамещенной должность хорватского бана, а вскоре уничтожил одну из основных привилегий венгерских и хорватских феодалов — право избрания короля. В 1687 г. он добился от Пожунского государственного собрания (сейма[1]) признания наследственных прав Габсбургов на венгерский, а тем самым и на хорватский престол.

Игнорирование Габсбургами интересов хорватских феодалов отчетливо проявилось после окончания войны с турками 1683—1699 гг., во время которой, как говорилось выше, из-под власти Османской империи была освобождена значительная часть венгерских и хорватских земель.

Хорватия, Славония и Военная Граница в XVIII в.

В конце XVII — начале XVIII вв. территория габсбургской монархии в результате войн и дипломатических маневров значительно выросла. Но государство Габсбургов представляло собой пестрый в этническом отношении конгломерат народов и земель, разнившихся между собой по хозяйственной и социальной структуре и политическому управлению, не имевших единого закона о порядке наследования престола. В связи с этим усилилась централизаторская политика Габсбургов, направленная на слияние разнородных владений династии в целостное, неделимое дворянское государство. Проводя такую политику, Габсбурги могли почти не считаться с интересами слабого хорватского дворянства, продолжавшего отстаивать право на самостоятельное положение хорватских земель в системе Австрийской монархии и на их воссоединение в единое политическое целое. Но они должны были учитывать оппозицию экономически и политически мощных венгерских феодалов, выступавших за сохранение особого положения Венгрии в составе владений Габсбургов, а также стремившихся подчинить своей власти хорватские земли. В этой сложной политической обстановке хорватские дворяне должны были постоянно маневрировать, то опираться на Габсбургов в борьбе против венгерских претензий, то солидаризироваться с венгерскими феодалами в борьбе против абсолютистской политики венского двора.

В начале XVIII в. в Венгрии развернулось антигабсбургское освободительное движение под руководством Ференца II Ракоци. Неоднократные обращения последнего к хорватам с призывом о совместных дейст-

[1] Венгерско-хорватское государственное собрание заседало в то время в Пожуне (Братиславе).

виях против Габсбургов не встретили поддержки. Хорватское войско во главе с баном участвовало на стороне Габсбургов в борьбе против повстанцев. В период восстания обострился и конфликт между хорватским господствующим классом и той частью венгерских феодалов, которые остались верными габсбургской династии. В 1708 г. Пожунское государственное собрание, представлявшее верноподданически настроенные круги венгерского дворянства, предприняло попытку лишить Банскую Хорватию права на автономное законодательство. Это вызвало резкое недовольство со стороны хорватских привилегированных сословий. Беспокойство их усилилось с заключением между Габсбургами и венгерскими феодалами Сатмарского мира, подписанного в 1711 г. после поражения венгерского освободительного движения под руководством Ференца II Ракоци. Этот мир, закрепляя господство Габсбургов в Венгрии, в то же время предполагал уступки династии в пользу венгерского дворянства.

В этой сложной политической обстановке, чтобы добиться подтверждения своих прав и привилегий, хорватский господствующий класс решил использовать вопрос о престолонаследии, который в период правления Карла VI приобрел особую остроту и международное значение, так как монарх не имел наследников-сыновей.

В 1712 г., еще до издания Карлом VI Прагматической санкции[1], провозгласившей нераздельность «наследственных земель дома Габсбургов» и переход их после смерти Карла VI по наследству к его старшей дочери и ее потомству, хорватский сабор признал право наследования престола за женской линией Габсбургов. Этим актом, получившим наименование Хорватской прагматической санкции, сабор продемонстрировал свое право решать политические вопросы независимо от Венгрии. В адресе королю сабор решительно подчеркнул принцип персональной унии Хорватии с Венгрией и, следовательно, возможность ее расторжения. Расчеты хорватского дворянства в известной мере оправдались. В 1712 г. Карл VI в письме к хорватским сословиям обязался охранять «права, привилегии и свободы» Хорватского королевства.

Однако политический смысл Хорватской прагматической санкции был в 1723 г. уничтожен законодательным актом Пожунского государственного собрания, который устанавливал нераздельность земель всего Венгерского королевства в составе габсбургской монархии, в результате чего за Хорватией оспаривалось право ее отделения от Венгрии.

Несмотря на признание Прагматической санкции, Пруссия, Франция и другие государства при вступлении старшей дочери Карла VI Марии-Терезии в 1740 г. на престол развязали так называемую войну за австрийское наследство (1740—1748 гг.), надеясь поживиться за счет габсбургской монархии. Над владениями Габсбургов нависла серьезная угроза. Мария-Терезия, еще не укрепившаяся на престоле, поспешила расположить к себе господствующие классы различных земель монархии. Именно в связи с войной она объявила в 1741 г. о воссоединении Банской Хорватии и Славонии, находившейся с момента освобождения от турок под властью венского военного совета и австрийской, а затем венгерской финансовых палат. В 1745 г. были восстановлены и объединены с Хорватией в политическом отношении славонские жупании — Вировитицкая, Пожегская и Сремская. Славонская Посавина и часть Срема отошли к Военной Границе. Поскольку в составе Военной Границы оставались Вараждинский генералат, территориально отделявший Славонию от Хорватии, и Славонская Посавина, наименование «Хорватия» с этого времени окончательно закрепилось за хорватскими землями, расположенными на запад от

[1] Новый закон о престолонаследии, получивший название Прагматической санкции, был издан Карлом VI в 1713 г.

Военной Границы, а название «Славония» — за областью между Дунаем, нижним течением Дравы и Военной Границей. С самого начала в политическом положении Славонии была известная противоречивость. Хотя она и составляла с Хорватией единое государственное образование, в административном и налоговом отношениях Славония была устроена, как венгерские области, и в отдельных вопросах непосредственно подчинялась венгерским властям. Славония и в национальном отношении несколько отличалась от Хорватии. После освобождения от власти турок господствующий класс ее сложился преимущественно из венгров и немцев. Среди основной массы населения — крестьянства, — наряду с хорватами, значительную часть составили сербы. В результате усиленно проводившейся в XVIII в. колонизации крестьянское и городское население здесь пополнилось также за счет венгров и немцев. Некоторые политические и национальные отличия Хорватии и Славонии впоследствии были использованы венгерским дворянством как повод для посягательств на целостность хорватских земель.

Период правления Марии-Терезии в габсбургской монархии ознаменовался началом проведения широких реформ в области экономической, политической и общественной жизни. Габсбурги приступили к реформированию внутреннего строя империи, устранению некоторых наиболее грубых и вопиющих недостатков ее общественно-политической системы в целях сохранения и укрепления абсолютной монархии. Необходимость реформ диктовалась начавшим развиваться в стране капитализмом, а также международной обстановкой — политическим и экономическим прогрессом соседних европейских государств, усиливавшимся австро-прусским соперничеством в германских делах. Реформы осуществлялись главным образом в интересах австрийского дворянства и лишь в минимальной степени молодого буржуазного класса. Они были направлены на усиление абсолютистского режима, централизацию управления, укрепление финансового положения монархии, повышение ее экономического и военного потенциала.

Генеральные реформы были распространены на Венгрию, Хорватию и Славонию лишь частично, вследствие противодействия со стороны местных господствующих классов. Для хорватских гражданских земель они несли с собой, наряду с ликвидацией некоторых средневековых черт в экономике и политике, усиление политического и национального гнета, упрочение господства Габсбургов, ликвидацию остатков былой политической самостоятельности, наконец, превращение этих краев в аграрно-сырьевые придатки австрийской метрополии. Для Военной Границы они означали милитаризацию всей ее общественной и политической системы.

Особенно большим изменениям подверглась организация Военной Границы. В XVIII в. ее территория была значительно расширена. Во время австро-турецких войн 1683—1699 и 1716—1718 гг. венский двор неоднократно давал обещания, что освобожденные от турок земли, входившие ранее в состав Хорватского королевства, будут присоединены к Банской Хорватии. Однако эти обещания не были выполнены, и бо́льшая часть отвоеванных у турок земель: Лика, Крбава, Славонская Посавина и часть Срема—отошла к Военной Границе. За счет районов между реками Купа и Уна был увеличен состав Банской Границы. Территория Военной Границы расширилась также благодаря присоединению к ней во второй половине XVIII в. приморского пояса от Сеня до Карлобага, который до того находился под австрийской властью.

Еще в первой половине XVIII в. Габсбурги провели ряд мероприятий, поставивших Военную Границу под верховное управление венского военного совета. Это распространилось и на Банскую Границу, хотя командование и административная власть сохранились в руках бана.

Крепость Карловац на Военной Границе. XVII в.

С конца 30-х годов XVIII в. Габсбурги приступили к последовательному реформированию внутреннего устройства Военной Границы. При этом центральная власть преследовала следующие цели: унифицировать экономический и общественно-политический строй отдельных частей Военной Границы, превратить граничарское ополчение в регулярную армию с максимальным охватом мужского населения военной службой и возложить на Границу финансовое содержание ее войсковых частей.

Реорганизация Военной Границы в основном свелась к замене граничарского самоуправления централизованным военным управлением, ограничению прав граничар на земельные участки, стеснению их свободы передвижения, созданию на территории Военной Границы полковых округов, разделенных в свою очередь на более мелкие военно-административные единицы, установлению воинской повинности для мужчин с 16-ти до 60-летнего возраста. Реорганизация Военной Границы сопровождалась введением новых платежей и повинностей граничар, заменой местных офицерских кадров австрийскими, установлением здесь в качестве официального немецкого языка.

Серия реформ 30—40-х гг. завершилась в 1754 г. изданием для Вараждинского и Карловацкого генералатов законодательных правил для граничар (Militär — Graenitz — Rechten). В них были зафиксированы права и обязанности граничар в отношении земельных держаний. Этим актом было окончательно унифицировано устройство Вараждинского и Карловацкого генералатов и одновременно ликвидированы последние остатки граничарского самоуправления. Позднее эти законодательные правила были распространены и на другие части военной территории.

Во второй половине XVIII в. в основном завершилось складывание особой военно-феодальной системы Границы. В это же время территория ее окончательно консолидировалась в результате включения в состав

Банской. Границы земель, принадлежавших феодалам. Помещики получили взамен их земельные владения в гражданских областях.

Стремясь унифицировать управление отдельных частей монархии, Мария-Терезия в 50-х гг. XVIII в. провела в Банской Хорватии реформу жупанийского управления, сблизившую его с венгерским. Во главе жупанийских властей был поставлен великий жупан, назначавшийся королем. Его заместитель — вице-жупан (позднее их стало два), как и остальные чиновники, избирался местным дворянством на жупанийских скупщинах. Жупания делилась на округия, а последние — на котары, возглавлявшиеся соответственно «великими» и «малыми» судьями. Низшими административными единицами считались поместья, где суверенно властвовали феодалы.

В 1767 г. для Банской Хорватии и Славонии было основано Королевское вече в качестве верховной административной власти в этих областях. Оно состояло из пяти советников и бана-председателя. Компетенция его охватывала политические, экономические, военные и другие вопросы. Организация нового, неподотчетного сабору в своих действиях органа без одобрения и помимо последнего была одним из мероприятий централизаторской политики Габсбургов, служивших усилению их политического влияния.

В 1770 г. Мария-Терезия, нарушив одно из важнейших прав сабора, издала без его согласия постановление о новой системе налогового обложения в Хорватии. Отныне в хорватских жупаниях (в Славонии это было установлено раньше) налоги должны были взиматься в таком размере и тем же способом, как в Венгрии. В результате ликвидации особой налоговой организации Хорватии размер налога здесь резко вырос. В 1772 г. Хорватию лишили и собственного бюджета. Тем самым был нанесен тяжелый удар хорватской самостоятельности.

Хорватское дворянство не желало примириться с существованием Королевского веча, стоявшего вне сферы политического влияния сабора и серьезно подрывавшего его значение. Венгерские феодалы также были недовольны независимым от Венгрии управлением хорватских земель. В 1779 г. Мария-Терезия ликвидировала хорватское Королевское вече, передав его функции не сабору, а высшему административному органу Венгрии — Наместническому совету. Таким образом, Хорватия и Славония в административном отношении стали непосредственно подчиняться венгерским властям. С этого времени хорватский сабор фактически потерял свое реальное значение. Авторитет бана также резко упал.

В 1776 г. Мария-Терезия, проводя очередной политический маневр, воссоединила с Хорватией Риеку (последняя с 1719 г. стала свободным портом), а в следующем году — также Бакар, Бакарац и Кралевицу. Эти города с окружающими их землями, а также Карловац вошли в новую Северинскую жупанию. Поскольку Риека ранее пользовалась некоторым внутренним самоуправлением, она была вскоре объявлена особой территорией венгерско-хорватской короны. Автономная в некоторых вопросах, особенно в торговых, она в политическом и судебном отношениях, а также в школьном деле подчинялась хорватским властям. Однако с ликвидацией хорватского Королевского веча Риека была поставлена в зависимость от венгерских властей, а в 1786 г. Северинская жупания была ликвидирована. Северные ее районы отошли к Хорватии, а приморская часть была выделена в особую административную территорию — Венгерское приморье, которой управлял риекский губернатор. Тем самым было надолго закреплено отделение Риеки и всего Хорватского приморья от Хорватии и Славонии.

В результате проведенных Марией-Терезией политических преобразований автономные права Хорватии и Славонии значительно сузились

Пост на Военной Границе

как за счет усиления зависимости этих земель от венского правительства, так и за счет подчинения венгерским органам власти.

Сын Марии-Терезии, ее соправитель, а потом наследник Иосиф II (1780—1790), особенно энергично проводивший политику так называемого просвещенного абсолютизма, расширил сферу общественно-экономических преобразований в габсбургской монархии, усилив их централизаторский и германизаторский характер. Еще при Марии-Терезии, но главным образом при ее преемнике, в их владениях были проведены мероприятия, несколько изменившие положение католической церкви. В 1781 г. Иосиф II издал знаменитый патент о веротерпимости, которым, хотя и с ограничениями, вводилась свобода вероисповедания в монархии. Эдиктом 1782 г. Иосиф II подчинил церковь надзору государственной власти. Иезуитский орден был изгнан из империи. Были ликвидированы многие монастыри, а их имущество подверглось секуляризации. Но мероприятия Марии-Терезии и Иосифа II не затронули идеологического влияния католической церкви, они лишь несколько ограничили ее привилегии в целях дальнейшего укрепления абсолютной власти монарха.

Добиваясь насильственной германизации угнетенных народов, Иосиф II в 1784 г. издал указ, по которому немецкий язык во всей империи в течение трех лет должен был стать единственным языком государственного управления и общественной жизни.

Вслед за этим он приступил к ликвидации жупанийского устройства Венгрии, Хорватии и Славонии, являвшегося оплотом самостоятельности и сословных привилегий дворянства этих земель. В 1785 г. Венгрия, Хорватия и Славония были разделены, невзирая на издавна существовавшие административные границы, на 10 округов, во главе которых стали королевские комиссары. Хорватии — Славонии как особой административно-политической единицы в составе габсбургской монархии не стало.

Централизаторские мероприятия Иосифа II встретили единодушное противодействие со стороны венгерских и хорватских феодалов, составивших единый оппозиционный блок. Их протест против нововведений особенно усилился в связи с попытками проведения экономических реформ.

В начале XVIII в. в результате войн с турками, чумы и эпизоотии серьезно пострадали производительные силы в хорватских землях. Особенно сильная разруха наблюдалась в районах, освобожденных от власти турок, и в первую очередь в Славонии. Эта область была совершенно разорена. Население частично ушло с турками, частично бежало в период военного режима. Местные помещики и власти, чтобы заселить опустошенные районы, стали привлекать в Славонию колонистов, предоставляя им землю и податные льготы.

Производительные силы восстанавливались в хорватских областях, особенно в Славонии, с большим трудом. Но к середине XVIII в. здесь наметился некоторый хозяйственный подъем, который стал особенно заметным во второй половине XVIII в.

В течение XVIII в. в Хорватии и Славонии продолжали развиваться городское ремесло и деревенские промыслы. Ремесло в городах по-прежнему сохраняло цеховой характер. Но внутри цеховой среды стали появляться промышленники, расширявшие и укрупнявшие свое производство на основе применения наемного труда и экономического подчинения себе малосостоятельных мастеров. В то же время многие обедневшие ремесленники теряли свою экономическую самостоятельность и попадали в зависимость от капитала. В этих условиях цехи с их мелочной регламентацией производственного процесса и всевозможными ограничениями становились серьезным тормозом для дальнейшего развития производства. Под влиянием складывавшейся новой экономической обстановки Иосиф II в 1783 г. ликвидировал цеховой строй. Однако в Хорватии и Славонии цехи впоследствии были восстановлены

В середине XVIII в. на территории Границы появились первые «свободные военные коммунитеты». Это были штабные центры и другие наиболее важные населенные пункты, которые в целях развития в них торговли и ремесел были переданы в управление командованию генералатов и официально пользовались самоуправлением. Их население было освобождено от несения военной службы и имело некоторые другие льготы. Создание «свободных военных коммунитетов», которые стали центрами ремесла и торговли, стимулировало развитие экономики Военной Границы.

Во второй половине XVIII в. ремесленное производство в военных областях получило цеховую организацию. Но в отличие от гражданских земель, где цехи включали мастеров лишь данного города, в Военной Границе они объединяли городских ремесленников (различных специальностей) на территории целого генералата. Ремесленники—члены цеха были освобождены от военной обязанности, а также пользовались некоторыми другими привилегиями.

В XVIII в. в Хорватии и Славонии возникли новые отрасли промышленности — стекольная, шелкообрабатывающая и т. д. В поташной, лесопильной, судостроительной, шелкообрабатывающей и других отраслях производства стали развиваться капиталистические отношения.

Важным моментом в экономическом развитии Хорватии и Славонии было появление отдельных капиталистических мануфактур. Самым крупным мануфактурным предприятием на хорватской территории и одним из наиболее значительных капиталистических заведений Европы того времени был рафинадный завод в Риеке. Основанный в 1751 г., он занимал к концу XVIII в. почти 1000 рабочих и производил 1680 кг сахара в год. Но мануфактурная промышленность не получила в Хорватии и Славонии достаточного развития, что было обусловлено в первую очередь господством

крепостнических отношений, а также и оформившейся в период «просвещенного абсолютизма» экономической и таможенной политикой Габсбургов. Венский двор, стремясь превратить хорватские и венгерские земли в рынки сбыта изделий австрийского производства и в поставщиков дешевого сырья и продовольствия для австрийских земель, тормозил организацию в Хорватии и Славонии крупной капиталистической промышленности.

Благодаря приросту населения, усилению спроса на земледельческие продукты на внутреннем и внешнем рынках в сельском хозяйстве хорватских областей стала повышаться роль земледелия, в сравнении с экстенсивным, а иногда и полукочевым скотоводством, которое было ранее развито повсюду, а особенно заметно преобладало в Славонии и других освобожденных от турок районах. Но скотоводство и в дальнейшем продолжало сохранять в хорватских землях большое значение.

К концу XVIII в. в Хорватии и Славонии высокоурожайная кукуруза, которая появилась в Хорватии в XVII в., стала главенствующей зерновой культурой в крестьянском хозяйстве. В помещичьем хозяйстве первое место заняла пшеница, пользовавшаяся особым спросом на внешнем рынке. Большие посевные площади были отведены под табак, который здесь стали возделывать почти одновременно с кукурузой.

Большую роль в Хорватии и Славонии продолжали играть виноградарство и садоводство. В конце XVIII в. в хорватских гражданских землях ежегодно производилось более 1 млн. ведер вина. Со второй половины XVIII в. стало развиваться шелководство.

Но в технике сельскохозяйственного производства не произошло заметных перемен. Консервативным способам обработки земли, примитивным орудиям производства соответствовали низкие урожаи. Голод был постоянным спутником крестьянских и граничарских сел.

В связи с зарождением капитализма, а также благодаря появлению новых рынков сбыта, в особенности для сельскохозяйственных продуктов, в XVIII в. возросла торговля Хорватии и Славонии. Особенно заметный сдвиг в ее развитии наметился во второй половине этого столетия. За период с 50-х годов XVIII в. до начала XIX в. существенно увеличился по объему и составу товаров внутренний обмен в хорватских гражданских землях. Если в 1755 г. здесь было проведено 48 наиболее важных ярмарок в 12 пунктах, то в 1804 г. — уже 187 ярмарок в 48 местах.

Расширилась торговля Хорватии и Славонии с другими землями. С 70-х годов XVIII в. стала быстро развиваться их хлебная торговля, а к концу века зерно сделалось главным предметом внешней торговли этих земель, оттеснив на второе место скот. Велась и торговля табаком, лесом, вином и другими продуктами сельского хозяйства и промыслов. Ввозились преимущественно промышленные товары и предметы роскоши. Хорватия и Славония вели также транзитную торговлю. В течение XVIII в. возрос внутренний и внешний обмен и в военных областях.

В XVIII в. положение хорватского крепостного крестьянства и граничарского населения неуклонно ухудшалось. Феодалы усилили наступление на крестьян, стараясь урезать их права и увеличить феодальную эксплуатацию. В Хорватии, по свидетельству официальных властей, помещики гнали кметов на барщину, не оставляя в страдную пору крестьянам времени для обработки своих полей. Не отставала от помещиков и церковь. Невыносимым для крестьян был и неуклонно растущий налоговый гнет.

В Славонии после восстановления помещичьей власти в результате частичного возвращения земель их бывшим владельцам, продажи и дарований поместий возросли обязанности и платежи крестьян в пользу феодалов, усилилась их личная зависимость от землевладельцев. Помещики требовали от крестьян выполнения новых повинностей, лишали их стародавних

прав. В силу нехватки рабочих рук и наличия значительных целинных массивов помещики часто практиковали сгон кметов с обработанных участков и насильственное переселение их на необжитые места. Тяжелым бременем ложились на крестьян Славонии поборы со стороны чиновников, общественные работы, постой и содержание солдат, когда те, особенно в период войн с турками, проходили через села, возведение казарм в связи с организацией регулярной армии и т. д.

Усиление феодальной эксплуатации, произвол феодалов, увеличение податей, бесконечные войны, неупорядоченность в управлении славонских областей вызвали в первой половине XVIII в. в Банской Хорватии и Славонии обострение классовой борьбы. Крестьяне бежали от своих помещиков, становились гайдуками, скрывались на территории Военной Границы. Они жаловались в Вену на тяжесть своего положения. Сельское население неоднократно поднималось на вооруженную борьбу против феодального гнета.

В этот период в связи с тем, что граничары пользовались определенными свободами во владении землей и имело место граничарское самоуправление, антифеодальные устремления хорватских кметов часто выражались в требованиях присоединения их края к Военной Границе, а подчас и в насильственных попытках установления в селах граничарских свобод. Были случаи, когда кметы присоединялись к восставшим по соседству граничарам.

В 1709 г. по всей Хорватии прокатилась волна крестьянских выступлений. В 20—30-е гг. неоднократно вспыхивали крестьянские восстания в Славонии. Наиболее крупное восстание произошло здесь в 1742—1743 гг. В нем приняло участие более четырех тысяч крестьян. Восстание было вызвано известиями о восстановлении в Славонии банской власти, что должно было привести к упрочению здесь помещичьего господства. Поэтому восставшие требовали присоединения Славонии к Вараждинскому генералату. Жестокое подавление этого выступления не прекратило волнений славонских крестьян. Непосредственное восстановление жупанийского управления в Славонии в 1745 г. вновь вызвало брожение среди крестьянства.

В начале XVIII в. хорватское дворянство не переставало претендовать на земли, находившиеся в руках влахов, и требовать ликвидации или по крайней мере подчинения власти сабора и бана всей военной территории, а также освобожденных из-под власти турок областей, еще не имевших определенного политического статута. Население этих краев постоянно опасалось закрепощения в случае воссоединения их территории с гражданскими областями. Не без подстрекательства со стороны австрийского командования влахи в Банской Границе и население освобожденной территории в начале XVIII в. неоднократно восставали, требуя подчинения их исключительно военным властям.

С ликвидацией былых свобод и старинных прав граничар, введением новых платежей и обязанностей, усилением власти военных чинов, а вместе с тем и феодальной эксплуатации с их стороны, увеличением тягот военной службы в связи с нескончаемыми войнами усилилась борьба граничар как на территории самой Границы, так и на театрах военных действий против военно-феодального строя.

Крупное выступление граничар, в котором приняло участие почти три тысячи человек, имело место в 1706 г. в Банской Границе. В 1730—1731 гг. там разразилось новое восстание граничар, к которым присоединились и местные кметы, отказавшиеся выполнять феодальные повинности. Неоднократно вспыхивали восстания в Карловацком и Вараждинском генералатах. В 1735 г. поднялись с оружием в руках и отказались идти воевать в Италию граничары Славонской Посавины, а в период войны за австрий-

ское наследство имели место антивоенные выступления граничарских частей и хорватских бандерий на театре военных действий. Они требовали отправки их домой.

Волнения граничар происходили в связи с реорганизацией Военной Границы. Наиболее значительное из них разразилось в 1751 г. в Банской Границе под руководством князя Тодора Киюка. Восставшие разогнали офицеров, отказались принимать банские приказы. В изложенных властям требованиях повстанцы жаловались на тяготы новой организации, возросшие подати, жестокое обращение офицеров. Для подавления восстания были двинуты войсковые части численностью в пятьдесят тысяч штыков. Это заставило граничар прекратить борьбу.

Разгар классовой борьбы в хорватских землях падает на 1755 г., когда почти одновременно восстали граничары в Вараждинском генералате, а затем кметы в ряде районов Хорватии и Славонии.

Поводом к выступлению граничар послужила попытка военного командования заставить их вносить деньги за новую униформу. В январе 1755 г. граничары убили наиболее ненавистных им австрийских офицеров, сожгли их дома, расправились со сборщиками податей и землемерами, изгнали католических священников. Во главе движения встал капитан Петр Любоевич. Активными участниками восстания были офицеры—выходцы из местных жителей, подвергавшиеся дискриминации, а также князы, лишившиеся в результате проведенных реформ прав и влияния. Повстанцы сделались хозяевами почти всей Вараждинской Границы. Вскоре они собрались на двадцатитысячную скупщину в Северине и провозгласили создание «Северинской общины» как политической организации повстанцев. В феврале восставшие составили свои требования, которые с особой депутацией были направлены в Вену. Граничары просили сохранить старинные привилегии генералата, предоставить им право неограниченного пользования лесами и свободного распоряжения недвижимым имуществом, уменьшить платежи и обязанности, облегчить военную повинность, уравнять в правах славянских офицеров с австрийскими и т. д.

В это время в соседнем районе Крижевацкой жупании началось восстание кметов. Но вараждинские повстанцы не объединили своих действий с кметами и этим ослабили свои силы. Между тем они так и не дождались ответа из Вены на свои требования. В середине апреля стало известно, что для усмирения восставших австрийское военное командование привело в боевую готовность пятидесятитысячную армию и организовало комиссию для расследования событий в генералате. Вскоре был арестован Любоевич. С его арестом движение стало спадать. По решению комиссии около ста граничар были подвергнуты жестоким наказаниям, а часть из них казнена. Граничары должны были вновь принести присягу императрице. Должность князов была ликвидирована, а на их место стали назначать офицеров. Но все же некоторые, хоть и не самые важные, требования повстанцев были удовлетворены. Это восстание было последним крупным вооруженным выступлением граничар в XVIII в.

Резкому обострению недовольства крестьян в 50-е гг. XVIII в. в Хорватии и Славонии содействовала новая перепись 1754 г., с которой были связаны значительные перемены в системе налогового обложения. Если раньше налоги взимались в соответствии с величиной крестьянского земельного участка, то теперь в основу налогообложения клался доход с земли. Тревога крестьян усилилась в связи с тем, что в ожидании приезда императрицы власти спешно сгоняли их на починку дорог, мостов и т. д. Восстание граничар в Вараждинском генералате непосредственно содействовало активизации крестьянства в гражданских областях.

Прелюдией к крестьянским восстаниям 1755 г. в Хорватии явились волнения кметов в Славонии. Выступления крестьян здесь начались в связи

с подготовкой к новой переписи уже в октябре 1754 г. Волнения охватили почти всю Вировитицкую жупанию и перекинулись в Пожегскую. Однако здесь они в самом начале были задушены.

Восстание хорватских крестьян началось в феврале 1755 г. в селе Равен Крижевацкой жупании. Оно сразу приняло угрожающий характер и стало быстро распространяться на соседние села. Своим «капитаном» кметы избрали старосту Матию Кушича. Толпы вооруженных крестьян, нарастая, двинулись на запад. По пути кметы сжигали помещичьи усадьбы. В Загребе с известием о крестьянском восстании началась всеобщая паника. Город стал лихорадочно готовиться к обороне, как будто к нему приближалась стотысячная армия турок. Восставшие высказывали единодушное желание идти на Вараждин, оттуда на Загорье, взять Загреб и, перебив всех господ, присоединиться к Границе. «Не хотим быть ничьими, только королевскими в Границе», — заявляли они.

Между тем представитель военного командования в Крижевцах, опасавшегося объединения действий вараждинских граничар и кметов и вместе с тем рассчитывавшего на присоединение восставшего края к Границе, обратился к кметам с призывом прекратить борьбу и сообщить свои требования. Они были крестьянами составлены и пересланы затем властями в Вену. В качестве главного требования кметы выставили пожелание о присоединении их края к Военной Границе.

Прекращение восставшими активных действий облегчило хорватским властям стягивание к Загребу значительных вооруженных сил. Когда кметы вновь обрушились на помещичьи усадьбы, против них выступило дворянское войско во главе с подбаном Иваном Раухом. Оно начало безудержную расправу с восставшими, грабя их имущество и скот, сжигая дома. Десятки повстанцев были отправлены в Загреб и брошены там в тюрьму, где большинство их погибло.

Но жестокие расправы не сломили крестьянские массы. Вскоре последовали выступления кметов около Великого Отока в Подравине, затем в селе Бишкупце около Вараждина. «Генералом» подравских крестьян, их «божьего войска», как они сами называли свои отряды, был бедняк Гргур Полгар. И здесь запылали помещичьи усадьбы. Крестьяне хотели истребить всех помещиков и присоединиться к Военной Границе. В одном из районов Крижевацкой жупании волнения крестьян продолжались вплоть до 1757 г. Власти жестоко расправились с участниками крестьянских восстаний.

Нараставшая волна крестьянских волнений в хорватских и других землях империи, а также фискальные соображения заставили Габсбургов заняться крестьянским вопросом. В целях упрочения феодально-крепостнического строя они предприняли законодательные меры, регулировавшие отношения между помещиками и крестьянами и несколько ограничивавшие феодальный произвол. Первым таким актом, касавшимся хорватских земель, явился патент, изданный Карлом VI для Славонии в 1737 г. Патент устанавливал размер и виды крестьянских повинностей, фиксировал обязанности кметов и права землевладельцев. Однако ввиду сопротивления помещиков он не был проведен в жизнь.

Непосредственно вслед за восстанием 1755 г. Мария-Терезия в 1756 г. издала генеральный урбарий для Славонии. В Хорватии в это же время был введен временный урбарий, фактически не осуществленный на практике, и лишь в 1780 г.— постоянный. Так как Славония все еще была слабо заселена и являлась областью пограничной с Турцией, что открывало возможность бегства туда крестьян, генеральный урбарий для славонских крестьян был более благоприятным, чем для Хорватии.

Генеральные урбарии устанавливали единую меру крестьянских наделов. В Славонии полный надел кмета — селище — должен был включать

24—40 ютаров [1] пашни в зависимости от качества земли и 8 ютаров лугов, в Хорватии 14—22 ютара пашни и 6 ютаров лугов. Однако крестьяне могли держать половину, четверть и даже восьмую часть надела. Размер и характер угодий, входивших в состав надела, а также повинности с надельной земли были внесены в специальные урбарпальные описи.

В Хорватии кмет должен был платить помещику с полного надела 1 форинт в год, давать натуральную девятину и выполнять барщину с упряжью 52 дня в году, а без упряжи — 104 дня в году. Кроме того, несколько дней кметы должны были уделять перевозке помещичьих продуктов на большие расстояния, а также давать помещику «дары» в натуре. В Славонии с полного надела крестьяне платили феодалу 3 форинта и несли барщину в размере 24 дней (со скотом) или 48 дней (без скота) в год. Если помещик нуждался в большем числе рабочих дней, он должен был оплачивать их кметам. За пользование виноградниками и землями, освоенными путем их раскорчевки и расчистки, кметы вносили особые платежи. Продажа спиртных напитков в корчмах, торговля мясом, содержание мельниц, охота, рыбная ловля и т. п. были официально признаны монопольными правами дворянства. Леса и пастбища объявлялись господской собственностью. За ограничепное пользование частью их кметы также принуждены были выполнять определенные обязанности в пользу помещиков. На крестьян возлагались и некоторые другие феодальные повинности.

Генеральные урбарии Марии-Терезии, хотя и ограничивали несколько своеволие помещиков, не привели к значительному улучшению в положении крестьян, тем более, что они весьма часто нарушались, а при осуществлении мероприятий, связанных с введением урбариев, феодалы захватили значительную часть находившихся ранее в крестьянском пользовании земель.

В 1785 г. Иосиф II распространил на венгерские и хорватские земли патент о ликвидации личной зависимости крестьян. Несмотря на свою крайнюю ограниченность, этот акт все-таки оказал благоприятное влияние на формирование здесь рынка рабочей силы. В 1789 г. Иосиф II издал новый патент, который устанавливал, что поступления в пользу помещиков и государства не должны превышать 30% крестьянского дохода. Однако в хорватских областях это фактически не было претворено в жизнь.

Крестьянские патенты Иосифа II, а также проводившийся по его указанию статистический учет земель (в том числе дворянских и церковных), который должен был послужить основой для финансовых реформ, вызвали бурю негодования со стороны венгерского и хорватского дворянства.

Слухи о новом увеличении налогового бремени в связи с проводившейся описью земель и имущества зародили тревогу среди крестьянства. Недовольство кметов особенно усилилось во время австро-турецкой войны 1788—1791 гг., которая тяжелым бременем легла на народные массы. Эпизоотия, неурожай и страшный голод в Хорватии вызвали хозяйственную разруху и довели крестьян до отчаяния.

Под влиянием всеобщего недовольства, неудач в области внешней политики Иосиф II в 1790 г., накануне смерти, отменил свои политические и экономические реформы, за исключением патентов о веротерпимости и ликвидации личной зависимости крестьян. Но после его смерти на Пожунском государственном собрании 1790—1791 гг. были восстановлены урбарии Марии-Терезии, хотя при этом несколько облегчались условия ухода крестьян из поместий. В области политических отношений также в основном были возрождены порядки, введенные Марией-Терезией.

[1] Ютар равен 0,57 га.

ГЛАВА 19

СЕРБЫ ВОЕВОДИНЫ[1]

В Банате, Бачке, Баране, Среме, которые до XVI в. входили в состав Венгерского королевства, еще в XIII—XIV вв. имелось сербское население. Нашествие турок на Балканы привело к росту эмиграции славянского населения за Дунай и Саву. В XV в. многие сербские и боснийские феодалы бежали в Венгерское королевство, получая там земельные владения, в которые переселяли своих крестьян. Эмиграция в Банат, Бачку, Бараню, Срем продолжалась и после падения Венгерского государства и подчинения всей центральной и южной его части Турции. Особенно массовый характер приняла эмиграция за Дунай и Саву в 1690 г. (см. гл. 15, стр. 211—212). В результате этого к началу XVIII в. сербы составляли почти единственное население Баната, Бачки, Барани, Срема. Поэтому даже на картах эти области обозначались тогда как «Сербия или Рацорсаг»[2]. Много сербских ремесленников и купцов жило в городах Воеводины — Араде, Байе, и др., а также в Буде и Пеште.

Карловицкий мир 1699 г. передал под власть Австрии Бачку и Бараню и часть Срема. По Пожаревацкому миру 1718 г., завершившему следующую австро-турецкую войну, к Австрии были присоединены Банат, оставшаяся часть Срема, а кроме того северная часть Сербии (Смедеревский санджак), Боснийская Посавина и Малая Валахия (западнее р. Олты), которые в результате австро-турецкой войны 1737—1739 гг. вновь отошли к Османской империи.

С тех пор австро-турецкая граница прочно закрепилась на берегах Дуная и Савы.

Таким образом, в XVIII в. под властью Габсбургов оказалась часть населенных сербами земель. В состав многонациональной Австрийской империи влилось еще одно национальное меньшинство. Но присоединенные к габсбургской монархии сербские земли оказались на территории Венгерского королевства. Поэтому венгерское дворянство претендовало на полное господство в них. После Карловицкого мира большая часть Бачки и Барани и некоторые районы Срема вошли в состав венгерских жупаний. Перешедшие к империи в 1718 г. Банат, а также северная часть

[1] Название «Воеводина» возникло во время революции 1848 г. (см. гл. 29). Но в исторической литературе этот термин применяется и к более раннему периоду для обозначения территории Баната, Бачки, Барани, Срема.

[2] Рацорсаг — венгерское название Сербского государства.

Граничары. XVIII в.

Сербии были объявлены имперскими землями и подчинялись непосредственно венскому правительству.

Еще в 1701—1702 гг. Габсбурги создали на новой границе с Турцией вдоль рек Савы, Дуная, Тисы и Мориша (Муреш) Потиско-Поморишскую и Посавско-Подунайскую Военную Границу. Значительную часть военных поселенцев на Военной Границе в Бачке и Среме составляли пришедшие туда из разных районов сербы, славившиеся как хорошие воины, с готовностью сражавшиеся против турок. На Дунае и Тисе издавна существовала легкая речная флотилия сербов-шайкашей[1], которая во время войн с Турцией занималась транспортировкой войск, ремонтом мостов, обеспечением переправ и т. д. Таким образом, сербские солдаты, матросы и офицеры играли немаловажную роль в деле обороны империи от турок и других неприятелей.

Император Леопольд I в 1690—1691 гг. определил положение переселившихся в австрийские владения сербов в специальных «Привилегиях». Переселенцы были поставлены под защиту императора, им даровалась свобода вероисповедания, церковная автономия, право на избрание право-

[1] Шайкашами назывались матросы легких речных лодок — шаек.

славного митрополита, ставшего политическим представителем сербов в империи. Но «Привилегии», которые позднее не раз подтверждались и разъяснялись в специальных указах, оказались выгодными прежде всего церковной иерархии.

Высший клир имел право на денежные поборы с православного населения и низшего духовенства, обогащался за счет всевозможных пожертвований. Вплоть до середины XVIII в. митрополит наследовал все имущество сербов, умерших без наследников, судил по гражданским спорам и наказывал провинившихся, иногда утверждал статуты цехов, назначал сербских офицеров и т. д. Таким образом, высшая церковная иерархия приобрела не только церковную власть, но и широкие светские права.

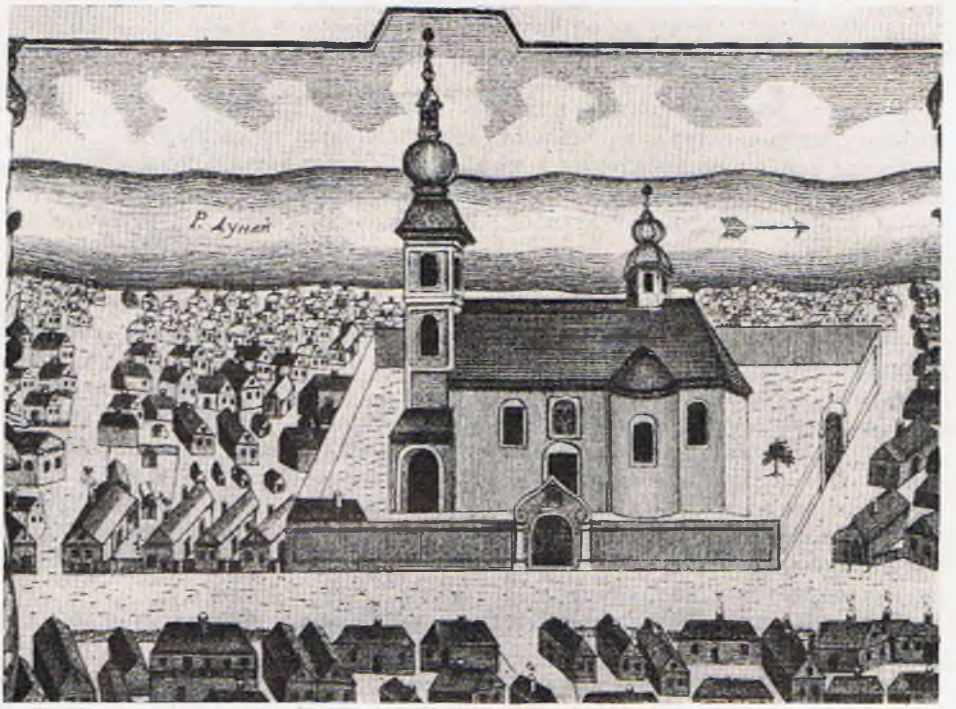
Сербское население в составе габсбургской монархии страдало от жестокого политического, экономического и религиозного гнета. Местные власти с неумолимой точностью собирали налоги, которые были более высокими, чем в Турции. Сербы-переселенцы в большинстве своем прошли через ужасные лишения и нужду, прежде чем сумели на новом месте обзавестись кровом и хозяйством. Венгерские власти и феодалы, считавшие населенные сербами земли своей исконной территорией, не желали считаться с какими бы то ни было «привилегиями» сербов, ссылаясь на то, что они расходятся с венгерскими государственными законами. Сербо-венгерская рознь усиливалась и ввиду политики Габсбургов, не раз пытавшихся использовать сербов как противовес росту сепаратистских стремлений венгерского дворянства.

Сербы терпели и религиозные притеснения со стороны католического духовенства, которое при активной поддержке венского двора вело католическую пропаганду среди православных сербов, навязывало сербской церкви унию с Римом, добивалось умаления прав автономной митрополии, находившейся в г. Сремски Карловцы. Все это крайне осложняло положение сербов в монархии Габсбургов.

Вследствие длительного турецкого господства и опустошительных войн Бачка, Банат, Бараня и Срем были слабо заселены. Поэтому венское правительство не только всемерно поощряло переселение туда сербов из турецких владений, но и планомерно колонизовало эти земли немцами, венграми, закарпатскими украинцами, словаками и другими народностями. Во второй половине XVIII в. шло усиленное заселение равнинной части Баната, где до этого преобладало сербское население, спускавшимися с Трансильванских гор румынами. В течение XVIII в. население Воеводины резко выросло.

Так, в Банате и Бачке в 1720 г. было всего 50 тысяч жителей, а в конце XVIII в. их насчитывалось 320 тыс. Но колонизация привела и к тому, что процент сербов в некоторых районах, особенно в Баране, в Поморишье, Банате, а также многих городах (Араде, Байе, Сегеде, Сентандрее, Тимишоаре, Чакове и других) резко сократился, усилилась этническая пестрота населения Воеводины.

В XVIII в. наблюдался быстрый прогресс экономики Баната, Бачки и Срема. Венское правительство нуждалось в сельскохозяйственных продуктах для снабжения своих развивающихся городов и поэтому рассчитывало превратить новые владения в развитые земледельческие области. Рост населения сопровождался распашкой запущенных земель, лугов и пастбищ. Если в период турецкого господства жители Воеводины занимались преимущественно скотоводством, притом кочевым, то теперь выросла роль земледелия. Уже в первой половине XVIII в. в Банате, значительная часть плодородных земель которого была заболочена, начались мелиорационные работы и строительство каналов. Стали вводиться новые культуры — лен, конопля, рис, шелковица и др. Все это привело к росту товарности сельского хозяйства, оживлению торговли с развивающимися городами.



Сремски Карловцы. Гравюра З. Орфелина. 1770 г.

Габсбургская империя была страной более экономически развитой, чем Турция. Поэтому сербские ремесленники и купцы получили в ней лучшие условия для торговой и ремесленной деятельности. Сербское торгово-ремесленное сословие быстро усилилось в ряде городов — Нови Саде, Велики Бечкереке, Панчеве, Земуне и др. Во второй половине XVIII в. наиболее зажиточные из них стали откупаться от феодальных повинностей и несения военной службы и превращаться в свободные королевские города, которые пользовались правами самоуправления (Нови Сад, Сомбор, Суботица, Тимишоара).

Сербские купцы держали в своих руках торговлю не только в Воеводине, но и в ряде венгерских городов. Имперский государственный канцлер Бартенштайн в своем описании сербского народа, сделанном в 1761 г., отмечал, что большая и разнообразная торговля сербов приносит огромную пользу государству.

Пожаревацкий мир 1718 г. создал благоприятные условия для расширения торговых связей Воеводины с Сербией, Боснией и другими балканскими землями. Активное участие в этой торговле принимали «турецкие торговцы» — греки, цынцары (влахи), армяне и сербы, которые были серьезными конкурентами воеводинских купцов.

Система аграрных отношений не была одинаковой во всех областях, населенных сербами. В Потиско-Поморишской и Посавско-Подунайской Военной Границе земли в основном принадлежали мелким владельцам-граничарам, хотя существовали и крупные поместья офицеров. Среди последних преобладали немцы, но были и сербы, которым за военные заслуги удавалось получить дворянские права и феодальные владения. Крупные поместья имели, например, семьи таких офицеров-дворян как Рашковичи, Текелии, Монастерлии и другие.

В Баране и гражданских частях Срема много земель перешло во владение немецких и венгерских феодалов. В Банате, а также большей части Бачки земли находились в ведении Дворцовой палаты, обычно сдававшей их в аренду.

В Среме было несколько крупных поместий, принадлежавших карловацкому митрополиту, и владения православных монастырей.

Среди сельского населения в наиболее благоприятном положении оказались граничары, которые на условиях несения военной службы наследственно владели своими земельными наделами-сессиями, были лично свободными и пользовались налоговыми привилегиями. Однако преобразования, проведенные венским правительством в Военной Границе в 40—50-х гг. XVIII в., привели к ухудшению экономического и правового положения и сербов-граничар. К тому же после закрепления австро-турецкой границы на берегах Дуная и Савы большая часть Потиско-Поморишской Границы оказалась удаленной от рубежей с Турцией. В связи с этим граничары Потиско-Поморишской Военной Границы и шайкаши на верхнем Дунае были демобилизованы. Всем им предложили или подчиниться венгерским жупанийским властям, или переселиться в пограничные с Турцией районы на побережье Дуная и Савы, где сохранялись военизированные территории и создавались пограничные полки и батальоны. Все эти преобразования были чрезвычайно болезненными для граничар, вызывали их недовольство и волнения.

В связи с преобразованиями в Военной Границе среди граничар началось движение за переселение в Россию, в которой сербы со времени Петра I видели свою защитницу и покровительницу. Много граничар, переселившихся из Потиско-Поморишской Границы в Банат, уехало оттуда в 1751—1752 гг. на Украину. Переселенческое движение в Россию продолжалось и в последующие годы. Русское правительство поощряло переселение сербов-граничар в пограничные с Крымом районы. Они были размещены как военные поселенцы, защищавшие русские земли от набегов крымских татар, на побережье Днепра в так называемых Новой Сербии и Славено-Сербии.

Размах движения за переселение в Россию среди сербов очень беспокоил венский двор. В 1752 г. императрица Мария-Терезия издала указ, запрещавший под страхом смертной казни вербовать сербов для переселения в Россию. Чтобы удержать народ от дальнейшей эмиграции, правительство создало Потиский коронный дистрикт и Кикиндский дистрикт, подчиненные непосредственно венскому двору.

В этих дистриктах действовали сербские «Привилегии» и существовало самоуправление.

В тех районах Баната, Барани, Бачки и Срема, где было гражданское управление, сербское крестьянство оказалось с самого начала в тяжелом положении. Значительная часть сербских крестьян была превращена в зависимых от венгерских и немецких помещиков кметов. Другая их часть арендовала землю у феодалов, заключая договоры на определенный срок (контрактуалисты). Тяжелые государственные налоги и феодальные повинности, всевозможные злоупотребления разоряли крестьянские хозяйства. Стремление венгерских феодалов превратить всех свободных сербских поселенцев в кметов вызывало их ожесточенное сопротивление. Сербы не выполняли повинности, бежали нередко целыми селами в Турцию, уходили в гайдуки. Гайдуцкое движение получило не менее сильное распространение, чем при турецком господстве.

Не раз вспыхивали в различных частях Воеводины антифеодальные крестьянские восстания. Все они отличались разрозненностью, стихийностью, не были сколько-нибудь подготовлены. Крестьянское движение особенно усилилось в 20—30-е годы XVIII в. Наиболее крупное восстание,

в котором совместно с венгерскими крестьянами, предводительствуемыми бывшим участником движения куруцев [1] Перой Сегединацем, боролись сербы, румыны и словаки, вспыхнуло в 1735 г. После непродолжительной борьбы крестьяне были разбиты, их вожди схвачены и казнены.

Когда во второй половине XVIII в. под влиянием роста крестьянского движения в габсбургской монархии стали проводиться аграрные преобразования, они были распространены и на земли, населенные сербами. В Среме стал действовать генеральный урбарий Славонии, изданный в 1756 г. и введенный в жизнь в 1762 г. В 1767—1772 гг. был проведен в жизнь урбарий для входивших в состав Венгрии Бачки и Барани, в 1780 г.— для Баната. Как и в остальных югославянских землях, находившихся под властью Габсбургов, введение в Воеводине урбариев, сопровождавшееся большими злоупотреблениями помещиков, не разрешило аграрного вопроса и не привело к существенному улучшению положения крестьян. Большое место в общественной жизни сербов под властью Габсбургов занимала их постоянная борьба за свои национальные и политические права, которая во многом помогла сербскому меньшинству, долгие годы жившему в чуждой национальной среде, сохранить свой язык, культуру и уклад жизни.

В первые же годы после установления власти Габсбургов в населенных сербами землях немногочисленный слой сербов, претендовавший на феодальные привилегии в Австрийской монархии, стал добиваться создания в рамках империи сербской «деспотовины» во главе с воеводой-сербом. Но эти планы не были поддержаны высшим клиром, боявшимся упустить из своих рук руководящую роль в общественно-политической жизни сербов. Не был заинтересован в их осуществлении и венский двор.

В первые десятилетия XVIII в. руководство борьбой сербов за расширение и проведение в жизнь «Привилегий» почти полностью сосредоточивалось в руках духовенства. Большую роль в Воеводине играли народно-церковные саборы, на которых решались важные вопросы (выборы митрополитов, открытие школ, организация церковного управления, защита народа от притеснений властей и феодалов). В первое время саборы находились под сильным влиянием духовенства. Однако уже на Крушедольском саборе 1708 г. было выдвинуто требование о предоставлении сербам вместо старых «Привилегий», выражавших прежде всего интересы высшего клира, определенной территории с автономными правами, что защитило бы сербский народ от феодальных и религиозных притеснений.

В дальнейшем на саборах развернулась борьба между высшим духовенством, постепенно терявшим свое политическое влияние, и выходящей на арену общественной жизни новой социальной силой — торгово-ремесленным сословием городов, выступавшим против духовенства и его политики. Благодаря своим капиталам ремесленники и купцы получили возможность вмешиваться в общественную жизнь, влиять на церковные дела. Духовенство обычно пользовалось денежной помощью зажиточных горожан и поэтому должно было отчасти считаться с их интересами. Торгово-ремесленное сословие требовало ограничения светских прав митрополита и епископов, контроля за церковным имуществом, улучшения школьного дела и т. п. На саборе 1749 г. была установлена новая норма представительства от различных слоев населения: 25 человек от духовенства, 25 — от офицеров и граничар и 25 — от горожан и крестьян гражданских областей.

Венское правительство, со своей стороны, также стремилось ограничить права и привилегии православной церкви с тем, чтобы уменьшить рус-

[1] Куруцы — участники освободительного и антифеодального движения в Венгрии в конце XVII—XVIII вв.

ское влияние на сербский народ, проводником которого являлось прежде всего духовенство, и усилить роль центральных органов власти.

В связи с государственными реформами, проводившимися при Марии-Терезии, существенно изменилось политическое положение сербов, а «Привилегии», которые им были дарованы в начале XVIII в., потеряли свое значение. Мария-Терезия, стремясь укрепить власть австрийского правительства в Воеводине, в 1745 г. создала для управления делами сербов Иллирскую дворцовую комиссию, преобразованную в 1747 г. в Иллирскую дворцовую канцелярию, подчиненную непосредственно императрице. В дальнейшем сербские «Привилегии» были окончательно ликвидированы. В 1770 г. был издан так называемый Регуламент, который уничтожал светскую власть митрополита, фиксировал размеры его доходов, запрещал отмечать большую часть православных праздников. Наконец «Деклараторий» 1779 г. окончательно лишил церковную иерархию светских прав, предоставив сербам вместо политической автономии в империи, к которой они стремились, лишь права на религиозно-школьную автономию. Политическая жизнь сербов, в том числе и деятельность саборов, была поставлена под полный контроль правительства.

ГЛАВА 20

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ

Социально-экономическое развитие, крестьянские восстания и реформация в словенских землях в XVI в.

В конце XV—XVI вв. в социально-экономическом строе словенских земель происходили значительные сдвиги. Они выразились прежде всего в появлении зачаточных форм капиталистических отношений в горном деле, а также в значительном развитии товарного производства и товарно-денежных отношений в городе и деревне. В XVI в. в словенских землях начинает складываться порайонная специализация, растет количество городских и сельских ярмарок. Все это создавало основу для образования общесловенского внутреннего рынка.

В XV—XVI вв. началась разработка новых месторождений руд. Был открыт ртутный рудник в Идрии, который приобрел общеевропейское значение, расширилась разработка свинца в Каринтии (в Словенском Плиберке, Плиберке у Беляка и т. д.), в Крайне увеличилась добыча железной руды. Был сделан большой шаг вперед в технике добычи и обработки металлов: строились усовершенствованные плавильные печи и кузницы по первичной обработке железа. В последних стали использовать тяжелые молоты, приводившиеся в движение силой воды. К концу XVI в. появились первые доменные печи.

Приобретение нового оборудования было не по средствам мелким производителям, которые вплоть до середины XV— начала XVI вв. занимались добычей руд и производством металлов. Они были вынуждены брать в долг деньги или орудия труда и сырье у богатых торговцев металлами. Купцы давали заем чаще всего на условии исключительной продажи им должниками продуктов своего производства. Таким образом, мелкие производители попадали в зависимость от купеческого капитала и работали теперь фактически на купцов-заимодавцев (система авансирования).

Наряду с предприятиями мелких производителей, в горном деле Словении существовали и более крупные заведения, которыми обычно владели компании пайщиков, получавшие с них доходы соответственно числу паев, т. е. по вложенному капиталу. Так, Идрийский рудник с начала XVI в. находился в руках трех компаний, в числе пайщиков которых были как представители дворянских фамилий, так и богатые горожане. Подобные компании владели свинцовыми рудниками Каринтии, разработками железной руды, некоторыми плавильными печами и т. д. Но в отличие

от рудников, многие плавильные предприятия находились в собственности отдельных предпринимателей.

В XVI в. появляются единичные предприятия, организованные по типу мануфактур (мастерские по выделению ртути из ртутной руды в Идрии, крупные плавильни и, может быть, некоторые оружейные мастерские). На крупных предприятиях широко применялся свободный наемный труд. Значительнейшим среди них был Идрийский рудник, а также некоторые другие горные разработки.

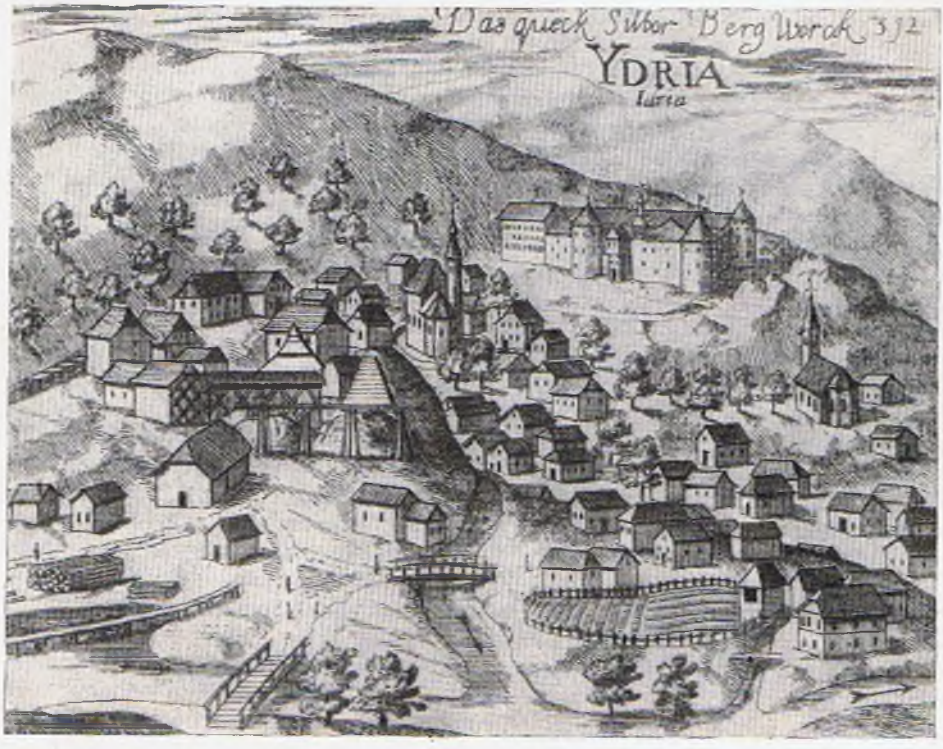
Увеличилась численность наемных рудокопов, рабочих плавильных и других предприятий. Юридически они подчинялись только власти эрцгерцога. На отдельных рудниках количество рабочих достигало значительной для того времени цифры. Так, в Идрии в XVI в. трудилось от 60 до 180 человек. Некоторые из них имели твердую заработную плату, другие работали по соглашению и получали вознаграждение сдельно. Рабочий день длился более 15 часов. Исключение представлял только ртутный рудник, где из-за вредности производства работали только 6—8 часов. Низкая заработная плата и тяжелые условия труда вызывали отпор со стороны горняков. Чаще всего он выражался в уходе с рудников. В период крестьянских восстаний горнорабочие нередко присоединялись к повстанцам. Уже в это время возникли и первые организации рабочих — братские кассы (Bruderlade), которые, правда, находились под контролем предпринимателей.

Особенностью горнодобывающей промышленности Словении была сильная зависимость от купеческого капитала не только мелких производителей, но и крупных горных предприятий. Даже Идрийский рудник не мог функционировать без авансирования со стороны богатых купеческих компаний, торговавших ртутью. При этом иноземный, преимущественно южнонемецкий и итальянский, купеческий капитал постепенно вытеснял местный. Так, сбыт идрийской ртути перешел от белякского купца Нойманна к аугсбургским купеческим домам Гохштеттеров, Баумгартнеров, Гервартов и других; торговлю свинцом сосредоточили в своих руках аугсбургские богачи Фуггеры. Если в конце XV в. довольно успешно действовали общества по торговле железом в карнитийских городах Шент Виде, Великовце и Целовце, то в XVI в. на карнитийском рынке с ними начинает все активнее конкурировать итальянское торговое общество «Терцерия», которое пыталось даже установить свою монополию на вывоз железа.

Засилие в горном деле иностранного капитала являлось одной из причин того, что развитие элементов раннекапиталистических отношений в горной промышленности не оказало сильного влияния на внутреннюю жизнь словенского города. В целом, городское ремесло в XVI в. оставалось цеховым, сохраняя характер простого товарного производства.

Вместе с тем города сделали известный шаг в своем развитии. Они несколько выросли численно, в них возникли новые виды ремесел, например литейное дело, производство стекла, бумаги и т. д. Города значительно расширили свои торговые связи. Особенно оживленные отношения поддерживали они в это время с итальянскими и южнонемецкими землями, а также с Венгрией и Хорватией. По мере развития товарно-денежных отношений в городах все шире распространялось ростовщичество. Отдельные, разбогатевшие на торговле и ростовщичестве купцы владели значительными средствами. В то же время, судя по жалобам словенских горожан властям, с начала XVI в. в городах увеличилось количество бездомных бродяг. Однако основную массу городского населения продолжали составлять цеховые ремесленники и мелкие торговцы.

Развитие товарно-денежных отношений затронуло и представителей высших сословий — светских феодалов и духовенство. Многие из них



Идрия. XVII в.

вели обширную торговлю сельскохозяйственными продуктами — непосредственно или через своих крестьян. Некоторые занимались и такими сугубо «мещанскими» делами, как содержанием постоялых дворов, торговлей вином в разлив. Нередко феодалы брали на откуп пошлины и налоги у представителей центральной власти, давали деньги в рост. Часть дворян оказалась даже вовлеченной в предпринимательскую деятельность. Так, барон Иоганн Унгнад владел железными рудниками и плавильнями в Вальденштейне; крупные магнаты Дитрихштейны, Ауэрсперги, Экки, Турны имели пай на Идрийском руднике, у Кислов было предприятие по выделке пушечных ядер недалеко от Любляны. Таким образом, отдельные представители дворян по своим интересам смыкались с богатыми горожанами. В то же время многие из богатых горожан за службу у Габсбургов или же за большие деньги получали дворянские звания, покупали у обедневших феодалов имения. В господствующем классе образовалась прослойка нового дворянства, так или иначе заинтересованная в некотором изменении существующего режима и вместе с тем тесно связанная с ним эксплуатацией феодальнозависимого крестьянства.

Изменения, происходившие в рассматриваемое время в словенских землях, в значительной степени коснулись и крестьян. Среди них резче обозначались имущественные различия, прежде всего по величине наделов. Во второй половине XV в. многие крестьянские земли оказались заложенными ростовщикам. Ввиду этого в Каринтии и Штирии был издан указ, согласно которому крестьянин не мог брать у еврея-ростовщика в долг деньги без разрешения господина. Среди крестьян появилось много малоземельных и тех, кто вообще не имел надела, а только одну усадьбу с расположенным на ней домом — кайже; последних обычно именовали кайжарами. Рост малоземелья среди крестьян особенно увеличился

к концу XVI в. В это время кайжары составляли в некоторых районах более $^1/_3$ всего сельского населения. Из числа малоземельных многие шли на горные разработки, жгли уголь, рубили лес, занимались ремеслом, торговлей. С другой стороны, меньшая часть крестьян богатела, особенно на торговле. Такие крестьяне нередко выкупались от господ, составляя немногочисленный в XVI в. слой свободников. Некоторые из них постепенно становились настоящими торговцами-скупщиками, занятие сельским хозяйством отходило у них на задний план.

Развитие городов, горного дела и ремесла, а также торговли с приморскими городами и Венецией вело к повышению спроса на сельскохозяйственные продукты. Цены на них быстро росли. Этому способствовала и финансовая политика Фридриха III, чеканившего неполноценную монету, в результате чего стоимость денег падала. Денежный оброк уже не давал феодалам средств, которые могли бы покрывать их все возраставшие потребности. Это заставляло феодалов перестраивать свое хозяйство на новый лад. Они либо переводили крестьян на натуральный оброк, либо расширяли свою собственную запашку за счет общинных и крестьянских земель, заставляя крестьян нести барщину на этих землях. Кроме того, феодалы пытались сосредоточить в своих руках всю торговлю сельскохозяйственными продуктами, скупая у своих крестьян по установленным ими самими же ценам излишки продовольствия. Правда, эти попытки не увенчались успехом, поскольку против них решительно выступили не только крестьяне, но и горожане.

В результате роста феодальных поборов и повинностей, а также введения чрезвычайных налогов, уже к концу XV в. положение словенского крестьянства резко ухудшилось. С переходом к барщине начинался упадок хозяйства крестьянина, увеличивалась его личная зависимость от феодала. Так, в XV в. был издан ряд указов о запрещении перехода от одного господина к другому. Но наряду с этим личная свобода безземельных кайжар, все менее ограничивалась, что было следствием их занятия различными промыслами.

Тяжелое положение сельского населения усугублялось многочисленными турецкими набегами, разорявшими словенские земли. Так, до 1508 г. было убито или уведено в плен турками около 200 тысяч человек. Турецкие набеги продолжались вплоть до конца XVI в.

В начале XVI в. помимо всего этого на крестьян обрушилось новое бедствие — война с Венецией, продолжавшаяся с 1508 по 1516 г. В это время не только увеличились налоги, но и совершенно прекратились торговые связи с Италией, которые очень много значили для земледельцев.

В Словении, как и в соседних немецких и венгерских землях, в начале XVI в. усилилось антифеодальное движение. Самое крупное восстание произошло в 1515 г.

Волнения начались еще за несколько лет до этого восстания; особенно значительными были выступления крестьян в отдельных районах Крайны. Сигналом к всеобщему восстанию послужило убийство в марте 1515 г. крестьянами барона Юрия фон Турна, который попытался ввести новый побор. Почти одновременно в Верхней Крайне крестьяне также отказались вносить новые платежи. Во главе их встали крестьянин Кландер и какой-то портной из Радовлицы. Восставшие призывали горожан присоединиться к ним.

Движение вдохновлялось «крестьянским союзом», созданным еще до начала всеобщего восстания. В него входило около 20 тысяч крайнских крестьян. Основным лозунгом восставших было требование восстановления «старой правды», т. е. в первую очередь отмены всех вновь введенных платежей и повинностей. Одновременно у повстанцев наблюдалось стремление рассматривать свой союз как постоянный орган, представляющий

Железники. XVII в.

их интересы перед императором, так как крестьяне наивно верили в поддержку с его стороны.

В середине апреля у Любляны состоялось большое собрание крестьян, на которое прибыл глава штирийского дворянства Сигизмунд Дитрихштейн. На его требование распустить союз восставшие ответили отказом. На этом собрании было решено послать депутатов к императору Максимилиану I в Аугсбург с просьбой защитить крестьян от гнета феодалов. Император принял посланцев, обещал облегчить участь крестьян и советовал им разойтись по домам. Эти ни к чему не обязывающие обещания крестьянские посланцы поняли по-своему. Вернувшись домой, они рассказали, что император полностью на их стороне и окажет помощь крестьянам в их борьбе за «старую правду».

Между тем восстание расширялось. В мае оно охватило всю Крайну, Нижнюю Штирию и Каринтию. Повстанцам сочувствовали рудокопы и плавильщики из Железников, население Нового Места, жители многих горных городков Каринтии, в том числе Хюттенберга и даже главного города этой земли — Шент Вида. В период наибольшего подъема восстания в нем участвовало, по некоторым сведениям, около 80 тысяч человек.

Крестьяне захватывали феодальные замки, жгли усадьбы господ, делили между собой их имущество. К ним присоединился ряд городов. В своей борьбе повстанцы использовали военные укрепления —«таборы», защищавшие сельские местности от турецких набегов. Однако крестьяне не были достаточно подготовлены к вооруженным действиям, у них нехватало оружия, они допускали тактические ошибки. В каждой земле «крестьянские союзы», которые были организационным ядром повстанцев, действовали самостоятельно.

Все это дало возможность сословиям начать организацию военных отрядов для подавления восстания. Крайнские сословия обратились за

помощью к хорватским феодалам, которые прислали отряд войск во главе с Марком Клисом. Этот отряд учинял жестокие расправы; 500 жен и детей восставших были захвачены и проданы в рабство в Хорватское Приморье. В ответ на это вооруженная борьба крестьян в Крайне, к началу июня затихшая, вспыхнула с новой силой. 9 тысяч крестьян окружили город Брежице, где в то время находился Клис со своим отрядом, взяли его и убили всех дворян, которых нашли там. Почти вся Крайна за исключением Любляны, Краня, Шкофьи Локи, Камника и некоторых замков оказалась в руках повстанцев.

Первыми оправились от испуга каринтийские дворяне. Отрядам, набранным сословиями, здесь оказали значительную помощь войска, присланные императором. В конце июня восстание в Каринтии было подавлено. Несколько позднее создали свое войско для борьбы с крестьянами крайнские и штирийские дворяне. Они разбили повстанческие отряды. Восстание было потоплено в крови. Сотни крестьян были повешены, посажены на кол, дома их сожжены. Помимо этого, крестьян заставили ежегодно платить «бунтарский пфениг» и барщинным трудом восполнить ущерб, причиненный господам. Наказаны были и города, жители которых участвовали в восстании или сочувствовали ему. Многие торги лишились своих привилегий, а главным городом Каринтии вместо мятежного Шент Вида стал Целовец.

После поражения восстания 1515 г. положение крестьян еще более ухудшилось. Феодалы отягощали их повинностями, особенно барщиной. В первой половине XVI в. крестьяне Верхней Крайны жаловались, что их барщина составляет до 200 дней в год. Повышались и государственные налоги. Но после столь тяжелого разгрома словенские крестьяне не имели сил продолжать борьбу. Поэтому, когда в 1525 г. началась Великая крестьянская война в Германии, в Крайне и Штирии имели место лишь отдельные волнения. Лучше, чем в остальных словенских областях в первой половине XVI в. было положение крестьян в Горице. Но с середины XVI в. оно ухудшилось и здесь. Так, например, в это время горицкие крестьяне лишились права посылать своих представителей на сословные собрания. В связи с этим в 1556 г. вспыхнули волнения крестьян и в Горице. Но они были быстро подавлены.

Накопившаяся и не имевшая исхода в течение многих десятилетий ненависть к феодалам прорвалась с новой силой во время совместного выступления словенских и хорватских крестьян в 1573 г. По своим требованиям эта крестьянская война представляла собою известный шаг вперед по сравнению с восстанием 1515 г. (см. о восстании 1573 г. главу 18). Она была последним крупным выступлением словенских крестьян в XVI в. Однако, и после его подавления положение в словенской деревне оставалось весьма напряженным. В частности, последняя четверть XVI в. отмечена рядом локальных волнений крестьян в Крайне и Нижней Штирии.

Перемены в положении феодалов и горожан, происходившие в конце XV—XVI вв. в связи с развитием товарно-денежных отношений, создали благоприятные условия для распространения в словенских землях реформационного движения, охватившего в это время в той или иной степени все владения Габсбургской монархии; как и в большинстве этих земель, протестантизм в Словении носил умеренный характер. Больше всего сторонников он имел среди горожан, горняков и дворян. Для последних реформация явилась удобной формой борьбы за секуляризацию церковных земель, составлявших в это время около $^1/_3$ обрабатываемой площади, и сопротивления централизаторским стремлениям Габсбургов, пытавшихся ограничить права и самостоятельность сословий. Реформа церкви активно поддерживалась и горожанами, особенно наиболее состоятельными кру-

гами, недовольными ростовщическими операциями духовенства, его конкуренцией в области торговли, а также многочисленными церковными поборами.

Примож Трубар

Первые протестанты появились в словенских землях в 20-х гг. XVI в. В 1523 г. возник протестантский кружок в Триесте при дворе епископа-гуманиста Петра Бономо. В 1529 г. в Любляне существовал кружок Матии Кломбнера, объединявший зажиточных горожан. В это время в Крайне протестантизм распространялся почти исключительно среди городского населения. Но в Штирии и Карнтии уже в 20—30-х гг. появились сторонники реформации и среди дворянства. Крайнское дворянство, напуганное Великой крестьянской войной в Германии, вызвавшей волнения крестьян и в Крайне, примкнуло к реформации только в 40—50-х гг. С этого времени руководство реформацией прочно перешло в руки дворян. Реформация проникла в словенские земли из Германии и распространялась в основном в форме лютеранства. В некоторых городах имелось небольшое количество сторонников цвинглианства и особенно флацианства — радикального направления в лютеранстве. Флацианство имело приверженцев в таких развитых городах, как Любляна, Целовец и Беляк. Имелись в Словении и левые секты, объединявшие представителей низших слоев населения — крестьян и городского плебса. Так, в 20-х гг., особенно после 1525 г., в словенских землях появились перекрещенцы-анабаптисты. Больше всего перекрещенцев было в Штирии. В 30-х г. перекрещенцы имелись также среди плебса в Крайне. Они не признавали духовных и светских властей, проповедовали равенство, любовь к ближнему. Однако левые секты в словенских землях были очень немногочисленны. Их преследовали и правительство, и лютеране. Для анабаптистов не было другого наказания, кроме смертной казни или пожизненной ссылки на галеры. К середине XVI в. их полностью уничтожили. Позднее, после разгрома крестьянского восстания 1573 г., в словенских землях распространилась секта «штифтарей» или «скакачей», которые по своим взглядам были близки к анабаптистам. Эта секта пользовалась влиянием, главным образом, среди крестьян. Но и она была весьма малочисленной. Реформационные учения, в том числе и лютеранство, обычно имели наибольший успех у тех крестьян, владельцами которых были духовные лица, т. е. в случаях, когда борьба за веру сливалась с антифеодальной борьбой. В частности, ярыми протестантами стали крестьяне Зильской долины, принадлежавшей бамбергским епископам. Приверженность протестантизму в этих местах сохранялась вплоть до XVIII в. Заметное распространение лютеранство получило и у крестьян, живших поблизости от горнорудных центров и так или иначе связанных с горной промышленностью. Однако

в своем подавляющем большинстве крестьянство осталось равнодушным к реформации, имевшей поэтому в Словении в основном дворянско-бюргерский характер.

Одна из особенностей реформационного движения в словенских землях заключалась в том, что бюргерство почти во всем следовало за дворянством. Оно было слишком тесно связано с ним и экономическими интересами, и системой сословных привилегий, чтобы решительно выступить против феодальных порядков. Поэтому бюргерство не сумело найти общий язык с крестьянами, заинтересованными в полной отмене всех феодальных привилегий. Кроме того, давала себя знать конкуренция в ремесле и торговле между городом и деревней. В ходе реформации только в одном вопросе бюргерство проявило особенную настойчивость — в требовании богослужения и издания церковных книг на словенском языке. Это был первый национальный протест словенцев против чужеземного гнета римско-католической церкви и немецких феодалов, выраженный словенским городским населением.

Наиболее ярким выразителем идеологии и интересов словенских протестантов, сыгравшим к тому же громадную роль в развитии словенской культуры, был Примож Трубар (1508—1586 гг.). Сын крайнского крестьянина, Трубар получил духовное образование и стал священником. Большое влияние на него оказал триестинский епископ-гуманист Бономо. Благодаря ему Трубар познакомился с сочинениями Вергилия, Эразма Роттердамского и Кальвина. Уже в Триесте Трубар становится сторонником Лютера, каковым и остается на протяжении всей своей жизни. Однако на него оказывали значительное влияние и более демократические идеи швейцарского реформатора Цвингли. В частности, Трубар считал, что священники должны избираться прихожанами. Он с искренней любовью относился к «бедному, простому, добросердечному словенскому народу», осуждал жестокое обращение многих дворян с их крепостными, выступал против злоупотреблений феодалов. В то же время Трубар был защитником феодальных порядков. Он считал, что крестьянин должен нести феодальные повинности господам и был противником крестьянских восстаний: «насилие и неправду они (т. е. крестьяне.— *Ред.*) должны безропотно терпеть, на свою нужду, бедность, насилие и неправду вместе с семьею богу жаловаться, но никогда не начинать бунтовать или мстить сами». Боязнь народного движения, проповедь непротивления помешали Трубару опереться в своей деятельности на словенское крестьянство.

В 30—40-х годах Трубар вел пропаганду протестантизма в Любляне и других городах Крайны. В 1548 г. он был изгнан из словенских земель и эмигрировал в Германию, где развил неутомимую деятельность в области словенского книгопечатания и литературы.

Его поддерживали в этом отношении некоторые феодалы-протестанты, например барон Иоганн Унгнад. Но это объяснялось не их заботой о словенской культуре, а желанием возможно шире распространить лютеранство среди средних и низших слоев населения Крайны, Нижней Штирии и Нижней Каринтии, которое в подавляющем большинстве понимало только словенский язык. В этом состояло отличие позиции феодалов от позиции многих горожан, для которых книги на родном языке являлись важным фактором в развитии их собственной культуры.

Из других деятелей бюргерской реформации следует отметить создателя первой словенской грамматики Адама Бохорича. В своих сочинениях он высказывал мысли о многочисленности славянских народов, о их единстве.

В 50—70-х гг. XVI в. реформационное движение в словенских землях достигло значительных успехов. Этому способствовала и общая обстановка в Европе того времени. Борьба между императором и протестантскими

Любляна. XVI в.

князьями в Германии закончилась в 1555 г. заключением Аугсбургского религиозного мира, подтверждавшего завоевания протестантов в Германии и право каждого князя определять религию своих подданных. После смерти императора Фердинанда I и раздела земель между его сыновьями ослабела мощь австрийских Габсбургов. Эрцгерцог Карл, наследовавший Внутреннюю Австрию, попытался бороться с протестантами. Но вскоре нужда в деньгах для отражения усилившегося натиска турок заставила его соблюдать веротерпимость и пойти на соглашение с сословиями, полностью поддерживавшими протестантизм.

В 1572 г. дворянство Штирии добилось для себя и своих подданных свободы вероисповедания. В 1578 г. того же добились дворяне Карнитии и Крайны, а также горожане всей Внутренней Австрии. Это была вершина успехов реформации в словенских землях.

Однако вскоре католической церкви и поддерживающим ее Габсбургам удалось консолидировать свои силы и повести наступление на протестантов. В словенских землях контрреформация началась уже в конце 70-х гг. и приняла особенно воинственный характер в конце XVI в., после прихода к власти Фердинанда II. В 1598 г. он издал постановление об изгнании из Внутренней Австрии всех протестантских проповедников и учителей. В 1601 г. всем протестантам-горожанам предложили в три дня перейти в католичество или покинуть страну, уплатив эрцгерцогу от проданного недвижимого имущества 10%. Позднее, в 1628 г., та же участь постигла и протестантов-дворян. Эти решения проводились в жизнь специальными «религиозными комиссиями», имевшими в своем распоряжении военные силы. Контрреформация проводилась насильственными средствами: протестантские церкви уничтожались, протестантские книги сжигались, чиновники-протестанты в городах заменялись католиками. Большую роль в проведении этих мер играли иезуиты, начавшие свою деятельность в словенских городах в конце XVI — начале XVII вв. Контрреформация,

хотя и вызывала сопротивление протестантов, однако обычно не сопровождалась их открытым отпором. Лишь в Беляке и в Целовце, а также в их окрестностях, протестанты-горожане, горняки и крестьяне оказали более решительное сопротивление.

Уже в начале XVII в. протестантизм в словенских землях был почти полностью уничтожен. Он сохранился только в Прекомурье, находившемся в подчинении венгерской короны. Там протестантами были почти все крестьяне.

В результате победы контрреформации, сопровождавшейся изгнанием протестантов, в словенских землях, как мы увидим, заметно ослабла роль сословных собраний и значительно укрепилась власть Габсбургов.

Реформационное движение оставило заметный след в истории словенского народа. Оно явилось важным поворотным пунктом в развитии его национального самосознания. Деятелями протестантизма был создан словенский литературный язык, общий для Штирии, Каринтии и Крайны. Это обстоятельство способствовало осознанию этнического и культурного единства всеми словенцами независимо от того, в какой из феодальных областей они жили. Именно на основе достижений реформации позднее, во второй половине XVIII в., деятели словенского Возрождения смогли развернуть борьбу за создание национальной культуры, за пробуждение национального самосознания словенцев.

Словенские земли в конце XVI — начале XVIII в.

С конца XVI — начала XVII в. в словенских землях наступил длительный хозяйственный упадок. Он был обусловлен прежде всего перемещением главных торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан. В результате этого потеряли прежнее значение торговые пути между южногерманскими княжествами и Италией, которые шли через словенские земли.

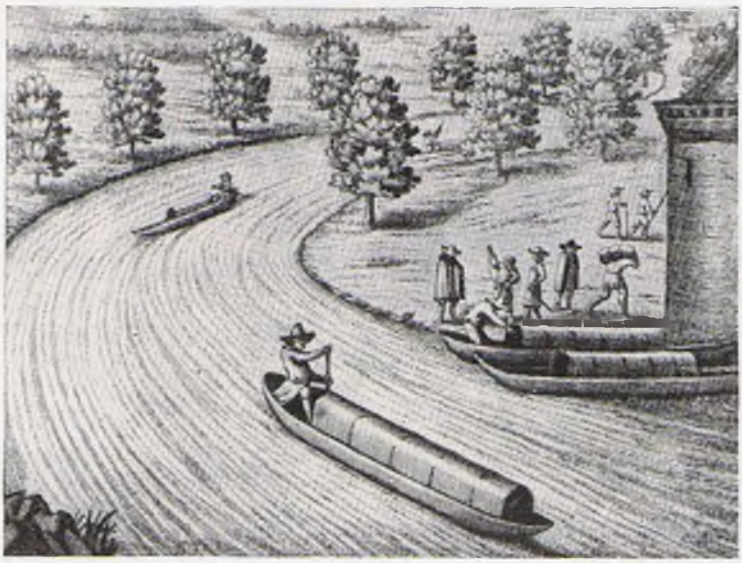
В горном деле начался отлив иностранного торгового капитала, на котором базировалось большинство местных предприятий.

Уменьшились и размеры отечественных вложений, что было обусловлено падением стоимости денег в конце XVI в., а также тем обстоятельством, что страну покинули протестанты, многие из которых были дворянами и состоятельными горожанами.

Отрицательно сказался на хозяйственной жизни Словении и разгром крестьянских движений, за которым последовал дальнейший рост эксплуатации и личной зависимости крестьянства. Это привело, в свою очередь, к ослаблению связей крестьян с внутренним рынком и, следовательно, к его сужению, а вместе с тем и к сокращению рынка свободной рабочей силы.

В XVII в. уменьшилось количество городских жителей, чему также немало способствовал уход из страны горожан-протестантов. В 1598 г. в главном городе Каринтии Целовце стояли пустыми 50, а в штирийском городе Радгоне — 70 домов. В Крайне отлив городского населения был несколько меньше.

В связи с падением средиземноморской торговли усилился экономический нажим Венеции на приморские города. Жители их должны были торговать рядом товаров (например соленой рыбой) только в Венеции, платя при этом огромные пошлины, доходившие до $^1/_4$ стоимости товара. Упадок торговли, периодические эпидемии чумы привели к уменьшению городского населения и в Приморье. Так, к концу XVI в. по сравнению с первой половиной XVI в., оно сократилось в Копере в четыре раза, а в Пиране — в три.



Перевозка грузов по реке в Словении, XVII в.

Большинство горных разработок и плавилен тоже находилось в упадке. Так, в 1596 г. треть всех плавилен в Крайне бездействовала. Резко сократилась добыча свинца около Беляка. Только Идрийский рудник продолжал увеличивать добычу ртути, поскольку идрийская ртуть почти не имела конкуренции в Европе. Она шла в Италию, Германию, Голландию, Францию и Англию. Через Амстердам ее вывозили даже в Индию. Хотя с 70-х гг. XVI в. Идрийский рудник стал собственностью Габсбургов, последние предпочитали отдавать право продажи его продукции богатым итальянским торговцам. Кое-где в словенских землях в XVII в. встречалась система авансирования. Так, оружейники в Бовлях в значительной степени зависели от купеческого капитала. Некоторые деревенские ремесленники, производившие товары на широкий рынок, тоже находились в зависимости от купцов-скупщиков. Но подавляющее большинство ремесленников, городских и деревенских, работало самостоятельно на местные рынки.

Важное значение в XVII в. приобрело производство оружия; словенские земли в это время были одним из основных поставщиков оружия для Военной Границы. Однако в целом городское ремесло находилось в упадке. Это было связано с сокращением рынка сбыта ремесленной продукции, а отчасти и с усилением всевозможной регламентации в цехах. Так, например, в XVII в. уже строго ограничивалось число мастеров — членов цеха, которые имели право заниматься ремеслом, а иногда — число подмастерьев в каждой мастерской. Это привело к тому, что право заниматься ремеслом и входить в определенный цех стало рассматриваться как собственность, которую можно наследовать, продавать, отдавать в аренду. Цехи контролировали не только производство, но и всю жизнь ремесленников. Все это указывало на загнивание цеховой системы, на то, что она уже превращалась в тормоз для дальнейшего развития городской промышленности.

В сократившейся по своим масштабам внешней торговле Словении в XVII в. наибольшую роль играл товарообмен с итальянскими землями. В Италию из Внутренней Австрии вывозили железо, дерево, полотно,

Перевозка товаров в XVII в.

скот, хлеб; из Италии ввозили соль, высшие сорта вин, дорогие текстильные и металлические изделия. В целом итальянский рынок значил для словенских земель больше, чем немецкий, венгерский и хорватский. Торговля с Италией находилась в основном в руках богатых итальянских купцов, имевших монополии на вывоз табака и волов, дерева из Горицы, железа из Каринтии и т. д. Такие оптовые торговцы действовали в Словении и на местных рынках. В большинстве они были итальянцами или немцами по происхождению.

Упадок промышленности и торговли усугублялся тяготами от многочисленных войн, которые на протяжении XVII и первой половины XVIII в. вели Габсбурги. Эти войны хотя и не происходили на словенской территории, разоряли ее население: увеличивались налоги, отряды наемников грабили и разоряли дома и поля мирных жителей.

Особенно много сил и средств отнимали войны с Турцией. Заинтересованные в создании оборонительного пояса против турецких нападений крайнские, штирийские и каринтийские сословия еще в XVI в. должны были взять на себя финансирование сооружения крепостей и содержания Военной Границы. Сумма платежей, которые обязаны были вносить сословия Внутренней Австрии на содержание Границы, постепенно увеличивалась. Их бремя в основном ложилось на крестьян и горожан.

Разгромив движение крестьян, дворяне повели наступление на их права с еще большим упорством. Увеличивались поборы, росла барщина. Особенно тяжелой была она в Нижней Крайне и в Нижней Штирии, где в конце XVI—XVII в. нередко в урбариях фиксировалось право господина требовать барщину в неограниченном размере.

Наряду с ростом барской запашки и увеличением отработочных повинностей крестьян, в некоторых районах Словении получила распространение передача доменпальных земель, разделенных на мелкие парцеллы, крестьянам.

Так возникла категория доменикальных крестьян, в то время как остальные крестьяне стали называться рустикальными. Ввиду того, что с барских хозяйств не взимались государственные налоги, не уплачивали их и доменикальные крестьяне. Это давало возможность феодалам

Сельскохозяйственные работы в Словении в XVII в.

произвольно назначать высокую ренту с доменикальных хозяйств. Поэтому их создание приносило обычно большой доход землевладельцам.

В XVII в. в общей сумме повинностей рустикальных крестьян приобретают все большее значение государственные налоги. Вместо шедших ранее в пользу государства «чрезвычайных налогов», размер которых утверждался сословными собраниями, теперь была введена точно фиксированная по величине «контрибуция», наряду с которой сохранялись и «чрезвычайные налоги». В XVII в. быстро росли также и государственные пошлины на провоз и продажу сельскохозяйственных продуктов.

В XVII — начале XVIII в. крестьяне, недовольные своим положением, не раз поднимались на вооруженную борьбу. Только за период 1573—1628 гг. в словенских землях произошло более 20 локальных крестьянских восстаний. Особенно значительные выступления имели место в Горице, а также в Крайне и Штирии.

Крупное восстание горицких крестьян произошло в 1627 г. в районе Толмина. Там даже был организован крестьянский союз. После подавления этого восстания волнения в Горице не прекратились и продолжались в течение всей второй половины XVII в.

В ответ на увеличение барщины и государственных налогов во время Тридцатилетней войны в апреле 1635 г. вспыхнуло восстание в Нижней Штирии. Оно охватило также некоторые районы Крайны и, очевидно, имело определенный отклик в городах.

Так, сохранились сведения, что в Любляне в то же время происходили столкновения между солдатами, присланными на подавление этого восстания, и студентами иезуитского колледжа. Восставшие крестьяне захватили и разрушили 35 замков духовных и светских феодалов.

Только в июне, после того, как в Словению были стянуты войска из Военной Границы, восстание было подавлено.

В 1674—1688 гг. произошли весьма значительные волнения в Верхней Крайне. Здесь крестьяне достали старый урбарий и отказались нести повинности, не зафиксированные в нем. Во главе их стоял Якоб Старе.

Протестом против усиливающегося налогового бремени явилось подготовленное крестьянским союзом в Толмине выступление горицких крестьян в 1713 г. Непосредственным поводом к нему послужило повышение пошлин на провоз и продажу мяса и вина. Восстание охватило не только Горицу, но и часть Крайны. В нем приняли участие 750 сельских судей-жупанов вместе со своими селами. К повстанцам присоединились и рудокопы Идрии, недовольные ростом налогов и действиями местного судьи. Повстанцы уничтожили все таможни в долине реки Сочи к северу от Горицы и в Горицких Брдах. Характерно, что крестьяне во время этого восстания проявили бо́льшую организованность, чем раньше. Не веря императору, они отказались вступить с ним в переговоры и надеялись только на успех своих вооруженных действий.

Однако и это восстание было подавлено, а многие крестьяне брошены в тюрьму или казнены. Права горицких крестьян были еще более урезаны: их лишили старинного права выбирать жупанов. Отныне они могли только предлагать феодалу своих кандидатов, а последний назначал из них жупана по собственному усмотрению.

В отличие от XVI в., крестьянские восстания XVII — начала XVIII в. имели локальный характер. Ни одно из них по размаху нельзя сравнить с движениями 1515 или 1573 гг. Причиной этого была консолидация господствующего класса и усиление центральной власти. Вместе с тем характер требований крестьян значительно изменился. Теперь они все чаще выступали не только против отдельных феодалов, как это было раньше, но и против государственной власти, требуя снижения государственных налогов и пошлин.

После победы контрреформации и особенно во второй половине XVII в. после окончания Тридцатилетней войны усилилась абсолютистская, централизаторская политика Габсбургов. Не ломая старых давно сложившихся институтов в своих наследственных землях, венское правительство старалось ограничить их права, подчинить их своему контролю. В XVII в. в словенских землях неуклонно падала роль сословных организаций. Хотя сословия сохраняли известные права в административно-финансовом управлении, суде, армии, их функции постепенно суживались. С введением в 1624 г. вместо «чрезвычайных налогов», шедших в пользу государства, постоянной «контрибуции» уменьшилась роль сословных собраний в определении государственных налогов. Феодальное и крестьянское ополчение в XVII в. почти не созывалось, его заменило наемное, а затем постоянное войско. Претерпел изменения и классовый состав сословных собраний, которые постепенно превращались в замкнутые организации феодалов. Если в XVI в. на них присутствовало значительное количество горожан, то в дальнейшем в Штирии горожане имели право посылать на сословное собрание только одного представителя, а в Крайне и Горице вообще были лишены представительства. Феодальная реакция сказалась и в отстранении городов от политической деятельности.

После победы контрреформации резко увеличилась роль католической церкви. В словенских землях появились ордена иезуитов, капуцинов и т. д., росло количество монастырей. Если до реформации Любляна имела три монастыря, то в XVII в. их там было уже восемь. Соответственно и в Горице число монастырей возросло от одного до шести. Под контролем церкви находилась вся общественная жизнь страны. Те зачатки национального самосознания, которые появились у словенских горожан в период Реформации, заглохли.

Развитие капиталистических отношений в словенских землях в XVIII в.

Уже в первые десятилетия XVIII в. хозяйственная жизнь словенских земель начинает несколько активизироваться. Оживляются города. Еще в 1719 г. наряду с Риекой был объявлен свободным порт Триест, что немало содействовало его быстрому расцвету. Вскоре этот город становится основным пунктом, через который осуществляли свой экспорт земли Внутренней Австрии, а отчасти и Хорватия. Крайна вывозила через него в 60-е гг. XVIII в. две трети экспортируемых ею товаров. В 1770 г. половина каринтийского и часть штирийского железа шла также через Триест. Значительную долю в его товарообороте имела Венгрия и хорватские земли. Все это привело к росту значимости Триеста, к увеличению населения. В конце XVIII в. здесь насчитывалось 20 тысяч жителей.

Оживлению экономики словенских городов во второй половине XVIII в. способствовали реформы, проводившиеся Габсбургами в наследственных землях. Там были ликвидированы все таможенные поборы и введена единая внутренняя пошлина (таможенная граница сохранилась только между австрийскими и венгерскими областями). Несколько позднее были отменены все ограничения свободы торговли на ярмарках. После 1770 г. Габсбурги перестали давать монопольные права на вывоз за границу тех или иных товаров отдельным купцам или купеческим компаниям. Все это создавало условия для успешного развития торговли.

Правительство провело ряд реформ и в области промышленности. В частности, все цехи во Внутренней Австрии были разделены на две группы. Те, которые производили товары для сравнительно более широкого рынка, подчинялись государственным властям; обслуживавшие местный рынок находились в ведении городского магистрата. При этом многие цехи, особенно из первой группы, были вообще ликвидированы.

Эти мероприятия явились уступкой правительства новым, капиталистическим отношениям, начавшим особенно быстро развиваться во второй половине XVIII в. Однако в начале 90-х гг. часть изданных указов была отменена. Снова была установлена регламентация цен на продукты во время ярмарок, некоторые ликвидированные цехи возобновили свою деятельность. Наряду со старым цеховым ремеслом в словенских землях развивалась промышленность капиталистического типа. Во втором десятилетии XVIII в. здесь возникают новые мануфактуры. В Любляне имелись полотняная и суконная мануфактуры. Последняя принадлежала до середины XVIII в. крайнским сословиям и поставляла сукно для Военной Границы. В 1758 г. на ней работало 150 рабочих и 600 человек надомников. В Любляне же находилась шелкоткацкая мануфактура, имевшая в середине XVIII в. 300 рабочих. Суконные мануфактуры имелись также в Целовце и Ветрине. В Горице развивалась шелкоткацкая промышленность: в 1726 г. там работали четыре шелкоткацких предприятия с более чем сотней рабочих. В Любляне были мастерские по отливке колоколов и пушек; в Айдовщине, Горице и т. д.—стекольные и бумажные мастерские.

Некоторые мануфактуры, находившиеся в сельских округах, получили особые права: местные жители могли работать на дому только на них. Так, в Верхней Крайне ряд деревень был прикреплен к шерстоткацкой мануфактуре графов Ламбергов. Увеличилось производство полотна, которое крайнские крестьяне изготовляли для продажи. Вся торговля этим полотном находилась в руках скупщиков-купцов. Скупщики господствовали и в других крестьянских промыслах: в производстве кружев, соломенных шляп, металлических изделий.

Помимо возникновения этих новых предприятий, для второй половины XVIII в. характерно расширение и некоторых старых, прежде всего

связанных с горным делом. Так, если в 50-е гг. XVIII в. в Идрии было немногим более 500 рабочих, то уже в 90-х гг. количество их достигло 950—1000. Что касается железных рудников и плавилен, то в 1769 г. в семи самых значительных металлургических центрах Крайны работало 2370 человек, в том числе угольщики и возчики, в своем большинстве кайжары, для которых горное дело было подсобным промыслом.

Подавляющее большинство промышленных предприятий так же, как и словенских рудников, в XVIII в. по-прежнему находилось в руках немецких или итальянских предпринимателей, многие из которых были тесно связаны с торговлей. Из их числа следует прежде всего отметить Микельанджело Цойса, выходца из Бергамо. В 30-х гг. XVIII в. он сосредоточил всю торговлю крайнским и частично каринтийским железом в своих руках. Позднее Цойс приобрел собственные плавильни и молотовые станы в Бохине, Яворнике, Мисленьи. В первых двух городах он построил также доменные печи. Вся ценность его имущества в 70-х гг. XVIII в. доходила до одного миллиона голдинеров. Во второй половине XVIII в. известны и некоторые предприниматели из словенцев.

В связи с развитием капиталистической промышленности формировался словенский рабочий класс, в который помимо горняков входили теперь и рабочие мануфактур. Положение последних было очень тяжелым: рабочий день продолжался 14 часов, и без того низкая заработная плата часто выдавалась продуктами, стоимость которых хозяином сильно повышалась. На предприятиях широко использовался детский труд.

Вместе с увеличением численности рабочего класса росло и его самосознание. В 1671 г. произошло выступление идрийских рудокопов, недовольных низкой заработной платой и тем, что частично ее выплачивали негодными продуктами. В 1762 г. одними из первых в истории словенских земель забастовали рабочие Целя. Они требовали повышения зарплаты.

В XVIII в. происходят некоторые изменения и в сельском хозяйстве. Прежде всего, еще с XVII в. начали распространяться новые культуры: кукуруза, картофель, клевер. На юге расширялись посадки маслин, тутового дерева, в северных районах увеличились посевы льна и конопли. Большее внимание стали уделять удобрению земли. Со второй половины XVIII в. значительное распространение получило стойловое скотоводство.

Среди крестьян усилилось имущественное и социальное расслоение. Резко увеличилось количество кайжаров по сравнению с XVII в., когда рост кайжарства почти совсем прекратился. Особенно много их проживало около проезжих путей и городов. Так, на дороге Любляна — Трпест уже в начале XVIII в. имелись села, полностью или почти полностью населенные кайжарами, которые занятие земледелием сочетали с несельскохозяйственными профессиями. Увеличилось количество полностью безземельных сельскохозяйственных рабочих — гостачей, труд которых все чаще применялся на землях богатых крестьян. Наибольшее распространение гостачи имели в виноградарских районах. С другой стороны, в словенской деревне появляются и зажиточные хозяева, разбогатевшие на торговле. Они применяли на своих полях новые машины, имели собственные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: мельницы, винодельческие заводы и т. д. Именно в их интересах в Крайне, Горице и Каринтии создаются «Сельскохозяйственные общества», которые организуют сельскохозяйственные школы, ведут пропаганду новых культур, занимаются внедрением улучшенных пород скота. Таким образом, в XVIII в. в словенских землях уже началось проникновение элементов капитализма в сельское хозяйство.

Венское правительство вынуждено было пойти навстречу новым отношениям, которые пробивали себе дорогу в деревне. В период «просвещенного абсолютизма» здесь, как и в других местах Габсбургской монархии,

был проведен ряд аграрных реформ. Как и повсюду немалую роль в их осуществлении сыграло усилившееся крестьянское движение. В 1778 г. императрицей Марией-Терезией был издан для Штирии и Каринтии патент о барщине. Согласно ему, барщина ограничивалась тремя днями в неделю, независимо от величины надела. Крайна получила патент о барщине только в 1782 г. В нем фиксировалась обязанность владельца полного надела ходить на барщину 4 раза в неделю. С уменьшением надела уменьшалась и барщина. Крестьянин же, совершенно не имевший надела, нес барщину 12 дней в год.

При Марии-Терезии рядом указов было объявлено о выкупе крестьянами Каринтии, Штирии и Крайны наследственного права на землю, что явилось известным шагом к превращению феодальных земельных держаний крестьян в буржуазную собственность. Эти указы значительно ускорили процесс перевода крестьянских наделов в наследственное владение, особенно в Штирии и Каринтии. В Крайне, однако, вплоть до 1848 г. сохранялось несколько тысяч крестьянских хозяйств, находившихся на праве временной аренды.

В 1782—1789 гг. при императоре Иосифе II были изданы постановления, упразднявшие в словенских землях личную зависимость крестьян от помещика и определявшие объем крестьянских налогов и повинностей. Однако эти реформы не могли решить крестьянского вопроса. В начале 90-х гг., сразу же после смерти Иосифа II в значительной части они были отменены. Из-за яростного сопротивления горицкого дворянства не имела успеха и попытка правительства ликвидировать колонат в Горице и Истрии. Положение крестьян в словенских землях по-прежнему оставалось тяжелым. Об этом свидетельствует ряд локальных крестьянских волнений в конце XVIII в. Наиболее крупными были восстания в районе Толмина (Горица) в 1787 г. и в Нижней Крайне и Нижней Штирии в 1790 г.

Бюрократическая централизация Габсбургской монархии во второй половине XVIII в. привела к существенному изменению административно-территориального устройства словенских земель. В 1747 г. в Крайне и Каринтии были образованы провинциальные управления, ведавшие административными и финансовыми делами. В 1749 г. эту реформу провели и в других словенских землях. Все чиновники таких провинциальных управлений назначались правительством. Отменялись прежние сословные суды, их место заняли суды, состоявшие из государственных чиновников. Все провинциальные учреждения подчинялись властям в Вене. Несколько позднее каждая провинция была разделена на округа, во главе которых также стояли правительственные чиновники.

При Иосифе II Штирия, Каринтия и Крайна были объединены в одну губернию с центром в Граце, а Горица и Триест — в другую с центром в Триесте. Границы округов, на которые делились губернии, не всегда совпадали с границами старых провинций. Однако, как было сказано выше, эти реформы были также отменены.

Наконец, Мария-Терезия ввела новый налоговый кадастр, согласно которому государственным налогом облагались также крестьяне, жившие на доменпальных землях и дворяне-землевладельцы. За раскладкой и уплатой налогов следили государственные чиновники, была проведена перепись имений. Теперь контрибуцию сословные собрания должны были только одобрять, но не определять ее величину. Их роль в вопросе о налогах стала ничтожной. Когда же каринтийские сословия попытались воспротивиться новой налоговой системе, венское правительство ответило на это тем, что в течение двадцати лет (1750—1770 гг.) собирало налоги в Каринтии без одобрения провинциального сословного собрания. Кроме того, с 1748 г. сословия Внутренней Австрии перестали непосредственно снабжать Военную Границу деньгами и продовольствием. Те средства,

которые раньше шли на это, теперь отсылались в Вену в качестве доли общего государственного налога Каринтии, Штирии и Крайны. Сословия данных земель уже не могли вмешиваться в дела Военной Границы, получать там для себя экономические льготы, влиять на назначение офицеров.

Таким образом, благодаря административным, судебным и налоговым реформам сословная организация в словенских землях окончательно потеряла свое значение.

В связи с реформами «просвещенного абсолютизма» в словенских землях были ликвидированы многие монастыри, в том числе и наиболее значительные: Ветринь, Студенице, Жиче, Стична, Костаньевица и т. д. Габсбургская политика, направленная на полное подчинение государству католической церкви и снижение ее экономического и политического влияния, была поддержана некоторой частью католического духовенства. Среди католических священников в середине XVIII в. распространяется так называемый янсенизм, сторонники которого полностью признавали догмы католической церкви, но отрицали монашество и считали, что государство может вмешиваться в дела церкви вплоть до провозглашения свободы вероисповедания. Во второй половине XVIII в. это учение проникло и в словенские земли. Наиболее яркой личностью среди его приверженцев здесь был люблянский епископ Карл Герберштейн, вокруг которого объединялись не только словенские священники-янсенисты, но и янсенисты других австрийских земель.

Усиление национального угнетения и политику германизации, проводившуюся Габсбургами в период «просвещенного абсолютизма», непосредственно ощутили на себе и словенцы. В суде, администрации, в школе установилось полное господство немецкого языка, который должен был знать каждый чиновник. После того, как иезуиты вынуждены были передать в руки государства средние и высшие школы, учебным языком в последних вместо латинского стал немецкий. Это ускорило процесс германизации, прежде всего среди интеллигенции. Только в деревнях крестьяне по-прежнему хранили родной язык и обычаи, да некоторые образованные словенцы интересовались национальной культурой. Население словенских земель еще не осознавало себя единым народом. Жители Крайны называли себя краинцами, жители Штирии и Каринтии — словенцами, этот же термин употреблялся для обозначения славян в целом.

Однако во второй половине XVIII в. в связи с развитием капитализма в словенских землях зарождается и вскоре начинает быстро развиваться национально-просветительское движение, которое стало первым этапом в национальном Возрождении словенцев и полностью развилось уже в XIX в. Значительную часть интеллигенции среди словенцев составляло духовенство, поэтому представители его наряду с молодой словенской буржуазией играли значительную роль в национально-просветительском движении.

Основное внимание деятели этого движения уделяли возрождению родного языка, созданию словенской литературы и школы. Таким путем они противодействовали германизаторской политике правящих австрийских кругов, стремясь сохранить словенскую национальность.

Национальное самосознание в XVIII в. стало развиваться и у словенцев, живших за Мурой (в Прекомурье), в Словенской Крайне, в большинстве своем бывших протестантами; они начали осознавать свое родство с остальными словенцами. Протестантский пастор Штефан Кюзмич (1723—1779 гг.) в предисловии к своему переводу Нового завета (1771) отмечал национальную близость между прекомурцами и краинцами.

Некоторые деятели словенского национального движения восторженно встретили Великую французскую революцию 1789—1793 гг. и сочувствовали ее идеям. Однако заметного влияния революционные события во Франции на словенские земли не оказали.

ГЛАВА

21

КУЛЬТУРА

Развитие культуры югославянских народов в XVI—XVIII вв. проходило весьма неравномерно. Основной причиной этого было турецкое завоевание большей части югославянских земель, которые оказались изолированными от культурного развития не только европейских государств, но и родственных областей, находившихся под властью Габсбургов и Венеции. В землях, вошедших в состав Османской империи, культурная жизнь почти остановилась, застыв на средневековом уровне. Она проявлялась здесь главным образом в поддержании старых культурных традиций и особенно в устно-поэтическом творчестве народа. Во время набегов и сражений были разрушены ценные памятники зодчества, в пожарах погибли богатые собрания рукописей. Новых строений воздвигалось мало, литературная деятельность ограничивалась переписыванием старых произведений. В этих условиях значительную культурную роль играли монастыри Сербии, Македонии и Черногории, ставшие хранителями самобытной народной культуры, сложившейся в предшествующий период. При монастырях существовали школы. В них работали переписчики, живописцы, зодчие. Поэтому литература, искусство и просвещение по-прежнему сохраняли церковно-религиозный характер. В югославянских землях, после включения их в состав Османской империи, стало постепенно распространяться турецкое культурное влияние, особенно в связи с принятием частью населения ислама. Это прежде всего происходило в крупных городах и некоторых областях, где было значительное количество мусульман, например в Боснии. Однако большинство югославян, несмотря на тяжелые условия, сохранило свои народные обычаи, языки и культуру. При этом характерно, что славянская культура и языки в свою очередь оказывали сильное влияние на завоевателей-турок, которые употребляли старославянский язык в официальных актах и в дипломатической переписке с европейскими государствами. Турецкие чиновники и военачальники, а иногда и сами султаны нередко владели народной славянской речью.

Иноземное владычество неблагоприятно сказывалось и на культуре далматинских, хорватских и словенских земель. Однако в этих областях и особенно в фактически самостоятельной Дубровницкой республике культурная жизнь была довольно оживленной. Развитие культуры этих земель в XVI—XVIII вв. стало в тесную связь с идейными и религи-

озными течениями, сменявшимися в это время в Европе, и прошло несколько этапов, по-разному и не в одинаковой степени проявившихся у отдельных народов.

В XVI в. в далматинских городах и еще более в Дубровницкой республике продолжались традиции гуманистической культуры, возникшей в предшествующий период. В Словении, а отчасти и в Хорватии начался заметный культурный прогресс, связанный с распространением реформационного движения, поставившего новые задачи и в области культуры.

Победа контрреформации в Габсбургской монархии в конце XVI — начале XVII в. задержала формирование более прогрессивных явлений культуры и в славянских землях. Но преследуя протестантскую идеологию, католическая реакция должна была теперь отказаться от открытого мракобесия, признать необходимость развития просвещения и наук, которые она, однако, старалась поставить под свой контроль.

В XVII—XVIII вв., как следствие экономического упадка Далмации и Дубровницкой республики, замедлилось и их культурное развитие. Зато у словенцев и у сербов Воеводины в связи с зарождением капиталистических отношений и распространением идей французского просвещения в XVIII в. началось культурно-просветительское движение, которое представляло собою начальный этап так называемого национального Возрождения славянских народов, в полной мере оформившегося в XIX в.

Важным фактором в культурном развитии всех югославянских народов в XVI—XVIII вв. было книгопечатание, способствовавшее гораздо более широкому, чем раньше, распространению научных сочинений и литературных произведений. Однако переход к книгопечатанию в югославянских землях, особенно находившихся под турецкой властью, происходил медленно, так как встречал много препятствий. Типографий было мало и славянские книги нередко печатались в Венеции и в других итальянских, а также немецких городах. Вплоть до XVIII в. в Сербии, Македонии и Боснии продолжалось переписывание книг, существовали школы переписчиков и сохранялись рукописные традиции.

Несмотря на трудные условия, югославяне вскоре после изобретения книгопечатания вносят свой вклад в это важное дело. Юрий Черноевич купил в 1493 г. в Венеции типографию, а иеромонах Макарий перенес ее в Цетинье и в 1494—1495 гг. напечатал несколько религиозных книг (октоих, псалтырь, молитвенник). В 1494 г. существовала типография в Сене. В 1535—1538 гг. в Венеции действовала типография черногорца Божидара Вучковича. Она выпустила несколько прекрасных изданий, вроде минеи 1538 г., украшенной от руки. И позже в Венеции работали сербские типографии. Они стали возникать и в сербских городах, хотя обычно скоро закрывались.

С развитием книгопечатания постепенно рос интерес к книге, возникла книжная торговля. Книги привозились из Венеции, австрийских земель, России. В югославянские земли заезжали итальянские и русские торговцы книгами, книготорговлей часто занимались монахи. Все это расширяло культурные связи югославян с соседними государствами и с Россией.

Быстрый подъем культуры Дубровника и Далмации выражался также и в значительном развитии просвещения. В приморских городах уже во второй половине XV века существовали хорошо организованные школы, а в начале XVI в. в Дубровнике и Задаре имелись гимназии, в которых кроме общеобразовательных предметов преподавалось право. Были там также торговые и мореходные школы. Дети властелей и богатых горожан Дубровника ездили учиться в университетах итальянских городов, на что

республика иногда давала им стипендии.

В некоторых приморских городах, например в Дубровнике и Сплите, в конце XV — начале XVI вв. возникают общества ученых и любителей изящных искусств (академии), создаются богатые библиотеки, сначала частные, а затем и общественные, в которых была широко представлена европейская научная литература. Хотя своей типографии в Дубровнике не было, книги получили значительное распространение. Они привозились из-за границы, главным образом из итальянских городов.

Страница октоиха, напечатанного в Цетинье в 1494 г.

Отдел редких книг Библиотеки имени В. И. Ленина

В XVI в. в городах Далмации и в Дубровнике продолжался расцвет литературной деятельности, начавшийся в XV в. в связи с появлением гуманистического мировоззрения. Литература этих городов уже в то время оказывала влияние на другие славянские литературы. Значительное место в ней занимала любовная лирика, что было проявлением господствовавшего в искусстве гуманизма, стремившегося к освобождению не только человеческого разума, но и чувств. Лирика брала за образец итальянскую поэзию, но вместе с тем она обращалась к устному творчеству своего народа, что определяло простоту стиля, богатство языка и самобытность образности. Такой была поэзия хварского поэта Ганибала Лучича (1485—1553 гг.).

Во второй половине XVI в. образцом начинает служить античная поэзия, что содействовало усилению гуманистических мотивов любовной лирики. Это свойственно творчеству дубровницких поэтов Динко Раньины (1536—1607 гг.) и Динко Златарича (около 1558 — после 1609 гг.). Последний в нежных и музыкальных стихах воспел Цвету Зузоричеву, поэтессу и красавицу, салон которой в Дубровнике был центром культурной жизни города. В XVII в. это направление поэзии переживает упадок. Возникает так называемая стыдливая любовная лирика, сдержанная в выражении чувств и в известной мере искусственная. Ее представителем был дубровницкий поэт Иван Бунич (1591—1657 гг.). С другой стороны, развивается вычурная галантная лирика с пастушескими мотивами [произведения Игнята Джорджича (1676—1737 гг.)].

Для эпической поэзии Дубровника и Далмации характерны поэмы религиозно-мифологического характера, что было обусловлено влиянием католицизма. К поэмам такого типа относятся «Слезы блудного сына»

(1662 г.) дубровчанина Ивана Гундулича (1589—1639 гг.) и «Покаявшаяся Магдалина» (1630 г.) Ивана Бунича. Нравоучительные тенденции в них соединяются с патриотическими идеями.

Популярны были историко-патриотические поэмы. В произведениях этого типа выражалась тревога за судьбу народа, воспевались югославянские города, их свобода. Ганибал Луцич в песне «В похвалу города Дубровника» говорит:

Никогда ты ярма на себе не носил
И всегда сам себе господином ты был.

Юрий Баракович (1548—1628 гг.) в «Виле словинке» (1614 г.) писал о прошлом Задара и его современном положении, об опасностях, грозящих городу. Яков Пальмотич (1623—1680 гг.) в поэме «Дубровник возрожденный» нарисовал картину города, ожившего после разрушительного землетрясения.

Большое идейное значение имели поэмы на исторические сюжеты. Задарский поэт Брне Крнарутич (1520—1572 гг.) во «Взятии Сигета» изобразил героическую защиту города и смерть Николы Зринского. Дубровчанин Антун Сасин в «Разбое турок» (около 1600 г.) прославил победу хорватов над турками у Сисака. Другой дубровницкий поэт Владислав Менчетич в поэме «Труба словинская» (1665 г.), воспевая хорватских героев, писал, что Италия давно бы потонула в волнах рабства, «если бы оттоманское море не разбилось о хорватский берег». Жанр исторической поэмы патриотического содержания достиг высшего развития в «Османе» Ивана Гундулича, где изображена победа польских войск над турками, вызвавшая мятеж янычар и убийство султана. Поэт видит в этих событиях начало крушения турецкой мощи и предзнаменование освобождения славян, о которых он говорит как о многочисленном народе, едином по языку. В «Османе» Гундулич выступил как вдохновенный певец свободы и независимости славян. Поэма ходила в списках, так как не могла быть напечатана из-за вассальных отношений Дубровника к Турции.

Резко выступает в своих песнях против венецианского владычества далматинец Филипп Грабовац (1695—1750 гг.). В «Славе Далмации» поэт говорит о том, что Далмация под властью Венеции не намного лучше, нежели Босния под властью Турции, и упрекает славян за то, что раздоры и невежество служат причиной их угнетения. В «Цвете беседы народа и языка иллирского» (1747 г.) он изображает картину тяжелого положения народа под властью Венеции, заканчивая призывом к самозащите.

Одна из важных особенностей дубровницкой и далматинской литературы состояла во все более усиливавшемся обращении писателей к народному творчеству, что было проявлением растущего демократизма культуры. Это сказывалось на тематике и стиле произведений, помогало изображать историю и быт народа и преодолевать иноземные влияния, а также способствовало развитию народного самосознания. Порою в произведения включались тексты народных песен и сказаний, например в «Планинах» (1533 г.) задарского поэта Петра Зоранича. Хварский поэт Петар Гекторович (1487—1572 гг.) в поэме «Рыбная ловля и рыбацкие поговорки» (1556 г.) описывает народный быт и природу, передает рассказы, поговорки и песни рыбаков, в том числе юнацкие песни о королевиче Марке и его брате Андрияше, о Радославе Северинце. Юрий Баракович в «Виле словинке» приводит текст народной песни «Мать Маргарита». Широко отразила быт и творчество народа книга далматинца Андрии Качича Миошича (1696—1760 гг.) «Разговор приятный народа словинского» (1756 г.), составленная, по его словам, «для бедных крестьян и пастухов». В ней прозой и стихами излагаются значительные события истории югославянских народов, начиная с древности, рисуются героические образы борцов с ту-

рецким нашествием — Скандербега, Яноша Хуньяди, Николы Зринского, приводятся народные песни. Эта книга воспитывала патриотические чувства и была итогом развития далматинской литературы по пути самобытного творчества и сближения с народом и его культурой.

Под влиянием гуманистических идей эпохи Возрождения уже в начале XVI в. в Далмации и Дубровнике появляются театральные представления не религиозного, а светского характера. Они обычно происходили в праздники на площадях перед ратушами или соборами и были доступны всем горожанам, а также крестьянам соседних сел. Позже для представлений стали приспосабливать общественные здания и даже строить особые помещения. Актерами были любители. Репертуар включал в себя разнообразные жанры: трагедии, комедии, пасторали, мифологические и исторические пьесы.

Дубровницкая и далматинская литература дала немало талантливых драматургов. Первой пьесой светского характера была «Рабыня» Ганибала Луцича, в которой спасение девушки из плена влюбленным в нее юношей изображается на фоне исторических событий. Большое значение имела деятельность дубровницкого драматурга Марина Držића (1508—1567 гг.), который был также режиссером и актером. Его комедия «Дундо (дядя) Маroe» пользовалась особой популярностью. Она не сходит со сцены и до настоящего времени. Написанная по типу комедии с переодеваниями и неузнаваниями, эта пьеса ярко изображает быт, нравы и типы торговой аристократии и простонародья Дубровника XVI в.

В XVII в. все шире распространяются пасторальные и мифологические драмы. Иван Гундулич представил в своей «Дубравке» дубровчан как пастушков и пастушек, показал их обычаи, а в конце пьесы воспел свободу и счастье Дубровника. Юний Пальмотич (1607—1657 гг.) в основу легендарно-мифологической пьесы «Павлимир» положил предание об основании Дубровника.

Со времени распространения гуманизма большое влияние на литературу Далмации и Дубровника оказывала итальянская литература периода Возрождения. Это проявилось и в любовной лирике, и в поэмах. В «Османе» Гундулича видно воздействие «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Значительным было влияние «Божественной комедии» Данте. Так, в аллегорическо-философском и вместе с тем сатирическом эпосе, широко использующем античную мифологию,— «Пилигриме» Мавра Ветрановича (1482—1576 гг.), человек изображен в трех состояниях: грехе, очищении и совершенствовании. В «Вилe словинке» Юрия Бараковича описывается фантастическое путешествие и дана картина ада. С итальянскими образцами связаны и драматические жанры дубровницкой и далматинской литературы — и трагедии, и веселые карнавальные маскераты. В то же время эта литература была вполне самобытной. Она широко отражала местный быт и нравы, рисовала народные типы, использовала устно-поэтическое творчество крестьян, рыбаков и ремесленников, его жанры, мотивы, стиль и стих.

В XVII—XVIII вв. постепенно снижается идейный и художественный уровень далматинской и дубровницкой литературы. Вместе с тем она изменяла свой характер и вливалась в русло хорватской литературы, которая стала преемницей ее традиций.

Распространение гуманистического мировоззрения пробудило у далматинцев и дубровчан интерес к своему историческому прошлому, к родному языку, способствовало развитию патриотизма. Как говорилось выше, историческая тематика широко вошла в литературу. Стали появляться и собственно исторические сочинения. Это были уже не хроники, сухо регистрирующие исторические события, а произведения, широко освещающие прошлое, и, главное, опирающиеся на него при решении вопросов

современности. В них выражались идеи патриотизма, единства и языкового родства славян, сходства их исторических судеб. Некоторые далматинские и дубровницкие историки доказывали автохтонность славян на Балканах и даже объявляли славянами народы, жившие ранее на этой территории. Это не соответствовало истории, но служило патриотическим тенденциям и интересам освободительной борьбы. Винко Прибоевич из Хвара в сочинении «О происхождении и истории славян» (1532 г.) считал их единым народом, расселившимся с Балканского полуострова, мощным и многочисленным, и самое их имя производил от слова «слава».

Вместе с тем получили распространение идея об этническом и языковом родстве славянских народов и представления об их славном прошлом и великом будущем. Появились сочинения, посвященные общей истории славян. Весьма известным был труд дубровчанина Мавро Орбини (умер в 1611 г.) «Славянское царство» (1601 г.), написанный на итальянском языке и переведенный в 1722 г. на русский по заказу Петра Великого Саввой Владиславичем Рагузинским. Сочинения Прибоевича и Орбини способствовали росту чувства славянской общности, патриотической гордости и свободолюбия. Идея славянского единства, выдвинутая писателями и учеными Далмации и Дубровника, возникшая на почве возрастающих связей славянских народов между собою и усиления борьбы с иноземным давлением, в дальнейшем широко распространилась среди югославян.

Основные идеи в области языкознания были те же, что в исторической науке. Мысль о единстве славянских языков высказал уже Винко Прибоевич, который полагал, что славяне говорят «на далматинском языке». Язык южных славян в то время обычно называли словинским, а позже иллирским. Иезуит Бартол Кашич (1575—1650 гг.) издал в 1604 г. в Риме грамматику «иллирского» языка и этим способствовал распространению этого термина. Основой этого языка Кашич считал штокавское наречие [1]. Книга Кашича получила признание у югославян и оказала влияние на лингвистику XVII—XVIII вв. Она содействовала широкому употреблению штокавского наречия, которое позже легло в основу единого сербохорватского языка. На этом наречии говорили и дубровчане, тогда как в городах Далмации господствовало чакавское наречие.

В Дубровнике и Далмации развивались также естественные и точные науки и философия, которая носила ярко выраженный гуманистический характер. Это видно в диалогах о красоте, поэзии и искусствах дубровчанина Михо Мональди (1540—1592 гг.) и в диалогах о красоте, любви и семье дубровницкого князя Никши Гучетича (1549—1610 гг.), человека широкой образованности — юриста, философа и естествоиспытателя. Гучетич поднялся до высокого уровня научной и философской мысли. В его сочинениях содержатся богатые сведения об общественной и частной жизни и духовных интересах дубровчан. Гучетичу свойственен известный демократизм: в диалоге об управлении республикой он говорит о «народном государстве», утверждая, что беднота больше заботится о республике, нежели богатые.

Дубровчанин Марин Гетальдич (1568—1626 гг.) написал ценные труды по аналитической геометрии, алгебре, астрономии и сконструировал телескоп с параболическим зеркалом. Сплитский архиепископ Марк Антун Доминис (1560—1624 гг.), выступавший против католической церкви, из-за чего он должен был уехать в Англию, решил ряд вопросов оптики

[1] Язык сербов и хорватов имеет ряд диалектных различий. Одним из них служит произношение старославянского «чьто»: в штокавском наречии оно произносится как «што», в чакавском как «ча», и в кайкавском как «кай». Штокавское наречие распространено на большей части сербской и хорватской территории, за исключением Истрии, Хорватского Приморья и Далмации, где господствует чакавское наречие, и пограничной полосы между Хорватией и Славонией, где говорят на кайкавском наречии.

и пытался объяснить морские приливы и отливы действием луны. Фауст Вранчич (1551—1617 гг.) из Шибеника в сочинении «Новые машины» (1591 г.) разработал проекты машин, использующих силу ветра и приливов, а также проекты цепного моста и парашюта. Ученые Дубровника и далматинских городов обогатили науку значительными достижениями. Многие из них были профессорами университетов в Падуе, Болонье, Венеции, Париже. Таковы Августин Налешкович, Франьо Петричевич, Юрий Далматин, Марк Антун Доминис.

Руджиер Бошкович

В XVII веке философия и наука Дубровника и Далмации переживают упадок. Основное место теперь занимают богословские сочинения, направленные против реформации. Авторами их были иезуиты, доминиканцы и францисканцы. Только в XVIII в. научная мысль вновь оживает. Гордостью югославян является Руджиер Бошкович (1711—1787 гг.), дубровчанин, ставший затем профессором в Риме и Париже, крупный физик, астроном и математик. В «Теории естественной философии» (1758 г.) он осветил проблемы материи, движения, пространства и времени, изложил учение о строении материи из мельчайших неделимых частиц. Бошкович был членом ряда академий и научных обществ, в том числе и Российской Академии наук. В то же время протекала деятельность философа и математика Бенедикта Стойковича (1714—1800 гг.), который в 1744 и 1755 гг. переложил латинскими стихами трактаты Декарта и Ньютона.

Если культура Дубровника и Далмации отличается тем, что в ней получили широкое распространение идеи гуманизма, сохранявшиеся отчасти и в период католической реакции, то культура Словении, а в некоторой мере Хорватии, испытала на себе прежде всего влияние религиозных течений того времени — реформации и контрреформации. Реформация имела особенно большое значение для Словении. Протестанты содействовали развитию культурной жизни и прямо ставили своей целью борьбу с «варварством», как говорил виднейший представитель словенской реформации Примож Трубар.

До реформации в Словении светских школ было мало. Они существовали лишь при некоторых городских церковных приходах. Примож Трубар в 1550 г. высказал мысль о необходимости иметь школы во всех городах. Осуществление этого плана встретило большие трудности и препятствия, но все-таки протестантам удалось расширить сеть школ, создать в Любляне в 1563 г. особую школу для подготовки священников и учителей, увеличить число цеховых ремесленных училищ, в которых обучали детей не только мастерству, но также грамоте и счету. Протестанты добились введения словенского языка и в младших классах латинских школ.

До реформации словенцы не имели своего письменного языка. От всего периода словенской истории до XVI в. сохранилось лишь несколько небольших отрывков на словенском языке. Протестанты для богослужения

и проповедей стали употреблять не латынь, а родной язык. Они перевели на него богослужебные книги. Особенно большое значение в этом отношении имела деятельность Приможа Трубара, который в изданных им в 1550 г. первых словенских книгах «Абецедарии» и «Катехизисе», как он сам говорит, старался писать «правильно, хорошо и понятно». Трубар обогатил словенский язык, он очищал его от немецких и латинских слов, вместо готической азбуки ввел латиницу, которая затем была усовершенствована Адамом Бохоричем (1520—1598 гг.), почему и получила название бохоричицы. В 1584 г. Бохорич издал первую грамматику словенского языка на латыни. В предисловии к ней он с большой любовью говорит о родине и родном языке, проводит идею общности славянства и утверждает, что «славянская речь слышится в большей части света, если не на всей земле». Бохорич был деятельным и талантливым педагогом. Он помогал Юрию Далматину (1547—1589 гг.), который, продолжив работу Трубара, дал полный перевод библии на словенский язык (1584 г.). Таким образом, в результате деятельности протестантов были заложены основы словенского письменного языка.

Деятели реформации в Словении обратили внимание и на устное народное творчество. В рукописях и в первопечатных книгах — «Словенском календаре» (1557 г.) Трубара и в «Песеннике» Далматина — есть записи народных стихов о событиях того времени и даже любовных песен. Сохранились также тексты духовных стихов, эпических песен о венгерском короле Матьяше, о рыцарях Пегаме и Ламбергаре, а также баллад, бытовых песен и легенд.

Протестанты много сделали и для развития типографского дела. Первые их книги печатались в Виттенберге и в типографии барона Унгнада в Урахе близ Тюбингена (1561—1564 гг.), которая была открыта при содействии Трубара и печатала хорватские и словенские книги. В Словении первой была типография Янежа Мандельца в Любляне. В 1575—1580 гг. в ней было напечатано 27 книг, в том числе 10 словенских. Боясь преследований католиков, Мандельц уехал в Хорватию и затем в Венгрию. Словенские книги снова стали печататься в немецких городах. Таким образом, в деятельности книгопечатников проявилось сотрудничество представителей словенской и хорватской культуры. Совместными усилиями они подняли интерес к книге, содействовали расширению книготорговли, создавали библиотеки. В 1568 г. в Любляне была открыта общедоступная библиотека, которую снабдил книгами Трубар.

В период реформации у деятелей культуры Словении появился значительный интерес к другим славянским народам. Он выразился и в культурном сотрудничестве с хорватами, и в распространении идеи славянской общности. Характерной в этом отношении была деятельность Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 гг.). В 1517 и 1526 гг. он был императорским послом в Москве. Благодаря знанию словенского языка Герберштейн понимал и русскую речь. Поэтому в России он смог обстоятельно знакомиться с жизнью и бытом страны, с ее культурой. Он особенно интересовался русскими летописями. К концу жизни, поселившись в своем словенском имении, Герберштейн написал историко-географическую книгу «Записки о московитских делах» (1549 г.), которая содержит богатый материал, но тенденциозно освещает жизнь Русского государства. Таким образом, реформация дала значительный толчок развитию культуры словенского народа, создала письменный язык, разорвала со средневековыми представлениями и схоластикой, способствовала открытию школ, типографий и библиотек, расширению культурного сотрудничества с другими славянскими народами.

Победа контрреформации и установление католической реакции в Словении отразились на ее дальнейшем культурном развитии. Так, иезуиты

почти на два века установили свою монополию на просвещение. Они стремились вытеснить в Словении протестантизм, проводили политику денационализации культуры, готовили преданную католической церкви интеллигенцию. Поддерживая господствующий класс, они уделяли внимание средним школам, где обучались дети дворян и богатых горожан, но предпочитали оставлять в невежестве и темноте народные массы, чтобы легче подчинять их своему влиянию. Иезуиты открыли гимназии в Любляне (1597 г.), Целовце (1604 г.), Горице (1615 г.), Трнесте (1619 г.). Люблянская гимназия затем стала лицеем,— высшей школой и, наконец, академией, в которой преподавались философия, право и естествознание. В конце XVI — начале XVII вв. католическая церковь принуждена была допускать словенский язык в проповедях и отчасти в богослужении, стала открывать типографии: в 1640 г.— в Целовце, в 1678 г.— в Любляне. Однако с 1615 по 1672 гг. в стране не вышло ни одной книги на родном языке; лишь позже католическая церковь должна была все же начать печатание словенских книг, в том числе учебных.

Католические деятели, например люблянский епископ Томаш Хрен, объединяли вокруг себя представителей просвещения и культуры, педагогов, проповедников, которые много внимания уделяли языку, составляли словари, например, итальянско-словенский словарь, изданный в 1607 г. Их проповеди служили образцами красноречия.

В отличие от протестантов католики прямо выступали против народной поэзии, особенно против любовной лирики. В то же время они культивировали в школах драматические представления на латинском и немецком языках; пьесы ставились и на площадях городов Любляны и Нового Места. В XVII—XVIII вв. в Словении, чаще всего в Любляне, выступали и заезжие немецкие оперные и балетные труппы. Все это означало зарождение словенского театра.

В XVII—XVIII вв. некоторых успехов добивается словенская наука. Получили известность такие словенские научные деятели, как медик Грбец, физики Вульфен и Грубер, ботаник Скополи. Возникают научные и культурно-просветительные общества, популяризирующие знания по медицине, астрономии, ботанике. Некоторые из них интересовались также вопросами искусства. Весьма широкой и плодотворной была деятельность люблянской «Академии трудолюбивых» («Academia operossorum»), существовавшей в 1693—1725 гг. В 1701 году она открыла общедоступную библиотеку. Много внимания академия уделяла изучению истории.

Исторические труды в Словении в XVI—XVIII вв. представляли собою хроники, для которых характерны две противоположные тенденции: местного патриотизма (обоснование самостоятельности той или иной области) и немецкой ориентации (причисление словенцев к немецкой народности). В хрониках рассказывалось о политических и военных событиях, религиозной борьбе, сообщались сведения по словенской истории и истории феодальных родов. Более широко освещают природу, быт и историю словенцев труды Иеронима Магисера («Анналы Карниолии», 1612 г.), Мартина Баучера (история отдельных областей), Иоганна Людвига Шенлебена— первого словенского археолога («Карниола древняя и новая», 1681 г.), и Иоганна Вайкарда Вальвасора (1641—1693 гг.), который написал исключительно богатую по материалам четырехтомную «Славу герцогства Крайны» (1689 г.). Вальвасор был человеком широких интересов, занимался картографией, историей, философией, поэзией, искусством. Его избрали членом английского Королевского общества. В трудах Вальвасора содержится много ценных сведений о природе Словении, ее истории и быте народа.

Культура хорватских земель также испытывала на себе воздействие религиозных течений того времени — реформации и католической реакции.

Реформационное движение, хотя и захватило хорватские области в небольшой степени, все же оказало влияние на оживление там культурной деятельности. В середине XVI в. зарождается литература на кайкавском наречии, на котором писали Иван Пергошич (умер в 1592 г.), переводивший с латинского языка юридические памятники, и историк Антун Врамец (1538—1587 гг.), автор «Краткой хроники, написанной славянским языком» (издана в Любляне в 1578 г.). Сохранились и некоторые кайкавские песенники. В самом старом из них (1593 г.) содержатся религиозно-поучительные и любовные песни; есть и песни о падении Сигета. Некоторые хорватские протестанты ратовали за создание общего для хорватов литературного языка (Степан Истранин, Антун Далматин и др.). Сторонники реформации испытали в своей деятельности влияние идей гуманизма. Многие из них учились в Италии, а Пергошич перепечатывал некоторые сочинения Эразма Роттердамского. Но вскоре на духовную жизнь хорватских областей наложила свою печать католическая реакция. В начале XVII в. в Загреб пришли иезуиты и при поддержке епископа начали борьбу с протестантизмом. Литература вновь приобрела религиозно-мистический характер. На площадях ставились религиозные драмы. Популярным жанром литературы стали проповеди и моралистические сочинения, как «Зеркало Маринно» и «Первый грех отца нашего Адама» Юрая Габделича (1609—1678 гг.), писавшего на кайкавском наречии.

В Хорватии в XVI—XVIII вв. были своеобразные писатели, историки и общественные деятели. В области литературы наиболее интересно творчество Петра Зринского (1621—1671 гг.) и Франьо Крсто Франкопана (1643—1671 гг.). Первый перевел с венгерского языка поэму своего брата Николы Зринского «Адриатического моря сирена», («Осада Сигета»), а также записал несколько народных песен, в том числе песню о Свилоевиче. К поэме брата он добавил 100 новых строф. Она пронизана габсбургскими тенденциями и вдохновлена любовью к родной земле. Франкопан — автор латинских элегий, написанных под влиянием Овидия и Вергилия, а также сборника любовной лирики в итальянской манере «Сад отдыха». В этом сборнике есть и стихи философско-элегического характера. Наиболее ценным в нем являются песни в народном духе, например, песня «Болит сердце, что не видит вилы».

В XVII в. протекала деятельность Юрия Крижанича (1618—1683 гг.). Он представлял собою своеобразную фигуру утописта, сторонника политического и культурного союза славян под покровительством России. Эту идею он проповедовал и в Москве, но, по-видимому, был принят за сторонника униатства и сослан в Сибирь на 15 лет. Там он написал ряд сочинений, из которых наиболее значительны «О Сибири» и «Политика или разговор об управлении». Его идеалом было всеславянское государство, способное противостоять немецким захватническим стремлениям. Он предостерегал русского царя и дворянство от злоупотребления властью, от жестокого обращения с народом и от излишнего доверия к коварным и корыстолюбивым иноземцам. Для пропаганды своих идей Крижанич пользовался «всеславянским» искусственным языком, представлявшим собою смесь русского, хорватского и старославянского. В его идеях отразилось стремление разрешить сложное положение страны путем союза с другими славянскими народами и прежде всего с русским.

Видной фигурой в культурной жизни Хорватии был Павел Риттер Витезович (1652—1713 гг.), энциклопедист по образованию и характеру деятельности. Пользуясь народно-поэтическим стилем и стихом, он написал поэму, в которой изобразил события XVI—XVII вв., в том числе осаду Сигета и борьбу сеньских ускоков с турками. Витезович — автор исторических сочинений о Сербии, Хорватии и Боснии. Его основное произведение — «Хроника» (1696 г.) — отличается от предшествующих

Бернардо Бобич. Король Ладислав вручает церковную утварь загребскому епископу. Картина XVIII в.

трудов такого типа тем, что написана она по-хорватски. Витезович занимался и вспомогательными историческими дисциплинами («Стематография», 1700 г.). Он боролся за единую хорватскую литературу и единый литературный язык, являясь в этом отношении предшественником деятелей национального Возрождения.

После турецкого завоевания в Сербии, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине оборвались летописные традиции. Только в некоторых монастырях велись записи событий, но и они часто гибли при пожарах и разорении. Эти записи отличаются примитивизмом исторического мышления и печатью религиозных представлений. В них обычно даются лишь краткие сведения о событиях.

От XVI — начала XVII вв. дошли переработки византийских и русских хронографов, а также краткие и распространенные летописи. В хронографах на первом месте стоит всеобщая история, в летописях — история сербская. К XVI в. относятся Сеченицкая, Печская, Студеницкая и Цетинская летописи. Почти прекращаются и традиции жизнеописаний (житий), столь характерные для Сербии. Лишь в 1642 г. патриарх Паисий (умер в 1647 г.) написал «Житие царя Уроша». Однако отсутствие надежных источников и значительное время, отделявшее автора от описываемой эпохи, сделали его повествование мало достоверным.

В Македонии с XVI века были распространены рукописи попа Ивана, искусно украшенные, а популярным чтением были дамаскины — религиозно-нравственные сочинения, получившие название по имени салоникского писателя Дамаскина Студита, составившего в XVI в. сборник проповедей, переведенных с греческого на старославянский язык в XVII в. епископом Григорием. Дамаскины были важным явлением литературы XVII—XVIII вв., так как предназначались для широких народных масс, часто затрагивали вопросы народной жизни, а язык их все более включал элементы живого разговорного языка. Македонские дамаскины связаны с болгарскими дамаскинами, где они появились в конце XVI в.

Центрами книжной деятельности в Македонии были монастыри близ Кратова, Скопье, Дебыра, где работали кроме попа Ивана дьяк Димитр, иеродиакон Сильвестр, поп Лука, иеромонах Виссарион, попы Иван и Никола Милошевы. Они много сделали для распространения славянской письменности. Однако Охридская архиепископия, возглавлявшаяся греческим духовенством, настойчиво вводила богослужение и книги на греческом языке.

Для культуры Боснии XVI—XVIII вв. характерно своеобразное сочетание православной, католической и мусульманской религиозно-нравоучительной литературы. В православных монастырях Житомыслич и Требинье переписывались памятники древней сербской письменности, велись хроники. Эти монастыри поддерживали связи со старыми сербскими монастырями — Милешевым, Студеницей, Дечанами. Поэтому письменность, как и живопись в них были византийско-сербского типа. Эти произведения нередко выполнялись талантливыми мастерами (изображение св. Георгия в монастыре Пиве). Значительную роль в развитии боснийской литературы сыграли францисканцы, которые имели здесь 13 монастырей. В этих монастырях также велось переписывание книг и составлялись летописи и хроники. Из них наиболее ценные: фойницкая летопись, летопись Андрии Шипрачича и хроника Николы Лашванина. От XVIII в. дошли до нас стихотворные произведения, написанные в народном духе. В них можно найти отголоски событий того времени.

Важное значение имела деятельность Матии Дивковича (1563 — 1631 гг.), который переводил и перерабатывал произведения средневековых писателей, пользуясь народным языком (штокавское наречие) и кири-

лицей. Его сочинения служили защите католицизма. Но в них вместе с тем виден талант повествователя. Некоторые притчи Дивковича широко распространились в народе. Кроме прозаических «Науки христианской для народа словинского» (1611 г.), «Ста чудес» (1611 г.) и «Бесед» (1616 г.) ему принадлежат стихотворные сочинения «Плач блаженной девы Марии» и «Житие св. Катарины». Матия Дивкович оказал большое влияние на последующую католическую религиозно-нравоучительную литературу Боснии.

С XVII в. боснийские мусульмане также начали создавать свою литературу. Они пользовались народным сербским языком и народно-поэтическим стилем. Первыми такими писателями были Мухамед Неван Ускюфи и Хасан Капмия.

Культура Черногории в XVI—XVIII вв. отражала черты ее патриархального быта. Сохранившиеся старые культурные традиции и предания о государстве Неманичей, о Черноевичах способствовали развитию патриотического сознания народа. В устном творчестве широко отразилось своеобразие народного быта, постоянная борьба с турками. Показательно, что в песпях черногорцев популярны сюжеты об угоне турками стад овец. Весьма характерна и песня о расправе с пашой, пришедшим с войском собирать дань.

В XVIII в. из областей, населенных сербами, наиболее значительное развитие просвещение, наука и искусства получили в Воеводине. Благодаря этому воеводинские сербы стали оказывать влияние и на духовную жизнь сербов, находившихся под властью Турции.

Одними из первых культурных деятелей Воеводины XVIII в. были Киприан и Еротей Рачанины, пришедшие туда из сербского монастыря Рачи на Дрине; они принесли с собою рукописи (србулье) и первопечатные книги. Их религиозно-просветительная деятельность сохраняла черты средневековой сербской литературы и до некоторой степени проходила под воздействием русской культуры и литературы. По образцу русских букварей Киприан составил в 1717 г. букварь, в который кроме религиозных текстов для чтения включил правила стихосложения и стихи. Его букварь стал первой учебной сербской книгой и распространялся в рукописях, так как не был напечатан. Еротей Рачанин был автором первых сербских путевых записок. В «Путешествии в Иерусалим» он описал свое хождение туда в 1704 г. Учеником Киприана был Гаврило Стефанович Венцлович, который перевел на сербский язык сочинение украинского проповедника XVII в. Лазаря Барановича «Меч духовный».

Деятельность этих трех писателей важна тем, что они создали школу переписчиков, которая за отсутствием типографии много сделала для распространения памятников письменности, способствовала сближению с русской и украинской культурой, наконец, положила начало славяно-сербскому литературному языку, соединявшему в себе особенности старославянского и сербского языков. Несмотря на то, что этот язык был искусственным, он выполнил положительную роль в развитии просвещения, в создании первых литературных и научных сочинений XVIII в. в Воеводине, в борьбе сербов против унии и мадьяризации. Венцлович писал, как он сам говорит, и «по-книжному» и «по-простому» — «для крестьян и простых людей», т. е. пользовался и письменным и народным языком.

В начале XVIII в. находившийся в австрийской тюрьме Георгий Бранкович написал «Славяно-сербскую хронику». В ней автор, считавший себя потомком средневековых сербских феодалов Бранковичей, пытался обосновать свою генеалогию. В «Хронике» содержалось широкое повествование об исторических событиях в Сербии и сопредельных с ней странах. Неточная в изложении фактических данных, она была первым крупным историческим произведением на сербском языке. «Хроника» не была напеча-

тана, но распространялась в списках, и оказала значительное влияние на развитие сербской историографии.

Для сербского просвещения и культуры большое значение имела деятельность русских и украинских учителей, которых приглашали церковные власти Воеводины. В 1726 г. в Сремски Карловцы из России прибыл Максим Суворов, привезший учебные книги: грамматику Смотрицкого и букварь Прокоповича (100 и 400 экземпляров). Созданная Суворовым школа была первой светской школой у сербов. В ней готовились священники и учителя. Из-за тяжелых материальных условий, интриг духовенства и недоверия австрийских властей Суворов принужден был в 1731 г. прекратить свою деятельность. Школа его была закрыта, но она имела важное значение для распространения просвещения у сербов. Дело, начатое Суворовым, было продолжено другими учителями, прибывшими из России. В 1733 г. в Карловцы приехали воспитанники Киевской академии и среди них Эммануил Козачинский, который стал «префектом» школы в Карловцах, существовавшей в 1733—1737 гг. Его товарищи основали школы в Белграде, Осиеке и Вуковаре. Их деятельность дала толчок развитию просвещения. Много сделал для создания школ и сербский митрополит Павел Ненадович.

СЛАВЕНО-СЕРБСКІЙ

МАГАЗИНЪ.

по есть:

СОБРАНІЕ

Разныхъ Сочиненій и Преводовъ,
къ пользѣ и увеселенію служащихъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ I

ВЪ ВЕНЕЦІИ,

Въ Типографіи Славено-Греческой благочестивой
Димитрія, Ѳеодосіева.

1768

«Славено-сербский магазин». 1768 г.
Первый сербский журнал

Прибывшие из России учителя стали проводниками русского и украинского языкового и культурного влияния. Этому способствовало также то, что из России привозились книги, а многие сербские юноши отправлялись туда учиться, чаще всего в Киевскую академию [1]. Для расширения русско-сербских и украинско-сербских культурных связей имело значение массовое переселение сербов в Россию и именно на Украину. Некоторые из этих переселенцев занимали видные военные и гражданские должности, а иногда вели литературную и научную деятельность. Так, офицер русской службы Павел Юлинец (или Джулинец), написал «Краткое введение в историю происхождения словено-сербского народа» (1765 г.).

[1] В Киевской академии с 20-х по 80-е годы училось около 20 сербов, далматинцев и других представителей югославянских народов, в том числе Дионисий Новакович, который был впоследствии префектом школы в Нови Саде и епископом, историк Йован Рапч, Евстафий Скерлетич, ставший затем преподавателем в Киевской академии. В школе живописи при Киево-печерской лавре обучались художник и путешественник Зелич, иконописец иеромонах Амвросий и др.

Деятельность русских и украинских учителей содействовала пробуждению литературной жизни в Воеводине. Так, началом сербского театра и драмы принято считать постановку учениками школы в Сремских Карловцах в 1736 г. «Трагикомедии» Эммануила Козачинского. Она была удачным образцом так называемой школьной драмы, хотя свободно толковала события сербской истории. В основе ее лежала вымышленная история гибели сына Душана царя Уроша от руки Вукашина в борьбе за сербский престол.

Рост связей сербов Воеводины с русским народом, переселение сербов в Россию, а также предъявлявшиеся воеводинскими сербами требования культурных преобразований заставили венское правительство провести некоторые реформы школьного дела и в Воеводине. По уставу 1776 г. сербские школы из ведения духовенства передавались в ведение государства. Ввоз книг из России был запрещен, а в Вене в 1771 г. под контролем властей была открыта типография с монопольным правом печатания сербских книг. Эти меры, а также и распространение в Европе рационалистических идей привели к тому, что русское культурное влияние в 70-е годы сменяется западным, в частности немецким.

В XVI—XVIII вв. значительный подъем переживало эпическое творчество югославянских народов. В это время были сложены новые циклы песен: о сербских феодалах Бранковичах и Якшичах, боровшихся с турками, о Сербской деспотовине, о правителях Зеты Черноевичах, о хорватских банах Зринском и Франкопане, о венгерском полководце Яноше Хуньяди, именуемом в песнях Сибинянином Янком. Много песен было сложено о гайдуках и ускоках. В них антитурецкая борьба связывается иногда с антифеодальной, а на смену старым героям — королям и банам приходят новые герои — люди из народа. В песнях о гайдуках и ускоках рассказывается не о поединках отдельных юнаков, а об участии дружин и чет в больших сражениях, таких как битвы черногорцев с турками при Грахове и Жабляке. Песни отразили освободительную борьбу народных масс, а также их участие в войнах европейских государств с Турцией. Песни запечатлели образы народных героев и их подвиги. Особенно популярны песни о гайдуке Старине Новаке, об ускоке Иво Сенянине и др.

Несмотря на трагический характер сюжетов, песни обычно оптимистичны, в них выражаются вера в силы народа и непримиримость в борьбе с турецким феодальным гнетом. Мораль и патриотизм народа противопоставляются в них предательству феодальной аристократии, как, например, в песнях о Ерине Бранкович. Воспевая героев-патриотов, народные певцы призывали к борьбе за освобождение родной земли от иноземного владычества.

Новым в эпическом творчестве XVI—XVIII вв. было также то, что в нем нередко говорилось о России и русском народе, на помощь которого рассчитывали находившиеся под турецким гнетом югославяне. Русские изображаются в песнях как смелые и отважные воины; упоминаются и русские цари (Михаил, Алексей, Петр, Елизавета, Екатерина).

Кроме героических песен, в этот период продолжали жить и развиваться другие жанры: сказки, лирические песни, пословицы. Но их характер также изменился: в них появились детали нового быта, картины положения народа под властью турок.

Дальнейшее развитие в XVI—XVIII вв. переживает и музыкальная сторона народно-песенного творчества югославян. Наряду с обрядовыми и семейными песнями, предназначенными обычно для хора, существовали эпические песни, исполнявшиеся одним певцом под аккомпанемент гусель. В землях, занятых турками, особенно в Боснии и Герцеговине, все более

Храм св. Влаха в Дубровнике. Начало XVIII в.

сказывалось влияние восточной музыки. Это, например, видно в любовных песнях (севдалинках). В употребление вошли и восточные музыкальные инструменты.

Музыкальная культура значительно обогатилась потому, что в Далмации и Дубровнике помимо славянской народной музыки были популярны музыка и инструменты итальянского типа. Театральные представления и карнавалы были насыщены музыкой, пением и плясками. Появились и талантливые местные композиторы, создавшие светские и духовные вокально-инструментальные произведения в стиле раннего музыкального барокко. Наиболее крупным композитором был И. Лукачич (1587—1648 гг.) — органист и руководитель хора в сплитском соборе, автор вокальных многоголосых произведений, так называемых мотетов.

В Словении рано появилась профессиональная музыкальная культура. Важную роль в развитии музыки сыграло реформационное движение, так как протестанты культивировали хоровое пение прихожан в церкви. В 1567 г. Трубар издал сборник народных религиозных песнопений. Одна-

ко многие из словенских композиторов покидали родину, где не было достаточных условий для проявления их способностей, работали в немецких городах и таким образом внесли заметный вклад в развитие немецкой музыки. Так, Ю. Слатконья (1456—1522 гг.) стал организатором и руководителем венской придворной капеллы. Словенцем по происхождению был Я. Петелин-Галлус (1550—1591), который создал хоровой стиль «а капелла», знаменовавший в европейской музыке переход от полифонии (многоголосия) к гомофонии (многоголосию с выделением одного голоса). Он ввел в немецкую музыку многохоровой вокальный стиль. Петелин-Галлус оказал влияние на ряд немецких композиторов вплоть до Генделя. Показателем высокого уровня словенской музыкальной культуры этого времени было основание в Любляне в 1701 г. филармонической академии и создание композиторами больших и сложных вокально-инструментальных произведений (ораторий Я. Хеффера, 1667—1718 и М. Омерсы, 1679—1742 гг.).

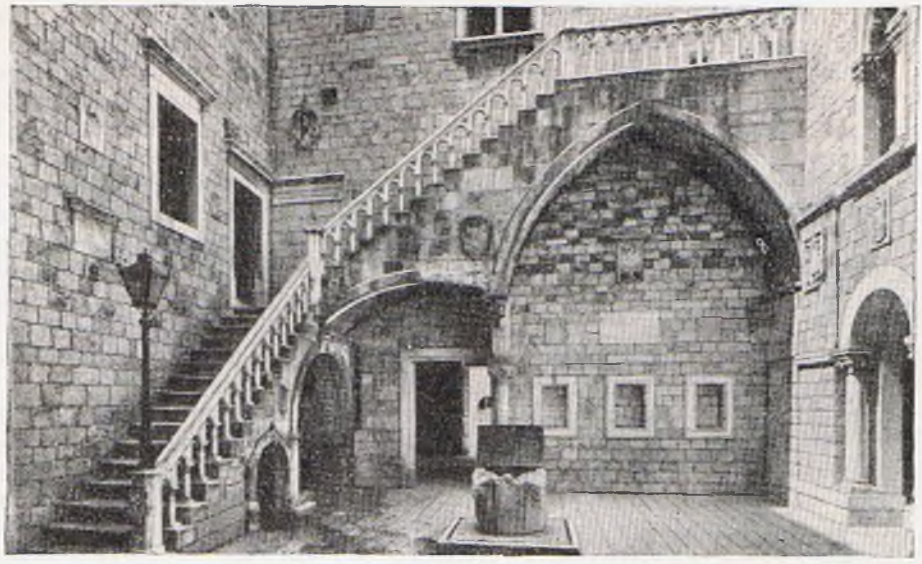
Архитектура и изобразительные искусства в различных югославянских землях в XVI—XVIII вв. развивались по-разному.

В занятых турками землях почти прекратилось церковное строительство, резко изменился архитектурный стиль городов, многие из которых стали приобретать восточный облик. В них строились мечети, восточные бани, караван-сараи, крытые рынки. В гражданской архитектуре характерными становились дома восточного типа с почти глухими внешними стенами, с выступавшими со второго этажа балконами и галереями. Художественная деятельность поддерживалась только православной церковью. В монастырях были свои живописцы, зодчие, руководители церковных хоров, переписчики книг. Но они следовали установившимся образцам и канонам и мало содействовали развитию искусства.

Архитектура и изобразительные искусства Далмации и Дубровника, переживавшие во второй половине XV — начале XVI в. расцвет, с середины XVI в. стали приходить в упадок. Строительная деятельность резко сократилась. Лишь Дубровник вел большое строительство в последней трети XVII в. после разрушительного землетрясения 1667 г. Однако наиболее значительные заказы отдавались пришлым мастерам, работавшим в стиле распространенного в XVII—XVIII вв. в Европе пышного барокко. В это время стали появляться новые черты в городском строительстве: улицы выпрямлялись, площади делались просторнее и украшались фонтанами и памятниками. В архитектурных сооружениях, созданных местными далматинскими зодчими, присутствуют черты стиля барокко, но они обычно имеют более сдержанный, ясный и простой облик. Это равно свойственно и культовому, и гражданскому зодчеству.

Резко уменьшилось в этот период число мастерских строителей и каменотесов. Резные каменные украшения архитектурных сооружений, столь характерные прежде для далматинского зодчества, почти исчезли. Излюбленным скульптурным украшением церквей теперь стали пышные и богатые мраморные алтари, привозившиеся из Италии и реже изготовлявшиеся на месте.

Деятельность живописцев сводилась в основном к подражанию итальянским, в особенности венецианским, образцам. В традициях итальянского маньеризма и барокко работали наиболее талантливые художники XVII—XVIII вв. Трипо Коколья (1661—1713 гг.), родом из Пераста и дубровчане Бенко Стай (1650—1687 гг.) и Петр Матейевич (1670—1726 гг.). Они расписывали церкви, писали алтарные иконы, и реже обращались к светской живописи — портретам и пейзажам. Некоторые из крупных мастеров в поисках лучших условий для развития своих талантов вынуждены были уезжать из отечества. Так, даровитый далматинский художник Федерико Бенкович (1677—1753 гг.) учился и работал в Болонье и Венеции, где завоевал широкое признание, а затем в Вене и Граце. В творчестве Бенковича



Двор ратуши в Трогире. XV в.

отразились поиски новых средств художественного выражения. Трагическое ощущение сложности и неустойчивости жизни пришло на смену ясному и гармоническому мировоззрению Ренессанса. Произведения Бенковича строятся на цветовых и светотеневых контрастах, на динамической композиции.

В Хорватии и Славонии условия для развития искусства были очень тяжелыми. Войны и междоусобицы вели к разрушениям и уничтожению памятников архитектуры, живописи и культуры. Но они же вызывали строительство новых крепостей и расширение старых (Сисак, Вараждин, Карловац и др., позже — Осиек и Славонски Брод). В архитектуре хорватских монастырей, замков и палат феодалов в XVI в. проявлялись черты Ренессанса, а затем — барокко. Монастыри сербов были деревянными, строились в народных традициях, иконопись и богатая резьба в них были сербско-византийского типа. В живописи и скульптуре Хорватии и Славонии сказалось влияние приезжавших сюда итальянских и словенских мастеров (Еловшек, Бергант и др.). Существовали и свои талантливые мастера, например автор картины «Распятие» (1505 г.) в архиепископском дворце в Загребе. Среди живописцев XVII—XVIII вв. выделяется Бернардо Бобич, создавший в загребском соборе интересный цикл алтарных образов, посвященный королю Ладиславу (1688—1691 гг.). Художник здесь дает, по-существу, исторические и бытовые сцены, изображая, например, хорватских дворян или строительство загребского собора.

В лучших условиях развивалось в XVI—XVIII вв. искусство Словении. Большую роль здесь сыграло реформационное движение, освободившее искусство от безусловной связи с церковью, что привело в XVII в. к появлению новых, светских видов творчества. Особенно популярной стала портретная живопись. Развитие печатного дела обусловило распространение гравюры, как в виде иллюстрации в книге, так и в виде отдельных листов. Искусство теснее связывается с жизненными задачами общества. Победа контрреформации уже не могла остановить тенденций развития, появившихся в предшествующую эпоху. Хотя церковь была основным заказчиком произведений искусства, но сами произведения—алтарные

образа, стенные росписи, статуи святых — уже решались в формах, проникнутых ощущением реальной жизни. Господствовал стиль барокко.

Художественная жизнь Словении XVII в. связана с деятельностью двух крупных меценатов: люблянского епископа Томаша Хрена и Иоганна Вайкарда Вальвасора. Вокруг первого группировались живописцы, резчики и скульпторы, обновлявшие церкви. Резчики по дереву создали оригинальный тип деревянного позолоченного алтаря, богато украшенного резьбой. Деятельность Вальвасора более всего ценна созданием в 1678 г. мастерской гравюры для иллюстрирования издаваемых им книг, в основном топографических описаний городов, замков и монастырей Словении. Труды Вальвасора сыграли значительную роль в развитии гравюры и пейзажа в словенском искусстве. Его книга «Слава герцогства Крайны» — богато иллюстрированное издание с 553 гравюрами документального характера (природа, города, быт, типы).

Оживленная культурная и художественная жизнь Словении проявлялась и в создании и деятельности «Академии трудолюбивых», которая ориентировалась на итальянские образцы. Следствием этого было приглашение в Словению в начале XVIII в. итальянских художников и архитекторов. Так, новый люблянский собор был построен по проекту Поццо, а расписывал собор Джулио Квалио. Творчество последнего имело важное значение для формирования монументально-декоративной барочной живописи в Словении.

По-видимому, учеником Квалио был один из крупных словенских живописцев XVIII в. Франц Еловшек (1700—1764 гг.). Он расписал своды и стены многих церквей сложно построенными эффектными композициями. Ему принадлежат и картины на религиозные сюжеты, а также портреты. Деятельность другого видного словенского живописца Валентина Метцингера (1699—1759 гг.) тоже была во многом связана с работой для церкви. Но наблюдения жизни и интерес к человеческому бытию отчетливо сказались в его творчестве и особенно в портретах.

Дальнейший шаг в развитии словенской живописи сделал Фортунат Бергант (1721—1769 гг.). Основное место в его творчестве занимал портрет. Разнообразные оттенки душевных состояний человека и проявлений характеров художник выявляет более тонко и искусно, нежели его предшественники. К лучшим достижениям словенской живописи XVIII в. относится его портрет Даниэля Вольбенка Эрберга. Творчество Берганта ценно тем, что он первый из словенских художников обратился к образу простого человека из народа, создав своеобразные жанровые картины «Птицелов» и «Продавец баранок».

В последние десятилетия XVIII в. словенское искусство, отвечая потребностям общественной жизни, принимает все более светский характер. В городах ведется большое строительство. Живопись обратилась к портрету и пейзажу. Религиозные композиции с их барочной патетикой сменяются рационалистически построенными мифологическими и историческими картинами. Обучение искусству ставится на более разумную и строгую основу. В 1775 г. при Люблянской гимназии открываются рисовальные классы, а через три года — специальная рисовальная школа в Идрии.

Сербское искусство явно отставало в своем развитии от далматинского и словенского. Тем не менее в XVIII в. и оно делает заметные успехи. Центром его, как и центром сербского просвещения и литературы, стала Воеводина. В искусство воеводинских сербов начали проникать новые веяния. Старые религиозные и стилевые традиции раньше всего были разрушены в области архитектуры, где появились пышные формы барокко. В живописи традиционные средневековые схемы держались гораздо дольше. Но с середины XVIII в. растет число художников светского направления, многие из которых учились в европейских художественных центрах.

Фортунат Бергант. Портрет Даниэля Вольбенка Эрберга. XVIII в. Масло.

Площадь перед старым кафедральным собором в Загребе

Появилась потребность в новых жанрах и в первую очередь в портрете. Крупными светскими портретистами XVIII в. были Т. Крачун (умер в 1781 г.) и Т. Чешляр (1746—1793 гг.), оставившие выразительные и правдивые изображения своих современников. Они, как и лучшие живописцы других югославянских земель, отражали те стороны действительности, которые интересовали широкие народные массы.

В усилении светского характера всех видов искусства в Далмации, Хорватии, Словении и Воеводины, в обогащении его жизненными, бытовыми темами, в появлении в жанре портрета типов и образов людей различных классов общества, а более всего горожан, в попытках давать философские обобщения жизненных наблюдений сказывалось и зарождение элементов капиталистических отношений, и влияние идей французского просвещения.

Эти процессы и явления получили свое дальнейшее развитие на следующем историческом этапе.

В XVI-XVIII вв. в Европе шел переход от культуры средневековой, со свойственным ей религиозным церковным характером просвещения и искусства, с чрезвычайно слабым развитием научных знаний, к культуре нового времени, которая носила совершенно иной, светский характер. Ей было свойственно широкое развитие светского просвещения, научных знаний, всех видов искусства. В основе этих изменений лежали глубокие сдвиги в общественно-экономическом развитии европейских стран.

Балканские народы, страдавшие от иноземного гнета Турции, Венеции и Австрии, в своем общественно-экономическом и культурном развитии и культурном развитии не могли в это время идти в ногу с передовыми европейскими странами. Но несмотря на неблагоприятные условия, и они создали значительные художественные ценности. В XVI в. достигли расцвета наука и искусство в городах Адриатического побережья и в Дубровнике. Большой прогресс в области культуры переживала Словения в период реформации. В XVIII в. начался культурный подъем в

Воеводине, Хорватии, Словении, явившийся началом культурного Возрождения югословянских народов.

В культуре югославянских народов в XVI—XVIII вв. уже стали возникать новые явления: зародилась наука, театр, обогатились музыка, живопись и особенно литература. В это время выдвинулись и крупные деятели культуры, некоторые из которых получили широкую известность.

Постепенно менялась и роль религии по отношению к культуре. Если в период реформации протестанская церковь играла определенную положительную роль в развитии культуры (особенно в Словении), помогая развитию книгопечатанья, созданию и обогащению литературного языка и т. д., то во время контрреформации церковь занимала по отношению к культуре явно отрицательную, реакционную позицию. А в XVIII в. в Воеводине, Хорватии, Словении начинают развиваться литература, музыка и живопись чисто светского характера.

Но культура югославянских областей развивалась очень неравномерно. В областях, оказавшихся под властью Турции, она на протяжении всего периода сохраняла средневековый характер, а духовенство по-прежнему играло ведущую роль в поддержании культурных традиций, распространении грамотности и т. д.

Кризис феодального строя и развитие капитализма в югославянских землях в первой половине XIX в.

Национальные движения

ГЛАВА 22

СЕРБИЯ

Первое сербское восстание (1804—1813 гг.)

Из последней войны с Россией и Австрией Турецкая империя вышла в тяжелом состоянии. Экономика ее находилась в упадке, казна пуста, военные силы подорваны. Рост сепаратизма местных феодальных правителей угрожал привести к полному распаду некогда могущественной военно-феодальной империи. Эту угрозу сознавали наиболее просвещенные представители турецких феодалов во главе с султаном Селимом III (1787—1807). Стремясь предотвратить распад империи, укрепить центральную власть, упорядочить финансы, повысить боеспособность войск, Селим III предпринял ряд реформ, начав их с создания регулярного войска; оно должно было в дальнейшем заменить совершенно разложившийся, потерявший боеспособность и служивший постоянным источником анархии янычарский корпус. Военная реформа встретила яростное сопротивление янычар, нашедших поддержку реакционного духовенства, а также сепаратистски настроенных пашей и аянов. Все это серьезно обострило внутреннюю обстановку в Турции.

В конце XVIII — начале XIX в. сербские земли по-прежнему были раздроблены между различными административными единицами империи. Часть их входила в состав Боснийского, Лесковацкого и Видинского пашалыков, а основное ядро (12 нахий) — в пограничный с Австрией Белградский пашалык, где в конце XVIII в. создались наиболее благоприятные условия для экономического и общественного развития.

Период после Систовского мира характеризовался некоторой либерализацией системы управления Белградского пашалыка. Ведя борьбу против янычар, султан Селим III запретил им проживать в нем. Белградский визирь Хаджи-Мустафа-паша боролся с злоупотреблениями чиновников, опираясь на князей и кметов, права которых были несколько расширены. Султанскими фирманами 1793, 1794 и 1796 гг. в Белградском пашалыке была установлена довольно широкая внутренняя автономия. Вмешательство турецких властей в управление на местах было почти полностью устранено, в то же время значительно расширены права местных сербских властей: обер-князей, князей; для устранения злоупотреблений при сборе налогов и облегчения положения крестьян было упорядочено налоговое обложение.

В связи с удалением янычар (из их числа главным образом выходили чифтлик-сахибии) процесс чифтличенья временно приостановился.

В конце XVIII в. в Белградском пашалыке наблюдается дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, повышение товарности ряда отраслей сельского хозяйства (скотоводства, садоводства, виноделия). Это способствовало дальнейшему имущественному расслоению сербского крестьянства. Купцы-прасолы вместе с обер-кнезами и кнезами, выбиравшимися, как правило, из числа наиболее зажиточных крестьян, в большинстве своем также занимавшихся торговлей, составили прослойку сельской торговой буржуазии, в руках которой скапливались известные денежные средства.

Период относительно мирного развития длился не долго. В 1800 г. янычарам, изгнанным из Белградского пашалыка, при поддержке ярого противника реформ видинского паши Пазванд-оглу удалось добиться разрешения вернуться в Сербию. В 1801 г. четверо янычарских начальников (дахий) захватили власть в Белградском пашалыке, убили Хаджи-Мустафу-пашу и установили кровавый режим произвола и насилия. Они разделили пашалык на четыре удела, силой вводя чифтлик-сахибийские отношения. Дахии усилили эксплуатацию сербского крестьянства, взимая не только все прежние налоги, но и введя ряд новых. Широкие размеры приобрела отработочная повинность — беглук. Чифтлик-сахибии скупали у крестьян по крайне низким ценам или отбирали бесплатно производимые ими продукты и перепродавали их за границу, преимущественно в Австрию. В селах были назначены управляющие имениями чифтлик-сахибий (субашп) и созданы постоялые дворы-ханы, где сербские купцы были обязаны останавливаться и платить за это пошлину. Янычары фактически уничтожили сельское самоуправление, попирали народные обычаи, запретили ремонт старых и строительство новых церквей, своевольничали и издевались над народом.

Резкое усиление социального и национального гнета, от которого в равной мере страдали и сербское крестьянство, и сельская буржуазия, и кнезы, вызвало всеобщее возмущение. Началась тайная подготовка к восстанию против дахий. Попытка обер-кнеза Валевской нахии Алексы Ненадовича заручиться помощью Австрии стала известна дахиям, и они в январе 1804 г. устроили резню («сечу кнезов»), при этом было убито свыше 70 кнезов, купцов, священников и других влиятельных людей. Это явилось непосредственным поводом к массовому вооруженному восстанию, вспыхнувшему почти одновременно в разных нахиях Белградского пашалыка. Во главе отрядов повстанцев встали кнезы, купцы, гайдуки, священники, бывшие участники австро-турецкой войны.

В середине февраля 1804 г. на скупщине в Орашаце восставшие Шумадии избрали своим вождем Георгия Петровича по прозвищу Черный (Карагеоргий). В Валевской нахии восстание возглавили кнез Яков и протопоп Матия Ненадовичи — брат и сын убитого дахиями кнеза Алексы Ненадовича, в Смедеревской — купец Джюша Вуличевич, в Пожаревацкой — богатый крестьянин Миленко Стойкович, в Рудницкой — купец Милан Обренович и его младший брат Милош. Вскоре почти весь Белградский пашалык оказался в руках восставших сербов. Повстанческое войско к концу марта достигло 28 тыс. человек.

Восстание было направлено против янычар, фактически не признававших власть Порты и установивших свою власть в Сербии вопреки воле султана, что обусловило на первых порах выжидательную позицию правительства Селима III. Сознавая свою слабость, повстанцы стремились получить помощь извне. С этой целью они обратились в первую очередь к Австрии, прося помочь им оружием и боеприпасами, прислать опытных офицеров и разрешить семьям повстанцев укрыться на австрийской

Карагеоргий

территории в случае угрозы со стороны турок. Австрийское правительство ответило отказом, ссылаясь на мир с Турцией. Увидев в национально-освободительном движении сербов Белградского пашалыка угрозу для своего владычества над сербами, жившими в Австрии, оно провозгласило политику «невмешательства», стремясь как можно скорее добиться прекращения «беспорядков» на южных границах империи. Австрийские пограничные власти в конце апреля 1804 г. предприняли попытку примирить повстанцев с дахиями, пригласив представителей обеих сторон в Земун, но турки не согласились выполнить требования сербов.

Во время земунской встречи сербы передали письмо на имя султана: в нем они требовали удаления дахий, восстановления порядков, установленных фирманами 1793—1796 гг., ликвидации чифтликов, предоставления сербскому народу права выбирать своего верховного предводителя, который вел бы все сношения с пашой, как представителем Порты.

Не получив помощи от Австрии, восставшие решили обратиться к России. На скупщине в Оструженице 3 мая 1804 г. было составлено письмо к русскому посланнику в Турции А. Я. Италинскому с просьбой о помощи и покровительстве русского императора. Повстанцы просили Россию поддержать перед Портой их просьбу о предоставлении Сербии внутренней автономии подобной той, которой пользовались Молдавия, Валахия и находившиеся под покровительством России греческие области. Скупщина способствовала укреплению руководства восстанием и объединению его сил. Карагеоргий был признан главным военным руководителем всех повстанцев. Развитие восстания вызвало серьезную тревогу в Константинополе. Боснийскому визирю Бекиру-паше было поручено отправиться в Сербию и восстановить там мир.

Прибытие Бекира в Белград испугало дахий, и они бежали, но их место в белградской крепости занял не менее своевольный Гушанац-Халил-ага с крупным отрядом кирджалиев[1]. Бекир-паша не договорился с повстанцами, так как не мог согласиться с их требованием, чтобы автономия сербов была гарантирована какой-либо великой державой, и осенью 1804 г. вернулся в Боснию.

В целях установления более тесного контакта с Россией повстанцы направили в сентябре 1804 г. депутацию в Петербург. В составе депутации были бывший австрийский ротмистр Петр Новакович-Чардаклия, протоиерей Матия Ненадович и купец Йован Протич. В Харькове к ним присоединился юрист, харьковский доцент, серб по происхождению Теодор Филиппович, принявший позже в Сербии имя Божидара Груйовича, с младшим братом Михаилом. В Петербурге сербским депутатам был оказан хороший прием и обещана дипломатическая поддержка. Министр иностранных дел России А. Чарторыский посоветовал повстанцам обратиться с прошением к султану. Такое прошение было в мае 1805 г. направлено в Константинополь со специальной депутацией. Повстанцы просили не назначать в Белград пашу, а лишь финансового чиновника-мухасила, предоставления права избирать князов в нахиях и одного верховного князя, как посредника между сербским народом и мухасилом, зафиксировать сумму ежегодной дани, в которую должны также войти и крестьянские повинности спахиям, а также предоставления права строить новые и ремонтировать старые церкви и монастыри, обеспечения свободы торговли и предпринимательства и т. д. Требуя удаления из Белградского пашалыка турецких войск и военных чиновников, сербы обязывались жить в мире с турецким торгово-ремесленным населением городов.

[1] Кирджалии — шайки бывших турецких солдат, находившиеся на службе у сепаратистски настроенных турецких феодалов. Кирджалии занимались разбоем и грабежами в восточной части Сербии, Македонии и Болгарии.

Матия Ненадович

Ведя переговоры с Портой, повстанцы продолжали держать в осаде турецкие гарнизоны в Белграде и других крепостях. Летом, предприняв очередное наступление, они взяли город Карановац и крепость Ужице.

К моменту прибытия сербской депутации в Константинополь там возобладало мнение о необходимости подавления восстания вооруженной силой. Нишский паша Хафиз был назначен белградским визирем и в начале августа 1805 г. двинулся с войском в Сербию. Однако 6 августа в битве при Иванковаце он был разбит сербским войском под командованием пожаревацкого воеводы Миленко Стойковича. В ноябре повстанцы захватили город Смедерево, где вскоре состоялась скупщина, на которой было принято новое письмо султану. Повстанцы объяснили свое столкновение с Хафизом тем, что он набрал в свое войско многих бежавших из Белградского пашалыка янычар, стремившихся отомстить сербам, просили султана приостановить военные действия против Сербии и удовлетворить ранее изложенные пожелания. Это письмо было передано султану при посредстве русского посла Италинского. Но Порта отклонила русское посредничество.

Внешнеполитическая обстановка требовала от России особой осмотрительности при оказании помощи восставшему сербскому народу, так как между ней и Турцией велись переговоры о заключении союзного договора,

направленного против наполеоновской Франции. Он был подписан в сентябре 1805 г. В этих условиях русская помощь восставшему сербскому народу могла выражаться лишь в дипломатической поддержке его требований перед Портой.

Однако русско-турецкий союз оказался весьма недолговечным. После поражения русских и австрийских войск под Аустерлицем в турецкой столице активизировались сторонники войны с Россией. Новому наполеоновскому послу в Турции генералу Себастиани удалось убедить турецкое правительство в «могуществе» Наполеона и отрицательном отношении последнего к сербским «бунтовщикам».

Предвидя новые попытки Порты силой разгромить восстание, повстанцы зимой 1805—1806 гг. предприняли меры по защите освобожденной территории. В первые месяцы 1806 г. войска повстанцев заняли остров Пореч на Дунае, города Парачин, Алексинац, Крушевац, часть Новипазарской нахии, Старый Влах. Таким образом, восстание распространилось на районы, прилегающие к Белградскому пашалыку. Близ южных границ повстанцы создали сильное укрепление Делиград, из которого они впоследствии неоднократно отражали вторжения турецких войск.

В апреле 1806 г. повстанцы под Чучугами (близ Валева) разбили турецкие войска, вторгшиеся из Боснии, а в августе на Мишаре (близ Шабаца) отряд под личным командованием Карагеоргия нанес крупное поражение войскам боснийского феодала Сулеймана-паши Скопляка.

Летом 1806 г. сербы предприняли новую попытку добиться соглашения с Турцией: в Константинополь был направлен искусный дипломат Петр Ичко, однако он долгое время не мог добиться соглашения. Турецкое правительство пошло на соглашение с сербскими повстанцами («Ичков мир») лишь тогда, когда под нажимом Себастиани оно решилось на войну с Россией. Но это соглашение не вступило в силу, так как после начала русско-турецкой войны сербские руководители решили продолжить борьбу до полного освобождения от власти Турции, связав судьбу восстания с успехами русского оружия. Национально-освободительная борьба в Сербии вступила в новый этап.

Русско-турецкая война, начавшаяся в декабре 1806 г., оказала огромное влияние на судьбы сербского восстания. Еще до ее начала, в марте 1806 г. повстанцы обратились к главнокомандующему русской армией на Днестре генералу Михельсону с просьбой о помощи. Михельсон направил в Сербию офицера для выяснения нужд повстанческой армии и оказания ей помощи.

В конце 1806 — начале 1807 г. сербские повстанцы добились большого успеха — овладели Белградом и Шабацем — последними крепостями, которые турки удерживали в восставшей Сербии. В марте 1807 г. отрядами повстанцев были убиты белградский паша Сулейман, возвращавшийся из Белграда в Константинополь, а также мухасил, прибывший в Парачин с текстом Ичкова мира. Одновременно в Белграде и Шабаце произошло массовое избиение турок. Все это означало полный разрыв сербских повстанцев с Портой. Вслед за тем Карагеоргий созвал в Белграде скупщину. Было решено продолжить войну в союзе с Россией. Командующим военными силами в восточных нахиях Сербии был назначен воевода Миленко Стойкович. Для связи с русской армией и передачи русскому командованию просьб сербов в Бухарест была направлена депутация.

В конце марта отряды повстанцев начали боевые действия против турок на юго-востоке и востоке Сербии. Воевода Гайдук Велько поднял восстание в области Црна Река и вместе с Петром Добриняцем освободил область Баню. Восстание еще шире распространилось за пределы Белградского пашалыка. Тем временем турецкие войска 13 мая окружили отряд пожаревацкого воеводы Миленко Стойковича у деревни Штубик.

Сербия в первой половине XIX в.

На выручку Стойковичу поспешили Карагеоргий с войском и отряд русских войск под командованием генерал-майора И. И. Исаева, которые на другой день после торжественной встречи (19 июня 1807 г.) совместными усилиями наголову разбили турецкие войска и освободили отряд Стойковича. Преследуя врага, сербские и русские войска осадили крепость Неготин.

Одновременно развернулись боевые действия на западе. Повстанцы распространили свою власть на княжины Ядар и Раджевину. В конце июня, незадолго до этого потерянная повстанцами, сдалась крепость Ужице. Река Дрина на долгое время стала западной границей восставшей Сербии.

В конце июня в сербский лагерь под Неготином прибыл эмиссар Александра I маркиз Паулуччи, совершавший поездку по Балканам и странам центральной Европы. Паулуччи имел полномочия для заключения военно-политического союза с Сербией. Текст соглашения о союзе был составлен после переговоров с Карагеоргием 28 июня 1807 г. (так называемая конвенция Карагеоргий-Паулуччи). В этом документе сербы просили Александра назначить им управителя, который выработал бы конституцию. Конвенция предусматривала введение конституции и назначение чиновников от имени русского царя, ликвидацию феодального землевладения, назначение русских комендантов в крепостях, введение в них русских гарнизонов, определяла численность русских и сербских войск для совместных военных операций, предусматривала оказание Сербии помощи военными специалистами, устройство госпиталей и т. д.

Конвенция Карагеоргий—Паулуччи фактически не вступила в силу. Ее значение состояло в том, что это было первое соглашение борющейся за свою свободу Сербии с иностранным государством. Конвенция Карагеоргий—Паулуччи примечательна еще и тем, что в ней предусматривалась ликвидация феодальной зависимости сербских крестьян от турецких феодалов (пункт 2).

После начала русско-турецкой войны и окончательного разрыва с Турцией перед восставшим сербским народом открылась реальная перспектива освобождения от турецкого ига.

Первое сербское восстание было не только национально-освободительным, но и глубоким социальным движением. Турки в Сербии были не только господствующей национальностью, но и господствующим классом, поэтому выступление против турецкого ига неизбежно превращалось в антифеодальное, буржуазное по своему существу движение.

Важнейшим социальным вопросом, решавшимся в ходе Первого сербского восстания, был аграрный. Выступив против дахий, повстанцы на первых порах не требовали ликвидации спахийских отношений. В прошении султану в 1804 г. фигурирует лишь просьба о ликвидации чифтликов. Однако по мере военных успехов восстания расширяются и углубляются социально-экономические требования восставших. В прошении 1805 г., наряду с пунктом о национальной автономии, выдвигается пожелание замены всех крестьянских повинностей в пользу спахий единым денежным налогом, который вносился бы в султанскую казну вместе с данью, уплачиваемой Сербией в знак вассальной зависимости. Эта мера привела бы к освобождению сербского крестьянства от спахийского гнета. Турецкое правительство не согласилось с этим. По условиям Ичкова мира сербы были обязаны нести все повинности спахиям, как это было до восстания. Таким образом, на протяжении первого этапа восстания (1804—1806 гг.) вопрос о спахийском землевладении не удалось решить путем переговоров с Портой.

В ходе борьбы на втором этапе восстания (1807—1813 гг.) изменяется расстановка классовых сил. Внутри сербского общества нарастают и обо-

стряются новые противоречия — противоречия между крестьянством и сельской торговой буржуазией, в руки которой в ходе восстания перешла власть в стране. Это новое противоречие и составило основу социальных столкновений, имевших место на втором этапе восстания.

После разрыва с Турцией в Сербии развертывается интенсивный процесс экспроприации турецкой частной собственности — земли, жилых домов, хозяйственных сооружений и т. д. В целях пополнения государственной казны (народной кассы) сербские власти начали распродажу турецкой недвижимой собственности (домов, садов и т. д.), которая перешла главным образом в руки нового правящего класса — сельской торговой буржуазии. Крестьянство освободилось от несения повинностей в пользу спахиев и турецкого государства. На военные нужды оно вносило денежный налог (собирался всего четыре раза) и налог натурой — десятую часть урожая, двадцатую голову скота и десятую часть произведенного в хозяйстве вина. Для строительства укреплений, транспортировки военных материалов и других нужд была установлена трудовая повинность (кулук). В качестве вознаграждения за службу воеводы для обработки своей земли пользовались бесплатным трудом крестьян, обычно жителей одной деревни (старейшинский кулук).

Поскольку земля оставалась главным средством производства, а торговля продуктами сельского хозяйства (в первую очередь скотом) — важнейшим источником дохода, представители правящей верхушки нередко злоупотребляли своим правом на бесплатный труд крестьян. Последнее обстоятельство вызывало сопротивление крестьянства, стремившегося освободиться от всех остатков феодализма и в первую очередь от старейшинского кулука. Борьба сербского крестьянства за последовательное разрешение аграрного вопроса делала его самой активной силой движения.

После 1807 г. быстро изменяется состав городского населения, наблюдается прилив в города сербского торгово-ремесленного населения, развиваются городское ремесло и торговля (в первую очередь пищевыми продуктами).

В условиях военного времени наиболее интенсивно развивались ремесла, имевшие военное значение,—оружейное и кузнечное, литейное дело, добыча металлов, производство пороха и др. В Белграде был создан арсенал, в котором сербские мастера лили пушки и колокола, ремонтировали ружья, делали пики, лафеты к пушкам и т. д. В ряде мест были устроены пороховые мастерские, возобновлена пришедшая в упадок при турках добыча металлов (свинца, серебра, золота). В организации литейного дела, производстве пороха и др. большую помощь сербскому народу оказали присланные из России опытные мастера.

Австрийское правительство, следуя своей недоброжелательной политике по отношению к сербскому восстанию, запретило вывоз в Сербию военных припасов, а позднее и продовольствия, в связи с чем развилась контрабандная торговля оружием, которую с австрийской стороны вели сербские купцы Земуна, Панчева и других городов Военной Границы.

Запрещая вывоз товаров в Сербию, австрийские власти в то же время поощряли закупку в Сербии скота, меда, воска, леса и др., что способствовало общему оживлению торговли в Сербии, втягиванию в торговлю все более широких слоев крестьянства и, таким образом, содействовало ускорению процесса разложения натурального хозяйства. В годы тесного союза с Россией большого развития достигла торговля Сербии с Валахией, где в больших количествах закупалась соль, для чего была создана специальная «соляная компания», в которой главную роль играли воеводы восточных нахий Сербии — Милепко Стойкович и Петр Добриняц. Однако и на внутреннем и на внешнем рынке еще сохранялась архаическая меновая торговля.

Печать правительствующего совета

В деревне усилился процесс имущественной дифференциации и расслоения крестьянства. Зажиточное крестьянство пользовалось наемным трудом безземельных и малоземельных крестьян, нанимавшихся в качестве поденщиков и пастухов. В силу слабого развития денежных отношений их труд часто оплачивался не деньгами, а продуктами. В этот период несколько ускорилось разложение задруг.

Значительную роль в развитии сербского восстания сыграла иммиграция из соседних областей, особенно из Воеводины. Воеводинские торговцы оказывали большое влияние на экономическое развитие повстанческой Сербии, а воеводинская интеллигенция — на организацию государственного устройства и культурное строительство страны.

Уже в первые годы восстания турецкая система управления Сербией была фактически ликвидирована, с 1806 г. сербы прекратили уплату налогов султану, перестали действовать турецкие суды и другие органы власти. Взамен турецких властей в ходе восстания создавались сербские органы управления. Наряду с князьями и кметами власть в стране осуществляли представители военного руководства — воеводы с подчиненными им начальниками отрядов: бимбашами и булюкбашами. В 1805 г. на скупщине в Бораке, по совету России, при активном участии Матии Ненадовича и Божидара Груйовича был создан центральный орган управления — правительствующий совет, представлявший на первых порах суд высшей инстанции и имевший также ряд административных функций (сбор налогов, организация войска, закупка оружия и продовольствия, сношения с иностранными государствами и так далее). Правительствующий совет, находившийся на протяжении всего восстания в большей или меньшей степени подчинения Карагеоргию, как верховному вождю, стал ареной острой политической борьбы между отдельными группировками в руководстве восстанием.

На втором этапе восстания государственный аппарат нового сербского государства развивается и совершенствуется. К 1807 г. в каждой нахии имелся магистрат (суд), подчиненный совету и разбиравший гражданские и уголовные дела в качестве суда первой инстанции, а также исполнявший полицейские, административные и нотариальные функции. Низшим звеном аппарата управления продолжали оставаться князья и кметы.

Важнейшие вопросы (сношения с иностранными государствами, составление обращений к султану, раскладка налогов, закупка оружия и т. д.) решались на созывавшихся Карагеоргием скупщинах, на которые приглашались воеводы, члены совета, князья, кметы, купцы, священники.

Наряду с гражданскими властями все большее значение приобретали военные власти — воеводы или коменданты в нахиях и подчиненные им начальники отрядов. Многие воеводы на протяжении длительного времени, опираясь на войско, особенно на содержавшиеся на их средства отряды телохранителей-момков, являлись полновластными и подчас бесконтрольными правителями своего округа, притесняли народ, стремясь увеличить

свое богатство, захватывали имущество изгнанных турок, военные трофеи и даже деньги, присылавшиеся Россией повстанцам.

Во время военных действий воевода возглавлял ополчение своей нахии, в котором на своих харчах и со своим оружием, получая лишь боеприпасы, обязаны были служить все взрослые и здоровые крестьяне. Горожане (купцы и ремесленники) могли нанять вместо себя солдата.

Воевода собирал натуральные налоги и по указанию совета расходовал продовольствие на прокормление наемного войска (бечаров), на содержание пушкарей, писарей в магистратах и т. д. Как правило, сбор десятины с вина воеводы брали на откуп. Кроме того, воеводы ряда пограничных областей брали у совета на откуп взимание пошлин с купцов на пограничных перевозах. Ежегодно на скупщине воевода отчитывался в поступивших к нему деньгах и продовольствии. Обязанностью воеводы было следить за нормальным функционированием устроенных в Сербии почтовых станций и содержать за счет налога персонал этих станций. Условия военного времени способствовали тому, что военные власти все больше и больше оттесняли на второй план гражданские органы управления.

12 августа 1807 г. Россия и Турция заключили перемирие в Слободзее. Сербских повстанцев встревожило то, что в нем не был обусловлен статус Сербии и поэтому можно было опасаться нового похода турецких войск. Лишь осенью 1807 г. русской дипломатии фактически удалось добиться распространения условий перемирия и на Сербию.

Период перемирия был для Сербии временем относительного оживления хозяйственной жизни и торговли. Сопротивление турецкого правительства попыткам русской дипломатии добиться предоставления Сербии автономии под русским покровительством сопровождалось рядом безуспешных попыток Порты оторвать Сербию от России. Весной 1808 г. австрийская дипломатия попыталась договориться с Карагеоргием о присоединении Сербии к Австрийской империи, но повстанцы отвергли эти притязания.

В период перемирия развернулась внутренняя политическая борьба в руководстве восстанием. Воеводы из восточных нахий — Милентко Стойкович, Петр Добриняц и другие стремились ограничить власть Карагеоргия, чтобы сохранить за собой положение бесконтрольных правителей подчиненных им областей, и для этого использовали свои связи с русским командованием. С этой группировкой соперничала другая, возглавляемая комендантом Белграда, богатым купцом Младеном Миловановичем, тесно связанным торговыми интересами с Австрией, поддержкой которой он стремился заручиться.

2 августа 1807 г. в Белград прибыл русский дипломатический представитель К.К. Родофиникин. На основании конвенции Карагеоргий—Паулуччи он разработал проект «конституции» Сербии («Основание правительства сербского»), представлявший собой неуклюжую попытку чиновника азиатского департамента царского министерства иностранных дел насадить в Сербии чуждый местным условиям сословный строй (введение дворянства, передача власти «правительствующему сенату» и пр.). Александр I не утвердил этот проект главным образом потому, что он резко ограничивал власть Карагеоргия, которому покровительствовало русское правительство.

С прибытием в Белград русского представителя помощь России восставшим усилилась: в Сербию были направлены вооружение и деньги, командированы военные специалисты для помощи повстанцам в фортификационных работах, организации пороховых мастерских, обучении артиллеристов, литейном деле и т. д. Родофиникин помог повстанцам наладить ведение внешних сношений. Особое внимание он уделял пресечению интриг австрофильской группировки. Во время австро-сербских переговоров

в марте — мае 1808 г., когда австрофильская группировка, возглавляемая Младеном Милованновичем, пыталась добиться удаления Карагеоргия из Сербии, последнему оказал поддержку Родофиникин. Однако при вмешательстве во внутреннюю борьбу в руководстве восстанием Родофиникин зачастую руководствовался личными симпатиями и антипатиями. Так, например, значительное влияние на него имел белградский митрополит Леонтий, не пользовавшийся авторитетом у повстанцев.

Стремясь упрочить свою власть, Карагеоргий, опираясь на часть воевод и членов совета, 14 декабря 1808 г. провозгласил себя наследственным «верховным предводителем сербского народа». Он потребовал от всех воевод и комендантов верности себе, обещая в свою очередь действовать в согласии с советом. Вслед за этим в Россию была направлена депутация с просьбой предоставления Сербии полной независимости при заключении мирного договора с Турцией. Однако в начале 1809 г. обстановка изменилась. Порта заключила с Англией союз, направленный против России, а в конце марта возобновились военные действия между Россией и Турцией.

С целью дальнейшего расширения рамок восстания сербские повстанцы предприняли наступление в четырех направлениях: в районе Видина, на Ниш, на Нови Пазар и на р. Дрине. Войска под руководством Карагеоргия успешно развивали наступление на Нови Пазар и установили связь с Черногорией. Однако в районе Ниша сербы потерпели сильное поражение в битве при Каменице (19 мая). Пользуясь отсутствием русских войск в Сербии (в свое время выведенных по условиям перемирия), а главное — пассивностью русской армии на Дунае, турецкие войска повели наступление с юга и востока, создав в августе 1809 г. угрозу Смедереву и Белграду, что вызвало панику в Белграде и массовое бегство в Австрию. В ночь с 15 на 16 августа бежали в Австрию русский представитель Родофиникин и ряд видных сербских деятелей. Лишь начавшееся позднее успешное наступление русских войск под командованием П. И. Багратиона, возглавившего Дунайскую армию после смерти престарелого Прозоровского, предотвратило катастрофу. Туркам пришлось срочно оттянуть войска из Сербии.

Тяжелое военное положение и поспешное бегство русского представителя Родофиникина побудили сербских руководителей обратиться за помощью к другим державам. Повстанцы направили во Францию Р. Вучинича с письмом к Наполеону от Карагеоргия. Но Наполеон, будучи заинтересован в сохранении status quo на Балканах, не оказал поддержки восставшей Сербии, а позднее заявил, что не позволит России провозгласить независимость Сербии. Одновременно повстанцы искали поддержки у Австрии. Но последняя, еще не оправившись от разгрома в войне с Наполеоном, не могла рассчитывать на присоединение Сербии, а в создании независимого Сербского государства она не была заинтересована.

Изменение военной обстановки в пользу России привело вскоре к восстановлению русского влияния в освобожденной Сербии. Ей была оказана материальная помощь; главнокомандующий Дунайской армией П. И. Багратион заверил прибывшую к нему сербскую депутацию в готовности сделать все для обеспечения будущего сербского народа. Генерал Каменский, сменивший в начале 1810 г. Багратиона, усилил помощь Сербии вооружением и прислал для совместных действий значительный отряд русских войск. В боях 1810 г. русские и сербские войска одержали ряд побед над турками (под Ясикой, на Варваринском поле, под Лозницей и др.). При активной поддержке русских войск повстанцам удалось успешно отбить все нападения турок и даже расширить освобожденную территорию. В Сербию прибыл новый русский представитель Ф. И. Недоба.

Активную военную и материальную помощь Сербии оказывал и М. И. Кутузов, занявший после смерти Каменского весной 1811 г. пост

главнокомандующего Дунайской армии. При этом русские войска придерживались строгого указания не вмешиваться во внутренние дела Сербии.

М. И. Кутузов неоднократно посылал в Сербию большие суммы денег, транспорты с вооружением, порохом и свинцом, для обучения сербских пушкарей в повстанческое войско было командировано восемь опытных артиллеристов. В течение трех лет (1809—1811) при сербском войске находился русский военный врач Морачевский, лечивший сербских воинов и многим из них сделавший операции непосредственно на поле боя. В кампании 1811 г. русские войска не раз плечом к плечу с сербами одерживали важные победы. В начале 1811 г. в Белград, по просьбе сербов, прибыл отряд русских войск, неоднократно участвовавший вместе с сербскими войсками в боях против турок на границе с Боснией, под Нишем и т. д. Успешно наступали русские и сербские войска и в районе Видина. За смелые действия в бою 9 октября 1811 г. М. И. Кутузов наградил золотой медалью сербского воеводу Миленко Петровича. В этих боях окрепло русско-сербское боевое содружество.

В 1812 г. в результате успешных боевых действий территория восставшей Сербии включала, кроме Белградского пашалыка, еще шесть нахий из соседних областей.

После того, как угроза турецкого вторжения миновала, вновь развернулась внутренняя борьба среди повстанцев. Чтобы сохранить и еще более укрепить свою власть, Карагеоргий в январе 1811 г. реорганизовал управление страной. Совет был разделен на министерства и Великий (высший) суд. Были назначены шесть попечителей (министров): военный, иностранных и внутренних дел, финансов, просвещения и правосудия, причем последний являлся председателем Великого суда. Одновременно крупные воеводства были раздроблены на несколько мелких, во главе которых были поставлены преданные Карагеоргию воеводы. Воеводам, членам совета и другим должностным лицам была назначена плата. Проведенная реформа усилила позиции Карагеоргия, способствовала укреплению власти на местах, ограничила права воевод. Не пожелавшие подчиниться и принять предложенные им посты попечителей (иностранных дел и правосудия) воеводы Миленко Стойкович и Петр Добрняц были вынуждены покинуть страну и уехали в Россию.

В последние годы восстания внутренняя обстановка в Сербии была весьма напряженной. Воеводы, чтобы увеличить свои земельные владения, нередко захватывали не только бывшие турецкие земли, но и земли крестьян. Крестьянство вело борьбу против произвола воевод, за право свободно обрабатывать перешедшую в их руки землю, против старейшинского кулука. В отдельных случаях дело доходило даже до вооруженных выступлений против особенно ненавистных народу воевод.

Начавшиеся по просьбе турок в Журже переговоры о мире с Россией велись в крайне сложной политической обстановке. Готовясь к нападению на Россию, Наполеон стремился заставить Турцию продолжать войну. России нужен был мир с Турцией для подготовки к борьбе с Наполеоном. Чтобы побудить турок к заключению мира, Александр I в феврале 1812 г. приказал возобновить военные действия. Одновременно Кутузову удалось убедить турецких представителей в том, что будто бы опасность войны между Россией и Францией миновала. Известие о союзе Австрии с Францией, таившем в себе угрозу дележа между союзниками турецких земель на Балканах, заставило Турцию 5 мая 1812 г. подписать в Бухаресте предварительные условия мира.

Во время переговоров сербский вопрос неизменно вызывал серьезные споры. Окончательно статья (VIII статья) мирного договора по сербскому вопросу была сформулирована как компромисс между первоначальными требованиями России и Турции. Порта обязывалась объявить сербам

полную амнистию; возведенные сербами во время войны укрепления подлежали уничтожению; турки получали право ввести войска в существовавшие до войны крепости; сербам предоставлялась автономия в вопросах управления, сбора налогов и т. д., подобно автономии, предоставленной жителям Эгейских островов. В договоре подчеркивалось, что Порта «учредит... все сии предметы обще с народом сербским». Таким образом, Турция обязывалась предоставить Сербии автономию, о существе которой Сербия и Турция должны были договориться при посредничестве России.

Еще во время переговоров в Журже сербы направили в Петербург депутацию в составе Якова Ненадовича, Симы Марковича и Михайлы Груевича, выехавшую из Белграда 7 декабря. В Петербурге депутация была принята Александром I, обещавшим позаботиться об участи сербского народа. Депутация вернулась в Сербию, не зная о том, что мир уже подписан. Об этом еще не было известно и в Сербии. Более того, адмирал Чичагов, сменивший Кутузова на посту главнокомандующего Дунайской армией, предлагал план похода против войск Наполеона в Далмации и Италии, в котором главная ставка делалась на восстание балканских славян и помощь сербского войска. Тем временем нишский паша Хуршид-паша сообщил сербам о подписании Бухарестского договора и потребовал его выполнения. В связи с этим и Чичагов был вынужден сообщить сербам о Бухарестском мире. При этом условия мира были сообщены сербам в смягченном виде, в частности, условие о возвращении турок в крепости было объявлено необязательным. Сербам был дан совет направить депутацию в Константинополь для окончательного урегулирования всех вопросов с турецким правительством.

Известие о подписании мира и отзыве русских войск вызвало в Сербии большое беспокойство. Руководители восстания ясно понимали, что Сербии угрожала месть со стороны турок за поражения, понесенные во время войны. Поэтому они решили, следуя совету Чичагова, вступив в переговоры с турками, оттянуть выполнение Бухарестского договора.

Для успокоения сербов, встревоженных отводом русских войск из Сербии, Молдавии и Валахии в связи с началом Отечественной войны, в Сербию был направлен русский генерал, серб по происхождению, граф Марко Ивелич, прибывший туда в начале августа 1812 г. Ивелич вручил сербам копию VIII статьи Бухарестского мира и настоятельно советовал сохранить мирные отношения с Турцией, вести переговоры, но не допускать вступления турецких войск в крепости до тех пор, пока на основе этой статьи статус Сербии не будет определен. 10 августа 1812 г. русские войска выступили из Белграда, провожаемые толпами народа, а вскоре после этого в Константинополь направилась сербская депутация.

27 августа 1812 г. в монастыре Врачевшница собралась скупщина, на которой Марко Ивелич объяснил причины, побудившие Россию заключить мир с Турцией. Скупщина приняла присягу в верности России, Ивеличу был вручен адрес на имя Александра I.

Обстановка в Константинополе была крайне неблагоприятной для сербской депутации, прибывшей туда во второй половине сентября. Ратифицируя Бухарестский мирный договор, султан отказался утвердить статью о границах между Россией и Турцией в Закавказье и статью о Сербии. В это время в турецкой столице было все еще сильным французское влияние. Новый французский посол Андреосси стремился заставить турецкое правительство отказаться от выполнения Бухарестского мира.

Чтобы оттянуть время, сербские депутаты заявили, что они не имеют полномочий для ведения переговоров. Воспользовавшись этим, турецкое правительство поспешило удалить депутацию из Константинополя, где русский посланник мог оказывать влияние на ход переговоров. На пути в Сербию депутаты посетили в Шумле великого визиря, предложив-

шего для ведения переговоров прислать депутацию в Ниш. По его словам турецкое правительство требовало, чтобы сербский народ вновь стал райей, чтобы турецким властям были сданы крепости, пушки и ружья, уплачены подати за девять лет. Турки вновь должны были поселиться в городах Сербии.

Эти условия Порты были обнародованы на скупщине, собравшейся в январе 1813 г. в Крагуеваце. Скупщина отвергла их и выработала основы для переговоров с Портой, согласно которым Сербии должна была быть предоставлена полная внутренняя автономия в области управления, суда, сбора налогов и т. д., султан должен был утвердить Карагеоргия правителем Сербии, туркам, выселившимся из Сербии в годы восстания, запрещалось возвращение в страну, крепости оставались в руках сербов и лишь в Белград назначался турецкий паша или визирь с ограниченным числом войск. Сербы соглашались платить ежегодную дань, собираемую ими самими, и обязывались быть покорными султану.

Известие о вступлении Наполеона в Москву ободрило Порту. В Константинополе вынашивались планы пересмотра Бухарестского мира с целью возвращения Османской империи всех ее потерь. Турецкое правительство решило силой заставить сербов подчиниться. Пользуясь дипломатической поддержкой Франции и Австрии и искусно используя нежелание сербов принять полностью условия Бухарестского мира (в первую очередь, сдать крепости), Турция затягивала переговоры с сербами, ведшиеся в Нише, а позднее в Софии, собирая военные силы.

Неоднократные попытки русской дипломатии добиться того, чтобы Порта согласилась на посредничество России в переговорах с Сербией, неизменно отклонялись турецким правительством.

Тем временем турки начали стягивать войска к границам Сербии. В июле 1813 г. Карагеоргий издал воззвание к народу с призывом дать отпор врагу. Однако в этом воззвании Карагеоргий скрыл, что против Сербии идет султанское войско, а изобразил дело так, будто к нападению на Сербию готовятся лишь янычары, спахии и другие изгнанные в свое время турки.

Боясь, что изменение внешнеполитической обстановки в связи с поражением Наполеона даст России возможность оказать активную помощь Сербии, Турция направила против нее три крупных армии—со стороны Видина, Ниша и из Боснии, подошедшие к границам Сербии в середине июля. Несмотря на героическое сопротивление отряда под командованием Гайдука Велько, турецкие войска, пользуясь своим превосходством, взяли Неготин. В это же время на границе с Боснией сербы оставили Лешницу и Лозницу. В конце августа на правом берегу реки Моравы турецкие войска, наступавшие из Ниша, соединились с войском, двигавшимся из Видина.

Попытка Карагеоргия добиться перемирия с турками, а также просьба к Австрии о вооруженной помощи успеха не имели. 21 сентября 1813 г., видя, что сопротивление бесполезно, Карагеоргий с русским дипломатическим агентом Ф. И. Недобой, митрополитом Леонтием и другими лицами бежал из Белграда в Земун. Вслед за ним в Австрию перешли со своими семьями многие члены правительствующего совета, воеводы и др. Известие об этом мгновенно распространилось по стране, и толпы народа с имуществом и скотом устремились к австрийской границе, спасаясь от турецких орд, которые грабили, жгли и уничтожали все на своем пути. 25 сентября турецкие войска вошли в Белград. Те, кто не смог бежать в Австрию, скрылись в горах. В течение 12 дней турецким войскам было разрешено убивать сербов, грабить и обращать их в рабство. Как правило, взрослых мужчин убивали на месте, женщин и детей продавали в рабство, у населения отбирали оружие, ценные вещи и т. д. Весть о покорении восставших

сербов была встречена в Константинополе с ликованием. В течение трех дней все пушки турецкой столицы торжественными залпами возвещали об этом событии.

Так, после почти десятилетней героической борьбы сербского народа за независимость восстание было разгромлено.

Одной из причин поражения Первого сербского восстания была острая внутренняя борьба за влияние и власть между различными группировками в руководстве. На местах происходили распри и столкновения между воеводами и другими должностными лицами, ради личной выгоды стремившимися подчинить себе возможно бо́льшую территорию. На втором этапе восстания обострились противоречия между сербским крестьянством и сельской буржуазией, эксплуатировавшей крестьянство, в связи с чем усилилось гайдучество, участились выступления крестьян против насилий и притеснений воевод. Все это привело к серьезному ослаблению боевых качеств сербского войска.

Другой причиной, обусловившей разгром сербских повстанцев, была неблагоприятная внешнеполитическая обстановка. Россия вела войну с Наполеоном и не имела возможности оказать помощь Сербии. Оказавшись перед лицом вторгшихся турецких армий без русской поддержки, ослабленная в результате внутренних политических и социальных столкновений Сербия не выдержала натиска врага.

После поражения восстания в стране были реставрированы феодальные турецкие порядки. Были восстановлены старые административные границы Белградского пашалыка.

Восстановление турецкой власти в Сербии. Второе сербское восстание и образование вассального Сербского княжества (1815—1833 гг.)

Разгул турецкого террора продолжался недолго. Турецкие власти вскоре были принуждены принять меры к нормализации положения в Сербии, опустошенной, разоренной и обезлюдевшей. Массы народа, а также отдельные воеводы с небольшими отрядами войск скрывались в неприступных горах и лесах, а в Белграде и укреплении Тополяк до конца октября оставались отряды сербских войск. Султанскими фирманами была объявлена всеобщая амнистия и свобода торговли; всем сербам было предложено вернуться в свои дома. Народ стал постепенно возвращаться на родные пепелища. Видя, что турки прекратили репрессии, стали выходить из своих укрытий и сдавать им оружие бывшие воеводы (Милош Обренович, Лазар Мутап, Хаджи-Продан, позднее Станое Главаш и др.).

Белградским пашой великий визирь назначил боснийского феодала Сулеймана-пашу Скопляка, после чего турецкие войска покинули Сербию. Главной заботой Сулеймана-паши было отобрать у народа оружие, но сербы сдавали его весьма неохотно, так что было собрано всего около 6000 ружей. В Сербии была восстановлена старая система турецкого управления, в страну стали возвращаться спахии и чифтлик-сахибии со своими субашами. В середине ноября паша созвал в Белград сербских представителей и назначил кнезов и обер-кнезов, при этом бывший воевода Милош Обренович был назначен обер-кнезом Рудницкой нахии. В то же время Сулейман-паша, стремившийся к личному обогащению, облагал население все новыми непосильными налогами, вымогал деньги у зажиточных людей. Казни стали повседневным явлением. Поэтому многие жители вновь стали уходить в горы; усилилось гайдучество. В ноябре 1814 г. в окрестностях Чачака вспыхнуло восстание под руководством

бывшего воеводы Хаджи-Продана Глигориевича, охватившее Пожегскую и части Крагуевацкой и Ягодинской нахий. Восстание, хотя и незначительное по своим размерам, встревожило как турецкие власти, так и сербских князов, считавших его несвоевременным. Милош Обренович предложил паше свои услуги для успокоения восставших, которым паша обещал амнистию. Восстание было прекращено, однако Сулейман не сдержал своего слова, и многие участники восстания были казнены. Хаджи-Продану удалось бежать в Австрию.

Не легким оказалось и положение сербских повстанцев и их семей, эмигрировавших в 1813 г. в Австрию.

Карантинные бараки в Земуне и Панчеве не в состоянии были вместить десятки тысяч сербских беженцев, в связи с чем в пограничных районах было создано около 40 временных лагерей, где от скученности, холода и антисанитарных условий погибла масса людей, особенно детей и стариков.

В связи с поступившими претензиями (часто и безосновательными) со стороны ряда купцов из Срема и Баната австрийские пограничные власти наложили секвестр на имущество (деньги, личные вещи) многих руководителей восстания, а их самих взяли под стражу.

Целый год руководители восстания с Карагеоргием во главе провели в Австрии без средств, без права свободной переписки и общения друг с другом. Лишь в октябре 1814 г. Карагеоргий и ряд других руководителей восстания смогли выехать из Австрии в Хотин (в Бессарабии), где им разрешило поселиться русское правительство. Сообщение об амнистии, объявленной турецкими властями в Сербии, вызвало массовое возвращение беженцев из Австрии. Лишь незначительная часть их осталась в Среме и Банате.

Разгром Наполеона и вступление русской армии в Париж оживили надежды сербов на помощь России. В конце апреля 1814 г. ряд сербских князов и духовных лиц обратился к Александру I с просьбой взять Сербию под защиту, либо присоединив ее к России, либо предоставив ей статус, подобный статусу Валахии.

В связи с усилившимися террором и притеснениями турецких властей сербские князы в августе 1814 г. обратились с письмом к протопопу Матии Ненадовичу и другим сербским «старейшинам», находившимся в Австрии, умоляя их всеми силами добиваться помощи России. С этим письмом М. Ненадович поехал в Петербург. Узнав в Житомире, что Александр отбыл в Вену, Ненадович отправился в австрийскую столицу, где должен был состояться конгресс великих держав. Здесь от имени сербского народа он обратился с письмами к русскому и австрийскому императорам, английскому и прусскому королям. В январе Ненадович добился аудиенции у австрийского императора, обещавшего сербам заступничество перед султаном, но не рекомендовавшего просить вынесения сербского вопроса на конгресс. В Вене Ненадович находился в постоянном контакте с руководителями русской дипломатии Нессельроде и Булгаковым, сообщая им все известия из Сербии. Попытка Александра I поставить на конгрессе вопрос о признании за ним права защиты христианских подданных Турции (сербов и греков) встретила решительное сопротивление других держав — участниц конгресса.

Конец 1814 — начало 1815 г. ознаменовались в Белградском пашалыке новыми кровавыми репрессиями турецких властей. Казни следовали одна за другой. Были замучены или зверски убиты десятки князов, духовных лиц, торговцев. Погиб в неравном бою прославленный гайдук, бесстрашный воевода Станое Главаш. Террор особенно усилился к апрелю 1815 г. Чтобы защитить себя от гибели, народ, как и в 1804 г., взялся за оружие.

В первой половине апреля вспыхнуло восстание одновременно в Валевской и Рудницкой нахиях. 11 апреля в деревне Таково состоялась скуп-

ицина повстанцев. Милош Обренович, видя, что восстание приняло значительные размеры, согласился возглавить его. Из Австрии стали переходить с вооруженными отрядами находившиеся там воеводы (Павле Цукич, Петр Молер и др.). Вскоре после жестоких сражений повстанцы захватили Палеж, Чачак, а затем Пожаревац и другие города. 14 июля повстанцы под Дублем (на Дрине) разбили передовой отряд боснийского визиря Хуршид-паши, двинувшегося с войсками для подавления восстания. В это же время Милош написал Хуршиду письмо, объясняя восстание насилиями Сулеймана и уверяя визиря, что сербы только и желают того, чтобы Хуршид-паша установил мир в Сербии. Милош мягко обращался с пленными турками, особенно с начальниками, которых он с подарками отправил в Боснию.

Тем временем с востока наступало войско правителя Румелии Марашли-Али-паши. Кроме войск из Румелии и Боснии, против Сербии были двинуты войска из Македонии и Албании, из Константинополя была направлена артиллерия. Султанские фирманы обещали большие награды всем, кто примет участие в войне, в ответ на эти призывы толпы грабителей и разбойников спешили вступить в турецкие войска.

Но вскоре, учитывая обстановку, наступившую в Европе после наполеоновских «ста дней», турецкое правительство пошло на соглашение с восставшими сербами. К переговорам стремились и сербы, испытывавшие острую нужду в вооружении, боеприпасах и т. д. Повстанцы уполномочили находившегося в России Петра Добрияца просить у русского правительства помощи и заступничества.

Решающую роль в изменении позиции Турции по отношению ко Второму сербскому восстанию сыграла твердая позиция русского правительства. 18 сентября 1815 г. русский посланник Италинский вручил турецкому правительству ноту, в которой Россия требовала выполнения VIII статьи Бухарестского договора. Дипломатическое вмешательство России заставило турецкое правительство пойти на переговоры с сербскими повстанцами.

Во время переговоров Милоша с Хуршидом и Марашли-Али-пашой, а также в прошениях, направленных султану в августе и октябре 1815 г., сербы просили предоставления Сербии статуса на условиях мира, заключенного Петром Ичко в 1806 г. Они хотели, чтобы белградским пашой вместо ненавистного народу Сулеймана был назначен Марашли-Али-паша.

Турецкое правительство удовлетворило просьбу сербских повстанцев. С новым белградским пашой Марашли-Али Милош заключил устное соглашение, предусматривавшее, что сербы сами собирают все налоги; спахии получают свои доходы в точном соответствии с султанскими грамотами; Милош Обренович становится верховным князем (башкнезом) Сербии; наряду с муселимами в каждой нахии имеется сербский князь, который участвует в суде над сербами, в Белграде создается высший суд (Народная канцелярия).

В течение длительного времени этот устный договор оставался основой сербо-турецких отношений. В этом смысле значение его весьма велико в истории борьбы сербского народа за внутреннюю автономию. Тем не менее и Милош Обренович, и русская дипломатия прекрасно понимали всю шаткость положения Сербии, не закрепленного никаким государственным актом турецкого правительства. Поэтому на протяжении последующих 15 лет Сербия, при активной поддержке России, вела настойчивую борьбу за издание такого законодательного акта. VIII статья Бухарестского мирного договора 1812 г. позволяла сербам просить, а России требовать предоставления Сербии автономии.

В 1816 г. русским послом в Турции был назначен Г. А. Строганов, оказавший энергичную поддержку Сербии в борьбе за выполнение

Милош Обренович

Турцией Бухарестского мира. В 1820 г. после неоднократных русских нот турецкое правительство издало фирман, предоставлявший Сербии очень ограниченные автономные права. По совету Строганова, сербы отклонили этот фирман.

В 1821 г., когда из-за восстания в Греции и Валахии и действий гетеристов обострились русско-турецкие отношения, Россия предъявила Турции ультиматум, в котором снова потребовала выполнения условий Бухарестского мира. В связи с тем, что ответа не последовало в установленный ультиматумом срок, Строганов покинул Константинополь. Россия и Турция вновь оказались на грани войны.

Лишь 25 сентября 1826 г. была подписана Аккерманская конвенция, в числе других условий обязывавшая Турцию предоставить Сербии права, предусмотренные Бухарестским миром.

Однако только после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. турецкое правительство пошло на выполнение требований России. В Адрианопольском мирном договоре 1829 г. Порта согласилась предоставить Сербии автономию и возвратить шесть нахий, освобожденных во время Первого восстания, но не вошедших в состав Сербии после восстания 1815 г. Постановления Адрианопольского мира были повторены в султанском хатти-шерифе 1830 г., определившем автономию Сербии как вассального княжества во главе с Милошем Обреновичем в качестве наследственного князя. Туркам, за исключением крепостных гарнизонов, запрещалось проживать во внутренних областях Сербского княжества. Однако Порта затягивала

решение вопроса о границах Сербии и размерах дани. В 1833 г. в спорных нахиях вспыхнуло инспирированное Милошем восстание. Воспользовавшись слабостью Турции, Милош объявил о присоединении шести нахий к Сербии. В хатт-и-шерифе 1833 г. Порта признала права Сербии на шесть нахий и определила размер дани, уплачиваемой вассальным Сербским княжеством.

Так, напряженная, длившаяся почти три десятилетия борьба сербского народа против турецкого господства, благодаря дипломатической и военной помощи России, увенчалась в начале 30-х годов XIX в. значительным успехом.

После Второго восстания встала задача замены турецкого аппарата управления сербским. Период с 1815 по 1830 г. можно охарактеризовать как период двоевластия, во время которого власть сербских старейшин, а особенно Милоша, изо дня в день расширялась за счет сужения компетенции турецких органов власти. Уже в 1820 г. суд над сербами полностью перешел в компетенцию сербских кнезов и судов, а подсудными турецким судам остались одни турки. С 1821 г. Милош лишил спахиев права требовать от крестьян доставки десятины в города. Но первоначально сербский аппарат власти был весьма несложным. На должности нахийских и кнежинских (позднее срезских) кнезов Милош назначал своих родственников или приверженцев.

С первых дней своего правления в качестве башкнеза Сербии Милош стремился к тому, чтобы княжеское достоинство было закреплено за его потомством султанским фирманом. Для достижения этой цели он не жалел денег и не останавливался перед устранением возможных конкурентов.

Первой жертвой Милоша был председатель Народной канцелярии Петр Молер. Обвинив Молера в том, что он якобы растратил народные деньги, клеветал паше на Милоша, стремясь занять его место, и старался отдать Сербию под власть Австрии, Милош добился в середине мая 1816 г. казни Молера.

Такая же судьба постигла вскоре и владыку Мелентия Никшича, недовольного Милошем. Весной 1817 г. вспыхнуло восстание, во главе которого стояли бывшие воеводы Сима Маркович и Павле Цукич. Милош жестоко подавил восстание. Головы С. Марковича и П. Цукича были отправлены в Константинополь.

В июле 1817 г. в Сербию из России без ведома русских властей явился Карагеоргий, вступивший незадолго перед этим в Бессарабии в контакт с греческими гетеристами и убежденный в том, что настало время возглавить новое восстание против турок. По приказу Милоша в ночь на 24 июля Карагеоргий и его секретарь были убиты и их головы также отосланы султану. Стремясь сосредоточить в своих руках всю полноту власти, Милош предоставил весьма ограниченные права Народной канцелярии, вскоре превратив ее в свою личную канцелярию. В 1820 г. он учредил новую Народную канцелярию в Крагуеваце, позже превращенную в «Суд народный сербский».

Для утверждения бюджета на очередное полугодие, для принятия отдельных законодательных актов и по другим поводам Милош созывал скупщины, на них, по его указанию, прибывали либо одни чиновники, либо вместе с ними являлись еще и наиболее видные кметы, торговцы и духовные лица. В последнем случае скупщина называлась «общенародной» и служила для придания большего веса тому или иному акту Милоша.

С государственными чиновниками Милош обращался как со своими личными слугами — по своей прихоти награждал их или сурово наказывал. Крупные чиновники (окружные и срезские начальники, судьи, члены Канцелярии и др.) являлись полновластными хозяевами своего округа, среза и т. д., беззастенчиво обирали и грабили народ.

Сам Милош сосредоточил в своих руках самые доходные статьи сербской торговли. Он установил монополию на ввоз соли, составлявший 11200 т в год. В компании со своими приближенными князь контролировал торговлю свиньями и крупным рогатым скотом. За короткое время Милош стал самым богатым человеком Сербии.

Высокие оклады, взяточничество, расхищение государственных средств привели к тому, что в руках чиновников скапливались значительные суммы денег, которые они нередко давали в рост под непомерно высокие проценты. Наряду с купцами, откупщиками бюрократы-чиновники, довольно многочисленные для небольшой страны, представляли в Сербии той поры верхушку общества, получившую в народе выразительное прозвище «великашей».

Бюрократия формировалась главным образом из так называемых народных старейшин (кнезов, кметов и т. д.) и отчасти грамотных сербов, приехавших из австрийских земель.

В первые годы после Второго восстания в стране неоднократно происходили народные волнения. Особенно крупным было восстание крестьян под руководством Милое Дьяка, вспыхнувшее в январе 1825 г. в Смедеревской нахии. Причиной восстания было недовольство крестьян великашами. Посланное против восставших ополчение из других нахий отказалось применить оружие против восставших и присоединилось к ним. С большим трудом Милошу удалось подавить это восстание. М. Дьяк был схвачен и казнен. После этого, убедившись в ненадежности народного ополчения, Милош приступил к организации регулярной армии.

Основой экономической жизни Сербии и после Второго восстания оставалось сельское хозяйство. Вопрос о земле был важнейшим вопросом.

Второе сербское восстание 1815 г. не разрешило аграрного вопроса. В устном договоре Милоша Обреновича с Марашли-Али-пашой указывалось, что спахии по-прежнему остаются в Сербии, но должны взимать с крестьян повинности в строгом соответствии с имеющимися у них бератами. Желание сербов заменить повинности в пользу спахиев уплатой денежной суммы, которая входила бы в общую дань, было отвергнуто султанским правительством.

В ходе переговоров России с Турцией по сербскому вопросу в 1816—1826 гг. требование выкупа спахийских налогов и повинностей в форме установления единой дани, охватывающей все их виды, было внесено в предложение русского посланника в Константинополе барона Строганова, врученное султану в июле 1820 г. Но султанское правительство, согласившись на уплату сербами единой дани взамен многочисленных государственных налогов, вопрос о спахиях оставило в прежнем положении: спахии жили в стране и должны были получать свои доходы в соответствии с бератами.

Изменила положение Аккерманская конвенция, потребовавшая ликвидации спахийского землевладения путем передачи спахийских земель в руки сербов при условии выплаты спахиям их доходов в общей сумме дани. Эти положения были повторены в хатт-и-шерифах 1830 и 1833 гг., причем последним актом туркам, владельцам имуществ на частном праве, был дан пятилетний срок для продажи их сербам «по справедливой цене», после чего все турки, кроме входивших в гарнизоны крепостей, должны были выселиться из Сербии.

Еще в ходе Первого восстания многие турки начали продавать свои земельные владения, дома, сады и т. д. и покидать Сербию. Этот процесс усилился после Аккерманской конвенции, а особенно после Адрианопольского мира и хатт-и-шерифа 1830 г. Наряду с куплей-продажей земли весьма широко был распространен захват ее по праву сильного, в котором первенствовали князь Милош, народные старейшины всякого ранга,

купцы, священники и т. д. Милош отнимал у людей дома, мельницы, нивы, луга, расселял целые села с целью расширения своих земельных владений, огораживал леса для кормления своих свиней. Вслед за Милошем, имевшим земли почти во всех нахиях и ставшим крупнейшим землевладельцем в стране, чиновники стремились приобрести или захватить поля, луга, сады во многих селах своей нахии, среза и т. д.

Трудно установить общие размеры земельных владений отдельных великашей, но есть все основания полагать, что они были весьма значительными. Великаши — теперь крупные землевладельцы — получили название великопоседников.

Одним из остатков феодальных отношений в Сербии после Второго восстания был кулук, разделявшийся на три категории: общенародный (ремонт дорог, строительство мостов и общественных зданий), господарский (работа в имениях Милоша) и чиновничий (работа в имениях должностных лиц). Кулук в той или иной форме обязан был нести каждый мужчина-налогоплательщик, не получая за это ни денежного вознаграждения, ни питания. Формально чиновничий кулук был ограничен 1—4 днями в году. В каждой нахии было выделено по несколько сел, жители которых несли кулук в имениях Милоша. Этот господарский кулук был весьма обременительным. Пользуясь бесплатным трудом крестьян (кулуком), великаши быстро нажили себе значительные состояния. У части их появилось стремление к приобретению сословных прав и привилегий землевладельческой аристократии.

Переход земли от турецких помещиков к крестьянам в 30-х годах XIX в., в дальнейшем закрепленный Конституцией 1838 г., означал перелом во всей общественной и экономической жизни сербского народа.

Социально-экономическое развитие Сербского княжества в 30—50-е годы XIX в.

Перемены, происшедшие в общественно-экономической жизни страны, еще не означали полной победы буржуазных отношений в Сербии, оставшейся крайне отсталой аграрной страной. В Сербии на долгие десятилетия установилась переходная форма хозяйства, сочетавшая в себе черты феодальных и капиталистических отношений. Только в 1837 г., после многочисленных народных восстаний, был отменен чиновничий кулук. Но многочисленные остатки феодализма и в дальнейшем продолжали сохраняться.

В первой половине XIX в. в сельском хозяйстве Сербии ведущую роль играло скотоводство. Особенно развито было разведение свиней. Максимальных успехов развитие скотоводства достигает в 50-х годах XIX в. Как скотоводство, так и земледелие находились на крайне низком уровне, носили экстенсивный характер. Земля обрабатывалась при помощи примитивных орудий — сохи и деревянного плуга. Железные плуги в хозяйстве первой половины XIX в. были чрезвычайной редкостью. Их не производили в стране. Даже в 1866 г. на тысячу жителей приходились 41 тяжелый плуг и 30 малых плугов для пахоты в горных местностях. Удобрений не применяли.

В Сербии возделывались многочисленные сельскохозяйственные культуры, среди которых кукуруза неизменно занимала первое место. Разведению других культур, особенно технических, уделялось мало внимания. Наряду с земледелием было развито садоводство и особенно выращивание слив. «На сливах, винограде да на свиньях главным образом и держится все сельское хозяйство Сербии»,— писал в 1865 г. сербский демократ Живоин Жуевич.

В доме зажиточного крестьянина

Плодородные почвы, благоприятные климатические условия, богатые леса и луга, небольшая плотность населения (17,9 человек на 1 кв. км в 1834 г.) на первых порах благоприятствовали развитию экстенсивного скотоводства. Но наметившийся рост населения главным образом за счет иммиграции потребовал к концу 50-х годов XIX в. перехода от скотоводства к земледелию как главной отрасли хозяйства.

Сербия являлась страной мелкого и среднего крестьянского землевладения. Однако она не была и не могла стать «раем мелких собственников», как утверждают некоторые представители буржуазной историографии. Аграрный переворот в Сербии происходил в условиях интенсивного проникновения в сербскую деревню товарно-денежных отношений. Вырвавшийся из-под власти турецкого феодала крестьянин попадал под власть денег, оказывался в зависимости от крупных сербских землевладельцев, ростовщиков. Тяжелым для крестьян было и государственное обложение. Основной так называемый гражданский налог, введенный в 1835 г. взамен всех ранее существовавших, равнялся 5 талерам [1] в год и взимался с каждого трудоспособного серба. Равенство обложения было явно невыгодным для крестьян, которые, кроме того, несли на своих плечах уплату дани Порте в размере 2,3 млн. грошей в год, куда входила и компенсация за ликвидированные турецкие феодальные владения, представлявшая собой замаскированный выкуп за землю.

Развитие товарно-денежных отношений вызвало быстрый распад задруг. Попытки Милоша искусственно затормозить этот естественный процесс окончились неудачей. В 40-х годах правительство законодательным путем санкционировало распад задруг, предоставив право каждому члену задруги свободно распоряжаться своей долей задружного имущества.

Процесс имущественной дифференциации и расслоения сербского крестьянства вскоре достиг таких размеров, что князь Милош в 1836 г. вынужден был издать специальный закон, предусматривавший, что при продаже имущества крестьян за долги в руках должника оставались установленный минимум земли, два вола, корова, дом (закон об «окучье»).

[1] В Сербии не существовало собственной монеты. В обращении были турецкие, австрийские, венецианские и другие деньги.

Однако эти и другие аналогичные меры не приносили заметного облегчения крестьянам.

К концу 50-х годов значительная часть крестьянства оказалась в кабале у ростовщиков. Так, из рассмотренных в почти 42 тыс. дел в судах Сербии в 1858 г. более 31 тыс. касалось долгов. Ростовщики брали со своих должников огромные проценты, зачастую прибегая к обману и подлогам. В результате за 20 лет (с 1843 по 1863 г.) около 20% крестьянских семей лишились недвижимого имущества. Разорившиеся крестьяне превращались в арендаторов, наемных рабочих и слуг на землях великопоседников.

Тем не менее после хатт-и-шерифов 1830 и 1833 гг., несмотря на значительную экономическую и культурную отсталость, в Сербии наблюдалось относительно быстрое развитие производительных сил. Оно сопровождалось прежде всего ростом городов и городского населения.

С 1834 по 1861 г. население 35 городов и местечек Сербии возросло с 41347 жителей, что составляло около 6% от всего народонаселения, до 91 587 человек — около 9% населения. Еще значительнее был рост отдельных городов, в частности Белграда, население которого с 1834 по 1846 г. возросло почти в два раза. Увеличилась и общая численность населения — с 678 592 человек в 1834 г. до 1 087 179 человек в 1861 г.

В первой половине XIX в. ремесленное производство переживало подъем: возрастало число ремесленников, увеличивалось количество отраслей и видов ремесла, что было обусловлено большими переменами в сербском обществе и потребностями нового государства.

Если до освобождения сербский крестьянин обеспечивал все необходимые потребности своего примитивного хозяйства домашним ремеслом, то к середине столетия усилилось выделение сельских ремесленников, для которых ремесло становится основным занятием. Их деятельность не была стеснена рамками цеховой организации, существовавшей в городах. Это привлекало в деревню и разорившихся городских ремесленников, основывавших в селах свои мастерские. К середине XIX в. в сербских селах насчитывалось 122 ремесленные мастерские. В то же время беднейшая часть крестьянства поставляла основную массу учеников и подмастерьев для городского ремесла. Сербский город становился центром новых видов ремесел, отсутствовавших ранее в Сербии, таких как типографское, оружейное и пр. Если в 1836 г. в стране насчитывалось 58 ремесленных специальностей с 5212 ремесленниками и свыше 1500 подмастерьев и учеников, то в 1866 г. число ремесел возросло до 75 и в них было занято уже 33 800 человек. Рост ремесленного производства особенно ясно стал заметен в крупных центрах, таких как Белград, на долю которого приходилось 30% всех ремесленников страны и более 1/3 всей продукции ремесленного производства.

К середине XIX в. в Сербии создались условия для возникновения первых капиталистических предприятий мануфактурного типа. Однако этот процесс тормозился экономической зависимостью Сербии от Австрии и цеховой организацией ремесла. Цехи, существовавшие при турках в городах Сербии, с их регламентацией и другими ограничениями для развития ремесленного производства, не могли сохраниться в неприкосновенном виде. Общественные и экономические перемены в стране требовали реорганизации ремесленного производства.

Правительство вынуждено было принять ряд законов, важнейшими из них являются Гражданский законник 1844 г. и Закон о цехах (Еснафска уредба) от 14 августа 1847 г. Законник впервые создавал для предпринимателей правовую основу для свободной, ничем не ограниченной капиталистической эксплуатации. Утверждая неприкосновенность частной собственности и неограниченную свободу капиталистической эксплуата-

Откорм свиней в лесу

ции, Гражданский законник создавал правовые основы для превращения простого товарного производства в капиталистическое. Он провозглашал полную свободу договоров в производстве, торговле и других сферах предпринимательской деятельности.

Закон о цехах был принят по настоянию городских ремесленников, положение которых постоянно ухудшалось вследствие конкуренции промышленных товаров, ввозившихся из Австрии, наплыва ремесленников из сел и соседних австрийских земель. Однако он далеко не удовлетворил всех требований ремесленников. Они не получили неограниченных монопольных прав, которыми некогда пользовались средневековые цехи. Закон защищал местных мастеров от конкуренции иностранных ремесленников, ограничивал ввоз иностранных товаров, но одновременно разрешал свободную предпринимательскую деятельность, особенно в торговле. Объединенным в цехи торговцам разрешалось продавать готовую ремесленную продукцию, которая не производилась в Сербии, или производилась в недостаточных количествах и плохого качества. Зато в отношениях между подмастерьями и учениками, с одной сороны, и мастерами, с другой — закон целиком и полностью был на стороне последних.

Положение подмастерьев и учеников было исключительно тяжелым. Закон о цехах вводил строгие испытания на звание подмастерья и мастера, вводил многочисленные таксы и штрафы. Ученик обязан был выполнять не только свои прямые обязанности, но «беспрекословно и прилежно» все другие распоряжения и прихоти мастера; подмастерье подвергался штрафу за непосещение церкви и т. д.

Непоследовательный и половинчатый, закон о цехах вскоре оказался в противоречии с потребностями расширения внутреннего рынка и дальнейшим развитием товарно-денежных отношений. Поэтому уже в 1849 г., а затем в 1853 г. он был дополнен рядом постановлений и в таком виде просуществовал до 1910 г.

Политика Милоша Обреновича в области внутренней и внешней торговли с ее привилегиями и монопольными правами для узкого круга

богатых торговцев, компаньонов сербского князя [1], вызвала решительный протест со стороны массы торговцев. Острая и жестокая борьба в среде сербского господствующего класса в 20—30-х годах XIX в. привела к краху экономической и политической власти Милоша и установлению режима так называемых уставобранителей.

Уставобранители в области экономических отношений провели ряд реформ, расчищавших путь для превращения простого товарного производства в капиталистическое. Конституция 1838 г. провозглашала принцип свободы торговли, вследствие чего в 40—50-е годы XIX в. в первую очередь начала развиваться внешняя торговля. В 1843—1855 гг. экспорт Сербии более чем удвоился. Больше половины вывоза по-прежнему составляли свиньи, экспортировавшиеся в Австрию.

В области внутренней торговли также наблюдалось оживление, хотя и не такое значительное. Указом 1839 г. в каждом из 17 округов учреждались ярмарки. К началу 60-х годов число ярмарок увеличилось почти вдвое. С оживлением внутренней торговли в городах стали функционировать постоянные рынки. Так, в 50-х годах в Белграде их было уже три.

Развитие внутренней торговли обострило противоречия между городской и сельской торговой буржуазией. В интересах городских торговцев правительство уставобранителей указом 1839 г. разрешило открывать в селах только по одной лавке с высокой арендной платой в 50 талеров. Но эта мера не достигла цели, так как сельские торговцы открывали корчмы, в которых продавали различные товары. К концу 50-х годов число торговых заведений более чем в 10 раз превышало число сельских лавок.

Развитие торговли в первой половине XIX в. привело к образованию значительного слоя средней и мелкой торговой буржуазии в городе и деревне, отдельные представители которой начали вкладывать свои капиталы в ремесленное производство. Возникшие противоречия между крестьянством и земледельческо-ростовщической буржуазией, с одной стороны, и между представителями крупного торгово-ростовщического капитала и средней и мелкой буржуазией, с другой— привели к глубокому кризису режима уставобранителей.

Политическое развитие Сербии (1833—1858 гг.)

Автономное Сербское княжество нуждалось в новой организации управления, проведении более либеральной хозяйственной политики, установлении буржуазной законности в стране.

Самодержавная политика сербского князя, отсутствие правовой защиты личности и имущества вызвали резкое недовольство, с одной стороны, крестьянских масс, а с другой — великашей.

Оппозицию Милошу организовали богатые торговцы и высокопоставленная чиновничья бюрократия. Они добивались ограничения власти князя, введения конституции (по-сербски — устав), за что и получили название уставобранителей-поборников конституции. Наиболее активными вождями уставобранителей были великаши Тома Вучич-Перишич, Аврам Петронневич, братья Алекса и Стоян Симичи и Милутин Гарашанин, движимое и недвижимое имущество каждого из которых оценивалось огромной по тому времени суммой — от 3 до 14 тыс. дукатов. В борьбе против Милоша вожди уставобранителей объединили вокруг себя многих крупных торговцев, «народных старейшин» и влиятельных чиновников. Экономическая слабость малочисленной крупной сербской торговоростов-

[1] Чистые доходы Милоша от торговли и собственных имений достигали 3,5 млн. грошей в год. К моменту отречения от престола (1839 г.) в личной кассе Милоша насчитывалось свыше 13 млн. грошей.

Дворец князя Милоша в Топчидерском парке (построен в 1834 г.)

щической буржуазии заставляла ее блокироваться с чиновничьей бюрократией, чтобы совместно использовать государственный аппарат в целях эксплуатации трудящихся. Но только Тома Вучич благодаря ловкой демагогии пользовался популярностью в народе.

Выражая интересы буржуазно-бюрократических кругов, уставобранители требовали свободы торговли, правовой гарантии личности и имущества, расширения прав чиновников. Вся экономическая и политическая программа уставобранителей покоилась на принципах буржуазной законности. Задачу создания буржуазного государства уставобранители решали реакционными методами, без народа и против народа.

К середине 30-х годов борьба внутри господствующего класса между Милошем и великашами обострилась. В январе 1835 г. они организовали против князя заговор, во главе которого стоял ягодинский великаш Милета Радойкович. Но до открытого столкновения дело не дошло.

Узнав о заговоре, Милош поспешил удовлетворить требования великашей. В феврале 1835 г. была созвана народная скупщина, принявшая конституцию, разработанную Дмитрием Давидовичем, австрийским сербом, секретарем Милоша. Составленная по образцам буржуазных конституций Западной Европы и в первую очередь — французской, конституция 1835 г. закрепляла основные экономические и политические завоевания, добытые в национально-освободительной борьбе. Она провозглашала равенство граждан перед законом, неприкосновенность имущества, гарантировала несменяемость чиновников и право на пенсию. Конституцией учреждался совет, деливший с князем законодательную и исполнительную власть; народная скупщина, как постоянно действующий институт, состояла из 100 человек и созывалась ежегодно. Великаши — противники Милоша, получили высокие посты в государственном управлении.

Конституция сильно ограничивала власть князя, чем вызвала его недовольство. Воспользовавшись тем, что Турция, Австрия и Россия выступили против конституции, найдя ее слишком «республиканской»

и «революционной», Милош Обренович отменил ее через месяц после обнародования.

Таким образом, первая попытка ограничить самодержавную власть князя потерпела неудачу. Но вопрос о конституции, призванной урегулировать внутреннюю жизнь страны, тем не менее требовал своего неотложного решения. Это понимала Россия, являвшаяся державой-покровительницей Сербии. Самодержавно-крепостническая Россия вынуждена была считаться с тем, что в силу отсутствия в Сербии сословного строя и невозможности поэтому опереться на дворянство, она не сможет сохранить свое влияние в Сербии без законодательного закрепления сложившегося в стране положения.

После согласования с Россией 10 декабря 1838 г. султаном была утверждена конституция Сербии, так называемая турецкая конституция. При всей ограниченности и консервативности эта конституция до известной степени упорядочивала государственно-правовые отношения в стране, являясь шагом вперед по сравнению с самодержавным режимом Милоша, и способствовала на первых порах буржуазному развитию страны. Она закрепляла важнейшие социально-экономические и политические завоевания сербского народа, приобретенные им в многолетней освободительной борьбе против турецких угнетателей: отмену кулука, ликвидацию спахийского землевладения, запрет восстанавливать феодальные отношения, свободу торговли и др. Важное место в конституции отводилось постановлениям о привилегиях чиновников (отмена телесных наказаний, освобождение чиновничьего жалования от налогового обложения, предоставление пенсий) и об организации суда.

Особенностью конституции 1838 г. было полное игнорирование скупщины — института, ставшего в ходе национальной борьбы важным органом государства. Кроме наследственного князя и центрального правительства, состоящего из трех министерств — внутренних дел, финансов и правосудия — в качестве важнейшего органа власти создавался совет, состоявший из 17 членов, сменить которых князь не мог без согласия Порты (статья 17). Обладая очень широкими полномочиями, совет, составленный из видных великашей, превратился вскоре в реакционный олигархический орган. В то же время турецкая конституция способствовала усилению зависимости Сербии от Порты: без согласия султана она не могла быть изменена или дополнена.

Не желая примириться с потерей законодательной власти, Милош повел упорную борьбу за отмену конституции. При помощи инспирированного восстания в армии он пытался освободиться от своих противников. Но сербский князь оказался одиноким в борьбе против совета, в котором прочно обосновались уставобранители. Видя бесплодность дальнейшей борьбы, Милош Обренович 1 апреля 1839 г. отрекся от престола в пользу своего сына и покинул Сербию. До утверждения Портой сербским князем сына Милоша — Михаила страной правили регенты. Власть фактически перешла в руки уставобранителей. Законом от 27 апреля 1839 г. права совета были еще более расширены в ущерб княжеской власти.

Таким образом, попытка Милоша установить в стране «самодержавную систему с неотделимыми от нее коррупцией, полувоенной бюрократией и вымогательствами, наподобие тех, которые практикуются турецкими пашами»[1], потерпела неудачу.

Во внешней политике Сербии 30-х годов XIX в. также сильно сказывалась борьба между Милошем и великашами. Последние искали поддержки у Турции и России. Милош рассчитывал опереться на Англию.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 35.

Если до 30-х годов сербский князь целиком и полностью опирался на помощь и поддержку России, то после завоевания автономии он попытался действовать более самостоятельно. Поиски Милошем новых союзников в борьбе с великашами привлекли к Сербии внимание великих европейских держав, особенно Англии, опасавшейся усиления России после подписания Ункиар-Искелесского договора с Турцией в 1833 г.

Тома Вучич Перишич

Вслед за Австрией, открывшей свое консульство в Белграде в 1836 г., в мае 1837 г. в сербской столице обосновался английский консул—полковник Ходжес, ставший ближайшим советником сербского князя. По его совету Милош издал указ об отмене кулука, свободе торговли, защите частной собственности и неприкосновенности личности. В свою очередь, Россия учредила в 1837 г. свое консульство в Оршаве с задачей бдительно следить за событиями в Сербском княжестве. Сообщения русского консула об интригах Ходжеса побудило Россию послать в Сербию в конце 1837 г. специального эмиссара князя Долгорукова, адъютанта Николая I. В 1838 г. русское консульство было переведено в Белград. Через год открыла свое консульство в Белграде и Франция.

Дипломатическая борьба между Россией и Англией вокруг сербской конституции завершилась победой России. Конституция 1838 г. была утверждена вопреки происках и сопротивлению английской дипломатии.

Став князем, Михаил Обренович (1839—1842) попытался продолжать политику своего отца. Он увеличил подушный налог (порез) с 5 до 6 талеров. Возникшее на этой почве серьезное недовольство народа было вскоре использовано уставобранителями. В августе 1842 г., опираясь на поддержку Турции и Австрии, они организовали против Михаила восстание, во главе которого стоял ловкий демагог—Тома Вучич. Восстание Вучича, поддержанное крестьянством, завершилось полной победой уставобранителей. Князь бежал в Австрию.

После свержения Михаила Обреновича Вучич стал хозяином положения в Сербии. Чтобы закрепить свою победу, уставобранители решили посадить на сербский престол нового князя. 1 сентября 1842 г. была созвана скупщина, избравшая сербским князем бездарного и слабовольного Александра Карагеоргиевича (1842—1858) сына Карагеоргия. 26 октября 1842 г. избрание нового князя было подтверждено султанским фирманом. В тот же день был обнародован княжеский указ о назначении видных уставобранителей министрами и советниками. Петрониевич занял пост премьер-министра и министра иностранных дел, Вучич стал во главе министерства внутренних дел.

В первые два года своего правления уставобранителям пришлось преодолеть большие внутренние и внешнеполитические трудности. Россия усмотрела в перевороте 1842 г. противозаконный акт и настаивала

на новых выборах князя. Однако народная скупщина 15 июня 1843 г. подтвердила избрание Александра Карагеоргиевича. Зато влияние России, вследствие вмешательства во внутренние сербские дела, заметно пошатнулось. Уставобранители стали искать поддержку среди противников России и нашли ее в Турции и Франции. Несмотря на то, что уставобранители жестоко расправились со сторонниками династии Обреновичей, опасность действий последних как внутри страны, так и во вне от этого не уменьшилась. В сентябре 1844 г. они подняли восстание («Катанска буна»), которое с невероятной жестокостью было подавлено Вучичем.

Уставобранители стремились всемерно укреплять полицейско-бюрократический режим, в котором они видели свою опору. За время их правления бюрократический государственный аппарат сильно разбух: с 1838 по 1842 г. число чиновников увеличилось вдвое с 568 до 1151, из которых 286 было полицейских. Народная скупщина была созвана лишь один раз вопреки воле уставобранителей — в 1848 г. и имела только совещательный характер. Гражданские свободы не соблюдались. Вся полнота власти принадлежала олигархическому совету, установившему режим полицейского террора. В 1845 г., вскоре после подавления «Катанской буны», было создано постоянное войско в количестве 2529 человек, выполнявшее полицейские функции. Оно подчинялось министерству внутренних дел.

Материальное положение широких народных масс, несших на своих плечах всю тяжесть по содержанию полицейско-бюрократического государственного аппарата в центре и на местах, ухудшалось. Кредиты из общественных касс, учрежденных еще Милошем для борьбы с ростовщичеством, оседали в карманах торговцев и чиновников, которые использовали их для личного обогащения. Небывалый размах ростовщичества и катастрофический рост задолженности крестьян создали в стране крайне напряженную экономическую и политическую обстановку. Крах внутренней политики, а с ней и всего режима уставобранителей стал неизбежным.

Осуществив ряд прогрессивных мер в экономической области, уставобранители создали реакционно-бюрократический режим в стране. В своей внутренней политике они не были последовательными. В силу различий социального характера в их среде шла непрерывная внутренняя борьба за высшие чиновничьи посты. Они объединялись лишь перед лицом опасности, угрожавшей их господству.

В области внешней политики уставобранители были более едины. На первых порах, до 1842 г. их поддерживала Россия. Однако изменение отношения России к уставобранителям после переворота вызвало с их стороны стремление заручиться более действенной поддержкой Турции. Только Вучич и его сторонники из-за разногласий с другими уставобранительскими вождями искали поддержки в России. В целом же за время своего правления уставобранители проводили антирусскую политику.

В борьбе с уставобранителями за власть Александр Карагеоргиевич стремился опереться на Австрию. Начиная с 1846 г., внешняя политика сербского князя постепенно стала приобретать ярко выраженный проавстрийский характер, особенно проявившийся в последние годы его правления. Сближение Александра Карагеоргиевича с Австрией содействовало росту недоверия к нему в народе. Это объясняется тем, что в своей политике в Сербии Австрия опиралась на своих приверженцев в придворной камарилье, являвшихся выходцами из Австрии, которые никогда не пользовались влиянием в широких народных массах, тогда как Россия строила свою политику в расчете на никогда не угасавшие симпатии сербского народа к русскому.

Внешнеполитическая программа Сербии была разработана одним из наиболее дальновидных представителей уставобранительского ре-

жима — Илией Гарашанином (1812—1879). Занимая пост помощника министра, а затем министра внутренних дел, Гарашанин вошел в контакт с агентами Адама Чарторыского на Балканах — Михаилом Чайковским и Франьо Захом. Их влияние побудило его в конце 1844 г. составить свой план внешней политики Сербии, ставший известным под именем «Начертание». Оно явилось первой программой внешней политики на Балканах, направленной на объединение южнославянских народов и отражавшей интересы крупной сербской торгово-ростовщической буржуазии. Программа была консервативно-буржуазной и великосербской. «Начертание» предусматривало создание на развалинах Османской империи великого, сильного и независимого южнославянского государства, в котором Сербия и сербская династия призваны были играть руководящую роль. Дальновидность Гарашанина проявилась в том, что он понял историческую задачу югославянских народов, стремившихся к освобождению и объединению. Однако в методах ее решения он оставался закоренелым консерватором. Его план был рассчитан на присоединение южнославянских народов к Сербии путем постепенного расширения территории Сербского княжества при помощи дипломатии и войн. При этом он стремился опереться не на поддержку народа, а на помощь извне главным образом Франции.

Илия Гарашанин

Руководя внутренней политикой Сербии, Гарашанин сразу приступил к практическим шагам по реализации «Начертания». В 1845—1846 гг. его усилиями была создана широко разветвленная сеть агентов-осведомителей во всех югославянских областях Турецкой империи. Он установил тесную связь с черногорским владыкой Петром II Петровичем Негошем. Сербское правительство оказывало владыке денежную помощь в размере 1 тыс. дукатов в год. Особую активность развил Гарашанин в период бурных революционных событий в Европе и славянских землях Австрии в 1848—1849 гг.

Европейские революции 1848—1849 гг. оказали большое влияние на Сербию. Хотя в стране еще не созрели условия для свержения реакционного режима уставобранителей, тем не менее идеи национального освобождения и объединения, понимание необходимости введения политических свобод и ликвидации ограничений в области экономики глубоко проникли в сознание формирующейся сербской либеральной интеллигенции, получившей образование в западных университетах. Деятельность основанного ею в 1842 г. литературного общества «Дружины сербской молодежи» приобрела в этих условиях политический характер. В журнале

«Дружины» была опубликована статья «Обзор государства», в которой пропагандировались либеральные идеи. Выступления представителей «Дружины» с требованием политических свобод были поддержаны крестьянством. Недовольство широких народных масс и либерально-буржуазной интеллигенции ярко проявилось на Петровской скупщине, которую вынуждено было созвать уставобранительское правительство в июле 1848 г. в Крагуеваце. На скупщине раздавались голоса, требовавшие свободы печати, регулярных созывов скупщины, пресечения злоупотреблений и насилий чиновников, изменения внутренней и внешней политики правительства. Под нажимом торговой буржуазии, не связанной с уставобранителями, и зажиточного крестьянства правительство вынуждено было издать закон, запрещавший чиновникам заниматься торговлей.

Создавшуюся обстановку И. Гарашанин считал благоприятной для реализации идей «Начертания». В самом начале февральской революции во Франции в Белграде был создан комитет по руководству борьбой за освобождение и объединение югославян, находившихся под властью Турции и Австрии. Гарашанин установил контакты с наиболее влиятельными людьми в югославянских областях. Его помощники и доверенные лица — Йован Маринович, Тома Ковачевич, Янко Шафарик, Матия Бан—посещали Воеводину, Хорватию, Далмацию, Герцеговину, Боснию, Черногорию и другие области. Особое внимание сербское правительство уделяло движению в Воеводине.

События 1848—1849 гг. показали, что задачу объединения югославянских народов невозможно решить консервативными, бюрократическими методами, применяемыми Гарашаниным. В итоге получилось, что, опираясь на консервативные и реакционные силы в Воеводине и Хорватии Гарашанин, вопреки своей воле, способствовал сохранению империи Габсбургов, хотя и считал ее главным врагом сербского народа.

После поражения революционного движения волна реакции, прокатившаяся по всей Европе, захватила и Сербию. Свобода печати была ликвидирована, прогрессивные организации — вроде «Дружины сербской молодежи» — распущены. В стране был установлен еще более суровый полицейский режим. В ответ на выступления против полицейских и чиновников, принимавших форму разгрома полицейских участков и домов чиновников, Гарашанин в апреле 1852 г. издал циркуляр, предусматривавший драконовские меры против «смутьянов». Это дало повод России, опасавшейся сближения Сербии с Францией, инициатором и вдохновителем которого был Гарашанин, незадолго перед этим назначенный главою правительства, добиться у князя его отставки (4 марта 1852 г.).

Крымская война 1853—1856 гг. осложнила положение Сербии. Ее международный статус основывался на договорах между Россией и Турцией. Австрийские и турецкие войска, сконцентрированные на границах княжества, грозили оккупацией страны. Нейтралитет Сербии в войне, провозглашенный правительством, в любой момент мог быть нарушен. По настоянию Англии и Франции в конце 1853 г. специальным султанским фирманом Турция подтвердила автономные права и привилегии Сербии.

Парижский мирный договор 1856 г. существенно изменил международно-правовое положение Сербии. Сербское княжество оставалось и впредь в вассальной зависимости от Турции, но русский протекторат был заменен гарантией европейских держав, подписавших Парижский мирный договор — Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии, России, Сардинии и Османской империи. Провозглашение свободы плавания по Дунаю имело большое значение для Сербии, лишенной выхода к морю. Статья 29 Парижского трактата запрещала иностранным войскам проходить через Сербию без предварительного согласия держав.

Здание скупщины в Белграде в XIX в.

Однако гарантия великих держав имела формальный характер. Сербия все больше подпадала под влияние Австрии, никогда не оставлявшей своих агрессивных намерений в отношении славянских народов Балканского полуострова.

Еще не кончилась Крымская война, а борьба между князем и великашами разгорелась с новой силой. В 1855 г. члены совета стали вынашивать планы свержения с престола Александра Карагеоргиевича. С этой целью Илия Гарашанин осенью 1855 г. посетил Париж, стараясь заинтересовать Францию вопросом о сербском престоле. Он предложил французскому правительству два варианта: либо избрать на сербский престол иностранного принца, либо подыскать нового кандидата среди самих сербов. Однако Франция опасалась новых осложнений на Балканах до окончания русско-турецкой войны. Предложение Гарашанина осталось без последствий. Тогда среди членов совета возник план устранения князя при помощи заговора. Во главе заговорщиков стоял председатель совета Стефан Стефанович. О заговоре знал Милош Обренович. Он щедро субсидировал задуманный переворот. Но в конце сентября 1857 г. заговор был раскрыт.

Скомпрометированные участники заговора были изгнаны из совета и заменены ставленниками князя. Изгнанные расценили действия князя как государственный переворот и обратились за помощью к Порте. В марте 1858 г. в Сербию был направлен специальный эмиссар Порты — Этем-паша, который настоял на примирении совета с князем. Заговорщики были амнистированы. В совете снова водворились противники князя. Вучич был назначен председателем совета, а Гарашанин — министром внутренних дел. Чтобы закрепить свою победу, с согласия турецкого эмиссара 3 мая 1858 г. оппозиция провела новый закон об устройстве совета, по которому еще больше расширялись его права. В руках совета была теперь сосредоточена вся законодательная и административная власть. Но великаши не удовлетворились этим. Заняв высокие посты в государственном

управлении, они развернули активную агитацию за свержение князя. Для этого было решено использовать не собиравшуюся уже десять лет народную скупщину.

Страна переживала в это время финансовый и торговый кризис, являвшийся следствием европейского. Расходы государства возросли на 69,3%. Князь растратил оставшийся после Милоша неприкосновенный фонд в 800 тыс. дукатов. Разоренные финансовым кризисом белградские торговцы обратились к правительству с просьбой о займе в 50 тыс. дукатов, но им было отказано. Князь и его правительство ничего не предпринимали для помощи обнищавшим и разорявшимся крестьянским массам.

В борьбе за экономические и политические свободы, национальное освобождение и независимость лозунг созыва скупщины также выдвигали либералы. Их лидеры объезжали города и села Сербии, ведя агитацию в народе за созыв скупщины.

Ядро сербских либералов составляла немногочисленная группа интеллигенции, так называемых парижцев, получивших образование за границей. Во главе их стоял «Либеральный клуб», в который входили — преподаватель лицея Милован Янкович, секретарь совета Еврем Грпич, преподаватель гимназии Йован Илич, офицер Рапко Алимпич. Либералы отражали интересы среднего слоя торговой буржуазии города и деревни.

К лету 1858 г. требование созыва скупщины стало всеобщим. В сербской столице появилась листовка с призывом созвать народную скупщину 16 июля. «Никто и ничто не может помешать любому сербу без различия придти на святое и спасительное собрание... Священный долг каждого серба — вонзить нож в сердце тирана, который посмеет помешать этому», — говорилось в ней.

Князь вынужден был согласиться на созыв скупщины. Господствующие классы видели в ней отдушину для накопившегося недовольства в народе. Но они стремились к тому, чтобы скупщина не вышла за обычные рамки, носила строго совещательный характер и была наделена весьма ограниченными правами. В этом смысле и был составлен закон о созыве скупщины, обнародованный 11 октября 1858 г.

Вынужденное ослабление полицейского режима в стране содействовало активизации всех общественно-политических течений и династических группировок. Пришли в движение все классы общества. Первым поражением правительства был закон о созыве скупщины, вторым — сами выборы в нее. Последние показали огромное недовольство в народе существующим режимом. Несмотря на старания реакции, большинство избранных депутатов оказалось сторонниками либералов и Обреновичей.

Скупщина открылась 30 ноября 1858 г. в день св. Андрея Первозванного и получила название Свято-Андреевской. Ее деятельность отразила глубокие противоречия в общественной жизни Сербии. Велпкашская группировка во главе с Гарашанином, Вучичем и Анастасиевичем, сплотившаяся перед лицом опасности, и придворная камарилья, во главе с князем, составляли единый реакционный лагерь, выражавший интересы великопоседников, крупной торгово-ростовщической буржуазии, высшего духовенства и чиновничества.

Реакционному лагерю противостояли либералы, выражавшие интересы средней буржуазии. Династические интересы не играли для них большой роли. Либералы выступали за конституционную монархию, их поддерживало крестьянство, и вначале они добились значительных успехов. 5 декабря 1858 г., по предложению Грунча, был принят проект закона о народной скупщине. Скупщина превращалась в постоянно действующий орган, обладавший всей полнотой законодательной власти, ликвидировался олигархический совет, декларировалась свобода печати. Затем был

низвергнут с престола Александр Карагеоргиевич и вновь избран Милош Обренович.

Руководители реакционного лагеря хотели разогнать «революционную» скупщину при помощи армии. Но на ее защиту поднялись народные массы. Вооруженные жители Белграда и окрестных сел окружили здание, где происходило заседание. Выступления народных масс напугали либералов. Либеральная буржуазия пошла на серьезные уступки реакции, вступила в блок с обреновичевцами, урезав свои первоначальные требования. Дважды, сначала 8 декабря 1858 г., затем 14 января 1860 г. был пересмотрен закон о скупщине. По последнему закону скупщина превращалась в совещательный орган и собиралась один раз в три года.

Значение Свято-Андреевской скупщины состояло в том, что она уничтожила олигархический режим уставобранителей. Однако, ликвидировав политическое господство уставобранителей, заменив династию Карагеоргиевичей династией Обреновичей, она не затронула социальной базы их режима, не изменила положения трудящихся. Поэтому победа блока либералов и обреновичевцев оказалась непрочной. С возвращением на сербский престол сначала Милоша, а после его смерти в 1860 г.— Михаила, значение и без того урезанных буржуазных реформ было сведено на нет.

Несмотря на все социально-экономические и политические причины, тормозившие прогрессивное развитие страны, к середине XIX в. Сербия сделала важный шаг вперед в своем общественном развитии.

К середине XIX в.,— как указывал Фридрих Энгельс,— в Сербии уже имелось «...сильное и сравнительно просвещенное национальное ядро. У сербов есть своя собственная история и своя собственная литература. Своей теперешней внутренней самостоятельностью они обязаны одиннадцатилетней отважной борьбе с противником, значительно превосходящим их численностью. За последние двадцать лет они добились быстрого роста культуры и средств цивилизации» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 34.

ГЛАВА 23

ЧЕРНОГОРИЯ

Социально-экономическое развитие Черногории в первой половине XIX в.

Успешное завершение в 1796 г. освободительной борьбы черногорцев, которую они вели против Скадарского визиря Махмуда-паши Бушатли совместно с брдскими племенами, имела решающее значение для всей дальнейшей истории Черногории. Хотя Турция по-прежнему отказывалась признавать суверенитет Черногории, последняя становится фактически независимым государством. После победы при Крусах произошло присоединение к Черногории соседних брдских племен: пиперов и белопавличей. Тем самым было положено начало объединению Брды с Черногорией. Успешная борьба черногорцев получила отклик в Европе и имела большое значение для укрепления международного положения Черногории. После того, как в 1797 г. к Габсбургам перешли венецианские владения на восточном побережье Адриатики, Черногория стала непосредственно граничить с Австрией. Торговые связи с австрийскими землями (в особенности с Бокой Которской) имели большое значение для экономической жизни Черногории. Однако то обстоятельство, что она по-прежнему оставалась отрезанной от Адриатического моря, продолжало оказывать неблагоприятное воздействие на экономику страны.

В конце XVIII в. Черногория была одной из наиболее отсталых стран Балканского полуострова. Непрерывная борьба с Османской империей истощала и без того скудные материальные ресурсы страны. Черногорцы были зажаты в горах на небольшом клочке земли между Османской империей и владениями Австрии. Территория Черногории в начале XIX в. составляла всего лишь около 1200 кв. км с населением 60 тыс. человек, проживавших в 116 селах. Села располагались в долинах рек или по склонам гор. Обычно они представляли собой группу небольших домов, сооруженных из неотесанных камней и крытых соломой. Жилища племенных и общинных старейшин были бо́льшими по размеру и специально приспособленными на случай военных нападений. В Черногории не было городов вплоть до 1878 г. Ее столица — Цетинье, являвшаяся административно-церковным центром, представляла собой небольшое поселение и в 30-х годах XIX в. состояла из монастыря и нескольких десятков окружавших его небольших домиков.

Социально-экономическое развитие Черногории происходило крайне медленно. Скотоводство оставалось основным занятием населения и про-

Цетинский монастырь

должало носить полукочевой характер. Разводился преимущественно мелкий рогатый скот — овцы и козы. Обработанные земли состояли из небольших полосок, разбросанных по берегам рек и на склонах гор. Если среди каменистой почвы встречалась небольшая площадка плодородной земли, хотя бы в несколько аршин, то и она возделывалась. Чтобы расширить посевную площадь, крестьяне искусственно создавали на каменистой поверхности небольшие участки, пригодные для земледелия. Почва обрабатывалась примитивно: киркой или ралом. Выращивались главным образом кукуруза и картофель, а также рожь, ячмень, овес и пшеница. Даже в урожайные годы Черногории не хватало своего хлеба, и зерно ввозилось из-за границы. Земледелие было наиболее развито в Црмницкой, Риекской нахиях и в Белопавличах. Црмница славилась также виноделием, а население Риекской нахии, проживавшее близ Скадарского озера, получало значительные доходы от рыболовства.

Вследствие крайней скудости пригодной для обработки земли в Черногории не было условий для создания крупного землевладения. Однако даже в этих условиях земельные владения церкви и племенных старейшин намного превосходили по размерам крестьянские.

Наиболее крупным земельным собственником являлась Цетинская митрополия. В распоряжении митрополита, как главы государства, сосредоточилось большое количество пахотных земель, лугов, лесных участков и виноградников. Помимо земель, Цетинский монастырь располагал крупными стадами скота, имел несколько мельниц и извлекал доходы с принадлежавших ему запруд в устье реки Црноевича. Доходы митрополии в начале XIX в. достигали 40—50 тыс. рублей. Остальные монастыри обладали относительно небольшими земельными владениями, постепенно возраставшими в результате вкладов и дарений. Кроме того, расширение монастырского землевладения происходило за счет покупки земель у сельского населения. Земли переходили к монастырям также в результате

заклада крестьянами в обеспечение уплаты их долга. Монастыри имели право собирать урожай с заложенного участка.

Значительное количество земли и скота было сосредоточено в руках племенных и общинных старейшин. Так, в Цуцах (Катунская нахия) племенным старейшинам принадлежала пятая часть всей обрабатываемой земли, в то время как крестьяне имели крохотные участки земли и жили крайне бедно. В Белице (Катунская нахия), где в руках всего населения находилось не более 80 рал земли (около 15 га), а 20 семей вообще не имели ее и жили за счет скотоводства, влиятельная семья Милича владела 30 ралами (5,5 га). В Цеклине (Риекская нахия) племенные старейшины разбогатели на торговле с Будвой и Котором.

Помимо торговли, старейшины наживались за счет ростовщичества. Предоставляя в кредит деньги или хлеб, старейшины зачастую брали у крестьян в залог землю и, когда те оказывались не в состоянии вернуть долг, земля переходила в собственность ростовщиков. Они расширяли свои земельные владения также путем скупки земель разорявшихся крестьян. Таким путем в первой половине XIX в. происходило дальнейшее экономическое усиление племенных и общинных старейшин.

В начале XIX в. в Черногории все еще продолжали существовать патриархальные пережитки, выражавшиеся в сохранении больших семей (задруг), кровно-родственных связей в братствах и кровной мести. Сохранялись и племена, которые стали основными административно-территориальными единицами, но сохранили ряд архаических черт. Страна разделялась на нахии (округа), которые в свою очередь подразделялись на племена. В Брде окружное и племенное деление совпадало. Племя состояло из нескольких братств, населявших территорию одного или двух-трех сел.

Братства являлись сельской общиной. В них продолжали сохраняться кровно-родственные связи, брак внутри них запрещался. Братство вслед за семьей являлось мстителем в случае убийства его члена. При мирном урегулировании конфликта, если убийца и его семья не могли уплатить должную сумму семье убитого, помогало целиком все братство. Братство несло ряд общественных функций, а также оказывало помощь бедным сочленам. В том случае, когда оно не в состоянии было это сделать, на помощь приходили члены других братств, входивших в данное племя. С середины XIX в. эти патриархальные пережитки начали постепенно ослабевать, а общественная роль братств падать.

В начале XIX в. большая семья в среднем насчитывала 20 человек, но в Брде встречались семьи в 40—50 и более членов. Много больших семей сохранялось в таких нахиях, как Васоевичи, Морача и Ровцы. Все чаще большие семьи делились, что вело к увеличению числа индивидуальных семей. Пахотная земля и часть пастбищ находились в собственности индивидуальных или больших семей. Эти земли можно было передавать по наследству, делить и продавать. Однако продажа земли ограничивалась правом преимущественной покупки («прече купле») сначала близкими родственниками и лицами, отделившимися от задруги, а затем уже всеми членами данного села и племени[1].

Бо́льшая часть лесов, пастбищ и водоемов находилась в совместном владении племен, братств и сел. Такие земли получили в Черногории название «комуници» (коллективные владения). Почти каждое племя имело пастбища и леса, которыми могли пользоваться все братства этого племени. Племенные земли зачастую располагались высоко в горах, куда в летнее время перегонялся скот на выпас. Братства и села также имели не-

[1] Право «прече купле» зафиксировано в законнике Петра I Петровича Негоша (1798). Позже оно было внесено в законник князя Даниила (1855 г.) и в Общий имущественный законник Черногорского княжества (1888 г.).

В доме черногорца

пахотные земли, расположенные большей частью вблизи селений, где в определенное время их жители могли пасти скот и рубить дрова. Братства и села использовали эти земли главным образом для выпаса скота осенью, когда происходил откорм скота перед продажей. Обычно назначались дни, когда каждая семья могла пасти скот на сельском выгоне. Если село было населено жителями, принадлежавшими к одному братству, то непахотные земли села и братства совпадали. Если же братства занимали территорию нескольких сел, тогда непахотные земли сохранялись во владении всего братства, а в собственности отдельных сел этого братства оставались только проезжие пути и водоемы.

Совместное землепользование регулировалось обычным правом. Каждая семья, независимо от числа ее членов, имела одинаковое право на пользование непахотными землями. Увеличение имущественного неравенства среди членов племени способствовало нарушению обычаев, которыми определялся порядок использования общинных земель. Племенные старейшины, торговцы и зажиточные крестьяне, владевшие бо́льшим количеством скота, могли шире использовать общинные пастбища, нежели крестьяне, имевшие мало скота или совсем его не имевшие.

Крестьяне, владевшие небольшими участками пахотной земли и весьма ограниченным количеством скота, не могли прокормиться за счет доходов от своего скудного хозяйства и вынуждены были брать скот на выпас или арендовать землю. Крупные скотовладельцы отдавали свой скот на выпас на условиях испольщины (наполицы) или гуртом (кесима). В первом случае крестьяне получали половину приплода, весь настриг шерсти и удой молока. При сдаче скота на пастьбу гуртом пастуху оставался весь приплод, а он был обязан уплатить хозяину небольшую натуральную (полоки [1] масла с головы) или денежную ренту. Племенные старейшины, монастыри и разбогатевшие крестьяне сдавали свои земельные владения в издольную аренду за половину или меньшую часть урожая.

Некоторые монастыри, преимущественно находившиеся до 20—30-х годов XIX в. в подвластных туркам районах (например, в Морачской нахии), имели зависимых крестьян. Они обрабатывали полученный от монастыря надел и несли в пользу монастыря самые разнообразные повинности.

[1] Ока равнялась приблизительно 1280 гр.

в том числе и отработочные (кулук). В первой половине XIX в. в монастырском хозяйстве преобладала натуральная рента, хотя были известны и случаи взимания денежной ренты.

В Черногории были распространены обычаи патриархальной взаимопомощи («супон», «моба», «спрег» и др.). Однако в XIX в. эти обычаи зачастую превращались в средства эксплуатации крестьян. Так, используя совместную пастьбу («супон»), племенные и общинные старейшины и торговцы раздавали свой скот на выпас крестьянам за ничтожную оплату. При «мобе» — коллективной помощи семьям, которые не могли самостоятельно справиться с сельскохозяйственными работами, крестьяне нередко лишь за угощение обрабатывали земли старейшин.

«Спрег» — помощь рабочим скотом, основанная на правиле, кто имел более волов, у того соответственно и работали коллективно больше дней, стала формой эксплуатации малоимущих крестьян старейшинами, располагавшими бо́льшим количеством рабочего скота. Крестьяне, не имевшие волов, отрабатывали у владельцев скота за право пользования им.

Хозяйство Черногории в первой половине XIX в. сохраняло преимущественно натуральный характер. Крестьяне были слабо связаны с рынком, сами перерабатывали сельскохозяйственные продукты, делали несложную домашнюю утварь, а женщины ткали холст и грубое сукно. Процесс создания внутреннего рынка протекал очень медленно, его тормозила общая экономическая отсталость страны.

Ремесла в Черногории, в условиях крайне примитивного образа жизни и при отсутствии городов, не получили достаточного развития. Ремесленники были преимущественно албанцами и жителями австрийского Приморья. Сами черногорцы с пренебрежением относились к ремеслам и поэтому редко ими занимались. Лишь в некоторых селах были немногочисленные ремесленники: кузнецы, мастера по изготовлению оружия, посуды и сельскохозяйственных орудий. Наибольшее число ремесленников находилось в Риеке Црноевича.

Главным торговым центром Черногории являлась Риека Црноевича, куда приезжали торговцы из Албании и Далмации, и где велась постоянная торговля. Кроме того, в Вирпазаре и Сливле существовали периодические базары. На них продавались главным образом скот и сельскохозяйственные продукты. Рост внутренней торговли сдерживался в значительной степени и из-за отсутствия путей сообщения. Насколько слабо были развиты товарно-денежные отношения, свидетельствует тот факт, что в некоторых местах, в частности в пахии Морача, была распространена меновая торговля, в которой эквивалентом служил скот. Собственной монеты в Черногории не чеканилось, в обращении были австрийские и турецкие деньги.

Несмотря на общую экономическую отсталость, на протяжении первой половины XIX в. в Черногории, хотя и медленно, но неуклонно развивались товарно-денежные отношения и шло разложение натурального хозяйства. Этот процесс стал особенно заметен в 30—40-е годы XIX в. К этому времени почти удвоилась численность населения, как за счет естественного прироста, так и некоторого расширения территории. Население Черногории в 40-х годах XIX в. насчитывало уже 100 000 человек. В 1839—1840 гг. Цетинье было соединено гужевой дорогой с Риекой Црноевича, а вслед за тем с Котором, что способствовало расширению торговых связей. Несколько возросло ремесленное производство. Началось изготовление черепицы (в Црмнице), досок (в Люботинье), древесного угля и красильных веществ для продажи внутри страны и вывоза за границу. Потребность в боеприпасах привела к созданию мастерских по производству пороха и ремонту оружия. Внешняя торговля развивалась быстрее внутренней. В начале 40-х годов XIX в. из Черногории вывозилось

Базарная площадь в Риеке Црноевича.

ежегодно в Боку Которскую около 40 тыс. овец и коз и до 20 тыс. кантаров [1] соленой рыбы, а также сушеное мясо, сыр, шерсть, кожи, дрова, овощи и другие сельскохозяйственные продукты. Черногорские продукты скотоводства занимали значительное место в снабжении населения городов Боки Которской: Котора, Будвы и Рисана. Австрийские власти, чтобы увеличить вывоз сельскохозяйственных продуктов из Черногории в свои владения и помешать их вывозу на турецкие рынки, с 1846 г. отменили взимание пошлин на привозившиеся из Черногории в Котор мясо, рыбу, сыр и овощи. Из Боки Которской ввозились в Черногорию соль, оружие, некоторые ткани, растительное масло, ракия (водка), а в неурожайные годы хлеб.

Оживились торговые связи с соседними городами, входившими в состав Османской империи: Никшичем, Подгорицей и Скадаром. В последнем черногорцы закупали ежегодно по 40—50 тыс. центов [2] соли.

Развитие товарно-денежных отношений и рост связей с внешним рынком привели к увеличению числа местных торговцев. Они скупали у крестьян скот, рыбу, хлеб, продукты скотоводства и вывозили их за границу. Помимо этого черногорские торговцы перегоняли скот из турецких областей в города на Адриатическом побережье, где и перепродавали его местному населению, вывозили сушеное мясо из Негушей в Триест и Венецию.

Черногорские торговцы располагали небольшими капиталами и поэтому часто создавали товарищества с купцами Котора и Рисана, предоставлявшими им кредит. В 20-х годах XIX в. в Черногории было образовано торговое общество по экспорту сушеной рыбы. Оно скупало рыбу, затем через посредников в Которе и Рисане переправляло ее в австрийское Приморье и Италию.

Развитие товарно-денежных отношений в Черногории увеличивало потребность населения в деньгах, что при отсутствии организованного кредита вело к росту ростовщичества. Помимо племенных старейшин, ростовщичеством занимались торговцы и духовенство. За предоставленные в кредит деньги и продукты они взимали огромные проценты. Вследствие крайней экономической отсталости, большое распространение получила вадженина (кредит хлебом), которая обычно процветала в неурожайные годы.

[1] Кантар — мера веса, составлявшая около 56 кг.
[2] Австрийский цент (центнер) — мера веса, равная 56 кг.

Экономическое развитие Черногории тормозилось вследствие постоянных столкновений с Турцией. Рост населения Черногории заставлял острее ощущать недостаток пригодных для обработки земель, а развитие торговли — трудности, являвшиеся результатом отсутствия выхода к морю.

Политическое развитие Черногории

Непрекращавшаяся освободительная борьба против турецкого господства убеждала черногорцев в необходимости консолидации всех внутренних сил и создания сильной центральной власти. Развитие товарно-денежных отношений привело к усилению части племенных старейшин и нарождавшейся торговой буржуазии. Сильная государственная власть была им нужна для обеспечения господствующего положения и создания условий, необходимых для дальнейшего обогащения.

Борьбу с племенным сепаратизмом за создание централизованной власти возглавил митрополит Петр I Петрович Негош. На скупщинах племенных старейшин, состоявшихся 20 июня и 6 августа 1796 г. в Цетинье, были приняты решения о совместных действиях всех черногорских и брдских племен против турок, что способствовало успешному отражению в 1796 г. нападения Скадарского визиря Махмуда-паши Бушатли. Эта победа имела решающее значение не только для упрочения внешнеполитического положения Черногории, но и создала условия для организации государственного аппарата.

При осуществлении задуманных реформ Петр I встретился с финансовыми трудностями. За счет скудных внутренних ресурсов, большая часть которых шла на расходы, связанные с отражением турецкой агрессии, трудно было что-либо предпринять для организации государственного аппарата. Большой помощью в этом отношении явилось установление в 1798 г. русским императором Павлом I ежегодной субсидии Черногории в размере 1 тыс. цехинов (около 3 тыс. рублей) на «общенародные надобности и учреждение полезных заведений». Русские субсидии имели большое значение для организации государственного аппарата, развития экономики и культуры, а дипломатическая помощь России сыграла важную роль в окончательном утверждении независимости Черногории.

18 октября 1798 г. на скупщине племенных старейшин, происходившей у монастыря Станьевичи, был принят первый общегосударственный кодекс — законник Черногории и Брды, а в 1803 г. он был дополнен новыми статьями. Законник регулировал ряд сторон общественной жизни, в частности вводил смертную казнь за кровную месть, строгие наказания за другие преступления, а также налоговое обложение (60 динаров с каждого дома ежегодно). Но Петру I не удалось наладить регулярный сбор налогов.

В 1798 г. было создано «Правительство суда черногорского и брдского» — высший орган государственной власти Черногории. В его компетенцию входили административные и судебные функции. В состав правительства вошли старейшины от всех нахий и племен. Оно получило название — «Кулук», в связи с тем, что его члены выполняли свои обязанности бесплатно. Во главе правительства стоял митрополит Петр I, который одновременно являлся верховным главнокомандующим и осуществлял руководство внешней политикой. Попытка правительства установить судопроизводство в племенах встретила сопротивление населения, не желавшего отказываться от старых народных обычаев. Местные суды после их учреждения, как правило, вскоре распадались.

Хотя Петру I не удалось искоренить племенной сепаратизм и кровную месть, его деятельность имела большое значение в борьбе за ликвидацию патриархальных пережитков в Черногории.

Наряду с мероприятиями по созданию органов государственной власти Петр I все свои усилия направил на разрешение внешнеполитических задач — достижения Черногорией выхода к морю, расширения границ за счет прилегавших к ней и тесно с ней связанных территорий, входивших в состав Турции, и обеспечения независимости Черногории. Вместе с тем Петр I стремился овладеть Бокой Которской, на православное население которой распространялась духовная власть черногорских митрополитов.

Воспользовавшись падением Венецианской республики, Петр I в 1797 г. ввел войска в Будву и Жупу (район Боки Которской), однако Австрия воспрепятствовала попытке Черногории захватить Боку. Не встретив поддержки со стороны России, под влиянием военных успехов Франции, митрополит в 1803 г. обратился за помощью к последней. Сближение с Францией обеспокоило Россию. В Черногорию был направлен специальный представитель Марко Ивелич [1]. Ему было поручено потребовать, чтобы митрополит, под угрозой отлучения от церкви в случае неповиновения, явился в Петербург на суд синода. Миссия Ивелича только обострила положение. В мае 1804 г. черногорское правительство направило императору Александру ответ, подписанный всеми старейшинами, в котором говорилось, что митрополит не подвластен русскому синоду. Правительство просило также прислать в Черногорию другого представителя — русского по происхождению.

Конфликт вскоре был улажен. Петр I, не получив помощи из Франции, решил вновь искать покровительства России, а энергичный отпор черногорцев вынудил и русское правительство пойти на уступки. В 1804 г. Россия назначила своего специального консула в Котор для усиления связей с Черногорией. На состоявшейся 16 августа скупщине митрополит и старейшины поклялись всегда быть верными России. На следующий год в Черногорию был направлен в качестве русского представителя С. А. Сапковский, который передал черногорцам 3000 дукатов в счет субсидии за 1803—1805 гг. Ему удалось привлечь Черногорию к борьбе против Франции, во владения которой по Пресбургскому миру 1805 г. перешла Бока Которская.

15 февраля 1806 г. в Цетинье состоялась скупщина черногорских старейшин, которая в ответ на призыв о помощи со стороны бокельского населения приняла решение оказать вооруженный отпор французам. Вслед за этим, опираясь на поддержку русского флота под командованием адмирала Сенявина, находившегося в Адриатическом море, и местного населения черногорцы вступили в Боку. В дальнейшем у Дубровника и Цавтата черногорцы и бокельцы совместно с русскими экспедиционными силами оказывали успешное сопротивление французским войскам.

Своей меткой стрельбой и бесстрашными атаками черногорцы наводили ужас на французскую пехоту. Они выносили с поля боя раненых, спасая жизнь многим русским солдатам и офицерам. Согласно условиям Тильзитского мира, Бока в 1807 г. вновь была передана под власть Франции, и Черногория вывела из нее свои войска.

Во время подготовки Первого сербского восстания митрополит Петр I готовился выступить против турок. Однако по совету русского правительства, опасавшегося, что Франция воспользуется восстанием на Балканах для усиления там своего влияния, он предпочел сохранить мирные отношения с Портой. К такой политике вынуждала Черногорию и развернувшаяся в это время борьба за Боку Которскую. Успехи, одержанные в этой борьбе, побудили Петра I написать в 1806 г. письмо русскому императору, в котором выдвигалась созревшая у него еще ранее идея создания

[1] Марко Ивелич был уроженцем Боки Которской, на русской службе получил чин генерала и графский титул.

Славяно-сербского царства. Новое государство должно было находиться под русским покровительством и управлением русского уроженца, заместителем которого являлся бы черногорский митрополит с титулом русского князя. В состав этого государства должна была войти Черногория с присоединенными к ней городами Подгорицей, Спужем и Жабляком, а также Бока Которская, Герцеговина и Далмация. Центром царства Петр I предполагал сделать Дубровник.

В связи с началом русско-турецкой войны 1806—1812 гг. черногорцы также выступили против Турции. В 1809 г. черногорцы во главе с митрополитом Петром пытались овладеть Никшичем, в то время как сербская армия под командованием Карагеоргия, одержав ряд побед над турками, вышла к Сенице. Но попытка организовать совместные действия сербских и черногорских сил в Новопазарском санджаке не осуществилась вследствие успешного наступления турецких войск в Сербии.

После разгрома наполеоновской армии в России, в 1813 г. митрополит Петр при поддержке английского флота снова овладел Бокой Которской, вытеснив из нее французские войска. 29 октября 1813 г. скупщина бокельцев и черногорцев в Доброте приняла решение об объединении Боки с Черногорией и учреждении временного правительства во главе с митрополитом Петром. Однако по решению Венского конгресса в 1815 г. Бока вновь отошла к Австрии.

Борьба за Боку Которскую истощила скудные ресурсы Черногории. Положение ее ухудшилось еще и в связи с тем, что 1815 г. и ряд последующих лет были неурожайными и в стране начался голод. В 1815 г., спасаясь от голода, первая группа черногорцев эмигрировала в Россию. В 1817 г. новая партия из 835 человек пыталась переселиться под Одессу, но вернулась обратно, так как турецкие власти воспрепятствовали их проезду через Константинополь. В связи с этим с 1820 по 1830 г. много черногорцев переселилось в Сербию.

На почве совместной борьбы против Турции укреплялись связи черногорцев с герцеговинцами и сербами. В 1820 г. черногорцы вместе с герцеговинцами одержали победу над войсками боснийского визиря Джелаледдина, который отправился с карательной экспедицией против живших вблизи с Черногорией герцеговинских племен, отказавшихся платить дань турецким властям. В результате этого племена Морача и Ровцы присоединились к Черногории. Уже в самом начале восстания в 1815 г. в Сербии митрополит Петр установил связь с повстанцами. В 1821 г., когда Сербии угрожало нападение турок, Петр I заявил князю Милошу о готовности Черногории отвлечь на себя часть турецких сил, направляемых против сербов.

Митрополит Петр приложил много стараний для укрепления дружественных отношений с Россией. В своем духовном завещании он заклинал черногорцев укреплять связи с Россией и грозил проклятием каждому, кто осмелится нарушить эту его заповедь.

Преемник Петра I митрополит Петр II Петрович Негош (1830—1851) продолжал политику укрепления центральной власти. Но в отличие от Петра I при создании органов государственного управления он пытался более радикально изменить старые общественные отношения.

После смерти Петра I Россия опасалась укрепления в Черногории австрийского влияния, проводником которого были гувернадуры. Гувернадур Вуко Радонич при поддержке Австрии надеялся отстранить молодого Негоша и захватить в свои руки всю светскую власть в Черногории. 17 ноября 1830 г. решением скупщины Вуко Радонич был лишен звания гувернадура, а два года спустя вместе с семьей изгнан из страны. На первых порах большим подспорьем для молодого Негоша явилась присылка из России двух черногорцев, состоявших на русской службе — Ивана

Вукотича и Матея Вучичевича. Прибыв в Черногорию в августе 1831 г., они привезли с собой деньги, совместно с народными старейшинами помогли ликвидировать должность гувернадура и оказали помощь в формировании государственного аппарата. Таким образом, попытка гувернадуров сосредоточить в своих руках светскую власть окончательно провалилась. Ликвидация этой должности способствовала укреплению центральной власти и усилению в Черногории русской ориентации.

В 1831 г. в качестве высшего государственного органа был учрежден Правительственный сенат черногорский и брдский в составе 16 человек, который заменил собой Правительство суда. В отличие от последнего, создавшегося на принципе племенного представительства, члены сената являлись чиновниками, получавшими жалование. Одновременно были сформированы первые в Черногории судебно-полицейские органы (гвардия и перяники). Гвардия разбирала незначительные преступления, приводила в исполнение решения Сената и охраняла государственные границы. Перяники выполняли военно-полицейские функции. Гвардия и перяники ежемесячно получали жалованье, которое выплачивалось главным образом за счет русских субсидий. Во главе каждого племени правительством был поставлен капитан, находившийся на содержании государства, в связи с чем значительная часть племенных старейшин потеряла свои былые привилегии. К каждому капитану прикомандировывалось несколько человек из гвардии.

В 1833 г. было вновь введено налогообложение. Все налогоплательщики были разделены на три группы, обязанные согласно имущественному состоянию платить 1, 2 и 3 флорина с дома. В случае сопротивления населения государственные власти силой заставляли черногорцев платить налоги.

Сосредоточение всей полноты власти в руках митрополита вызвало противодействие со стороны приверженцев племенного сепаратизма. Племенные старейшины, отстраненные от управления, начали борьбу против мероприятий, проводимых Петром II. Они попытались найти опору среди отсталых масс крестьянства, которые с трудом отказывались от старых племенных обычаев. Эта борьба имела место еще в период правления Петра I, а при Петре II она приняла еще более острый характер. Особенно упорным было сопротивление сепаратистов в пограничных с Турцией областях. Скадарский визирь снабжал их деньгами и оружием. При помощи крутых мер (карательных экспедиций и казней) Негош расправился со своими политическими противниками, подавив сепаратистские тенденции среди племен Кучи, Пиперы и в Црмницкой нахии.

В 30-х годах XIX в. вновь была сделана попытка расширить территорию страны за счет освобождения близлежащих земель, находившихся в составе Османской империи. Черногорцы дважды, в 1831 и 1832 гг., безуспешно пытались овладеть Подгорицей. В ответ на это турецкие войска напали на Черногорию, но в бою у Мартиничей 22 апреля 1832 г. были разбиты. В дальнейшем под влиянием русской дипломатии, подписавшей с Австрией в 1833 г. конвенцию о поддержании status quo на Балканах, Черногория старалась сохранять с Турцией и Австрией мирные отношения, которые нарушались лишь отдельными пограничными конфликтами. В 1838 г. Черногория заключила с уполномоченными боснийского и герцеговинского визирей соглашение, регулировавшее положение Грахова, из-за которого происходили частые пограничные столкновения [1]. В 1841 г. была установлена и австро-черногорская граница. Мирный договор

[1] Соглашение определяло управление Граховым и порядок уплаты налогов турецким феодалам. Впредь граховские воеводы должны были утверждаться в своей должности с согласия визирей Боснийского и Герцеговинского пашалыков и митрополита Черногории.

1842 г. с герцеговинским визирем Али-пашой определил границу между Черногорией и Герцеговиной. В этом договоре Черногория впервые называлась «независимой областью».

Петр II Негош был не только крупным государственным деятелем, но и великим черногорским поэтом. Широко образованный человек, он приложил много усилий для развития культуры и распространения среди черногорцев просвещения.

В 1833 г. в Цетинье была открыта первая в стране начальная школа, в которой обучалось 30 учеников. Через девять лет в Черногории существовало уже шесть начальных школ. Часть черногорцев после окончания начальной школы продолжала образование в России и Сербии. В 1834 г. в Цетинье была основана типография. Первым ее изданием был сборник стихов Петра II «Цетинский пустынник». Однако цетинская типография просуществовала недолго, так как в 1852 г. при отражении очередного турецкого нападения типографский шрифт пришлось перелить на пули.

Во время правления Петра II Негоша происходило дальнейшее укрепление связей Черногории с Россией. В 1833 г. Петр II совершил поездку в Петербург, где был посвящен в сан архиерея. Русское правительство не только систематически выплачивало ежегодные субсидии Черногории, но и передало суммы, задержанные в связи с войной России против наполеоновской Франции. Русские субсидии шли на содержание государственного аппарата, организацию первых школ, типографии и другие нужды. В 1837 г. Петр II Негош снова посетил Россию. В результате этой поездки была увеличена ежегодная помощь Черногории с 1 тыс. до 9 тыс. дукатов (червонцев).

Вместе с Негошем из Петербурга приехал в Черногорию Я. Н. Озерецковский, которого русское правительство командировало туда, поручив «узнать о нуждах черногорцев». Озерецковский сообщил в Петербург о тяжелом положении Черногории, где еще сильно ощущались последствия неурожая, постигшего страну в 1836 г. Из России была направлена помощь хлебом. Озерецковский высказал предположение, что в селе Златице (нахия Кучи) могут находиться золотые россыпи. Для исследования полезных ископаемых Черногории русским правительством было ассигновано 16 тыс. рублей, и в 1838 г. туда был командирован горный инженер Е. П. Ковалевский. Хотя предположение Озерецковского не оправдалось, поездка Ковалевского оказалась не бесполезной. После тщательного геологического и топографического изучения страны, он открыл месторождения ряда полезных ископаемых и составил описание Черногории, ее природы, населения и хозяйства. «Торговля, образованность и искусства,— писал Ковалевский,— находятся в Черногории в самом бедственном положении». Он подсчитал, что каждый месяц черногорцы имели 6—7 битв с турками; $^2/_5$ ее населения погибало на поле боя, $^1/_5$ — от ран, полученных в сражениях, и только меньше $^2/_5$ жителей умирало естественной смертью. «Когда же думать о земледелии,— писал он,— требующем терпения и труда...».

По возвращении из России, Петр II провел ряд новых мероприятий в целях укрепления центральной власти. Он регулярно платил жалованье всем представителям государственной администрации, благодаря чему добился их полного подчинения. Негош единолично одобрял или отвергал их решения и руководил внешней политикой.

Петр II Негош был сторонником борьбы за освобождение югославянских народов, сочувствовал иллирийскому движению и стремлению к культурному и политическому сближению югославян. Он поддерживал личные отношения с Людевитом Гаем и Антоном Мажураничем, которые в 1841 г. приезжали в Цетинье, а также находился в переписке с хорват-

ским поэтом Станко Вразом. В начале 40-х годов Негош вел переговоры с сербским правительством о борьбе с Турцией и создании федеративного югославянского государства. Предполагалось, что во время всеобщего восстания на Балканском полуострове черногорцы совместно с сербами начнут военные действия в Новопазарском санджаке.

Стремление к совместной с другими югославянскими народами борьбе за освобождение проявилось особенно сильно среди черногорцев в период революционных событий 1848—1849 гг. Отдельные группы черногорцев направлялись в Хорватию и Воеводину, чтобы принять участие в борьбе за их национальное освобождение. Когда в начале 1849 г. в Боке Которской вспыхнули крестьянские волнения и австрийские власти стали применять репрессии против крестьян, черногорцы отдельными группами переходили границу и оказывали помощь повстанцам.

В 1848 г. Петр II считал, что наступил благоприятный момент для осуществления объединения югославянских земель. С этой целью в августе 1848 г. он предложил вооруженную помощь бану Елачичу. Однако Елачич от нее отказался.

Попытка совместной борьбы черногорцев и сербов против турецкого гнета во время Первого сербского восстания, помощь черногорцев населению Боки Которской и другим славянам Австрийской империи в их борьбе против угнетателей, постоянная поддержка Черногории Россией — все это укрепляло в сознании черногорского народа чувство славянской солидарности и необходимости объединения югославянских народов в борьбе за освобождение.

ГЛАВА 24

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА

Социально-экономическое развитие

В первой половине XIX в. границы Боснийского пашалыка претерпели некоторые изменения. Они сократились за счет нескольких нахий Новипазарского и Зворницкого санджаков, присоединенных к Сербскому княжеству в результате восстаний 1804 и 1815 гг. В 40-е годы XIX в. площадь Боснийского пашалыка составляла примерно 59 000 кв. км. По первой официальной турецкой переписи населения 1851—1852 гг. в Боснийском пашалыке насчитывалось 1 077 956 жителей, в основном сербов и хорватов. По вероисповеданию они разделялись на православных — 44,9%, мусульман — 37,3%, католиков — 16,5%, других — 1,3%. Административным центром пашалыка до 1850 г. был Травник, а после этого — Сараево. Крупную роль в управлении в первой половине XIX в. продолжали играть местные феодалы, входившие в вече аянов при визире.

В первой половине XIX в. социально-экономические отношения в Боснии и Герцеговине характеризовались господством цехового ремесла в городах и феодальных отношений в деревне. Однако под влиянием роста товарно-денежных отношений происходил процесс постепенного разложения феодально-помещичьего хозяйства и цехового ремесленного производства и зарождения элементов капиталистических отношений.

Рост товарно-денежных отношений, наблюдавшийся с конца XVIII в., сыграл решающую роль в дальнейшем распаде военно-ленной системы и складывании чифтликских отношений.

Обострившийся с конца XVIII в. финансовый кризис Турецкой империи ускорил распространение чифтликских отношений. Порта была лишена возможности регулярно уплачивать жалование многочисленным янычарским частям, расположенным в Боснии, а также капитанам. В поисках источников дохода янычары и капитаны стали, подобно тому, как это происходило в Сербии, захватывать не только земли, населенные свободными крестьянами, но и спахийские и превращались в землевладельцев — чифтлик-сахибов, заставлявших крестьян работать на себя. Это привело к резкому ухудшению положения крестьянского населения, ибо оно, продолжая платить десятину спахиям, стало нести повинности и в пользу чифтлик-сахибий. В ряде случаев и спахии, сохраняя за собой право сбора десятины, начинали как чифтлик-сахибии налагать новые обязанности на крестьян.

В 20—40-е годы XIX в. процесс почифтличенья принял особенно широкие размеры, чему в известной мере способствовали попытки реформ в Турции (уничтожение в 1826 г. янычарского войска, отмена в 1835 г. капитаний, аграрная реформа 1839 г.). Борясь против реформ с оружием в руках вплоть до 50-х годов XIX в., боснийско-герцеговинские феодалы в то же время стремились компенсировать себя за потерю своих прав усилением эксплуатации крестьян. В итоге к середине XIX в. совершилось перераспределение земельной собственности и сформировались хозяйства феодалов нового типа, различные по величине и по методу ведения на них хозяйства.

В северных и северо-западных районах Боснии — в Посавине, Крайне и Подринье возникли большие помещичьи хозяйства, владельцы которых были самыми богатыми и наиболее влиятельными феодалами Боснии. Крупнейшим феодалом Посавины был Гусейн Градашчевич, капитан города Градачаца. Ему принадлежало в Посавине 13 сел, примерно с 1300 домами кметов. Другие феодалы северной и северо-западной части Боснии имели по 200—400 домов кметов. В средней Боснии крупным феодалом был Шерифович, имевший 300 кметских домов. Значительная часть крупных землевладельцев состояла из потомков капитанов и аянов. Подавляющее же большинство феодальных хозяйств средней Боснии и Герцеговины было средними и мелкими и имело от 1 до 10 кметов. Владельцами таких хозяйств были низшие чины бывшего янычарского войска, богатые торговцы, городские ремесленники, а также зажиточные крестьяне-мусульмане.

Отдельные крупные феодалы стали понимать невыгодность старых методов хозяйствования и пытались улучшить их. Так, Али-паша Ризванбегович в Герцеговине много сделал для поднятия культуры виноградарства, содействовал разведению инжира, оливковых, тутовых деревьев, начал сеять рис, картофель и табак. Однако такие попытки были единичными. Подавляющее большинство хозяйств средних и мелких феодалов было слабо связано с рынком и вело хозяйство по-старому.

Кметы в Боснии и Герцеговине являлись наследственными держателями помещичьей земли, за пользование которой должны были нести определенные повинности. Кмет юридически имел право продать землю другому крестьянину и уйти в другое место, однако практически в силу недостатка земли это было невозможно. Новый хозяин участка обязан был принять на себя и все феодальные повинности. Кметы платили натуральную ренту, различную в разных районах и колебавшуюся в пределах от $^1/_9$ до $^1/_3$ урожая. Частично размер ее зависел от того, чьим скотом обрабатывал кмет землю чифтлика, если скотом землевладельца — размер ренты возрастал. Помимо этих платежей чифтлик-сахибии крестьянин платил десятину спахии. Кроме того, кметы, особенно северных и северо-западных районов Боснии, были обязаны бесплатно обрабатывать землю, находившуюся в непосредственном владении феодала. Эта обязанность называлась кулуком (кулученьем, а также беглученьем, роботой) и являлась самой тяжелой для боснийско-герцеговинского крестьянства. Часто случалось, что один и тот же кмет должен был кулучить нескольким господам.

В процессе перехода от спахийских к чифтликским отношениям крестьянство беднело, и в его среде усиливалось имущественное неравенство. Это объяснялось двойным налоговым гнетом спахии и чифтлик-сахибии, созданием земельных владений феодалов в основном за счет крестьянских земель, введением в 1848 г. повсеместно третины чифтлик-сахибии (до 1848 г. многие крестьяне платили меньшую долю — четвертину, пятину или девятину), усиленным проникновением торгово-ростовщического капитала в крестьянское хозяйство.

В первой половине XIX в. в боснийско-герцеговинской деревне в результате процесса имущественной дифференциации появляются зажиточные крестьянские хозяйства. В качестве примера богатого кмета в Боснии русский ученый-славист А. Ф. Гильфердинг называл кмета Виковича, имевшего обширные загороженные пахотные и луговые угодья, 40 лошадей, много коров и овец. Подавляющее большинство кметов и свободных крестьян было малоземельными и безземельными. Известная часть бывших крестьян-кметов, лишившихся земли, становилась так называемыми колыбарами — сельскими пролетариями. По свидетельству Гильфердинга, на 10 семейств крестьян, имевших и обрабатывавших землю, приходилось от 2 до 3, а иногда и больше семейств колыбаров.

В целом, в Боснии и Герцеговине приспособление феодального хозяйства к развивавшимся товарно-денежным отношениям привело лишь к укреплению новых форм феодально-помещичьего хозяйства, заменившего прежнее спахийское, и повлекло за собою ухудшение положения крестьян, рост натуральных и отработочных повинностей.

Почифтличенье, сопровождавшееся прямым насилием и произволом, встретило упорное сопротивление крестьянства. На протяжении первой половины XIX в. в Боснии и Герцеговине неоднократно вспыхивали крестьянские волнения (см. стр. 365—366 данной главы). Под влиянием многочисленных прошений и жалоб крестьянства в 40-е годы XIX в. был издан ряд законодательных актов Порты и распоряжений местных властей, регулировавших повинности кметов, ограничивавших кулученье, а затем отменивших его совсем.

В 1842 г. боснийский визирь Хозрев-паша издал специальное постановление, которое определяло налог с молодоженов (удатбеницу) в зависимости от размеров их имущества; запрещало привлекать женщин к кулученью. Там, где чифтлик-сахибии платилась десятина, кметская семья должна была выделить для кулученья одного человека на два дня в неделю, там, где платилась третина, четвертина или пятина,— одного человека на один день в неделю. Кметы не были обязаны рубить и вывозить лес и производить постройки чифтлик-сахибиям бесплатно. Чифтлик-сахибия не имел права согнать кмета с земли, которую он обрабатывал. Был установлен также ряд других ограничений власти землевладельцев. В следующем году (1843 г.) было запрещено сплой сгонять кметов на кулук, а семья обязана была выделить для кулученья двух человек на один день в неделю.

Эти постановления вызвали многочисленные протесты феодалов. Участились и жалобы крестьян против продолжавшихся насилий. Новый визирь Тахир-паша вынужден был снова заняться урегулированием вопроса о кулуке. В течение осени 1847 г.— зимы 1848 г. было обнародовано постановление, устанавливавшее, что кметы должны кулучить только своему, а не любому, землевладельцу, как это было ранее, и только два дня в неделю. Женщины не должны были кулучить в доме феодала. Весной 1848 г. было обнародовано второе постановление, которым кулученье отменялось совсем и вводилась третина с урожая зерновых хлебов и половина с сена. Постановление отменяло также ряд незаконных налогов.

Несмотря на официальное запрещение, спахии и чифтлик-сахибии, наряду с десятиной и третиной, продолжали требовать с крестьян и выполнения кулука. В 1849 г. в присутствии представителей от администрации и религиозных объединений — бегов, кадий и членов общинных меджлисов— Тахир-паша вновь подтвердил, что кметы из урожая зерновых первоначально должны отчислять десятину спахии, затем чифтлик-сахибии — третину, а также половину сена. Кмет не обязан был подвозить третину к дому господина и выполнять другие сельскохозяйственные работы под видом кулученья, а феодал не имел права отнять у кмета землю без законного на то основания.

Крестьянский дом в Боснии

Таким образом, постановления 40-х годов XIX в., изданные в обстановке вооруженной борьбы боснийско-герцеговинских феодалов против реформ Порты, подтверждали прежние права спахий на сбор десятины. Только после военного разгрома боснийско-герцеговинских феодалов в 1851 г. спахийская система в Боснии и Герцеговине была окончательно ликвидирована, взимание десятины с населения из рук спахий было передано государству. Бывшим спахиям государство обязалось выплачивать пожизненную пенсию в половинном размере их прежних доходов со спахилука. Выплата ее легла тяжелым бременем на государственную казну.

Государство отняло у феодалов леса, провозгласив их государственным достоянием и предоставив в бесплатное пользование населению (свободная рубка дров и строительного материала для личных нужд). Лишь за лес, предназначавшийся для торговли, была установлена плата.

В 1851 г. вновь были пересмотрены отношения между чифтлик-сахибиями и кметами. Устанавливались уже две формы поземельных отношений. Первая — в чифтликах Сараевской и близлежащих к ней нахиях. Здесь чифтлик-сахибия предоставлял кмету землю, постройки, волов, семена; после отчисления десятины урожай делился пополам. В других местах чифтлик-сахибия предоставлял кмету землю и постройки, волов, семена, но сельскохозяйственный инвентарь принадлежал кмету. В этом случае после отчисления десятины чифтлик-сахибия получал третину.

Уничтожение кулученья вело к серьезному изменению в системе помещичьего хозяйства. Перед феодалом остро встал вопрос о рабочих руках. По свидетельству А.Ф. Гильфердинга, относящемуся к началу 1858 г., землевладельцы после отмены барщины стали обрабатывать свои земли наемным трудом, вероятно колыбаров и малоземельных крестьян. Однако общая отсталость общественно-экономических отношений приводила к тому, что во многих случаях, по-видимому, имел место не свободный наем, а различные формы феодальной или полуфеодальной эксплуатации крестьян. Во всяком случае в боснийско-герцеговинской деревне последних

десятилетий XIX в., наряду с кметскими отношениями, основанными на принудительном труде крестьян, существовали и отношения, близкие к кметским (см. гл. 36, стр. 616). Начало их, вероятно, восходит к пятидесятым годам XIX в.

В первой половине XIX в., так же как и в XVIII в., главными центрами ремесла и торговли в Боснии и Герцеговине являлись Сараево, Мостар, Баня Лука, Фоча, Плевле и Нови Пазар. К старым центрам с середины XVIII в. стали прибавляться новые крупные и мелкие города. Появившись как оборонительные военные укрепления вдоль границы с Австрией и внутри пашалыка, они в дальнейшем постепенно превращались в ремесленные и торговые центры. К 1830 г. только на территории капитаний было 70 крупных и мелких городов. По свидетельству А. Ф. Гильфердинга, один из этих городов — Требинье — представлял крепость, обнесенную стеной и окруженную рвом; внутри крепости было 50 домов, принадлежавших мусульманам. За городской стеной располагалась торговая часть — чаршия с 70 лавками, здесь же в предместье было 5 домов христианских купцов и 17 домов цыган.

На протяжении первой половины XIX в. в таких городах, как Сараево, Мостар, Баня Лука, Травник, Фоча, Маглай и Тешань имелись цехи. Наиболее крупным центром цехового ремесла было Сараево. В 1841 г. в нем насчитывалось 25 цехов с 1596 членами. Несколькими годами позже в Сараеве было уже 32 цеха, в Мостаре — 13 цехов. Большую роль в цехах, особенно в Сараеве и Мостаре, играли янычары. Основными отраслями ремесленного производства были: переработка сельскохозяйственного сырья, горное дело, обработка металлов и дерева.

Рост товарно-денежных отношений, наблюдавшийся в этот период, отразился и на цеховом ремесле.

Со второй половины XVIII в. отдельные мастера-ремесленники начали вести самостоятельную торговлю, обходя цеховые ограничения, что способствовало усилению имущественной дифференциации в цехах, выделению наиболее богатых ремесленников и вело к постепенному распаду цехов. В конце XVIII — начале XIX в. в цехах, работавших главным образом на сырье, привозимом с востока, появляются ремесленники-скупщики, постепенно переходившие только к торговле теми изделиями, которые они ранее производили сами. С течением времени ремесленники-скупщики появились и в других цехах. В скорняцком цехе Сараева числилось свыше 40 мастерских, половину которых составляли крупные мастерские с ежегодной обработкой 10—15 тыс. лисьих шкур и насчитывавшие по 30 человек подмастерьев. Остальные мастерские были сравнительно небольшими и обрабатывали до одной тысячи лисьих шкур в год. Крупные мастерские скупали у них готовые изделия. Появляются ростовщики, предоставлявшие займы цехам и ставившие их в зависимое от себя положение.

Большую роль в развитии внутренней торговли играли ежегодные ярмарки в крупных городах, где продавались товары из различных областей пашалыка. В первой половине XIX в. ремесленные изделия стали широко продаваться не только на еженедельных базарах и ярмарках, но и вывозиться в больших количествах в различные области Турецкой империи. Так, мостарские кожевники и чебеджии (ремесленники, изготовлявшие шерстяные одеяла) вывозили свои изделия на ярмарки многих крупных городов пашалыка, а также в Валахию и Славонию. Скорняки Сараева продавали товары на ярмарках в Узунджово в Болгарии и в Константинополе. В первой четверти XIX в. ежегодная стоимость вывезенных шкурок исчислялась в 300 000 дукатов.

В 20—40 гг. XIX в. началось проникновение иностранного капитала в Боснию и Герцеговину. В 1845 г. на реке Буне в Герцеговине на основе концессии, полученной от герцеговинского визиря Али-паши Ризван-

На улице Сараева

беговича, был создан австрийской фирмой лесопильный завод. Проникновение иностранного капитала и усилившаяся конкуренция иностранных товаров способствовали разложению цехового ремесла.

До 40-х годов XIX в. цеховые мастера, борясь за сохранение цехов и видя в них защиту от иностранной конкуренции, искали и получали поддержку со стороны государства. А в 40—50-е годы XIX в. во время визирства Тахира-паши и Омера-паши последовали правительственные распоряжения, уничтожавшие целый ряд цеховых ограничений и предоставлявшие более широкую возможность для свободного развития торговли ремесленными изделиями. Постепенно цеховые статуты перестали выполняться с прежней строгостью, а значение цехов стало падать.

Таким образом, в первой половине XIX в. наблюдается постепенное разложение цехового ремесла, развитие элементов капиталистических отношений. Однако для возникновения фабричной промышленности условия еще не сложились. Господство отсталой феодально-султанской Турции обусловливало замедленность развития капиталистических отношений в городе и вело к сохранению влияния крупных торговцев-ростовщиков.

Наблюдавшийся в Боснии и Герцеговине рост товарно-денежных отношений был в значительной мере связан с оживлением торговли Турции с европейскими странами. Выросла и внешняя торговля Боснийского пашалыка. Сараево превратилось в складочный пункт местных товаров, шедших на вывоз, и товаров, ввозившихся из-за границы.

Из Боснии и Герцеговины вывозили хлеб, овощи, фрукты, скот, шерсть, кожи, сало, лен, скобяные изделия, железо, меха, шорные изделия и другие товары. Они, как и ранее, направлялись в Далмацию, Австрию, Сербию, Албанию, Валахию, Болгарию и в Константинополь. А из Англии, Австрии и Германии ввозились мануфактурные товары, кроме того, в Боснию и Герцеговину направлялись румелийские и стамболийские товары — шелк, тонкие шерстяные ткани, гайтан, окрашенная шерстяная пряжа и др.

На территории Боснии и Герцеговины скрещивались торговые пути из Триеста в Скопле и Салоники, из Нови Сада и Белграда в Сплит и Дубровник. Во время континентальной блокады усилился торговый оборот между европейскими владениями Турции, в том числе Боснией и Герцеговиной, и Иллирийскими провинциями.

Основным товаром был хлопок. В то время возник так называемый «хлопковый путь» из Салоник через города Сараево, Травник, Босанска Костайница в Трпест.

Борьба боснийско-герцеговинских феодалов против центральной власти

Боснийско-герцеговинские феодалы в первой половине XIX в. вели упорную борьбу против реформ, при помощи которых Порта, не касаясь основ феодального порядка, стремилась восстановить авторитет центральной власти и укрепить терпевшую непрерывные поражения в войнах с европейскими державами империю. Турецкое правительство боролось со злоупотреблениями в системе управления, за укрепление государственных финансов, пыталось организовать кадровую армию по европейскому образцу.

Трения между боснийско-герцеговинскими феодалами и центральной властью начались уже в начале XIX в., когда Босния и Герцеговина недостаточно энергично поддержали требование султана выступить против восставших в Сербии. Несколько походов, предпринятых с начала восстания, остались безрезультатными, а в битве у Мишара в 1806 г. боснийское войско потерпело крупное поражение от сербских повстанцев. Лишь в 1813 г. энергичный визирь Али-паша Деределия сумел преодолеть оппозицию и заставить боснийско-герцеговинских феодалов решительно выступить против сербов. Боснийское войско под руководством Деределии вело крупные бои с сербскими повстанцами у Лозницы, Лешницы, Засавицы и Шабаца. В сентябре 1813 г. оно первым вошло в Белград. Эти успехи еще более укрепили позицию феодалов в Боснии и Герцеговине.

Сопротивление проведению реформам усилилось в 20-е годы XIX в. Центром оппозиции становится Сараево, где были расположены многочисленные янычарские части. Решительные попытки султана Махмуда II подавить сопротивление в Боснии привели в 1821 г. к открытому восстанию и неповиновению центральной власти нескольких боснийских городов. В ответ на это боснийский визирь Али Джелалэдин в 1821 г. приступом взял Мостар и Сребрницу, уничтожил 300 мятежных феодалов. Однако уже в 1822 г. в Боснии вновь воцарилось прежнее состояние анархии и была восстановлена неограниченная власть местных феодалов.

После того, как в 1826 г. в Травнике, а затем в Сараеве был прочитан фирман султана о ликвидации янычарского корпуса и о свержении сараевского янычар-аги Кара-Али-аги Рушчуклии, в Боснии вспыхнуло восстание янычар. Во главе его встал Кара-Али-ага Рушчуклия. По его инициативе осенью 1826 г. в Сараеве было созвано вече, на котором присутство-

вало по два представителя от каждой из 32 нахий. В заявлении, адресованном султану, участники веча отказались признать распоряжение Порты. Многие города Боснии и Герцеговины — Фоча, Плевле, Тузла, Травник, Мостар, Гацко и др.— поддержали выступление Сараева. Лишь население нахий Приеполя, Нови Пазара и Зворника остались верны султану.

Отсутствием единства среди восставших воспользовался новый визирь Абдуррахман-паша. При помощи обмана группа руководителей восстания была захвачена и публично казнена в Зворнике. После этого Абдуррахман подавил движение и в Сараеве, казнив многих мятежников. С этого времени янычары утратили руководство в движении, направленном против реформ. Но движение не прекратилось, во главе его встали крупнейшие боснийско-герцеговинские феодалы — капитаны и аяны.

Капитаны и аяны были недовольны тем, что их влияние в вече аянов стало падать, так как визири начали управлять Боснией при помощи чиновников. Более того, к весне 1831 г. стало ясно, что Порта намерена предпринять решительные меры для введения новой регулярной армии. Боснийско-герцеговинские феодалы собрались в Тузле и вынесли постановление: всеми силами противиться организации новой армии и сбору налогов для этого. Вождем был избран Гусейн — капитан из Градачаца. Восставшие вступили в связь с албанским феодалом Мустафой-пашой Бушатли, также поднявшимся против султана. Повстанцы заняли Травник и потребовали от Порты прекратить проведение военных реформ, предоставить Боснии и Герцеговине право самоуправления и избрания визиря из своей среды. Они заявили, что в этом случае признают верховную власть султана и будут платить ежегодную дань в султанскую казну в размере 2 млн. грошей.

Мятежные феодалы вооружили около 25 тыс. человек и в половине апреля 1831 г. двинулись из Травника на помощь Мустафе-паше. Султанская армия разбила последнего, не дав соединиться с ним Гусейну. Но уже летом 1831 г. на Косовом Поле боснийское войско нанесло крупное поражение султанской армии. Гусейн вернулся в Боснию и был провозглашен своими приверженцами боснийским визирем.

Однако некоторые крупные герцеговинские феодалы (Али-ага Ризванбегович, капитан Столаца, Смаил-ага Ченгич, аян из Гацко и др.) не присоединились к движению Гусейна. Между ними началась борьба, ослабившая силы мятежников и способствовавшая быстрому разгрому их султанской армией.

Вооруженное сопротивление боснийско-герцеговинских феодалов реформам центральной власти задержало проведение в числе других и административной реформы, которое началось лишь после подавления мятежа Гусейна-капитана.

В целях ослабления сил своих противников центральное правительство отделило в 1833 г. Герцеговину от Боснии, управление Герцеговиной было передано особому визирю — Али-паше Ризванбеговичу (1833—1851 гг.), ставшему на сторону султана в период борьбы против Гусейна.

На основе административной реформы 1834 г. Босния была разделена на шесть санджаков (округов) и 42 нахии (среза). Нахии делились на общины. Во главе санджаков стояли каймакамы, во главе нахий — мудиры или муселимы, во главе общин — муктары или коджобаши. Последние избирались населением. Во главе вилайетского управления был поставлен вали (губернатор), имевший административную власть. При нем в 1845 г. был учрежден меджлис (вече), членов которого назначала Порта. В состав меджлиса входили представители от христианского и мусульманского населения. Меджлисы (шуры) были созданы также в округах и срезах.

В связи с уничтожением в 1835 г. института капитаний бывшие капитаны стали назначаться муселимами, которых вали мог теперь перемещать как обычных чиновников по своему усмотрению. С 1835 г. перестало существовать и вече аянов.

Во второй половине 30-х годов была проведена военная реформа. Из спахий было сформировано четыре полка резервной конницы, сведенные в две дивизии (ливы), командирами которых были назначены крупнейшие боснийские феодалы. В 50-х гг. были введены рекрутские наборы, но фактически набор рекрутов стал проводиться лишь в 60-е годы XIX в.

После подавления восстания Гусейна-капитана оппозиция боснийско-герцеговинских феодалов еще не была окончательно сломлена. Проведение военной и других реформ вызвало в 1837 г. сопротивление феодалов Крайны и Сараева. Им тайно помогал и герцеговинский визирь Али-паша Ризванбегович. В 1843 г. феодалы Крайны восстали с оружием в руках против реформ султана. В 1846 г. восстание охватило всю Крайну, его возглавил кадия города Бихача — Мехмед-бег Рустанбегович. В ноябре 1846 г. войско визиря Хаджи Чамила-паши нанесло поражение бунтовщикам у Добриня, а затем вошло в Баня Луку.

Когда новый визирь Тахир-паша (1847—1850 гг.) потребовал у меджлиса в Травнике призыва 30 тыс. солдат и вооружения их новым оружием, в Сараеве вспыхнуло восстание, которое было подавлено лишь при помощи войск, прибывших из Константинополя. Борьба Тахира-паши против феодалов Крайны была безуспешной, в 1849 г. его войско было разбито у города Бихача.

Для окончательного проведения реформ в жизнь в 1850 г. в Боснию со специальными полномочиями, во главе большого войска прибыл энергичный государственный деятель Омер-паша Латас. Наибольший отпор ему был оказан феодалами Боснийской Крайны, Посавины и Герцеговины. Войско Омера-паши сломило сопротивление боснийско-герцеговинских феодалов. Около 6 тыс. человек было убито, 400 изгнано, а их имущество конфисковано. В 1851 г. в Боснии и Герцеговине утвердилась власть центрального правительства.

Как говорилось выше, в 1851 г. была окончательно ликвидирована спахийская система. Омер-паша Латас провел административную реформу. Все издавна существовавшие названия административных единиц были изменены. Было произведено новое административное деление обеих провинций, которое территориально значительно отличалось от прежнего. Число нахий сократилось.

Реформы турецкого правительства, проводившиеся в Боснии и Герцеговине в 30—50-х годах XIX в., ослабили роль местных феодалов в управлении и усилили центральную власть, но изменений в положении подвластного населения не произошло. Османлии (так называли в Боснии турок в отличие от боснийских мусульман), заняв руководящие посты в управлении, превзошли своих предшественников в злоупотреблениях и преследованиях местного населения. К новым проявлениям насилий и коррупции прибавилось усиление налогового гнета, ложившегося главным образом на плечи крестьян.

Кроме того, реформы не подорвали господствующего положения мусульман, поэтому обещания о введении равноправия граждан, об обеспечении личности и имущества, равенства религий и другие, провозглашенные Гюльханейским хатт-и-шерифом 1839 г., остались мертвой буквой.

Выступления крестьянства. Зарождение национального движения

Зарождение капиталистических отношений, совершавшееся медленно и с большими трудностями, определило характер и особенности антифеодальной борьбы крестьянства и национального движения в Боснии и Герцеговине. Большое влияние оказала и освободительная борьба, развернувшаяся с начала XIX в. в Сербии. Еще в 1803 г. в Сараево приезжал Матия Ненадович для переговоров об участии босняков и герцеговинцев в готовившемся восстании. Архимандрит монастыря Пивы в Герцеговине Арсений Гагович с одобрения и при поддержке Карловацкого митрополита Стратимировича и черногорского владыки Петра I Петровича Негоша осенью 1803 г. отправился в Россию, чтобы известить русское правительство о подготовке восстания югославянских народов. Гагович искал у русского правительства помощи в создании Славяно-сербского царства, в которое бы вошли «все славяне юга». Однако попытки организовать восстание югославянских народов в это время не были поддержаны Россией, боявшейся, что оно может быть использовано Францией. Сербское восстание нашло в Боснии и Герцеговине отклик и способствовало распространению идеи освободительной борьбы против Турции, росту вооруженных выступлений крестьянства.

В Боснии значительно оживилась деятельность гайдуцких отрядов. В горах Козары действовал гайдук Рендич. В 1806—1811 гг. гайдучество усилилось в Сараевской нахии. В связи с ростом освободительного движения на Балканах в июле — сентябре 1804 г. в Боснии происходили крестьянские волнения, сопровождавшиеся столкновениями с турецкими властями.

Летом 1805 г. вспыхнуло восстание в Герцеговине в области Дробняк. Его поддержало и население соседних областей. В сентябре 1805 г. во главе с сараевским муселимом Ахмедбегом Палошем на подавление восстания двинулось несколько сотен турецких солдат, однако восстание было разгромлено лишь в конце ноября 1805 г.

Крестьянские выступления в Боснии и Герцеговине вызвали тревогу у правящих кругов и местных феодалов, усилившуюся в связи с тем, что в начале 1806 г. сербские повстанцы появились на территории Боснийского пашалыка у Вишеграда.

Крупная победа сербских повстанцев над турецким войском, состоявшим из отрядов боснийских феодалов, у Мишара в октябре 1806 г. воодушевила боснийское крестьянство на борьбу против своих угнетателей. Для предупреждения крестьянских выступлений турецкое правительство 18 апреля 1807 г. издало фирман, предписывавший обыскивать все дома христиан, православные церкви, а найденное оружие отбирать.

Однако крестьянские волнения уже охватили значительную часть Посавины и Крайны. Весной 1807 г. несколько сербских сел в Подринье взялось за оружие. В 1809 г. восстание крестьянства распространилось до Биелины и Брчко, всколыхнув всю Посавину. Подготовку восстания в Боснийской Крайне еще в 1806 г. возглавил сараевский митрополит Бенедикт Кральевич и оружейный мастер и торговец из г. Босанска Градишка Йован Янчич-Сарайлия. Они обратились за помощью к австрийским властям в Хорватии и французским в Далмации, а также к восставшим сербам. Вначале обещая поддержку, Австрия и Франция затем отказали повстанцам в помощи. Пока Янчич колебался призвать ли народ к восстанию, крестьяне из окрестных сел Босанской Градишки в сентябре 1809 г. сами поднялись на борьбу. Но турецким властям вскоре удалось схватить Янчича. В ноябре-декабре 1809 г. движение было подавлено.

Вызванное резким усилением социального и национального гнета и

происходившее в начале XIX в. под непосредственным влиянием освободительной борьбы в Сербском княжестве, крестьянское движение Боснии и Герцеговины возобновилось с новой силой в 30-е годы XIX в. Летом 1833 г. группа крестьян и священников из среза Босанска Градишка во главе со священником Павле Карано-Твртковичем бежала в Сербию к князю Милошу. В феврале 1834 г. во главе отряда, организованного в Сербии, Тврткович пытался поднять восстание в районе города Биелины. Попытка эта не увенчалась успехом. Князь Милош, получив к этому времени шесть пограничных нахий и не желая портить отношения с Турцией, приказал арестовать всех тех, кто из-за неудачной попытки поднять восстание бежал в Сербию.

В это же время в Боснии продолжалась подготовка к восстанию, в которой участвовали представители православного духовенства, в частности приходский священник из города Дервента в Посавине Йовица Илич. Узнав о готовившемся восстании, беги стали набирать войско, поэтому Илич вынужден был поднять крестьян на борьбу раньше срока. В марте 1834 г. восстали крестьяне из нескольких сел Дервентского среза. В течение первых дней Илич сумел собрать отряд численностью в 500—600 крестьян. В первом крупном сражении 10 марта 1834 г. у Поточан повстанцы одержали победу. Однако через несколько дней у Подновля они не выдержали натиска превосходящих сил дервентских и банялукских феодалов. Илич был ранен и с большой группой восставших скрылся на горе Вучияк. Началась расправа над крестьянами, многие из них бежали в австрийские владения. Восстание в Посавине получило отклик в Боснийской Крайне. Но и здесь движение крестьянства было подавлено в самом начале.

Национальное движение Боснии и Герцеговины в 30—40-х годах XIX в. постепенно усиливалось. Оно по-прежнему развивалось под непосредственным влиянием и в тесной связи с национальным движением соседних славянских земель — Хорватии и Сербии. Идеи освободительной борьбы против Турции, посеянные в Боснии и Герцеговине еще в начале XIX в., в 30—40-е годы находили все большее распространение.

Среди первых деятелей национального движения этого времени было много представителей католического духовенства.

Монахи-францисканцы — Иван Франо Юкич, Мартин Недич, Яков Балтич, Блажо Йосич и другие стали видными пропагандистами идей иллиризма. Будучи гимназистом в 1835 г. в Загребе, Юкич (1818—1857 гг.) познакомился с Людевитом Гаем и примкнул к иллирийскому движению (см. гл. 26). В иллиризме Юкича привлекало стремление к пробуждению национального самосознания славян, а также идея культурного и политического единства южнославянских народов. Юкич и его друзья считали себя «настоящими босняками», говорили о едином боснийском народе в равноправной семье южнославянских народов, а свой язык называли «боснийским». Юкич с большим уважением относился к освобожденной от турецкого владычества Сербии. Представители молодой боснийской интеллигенции, воодушевленные идеями иллиризма и освободительной борьбой в соседней Сербии, стремились к просвещению боснийской молодежи как католической, так и православной. Их объединяла ненависть к турецкому гнету и желание добиться политической и религиозной свободы, они не возлагали никаких надежд на реформы в Турции.

Закончив курс богословских наук в Венгрии, зимой 1840 г. францисканцы Балтич, Йосич, Юкич и Бартуло Крайнович Ковачевич направились в Боснию для подготовки восстания, рассчитывая на помощь оружием и людьми со стороны своих единоплеменников из-за Савы и Дрины. Попытка эта окончилась крахом. Однако она являлась свидетельством первых шагов боснийско-герцеговинского освободительного движения.

На дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине оказала влияние националистическая политика сербской буржуазии, принципы которой были изложены в знаменитом «Начертании» Ильи Гарашанина в 1844 г. (см. гл. 22).

Проводя в жизнь идеи «Начертания», Гарашанин стремился охватить сетью тайных агентов и организаций все югославянские земли, однако в первые годы они создавались прежде всего в славянских землях, находившихся под турецкой властью, и в центре этой деятельности оказалась Босния и Герцеговина. Программа Гарашанина нашла отклик среди боснийско-герцеговинских учителей, священников, видных деятелей сельских общин, зажиточных крестьян и мелких торговцев.

В укреплении связей с Сербией видную роль сыграли православные священники и учителя, особенно учителя, приехавшие из Сербии, такие как Шушкалович, Миушкович, Стоянович и др.

В реализации планов И. Гарашанина принимали непосредственное участие многие францисканцы, одни, как, например, Юкич и Йосич с 1850 г. стали тайными агентами; другие — проповедовали сотрудничество среди католиков и православных.

Сеть тайных организаций, возникнув в 40-е годы XIX в., просуществовала с рядом перерывов до начала 70-х годов. Активными участниками этих организаций были сараевский торговец Ристо Богданович, а затем его сын Стево Богданович, Тома Ковачевич, Пашалич, Марьянович и др.

Деятельность сторонников тайных организаций вылилась в составление адресов, меморандумов и протестов, направленных против турецкого управления в Боснии и Герцеговине. Они публиковались в югославянской и австрийской прессе, либо направлялись правительствам европейских государств, турецким властям и султану. В этих документах обычно содержались жалобы на усиление социального гнета и национального бесправия. Некоторые из них представляли первые наброски национально-освободительной программы боснийско-герцеговинской буржуазии.

Характерным в этом отношении является меморандум от 1 мая 1850 г., составленный Юкичем — «Желания и просьбы христиан Боснии и Герцеговины турецкому султану Абдул-Меджиду». В нем содержались требования равноправия христиан с мусульманами в управлении; свободы собраний и союзов, вероисповедания; отмены харача; призыва христиан на военную службу. Меморандум требовал свободы торговли и занятия ремеслом для представителей всех вероисповеданий, отмены кулученья, запрета сгона кметов с земли землевладельцами, организации почтового и других средств сообщения, необходимых для развития торговли и ремесла, гласности бюджета. Сформулировано было также требование свободного строительства школ и приглашения учителей из других стран, открытия типографии для христиан.

ГЛАВА 25

МАКЕДОНИЯ

В результате изменений в составе населения, проходивших на территории Македонии на протяжении столетий, к концу XVIII в. преобладавшей среди славянского населения являлась группа, говорившая на местных диалектах, близких по своему строю к болгарскому языку. Кроме того, в Македонии, особенно в ее окраинных районах, жили сербы (на северо-западе), болгары (на востоке), на юге и в городах — греки. В Македонии также было много турок, жили евреи, армяне, влахи, албанцы. Таким образом, эта область отличалась исключительной этнической пестротой. В XIX в. Македония оставалась аграрной областью. Земледелием занимались не только крестьяне, но и значительная часть горожан, особенно в небольших городах. В начале XIX в. в Македонии продолжали господствовать феодальные отношения, хотя начавшийся процесс их разложения постепенно углублялся. Как и в других балканских владениях Османской империи, в Македонии в первой половине XIX в. под влиянием развития товарно-денежных отношений усилился процесс образования чифтликов и захват землевладельцами в частную собственность крестьянских, общинных и государственных земель. Новые помещики — чифтлик-сахибии — в отличие от спахий были тесно связаны с рынком. Их хозяйство все больше теряло натуральный, потребительский характер.

Процесс разложения феодальных отношений и феодальной организации Турецкой империи толкал турецкие господствующие классы на реформы.

В частности, в Македонии правительство начало в 30—40-е годы XIX в. ликвидацию военно-ленного землевладения, затянувшуюся в Центральной и особенно в Западной Македонии до 1864 г.

В итоге в Македонии чифтликчийская (чифтлигарская) аграрная система стала господствующей. Число чифтликов достигало нескольких тысяч; в некоторых районах они охватывали до 60—70% сел. Чифтлики, как правило, возникали на наиболее плодородных землях. В горных местах их почти не было.

Одним из важнейших социальных последствий почифтличенья в Македонии было обезземеливание значительной массы крестьянства, осо-

бенно в основных районах распространения чифтликов в Вардарской Македонии — Битольском и Скопльском вилайетах.

Крестьяне, работавшие в чифтликах, так называемые чифтлигары, были арендаторами помещичьей земли. Различие между ними заключалось в условиях аренды (исполу и др.). Кроме того, были наемные рабочие (момки), часто получавшие за работу участок земли, жилье и т. д. Однако применение наемного труда оставалось весьма ограниченным. Договоры крестьян с помещиками сверх арендной платы устанавливали обязательную барщину (ангария), обязательства испольщиков перевозить продукты помещика и др. Правом уходить от помещика крестьяне практически не пользовались.

Кроме перечисленных выше категорий чифтлигарского населения, имелись свободные крестьяне, главным образом в горных районах, где не хватало удобной для обработки земли. Эти крестьяне иногда, чтобы прокормить семью, брали у чифтлик-сахибии землю на условиях испольной аренды. Из горных районов в более развитые сельскохозяйственные районы шел основной приток наемных рабочих — сезонных и поденных.

В свободных крестьянских хозяйствах развитие капиталистических отношений было интенсивнее, особенно в такой отрасли сельского хозяйства как скотоводство. Здесь шел быстрее и процесс начавшегося классового расслоения деревни. Из среды крестьян выделялась зажиточная прослойка. Яркой фигурой поднимающегося сельского буржуа был Гюрчин Кокалеский, богатый прасол из Западной Македонии (основного скотоводческого района области). Будучи в начале XIX в. мелким скотоводом, он в 1822 г. имел уже 1000 овец и капитал в 25 000 грошей. К концу 50-х годов стада его увеличились до 12 000 овец и 300 лошадей. Кокалеский занимался ростовщичеством, торговлей, откупом налогов, переработкой продуктов скотоводства, используя при этом не только работу женщин на дому, но и наемных рабочих. Но такие примеры были единичны.

Турецкое правительство, чтобы покрыть большие расходы, связанные с войнами, частыми восстаниями в империи и т. п., помимо основных налогов постоянно вводило различные чрезвычайные налоги и дополнительные поставки. Тяжесть налогов усугублялась откупной системой, дававшей неограниченные возможности для различных злоупотреблений. Установленные властями нормы налогообложения неизменно нарушались. Все крестьяне — чифтлигарские и свободные — продолжали платить десятину государству.

Положение основной массы крестьян характеризовало бесправие, беззащитность от произвола местных властей и насилий со стороны турок (а для чифтлигар в первую очередь со стороны своего помещика и его ближайшего окружения), необеспеченность землей.

Проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство Македонии становится интенсивнее в третьей четверти XIX в., когда после Крымской войны 1853—1856 гг. кризис турецкой феодальной системы углубился. В Македонии возросло денежное обращение (в частности широкий размах приняла уплата налогов деньгами), возникали постоянные рынки. Крестьяне начали чаще продавать сельскохозяйственные продукты и покупать необходимые им товары. Усилилось расслоение крестьянства. Разорявшиеся крестьяне пополняли ряды зарождавшегося сельскохозяйственного пролетариата, богатевшие — немногочисленной сельской буржуазии.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве подрывало чифтлигарское хозяйство. Со второй половины XIX в. учащаются случаи продажи земель и домов чифтликов. Имеющиеся данные свидетельствуют, что в районе Велеса этот процесс к концу 70-х годов XIX в. значительно продвинулся вперед: $^5/_6$ всех зависимых крестьян выкупили

чифтликчийские земли. Однако в целом в Македонии чифтлигарство сохраняло свое значение.

Начиная с XVIII в., особенно в XIX в., происходит быстрый рост городов. Прилив с конца XVIII — начала XIX в. сельского населения в города существенно меняет состав городского населения.

С 20-х годов XIX в. начался быстрый рост ремесленного производства в Македонии. Ремесленники большее количество своей продукции начали поставлять на внутренний и внешний рынки. В первой половине XIX в. главными отраслями ремесленного производства были выделка и обработка кож, шерсти, шелка, железа, а также производство вина, ракии. Кроме того, существовала домашняя промышленность по изготовлению ковров, чулок, одежды и т. п.

Городское ремесло сохраняло цеховой характер. В цехах устанавливались цены на товары и размер вознаграждения подмастерьям, определялась продолжительность рабочего времени и праздничные дни, организовывалась продажа готовых изделий и т. п. Цехи имели свои кассы, средства которых складывались из членских взносов и ряда других доходов. Христиане и мусульмане имели отдельные цехи. Цехи христиан были экономически сильнее мусульманских.

Увеличение производства товаров на рынок вело к усилению дифференциации среди ремесленников, выделению богатой верхушки, к ослаблению цеховых связей. Мастерские зажиточных ремесленников иногда постепенно превращались в простую капиталистическую кооперацию, в мануфактуры. В них работали наемные рабочие, представлявшие собой зародыш промышленного пролетариата. Эти процессы наиболее явственно проявлялись в кожевенном и прядильном производстве. Центрами мануфактурного производства в Вардарской Македонии были Охрид, Велес, район Битоля и др. В середине XIX в. в кожевенных мастерских Охрида работало 800 рабочих, а в третьей четверти XIX в. в 20—30-и мастерских города работало уже 1500 постоянных рабочих. В Велесе ежегодно обрабатывалось до 400 тыс. кож. В этом производстве была занята четвертая часть городского населения. Однако мануфактура не получила в Македонии широкого развития, к тому же здесь преобладала рассеянная, а не централизованная мануфактура. После Крымской войны 1853—1856 гг. в Македонии возникают первые фабрики. Вместе с этим ремесленное производство и его цеховая организация не потеряли своего значения вплоть до XX в.

Неуклонно шел и процесс образования внутреннего рынка. Несмотря на трудности сообщения и неразвитость денежного обращения (до середины XIX в.), усиливается движение товаров, торговля постепенно утрачивает свой местный или областной, а также сезонный характер. В товарообмен втягиваются самые отдаленные уголки страны. В первой половине XIX в., и особенно в 50—70-е годы, в Македонии наблюдается широкое развитие ярмарочной торговли. С середины XIX в. общебалканское значение (наряду с ярмаркой в Сере) приобретает ярмарка в Прилепе. Прилеп был центром товарообмена между балканскими землями и другими европейскими странами. Помимо местных изделий Прилепа и его окрестностей, сюда свозились товары из Битоля, Охрида, Велеса, Салоник, Штипа, Куманова, а также Драча, Скадара, Карлова, Сонота, Панагюрище и др. Прилепские торговцы каждый год в мае и июне посещали Вену, Лейпциг, Лион, Мюнхен и Константинополь, где закупали товары для ярмарки. Общая стоимость товаров, продававшихся на ней, достигала 20—30 млн. грошей. Важными торговыми центрами, помимо Прилепа, были Битоль, Скопле, Охрид, Велес, Штип.

Распространенным явлением в Македонии стал извозный промысел (кираджийство): перевозка товаров на ярмарки и с ярмарок. Например,

прилепские крестьяне караванами в 40—50 лошадей возили товары в Белград, Ниш, Плевну, Софию, Пловдив, Сер, а на обратном пути везли из Пловдива и Татар-Пазарджика табак, из Самокова — изделия из железа и т. д.

Вплоть до конца 70-х годов XIX в. большую роль играла торговля скотом и продуктами скотоводства. Живой скот вывозился в Константинополь, Грецию, Албанию, Сербию, Болгарию, Венгрию, кожа и шерсть в Вену и Лейпциг, шерстяные изделия в Боснию. На местных рынках также продавался в большом количестве скот, шерсть, кожи, сыр, масло и т. д. С горных пастбищ спускались к зиме на зеленые луга Эгейского побережья многочисленные стада.

К середине XIX в. в Македонии было около 600 тыс. лошадей, 2 млн. коз и 9 млн. овец.

Торговля, как и в остальной Турецкой империи, находилась в Македонии преимущественно в руках греков, евреев, армян, влахов. С конца XVIII — в первой половине XIX в. ряды торговой буржуазии постепенно пополняются славянами, которые начинают активную борьбу за рынки.

Вместе с развитием внутренней торговли Македонии расширялись ее внешнеторговые связи. С начала XIX в. фирмы или филиалы фирм торговцев Велеса, Битоля, Охрида и других городов имели свои агентства в Вене, Лейпциге, Марселе, Пеште и т. д. Наиболее оживленные торговые связи поддерживались с Австрией, Францией и Англией. После Крымской войны 1853—1856 гг. доля Австрии в торговле Македонии сокращается, увеличивается ввоз французских и английских товаров. Немалую роль играла торговля с Константинополем. Появлялись купцы из Македонии и в русских городах — Одессе и Киеве. Самыми важными предметами вывоза были хлопок, шерсть, шелк-сырец (из южных районов), различные кожи, зерно, табак, лес, опийный мак. Торговля особенно развивается в 50—60-е годы и идет по восходящей линии до середины 70-х годов XIX в. Этому способствовало и увеличение морских перевозок во время и после Крымской войны.

Турецкая феодальная система оставалась основным препятствием на пути дальнейшего развития капиталистических отношений в Македонии. Росту местной промышленности и торговли, интенсивному формированию македонской буржуазии препятствовали национальное угнетение, отсутствие элементарных гарантий личной свободы и безопасности имущества. Провозглашенные Танзиматом равенство всех подданных империи, гарантия их жизни, чести и имущества остались лишь пустыми обещаниями. Естественным следствием отсталого характера экономики была распыленность капиталов, недостаток кредитных учреждений, что в свою очередь задерживало рост производительных сил страны.

В Македонии не прекращалась борьба с турецким владычеством. В начале XIX в. это были стихийные выступления гайдуков. Живой отклик в Македонии нашла освободительная борьба сербского и греческого народов в первые десятилетия XIX в. В рядах сербов и греков сражались против турок уроженцы Македонии П. Ичко, П. Чардаклия, М. Бочвар и др.

Примерно с 20-х годов XIX в. в Македонии начинает развиваться буржуазное по своему характеру культурно-просветительное движение. Своеобразие этого движения состояло в том, что оно было направлено не только против турецкого ига, но и против греческого экономического и культурного засилья. Греческая буржуазия, представлявшая крупную экономическую силу в городах Македонии, греческое духовенство, послушное ее интересам, держали в экономическом и религиозно-культурном подчинении славянское население области. Родным языком пользовались только в семейном кругу. В деловых отношениях, церквах, школах употреблялся греческий язык.

Деятели национального возрождения стремились к просвещению народа и введению богослужения на родном языке. Длительная общность политических и культурных связей, этническая и языковая близость, единая церковная организация (Македония вместе с Болгарией была подчинена греческой Константинопольской патриархии) определили то, что культурно-просветительное движение в Македонии в рассматриваемый период развивалось в общем русле болгарского национального возрождения.

Но в силу слабости местной буржуазии и прочности греческого влияния (Македония была основной областью длительной греческой экспансии на Балканском полуострове) процесс развития этого движения происходил на территории Македонии медленнее, чем в Болгарии.

Славянская буржуазия, ощущая узость церковного просвещения в монастырских училищах и ратуя за светское образование на родном языке вместо греческого, помогает созданию первых светских училищ, где можно было получить необходимые практические знания. Еще в начале XIX в. появляются первые книги, написанные на старославянском языке с использованием местных македонских диалектов. Авторы этих книг— Йоаким Крчовский (1750—1820) и Кирилл Пейчинович (ок. 1770—1845)— были монахами, но в их религиозно-поучительных рассказах делались попытки отразить современную народную жизнь.

Для руководства делами церкви и школы в Македонии в 30-е годы XIX в. создаются церковно-школьные общины. Первые начальные школы возникают в 30—40-е годы XIX в. в Скопле, Штипе, Велесе и других городах. Однако число их было невелико. Народная школа в Македонии столкнулась на первых порах с большими трудностями и прежде всего с сильным греческим влиянием и активным сопротивлением греков-фанариотов, упорно пытавшихся сохранить свою культурную гегемонию. В то время, как македонская народная школа делала лишь первые шаги, греческие школы были открыты почти во всех городах и в некоторых наиболее крупных селах Македонии. Последним покровительствовали и помогали греческие епископы и консулы. Кроме того, греки имели мощную просветительную сеть с центрами в Эпире, Фессалии, на Ионических островах, в Малой Азии, Константинополе. Молодежь для получения среднего и высшего образования часто уезжала в Янину и Афины. В Греции получило образование большинство наиболее видных представителей культурно-просветительного движения Македонии: Димитр (1810—1862) и Константин (1830—1862) Миладиновы, Райко Жинзифов (1839—1877), Григор Прличев (1830—1893).

У народных школ было мало средств. Остро чувствовался недостаток учебных пособий. Дети обучались по доступным церковно-славянским, сербским и болгарским книгам. Иногда книги привозились и из России. Единых, твердо установленных программ тоже не было. Язык школы оставался смесью церковно-славянского, болгарского, сербского и местных македонских народных говоров. А поэтому многое зависело от личных качеств и образованности учителя. Но хорошо подготовленных учителей было мало. Немногие образованные люди, такие как братья Миладиновы, Жинзифов и др., не сразу освободились от влияния эллинизма.

Народная школа в Македонии рождалась в длительной, упорной и тяжелой борьбе с греческой буржуазией и духовенством.

Лишь со второй половины XIX в. в школьном деле наметился существенный перелом. К середине 60-х годов число народных школ значительно возросло. Появилась тяга к получению высшего образования в России и других славянских странах, а не в Греции. Первым в Россию, еще в 1842 г., уехал Парфений Зографский (1818—1875). В конце 50-х

годов из Македонии в Россию уехала целая группа молодежи, в том числе К. Миладинов и Р. Жинзифов, которые до этого несколько лет учительствовали в Македонии. Постепенно кадры учителей пополняются людьми, свободными от греческого влияния, получившими педагогическое образование. Перестраиваются школьные программы. Помимо обычных школ в Македонии появляются воскресные школы, вечерние курсы для взрослых, народные читальни (например, в Прилепе, Велесе, Скопле, Штипе). В 1868 г. в Штипе открывается первое в Македонии педагогическое училище. Начинается широкий приток болгарских учебных пособий, которые или выписывались из Болгарии или закупались в книжных лавках на ежегодных ярмарках в Прилепе и других городах.

Приблизительно с конца 50-х годов XIX в. в Македонии развертывается дискуссия о литературном языке. Одни, как П. Зографский, выступали за литературный язык общий для Болгарии и Македонии, созданный на основе всех наречий и особенно македонских (болгарский литературный язык складывался к этому времени на основе восточно-болгарских говоров). Другие, так называемые «македонисты» (их деятельность падает на 60—70-е годы), отстаивали право Македонии на отдельный литературный язык, ибо они считали, что македонцы не болгары, а самостоятельный народ. Идеи «македонистов» впервые выразил в печати Гёрги Пулевский (1838—1894) в своей работе «Словарь трех языков. Македонский, албанский и турецкий», изданной в Белграде в 1875 г. Кузман Шапкарев (1834—1908) занимал противоречивую позицию, то выступая последователем Зографского, то сторонником «македонистов». Составленные и изданные представителями всех этих идейных течений школьные учебники (особенно пособия Шапкарева) получили довольно широкое распространение в школах Македонии. Однако ни одно из упомянутых направлений не добилось победы и в Македонии до конца турецкого господства наиболее распространенным языком в школах являлся болгарский литературный язык.

Вместе с попытками оформления литературного языка на основе народных говоров во второй половине XIX в. в Македонии наблюдается пробуждение интереса к фольклору, преданиям старины и т. п. Составляются сборники народных песен. Наиболее известным из них был изданный в 1861 г. братьями Миладиновыми сборник «Болгарские народные песни», основным ядром которого были песни, собранные на территории Македонии. Помимо школьных учебников, появляются первые художественные произведения, в которых используются местные диалекты (стихи К. Миладинова, стихи и проза Жинзифова).

Параллельно с укреплением народных школ не прекращалось развитие и школ греческих. Поэтому греческое культурное влияние, ослабевая, полностью не исчезало. Греки-фанариоты по-прежнему не складывали оружия, опираясь при этом на поддержку турецких властей. Они обрушивались прежде всего на учителей, стоявших в первых рядах борцов за культурное возрождение своего народа. Так, один из первых просветителей Йордан Константинов Джинот (ок. 1818—1882) вследствие происков греческих епископов в 1861 г. был арестован турками, жестоко избит и заточен в крепость Гюзел Хисар. По доносам греческого духовенства был брошен в тюрьму в феврале 1861 г. Д. Миладинов. В августе того же года был арестован К. Миладинов. Оба брата умерли в тюрьме от тифа в начале января 1862 г. Преследованиям подвергались также Шапкарев, Прличев и др.

Македония всегда находилась в тесных дружеских связях с родственными славянскими народами. Кроме тесного контакта с Болгарией, довольно оживленные культурные связи существовали и с Сербией. Помимо сербских учебников, в Македонии появлялись и сербские учителя.

Например, в Велесе с 1843 по 1860 г. перебывало четыре учителя-серба. В Велесском училище преподавались сербский язык и сербская история. Джинот поддерживал связи с литературными и научными кругами не только Болгарии, но и Сербии. Д. Миладинов окончательно освободился от греческого влияния после своей поездки в 1856 г. по Сербии, Боснии, Герцеговине и Воеводине, где он изучил сербский язык. Чтобы издать народные песни, К. Миладинов обратился за помощью к хорватскому епископу Штросмайеру. Обучение в России македонской интеллигенции, общение деятелей культуры Македонии с русскими также содействовало борьбе с греческим влиянием.

Начиная с 60-х годов наблюдаются первые признаки открытого соперничества Болгарии и Сербии в Македонии. И сербская, и болгарская буржуазия стремятся расширить свое политическое и культурное влияние на эту область. В августе 1868 г. сербское правительство создало специальный комитет для распространения сербского просвещения в славянские области Османской империи и в первую очередь в Македонию и Старую Сербию. В задачи комитета входило открытие там сербских школ, посылка в них сербских учителей, учебников, подготовка преподавателей. За период с 1868 по 1876 г. в Македонии было открыто от 20 до 30 сербских училищ. Однако после 1878 г. в Македонии действовала только одна сербская школа в Тетове.

В Македонии, как и в Болгарии, развернулась борьба за независимую от Константинопольской патриархии церковь. Однако движение в Македонии развивалось медленнее, чем в Болгарии, так как греческое духовенство имело здесь более надежную опору среди грекоманов. Более широкий размах церковная борьба в Македонии получила только после Крымской войны 1853—1856 гг. К концу 60-х годов большинство македонских церковных общин порвало с греческой патриархией. Фирман турецкого султана от 28 февраля 1870 г. об учреждении Болгарской экзархии был встречен в Македонии с радостью. Но из македонских епархий только Велесская была включена в рамки экзархии. Другие могли получить это право после того, как $^2/_3$ населения выскажется в пользу присоединения к экзархии. В 1872 г. после плебисцита к экзархии присоединились Скопльская и Охридская епархии. События 1875—1878 гг. помешали проведению опроса в других частях Македонии. Движение в Македонии за освобождение от власти Константинопольской патриархии пытались использовать католические и протестантские миссионеры, отражавшие стремления Англии, Франции и Австрии подорвать русское влияние в турецких владениях и укрепить собственное. Они пытались заставить православное население Македонии пойти на унию с Римом. В результате их пропаганды в 1859 г. в унию перешло население города Кукуша. Однако успехи униатского движения были кратковременными.

В третьей четверти XIX в. движение в Македонии не превратилось в освободительную борьбу широких народных масс. Действия ряда гайдуцких чет в 50—70-е годы (Сирмы воеводы, Лазара Тодоровского и др.) имели узко местное значение. Отдельные уроженцы Македонии приняли участие в болгарском национально-освободительном движении 60—70-х годов XIX в.: в отряде Раковского, четах Панайота Хитова, Филиппа Тотю, Хаджи Димитра, Стефана Караджи, Христо Ботева. Население Разложской, Малашевской и Пиянецкой околий приняло участие в Апрельском восстании 1876 г. Но вся остальная территория Македонии осталась вне революционной борьбы, хотя в отдельных городах (Охриде, Битоле, Ресене, Велесе и др.) была установлена связь с болгарским Центральным революционным комитетом в Бухаресте.

ГЛАВА

26

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Хорватия и Славония в конце XVIII — первой половине XIX в.[1]

С конца XVIII в. в Хорватии и Славонии стали более отчетливыми признаки разложения феодально-крепостнических отношений и зарождения капиталистических. Хорватия была областью преимущественно мелкого и среднего, Славония — крупного помещичьего хозяйства. Если в Хорватии в 1848 г. на долю 13 владений, имевших более 180 крестьянских наделов (селищ) каждое, приходилось 26,5% общего числа селищ, то в Славонии восемь поместий, включавших более 270 селищ каждое, охватывали 70% крестьянских наделов в области. Но по уровню, темпам, по общему характеру хозяйственного развития эти провинции мало отличались друг от друга. В конце XVIII — первой половине XIX в. помещичьи хозяйства, особенно крупные в Славонии, производили в первую очередь зерно. Существенную роль в феодальных владениях играло скотоводство, а в мелких помещичьих хозяйствах Хорватии — виноградарство. В ряде поместий было развито пчеловодство и шелководство, а также распространены охотничий и рыболовный промыслы.

Рост капиталистической промышленности в хорватских областях и во всей Австрийской империи, предъявлявшей усиленный спрос на сельскохозяйственное сырье и продукты, развитие международной торговли втягивали помещичьи хозяйства Хорватии и Славонии в сферу рыночных отношений. Хорватские помещики продавали зерно, скот, вино, табак, мясо, лес, мед, воск, пушнину и т. д. С ростом потребностей, перестройкой общественно-экономического быта помещики чаще стали обращаться к рынку для покупки изделий мануфактурного и фабричного производства. Начиная с 70-х годов XVIII в., барское хозяйство все более приобретает товарный характер за счет продажи главным образом сельскохозяйственных продуктов, а в известной степени и промышленных изделий. Увеличение товарности помещичьего хозяйства было связано со значительным повышением спроса на сельскохозяйственные продукты, в особенности на австрийском и внешнем рынках. Во второй четверти XIX в. хорватские помещики в своей крепнущей торгово-предпринимательской деятельности встретили серьезные препятствия. Конкуренция

[1] Об истории хорватской части Военной Границы см. в гл. 27.

русского и венгерского зерна весьма затруднила сбыт продукции хорватских помещичьих хозяйств, которые на внешнем рынке выступали в первую очередь как поставщики хлеба. Ведение торгового хозяйства требовало капиталовложений, которых не было у средних и мелких феодалов, и главное — замены экономически несостоятельной барщины наемным трудом. Так объективный ход экономического развития ставил хорватских землевладельцев перед необходимостью во избежание экономической гибели сообразовать свое хозяйство с требованиями капиталистического рынка, добиваться ликвидации национально-политических и экономических ограничений, препятствующих накоплению капитала и развитию товарного производства.

Стремясь повысить товарность своих хозяйств, хорватские помещики в последних десятилетиях XVIII в. особенно активно начали расширять барскую запашку путем присоединения крестьянских земель. Неоднократно проводились обмеры крестьянских держаний с целью установления площади наделов, разграничения кметских и господских земель и урегулирования крестьянских повинностей. При этом сокращались земли, находившиеся в пользовании у крестьян, и присоединялись к господским владениям [1]. Часто землевладельцы отбирали у кметов вненадельные и общинные угодья. Урбариальные наделы, которые законодательство запрещало помещикам отчуждать, подвергались захватам значительно меньше. Поэтому в Хорватии и Славонии обезземеливание кметов было частичным.

Вместе с тем, некоторые феодалы еще в конце XVIII в. стали расширять посевные площади за счет разработки целины и улучшать методы ведения хозяйства. В 1841 г. в Хорватии и Славонии было образовано первое хозяйственное общество, в которое вошли в основном представители дворянства и духовенства. Оно поставило своей задачей развитие науки и подъем земледелия в хорватских областях. Правда, в условиях крепостного труда рационализаторские приемы земледелия, улучшенная техника получили распространение лишь в немногих помещичьих хозяйствах, тем не менее эти стремления отражали известный сдвиг в развитии производительных сил и нарушали свойственную крепостническому строю рутинность техники.

С ростом товарности поместий, расширением барской запашки, рационализацией сельскохозяйственного производства помещики все больше нуждались в рабочей силе. Они пытались удовлетворить эту потребность прежде всего увеличением барщины. В Хорватии в первой половине XIX в. крепостные крестьяне работали на барина 50, 100 и даже 200 дней в году. Феодальные землевладельцы зачастую принуждали также кметов работать на своих полях за деньги, оплачивая, однако, этот труд в 2—3 р. за ниже, чем вольнонаемный. В Славонии в начале XIX в. кметы с полным наделом за крайне низкую плату работали сверх нормы на феодала до 100—150 дней в году. Крестьяне жаловались властям на растущий произвол и насилия помещиков. В то же время феодалы все шире применяли для некоторых сельскохозяйственных работ свободный наемный труд. Однако капиталистические методы эксплуатации получили еще незначительное распространение в господских владениях.

В условиях усиливающегося разложения крепостного хозяйства часть помещиков, главным образом состоятельных, медленно перестраивая свое хозяйство, переходила к капиталистическим методам его ведения. Но большая часть мелких и частично средних феодалов, лишенных матери-

[1] Так в конце XVIII — начале XIX в. в пяти сремских поместьях — Рума, Илок, Чалма, Шид и Вуковар — землевладельцами было отрезано у крестьян во время обмеров около 11 000 га земли.

альных средств для хозяйственного маневрирования, запутывалась в долгах. Многие из них к исходу первой половины XIX в. стояли на пороге полного разорения.

Крепостные крестьяне, составлявшие почти 90% населения Хорватии и Славонии, держали всего $^1/_3$ часть земли. Захват феодалами крестьянских угодий ухудшил обеспечение землей сельского населения. В то же время возросли феодальные платежи и обязанности и в первую очередь отработочная повинность кметов, несмотря на то, что генеральные урбарии устанавливали размеры крестьянских повинностей. В первой половине XIX в. крестьяне многих сел жаловались, что принудительная работа на барина стала неограниченной. В связи с процессом первоначального накопления капитала и войнами конца XVIII — начала XIX в. увеличились также прямые и косвенные налоги на крестьянство [1].

Во второй четверти XIX в. венгерские либерально-помещичьи круги провели на венгерско-хорватском сейме ряд законов, направленных на некоторое смягчение феодальной эксплуатации крестьянства и облегчение перехода помещиков к новой хозяйственной системе. В 1840 г. сейм официально узаконил выкуп крестьянами феодальных обязательств по договорепности с помещиками. Однако в Хорватии и Славонии, да и в самой Венгрии аграрные законы 30—40-х годов почти не применялись на практике. Помещики, не имея капиталов и навыков для ведения капиталистического хозяйства, всячески цеплялись за феодальные привилегии, крестьяне же не располагали денежными средствами, чтобы откупиться от феодальных повинностей.

Обезземеливание, увеличение повинностей и налогового бремени вели к обнищанию и разорению значительной части крестьянства. Хозяйственная деградация крестьянства ускорилась в результате наполеоновских войн, которые лишили многие крестьянские семьи рабочих рук, а две девальвации, проведенные в начале XIX в. в Австрийской империи, еще более усилили ее.

В рассматриваемое время значительная часть кметов держала менее половины надела и даже вовсе не имела земли. В Хорватии подавляющая часть крестьянства не располагала основными сельскохозяйственными орудиями: на 4—5 дворов приходился один тяжелый, допотопный плуг. В каждой общине были дворы, вовсе лишенные рабочего скота. Неимущие кметы нанимались на работу к помещикам, богатым хозяевам, уходили на заработки, некоторые из них, не найдя работы, пополняли ряды бродяг и нищих.

Вместе с тем, из среды крестьян выделялись отдельные зажиточные кметы, которые вели хозяйство буржуазными методами, эксплуатируя малосостоятельных крестьян и занимаясь торговыми и ростовщическими операциями. Однако процесс социального разложения крестьянства в Хорватии и Славонии находился лишь на начальной ступени развития.

В обстановке экономического подъема последних десятилетий XVIII в. и первой половины XIX в., обусловленного ростом капиталистического производства, в Хорватии и Славонии продолжали развиваться мелкие городские и сельские промыслы, служившие в известной степени основой для создания капиталистического мануфактурного и фабричного производства. Они обслуживали не только местный рынок. Изделия некоторых крестьян-кустарей и городских ремесленников отправлялись далеко за пределы Хорватии и Славонии. С ростом товарности мелких промыслов в городах ускорилось разложение цеховой системы. В 1813 г. для Венгрии, Хорватии и Славонии был издан «Общий цеховой устав». Оставляя в целом прежние цеховые привилегии, он вместе с тем устанав-

[1] Государственный налог—контрибуция — вырос в Славонии в течение второй половины XVIII в. в три раза.

ливал единообразие цеховых организаций, ограничивал корпоративную замкнутость цехов, усиливал контроль над ними со стороны властей. Это была попытка центральной власти, ликвидируя наиболее отрицательные стороны цеховой системы, сделать ее более гибкой и потому живучей. Но на практике положения устава цехами часто нарушались.

В первой половине XIX в. в Хорватии и Славонии были достигнуты некоторые успехи в развитии капиталистической промышленности. Капиталистическое производство в форме простой кооперации и мануфактуры получило наибольшее развитие в лесной и деревообрабатывающей промышленности, начавшей интенсивно расти во второй четверти XIX в., в поташном деле, в шелкоперерабатывающей, мукомольной, пищевой, табачной, кожевенной промышленности и т. д. Капиталистические формы производства проникли и в горное дело, в общем слабо развитое в хорватских областях. На исходе первой половины XIX в. появились небольшие капиталистические фабрики. Первая паровая машина была установлена на сахарном заводе в Славонии в 1845 г.[1] В 1838 г. по Саве прошел первый австрийский пароход. В 1844 г. по этой реке плавал пароход, принадлежавший хорватскому акционерному обществу «Слога». В промышленном производстве Хорватии и Славонии в рассматриваемое время участвовал австрийский и иностранный капитал. Это содействовало увеличению экономической зависимости хорватских областей, а также усилению политического влияния в них Австрии.

В первой половине XIX в. Хорватия и Славония по уровню экономического развития опередили ряд югославянских земель Австрийской, а тем более Турецкой империи. Однако промышленный капитализм развивался здесь с большим трудом и медленнее, чем в передовых областях Австрийского государства. В 1849 г. стоимость действующих паровых машин составляла в Хорватии и Славонии около 26 тыс. форинтов, в то время как в Чехии и Моравии — более 2750 тыс. форинтов. Число наемных рабочих в ремесле и на фабриках в Хорватии и Славонии не достигало 8 тыс., а в Чехии составляло 200 тыс. человек. В капиталистической промышленности Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. безраздельно господствовали простейшие формы организации производства.

Основная причина замедленного развития Хорватии и Славонии заключалась в господстве феодальных отношений. Отсутствие самостоятельной государственности и национальный гнет также препятствовали росту производительных сил в этих областях. Экономическая политика австрийского двора, стремившегося превратить хорватские земли в аграрно-сырьевой придаток империи, тормозила здесь промышленное предпринимательство. А таможенная система, обеспечивавшая почти беспошлинный ввоз в Хорватию и Славонию австрийских промышленных товаров при значительной пошлине на вывоз хорватских в Австрию, подрывала не только слабую капиталистическую промышленность, но и мелкотоварное производство Хорватии и Славонии и обеспечивала хозяйничание на внутреннем рынке австрийских буржуа, ввозивших в эти земли промышленные изделия.

В результате ограничительной политики габсбургской династии капитализм в Хорватии и Славонии развивался в XIX в. главным образом в тех отраслях промышленности, которые производили полуфабрикаты и сырье. Хорватия и Славония постепенно превращались в поставщиков сельскохозяйственного и промышленного сырья для переживавших про-

[1] Первая паровая машина на хорватской территории вообще появилась в 1835 г. на бумажном предприятии в Риеке. Но до 1848 г. Хорватское приморье с Риекой составляло особую административную единицу в составе Венгерского королевства (см. гл. 18, стр. 255).

Селение в Лике

мышленную революцию наследственных земель Габсбургов. С развитием капиталистической промышленности менялся облик хорватских городов. В них увеличивалось население: если в 1807 г. Загреб насчитывал 3,7 тыс. чел., то в середине XIX в. в нем было почти 15 тыс. жителей. Вместе с тем был сделан шаг в сторону превращения старых городов феодального типа в капиталистические промышленные центры. Однако, несмотря на рост, города в Хорватии и Славонии отставали в своем развитии от других городов Австрийской империи.

Рост сельскохозяйственного и промышленного производства обеспечивал развитие торговли хорватских областей. Хорватия и Славония поддерживали тесные торговые связи с Приморьем, Военной Границей, Венгрией, словенскими землями, Австрией и другими провинциями внутри империи. Продукты хорватского производства отправлялись в иностранные государства. Через Хорватию и Славонию поступали предметы

экспорта и импорта Венгрии, частично австрийских наследственных земель и Военной Границы. Год от года поток вывозимых и ввозимых Хорватией и Славонией, а также транзитных товаров возрастал. В 1780 г. в портах Рпека, Бакар и Кралевица побывало 1794 корабля, а в 1793—1794 гг.— 2375. В 40-х годах XIX в. только в риекский порт ежегодно приходило 2640 судов. За период с 80-х годов XVIII в. до 40-х годов XIX в. товарооборот через порты Хорватского приморья в денежном выражении возрос не менее, чем в 2,5 раза.

Оживился в Хорватии и Славонии внутренний обмен, который развивался не только в городах и торгово-промышленных пунктах, но проник и в деревню. В Загребе, Карловаце, Осиеке проходили самые крупные в этих землях ярмарки. Шел процесс объединения небольших местных рынков в единый общехорватский национальный рынок.

Во второй половине XVIII в., после жестокого подавления крестьянских восстаний и издания генеральных урбариев, хотя и не принесших существенных облегчений кметам, но все же впервые официально регламентировавших нормы феодальных повинностей, наблюдался спад крестьянской борьбы. Но с начала XIX в. в связи с углублением классовых противоречий между помещиками и крестьянами в хорватских областях начались новые крестьянские выступления. Они происходили в обстановке нарастания антифеодального и национально-освободительного движения во всей Австрийской империи, а также в соседних с Хорватией и Славонией славянских землях Турции.

Протест хорватского крестьянства против крепостного гнета выражался в отказе от выполнения феодальных обязательств, бегстве, небрежном выполнении барщинных работ, жалобах властям, снаряжении ходоков к Вену. Все более широкое распространение получало активное крестьянское сопротивление. Восстание в Сербии непосредственно содействовало развертыванию крестьянской борьбы в 1807 г. в Среме (см. гл. 27). Выступления крестьян неоднократно вспыхивали в первых десятилетиях XIX в. Вооруженные выступления кметов произошли в 1830 и 1846 гг. в Загребской жупании. В 1846—1847 гг. в связи с голодом и эпидемией тифа повсеместно усилилось недовольство кметов. Но все же до 1848 г. крестьянское движение в Хорватии и Славонии не приобрело еще массового характера, крестьянские волнения были разрозненными и локальными.

Усиление крестьянской борьбы не только в Хорватии и Славонии, но и в других землях империи заставляло хорватское дворянство задуматься над неизбежностью отмены крепостного права.

К исходу первой половины XIX в. в Хорватии и Славонии процесс разложения феодальной системы под влиянием роста капиталистических форм производства значительно усилился. Весь ход экономического развития, рост антифеодальной крестьянской борьбы ставили на повестку дня вопрос о ликвидации феодально-крепостнических отношений и об обеспечении национальной самостоятельности хорватских земель как наилучшего условия для развития капиталистических отношений и формирования хорватского народа в нацию.

Но в Хорватии и Славонии не было той общественной силы, которая смогла бы организовать и возглавить революционную борьбу масс за ниспровержение существующих общественных отношений и установление самостоятельной государственности. Хорватская торгово-промышленная буржуазия частично зависела от австрийского, а также и иностранного капитала, была экономически незрелой и политически косной. Рабочий класс здесь только формировался.

Централизаторская политика Габсбургов означала для народов, входивших в многонациональную Австрийскую империю, усиление эконо-

Свидетельство о поведении и работе, выданное цехом подмастерью
Осиек, 1827 г.

мического и национально-политического гнета со стороны австрийских правящих кругов. Но с развитием капиталистических отношений в многонациональном феодально-абсолютистском государстве стали складываться новые общественные силы. В наиболее развитых землях —Австрийских Нидерландах, Чехии, а также в Венгрии буржуазные слои в конце XVIII в. развернули борьбу против феодализма и австрийского абсолютизма. В то же время венгерское обуржуазивающееся дворянство, начавшее борьбу за ликвидацию препятствий, мешающих капиталистическому развитию страны, обнаружило националистическую непримиримость в отношении невенгерских народов, входивших в состав короны св. Стефана. Основой национализма явилось стремление венгерских буржуазных сил расширить свои экономические позиции в славянских землях и прежде всего в Хорватии и Славонии, которые занимали выгодное географическое положение на пути к морю.

Руководители венгерского национального движения стремились к достижению полного политического и экономического господства венгерских помещиков и буржуазии над славянской, в том числе и над хорватской, территорией. Попытки мадьяризации Хорватии и Славонии впервые обнаружились на Пожупском сейме 1790—1791 гг. На нем представители хорватского господствующего класса в надежде укрыться от централизаторских попыток Габсбургов признали административно-политическое подчинение Хорватии и Славонии венгерским властям и, отказавшись от финансовой самостоятельности Хорватии, передали сейму право определения налогов. Но когда на сейме венгерское либеральное дворянство потребовало введения венгерского языка в качестве официального на территории всего Венгерского королевства, это обеспокоило хорватских феодалов, опасавшихся с отменой латинского языка лишиться своих

привилегий и служебных мест. Представители Триединого королевства [1], поддержанные венским двором, оказали решительное сопротивление предложению венгров. Но уже в следующем году сам хорватский сабор, а затем и Пожунский сейм постановили ввести изучение венгерского языка в хорватских школах в качестве необязательного предмета.

Во время наполеоновских войн национальная борьба в Австрийской империи несколько ослабла, но не прекратилась. Участница четырех антифранцузских коалиций, габсбургская империя терпела одно поражение за другим от французских армий. По Шёнбруннскому миру 1809 г. Австрийская империя вынуждена была уступить Франции часть Каринтии, Горицу, Трнест, Крайну, часть гражданской Хорватии и Военной Границы между Савой и морем и некоторые другие земли. Из указанных югославянских областей, присоединив к ним Далмацию, Дубровник, Истрию, которые Франция получила еще в 1805 г., а также другие районы, Наполеон создал особое владение — Иллирийские провинции—с центром в Любляне [2]. В 1811 г. Иллирийские провинции в качестве самостоятельной административной единицы были присоединены к Французской империи. Они занимали территорию в 55 тыс. кв.км с населением 1,5 млн. человек, главным образом хорватов и словенцев. Иллирийские провинции состояли из шести гражданских и одной военной областей. Наполеон сохранил военно-феодальное устройство Военной Границы, максимально использовав местное население в военных действиях. Военным и гражданским главой Иллирийских провинций был генерал-губернатор, пост которого последовательно занимали маршал Мармон и генерал Бертран.

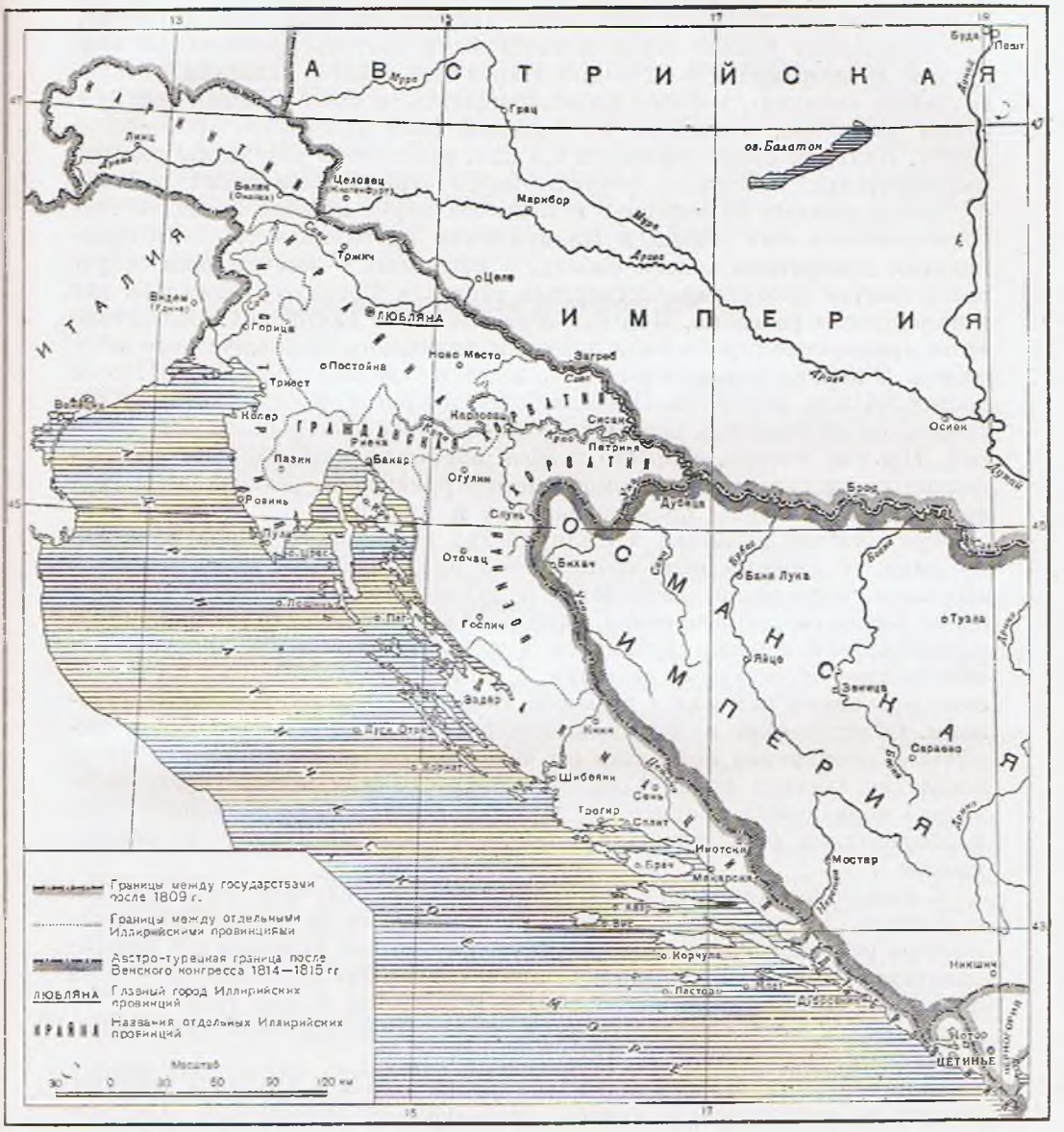
Провинции делились на кантоны, дистрикты и общины. По замыслу Наполеона, Иллирийские провинции должны были стать соединительным звеном между Италией и Далмацией, транзитным путем для французских товаров, отправлявшихся на восток, а главное — для левантийских колониальных товаров, форпостом Франции на Балканах, позволявшим ей контролировать экономическую и политическую жизнь Австрийской империи и поддерживать прямой контакт с Турцией.

Иллирийские провинции были для Наполеона также средством привлечения симпатий югославянской общественности, мечтавшей об объединении и политической независимости.

Желая утвердить свое господство в завоеванных землях, оживить их хозяйственную жизнь и найти поддержку у местного населения, Наполеон провел в Иллирийских провинциях целый ряд реформ. Он ввел здесь французский кодекс законов, устанавливавший равенство граждан перед судом и законом, организовал суд и администрацию по французскому образцу, отменил личную зависимость крестьян и связанные с ней повинности, упразднил судебную власть помещиков, лишил города автономных прав. Наполеон уничтожил цехи, ввел для местной промышленности покровительственные пошлины, объявил свободу торговли. В провинциях началось дорожное строительство. Церковь была подчинена государству, а школы переданы в ведение светских властей. В 1810 г. был издан декрет, обязывавший в каждом кантоне иметь школу для девочек, а в каждой общине открыть школу для мальчиков. Обучение в начальных и средних школах должно было вестись на языке местного населения, т. е. на хорватском и словенском. Эти мероприятия французских властей, несомненно, способствовали разложению феодальных порядков,

[1] Триединое королевство — средневековое сокращенное название Королевства Хорватии, Славонии и Далмации, которое употреблялось и в XIX в.

[2] Наполеон использовал для наименования своего нового владения древнее географическое название в западной части Балканского полуострова—Иллирия, которое часто употреблялось в литературе для обозначения территории, занимаемой югославянами.



Иллирийские провинции

росту национального самосознания населения бывших австрийских владений.

В то же время французская оккупация вызвала экономическое разорение в провинциях. Рассматривая Иллирийские провинции как источник для получения дополнительных денежных средств и пушечного мяса, французское имперское правительство хищнически эксплуатировало их. Обескровленные войной земли должны были платить французским властям до 10 млн. франков ежегодно. Народ был угнетен налогами, «добровольными займами», которые не возвращались, и бесконечными рекрутскими наборами. Несмотря на большой рост налогового бремени, в 1810 г. Иллирия имела дефицит в 6,3 млн. франков. В результате режима континентальной блокады, искусственного отрыва приморских районов от расположенных на материке источников сырья пришла в упадок торгово-промышленная жизнь в Иллирийских провинциях. Многие предприятия прекратили совсем работу, в остальных — значительно сократился выпуск продукции. Сухопутная торговля Франции с Левантом так и не получила развития. Морская торговля стала ничтожной. Вследствие этого приморские города были доведены до полного экономического истощения. В период французского господства, к середине 1810 г., долг Риеки достиг 3,4 млн. форинтов. Некогда богатый Триест, расцвет которого основывался на торговых связях с Англией, Средиземноморьем, был разорен. Налоги, поборы и просто грабеж истощили материальные ресурсы бедных слоев населения, а таможенные ограничения, реквизиции и конфискации — капиталы промышленников и купцов.

Французская политика в Иллирийских провинциях нашла поддержку лишь со стороны немногочисленных представителей местной интеллигенции, буржуазии, дворянства и духовенства, которые, сочувствуя идеям Французской революции, переносили свои симпатии на Наполеона, рассматривали приход французов в югославянские земли как условие, облегчавшее буржуазное развитие, а сам факт образования Иллирийских провинций как шаг к решению югославянской национальной проблемы. Объединенные в франкмасонские ложи они насчитывали в Иллирийских провинциях несколько сот человек. Однако подавляющая часть населения занятых французами областей по разным мотивам была недовольна политической линией, а главное грабительскими экономическими мероприятиями французских властей и развернула борьбу за освобождение [1].

С разгромом Наполеона Габсбурги в 1815 г. получили назад утерянные земли. Австрийское правительство в основном ликвидировало французские реформы, оставив из них лишь те, которые отвечали его централизаторским тенденциям. Оно подчинило хорватские гражданские области южнее Савы люблянским властям и установило в них такие же порядки, какие были в наследственных землях. Воссоединение их с Хорватией произошло лишь в 1822 г.

Многолетние войны конца XVIII — начала XIX в. углубили экономический и политический кризис феодально-абсолютистского Австрийского государства. В стране царила хозяйственная разруха, состояние финансов заставило правительство в 1811 г. объявить государственное банкротство, в инонациональных провинциях назревал подъем освободительного движения угнетенных народов, национальное самосознание которых окрепло в ходе борьбы с французской агрессией. Габсбурги установили в стране полицейско-бюрократический режим, душой которого стал министр иностранных дел, позже канцлер,— князь Меттерних. Во внешней политике правительство взяло курс на удушение революционных

[1] Подробнее об этом см. стр. 386 данной главы, а также главу 27.

и национальных движений в Европе. Австрийская монархия стала ведущей силой реакционного «Священного союза», образованного европейскими самодержцами в 1815 г. для борьбы с революцией.

Эти меры не сломили национально-освободительной борьбы. После наполеоновских войн значительно усилилось венгерское национальное движение. Но одновременно активизировалось наступление венгерских помещиков на права других национальностей. Венгерские буржуазно-помещичьи круги упорно добивались введения венгерского языка в качестве государственного в Хорватии и Славонии. В 1827 г. хорватский сабор вынужден был согласиться на обязательное изучение венгерского языка в хорватских школах. Венгерское дворянство покушалось также на территориальную целостность Хорватии и Славонии и их автономные права. Мероприятия венгерских властей, направленные на денационализацию хорватских земель, явились непосредственным толчком к началу здесь национального движения.

Далмация в первой половине XIX в.

В 1797 г. Австрия и Франция заключили тайный договор о разделе венецианских владений и переходе Истрии, Далмации и других областей в руки Габсбургов. Вскоре Наполеон инспирировал государственный переворот в Венеции и оккупировал ее своими войсками. Эти события сопровождались крупными антифеодальными выступлениями городских трудящихся и крестьянства в Далмации. В отдельных районах восставшим удалось добиться уменьшения феодальных платежей и замены местных властей. Выступления масс произошли также в Боке Которской. Но в некоторых городах Далмации недовольство простого народа было использовано клерикальными и проавстрийски настроенными кругами для расправы над представителями интеллигенции, буржуазии и дворянства — сторонниками идей Французской революции.

Падение Венецианского государства вызвало в среде дворянства, духовенства, богатых торговцев Далмации стремление включить Далмацию в состав Венгерского королевства, присоединив ее к Хорватии. Напуганные подъемом антифеодального движения, они надеялись при помощи венгерского дворянства сохранить прежние порядки и систему управления, воспрепятствовать распространению в Далмации идей Французской революции, предотвратить вторжение французов в ее пределы. Они рассчитывали также оградить Далмацию таким путем от германизаторской и централизаторской политики австрийских монархов. Провенгерские настроения особенно окрепли после вступления в Далмацию летом 1797 г. австрийских войск, которыми командовал барон Матия Рукавина, хорват по происхождению. В 1802 г. желание далматинцев присоединиться к Венгерскому королевству и соответственно к Хорватии было поддержано хорватским сабором и Пожунским сеймом. Объективно выступления в пользу объединения Далмации с Хорватией содействовали югославянскому сближению и служили делу воссоединения хорватских земель.

В октябре 1797 г. мирный договор, заключенный между Австрией и Францией в Кампоформио, утвердил захват Австрией Истрии, Далмации, Боки Которской и других областей. Народные массы были недовольны установлением в Далмации австрийского господства, ибо новые власти расправлялись с наиболее активными участниками последних восстаний и водворяли порядки, существовавшие в период венецианского господства. По Далмации вновь прокатилась волна народных выступлений. Сторонники объединения с Хорватией в свою очередь оказались обманутыми в своих политических чаяниях. Венская придворная канце-

лярия в 1802 г. обнародовала решение о том, что император получил Далмацию по Кампоформийскому миру как компенсацию за территории, уступленные Италии и Нидерландам, и потому не обязан возвращать ее Венгерскому королевству, тем более, что последнее не располагает достаточными силами для обороны этой области.

Во главе управления в Далмации австрийское правительство поставило губернатора, при котором был учрежден Совет. Прежнее административное деление и система местного управления в Далмации в основном сохранились. Бока Которская была подчинена особым властям.

В 1805 г. Австрийская империя, потерпев поражение в войне с Францией, уступила ей по Пресбургскому (Пожунскому) миру Далмацию и Боку Которскую. Наполеон включил их в состав Итальянского королевства. В качестве генерального провидура Далмации, сосредоточившего в своих руках верховную гражданскую власть, был назначен венецианец Дандоло, а военная власть была передана генералу Мармону. При генеральном провидуре Наполеон учредил совещательный орган — Главное вече; было произведено разделение административных и судебных властей. Проводя централизацию управления, Наполеон ввел новое административное устройство Далмации (округа, кантоны, общины) и тем самым окончательно подорвал остатки автономии далматинских коммун. В 1806 г. французы захватили Дубровник, который в 1808 г. вместе с Бокой Которской в качестве особой административной единицы был присоединен к Итальянскому королевству.

Французское правительство рассчитывало использовать Далмацию в качестве военно-стратегической базы на Балканах. Поэтому оно искало поддержки местного населения. С этой целью в Далмации частично было введено французское буржуазное законодательство, допущен в школы и официальную печать хорватский язык и т. д.

Некоторые мероприятия французов по оживлению общественной и культурной жизни во вновь приобретенной провинции не могли уничтожить растущего недовольства французской политикой со стороны подавляющей части далматинского общества. Народные массы тяготились военной службой и различными общественными работами, ростом налогового бремени и займов. Буржуазию толкали к сопротивлению связанные с континентальной блокадой торговые ограничения, а также налоговые мероприятия французских властей, лишившие ее капиталов. Феодалы были недовольны отменой некоторых прав и привилегий, духовенство — французской церковной политикой, сузившей сферу деятельности духовенства и его влияние.

Опираясь на военную поддержку находившегося в Адриатическом море русского флота под командованием адмирала Сенявина и русских войск, высадившихся в 1806 г. в Боке Которской и на некоторых островах, население Далмации поднялось на вооруженную борьбу против французского господства. В 1807 г. вся средняя Далмация была охвачена восстанием. Недовольство масс французской политикой проявилось также в движении 1809 г., начавшемся при вступлении в Далмацию австрийских войск. Но организованное в значительной степени сторонниками Габсбургов оно было использовано Австрией в своих интересах.

После создания Иллирийских провинций, в состав которых в числе прочих земель вошли Далмация, Бока Которская и Дубровник, борьба против французов не прекратилась. Одной из форм народного сопротивления политике французских властей было бегство из армии.

В 1813 г. войска Габсбургов вновь заняли Далмацию, а Венский конгресс 1814—1815 гг. утвердил в Далмации и Боке Которской австрийское господство. С этого времени Далмация вместе с Дубровником и Бокой Которской были объединены в одно политическое целое, и наименование

«Далмация» распространилось на все указанные земли. Первой заботой австрийского правительства было искоренение здесь всего того, что хотя бы отдаленно напоминало о французском господстве. Был отменен кодекс Наполеона, судебное управление было соединено с административным, в руках наместника Далмации была объединена гражданская и военная власть, в административном отношении Далмация была устроена подобно другим австрийским землям. Государственным языком был объявлен итальянский.

Изгнание французов из Далмации, установление здесь австрийского режима не облегчило положение народных масс. Уже в 1813 и 1815 гг. в ряде мест произошли выступления крестьянства против новых властей. Крестьяне неоднократно поднимались на борьбу и позднее.

В конце XVIII — первой половине XIX в. подавляющая часть населения Далмации была занята в сельском хозяйстве, хотя природные условия знойной каменистой области не благоприятствовали развитию сельскохозяйственного производства. Несмотря на преимущественное развитие полеводства, хлеба здесь постоянно не хватало, его ввозили в первую очередь из плодородных районов Хорватии и Славонии. Труд земледельцев в большей мере вознаграждали виноградники и оливковые рощи. В начале XIX в. Далмация ежегодно вывозила до миллиона литров вина. В горных, удаленных от моря районах основным занятием жителей было скотоводство.

Важной отраслью хозяйства Далмации в первой половине XIX в. оставалось рыболовство, было развито также судоходство. Последнее несколько оживилось с падением венецианской власти, когда были отменены многочисленные ограничения в отношении далматинской торговли и судоходства. При вступлении французов в Далмацию она (вместе с островами) имела около 270 кораблей дальнего плавания, Бока Которская — около 250, а Дубровник — около 220. Сотнями исчислялись суда малого каботажа.

Из отраслей промышленного производства наибольшее развитие получили маслоделие, солеварение и судостроение. Здесь было несколько относительно крупных верфей — в Трогире и на островах Брач, Корчула и Лошинь.

С отменой торговых ограничений в начале XIX в. несколько активизировалась внешняя торговля Далмации, Боки Которской, а также Дубровника, носившая в значительной степени транзитный характер. Но оживление коммерческой жизни было кратковременным и слабым. Рост торговли по Дунаю, лишавшей Далмацию ее роли единственного транзитного пути для боснийских и других балканских товаров, шедших в Европу, отрицательно влиял на развитие внешнеторгового оборота области. Нормальному торговому обмену препятствовало также пиратство на Адриатическом море, усилившееся в период крупных военно-политических столкновений конца XVIII — начала XIX в. Хотя включение Далмации в состав Австрийской империи расширило ее торговые связи с хорватскими землями, все же экономически она тяготела к Венеции и другим итальянским провинциям.

Несмотря на неблагоприятные факторы, тормозившие хозяйственное развитие Далмации, капиталистические формы производства появились и здесь.

В целях увеличения материальных ресурсов, поступавших из этой провинции, французское правительство осуществило ряд мероприятий, направленных на подъем хозяйства Далмации. Оно отменило закон Гримани и объявило крестьян на территории, присоединенной к Далмации по Карловицкому и Пожаревацкому миру, собственниками участков, которые они обрабатывали. Французские власти предоставляли льготы

для организации промышленных предприятий, содействовали регулярному устройству ярмарок, снизили вывозные пошлины на основные продукты далматинской торговли, провели хорошие дороги, организовали в Сплите торговую палату и т. д.

Особое внимание было уделено развитию соляного промысла. Эти мероприятия вначале временно способствовали росту добычи соли, оживлению внутреннего обмена и торговли с Боснией.

Однако очень скоро в Далмации сказались последствия хищнической эксплуатации французами этой земли. Бесконечные займы, контрибуции, растущие налоги разорили Далмацию. Морская война, английская контрблокада сковали ее судоходство и торговлю. Только в 1808 г. Далмация потеряла 139 своих судов, много судов в ожидании более спокойных времен простаивало в далматинских портах, принося огромные убытки судовладельцам. В 1808 г. Далмации был нанесен ущерб, исчислявшийся в 2,2 млн. венецианских лир. Застой торговли вызвал дороговизну в стране.

После восстановления в 1815 г. австрийского господства экономическая жизнь области не оживилась. Далмация оказалась в стороне от важнейших артерий мировой торговли, что подрывало ее коммерческое судоходство. В условиях неразвитого внутреннего рынка сокращение морской торговли отрицательно сказывалось на развитии местного производства. Но главная причина экономического застоя Далмации в первой половине XIX в. заключалась в нежизнеспособности еще державшихся феодальных отношений, которые тормозили начавшееся развитие капитализма. Внешние факторы — непрестанные войны, смена политических режимов, блокада — ускоряли разрушение старых форм хозяйственной жизни, но новые здесь были еще слабы, чтобы обеспечить быстрое восстановление и дальнейшее развитие производительных сил.

Иллиризм

В 30—40-х годах XIX в. Хорватию и Славонию охватило широкое общественно-политическое и культурное движение, нашедшее отклик в ряде югославянских областей и получившее по своей ведущей идее название иллиризма. Его возникновение, связанное с развитием капиталистических форм производства в условиях разлагающегося феодализма и формированием нации, было ускорено ростом революционной и национально-освободительной борьбы внутри Австрийской империи и во всей Европе в конце XVIII — первой половине XIX в.

Процесс образования хорватской нации и формирования национального самосознания, начавшийся с развитием капитализма, протекал в трудных условиях политического разъединения, национального и экономического угнетения хорватов. Тем не менее в первой половине XIX в. с укреплением буржуазных отношений он значительно усилился. В обстановке растущего национально-политического и экономического гнета в Хорватии и Славонии возникло национальное движение, направленное на ослабление препятствий на пути капиталистического и национального развития.

Основные силы хорватского национального движения составляли средние, а также мелкие помещики, втянутые в рыночные отношения и испытывавшие особые затруднения в связи с необходимостью перестройки методов хозяйства в соответствии с требованиями экономической обстановки; немногочисленная торгово-промышленная буржуазия, сталкивавшаяся с всевозможными экономическими ограничениями; национальная интеллигенция, жившая под страхом потери службы и стремившаяся к широкой общественной деятельности; низшее духовенство, оказавше-

ося в условиях усиленной мадьяризации перед опасностью смещения с занимаемых постов, и разночинная учащаяся молодежь. К движению, помимо указанных социальных слоев, заинтересованных в той или иной степени в буржуазном преобразовании хорватского общества, примкнула небольшая часть высшего католического духовенства и светской аристократии. Некоторые из аристократов, как, например, Янко Драшкович, Альберт Нугент, хотя полностью и не разделяли буржуазных устремлений руководства движением, искренне приняли в нем участие. Но в основном представители хорватской аристократии поддержали иллиризм, чтобы подчинить национальную борьбу в Хорватии и Славонии своим интересам и при помощи иллиризма воспрепятствовать развитию венгерского буржуазного движения, в усилении которого они видели опасность для своего политического господства. Солидарность связанных с придворными кругами и занимавших важные посты светских и духовных аристократов с хорватским национальным движением выражалась лишь настолько, насколько это не противоречило интересам габсбургского двора. Союз обуржуазивающихся слоев Хорватии и Славонии с реакционными элементами тормозил развитие национальной борьбы.

Людевит Гай

Руководство иллирийским движением находилось в руках либерального дворянства и буржуазной по своему общественному положению интеллигенции. Социальный состав участников движения определил половинчатость его программы, умеренность методов борьбы.

Крестьянство непосредственно не участвовало в национально-политической и культурной борьбе, поскольку требования, выдвинутые руководством движения, не отвечали его коренным чаяниям. Однако наиболее видные представители иллиризма в своей деятельности по развитию национальной культуры, возрождению хорватского языка обращались к народу, который в условиях многовекового национального гнета бережно хранил хорватские национальные традиции и язык.

С развитием капиталистических отношений в хорватском обществе крепло национальное самосознание. Этому способствовало также усиление национальной борьбы в других славянских землях как внутри, так и за пределами Австрийской империи. Около 1830 г. в Загребе сложился кружок молодых патриотов, которых занимала мысль о национальном развитии хорватов и судьбах хорватского языка. А в 1832 г. появились патриотические брошюры молодого юриста Ивана Деркоса «Гений отечества над спящими своими сыновьями» и родовитого хорватского аристократа графа Янко Драшковича «Диссертация, или беседа, посвященная законным посланникам наших королевств и будущим законотворцам, делегированным на будущий венгерский сейм». Первая была посвящена вопросу о хорватском языке, вторая — политическому, экономическому

и культурному развитию Хорватии и Славонии. Взгляды Деркоса и Драшковича, несколько видоизмененные, легли впоследствии в основу идеологии иллиризма.

В конце 1831 г. в Загреб приехал Людевит Гай, ставший одним из активнейших деятелей хорватского Возрождения. Он родился в 1809 г. в Крапине в семье аптекаря, получил образование в Граце и Пеште, где вращался в кругу молодой славянской интеллигенции, охваченной идеями национальной борьбы. Человек широкого кругозора и сильной воли, блестящий оратор и деятельный организатор, Гай сумел сплотить вокруг себя патриотически настроенных хорватов и добиться разрешения на издание в Загребе политической газеты на хорватском языке с литературным приложением к ней. В начале 1835 г. вышел первый номер газеты «Новине Хорватске» и журнала «Даница Хорватска, Славонска и Далматинска», которые с 1836 г. стали называться «Илирске народне новине» и «Даница илирска». Хорватская газета явилась организационным и идейным центром, объединившим вокруг себя деятелей национального Возрождения.

Базой иллиризма явилась Хорватия. В Славонии он имел значительно меньше сторонников в силу близости экономических интересов и условий политической жизни местного и венгерского дворянства, принадлежности многих помещиков к венгерской и немецкой национальностям, более слабого развития городов и т. д.

В основе идеологии иллиризма лежала мысль об этническом родстве славянских народов, общности их языков и исторических судеб. Сознание того, что хорваты принадлежат к великому и могущественному славянскому племени, придавало иллирам уверенность в успехе национальной борьбы. Идея историко-языкового единства всех славян особенно отчетливо прозвучала в поэме идеолога словацкого национального движения Яна Коллара «Дочь Славы». Она была теоретически обоснована в его же трактате «О литературной взаимности славян». Близость общественных условий, в которых развивались хорватское и словацкое национальные движения, определила влияние Яна Коллара — правозвестника славянского единения — на идеологов хорватского Возрождения.

Основным идеологическим положением хорватского общественно-национального движения была идея о «Великой Иллирии», охватывавшей все южнославянские и частично примыкавшие к ним неславянские области. Ошибочно рассматривая население этих земель как один народ, происходивший от коренного населения древней Иллирии, руководители хорватского национального движения считали главной его целью литературно-языковое объединение южных славян, которое могло бы явиться предпосылкой для их политического объединения в будущем. Некоторые деятели иллиризма с самого начала мечтали о «Великой Иллирии» как о форме государственного объединения южных славян. Термины «иллир», «Иллирия» как воплощение общности южных славян не были изобретением идеологов хорватского Возрождения. Общественные и политические деятели предшествующих веков широко использовали их для обозначения этнического родства балканских славян в противовес туркам, итальянцам и т. д.

Стремление к духовному объединению южнославянских народов было вызвано общественно-политическими условиями жизни хорватов. Слабые буржуазные слои хорватского общества, нуждаясь в поддержке, искали ее в соединении славян для борьбы против национального угнетения. «Великая Иллирия» и должна была стать формой такого объединения.

Идея «Великой Иллирии» была противоречивой по своему характеру. Свидетельствуя о появлении у передовых представителей южных славян сознания языковой и культурной близости этих народов и стремления к еди-

NOVINE HORVATZKE.

TECSAJ 1. Dana 8. Prosinczа 1835. BROJ 1.

U Zagrebu. Dne 30. mesecza Cvibnya 1834 zavéd sdrávlene y nevsmérne radosti z kojom sam je ovamosni, zmerkujoga zpraviti y vsimi. V sem a zapravo vsemu narodu mojemu Horvatzkoi Kralovine vsem rodoljubom. Od pocsetka dne Njih Excellencziam Gospodin Alexander Alexicsu, Banu Zagrebechki y Krajnczki, Chast. Banske Horvatzke stretechke obsztanovisi je pretszvitla kesa premilostiva zaszegla. K temu szvetovalnomi von pobrecsne dnne 29. ob 6 vure szpredi, y szsem se shajrovanyem po vsaki razkosi szmenyaje je dnesz. ob vsi vecser Lavanyszke zaszlese je pri Njih Excellenczi Gospodini Banu, marsa gnesi gredem na banski grad, szvoje hrezsanoga Gospodina Regimenta B. Radoszlavicha zpreljenu. — Dne sedmi szrednyeczi ob 10 vure szpredi szvetovalnik Njih, nas prezv. g. Ivan Chorin z Gospodini Kanczli odsel je pred Njih Excellenczio, kojega z prednyenim vu czarsko dopelyanye, vugodno szasla opitani sze pervipot nasz vekse czesze czarszki. Iz opisle, y vsida z mnokim szrdesnyenyem zadovolnogazanyi, dvanesz pozlesa sze je mayha z pisanyem „Hod duh szvetí“ itd. Per ovoj moszhi bili je vsesztna chudovszega zpola, vsasz kojeg Atalizha y vsasz narodnoga, koje je vesdasnyeni Kir. szmo szhodzga Partitza na perso pomenyenyi pred Vszemogozhnim chudotvorczom za szrecsen, poboszsnyi pczanyie, y za trayno pesni milostivnoga ovamo szpravnye Zaszlesenyi gerdele, szacsetj sze pesz tega gorecsli hodzi pech bolye nedelyena sze je, za vsesztnyega Szil Kapolczkoga C Kamenicz, za ukazanyo szrczsne y szrecsenoo zagnyenye ukazanyo szrczsne y szrecsenoo zagnyenye ukazanyo szrczsne y szrecsenoo zagnyenye

Оформление литературного языка невозможно было без использования богатств народного творчества. Поэтому представители хорватского Возрождения проделали большую работу по сбору и изучению фольклора. Станко Враз, словенец по происхождению, переехавший в Загреб и связавший свое творчество с судьбой хорватской литературы, Антун и Иван Мажураничи, Людевит Вукотинович и другие писатели, филологи и поэты подняли язык хорватской литературы на такую высоту, какой он никогда не достигал до этого. Что же касается попыток идеологов иллиризма превратить сербо-хорватский литературный язык в базу для литературно-языкового слияния южных славян, то они были обречены на неудачу, так как шли в разрез с процессом национального развития южнославянских народов.

Большой заслугой деятелей хорватского Возрождения была организация в Хорватии и Славонии ряда культурно-просветительных учреждений и обществ. В 1837 г. Гай получил разрешение на открытие в Загребе собственной славянской типографии. С этого времени в Загребе стали печататься книги по новой орфографии. Вскоре в Хорватии стало выходить второе литературное периодическое издание на национальном языке — «Коло». В 1838 г. в Вараждине, Карловаце, Крижевцах, Загребе и других городах были организованы читальни. Загребская читальня, руководящую роль в которой играл граф Янко Драшкович, стала центром общественно-культурной деятельности представителей хорватского Возрождения. В 1842 г. при ней была организована «Матица Илирска»— фонд для издания и распространения книг на хорватском языке. В 1846 г. иллиры купили помещение для «Народного дома», где разместились все организованные ими в Загребе общества. Здесь же были размещены материалы, положившие начало музею. Руководящие деятели хорватского Возрождения много сделали для организации национального театра, хотя постоянный хорватский театр им создать не удалось. Они стремились к созданию кафедр национального языка и литературы в учебных заведениях Хорватии и Славонии, учреждению научного общества, основанию в Загребе университета. Однако их усилия в этом направлении наталкивались на сопротивление со стороны венгерских и австрийских властей. Лишь накануне 1848 г. было получено разрешение на организацию в Загребе литературного общества и устройство в местной академии — высшем учебном заведении — кафедры хорватского языка и литературы. Деятели хорватского национального движения содействовали организации народных школ в Хорватии и Славонии. Культурно-просветительная деятельность представителей хорватского Возрождения укрепляла формирующуюся нацию и имела большое прогрессивное значение.

Деятели иллиризма много сделали для ознакомления хорватского общества с культурой и наукой других славянских народов. На страницах хорватских журналов регулярно помещались статьи о русской, чешской, словацкой и польской литературе, музыке и театре, о наиболее видных славянских писателях— Пушкине, Крылове, Лермонтове, Гоголе. Представители хорватского Возрождения переводили выдающиеся произведения славянской литературы, в том числе Пушкина, Лермонтова, Веневитинова и других русских поэтов. Благодаря этому хорватская общественность смогла непосредственно познакомиться с богатой русской культурой и литературой.

Иллиры завязали связи с учеными и общественными деятелями других славянских народов. Они обменивались с ними литературой, взаимно сотрудничали в периодических изданиях, поддерживали личные контакты. Когда в 1840 г. Л. Гай приехал в Россию, он встретил здесь восторженный прием в славянофильских кругах. Русские славянофилы оказали иллирам материальную помощь в размере почти 25 тыс. руб. для создания

национального хорватского музея, а главное — помогли сохранить издававшиеся Гаем газету и журнал. В свою очередь теплый прием нашли и русские ученые И. И. Срезневский и П. И. Прейс, посетившие Хорватию в 40-х годах XIX в.

Особое внимание деятели иллиризма уделяли югославянским связям. «Даница» постоянно печатала народные песни югославян, произведения поэтов и писателей этих народов, статьи этнографического характера и т. д. Деятели иллиризма неоднократно посещали соседние югославянские области и принимали у себя посланцев Сербии, Боснии, словенских земель. Установление иллирами тесных культурных и научных связей со славянскими, в том числе и русскими, литераторами и общественными деятелями сыграло большую положительную роль в историческом и культурном развитии хорватского народа и способствовало укреплению славянской солидарности.

Иллирийское движение было сочувственно встречено западными славянами, в особенности чехами и словаками. Но среди южных славян, которые, по планам буржуазных хорватских деятелей, должны были войти в состав «Великой Иллирии», иллиризм большого успеха не имел. Некоторую поддержку он получил в Военной Границе среди офицеров из местных жителей, торговцев, интеллигенции. В Далмации интерес к народному языку появился в 20-х годах XIX в. В 1836 г. Божидар Петранович из Шибеника издал в Карловаце кириллицей «Србско-Далматински Алманах за Льето 1836», который с 1838 г. получил название «Србско-далматински Магазин» (выходил в Задаре). «Магазин» поддерживал деятельность Гая и проводил иллирийскую идею исторической и языковой общности южнославянских народов. С 1844 г. в Задаре выходил журнал «Зора Далматинска». Но он держался, в особенности с 1846 г., антииллирийского направления. Лишь немногие далматинцы, главным образом представители мелкобуржуазной славянской интеллигенции, выступили активными сторонниками иллиризма. Даже новое правописание принималось здесь с большим трудом. Деятели словенского национального движения проявили готовность к сближению хорватского и словенского языков и к политическому сотрудничеству с хорватами, но о поддержке ими идей о полном стирании национальных различий между словенцами и хорватами не было и речи (подробнее об этом см. гл. 28). В Воеводине, Сербии, Боснии, Герцеговине и Черногории иллирийские идеи заметного успеха не имели. В Боснии их поддержали некоторые деятели национального движения, главным образом монахи-францисканцы, как например Юкич (подробнее об этом см. гл. 24). В Черногории иллиризму сочувствовал сам владыка Петр II Негош. Болгария, вступившая на путь борьбы за самостоятельное буржуазное и национальное развитие, осталась совершенно безучастной к призывам деятелей иллиризма об объединении.

Основная причина слабого сочувствия иллиризму в этих землях заключалась в зарождении там самостоятельных национальных движений. Так, словенская буржуазия, стремясь утвердить свое экономическое и политическое господство в словенских землях, выступила в защиту развития национальной культуры и языка. Экономическая и политическая обособленность Далмации, непрочность ее экономических связей с Хорватией, слабость далматинской славянской буржуазии определили и незначительный успех иллирийских объединительных идей в этой провинции.

Расчеты хорватских буржуазных кругов на руководящую роль в будущем политическом объединении южных славян в немалой степени отталкивали от иллиризма буржуазию Сербского княжества, которая, добившись к этому времени больших политических успехов, в свою очередь стремилась играть главенствующую роль среди южных славян.

Иван Кукулевич-Сакцинский

II буржуазные круги Дубровника, не забывшие еще былого величия своего города и его самостоятельного положения, не желали уступать первенства загребской хорватской буржуазии.

С начала 40-х годов XIX в. иллирийское движение приобрело ясно выраженный политический характер, хотя оно по-прежнему преследовало и культурно-идеологические задачи. Сторонники иллиризма объявили себя «Иллирийской партией»[1]. Она не имела официально принятой программы, ее роль, как и раньше, выполняли отдельные сочинения и статьи руководящих деятелей движения.

С развитием национальной борьбы в иллирийском движении наметились различные направления. Немногочисленные представители аристократии, сочувствовавшие иллиризму и активно участвовавшие в нем, составляли весьма влиятельное течение, отражавшее настроения склонного к небольшим реформам, но в целом консервативного дворянства. Наиболее ярким представителем этого направления был Я. Драшкович.

Самым сильным и организованным было либеральное течение, представлявшее интересы обуржуазивающихся помещиков и зажиточной торгово-промышленной буржуазии. Видными деятелями умеренно-буржуазного крыла были литератор Людевит Гай, небогатый помещик и писатель Иван Кукулевич-Сакцинский, мелкопоместный дворянин, жупанийский чиновник и литератор Л. Вукотинович и др. Либеральное течение было ведущим в иллиризме и держало руководство в своих руках.

В 40-х годах руководящие либеральные деятели иллиризма, по-прежнему придерживаясь идеи языково-литературного объединения славян «Великой Иллирии», выдвинули политические требования. Они выступили за обеспечение внутренней самостоятельности Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства, введение в них в качестве официального хорватского языка, стремясь в то же время к политическому воссоединению всех хорватских земель. В конце 1846 г. в проекте программы «Народной партии», составленном Л. Вукотиновичем, был поставлен вопрос о реорганизации венгерского сейма и хорватского сабора на основе «принципа представительства», т. е. превращении их из феодально-сословных учреждений в буржуазные парламенты. Политическая программа наиболее активных деятелей иллиризма нашла свое концентрированное выражение в выдвинутом Л. Гаем лозунге: «Да хранит бог конституцию венгерскую, королевство Хорватское и народность иллирийскую!»

Политические устремления либерального иллирийского руководства в известной мере отражали общедемократический протест против чужеземного гнета и австрийского абсолютизма и предусматривали, хотя и очень скромные, буржуазные преобразования в политической жизни Хорватии, Славонии и всего Венгерского королевства. Но в своих требованиях хорватские либералы не затрагивали основ политического

[1] С 1843 г. она стала называться «Народной партией».

господства габсбургской династии и не ставили под вопрос существование и целостность Австрийской империи. Боясь революционных методов борьбы и энергии народа, они видели путь к буржуазному преобразованию общественно-политического строя в соглашении с габсбургской монархией. Политическая линия хорватских либералов, допускавшая, хотя и на известных условиях, сотрудничество с феодально-абсолютистскими силами, во время революционных событий 1848—1849 гг. сыграла в конечном итоге на руку общеимперской реакции и потерпела полный крах.

Ограниченность и непоследовательность политических требований иллирийского руководства объяснялись прежде всего классовой природой капитализирующихся помещиков и торгово-промышленной буржуазии, идеологами которых выступали либералы, а также общей экономической и политической слабостью Хорватии и Славонии.

Под влиянием усиливающихся крестьянских выступлений либеральные деятели иллиризма выступили за буржуазные реформы в области экономики, аграрных отношений, стремясь, однако, прежде всего обеспечить интересы помещиков. Они выдвинули также задачу ликвидации отсталости хорватских областей. В 1846 г. в проекте программы «Народной партии», а в 1847 г. уже открыто в газете «Новине» был поставлен вопрос об отмене барщины, уравнении всех сословий в отношении налогового обложения и несения воинской повинности. Хорватские либералы старались содействовать также развитию сельского хозяйства, торговли, промышленности и кредитного дела в Хорватии и Славонии в рамках существующих общественных отношений. В 1841 г. при их поддержке в Загребе было основано «Хорвато-славонское хозяйственное общество», а через несколько лет — первая хорватская сберегательная касса.

В конце 40-х годов в хорватской либеральной среде наметились расхождения. Левые либералы во главе с Д. Кушланом пытались оформиться в самостоятельную политическую группировку — «прогрессистов». Но националистические притязания венгерских буржуазно-помещичьих кругов, обнаружившиеся на Пожунском сейме в 1847 г., вновь объединили хорватский буржуазный лагерь.

Незадолго до 1848 г. в иллирийском движении начало зарождаться буржуазно-демократическое течение, отражавшее настроения мелкой городской буржуазии и в известной мере части крестьянства, стремившихся к более последовательной ликвидации феодализма. Его представителями были разночинцы Славолюб Врбанчич, Я. Ужаревич. Но это направление не имело еще определенной самостоятельной программы и открыто о себе не заявляло.

С начала 40-х годов сторонники иллиризма открыто включились в политическую борьбу в жупаниях. Одновременно с развитием иллиризма усиливались провенгерские настроения в Хорватии и Славонии. В 1841 г. здесь официально оформилась мадьяронская (провенгерская) группировка, именовавшая себя «Хорвато-венгерской партией». Мадьяронская группировка не была единой как по социальному составу, так и по образу мыслей ее сторонников. Ведущую силу в ней составляли представители хорватской аристократии и дворянства, которые не забыли германизаторской политики Иосифа II и видели в слиянии Хорватии и Славонии с Венгрией гарантию сохранения и расширения своих политических прав. Опорой «Хорвато-венгерской партии» были дворяне-однодворцы из привилегированной общины Турополе, пользовавшиеся особыми политическими правами и боявшиеся их потерять. Наиболее деятельными мадьяронами были граф Александр Драшкович, граф Иван Непомук Эрдеди, барон Левин Раух, туропольский жупан Антун Йосипович и др. Допуская ограниченные реформы в общественной жизни Хорватии и Славонии,

реакционная дворянская группировка поддерживала националистическую программу венгерских помещиков и выступала против югославянского сближения. Но в мадьяронской «партии» принимали участие также отдельные представители мелкобуржуазной интеллигенции, низшего духовенства и ремесленников, привлеченные либеральными устремлениями Кошута и его сторонников в Венгрии.

Углублявшийся конфликт между иллирийской и мадьяронской группировками принял характер вооруженных столкновений. В 1842, 1843 в Загребе имели место стычки между сторонниками этих направлений. В 1845 г. во время выборов должностных лиц Загребской жупании иллиры были обстреляны местными военными частями, в результате чего 13 человек было убито и много ранено.

На первых порах Вена оказывала иллирийскому движению некоторую поддержку, надеясь с его помощью ослабить венгерскую оппозицию и усилить свое влияние на балканских славян. Однако рост политических тенденций в иллиризме, обострение хорвато-венгерских противоречий, грозивших политическим кризисом, а также укрепление союза хорватских мадьяронов с венгерскими либеральными кругами, усиливавшего венгерское национальное движение, стали пугать Габсбургов. Венское правительство не осталось безразличным к заявлениям турецких властей, недовольных деятельностью сторонников иллиризма в своих владениях, и русского правительства, опасавшегося, что Австрия при помощи иллиризма втянет в сферу своего влияния Сербию и другие земли. Стремясь ввести иллирийское движение в угодные для себя рамки, австрийское правительство в 1843 г. запретило употребление наименования «иллир» и установило строгую цензуру хорватской печати.

Однако идеи национальной борьбы приобретали в Хорватии и Славонии все больше и больше сторонников. В 1843 г. Кукулевич-Сакцинский произнес в хорватском саборе речь на хорватском языке. В 1845 г. хорватский сабор просил императора об установлении независимости хорватской церкви от венгерской и превращении Загребской епископии в архиепископию, организации на базе академии университета, основании в академии и гимназиях кафедр хорватского языка, восстановлении в Загребе хорватского Наместнического веча (правительства), учреждении в Венгерской придворной канцелярии самостоятельного хорватского отделения и т. д. В 1847 г. сабор провозгласил хорватский язык официальным языком в Хорватии и Славонии и пожелал, чтобы император подтвердил старые права Королевства Хорватии и Славонии и назначил бапом члена императорского дома.

В условиях обострения национальных противоречий в Венгерском королевстве в конце 1847 г. собрался Пожунский сейм. Несмотря на сопротивление хорватских представителей, он вынес решение о замене латинского языка венгерским в официальной жизни Хорватского приморья, находившегося непосредственно под властью венгерских властей, а через 6 лет и в Славонии. В момент бурных дебатов в Пожунском сейме в Венгрию пришло известие о начале революции в Европе.

ГЛАВА

27

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ

Словенские земли в составе Иллирийских провинций

В конце XVIII — начале XIX в. Словения стала ареной боев, происходивших между войсками наполеоновской Франции и Австрии. В 1797 г. французская армия впервые вступила в словенские земли. Однако они находились в ее руках всего семь недель. Второй раз Словения очутилась под властью Франции в 1805—1806 гг. и тоже не надолго — на три месяца. В 1809 г. большая часть Словении (Крайна, Горица, Истрия, Триест, Белякский округ Каринтии) в результате Шенбруннского мирного договора снова отошла к Франции и была включена в состав Иллирийских провинций. Несмотря на половинчатый характер реформ, проведенных французскими властями в Иллирийских провинциях, некоторые из них сыграли для словенцев положительную роль (например, отмена патримониального суда над крестьянами, право крестьян делить свой надел, ограничение прав церкви). Особенно большое значение имел декрет о школах от 4 июля 1810 г., согласно которому языком обучения в начальных школах стал словенский.

Вместе с тем власть Франции несла с собою непомерное увеличение налогового бремени для населения. Сразу же после захвата словенских и хорватских земель на них была наложена огромная военная контрибуция. По указу Наполеона от 7 июля 1809 г. Штирия должна была уплатить 45 млн., Каринтия — 18 млн., Крайна — 15 млн. 260 тыс., а Триест — 50 млн. франков. Большой тяжестью для населения стали поставки продовольствия французской армии, подводная повинность и постой солдат. Все это вызывало недовольство крестьян, которые больше всего страдали от налогов и бесчинств французской военщины.

В июне — сентябре 1809 г. произошли волнения в Нижней Крайне. В октябре 1809 г. вспыхнуло восстание крестьян в округах Кочевье и Метлика. В нем приняли участие некоторые местные феодалы и духовенство, выступавшие по наущению Австрии, которая стремилась использовать в своих интересах недовольство французскими властями. Повстанцы убили военного комиссара и нескольких французских солдат. Французские власти спешно перебросили из Нового Места в Кочевье войска. Воспользовавшись тем, что в Новом Месте осталось не более 200 солдат, на город напали крестьяне из окрестных деревень, но их

нападение было отбито. Происходили выступления крестьян и в районах Любляны и Идрии. Французские власти повели решительную борьбу с крестьянскими волнениями. У словенцев отбирали оружие, даже охотничьи ружья, а прятавших судили как повстанцев. После разгрома восстания в Метлике и Кочевье последнее было отдано на разграбление солдатам. Несколько сел было сожжено. Тех, кто уходил в леса, ловили и без суда и следствия вешали вдоль дорог.

Жестокие репрессии позволили французам установить в словенских землях относительный порядок. Этому немало способствовало и то, что после окончания военных действий, уменьшились тяготы населения от постоя войск, реквизиций продовольствия и подводной повинности. Некоторое время в Иллирийских провинциях было сравнительно спокойно.

Объявление французскими властями полной свободы заниматься ремеслом сначала привело к возникновению ряда новых предприятий, к некоторому промышленному оживлению. Вместе с тем резко сузился рынок продажи товаров. Ввиду континентальной блокады резко сократилась торговля на Адриатическом море. Особенно пострадали города Приморья. Трнест, например, был почти разорен. Катастрофически сократился его торговый оборот: в 1805 г. он составлял 55 млн. форинтов, а в 1813— только 2,4 млн. форинтов. В результате уменьшилось население Трнеста: с 33 тыс. жителей в 1808 г. до 24,6 тыс. человек в 1812 г. Была ограничена торговля словенских земель с Австрией. Уже в декабре 1809 г. туда запретили вывозить свинец, железо, цинк и различные металлические изделия. Кроме того, Италия установила высокие таможенные пошлины на ввоз товаров из Иллирийских провинций. Лишение такого важного для горной промышленности Крайны и Южной Каринтии рынка, как Австрия, а также затруднение торговли с Италией, привело к разорению и ликвидации многих горных и металлургических предприятий. Наконец, ограничение внешней торговли нанесло значительный ущерб крестьянским промыслам.

Наряду со всем этим постоянные налоги с каждым годом становились все тяжелее — бесконечные войны требовали все новых средств, которые Наполеон черпал как из Франции, так в еще большей степени из покоренных областей. Наконец, Франции все в большем количестве требовались солдаты. Уже в 1811 г. было приказано создать Иллирийский полк, состоявший из 4 тыс. солдат (впоследствии он принял участие в походе Наполеона на Россию и почти полностью погиб там), а в 1812 г. в Иллирии была введена всеобщая воинская повинность.

Кроме того, ряд декретов французских властей, изданных в интересах словенского населения, остались на бумаге. Таким образом, все больше давали себя знать тяготы французской оккупации, по сравнению с которыми выгоды, полученные от нововведений, были ничтожны. Поэтому население встретило спокойно уход в октябре 1813 г. французских войск из Иллирийских провинций и занятие их территории австрийской армией. Австрийские власти постарались отменить все французские реформы. Однако полностью им это сделать не удалось, ибо даже консервативное правительство Габсбургов понимало, что полный возврат к старому невозможен.

Таким образом, продолжавшееся четыре года французское владычество не изменило сколько-нибудь существенно социальные отношения в словенских землях — основы феодального строя остались нетронутыми. Но создание Иллирийских провинций способствовало усилению национального самосознания словенцев, дало толчок развитию словенской политической мысли.

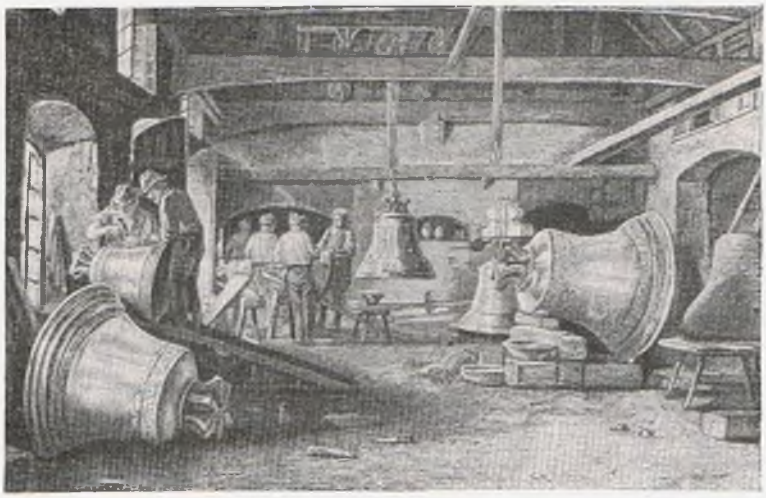
Социально-экономическое развитие словенских земель в первой половине XIX в.

Номинально австрийское правительство до 1822 г. сохраняло Иллирийские провинции, дав им название Королевства Иллирии. Однако оно не имело общего управления: вся Крайна и Белякский округ Каринтии (а с 1825 г. и вся Каринтия) составляли Люблянскую губернию; Горица, Триест, Истрия (а до 1822 г. и некоторые области Хорватии)— Трнестскую, Штирия — Грацкую губернию. Губернии в свою очередь делились на округа. Таким образом, словенские земли в административном отношении вновь оказались раздробленными.

В первой половине XIX в. в Словении продолжали развиваться капиталистические отношения. Изменения, начавшиеся во второй половине XVIII в. в системе земледелия, привели уже в середине XIX в. к почти полному вытеснению трехполья. Место его занял многопольный (четырехпольный, шестипольный и т. д.) севооборот без пара. Применялись удобрения и чередование культур. Рост производительности труда в сельском хозяйстве создал условия для еще более быстрого развития капиталистических отношений в деревне. Неуклонно продолжался процесс парцелляции крестьянского хозяйства и обезземеливания большинства крестьян, с одной стороны, и обогащения немногих — с другой. Особенно быстро шло обезземеливание крестьян в Штирии и Крайне. Широкое развитие крестьянских промыслов в словенских землях было связано прежде всего с недостаточностью крестьянских наделов, неспособных прокормить их владельцев. В XIX в. многие из крестьян превратились в работников рассеянных мануфактур. Австрийские власти пытались препятствовать разорению крестьян, запрещая им дробить участки при передаче их в наследство. Вместе с тем в деревне окрепла и экономически усилилась небольшая группа богатых крестьян: корчмарей, торговцев и т. д.

После французской оккупации правительство вынуждено было пойти на проведение мероприятий, которые до некоторой степени расчищали путь новым отношениям в деревне. Так, осталась в силе отмена французами патримониального суда в Крайне и в Каринтии, патримониальный суд сохранялся только в Целовецком округе Каринтии и в Штирии, которые не находились под властью французов. Еще в конце XVIII в. австрийские власти издали указ, согласно которому лесные общинные угодья подлежали разделу между помещиками и крестьянами. В 1839 г. новый указ разрешал уже раздел всех угодий между членами общины. В 1846 г. был издан закон, разрешивший крестьянам откупаться от несения барщины и уплаты десятины по соглашению с помещиками. Правда, вплоть до революции 1848 г. им воспользовалось всего несколько десятков крестьян.

Все эти указы ни в коей мере не затрагивали основ феодальных порядков в деревне. Положение крестьян было неодинаковым в различных районах. В гористых Каринтии и Верхней Крайне крестьяне не несли барщины, имели небольшие участки земли и подрабатывали на горных промыслах. Они находились в лучшем положении, чем остальные. Наиболее тяжелым являлось положение крестьян в Нижней Крайне и в Нижней Штирии, т. е. в восточных районах страны. В Нижней Крайне барщина составляла 192 дня в год. Крестьянин должен был давать десятину от зерновых культур, приплода скота, вина и т. д. В 1821 г. крайнские сословия постановили брать с крестьян десятину и от новой культуры — картофеля. В 1833 г. это постановление утвердил император, снизив десятину до $^1/_{20}$ доли урожая картофеля. Государству крестьянин платил 8,9 гульденов с надела (в Верхней Австрии с такого же надела взимали 5,24 гульдена). Очень отягощал крестьян постой солдат, обязанность



Литейная мануфактура в Словении

кормить их, поставлять фураж лошадям. Наконец, большое недовольство вызывали рекрутские наборы. Молодые люди, призванные в рекруты, как правило, не возвращались назад: до 1802 г. солдаты служили пожизненно, а с 1802 г. срок их службы был уменьшен до 14 лет.

В XIX в. продолжался рост капиталистических отношений в промышленности. Словения была областью более развитой по сравнению с другими югославянскими землями, находившимися в составе Австрийской монархии, но она значительно отставала от таких передовых областей империи, как Чехия и собственно австрийские земли.

Словенские земли с давних пор славились своей горной промышленностью, которая в первой половине XIX в. продолжала сохранять ведущее место. После некоторого упадка в конце XVIII — начале XIX в. горное дело Словении вновь переживало подъем. Причиной его послужило отчасти включение Северной Италии после Венского конгресса в одну таможенную систему с другими владениями Австрийской монархии, что расширило рынки сбыта словенских металлов. Самым крупным рудником продолжал оставаться ртутный рудник в Идрии. В 20—30-х годах в нем работало более 500 рабочих-рудокопов, а в 50-х уже 700. Здесь же имелось и предприятие по производству киновари. Разрабатывались также залежи свинца у Беляка, в Рабле, Обирье и т. д.

В Каринтии, Верхней Крайне добывалось железо. В это же время в словенских землях начинается добыча каменного угля, который стал важнейшим сырьем для металлургической промышленности в связи с применением кокса в доменном процессе. Уголь добывался в Трбовле, Храстнике, Загорье, Мислине и др.

Наибольшее количество металлургических предприятий находилось в Крайне. Самыми значительными из них были предприятия в местечках Саве, Яворнике, Бохине и около Жужемберка, имевшие 500 и более рабочих каждое. В словенских землях существовала металлообрабатывающая промышленность: производство рельсов, серпов, кос, ножей, медной посуды, оружия. В мастерских иногда было занято по нескольку десятков рабочих. В Плиберке, Целовце, Рабле, Обирье находились мастерские по изготовлению свинцовых белил, дроби и других изделий из свинца. В 30-е годы XIX в. в металлургической промышленности сло-

Мануфактура по производству иголок в Словении

венских земель начался кризис, связанный с усилением иностранной (прежде всего шведской) конкуренции.

В словенских землях развивалось также стекольное и бумажное производство. Значительных размеров было стекольное предприятие князя Ауэрсперга, основанное им в 1840 г. недалеко от Кочевья. На нем работал один из первых в Крайне паровых двигателей мощностью четыре лошадиные силы. Два крупных стекольных предприятия, имевших по 200 рабочих, находились в Штирии, в Целе и в Мариборе. В Каринтии действовала большая мастерская зеркал, в которой было занято 400 рабочих.

Мастерские по изготовлению бумаги являлись в основном небольшими предприятиями. Наиболее крупные из них находились в Подгорье (недалеко от Горицы) и в Вевчах (около Любляны). Предприятие в Подгорье было основано графом Францем Турном в конце XVIII в. В 1819 г. в нем работало 20 человек, а в 1841 г.— уже 67. В 50-е годы там использовались паровые двигатели. В бумагоделательных мастерских в Вовчах было занято до 200 рабочих и изготовлялось ежегодно больше бумаги, чем во всех остальных бумажных мастерских Словении. В Любляне в 1828 г. построили сахарный завод, на котором работало 160 человек.

На основе крестьянских промыслов возникла и развилась текстильная промышленность. В Крайне и Каринтии в значительных размерах производилось сукно, шерстяная пряжа. Наблюдался и определенный прогресс в технике прядения. Так, в Любно братья Матия и Йожеф Погачники улучшили гребни для шерстяной пряжи и довольно выгодно торговали своим изобретением.

В 1826 г. в Айдовщине была основана одна из первых хлопчатобумажных мануфактур. В 1841 г. она имела 13 500 веретен и 317 рабочих. Шелкоткацкими предприятиями на протяжении всего XVIII в. славилась Горица. Однако в результате присоединения к Австрии после Венского конгресса Венеции и Ломбардии они не могли выдержать конкуренции с развитой промышленностью итальянских областей и захирели.

Большинство перечисленных выше предприятий являлись простой капиталистической кооперацией или мануфактурами. Фабрики насчитывались единицами. Причинами медленного перехода к фабричному производству являлись нехватка отечественного капитала (как и во всей Австрии), сравнительная узость внутреннего рынка и, наконец, вся феодальная система Австрии.

Многие мануфактуры, особенно текстильные, были рассеянными, опиравшимися на развитые крестьянские промыслы и широко использовавшими труд окрестных крестьян. Развитие капиталистической промышленности уже в первой половине XIX в. привело к разрушению ряда старинных ремесленных отраслей, к разорению мелких металлургических предприятий в Каринтии и Крайне, к подчинению промышленному и купеческому капиталу некоторых ремесел.

С давних пор в Словении были развиты домашние крестьянские промыслы. В некоторых местах, например, в Крайне, они охватывали до $^1/_3$ всего населения области. Изготовление полотна почти полностью находилось в руках крестьян. Особенно много ткали полотна в округе Шкофья Лока, в Нижней Крайне. Свое сырье крестьяне-ремесленники получали как из Крайны, так и из Каринтии. Кожевенное производство тоже выросло в словенских землях из крестьянских промыслов и было связано с ними довольно тесно. Из значительных крестьянских промыслов следует упомянуть еще плетение кружев в Идрии, изготовление соломенных шляп в Идрии, Рибнице, южной Каринтии и др.

Промышленное развитие словенских земель в первой половине XIX в. шло не столько за счет вложения национального капитала, сколько за счет австрийского, а позднее также английского или французского. В 1820 г. в Любляне была основана «Краинская сберегательная касса», первый банк в словенских землях.

В первой половине XIX в. определилась специализация отдельных словенских областей, начавшаяся еще в средневековье: Горица производила шелк-сырец и вино; в Штирии было развито свиноводство; Верхняя Крайна и Каринтия славились горным делом, кроме того, в Каринтии сеяли много льна. Только из округа Шкофья Лока в Каринтию ежегодно отправлялось более сотни торговцев льном. Вместе с тем словенские земли входили в складывавшийся общеавстрийский рынок: в Словении не хватало хлеба, и его ввозили из Баната, Бачки, Хорватии; шелк-сырец, производившийся в Горице, шел на обработку в Северную Италию; каринтийские и краинские металлы направлялись в Хорватию, Банат и другие австрийские области.

Некоторые товары, производившиеся в Словении, находили сбыт не только в Австрии, но и за границей. Мелкие галантерейные изделия из железа и стекла пользовались спросом во всех немецких землях и даже в Швеции и Голландии, также были популярны идрийские кружева и шляпы. Наконец, стеклянные изделия вывозились в Южную Италию, Грецию и даже в Америку, а бумага — в Италию, Турцию, Грецию, Россию.

Большим спросом на внешнем рынке пользовались некоторые сельскохозяйственные орудия, изготовлявшиеся в Крайне. Так, косы, серпы, лопаты вывозились в Польшу, Россию, Болгарию, Венгрию, Италию.

Через словенские земли шли важнейшие торговые пути из Центральной Европы к Триесту — основному порту империи на Адриатике. И хотя железная дорога, соединявшая Вену с этим важным портом, была построена только к 1857 г., тем не менее Триест быстро превращался в важный экономический центр. Население его за 30 лет (1817—1846 гг.) возросло почти вдвое — с 42 тыс. до 80 тыс. человек.

В 1833 г. в Триесте было основано общество морской торговли и перевозок —«Австрийский Ллойд». К 1848 г. оно имело в своем распоряжении 26 крупных кораблей, большая часть которых была паровыми, и обслуживала торговлю Австрии со странами Леванта, Индией, Восточной Азией. Основной капитал общества к 1851 г. увеличился в четыре раза. У Ллойда была своя собственная мастерская, которая впоследствии послужила основой самой крупной корабельной верфи в Триесте.

Гончарная мастерская в Словении

Развитие других городов Словении происходило медленнее. Так, население Любляны за то же время выросло почти вдвое, но по абсолютному числу жителей намного отставало от Триеста (18,6 тыс. человек). Что же касается большинства других словенских городов, то они сохраняли аграрный характер. О них говорили: «когда крестьяне уходят в поле, горожан не бывает дома».

Тяжелое положение словенских крестьян вызывало отпор с их стороны. Наиболее массовой формой протеста существующим порядкам было бегство в леса и горы. Чаще всего туда шли молодые крестьянские парни, спасаясь от рекрутчины. Они становились роковнячами, т. е. разбойниками. Среди роковнячей было также значительное число рабочих горняков (особенно в Карнитии в 30-е годы, когда в связи с кризисом в горной промышленности многие из них потеряли работу). Роковнячи, обычно группами в 4—8 человек, скрывались в гористой Верхней Крайне, в Истрии и других труднодоступных районах. Некоторые оставались там круглый год, большинство же зимовали по селам, а весной уходили в горы и находились там до глубокой осени. Роковнячи были трудно уловимы — они имели своих приверженцев среди крестьян в деревнях, на постоялых дворах и даже в небольших городках (торгах). Это объяснялось тем, что роковнячи грабили чаще всего богачей и помогали беднякам. Многие богатые помещики давали роковнячам богатый выкуп с тем, чтобы они оставили их в покое. Иногда роковнячи собирались в значительные отряды. Имена наиболее отважных из атаманов — Виско Керпана, Великого Грога, Димежа, Красивого Янеза и других — были широко известны в народе. Количество роковнячей уменьшилось только к концу 40-х годов, после сокращения в 1845 г. срока военной службы до восьми лет.

Недовольство крестьян проявлялось также в отказе выполнять повинности, в локальных волнениях. В 1826—1827 гг. происходили крестьянские волнения в Вишне Горе, а в 1830 г., когда среди крестьян распространились слухи о новом приходе французов и уничтожении ими всех

феодальных повинностей, волнения начались в различных районах словенских земель. Чтобы принудить крестьян выполнять повинности в пользу помещиков, против них были посланы войска. Накануне революции 1848 г. все чаще проявлялось недовольство крестьян. В 1845—1847 гг. имели место крестьянские волнения в Нижней Крайне, в Каринтии.

Среди крестьян росла надежда на изменение существующих порядков в ближайшем будущем. Матия Маяр Зильский, собиравший народные легенды о короле Матияше, одну из них записал в 1845 г. от восьмидесятилетнего кмета. Легенда предсказывала появление легендарного словенского героя короля Матияша в самую трудную для словенцев пору. Свой рассказ крестьянин окончил так: «До этого времени не очень далеко. Я его дождусь, хотя и стар. Некоторое время я еще смогу сражаться за святую веру и правду».

Все эти выступления были направлены против феодальных поборов, барщины, за сохранение сервитутных прав. Но крестьяне не выдвигали требований о ликвидации помещичьего землевладения в целом. Борьба крестьян была стихийной, неосознанной, носила локальный характер.

Словенский рабочий класс был очень немногочислен. Настоящими пролетариями, полностью лишенными средств производства, была только часть горняков и квалифицированных рабочих крупных металлургических предприятий. Рабочие текстильной промышленности оставались большей частью связанными с сельским хозяйством.

Положение рабочих было очень тяжелым. Рабочий день продолжался 12—16 часов, зарплата была низкой. Никаких рабочих организаций не существовало. Поэтому борьба рабочих за свои права носила стихийный характер. Так, в 1811 г. в Идрии двести рудокопов бросили работу вследствие плохих условий труда. Другой формой протеста против существующих порядков являлся уход в роковнячи. К середине XIX в. рабочий класс словенских земель еще не использовал пролетарских методов борьбы за улучшение условий своей жизни.

Распространение в Европе идей утопического социализма оказало некоторое влияние на отдельных представителей словенской интеллигенции. Священник Андрей Бернард Смолникар (1795—1869) в своих сочинениях, представлявших собою смесь христианского учения и идей утопического социализма, резко обличал папу, епископов, австрийского императора. Но он не нашел единомышленников в Словении и в 1837 г. уехал в Америку.

Позднее Смолникар купил землю в Пенсильвании и пытался основать там общину на принципах так называемого христианского социализма, вскоре, однако, распавшуюся.

Уже во второй половине XVIII в. в словенских землях появилась национальная буржуазия. Но она была слабо связана с промышленностью, бо́льшая часть которой находилась в руках немецкого или иностранного капитала. Словенская буржуазия являлась чаще всего торговой или ростовщической. Многие ее представители разбогатели за счет откупов, или скупки земли у разорившихся аристократов. Так, например, в Цельском округе накануне 1848 г. из 176 помещиков 50 было выходцами из среды разбогатевших буржуа. К такой торгово-ростовщической буржуазии, связанной с землевладением, принадлежали Блейвейс, Улепич, Терпинц, Козлер и др. Лишь некоторые из них имели связь с промышленностью, например, Терпинц основал предприятие по изготовлению бумаги в Вевчах.

Французская оккупация нанесла сильный удар по мелкой городской буржуазии, связанной с цехами. Все же до 1848 г. она еще представляла собою известную силу. Мелкая городская буржуазия, являясь в большей своей части словенской по происхождению, подверглась довольно силь-

ному онемечиванию. Среди словенской интеллигенции по-прежнему преобладало духовенство: интеллигенция, вышедшая из крестьян, тесно связанная с национальной словенской почвой, в основном была духовной, так как кметские сыновья в условиях феодальной деревни не имели возможности получить иное образование, кроме духовного. Светская же интеллигенция, которая выходила из среды мелкой или средней городской буржуазии, в большинстве случаев быстро онемечивалась.

Национальное движение

Национальное движение в Словении зародилось в последней трети XVIII в. Группировавшиеся вокруг кружка мецената Сигизмунда (Жиги) Цойса Юрий Япель, Блаж Кумердей, Мартин Куральт, Антон Линхарт, Марко Похлин и другие ратовали за изучение родного языка, введение обучения на нем в школах, создание собственной литературы, разработку словенской истории. Наиболее радикальный член кружка Цойса Антон Линхарт выдвинул идею единства словенского народа, как части великого «славянского племени». Эта идея имела большое значение для развития национального самосознания словенцев. Линхарт был горячим патриотом и демократом.

Уже в конце XVIII в. ясно наметились два течения в словенском национальном движении: умеренное в лице Цойса, Япеля и других, стоявших за сохранение феодальных порядков, и радикальное в лице Линхарта, его друга Куральта и других, сочувствовавших идеям французской революции.

Политика наполеоновских властей в период существования Иллирийских провинций в отношении словенского языка и просвещения нашла сочувственный отклик у некоторых передовых деятелей словенского национального движения, восторженно встретивших Великую Французскую революцию и сочувствовавших ее идеям, и особенно у Валентина Водника (1758—1819), одного из наиболее выдающихся деятелей словенского Возрождения. В последние годы XVIII в. Водник был учителем люблянской гимназии, руководителем художественной и ремесленной школ. В 1797—1800 гг. он издавал первую словенскую газету «Люблянске новице», в которой был помещен целый ряд статей о славянском языке, о необходимости борьбы с германизацией, о России. Водник был первым поэтом, писавшим стихи на словенском языке и публиковавшим их в своей газете. Он радостно воспринял приход французов в Словению, их половинчатую школьную реформу (введение словенского языка в низших школах). В 1810 г. Водник занимал пост директора люблянской гимназии, был управляющим ремесленной школы в Любляне и, кроме того, инспектором начальных школ. Всеми силами он старался провести в жизнь декрет об обучении детей в начальных школах на родном языке. Поскольку учебных пособий на словенском языке не существовало, Водник написал учебники по истории, составил французско-словенский словарь. Его учебниками в словенских школах пользовались вплоть до 1848 г. Обучение на родном языке получило распространение в большей части Словении. Однако в Триесте и Истрии продолжали преобладать итальянские школы.

Создание Иллирийских провинций оказало большое влияние на дальнейшее развитие национального самосознания словенцев. Хотя наиболее яркий деятель словенского Возрождения начала XIX в. В. Водник за сотрудничество с французами подвергся преследованиям со стороны австрийских властей и отошел от активной общественной деятельности, на смену ему пришли новые энтузиасты словенского национального движения.

Большинство из них были лицами духовного звания. Из проживавших в 1828 г. в Любляне двадцати деятелей словенского Возрождения только пятеро были людьми светскими.

Наиболее активную деятельность развил в это время Матевж Равникар (впоследствии триестско-коперский епископ). Он перевел на словенский язык несколько богослужебных книг, добился введения преподавания словенского языка в Люблянском лицее. В середине 20-х годов издали свои грамматики словенского языка Петр Данько и Франц Метелко.

Однако, как и в конце XVIII в., словенской культурой интересовались только немногие интеллигенты. Более широкий круг словенской интеллигенции пришел в национальное движение только в конце 20—30-х годах XIX в. К этому времени и относится формирование отдельных группировок словенской интеллигенции и буржуазии, еще не имевших ясной политической программы.

В 1828 г. Моисей Балтич создал в Граце «Иллирийский клуб», к которому примкнули хорват Людевит Гай, живший в это время там, словенец Кочевар и др. Участники этого кружка впоследствии стали активно распространять идеи иллиризма в словенских землях.

Иллиризм [1] получил значительное распространение в словенских землях во второй половине 30-х годов. Он нашел отклик прежде всего в Штирии и Каринтии, где опасность германизации была несравненно больше, чем в Крайне, Горице, Приморье. Духовная и светская интеллигенция этих областей, выражавшая взгляды средней и мелкой буржуазии, далекая от народа, в борьбе против германизации возлагала все свои надежды на иллиризм, на поддержку со стороны более развитого и сильного национального движения хорватов. Однако сторонники иллиризма в Словении в подавляющем большинстве, сочувствуя сближению словенского и хорватского языков, поддерживая культурные связи с хорватами, были против полного слияния с ними.

В 30-е годы в Граце же возникло «Словенское общество». Целью его были сбор и издание словенских книг, запись народных песен и изучение обычаев. В него входили священники Антон Янез Мурко, Петр Данько, Даворин Трстеняк и некоторые представители светской интеллигенции, среди которых выделялись Станко Враз и Франц Миклошич. Этот кружок и стал центром распространения иллиризма в словенских землях. К нему примкнули вскоре и некоторые каринтийские деятели: Антон Мартин Словшек, Матия Маяр. В 1839 г. возник иллирийский кружок и в Любляне, видными представителями которого были Антон Жакель, Юрай Кобэ и другие.

Самыми известными из деятелей иллиризма в Словении были Станко Враз и Матия Маяр. Станко Враз (1810—1851) родился в крестьянской семье около Птуя. В поисках словенских народных песен Враз объездил всю Крайну, Каринтию, Штирию, Прекомурье. Его деятельными помощниками в этом были Ярник, Маяр, Смоле. В 1839 г. Враз издал в Загребе, куда он переехал в 1838 г., книгу «Народные песни иллирийские, которые поются в Штирии, Крайне, Каринтии и в западной части Венгрии», которую посвятил Вуку Караджичу. Позднее, уже в 40-х годах, Враз напечатал в загребском журнале «Коло» 33 народные песни, собранные известным русским славистом В. И. Григоровичем во время поездки по Македонии и Болгарии. Как и некоторые словенские иллиры, Враз не верил в силы народа, считая, что у словенского народа нет героических традиций. Он видел спасение от германизации в отказе от словенской национальности, в создании единого югославянского на-

[1] Подробнее об иллиризме см. главу 26.

рода — иллиров. Будучи известным поэтом, Враз, в целях сближения славянских народов, перевел на «иллирийский» (хорватский) язык стихи многих поэтов других славянских народов, в том числе Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Хомякова, Веневитинова, Языкова, Мицкевича, Караджича.

Другим интересным представителем иллиризма, всю жизнь оставшимся верным идее славянской взаимности, был Матия Маяр Зильский (1809—1892). Сначала он вместе с Вразом примкнул к иллирам и ратовал вместе с ними за «единый славянский народ» в Австрийской империи. В 1848 г. он выступал за Объединенную Словению, при этом включал в ее состав не только каринтийские, штирийские, крайнские земли, но и земли прекомурских словенцев, входивших в состав Венгрии. «Да будет нам свобода, — писал Маяр в то время, — да будем мы в состоянии употреблять в Словении наш словенский язык, когда хотим и где хотим». Позднее большие надежды Маяр стал возлагать на Россию, связывая судьбу своего народа с ее величием и силой. Он мечтал о создании единого славянского языка на основе слияния хорватского, русского, польского и чешского, с преобладанием элементов русского языка. По своим политическим взглядам Маяр был либералом и в 1848 г. выступал за выкуп феодальных повинностей крестьянами.

Влияние иллиризма сошло на нет уже в начале 40-х годов. Во-первых, в словенских землях не существовало для него классовой базы, так как мелкая и средняя городская буржуазия подверглась там наибольшему онемечиванию, а, во-вторых, по своим стремлениям иллиризм был чужд словенскому национальному движению, так как полностью игнорировал его основу — развитие национального словенского языка и литературы. Однако он оказал значительное влияние на развитие словенской общественной мысли.

Наряду с иллиризмом в словенских землях существовало и развивалось другое направление национального движения. Оно не было идейно однородным, общим у его представителей было только сознание, что словенское национальное движение должно развиваться на базе родного языка и литературы. Центром его являлась Крайна, где словенское население решительно преобладало над прочим. Малочисленное левое крыло в составе этого направления объединялось вокруг «Крайнской пчелки», издававшейся в Любляне с 1830 г. при финансовой поддержке сына богатого хлеботорговца А. Смоле. Оно отличалось национальным и светским характером, сочувствием крестьянству, но не имело никакой четкой политической программы. Существование «Пчелки» было недолгим — после 4-го номера ее выход прекратился из-за запрещения цензуры.

Идейным вождем и руководителем этого крыла был великий словенский поэт Франце Ксаверий Прешерн (1800—1849). Он родился в селе Врба, недалеко от озера Блед, в самом сердце Крайны, в семье крестьянина. Учился сначала в Любляне у Водника, к которому до конца своей жизни сохранил глубокое уважение, а потом в Венском университете. В Вене он был довольно близок к либеральной немецкой молодежи, возглавляемой графом Антоном Ауэрспергом (Анастасием Грюном). Бо́льшую часть своей жизни Прешерн прожил в Любляне, служа в адвокатской конторе. Патриот и демократ по своим воззрениям, Прешерн выражал свои взгляды в стихах.

В отличие от иллиров все надежды Прешерн возлагал на народ. Возможность сохранения национальной самобытности словенцев он видел только в развитии словенского национального языка и словенской национальной культуры и резко расходился с иллирами, которые ратовали за создание единого южнославянского языка. Но вместе с тем Прешерну не

чужда была идея славянской взаимности. Как и некоторые другие левые, он был врагом духовенства. Еще в студенческие годы, будучи репетитором в венском аристократическом пансионе «Клинкстрэм», Прешерн был изгнан из него за «атеизм и растление молодых умов».

Ближайшим другом и соратником Прешерна был Матия Чоп (1797—1835). Человек огромной эрудиции, знавший почти все европейские языки, Чоп был знаком с европейской философией и литературой. Величайшим философом своего времени он считал Гегеля, диалектику которого высоко ценил. Чоп вел некоторое время переписку с утопическим социалистом А. Смолникаром.

В силу преобладания торгово-ростовщической прослойки среди словенской национальной буржуазии и духовной интеллигенции над светской, в национальном движении Словении преобладало правое, крайне умеренное крыло. Этому способствовал и гнет меттерниховского режима, установившегося в Австрии после разгрома Наполеона. Ярким представителем правого крыла являлся Ерней Копитар (1780—1844). В молодости определились его политические симпатии: Копитара раздражал Водник с его демократическими взглядами. В период существования Иллирийских провинций Копитар окончательно стал на сторону абсолютистской Австрийской монархии, верным слугою которой и оставался на протяжении всей своей жизни. Долгое время он был цензором и через его руки проходили многие словенские издания, в том числе «Краинская пчелка» Чопа и Прешерна, которую он не раз подвергал репрессиям. Копитар был ярым австрофилом, правоверным католиком. Он считал Австрию славянским государством и мечтал об объединении всех южных славян в рамках Австрийской империи. Главное препятствие для проведения в жизнь этих планов он видел в России, ненавидел ее и неприязненно относился к тем деятелям славянского Возрождения, которые возлагали на Россию свои надежды.

Вместе с тем Ерней Копитар был крупным ученым и внес значительный вклад в создание общесловенского литературного языка.

В 1809 г. вышел в свет наиболее известный его труд: «Грамматика славянского языка Крайны, Каринтии и Штирии». Эта грамматика исходила из традиций Бохорича и вместе с тем опиралась на живую разговорную речь словенских крестьян. Она подвела итог процессу создания словенского литературного языка, свела воедино все то, что было достигнуто в этой области предшественниками Копитара. Ее значение трудно переоценить, ибо и теперь грамматические правила, выработанные Копитаром, лежат в основе литературного словенского языка.

Свою политическую группировку правые деятели национального движения создали в начале 40-х годов. Вождем ее стал доктор Янез Блейвейс (1808—1881). С 1826 по 1843 г. он жил в Австрии. В 1843 г. Блейвейс приехал в Любляну и добился разрешения издавать газету «Сельскохозяйственные и ремесленные новости». Вокруг этой газеты сгруппировались наиболее консервативные деятели словенского национального движения: духовенство, бюрократия, большая часть буржуазии, цеховые мастера; главным лозунгом их было: «Все для веры, отечества и императора». Борьба за национальные права для них была связана с верностью Австрийской монархии и католицизму. Правые стояли за сохранение старых феодальных порядков. Даже в начале революции 1848 г. Блейвейс заявлял, что от уничтожения власти помещика всего один шаг до уничтожения власти вообще. К группировке Блейвейса примыкал и поэт Иван Весел Косеский.

Если в первой половине XIX в. национальное движение в Крайне, Каринтии и Штирии достигло значительного размаха, то в таких окраинных областях, как Горица, Приморье, Прекомурье, оно развивалось

Франце Прешерн

слабее. Объяснялось это тем, что в этих областях наряду с очень слабой словенской буржуазией имелась гораздо более сильная итальянская и венгерская. Здесь раньше появилось и окрепло итальянское и венгерское национальные движения. К ним примкнула и значительная часть людей с антиавстрийскими настроениями из местной словенской интеллигенции.

Уже с конца XVIII в. некоторые деятели словенского Возрождения обратили свои взоры к России. Маленький, угнетенный, забытый народ черпал силы в борьбе за свое национальное развитие и равноправие в сознании своей принадлежности к многочисленному славянству, близости к русскому народу, единственному из всех славянских народов, имевшему в то время свое собственное государство. В частности, Кумердей считал необходимым для словенцев в борьбе за национальное Возрождение опираться на Россию. В своем выступлении на заседании филологов в 1779 г. он заявил: «Наша страна так мала, что не выделяется среди других. Народ, от которого мы происходим, является самым презренным в так называемом цивилизованном мире. Только блестящие труды наших родных братьев русских могут до некоторой степени это презрение парализовать». В своих взглядах Кумердей не был одинок.

В 1799 г., когда русские войска под руководством Суворова проходили через словенские земли в Италию для борьбы с Наполеоном, Валентин Водник писал: «... русские, наши старшие братья, пришли к нам не только за тем, чтобы нанести нам визит, но также и защитить нас от врагов. Полторы тысячи лет тому назад в наши края пришли первые славяне, они происходили от русских и других славянских родов; в этом причина, что мы легко понимаем русский язык: дело в том, что они славяне, корень, от которого рождены наши отцы... Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем в мире. Мы должны учиться у них, как от врагов защищать свою страну».

В первой половине XIX в. связи деятелей словенского Возрождения с Россией укрепляются. В 1810 г. словенцам пришлось вновь после похода Суворова встретиться с русскими. Русские моряки из эскадры адмирала Сенявина после заключения мира с французами были интернированы в Триесте, а затем получили разрешение двинуться пешком из Триеста в Россию. Они шли и через словенские земли. Русский офицер В. Б. Броневский, также прошедший этот путь, писал о дружеских отношениях между русскими моряками и словенским населением. В. Б. Броневский в своих записках рассказывает о том, какое большое впечатление произвели на словенцев солдаты Суворова, и моряки адмирала Сенявина, проходившие через словенские земли: «Они (словенцы.—*Ред.*) с сего времени как бы пробудились от сна... язык и сходство нравов польстило их национальной гордости. Для них теперь нет ничего приятнее, как говорить о России...». Росту симпатий к России способствовали и добрые отношения, установившиеся между русскими солдатами и словенскими крестьянами. Броневский приводит слова одного словенца, беседовавшего с ним: «Ваши солдаты все люди добрые, нечванные и охотно помогали нам и дома и в поле. Таким гостям мы от души рады и... отпустим (их.— *Ред.*) с хлебом и солью, как друзей».

Многие деятели словенского Возрождения от всего сердца приветствовали победу русских войск над Наполеоном. В начале 40-х годов в словенских землях побывали русские ученые-слависты И. И. Срезневский и П. И. Прейс. И. И. Срезневский познакомился там с Маяром, Прешерном, Вразом и др. Прешерн написал на подаренной ему книге, чтобы «дома сын неумирающей Славы вспомнил братьев возле Савы». Срезневский отмечает радушный прием, повсеместно оказывавшийся ему. В 1846 г.

в Любляне жил некоторое время В. И. Григорович, встречавшийся там с Блейвейсом и Прешерном.

Помимо личных контактов, некоторые словенские национальные деятели вели переписку с русскими учеными.

Так, с М. П. Погодиным переписывались Враз, Копитар, Ф. Миклошич и др. Копитар имел некоторое время переписку с русским филологом А. Х. Востоковым.

В то же время у словенцев развиваются культурные связи и с другими славянскими народами, прежде всего с чехами, словаками, хорватами. Долгое время Копитар переписывался с выдающимся деятелем чешского Возрождения — Добровским. Чоп написал для «Истории южнославянской литературы» Павла Иосифа Шафарика раздел о словенской литературе. Словацкий поэт Франтишек Владислав Челаковский одним из первых открыл для славян Прешерна и высоко оценил его стихи. Хорошо знал он и Станко Враза. Другой известный словацкий поэт Ян Коллар оказал большое влияние на словенских иллиров. Тесные связи последние имели с хорватскими иллирами и, прежде всего, с их вождем Людевитом Гаем, с которым вели переписку. Ерней Копитар, Станко Враз были в очень хороших отношениях с Вуком Караджичем. Е. Копитар, в частности, высоко оценивал талант Караджича и всячески помогал ему в его работе над созданием сербской грамматики.

Таким образом, в первой половине XIX в. словенское национальное движение развивается во взаимной связи с национальными движениями других славянских народов. В этом большая заслуга принадлежала иллирам, стремившимся всячески укреплять и расширять эти связи.

ГЛАВА

28

ВОЕВОДИНА

К концу XVIII в. в экономике Воеводины произошли значительные изменения. Устройство каналов в Банате, Бачке и других областях сделало пригодными для обработки большие массивы плодородной земли и значительно облегчило транспортировку сельскохозяйственных продуктов. Перелог, как система земледелия, повсеместно распространенная в Воеводине в первой половине XVIII в., сменился трехпольем, а введение посевов клевера позволило в ряде случаев отказаться от пара и занять под посевы значительные площади, ранее использовавшиеся как пастбища для скота. Продолжалось освоение новых культур — риса, растений для производства красителей, масличных растений, табака, тутовых деревьев и др. Отдельные крупные землевладельцы (например, граф Нако в Банате) для усовершенствования сельского хозяйства устраивали специальные агрономические школы. Усилившееся в последние десятилетия XVIII в. переселение немецких колонистов в Воеводину также способствовало распространению более совершенных методов ведения хозяйства.

Некоторые крупные землевладельцы переходили к более интенсивным методам ведения сельского хозяйства. Однако на обширных государственных землях в Банате, которые Дворцовая палата сдавала в аренду наряду с рыболовными угодьями, а также мельницами, пивными заводами и т. д., продолжало существовать экстенсивное скотоводство. Земледелием занимались по преимуществу немцы-колонисты и свободные сербские крестьяне — держатели земли, принадлежавшей Дворцовой палате.

В этот период происходит процесс интенсивной экспроприации крестьянской земли, в котором наряду с помещиками (как это было в Сремe) в других областях (в Бачке и Банате) принимают участие офицеры-граничары, торговцы скотом, купцы, сельские старосты (кнезы). Постепенно отменяются права общины на пользование лесами и другие регальные права, при переделах земли община лишается значительной части своих угодий, а многие крестьяне — своих наделов.

Капиталистические отношения в Воеводине возникали в первую очередь в сельском хозяйстве, так как промышленность развивалась крайне медленно. Этому способствовала политика венского двора, поощрявшего вывоз из земель венгерской короны в австрийские сырья и сельскохозяйственных продуктов и препятствовавшего развитию в них самостоятельной

промышленности. Аграрные отношения в различных частях гражданской Воеводины продолжали регулироваться урбариальными законами, введенными при Марии-Терезии. Кметы, имевшие участок земли не менее $^1/_8$ полного надела (сессии), считались сессионалистами; кметы, владевшие домом и участком менее $^1/_8$ сессии, — инквилинами; кметы, не имевшие ни земли, ни дома,— субинквилинами. Держатель полной сессии был обязан выполнять в год 52 дня конной или 104 дня ручной работы, инквилин (в различных районах Воеводины) от 8 до 18 и субинквилин от 6 до 12 дней ручной работы в году. Сессионалисты и инквилины платили, кроме того, денежный чинш и оброк натурой. Натуральные повинности и работу по соглашению с землевладельцем можно было заменить деньгами. Так, в Банате кмет мог больше половины годовой барщины заменить деньгами.

Из-за постоянной угрозы бегства крестьян за границу и в военные области землевладельцы были вынуждены смягчать формы эксплуатации. В Среме, например, крестьянин с полной сессией лишь 48 дней (из годовых 104 дней ручной работы) выполнял бесплатно, а за остальные получал 12 крейцеров в день.

В гражданских областях Воеводины преобладали крупные латифундии. В помещичьем хозяйстве совершался постепенный переход от феодальных методов хозяйствования к капиталистическим. Этот процесс сопровождался усилением эксплуатации крестьян: увеличением барщины и натуральных повинностей, введением многочисленных штрафов и т. д.

Усиление гнета в связи с перестройкой помещичьего хозяйства вызывало сопротивление крестьян. В 1806 г. в Дале — имении карловацкого митрополита вспыхнуло крестьянское восстание, которое, однако, было очень быстро подавлено.

Большое влияние на развитие антифеодального движения в Среме оказало Первое сербское восстание. В апреле 1807 г. в Среме в ответ на наступление землевладельцев на права крестьян вспыхнуло крупное восстание под руководством Тодора Аврамовича Тицана, которое было подавлено военной силой. Сам Тицан после двухлетнего судебного разбирательства был казнен.

Участились жалобы крестьян венгерским властям и даже самому императору на произвол помещиков. Но обращение крестьян к императору не могло принести им существенного облегчения, так как все дела о спорах крестьян с помещиком разбирались в особом суде, состоящем из пяти помещиков. Тем не менее в отдельных случаях власти были вынуждены ограничивать произвол землевладельцев.

В 1836—1840 гг. венгерский сейм принял ряд урбариальных законов: о свободе передвижения кметов, о возможности выкупа кмета, о праве кметов на куплю и продажу селища, о возможности сосредоточения в руках кмета до четырех полных сессий. Однако эти законы получили весьма незначительное практическое применение ввиду яростного сопротивления феодалов.

Сохранение крепостной зависимости крестьян и после принятия новых урбариальных законов являлось главным тормозом для общественно-экономического развития гражданских областей Воеводины в первой половине XIX в.

Важной особенностью аграрных отношений в Воеводине было сочетание социального и национального гнета — большинство крестьян составляли сербы, в то время как помещиками были либо венгры, либо немцы. Помещиков-сербов было очень немного.

Положение граничар в области Военной Границы отличалось от положения кметов. В конце XVIII в. граничары платили подушный налог и несли трудовую повинность — работу: 18 дней в году с человека, 4 дня конной работы при наличии в хозяйстве одной головы рабочего

Крепость Петроварадин на Дунае

скота. Работу можно было заменить деньгами. Она могла быть использована только в общественных целях.

В 1800 г. подушный налог, который платили граничары, был заменен поземельным налогом. Трудовая повинность стала исчисляться также с количества земли (один день ручной и полдня конной работы с каждого ютара земли). При этом сильно страдали хозяйства с большим количеством земли, но с малым числом трудоспособных членов. На практике нормы, предписанные законом, не соблюдались, офицеры заставляли граничар бесплатно работать на себя, делать различные «подношения», что часто вызывало недовольство.

В 1807 г. был издан «Основной закон Военной Границы», подтвердивший ее военно-ленное устройство и подвергший скрупулезной регламентации жизнь граничар. Основой хозяйственной деятельности провозглашалось земледелие, основной формой быта — задруга. Земля граничарской задруги делилась на неотчуждаемое «коренное имение» и «дополнительную землю»; последнюю можно было купить, продать, обменять, заложить, завещать и т. д. (однако лишь с разрешения начальства и при согласии всех членов задруги). При размерах полного надела в 24—34 ютара прожиточным минимумом считалась $^1/_4$ полного надела.

«Основной закон» регламентировал жизнь граничарских задруг, искусственно задерживая естественный процесс распада задруг на индивидуальные семьи. «Основным законом» устанавливалась трудовая повинность, которая разделялась на бесплатную и оплачиваемую, нормы трудовой повинности сохранялись прежние. От нее освобождались хозяйства, в которых имелись граничары, состоявшие на действительной службе, или инвалиды. Бесплатные работы можно было заменить деньгами. Кроме того, граничары платили поземельную подать и налог за выпас скота.

Во время службы граничар получал 12 форинтов в год, на год он получал пару ботинок, оружие, боеприпасы и снаряжение. Питался и одевался граничар за счет своего хозяйства. Лишь при походе или сборах вне своего полкового округа он получал харчи и компенсацию за обмундирование.

По сравнению с кметами гражданских областей граничары находились в более благоприятных условиях, поэтому в первой половине XIX в. продолжался значительный прилив крестьян на территорию Военной Границы.

В конце XVIII — начале XIX в. происходит постепенный процесс изменения натурального характера граничарского хозяйства, которое начинает производить все больше продуктов для рынка, наблюдается и усиление имущественной дифференциации среди граничар. Так, с 1814 по 1819 г. сократилось число хозяйств, имевших меньше $^1/_4$ полного надела и увеличилось число хозяйств с участком от $^1/_4$ до полного надела. Но наличие задруг и сохранение военного режима сковывало дальнейшее экономическое развитие. Без разрешения старейшины задруги (домачина) граничары не имели права уходить на заработки. На короткую отлучку из ротного округа требовалось разрешение капитана. Военные власти мешали набору рабочей силы из граничарских семей, и предпринимателям приходилось привлекать рабочих издалека.

Все это сковывало предпринимательскую деятельность в области Военной Границы.

Военное управление осуществлялось при помощи жестокого палочного режима, что вкупе со злоупотреблениями и произволом военных властей вызывало сопротивление граничар. В июне 1808 г. под сильным влиянием Первого сербского восстания в Крушчице (Банат) вспыхнуло восстание граничар, которое, однако, не встретило широкого отклика; сербскому епископу Видаку удалось уговорить зачинщиков восстания сдаться властям. Одним из методов борьбы граничар против произвола властей и эксплуатации было дезертирство, принимавшее в отдельные периоды большие размеры.

Так, в годы Первого сербского восстания многие граничары дезертировали из австрийской армии и перешли в Сербию. Чтобы привлечь их обратно, император Франц издал указ о всеобщей амнистии.

Особенности экономического развития обусловили тот факт, что в Воеводине стал развиваться в первую очередь сельский пролетариат. Население городов, если оно не было связано с сельским хозяйством, занималось главным образом ремеслом и торговлей сельскохозяйственными продуктами и продукцией добывающей промышленности. Прослойка так называемых бочаров, работавших по найму у зажиточных горожан, в качестве слуг и т. п., была относительно немногочисленной и по своему социальному положению являлась городским предпролетариатом.

В первой половине XIX в. в Воеводине, наряду с городским ремеслом, широкое распространение имели крестьянские промыслы. Почти в каждой задруге было от одного до семи ткацких станков. Продукция этого вида ремесла в значительной части шла на рынок. Центрами развитого городского ремесла были Земун, Панчево, Бела Црква, Сремски Карловцы, Петроварадин, Нови Сад.

В конце XVIII в. в Воеводине появляются первые мануфактуры. Развитие мануфактурного производства в Банате происходило прежде всего в горном деле (добыча железной и медной руды). В Бачке и Банате добывалась селитра.

В 60—70-х годах XVIII в. появляется мануфактура по изготовлению парусины в Оджаках, мельница в Футоге, на которых работали наемные рабочие. Широкое развитие в Банате получила рассеянная мануфактура — купец-скупщик раздавал работу мастерам-ремесленникам и наемным рабочим. Предприятия мануфактурного типа имелись в конце XVIII в. в Темишваре (мельницы, кирпичные заводы, бумагоделательная, пороховая и текстильная мануфактуры). Кроме того, в Банате имелись мануфактуры по переработке кож, производству шелка, шпагата и других

изделий из местного сырья. В конце XVIII в. в Нови Саде на Дунае имелось 10 мельниц. В 40-х годах XIX в. там работали также табачная мануфактура, винокуренный завод, шелкопрядильня, принадлежавшие предпринимателям-сербам. В 40-х годах XIX в. развивается добыча каменного угля. С 1840 г. производится добыча бурого угля в Врднике (Срем). В 1846 г. в шахтах близ Велика Коса и Рудина добывалось 100 тыс. австрийских центнеров [1] угля в год. В 1847 г. в Каменице была заложена шахта производительностью в 56 тыс. центнеров угля в год. В горной части Баната, кроме горно-рудного дела, были развиты лесоразработки. В равнинных областях во многих местах имелись пивные и винокуренные заводы, которые первоначально были государственными и сдавались в аренду, а в конце XVIII в. были проданы частным лицам. Свидетельством роста промышленности в области Военной Границы является увеличение суммы налога, взимаемого с промышленных предприятий: за 17 лет (с 1802 по 1819 г.) эта сумма увеличилась на 40%. Этот рост был обусловлен главным образом увеличением числа мелких предприятий.

Внешняя торговля занимала значительное место в торговых операциях воеводинской торговой буржуазии. Во второй половине XVIII в. из Воеводины вывозятся зерно, вино, технические культуры, табак. Одной из важнейших статей экспорта был крупный рогатый скот, направлявшийся в Вену и германские города, а также в Словению и Италию. В основном за счет экспорта скота оплачивались ввозимые в Воеводину мануфактурные изделия из Австрии, Словении. Из Баната в больших количествах вывозилась древесина. К концу XVIII в. из Воеводины стали также вывозиться кожи, мед, воск.

В Воеводину ввозились различные металлы и изделия из них, сельскохозяйственные орудия, ткани, посуда и другие товары (из Австрии); шерсть, хлопок, кожа, конская сбруя, ковры, пряности, кофе и др. (из Турции); свиньи (из Сербии). Внешняя торговля в конце XVIII в. сильно страдала от многочисленных внутренних таможенных сборов.

Уже в конце XVIII в. в городах гражданской части Воеводины имелась довольно сильная сербская торговая буржуазия. Так, например, в Нови Саде в 1771 г. было 42 православных купца, имущество которых оценивалось в 98 тыс. форинтов. В 1818 г. таких купцов было уже 107. В 1794 г. в Панчево 49 семейств занимались торговлей.

В XVIII в. происходило также дальнейшее развитие городов Военной Границы.

Население городов, кроме ремесла и торговли, занималось земледелием, виноградарством, шелководством и пчеловодством. Жители «военных вольных городов» делились на привилегированных горожан-бюргеров и податное сословие — контрибуэнтов (поденщики, слуги, стражники, крестьяне и др.). Лишь бюргеры (купцы, мастера-ремесленники, представители свободных профессий) обладали правами избирать городские органы самоуправления и занимать в них должности, были освобождены от телесных наказаний и т. д.

Население городов было еще, однако, весьма немногочисленным. В конце XVIII в. Земун насчитывал 4559 жителей, Карловцы — 3843, Бела Црква — 2737, Митровица — 804 жителя. Быстрее всех рос и развивался Земун, насчитывавший в 1802 г. 7089, а в 1808 г. уже 8203 жителя. Бела Црква в 1813 г. насчитывала 4317 жителей. Из городов гражданской Воеводины особенно быстро развивался Нови Сад.

Судоходство всегда играло опутимую роль в хозяйстве Воеводины: значительные массы грузов перевозились па судах (парусных и на

[1] Австрийский центнер равен 56 кг.

конной тяге) по Дунаю, Саве, Тисе, Драве и другим более мелким рекам. В 1802 г. было закончено строительство судоходного канала Дунай — Тиса, имевшего также огромное значение для мелиорации заболоченных земель. Благодаря этому каналу была осушена южная Бачка, а путь от Дуная до Тисы сократился на 200 км. В 1804 г. по этому каналу прошло 634 грузовых судна.

В 30-х годах XIX в. на Дунае появились первые паровые суда, была создана пароходная компания «Австрийский Ллойд». В 1836 г. эта компания имела основной капитал в 700 тыс. гульденов, по рекам плавали семь пароходов компании, оснащенных первоклассными по тому времени английскими машинами. В 1836 г. в Нови Саде была открыта пароходная пристань, что способствовало значительному оживлению торговли этого города.

Различное административное и хозяйственное положение гражданских областей, Военной Границы и коронных дистриктов затрудняло обмен между ними и тормозило процесс формирования единого рынка.

Нарождающаяся сербская буржуазия с ростом своей экономической мощи усилила борьбу за предоставление ей политических прав. В 1790 г., стремясь противопоставить борьбу сербов за автономию венгерскому национальному движению, император Леопольд II созвал в Темишваре сербский народно-церковный сабор. Наряду с рассмотрением церковных дел (выборы митрополита, ограничение доходов высшего духовенства и улучшение положения низшего и др.), сабор поставил и ряд политических вопросов, главным из которых было требование о предоставлении австрийским сербам территориальной автономии. Однако ни венгерские сословия, ни император не пошли на это. После сабора сербам удалось только добиться признания их равноправными гражданами Венгрии: недворяне получили право владеть землей, сербам разрешено было становиться чиновниками.

Стараясь сохранить свое привилегированное положение, сербская высшая церковная иерархия всячески препятствовала постановке политических вопросов на народно-церковных саборах. Это же делали и австрийские власти. На саборах 1837 и 1842 гг., собиравшихся для выборов митрополитов, власти строжайше запретили обсуждать какие-либо политические вопросы.

Более четырех с половиной десятилетий возглавлял сербскую православную церковь в Австрии Стефан Стратимирович, избранный карловацким митрополитом на Темишварском саборе 1790 г. (умер в 1836 г.), и за все это время он не созвал ни одного сабора. Владелец крупных поместий и тысяч крепостных крестьян Стратимирович отражал интересы феодальной верхушки сербского общества в Австрии, которые вступали в столкновение с интересами крестьянства и подымающейся сербской буржуазии.

В деятельности Стефана Стратимировича ярко и четко отразилось противоречивое положение высшего сербского клира в Австрии. По своему положению сербская православная иерархия должна была защищать национальные интересы сербского народа от наступления на его права венгерского и немецкого господствующих классов. На деле же верхушка сербского духовенства все больше и больше отдалялась от сербского крестьянства и крепнущей сербской буржуазии, все чаще выступала опорой Габсбургов в борьбе против своего народа.

В связи с активизацией политики России в восточном вопросе и подъемом сербского национально-освободительного движения в Турции, среди воеводинских сербов зарождается мысль об освобождении сербского народа от чужеземного ига и о возрождении национального сербского государства при поддержке и помощи России. В среде церковной

иерархии в Воеводине в 1803—1804 гг. возникает ряд проектов возрождения «Славяно-сербского царства» под покровительством России. Они были изложены в письме владыки И. Йовановича петербургскому митрополиту и памятной записке С. Стратимировича Александру I.

Наряду с возможностью освобождения сербского народа от иноземного (турецкого и австрийского) гнета Стратимирович видел в создании такого государства средство для предотвращения попыток решения сербского вопроса в Австрии революционным путем по примеру сербского восстания, охватившего в то время Белградский пашалык.

Первые успехи русского оружия в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. и известия о совместных победах русских и сербских повстанцев над турками встретили живейший отклик среди сербов-граничар. В августе 1807 г. граничары обратились к главнокомандующему Дунайской армией генералу Михельсону с письмом, в котором они выражали желание «всем им быть под Московским царством».

Особенностью сербской автономии в Воеводине было то обстоятельство, что сербам предоставлялись религиозные, но не национальные права. Рост в XIX в. венгерского национального движения, руководители которого так же, как и австрийское правительство, отказывались признать за воеводинскими сербами права на национальную автономию, привел к усилению сербо-венгерских противоречий.

В 1830 г. венгры добились введения в землях венгерской короны венгерского языка вместо латинского, бывшего до того официальным языком венгерских канцелярий. В 1843 г. венгерский язык становится обязательным языком для преподавания во всех школах на территории Венгрии.

Однако другие народы, жившие в венгерских землях, такого права не получили. Не получил его и сербский народ. Отказ руководителей венгерского национального движения признать за сербами права на употребление сербского языка в государственных учреждениях и обучении послужил одной из причин ухудшения сербо-венгерских отношений, что с такой силой проявилось в событиях 1848 –1849 гг.

Идеи буржуазного просветительства и рационализма оказали известное влияние на идеологическую жизнь в Воеводине во второй половине XVIII — начале XIX в. В литературе этого времени, наряду с сочинениями духовного содержания и поэзией, появляются исторические книги, причем последние пронизаны духом просветительства и патриотизма, отражают стремление авторов к пробуждению в народе национального самосознания. Примером такого рода произведений является «История разных славянских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов» ученого монаха Йована Раича. Новые идеи, отражавшие идеологию поднимающейся сербской буржуазии, звучали в сочинениях родоначальника новой сербской литературы Досифея Обрадовича (1740—1811 гг.). Сам будучи в молодости монахом, Досифей Обрадович критиковал верхушку сербской православной церкви, борясь против мракобесия и суеверий, за торжество «здравого разума», за просвещение и культуру (см. гл. 20 и 30).

В конце XVIII — начале XIX в. в Воеводине наблюдается бурное развитие школьного дела, книгопечатания, литературы, живописи и т. д. (см. гл. 21 и 30). В конце 20 — начале 30-х годов XIX в. сербская учащаяся молодежь образует литературные общества: в Граце — общество «Сербское правительство», куда входила сербская и хорватская молодежь; в Сегедине — литературное общество «Объединение молодых». Там же в 1843 г. было создано «Общество обучающихся сербов». В Пожуне в середине 40-х годов действовало общество «Свобода», издававшее рукописную газету «Соко». В 1847 г. в Пеште существовало общество «Сербская

молодежь». В 40-х годах большое влияние на умы сербской молодежи, учившейся в Пожуне, оказывал кружок крупного деятеля словацкого Возрождения Людевита Штура.

Вокруг Штура группировался кружок сербской молодежи (в него входил Светозар Милетич и др.), в среде которой Штур пробуждал глубокий интерес к славянской культуре, роли славян в истории. Этот кружок способствовал развитию и оформлению национальной идеологии сербской воеводинской буржуазии. Многие сербы, учившиеся в Пеште, испытали влияние Яна Коллара, воспитывавшего их в духе славянской взаимности. Вдохновленная этими идеями сербская молодежь приняла активное участие в бурных событиях 1848—1849 гг.

Создание национальной сербской интеллигенции и наличие образованных людей из граничарских офицеров имело большое значение не только для Воеводины, но и для Сербии, вступившей в начале XIX в. на путь борьбы за национальное освобождение. В годы Первого сербского восстания из Воеводины в Сербию перешло немало образованных людей, составивших кадры секретарей, писарей и учителей начальных школ и созданной в 1808 г. Досифеем Обрадовичем Великой школы в Белграде. После Второго восстания приток в Сербию мастеров и грамотных людей из Воеводины еще более усилился.

ГЛАВА 29

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг.

Классовая и национальная борьба в Хорватии и Славонии весной и летом 1848 г.

В 1848 г. в условиях общеевропейской революционной ситуации в ряде земель Австрийской империи вспыхнуло революционное движение, принявшее в одних областях буржуазный, в других — буржуазно-демократический характер. Революционный взрыв 1848—1849 гг. в многонациональном феодально-абсолютистском государстве был вызван глубокими социально-экономическими и национально-политическими противоречиями. Его ускорили революционные события во Франции и юго-западной Германии в феврале-марте 1848 г.

13 марта 1848 г. вспыхнуло народное восстание в Вене. Выступления трудящихся масс в столице заставили австрийское правительство пойти на некоторые политические уступки буржуазной оппозиции. 14 марта император Фердинанд объявил об отставке ненавистного всем Меттерниха, были обнародованы указы о создании национальной гвардии и свободе печати. Правительство согласилось на созыв рейхстага для выработки конституции.

Весть о революции в Вене всколыхнула народные массы Венгрии. 15 марта поднялись на борьбу демократические слои Пешта. Революционное движение охватило все венгерские области. Перед угрозой всеобщего восстания Габсбурги вынуждены были удовлетворить требования венгерской оппозиции. 17 марта 1848 г. было назначено первое самостоятельное правительство Венгрии.

Заседавший с 1847 г. Пожунский сейм 18 марта принял буржуазные законы: о ликвидации урбариальных повинностей крестьян с выкупом за счет государства, отмене помещичьего судопроизводства и церковной десятины, о всеобщем налоговом обложении, о реорганизации сейма на основе народного представительства, об ответственности венгерского правительства перед сеймом, о военной и финансовой самостоятельности Венгерского королевства, об организации национальной армии и т. д. Эти законы рассматривали Венгерское королевство как единое целое и отрицали за хорватскими областями право на автономное национально-политическое развитие. В марте началась освободительная война итальянского народа против австрийского господства. Революция захватывала все новые и новые части Австрийской империи.

Руководствуясь проверенным приемом «разделяй и властвуй», общеимперская реакция рассчитывала направить буржуазно-национальные движения славянских народов, испытывавших двойное национальное угнетение, в русло борьбы с растущей революцией. Огромное значение для империи имела Военная Граница, поскольку граничары составляли значительную часть императорской армии. В этом отношении важную роль мог сыграть бан в Хорватии иСлавонии, способный подчинить буржуазно-полптическое хорватское движение интересам Австрии. Хорватский бан должен был также любыми средствами удержать граничар от революционных выступлений и тем самым предоставить в руки феодально-абсолютистских кругов силу для восстановления в стране своего былого господства. 23 марта баном был назначен граничарский полковник Йосип Елачич, хорват по происхождению, немного сочувствовавший иллиризму, что обеспечивало ему поддержку национальной буржуазии. Но это назначение не было объявлено.

Мартовские события в империи дали толчок подъему классовой и национальной борьбы в Хорватии и Славонии. В Осиеке протест народных масс против феодальных порядков и национального угнетения вылился в расправу с богатыми горожанами. Несколько позднее произошло выступление неимущих слоев в Вараждине. В Загребе распространялись листовки, призывавшие хорватов подняться на борьбу за свободу. В Хорватии и Славонии стал популярным лозунг «Свобода, Равенство и Братство».

Национальное движение охватило состоятельных горожан. В Загребе, Карловаце и других городах городские власти для защиты буржуазных свобод и одновременно для предотвращения народных волнений постановили организовать национальную гвардию.

В Хорватии местные либералы поспешили сформулировать свои национальные требования. По их инициативе 25 марта в Загребе состоялось собрание деятелей национального движения — Великая народная скупщина, которая провозгласила Елачича баном и приняла программный документ — «Требования народа». Выбор скупщиной на пост бана Елачича не был случайным. Он должен был, по мнению либералов, явиться олицетворением суверенности хорватов в решении вопросов внутренней политики.

В «Требованиях народа» скупщина, выражая свою верность венгерской короне и Габсбургам, высказалась за созыв до 1 мая хорватского сабора, за воссоединение с Хорватией и Славонией Далмации, Военной Границы и «...всех остальных с течением времени потерянных и присоединенных к венгерским комитатам и австрийским землям частей нашей родины». Скупщина потребовала также образования независимого, ответственного перед сабором хорватского правительства, введения национального языка в управление, школы, церковь и армию Триединого королевства, установления свободы печати, вероисповедания, обучения, слова, ассоциаций, собраний, петиций, ежегодного созыва впредь хорватского сабора, избранного на основе равенства граждан без различия сословий, введения равенства граждан перед судом и законом, учреждения суда присяжных заседателей, установления всеобщего налогового обложения, освобождения крестьян от барщины и крепостной зависимости и т. д. «Требования народа» представляли собой программу, содержавшую ряд буржуазно-демократических положений, но предусматривавшую постепенное буржуазное переустройство общественного и политического строя империи и хорватских областей путем уступок со стороны австрийского монарха. Они свидетельствовали о готовности хорватских либеральных буржуазно-помещичьих кругов сотрудничать с правящей династией на основе признания последней внутренней самостоя-

тельности объединенных хорватских областей и отмены феодальных привилегий. 26 марта в Вену из Загреба направилась депутация, состоявшая из 400 человек, чтобы вручить императору «Требования».

С первыми сообщениями о революции в Австрийской империи резко усилилась антифеодальная борьба крестьянских масс Хорватии и Славонии. Слухи об отмене крепостной зависимости быстро распространились среди крестьянства, которое явочным порядком стало прекращать выполнение феодальных повинностей. В обстановке всеобщего возбуждения, растерянности помещиков и властей брожение среди крестьян стало повсеместным. Во многих местах произошли открытые крестьянские волнения. Кметы захватывали помещичьи земли, громили господские усадьбы, отказывались подчиняться жупанийским чиновникам. По словам современника, недовольство среди крестьян весной 1848 г. достигло в Хорватии и Славонии такой степени, что достаточен был «только еще один шаг — и все было бы сожжено, уничтожено и убито!»

Согласно автономным правам Хорватии и Славонии законы хорвато-венгерского сейма не могли получить здесь юридической силы до утверждения их императором и принятия сабором. Однако власти большинства жупаний, не дожидаясь императорской санкции и созыва сабора, в страхе перед крестьянским движением к началу апреля обнародовали аграрный закон Пожунского сейма. Серьезность положения в деревне заставила бана Елачича 25 апреля издать манифест, в котором объявлялось об отмене урбариальных повинностей и церковной десятины. Вместе с тем, 27 апреля в особом письме он объявил об учреждении полевых судов против «разбойников», покушавшихся на «чужое имущество», а также «бунтарей», подстрекавших крестьян к восстанию.

Весной 1848 г. хорвато-венгерские противоречия серьезно обострились. Либеральное дворянство и буржуазия Хорватии и Славонии были обеспокоены решениями Пожунского сейма, лишавшими хорватов всякой гарантии их национальных прав и дававшими широкие права венгерскому правительству. Хорватские жупании и города стали отказываться от приема корреспонденции на венгерском языке. Уступая настроениям оппозиционных слоев, Елачич 19 апреля издал циркуляр, запрещавший местным властям до созыва сабора подчиняться венгерскому правительству. Положение в Хорватии и Славонии становилось все более и более напряженным.

Наряду с укреплением рядов сторонников борьбы за национальные права в Хорватии и особенно в Славонии активизировали свою деятельность и мадьяроны, хотя часть из них в обстановке национального подъема, охватившего хорватские земли, бежала в Австрию и частично в Венгрию. В Вировитицкой и Сремской жупаниях им удалось захватить власть. Между сторонниками национального движения и мадьяронами разгорелась острая борьба, которая в некоторых местах Славонии продолжалась вплоть до осени, иногда переходя в вооруженные столкновения.

Хорватские либералы для укрепления своих позиций стали искать поддержки в национальном движении других славян и в первую очередь славян Австрийской империи. 20 апреля 1848 г. Кукулевич-Сакцинский выступил в печати с предложением о созыве всеславянского съезда для установления союза между славянами с целью защиты и развития их «народности и свободы». Одновременно идея созыва славянского съезда возникла среди словаков и познаньских поляков. Она нашла живой отклик в буржуазных кругах австрийских славян. 2 июня в Праге открылся съезд, который прошел под знаком лояльности славянской буржуазии к габсбургской династии и торжества австро-славистской идеи.

Австро-славистская теория заключала в себе идею преобразования общественно-политического строя империи и превращения ее в буржуазную

конституционную монархию, состоящую из федерации равноправных национальностей, путем соглашения с феодально-монархическими силами. Вопреки стремлению революционно-демократических элементов к революционному уничтожению феодально-абсолютистского гнета и свержению правящей династии, австро-славизм предполагал сохранение империи Габсбургов и означал медленный и мучительный для народных масс путь буржуазного развития входивших в нее областей. Австро-славистская идея, выдвигавшаяся в значительной степени в противовес националистическим притязаниям Франкфуртского парламента (включавшего в состав Германии чехов и словенцев), отстаивая целостность империи как гарантию национального развития австрийских славян, была направлена против государственного объединения Германии, требовавшего ликвидации империи Габсбургов. Мешая выполнению одной из важнейших задач европейской революции, австро-славизм объективно служил укреплению реакционных сил в Европе. Австро-славистская направленность славянского съезда встретила решительное осуждение Фридриха Энгельса [1]. Славянский съезд прекратил свою деятельность 12 июня в связи с восстанием в Праге.

Австрийское правительство было напугано сближением славянских народов империи. Оно опасалось также в данный момент обострения хорвато-венгерского конфликта, толкавшего венгерское правительство к созданию национальной армии, представлявшей опасность для Австрии. Желая ослабить стремление к сближению славян, удержать венгерское правительство от решительных действий, превратить национальное хорватское движение в послушное орудие своей политики и испытывая вместе с тем давление со стороны венгерского правительства, Фердинанд потребовал от Елачича безоговорочного подчинения венгерским властям. Генерал Храбовский был назначен королевским комиссаром в Хорватии, Славонии и Военной Границе.

15 и 16 мая в Вене произошло новое революционное выступление народных масс. Императорский двор тайно бежал в Инсбрук. Хорватские помещики и буржуазия сочли, что настал удобный момент для осуществления национальных прав Хорватии и Славонии. 18 мая Елачич без предварительной санкции императора издал указ о выборах и созыве 5 июня хорватского сабора. Фердинанд потребовал отсрочки созыва сабора до его особого разрешения и немедленного приезда бана в Инсбрук. Однако Банское вече (хорватское правительство, составленное Елачичем) высказалось против отъезда Елачича из Хорватии до его возведения сабором в должность бана. В ответ на это Фердинанд манифестом от 10 июня лишил Елачича банского достоинства и военных чинов.

5 июня 1848 г. открылся хорватский сабор. По избирательному закону 1848 г. в него персонально, по приглашению бана, вошли светские и духовные аристократы и высшие должностные лица. Остальная часть населения была представлена в саборе депутатами, избранными двухстепенным голосованием. При этом правом голоса в сельских общинах пользовались лишь исключительно главы семей, в городах — те, кто располагал недвижимой собственностью, обладал «правом горожанина», имел образование или был чиновником. Избирательный закон обеспечил в саборе умеренно-либеральное, дворянско-буржуазное большинство. В работе сабора впервые в истории участвовали представители Военной Границы. Далмация своих депутатов не прислала. На сабор прибыла депутация из Воеводины. На нем присутствовали также в качестве гостей представители словенцев и чехов. С начала работы сабора в нем обнаружились три обще-

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 289—306.

ственно-политические группировки. Левую, весьма слабую, представляли буржуазные демократы, отражавшие интересы мелкой городской буржуазии и в известной степени части крестьянства. В аграрном вопросе они выступали против вознаграждения помещиков за ликвидированные урбариальные повинности, требовали безвозмездной отмены арендных платежей с державшихся крестьянами помещичьих земель, высказывались за ликвидацию монополии дворянства на распивочную продажу спиртных напитков, содержание мельниц и т. д., за предоставление крестьянам права свободного пользования лесами и пастбищами. Хотя буржуазные демократы не требовали уничтожения помещичьего землевладения и освобождение крестьян рассчитывали провести путем реформы, позиция их по аграрному вопросу была в сборе наиболее последовательной. Но главное в политической линии хорватских буржуазных демократов заключалось в том, что они предпочитали борьбу за реформу национального статута Хорватии и Славонии революционному решению социальных проблем. Слабость стихийного движения народных масс в Хорватии и Славонии, мелкобуржуазный состав демократов предопределили незрелость их программы.

Реформизм и национальная ограниченность сближали хорватских буржуазных демократов с либералами. Их национально-политические требования почти совпадали.

Либеральная группировка была в сборе самой сильной. Хорватские либералы, отражавшие интересы обуржуазивающихся помещиков и зажиточной торгово-промышленной буржуазии, требовали вознаграждения помещиков за отмену урбариальных повинностей, выступали за частичную отмену монопольных дворянских прав или распространение их также на общины, предоставление крестьянам ограниченного права пользования некоторой частью лесов и пастбищ. Национально-политическая платформа хорватских либералов характеризовалась лояльным отношением к габсбургской династии, хотя свою верность Габсбургам они связывали с федеративным переустройством империи и автономией объединенных югославянских земель. Национально-политические требования хорватских либералов, зиждившиеся на австро-славистской теории, заключали в себе предпосылку для соглашения с феодальной реакцией и объективно были направлены против революционного движения.

Третью группировку составляли в сборе консервативные круги господствующего класса. Видя невозможность сохранения урбариальной системы, они требовали выкупа повинностей и не допускали других нововведений в области аграрных отношений. Требования либералов и консерваторов по аграрному вопросу, различаясь мерой уступок крестьянству, были направлены лишь на верхушечное преобразование крепостнического строя и не ставили под вопрос экономическое и политическое господство помещичьего класса.

Феодальная хорватская аристократия выступала против изменения существовавшего политического положения.

После торжественного возведения Елачича в должность бана сабор приступил к решению важнейших вопросов общественной жизни хорватских земель. Он поддержал решение воеводинских сербов о политическом союзе Триединого королевства и Воеводины. В созданный в это время воеводинскими сербами верховный орган власти — Главный одбор—был назначен представитель Хорватии. В будущем предполагалось создать особый комитет для разработки основ политического союза сербских и хорватских земель Австрийской империи.

Сабор предложил реорганизовать империю в федерацию равноправных областей, пользующихся внутренней автономией, с общеимперским парламентом в Вене и центральными министерствами иностранных дел,

обороны, финансов и торговли. Хорватия и Славония должны были сохранить политическую связь с Венгрией на основе свободы и равенства. Верховную власть в Хорватии и Славонии надлежало передать ответственному перед сабором «государственному вечу» во главе с баном. Сабор выразил пожелание, чтобы при австрийском дворе находился специальный, ответственный перед сабором, министр в качестве посредника между Хорватией-Славонией и центральным правительством. Сабор высказался за восстановление власти бана на территории от Дравы до Адриатического моря, воссоединение Далмации с Хорватией и Славонией и тесный союз Триединого королевства с Воеводиной и словенскими землями.

Острая борьба разгорелась в сабore по вопросу о Военной Границе. Вопреки требованиям граничар о передаче земли в их собственность, упразднении военной администрации и воссоединении Границы с хорватскими гражданскими областями, сабор ограничился решениями о распространении на Границу конституции Триединого королевства, насколько позволяло ее особое устройство, о введении здесь в качестве официального хорватского языка и о проведении некоторых других реформ. Свои решения по вопросу о Границе сабор направил на утверждение императору. 29 граничарских депутатов в саборе во главе с Дмитрием Орелем выразили протест против принятых половинчатых решений и потребовали проведения в Границе более глубоких преобразований. Группа Ореля пыталась опереться на граничарские массы, распространив в народе свою записку по этому вопросу. Однако Елачичем были предприняты меры по предотвращению в Границе «беспорядков».

Сабор принял закон по аграрному вопросу, который устанавливал ликвидацию путем государственного выкупа урбариальных повинностей, отмену церковной десятины и помещичьих судов и объявлял крестьян собственниками надельной земли, свободными от власти помещиков. Но срок и способ выплаты выкупных платежей землевладельцам в нем определен не был. Закон отменял монопольные права дворянства безвозмездно, кроме права распивочной продажи вина, за отмену которого помещикам было обещано вознаграждение от государства. До окончательного урегулирования вопроса о сервитутах закон сохранял в Хорватии существовавший до 1848 г. обычай, в Славонии вводил некоторые льготы для крестьян в использовании лесов. Сабор постановил ввести аграрный закон в действие, не дожидаясь санкции императора. Он принял также решение о всеобщем налоговом обложении. Аграрный закон сабора носил компромиссный характер. Он оставлял в неприкосновенности помещичьи владения, возлагал фактически выкуп урбариальных повинностей на плечи налогоплательщиков, не решал вопроса о наделении крестьян землей, обходил вопрос о вненадельных землях и тем самым оставлял не только договорных, но и бывших крепостных крестьян в экономической зависимости от помещиков, наконец, сохранял господскую собственность на подавляющую часть лесов и пастбищ. Аграрный закон 1848 г. облегчал капиталистическое развитие хорватской деревни, но сохранял политическое и экономическое господство помещиков.

В обстановке резкого обострения отношений с Австрией и Венгрией, а также активизации народных масс в самих хорватских областях сабор временно передал Елачичу диктаторскую власть. Он избрал также четырех представителей в австрийский рейхстаг, который открылся 22 июля.

Принятый крепостниками аграрный закон обманул ожидания крестьянских масс. Недовольство и раздражение крестьян усиливалось в связи с тем, что хорватские власти, готовясь к войне с Венгрией, проводили рекрутские наборы, собирали чрезвычайный налог, требовали у крестьян

транспортные средства и продовольствие. Поэтому летом 1848 г. в Хорватии и Славонии поднялась волна крестьянских выступлений. Крестьяне захватывали помещичьи земли, рубили господские леса, пасли там свой скот, отказывались подчиняться жупанийским властям, сопротивлялись сбору помещиками недоимок, а также специальных платежей на базарах, торговали свободно спиртными напитками, не признавая установленных законом ограничений. Крестьяне отказывались платить налоги, поставлять подводы для военных и государственных нужд, а также выполнять общественные работы. «Народ разъярен», — писал один котарский судья. Местные власти и помещики требовали от бана вооруженной помощи.

Кульминационным моментом антифеодальной борьбы хорватского крестьянства летом 1848 г. явилось выступление в районе Гробника. Кроме крестьян, в нем участвовало сельское духовенство. Пять общин из окрестностей Гробника прогнали котарского судью и образовали одну административную единицу с целью отделения от Загребской жупании. Восставшие организовали народную стражу, захватили помещичьи леса, установили свободную продажу вина, выгнали из поместья чиновников и предложили соседней общине Фужин заключить с ними союз. Для усмирения крестьян власти направили в Гробник военный отряд. По решению суда все нововведения в общинах были уничтожены, восставшие крестьяне и их руководители были подвергнуты суровым наказаниям. Но несмотря на открытые насилия властей, крестьянская борьба в Хорватии и Славонии не утихала.

Считая резкое обострение хорвато-венгерского конфликта еще преждевременным и стремясь создать иллюзию, будто двор желает урегулировать мирным путем хорвато-венгерские отношения, император в конце июля по инициативе венгерского правительства организовал в Вене переговоры между Елачичем и венгерскими министрами. Елачич в качестве условий мира потребовал превращения венгерских министерств военных дел, финансов и внешних сношений в общеимперские, признания прав хорватского языка и исполнения требований воеводинских сербов. Эти условия венгерскими представителями были отвергнуты. В Хорватии и Славонии началась усиленная антивенгерская пропаганда, преследовавшая цель подготовить общественное мнение к назревавшему военному конфликту.

К концу лета 1848 г. после победы контрреволюции во Франции, разгрома Пражского восстания и первых успехов армии Радецкого в Италии позиции контрреволюционных сил в империи значительно упрочились. 4 сентября император отменил манифест о смещении Елачича с поста бана. Ему была оказана помощь оружием и деньгами. 7 сентября Елачич объявил Венгрии войну.

Революционное движение и национальная борьба в Воеводине весной и летом 1848 г.

В марте в Воеводине и особенно в Военной Границе произошли революционные выступления городской бедноты. 22 марта восстали народные массы Панчева. Они расправились с чиновниками магистрата и избрали новое городское управление. Сербы и немцы совместно организовали национальную гвардию. Собравшиеся 22 марта на скупщину панчевцы взяли в свои руки управление городом, провозгласили присоединение его к Венгрии, что означало ликвидацию военного управления, и приняли венгерскую конституцию. Панчевская скупщина приняла также решение о свободном избрании городских чиновников, о ликвидации кулука,

о введении всеобщего налогового обложения, гласного судопроизводства и суда присяжных заседателей, провозгласила свободу слова, печати и т. д. Решения панчевской скупщины, носившие исключительно социально-политический характер, отражали революционно-демократические настроения восставшего народа.

В те же дни произошли волнения в Земуне. Городская беднота и окрестные крестьяне независимо от национальности вышли на улицы с венгерскими знаменами. Народ требовал смены чиновников, ликвидации феодальных платежей и выражал солидарность с революционной Венгрией. Военные власти вынуждены были допустить замену некоторых магистратских чиновников и разрешить организацию национальной гвардии. 2 апреля в г. Сремски Карловцы неимущие жители, студенты, окрестные крестьяне, вооруженные вилами и косами, прошли по улицам города со знаменами и факелами в руках. В толпе раздавались возгласы: «Да здравствует свобода!» и угрозы по адресу властей и богатеев. Возбуждение народных масс наблюдалось в Нови Саде, Митровице и других местах. Когда же утихли волнения, военные власти ввели в Панчево и Земун регулярные воинские части и ликвидировали новшества, введенные в городскую жизнь под давлением или руками восставших масс.

Зажиточные горожане в разгар борьбы заняли контрреволюционную позицию, убеждая народ воздержаться «от беспорядков». Вслед за революционными событиями буржуазия, боявшаяся решительных действий народа и вместе с тем неудовлетворенная существующей системой общественных отношений, развернула петиционную кампанию. Она стремилась таким путем отвлечь массы от революционной борьбы и добиться от австрийских властей известных уступок. В конце марта—начале апреля в наиболее крупных городах Воеводины состоялись руководимые представителями умеренной буржуазии скупщины, которые приняли петиции. Они были отправлены с особыми делегациями императору и Пожунскому сейму.

В панчевской петиции от 27 марта отсутствовали все важнейшие демократические решения, принятые массами несколько дней назад. В ней фактически выражалось согласие на восстановление военного управления и выдвигался ряд локальных экономических требований. В принятой 5 апреля земунской петиции выдвигались требования о введении выборности магистратских чиновников, городского самоуправления, предоставлении горожанам права распоряжения городскими финансами, замене общинного кулука денежным взносом, отмене феодальных платежей, организации национальной гвардии, введении гласного судопроизводства, суда присяжных заседателей и т. д. Это были умеренные требования, хотя и касавшиеся, исключительно социально-политических вопросов, но рассчитанные на частичную реформу существующих в Военной Границе общественных отношений.

Иной была новисадская петиция. Нови Сад был центром сербского национально-культурного Возрождения. Национальные идеи получили здесь широкое распространение в течение предшествующих лет. Петиция, принятая 27 марта новисадской общиной, указывая на старинные привилегии сербов в Австрийской империи, требовала введения сербского языка в местную жизнь, свободы и равенства вероисповеданий, восстановления права сабора управлять делами церкви, школ, монастырей, уравнения в правах высшего православного духовенства с католическим на Пожунском сейме, признания за сербами права занимать чиновничьи должности и т. д. Новисадская петиция высказывалась также за предоставление граничарам права полной собственности на их земли и распространение на Границу законов, принятых в марте Пожунским сеймом. Петиция касалась главным образом национальных и религиозно-церков-

ных вопросов. Социально-экономические требования занимали в ней подчиненное место. Но и в национальных требованиях она была весьма умеренной. Характер новисадской петиции свидетельствует о том, что уже на начальных фазах борьбы в Воеводине в среде либеральной буржуазии, выступившей на первый план в общественной жизни, наиболее сильными и влиятельными были круги, считавшие борьбу за национальные права главным содержанием движения.

Представители буржуазной интеллигенции и в особенности студенческой молодежи не только из самой Воеводины, но и из Сербии развернули национальную пропаганду. Широкую агитацию развил в Воеводине Матия Бан, эмиссар правительства Сербского княжества. Правящие сербские круги восприняли подъем национальной борьбы в славянских областях Австрийской империи как весьма благоприятную предпосылку для объединения югославянских земель под эгидой монархической Сербии. С целью подчинения национальной борьбы югославянских народов интересам Сербии и отправился в путешествие по Воеводине, Хорватии, Далмации и Черногории Матия Бан. Он призывал воеводинских сербов к созыву всеобщей скупщины, образованию воеводства во главе с патриархом и воеводой и установлению политического союза Воеводины с Триединым королевством.

В Воеводине национально-буржуазная пропаганда постепенно захватила широкие народные слои, борьба которых в начальный период революционных событий носила исключительно социальный характер. Распространение национальных идей здесь облегчалось тем, что помещики были главным образом венгерской, крестьяне же — сербской национальности. Поэтому призывы к освобождению от венгерского гнета воспринимались крестьянством как призывы к уничтожению власти и господства венгерских помещиков. Немаловажную роль играла также религиозная рознь между венгерским и сербским населением, содействовавшая разъединению демократических сил и создававшая благоприятные условия для националистической пропаганды. В силу этого в Воеводине, в отличие от Хорватии, национальное движение постепенно приобрело широкую массовую основу. Но выступления масс здесь и позднее обычно перерастали в социальную борьбу, объединявшую представителей угнетенных классов различных национальностей.

Толчок к новым народным выступлениям дали события в Нови Саде. Здесь 20 апреля в день заседания общинной скупщины в связи с отчетом новисадской делегации о поездке в Пожун собралась огромная масса народа из Бачки, Баната и Срема. Сообщение депутации об отказе венгерского правительства удовлетворить сербские требования вызвало возмущение, проявившееся в сожжении метрических книг, ведшихся на венгерском языке. Потерявшая надежды на возможность соглашения с венгерскими властями новисадская интеллигенция организовала массовое шествие в Сремски Карловцы для получения от митрополита Раячича согласия на созыв общевоеводинской скупщины. Под давлением народа Раячич вынужден был на это согласиться.

Весть о националистической позиции венгерских правящих кругов быстро облетела Воеводину. 24 апреля в Кикинде собралась многочисленная толпа народа, возглавленная Джорджем Радаком, которая, сорвав венгерские знамена и заменив их сербскими, потребовала от магистрата передела земли. Попытка эскадрона кавалеристов усмирить жителей послужила толчком к восстанию. Народ разгромил магистрат, разграбил дома богатых горожан и чиновников, расправился с некоторыми представителями властей. К кикиндцам на помощь поспешили окрестные крестьяне, вооруженные вилами и косами. Вблизи Кикинды крестьяне захватывали помещичьи земли. Для подавления восстания против

Кикинды были двинуты регулярные воинские части. Но восставшие сдались без боя.

Выступление городской бедноты произошло в г. Стари Бечей. Здесь, как и в других местах, волнения начались с сожжения метрических книг на венгерском языке и водружения сербских знамен. Но затем восставшие, к которым присоединились и венгры, выпустили из тюрьмы заключенных, разгромили магистрат и дома местных чиновников и богатых горожан. На следующий день оправившаяся от испуга буржуазия с помощью национальной гвардии расправилась с повстанцами. Для окончательного установления «порядка» в Стари Бечей были введены регулярные воинские части. Народные волнения произошли также во Враневе, Меленцах, Велики Бечкереке, Моле, Нови Бечее, Петрово селе и других местах.

Во время городских восстаний поднялись на борьбу крестьяне. Они захватывали помещичьи земли, отказывались платить арендную плату, не повиновались властям.

Восстания, прокатившиеся по городам и селам Воеводины, крайне обеспокоили венгерское правительство. Для подавления революционных выступлений оно назначило великого жупана Петра Чарноевича чрезвычайным королевским комиссаром в южных районах с правом введения чрезвычайного положения и организации полевых судов. Началась кровавая расправа над повстанцами. Чарноевич не миловал и сторонников легальной национальной борьбы, что вызвало возмущение не только народных масс, но и сербской буржуазии и интеллигенции и толкнуло сербскую буржуазию к более активным действиям.

13 мая в г. Сремски Карловцы собралась многолюдная скупщина. Помимо делегатов от сербских общин Срема, Баната, Бачки, Военной Границы, Славонии и Хорватии, здесь присутствовали представители интеллигенции, учащейся молодежи, горожан, граничар, духовенства и крестьян. В работе скупщины приняли участие также многие сербы из Княжества. Из Хорватии и Славонии прибыла официальная делегация. Всего на майской скупщине собралось около 10 тыс. человек.

Скупщина была весьма пестрой, как по социальному составу собравшихся, так и по политическим взглядам. Желая подчинить движение в Воеводине своим интересам, Раячич выступил с программой восстановления дарованных сербам австрийским императором Леопольдом I «Привилегий», обеспечивавших церковную автономию сербов и гарантировавших духовенству ведущую роль в общественной жизни Воеводины. Либерально-буржуазные деятели были склонны к отмене феодальных порядков в Воеводине, а в национально-политических вопросах придерживались линии, довольно близкой к австро-славистским требованиям чешских и хорватских либералов. Среди крестьян и граничар были сильны стихийные стремления к революционному слому существующей системы общественных отношений, но они не смогли сформулировать собственную политическую программу. Главенствующее место на скупщине заняли буржуазно-либеральные элементы.

Скупщина 15 мая провозгласила Раячича патриархом, Шупликаца — полковника Огулинского полка, находившегося в Италии, — воеводой и объявила сербский народ свободным, в политическом отношении самостоятельным, но находящимся под властью габсбургской династии и входящим в состав Венгерского королевства. Срем, Банат, Бачка и Бараня, включая и расположенные в них военизированные территории, должны были составить так называемую Воеводину. Скупщина постановила, что Воеводина находится в политическом союзе с Триединым королевством. Она избрала Главный одбор (комитет), которому предоставила право выработать основы взаимоотношений Воеводины с Триединым

королевством и вынести их на окончательное решение скупщины. Одбору было дано также право созыва народной скупщины и право пользования по соглашению с патриархом и другими ответственными лицами средствами особого неприкосновенного фонда с отчетом в своих действиях перед скупщиной. Одбор совместно с патриархом должен был назначить депутацию для переговоров с императором и участия в работе хорватского сабора и т. д.

Решения майской скупщины явились результатом соглашения части сербской буржуазии и православного духовенства во главе с Раячичем. Сербская буржуазия рассчитывала, что ей удастся путем установления контакта с церковными кругами усилить национальное движение, а духовенство, вступая в соглашение с буржуазией, надеялось подчинить национальную борьбу своим интересам и укрепить тем самым свои позиции в Воеводине. Обе стороны рассчитывали на установление связей с господствующими классами Хорватии и Славонии. Но если сербская буржуазия видела в согласованности своих действий с политической линией хорватских буржуазно-помещичьих кругов способ укрепления своих национально-политических позиций, то православное духовенство соглашалось на союз с Хорватией в надежде на расширение сферы своего политического и идеологического влияния.

Компромисс между буржуазией и духовенством нашел выражение, с одной стороны, в буржуазно-национальном характере решений майской скупщины в целом, с другой, в признании Раячича и Шупликаца ведущими фигурами в Воеводине, а также в смешанном составе Главного одбора, который включил как буржуазных деятелей, так и сторонников патриарха. Возглавил Главный одбор Джордже Стратимирович. В прошлом офицер австрийской армии, он незадолго до 1848 г. оставил службу и занялся хозяйственной деятельностью в своем имении. Стратимирович придерживался либеральных взглядов и выступал за федеративное устройство Австрийской империи.

Стратимирович и его сторонники в первый период играли в Главном одборе руководящую роль.

До прибытия воеводы Главный одбор объявил себя временной властью в Воеводине. По его призыву в округах, городских и сельских общинах Воеводины стали возникать местные одборы, сосредоточившие в своих руках постепенно всю гражданскую и военную власть. Несмотря на то, что по решению майской скупщины Срем был включен в состав Воеводины и хорватский сабор официально признал это, Елачич препятствовал утверждению здесь сербских властей. Поэтому в Среме, наряду с одбором, сохранили полномочия и старые власти: в провинциальной части жупанийская, в граничарской области — военная. Главный одбор назначил депутацию в Вену и Загреб во главе с Раячичем, которая приняла участие в работе хорватского сабора.

После майской скупщины сербо-венгерские противоречия резко обострились. Венгерские власти объявили майскую скупщину незаконной. Палатин назначил для южных областей Венгрии второго королевского комиссара Вуковича. В южновенгерских районах началась концентрация отрядов регулярных войск и национальной гвардии. Крепости Темишвар и Петроварадин были приведены в состояние боевой готовности. В ответ на это Главный одбор обратился к сербскому населению с призывами готовиться к войне за «веру, закон, имя, язык и народность», вооружаться и спешить в Сремски Карловцы. Так сербская буржуазия сделала попытку опереться на вооруженные массы.

Обращения Главного одбора нашли живой отклик среди городской бедноты, крестьян и граничар, которые больше всего страдали от террористических действий венгерских властей. Граничары отказывались

подчиняться офицерам, крестьяне вооружались косами и вилами и со всех сторон спешили в Нови Сад и Сремски Карловцы для защиты этих городов от нападения. Из Сербии прибывали добровольцы. Правительство Сербского княжества решило оказать воеводинским сербам помощь боеприпасами и деньгами.

Чтобы предотвратить кровопролитие, Главный одбор 10 июня пытался обжаловать действия венгерских властей перед командующим Славонско-сремской границей, австрийским генералом Храбовским [1]. Однако последний полностью солидаризировался с националистической политикой венгерского правительства. Тогда Главный одбор направил императору жалобу на Храбовского. Это означало фактический разрыв Главным одбором отношений не только с венгерскими гражданскими властями, но и с командованием Военной Границы.

12 июня императорские войска совершили нападение на Сремски Карловцы. Однако карловчане оказали стойкое сопротивление. После этого население почти всей Воеводины поднялось с оружием в руках. Отряды крестьян и граничар сосредоточились в трех основных лагерях: под г. Сремски Карловцы, в Перлезе и у Римски Шанаца. Они насчитывали по нескольку тысяч человек и располагали артиллерийскими орудиями. С каждым днем увеличивался приток добровольцев из Сербии.

Грозные события развернулись во всех частях Военной Границы на местах. По свидетельству высших военных чинов, здесь господствовала анархия. Граничары открыли границу с Сербией, разогнали офицеров, часть из них арестовали, отправив в Сремски Карловцы. Восставшие захватили общинные, церковные и школьные кассы, открыли лесные заповедные участки для скота. Никто не платил налогов. Весь порядок управления Военной Границей был нарушен. Граничарские массы в своих практических действиях вышли за рамки чисто национальной борьбы и приступили к революционному уничтожению военно-феодального устройства Военной Границы.

События в Воеводине вызывали серьезное беспокойство как у венгерских, так и у австрийских правящих кругов. Но вооруженная расправа над восставшим народом грозила опасностью вступления Хорватии и Сербского княжества в войну. Австрийские высшие военные чины опасались также, что военные действия в Воеводине могут побудить граничар, находившихся в Италии, вернуться на родину, а это, по свидетельству официальных лиц, поставило бы австрийскую армию в «наистрашнейшее положение», поскольку граничары составляли ее значительную часть. У Венгрии же не было национальных вооруженных сил. Чтобы выиграть время, Храбовский и Чарноевич добились от Главного одбора заключения перемирия на 10 дней.

19 июня сербская депутация прибыла в Инсбрук, где находился бежавший из Вены Фердинанд I. Однако император отказался признать законность майской скупщины и утвердить ее решения. В середине июля депутация ни с чем вернулась в Воеводину. В июле между венграми и сербами начались военные столкновения. В связи с начавшейся войной Главный одбор, видевший в патриархе олицетворение и гарантию национальной самостоятельности Воеводины, 31 июля временно передал Раячичу полноту власти.

Изменения в соотношении сил революции и контрреволюции в империи, происшедшие летом 1848 г., оказали серьезное влияние на развитие событий в сербской Воеводине. У патриарха появилась надежда на под-

[1] В мае 1848 г. Военная Граница была передана в ведение венгерского правительства. Но командование на местах по-прежнему оставалось австрийское, тесно связанное с венским двором.

держку со стороны Вены. Прибытие же в конце июля в Воеводину добровольцев из Сербии во главе с членом Совета воеводой Степаном Кничанином еще более упрочило позиции феодальной реакции.

Сосредоточение всей власти в руках патриарха помогло ему в осуществлении его политической программы. Раячич предпринял меры, чтобы ограничить задачи сербского национального движения и привести их в соответствие с политикой австрийского двора. С этой целью он установил тесные связи с австрийскими официальными лицами.

К концу лета 1848 г. среди членов Одбора и офицерства в Воеводине заметно усилились проавстрийские настроения, которые находили поддержку со стороны правительства Сербского княжества, от помощи которого в значительной степени зависел успех сербо-венгерской войны. В то же время ряду сербских буржуазных деятелей самовластное правление Раячича, его прямой контакт с австрийскими властями внушали большие опасения. Назревавший конфликт между частью буржуазии и реакционными феодальными слоями в сентябре проявился в открытом столкновении Стратимировича и Раячича.

Серьезные перемены произошли в конце лета и особенно осенью в настроениях народных масс. Еще в июне появились признаки недовольства крестьян и граничар политикой сербских властей в Воеводине. Причина недоверия народа к новым органам власти заключалась в том, что Главный одбор не только не пытался пойти навстречу стремлению крестьянской бедноты и граничар улучшить свое положение, но и предпринимал меры к тому, чтобы восстановить порядки, нарушенные в ряде мест по инициативе революционного народа. При Главном и Окружных одборах были образованы полицейские отделения, которые были призваны обеспечить «законный порядок» и расправляться со всеми «насильниками». Так, сербская буржуазия и духовенство, пытавшиеся ограничить общественную борьбу в Воеводине чисто национальными рамками, открыто проявили свою враждебность интересам народных масс, стремившихся к революционному преобразованию существующего строя.

Недовольство крестьян и граничар усиливалось с развитием военной кампании. Война требовала все в больших количествах людей, продовольствия, фуража, лошадей, подвод. Все это явилось причиной охлаждения, а затем и прямого сопротивления масс мероприятиям новых властей. Граничары и крестьяне отказывались давать хлеб и подводы, идти на военную службу. Одборы жестоко подавляли сопротивление народа.

Классовая борьба и национальное движение в Далмации, Истрии и Словении в марте — сентябре 1848 г.

Известие о мартовской революции в Вене привело в движение все слои общества в Далмации. Повсеместно создавалась национальная гвардия, собирались общинные скупщины, избирались новые органы управления. Обеспокоенные этим далматинские власти издали несколько обращений к населению и обнародовали специальное письмо наместника с призывом сохранять спокойствие и порядок. Власти Далмации опубликовали также постановление о выборах представителей в рейхстаг.

Весной 1848 г. активизировалась национальная жизнь в области. Между итальянской частью буржуазии и хорвато-сербскими буржуазными слоями отчетливо проявились противоречия, вызванные стремлением той и другой стороны к экономическому и политическому главенству.

Итальянская и хорвато-сербская буржуазные группы находились в неодинаковом положении и поэтому условия для национальных выступлений той и другой были различны. Первая, в частности, свободно

пользовалась итальянским языком и находила известную поддержку со стороны австрийских правящих кругов, вторая была полностью лишена национальных прав и вынуждена была бороться как против итальянских, так и против австрийских господствующих классов.

Судьбы Далмации волновали не только местное общество, но и политические круги других югославянских земель. Требование о воссоединении всех хорватских областей было важнейшим пунктом программы буржуазно-национального движения в Хорватии и Славонии. Весной 1848 г. власти хорватских городов и жупаний обратились непосредственно к далматинским общинам с призывом поддержать идею объединения Далмации с Хорватией и Славонией и прислать своих депутатов на загребский сабор. В том же направлении проводил агитацию в Далмации и Матия Бан, прибывший сюда в апреле 1848 г.

Призывы сторонников сближения югославян встретили отклик со стороны главным образом мелкой славянской буржуазии и интеллигенции Далмации. Журнал «Зора Далматинска» выступил за объединение ее с Хорватией и Славонией и введение в Далмации в качестве официального хорватского языка. Эта идея была поддержана в городах Шибеник, Омиш, Дрниш и особенно в Дубровнике. Этот город не подвергся такой итальянизации, как остальная Далмация. Дубровницкая интеллигенция чувствовала себя одним из главных представителей югославянской культуры, местная буржуазия считала, что объединившиеся славяне смогут занять в империи место, которое им подобает по праву и численности. Дубровницкая газета «Аввенире» («Будущность») в июне сформулировала свою программу следующим образом: федеративное устройство империи, присоединение Далмации к Хорватии и славянское братство.

Однако славянские буржуазные круги в Далмации, выступившие за сближение югославян и утверждение в Далмации хорватского языка, были малочисленнее и экономически значительно слабее итальянской буржуазии. Поэтому Далмация не приняла участия в работе хорватского сабора.

Итальянизированные буржуазия и дворянство Далмации, чиновничество, а также часть хорватов и сербов, поддерживавших официальный курс, выступили ярыми противниками объединения Далмации с Хорватией и Славонией и введения в учреждениях и школах хорватского языка. Угроза потери службы в случае замены официального итальянского языка хорватским, опасность мадьяризации со стороны не переставшего претендовать на все славянские земли в границах короны св. Стефана венгерского господствующего класса и, наконец, боязнь политических репрессий со стороны австрийского правительства в случае объединения Далмации с Хорватией и Славонией — все эти моменты имели немаловажное значение при определении позиции выше названных общественных групп. Девятнадцать проживавших в Вене далматинцев направили императору протест по поводу требования хорватской депутации о воссоединении Далмации с Хорватией и Славонией. Они посетили также министра внутренних дел, который выразил удовлетворение их действиями.

В смысле позитивной программы среди противников объединения югославян не было единства. Итальянизированные буржуазия и дворянство Далмации склонялись к союзу с Италией, с которой Далмация в течение столетий была тесно связана экономически и политически. Хотя прямо и открыто требование о присоединении Далмации к Италии не выдвигалось, тем не менее, по словам М. Бана, здесь все дышало «итальянщиной» и многие далматинцы с нетерпением ждали прибытия итальянского флота. Но с победами австрийских войск в Италии летом 1848 г. проитальянские настроения в Далмации значительно ослабли и, наобо-

рот, усилились голоса сторонников сохранения этой области в составе габсбургской империи на особых правах.

Весной 1848 г. в Далмации с новой силой развернулась антифеодальная борьба крестьянских масс. Большие волнения крестьян произошли в Боке Которской. Первыми выступили крестьяне Грбальской общины, отказавшиеся выполнять распоряжения властей, платить налоги. Они организовали свои народные суды для решения гражданских и уголовных дел. Подобные выступления произошли и в других местах Боки. В конце сентября власти направили в Грбаль военную экспедицию. Но местное население вместе с черногорцами выступило против правительственных войск с оружием в руках. Власти вынуждены были приостановить взимание налогов в этих местах и пойти на некоторые другие уступки, но народные суды были ликвидированы.

7 сентября император Фердинанд утвердил решение рейхстага об отмене в австрийской части империи крепостного права и судебной власти помещиков. По этому закону безвозмездно отменялись лишь повинности, связанные с личной зависимостью крестьян. Основные феодальные платежи и обязанности (барщина, оброк и другие) ликвидировались за выкуп. В 1849 г. был установлен размер выкупных сумм. Они в 20 раз превышали ежегодные платежи крестьян, на которых в значительной мере легла и вся тяжесть их выплаты. Для Далмации, где господствовал колонат, закон от 7 сентября не имел реального значения, поскольку он ликвидировал лишь кметские отношения. Поэтому борьба далматинских крестьян против феодальных форм эксплуатации не прекратилась.

Весной 1848 г. обострились национальные противоречия в Истрии. Борьба, разгоревшаяся в Италии против австрийского господства, пробудила среди итальянской буржуазии в Истрии чувство солидарности, надежду на возможность национального освобождения. Но итальянская буржуазия отказалась признать национальные права хорватов и словенцев, составлявших подавляющую часть населения этой области. Начинавшая осознавать свои экономические и политические интересы мелкая хорватская буржуазия в свою очередь вступила в борьбу с итальянской буржуазией и австрийским правящим классом за приобретение национальных прав в Истрии. Национализм итальянских либералов помешал образованию в Истрии единого фронта борьбы итальянской и славянской буржуазии против австрийского господства.

Первые признаки национальной борьбы в Истрии обнаружились в период выборов во Франкфуртский и австрийский парламенты. Выборы в общегерманское собрание, в которое должны были войти представители всех германских государств, коснулись лишь той части Истрии, которая издавна входила в Австрийскую империю. Они состоялись здесь 4 и 10 мая. Правом голоса пользовались совершеннолетние мужчины, кроме слуг и поденщиков. От бывшей австрийской части Истрии был избран один депутат. Выборы проходили при пассивности населения, что объяснялось нежеланием местных буржуазных кругов допустить вхождение Истрии в состав Германии и безразличием крестьянства к политическим вопросам.

Более живой отклик вызвали в Истрии выборы в рейхстаг. Это определялось участием в них всей провинции и реальным значением австрийского парламента, призванного решить вопрос об устройстве империи. Активным избирательным правом пользовались мужчины, достигшие 24-летнего возраста и в течение шести месяцев проживавшие на одном месте. Помимо ценза оседлости, были и некоторые другие ограничения избирательных прав. Несмотря на формальное признание за рабочими избирательных прав, от участия в выборах фактически была отстранена значительная часть бедноты.

В рейхстаг от Истрии было избрано пять депутатов — четыре итальянца и один хорват. Депутаты-итальянцы, отражавшие настроения итальянской буржуазии в Истрии, добивались обеспечения экономического и политического первенства итальянской буржуазии в этом районе. В августе 1848 г. истрийские депутаты-итальянцы направили министру внутренних дел просьбу о введении в Истрии, кроме Подградского котара, итальянского языка в качестве единственного служебного языка. В этом им было отказано. Хорватская и словенская мелкая буржуазия в Истрии в 1848 г. не проявила организованности и не выработала национальной программы.

Весной и летом 1848 г. в ряде мест Истрии произошли крестьянские волнения. Закон от 7 сентября вызвал разочарование истрийских крестьян. Он оставил в силе многочисленные повинности с земель, которые крестьяне держали на основе феодальной аренды, и не принес облегчения народным массам ни в налоговом обложении, ни в несении военной службы.

Известия о революции в Вене вызвали бурный отклик и в Словении. 16 марта в Любляне рабочие города и предместий, часть мелкой буржуазии и студенчества вышли на улицы. Демонстранты разбили стекла в зданиях таможни и в доме откупщика городской ввозной пошлины, уничтожили таможенные караульные помещения.

Буржуазная верхушка и чиновничество отметили политические уступки императора торжественным представлением в театре. Вместе с тем, испуганные выступлением рабочих и демократических слоев Любляны, состоятельные круги спешно основали национальную гвардию, чтобы остановить поступательный ход революции. В нее вошли представители дворянства, чиновничества, буржуазии, студенчества и ремесленников. Отряды национальной гвардии образовались также в других городах и торговых местечках Словении.

С небывалой силой в Словении развернулась антифеодальная борьба крестьянских масс. Повсеместно крестьяне отказывались от барщины и других повинностей в пользу помещиков. В ряде районов кметы поднялись с оружием в руках. Наиболее значительным было восстание крестьян Ижанского поместья в Крайне. 21 марта несколько сот кметов напали на господскую усадьбу, разгромили ее, сожгли земельные книги и урбарии, в которых были зафиксированы феодальные повинности. Воинские части, прибывшие из Любляны, разогнали кметов, многие из повстанцев были брошены в тюрьму, другие бежали. Нападения кметов на барские усадьбы, порубки леса произошли и в других местах Крайны, а также в Штирии и Каринтии. Помещики в панике искали помощи у воинских частей. Власти ввели в Крайне, где крестьянские волнения достигли наибольшей силы, осадное положение, сохранявшееся до осени. Была установлена также коллективная ответственность сельских общин за крестьянские выступления. Епископ Сломшек 2 апреля обратился с письмом к крестьянам, призывая их к спокойствию и послушанию господам. Однако в некоторых селах священники не осмелились даже прочитать епископское послание. Были случаи, когда крестьяне силой прерывали чтение письма.

Австрийское правительство, озабоченное положением в словенской деревне, 11 и 25 апреля издало специальные патенты для Каринтии и Штирии, которые устанавливали замену с 1 января 1849 г. урбариальных натуральных повинностей и барщины денежным взносом. 15 мая для Каринтии был издан новый патент, который отменял с 1849 г. за денежное возмещение все крестьянские повинности. Провинциальное собрание должно было разработать проект соответствующего закона и представить его на утверждение рейхстагу. 22 мая подобного рода патент был издан для Крайны.

В июне 1848 г. вопрос об условиях отмены крестьянских повинностей стал предметом обсуждения новоизбранных провинциальных собраний. В них были допущены представители крестьянства, однако, последних было непропорционально мало, по сравнению с численностью крестьянского населения. Крестьянские депутаты в собрании Крайны потребовали увеличения крестьянского представительства и покинули его, сорвав тем самым заседания. Лишь в Штирии обсуждение провинциальным собранием вопроса о ликвидации феодальных повинностей завершилось принятием проекта аграрного закона.

Но ни репрессивные меры властей, ни уступки правительства не привели к успокоению словенского крестьянства. В июле в связи со сбором урожая и взиманием повинностей крестьянские волнения вспыхнули с новой силой. Помещики просили вооруженной помощи для подавления выступлений кметов, но власти не решались применить военную силу, опасаясь всеобщего крестьянского восстания. Волнения в деревне продолжались до осени 1848 г.

Напряженность в Словении весной и летом 1848 г. усиливалась благодаря тому, что антифеодальная борьба крестьян переплеталась с выступлениями рабочих. В Идрии администрация рудника вынуждена была по требованию рудокопов передать им контроль над кассой взаимопомощи. Железоделательным предприятием в Подрожчице долгое время управляли сами рабочие.

Революционный подъем в империи вызвал оживление политической жизни в Словении. В Вене, где было много представителей словенской интеллигенции и студенчества, образовалось общество «Словения» под председательством Миклошича. Подобного рода организации возникли также в Граце, Любляне, Целовце и других местах.

Состав этих обществ был неоднородным. Первоначально ведущее место в них занимали либералы, опиравшиеся частично на среднюю, но главным образом на мелкую словенскую буржуазию, интеллигенцию, городскую учащуюся молодежь, низшее духовенство и чиновничество. В апреле 1848 г. либералы в венском обществе «Словения» сформулировали программу «Объединенной Словении», ставшую знаменем словенского буржуазного движения 1848 г. Она предусматривала политическое объединение словенских земель (Крайны, части Штирии, Приморья и Каринтии) в одну административно-политическую единицу «Словению» с местным законодательным собранием; предоставление словенскому языку в Словении тех же прав, какие немецкий язык имел в немецких областях; создание в Любляне университета; включение Словении в состав Австрийской империи, а не Германии; неучастие Словении в общегерманском парламенте; обязательность для нее лишь тех законов, которые выработает император совместно со словенскими представителями.

Это была программа административно-политической автономии объединенных словенских земель в составе Австрийской империи. Она поднимала жизненно важный для словенского народа вопрос о политическом соединении словенских областей, но вместе с тем признавала господство габсбургской династии. Программа «Объединенной Словении» была направлена против великодержавных планов немецкой буржуазии, мечтавшей о Великой Германии, включавшей и все словенские земли, и отстаивала национальные права словенцев, однако, в качестве гарантии этого она выдвигала требование сохранения в целостности Австрийской империи.

Программу «Объединенной Словении» многие словенские буржуазные деятели комбинировали с различного рода планами политического соединения или тесного союза Словении с Хорватией и Воеводиной. В то же время некоторые представители словенской буржуазии выступали

за тесный союз Словении с Австрией. В условиях растущего крестьянского движения словенские либералы решали аграрный вопрос в пользу помещиков, считая, что освобождение крестьян следует провести «сверху» с полным возмещением убытков землевладельцам.

В словенских национально-политических организациях участвовали также представители буржуазно-демократического направления. Они уступали либералам в численности и не были организованы. Выступая против немецкого шовинизма, они поддерживали лозунг «Объединенной Словении». Среди них были сторонники ликвидации феодальных отношений без вознаграждения помещиков.

В начале мая в Словении были проведены выборы во Франкфуртский парламент. Подавляющая часть либералов и буржуазных демократов бойкотировала выборы.

Консервативные круги Словении в лице состоятельной буржуазии, духовенства, бюрократии и цеховых мастеров активно участвовали в выборах. Здесь преобладала концепция создания новой Германии как союза немецких государств с сильной суверенной Австрией. В этом направлении действовал и Блейвейс.

Словенское крестьянство в своем большинстве не участвовало в выборах. Выборную кампанию организовывали чиновники, священники и частично помещики, в лице которых кметы видели непримиримых врагов. В некоторых районах крестьяне поддерживали лозунг «Объединенной Словении», присоединяясь тем самым к национальным требованиям буржуазии. Выборная кампания в ряде мест сопровождалась усилением аграрных волнений.

После выборов в общегерманское собрание положение в Словении значительно осложнилось. Немецкая националистическая пропаганда вызывала недовольство широких слоев населения, требовавших решения аграрного и национального вопросов. Рост оппозиционных настроений заставил словенские консервативные круги более активно добиваться руководства политической борьбой. Частично еще до выборов, но главным образом после них группировка Блейвейса на словах приняла некоторые требования либеральных кругов (бойкот деятельности Франкфуртского парламента и поддержка лозунга «Объединенной Словении»). Благодаря этому Блейвейсу удалось добиться в июне на главной скупщине люблянского «Словенского общества» избрания его председателем этой организации. Оказавшись под руководством консервативно настроенных деятелей, люблянское общество вскоре отказалось от борьбы за «Объединенную Словению» и политических выступлений.

В июне в словенских областях были проведены выборы в рейхстаг. Словении было отведено в нем 16 мест. Эти выборы, как и в Истрии, вызвали большой интерес у населения, нежели избрание представителей во Франкфуртский парламент. Во многих местах крестьяне, надеясь, что австрийский представительный орган власти займется аграрным вопросом, старались избрать депутатов из своей среды. В некоторых округах крестьяне послали при депутатах своих наблюдателей. Но из-за незнания немецкого языка и неподготовленности к политической деятельности крестьянские депутаты в парламенте не смогли защищать интересы своих избирателей.

После провозглашения закона от 7 сентября о ликвидации кметских отношений в австрийской части империи борьба крестьян в Словении ослабла. Наиболее зажиточная часть крестьянства была удовлетворена законом. Однако позднее во время работы комиссий по проведению в жизнь крестьянской реформы бывшие кметы во многих местах выражали недовольство им.

Югославянские земли в период спада и поражения революции в Австрийской империи

Укреплению союза между хорватскими буржуазно-помещичьими кругами и общеимперской реакцией и началу хорвато-венгерской войны во многом способствовала политика венгерского правительства в национальном вопросе.

11 сентября армия Елачича, насчитывавшая десятки тысяч штыков, форсировала Драву и начала быстро продвигаться вперед. Оказывая хорватскому бану поддержку и используя наступление его войск для давления на венгерское правительство, Вена в то же время еще надеялась расправиться с венгерским революционным движением собственными силами. 25 сентября император назначил генерала Ламберга чрезвычайным королевским комиссаром и главнокомандующим императорской армией в Венгрии. Однако Ламберг был убит в Пеште. Это заставило Габсбургов сделать ставку на Елачича. 3 октября император назначил бана королевским комиссаром и верховным командующим в Венгрии, введя там военное положение и распустив венгерский парламент.

Отправка войск из Вены для борьбы с революционной Венгрией 6 октября 1848 г. явилась толчком к новому восстанию в австрийской столице. Еще 29 сентября армия Елачича, встретив упорное сопротивление со стороны венгерских войск, отступила к австрийской границе. Получив известие о новых революционных событиях в Вене, Елачич повел туда свои войска. Императорской армии, в которую входили и войска хорватского бана, удалось 1 ноября взять столицу. Поражение октябрьского восстания в Австрии означало перелом в ходе борьбы в пользу контрреволюционных сил.

Чтобы облегчить ликвидацию завоеваний революции и расправу над Венгрией, Фердинанд 2 декабря отказался от престола в пользу своего племянника Франца-Иосифа, который в отличие от него не был связан никакими обещаниями.

Хотя с подавлением октябрьского восстания позиции контрреволюции значительно окрепли, наличие революционного центра в Венгрии вынуждало австрийский двор заигрывать с буржуазией и принимать меры для привлечения на свою сторону колеблющихся. Еще до своего отречения Фердинанд, чтобы подчинить хорватскую армию в военном отношении, поставил бана в зависимость от Виндишгреца, назначенного главнокомандующим всеми войсками Австрийской империи, кроме находившихся в Италии, т. е. низвел его на положение рядового австрийского генерала. С другой стороны, новый император, желая расположить к себе оппозиционные круги в Хорватии и Славонии, удовлетворил наименее существенные просьбы местного сабора. Он назначил барона Кульмера министром без портфеля, выполнявшим роль официального посредника между двором и хорватскими властями, а бана Елачича — губернатором Риеки и Далмации. Впрочем, последнее назначение носило формальный характер, поскольку Елачич, будучи в Венгрии, никакого участия в управлении Далмацией принять не мог.

Буржуазные деятели Хорватии и Славонии, верившие обещаниям австрийского правительства и надеявшиеся на автономию и политическое объединение югославянских земель, встретили с удовлетворением действия молодого императора. Из-за своей политической близорукости они не видели, что несущественные уступки австрийского правительства были рассчитаны на укрепление позиций феодально-абсолютистских сил и тем самым облегчали последним полную победу.

Усыпив общественное мнение, придворная камарилья тем временем подготовляла разгон рейхстага. После успешных действий императорских

Защитники революционной Вены обороняют город от войск Елачича.

войск в начале 1849 г. в Венгрии и взятия Будапешта австрийская контрреволюция почувствовала себя достаточно сильной для ликвидации уступок, сделанных оппозиционной буржуазии в период революционного подъема.

Осенью и зимой 1848 г. в связи со сбором помещиками горницы (побора с вненадельных виноградников) крестьянское движение в Хорватии и Славонии достигло наивысшего подъема. Виноградарство было одной из основных отраслей хорватского народного хозяйства, в силу чего горница имела для крестьян важное значение. Отмена этой повинности в Венгрии в свою очередь подталкивала хорватских крестьян на борьбу за ее безвозмездную ликвидацию. Выступления крестьян в Хорватии и Славонии в осенние месяцы 1848 г. приобрели такой широкий размах, что угрожали перерасти в народную войну. В сентябре произошло волнение крестьян в селе Стубица, где была жива память о крестьянском восстании 1573 г. Руководители крестьян призывали к вооруженной борьбе, агитировали не платить чинш, не давать горницы, вешать всякого, кто посмеет взимать повинности. Они советовали крестьянам сопротивляться рекрутским наборам, в результате чего те крестьяне, которые должны были идти воевать с венграми, разбежались. Как показало судебное следствие, крестьяне намеревались громить барские усадьбы и идти на Загреб. Полевой суд приговорил четырех крестьянских руководителей в Стубице к смертной казни. Крупное выступление крестьян произошло вблизи Загреба в Гранешинской общине, но и оно было вскоре подавлено.

В некоторых селах представители разночинной интеллигенции, отдельные более сознательные крестьяне, побывавшие с армией в Венгрии и возвратившиеся домой, призывали к поддержке венгров и выступлению против хорватских помещиков и властей. Эта пропаганда содействовала активизации крестьянских масс в хорватских областях.

Генерал Елачич перед Веной. Австрийская карикатура 1848 г.

Крестьянские выступления побудили Елачича 20 ноября издать новый «Манифест крестьянам народа хорвато-славонского». В нем подчеркивалось, что крестьяне освобождены лишь от урбариальных повинностей, а за пользование вненадельными землями должны, как и прежде, нести определенные обязанности по отношению к помещикам. Одновременно Елачич направил Банскому вечу (хорватскому правительству) письмо, в котором требовал решительного подавления крестьянских выступлений. В результате репрессивных мер и постепенного отхода зажиточных крестьян от борьбы к концу 1848 г. начался спад аграрного движения в Хорватии и Славонии.

Но на протяжении всего 1849 г. и даже еще весной 1850 г. в хорватской деревне было неспокойно.

С осени 1848 г. в Хорватии, Славонии и Военной Границе развернулась также борьба народных масс против военных мероприятий хорватских властей. Хорвато-венгерская война среди крестьян и граничар не была популярной. Крестьяне сопротивлялись рекрутским наборам, отказывались платить налоги, давать для армии подводы и скот. Граничары отказывались служить за пределами Триединого королевства. Общины не подчинялись офицерам. Целые граничарские части сдавались в плен, многие граничары дезертировали. Военные власти принимали самые строгие меры против дезертиров и их семей вплоть до расстрела и выселения семей из родных мест.

4 марта 1849 г. императорское правительство разогнало рейхстаг и объявило октроированную конституцию. Утверждая «нераздельную и единую конституционную наследственную Австрийскую монархию», конституция делила законодательную власть между императором и парламентом, вводила двухпалатную систему, высокий имущественный и возрастной ценз на выборах. Хорватия и Славония вместе с Приморьем и Риекой отделялись от Венгрии. Сабору Хорватии было разрешено начать переговоры с представителями Далмации об объединении этих областей. Конституция сохраняла особую организацию Военной Границы. Воеводина административно выделялась из Венгрии. Ей гарантировались особые права в отношении «церкви и народности», но о политической автономии не было и речи. Конституция сохраняла власть Габсбургов над всеми землями Австрийской империи и увековечивала политическую раздробленность югославянских земель.

Национально-буржуазные круги Хорватии и Славонии встретили октроированную конституцию с нескрываемым недовольством, видя в ней угрозу внутренней самостоятельности хорватских областей. Уже сам факт издания конституции, действие которой без согласия сабора распространялось на Хорватию и Славонию, означал удар по их автономии.

Конституция подорвала надежды буржуазных хорватских деятелей на объединение югославянских земель Австрийской империи. Банское вече 4 августа 1849 г. отказалось признать ее.

Разгон рейхстага и издание октроированной конституции привели к расколу внутри хорватского буржуазно-помещичьего лагеря. Часть деятелей национального движения отошла от борьбы, открыто встав на сторону австрийского правительства. Некоторые представители либеральных и буржуазно-демократических кругов выступили за соглашение на известных условиях с венгерским правительством. В Венгрии они увидели теперь известный противовес централизаторским тенденциям Габсбургов.

В начале июня 1849 г. хорватский буржуазный деятель Драгойло Кушлан вел в Белграде переговоры с представителем венгерского министерства иностранных дел графом Дьюла Андраши. Была достигнута договоренность о взаимной поддержке в борьбе с Австрией при условии признания венгерским правительством права свободного национально-политического развития хорватского народа. Однако это соглашение, достигнутое в момент успешных действий венгерской армии, не было утверждено венгерским правительством.

После подавления революции в Венгрии и Италии 6 сентября Банское вече признало октроированную конституцию. В то же время австрийское правительство начало открытое наступление на сохранившиеся еще завоевания мартовских дней. Еще в мае 1849 г. печать в Хорватии и Славонии фактически была поставлена под контроль цензуры. В начале 1850 г. была закрыта буржуазно-оппозиционная газета «Славенски юг». Горьким признанием провала политики хорватских буржуазно-помещичьих кругов прозвучали напечатанные в приложении к последнему номеру этой газеты слова «Да здравствует Кошут! Да здравствуют венгры!» Вслед за этим была закрыта «Народная читальня» в Загребе. Было изменено административное управление и судоустройство. Верховная исполнительная власть в Хорватии и Славонии была передана правительству во главе с баном.

В апреле 1850 г. после многочисленных просьб Елачича император утвердил некоторые решения хорватского сабора 1848 г. Франц-Иосиф подтвердил политическую независимость от Венгрии Хорватии, Славонии и Приморья, разрешил употребление в этих областях хорватского языка в качестве официального. Военная Граница должна была и впредь занимать особое положение, хотя вместе с тем была признана ее принадлежность к Хорватии. Положение Далмации не было изменено, а относительно Воеводины было заявлено, что ее устройство носит временный характер. Император утвердил постановление сабора о всеобщем налоговом обложении; решение сабора об освобождении крестьян от феодальной зависимости не получило официального подтверждения.

С началом австро-венгерской войны укрепилась проавстрийская ориентация консервативных кругов Воеводины. 9 октября 1848 г. собралась вторая общевоеводинская скупщина для окончательного определения системы управления. На ней произошло примирение Стратимировича с патриархом. Скупщина согласилась с передачей гражданской власти Раячичу, а военные дела поручила воеводе Шупликацу, прибывшему к этому времени из Италии.

Осенью 1848 г. Раячич установил тесную связь с Виндишгрецем. Стратимирович был направлен в Вену добиваться утверждения решений майской скупщины. А Шупликац приступил к восстановлению военного командования в Границе и замене сербских командиров в войсках австрийскими офицерами.

После поражения Венского восстания Кошут предпринял попытки заключить мир с руководством сербского национального движения.

Раячич практически отказался вести переговоры с венграми, но воспользовался ситуацией, чтобы добиться от австрийского правительства признания законности сербских требований. Фердинанд обещал после установления мира в империи рассмотреть сербские пожелания и в качестве политического аванса наградил Шупликаца австрийским орденом. Новый император Франц-Иосиф 15 декабря утвердил Раячича патриархом, а Шупликаца воеводой. Так был закреплен союз сербских реакционных сил с австрийской контрреволюцией.

В конце 1848 г. умер воевода Шупликац. Патриарх в связи с этим сделал новый шаг для упрочения контакта с Веной, передав временное командование сербскими частями австрийскому полковнику Майергоферу. 2 января 1849 г. Раячич назначил реакционного генерала Тодоровича командующим всем сербским войском и добровольческими частями в Воеводине.

После смерти Шупликаца вновь обострился конфликт между патриархом и Стратимировичем, недовольным беспрекословным подчинением Раячича требованиям Вены. Стратимирович безуспешно пытался занять место воеводы. Вначале Главный одбор выступил на его стороне. Но правительство Сербии считало федералистскую программу Стратимировича нереальной и опасной для хода национальной борьбы в Воеводине. В результате Стратимирович был изолирован, и сам Одбор, поддержавший патриарха, в конечном счете препоручил Стратимировича его «особой милости».

После провозглашения октроированной конституции 1849 г. наступление австрийской реакции на национальные завоевания сербской буржуазии усилилось. Чтобы ослабить военную силу сербских повстанцев, в середине марта Австрия настояла на возвращении Кничанина с добровольцами в Сербию. На территорию Воеводины были введены регулярные воинские части. Австрийские власти намеренно ставили сербские отряды под удар венгерской армии и разоружали население.

Положение в Воеводине весной 1849 г. осложнялось тем, что венгерская армия предприняла здесь хорошо подготовленное наступление. У одборов не было денег, вооружения для организации защиты. В мае сербские соединения под натиском венгерских частей оставили Бапат и большую часть Бачки и отступили в Срем.

Издание октроированной конституции, неудачи на фронте, открытое попустительство австрийских военных чинов разгрому сербских отрядов и взаимному истреблению венгров и сербов привели к перегруппировке общественных сил в Воеводине. Часть буржуазных деятелей постепенно стала понимать ошибочность и пагубность для национального дела Воеводины проавстрийской ориентации и проявлять недовольство политической линией патриарха. Под давлением сербской общественности Раячич в мае вынужден был созвать в Земуне чрезвычайную общевоеводинскую скупщину, которая вынесла решение, направленное против действий патриарха и военного руководства.

Австрийскому правительству не составило труда подавить запоздалые попытки сербских буржуазных кругов добиться национальной самостоятельности Воеводины. 7 мая было объявлено о назначении Майергофера главнокомандующим, политическим и военным главой Петроварадинского, Немецко-банатского полков и Шайкашского батальона, а Раячича императорским комиссаром в гражданских областях южной Венгрии. Постановление фактически означало восстановление в Воеводине существовавшего ранее управления. Это был жестокий и поучительный ответ правящей династии сербской буржуазии, дворянству и православному духовенству, облегчившим своей соглашательской политикой победу австрийскому абсолютизму.

Зимой 1848 г. положение народных масс в Воеводине резко ухудшилось. С реставрацией военного управления были восстановлены некоторые повинности граничар, ликвидированные явочным порядком массами в первой половине 1848 г. Были возобновлены сборы налогов и платежей в пользу церкви. Возросли также поборы с населения на военные нужды в связи с крупными военными действиями. В силу этого недовольство и глухое брожение охватило самые широкие круги народа. Сербские военные власти осуществляли репрессии против крестьян и граничар, отказывавшихся от платежей, поставок продовольствия и отправки в военные лагеря. В ноябре 1848 г. Главный одбор учредил в Воеводине полевые суды.

Военные действия, реквизиции привели к тому, что весной 1849 г. Воеводина оказалась на пороге голода, под угрозу был поставлен и весенний сев. Ожесточенные весенние бои привели к значительным потерям в людях. Власти требовали новых призывников, новых поставок продовольствия, фуража, коней, подвод, выплаты недоимок. В марте патриарх издал приказ о всеобщей мобилизации, и это переполнило чашу терпения народа. Граничары не подчинялись и расходились по домам для полевых работ, не давали подвод, отказывались выполнять и другие требования властей. Усилилось в 1849 г. и аграрное движение. Чтобы расправиться с народными выступлениями, Майергофер в сентябре 1849 г. ввел в комитатах Торонталь и Бачка чрезвычайное положение и полевые суды.

Императорский указ о назначении Елачича губернатором Риеки и Далмации вызвал здесь большое возбуждение. Сторонники объединения с Хорватией и Славонией восприняли этот акт как положительное решение вопроса о воссоединении хорватских земель. Противники югославянского единства увидели в этом угрозу своим политическим планам и предприняли шаги для предотвращения объединения. 11 декабря далматинские депутаты в рейхстаге направили министру внутренних дел запрос о том, принесет ли назначение Елачича губернатором Далмации перемену в ее внутренней администрации. Министр Стадион ответил отрицательно. Сплитское вече направило 8 декабря центральному правительству просьбу, чтобы объединение Далмации с Хорватией было проведено не ранее, чем будут заслушаны все далматинские общины через своих представителей, собранных на едином саборе.

2 сентября 1848 г. имперское министерство просвещения издало декрет о введении в начальных школах родного языка в качестве языка преподавания. Это была, хотя и небольшая, уступка национальным требованиям. В 1849 г. в Далмации на основании временного постановления о введении второго местного языка в качестве обязательного предмета в средних школах началось изучение хорватского языка в далматинских гимназиях. В учреждениях сохранился итальянский язык.

С изданием октроированной конституции политическая борьба в Далмации ослабла. Она получила устройство самостоятельной провинции.

В Истрии осенью 1848 г. национальная борьба несколько оживилась. В соседнем Трисете, где значительную часть населения составляли славяне, в ноябре образовалось «Славянское общество». Подчеркивая свои верноподданнические чувства к Габсбургам, оно в то же время стремилось стать выразителем политических интересов славян в Австрийском приморье.

К концу 1848 г. хорватская мелкая буржуазия и интеллигенция восточной Истрии сформулировали свои национальные требования, предусматривавшие соединение восточной Истрии с Риекой и введение в качестве официального хорватского языка. Впрочем, часть славянской буржуазии восточной Истрии (община Воловско), связывавшая свои торговые интересы с Трисетом, выступила за то, чтобы Истрия входила в со-

став Австрийского приморья и имела в качестве официального итальянский язык.

В конце 1848 — начале 1849 г. итальянская буржуазия в свою очередь усилила борьбу за утверждение в Истрии итальянского языка. Но с изданием конституции 1849 г., знаменовавшей поворот к абсолютизму, национальная борьба здесь быстро пошла на убыль и вскоре совсем затихла. Даже лояльно настроенное к династии «Славянское общество» вынуждено было свернуть свою деятельность, а затем прекратило существование.

В событиях 1848—1849 гг. хорватская буржуазия Истрии проявила себя значительно менее организованной и сплоченной, чем итальянская. Объяснение этому следует искать в ее экономической слабости, противоречивости интересов, ввиду ориентации различных ее групп на разные рынки империи, в слабой связи с Хорватией.

Октябрьские революционные события в Вене консервативные и либеральные круги в Словении встретили враждебно. Консервативная газета «Новице» и либеральная «Словения» громили на своих страницах повстанцев. Либеральное руководство грацкого общества «Словения» призывало к борьбе против революционной Вены. «Словенское общество» в Любляне провозглашало преданность славян австрийскому престолу и выражало готовность его защищать. В это напряженное время руководимое Блейвейсом люблянское «Словенское общество» вновь внесло в свою программу политические требования, предусматривавшие сохранение сильной Австрии под главенством конституционного монарха, словенских национальных прав и вероисповедания. Эта программа была рассчитана на мобилизацию контрреволюционных сил в Словении для борьбы с австрийской революцией.

Консервативные деятели Словении приветствовали октроированную конституцию, а либералы были разочарованы, хотя и заявляли о готовности следовать исключительно по пути «законности». Словенские консерваторы и либералы не получили никакого вознаграждения за помощь реакции, ни один пункт словенской буржуазно-политической программы не был осуществлен.

Революция в Австрийской империи потерпела поражение. Соглашательство либеральных буржуазно-помещичьих слоев с феодально-абсолютистскими имперскими кругами явилось решающей причиной неудачи национально-политической борьбы в славянских областях империи Габсбургов. Угнетенные югославянские народы не получили национального освобождения. Буржуазно-демократические свободы, вырванные у императора в период революционных боев, с победой контрреволюции были ликвидированы. В Австрийской империи были восстановлены абсолютистские порядки.

Тем не менее революция 1848—1849 гг. знаменовала начало новой эпохи — эпохи буржуазного развития югославянских народов, входивших в Австрийскую империю. Проведенные в революционный период аграрные реформы, хотя и приспособленные к интересам помещичьего класса, обеспечили создание в югославянских областях соответствующих капиталистическому способу производства форм поземельной собственности. Революция содействовала политическому сближению югославянских народов, более четкому размежеванию социальных и политических сил внутри них.

ГЛАВА 30

КУЛЬТУРА

Важной стороной исторического развития югославянских народов в первой половине XIX в. было формирование национальных культур. В это время появились органы печати, были заложены основы исторической науки и языкознания, значительных успехов достигли все виды искусства и особенно художественная литература. Формирование национальных и литературных языков особенно способствовало расцвету литературного творчества югославянских народов. Характерно, что в этот период литературы Воеводины, Сербии и Черногории начали складываться в общую национальную сербскую литературу, а литературы Хорватии и Далмации — в национальную хорватскую литературу. Подобный процесс происходил и в других видах искусства. Процесс формирования буржуазных наций определил своеобразие культуры этого периода, стремление к осмыслению национальных задач наложило отпечаток на развитие исторической и лингвистической наук и особенно искусства. Это вызывало широкий интерес к прошлому народа, его языку и творчеству.

Формирование национальных культур проходило путем выработки национальной специфики, проявляющейся в развитии у каждого народа своих традиций, форм творчества, особенностей духовной жизни. Так, например, различно было конкретное содержание борьбы за общенародный литературный язык: в Сербии это была борьба за народную основу литературного языка, а в Хорватии и Словении к этому еще присоединялась борьба против мадьяризации и германизации. Национальные отличия в бóльшей или меньшей степени проявились во всех областях культуры.

Процесс формирования буржуазных наций обусловливал то, что культура приобретала буржуазный характер. Это выражалось в том, что она удовлетворяла прежде всего духовные запросы буржуазии, и в том, что она освещала действительность в особом социальном аспекте, и в том, что предметом изображения в искусстве нередко становилась деятельность буржуазии. Широко распространившиеся в это время в искусстве идеи патриотизма, национальной самобытности и народности также носили своеобразный отпечаток буржуазной идеологии.

Складывавшейся буржуазной культуре, более прогрессивной, нежели культура феодального общества, противостояла народная культура. Она включала в себя искусство самих народных масс и связанной с ними де-

мократической интеллигенции. Формирование национальных культур было сложным и внутренне противоречивым процессом, так как совершалось под действием различных социальных сил и условий. В Сербии демократические тенденции культуры сталкивались с монархическими стремлениями правящих кругов; в Черногории национальное Возрождение протекало в условиях общей отсталости страны, а в Хорватии и Словении в условиях национального гнета и влияния католицизма и австрославизма.

Неравномерность процесса разложения феодализма и развития капитализма и различия в темпе и особенностях складывания наций обусловили то, что и формирование национальных культур югославянских народов протекало неравномерно. Более интенсивно оно проходило в Воеводине, Сербии, Хорватии и Словении, нежели в Черногории, Боснии и Герцеговине. Тем не менее во всех югославянских землях в это время наблюдался в той или иной степени подъем в области культуры. Передовые силы общества содействовали ее развитию, обогащению и демократизации, ее приближению к народу, а главное — защите средствами культуры национальных интересов.

Постепенно углублявшийся процесс формирования национальной культуры имел свой подготовительный этап, охватывающий последние десятилетия XVIII в. Он особенно ясно обозначился в югославянских землях, находившихся в составе Австрии — в Воеводине, Хорватии, Словении. Основной особенностью этого этапа было то идейное течение, которое получило название Просвещения и проявлялось в стремлении передовой интеллигенции путем просвещения (образования, печати, науки и искусства) разрешить назревшие общественные вопросы и улучшить положение народа. В идеологии просветителей нашли свое выражение взгляды поднимавшейся буржуазии. Просветители критиковали некоторые стороны общественных порядков, религию, невежество, отсталость, консерватизм. Им был свойствен рационализм (культ разума, вера в него), что приводило к абстрактному пониманию добра, справедливости и равенства.

В основу своей философии и морали просветители положили идею «естественного человека» и «естественного состояния». Югославянское Просвещение испытало на себе влияние западноевропейского Просвещения. На нем сказалось также и воздействие йозефинизма. Так, воеводинские поэты одобряли церковные и культурные реформы Иосифа II и называли его «премудрым и богопросвещенным владетелем».

Идеи Просвещения проявились в югославянских землях в различной степени и различной форме. В Воеводине и Хорватии сильнее сказалось влияние классицизма, в Словении ранее получил распространение преромантизм (идеализация сельской жизни, поэтизация природы, обращение к народной поэзии).

Перед художественной литературой деятели Просвещения ставили задачи распространения знаний и патриотического воспитания, критики отсталости и невежества. Это придало литературе дидактический и сатирический характер, что вполне согласовалось с господством рационализма и основным стилем — классицизмом, в котором начинали развиваться черты преромантизма.

В последней трети XVIII — начале XIX в. в землях, входивших в состав Австрийской империи, наблюдается некоторый прогресс в организации учебного дела. Школьные реформы 1774—1777 гг. способствовали увеличению числа школ, открытию, кроме общеобразовательных, еще и ремесленных и учительских школ, а также гимназий (в Воеводине — в в Карловцах и Нови Саде). Открыты были типографии, увеличилось издание книг, появились газеты и журналы. В 1768 г. в Венеции воеводинский писатель Захарий Орфелин (1726—1785) выпустил один номер

журнала «Славено-сербский магазин». Позже выходили «Сербские повседневные новины» (1791—1792) и «Славено-сербские ведомости» (1792—1794), печатавшиеся в Вене, а также «Люблянске новице од всех крайов целига света» (1797—1800), издававшиеся Валентином Водником (1758—1819), первым словенским поэтом и журналистом.

Период Просвещения в культурной жизни Воеводины характеризовался ростом научных интересов, особенно в области истории; началось складывание литературного сербского языка на народной основе и национальной литературы.

Еще в 1768 г. Захарий Орфелин в своем журнале обратился к сербам с призывом изучать прошлое. Сам он в Венеции выпустил в 1773 г. книгу «Житие и славные дела государя императора Петра Великого...», что было свидетельством расширяющихся связей с Россией. В 1794—1795 гг. была издана «История разных славянских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов...» Йована Рапча (1726—1801). Оба эти труда были вдохновлены любовью к родине и ставили своею целью просвещение и культурное возрождение сербов.

Крупнейшей фигурой в культурной жизни Воеводины и затем Сербии был Досифей Обрадович (1742—1811). Он представлял собою наиболее яркий тип просветителя-энциклопедиста. Свою жизнь и деятельность он описал в увлекательной книге «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем» (2 части, Лейпциг, 1783 и 1788). Обрадович прожил сложную и богатую событиями жизнь, побывал во многих странах, знал много языков, был учителем, участвовал в подготовке Первого сербского восстания, а затем был первым сербским министром просвещения.

Литературная и научная деятельность Обрадовича была весьма разносторонней. В книге «Советы здравого разума» (1784) он говорил о высоких моральных принципах и требовал развития просвещения и открытия школ для женщин. В 1788 г. он издал переводы басен Эзопа и других писателей и снабдил их нравоучительными комментариями. В сборнике переводных и оригинальных статей «Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение» (1793) он говорил о любви к родине, о необходимости знаний и просвещения, о развитии языка. Обрадович писал народным языком, в котором еще были следы славяно-сербского. Но он первый из сербских писателей выдвинул требование единого для всех сербов языка, литературы и школ, доступных широким массам. Гуманизм и патриотизм, гражданский характер творчества Обрадовича оказали большое влияние на культурное развитие сербского народа. Он открыл новую страницу в духовной жизни и литературе сербов тем, что решительно разорвал с церковными традициями, религиозной литературой и старославянским языком; заложил основы светской, тесно связанной с насущными потребностями жизни, обращенной к народу литературы, вдохновленной идеями Просвещения. Обрадович объединил вокруг себя значительную группу писателей, разделявших его взгляды (Йован Мушкатирович, Эмануил Янкович, Павле Соларич и др.).

В конце XVIII — первые годы XIX в. литература Воеводины характеризуется господством жанра патриотической поэмы. Первым с произведениями в этом жанре выступил Захарий Орфелин. В 1761 г. в Венеции он издал поэму «Плач Сербии», в которой изобразил тяжелое положение сербов в Австрии, критиковал австрийские власти за их жестокости и сербское духовенство за равнодушие к судьбе народа. В поэме ясно выражено стремление сербского народа к независимости. В ряде своих трудов Орфелин призывает к созданию светской литературы на народном языке. В 1791 г. Йован Рапч в поэме «Бой змея с орлами» в аллегорической форме представил борьбу России и Австрии (орлов) с Тур-

цией (змеем). Викентий Рапч написал поэму о победе черногорцев над скадарским пашой Махмудом Бушатли, а Гаврило Ковачевич о сербском восстании 1804 г.

В хорватской и славонской литературе получила развитие сатира, в том числе драма с элементами сатирического обличения. Славонец Матия Релькович (1732—1798) издал в 1762 г. поэму «Сатир или дикий человек», в которой рассказал о прошлом величии Славонии и в то же время показал тяжелое ее современное состояние. Он обличал нравы, раздоры, вредные обычаи, суеверия, давал нравственные и хозяйственные советы, восхваляя сельскую жизнь. Средством исправления пороков он считал просвещение. К «Сатиру» Рельковича отрицательно отнеслись католические деятели. Джуро Рапич в 1765 г. издал книгу «Сатир приученный», направленную против Рельковича. Рапич заявлял, что исцелитель всех недугов — вера. Появилась и анонимная книга против Рельковича «Тамбураш Славонский» (1767). В защиту Рельковича выступил талантливый сатирик Вид Дошен (1720—1778). В ряде своих произведений и особенно в сатире «Змей семиглавый» (1768) он обличал реакцию, в моральном отношении ставил крестьян выше дворян, но в то же время пытался примирить религию и просвещение. В 1788 г. против Рельковича выступил Антун Иваношич, противопоставлявший просвещению веру, чудеса, терпение и страдание как средства морального очищения, хотя в то же время обличавший развращенность монахов. В этой борьбе участвовали и другие общественные и научные деятели, например, историк Адам Крчелич, ставший на сторону Рельковича.

Йован Раич

Таким образом, демократические тенденции в литературе встречали яростное сопротивление, но, несмотря на это, они постепенно укреплялись.

В конце XVIII в. в хорватской литературе выступил талантливый драматург Тито Брезовачки (1757—1804), автор бытовых комедий, из которых наиболее удачна «Матияш, чародей-ученик» (1804), где осмеяны предрассудки и невежество дворян и горожан. Эта пьеса написана живым разговорным языком и использует народный сказочный сюжет.

Национально-просветительское движение наиболее ярко проявилось в Словении, где оно возникло уже в 70-е годы XVIII в. В это время в Любляне вокруг мецената барона Сигизмунда (Жиги) Цойса (1747—1810) образовался просветительский кружок, объединивший деятелей словенской культуры. Цойс был одним из самых богатых людей в Словении, владел обширными поместьями, рудниками и плавильнями. Он был учеником французских энциклопедистов, горячим словенским патриотом. Стремясь содействовать развитию национальной культуры и сам занимаясь наукой (минералогией), он вкладывал свои средства в создание школ, музеев, типографий.

Однако характерно, что в то же время он вызывал войска для подавления волнений крестьян в своих поместьях.

В кружок Цойса входили Марко Похлин, Юрий Япель, Блаж Кумердей, Мартин Куральт, Антон Линхарт и Валентин Водник. Они ставили своею целью изучать наречия родного языка и создать литературный словенский язык, разрабатывать родную историю, развивать литературу. Этот кружок, получивший затем название «Academia operossorum» в честь просветительного общества того же названия, существовавшего в Любляне с 1693 по 1725 г., особенно развил свою деятельность в первой половине 80-х годов, но к концу этого десятилетия распался.

Одним из первых деятелей словенского Просвещения был священник Марко Похлин (1735—1801). После разгрома реформации он первым поставил вопрос о необходимости издания книг на словенском языке и открытии словенских школ. Ему принадлежит и первый исторический труд на родном языке — «Крайнская хроника» (1770—1778). В 1768 г. он выпустил на немецком языке «Крайнскую грамматику», в которой призывал соотечественников не стыдиться употреблять родной язык и требовал его введения в школе и печати. Его грамматика была популярной, но не давала системы языка. Это пытался сделать Ожбальт Гутсман в своей грамматике, написанной тоже по-немецки (1777). Однако и ему это не удалось.

Значительной была просветительная деятельность Блажа Кумердея (1738—1805). В 1773 г. он представил властям «Патриотический план, как крайнское население самым успешным образом обучить письму и чтению». Он требовал обучения в начальных школах на родном языке, а вместе с тем и изучения немецкого языка и одного из славянских. Кумердей пытался создать общеславянскую грамматику на основе крайнского наречия, которое он считал наиболее близким к другим славянским языкам. Грамматика Кумердея осталась в рукописи. Во введении к ней, написанном в 1791 г., он заявлял, что хотя крайнцы и малочисленный народ, но являются частью великого славянского народа и поэтому и им принадлежит слава всех славян.

В 1773 г. русская Академия решила издать «Сравнительные словари всех языков и наречий». Она обратилась ко многим ученым с призывом прислать для него материалы. В связи с этим Кумердей в 1780 г. послал русской Академии свое «Сочинение о языкознании славян и русских». Однако в вышедших позднее двух томах задуманного издания его труды не были использованы.

Идеи славянского единства, попытки установить культурные связи с Россией и опереться на нее в борьбе за национальное Возрождение характерны не только для Кумердея. Многие члены кружка Цойса придерживались тех же взглядов. Близки к ним были священник Япель (1744—1809), переводчик библии на словенский язык и историк и писатель Линхарт (1756—1795) — автор книги «Опыт описания истории Крайны и прочих южных славян Австрии» (1788—1791), основанной на богатых и критически использованных материалах.

Линхарт рассматривал словенский народ как единое целое и вместе с тем как часть великого славянского племени. Эта идея имела большое значение для развития национального самосознания словенцев. В своем труде он говорил о многочисленности и величии славян и высказал мысль о том, что Австрия, как и Россия, должна называться славянским государством, потому, что большинство ее населения славяне. Он считал, что «ни один народ не заслуживает внимания историка, философа и политика в такой мере, как славяне». Линхарт пришел к выводу, что деление на штирийцев, каринтийцев, крайнцев возникло уже после потери государственной самостоятельности словенцами, являющимися, по его мнению,

Досифей Обрадович

потомками карантанцев, особым народом в семье других славянских народов. Линхарт был не только горячим патриотом, но и демократом. Ему были свойственны антифеодальные воззрения, он уделял внимание положению народных масс и сочувственно отнесся к Французской революции.

В конце XVIII в. стали завязываться и дружественные связи словенских деятелей национального движения с интеллигенцией других славянских народов, и прежде всего входивших в состав Австрийской империи. Определенное значение в этом смысле имело путешествие по Крайне в 1794 г. известного деятеля чешского Возрождения Добровского, который был знаком с сочинениями Трубара, Бохорича и Вальвасора.

Линхарт и Водник стояли во главе литературной жизни Словении. Они впервые выступили в альманахе «Писанице» (писанки — раскрашенные яйца), три выпуска которого издал Феликс Дев (1732—1786) в 1779—1781 гг. Линхарт был основоположником словенской драмы, автором комедий «Старостина Мицка» (1789) и «Веселый день или женитьба Матичека» (1790). Первая из них представляла собою приспособление к словенским нравам пьесы немецкого писателя Рихтера, вторая — пьесы Бомарше «Женитьба Фигаро». В первой Линхарт противопоставил быт и нравы словенского села быту и нравам германизированного города, а во второй — осмеял феодальную знать и с большой симпатией нарисовал образы слуг и крестьян.

Валентин Водник с конца XVIII в. занял ведущее место в культурной жизни Словении. В 1806 г. он напечатал сборник «Стихотворные опыты», а затем «Грамоту или грамматику для начальных школ», где поместил свое стихотворение «Иллирия воскресшая», в котором прославлял Наполеона за то, что тот пробудил Иллирию от столетнего сна. Австрийские власти позже преследовали его за это. Стихи Водника посвящены патриотическим и историческим темам, но более всего труду и быту крестьянства. Они близки народным песням. Водник был предшественником романтиков.

Период Просвещения был подготовительным этапом национального Возрождения. На этом этапе только еще зарождались те идеи, которые затем получили развитие и легли в основу общественной и культурной жизни югославянских народов.

Высшее свое проявление процесс формирования национальных культур получил в 10—40-е годы XIX в. Это было время бурного развития образования, печати, науки, литературы и искусств, которые приобретали новые формы, заменявшие устаревшие.

Центром сербской образованности оставалась и в это время Воеводина. В 1810 г. в Нови Саде была открыта гимназия, где преподавали видные деятели культуры Йован Хаджич, Джордже Магарашевич, а директором был известный словацкий славист Павел Шафарик. Гимназия играла большую роль в распространении просвещения. В некоторых городах были созданы сербские учительские школы, где приходилось вести борьбу за родной язык, так как венгерские власти вводили в школах как обязательный венгерский.

В начале XIX в. новым центром сербского просвещения становится Белград, куда из Воеводины переезжает Обрадович. Его усилиями в 1808 г. там была открыта Великая (высшая) школа, а в 1810 г.— семинария. Они были закрыты турками в 1813 г. и лишь в 1831—1836 гг. возобновили свою деятельность. В 1838—1844 гг. в Белграде создаются специальные учебные заведения: лицей (1838), инженерная школа (1846), военная академия (1850), сельскохозяйственная школа (1853).

В Хорватии и Далмации вместо немецких и итальянских школ стали создаваться начальные школы, в которых преподавание велось на родном языке. Гимназии были открыты в Задаре в 1803 г., Шибенике в 1806 г., Дубровнике в 1818 г. Стали возникать фельдшерские, торговые, художественные школы: В 1849—1850 гг. были учреждены морские школы в Задаре, Сплите, Которе и учительская в Загребе, где до 1850 г. существовала и академия, открытая в 1776 г., имевшая богословский и юридический факультеты; здесь с 1832 г. читался курс лекций о хорватском языке. Но австрийские власти упорно стремились вводить немецкий язык в гимназиях и других учебных заведениях.

В Словении во время французского правления были созданы школы с обучением на родном языке; австрийские власти их закрыли и разрешили возобновить их деятельность только в 1829 г. В Любляне и Целовце уже в конце XVIII в. были открыты медико-хирургические школы, в Идрии — металлургическое училище, в Любляне — лицей, действовавший до 1849 г.

Развитие просвещения привело к подъему научной деятельности, особенно в Великой школе в Белграде, в академии в Загребе и лицее в Любляне. Немало видных югославянских ученых получило образование в иностранных университетах.

Эпоха формирования капиталистических отношений наложила свою печать на характер науки этого времени и двинула вперед прежде всего естествознание, изучение природных богатств, а также развитие агрономии с целью интенсификации сельского хозяйства. Все большее внимание

Валентин Водник

уделялось преподаванию в гимназиях математики, физики и естественных наук.

В Словении, Хорватии и Воеводине были открыты сельскохозяйственные школы и учреждены сельскохозяйственные общества. Стали появляться книги о природных богатствах югославянских земель.

Задачи просвещения и науки требовали развития книгопечатания. Югославянские книги печатались в Вене, Буде, Лейпциге, Венеции. Постепенно начали создаваться типографии в Карловцах (1828), Белграде и Нови Саде (1831), Цетинье (1834), Суботице (1846), Любляне, Загребе, Задаре и других городах. Ранее книги распространялись по подписке или продавались типографиями, теперь появились книжные магазины: в Карловцах в 1810 г., в Нови Саде, Белграде и Загребе в 1820 г.

Под влиянием подъема общественно-политической жизни и остроты национальных проблем стали выходить периодические издания, отражавшие идеи национального Возрождения: сербские — «Даница» (1826—1829, 1834) Караджича, «Голубица» (1839—1844) и «Подунавка» (1843—1849), «Гласник Друштва српске словесности» (с 1847); хорватские — «Новине илирске» (с 1835) и «Даница» (1835—1844) Л. Гая, «Коло» (1842—1853) С. Враза; словенские — «Краньска чбелица» («Крапинская пчелка») и «Летопис словенскега друштва за Краньску» (с 1848). Они ставили вопросы развития литературы и народного языка, вели борьбу за национальную культуру.

Постепенно в югославянских странах создавалась своя национальная интеллигенция, рос ее культурный уровень, углублялись ее связи с народными массами, активизировалось ее участие в национальном движении. Возникали культурно-просветительные и научные общества: Словенское общество в Граце в 1810 г., Матица сербская в Пеште в 1826 г., Иллирский клуб в Граце в 1827 г. Общими их целями были просвещение и развитие национальной культуры. Деятельность культурных и научных обществ весьма способствовала подъему национального самосознания югославян и обогащению их духовной жизни. Так, Общество сербской словесности (1841) распространяло знания, заботилось о совершенствовании языка и развитии литературы, открывало школы, создало Народную библиотеку, издавало книги и журналы, печатало исторические, лингвистические и этнографические труды, обосновывавшие идеи, лежавшие в основе национального Возрождения. Постепенно оно стало руководить всей просветительной и научной деятельностью в Сербии.

Важной заслугой исторической науки этого времени было то, что она впервые стала освещать историю народных масс (например, работы Караджича о сербском восстании 1804—1813 гг.). Одной из основных идей исторической науки была идея о единстве народа, противопоставлявшаяся областничеству, регионализму. В это время расширились политические и культурные связи славянских народов. Труд деятеля словацкого национального Возрождения Яна Коллара «О литературной взаимности народов и языков славянских» был широко известен югославянам, а в 1845 г. был издан и на сербском языке. В Вене, Пеште и Праге вели совместную научную деятельность представители многих славянских народов. В славянской науке существовали некоторые общие идеи, например, возникшие еще в XVI—XVIII вв. идеи этнического и языкового родства славянских народов, общности их исторических судеб. Словенец Копитар доказывал необходимость единого литературного языка славянских народов в целях их сближения и сотрудничества. Свои взгляды он изложил еще в 1810 г. в работе «Патриотические фантазии одного славянина».

Идеи национального, югославянского и общеславянского единства отражали стремление порабощенных славян найти решение национальных вопросов путем объединения своих сил.

Процесс формирования наций выдвинул вопрос о создании национальных литературных языков на народной основе. Подлинным реформатором сербского языка явился Вук Стефанович Караджич (1787—1864). В «Грамматике сербского языка» (1814) и в «Сербском словаре» (1818) он положил в основу литературного языка народный язык, а правописание сделал фонетическим. Против него выступили духовенство, чиновничество, Матица сербская во главе с Йованом Хаджичем. Новое правописание официально не раз запрещалось. Язык Караджича высмеивался как язык пастухов и певцов-слепцов. Но реформа Караджича была поддержана Шафариком, научно обоснована филологом Джурой Даничичем в работе «Борьба за сербский язык и правописание» (1847) и применена в поэзии Бранко Радичевичем.

Важным элементом национальной культуры оставалось народное творчество. И народная лирика, и эпос еще жили полнокровной жизнью. С одной стороны, процесс национального Возрождения и сербское восстание 1804—1813 гг. значительно оживили эпическую традицию и придали жизненность сюжетам и героям старых эпических циклов, а с другой,— борьба с турецким владычеством в конце XVIII — начале XIX в. нашла отражение в новых песнях и послужила творческим стимулом для народных певцов. Талантливый народный певец Филипп Вишнич воспел в своих песнях сербское восстание начала XIX в. Романтики видели

Вук Стефанович Караджич

в фольклоре отражение истории народа, выражение народной морали и эстетики, средство воспитания патриотических чувств и освободительных стремлений.

В начале XIX в. сербские песни получают мировую известность. Открытием богатства сербского народного творчества были сборники Вука Караджича, первые из которых он издал в Вене в 1814 и 1815 гг. В 1823—1834 гг. он выпустил четыре книги «Сербских народных песен», а в 1841 г. начал новое издание, которое закончилось после его смерти в 1866 г. Кроме того, он опубликовал в 1821 г. сборник сказок, а в 1836 г. сборник пословиц. Сербские песни стали переводить и изучать виднейшие европейские поэты и ученые (Гёте, Гримм, Гумбольдт, Мериме, Пушкин, Мицкевич). Песни эти вошли в мировую художественную культуру и стали доказательством одаренности славянских народов, угнетаемых и бесправных. Вслед за Караджичем выпустили сборники Сима Милутинович («Песни черногорские и герцеговинские», 1833), Станко Враз («Народные иллирские песни», Загреб, 1839), Петр Петрович Негош («Сербское зеркало», Белград, 1845.)

Развивавшийся в югославянских литературах прогрессивный романтизм рассматривал обращение писателей к фольклору как важную сторону народности и национальной самобытности литературы. Караджич назвал народные песни «единственным и вечным украшением сербской литературы». Даничич говорил: «Народное творчество — семя; из этого

семени должна возникнуть наша литература; это будет истинная литература». Народное творчество давало романтикам сюжеты и мотивы, образы народных героев (Королевич Марко, Милош Обилич), патриотический пафос, ритмы и выразительные средства.

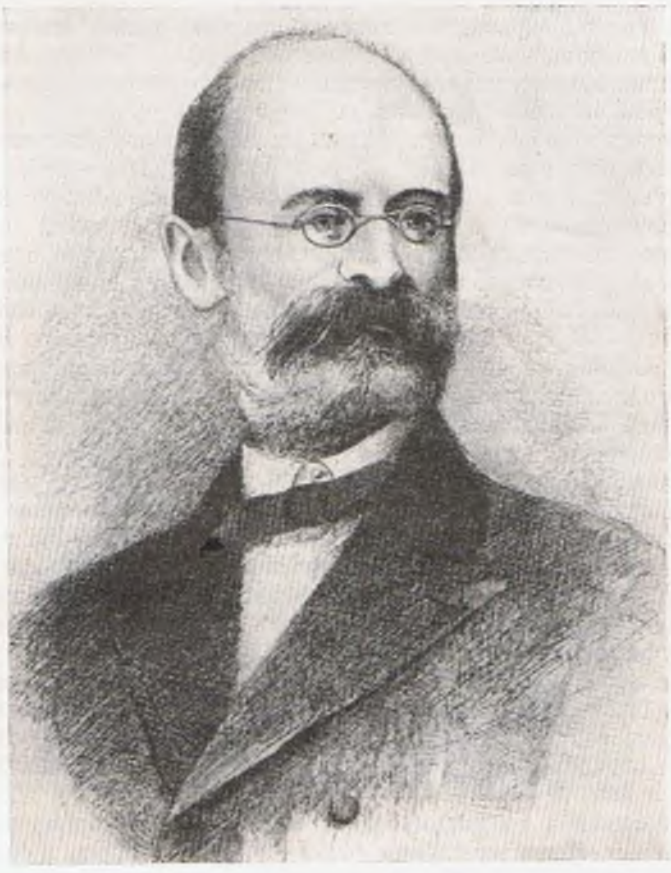
В сербской, хорватской и словенской литературах первой половины XIX в. романтизм постепенно становился основным направлением. Его почвой были подъем национального движения и рожденный им исторический оптимизм. Известную роль играло и влияние романтизма западноевропейских и славянских литератур, усваивая опыт которых югославянские литературы обогащались. Романтизм ставил большие жизненные вопросы, изображал жизнь и быт народа и его освободительную борьбу. Он поднял на более высокий уровень художественную культуру югославянских народов и открыл новые пути в искусстве. Романтизм выдвинул принцип народности литературы и ее национальной самобытности, одержал победу в борьбе за новый литературный язык. Всем этим он способствовал развитию прогрессивных явлений литературы. Он выдвинул на первый план национальную проблему, изображал героические события истории, народ и образы патриотов.

Эпоха национального Возрождения с ее патриотическим воодушевлением и большими идейными битвами была благодатной почвой для расцвета поэзии, занявшей основное место в литературе. В романтической поэзии господствовала тема родины и народа, их прошлого и будущего. Поэтому и в центре духовного мира человека стояли патриотические чувства. Романтизм в то же время освобождал человека от аскетизма и религиозности. У поэтов-романтиков значительное место заняла тема любви, изображаемой как высокое, благородное чувство. Это было одной из основ расцвета любовной лирики.

Освобождение литературы от мертвых правил и шаблонов поэтики классицизма, укрепление связей литературы с жизнью, изображаемой в аспекте авторского ее восприятия, расширение внимания к внутреннему миру человека способствовали творческим исканиям писателей и формированию крупных художественных индивидуальностей.

В сербской литературе первой половины XIX в. наиболее характерными процессами были: борьба развивающегося в литературе романтизма с отжившим классицизмом, развитие поэзии и драматургии (причем в первой в ярких формах проявлялся романтизм, а во второй — и элементы реализма), зарождение литературной критики.

Прогрессивное литературное направление, тесно связанное с народными массами, демократическое и патриотическое, возглавлялось Вуком Караджичем. В 1815 и 1817 гг. он выступил со статьями, в которых требовал создания принципиальной критики, способной бороться за национальное своеобразие и самобытность литературы. Вокруг него стали объединяться прогрессивные писатели. В изданиях Караджича «Данина» и «Ковчежич» начали появляться критические статьи и обзоры. В газете «Сриски народни лист» и в журнале «Летопис матице сриске» развернул критическую деятельность Йован Суботич (1817—1886). Большое значение имели также статьи Д. Франчески (редактора задарской газеты «Далмация») о поэме Негоша «Горный венец» и Джуро Даничича о поэзии Радичевича в «Подунавке» 1847 г. В этих статьях принципы оценки произведений были типично романтическими, что уже свидетельствовало о том, что романтизм пустил глубокие корни в сербской литературе и начинал определять ее основное направление. Наиболее популярные поэты этого времени или переходили с позиций классицизма на позиции романтизма, как Сима Милутинович, участник освободительной борьбы, патриот, автор поэмы «Сербиянка» (1827), где он воспел Первое сербское восстание, или формировались как яркие романтики, подобно Бранко Радичевичу



Джуро Даничич

(1824—1853), который выступил как последовательный романтик и сторонник языковой реформы Караджича. В сатирической поэме «Путь» он не только определил свои идейные позиции, но и в беспощадной форме осмеял противников реформы, поэтов-классицистов, далеких от жизни и народа.

По словам Даничича, стихи Радичевича начинают новую эпоху в сербской поэзии. Они выражают мировосприятие и идеалы современной ему молодежи. Радичевич — певец молодости. Его темы — дружба, любовь, природа. Его духовный мир — светлый и радостный, хоть и пронизанный нотами грусти. Поэт создал песни в народном духе («Девушка у колодца», «Путник на рассвете»), новые по чувствам, образности и ритмам. В лирической поэме «Студенческое прощание» (1844) он передал порывы юности, мечты, патриотические идеалы. С большой любовью он описал Карловцы, Дунай, картины народной жизни (сбор винограда), веселье и шутки молодежи. В поэме есть замечательная сцена коло (хоровода с пением и танцами), в котором участвуют все народы «от Дуная до моря» — это символ дружбы и мира. Поэма заканчивается расставанием с друзьями, которым автор завещает бороться за счастье народа. Основное в поэзии Радичевича — его лирика, подлинно поэтическая, новаторская, народная по духу, ритмам и языку.

В сербской прозе точно также, с одной стороны, имела место борьба новых художественных тенденций с устаревшими и не отвечавшими на-

ционально-патриотическим идеям явлениями, а с другой — развитие романтической прозы. Критика в лице Караджича резко осмеяла псевдоисторичность популярных тогда сентиментальных романов Видаковича, фальшивость изображаемых им чувств, а главное оторванность его тем и героев от сербской действительности.

Основной жанровой разновидностью романа в первой половине XIX в. был исторический роман. Йован Стерия Попович (1806—1856) в 1828 г. написал в духе романов Видаковича роман «Бой на Косове, или Милан Топлица и Зораида», но в 1832 г. в «Романе без романа» осмеял как романы Видаковича, так и свои собственные за смешение фантастики и сентиментальности, за отсутствие трезвого отношения к жизни и творчеству. Первым стал изображать современную сербскую жизнь Богобой Атанацкович (1826—1858), страстный романтик и последователь Караджича и Даничича. В 1845—1846 гг. он выпустил две книги сборника «Подарок сербке» с характеристиками современных людей. В повести «Буневка» (1851) и романе «Два идола» (1851—1852) он показал события 1848 г. и участие воеводинских сербов в восстании.

Эпоха национального Возрождения в югославянских землях была временем зарождения театра и драмы. Правда, в Воеводине еще ставились пьесы старого типа, т. е. школьные драмы, такие, как «Жертва Авраамова» Викентия Ранча. Но православная церковь не всегда одобряла такого рода представления. В 1818 г. они были запрещены особым постановлением, в котором говорилось о вреде играть комедии перед народом «посредством учеников». С одной стороны, это запрещение, а с другой (и это было главным) — прогрессивное развитие культуры привели к тому, что пьесы на библейские сюжеты заменились пьесами на бытовые и исторические темы. Кроме того, в это время в городах Воеводины, как впрочем и в городах Хорватии и Словении, появились любительские труппы.

Важные заслуги в развитии сербского театрального дела и драматургии принадлежат Иоакиму Вуичу (1772—1847), которого называют «отцом сербского театра». Он был переводчиком и автором пьес, режиссером и актером. Значительным событием была постановка в Пеште в 1813 г. любительской труппой под его руководством пьесы Коцебу «Попугай» (в переводе «Крешталица»). Вуич организовал театральные любительские труппы в городах Пеште, Сегедине, Буде, Темишваре, Панчеве, Крагуевце, Белграде. В Сербию он перебрался в 1834 г. и получил титул «директора княжеско-сербского театра». Он смотрел на театр как на средство воспитания, «школу жизни» и сумел возбудить к нему большой интерес.

Важными этапами в истории сербского театра были «Передвижное театральное общество», возникшее в Нови Саде в 1838 г. и дававшее в течение десяти лет представления не только в городах Воеводины, но и в городах Хорватии, и недолго просуществовавший театр, созданный в Белграде Йованом Поповичем и Атанасием Николичем в помещении таможни.

От подражания и переводов сербская драматургия вскоре обратилась к созданию оригинальных произведений. Историческая тема в ней заняла весьма важное место. Особенностью исторической драмы было использование сюжетов народных героических песен.

Основное место в сербской драматургии первой половины XIX в. занимает Йован Попович. Ранние его драмы отличаются патетикой и сентиментальностью, поздние — «Смерть Стефана Дечанского» (1841) и «Гайдуки» (1842) — проще по стилю и естественнее по трактовке характеров, более верно освещают исторические события и ближе стоят к народным песням.

Бранко Радичевич

Но подлинным новатором Попович был в жанре комедии. Своими ярко национальными и остроумными пьесами он заложил основы репертуара сербского театра, проявив большое социальное чутье и глубокое знание жизни. Его комедии ценны изображением быта и осмеянием ложного патриотизма, преклонения перед западной культурой и внешнего ее усвоения, буржуазного приобретательства и невежества. Лучшие его комедии «Враль и подвирало» (1830), «Тыква, возомнившая себя чашей» (1830), «Скупой, или кир Яня» (1837).

Сатира Поповича, как и сатира хорватской и словенской драматургии этого периода, преследовали цель облагородить буржуазию, освободить ее от пороков. Однако народные массы воспринимали эту сатиру как антибуржуазную и высоко ценили ее.

Культурное развитие Черногории в конце XVIII — начале XIX в. связано с культурным развитием Сербии и Воеводины. Правописание, введенное Караджичем, было принято и в Черногории; крупнейший поэт Черногории Негош состоял почетным членом Общества сербской словесности. Видным деятелем черногорской культуры был митрополит Петр I Петрович Негош (1747—1830). Он был и первым поэтом Черногории. В песнях, построенных по образцу народных юнацких, он воспел и исторические события, и современную ему борьбу черногорцев с турками. Одна из лучших его песен «Похвала Карагеоргию». В его стихах и посланиях ярко выражены идеи славянской взаимности, национальной гордости, «сербской вольности»; поэт не раз обращает свои взоры и к государству Неманичей.

В 1827—1831 гг. в Черногории протекала деятельность Симы Милутиновича, который был сотрудником Петра I и учителем Раде, будущего митрополита Петра II Негоша. Сима Милутинович продолжил изучение истории страны и написал «Историю Черной горы» (1835) главным образом на основе народных преданий. В Черногории он создал драму «Слава черногорская» (напечатана в 1835), в которой представил ряд эпизодов истории борьбы с турками.

Петр I Петрович и Сима Милутинович были предшественниками великого поэта Петра II Петровича Негоша (1813—1851), творчество которого и идейно и эстетически неразрывно связано с черногорской действительностью и в то же время имеет огромное значение для духовной культуры всех югославянских народов.

Время деятельности Негоша - 30—40-е годы—ознаменовано значительными успехами и оживлением литературы Черногории. Вокруг Негоша объединились молодые поэты и ученые. Кружок Негоша обогатил поэзию, основанную на народном творчестве, и в то же время перешел к литературному творчеству в новых формах, использующих опыт европейских литератур, в том числе русской. Эти черты наиболее ярко проявились в творчестве самого Негоша.

В 1835—1839 гг. под редакцией Дмитрия Милаковича (ум. 1858) издавался ежегодный альманах-календарь «Грлица» («Горлица»). Здесь были напечатаны народные юнацкие песни, патриотические стихи черногорских поэтов («Сын отечества»), стихи Негоша, посвященные русским деятелям, а также стихотворения А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» и «Песня о Георгии Черном». Для стихов Негоша характерны рационализм, нравоучительность, вера в силу просвещения, классицистическая поэтика. И в то же время в его творчестве уже обозначились черты развивающегося романтизма: национально-патриотическая трактовка общественных проблем, широкий интерес к народному творчеству и использование его форм и стиля, борьба за национально-самобытную культуру.

В поэзии Негоша выделяются две темы: философская и героико-патриотическая. Его философская поэзия носит классицистический характер. В одах он воспел величие природы («Ода солнцу») и могущество человеческой мысли («Мысль»). В эпопее «Луч микрокосма» (1845) поэт размышляет о судьбе человека на земле и смысле его жизни. Преодолевая идеалистическую сущность своих воззрений, Негош раскрывает глубокие противоречия действительности, по традиции выражая их в библейском сюжете борьбы сатаны и бога. Но в то же время он делает участником этой борьбы и человека. Важная тема этого произведения — познание мира. Луч микрокосма — это человеческая мысль, проникающая в тайны вселенной.

Основное место в творчестве Негоша занимает его патриотическая поэзия, что определялось сложной судьбой черногорского народа в то время. Негош создал песни о борьбе с турками. Этой же теме он посвятил большую поэму «Слободиада», заканчивающуюся изображением совместной борьбы черногорцев и русских против войск Наполеона. Драма «Самозванный царь Степан Малый» (1851) описывает интересный эпизод в истории Черногории XVIII в. Автор утверждает необходимость единства Черногории и существования крепкой власти, а также дружбы с Россией.

Вершиной творчества Негоша, произведением, прославившим его как поэта, является его драматическая поэма «Горный венец» (1847). Ее сюжетом служат события конца XVII — начала XVIII в. — решительная борьба черногорского владыки Данилы против потурченцев, которых использовали турки для разжигания внутренней розни в стране. В поэме подчеркнута мысль, что не религиозный фанатизм—основа этой борьбы,

Йован Стерия Попович

а стремление к независимости родины. Важная особенность поэмы состоит в том, что в ней в драматически напряженных массовых сценах показан народ. Автор вводит «хоро», в котором народ, подобно хору в древнегреческой трагедии, осуждает предателей и выражает готовность к борьбе за свободу родной земли.

Негош нарисовал яркие типы черногорцев, передав в них основные национальные черты — свободолюбие, героизм, прямоту — и придав образам героев индивидуальные особенности.

«Горный венец» Негоша — произведение большой идейной и художественной ценности. Оно имело значение не только для черногорского народа, но и для всех южных славян. Дав глубоко поэтическое выражение страданий и борьбы черногорского народа, Негош отразил и судьбы всех южных славян, испытавших тяжесть турецкого владычества. Активно участвуя в формировании национальной культуры своего народа, Негош в то же время преодолел национальную ограниченность. В его произведениях и особенно в «Горном венце» одной из основных является идея общности национально-освободительной борьбы южных славян. Изображая конкретные события истории своего народа, Негош поднимается до общечеловеческих обобщений. Его призыв к борьбе с турецкой тиранией перерастает в призыв к борьбе против всякого угнетения. Рисуя образы своих героев, он утверждает мысль, что борьба с поработителями — долг и закон для каждого человека.

Негош создал произведение глубоко своеобразное, отразившее историю, быт, обычаи и творчество черногорского народа и благодаря этому национально самобытное. Язык поэмы — свежий, богатый, выразительный; стих — сильный и народно-поэтический. В «Горном венце» Негош показал себя как поэт в высшей степени народный. Народность литературы приобрела в его творчестве новые качества, так как Негош не только изображает жизнь народа, но и раскрывает его решающую роль в истории, его заветные идеалы. Вместе с тем в поэме ясно обозначались существенные черты романтизма: героический пафос, стремление к национальной самобытности, национальная трактовка жизненных проблем, повышенная эмоциональность. Этим самым творчество Негоша перекликалось с тем процессом формирования романтизма, который происходил тогда в сербской литературе.

Культурное развитие Македонии в первой половине XIX в. значительно отставало от культурного развития других югославянских земель. В городах Македонии в первой половине XIX в. идет борьба с греческим духовенством и засильем греческого языка. В Салониках Теодосий Синаитский открывает типографию, увеличивается число школ, учителя и священники обличают суеверия, предрассудки и пьянство, создаются первые книги.

Кирилл Пейчинович (ок. 1770—1845) пытался пользоваться народным языком. Если его «Житие князя Лазаря» еще сохраняет религиозно-исторический характер и средневековые формы, то в «Зеркале» (1816) рисуются живые картины народной жизни и положение крестьян в подневольной Македонии.

В Боснии и Герцеговине с 20-х годов XIX в. увеличивается число школ, в которых преподаются чтение и письмо на сербско-хорватском языке (к середине XIX в. существовало двадцать таких школ). Активно действуют францисканцы, они открывают при своих монастырях средние школы (гимназии). В 1855 г. в Боснии было двенадцать таких школ. Важным фактом культурной жизни было создание сараевским учителем Александром Бановичем драматической труппы учащихся, которая давала представления в 1840—1842 гг. В 1850—1851 гг. Иван Франо Юкич стал издавать журнал «Боснийски приятель», который печатался в Загребе (два выпуска).

Творчество писателей, объединившихся вокруг Юкича, было новым по темам и формам, резко отличающимся от средневековых литературных форм. Писатели этого кружка начали собирание произведений народного творчества и сами писали в народном духе. В их поэзии сказались романтические черты, а основной их идеей стала идея народного единства и национального Возрождения. Именно поэтому судьба Юкича была печальной: последние годы жизни он провел в турецких тюрьмах и умер вскоре после освобождения. В 1858 г. Грга Мартич издал сборник боснийских и герцеговинских народных песен, которые он собирал вместе с Юкичем. В этот сборник были включены песни, каких не имел возможности записать Караджич. Деятельность Юкича и его кружка, куда входили поэты Мартин Недич, Петар Бакула и другие, была первым проявлением начавшегося национального Возрождения Боснии и Герцеговины.

Процесс формирования национальной культуры хорватского народа протекал весьма бурно. В нем значительную роль сыграло то идейно-политическое течение, которое получило название иллиризма (подробнее о нем см. гл. 26). Исключительно много сделали иллиры в борьбе за единый хорватский литературный язык, в борьбе против мадьяризации и германизации. Людевит Гай в брошюре «Краткая основа хорватско-славянского правописания...» (1830) предложил широкую реформу языка. Считая единый язык и единое правописание средством сохранения иллир-

Петр II Петрович Негош

ской национальности и создания единства духовной жизни народа, он доказывал необходимость принять латиницу как общую азбуку. Началась упорная борьба за осуществление предложенной им языковой реформы. В ней приняли участие поэты и публицисты. В 1847 г. хорватский сабор провозгласил закон о введении хорватского языка как языка администрации. В 1850 г. в Вене представители хорватского и сербского народа заключили договор о едином литературном сербо-хорватском языке на основе штокавского наречия как самого распространенного: на нем говорило большинство сербов и хорватов, им пользовались дубровницкие поэты, на нем сложено большинство народных песен, на нем писало большинство писателей середины XIX в. Этот договор способствовал политическому и культурному сближению сербов и хорватов.

Деятели иллирийского движения добились значительных достижений в культурном прогрессе хорватского народа. Стали издаваться общественно-политические и литературные газеты и журналы, были созданы культурные организации (читальни, Матица иллирская, 1842), проведена языковая реформа, расширены культурные связи Хорватии, Далмации, Славонии и создана единая литература, расширились межславянские культурные связи и особенно югославянские. Литературная жизнь Хорватии периода национального Возрождения характеризуется появлением критики и развитием лирической и эпической поэзии, в которых

господствовала романтическая трактовка исторических и патриотических тем. Отличиями хорватской литературы этого времени от сербской было, с одной стороны, влияние на нее идей иллиризма, а с другой — развитие романтической прозы и драмы и связь поэзии с народной лирикой, а не с эпосом.

Зарождавшаяся в Хорватии критика защищала новую литературу от нападок сторонников отживших эстетических теорий и пыталась определить принципы романтического творчества. Это характерно для статей Димитрия Деметера (1811—1872) в «Данице», который образец национальной самобытности видел в народной поэзии.

Станко Враз (1810—1851) печатал в журнале «Коло» обзоры хорватской и других славянских литератур и рецензии на новые произведения. Он требовал создания критики, которая бы объективно оценивала общественное значение идей писателя и его мастерство. Поэзия, по его мнению, должна быть связана с жизнью народа и его творчеством. Примером народности и самобытности творчества он считал поэзию Пушкина и прозу Гоголя. Враз первый правильно оценил творчество Негоша и Радичевича, а также хорватского поэта Мажуранича и словенского поэта Прешерна, он понял значение их национальных тем, увидел глубину их мысли, подлинную поэтичность и народный язык. Враз оказал большое влияние на хорватскую романтическую литературу.

В хорватской литературе первой половины XIX в. просветительная поэзия классицизма на кайкавском наречии сменяется романтической поэзией на новом литературном языке. Эта последняя имела два основных направления: в одном господствовали патриотическая лирика, в другом — любовная. Поэты, связанные с иллирийским движением, писали патриотические песни, многие из которых стали народными (Л. Гай «Еще Хорватия не погибла»).

Свой сборник стихов 1840 г. «Джулябие» (душистые яблоки, красные, как розы) Станко Враз посвятил родине и любимой. Картинки родной природы и народного быта переплетаются в его стихах с выражением радости от встреч с любимой, а затем с болью от ее утраты. Поэт использует образный строй, символику и ритмы народной поэзии. В стихах Враза шаблоны лирики заменены искренней исповедью поэта. Тема любви к своему народу перерастает у него в тему дружбы народов.

Крупным поэтом был Петр Прерадович (1818—1872). Основная тема его поэзии — Возрождение Хорватии. Она выражена уже в первом его стихотворении «Заря блеснула, будет день!» (1843). В сборниках стихов «Первенцы» (1846) и «Новые песни» (1851) поэт говорит о значении родины для человека, о ее славном прошлом и великом будущем («Наша земля»). Кроме патриотических стихов, он создал яркие и нежные стихи о любви. Д. Деметер высоко ценил его лирику за точный и ясный язык. Под влиянием условий баховского абсолютизма и угасания иллиризма Прерадович пережил тяжелые разочарования. В его поэзии зазвучали националистическо-консервативные ноты и мистические мотивы. Его лирика приняла отвлеченно философский характер («Смерть», «Богу»). Он стал проповедовать славянский мессианизм («Славянству») — мысль об особом призвании славянских народов. Для романтической хорватской поэзии, как и для сербской, характерна большая эпическая форма. Такова поэма Димитрия Деметера «Гробницкое поле» (1842) о борьбе хорватов с татарами в XIII в. В нее входит ставшая широко известной песня хорватских воинов «Свободно по воздуху птица летит».

Наиболее крупным эпическим поэтом Хорватии был Иван Мажуранич (1814—1890). В ранних его стихах отразились иллирийские увлечения («Иллир», «Иллирия в веках»). Писал он и поэмы в народно-поэтическом стиле («Ненадович Радо»). Славу как поэт он завоевал большой

поэмой «Смерть Смаил аги Ченгича» (1846), которая изображает события 1840 г. — гибель герцеговинского феодала Смаил аги Ченгича, убитого черногорцами во время сбора податей за то, что последний чинил страшные жестокости. Писатель с большой поэтической силой передает народное возмущение и гнев. Образ порабощенного народа противопоставляется образу его угнетателя. Ставя вопрос об освобождении народа от чужеземного феодального угнетения, Мажуранич поднимается до идеи объединения народов в борьбе против тирании. Поэма отличается эпической величественностью, острым драматизмом и пронизывающим ее лиризмом. Она богата в своих выразительных средствах и ритмах.

Хорватская проза в эти годы от переводов и переделок переходила к оригинальным произведениям романтического характера, таким как повести Людевита Вукотиновича (два выпуска, 1838—1840), «Разнообразные сочинения» (два выпуска, 1842—1843) Ивана Кукулевича, повести Димитрия Деметера (1845—1846). В повестях Вукотиновича и Кукулевича соединяются историко-патриотические сюжеты и любовные истории; повести Деметра ценны элементами критики феодализма и семейного деспотизма, осуждением предательства национальных интересов.

Некоторых успехов в 30—40-е годы добиваются в Хорватии драма и театр. В Загребе в 1835 г. был построен городской театр, но в нем шли пьесы на немецком языке. В 1839г. в Сисаке была впервые поставлена хорватская пьеса в исполнении любителей. Это была драма Ивана Кукулевича «Юран и София, или турки под Сисаком». Ею же был открыт сезон представлений на хорватском языке и в Загребском театре на Марковой площади в 1840 г. Основной идеей пьесы был призыв к единству народа в борьбе за независимость.

В истории хорватского театра в это время большую роль сыграл писатель и театральный деятель Димитрий Деметер. Он создавал театральные труппы и приглашал труппы в Загреб из других городов, писал и переводил пьесы. Исключительным успехом пользовалась его стихотворная романтическая трагедия «Теута» (1844), в которой изображены древние иллирийцы и их борьба против римлян.

Национальное Возрождение в словенской науке и литературе сначала проявилось в весьма умеренных формах. Время с 1808 (когда вышла грамматика словенского языка Ернея Копитара) и до 1830 г. (когда стал выходить журнал «Крайнская пчелка») отмечено господством консервативного направления, на которое сильное влияние оказывал католицизм. Главой этого направления был Ерней Копитар. Вокруг него группировались поэты и лингвисты Урбан Ярник, Матевж Равникар, Янез Примиц, Антон Кремпль и др. Их поэзия отличалась чертами классицизма, религиозностью, морализмом, иногда пасторальностью. Заслугой их были постановка вопроса о литературном языке, внимание к народному творчеству, изучение истории и древней письменности. Этим они подготавливали и национальное Возрождение и романтизм.

В 1830 г. выступило новое поколение деятелей национального Возрождения Словении, которое было представлено двумя группами писателей. Одна из них сложилась вокруг годичного альманаха «Крайнская пчелка» (1830—1832, 1834, 1848) и возглавлялась филологом Матией Чопом и поэтом Франце Прешерном. Ее общественные позиции отличались демократизмом, прогрессивностью и свободолюбием, а литературные — определялись романтизмом, высокими художественными требованиями, борьбой за народную основу литературного языка. Этот последний вопрос практически решил Прешерн, дав в своих стихах образец нового литературного словенского языка.

Другая литературная группа, в которую входили Станко Враз, Даворин Трстеняк и другие, не была столь прогрессивной, а главное она

находилась под сильным влиянием хорватского иллиризма. В литературном отношении она отличалась сильным фольклоризмом. Чоп и Прешерн решительно выступили против нее.

Группа перестала существовать после того, как Враз в 1838 г. переехал в Хорватию.

Группа Прешерна в 40-е годы принуждена была вести борьбу и с консервативной группой Янеза Блейвейса. Программа группы Блейвейса, определявшаяся преданностью монархии и церкви, нашла поэтическое выражение в верноподданнических стихах Ивана Весела Косеского (1799—1884).

В отличие от этих писателей группа Чопа и Прешерна содействовала политическому и культурному возрождению Словении, стремилась приблизить литературу к народу, отражала его думы и интересы. Важнейшими ее идеями были национальная самобытность и демократизация литературы, последовательно защищавшиеся в «Краинской пчелке». Чоп и Прешерн отстояли реформу правописания, использовав чешский образец латиницы. «Краинская пчелка» положила начало новой прогрессивной, романтической словенской литературе и критике, решительно выступила против католического влияния в них, против засилия людей «художественно невежественных» и «эстетически неразвитых», как писал Чоп.

До 30-х годов XIX в. словенская поэзия была нравоучительной, рассудочной, преследовала только цели просвещения; больших дарований не выдвинулось. Новую страницу в ней открывает творчество Франце Прешерна. Неудовлетворенность жизнью и горькие размышления о ней — характерная особенность его стихов. Их основой были тяжелое положение народа, с которым неразрывно был связан поэт, и его собственные жизненные неудачи. Но в его стихах звучат надежда на светлое будущее народа и жажда личного счастья и любви. Поэт верит, что пройдет «страшная ночь» и засияет «светлое солнце». Любовь к родине и народу — важнейший мотив его лирики. В «Элегии моим землякам» поэт, рисуя тяжелое положение родины, призывает служить ей: «Край родной зовет. Иди!». В его стихах немало картин современной ему словенской жизни («Солдатская», «Моряк», «Незаконная мать»). В стихотворении «Врба» он выражает сожаление о том, что покинул родное село, где мирный труд и душевный покой украшают жизнь, и ушел гонимый жаждой знаний в город, где царят новые, буржуазные порядки.

В строгих по форме и глубоких по мысли и чувству пятнадцати стихотворениях «Венка сонетов», посвященных любимой женщине, думы поэта о родине переплетаются со страданиями, рожденными безответной любовью. В сатирах «Райское шествие» и «Новые писания» он осмеял тех, кто, преклоняясь перед чужой культурой, забывает о родном народе и языке. Прешерн в своем творчестве решал важнейшие задачи времени — развития сознания и культуры народных масс, укрепления связи с ними передовой интеллигенции, борьбы с католическим духовенством и чиновничеством. Это была борьба за демократию, борьба против угнетения. На такой идейной почве вырастала его свободолюбивая, прогрессивная поэзия.

Творчество Прешерна разнообразно в жанровых формах. Он писал сонеты, баллады с народно-поэтическими мотивами, романсы, песни, сатиры. Он создал историческую поэму «Крещение на Савице», в которой показал борьбу язычества и христианства в древний период словенской истории. Все его произведения пронизывают большие гуманистические идеи.

Поэт желал, чтоб была «из мира изгнана вражда». В «Здравице» он воспел дружбу славянских народов. Эта тема придала его поэзии общеславянское значение.

Иосип Томинц. Портрет отца. XIX в. Масло.

Поэзия Прешерна — поэзия глубоких мыслей, сильных чувств, благородных стремлений. Он создал стиль романтической лирики, обогатил поэтические возможности родного языка, разработал новое стихосложение и новые художественные формы. В основу своего языка он положил народный. Значение Прешерна в словенской литературе огромно. Под его влиянием развиваются прогрессивные течения в словенской литературе и деятельность крупнейших писателей.

В период романтизма в словенской литературе господствует поэзия, а в прозе и драме значительные произведения появляются позже. Первым оригинальным произведением словенской прозы была повесть Янеза Циглера «Счастье в несчастье, или описание удивительной истории двух близнецов» (1836), действие которой относится ко времени французского правления. Повесть ценна изображением типичной судьбы людей этого времени, характерных условий жизни, а также описанием разгрома французских войск в России и боя на Березине.

Словенские драматурги начала XIX в. писали пьесы на немецком языке, приспосабливаясь к немецким труппам актеров, но брали в качестве сюжетов события словенской истории. Таковы пьесы «Алина или Лайбах» (1824) Супанчича, «Основание Лайбаха или лагерь французов на Лайбе» Глогля и «Карниола» Зейдля. В последней из них, носившей аллегорический характер, действовала Карниола, богиня-покровительница Крайны. Хотя эти пьесы написаны на немецком языке, они показывают, что драматурги предназначали их для словенских зрителей. Однако театральная жизнь и драматургия в эти годы не получили в Словении развития. Образованное в 1848 г. «Словенское общество» содействовало развитию театрального дела, но ставило старые пьесы Линхарта, написанные в XVIII в. Многие из тех процессов, которые переживались литературой, были свойственны и другим областям искусства — театру, музыке, живописи и архитектуре. Эпоха национального Возрождения наложила на них общий отпечаток.

Музыка народов югославянских земель, обогащаясь вместе с общим прогрессом культуры и искусства, расширяла связи с музыкой других европейских стран и в то же время приобретала все большую самостоятельность. Ее развитие с конца XVIII до середины XIX в. отмечено увеличением патриотических тем и национального колорита, связей с музыкальным фольклором и бытом, усилением романтического ее характера. В городах Словении, Хорватии и Воеводины культивировалось бытовое музицирование, исполнение песен, близких к бытовому роману и обычно приходивших из Вены. Народные же массы жили своими традиционными формами музыкального творчества, основным жанром которого становилась лирическая песня, отражающая труд и быт крестьянства.

Развитие музыкальной культуры принесло и новые формы и тематическое обогащение. В XVIII в. творчество словенских композиторов развивалось в русле итальянского предклассического искусства, а затем венской классической школы. Национальное Возрождение способствовало усилению самобытных сторон творчества. В 1783 г. Якоб Зупан (1734—1810) создал первую оперу на словенском языке «Белин», а Янез Новак (1756—1833) написал яркую по реалистическим чертам музыку к комедии Линхарта «Веселый день или женитьба Матичека».

Стремление к утверждению национально-самобытного музыкального стиля усиливается к середине XIX в. под влиянием идей иллиризма, особенно в Хорватии. С упадком экономической жизни Далмации и утратой Дубровником политической самостоятельности центр музыкальной культуры переместился в западную и северную Хорватию. В конце XVIII в. здесь выступает крупный композитор и скрипач, завоевавший европейскую известность Иван Мане Ярнович (иначе Жерновик, 1745—1804).

Его скрипичные сонаты и концерты, отличающиеся мягким лиризмом, мелодической напевностью и искусной разработкой виртуозной фактуры, принадлежат к лучшим образцам сольной скрипичной музыки XVIII в. Последние годы своей жизни он провел в России (его музыку высоко ценил И. А. Крылов) и умер в Петербурге.

В 1827 г. в Загребе было основано Музыкальное общество, открывшее в 1829 г. музыкальную школу — первое профессиональное музыкальное учебное заведение на Балканах. Музыканты, испытывавшие на себе влияние иллиризма, писали патриотические песни и марши. Это были Фердо Ливадич (1799—1878), Франьо Покорный (1825—1859), Фортунат Пинтарич (1798—1867). Крупнейшим композитором этого времени был Ватрослав Лисинский (1819—1854). Основополагающее значение не только в хорватской, но и в югославянской музыке вообще, имеет его опера «Любовь и злоба» (1846), написанная на сюжет из древней хорватской истории. Она воплощала в себе национальные идеи иллиризма. Одним из стимулов к ее созданию были статьи в журнале «Даница» об опере Глинки «Иван Сусанин».

К первой половине XIX в. относится и начало развития музыкальной культуры в Сербии. Под влиянием национального движения широко распространяется хоровое исполнение народных песен и песен композиторов. В 1838 г. в Панчеве (Воеводина) возник первый хоровой кружок. Его руководитель Никола Джуркович (1812—1875) — автор патриотических хоровых песен, пользовавшихся популярностью в годы революции 1848—1849 гг. Затем хоровые кружки возникают и в других городах Воеводины и Сербии. В Белграде развернулась деятельность Иосифа Шлезингера (1794—1870) — придворного композитора и капельмейстера князя Милоша. Он писал марши и музыку к театральным представлениям, используя народные мелодии. Он много сделал и как педагог и организатор концертов, способствуя развитию профессионального музыкального образования.

Для изобразительных искусств периода национального возрождения в основном характерны те же процессы, что и для литературы, театра и музыки, однако в архитектуре и живописи значительно шире проявлялись буржуазные вкусы уже в силу того, что архитекторы и живописцы удовлетворяли вкусы растущей буржуазии и в строительстве общественных и частных зданий, и в семейных и индивидуальных портретах.

Архитектура югославянских земель первой половины XIX в. продолжала развиваться в основном в русле тех связей и направлений, которые были присущи второй половине XVIII в. В Хорватии и Словении еще наблюдались остатки отмирающего стиля барокко, который перемешивался с вытесняющим его классицизмом. Однако в своем чистом и развитом виде классицизм не утвердился ни в Хорватии, ни в Словении, поскольку он пришел в эти земли главным образом через венскую архитектурную школу, также не давшую образцов строгого классицизма.

В этот период получил распространение так называемый стиль бидермайер, оказавший влияние и на архитектуру югославянских земель, находившихся в зависимости от империи Габсбургов. Для бидермайера было характерно эклектическое смешение форм барокко и классицизма без ярких признаков того и другого. Поэтому здания выглядели довольно безликими и однообразными благодаря бесстрастному применению разностильного декора. Внутренняя отделка отличалась мишурностью и безвкусием. Печатью этого стиля в Хорватии были отмечены в известной степени здания, построенные в Загребе архитектором Бартоломеем Фельбингером (1785—1871), хотя такие, как Народный дом, Финансовое ведомство, отель «Ройяль», могут быть отнесены к значительным сооружениям первой половины XIX в.

В пограничных с Турцией городах Хорватии в это время строились оборонительные стены, башни, казармы. В центре всего стояла церковь, улицы были правильно распланированы. Таковы города Беловар, Карловац, Брод.

В культовом зодчестве Хорватии и Словении этого периода также продолжало сказываться влияние барокко и начал распространяться классицизм.

Подъем национального самосознания и успехи национально-освободительной борьбы в Сербии в первой половине XIX в. нашли свое отражение и в архитектуре. На первом этапе этого периода заметно развитие традиционных типов зданий и форм балканской архитектуры. Для жилых домов в Сербии были характерны балконы, эркеры, сильно выступающие навесы крыш. В народном балканском зодчестве сочетаются камень и дерево, часто используются деревянные веранды. Все эти элементы проявились в городском строительстве Сербии и Черногории первой половины XIX в. Ярким примером этой национальной архитектуры могут служить жилые дома в южных городах. В них оштукатуренные белые стены обрамляются и членятся деревянными тягами, окна также оконтурены деревянными рамками-наличниками, широко используются эркеры и балконы, черепичные крыши имеют большие выносы перед стеной, нередко переходящие в мягко изогнутые фронтоны. Эркеры и балконы поддерживают деревянные профилированные консоли.

Характер народной балканской архитектуры отразился и в значительных постройках этого периода в Белграде. Так, во дворце княгини Любицы, построенном в 1829—1836 гг. архитектором Николой Живковичем, имеют место характерные эркеры, нависающая черепичная крыша с фронтоном; на оштукатуренных белых стенах этого двухэтажного здания имеются плоские тонкие лопатки, оконные наличники и горизонтальные пояса, как бы повторяющие конструктивную и декоративную системы деревянных обвязок народных жилых домов. Этими же чертами отличаются дворец князя Милоша в Топчидере и здание Досифеева лицея (ныне Музей Досифея и Вука). В этих зданиях, так же как и в ряде других, построенных Живковичем, наряду с элементами национальной балканской архитектуры, можно видеть и черты, присущие всей европейской архитектуре этого периода, в частности применение форм классицизма, что указывает на переходный характер архитектуры Сербии этого времени.

Ближе к середине XIX в. в сербской архитектуре начинает усиливаться влияние классицизма. Это можно видеть, например, в соборной церкви в Белграде, построенной в 1836—1845 гг. Новые направления в европейской архитектуре нашли свое отражение в таких зданиях Белграда, как отель «Сербская корона», построенный в 1840 г. (теперь здание Народного комитета), Военная академия (1850), Манеж (теперь Югославский драматический театр).

В культовом зодчестве Сербии первой половины XIX в. имеются попытки возродить формы архитектуры византийского периода. В таком стиле было построено несколько церквей и монастырей в Воеводине.

Босния и Герцеговина, в первой половине XIX в. все еще находящиеся под игом Турции, имели гораздо меньшие возможности в развитии своей архитектуры. Наиболее значительные здания строились турецкими властителями. В восстанавливающихся в Боснии францисканских монастырях, разрушенных в XVI—XVII вв. (Сутеска, Фойница, Крешево), видно влияние барокко и классицизма.

В отличие от архитектуры живопись в первой половине XIX в. добивается значительных успехов: появляются крупные мастера, разрабатываются новые формы.

Словенская живопись этого времени носит, с одной стороны, романтический характер, хотя содержит еще черты классицизма, а с другой — в ней отражаются буржуазные вкусы. Большая часть художников училась в Вене. Классицизм Венской академии виден у Франьо Кевчича (1762—1828) и Матея Лангуса (1792—1855). Но все шире проявляется романтизм в пейзажах с руинами Лавро Янши (1749—1812), в картинах родной природы Антона Каринтера (1829—1870) («Водопад в лесу»), и Марка Пернхарта (1824—1871) («Озеро во время грозы»). Для словенского романтизма были свойственны не исторические сюжеты, а пейзаж и портрет. В портретной живописи словенцы достигли большого мастерства. Примером романтического портрета может служить «Портрет поэта Прешерна» (1849) Курца Гольденштейна. Но в живописи сказывается и австрийский бидермайер: выписывание деталей при утрате целого. Такова «Семья Москон» Йосипа Томинца (1790—1866), который в то же время создал и психологически содержательные «Портрет отца» и «Портрет улыбающегося мужчины». Симпатии художника к угнетенным нациям видны в «Портрете молодого поляка». Людей с большой волей, сильными характерами и целеустремленностью рисовал Михаел Строй (1803—1871).

В хорватской живописи также господствовала венская школа. Ее представляли обычно иностранцы. Они плохо чувствовали хорватскую действительность. Крупнейшим художником этого времени был Векослав Карас (1821—1858). Он начал с идеализированных портретов («Римлянка с лютней» и «Неаполитанка с цветами»). После возвращения на родину в 1848 г. он принял участие в национальном движении, стал писать картины из народной жизни и истории славянских народов, портреты людей из народа, выработал свой стиль. Лучшие его работы «Ребенок» и «Портрет купца Крешича», в которых переданы индивидуальные черты людей. Карас оказал большое влияние на последующую хорватскую живопись. Он положил начало историческому жанру, портрету и пейзажу.

Начало нового периода в сербской живописи связано с именем Досифея Обрадовича, который объединял и идейно воспитывал сербскую интеллигенцию. В конце XVIII в. явно обозначился переход от барокко к классицизму. Это проявилось в творчестве художников, близких к Обрадовичу,— Стевана Гавриловича и Арсения Теодоровича (1768—1826), основавшего в Темишваре художественное училище и понимавшего необходимость создания своей национальной школы. Ему принадлежат картины из сербской истории и портреты деятелей культуры (например, Досифея Обрадовича). Близок к Теодоровичу Павле Джуркович (1772—1830), автор портретов Лукиана Мушицкого, Вука Караджича, князя Милоша, в которых при статичности поз и примитивизме чувствуется попытка передать психологию человека.

Талантливым живописцем был Даниил Константин (1798—1873), державший мастерскую в Великом Бечкереке в 1843—1852 гг. У него учился поэт и художник Джура Якшич. Даниил, начав с традиционных форм иконописи и расписывания иконостасов, впоследствии перешел к портретной живописи. В ней, несмотря на недостатки в рисунке и колорите и черты классицизма, художник добивался большой психологической выразительности. Лучшие его портреты «Семья Ягодич» и «Архимандрит Павел Кенгелец».

Формирование национальных югославянских культур не было их обособлением. Напротив, для этого времени характерно значительное возрастание общности культуры югославянских народов. Это объяснялось и действием общих закономерностей развития культуры в период национального Возрождения, и расширением связей югославянских на-

родов, и популярностью идеи славянской взаимности. Сближение югославянских народов и их национальных культур наглядно видно на многих примерах. Так, лингвистические воззрения словенца Ернея Копитара оказали большое влияние на Вука Караджича и помогли последнему правильно решить вопрос о литературном сербском языке, о народной его основе. В свою очередь языковая реформа Караджича и его собирательская деятельность в области фольклора содействовали решению вопроса о литературном языке и правописании в Хорватии Людевитом Гаем и послужили стимулом для Симы Милутиновича, Петра Негоша и Станко Враза в собирании произведений народного творчества. Хорватский иллиризм нашел отражение в Словении и даже в Боснии. И, напротив, борьба Франце Прешерна против словенских иллиров раскрывала одновременно и слабые стороны, и ошибки хорватского иллиризма.

В период национального Возрождения деятели одной югославянской земли участвуют нередко в культурной жизни другой. Так, в Сербию из Воеводины перешли Доспфей Обрадович, Йован Стерия Попович и др. Деятельность Симы Милутиновича протекала и в Сербии, и в Черногории; Станко Враз начал свою деятельность как словенский писатель и закончил как хорватский. Творчество крупнейших писателей приобретает значение и для других народов. Черногорский поэт Негош является гордостью и сербской литературы, да и всей литературы югославян. Это же можно сказать о Радичевиче, Мажуранице и Прешерне.

В период национального Возрождения укрепилось взаимодействие югославянских литератур с русской. Основой этого был подъем национально-освободительного движения югославянских народов, возлагавших, как и прежде, надежды на помощь России в освобождении от иноземного ига. В сербской литературе стали популярными темы из русской истории. Поэты писали о победе русских войск над Наполеоном (оды Мушицкого, поэма Магарашевича «Пожар Москвы», басня Негоша «Петух»), о победах над Турцией (ода Вуича «Суворов и Кутузов», стихотворение Негоша «Война русских с турками в 1828 г.» и др.). В это время были сложены и народные песни о борьбе русских с турками и о том, как Карагеоргий, будучи в России, искал помощи против турок у русского царя.

Сербские, черногорские, хорватские и словенские писатели все шире знакомились с русской литературой: и в подлинниках, и в переводах, и при посещении России (Караджич, Негош, Гай), и при поездках на Балканы русских славистов (Надеждина, Срезневского, Григоровича и др.).

Русская литература, более развитая в то время, чем литература югославянских народов, содействовала прогрессивному развитию последних. Ее влияние сказалось в решении вопросов литературного языка. Обрадович говорил, что русские гражданские книги помогли ему освободиться от церковной схоластики. Лукиан Мушицкий учитывал теорию трех штилей Ломоносова. Водник советовал писателям учиться у русских развивать свой язык и защищать свое отечество. Ознакомление с языком Пушкина убедило Караджича в правильности его реформы.

Прогрессивный русский романтизм, а затем и реализм, оказали весьма благотворное влияние на югославянские литературы. Сербский поэт Йован Суботич в «Обзоре русской литературы», помещенном в журнале «Српски летопис» за 1846 г., отмечал, что сербский романтизм формировался под воздействием русского. Негош высоко ценил Пушкина, которому посвятил сборник народных песен «Огледало српско» и которого в стихотворении «Тени Пушкина» называет «счастливым певцом великого народа». В стихотворении «Нева» он говорит о Петербурге как о «гордости славян». Следы воздействия «Бориса Годунова» Пушкина сказались на драме Негоша о Степане Малом. С русской литературой, и прежде всего с поэзией Пушкина и Лермонтова, были знакомы словенцы Чоп и

Прешерн. Последний встречался в Любляне с Срезневским и обсуждал с ним вопросы развития литературы. В Хорватии русскую литературу внимательно изучали Гай, Враз, Мажуранич, Деметер и переводили произведения русских писателей. Деметер, создавая свои повести, следовал прежде всего за Пушкиным. Станко Враз считал, что для выработки хорватского литературного стиля важно изучать язык новой русской литературы. Пушкин в период национального Возрождения, по словам югославского ученого, академика И. Бадалича, оказывал влияние «на всю хорватскую литературу».

Таким образом, несмотря на трудные условия развития культуры югославянских народов в первой половине XIX в., период национального Возрождения характеризуется тем, что после застоя в общественной и культурной жизни наступило оживление, широко проявились новые тенденции — тенденции формирования национальной культуры, неразрывно связанные с национально-освободительным движением. Патриотический подъем, напряженные идейные искания, борьба с политической и культурной реакцией — основные черты культуры этого времени. Духовная жизнь югославянских народов значительно обогатилась. Печать и школа, научные и патриотические общества, наука и искусство расширили кругозор людей, обогатили их знаниями, поставили перед ними большие жизненные вопросы, заставили активно осмысливать действительность. Возросла общественная роль всех форм культуры, которая, будучи результатом исторического развития югославянских народов, сама стала оказывать на него многостороннее воздействие.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Югославянские земли в период утверждения капитализма и начала империализма вторая половина XIX—начало XX в.

ГЛАВА 31

СЕРБИЯ

Развитие капитализма

Неразвитость общественных отношений в Сербии второй половины XIX — начала XX в., с одной стороны, политическая и экономическая зависимость ее, с другой, определили медленные темпы развития здесь капитализма. Преобладание мелких полупатриархальных крестьянских хозяйств, длительное сохранение феодальных остатков в экономической и политической жизни страны, наконец, экономическое закабаление и политическая зависимость от развитых капиталистических государств, в первую очередь Австрии, задерживали развитие капиталистических отношений в Сербии во второй половине XIX в. Лишь к началу XX в. с введением машинного производства в стране созрели условия для полной победы капиталистического способа производства. Рост городского населения содействовал расширению внутреннего рынка. За 15 лет, с 1890 по 1905 г., количество городов увеличилось с 21 до 24. Особенно быстро росло население таких городов, как Белград, Крагуевац, Ниш. В течение 15 лет население Белграда увеличилось с 54 249 человек до 77 816. В 1884 г. в стране насчитывалось 1,9 млн. жителей, а к 1910 г. их число увеличилось до 2,9 млн. человек. Но Сербия по-прежнему оставалась страной с преобладанием сельского населения. На рубеже XIX и XX столетий оно составляло 84%.

Уровень развития производительных сил Сербии конца XIX — начала XX в. как в промышленности, так и в земледелии был очень низким.

Ремесленное производство в городе господствовало почти на всем протяжении XIX в. Цеховая организация, установленная законом 1847 г., хотя и являлась институтом полуфеодального типа, на первых порах сыграла положительную роль. Цехи были воссозданы с целью защиты ремесленников от иностранной конкуренции и первое время выполняли эту задачу. Но с развитием капитализма и расширением внутреннего рынка конкуренция постепенно ломала цеховые перегородки, подтачивала устои цехов, разрушая этот изживший себя полуфеодальный институт. Поэтому уже во второй половине XIX в. начинается длительная полоса упадка и разложения цеховой организации ремесленного производства. Богатые торговцы начали порывать с ней. Но государство всемерно поддерживало цехи в борьбе против усиливающегося рабочего движения. Этим и объясняется длительное сохранение цеховой организации ремесла в Сербии.

Только с принятием в 1910 г. закона о труде цеховая организация потеряла свое былое значение. В то время как цеховое ремесло приходило в упадок и разорялось, медленно складывалась капиталистическая промышленность. Первая мануфактура по производству стекла была основана в Ягодине в 1846 г. В 60-х годах XIX столетия, кроме государственного военного завода в Крагуеваце, водяных мельниц и пивоварен, в Сербии имелась только одна фабрика для производства сукна в Топчидере и одна паровая мельница в Белграде.

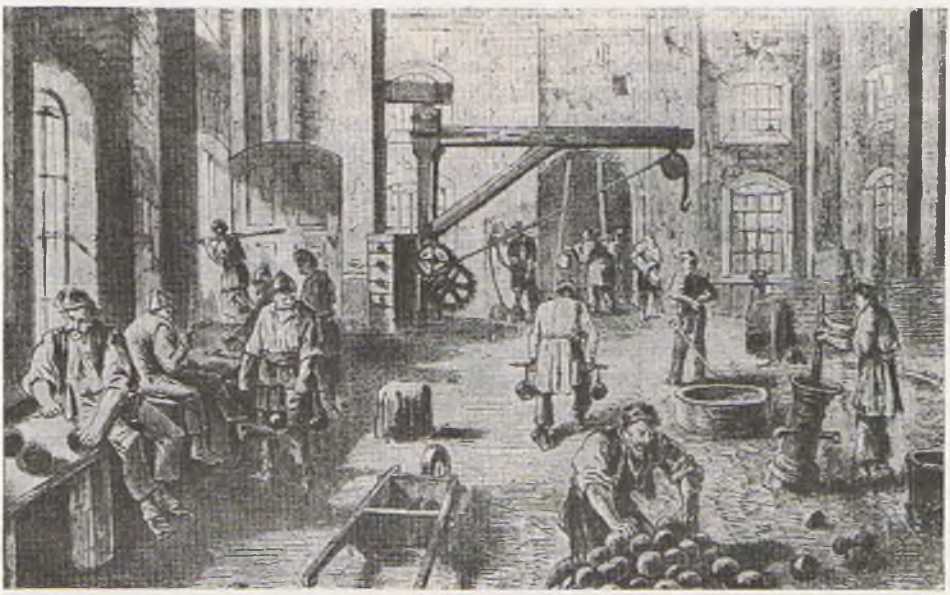
Медленность развития капиталистической промышленности объяснялась прежде всего стремлением Австрии экономически подчинить себе Сербию, превратить ее в свой аграрно-сырьевой придаток. Сербско-австрийские торговые договоры 1881 и 1892 гг. делали беззащитной слабую сербскую промышленность и ремесло перед австрийской конкуренцией. Единственное средство в борьбе против низких таможенных тарифов сербское правительство видело в предоставлении исключительных привилегий предпринимателям. На протяжении 25 лет, с 1873 по 1898 г. было издано два закона о помощи отечественной промышленности. Закон 1873 г. предоставлял отдельным капиталистам монопольные права на производство некоторых товаров сроком на 15 лет. Но и это поначалу не принесло ожидаемого эффекта. За четверть века правительством было выдано 30 монопольных свидетельств, которые, однако, не были реализованы.

За этот же срок число промышленных предприятий в Сербии выросло до 28; на них было занято 1702 рабочих. Общая мощность двигателей этих фабрик исчислялась в 919 л. с. В большинстве своем это были мелкие предприятия. Исключение составляла фабрика по производству шерстяных изделий братьев Миних, основанная в 1882 г. с капиталом в 2,9 млн. динаров, с двигателями мощностью в 330 л. с. и количеством рабочих 518 человек, из которых 273 составляли женщины.

Закон о помощи промышленности 1898 г. расширял прежние привилегии, освобождал предпринимателей от всех налогов и платежей на 10 лет, снижал железнодорожные тарифы на 25% и т. д. Вместо монопольных прав закон устанавливал принцип свободной конкуренции. Закон был рассчитан на создание предприятий с основным капиталом в 50 тыс. динаров и 50 рабочими каждое. Срок привилегий для предпринимателей с капиталом более 1 млн. динаров увеличивался до 20 лет.

Главным образом за счет вложения иностранного капитала, преимущественно французского, и введения в 1904 г. протекционистского таможенного тарифа капиталистическая промышленность Сербии в начале XX в. сделала большой скачок в своем развитии. Если в 1905 г. в Сербии насчитывалось 94 промышленных предприятий с 4730 рабочими, то в в 1910 г. их было уже 428 с 16 095 рабочими. На новых предприятиях широко применялась сила воды и пара. Мощность силовых установок 428 предприятий страны составляла 24 тыс. л. с. Подавляющее большинство этих предприятий было занято переработкой сельскохозяйственного сырья. На первом месте по количеству предприятий и объему промышленного производства по-прежнему оставался Белград. В 1910 г. в Белграде имелось 28 предприятий, т. е. столько, сколько их было во всей стране в 1898 г. Крупным центром текстильной промышленности стал г. Лесковац.

В конце XIX — начале XX в. усилилась разработка горнорудных богатств страны. В 1908 г. Сербия имела 56 рудников, на которых было занято около 5500 рабочих. Однако подавляющую массу пролетариата Сербии в начале XX в. составляли ремесленные рабочие. Это накладывало отпечаток на развитие рабочего движения и общественно-политическую жизнь страны.



Отливка ядер в Майданпеке (Сербия) в 60-х годах

В земледелии во второй половине XIX в. по-прежнему господствовало мелкое крестьянское хозяйство. Но под влиянием проникновения капитализма в деревню усиливалось разложение крестьянства.

Известны хозяйства, имевшие свыше 200 га, наряду с этим в 1897 г. 17 417 крестьянских семей вообще не имели земли. За счет обнищания основной массы бедного и среднего крестьянства росли зажиточные капиталистические хозяйства. За 8 лет число кулацких хозяйств увеличилось почти в четыре раза. Увеличивалось и общее количество обрабатываемой земли.

В результате развития капитализма небывалый дотоле размах приобрел процесс распада больших патриархальных семей — задруг. К концу XIX столетия количество людей, объединенных в задруги (численностью в 20 человек), составляло уже менее 2% населения. Неизменно возрастало число наемных рабочих — отходников; по далеко не полным данным официальной статистики с 1889 по 1908 г. Сербию ежегодно покидало в среднем до 83 тыс. человек. Некоторые из них навсегда оставляли родину, так как избыточная рабочая сила деревни не находила себе применения и в городе.

В начале XX в. обнищание и разорение сербского крестьянства протекали еще более быстрыми темпами.

О проникновении капитализма в деревню и стремлении крестьян приспособиться к условиям рынка свидетельствует развитие кооперативного движения. Первый сельскохозяйственный кооператив (задруга) в Сербии был основан в 1894 г. В 1900 г. кооперативов было уже 219, через пять лет число их возросло до 509, а в 1912 г. достигло тысячи и охватило около 40 тыс. крестьянских хозяйств. Почти каждый четвертый населенный пункт Сербии имел кооператив. Подавляющее большинство земледельческих задруг являлось кредитными объединениями. Меньше было снабженческих и совсем мало производственных кооперативов. Кооперативное движение носило буржуазный характер и с момента возникновения оказалось в руках кулаков и предпринимателей, которые использовали

земледельческие кооперативы как средство организованной эксплуатации сельского населения.

В конце XIX — начале XX в. сельская буржуазия превратилась в полновластного хозяина деревни. Она эксплуатировала бедняцкое и середняцкое население, выступая либо в роли предпринимателя-фермера, либо торговца и ростовщика, обычно и владельца сельских лавок, трактиров, мелких ремесленных мастерских.

В области аграрных отношений правительство проводило политику, начатую еще Милошем и направленную на искусственное удержание крестьян в деревне. В 1873 г. был издан новый закон об охране минимума крестьянской земли («окучье»), запрещавший изъятие у крестьян за долги частным лицам участка земли в размере до 3 га и самого необходимого сельскохозяйственного инвентаря. Закон, однако не спасал крестьян от разорения за неуплату государственных налогов и платежей. Указанный минимум недвижимого и движимого имущества земледелец не мог продать по своему усмотрению. Система «окучья» создавала в Сербии своеобразный тип сельского рабочего с наделом. Она задерживала развитие производительных сил. Господство мелкого, карликового хозяйства в земледелии вело к поразительной отсталости техники, сохранению забитости крестьянских масс и бесконечному разнообразию форм полуфеодальной эксплуатации.

В Сербии в 1893 г. почти каждое второе хозяйство не имело ни плуга, ни рала. Даже в крупных хозяйствах применение заграничных сельскохозяйственных машин первоначально было незначительным. Картина постепенно меняется к концу XIX в. С 1888 по 1890 г. было ввезено 2809 различных машин на сумму 104 164 динара; с 1891 по 1905 г. были ввезены 261 паровая молотилка, 58 сеялок и 42 косилки. Начало применения более совершенной техники в земледелии и увеличение спроса на рабочую силу свидетельствовало о развитии хозяйств капиталистического типа.

Земледелие и скотоводство в Сербии еще сохраняло экстенсивный характер. Урожайность была крайне низкой и целиком зависела от погоды. Удобрения почти не применялись.

Среди выращиваемых сельскохозяйственных культур, как и в первой половине XIX в., первое место занимала кукуруза, затем пшеница. Посевная площадь под техническими культурами увеличивалась очень медленно. Огромные площади занимали только сливовые сады, плоды которых шли на экспорт и на производство ракии. Кроме того, широко было распространено шелководство. В 1897 г. было собрано 4,5 т коконов, а в 1907 — уже более 143,6 т.

На всем протяжении XIX в. катастрофически быстро сокращались лесные массивы Сербии, составлявшие некогда большое богатство страны. В 1897 г. из 2,7 млн. га всей земельной площади под лесом оставалось 481,2 тыс. га. Хищническое уничтожение лесов отрицательно сказывалось на развитии скотоводства. С 1859 по 1895 г. количество свиней, шедших на экспорт, уменьшилось почти на 50%.

По официальной статистике в 1890 г. на 100 га приходилось 3,4 лошади и 17 волов. Это означало, что мелкое и в значительной мере среднее крестьянство не располагало необходимым количеством тяглового скота. Классовые противоречия в деревне достигли большой остроты. Крестьянство, являвшееся основным производительным классом страны, подвергалось жестокому угнетению и эксплуатации со стороны буржуазии города и деревни и монархического государства. Оно нищало и разорялось, пополняя ряды сельскохозяйственного пролетариата.

Картина развития капитализма в Сербии во второй половине XIX в. была бы неполной без рассмотрения вопроса о развитии внутреннего сербского рынка. С ростом товарооборота, созданием национальной промыш-

Задружное крестьянское хозяйство

ленности, строительством железных дорог, развитием городов и быстрым увеличением числа наемных рабочих, внутренний рынок к началу XX в. значительно расширяется.

Хотя вплоть до конца XIX в. сельские ярмарки численно растут (в 1900 г. их насчитывалось 170 с 8300 лавками и 11 193 торговыми местами), вследствие усиления товарооборота, создания постоянно действующих базаров в городах и местечках они теряют свое былое значение [1]. Законом 1902 г. на ярмарках разрешалось продавать только скот и сельскохозяйственные продукты. Кроме ярмарок, важным элементом внутренней торговли являлись сельские лавки. В середине века почти каждое крупное село в Сербии имело лавку или корчму, где торговали разными товарами. По требованию городской торговой буржуазии в 1870 г. законом о сельских лавках правительство ограничило их число. Сельские лавки могли быть основаны только в местах, отстоящих от города или местечка на расстоянии не менее 4 часов ходьбы (ок. 14 км). Закон 1891 г. строго регламентировал категории товаров, которые могли продаваться в сельских лавках.

Важным фактором, способствовавшим развитию внутреннего рынка, являлось железнодорожное строительство. По настоянию Германии и Австро-Венгрии Берлинский конгресс 1878 г. обязал Сербию в трехлетний срок построить железную дорогу, необходимую им для связи с Турцией и Ближним Востоком. В 1881 г. началось строительство первой железной дороги Белград — Ниш — Вране. Эта и другие железнодорожные пути Сербии строились главным образом на французские средства. После выполнения международного обязательства в 1884 г. сербское правительство приступило к строительству отдельных узкоколейных линий, связывавших хозяйственные центры страны. За 30 лет было по-

[1] В 1900 г. торговый оборот на ярмарках составлял 32,4 млн. динаров, в 1908 г. он упал до 9,9 млн.

строено 1664 км железнодорожных путей. Большое значение имел и водный транспорт по рекам Дунаю и Саве. Основанное в 1824 г. иностранное Дунайское пароходное общество пользовалось монополией на судоходство вдоль сербского берега Дуная. С провозглашением Дуная в 1855 г. международной рекой торговля по реке еще больше оживилась. В 1885 г. было основано сербское пароходное общество, имевшее в 1908 г. 8 пароходов и 46 барж.

Во второй половине XIX в. и особенно после провозглашения независимости происходил рост объема внешней торговли Сербии. За 10 лет, с 1872 по 1882 г. внешторговый оборот увеличился с 67 до 88,7 млн. динаров. В 1908 г. внешнеторговый оборот Сербии составил уже 153,4 млн. динаров. При этом Сербия, как правило, имела активный торговый баланс. Стоимость вывоза превышала стоимость ввоза в 80-х годах в среднем на 10—15%. Основным предметом сербского вывоза продолжал оставаться скот и продукты животноводства. Только с конца 60-х годов начали вывозить пшеницу. В импорте, напротив, более половины занимала готовая промышленная продукция. В те же годы она составляла 69,32%.

Основным и главным потребителем сербского сельскохозяйственного экспорта являлась Австрия (80% внешнеторгового оборота). При этом сама Австрия потребляла лишь часть сельскохозяйственных продуктов Сербии, а остальное перепродавала на европейские рынки.

Рост внутренней и внешней торговли требовал создания единого регулирующего центра. С этой целью в конце XIX в. в Белграде была создана торговая биржа.

Для утверждения капиталистического способа производства немалое значение имела налоговая и кредитная системы, способствовавшие концентрации национального капитала. До 70-х годов XIX в. Сербия не имела своих собственных денежных знаков. В обороте находилось до 43 различных видов монет, главным образом турецких и австрийских. В 1868 г. был издан закон о выпуске сербской медной монеты, а через 10 лет был принят закон, вводивший в качестве основной денежной единицы динар, приравненный к французскому франку.

Важную роль в концентрации денежных средств внутри страны играли банки. Первый сербский банк возник в 1869 г. Половина его капитала имела иностранное происхождение. В 1883 г. был основан эмиссионный Народный банк. К концу XIX в. в Сербии насчитывалось более 80 банков. Попытка правительства с помощью Управы фондов [1] (основана в 1862 г.) и сберегательных касс (1871 г.) организовать дешевый кредит для крестьян, успеха не имела. Из-за сложности операций и большого размера ссуд и процентов на них (официально банки предоставляли ссуды из 12% годовых, в действительности, особенно в местных отделениях процент доходил до 50), основная масса крестьян не имела возможности воспользоваться средствами государственных кредитных учреждений. Из 45 млн. динаров, розданных Управой фондов за 50 лет с момента ее основания, крестьяне получили только $^1/_9$ часть.

В силу аграрного характера страны и общей хозяйственной отсталости Сербия находилась в экономической и политической зависимости от иностранного финансового капитала. С момента получения займа в 1867 г. у России сумма государственного долга Сербии достигла к началу XX в. 922 млн. динаров (главным образом Австро-Венгрии). Это влекло за собой постоянное увеличение прямых и косвенных налогов, отчего в первую очередь страдали трудящиеся массы.

Основной формой прямого государственного обложения населения в Сербии являлся подушный налог (главница). Закон 1864 г. вновь

[1] Государственное кредитное учреждение, дававшее крупные ссуды (не ниже 1000 грошей) под залог земель.

вводил отмененную в 1842 г. главницу, увеличив ее до 6 талеров. Закон предусматривал и величину общинных сборов, которые не должны были превышать $^1/_4$ основного налога в селах и $^1/_3$ в городах. Всей своей тяжестью налог падал на сельское население, платившее до 89% его (1866—1875 гг.). В 1884 г. закон о прямом налоге был изменен: в основу обложения была положена земля, строения и доходы с капитала. Во второй половине XIX в. платежеспособность населения неизменно падала. Из общей суммы прямого налога в 1894 г. в государственную казну поступило только 65,18%; 20% налогоплательщиков были освобождены от уплаты вследствие явной несостоятельности. Распродажа имущества с аукциона за неуплату долгов стала обычным явлением в Сербии.

На рубеже XIX и XX столетий мировой капитализм вступил в свою высшую, империалистическую стадию развития. В этот период балканские страны, в том числе и Сербия, все более превращаются в полуколонии финансового капитала европейских держав. Используя проавстрийскую политику династии Обреновичей, Австро-Венгрия добилась превращения Сербии в свой аграрно-сырьевой придаток. Созданный в начале XX в. в Сербии австрийский банк (Андреевич и К°) стал главной опорой австрийской экономической и политической экспансии на Балканах.

В банковском деле Сербии накануне мировой войны главенствующую роль играл французский капитал, основавший в 1910 г. Франко-сербский банк с центром в Париже и филиалом в Белграде. Через этот банк заключались многочисленные государственные займы Сербии. В 1910 г. в Белграде был открыт филиал пражского Кредитного банка, финансировавшего главным образом строительство промышленных предприятий. Приливинностранного капитала способствовал ускорению развития капитализма в Сербии, одновременно усиливал эксплуатацию страны европейской империалистической буржуазией.

В социально-экономическом отношении во второй половине XIX в., как и прежде, Сербия не столько страдала от капиталистического развития, сколько от недостатка этого развития. Этим и определялось в конечном счете внутриполитическое и внешнеполитическое развитие Сербии во второй половине XIX — начале XX в.

Политическое развитие Сербии до 1878 г.

Появление на политической арене новой, чисто буржуазной общественной силы в лице либералов, выступивших со своей программой на Свято-Андреевской скупщине 1858 г., внесло в политическую жизнь страны ряд новых черт. Либералы требовали буржуазных реформ государственной и политической жизни, рассматривая освобождение и объединение сербов в тесной связи с национально-освободительным движением балканских народов.

Избранный князем на Свято-Андреевской скупщине Милош Обренович прибыл в Белград 25 января 1859 г. За 20 лет изгнания он ничему не научился и ничего не понял. Неисправимый автократ, Милош не хотел и слышать о реформах, необходимость введения которых ему внушали либералы. Его первейшей заботой было укрепление престола и династии.

В начале 1860 г. Милош поставил перед Портой вопрос о предоставлении его династии наследственных княжеских прав. Чтобы придать этому требованию более широкий характер, одновременно были поставлены вопросы о ликвидации конституции 1838 г. и выселении мусульманского населения из сербских городов.

С целью завоевания популярности у крестьянских масс Милош упростил судебную процедуру, заменив письменное судопроизводство в судах

первой инстанции устным разбирательством, ликвидировал кассационный суд. В результате судопроизводство ускорилось. Однако судебная реформа Милоша, разумеется, не могла сколько-нибудь существенно облегчить страданий народа.

Самым острым вопросом в экономической жизни страны продолжало оставаться ростовщичество. Его губительные последствия отражались в первую очередь на крестьянстве. Законом от 3 октября 1859 г. Милош фактически ликвидировал юридическую силу долговых обязательств. Торжественной клятвой в церкви должник называл первоначальную сумму долга, которая с учетом законных 12% и подлежала уплате. Это привело к злоупотреблениям. Закон в корне подорвал вообще систему кредита, в которых крайне нуждалось население и носил явно демагогический характер.

Среди крестьян он встретил одобрение и поддержку, а среди ростовщиков и буржуазии — бурю негодования.

Помимо уставобранителей, которых князь не допускал к власти (И. Гарашанин находился в опале, Т. Вучич умер в заточении), в число недовольных влилась огромная армия старых чиновников, лишившихся при новой династии своих мест. В течение года Милошу поступило свыше 5 тыс. заявлений о приеме на государственную службу. По старой привычке на министров, советников и других государственных чиновников князь смотрел как на своих слуг. Недальновидной внутренней политикой старый князь восстановил против себя консерваторов, либералов, чиновников и интеллигенцию. Вступивший на престол после смерти Милоша в сентябре 1860 г. его сын Михаил Обренович поспешил отменить незадачливые реформы своего предшественника.

Второе правление Михаила Обреновича (1860—1868) было важным периодом в политической истории Сербии второй половины XIX в. С вступлением Михаила на престол происходит резкая активизация внешней политики Сербии. В борьбе за создание независимого Сербского государства Михаил добился определенных успехов. Но они сильно преувеличены буржуазной историографией. Что же касается внутренней политики сербского князя, то она от начала до конца была реакционной. Пробыв 16 лет в изгнании, Михаил вернулся на родину с твердым убеждением, что только сильная абсолютистская власть может сплотить и объединить сербов для борьбы с Турцией. Но установление самодержавной власти находилось в вопиющем противоречии с потребностями внутриполитического развития страны. Антинародная внутренняя политика Михаила не могла не сказаться на общих результатах его внешней политики, потерпевшей в конце концов неудачу не из-за «безвременной» гибели князя, как думают буржуазные историки, а в результате более глубоких причин.

Михаил вступил на престол с ясной программой: при помощи освободительной войны с Турцией объединить южнославянские народы под эгидой монархической Сербии во главе с династией Обреновичей. Он понимал, что осуществить эту великосербскую программу могла лишь сильная в экономическом, политическом и военном отношениях Сербия в союзе с другими балканскими народами. Поэтому в первый период правления Михаила, до 1866 г. основное внимание было обращено на вопросы внутриполитические, а во второй, в связи с австро-прусской войной, на первый план выдвинулись проблемы внешнеполитические.

Самым серьезным препятствием для Михаила на пути к установлению режима самовластия в Сербии являлась конституция 1838 г. Выход из затруднительного положения был подсказан ему европейской дипломатией — не отменяя формально «турецкую» конституцию, Михаил сумел с помощью новых законов свести ее значение на нет. Собравшаяся в ав-

густе 1861 г. Преображенская скупщина приняла закон о Государственном совете как чисто чиновничьем органе, целиком и полностью зависимом от князя. Членов Совета назначал и смещал князь по своему усмотрению. В марте 1862 г. был принят закон об организации центрального государственного управления. В качестве высшего исполнительного органа власти создавался Совет министров. Число министров с четырех было увеличено до семи. Никакой связи с Государственным советом министры не имели. Они назначались князем и подчинялись только ему. Новый закон о чиновниках давал князю неограниченное право распоряжаться государственными служащими: назначать, перемещать и увольнять их.

Михаил Обренович

Реформы кн. Михаила затронули не только центральные органы власти, но и местное самоуправление. Законом об общинах 1866 г. строго определялись положение, права общин и их учреждений. Главной отличительной особенностью закона было то, что городские и сельские органы самоуправления были поставлены под контроль полицейских властей. Их экономические функции были отодвинуты на задний план. Главное место в деятельности общины заняли чисто государственные функции — судебные и полицейские. Общинные собрания, общинный суд и общинный комитет (одбор) — таковы были главные органы общины по новому закону. Право голоса на собраниях общины имели все совершеннолетние ее члены за исключением находящихся под опекой, слуг, учеников и подмастерьев. Комитет состоял из 8—32 человек. Он выполнял функции контроля. Самым важным органом общины являлся общинный суд, состоявший из кмета (председатель) и двух членов. Состав суда в городах избирал общинный комитет, а в селах—доверенные лица. Выборы происходили в присутствии властей (окружного начальника в селах), которые утверждали выборы или отменяли их. Власти имели право смещать кмета и членов общинного суда, присутствовали на общинных собраниях и заседаниях комитета и могли отменить их решения, если они «противоречили существующим законам или нарушали интересы государства и общины» (ст. 76).

Так, с помощью новых законов, в обход конституции 1838 г. была создана строго централизованная полицейско-бюрократическая система государственного управления.

Поскольку закон о Народной скупщине был принят на Свято-Андреевской скупщине вопреки конституции 1838 г., Михаил не решился ликвидировать скупщину, но в корне изменил ее функции. Законом от 17 августа 1861 г. скупщина лишилась всякого политического значения и была сведена до положения совещательного органа при князе. Число депутатов было уменьшено в четыре раза. Вводные статьи старого закона о значении скупщины как национальной святыни, об ответственности

правительства за ее регулярный созыв, и другие были предусмотрительно изъяты. За время правления Михаила Обреновича Народная скупщина собиралась трижды: в 1861, 1864 и 1867 гг. Наибольшее значение имела первая, Преображенская, на которой были приняты законы о Совете, Скупщине, Народном войске и др. Все три скупщины прошли без оппозиции режиму личной власти князя. Народ проявлял полное равнодушие к делам скупщины. О его пассивности говорит тот факт, что в столице государства, Белграде, на выборах 1867 г. из 3 тыс. избирателей приняло участие в голосовании только 140 человек.

Все эти реакционные внутриполитические мероприятия Михаил проводил, опираясь на консерваторов. Во главе правительства он поставил их лидера, одного из крупнейших деятелей уставобранительского режима — Илию Гарашанина. Гарашанин занимал и пост министра иностранных дел. Министерство внутренних дел возглавлял закоренелый реакционер, лично преданный князю Никола Христич, получивший в народе выразительное прозвище «железного капрала».

Малейшие проявления недовольства и оппозиции самодержавному режиму жестоко подавлялись. Ни о каких свободах и речи быть не могло, само слово «свобода» считалось крамольным. В стране выходило только две газеты: официальная «Српске новине» и полуофициальная «Видов дан». При Михаиле либералов ждало еще большее разочарование, чем при его отце. Гонения против них начались сразу же после вступления молодого князя на престол. В течение трех лет правительство консерваторов удалило с государственной службы большинство либералов. Их попытки получить разрешение на издание своей политической газеты успеха не имели. Кульминационного пункта гонения против либералов достигли в 1864 г. За оправдание группы заговорщиков Михаил разогнал Великий суд, а его председателя Еврема Груича, лидера либералов, заточил в тюрьму. В этом же году подобная судьба постигла либеральное «Общество сербской словесности». Поводом к его запрещению явилось предложение либералов избрать почетными членами общества Гарибальди и сына А. И. Герцена А. А. Герцена, известного ученого, избрание которого являлось выражением симпатии к его знаменитому отцу.

Эти действия правительства являлись грубейшим нарушением законов, о которых князь, вступив на престол, торжественно заявил, что отныне они станут «высшей волей в Сербии».

После разгона Великого суда и ликвидации «Общества Сербской словесности» большинство видных деятелей либерального движения вынуждены были эмигрировать за границу. Владимир Йованович предпринял в Женеве издание оппозиционной газеты «Слобода» (1864—1865), затем противники белградского правительства объединились вокруг новосадской газеты воеводинских либералов «Застава», которую издавал Светозар Милетич. Центром либерально настроенной интеллигенции внутри страны стала газета «Србия», начавшая выходить в Белграде в 1867 г.

Реакционная внутренняя политика правительства являлась главной причиной недовольства в народе. Против князя выступали не только либералы, но и крестьянские массы, экономическое положение которых ухудшалось. Экономическая политика правительства была направлена на изыскание средств для войны. Несмотря на введение дополнительных косвенных налогов, государственный бюджет оставался дефицитным. Стихийные бедствия, отрицательно сказывавшиеся на урожае, вели к дальнейшему ухудшению положения широких трудящихся масс и вызывали резкий подъем гайдучества.

Создание массовой армии и огромные расходы на ее вооружение и содержание легли тяжелым дополнительным бременем на народ. Михаил осуществил значительную реорганизацию армии. До него постоянное

Суд в Сербии в 60-х годах XIX в.

войско в Сербии фактически отсутствовало. Оно насчитывало 2,5—3 тыс. человек и состояло из батальона пехоты, одной артиллерийской батареи и эскадрона конницы. Готовясь к войне с Турцией, в августе 1861 г. Михаил издал закон о всеобщей воинской повинности и создании «народного войска». Призыву в армию подлежали мужчины в возрасте от 20 до 50 лет. Призывники делились на два класса: постоянную армию (от 20 до 35 лет) и резерв (от 35 до 50 лет). Последний проходил обучение по милицейской системе путем регулярных сборов. Все «народное войско» насчитывало 90 тыс. человек (50 тыс. первого класса и 40 тыс. второго). В армии не хватало командных кадров, которые в массе своей вербовались из прошедших службу солдат и народных старейшин.

Недостаток средств вынуждал правительство прибегнуть к заключению внешних займов. Займа, полученного в 1867 г. в России, было явно недостаточно. Состояние «народного войска» в Сербии, как констатировала русская военная миссия, обследовавшая его в 1867 г., было неудовлетворительным.

В целях реализации внешнеполитических замыслов князя Михаила Гарашанин развил энергичную деятельность, создав широкую сеть тайных агентов, ведших подготовку восстания в славянских областях Турецкой империи и Австрии: Боснии и Герцеговине, Старой Сербии, Македонии, Военной Границе и Хорватии. Как никогда тесным было сотрудничество сербского правительства с хорватскими политическими деятелями. В Загребе для совместных действий с сербами был основан главный комитет под председательством Мразовича. Комитет имел свои отделения в Военной Границе и Далмации. Установились дружественные отношения между Сербией и венгерской эмиграцией во главе с Кошутом. Белград сделался местом формирования повстанческих чет. Во главе с Г. Раковским здесь был создан болгарский легион.

Активная военная подготовка Сербии вызвала серьезное беспокойство султанского правительства. К сербским границам были стянуты турецкие войска. 3 июня 1862 г. на улицах Белграда произошло столкновение

между сербами и турками. Воспользовавшись этим инцидентом, 5 июня турецкий гарнизон без предупреждения открыл огонь из крепостных пушек и в течение 4,5 часов варварски обстреливал город. В результате обращения сербского правительства к державам в июле в Константинополе была созвана конференция послов для урегулирования конфликта. Россия и Франция поддержали Сербию, требовавшую ликвидации крепостей и вывода турецких гарнизонов из Сербии. Англия и Австрия встали на защиту Турции. В итоге было принято компромиссное решение. Уничтожалось только две (Сокол и Ужице) из шести турецких крепостей на территории Сербии. В конце 1862 и начале 1863 г. из Сербии было выселено около 8 тыс. мусульман. Занятое их выселением, сербское правительство не помогло черногорцам в войне с Турцией.

В середине 60-х годов сложилась благоприятная международная обстановка для новой постановки вопроса о турецких крепостях. Поражение австрийских войск в войне с Пруссией в 1866 г. значительно ослабило влияние Австрии на Балканах. Вспыхнувшее в том же году восстание на Крите и угроза общебалканского выступления порабощенных народов поставили Турцию в весьма затруднительное положение. Этим воспользовались сербы. В начале 1867 г., опираясь на дипломатическую помощь России, они добились разрешения вопроса о турецких крепостях в Сербии. Это было большим успехом сербской дипломатии.

Еще до очищения сербской территории от турецких гарнизонов в сентябре 1866 г. переговоры с Черногорией завершились подписанием военного союза для совместной борьбы с Турцией. В случае успеха войны черногорский князь Николай готов был отказаться от престола в пользу Михаила Обреновича. Сербия оказала помощь Черногории, передав ей горную батарею, 5 тыс. ружей и 25 тыс. дукатов деньгами. В ноябре 1867 г. был подписан договор о союзе с Грецией, дополненный весной 1868 г. специальным военным соглашением.

Переговоры с болгарской эмиграцией, от лица которой выступала буржуазная организация «Болгарская Добродетельная дружина» в Бухаресте, начались весной 1867 г. Проект соглашения предполагал создание единого государства — Болгаро-Сербии или Сербо-Болгарии, во главе с династией Обреновичей. Он предусматривал равноправие языков, образование правительства на паритетных началах и т. д. Однако, когда проект договора был готов, Михаил побоялся его подписать, опасаясь потери главенствующей роли Сербии на Балканах.

В январе 1868 г. был заключен договор о дружбе, торговле и нейтралитете с Румынией, которая была важна для Сербии как транзитная территория для провоза оружия из России. Никаких военных обязательств договаривающиеся стороны на себя не брали. Этим завершилось создание Балканского союза.

Балканский союз создавался с помощью и при поддержке России. В 1866—1867 гг. русская дипломатия прилагала максимум усилий в оказании помощи Сербии с целью объединения балканских народов для общей войны с Турцией. Опасаясь создания на Балканах большого славянского государства, Австрия (с 1867 г.— Австро-Венгрия) всеми силами добивалась его ликвидации. Через сербского военного министра Блазнаваца, Австро-Венгрия старалась изолировать Сербию от России, склонить Михаила на свою сторону.

Неблагоприятная международная обстановка (сближение Австрии с Францией), неподготовленность военных сил союзников, рост недовольства внутри страны и сдерживающие советы России обрекали Михаила Обреновича на бездействие. Будучи человеком нерешительным, Михаил стал терять уверенность в правильности внешнеполитической ориентации, постепенно сближаясь с Австро-Венгрией и отдаляясь от России.

Захват сербами турецкого поста во время столкновений в Белграде. 1862 г.

В ноябре 1867 г. Гарашанин был уволен в отставку. Михаил попытался опереться на либералов. Но расхождения по внутриполитическим вопросам делали это сближение недолговечным. Полицейский режим Михаила либералы считали главным препятствием в борьбе за национальное освобождение и объединение сербов. Возникшие на этой почве еще в 1864 г. трения к концу 1866 г. усилились. Неиспользование правительством благоприятной международной обстановки в 1866 г. для войны с Турцией привело к разрыву между официальной Сербией и либералами.

На новисадском съезде в августе 1866 г. сербские и воеводинские либералы создали независимую от белградского правительства националистическую общесербскую организацию — «Объединение сербской молодежи» (Омладина). Примером для нее послужили аналогичные организации в других странах («Молодая Италия»). Местопребыванием Омладины была избрана Воеводина, где сильнее всего сказалось ее влияние. Омладина объединила различные по своему характеру группы и организации: литературные кружки, студенческие союзы, политические общества. Омладинское движение оказало благотворное влияние на развитие сербской культуры: был создан национальный театр в Белграде, было открыто много читален, просветительных обществ и т. п. Хотя Омладина открыто не ставила перед собой политических задач, но вся ее деятельность с момента возникновения и до распада была направлена на создание политического единства всех сербских земель. Программа Омладины игнорировала социальные вопросы, что было обусловлено ее либерально-буржуазным характером. Теоретиками и вождями либерального крыла омладинского движения были Владимир Йованович и Светозар Милетич.

Наряду с либеральным в Омладине было революционно-демократическое крыло, развившееся под воздействием освободительных идей русских революционеров-демократов. Во главе сербского революционно-демокра-

тического лагеря стоял последователь Н. Г. Чернышевского первый сербский социалист Светозар Маркович (1846—1875). Маркович родился в городе Заечаре в семье мелкого чиновника. Получив высшее образование в Сербии, он в 1866 г. приехал учиться в Россию. За годы учебы в Петербурге (1866—1869) Маркович изучил основные произведения русской революционно-демократической мысли. В России окончательно сложилось его мировоззрение как убежденного и последовательного революционера-демократа, философа-материалиста и социалиста-утописта. Маркович оставил Россию со стремлением «быть в сербском народе тем, кем был Чернышевский, Добролюбов и другие в русском народе».

Во время пребывания в Швейцарии (1869—1870) Маркович принимал активное участие в деятельности Русской секции I Интернационала, познакомившись здесь с некоторыми произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, которые он позже пропагандировал в Сербии.

Вернувшись на родину, Маркович развернул энергичную деятельность по пропаганде социалистических идей среди сербской учащейся молодежи, основав в 1871 г. первую социалистическую газету в Сербии — «Раденик» («Работник»). В газете он напечатал ряд статей в защиту Парижской Коммуны, в которых обрушивался на представителей международной и сербской реакции.

Маркович был убежденным революционером-социалистом и как Чернышевский верил в возможность перехода к социализму, опираясь на полупатриархальную задругу. Он стремился к уничтожению монархии и установлению демократической республики, к реорганизации государственной и общественной жизни Сербии на началах широкого самоуправления. Существо его внешнеполитической программы составляла национально-освободительная революция южнославянских народов и создание союза свободных равноправных народных республик на Балканах. Программа сербских демократов отвечала интересам крестьянства и ремесленников. Однако сторонники Марковича представляли небольшую группу [1].

В 1867 г. Омладина собралась на новый съезд в Белграде, но он был разогнан сербским правительством. Преследования организации австро-венгерским правительством и острая внутренняя борьба между либералами, игравшими руководящую роль во всем омладинском движении, и революционными демократами привели к распаду Омладины в 1872 г.

Значение омладинского движения конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. состояло в том, что оно способствовало росту национального самосознания, подъему культурной и политической жизни сербского народа.

В борьбе с засилием либералов в Омладине и их идеологией в сербском освободительном движении вырос и закалился революционно-демократический лагерь. Распаду Омладины содействовали и политические события, происшедшие вскоре после Белградского съезда.

29 мая 1868 г. Михаил был убит группой заговорщиков в Топчидерском парке, близ Белграда.

Смерть Михаила Обреновича оставила сербский престол без прямого наследника. Опираясь на армию, военный министр Блазнавац провозгласил сербским князем малолетнего Милана Обреновича (1868—1889) — племянника Михаила, до совершеннолетия которого власть в стране переходила в руки трех регентов: Блазнавца, Ристича и Гавриловича.

[1] В последние годы жизни, проведенные им в эмиграции и на родине (1872—1875), С. Маркович много трудился над созданием подлинно революционной организации, способной возглавить южнославянскую национальную революцию. Он выдвинул идею русско-сербского революционного союза и предпринимал практические шаги по ее реализации. Годы напряженной борьбы и лишений подорвали его здоровье. Светозар Маркович умер в феврале 1875 г. в Триесте.

РАДЕНИК.

У Београду 17. Априла 1871

ПРОГРАМ.

Газета «Раденик», издававшаяся Светозаром Марковичем

Второй регент Йован Ристич — бюрократ, прошедший длительную политическую школу под руководством И. Гарашанина, стал вождем правого крыла либеральной партии, а выдвинутая им программа умеренных реформ — официальной программой сербских либералов. Начало реформам было положено принятием Народной скупщиной в 1869 г. новой конституции. Конституция 1869 г. ликвидировала конституцию 1838 г., серьезно тормозившую общественное развитие страны. Сербское княжество провозглашалось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Законодательную власть делили между собой князь и Народная скупщина, которая собиралась ежегодно. Но законодательная власть князя была гораздо шире, чем права Скупщины: ему принадлежало право законодательной инициативы и окончательного утверждения законов. Одна четвертая часть депутатов Скупщины назначалась князем. Министры несли ответственность лишь за уголовные преступления. Гражданские свободы были урезаны. По-прежнему отсутствовала свобода союзов и собраний.

Законы, изданные правительством либералов на основе новой конституции (о выборах в Народную скупщину, о министерской ответственности, печати и др.), еще яснее показали, что уже на первом этапе своего политического господства сербские либералы во многом отошли от своей программы 1858 г.

Экономические и политические мероприятия правительства проводились в интересах торговой буржуазии и кулачества, что обусловило умеренность, непоследовательность новой конституции, как и всей реформаторской деятельности либерального правительства. Политика либералов вызвала недовольство со стороны трудящихся, так как не вела к улучшению их материального положения.

Задачи объединения сербов, поставленные на первое место в правление Михаила, при регентах были отодвинуты на задний план. Своей недальновидной политикой лавирования между Россией и Австро-Венгрией Сербия сначала лишилась поддержки России, а после франко-прусской войны 1870 г. и Австро-Венгрии.

После создания в 1873 г. Союза трех императоров Сербия сделалась объектом закулисных сделок и маневров Австро-Венгрии и России в их противоречивой политике на Балканах. Передавая власть Милану Обреновичу, провозглашенному совершеннолетним весной 1872 г., либеральное правительство не могло похвастать успехами в своей внешнеполитической деятельности: резко упал политический престиж и влияние Сербии среди южнославянских народов, Балканский союз распался, народная партия Хорватии, недовольная отношением Сербии к ее борьбе против

Организация отряда сербских добровольцев в Шабаце. 1876 г.

хорвато-венгерского соглашения 1868 г., снова обратила свои взоры к Вене. Созданная Гарашанином тайная организация в сербских областях Турции и Австрии была использована Омладиной, основавшей в 1871 г. вскоре после съезда в Вршаце, «Дружину освобождения и объединения сербов». Но деятельность и этой организации, в которой руководящую роль играли воеводинские либералы во главе с Милетичем, в силу разногласий и внутренней борьбы была обречена на неудачу.

Милану Обреновичу либералы казались слишком опасными. В 1873 г. он призвал к власти консерваторов во главе с И. Мариновичем. Правление консерваторов открыло период ожесточенной политической борьбы между ними и либералами. Одно консервативное правительство сменялось другим. Скупщина, переставшая быть послушным орудием в руках исполнительной власти, в марте 1875 г. была распущена.

Разразившееся летом 1875г. восстание в Герцеговине застало официальную Сербию врасплох. 15 августа вспыхнуло восстание в Боснийской Крайне. Весть о нем пришла в разгар избирательной борьбы; либералы развернули широкую агитацию в поддержку восстания. Чтобы не дискредитировать себя в глазах общественного мнения, консервативное правительство Данилы Стефановича разрешило создать в Белграде комитет для помощи повстанцам. Находившийся в этот момент в Вене Милан Обренович получил от Андраши совет не вмешиваться в герцеговинские дела, что соответствовало и его собственным намерениям. На выборах победу одержали либералы. Было сформировано новое либеральное правительство во главе со Стевчей Михайловичем. Ристич занял в правительстве, получившем позднее название «Первого министерства действия», пост министра иностранных дел.

Либеральный кабинет с первых же дней оказался в весьма затруднительном положении: общественное мнение было за войну, великие державы выступали против, князь колебался. 28 августа 1875 г. в Крагуеваце начала свою работу вновь избранная скупщина. На тайных заседаниях депутаты одобрили чрезвычайные военные кредиты и ассигнование 3 млн.

Палата русского госпиталя в Сербии. 1876 г.
Исторический музей в Москве.

дукатов для подготовки предстоящей войны, уполномочив правительство заключить на эту сумму заем.

Убедившись, что скупщина пошла за либералами, 4 октября Милан распустил «министерство действия». Новое правительство Кальевича [1] было коалиционным и состояло из либералов и консерваторов. Кабинет Кальевича продержался у власти шесть месяцев. Чтобы ослабить воинственные настроения в стране, князь вынужден был согласиться на проведение демократических внутренних реформ, предложенных правительством. 8 октября 1875 г. скупщина утвердила новый закон об общинах, расширявший права органов местного самоуправления: общинные власти избирались на один год, собрание общины выбирало не только комитет, но и общинный суд; общине была предоставлена полная финансовая самостоятельность, вмешательство государственных властей в ее дела было запрещено. 10 января 1876 г. был принят «закон о личной безопасности», преследовавший цель положить конец произволу полицейских властей; печать была освобождена от предварительной цензуры.

Либеральные меры правительства Кальевича способствовали активизации демократов и социалистов, влияние которых, несмотря на преследования в период правления Михаила, продолжало расти. Депутаты-радикалы [2]: Адам Богосавлевич, Милия Милованович, Еврем Маркович (брат Светозара) и др. в скупщине и в печати требовали полной ликвидации бюрократической системы. Радикалы пользовались поддержкой как в скупщине, среди крестьянских депутатов, так и вне ее, среди учащейся молодежи. Кульминационным пунктом деятельности радикалов, социалистов и

[1] Кальевич принадлежал к так называемым молодым либералам, которые не одобряли полицейского режима регентов, выступали против сделки правых либералов с ними, считали конституцию 1869 г. недостаточно либеральной.

[2] Так стали называть себя сторонники С. Марковича после его смерти. Основным требованием их программы была широкая демократизация общественно-политического и государственного строя Сербии на основе самоуправления. От социалистических принципов Марковича они отошли.

их сторонников была знаменитая Крагуевацкая демонстрация. Крагуевац после смерти Светозара Марковича оставался центром демократического движения. Взамен газеты Марковича «Ослободженье», закрытой правительством, в Крагуеваце стала выходить новая газета — «Старо ослободженье», которую издавал соратник Светозара — Пера Тодорович. На общинных выборах в Крагуеваце радикалы одержали большую победу. В знак этой победы 15 февраля 1876 г. они организовали демонстрацию, в которой активное участие приняли рабочие оружейного завода. Под звуки музыки и пение «Марсельезы», с возгласами «Да здравствует республика», под красным знаменем с надписью «Самоуправление» демонстранты вышли на улицы города. Власти разогнали манифестацию с помощью войск, начались аресты и преследования ее участников.

Попытка Милана с помощью либеральных реформ отвлечь внимание общественного мнения от внешнеполитических вопросов окончилась неудачей. Тогда князь решил, что выход из создавшегося положения заключается в войне. 6 мая 1876 г. «министерство действия» вернулось к власти. 9 июня был подписан военно-политический договор с Черногорией. 18 июня 1876 г. специальной прокламацией сербский князь объявил о начале войны с Турцией.

В экономическом, политическом и военном отношениях война оказалась неподготовленной. Балканский союз распался задолго до ее начала. Греция и Румыния заявили о своем нейтралитете. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии было потоплено в крови. Вопреки официальной позиции русской дипломатии, все расчеты сербского правительства строились в надежде на посредничество и помощь России, общественное мнение которой было на стороне сербского народа и его освободительной борьбы. Народное войско по-прежнему не отвечало требованиям времени. Оно было плохо обучено, слабо вооружено и не имело квалифицированных командных кадров. Но с этим не считались ни сербское правительство, ни авантюристически настроенный, честолюбивый русский генерал М. Г. Черняев, прибывший в Сербию накануне войны и занявший пост командующего сербской армией. Все это предопределило неуспех Сербии в войне. После двух недель борьбы, несмотря на помощь русского народа (в рядах сербской армии сражалось до 3 тыс. русских добровольцев), сербское наступление было остановлено на всех направлениях.

Сербо-турецкая война обострила Восточный кризис. Во время встречи в Рейхштадте 8 июля 1876 г. Франц-Иосиф и Александр II договорились о позиции своих государств на случай победы или поражения сербов и черногорцев в войне. Россия и Австро-Венгрия преследовали каждая свои особые цели. Соглашение было достигнуто лишь по некоторым принципиальным вопросам, главным из которых являлось сохранение нейтралитета.

Между тем сербские войска терпели поражение за поражением, а после прорыва турками 29 октября 1876 г. фронта у Джуниса положение Сербии стало катастрофическим. 31 октября Россия направила Турции ультиматум, требуя немедленного согласия на перемирие, угрожая в противном случае отзывом своего посла из Константинополя. Русский ультиматум был принят Турцией. Созванная в конце года Константинопольская конференция послов великих держав для разрешения Восточного кризиса не увенчалась успехом. Россия стала готовиться к войне. 3 января 1877 г. было подписано секретное соглашение, обеспечивавшее России нейтралитет Австро-Венгрии в предстоящей войне ценой согласия на австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины. Тем временем 16 февраля 1877 г. между Сербией и Турцией был заключен мир на условиях довоенного status quo. Так закончилась первая сербо-турецкая война.

С началом военных действий России против Турции (война была объявлена 12 апреля — 1877 г.) Восточный кризис вступил в решающую фазу

Группа русских добровольцев в Сербии. 1876 г.

Исторический музей в Москве.

Сербские регулярные войска и добровольцы. 1876 г.

своего развития. После некоторого колебания, 1 декабря 1877 г. Сербия вновь начала войну с Турцией. На этот раз военные действия сербов протекали более успешно и привели к освобождению значительной территории на юге и востоке страны. К концу декабря были взяты города Ниш, Пирот и др. К моменту перемирия сербские войска находились на Косовом поле.

Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Турцией, подписанный 19 февраля 1878 г., провозгласил независимость Сербского княжества от Турции. Несмотря на корыстные политические цели царизма, русско-турецкая война 1877—1878 гг. сыграла объективно прогрессивную роль, ибо в силу логики событий Россия оказалась союзником национально-освободительного движения балканских народов. Однако по Сан-Стефанскому миру Сербия не получила всех тех земель, которые были освобождены сербскими войсками во время войны. Это вызвало недовольство сербских правящих кругов. Добиваясь поддержки своих территориальных требований на Берлинском конгрессе, 26 июня 1878 г. Сербия заключила соглашение с Австро-Венгрией. В обмен за поддержку сербских претензий на долины рек Нишавы и Южной Моравы сербское правительство обязывалось построить железную дорогу Белград — Ниш с ветками на Пирот и Вране и после подписания мира начать переговоры о заключении торгового договора и таможенного союза с Австрией. Этим был сделан важный шаг на пути экономического и политического закабаления Сербии Австро-Венгрией.

Берлинский трактат подтвердил основные положения Сан-Стефанского мирного договора относительно Сербии и, кроме того, расширил ее территорию присоединением четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Вранского и Топлицкого. Площадь Сербского княжества увеличилась почти на 11 тыс. кв. км, а население — на 300 тыс. человек. Но этот успех

был куплен дорогой ценой. Решения Берлинского конгресса нанесли тяжелый удар по национально-освободительному движению балканских народов вообще и сербского, в частности. Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и формальное сохранение Новипазарского санджака под властью Турции (фактически он находился под контролем Австро-Венгрии) крайне затруднило объединение сербских земель.

Сербия после Берлинского конгресса

Национально-освободительное движение южнославянских народов, достигшее кульминационного пункта в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в. вследствие вмешательства великих держав, не привело к созданию объединенных национально независимых государств на Балканах. В новых исторических условиях, созданных решениями Берлинского конгресса, национальный вопрос на Балканах решался главным образом с помощью политических комбинаций и захватнических войн, возглавлявшихся националистической буржуазией и монархами южнославянских государств. Этим пользовались великие империалистические державы, разжигая вражду между ними.

Новая внешнеполитическая обстановка после Берлинского конгресса означала для Сербии вынужденный отказ от активной борьбы за создание объединенного государства, что было обусловлено неуклонным ростом экономической и политической зависимости страны от Австро-Венгрии. Традиционная дружба с Россией была заменена политикой тесного и длительного союза с Австрией. С одной стороны, это вызывалось тем, что крупные торговцы и земельные собственники Сербии были прочно связаны с австро-венгерским рынком. С другой стороны, сербская монархия для своего укрепления нуждалась в поддержке Австро-Венгрии.

Заключительный этап утверждения капитализма в Сербии проходил в обстановке ожесточенной политической борьбы. Бюрократическая клика, защищавшая интересы торговцев и ростовщиков, и связанная с ней династия Обреновичей ради сохранения своего господства не останавливались перед изменой национальным интересам страны. Правление Милана и Александра Обреновичей являлось мрачной страницей новой истории Сербии. На неустойчивость политического положения в стране указывало уже то, что за 25 лет (1878—1903) сменилось 20 кабинетов.

Осенью 1878 г. состоялись выборы в Народную скупщину. В них приняло участие население освобожденных и присоединенных к Сербии районов. Хотя победу на выборах одержали либералы, получившие 129 мандатов, немногочисленные представители оппозиции (37 депутатов-радикалов и младоконсерваторов) оказались очень активными. Попытка либерального кабинета Ристича воспротивиться заключению неравноправного торгового договора с Австрией привело 19 октября 1880 г. к его падению.

Князь призвал к власти младоконсерваторов во главе с Миланом Пирочанацем, придерживавшихся австрофильского курса. 24 апреля 1881 г. был подписан торговый договор с Австро-Венгрией. 16 июня того же года без ведома скупщины и правительства Милан заключил политическую конвенцию с Австро-Венгрией, по которой Сербия отказывалась от всяких претензий на Боснию и Герцеговину и Новипазарский санджак, она без предварительного согласования с Австро-Венгрией не могла ни вести переговоры, ни заключать договоры с правительствами других государств. За это Австро-Венгрия обещала поддерживать династию Обреновичей и оказать ей содействие при провозглашении Сербского

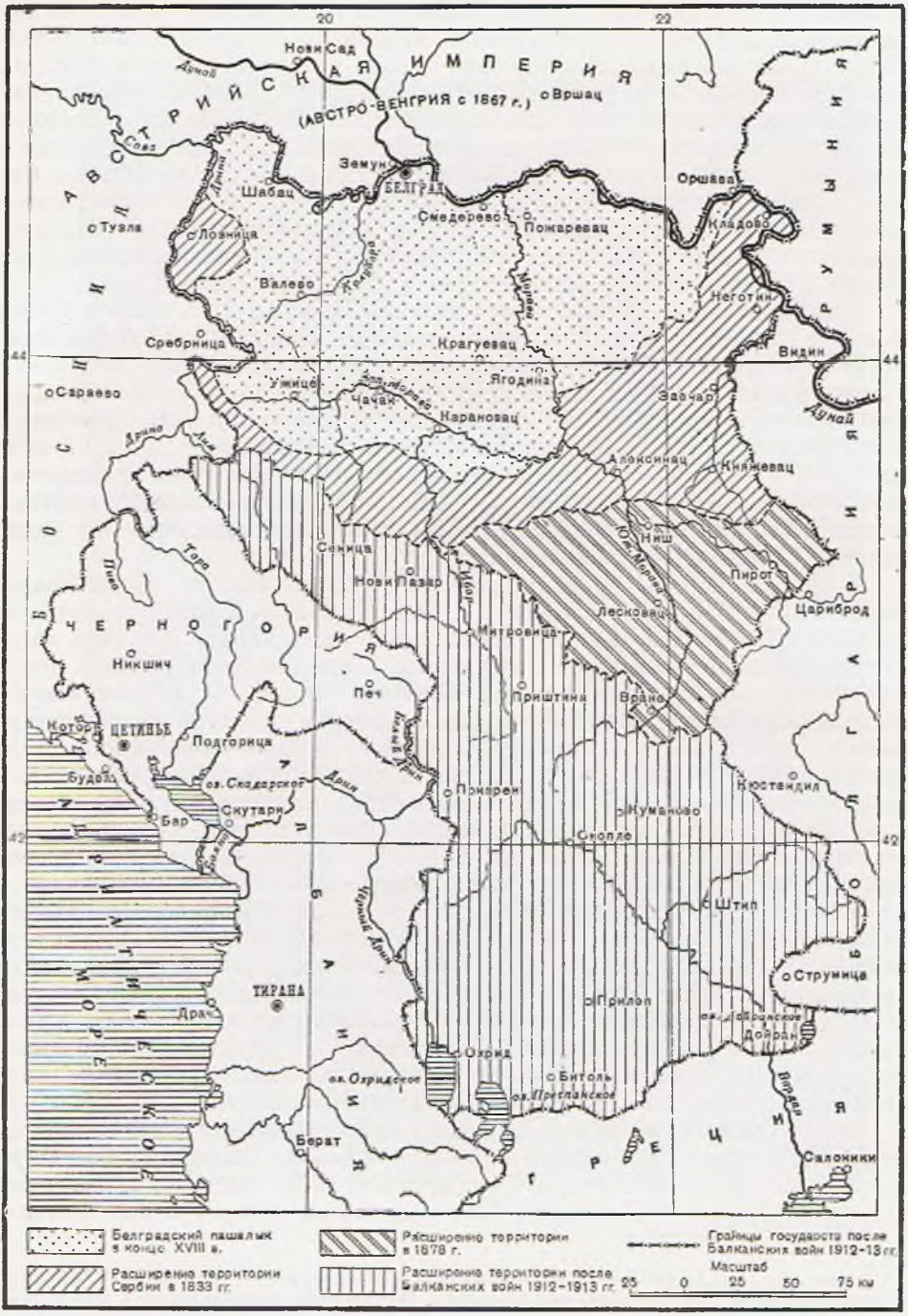
княжества-королевством. Конвенция заключалась сроком на 10 лет. Вслед за подписанием конвенции, 22 февраля 1882 г. Милан провозгласил Сербию королевством.

Этим актом Милан рассчитывал укрепить свой авторитет и власть, но надежды его не оправдались. Тяжелое экономическое положение страны после двух изнурительных войн 1876—1878 гг. с Турцией вызвало резкое обострение классовой борьбы. Отражением ее являлась политическая борьба в скупщине и за ее пределами. Все это подготовило почву для окончательного идейно-организационного оформления политических партий, которые до 80-х годов XIX в. существовали как разрозненные группировки и общественно-политические течения. Все три буржуазные политические партии Сербии: либеральная, напредняцкая, т. е. «прогрессивная» (так стали называть себя бывшие консерваторы), и радикальная окончательно оформились в 1881 г.

Либеральная партия выражала интересы крупных торговцев. За 11 лет пребывания у власти от программы 1858 г. «Свобода внутри и независимость во вне» не осталось и следа. На первый план Ристич и его сторонники выдвигали внешнеполитические требования, забывая о внутренних реформах, что приводило к падению их политического авторитета. Частые пересмотры программы не смогли поднять влияния либеральной партии. С 1800 по 1887 г. они не получали более 15 мест на выборах в скупщину.

Напредняцкая партия сформировалась из представителей младоконсервативной политической группы, которая являлась наследницей консерваторов, а эти последние — уставобранителей. Это была немногочисленная реакционная партия. Ее возглавляли Милан Пирочанац, Милутин Гарашанин и известный историк Стоян Новакович. Напредняцкая партия выражала интересы верхушки сербской сельской и торгово-ростовщической буржуазии, а также высшей чиновничьей бюрократии. Резкое падение политического престижа либералов после войны, с одной стороны, быстрое усиление радикалов, опиравшихся на поддержку большинства крестьянства, с другой, выдвинули напредняков, пользовавшихся поддержкой короля и его клики, на авансцену политической жизни Сербии. Почти бессменно, с 1880 по 1887 г., они находились у власти. Их главной опорой в борьбе против народа являлась армия, а важнейшим политическим оружием была демагогия. Чтобы лишить радикалов поддержки народных масс, правительство напредняков прибегло к изданию весьма либеральных законов о свободе печати, о собраниях и объединениях, судах и т. п., но в то же время сурово преследовало политических противников. Напредняцкая партия придерживалась проавстрийской ориентации. Когда Милан убедился, что лучше всего бороться с влиянием радикалов в народе с помощью самих радикалов (т. е. их неустойчивого оппортунистического руководства), он лишил напредняков поддержки. Напредняцкая партия потеряла всякое политическое значение и в 1896 г. была распущена.

Наибольшее число сторонников и самое большое влияние в стране имела радикальная партия, организационно оформившаяся несколько ранее либеральной (январь 1881 г.). Радикальная партия являлась партией мелкобуржуазной. Радикалы считали себя последователями Светозара Марковича. Однако их программа и деятельность не имели ничего общего со взглядами Марковича. Радикалы выступали как защитники буржуазного порядка и буржуазных институтов. Духовным отцом партии были Адам Богосавлевич и его группа, действовавшие на политической арене Сербии с 1874 по 1880 г. В этот период и совершается переход от революционного демократизма Марковича к буржуазному радикализму. Группа А. Богосавлевича заимствовала у Марковича только лозунг борьбы с бюрократической системой путем учреждения общинного, уездного и окружного самоуправления. Богосавлевич не признавал



Рост территории Сербии в XIX — начале XX в.

никаких других форм борьбы, кроме парламентских. Внешнеполитическая программа радикалов требовала государственной независимости, освобождения и объединения сербов. Главной и единственной общественной силой радикалы считали крестьянство, игнорируя интересы пролетариата. Радикальная партия прошла две фазы в своем развитии, рубежом которых является 1883 год. Первый период деятельности радикальной партии отмечен наибольшими успехами, которыми она была обязана поддержке большинства народа, особенно широких крестьянских масс. Симпатии и поддержку народа основатели и вожди радикальной партии Никола Пашич [1], Пера Тодорович, Раша Милошевич и другие в начале 80-х годов завоевали активной пропагандой буржуазно-демократических политических требований и поддержкой интересов мелких производителей в условиях развивающегося капитализма.

Лишь небольшая группа последователей Марковича во главе с Митой Ценичем осталась верной социалистическим идеалам своего учителя. В газете «Радник» (1881 г.) Ценич вел борьбу с радикалами, видя в них главное препятствие для дальнейшего развития революционных и социалистических сил Сербии. В серии статей под названием «Политическая партия» он доказал, что радикальная партия является буржуазной партией и что ее требования политических свобод не затрагивают существа буржуазного общественного строя. Смелая и принципиальная критика радикальной партии со стороны Ценича вызвала настоящую войну радикальной прессы против социалистов.

В 1883 г. спор между радикалами и социалистами из сферы теоретической был перенесен в область практики. На выборах в Народную скупщину 7 сентября 1883 г. радикалы одержали победу, получив абсолютное большинство голосов избирателей. Несмотря на это, Милан поручил формирование правительства старому бюрократу и реакционеру Николе Христичу, который по указке короля распустил скупщину. Затем правительство Христича приступило к разоружению народного войска, созданного Михаилом, так как военнообязанные резерва хранили оружие у себя дома. Этим Милан надеялся предотвратить народное восстание, которым припугнули его радикалы. Однако изъятие оружия у крестьян восточной Сербии, больше всего пострадавших от войны и настроенных революционно, послужило лишь поводом к восстанию. Оно началось 20 октября 1883 г. в селах Болевацкого среза (уезда), вскоре охватив большую часть Тимокского края. Боевую силу восстания составляли беднейшие крестьяне и разорившиеся ремесленники, которыми руководили представители мелкой буржуазии. Восставшие свергали местные власти, создавали повстанческие комитеты, бравшие управление в свои руки. Они требовали демократизации общественного и государственного строя Сербии, введения широкого местного самоуправления и улучшения материального положения. 21 октября правительство объявило в округе Црна Река чрезвычайное положение, направив на подавление восстания жандармерию и регулярные войска. В конце октября Тимокское восстание было подавлено. Чрезвычайный суд приговорил 94 участников восстания к смертной казни, 567 человек было сослано на каторгу и еще большее

[1] Никола Пашич (1845—1926) — крупнейший сербский политический и государственный деятель. По образованию инженер. Начав свою деятельность в конце 60-х годов XIX в. с участия в социалистическом движении как сторонник Светозара Марковича, после смерти последнего явился одним из основателей в 1881 г. Радикальной партии, лидером которой Пашич оставался вплоть до своей смерти. Пашич возглавлял правительство в самые ответственные периоды истории Сербии и Югославии (Балканские войны, первая мировая война, образование Югославии). Тонкий дипломат, политик и демагог, Никола Пашич являлся защитником интересов великосербской буржуазии.

Светозар Маркович

количество осуждено на различные сроки тюремного заключения. Главные руководители восстания священник Марнко Ивкович, торговец и депутат Скупщины Люба Дидич и другие были расстреляны.

Несмотря на поражение, восстание 1883 г. имело большое значение. Объективно оно представляло собой попытку народных масс революционным путем решить оставшиеся еще не решенными задачи буржуазно-демократических преобразований.

Вопреки утверждениям руководителей радикальной партии, Тимокское восстание не являлось ее делом, хотя рядовые члены партии широко участвовали в движении. Главный комитет партии устранился от руководства восстанием, напуганный стихийным проявлением революционной энергии крестьянства, и боялся призвать членов партии к вооруженной борьбе. Между тем радикальная партия, насчитывавшая в 1883 г. в своих рядах свыше 45 тыс. организованных членов, представляла серьезную силу.

После подавления Тимокского восстания радикальная партия была запрещена правительством и возобновила свою деятельность только через 6 лет, в 1889 г. Созданная заново, она стала конституционно-монархической буржуазной партией — главной политической партией сербской буржуазии. Начав свою деятельность с борьбы против абсолютизма и реакции как партия прогрессивная и демократическая, с появлением на политической арене пролетариата в начале XX в. она постепенно приобретает ярко выраженные черты партии консервативной, выражавшей интересы промышленно-финансовой буржуазии.

Кровавая расправа над участниками Тимокского восстания и разгон радикальной партии не ослабили глубокого внутриполитического кризиса в стране. Король Милан пытался отвлечь внимание масс от революционной борьбы внешнеполитической авантюрой. 6 сентября 1885 г. произошло воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Сербский король усмотрел в этом прогрессивном акте нарушение равновесия сил на Балканах. Сильная Болгария представляла угрозу великосербской экспансии в Македонии. Чтобы укрепить свое пошатнувшееся положение в стране, Милану нужна была победоносная война. Поэтому не учитывая позиций великих держав, не считаясь с тем, что Греция и Черногория отрицательно относились к планам Сербии, в качестве повода сославшись на вымышленный пограничный инцидент, Милан 2 ноября 1885 г. объявил войну Болгарии. Со стороны Сербии эта война носила несправедливый, захватнический характер. Сербский народ не хотел проливать свою кровь во имя чуждых ему интересов короля Милана и династии. Болгарский народ, напротив, был охвачен большим патриотическим подъемом. Это сказалось в ходе военных действий. В битве у Сливницы 5—7 ноября сербские войска потерпели поражение. Болгары заняли г. Пирот. В сражении 15 ноября они снова одержали верх над сербами. Благодаря посредничеству Австро-Венгрии, пришедшей на помощь королю Милану, военные действия были прекращены. 19 февраля 1886 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, восстановивший довоенное положение.

Когда таким образом честолюбивые планы Милана потерпели крах, он освободил лидеров радикальной партии из тюрьмы и заключил с ними политическую сделку. Король соглашался передать власть радикалам и принять либеральную конституцию, взамен чего радикалы гарантировали сохранение престола за династией Обреновичей.

14 октября 1888 г. Милан издал манифест о созыве специальной Великой народной скупщины для пересмотра конституции. Новая конституция вступила в силу 22 декабря 1888 г. Конституция 1888 г. создавала условия для укрепления буржуазного парламентаризма в Сербии. Сербское королевство объявлялось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Скупщина получила законодательную

инициативу, право контролировать государственный бюджет; была установлена ответственность министров перед парламентом. Конституция декларировала буржуазные права и свободы граждан, в том числе свободу собраний и объединений, свободу печати. Отменялась смертная казнь за политические преступления. Выборы в однопалатную скупщину были прямыми и тайными. В распределении мандатов была принята прогрессивная пропорциональная система. Одновременно согласно конституции 1888 г. повышался имущественный ценз: 15 динаров прямого налога для избирателей и 30 динаров для депутатов; вводился институт квалифицированных депутатов: в каждом округе должны быть избраны два депутата с высшим образованием. Конституция признавала окружные скупщины и избиравшиеся ими окружные комитеты в качестве органов самоуправления. Самоуправление в уездах не вводилось.

Конституция 1888 г., служа интересам буржуазии, в то же время способствовала вовлечению угнетенных масс в политическую жизнь страны. В этом заключалось ее прогрессивное значение.

Несмотря на всю непоследовательность и колебания радикалов в конце XIX в., они были единственной организованной силой, боровшейся против абсолютизма и реакции, за установление буржуазной демократии. Это и нашло свое выражение в конституции. Однако победа радикалов отражала временное равновесие сил и больше свидетельствовала о слабости абсолютизма, чем о силе радикалов.

Благодаря сделке с радикалами Милан добился сохранения важнейшей своей опоры — бюрократической системы.

Продлив срок действия тайной австро-сербской конвенции, Милан 22 февраля 1889 г. отрекся от престола в пользу 12-летнего сына Александра и покинул страну. До совершеннолетия нового короля был назначен регентский совет из трех преданных династии лиц во главе с И. Ристичем.

За три с половиной года пребывания у власти (с февраля 1889 по август 1892 г.) радикалы осуществили ряд мероприятий, касавшихся внутриполитических отношений, хозяйства, финансов, просвещения, армии и церковных дел. Они были направлены на устранение наиболее серьезных препятствий на пути буржуазного развития Сербии. В области внешней политики радикалы опирались на Россию, с которой были восстановлены дружественные отношения. В 1891 г. король Александр в сопровождении Ристича и Пашича посетил Петербург. Сербское правительство стремилось активизировать свою деятельность в Македонии. Еще в 1886 г. в Белграде было основано Общество св. Саввы, которое руководило сербской пропагандой в Македонии. Теперь руководство этой пропагандой правительство радикалов взяло в свои руки. В Скопле, Приштине и Салониках были открыты сербские консульства.

В период пребывания радикалов у власти недовольные их политикой реакционные круги организовывались и собирали силы. Затем радикальное правительство было заменено правительством либералов во главе с И. Ристичем, а 1 апреля 1893 г. по указке отца король Александр совершил государственный переворот, провозгласил себя совершеннолетним и взял власть в свои руки.

В январе 1894 г. Милан вернулся в Сербию и стал фактически соправителем сына. В стране вновь был восстановлен абсолютистский режим, опиравшийся на так называемые нейтральные, преданные монархии министерства.

За первым государственным переворотом последовал второй. 9 мая 1894 г. конституция 1888 г. была ликвидирована и заменена конституцией 1869 г. С 1897 по 1900 г. страной правило послушное двору министерство Владана Джорджевича, с помощью которого Александр установил

режим единоличной власти. Милан был назначен главнокомандующим сербской армией, являвшейся основной опорой режима.

После произведенного в 1899 г. покушения на Милана было объявлено военное положение. Политика репрессий вызвала негодование всех слоев народа. Вскоре после смерти отца (январь 1901 г.) Александр женился на пользовавшейся дурной репутацией придворной даме. Чтобы смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное этим браком в стране и за ее пределами, 6 апреля 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, вводившую двухпалатный парламент: народную скупщину и сенат. Новую конституцию приняли все буржуазные партии, кроме независимых радикалов, которые, порвав со старой радикальной партией, образовали в 1901 г. свою самостоятельную партию. Они осудили компромисс Пашича с реакцией и продолжали вести борьбу за буржуазно-демократические реформы.

Вскоре король вновь вернулся к личному деспотическому режиму, призвав 6 ноября 1902 г. к власти «нейтральное» правительство генерала Цинцар-Марковича. Социалистически настроенная молодежь организовала в Белграде 23 марта 1903 г. массовую демонстрацию протеста, завершившуюся вооруженным столкновением с жандармерией. Напуганный выступлением народа Александр приостановил на несколько часов действие конституции, чтобы издать ряд антиконституционных законов о печати, собраниях, общинах и т. п. Сенат был разогнан, скупщина распущена.

Это был последний государственный переворот последнего представителя династии Обреновичей. Офицерство, ранее преданное династии, порвало с ней и в ночь с 28 на 29 мая 1903 г. группа офицеров-заговорщиков, ворвавшись во дворец, убила короля, королеву и их приближенных [1].

Временное правительство, созданное заговорщиками, созвало распущенный Александром парламент, который избрал на сербский престол внука основателя Сербского государства Петра Карагеоргиевича (1903—1921). 5 июня 1903 г. с незначительными изменениями и дополнениями была восстановлена конституция 1888 г.[2]

Дворцовый переворот 1903 г. знаменовал собой полную политическую победу буржуазии. Сербское королевство стало буржуазно-парламентарным государством. С помощью радикальной партии буржуазия целиком и полностью подчинила себе внутреннюю и внешнюю политику Сербии. Став правящей партией, радикалы начали проводить протекционистскую политику, способствовавшую быстрому подъему промышленности и усилению экономической мощи национальной буржуазии. Основой внешней политики радикалов являлось сотрудничество с Россией.

[1] Тайная офицерская заговорщическая организация возникла на почве недовольства военных кругов внешней политикой Александра Обреновича (в частности, австро-сербской тайной конвенцией 1881 г.). Руководителем организации был Драгутин Димитриевич (Апис) (1876—1917). Успех майского переворота 1903 г. укрепил авторитет и влияние заговорщиков среди крупной сербской буржуазии. Считая,что Сербия призвана играть роль «югославянского Пьемонта», заговорщики во главе с Димитриевичем основали в 1904 г. тайный комитет действия в Македонии и Старой Сербии. Комитет находился в непосредственной связи с новой династией Карагеоргиевичей и правящей радикальной партией.

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. организация развила деятельность в областях, присоединенных в 1878 г. к Сербии. В связи с Младотурецкой революцией Димитриевич создал новую тайную организацию «Объединение или смерть» («Черная рука»), тесно связанную с националистическими организациями Боснии и Герцеговины.

[2] По конституции 1903 г. депутаты избирались не на три, а на четыре года. Квалифицированные депутаты (с высшим образованием) избирались теперь и в Великую народную скупщину. Депутатам устанавливалось жалование в размере 15 динаров в день.

Новый курс сербского правительства не мог не вызвать обострения отношений с Австро-Венгрией. Поскольку тайная конвенция после ликвидации династии Обреновичей утратила всякое значение, Австро-Венгрия стремилась с помощью нового торгового договора сохранить свое привилегированное положение в Сербии.

В 1902 г. истек срок австро-себского торгового договора, заключенного в 1892 г. Борясь за экономическую эмансипацию, сербская торгово-промышленная буржуазия была полна решимости добиться равных условий торговли с Австрией. Для этого в 1904 г. был введен таможенный тариф, а в 1905 г. заключен таможенный союз с Болгарией, с тем чтобы объединенными усилиями оказывать сопротивление политической и экономической экспансии европейского капитала. Поскольку таможенный союз затрагивал интересы Австро-Венгрии, стороны решили хранить его в тайне до подписания австро-сербского торгового договора. Однако Австро-Венгрия узнала о нем и предприняла ответные меры. 12 января 1906 г. она закрыла свою границу для ввоза сербского скота и продуктов животноводства, составлявших главную статью сербского экспорта. Но Сербия в ответ на это запретила ввоз австрийских промышленных товаров. Так началась австро-сербская таможенная война, длившаяся до 1911 г.

В. И. Ленин отмечал и другую причину таможенной войны. «Таможенная война Австрии с Сербией, — писал он, — продолжавшаяся с семимесячным перерывом с 1906 по 1911 год, была вызвана отчасти конкуренцией Австрии и Франции в деле поставок военных припасов Сербии» [1]. Одним из условий возобновления торгового договора с Сербией Австрия поставила размещение сербских заказов на поставку оружия в Австрии и заключение займа. Россия и Франция оказали Сербии поддержку. Франция предоставила ей заем в размере 94,5 млн. франков. Заказ на пушки был также размещен во Франции. В самой Сербии на французские и бельгийские средства были построены холодильники и консервные заводы, вследствие чего Сербия получила возможность экспортировать не только живой скот, но и консервированные мясные продукты. В результате всех этих мероприятий стоимость вывоза Сербии уже в 1909 г. достигла такого уровня, какого никогда еще не достигала — 93 млн. динаров. Это заставило Австрию пойти на уступки, и в начале 1911 г. на основе нового австро-сербского торгового договора между ними возобновились торговые отношения.

Австро-Венгрии не удалось поставить Сербию в полную экономическую зависимость, одновременно влияние французского капитала в Сербии резко возросло.

Окрыленная успехами в таможенной войне с Австро-Венгрией, сербская буржуазия активизирует свою внешнеполитическую деятельность. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией была расценена в Белграде как тягчайший удар по национальным устремлениям. Правительства Сербии и Черногории, забыв о династических распрях, умело разжигаемых за последние годы Австро-Венгрией, объединились и заявили совместный протест против вероломных действий Габсбургской монархии. В стране прошли массовые демонстрации протеста, а правительство начало мобилизацию армии. В столицы великих держав был послан министр иностранных дел Милован Миловапович с заданием поставить перед Европой в связи с боснийским кризисом югославянский вопрос. Австро-Венгрия сосредоточила миллионную армию на границах Сербии. 24 февраля 1909 г. в Сербии было образовано коалиционное правительство под председательством Стояна Новаковича, которое заявило, что в случае нападения сербский народ будет бороться не на жизнь, а на смерть. Ка-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 363.

залось, что война неизбежна. Россия, обманутая австро-венгерской дипломатией и не готовая в данный момент к войне, уступила, признав 24 марта 1909 г. аннексию. То же самое принуждена была неделю спустя сделать и Сербия, временно отказавшись от своих претензий на Боснию и Герцеговину.

Рабочее и социалистическое движение

Распространение социалистических идей в Сербии началось задолго до того, как сформировался как класс сербский промышленный пролетариат. Предтечами сербских социал-демократов, идеологов рабочего класса, являлись выдающиеся социалисты-утописты: Светозар Маркович, Мита Ценич, Васо Пелагич (см. о нем гл. 36 и 40).

Первые шаги сербского рабочего движения связаны с именами Банковича и Ценича. Андра Банкович (1857—1911) был рабочим-столяром, родом из Ягодины. Он рано покинул родную страну. За время странствий по Европе Банкович посетил Францию, Румынию, Швейцарию, Россию и всюду принимал активное участие в рабочем и социалистическом движении. Банкович вернулся на родину в январе 1886 г., обогащенный опытом революционной борьбы пролетариата Западной Европы и России. В Сербии он вместе с Ценичем принимает участие в создании первых организаций, призванных возглавить борьбу трудящихся за свои права. Эти организации объединяли рабочих и ремесленников и носили мелкобуржуазный характер.

В конце 1887 г. в Белграде было создано «Объединение ремесленников», которое издавало свою газету. Группа социалистов во главе с Банковичем приняла активное участие в его деятельности. А. Банкович стал редактором газеты «Српски занатлия», издававшейся «Объединением ремесленников». В 1889 г. Банкович руководил всеобщей забастовкой рабочих железнодорожных мастерских в г. Нише, которая длилась три недели и завершилась победой бастующих. За ней последовали другие выступления рабочих. Многие рабочие прошли в них первую школу классовой борьбы.

После того как «Объединение ремесленников» под влиянием пропаганды радикалов раскололось, в 1892 г. был основан сербский «Ремесленно-рабочий союз». Вокруг печатного органа Союза группировалось социалистическое ядро организации, от имени которой был послан делегат на происходивший в 1893 г. в Цюрихе III конгресс II Интернационала. Банкович и Пелагич были инициаторами проведения маевки в Белграде в 1894 г. В ней приняло участие около 200 человек. С этого времени рабочий класс Сербии ежегодно отмечал 1 Мая — праздник пролетарской солидарности. Самая крупная первомайская демонстрация в Сербии XIX в. произошла в 1892 г.: в ней участвовало около 700 человек. Тогда же впервые была проведена забастовка.

Сербские социалисты в 1895 г. стали издавать свою первую марксистскую газету «Социал-демократ». Несмотря на то, что газета существовала менее двух лет, она сыграла важную роль в сербском социал-демократическом движении. Внедряя социалистическое сознание в стихийное рабочее движение, она способствовала росту организованности пролетариата. Редакционный комитет «Социал-демократа» возглавлял Банкович. Он был главным действующим лицом и нелегального «Комитета по руководству движением», основанного в середине 90-х годов с целью подготовки создания социалистической партии.

В 1896 г. возникли первые профессиональные организации в Сербии. В Белграде было основано «Рабочее общество», имевшее свою читальню,

хор и театральную группу. В 1897 г. вместо запрещенного властями «Социал-демократа» группа социалистов стала издавать газету «Радничке новине».

Однако среди сербских социалистов не было идеологического единства. Между Банковичем и группой мелкобуржуазных интеллигентов (Йован Скерлич, Коста Йованович и др.) происходили горячие споры о характере рабочего движения, о создании партии и т. д. Уже в этот период в рабочем движении Сербии ясно обозначались две тенденции: классовая, пролетарская, которую представлял Банкович и его сторонники, и мелкобуржуазная, носителями которой являлась группа Скерлича—Йовановича. Из-за острых разногласий в «Комитете по руководству движением» Банкович покинул Сербию, что отрицательно сказалось на развитии сербского рабочего движения. Внутренние противоречия были далеко не единственной причиной, мешавшей развитию рабочего движения. После покушения на Милана Обреновича 6 июля 1899 г. были распущены рабочие организации и прогрессивные газеты закрыты.

Но никакими репрессиями нельзя было остановить начавшейся борьбы рабочего класса. Слишком глубоки были ее корни, крывшиеся в тяжелых условиях жизни и труда рабочих, в их экономическом и политическом бесправии. До 1910 г. в Сербии отсутствовало трудовое законодательство. Рабочий день достигал 14 и более часов. На предприятиях широко применялся женский и детский труд. Заработная плата не могла покрыть самых элементарных потребностей рабочего. С 1882 по 1906 г. она увеличилась в среднем на 14,7%, а стоимость жизни за это время — на 60,7%. Прямые и косвенные налоги поглощали 45—50% заработка промышленных и сельскохозяйственных рабочих.

Одной из жесточайших форм эксплуатации рабочих являлась грабительская система «айлука», широко распространенного в Сербии как в ремесле, так и в промышленности. Айлучар нанимался к хозяину на определенный срок (в ремесленном производстве обычно на полгода или год, в промышленности на один месяц) и не мог оставить работу до истечения срока договора о найме. Заработная плата ему выдавалась лишь после окончания работы. Обычно айлучар жил на фабрике, беспрекословно выполняя все поручения фабриканта. На многих предприятиях рабочие получали не деньги, а боны, на которые могли приобрести товары только в фабричной лавке по повышенным ценам и низкого качества. Повсюду на предприятиях применялась система штрафов.

Исключительно тяжелым было положение рабочих горнорудной промышленности. В 1907 г. на шахтах и каменоломнях Сербии работало 5378 рабочих. На каждую 1000 рабочих приходилось 10 несчастных случаев в год со смертельным исходом из-за отсутствия элементарной охраны труда. «Статистика несчастных случаев во время работы свидетельствует,— писал Д. Туцович, — что наемный труд поглощает больше жертв, чем самая кровавая мировая война». Социальное обеспечение и охрана здоровья рабочих в Сербии отсутствовали.

Положение сельскохозяйственных рабочих было еще более тяжелым и безотрадным. Их рабочий день длился от зари до зари, а заработная плата была мизерной. Крайняя нужда заставляла батраков соглашаться на любые условия, лишь бы получить работу и не умереть от голода. Но работы не всегда хватало. Это вызывало массовую эмиграцию из страны.

С ростом капиталистического производства рос рабочий класс Сербии. К 1912 г. он уже насчитывал в своих рядах 50—60 тыс. человек. Тяжелое экономическое положение и политическое бесправие толкало рабочий класс на борьбу.

Оживление социалистической пропаганды в начале XX в. было связано с деятельностью двух выдающихся руководителей сербского рабочего

Broj 33. Београд, Недеља 20. Јуна 1903. год. Година III

РАДНИЧКЕ НОВИНЕ

JOURNAL OUVRIER ARBEITER ZEITUNG

ОРГАН РАДНИЧКОГ САВЕЗА

Социјал-демократски конгрес

У прошлу недељу радни народ Србије свео је врло симпатичан, одушевљен и достојанствен изборни, који држи да још за дуго времена остаје најлепша успомена свима онима који су имали срећу да присуствују том великом догађају. — Београдски социјал-демократски радници су ту врло добро схватили, и сјајно се показали. Они су се врло добро спремили за тај конгрес, и сви су били на висини свога задатка.

Ово је први пут да се социјал-демократска партија у Србији састала на свој конгрес, и зато је овај конгрес имао велики значај за цео наш раднички покрет. Ми смо се надали да ће на њему бити заступљене све радничке организације, и да ће сви делегати бити снабдевени са потребним мандатима, али нажалост није било тако. Неки делегати нису ни дошли, а неки су дошли тек у недељу, када је конгрес већ био завршен. Ово је, наравно, врло рђаво, и ми се надамо да ће се то убудуће избећи.

Конгрес је отворио друг Димитрије Туцовић, који је у свом говору изложио циљ и задатак конгреса. Он је рекао да је конгрес сазван с тога, да се радници договоре о свом положају, о својим потребама, и о средствима, којима ће моћи да се помогне њиховом тешком положају. Он је рекао да је конгрес сазван и с тога, да се радници договоре о томе, како ће моћи да се што боље организују, и да се што боље припреме за борбу, коју ће морати да воде са својим непријатељима. Он је рекао да је конгрес сазван и с тога, да се радници договоре о томе, како ће моћи да се што боље организују, и да се што боље припреме за борбу, коју ће морати да воде са својим непријатељима.

Сербская социалистическая газета «Радничке новине»

и социалистического движения: Радована Драговича (1887—1905) и Димитрия Туцовича (1881—1914). Драгович происходил из бедной семьи. Еще в Ужицкой гимназии на почве взаимного интереса к социализму он познакомился с Туцовичем. Уйдя из VI класса гимназии, Драгович стал столяром. Некоторое время он работал за границей (в Загребе и Граце), где глубже познакомился с социалистической литературой и рабочим движением.

В конце 1899 г. Драгович вернулся на родину. Вместе с Туцовичем, учившемся тогда в Белграде, они сначала основали Белградское рабочее общество, затем «Комитет по руководству движением». В мае 1902 г. ими был основан «Центральный комитет» для подготовки создания социал-демократической партии. Центральный комитет становится руководящим центром сербского рабочего движения в масштабе всей страны. С января 1902 г. снова стала выходить газета «Радничке новине» под редакцией Драговича и Туцовича. За короткий промежуток времени было создано шесть профессиональных организаций: металлистов, строителей, типографских рабочих и др.

В 1902—1903 гг. руководители Центрального комитета—Туцович, Драгович, Кацлерович и другие организовали несколько митингов протеста и выступлений против режима Александра Обреновича. 23 марта 1903 г. белградские рабочие вместе со студентами Великой школы и городской беднотой (всего около 5 тыс. человек) вышли на улицы столицы, требуя улучшения своего положения и конституционных свобод. Движение возглавил Димитрий Туцович. Демонстранты разгромили редакции ряда реакционных газет, требовали наказания виновников бедственного положения народа. На разгон демонстрации были направлены два эскадрона конницы и отряд пехоты; среди рабочих имелись убитые и раненые.

Революционное выступление белградских рабочих показало, что пролетариат Сербии уже представляет собой силу, с которой нельзя не считаться.

Майский переворот 1903 г., приведший к установлению буржуазно-демократического режима, ускорил образование Сербской социал-демократической партии. По инициативе Центрального комитета 20 июля (2 августа) в Белграде был созван учредительный съезд. Вся тяжесть работы по его подготовке и проведению нала на плечи Р. Драговича. Туцович находился в это время в Вене, где по решению ЦК скрывался от полицейских репрессий за участие в мартовской демонстрации. Провозгласив создание Сербской социал-демократической партии (ССДП), съезд принял программу и устав, которые были сколками с Эрфуртской программы и устава немецкой социал-демократии 1891 г. Являясь в основном марксистской, Эрфуртская программа содержала серьезные уступки оппортунизму. Она не доводила принцип классовой борьбы до признания диктатуры пролетариата, чем ограничивала роль партии как организатора и руководителя политической борьбы рабочего класса. Основное внимание она уделяла парламентской деятельности. В программе ССДП ничего не говорилось о крестьянском и национальном вопросах, о необходимости борьбы против монархии, за республику. С момента возникновения ССДП являлась членом II Интернационала. Создание ССДП, означавшее соединение социализма с рабочим движением, явилось переломным моментом в истории сербского рабочего класса.

В тот же день, когда была основана ССДП, с участием тех же делегатов, состоялся I съезд сербских профсоюзов, окончательно оформивший объединение профессиональных организаций страны — Главный рабочий союз, возникший еще в мае 1903 г.

С основанием ССДП и Главного рабочего союза борьба рабочего класса приобрела организованный характер.

На парламентских выборах в сентябре 1903 г. ССДП добилась первого успеха. В скупщину был избран ее депутат Михаил Илич. На последующих выборах (1905—1908 гг.) партии удалось провести уже двух своих кандидатов. В период Балканских войн и мировой империалистической войны ими были Драгиша Лапчевич и Триша Кацлерович.

Первые два года в жизни ССДП были заполнены борьбой марксистов с оппортунистической группой Скерлича—Йовановича, к которой затем примкнул Милорад Попович. Сербские оппортунисты считали, что рабочий класс Сербии очень молод и незрел для самостоятельной политической борьбы. Рабочее движение, по их мнению, должно было довольствоваться положением левого течения при оппозиционных буржуазных партиях. Поэтому они предлагали распустить партию, сосредоточив все внимание на укреплении профсоюзов. М. Попович настойчиво проповедовал тезис о примате экономической борьбы рабочего класса над политической. Он ратовал за «нейтральность» профсоюзов. Вопрос о партии и профсоюзах и их отношениях занимал очень большое место в деятельности ССДП, вокруг него развертывалась ожесточенная идейно-политическая борьба между революционным и оппортунистическим течениями.

Марксистское крыло ССДП, возглавлявшееся Туцовичем и Драговичем, выступало против всякой зависимости от буржуазии за сохранение самостоятельной классовой рабочей партии. Марксисты боролись за единство рабочего движения под руководством партии. Их точка зрения победила на учредительном съезде.

Но оппортунисты не смирились с поражением. Став членами партии, они старались подорвать ее изнутри. На II съезде ССДП (март 1904 г.) Туцович выступил с докладом «Партия и профсоюзы», в котором идейно разгромил своих противников. Открыто ведя раскольническую деятель-

ность, оппортунисты еще накануне II съезда стали издавать фракционные газеты «Свест» и затем «Ново време», противопоставляя их центральному органу партии и профсоюзов — газете «Радничке новине».

В декабре 1904 г. ЦК исключил оппортунистов из партии. III съезд подтвердил это решение. В идейной борьбе с мелкобуржуазной оппозицией сербские марксисты использовали некоторые работы В. И. Ленина (например, отрывки из «Что делать?», печатавшиеся в 1904 г. в газете «Радничке новине»). В 1902 г. в Сербии распространялась «Искра».

Разделавшись с открытыми оппортунистами, партия после III съезда встретилась с новыми трудностями. Скрыто центристская позиция Драгиши Лапчевича, ушедшего с поста председателя партии, когда Драговича уже не было в живых (он умер 25 декабря 1905 г. от туберкулеза), а Туцович находился в армии, вызвала кризис в руководстве. Кризис был окончательно преодолен только в 1908 г., когда Туцович снова возглавил деятельность партии, оставаясь ее бессменным секретарем вплоть до своей гибели в 1914 г.

ССДП довольно легко справилась с анархо-синдикалистской группой Симы Марковича, предпринявшей в 1909 г. наскок на политическую линию марксистского руководства партии.

Идейная платформа анархосиндикалистов отличалась от оппортунистической платформы группы Скерлича — Йовановича — Поповича только своей «ультралевой» фразеологией, которую широко применяли ее представители.

Из длительной борьбы с оппозицией партия извлекла необходимые уроки. VIII съезд ССДП, собравшийся в 1910 г., по предложению Туцовича принял решение о создании единого центра по руководству всеми формами классовой борьбы пролетариата. В 1911 г. резолюция VIII съезда о единстве движения была принята Главным рабочим союзом. В резолюции подчеркивалось, что социал-демократия в настоящее время осуществляет соединение всех форм борьбы пролетариата — парламентской, профсоюзной и других в единую классовую борьбу, которая приведет к ликвидации буржуазного общественного строя и построению социализма. Под руководством партии сербские профсоюзы активизировали свою деятельность. Количество членов профсоюзов в довоенный период превышало 8 тыс. человек. С целью обеспечения единства действия отношения между партией и профсоюзами строились на основе взаимного представительства на съездах и в центральных руководящих органах. Резолюция VIII съезда предусматривала создание постоянных связей между руководящими органами партии и профсоюзов путем введения делегатов от партии в руководство профсоюзов и наоборот, а также создание новой организационной формы связи партии и профсоюзов — Центрального руководства. Центральное руководство представляло собой расширенное заседание Главного партийного правления с участием членов правления Главного рабочего союза. Это не означало, однако, слияния партии и профсоюзов. В ССДП не было такого положения, как в хорватской и словенской социал-демократических партиях, где каждый член профсоюза автоматически считался членом партии.

За время существования ССДП, с 1903 по 1919 г., было созвано 10 очередных съездов и один чрезвычайный в 1912 г. Обычно съезды созывались ежегодно. За это же время состоялось семь съездов Главного рабочего союза. По инициативе ССДП в 1910 г. были созданы: женская социалистическая организация «Еднакост» (Равенство) и детская организация «Будучност», каждая из которых имела свой печатный орган. Партия уделяла большое внимание идеологическому и политическому воспитанию своих членов. В Белграде была открыта партийная школа, готовившая агитаторов. В 1910 г. ССДП стала издавать теоретический журнал

«Борба», редактором которого был Д. Туцович. Партия и профсоюзы развернули активную деятельность по переводу в Сербии марксистских работ. Туцович, например, перевел на сербский язык работу К. Маркса «Наемный труд и капитал».

ССДП численно была невелика (максимальное количество ее членов не превышало 4—5 тыс. человек)[1], но по своему социальному составу это была рабочая партия. Наемные рабочие составляли в ней 78%. Влияние социал-демократии среди трудящихся масс неизменно росло. Под руководством своей партии сербский пролетариат вел упорную борьбу за экономические и политические права.

В годы русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в Белграде и других городах страны проводились массовые митинги солидарности с российским пролетариатом, был организован сбор средств в фонд помощи русской революции.

Рабочая печать регулярно информировала своих читателей о революционных событиях в России. «Победа русского пролетариата одновременно является победой сербского, победой международной. Да здравствует русская революция!» — писала газета «Радничке новине», приводя резолюцию многотысячного митинга белградских рабочих, созванного в знак протеста против кровавой расправы русского самодержавия над народом 9 января 1905 г.

Только в 1905 г. было проведено 37 забастовок, в которых приняло участие 2,5 тыс. человек. Свыше 17 тыс. сербских трудящихся приняло участие в первомайской демонстрации 1905 г. В 1906 г. волна стачек и забастовок еще больше возросла.

Крупнейшим выступлением рабочего класса в 1907 г. явилась забастовка в феврале-марте на сахарном заводе в Белграде, на Чукарице. В ней приняло участие 500 рабочих. Во время столкновения с полицией было убито четверо бастующих. Главный рабочий союз и социал-демократическая партия во время погребения убитых организовали демонстрацию протеста. Вторым крупным выступлением в этом году была забастовка рабочих на руднике Майданпек, в которой участвовало 400 человек. Горняки добились повышения заработной платы. Всего с 1907 по 1912 г. было проведено 275 стачек. Некоторые стачки длились по нескольку недель и даже месяцев. Наибольшего размаха стачечное движение достигло в 1911 г., когда было проведено 175 забастовок.

Рабочий класс Сербии проявил большое упорство и настойчивость в борьбе за свои экономические и политические права. Движение развертывалось под лозунгами: за рабочее законодательство, 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы, за всеобщее избирательное право, против надвигающейся угрозы войны. Крупнейшим завоеванием рабочего класса Сербии явилось принятие Народной скупщиной 10 июня 1910 г. закона об ограничении рабочего дня 10 часами, но разрешавшего предпринимателям вводить в случае необходимости 2 часа сверхурочного времени. Устанавливался 8-часовой рабочий день для подростков. Рабочие с 14 до 18 лет и женщины освобождались от работы в ночное время. Запрещалось применение детского труда. Закон признавал за рабочими право на заключение коллективных договоров с предпринимателями на срок до одного месяца. Закон признавал право рабочих на забастовки при условии участия в них не менее 50% рабочих предприятия. Рабочим, занятым в промышленности, ремесле и торговле, гарантировалось право на коалиции и объединения с целью защиты своих экономических интересов.

[1] Имеются в виду и городские и сельские организации партии. В городах Сербии в 1910—1911 гг. насчитывалось 2889 членов партии.

Однако принятый закон не регулировал труд сельскохозяйственных рабочих. Не удовлетворяла пролетариев и продолжительность рабочего дня. Выплата рабочим за время болезни производилась за счет вычетов из заработной платы. Предприниматели при поддержке буржуазного правительства саботировали проведение закона в жизнь. Поэтому пролетариат продолжал вести борьбу за свои права.

Хотя и с большим опозданием, на VIII съезде руководство ССДП занялось аграрным вопросом. Съезд принял специальную резолюцию о необходимости усиления партийной работы в деревне и создании сельских партийных организаций. Новая линия партии вызвала резкое противодействие со стороны центриста Лапчевича. Являясь председателем партии, он всячески препятствовал проведению в жизнь решений VIII съезда. По инициативе Туцовича был созван чрезвычайный съезд специально для обсуждения политки партии в деревне. Принятая съездом резолюция «О работе на селе» свидетельствовала о победе точки зрения Туцовича. В результате за короткий срок количество сельских партийных организаций увеличилось с 2 до 72. На парламентских выборах 1912 г. ССДП получила почти 25 тыс. голосов в деревне.

Отмечая известный прогресс в подходе ССДП к решению крестьянского вопроса, следует, однако, иметь в виду, что это был лишь первый шаг, дальше которого партия не пошла. В одной из своих статей Туцович писал, что все члены партии должны особенно внимательно и глубоко изучать аграрный вопрос, обсуждать его в печати с тем, чтобы на одном из очередных съездов вернуться к нему и принять развернутую резолюцию по аграрному и крестьянскому вопросам. Но этого не случилось. Помешали Балканские войны, вслед за которыми разразилась первая мировая империалистическая война.

Сербские социалисты не поднялись до понимания необходимости создания союза рабочего класса и крестьянства как условия победы пролетариата в грядущей революции. Таким образом, в крестьянском вопросе они не занимали ленинских позиций.

Заметных успехов сербская социал-демократическая партия добилась в постановке национального вопроса. Как известно, национальный вопрос имел огромное, не только теоретическое, но и практическое значение для балканских народов.

Сербской социал-демократии пришлось вплотную столкнуться с национальным вопросом сразу же после возникновения партии в 1903 г., когда вспыхнуло Ильинденское восстание в Македонии. ССДП признавала за Македонией права на автономию в рамках Балканской федерации, поддерживала революционную борьбу ее населения. В связи с Ильинденским восстанием ССДП выдвинула идею балканской федерации как формы решения национального вопроса на Балканах. Идея Балканской федерации имела давние и глубокие традиции в общественном движении балканских народов. Еще сербские революционные демократы во главе с Марковичем отстаивали эту идею. Сербская социал-демократия в 1903 г. снова выдвинула этот лозунг.

Вторым важным событием, в связи с которым проявилась позиция ССДП по национальному вопросу, был боснийский кризис 1908—1909 гг. Сербская социал-демократия решительно выступила против аннексии. II Интернационал остался глухим к призыву ССДП, направившей в 1908 г. меморандум Международному социалистическому бюро о бесправном положении трудящихся Боснии и Герцеговины. VII съезд ССДП (1909 г.) принял специальную резолюцию по колониальному и национальному вопросам, в которой говорил: «Интернациональная политика пролетариата, борющегося за осуществление социализма, является единственным средством против колониальной политики, лишающей народы их

независимости и свободы, а также против антинациональной политики господствующих классов своей страны». В связи с боснийским кризисом ССДП заявляла, что народ Боснии и Герцеговины должен сам решать свою судьбу, оставаться ли ему в составе Австро-Венгрии, или присоединиться к Сербии, или, как говорилось в одном официальном документе партии, «создать свой собственный дом», т. е. высказаться за государственную самостоятельность. При всем этом сербские социал-демократы были далеки от правильного понимания лозунга о праве нации на самоопределение вплоть до государственного отделения, впервые обоснованного и сформулированного В. И. Лениным. Непониманием того, что нация является исторической категорией, в значительной мере и объясняется та путаница в терминах («балканские племена», «югославянские племена», «балканская нация» и т. д.), которая имела место в документах партии и в выступлениях ее лидеров. Однако позиция сербской социал-демократии выгодно отличалась от позиции большинства партий II Интернационала, в том числе и австрийской социал-демократической партии. На Копенгагенском конгрессе II Интернационала в 1910 г. Д. Туцович выступил с речью, в которой, обосновывая точку зрения своей партии, подверг острой критике социал-шовинистическую позицию лидеров австрийской социал-демократии во время боснийского кризиса, которые, обрушиваясь на сербскую буржуазию, обходили молчанием агрессивные, захватнические действия правящих кругов Австро-Венгрии.

В конце декабря 1909 г. (январь 1910 по нов. ст.) в Белграде была созвана конференция социал-демократических партий балканских стран. Главным докладчиком на конференции был Д. Туцович. В докладе «О балканском вопросе и социал-демократии» он призвал социал-демократию балканских стран к совместной борьбе за создание Балканской федеративной республики, основанной на полном равноправии свободных народов. Тот факт, что представители всех социал-демократических партий балканских стран впервые собрались на свою первую социалистическую конференцию и приняли общую резолюцию, имел большое значение для усиления борьбы рабочих против своей собственной буржуазии и правящих династий, а также против политики империалистической буржуазии европейских государств на Балканах. На конференции была создана Балканская социалистическая федерация.

Отмечая слабые и сильные стороны в деятельности сербской социал-демократической партии, следует подчеркнуть, что ее развитие шло в революционном направлении; она примыкала к левому крылу международного рабочего движения.

ГЛАВА 32

ЧЕРНОГОРИЯ

Завоевание Черногорией государственной независимости

В второй половине XIX в. происходила заметная имущественная дифференциация населения Черногории, приводившая к укреплению экономических позиций господствующего слоя, в руках которого сконцентрировались сравнительно большие по черногорским масштабам земельные владения и стада скота. Так, в 70-е годы XIX в. сенатор воевода Новица Церович владел 50 ралами [1] (около 9 га) пахотной земли, 120 косами [2] (43,2 га) луга и стадом в одну тысячу голов мелкого и 90 голов крупного скота. В 70-е годы XIX в. в черногорском селе уже начали оформляться три социальных группировки: богатые крестьяне, середняки и сельская беднота. Почти каждая зажиточная семья пользовалась наемным трудом поденщиков. В Катунской нахии богатые крестьяне имели в собственности от 15 до 20 рал (3—4 га) пахотной земли, 15—20 кос (5—7 га) луга, 200—300 овец и 15—20 волов и коров, а сельская беднота 1—3 рала (0,18—0,5 га) земли, 1/2 косы (0,18 га) луга, 6—20 овец и 1—2 головы крупного рогатого скота. Часть крестьян совсем не имела земли.

В 1868 г. в Черногории была проведена реформа, в результате которой имущество князя было отделено от государственной собственности и владений митрополии и реорганизовано управление монастырскими землями. Управление монастырскими землями перешло в ведение митрополита под контролем государственной финансовой комиссии. Большая часть монастырских земель сдавалась в аренду с аукциона за уплату третьей части стоимости урожая.

Несмотря на некоторое оживление товарно-денежных отношений (появление базаров в Преспиной Главице и Орье Луке, начало строительства Даниловграда в 1865, ставшего вскоре важным торговым пунктом), Черногория по-прежнему оставалась отсталой страной.

Сельское хозяйство находилось на низком уровне. Население страдало от малоземелья. По переписи 1855 г. в Черногории насчитывалось всего 68 480 рал (12 326 га) обрабатываемых земель и 27 286 кос (9822,96 га)

[1] Рало — мера пахотной земли, равная 1817 м² или 0,18 га.
[2] Коса — мера луга, равная 2 ралам.

луга при общей площади страны в 4 405 кв. км с 100 тыс. населения. Таким образом, на душу населения приходилось менее одного рала посевной площади и менее $^1/_3$ косы луга. Производимых мелкокрестьянским хозяйством продуктов хватало лишь на несколько месяцев. Нередки были случаи смерти черногорцев от голода. Особенно сильный голод охватил страну в 1861 г. В помощь голодавшему населению Россия, Сербия и другие славянские страны присылали хлеб и деньги. Вопрос об увеличении площади обрабатываемых земель путем присоединения соседних плодородных долин был одним из основных вопросов черногорской внешней политики.

Вследствие общей экономической отсталости и отсутствия выхода к морю Черногория все более попадала в экономическую зависимость от австрийского рынка. Вопрос о выходе к морю оставался другой важнейшей задачей черногорской внешней политики. Австрийские фирмы скупали за бесценок скот и продукты крестьянского труда, ввозя в Черногорию свои товары. Немногочисленная черногорская торговая буржуазия, ввиду недостатка капиталов, пользовалась кредитом в банках Далмации и Боки Которской. Подчиненную роль играла она и в торговых обществах, создававшихся совместно с буржуазией Боки Которской.

Преобразования, проведенные в Черногории в первой половине XIX в. превратили митрополитов в самодержавных правителей и создали аппарат центральной власти. Черногорские митрополиты не нуждались больше в авторитете главы церкви, поэтому преемник Негоша Данило (1851—1860 гг.), опираясь на поддержку России, в 1852 г. провозгласил себя князем.

Провозглашение Черногории светским княжеством укрепляло Черногорское государство и его международное положение.

Князь Данило стал проводить активную внешнюю политику, стремясь добиться признания независимости княжества и расширения его пределов. Черногория начала оказывать большую поддержку герцеговинцам в их борьбе за освобождение от турецкого гнета. В ноябре 1852 г. в период восстания в Герцеговине черногорцы пытались освободить Жабляк. На помощь повстанцам князь Данило направил войско численностью в 4 тыс. человек.

Турция, не желавшая допускать усиления Черногории, встретила враждебно установление новой формы правления. В декабре 1852 г. тридцатитысячная турецкая армия вторглась в пределы Черногории. Хотя черногорцы оказывали упорное сопротивление, турецкой армии удалось продвинуться в глубь Черногории. Только энергичное дипломатическое вмешательство России и Австрии[1] положило конец войне.

В 50-е годы князь Данило провел ряд мер по укреплению центральной власти и усилению обороноспособности страны. Была произведена перепись всего мужского населения, способного носить оружие. Войско сохранило характер народного ополчения, но в его составе были, на основе племенного деления, созданы воинские подразделения и назначен командный состав: десятники, сотники и тысячники. Завершением реформаторской деятельности князя Данилы явилось принятие в 1855 г. нового свода законов («Общтий земальский законик»). Законник зафиксировал произведенные в стране преобразования и ввел некоторые нормы буржуазного права — равенство граждан перед законом и охрану государством частной собственности. Князь Данило решительно расправлялся с противниками нового режима. В 1851 г. он подавил сепаратистское движение в племени пиперов и в Црмнице.

[1] Австрия стремилась к захвату Боснии и Герцеговины и пыталась представить себя защитницей соседних славянских народов.

На Парижском конгрессе 1856 г. князь Данило намеревался добиться международного признания независимости Черногории, расширения ее территории за счет Герцеговины и Албании и присоединения порта Бар (Антивари), а также определения границы с Турцией. Последнее требование было вызвано тем, что отсутствие твердой границы приводило к постоянным конфликтам, заканчивавшимся нередко кровопролитием и массовым угоном скота. Но представитель турецкого правительства, ссылаясь на то, что Черногория является частью Османской империи, отверг притязания черногорского князя. Турцию поддержали Англия и Австрия. Россия, ослабленная Крымской войной 1853—1856 гг., не смогла оказать активной поддержки Черногории. В связи с этим еще в начале 1855 г. князь Данило начал переговоры с Францией. Последняя, надеясь добиться усиления своего влияния в Турции, согласилась поддержать черногорское требование о расширении ее территории ценой формального признания черногорским князем верховной власти султана. Несмотря на международно-политическую изоляцию, Россия заявила черногорскому князю о готовности оказать ему необходимые защиту и помощь, а французскому правительству выразила свое неудовольствие подстрекательством Черногории к признанию турецкого суверенитета. Вместе с тем русская дипломатия применила в отношении князя Данилы все меры давления, вплоть до временной задержки выплаты субсидии. Содействие русского императора было важно для Наполеона III, стремившегося заручиться поддержкой русских в войне против Австрии, и русская дипломатия договорилась с французским правительством о невмешательстве в дела Черногории. Поэтому, когда в марте 1857 г. князь Данило приехал в Париж, он не нашел там ожидаемой помощи. Вскоре отношения России и Черногории вновь наладились.

Первый светский правитель Черногории князь Данило

После нового вооруженного столкновения между Черногорией и Турцией из-за пограничного города Грахова (Граховская битва 1 мая 1858 г.) при содействии России и Франции в апреле 1859 г. была установлена черногорско-турецкая граница. Территория Черногории несколько расширилась: к ней перешли, помимо Грахова, некоторые пограничные герцеговинские и албанские земли (Рудины, Никшичская жупа и около половины Дробняка). Установление границы с Турцией определило государственную территорию Черногории и способствовало дальнейшему укреплению ее международного положения.

В 1862 г. в связи с поддержкой Черногорией вспыхнувшего герцеговинского восстания турки вновь напали на княжество и подошли к Цетинью.

Только дипломатическое вмешательство России и Франции спасло Черногорию от полного поражения.

Во время войны черногорский народ понес серьезные материальные и людские потери. На полях сражений погибло 2 тыс. черногорцев.

В России, как и в других славянских землях, с сочувствием отнеслись к тяжелому материальному положению Черногории. Газеты различных политических направлений — «Современное слово», «Московские ведомости», «Современная летопись», «День» и др. объявили о сборе денежных средств в пользу черногорцев. Редакция славянофильской газеты «День» собрала 2 683 рубля, Славянский комитет дважды направлял в Черногорию по тысяче рублей, и в дальнейшем в России продолжались сборы пожертвований в пользу Черногории[1].

Победа при Грахове в 1858 г. создала среди правящих черногорских кругов иллюзию, что Черногория способна самостоятельно выступить против Турции. Князь Николай (1860—1918), вступивший на престол после убийства Данилы [2], полагал, что черногорской династии Петровичей-Негошей надлежит выполнить историческую миссию освобождения и объединения сербских земель. Мечты князя Николая потерпели крах в результате поражения Черногории в войне с Турцией 1862 г. Обессиленная борьбой, Черногория стремилась к сближению с Сербией, выступившей в это время инициатором создания Балканского союза. 23 сентября 1866 г. был подписан сербо-черногорский договор, согласно которому князь Николай, чтобы достигнуть объединения Сербии и Черногории, соглашался отречься от престола в пользу сербской династии Обреновичей.

Балканский союз распался вскоре после убийства сербского князя Михаила в мае 1868 г., после чего князь Николай снова стал претендовать на главенствующую роль в борьбе за объединение сербских земель. В 1870 г. в Черногорию приехал майор Любомир Йованович и от имени сербского правительства повел переговоры о заключении военной конвенции. Они оказались безуспешными, так как сербское правительство хотело, чтобы князь Николай повторил свое отречение от престола в пользу Милана в случае объединения сербских земель. В то же время в Герцеговине усилились тенденции в пользу присоединения к Черногории. Стало заметно тяготение к ней и в других сербских землях.

Деятели сербской «Омладины», недовольные пассивной политикой правительства Сербии, высоко оценивали возможную роль Черногории в освобождении сербских земель. Омладинское движение затронуло и Черногорию, его участниками были преимущественно учащиеся. В 1869 г. был сформирован омладинский комитет в Цетинье, куда вошли поэт Йован Сундечич, Милан Костич и др. В 1871 г. на скупщине «Омладины» в Вршаце черногорский воевода Машо Врбица был избран ее почетным председателем.

Преследование «Омладины» в австрийских землях вызвало переезд в княжество ряда ее активных деятелей: Васы Пелагича и др. В сентябре 1871 г. в Цетинье была создана «Дружина» для борьбы за объединение и освобождение сербского народа. Члены «Дружины» развернули деятельность по подготовке восстания в Боснии, Герцеговине и других югославянских землях.

Весной 1875 г. после получения известия о начале восстания в Герцеговине черногорцы в одиночку и группами стали переходить границу для

[1] Во время голода, охватившего Черногорию в 1889—1890гг., и в другие тяжелые годы в России также происходил сбор пожертвований в пользу черногорцев.

[2] Князь Данило был убит в Которе 1 августа 1860 г. черногорцем Кадичем, якобы из личной мести. Вероятнее всего, Кадич был орудием Австрии, стремившейся устранить неугодного ей правителя.

Перевозка черногорцами турецких пушек, захваченных у Грахова. 1858 г.

участия в борьбе против турок. В первое время черногорские правящие круги сохраняли нейтралитет по отношению к восстанию.

8 августа 1875 г. после того, как восстание распространилось на Боснию и определились позиции великих держав, черногорское правительство созвало скупщину в Ловчене с участием предводителей герцеговинского восстания, на которой были обсуждены меры по оказанию помощи повстанцам. С этого времени черногорское правительство стало поддерживать герцеговинских повстанцев, в свою очередь получая для них помощь из России.

Черногория направляла в Герцеговину добровольцев, оружие и снаряжение. На ее территории нашло убежище большое количество герцеговинских беженцев. В октябре 1875 г. русское правительство ассигновало Черногории дополнительно 30 тыс. рублей, на которые в Одессе был закуплен хлеб для беженцев. Помимо этого, русские славянские комитеты направляли непосредственно в Черногорию часть собранных ими для герцеговинцев пожертвований. На эти деньги черногорцы закупали не только продовольствие, но и оружие. В январе 1876 г. в Черногорию прибыл из России санитарный отряд. В Цетинье и Грахове были открыты госпитали, которые обслуживались русским медицинским персоналом.

В октябре 1875 г. между Черногорией и Сербией начались переговоры о заключении союза в связи с подготовкой войны с Турцией. Переговоры затянулись и лишь в мае 1876 г. завершились подписанием политической и военной конвенций. В июне Сербия и Черногория объявили войну Турции. Военные действия развивались успешно для Черногории. 16 июля в сражении на Вучьем Доле (в Герцеговине) черногорцы совместно с герцеговинцами наголову разбили турецкие войска. 2 августа на Фундине (албанский фронт) 5 тыс. черногорцев в сражении против 40-тысячной турецкой армии одержали еще одну блестящую победу, после чего последовало освобождение всей территории, занимаемой племенем Кучи.

Потерпев поражение у Джунриса, Сербия оказалась на грани катастрофы, и только по требованию России Турция согласилась на перемирие. 16 февраля 1877 г. Сербия заключила мир с турками. Мирные переговоры Черногории с Турцией не увенчались успехом, так как Порта отказалась удовлетворить ее территориальные требования. Таким образом, Черногория осталась в состоянии войны с Турцией.

В апреле 1877 г. в войну с Турцией вступила Россия. Порта попыталась принудить Черногорию к капитуляции. В мае турецкая армия, численность которой в три раза превосходила военные силы черногорцев, начала наступление против Черногории с севера, востока и юга. Несмотря на упорное сопротивление черногорцев, в сражениях, происходивших со 2 по 11 июня («9 кровавых дней»), турецкая армия под предводительством Сулеймана-паши вышла в долину реки Зеты, угрожая столице Черногории — Цетинью. Однако вследствие начавшегося наступления русской армии, турки вынуждены были перебросить свои войска на болгарский фронт. Это позволило черногорцам перейти в контрнаступление и освободить Никшич, Бар и Улцинь, а также значительную часть Приморья от реки Бояны до Будвы. Военные действия были приостановлены начавшимися переговорами между Россией и Турцией.

По Сан-Стефанскому мирному договору (февраль 1878 г.) Черногория была провозглашена независимым государством, а ее территория увеличена почти в 3,5 раза (с 4405 кв. км до 15 355 кв. км). Однако на Берлинском конгрессе (июнь 1878 г.) территория княжества была сокращена на 7 тыс. кв. км (до 8655 кв. км). Все же к Черногории отошли плодородные земли с городами Подгорица, Никшич, Колашин, Бар, Улцинь и Жабляк [1]. Черногория получила побережье Адриатического моря протяженностью в 70 км. Берлинским трактатом подтверждалось провозглашение Черногории независимым государством. Однако по настоянию Австро-Венгрии и Германии в Берлинский трактат была включена статья, существенно ограничившая суверенитет Черногории. Черногорскому правительству запрещалось предпринимать какие-либо меры для укрепления морского побережья. Полицейский и санитарный контроль за побережьем был передан австро-венгерским властям. Черногория должна была подчиняться навигационным законам, действовавшим в Далмации и входить в соглашение с австрийским правительством относительно постройки гужевых дорог и железнодорожных линий на присоединенной территории.

Несмотря на все ограничения, внесенные в Берлинский трактат, результаты, достигнутые черногорским народом с помощью России в освободительной войне 1876—1878 гг., были значительными. Героическая борьба черногорцев увенчалась признанием за Черногорией государственного суверенитета и привела к увеличению ее территории.

Развитие капиталистических отношений в Черногории в конце XIX — начале XX в.

В результате присоединения новых районов площадь обрабатываемой земли в стране возросла почти в два раза. С 1880 по 1895 г. она увеличилась еще больше за счет распашки пастбищ и достигла 174 476 рал (31 405 га) вместо 109 000 рал (19 620 га). Земледелие, наравне со скотоводством, стало важнейшей отраслью сельского хозяйства.

На отошедших к княжеству землях черногорское правительство проводило некоторые аграрные преобразования, упразднившие в основном турецкую феодальную систему хозяйства. В ходе этих преобразований

[1] Окончательное определение границы с Турцией произошло в 1883 г.

Военный совет в Цетинье. Гравюра 1859 г.

были наделены землей феодально-зависимые крестьяне-чифтчии, обрабатывавшие земли мусульманских собственников, и черногорские воины, принимавшие участие в войне 1876—1878 гг. Наиболее плодородные земли захватил князь Николай, его родственники и высшее чиновничество. В то время как малоземельные и безземельные крестьяне Черногории получили наделы размером от 1 до 3 рал (0,18 — 0,54 га), в собственность некоторых племенных старейшин перешли сотни рал плодородных земель. Так, воевода Петр Вукотич, родственник князя, получил 972 рала (175 га) плодородной земли, лесной участок, четыре мельницы, две суконовальни, два имения и дом в Баре с садами, принадлежавшими ранее турецкому феодалу. Владения некоторых крупных земельных собственников, в том числе князя Николая, превышали тысячу рал (180 га). За счет пожалований князя Николая произошло также расширение монастырского землевладения.

Однако аграрная реформа не ликвидировала полностью феодальные отношения. Согласно ст. 30 Берлинского трактата, за турецкими подданными сохранялось право собственности на землю, впоследствии подтвержденное черногоро-турецкими конвенциями. В силу этого бывшие чифтчии и черногорцы, наделенные землей турецких владельцев, обязывались уплачивать подати прежним собственникам земли. Исключение составляли лишь лица, получившие землю в качестве личного дара князя Николая, плату за которых вносило государство. Правда, вместо установленной четверти урожая турецкие собственники с трудом собирали четырнадцатую часть, так как крестьяне отказывались платить ренту. К 90-м годам XIX в. часть земли, принадлежавшая турецким подданным, была

выкуплена обрабатывавшими ее крестьянами или государством. Чиптчийские отношения сохранялись в Черногорском Приморье и в Зетской равнине. Крестьяне, в пользовании которых находились небольшие наделы земли, продолжали уплачивать ее собственникам натуральную ренту.

Полуфеодальные формы ведения крупного хозяйства продолжали существовать как в присоединенных, так и в основных областях Черногории. На землях светских владельцев и монастырей преобладали арендные отношения, большое место занимала наполица. Сроки аренды монастырских земель были различны — 5—10 лет, а с 1884 г. был установлен 12-летний срок. Большинство арендаторов принадлежало к бедным безземельным крестьянам, хотя в их числе были и зажиточные крестьяне, и воеводы, в свою очередь сдававшие арендованные земли в испольную аренду.

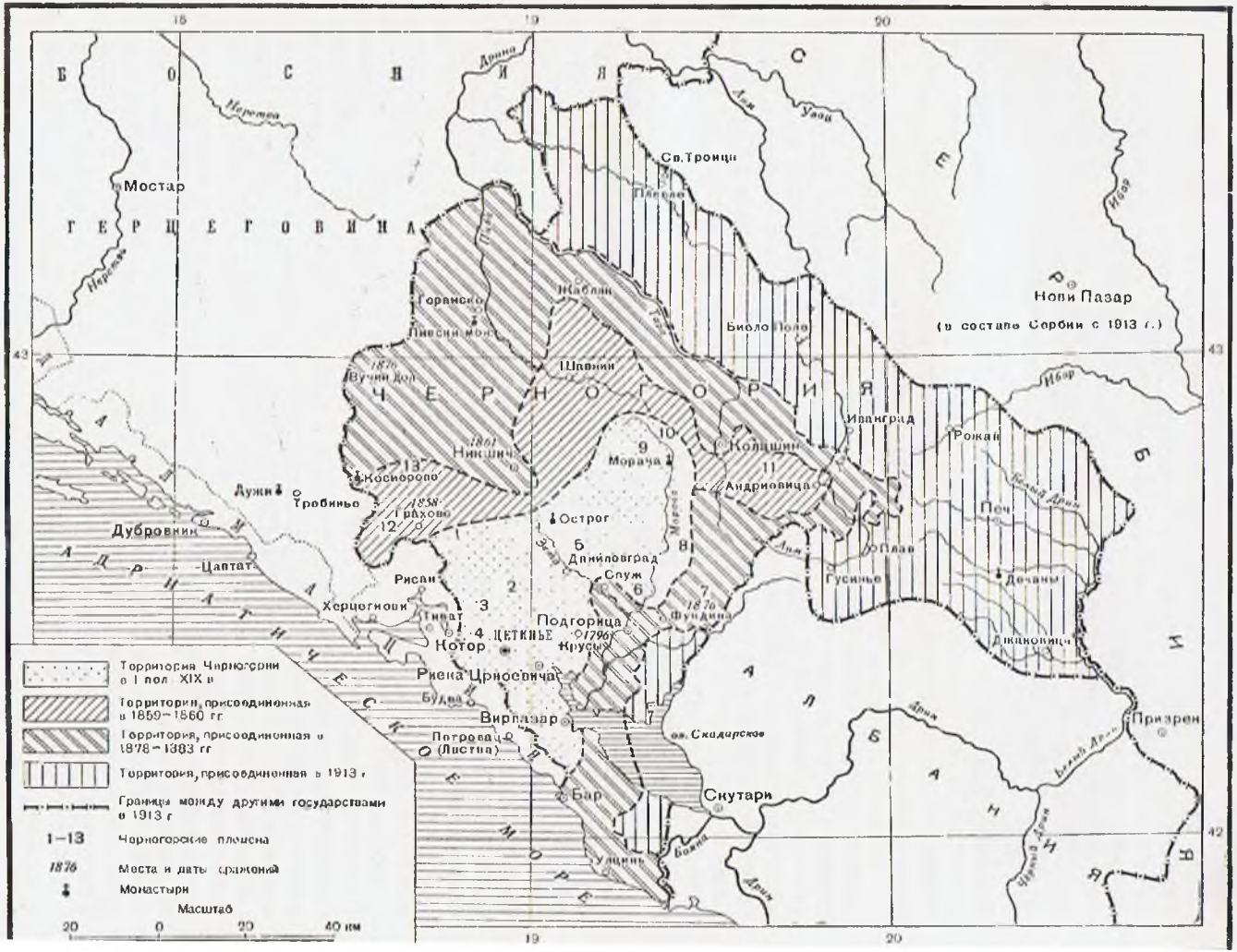
Развитие капиталистических отношений в Черногории, вследствие общей ее отсталости, началось со значительным опозданием по сравнению с другими югославянскими землями. Сохранение остатков феодальных отношений и патриархальных пережитков, самодержавный режим — все это тормозило развитие капитализма. Тем не менее, к концу XIX в. произошли заметные изменения в черногорских селах. Это нашло свое отражение в разделе племенных земель, распаде больших семей, усилении дифференциации среди крестьянства и ухудшении его положения.

Скотоводство ранее других отраслей сельского хозяйства стало приобретать товарный характер. Продажа скота и продуктов скотоводства получила наибольшее развитие. Владельцы скота начали применять наем батраков для ухода за стадами, арендовали за денежную плату пастбища у землевладельцев. Богатые торговцы скотом самовольно пасли скот на общинных пастбищах, вытесняя с них крестьян. Покупая крестьянские наделы в разных общинах, они приобретали право пользования общими пастбищами в нескольких селах. Так, один черногорский торговец, владевший стадом до пяти тысяч овец и одной тысячи голов крупного скота, приобрел право на пользование общинными пастбищами во многих селах Пивы и Дробняка.

В конце XIX в. уменьшилось количество племенных земель, значительная часть их была разделена между селами, общинами и братствами. Одновременно с этим происходил процесс перехода «комуниц» в частную собственность. Вопрос о разделе земель решался на племенных собраниях. В первую очередь делилась площадь, пригодная для земледелия. Пастбища зачастую оставались в совместном владении. Каждая семья, независимо от ее численности, получала один надел. Несмотря на это, племенные старейшины и сельская буржуазия самовольными захватами и покупками забирали в свои руки бо́льшую и лучшую часть земли. Используя власть, князь Николай самовольно распоряжался племенными землями. Несмотря на многочисленные разделы, проведенные в Черногории в начале XX в., около 50% ее территории продолжали составлять различные формы общинного землевладения. Такие земли сохранились преимущественно в горных районах и использовались под пастбища. В тех местах, где были разделены все общинные земли, существовал совместный выпас скота на частновладельческих полях после уборки урожая.

Проникновение капитализма в село вело к обнищанию крестьянства. В 1889 г. 55% общего числа земельных собственников являлись малоземельными (менее 1 га). В дальнейшем число мелких владельцев быстро возрастало. Увеличилось число случаев продажи с аукциона земли и имущества крестьян в уплату за долги и недоимки.

Вследствие экономической отсталости Черногории процесс отделения производителей от средств производства протекал особенно мучительно. Разорившиеся крестьяне, не находя применения в слаборазвитой промышленности, обрекались на полуголодное существование или были



Черногория в XIX — начале XX в.

Черногорские племена 1) цуцы, 2) белицы, 3) чкличи, 4) ногуши, 5) белопавличи, 6) пипоры, 7) кучи, 8) братоножичи, 9) ровцы, 10) морача, 11) васоевичи, 12) грахово, 13) рудины

вынуждены искать заработков за границей. Одни уходили на сезонные работы, другие эмигрировали. В конце XIX в. ежегодно покидало родину две-три тысячи черногорцев. В дальнейшем эмиграция еще более возросла. Большинство черногорцев направлялось в Америку.

Ввиду прогрессировавшего разорения крестьянства правительство, подобно тому как было в Сербии, в 1882 г. приняло закон, устанавливавший минимум крестьянской земли и недвижимого имущества, которые не подлежали продаже за долги. Согласно этому закону конфискации не подлежали дом, необходимая утварь, сельскохозяйственные орудия и участок земли в размере одного рала. Но подобными искусственными мерами правительство не смогло приостановить разорение крестьян.

Развитие городской жизни в Черногории началось только после присоединения к ней в 1878 г. городов, отошедших от Турции. Из Никшича и Колашина стало выселяться турецкое население, а вместо него селились черногорцы. В Подгорице, Улцине и Баре возникали новые предместья, населенные черногорцами. Население Подгорицы — самого крупного города Черногории, за период с 1880 по 1909 гг. увеличилось с 6—7 тыс. до 9,9 тыс. человек. В начале XX в. столица — Цетинье превратилась в город, а на месте населенных пунктов Рнеки Црноевича, Данпловграда, Впрпазара возникли небольшие города. В 1909 г. число жителей городов достигло 34 569 человек, что составляло 15,6% общего количества населения. В городах возрастало число ремесленников, торговцев, мелких предпринимателей, чиновников и интеллигенции.

Согласно переписи 1881—1882 г., в княжестве насчитывалось 286 различных ремесленных мастерских, из которых на долю Подгорицы приходилось 133. Но после 1900 г. число последних сократилось наполовину, так как ремесленные изделия не могли выдержать конкуренции иностранных промышленных товаров. В 1903 г. в Цетинье было основано «Общество помощи ремеслу и торговле», которое послало на обучение в Хорватию, Сербию и Чехию 200 черногорских юношей. Вслед за цетинским обществом возникли «Первое никшичское ремесленное объединение» (1906 г.) и «Первая портняжная задруга» в Цетинье (1911 г.).

С 80-х годов XIX в. стали создаваться лесопильни, пивоварни, суконвальни, маслобойни и другие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. В 1888 г. была построена первая мыловаренная фабрика в Баре; в 1896 г. открыта пивоварня «Оногошт». Насколько промышленность Черногории была отсталой, можно судить по тому, что только в 1903 г. была применена на одной из мельниц первая в стране паровая машина. Большинство черногорских промышленных предприятий были небольшими. В 1906 г итальянская компания построила табачную фабрику в Подгорице, на которой работало 150 женщин. В 1910 г. в Никшиче возникла пивоварня, оборудованная, по тому времени, современной техникой.

После 1878 г. началось усиленное дорожное строительство в стране. К 1912 г. было проложено 500 км гужевых дорог. Дороги строились большей частью за счет государственной повинности (кулука). Расширение дорожной сети способствовало развитию торговых связей, хотя коммуникации продолжали оставаться неудовлетворительными. До 1909 г. Черногория была единственной страной среди югославянских земель без железнодорожного сообщения.

Приобретение Черногорией выхода к морю способствовало расширению ее внешней торговли. С 80-х годов XIX в был подписан ряд торговых договоров с европейскими государствами. Мелкий скот, помимо Австро-Венгрии, стал направляться во Францию и Италию, а крупный— в Англию. Благодаря росту товарности скотоводства и накоплению капиталов в руках буржуазии, последняя начала самостоятельно (минуя посредников) производить торговые сделки с заграницей.

Производство патронов в монастыре Цетинье. 1858 г.

В 1901—1912 гг. было основано пять банков и одна сберегательная касса, денежный оборот которых составил в 1911 г. около 270 млн. перперов (без ипотечного банка). Наиболее крупные финансовые операции производил Черногорский банк в Цетинье и Народный банк Черногорского княжества. В 1906 г. Черногория начала чеканить свою монету. Денежной единицей стал перпер, приравненный к австрийской кроне. Банки не удовлетворяли потребности в кредите крестьян, поэтому в Черногории сохранялось ростовщичество. Хотя в Имущественном законнике ростовщический процент был ограничен 8%, ростовщики при помощи различных махинаций зачастую взимали свыше 100%.

По мере усиления связей с рынком, шел процесс постепенного обуржуазивания части племенных старейшин, которые вкладывали капиталы в торговлю. Росла сельская буржуазия. И все же Черногория продолжала оставаться отсталой аграрной страной с преобладанием натурального хозяйства и многочисленными остатками докапиталистических отношений.

В период империализма в Черногорию проникает иностранный капитал — сначала английский, затем итальянский и австрийский. Общество «Англо-Монтенегрин» в Подгорице (1894—1904 гг.) владело рядом мануфактур и осуществляло сообщение по Скадарскому озеру. В 1903 г. черногорское правительство предоставило табачную монополию итальянскому «Анонимному обществу». Компания скупала табак у крестьян по пониженным ценам и лучшие его сорта вывозила за границу; в то время как низкосортный табак продавался на черногорском рынке по повышенным ценам. Чтобы не продавать табак итальянской компании, крестьяне скрывали его посевы для контрабандной торговли. За три года существования табачной монополии общая площадь посевов табака в Черногории сократилась почти в 4,5 раза.

В 1906 г. было создано итало-черногорское «Барское общество», (просуществовало до 1944 г.), которое получило концессии на устройство и эксплуатацию порта в Баре и строительство узкоколейной железной дороги Бар—Вирпазар. Концессии были даны соответственно на 50 и 75 лет. Строительство железнодорожной линии было завершено в 1909 г. Вслед за этим итальянская компания завладела пароходным сообщением по

Скадарскому озеру и получила новую концессию на разработку лесных и рудных богатств на всей территории княжества (1905 г.).

С 1907 г. усилилось проникновение в Черногорию австрийского капитала, вкладывавшегося преимущественно в разработку лесных богатств, торговлю скотом и кожевенными товарами. На средства Венского финансового общества было начато строительство дороги Рисан—Грахово, затем продолженной до Никшича.

Проникновение иностранного капитала усилило экономическую зависимость Черногории от Италии и Австро-Венгрии. С каждым годом росла задолженность страны по иностранным займам, большая часть которой приходилась на австрийские банки. К 1914 г. долги государства по внешним займам составили 16,8 млн. крон. Погашение их ложилось дополнительным бременем на плечи населения.

Бюджет Черногорского княжества из года в год оставался дефицитным. Значительную доходную статью в бюджете составляли субсидии, которые выплачивались ежегодно Черногории русским правительством. С 1878 по 1902 г. они составили сумму в 37 млн. рублей. До 1907 г. бюджет не публиковался.

Отсутствие контроля приводило к хищениям государственных средств. Значительная их часть расходовалась князем Николаем и высшими государственными чиновниками на личные нужды.

Кризис самодержавного режима

После освободительной войны 1876—1878 гг. в Черногории были проведены некоторые преобразования в государственном управлении и административном устройстве. В 1879 г. было принято решение об упразднении Сената. Вместо него учреждались Государственный совет из восьми лиц, кабинет министров и Верховный суд. Территория Черногории делилась на десять нахий (округов), которые в свою очередь подразделялись на капитании. Капитаны сохраняли в своих руках судебную и административную власть.

В 1888 г. вступил в силу новый «Имущественный законник Черногории», составленный выдающимся славянским ученым-юристом Валтазаром Богишичем. Богишич был командирован из России, где он тогда жил, по ходатайству черногорского правительства. Законник осуществил кодификацию черногорского обычного права, дополнив его некоторыми нормами буржуазного имущественного права.

В конце XIX в. реорганизация черногорских вооруженных сил закончилась введением обязательной воинской повинности. Регулярная армия была построена по русскому образцу. Офицерские кадры готовились главным образом в русских военно-учебных заведениях, а также в Италии. Вооружение и материальное оснащение армии производилось за счет ежегодных субсидий русского правительства.

В начале XX в. была завершена перестройка внутреннего управления Черногории. Законами, изданными в 1901—1903 гг., определялась компетенция правительства, Государственного совета и обязанности чиновников. В это время впервые был создан Главный государственный контроль и учреждено три судебных инстанции — Великий суд, областные суды и капитанские суды. При осуществлении реформы было произведено разделение функций в местных органах управления.

Самодержавный режим в Черногории сочетался с полным бесправием народа и безответственностью чиновников. Князь Николай управлял страной бесконтрольно. Правительство в течение 26 лет возглавлял воевода Божо Петрович. Прохождение дел в судах было связано с волокитой

и взяточничеством. Самодержавный режим вызывал недовольство среди всех слоев трудящегося населения.

В конце XIX в. на политической арене Черногории стала активно выступать либеральная буржуазия, требовавшая проведения буржуазных реформ в государственной и политической жизни страны. Однако черногорские либералы, выражавшие интересы торговой и сельской буржуазии, были недостаточно сильны, чтобы самостоятельно повести борьбу против самодержавного режима князя Николая. Они объединились с оппозиционно настроенными обуржуазившимися племенными старейшинами.

Первым проявлением буржуазной либеральной оппозиции было создание в 1880 г. тайного политического общества, ставившего своей целью смену правительства и введение конституции. Главой общества был воевода Шако Петрович. Общество вскоре было раскрыто. Правительство жестоко расправилось не только с его членами, но начало преследовать всех оппозиционно настроенных людей. Это побудило многих из них эмигрировать в Сербию и другие страны.

В начале XX в. в связи с увеличением налогового бремени усилились волнения крестьян. Они все чаще отказывались от уплаты налогов и оказывали сопротивление властям. В 1902 г. русский поверенный в Черногории сообщил в Петербург, что военный министр издал секретный приказ, предписывавший жандармерии в случаях покушений на представителей власти не арестовывать преступников, а расстреливать их на месте. Введение в 1903 г. табачной монополии вызвало повсеместное недовольство. Крестьяне отказывались подчиняться итальянским чиновникам. Столкновения, происходившие между ними, нередко завершались кровопролитием. Начались аресты недовольных табачной монополией.

С развитием промышленности в Черногории начал формироваться и рабочий класс. Положение рабочих было тяжелым. Продолжительность рабочего дня не была ограничена. Особенно тяжелыми были условия труда на концессионных предприятиях.

Рабочего законодательства в Черногории не существовало. Исключением явилось издание в 1891 г. закона о 8-часовом рабочем дне для рабочих государственной типографии в Цетинье. В типографии военного министерства в 1906 г. был установлен 9-часовой рабочий день.

К концу 70-х годов XIX в. относятся первые стихийные выступления рабочих. В 1878 г. рабочие оружейной мастерской на Ободе прекратили работу и потребовали повышения заработной платы. Вскоре к ним присоединились рабочие мастерской Даниловграда. Забастовка была подавлена. В 1879 г. в Риеке Црноевича рабочие, вследствие крайне низкой оплаты, отказались выгружать соль.

Проникновение социалистических идей в Черногорию было связано с пребыванием там в 1871 г. Васы Пелагича. В этом году цетинская газета «Црногорац», редактор которой Спмо Попович являлся сторонником Светозара Марковича, опубликовала ряд статей, проникнутых симпатией к Парижской коммуне. В 1879 г. Йован Павлович — издатель первого перевода «Коммунистического манифеста» на сербский язык (Панчево, 1871г.)— открыл в Цетинье книжный магазин, где продавалась социалистическая литература. Это начинание способствовало ознакомлению общественности Черногории с социалистическими идеями.

В 1903 г. в Баре был основан «Рабочий союз»— первая рабочая организация Черногории. Сведения о деятельности союза крайне скудны. Его организатором был рабочий Йован Хайдукович. В 1895—1901 гг. он работал на предприятиях Белграда и Крагуеваца, где познакомился с сербским рабочим движением. Союз насчитывал 243 члена.

Между тем самодержавный режим князя Николая вызывал все большее недовольство в стране. Ряд видных старейшин — Йола Пилетич, Пеко

Павлович и другие, — враждовавших с князем, эмигрировали. Известный своими оппозиционными настроениями воевода Шако Петрович сблизился с Йованом Хайдуковичем. Вокруг них стали объединяться недовольные княжеским самовластием.

Под влиянием первой русской революции обострилась политическая обстановка в Черногории. В декабре 1905 г. была созвана скупщина, на которой князь Николай для успокоения населения провозгласил конституцию. В Черногории устанавливалась наследственная конституционная монархия. Однако конституция, скопированная с сербской конституции 1869 г., фактически оставляла всю полноту верховной власти в руках князя. Он назначал правительство, обладал законодательной инициативой и утверждал законы. Скупщина являлась совещательным органом, рассматривала проекты законов и утверждала бюджет. Часть депутатов назначалась князем. Чрезвычайные законы князь мог издавать без санкции скупщины.

Правительство Лазаря Мияшковича, назначенное князем вместо старого правительства воеводы Божо Петровича, продолжало политику сближения с Италией. Последняя воспользовалась поражением России в русско-японской войне 1904—1905 гг. для укрепления своих позиций в экономике Черногории и усиления своего политического влияния. В 1905 г. итальянское правительство передало на вооружение черногорской армии 52 артиллерийских орудия и четыре станции беспроволочного телеграфа.

Наметившийся поворот Черногории в сторону сближения с Италией не сопровождался уменьшением симпатий к России черногорского народа. Во время войны России с Японией в Черногории происходил сбор пожертвований в пользу русских раненых. Многие черногорцы заявляли о своем желании принять участие в военных действиях, а некоторые отправились в качестве добровольцев в русскую армию. Италофильская политика правительства Мияшковича не пользовалась поддержкой населения.

В 1906—1907 гг. борьба народа за демократические преобразования усилилась. В 1906 г. произошел бунт крестьян, работавших на строительстве дороги Андриевица—Подгорица. Дороги в Черногории продолжали строиться крестьянами, несшими государственную повинность (кулук) [1]. Крестьяне были отправлены на строительство этой дороги в порядке воинской дисциплины под командованием офицеров. Многие из них до этого в течение полугода охраняли восточную границу, и дома у них оставались не обеспеченные хлебом семьи. Другие уже уплатили денежный налог вместо кулука и привлекались к несению повинности незаконно. Возмущение началось в Васоевичах, где крестьяне отказались работать из-за непосильных норм. Руководившие работами офицеры сбежали, а прибывший на место волнения представитель власти едва не был убит. Во время постройки мостов через реки Тара и Скрбуша отказался продолжать работы весь состав Морачского батальона, мобилизованный на строительные работы. По распоряжению военного министра весь батальон был арестован, закован в кандалы и посажен в тюрьму в городе Колашине. Арестованные находились в тюрьме два месяца, но в связи с обострением внутриполитического кризиса в стране были освобождены.

14 сентября 1906 г. состоялись выборы в скупщину. Несмотря на давление на избирателей со стороны правительства, в скупщине образовалась оппозиционная группа депутатов из числа представителей торговой

[1] Каждый совершеннолетний был обязан отработать бесплатно 10 дней в году на постройке дорог и других сооружений. Несмотря на то, что правительство в 1906 г. заменило кулук денежным налогом в размере шести крон, население по-прежнему привлекалось к несению повинности по постройке дорог.

и сельской буржуазии и оппозиционно настроенных племенных старейшин. К оппозиции присоединились представители старого доконституционного правительства, в том числе бывший министр иностранных дел воевода Гавро Вукович. Эти политические деятели в течение последних 20—30 лет находились у власти и выступали против всяких преобразований. С назначением правительства Миюшковича они оказались отстраненными от управления и, чтобы снова прийти к власти, примкнули к либералам.

Либеральная буржуазия требовала демократизации управления, высказывалась за проведение протекционистской политики в области промышленности и сельского хозяйства и критиковала правительство Миюшковича за нарушения конституции и италофильскую внешнюю политику.

Выступления оппозиции побудили правительство в ноябре 1906 г. организовать судебный процесс над группой студентов, издавших в Белграде брошюру «Слово черногорской университетской молодежи о событиях в Черногории» и нелегально переправивших ее на родину. Авторы брошюры требовали соблюдения принципов конституционного строя. Почти все обвиняемые студенты добровольно прибыли в Цетинье. Процесс вскрыл много злоупотреблений в государственном аппарате и вызвал большой политический отклик как внутри княжества, так и за его пределами. В связи с процессом в стране прошли первые политические манифестации. Под давлением общественности суд вынес оправдательный приговор авторам брошюры. После оглашения приговора в Цетинье стихийно возникла антиправительственная манифестация.

Под влиянием создавшейся в стране обстановки, 5 ноября в скупщине произошли бурные прения по вопросу о внешней политике правительства Миюшковича и о расхищении государственных средств. Оппозиция обвиняла правительство в охлаждении взаимоотношений с Россией и Сербией и подчинении экономики Черногории Италии. Особое недовольство вызывало то, что строительство железнодорожной линии и сооружение порта в Баре, начатое в марте 1905 г., производилось итальянской компанией без оформления условий договора и при отсутствии контроля. Высших государственных чиновников упрекали в казнокрадстве. Правительство Миюшковича вынуждено было выйти в отставку. 11 ноября 1906 г. было сформировано новое правительство, составленное из сторонников оппозиции во главе с Марко Радуловичем.

Депутаты скупщины, входившие в оппозицию, образовали «Народный клуб», председателем которого был избран воевода Шако Петрович, заместителем Марко Радулович. На базе этого клуба возникла либерально-буржуазная Народная партия, членов которой называли «клубашами». Народная партия была такой же пестрой по своему составу, как и оппозиционная группа в скупщине. Это послужило причиной узости программы Народной партии и быстрого ее распада в дальнейшем.

Программа «клубашей», хотя требовала облегчения кулука, однако обходила молчанием аграрный вопрос. Основное место в ней занимали требования: предоставления политических свобод, демократизации государственного аппарата, сокращения числа чиновников, введения самоуправления общин, контроля за расходами государственных средств, подоходного налога, оказания государственной помощи сельскому хозяйству, развитию промышленности, ремесла и торговли. Во внешней политике программа выдвигала лозунг освобождения и объединения всех сербских земель, но вопрос о будущем государственном их устройстве в ней не затрагивался. Либеральная буржуазия выступала за укрепление дружественных взаимоотношений с Россией и Сербией.

Подъем борьбы народа в 1906—1907 гг. против княжеского деспотизма сопровождался усилением рабочего движения.

В это время произошел ряд забастовок в государственной типографии в Цетинье и на строительстве дороги Бар—Вирпазар. К началу XX в. в Цетинской типографии, насчитывавшей 50 рабочих, ухудшились условия труда — закон о 8-часовом рабочем дне не соблюдался. 6 ноября 1906 г. рабочие начали забастовку, выставив в качестве основного требования — оплату сверхурочного труда. В результате забастовки, длившейся несколько дней, было прекращено издание официальной газеты «Глас црногорца». В 1907 г. типографские рабочие продолжали добиваться увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня.

В июле 1907 г. вспыхнула забастовка на строительстве туннеля через Суторманский перевал. На строительстве работали черногорцы, босняки, герцеговинцы и несколько итальянцев. Труд итальянцев оплачивался в 2,5 раза выше, чем остальных рабочих. Забастовочный комитет от имени бастовавших потребовал увеличения заработной платы и назначения надсмотрщиком черногорца. Итальянская компания, опасаясь распространения забастовки на всю железную дорогу, согласилась удовлетворить второе требование рабочих.

В 1907 г. было положено начало созданию профсоюзных организаций. 27 мая 1907 г. возникла первая профсоюзная организация среди рабочих Цетинья — Цетинское рабочее общество. Вслед за ним были созданы профсоюзные организации в Подгорице и Никшиче. Программа Цетинского рабочего общества требовала сокращения рабочего времени, увеличения заработной платы, улучшения условий труда и предусматривала оказание материальной помощи членам общества. Общество занималось и культурно-просветительной деятельностью. В отличие от Цетинского общества среди членов профсоюзных организаций Никшича и Подгорицы преобладали ремесленники.

Хотя в Черногории не было создано социал-демократической партии, среди участников рабочего движения были сторонники социалистических идей, принимавшие участие в сербском социалистическом движении (Крсто Попович, 1886—1914). Руководство рабочих организаций и их члены активно боролись против самодержавного режима. Ремесленное рабочее общество в Никшиче стало центром средоточия всех оппозиционных сил города. Ввиду своей малочисленности и политической отсталости рабочий класс Черногории не мог возглавить эту борьбу. Во главе борьбы за проведение в стране политических преобразований оказалась буржуазия, что значительно сузило размах движения.

Правительство Радуловича, придя к власти, провело некоторые буржуазные реформы: законы о государственном бюджете и о порядке выборов депутатов путем тайного голосования. Деятельность этого правительства встретила сопротивление со стороны князя Николая.

27 января 1907 г. правительство Радуловича было заменено правительством Андрия Радовича, созданным в результате компромисса между Народной партией и приверженцами князя. Столкнувшись с вопросом об итальянских концессиях на постройку порта в Баре и железной дороги, правительство попыталось добиться лучших для Черногории условий. Это вызвало раскол в Народной партии, в результате которого большинство скупщины отвергло предложения правительства. Правительство Радовича, продержавшись у власти всего три месяца, ушло в отставку.

Следующий кабинет, возглавленный Лазарем Томановичем, был составлен из сторонников князя. В стране начались расправы с представителями Народной партии. 7 апреля была распущена скупщина, за депутатами учрежден полицейский надзор, а часть их арестована. Были уволены со службы чиновники, сочувствовавшие Народной партии и все неугодные правительству лица. Разгрому подверглась также типография оппозиционной газеты «Народна мисао».

Одновременно с этим произошло объединение всех консервативных сил. Сторонники князя Николая образовали так называемую Истинную народную партию («праваши»). Эта партия ставила своей целью сохранение самодержавного режима. В ответ на репрессии руководство Народной партии приняло решение отказаться от избирательной борьбы в новую скупщину и покинуло столицу. Черногорский народ оказал поддержку Народной партии. Во многих городах возникали манифестации в знак солидарности с ее политикой. Недовольство народа еще больше усилилось в связи с мерами правительства по изъятию оружия у лиц, сочувствовавших Народной партии.

Насилием и обманом сторонникам князя удалось на выборах в скупщину 18 октября 1907 г. получить большинство. Вслед за этим усилились репрессии в отношении противников самодержавия. Узнав о расправе с оппозицией, руководство «Омладинского клуба» решило переправить в Черногорию боеприпасы, приобретенные в Крагуеваце. Типографский рабочий Стеван Райкович, охранявший их, 21 октября самовольно перенес их из Котора в Цетинье, где и был арестован. Правительство Томановича, воспользовавшись этим инцидентом (афера с бомбами), обвинило Народную партию и политическую эмиграцию в Сербии в подготовке переворота и убийства князя Николая. После этого оно жестоко расправилось со своими политическими противниками: из 52 обвиняемых 6 было приговорено к смертной казни, остальные к пожизненной каторге или тюремному заключению. Двадцать обвиняемых, находившихся вне пределов Черногории, были осуждены заочно.

Правительство Томановича потребовало у сербского правительства выдачи осужденных по этому процессу. Дело эмигрантов, обвинявшихся черногорским правительством, рассматривалось судом в Белграде, который вынес им оправдательный приговор. Вместе с тем в ответ на клеветнические обвинения в участии в заговоре, Сербия порвала с Черногорией дипломатические отношения. Черногорские студенты организовали митинги протеста в России, Сербии, Австро-Венгрии. Под воздействием общественного мнения князь Николай заменил осужденным смертную казнь пожизненной каторгой.

Во время боснийского кризиса Черногория выступила с решительным протестом против аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. На чрезвычайном заседании скупщины было принято решение об аннулировании статьи 29-й Берлинского трактата, которой возлагался на австрийское правительство надзор за черногорским побережьем Адриатики. Между Черногорией и Сербией были восстановлены дипломатические отношения.

В январе 1909 г. сторонники Народной партии создали конспиративную организацию с целью свержения князя Николая. В заговоре участвовало несколько офицеров. Руководителем организации был майор Митрович. Предполагалось в течение 1910 г. создать по всей стране сеть заговорщических групп, которые подняли бы одновременное восстание, чтобы принудить князя Николая отречься от престола. На его место заговорщики хотели посадить наследника престола Данилу и ограничить его власть конституцией. Заговор был раскрыт. По приговору военного суда, который заседал 12 ноября 1909 г. в Колашине, семь участников заговора были приговорены к смертной казни и 33 — к тюремному заключению.

Приговор в Колашине был встречен с негодованием прогрессивной общественностью Европы. Балканские социалисты видели в участниках заговора борцов за демократические свободы. В Народной скупщине Сербии, с протестом против приговора, выступил депутат от социал-демократической партии Триша Кацлерович. На состоявшемся 22 ноября 1909 г. митинге в Белграде выступали Димитрий Туцович и Душан Попович.

В целях отвлечения внимания общественного мнения и поднятия престижа династии Петровичей князь Николай провозгласил 15 августа 1910 г. Черногорию королевством. Во время пребывания в Петербурге в 1910 г. король заключил соглашение с Россией. Русское правительство взяло на себя реорганизацию, обучение и оснащение современным оружием черногорской армии и увеличило ежегодные субсидии Черногории с 800 тыс. до 1 млн. 600 тыс. крон.

Черногорское правительство строило планы использования антитурецкой борьбы в Албании для расширения княжества и создания «великой Черногории». После поражения албанского восстания 1910 г. значительное число повстанцев вместе со своими семьями эмигрировало в Черногорию. Первоначально черногорские власти оказывали им помощь и обещали поддержать готовившееся эмигрантскими комитетами новое восстание в Албании. В марте 1911 г. черногорское правительство объявило о прекращении помощи. Это привело к преждевременному восстанию (1911 г.), которое было зверски подавлено турками. Освободительная борьба албанского народа вызывала сочувствие со стороны трудящихся масс Черногории, которые собирали пожертвования в пользу албанцев. Более сотни черногорцев приняло участие в албанском восстании.

ГЛАВА

33

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ

Хорватия и Славония в годы абсолютизма и конституционных реформ в империи Габсбургов (1851—1868 гг.)

В декабре 1851 г. Франц-Иосиф отменил мартовскую конституцию 1849 г. и в Австрии был провозглашен абсолютистский режим. Управление Хорватией [1] было передано в руки австрийских чиновников во главе с баном, являвшимся наместником венского правительства. Вся жизнь страны была поставлена под контроль бюрократии и жандармерии, а после заключения Австрией конкордата с папской курией (1855 г.) — и католической церкви. Официальным языком администрации стал немецкий. В 1853 г. был издан императорский патент (указ) о ликвидации феодальной зависимости крестьян. В своих основных чертах патент соответствовал решениям сабора 1848 г. Крестьяне становились собственниками наделов, но за освобождение от урбариальных повинностей должны были платить в казну выкуп. Выкупная сумма, причитавшаяся помещикам, равнялась примерно их 17-кратному годовому доходу. В обеспечение выкупа помещики получали облигации. Часть земель, издавна использовавшаяся крестьянством (пашневые и др.), осталась в собственности помещиков, крестьяне продолжали нести повинности за пользование ими. Помещики сохранили ряд важных привилегий. Они были почти полностью освобождены от тяжелых общинных налогов, пользовались особыми правами (регалиями) на устройство рынков, мельниц, перевозов, торговлю вином и т. п. Последовавший вскоре патент 1857 г. о землеустройстве (комасации) и отделении помещичьих земель от крестьянских (сегрегации) не только узаконивал многочисленные захваты крестьянских земель, произведенные дворянством в феодальную эпоху, но давал возможность помещикам прирезать себе новые участки крестьянских лесов и лучших пахотных земель, оставляя крестьянам худшие, более отдаленные и т. п.

В результате реформы крестьянство, испытывавшее земельный голод, нехватку лугов, лесов и пастбищ, осталось в экономической зависимости от помещиков. Оно подвергалось кабальной эксплуатации с их стороны

[1] Ввиду того, что после 1848 г. в политическом положении Хорватии и Славонии в составе империи не было различий, в тексте они в большинстве случаев именуются Хорватией.

(издольная аренда и т. п.), терпело произвол чиновников, несло основную тяжесть разного рода поборов и трудовых повинностей. Крестьянские непахотные угодья, отделенные от помещичьих, остались в распоряжении сельских общин. Общины были поставлены под контроль чиновничества, которое действовало в соответствии с интересами помещиков и торгово-ростовщической верхушки деревни. Права крестьянина на пользование общинными угодьями (лесом, пастбищем, лугом) зависели от величины участка его пахотной земли.

Способ, которым в Хорватии ликвидировались феодальные отношения, обусловил развитие капитализма в сельском хозяйстве страны по так называемому прусскому пути, т. е. по пути постепенного превращения помещичьего хозяйства в капиталистическое, выделения эксплуататорской крестьянской верхушки, разорения и обнищания крестьянских масс. Сохранившиеся феодальные пережитки являлись одной из причин возраставшего недовольства народных масс и острой классовой борьбы в хорватской деревне в течение последующего периода.

Абсолютистский режим защищал прежде всего интересы австрийских капиталистов и дворянства. В интересах развивавшегося австрийского капитализма в 1850 г. была ликвидирована таможенная граница, отделявшая Австрию от Венгрии и Хорватии. В 1862 г. железная дорога (Зидани Мост—Загреб—Сисак) соединила Хорватию с Веной и Триестом. Позднее поезда стали ходить в Карловац и Риеку. Вследствие этого пришли в упадок порты Хорватского Приморья и ряд торговых центров запада страны, через которые раньше шла большая часть хорватского вывоза. В дальнейшем протяженность железных дорог систематически росла, что усиливало связь Хорватии с общеимперским рынком. Вывоз сырья австрийскими и иностранными капиталистами и доступ в Хорватию изделий австрийских фабрик был облегчен. Конкуренция последних подавляла старинные отрасли местного производства. Вместе с тем железные дороги способствовали развитию в Хорватии капиталистической промышленности. В середине XIX в. Хорватия оставалась одной из отсталых провинций Австрийской империи. Она переживала социально-экономический кризис ввиду неблагоприятных условий перехода к буржуазному хозяйству.

После 1848 г. население хорватских земель, входивших в состав Военной Границы (Хорватско-Славонская граница), все в большей мере испытывало тяготы военного режима. В 1850 г. была ликвидирована верховная собственность императора на участки граничар. Но хотя формально земля крестьян-граничар была объявлена их собственностью, они еще не стали буржуазными собственниками, так как по-прежнему обязаны были нести военную службу с земли. Экономическое развитие Военной Границы, скованное военным режимом, шло медленно. В 1869 г. в ремесле и промышленности Границы было занято менее 3% населения, а в Хорватии — около 7%. Тем не менее, под влиянием товарно-денежных отношений происходил процесс распада патриархальных задруг — основы австрийской военной системы. Граничарские семьи, кормильцы которых на долгое время отрывались от хозяйства военной службой, разорялись. Население Границы быстро нищало.

Тяжелое экономическое положение Хорватии, централистская политика абсолютизма привели к росту антиавстрийских настроений в среде буржуазии и дворянства. В дворянской среде оппозиция Австрии усиливалась в связи с экономическими трудностями, с которыми встретились помещики — в особенности средние и мелкие — после реформы 1848 г.

Чтобы пополнить казну, опустошенную в результате событий 1848 г. и австро-франко-итальянской войны 1859 г., австрийские власти с помощью самых крутых мер взимали налоги с разорявшегося крестьянства, размещая с этой целью в деревнях войска на постой.

В конце 50-х и в 60-х годах Австрия оказалась в трудном внешнеполитическом положении: после Крымской войны 1853—1856 гг. ухудшились ее отношения с Россией, Пруссия оспаривала ее руководящее положение в Германии, Италия стремилась к освобождению итальянских земель, входивших в состав габсбургской монархии. В войне 1859 г. против Франции и Пьемонта австрийцы потерпели поражение и должны были уйти из Ломбардии. Внутри государства нарастало возмущение угнетенных национальностей, прежде всего венгров.

Поражение в войне вынудило Франца-Иосифа 20 октября 1860 г. подписать диплом о введении конституционного режима, предусматривавший восстановление провинциальных сеймов и организацию общего для всей империи рейхсрата. Но император сохранил за собой верховную власть.

Октябрьский диплом был встречен благожелательно буржуазией славянских земель империи: диплом, казалось ей, свидетельствовал о намерении двора ввести федеративное устройство государства. Однако уже в феврале 1861 г., идя навстречу австрийской буржуазии, интересы которой выражал новый канцлер А. Шмерлинг, Франц-Иосиф подписал патент об устройстве органов центральной власти, выдержанный в централистском духе. Согласно февральскому патенту в общеимперском рейхсрате преобладающие позиции были обеспечены представителям австрийского капитала и крупного землевладения. О федерализме не было и речи. Февральский патент был издан без консультаций с представителями земель империи, без участия выборных представительных органов и рассматривался славянской и венгерской буржуазией и дворянством как нарушение конституционных национальных прав.

Венские правящие круги, проводя политику лавирования и стремясь обострить отношения между Венгрией и Хорватией, вернули Меджумурье — область между реками Мура и Драва, населенную хорватами — в состав Венгрии, которой она принадлежала до 1848 г. Вместе с тем при правительстве в Вене был создан специальный отдел (дикастерий) по хорватским делам, а языком администрации в Хорватии принят хорватский. Этими уступками Вена надеялась привлечь хорватов к поддержке ее централистской политики.

Используя трудную для Австрии внутреннюю и внешнеполитическую обстановку, буржуазия и дворянство Хорватии в 60-х годах проявили большую политическую активность. Образовались две крупные группировки. Национально-либеральная (или народная) партия (народняки) представляла интересы национальной буржуазии, т. е. торговцев, немногочисленных владельцев мануфактур, откупщиков, чиновничества, а также части землевладельцев. Эти слои были связаны с интересами крупного землевладения и государством (скупка выкупных облигаций, кредит, откупа, торговля и т. п.). Народняки выступали за объединение хорватских земель, в спорах о путях перестройки Австрийской империи поддерживали австро-славистские взгляды, склонялись к планам федерализации монархии, но вместе с тем желали равноправного союза с Венгрией в качестве опоры против австрийского централизма. Борясь против двух сильных противников, они лавировали между Веной и Будапештом.

Лидеры народняков — епископ Йосип Штросмайер, историк Франьо Рачкий и другие—являлись сторонниками «югославизма», т. е. теории национального единства всех южных славян. На Балканах развивалось несколько близких друг другу славянских наций, и теория «единого народа» не соответствовала этой тенденции исторического развития. Она вызывала подозрительность у других народов, так как могла быть использована для установления гегемонии хорватов над ними. Австрославизм народняков и их готовность пойти на соглашение с Веной

стремились использовать габсбургские власти для упрочения своего влияния на южных славян. Кроме того, в среде католической иерархии в Ватикане имелись сторонники культурного сближения между южными славянами, надеявшиеся извлечь из этого пользу для папства. При всем том культурная и политическая деятельность югославистов, направленная на сближение между южнославянскими народами и укрепление дружбы между ними, приводила к положительным результатам. Прогрессивным во взглядах хорватских югославистов было признание равных прав за всеми «частями» (или «племенами») «южнославянского народа».

В годы абсолютизма национальная буржуазия Хорватии испытала разочарование в политике Австрии. Поэтому, сохраняя внешнюю лояльность Габсбургам, ряд лидеров народняков, и прежде всего Штросмайер, в 60-х годах XIX в. был готов в подходящий момент (например, в случае военных неудач австрийцев и подъема национально-освободительного движения на Балканах) выступить за отделение Хорватии от Австрии и создание независимого югославянского государства. Народняки были сторонниками согласованных действий с Сербией и поддерживали связь с сербским князем Михаилом Обреновичем.

Национально-конституционная партия («унионисты», «мадьяроны»), возглавленная магнатами, была партией дворянства и части крупных славонских торговцев, связанных с Венгрией. Большинство дворян стремилось включением Хорватии в состав дворянской Венгрии упрочить свои экономические и политические позиции. Кроме того, унионистов поддерживала часть либеральной интеллигенции, враждебная австрийскому централизму. Венгерские буржуазно-помещичьи круги, выступившие в 1860 г. за восстановление венгерской конституции 1848 г. и создание национального ответственного министерства, вместе с тем потребовали возвращения Хорватии в состав Венгрии. В этой политике они опирались на хорватских унионистов.

Часть дворян, буржуазии и в особенности чиновничества составила враждебную Венгрии проавстрийскую группировку, добивавшуюся непосредственного вхождения Хорватии в состав австрийских земель и представительства Хорватии в рейхсрате. Тем самым, доказывали они, будет облегчено преобразование Австрийской империи в федеративное государство. В отличие от народняков эта группа (Иван Мажуранич, Иван Кукулевич и др.) австро-славистской аргументацией пыталась оправдывать свою поддержку централистского правительства Шмерлинга. Различия в национально-политической ориентации буржуазно-помещичьих слоев зависели от их представления о том, кто — венгерские или австрийские господствующие классы — лучше защитит их интересы.

Кроме указанных течений, в политической борьбе в Хорватии 1860-х годов выступала небольшая группа во главе с Евгением Кватерником и Антуном Старчевичем, представлявшая интересы радикальной мелкой буржуазии. Она выступала против абсолютизма и централизма, налогового гнета, военного режима на Границе, засилия в экономической жизни австрийского крупного капитала, господства магнатов. Кватерник и Старчевич положили начало Партии права. Окончательно Партия права оформилась в конце 1860-х годов. В названии партии ее сторонники («праваши») стремились показать, что они защищают «государственное право» хорватов, которое понималось ими как право на объединение хорватских земель и на неурезанный национальный суверенитет (в составе империи Габсбургов или вне ее) [1].

[1] Как народняки, так и праваши, при защите своих национальных требований наряду со ссылкой на «естественные права» народов, ссылались на «историческое государственное право Хорватии», т. е. зафиксированные в актах феодальной эпохи права Хорватского королевства.

Формулирование принципа суверенитета хорватской нации имело большое значение. Оно свидетельствовало о консолидации хорватской нации и содействовало дальнейшему росту национального самосознания хорватов. Не меньшее значение имела программа демократических политических реформ, выдвинутая правашами. Но одновременно Старчевич, желая укрепить позиции хорватов перед лицом сербского национального движения и стремясь к объединению югославян вокруг хорватов, выступил против югославизма и развил теорию панхорватизма, т. е. объявил сербов и словенцев хорватами. Этот шовинизм вел к ухудшению хорвато-сербских отношений и в конечном счете ослаблял хорватов в их борьбе за национальное освобождение.

А. Старчевич (1823—1896) занимает видное место в политической истории Хорватии 60—80-х годов XIX в. Его скромный образ жизни и полные сарказма публицистические выступления, в которых он отстаивал право хорватов на национальную свободу и бичевал карьеризм и приспособленчество буржуазно-помещичьих и чиновничьих элементов, готовых служить любым угнетателям Хорватии, способствовали его популярности среди широких слоев населения.

Е. Кватерник также приобрел известность благодаря своим многочисленным публицистическим выступлениям в защиту национального суверенитета Хорватии, активной деятельности в саборе 1861 г. и в эмиграции.

В апреле 1861 г. был созван сабор, в котором преобладало влияние народняков. Они выступили за объединение с Венгрией при условии признания ею самостоятельности и равноправия Хорватии и поддержки воссоединения хорватских земель. Большинство сабора приняло их предложения. Франц-Иосиф, стремясь обеспечить себе поддержку хорватов в борьбе против Венгрии, отказавшейся сотрудничать в едином для всей империи рейхсрате, утвердил решение сабора.

Однако возмущение эксплуататорской политикой и продолжавшимся самоуправством чиновников Вены в Хорватии побудило сабор в августе 1861 г. отказаться от участия в рейхсрате, как органе «самодержавного и централизованного государства», к тому же учрежденном путем абсолютистского акта. Делегаты от Военной Границы, допущенные властями в сабор в расчете на поддержку ими правительственных предложений, неожиданно выступили за союз Хорватии с Венгрией, против господства австрийской военщины над Границей, за присоединение области к Хорватии. Это требование было поддержано саборам. Наконец, сабор, в котором возобладали радикальные элементы, вопреки настояниям умеренного крыла, отказался даже обсуждать способы решения каких-либо дел, «общих» для Хорватии и Австрии.

8 ноября 1861 г. сабор был распущен. Ему не удалось добиться объединения Далмации с Хорватией-Славонией, так как правящие круги Австрии опасались, что вхождение Хорватии вместе с Далмацией в состав Венгрии приведет к преобладанию Венгрии над Австрией. Не удалось добиться и присоединения Военной Границы к Хорватии.

Несмотря на умеренность в области социальных реформ (большинство сабора соглашалось с абсолютистскими патентами 50-х годов, определившими порядок ликвидации феодальной зависимости крестьян), сессия сабора 1861 г. была значительным явлением в политической жизни Хорватии прежде всего потому, что никогда впоследствии, вплоть до краха габсбургской монархии в 1918 г., сабор не занимал столь радикальной позиции по национальному вопросу. Но в 1861 г. за саборам не было реальной силы, способной отстаивать эту позицию, и австрийские власти без труда его устранили.

После разгона сабора австрийское правительство, стремясь создать видимость «автономии» Хорватии и тем самым укрепить позиции немного-

численных сторонников единого для всей империи рейхсрата, учредило Хорватско-славонскую придворную канцелярию в Вене (во главе с канцлером И. Мажураничем) и Верховный суд в Загребе. Проавстрийские элементы, выступавшие уже на саборе 1861 г., с помощью властей организовали Самостоятельную партию («самосталцы»), поддержавшую политику Шмерлинга. В 1865 г. были проведены новые выборы в сабор. Хотя противники вступления хорватов в рейхсрат — народняки и унионисты — подвергались преследованиям, они получили большинство мест.

Между тем возрастание угрозы войны с Пруссией и неудачи централистской политики усиливали в Австрии позиции придворных групп, которые стремились к соглашению с помещиками и буржуазией Венгрии за счет других народов.

В 1866 г. венгерские буржуазно-помещичьи круги вновь потребовали включения Хорватии в состав Венгрии. Большинство сабора отвергло эти требования и пыталось договориться с Австрией о признании широкой автономии Хорватии, но без успеха, так как после разгрома Австрии Пруссией летом 1866 г. сторонники австро-венгерского соглашения в Австрии окончательно возобладали. В 1867 г. империя была превращена в двуединую (дуалистическую) монархию — Австро-Венгрию, общие дела которой (содержание двора, внешняя политика, внешняя торговля, армия) решались делегациями парламентов обеих частей государства[1]. Власть над народами восточной части империи, в том числе над Хорватией-Славонией, была передана Венгрии. В знак протеста хорватский сабор отказался послать представителей на коронацию Франца-Иосифа венгерской королевской короной. Тогда Франц-Иосиф распустил сабор. Новый сабор, в котором большинство составляли унионисты, в 1868 г. утвердил «Хорвато-венгерское соглашение», определявшее положение Хорватии в составе земель венгерской короны.

Соглашение 1868 г. сохранило за Хорватией автономию в делах внутреннего управления, суда, церкви и школ. Хорватский язык признавался официальным на территории Хорватии. Все вопросы экономической жизни, сбор налогов, управление транспортом и связью входили в компетенцию венгерского парламента и правительства. Таким образом, хорватская помещичья и чиновничья верхушка, исходя из своих классовых интересов, согласилась на передачу финансов и экономики Хорватии в руки венгерских правящих кругов. Глава автономного правительства — бан назначался королем (императором) по представлению венгерского премьера. Это давало возможность правящим кругам Венгрии подчинять себе хорватскую администрацию. Сабор имел право вотировать бюджет и принимать законы в пределах отведенной ему сферы управления. Но эти законы вступали в силу лишь после утверждения королем, что практически было связано с согласием правительства Венгрии. Поэтому в действительности вся законодательная и административная деятельность в Хорватии находилась под контролем венгерского правительства. Делегация сабора, посылаемая в будапештский парламент для обсуждения вопросов, касающихся Хорватии, составляла 1/10 численности парламента и, как правило, не могла влиять на характер решений.

Идя навстречу требованиям венгерских буржуазно-помещичьих кругов, Франц-Иосиф отделил от Хорватии и передал под управление Венгрии важнейший порт Риеку.

Соглашение 1868 г. было важным государственно-правовым документом, остававшимся в силе в течение полувека. Оно поставило Хорватию в подчиненное положение, из которого она практически не могла

[1] Языком дипломатической переписки и командным языком армии остался немецкий.

Загреб в 1860 г.

выйти мирным путем парламентских переговоров, так как пересмотр Соглашения зависел от согласия правительства Венгрии и императора (короля). Вместе с тем Соглашение формально закрепило права хорватского языка на территории Хорватии-Славонии и признало за хорватами определенные права, которыми не пользовались остальные славянские народы империи. В течение последующего времени деятельность буржуазных политических партий вращалась вокруг Соглашения: в зависимости от интересов представляемых ими слоев эти партии боролись за тот или иной пересмотр Соглашения или его отмену.

Хорватия с 1868 г. до середины 90-х годов XIX в.

Последствия Соглашения 1868 г. в области экономики проявились очень скоро.

Венгерские помещики и буржуазия, восстановившие свое господство над Хорватией, подчиняли развитие народного хозяйства страны своим интересам. Они ставили препятствия развитию земледелия и скотоводства Хорватии, конкурировавших с венгерскими на внутреннем и внешнем рынках, стремились обеспечить сбыт своих промышленных изделий в Хорватии, эксплуатировали ее природные богатства. После 1868 г. прежняя политика подчинения торговли Хорватии австрийским капиталистам сменилась аналогичной политикой в интересах венгерской буржуазии. Вывоз из всех земель венгерской короны теперь, в частности, стал направляться через Будапешт. Поэтому железные дороги прежде всего строились от венгерской столицы к окраинам государства, а тарифы устанавливались так, что прямой провоз товара, например, из Загреба в Рпеку, обходился дороже, чем через Будапешт. Отдельные районы Хорватии были лучше связаны с Венгрией, чем между собой. Тем самым развитие внутринациональных торговых связей задерживалось, а подчинение хорватской экономики венгерскому крупному капиталу возрастало.

Венгерские власти нередко отказывали в разрешении на постройку предприятий, предоставляли концессии и кредиты в первую очередь венгерским капиталистам и т. д. В результате этой политики промышленное развитие Хорватии тормозилось.

После 1848 г. Венгрия оставалась страной земельных магнатов, эксплуатировавших полуфеодальными методами миллионы венгерских, румынских и славянских крестьян. Развитие капиталистического сельского хозяйства и крупной фабрично-заводской промышленности в Венгрии значительно ускорилось в конце XIX — начале XX в. В особенности значительным был подъем добывающей и пищевой (прежде всего мукомольной) промышленности, металлургии, транспортного машиностроения. В то же время Венгрия, которая в основном добилась в 1867 г. политического равноправия с Австрией, продолжала (вместе с Хорватией) подвергаться эксплуатации со стороны более мощного австрийского капитала.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Хорватии ускорилось в период аграрного кризиса (1873 —середина 1890-х годов), сопровождавшегося катастрофическим падением цен на хлеб [1]. Втянутая в товарно-денежные отношения масса крестьянства быстро нищала. Участки, скот и инвентарь крестьян распродавались с аукциона и попадали в руки крепнущей сельской буржуазии, эксплуатировавшей крестьян путем ростовщичества и кабалы. Земли сельских общин также постепенно переходили в руки буржуазии. В связи с развитием капитализма массовый характер

[1] Аграрный кризис в Европе развился в связи с поступлением на рынок большого количества дешевого хлеба из Америки.

приобрел распад задруг. Это вызывало опасения консервативной части буржуазии, по мнению которой задруги сдерживали развитие пролетариата. Либеральная буржуазия и крупные помещики выступали за беспрепятственный распад задруг. Эти расхождения отразились в законодательстве. Так, законы 1870-х годов разрешали раздел задруги по требованию любого ее члена, но в 1889 г. был установлен неделимый минимум участков (3—8 ютаров), а получение разрешения на раздел затруднено [1].

Результаты процесса дифференциации крестьянства ярко отразились в переписи 1895 г. Бедняцких и полупролетарских хозяйств площадью до 10 ютаров (около 6 га) насчитывалось 290 тыс. (67%), они занимали 26% земли (1,2 млн. ютар.). На 10 хозяйств размером в 5—10 ютаров приходилось лишь четыре плуга. В этой группе хозяйств шла особенно быстрая пауперизация. В то же время более 33 тыс. буржуазных хозяйств (20—100 ютаров; свыше 8% хозяйств) владели 22,4% земли (1 млн. ютар.) Богатые крестьяне эксплуатировали бедноту, покупали у помещиков и крестьян землю, захватывали общинные владения и стремились узаконить эти захваты. Это приводило к острым конфликтам между беднотой и кулаками.

Всему крестьянству противостояли магнаты: они владели 239 поместьями, занимавшими 22,5% земли (более 1 млн. ютар.). Кроме того, 135 тыс. ютаров земли принадлежало католической и православной церкви. Большая часть мелких и средних помещиков, будучи не в состоянии перейти к капиталистическим методам хозяйства, разорилась к концу XIX в. Магнаты же, распродавая леса и землю, получив большие выкупные суммы, постепенно расширили применение наемного труда. В то же время в их хозяйствах сохранялись феодальные черты, например, сдача земли в кабальную аренду малоземельным крестьянам. Помещики и сельская верхушка в период аграрного кризиса интенсифицировали животноводство, которое стало важнейшей отраслью, поставлявшей товарную продукцию на вывоз (главным образом в Австрию).

Более половины латифундий принадлежало венгерским и австрийским магнатам. Расширялось землевладение венгерской и австрийской буржуазии. Поэтому классовые противоречия в деревне осложнялись национальными.

Крестьяне стихийно боролись против помещичьего землевладения — важнейшего пережитка феодализма. В многочисленных жалобах и петициях бану и сабору они требовали ликвидировать самоуправство помещиков и чиновников, отменить привилегии крупных помещиков, облегчить бремя налогов и трудовых повинностей. В разных районах страны вспыхивали локальные волнения крестьян, заканчивавшиеся полицейскими расправами над недовольными. Типичным проявлением насилий властей над населением являются, например, события в районе г. Сисака в 1882 г. Крестьян, своевременно не явившихся отбывать трудовую повинность (дорожные работы), жандармы сгоняли силой, они стреляли в крестьян, требовавших оплаты за труд. Напряженность обстановки в деревне в 80 — 90-х годах все более росла.

К концу XIX в., по сравнению с началом пореформенного периода, облик хорватской деревни изменился: здесь уже господствовали товарно-денежные отношения. В село широко проникали городские изделия, пришли в упадок домашние промыслы, распространился тяжкий домашний труд на скупщика или фабрику. Тысячи крестьян в поисках заработка переселялись в города или эмигрировали (главным образом в Америку), так как медленно растущая промышленность не могла предоставить им

[1] К этому времени лишь 1/3 крестьян жила задругами, причем в большей части мелкими (до 10 человек).

работу. С другой стороны, в 80—90-х годах в Хорватию из других земель империи переселялись зажиточные и буржуазные элементы, которые скупали участки разоренных крестьян.

Капитализм вызвал быстрое развитие банков и кредита. Если в 1870 г. насчитывалось лишь 14 кредитных учреждений (банков, касс, кооперативов), то в 1900 г.— 242. Банковская и торговая буржуазия приобретала землю, вела торговлю хлебом, скотом, а помещики все более втягивались в финансовые операции. Все это сближало буржуазию с помещиками и определяло ее политическую позицию.

Промышленность Хорватии во второй половине XIX в. развивалась медленно и однобоко ввиду конкуренции австрийских и венгерских фабрик, политики венгерских правящих кругов и больших прибылей, которые буржуазия получала от кредитных операций. Все же количество населения, непосредственно занятого в промышленности и ремесле, росло: в 1890 г.— 81,4 тыс. человек, 1900 г.— 90 тыс. Около половины этого числа составляли ремесленники и владельцы мельчайших мастерских.

Во второй половине XIX в. ряд старинных отраслей ремесла пришел в упадок (суконное, шорное, шапочное и др.). Рост австрийских и иностранных пароходных компаний еще в 70—80-х годах привел к разорению мануфактур по постройке парусных судов в Хорватском Приморье, организованных национальным капиталом. Вместо отраслей, потерявших сбыт, появились новые, связанные с ростом городов и нуждами промышленности, благодаря чему число мелких предприятий росло.

Количество предприятий с числом рабочих свыше 20 увеличилось с 109 в 1890 г. до 205 в 1900 г. (с горной промышленностью до 216). По объему производства и численности рабочих эти предприятия обгоняли другие. В 1900 г. на них было занято уже 44% рабочих.

Внутренний рынок, крайне узкий в середине века, постепенно расширялся. Этот процесс заметно ускорился в последние два десятилетия XIX в., что повлияло и на промышленное производство. О происходивших изменениях свидетельствовал, в частности, рост городского населения (хотя следует иметь в виду, что значительная часть горожан продолжала заниматься сельским хозяйством). Если в 1869 г. население городов насчитывало 114,7 тыс. человек, то в 1900 г.— 185,7 тыс. Больше половины этого прироста падало на Загреб, население которого, составлявшее в 1857 г. лишь 16 тыс. человек, а в 1880 г.— 28,4 тыс., достигло 61 тыс. в 1900 г. Загреб стал не только административным, но и действительно национальным — экономическим и культурным центром Хорватии. Остальные города, однако, росли медленно, и доля городского населения, в 1869 г. едва превышавшая 6%, в 1900 г. приблизилась лишь к 8% (правда, число жителей населенных пунктов, насчитывавших более 2 тыс. человек, в это время составило уже 500 тыс., или 21% всего населения Хорватии).

В течение второй половины XIX в. австрийский и венгерский капитал укрепил свои позиции в Хорватии. Особое развитие получила в последней трети XIX в. работавшая преимущественно на вывоз лесная и лесоперерабатывающая промышленность. Среди предприятий лесной промышленности имелись крупные. Так, в 1880-х годах в Славонии венгерский барон Гутманн основал лесоперерабатывающий и лесохимический комбинат, где было занято до 5 тыс. человек. Значительно расширилась мукомольная промышленность (в 1900 г.— 155 механических мельниц), которая кроме местного сырья перерабатывала зерно, поступавшее из Сербии и южной Венгрии. Выросло производство цемента, несколько увеличилась добыча угля и руды.

Национально-зависимое положение Хорватии продолжало накладывать печать на ее политическое развитие. Первое время после пере-

стройки империи дуализм казался непрочным, и хорватская буржуазия в связи с обострением национальной борьбы в Чехии и возможностью международных осложнений [1] надеялась на перемены (федерализацию империи) и развила ожесточенную кампанию против Соглашения 1868 г. Однако политические неудачи чешской буржуазии и успокоение в международных делах отразились на настроениях хорватских буржуазных деятелей. Определенную роль в этом сыграли также события 1871 г.

Правани надеялись, что Франция Наполеона III поможет освобождению Хорватии. В 1858—1860 и 1863—1867 гг. Е. Кватерник, будучи в эмиграции в России, а затем во Франции и Италии, стремился получить поддержку этих государств против Австрии; он также поддерживал связь с чешским эмигрантом, известным деятелем революции 1848 г. И. Фричем, польскими и венгерскими эмигрантами. Соглашения 1867 и 1868 гг. вызвали широкое недовольство в Хорватии. Военная Граница волновалась в связи со слухами о предстоящем переходе под власть Венгрии, повышении налогов, экспроприации лесов в пользу казны. Кватерник надеялся использовать недовольство граничар и поднять их на восстание. Он и его товарищи — В. Бах, П. Врдоляк, А. Ракиян —собрали несколько сот граничар и 8 октября 1871 г. захватили село Брочанац, а затем Раковицу — ротный центр Огулинского полка, создали «Национальное правительство» и призвали народ к борьбе против австрийского и венгерского господства. Однако массы не были готовы к борьбе, и войска быстро блокировали район восстания. 11 октября Кватерник и Бах были убиты, а их отряд рассеян.

Раковицкое восстание было неудачной попыткой хорватских радикальных мелкобуржуазных элементов революционным путем свергнуть австро-венгерский гнет. Партия права, подвергшаяся преследованиям, вынуждена была на несколько лет сойти с арены политической борьбы. Народняки же, представлявшие национальную буржуазию, боявшуюся своего народа, подчеркивали свою лояльность Габсбургам. В 1873 г. они признали Соглашение 1868 г., а затем пошли на объединение с унионистами (партия сохранила название «народной»). Изменение позиции партии привело к потере ею влияния среди населения.

После этой капитуляции лидеров национальной буржуазии баном был назначен народняк И. Мажуранич (1873—1880). Правительство Мажуранича олицетворяло блок хорватской буржуазии и помещиков, шедших по пути медленной перестройки своих хозяйств на буржуазный лад, с правящими кругами. Оно осуществило ряд буржуазных реформ: отделило суд от управления, ослабило контроль церкви над школой, установило суд присяжных по делам печати, облегчило проведение собраний в помещениях без разрешения полиции (1875 г.). Власти пытались, по возможности не нарушая при этом интересы помещиков, ускорить ликвидацию некоторых феодальных пережитков: в 1876 г. вступил в силу закон о выкупе крестьянами тех помещичьих земель, за пользование которыми они продолжали после 1848 г. нести разорительные повинности (этот выкуп затянулся до 1900-х годов). В интересах венгерских и хорватских помещиков и буржуазии были усилены органы местной власти. Деятельность правительства Мажуранича сопровождалась новым крупным ростом налогов, шедших как на покрытие имперских нужд, так и на содержание разбухавшего административно-полицейского аппарата в Хорватии. Между тем развернулись важные внешнеполитические события, повлиявшие на политическую жизнь Хорватии: восстание в Боснии-

[1] Ввиду возросшей в конце 60-х годов напряженности в отношениях между державами и франко-прусской войны 1870—1871 гг.

Герцеговине и русско-турецкая война. Хорватское и сербское население Хорватии помогало повстанцам сбором средств, поставкой оружия, добровольцами. Оно восторженно встретило вступление России в войну, падение Плевны. Освобождение Болгарии русскими войсками вызвало рост симпатий к России в разных слоях населения Хорватии. От России ждали помощи в национальном освобождении. Увеличению интереса к России, к русской литературе способствовала и известная общность социальных проблем в Хорватии и России.

Оккупация Боснии и Герцеговины австрийцами (1878 г.) усилила стремление хорватской буржуазии присоединить эти земли к Хорватии, но против этого решительно выступили как венгерские, так и австрийские правящие круги.

Крупным событием этого времени явилось присоединение части территории Военной Границы к Хорватии. В связи с разложением патриархальных отношений, сопровождавшимся обнищанием массы граничар, содержание многочисленного войска за счет населения Границы, недовольство которого росло, становилось все более затруднительным. В 1868 г. в Австро-Венгрии была введена всеобщая воинская повинность и значение Границы как поставщика солдат упало. Кроме того, в демилитаризации Границы были заинтересованы венгерские помещики и капиталисты, стремившиеся распространить свое господство на эту область, обеспечить возможность эксплуатации ее богатств и боявшиеся в то же время, что в случае какого-либо острого конфликта Австрия сможет использовать граничар против Венгрии. Дальнейшее сохранение военной организации Границы противоречило интересам капиталистического развития Австро-Венгрии. Наконец, рост национального самосознания вооруженного населения этой области вызывал беспокойство австро-венгерских властей. В 1873 г. Граница получила гражданское управление с центром в Загребе. Одновременно были отменены ограничения права приобретения земли. Земля задруг стала их собственностью. У крестьян-граничар было отнято (в пользу казны) право пользования большей частью лесов. В 1881 г. территория бывшей Хорватско-славонской Границы была присоединена к Хорватии. С этого времени развитие капитализма в ряде ее районов ускорилось.

По мере укрепления своих позиций в империи венгерские правящие круги все менее считались с хорватской буржуазией и стали проводить в Хорватии открыто шовинистическую политику. В дополнение ко все усиливавшейся эксплуатации страны они систематически нарушали Соглашение 1868 г. и осуществляли мадьяризацию Хорватии: вводили венгерский язык в государственные учреждения, назначали на службу в них венгерских чиновников и т. п. Это повело к широкому росту недовольства венгерским господством и уже в 1870-х годах вызвало отход от народняков части буржуазии.

В 1880 г. возникла оппозиционная «Независимая народная партия» («независимцы», или «обзораши»,— по названию их газеты «Обзор»). Независимцы представляли умеренно-оппозиционные круги — торговую, землевладельческую и финансовую буржуазию. Руководили партией Ф. Рачкий, проф. К. Войнович, М. Мразович. Епископ Штросмайер поддерживал независимцев.

Независимцы продолжали традицию Народной партии 1860-х годов. Часть их лидеров (Рачкий и др.) по мере укрепления дуализма теряла последние надежды на Австрию, на возможность федерализации империи и все более связывала дело национального освобождения югославянских народов с Россией. В практической деятельности независимцы проявляли оппортунизм и выступали за пересмотр Соглашения 1868 г. «законным путем», стремясь добиться автономии Хорватии в области экономики, а

в качестве конечной цели — полного равенства Хорватии с Венгрией в составе Транслейтании. Так как Партия права не признавала Соглашения 1868 г., ее влияние во второй половине 70-х и в 80-е годы вновь стало расти. Хорватская буржуазия требовала более решительной защиты своих интересов против австрийского и венгерского капитала. Мелкобуржуазные слои активно боролись против бесправия, засилия магнатов и банкиров, налогового гнета. В силу этого за Партией права в это время шли часть крестьян и городской трудовой люд: мелкие ремесленники и их работники, мелкие торговцы, а также учащаяся молодежь. Праваши вели ожесточенную антиправительственную кампанию в саборе, где дело иногда доходило до стычек. Наиболее активные деятели Партии права в 1880-х годах были брошены в тюрьмы. Но в этот период праваши ограничивались заявлениями в печати и борьбой в саборе, ожидая, что Хорватия освободится в результате внешнеполитической катастрофы Австро-Венгрии. Если до франко-прусской войны 1870 г. праваши ждали помощи со стороны Наполеона III (пропагандируя вместе с тем в конце 60-х — начале 70-х годов идею франко-русского союза, как залога освобождения славян), то после русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. многие деятели Партии права открыто заявляли о надеждах на братскую Россию, освободившую Болгарию и содействовавшую достижению независимости Румынией, Сербией и Черногорией.

Отсутствие серьезных конфликтов между Австро-Венгрией и другими державами в 70—90-х годах, временное укрепление внешнеполитического положения Австро-Венгрии, как и ее внутреннего режима, способствовало тому, что лидеры Партии права в 80—90-х годах все более склонялись к программе расширения национальных прав Хорватии в рамках габсбургской монархии.

Решения социальных вопросов, заявляли идеологи Партии права, можно будет требовать лишь после национального освобождения. Оппортунизм буржуазии, кроме внешнеполитических причин, объяснялся боязнью массовых выступлений народа.

Однако в Партию права в 70—80-х годах входили не только буржуазные — либеральные и радикальные, но и демократические элементы. Еще в начале 70-х годов в партии активизировалось демократическое течение, представители которого испытали влияние революционно-демократических и социалистических идей и Парижской Коммуны (Ф. Матасич, В. Барач, А. Якшич). В конце 70-х годов в среде демократической интеллигенции, прежде всего студенчества, усиливается распространение идей западноевропейской материалистической науки (Дарвин, Геккель, Молешотт), атеизма и русской революционно-демократической идеологии, одним из проводников которой выступил студент-болгарин Илия Миларов, живший в 1875—1878 гг. в России. Миларов и его группа критиковали идеологию правашей, концентрировавшую внимание на государственно-правовых проблемах, и выдвигали на первый план социальный вопрос. Они выступили против господства клерикализма, отстаивали равноправие женщин, свободу науки, демократизм. Власти подвергли группу преследованиям, обвинив ее в распространении «социально-коммунистических принципов».

Возникновение групп Матасича, а позднее — Миларова свидетельствовало о кризисе буржуазного радикализма, отодвигавшего социальные интересы трудящихся на задний план, о тяготении демократических элементов к социализму.

Рост оппозиционных группировок ослабил правительство Мажуранича. В то же время крупные землевладельцы и буржуа, чиновничьи верхи Хорватии требовали более решительной борьбы с оппозицией и беспрекословного подчинения страны правящим кругам Венгрии. Все это

вынудило в 1880 г. Мажуранича уйти в отставку. Национальный и социальный гнет венгерских правящих кругов еще более усилился.

В 1883 г. в нарушение Соглашения 1868 г. на зданиях финансового ведомства в Загребе были вывешены надписи не только на хорватском, но и на венгерском языке, что послужило поводом к массовым выступлениям протеста. Вскоре вспыхнули крупные крестьянские волнения в Загорье и бывшей Банской Границе, направленные против налогового гнета, ростовщиков и чиновников. В связи с этим управление Хорватией было временно передано военным властям. Крестьянские волнения были подавлены войсками. Эти выступления побудили австро-венгерские правящие круги создать в Хорватии режим «твердой руки». Баном был назначен граф Куэн-Хедервари (1883—1903) — ставленник венгерских помещиков, человек, пользовавшийся большим доверием Франца-Иосифа. В Хорватии Куэн опирался на магнатов, финансовую верхушку и бюрократию, представленных в саборе народняками (унионистами). Для подавления оппозиционных партий, представлявших национальную среднюю и мелкую буржуазию, он прибегал к систематическим репрессиям. Оппозиционные газеты закрывались, закон о праве собраний нарушался, полиция расправлялась с недовольными, увольняли чиновников, симпатизировавших оппозиции.

Одновременно власти широко применяли подкуп буржуазных политических деятелей. Куэн усилил мадьяризацию Хорватии, насаждал венгерские школы. Меры Куэна привели во второй половине 80-х годов к сокращению числа депутатов оппозиции в саборе до 11 [1] (всего в саборе было 88 депутатов).

Правительство стремилось использовать в своих целях хорвато-сербскую рознь. Сербы составляли свыше четверти населения Хорватии-Славонии. В последней трети XIX в. быстро шел процесс развития хорватской и сербской наций. Еще в 1867 г. хорватский сабор признал равноправие сербов в Хорватии. В сербском народе, населявшем различные административные области монархии — Хорватию-Славонию, южную Венгрию (Воеводину), Далмацию, Военную Границу, Боснию-Герцеговину, сохранялись и крепли национальные традиции и жила надежда на восстановление единого независимого сербского государства. В связи с тем, что успех борьбы сербов и хорватов за национальное освобождение зависел от их политического сотрудничества, значительная часть сербской буржуазной интеллигенции, как и хорватской, отстаивала сербско-хорватский союз. По ее убеждению, этот союз в конечном счете должен был привести к объединению родственных югославянских народов в едином государстве.

В 70-х и особенно в 80-х годах с ускорением капиталистического развития стали обостряться национальные сербо-хорватские противоречия.

Сербская буржуазия ранее хорватской заняла сильные позиции в ремесле, торговле и кредитном деле. Конкурентная борьба на рынке, где господствовал иноплеменный капитал, являлась питательной средой для хорватского и сербского шовинизма, охватившего сначала буржуазные слои и постепенно проникавшего в крестьянскую среду. Клерикальная пропаганда католической и православной церквей способствовала

[1] Этому способствовало ограничение круга избирателей. Так, по закону 1870 г. избирательным правом пользовалось не более 6—7% мужчин. Городская буржуазия и буржуазно-помещичья верхушка села избирали депутата непосредственно, тогда как от пятидесяти зажиточных крестьян выдвигался один выборщик, участвовавший в избрании депутата. Чиновники составляли половину избирателей. Голосование было открытым. Наряду с депутатами правом личного присутствия в саборе пользовались высшие чиновники, сановники церкви и магнаты.

Br. 16 U Zagrebu, 18. travnja (Apr.) 1875. God. II.

RADNIČKI PRIJATELJ.

GLASILO JUGOSLAVENSKOGA RADNIČKOGA STALIŠA.

DER ARBEITERFREUND.

ORGAN DES SÜDSLAVISCHEN ARBEITERSTANDES.

Sudbina radnika.

«Раднички приятель» — первая социалистическая газета в Хорватии

усилению национальных противоречий, поскольку почти все хорваты были католиками, а сербы — православными.

Обострению национальных конфликтов способствовало так же восстание в Боснии и Герцеговине. Большая часть хорватской буржуазии, надеясь па присоединение этих провинций к Хорватии, поддержала оккупацию их Австро-Венгрией, против чего боролось сербское население Боснии и Герцеговины. Правительство Куэна-Хедервари разжигало хорвато-сербскую розпь. В борьбе против хорватской буржуазной оппозиции оно получило поддержку сербской буржуазии — прежде всего славонских торговцев, связанных с венгерскими банками и рынком, а также чиновничества. На ориентацию сербской буржуазии в Хорватии большое влияние в 80—90-х годах оказала проавстрийская политика Сербии. Задача правительства облегчалась панхорватизмом Партии права.

В последней трети XIX в. постепенно рос и сплачивался хорватский пролетариат.

В конце 60 — начале 70-х годов подавляющее большинство городских рабочих Хорватии трудилось в мелких мастерских. Многие из них числились ремесленными подмастерьями и учениками (еще сохранялись остатки цеховой организации). Большую часть хорватского промышленного пролетариата в это время составляли рабочие лесной промышленности, каменоломен и других отраслей, расположенных вне городов. Это были разоренные или полуразоренные сельские жители, как правило, неграмотные, еще связанные с деревней. Они являлись объектом жесточайшей эксплуатации. Лишь труд детей 12—14 лет был ограничен 8 часами, по закону, далеко не всегда соблюдавшемуся, а труд подростков 14—16 лет — 10 часами. В мелких мастерских взрослые, как правило, рабо-

тали от рассвета до темноты, а на более крупных предприятиях — 10—12 часов, иногда же — до 16 часов в сутки. Закон 1872 г. давал возможность властям преследовать стачечников.

В конце 60 — начале 70-х годов XIX в. рабочее движение Австрии и Венгрии переживало подъем. Развернулась борьба между последователями либерала Шульце-Делича, пропагандировавшего отказ от классовой борьбы и организацию обществ взаимопомощи в качестве средства «подъема благосостояния» рабочего класса, и сторонниками политической борьбы пролетариата. В среде последних, как и в Германии, преобладало влияние Ф. Лассаля. В 1869 г. в словацком городе Братиславе (Пожун) — одном из промышленных центров Венгрии — собралась конференция социалистов Австро-Венгрии, заявившая о признании принципов I Интернационала. Весной 1871 г. в крупных центрах империи, в том числе в Будапеште, состоялись внушительные демонстрации и забастовки рабочих в поддержку Парижской Коммуны.

С этими событиями было тесно связано начало рабочего движения в Хорватии, которое возникло и развивалось под сильным влиянием движения в Германии и в центральных областях Австро-Венгрии. Значительную часть квалифицированных рабочих Хорватии составляли выходцы из Австрии, Чехии, Венгрии. Они, а также хорватские ремесленники и рабочие, побывавшие в других землях в поисках работы, сыграли большую роль в развитии рабочего движения в Хорватии.

В начале 70-х годов в Хорватии возникли рабочие организации, уже не имевшие цехового характера. Тогда же под влиянием Парижской Коммуны произошли стачечные выступления (деревообделочников в Загребе, швейников в Осиеке в 1871 г., печатников в 1871—1872 гг.). Важным событием явилось возникновение «Ремесленно-рабочего общества» (1873 г.), объединившего небольшое число передовых рабочих и ремесленников разных профессий. По статуту целью его было содействие профессиональному обучению, просвещение, страхование членов. Но часть его руководителей (Ф. Потиск и др.) пропагандировала требования Эйзенахской программы немецкой социал-демократии, идеи Ф. Лассаля. Руководители общества в 1874—1875 гг. издавали на хорватском и немецком языках газету «Раднички приятель», пропагандировавшую необходимость политической борьбы за права рабочих и идеи международной солидарности рабочего класса. Общество являлось легальной организацией, использованной первыми хорватскими социалистами для ведения социалистической пропаганды.

В первой половине 80-х годов в Хорватии существовали нелегальные рабочие кружки, поддерживавшие связи с австрийскими и венгерскими организациями социалистов и изучавшие социалистическую литературу, которая поступала из Австрии. Как и в Австрии, значительное распространение в их среде имели анархистские взгляды. Но преобладающее влияние на рабочих еще оказывала буржуазно-националистическая Партия права.

Основание II Интернационала (1889 г.) имело большое значение для соединения социализма с рабочим движением в Хорватии. Уже в 1890 г. в Загребе состоялась первомайская демонстрация рабочих и ремесленников. Оживилось стачечное движение за сокращение рабочего дня и повышение оплаты (стачка 400 рабочих на кожевенном заводе в Загребе, стачки в Вараждине, Карловаце, Сисаке). С 1892 г. социалистам удалось наладить издание газеты «Слобода». В 1893 г. представители хорватских социалистов присутствовали на съезде венгерской социал-демократии.

Подъем освободительного движения в Хорватии в период довоенного империализма

В начале эпохи империализма в результате разложения крестьянства в Хорватии окрепла сельская буржуазия, вырос пролетариат, формировалась национальная промышленная буржуазия. Этот процесс, протекавший в условиях сохранения феодальных пережитков и национального гнета, сопровождался резким обострением социальных и политических противоречий в стране.

Задачи буржуазно-демократического преобразования и национального освобождения к началу XX в. в Хорватии становились все более насущными. В связи с этим в конце 1890-х и в 1900-х годах в политическую борьбу быстро втягивались широкие массы трудящихся, что было для Хорватии новым явлением. Постепенно распространялись революционные настроения в среде учащейся молодежи. На востоке Европы — в России, Австрии и на Балканах «именно XX в. особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу»[1]. Вместе с тем, в Хорватии все более обострялись противоречия между пролетариатом и разоренными массами деревни, с одной стороны, и буржуазией — с другой. Несмотря на малочисленность фабрично-заводского пролетариата, социалистическое движение стало важным фактором жизни страны. В этот период рост политической активности масс в значительной степени определял тактику, лозунги, организацию буржуазных группировок, стремившихся не упустить из своих рук руководство политической жизнью.

В эпоху империализма в Австро-Венгрии начался бурный рост не только австрийского монополистического капитала, но также чешского и венгерского. Это еще более обострило экономические и политические противоречия в государстве.

Начало XX века ознаменовалось активизацией чуженационального, в особенности австрийского и венгерского, капитала в промышленности Хорватии. Венгерский капитал занимал решающие позиции в акционерных обществах, наиболее крупные из которых имели свои центры в Будапеште. Национальная буржуазия принимала широкое участие в смешанных хорвато-венгерских промышленных и торговых компаниях. В то же время часть ее сотрудничала с представителями австрийского, чешского и словенского капитала и стремилась опереться на эти связи в борьбе против венгерских претензий. Чешские банки поддерживали хорватский капитал в его борьбе против австрийских и венгерских капиталистов — главных конкурентов чешской буржуазии.

В 900-х годах промышленное развитие Хорватии немного ускорилось и ко времени балканских войн (1912—1913 гг.) здесь имелось несколько крупных предприятий: три текстильных фабрики (1500 рабочих), шесть больших лесопильных заводов (1600 рабочих), кожевенный завод в Загребе (в 1910 г. — 750 рабочих) и др. Число предприятий, количество работников на которых превышало 20 человек, в 1910 г. достигало 271. В 1910 г. в промышленности и ремесле уже было занято 110 тыс. человек, в том числе по найму работало около 60 тыс. Если в предыдущем десятилетии (1890—1900 гг.) промышленное население увеличилось на восемь с лишним тысяч человек, то в 1900—1910 гг. оно возросло на 20 тыс. Но в целом страна оставалась сельскохозяйственной, со слабо развитой обрабатывающей промышленностью, находившейся к тому же главным образом в руках инонациональной буржуазии. В сельском хозяйстве продолжалось внедрение капиталистических методов эксплуатации, в

[1] В. И. Ленин Сочинения, т. 22, стр. 139.

более развитых земледельческих районах, прежде всего в Среме[1], осваивались новые земли, все шире применялись машины (что приводило к вытеснению ручного труда поденщиков и ухудшению их положения), дальнейшая интенсификация животноводства в хозяйствах буржуазии и помещиков сопровождалась ростом экспорта его продуктов. Перед балканскими войнами из Хорватии ежегодно вывозилось до полумиллиона голов разного скота на сумму 75 млн. крон (1909 г.), тогда как в 1896 г. вывоз составлял лишь 160 тыс. голов (13,5 млн. крон). Но масса полуразоренных крестьян по-прежнему была обременена отработками и натуральной арендой, а за некоторые участки крестьяне продолжали нести повинности, сохранившиеся от феодальной эпохи.

Наиболее крупные сдвиги произошли в развитии ссудного капитала: свыше 3/4 всех кредитных учреждений, имевшихся в Хорватии к началу мировой войны, были созданы после 1900 г. В этот же период резко возросла сеть крестьянской кредитной кооперации, возглавлявшаяся хорватским Аграрным банком и венгерскими банками и обслуживавшая прежде всего зажиточное крестьянство. Значительной силой в Хорватии стал местный сербский капитал. Сербский банк в Загребе вел обширные операции в Хорватии, Воеводине и других областях Венгрии, Боснии, Далмации, а также создал сеть сельской кредитной кооперации в районах с сербским населением.

Банковская буржуазия Хорватии все теснее связывалась с будапештскими и венскими банками, влияние которых в Хорватии быстро увеличивалось[2], и все шире кредитовала промышленников и аграриев.

Весьма важным моментом в развитии Австро-Венгрии в начале XX в. было широкое вторжение в экономику германских монополий. Особо прочные позиции финансовый капитал кайзеровской Германии занял в тяжелой промышленности Австро-Венгрии, одновременно сюда широко импортировались немецкие товары. Это побуждало австро-венгерских капиталистов более активно устремляться на Балканы и Ближний Восток и усиливало агрессивность политики габсбургской монархии на юго-востоке Европы.

Развитие международных империалистических противоречий, в особенности германская агрессия на юге-востоке Европы и Ближнем Востоке, союзником которой был австрийский империализм, являлась важным моментом, характеризующим внешние условия, при которых развивалась политическая борьба в югославянских землях. В результате этого как народные массы, так и большая часть средней и мелкой хорватской и сербской буржуазии все более проникалась антинемецкими настроениями.

Ввиду особенностей социально-экономического развития Хорватии лишь банкирской верхушке и немногочисленным владельцам крупных промышленных предприятий было выгодно сохранение Соглашения 1868 г. Эти круги и помещики являлись социальной опорой австро-венгерского господства в Хорватии. Национальная торгово-промышленная буржуазия и аграрии приспосабливались к существовавшему режиму, вместе с тем стремясь к широкой — финансовой и экономической автономии страны.

В политической жизни Хорватии важным фактом было создание рабочей партии. В сентябре 1894 г. совещание 40 социалистов в Загребе положило начало Социал-демократической партии Хорватии и Славонии. Партия была независима от венгерской социал-демократии. На II съезде в 1896 г. она приняла программу, образцом для которой послужила Эрфуртская программа германской социал-демократии. Своими ближайшими целями партия поставила достижение демократических свобод, всеобщего избирательного права, полного равноправия граждан, 8-часового

[1] С ликвидацией Воеводины, как особой административной единицы, в 1860 г. Срем вновь полностью вошел в состав Хорватии.

[2] Так, основателями «Банка для парцелляции и колонизации» (1905 г.) являлись банкиры Вены, Будапешта, Триеста и Загреба.

Первомайский плакат, выпущенный в Хорватии в 90-х годах XIX в.

рабочего дня, свободы союзов, социального законодательства, широкой автономии Хорватии, в том числе в области экономики, культурного объединения южных славян.

Деятельность хорватской социал-демократии развивалась под влиянием идей и тактики австрийских социалистов. В ее программе, как и в программах социалистических партий II Интернационала, отсутствовало упоминание о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Руководители социал-демократии Витомир Корач и Вилим Букшег подчеркивали свою приверженность к постепенному, мирному развитию общества к «социалистическому идеалу». Особенностью хорватской социал-демократии являлось то, что подавляющую часть партии составляли рабочие мелких (ремесленных) предприятий, а первоначально и мелкие ремесленники. В связи с этим в партию проникли идеи «общих интересов» рабочих и мелкой буржуазии и не подчеркивалось коренное отличие пролетарской идеологии от мелкобуржуазной. В 1900-х годах оппортунисты в связи с ростом численности и активности промышленного пролетариата стремились ввести рабочее движение в законные рамки. Хотя ввиду возраставшего крестьянского движения социал-демократия уделяла ему немало внимания (а местные организации партии в период до 1908 г. неоднократно выступали во главе полупролетарских слоев деревни), но, требуя аннулирования реакционных законов, касающихся крестьян, улучшения мелкого кредита и т. п., лидеры партии оставляли в стороне вопрос о помещичьем землевладении.

Руководство социал-демократии не выработало революционной аграрной программы; оно боялось развития революционного движения крестьянства.

Несмотря на стремление партийного руководства направить рабочее движение в мирное русло, социал-демократия в борьбе за демократические свободы в начале XX в. занимала важное место. Она разоблачала эксплуататорскую сущность режима, установленного в Хорватии австро-венгерскими господствующими классами, нередко правильно критико-

вала ограниченность и своекорыстие политики хорватской буржуазии. Большое значение имело распространение ею социалистической прессы, сплочение рабочих в профессиональные организации. Упорная классовая борьба пролетариата, развернувшаяся в Хорватии в 90—900-х годах, вопреки влиянию оппортунистов воспитывала рабочих в революционном духе.

Социал-демократия активно выступала на поприще национальной борьбы в Хорватии. В партии господствовал взгляд, что южные славяне представляют собой единый народ, и она отстаивала дружбу и сближение между ними. Но будучи оппортунистической, не имея, как и все социалистические партии Австро-Венгрии, революционной перспективы, в частности в разрешении национального вопроса, социал-демократия во все большей мере шла на уступки буржуазному национализму. Для достижения национальной свободы («самоопределения народов») социал-демократы считали необходимой широкую демократизацию Австро-Венгрии и лишение власти земельной аристократии. Поэтому социал-демократы боролись за всеобщее избирательное право, однако преувеличивая, как и прочие социалисты Австро-Венгрии, его значение. Решения национального вопроса лидеры хорватской социал-демократии, следуя теории О. Бауэра и К. Реннера[1], думали достичь реформистским путем. В 1903—1914 гг. они неоднократно вступали в блоки с национальной буржуазией, враждебной трудящимся и искавшей соглашения с реакцией.

В конце 90 — начале 900-х годов революционные настроения охватили самые широкие слои хорватского крестьянства. Все шире распространялось стремление к разделу помещичьих земель, экспроприации ростовщического капитала. В 90-х годах в тесной связи с мощным движением бедноты и сельскохозяйственного пролетариата Венгрии развернулись выступления поденщиков и мелких крестьян в Славонии и в особенности в Среме.

В социал-демократии сельские полупролетарии видели единственную партию, защищающую их права. В бедняцкой и полупролетарской среде развитого в капиталистическом отношении Срема и в меньшей степени некоторых других районов страны социалистическая пропаганда имела большой успех. В этих местах вливавшиеся в ряды социал-демократии беднота и полупролетарии деревни принесли в партию революционно-демократические настроения. Под социалистическими лозунгами они в действительности выступали за революционные преобразования демократического характера, против гнета крупных землевладельцев, «за равенство и братство». В 1895 г. вопреки запрету властей беднота Срема пыталась организовать празднование 1 Мая. В 1896—1897 гг. в Среме возник ряд полупролетарско-крестьянских социалистических организаций. Социал-демократическая партия временно испытала влияние революционных бедняцких масс, но не могла обеспечить подлинного пролетарского руководства ими. Поэтому позже, в начале XX в., в период подъема революционного движения бедноты и сельского пролетариата в Венгрии и Хорватии, массы остались без необходимого руководства со стороны рабочей партии.

[1] Австрийская социал-демократия в своей национальной программе, принятой в Брно в 1899 г., требовала равноправия народов и преобразования империи в федерацию национальных областей, автономных в вопросах внутреннего управления и законодательства. Но австрийская социал-демократия не признавала права угнетенных наций на самоопределение вплоть до создания независимых государств. Тем самым она не порвала с шовинистской политикой правящих кругов. Проповедь лидерами австрийской социал-демократии разделения школьного дела по национальностям способствовала усилению националистического влияния буржуазии на рабочих. Венгерская социал-демократия, в руководстве которой господствовали оппортунисты, также не могла занять правильной позиции в национальном вопросе.

Для борьбы с социалистическим движением в Хорватии местная буржуазия уже в 90-х годах создала националистические рабочие организации, руководимые правашами. Но их влияние на рабочих в 900-х годах было небольшим.

Власти стремились репрессиями помешать распространению влияния социал-демократов в деревне. С этой целью в 1895 г. был организован судебный процесс против социалистов.

1897 г. ознаменовался новым подъемом движения полупролетариата и крестьянской бедноты, в особенности в Среме, где плечом к плечу выступали сербы, хорваты, венгры и немцы. В период весенних работ вспыхнули стачки, во время которых выдвигались экономические и политические требования. В ряде мест крестьяне нападали на жандармов и освобождали своих товарищей. По требованию помещиков жандармерия стала разгонять собрания крестьян и арестовывать их участников. Десятки рабочих и крестьян были отданы под суд. В районы Осиека и Вуковара были посланы войска. Деятельность социалистических организаций была временно подавлена.

В том же году стихийные крестьянские волнения вспыхнули в юго-западной Хорватии (район Карловаца, Слуня, Оточаца, Госпича). Против населения ряда хуторов и сел были брошены войска. Крестьяне, опасаясь расправы, вместе с семьями скрывались в лесах, куда был угнан и скот. Несколько крестьян было приговорено военно-полевым судом к смертной казни. В день выборов в сабор толпа крестьян деревни Бошняцы (Срем), протестовавшая против насилия властей, была расстреляна жандармами.

В 1895 г., когда властям казалось, что оппозиция подавлена, в Загребе в связи с приездом Франца-Иосифа вспыхнули демонстрации и произошли столкновения с полицией. Группа учащихся публично сожгла венгерский флаг.

Ввиду обострения классовой борьбы активизировались различные буржуазные круги — либеральные и клерикальные. После волнений 1895 г. некоторые представители молодежи направились для продолжения учения в Прагу. В конце 1890-х годов представители этой леволиберальной и либерально-народнической учащейся молодежи («реалисты» или «прогрессисты»), находившиеся под влиянием чешского либерала проф. Т. Масарика, выступили с критикой оппозиционных партий за то, что те ограничивались провозглашением государственно-правовых программ. Их объединяло стремление втянуть широкие слои народа в национальную борьбу путем «малых дел». Поэтому они призывали развивать просвещение, кооперацию, дешевый кредит, учить крестьян рациональному ведению хозяйства и тем самым «обогатить политику социальным элементом». «Реалисты», стремясь обеспечить более широкую поддержку своим требованиям, склонялись к сотрудничеству с оппортунистическим руководством социал-демократии.

Прогрессивным в деятельности реалистов было стремление сплотить хорватов, сербов и словенцев в борьбе против национального гнета, антиклерикальная пропаганда и требование демократических реформ, в частности всеобщего избирательного права. Постепенно в среде реалистов распространялось мнение, что достижение государственного единства югославянских земель является условием их экономического подъема. Опасность для национальных чаяний южных славян они видели в милитаристской Германии.

Развитие национальной промышленной и аграрной буржуазии и обострение социальных противоречий в 90—начале 900-х годов привело к перестройке старых буржуазных партий. В 1895 г. Партия права раскололась. Одно ее крыло объединило буржуазные круги, сближавшиеся

с венгерским и сербским капиталом, в этом крыле доминировали интересы более богатой торгово-промышленной и банковской буржуазии; в другом крыле решающее значение приобрели интересы средних и мелких аграриев, тяготевших к австрийскому рынку; в это крыло входила также часть торговцев и предпринимателей. Первая группировка вместе с Независимой народной партией, с которой она была связана уже с 70-х годов XIX в., в 1902—1903 гг. организовала Хорватскую партию права, ставшую главной партией хорватской буржуазии. Она сотрудничала с сербской буржуазией. Вторая группировка правашей с 1895 г. составила так называемую «чистую партию права»[1].

В 1900-х годах «чистые праваши» (или «франковцы» — по имени Йосипа Франка — лидера партии), отстаивавшие программу трпализма, то есть воссоединения хорватских, а также, возможно, и словенских земель в едином хорватском государстве и перестройки империи на основе равноправия Австрии, Венгрии и Хорватии, выступали за укрепление габсбургской монархии. Они надеялись с помощью династии (особые надежды возлагались на престолонаследника Франца-Фердинанда) и части австрийских правящих кругов преодолеть сопротивление Венгрии и сторонников дуализма в Австрии, присоединить Боснию и Герцеговину к Хорватии и в борьбе против сербского национального движения создать «Великую Хорватию»[2]. Антисербский национализм был характерной чертой франковцев. Поэтому в моменты подъема хорватского и сербского национально-освободительного движения, угрожавшего империи, эта оппозиционная партия на деле выступала в роли союзника габсбургских властей.

Обе буржуазные партии поддержали требования демократических свобод и расширения избирательного права. Вместе с тем различные буржуазные круги все шире стали применять социальную демагогию в качестве средства укрепления своего влияния на трудящихся.

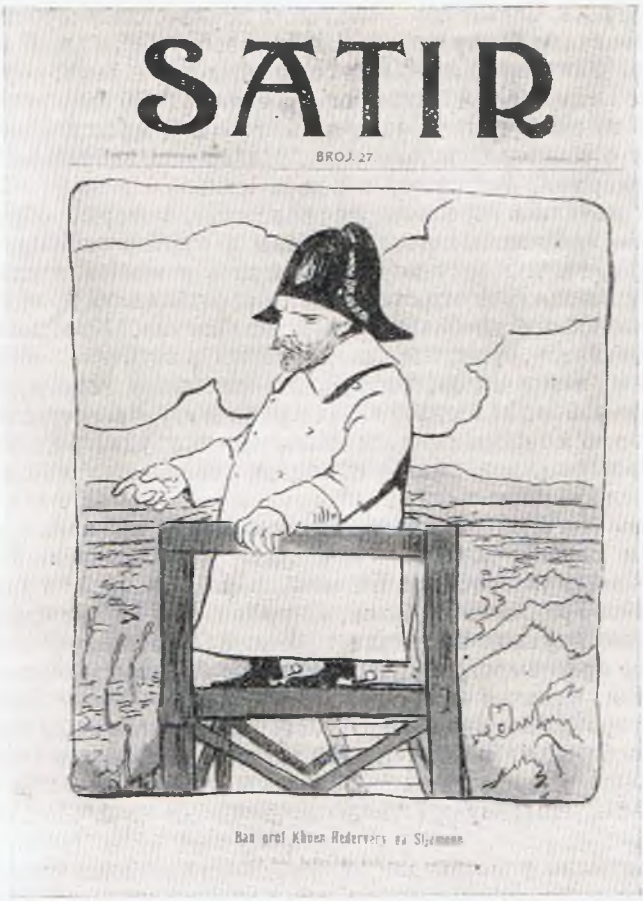
В связи с быстрым ростом революционных настроений масс в конце 90 — начале 900-х годов шла консолидация клерикальных кругов. В 1900 г. в Загребе был созван католический конгресс, провозгласивший программу укрепления влияния церкви путем разного рода «социальных» мер (развитие мелкого кредита и т. п.). Церковь и буржуазия финансировали развитие сельской кооперации во главе с Аграрным банком. Чистые праваши, ввиду того, что клерикалы стремились укрепить монархию Габсбургов, стали сближаться не только с хорватскими, но и с более сильными и влиятельными словенскими клерикалами.

Крупнейшим политическим событием в начале 900-х годов, оказавшим воздействие на дальнейшее политическое развитие страны (см. ниже о так называемом «новом курсе» в начале XX в.), было революционное народное движение 1903 г., когда широкие массы выступили против национального гнета и местных эксплуататоров, против режима Куэна-Хедервари, за революционное решение стоявших перед Хорватией буржуазно-демократических задач.

В начале 900-х годов в Австро-Венгрии внутриполитическая атмосфера все более накалялась. Общеевропейский промышленный кризис, массовая безработица и рост дороговизны сделали невыносимым положение рабочих, ремесленников, мелких чиновников. В особенности тяжелым было положение масс в более отсталых районах империи, в частности в Венгрии и Хорватии. Венгерский и хорватский пролетариат ответил на

[1] Официальное название — «Старчевичевская чистая партия права» (по имени А. Старчевича).

[2] Об объединении хорватских земель (включая Боснию и Герцеговину) в пределах Австрийской империи говорилось уже в программе Партии права 1894 г.



Карикатура на Кузна-Хедервари. 1902 г.

усиление эксплуатации подъемом политической и экономической борьбы. В Венгрии началось массовое движение, направленное против существующего реакционного общественно-политического порядка. В этих условиях венгерская буржуазно-помещичья оппозиция («Партия независимости» Ф. Кошута и др.) стала решительнее требовать расширения автономии страны, организации венгерского национального банка, усиления политики покровительства национальной экономике путем проведения таможенной границы между Австрией и Венгрией и, наконец,— введения венгерского языка в армии. Правившая в Венгрии либеральная партия Иштвана Тисы, выражавшая интересы земельных магнатов и финансово-монополистической буржуазии, отстаивала сохранение австро-венгерского дуализма в том виде, в каком он существовал с 1867 г. В Хорватии движение на первом этапе ограничивалось мирными собраниями. На собраниях, созывавшихся в 1903 г. по инициативе леволиберальных элементов (прогрессистов) и социал-демократии, ораторы призывали народ поддержать борьбу за финансовую автономию Хорватии и демократические свободы. 11 марта в Загребе на митинг собралось 4 тыс. человек. Венгерские власти своей политикой еще сильнее обострили положение: на здании управления железных дорог были вывешены венгерские надписи, а на вокзалах — венгерские флаги. Это послужило поводом к бурным демон-

страциям в Загребе. Совместно выступили хорватские и сербские трудящиеся. Движение стало быстро распространяться по стране. В начале апреля на станции Запрешич жандармы стреляли в крестьян, сорвавших венгерский флаг. Вслед за тем волнения приняли еще более широкий размах: в Загребе много дней подряд не прекращались демонстрации и кровавые столкновения с полицией и войсками. Население забрасывало камнями солдат и жандармов, пустивших в ход штыки.

В апреле начались крестьянские волнения, которые обратились как против режима национального гнета, так и против земельных магнатов и «своей» буржуазии: торговцев, ростовщиков и землевладельцев. В этих выступлениях нашла свое отражение неразрывная связь между национальными и социальными требованиями крестьянства. Крестьяне нападали на имения магнатов, уничтожали долговые документы сберегательных касс, изгоняли чиновников, разрушали железные дороги, препятствуя передвижению войск. 21 июня 1903 г. в районе Лудбрег крестьяне, вооруженные кольями и топорами, разгромили здание суда и ряд домов местных торговцев и ростовщиков и подожгли здание сберегательной кассы. Сотни крестьян после стычки с сильным отрядом жандармов были арестованы. В селе Кумовац того же района жандармы стреляли в народ, убили четырех человек и многих ранили. Волнениями была охвачена вся Хорватия от Риеки до Земуна. Особенно интенсивными они были в районах Ястребарско, Нова-Градишки, Крижа, Копривницы, Вараждина.

Буржуазные партии выступили против крестьянского движения, испугавшись его ярко выраженного социального и революционного характера. Буржуазия, близкая помещикам, не была способна ни к решительному выступлению против национального гнета, ни к борьбе за ликвидацию феодальных пережитков, ненавистных народу. Руководство социал-демократии (В. Корач и др.) также стремилось удержать массы от революционной борьбы. Поэтому крестьянское движение в 1903 г. осталось стихийным.

Рабочие активно участвовали в демонстрациях на улицах Загреба. В 1903 г. усилилась и стачечная борьба рабочего класса. Осенью 1903 г. состоялась крупная экономическая стачка строителей в Оспеке.

Правительство ввело в Хорватию войска из других районов империи. Власти производили массовые аресты. Стремясь не допустить распространение сведений о масштабах волнений, они конфисковывали оппозиционные газеты, задерживали письма и т. д. На границах Хорватии были установлены военные кордоны, затруднявшие выезд из страны.

В 1903 г. еще более обострился политический кризис в Венгрии. Одновременно произошел переворот в Сербии, свергнувший проавстрийский режим Обреновичей. В связи с этими событиями в июне 1903 г. Куэн-Хедерварн был отозван из Хорватии. Новым баном был назначен славонский магнат граф Т. Пеячевич, давший буржуазии туманные обещания ввести «честное» управление, восстановить законность и т. д. Но народные волнения продолжались и в 1904 г.

В событиях 1903 г. в полной мере проявилась сила и слабость освободительного движения в Хорватии: с одной стороны, все более активное втягивание в борьбу масс народа, с другой — стихийность движения, отсутствие революционной партии. Эти черты народного движения в начале XX в. были свойственны и другим югославянским областям, в частности Воеводине, Боснии и Герцеговине.

Австро-венгерская монархия, подавившая революционное движение в Хорватии, показала хорватским и сербским массам, что она является главным препятствием на пути к национальной свободе и ликвидации пережитков феодализма в югославянских землях. 1903 год содействовал росту антигабсбургских настроений среди югославянских народов.

Свидетельством социально-политических сдвигов в Хорватии в начале 900-х годов было оформление в 1904 — 1905 годах Хорватской народной крестьянской партии, ускоренное крестьянскими выступлениями 1903 г. Организаторами и идеологами партии являлись братья Степан и Антун Радичи. Ввиду того, что все слои крестьянства Хорватии страдали от национального гнета, пережитков феодализма и господства крупного капитала, братья Радичи выступили с требованием демократических реформ, полного равноправия крестьянства во всех областях жизни. В конце 1890 — начале 1900-х годов А. Радич критиковал общественный строй Хорватии с либерально-народнической позиции: отмечал эксплуатацию масс крупным капиталом, но игнорировал буржуазные отношения в крестьянском хозяйстве. В дальнейшем он все более последовательно отстаивал интересы зажиточного крестьянства и крестьянской буржуазии: выступал за развитие духа предпринимательства среди крестьян, против классовой борьбы между хозяевами и рабочими, против социалистических идей. Кредитно-сбытовую кооперацию и реформы Радичи пропагандировали в качестве средств спасения мелкого хозяйства при капитализме.

Программа крестьянской партии, принятая в начале 1905 г., включала требования политических свобод, расширения избирательного права (только на «самостоятельных хозяев»), распродажи имений площадью более 500 ютаров (около 300 га) с выплатой помещикам цены земли, ликвидации привилегий магнатов, борьбы против ростовщичества и т. п. Лидеры партии решительно выступали против популярного в крестьянской среде требования раздела господских земель.

Стремясь воспрепятствовать созданию союза рабочего класса и крестьянства, Радичи пропагандировали теорию единства интересов всего крестьянства (включая сельскую буржуазию и полупролетариев). Идеологи крестьянской верхушки стремились сплотить вокруг себя массы и, не допуская нового подъема революционного движения, реформистским путем ликвидировать наиболее нетерпимые препятствия развитию буржуазного хозяйства (национальный гнет, засилие ростовщического капитала, чиновничий произвол, элементы неравноправия крестьянства). Добиваясь реформ, крестьянская буржуазия проявляла готовность к компромиссу с крупной буржуазией и помещиками. Но вместе с тем в отличие от прочих буржуазных партий крестьянская партия заявила, что интересы крестьянства должны играть определяющую роль в Хорватии. Демократические требования партии задевали интересы помещичьих и банкирских кругов и бюрократии, а организация крестьянства, независимо от заявлений лидеров партии об их мирных намерениях, грозила опасными для господствующего класса последствиями. В связи с этим выступление крестьянской партии было враждебно встречено представителями властей, клира и буржуазных партий.

Радичи отстаивали воссоединение хорватских земель в составе империи. Их идеалом было объединение всех югославянских земель габсбургской монархии вокруг Хорватии и ликвидация австро-венгерского гнета путем мирной перестройки государства. По мере обострения противоречий на Балканах в связи с аннексией Боснии и Герцеговины (1908 г.) и балканскими войнами (1912—1913 гг.) руководители крестьянской партии все более последовательно поддерживали внешнюю политику Австро-Венгрии. Общедемократические требования крестьянской партии привлекали крестьян, но враждебность ее руководителей революционному движению не позволила крестьянской партии до мировой войны распространить свое влияние на широкие массы хорватской деревни.

Лидер крестьянской партии Степан Радич (1871—1928 гг.) был публицистом и оратором, он исходил пешком десятки сел, организуя собрания

крестьян и пропагандируя свои взгляды. Выходец из крестьянской семьи, С. Радич знал обстановку в деревне, психологию крестьянина и мог умело воздействовать на слушателей в нужном ему направлении. В селах Радич обычно говорил об «испорченности господ» и необходимости борьбы за крестьянские права, а обращаясь к городской буржуазии, подчеркивал мирный характер движения, его враждебность социализму. Для С. Радича была характерна нервозность, непостоянство в политике, его резкие выступления по адресу верхов буржуазии и властей сменялись изъявлениями готовности сотрудничать с ними и славословиями по адресу австрийского монарха. С. Радич был типичным представителем мелкой крестьянской буржуазии, стремившейся укрепить свое положение в обстановке ожесточенной классовой борьбы и господства монополистического капитала.

После 1903 г. борьба рабочего класса продолжала нарастать. 1904 г. был ознаменован всеобщей забастовкой железнодорожников Венгрии, охватившей и всю Хорватию. В 1905—1906 гг. происходил новый подъем демократического движения в Хорватии, причем живой отклик, как и во всей Австро-Венгрии, получила русская буржуазно-демократическая революция. Уже в январе 1905 г. известия о расстреле рабочих в Петербурге и начавшейся революции в России всколыхнули народные массы Австро-Венгрии, в том числе ее югославянских земель.

В 1905 г. в Австрии, Венгрии и Чехии массовое движение за всеобщее избирательное право и революционные выступления пролетариата выросли в небывалой степени.

Весной 1905 г. и в Хорватии усиливается стачечное движение (Загреб, Осиек, Митровица и др.). В апреле-мае 1905 г. в Осиеке происходила забастовка рабочих мебельной фабрики, требовавших установления 9-часового рабочего дня и повышения оплаты. В ответ на попытку полиции силой заставить мебельщиков капитулировать забастовали другие предприятия города.

Вопреки противодействию центрального руководства социал-демократии забастовка в Осиеке превратилась во всеобщую. Ею руководила местная организация партии. Рабочие, собиравшиеся для обсуждения своих требований, отбивались от полиции камнями. В Осиеке было объявлено чрезвычайное положение. Лишь прибывшему из Загреба представителю центрального социал-демократического руководства удалось сорвать стачку. Сотни рабочих были высланы полицией из города. Осиекская всеобщая стачка была самым крупным выступлением пролетариата Хорватии в 900-х годах. В ходе этой стачки, всколыхнувшей рабочих не только Хорватии, но и Венгрии, пролетарии показали пример классовой солидарности.

Осенью 1905 г. массовое движение в Венгрии еще более усилилось. 15 сентября началась первая в истории Венгрии массовая политическая стачка рабочих Будапешта. Как и во всей Австро-Венгрии, осенью 1905 г. в разных пунктах Хорватии происходили руководимые социал-демократией выступления за всеобщее избирательное право. 10 ноября 1905 г. в Загребе состоялся десятитысячный митинг и демонстрация, сопровождавшаяся столкновениями с полицией, в результате которых с обеих сторон имелись раненые.

В октябре-ноябре 1905 г. Австро-Венгрию охватила стачка железнодорожников. В 1906 г. в Хорватии волна стачек продолжала нарастать. Бастовали рабочие Загреба, Осиека, Земуна, остановилась работа в порту Риеки. Вновь большой размах в 1905—1907 гг. получило движение сельскохозяйственных рабочих Срема (Илок, Рума, Митровица). Здесь в качестве руководителя выдвинулся левый социал-демократ М. Глумац. Первомайские демонстрации 1906 г. были наиболее многочисленными за

все 1900-е годы. В 1906 г. в несколько раз увеличилась численность профессиональных организаций, которые ранее находились на полулегальном положении. В Загребе был создан Национальный профсоюзный центр. В это время социал-демократия пользовалась самым большим влиянием за всю свою историю. Рабочие встречали известия из России с энтузиазмом, и хорватская социал-демократия солидаризировалась с русской революцией: III съезд социал-демократической партии приветствовал «славную революционную борьбу русского пролетариата» и выражал уверенность, что «победа русской революции явится предвестником свободы всех угнетенных и бесправных».

Но теоретики социалистических партий Австро-Венгрии замалчивали или фальсифицировали опыт революции 1905—1907 гг. Лидеры социал-демократии Венгрии и Хорватии провозглашали, что основной целью борьбы народа должно быть всеобщее избирательное право и вместе с тем отказывались бороться за него по-революционному. В Хорватии боевое настроение масс, неоднократно проявлявшееся в схватках с жандармерией, заставляло руководителей социал-демократии колебаться между сотрудничеством с буржуазией и отстаиванием классовых интересов рабочих. Эта тактика вызывала на партийных съездах возражения со стороны части членов партии, но принципиальная линия руководства на союз с буржуазией в борьбе за мелкие реформы сохранялась.

Еще в январе 1905 г. либеральная партия Венгрии потерпела поражение на выборах в парламент. Франц-Иосиф назначил неконституционное правительство генерала Фейервари. По всей Венгрии развернулась кампания неповиновения этому правительству.

Подъем демократического движения в Хорватии и политический кризис в Венгрии побудили хорватские буржуазные оппозиционные партии активизировать свою деятельность. Большую часть хорватской буржуазии объединяли с венгерской интересы борьбы против австрийского капитала, тормозившего развитие Венгрии и Хорватии. Поэтому, когда венгерские оппозиционные круги в момент внутриполитического кризиса империи обратились к хорватам с предложением союза против Австрии, лидеры хорватской национальной буржуазии после колебаний поддержали этот план. Активно агитировал против Австрии журналист Франо Супило.

3 октября 1905 г. собравшиеся в Риеке хорватские депутаты саборов Далмации и Хорватии-Славонии (присутствовали также представители Истрии) приняли резолюцию, в которой выразили готовность поддержать борьбу венгров за полную независимость при условии поддержки Венгрией воссоединения Далмации с Хорватией и проведения реформ: расширения избирательного права, гарантии политических свобод, независимости судей и т. п. «Риекская резолюция» выражала уверенность в возможности хорвато-венгерской дружбы, если хорватам будут обеспечены «самостоятельное политическое, культурное, финансовое и экономическое существование и прогресс». Тем самым хорватская буржуазия обещала помощь венгерской в борьбе против Австрии при условии предоставления Хорватии со стороны Венгрии серьезных уступок.

Риекская резолюция способствовала оформлению хорвато-сербского союза в Хорватии.

В конце 90 — начале 900-годов стремление к югославянской солидарности возросло как среди трудящихся, так и буржуазии. В среде сербской средней и мелкой буржуазии Хорватии усилилась оппозиция австро-венгерскому господству и недовольство политикой сербской буржуазно-чиновничьей верхушки, являвшейся опорой режима Куэна. Этому способствовал и переворот в Сербии в 1903 г. Сербская народная независимая партия (лидер — Светозар Прибичевич), отражавшая эти настро-

ения, стала выступать за расширение автономии Хорватии и присоединение к ней Далмации при условии полного равноправия сербов.

Югославянское сближение способствовало усилению борьбы рабочих и крестьян против эксплуатации. Хорвато-сербская рознь, раздуваемая правящими кругами монархии и местными националистами, не пустила глубоких корней среди трудящихся масс обоих народов. Большое значение для хорвато-сербского сближения имело народное движение 1903 г., когда население Хорватии независимо от национальности боролось против реакционного режима.

17 октября 1905 г. в Задаре (Далмация) сербы—депутаты саборов Далмации и Хорватии-Славонии выразили готовность поддержать венгерскую оппозицию и требование воссоединения Далмации с Хорватией-Славонией при условии признания полного равноправия сербов[1].

В конце 1905 г. на основе резолюций в Риеке и Задаре была создана «Хорвато-сербская коалиция». В нее вошли Хорватская партия права, прогрессисты, сербы-независимцы, временно в ней сотрудничали сербы-радикалы[2] и социал-демократы. Организаторы коалиции подчеркивали, что целью хорвато-сербского союза является борьба против главной национальной опасности для южнославянских народов: германской политики «натиска на Восток» и той государственной системы, которая ей служит.

Коалиционные партии обещали бороться за демократические свободы, всеобщее избирательное право, подъем экономики Хорватии и, как это в начале 900-х годов, в особенности после народных выступлений 1903 г., вошло в обычай у буржуазных политиков, демагогически обещали «защищать» крестьян от разорения, обеспечить бедноте заработок, страхование рабочих и т. п.

Ввиду того, что в хорвато-сербском сближении были заинтересованы разные слои народа, а рабочий класс был слаб, коалиция возникла как своеобразный национальный блок под руководством либеральной буржуазии. Движение 1903 г. побудило либералов еще более активно провозгласить «защиту» ими общенародных интересов. Коалиция представляла собой пестрый конгломерат различных социально-политических групп, объединенных недовольством существующим положением. Если радикальные элементы коалиции стремились к ликвидации империи, то умеренные не шли дальше расширения национальной автономии Хорватии и сохраняли верность династии.

Противниками коалиции тоже являлись разнородные общественные группировки. Против хорвато-сербской коалиции боролись унионисты (опора Куэна в недавнем прошлом), франковцы и клерикалы. С критикой коалиции выступила и крестьянская партия. Франковцы и крестьянская партия были против установления таможенной границы между Транслейтанией и австрийскими землями, чего добивалась венгерская оппозиция. В этом важном вопросе и в среде коалиции не было единства. Франковцы и крестьянская партия отмечали бесперспективность попытки коалиции опереться в борьбе за национальную свободу на венгерских шовинистов. Но сами противники коалиции не могли предложить ничего лучшего, чем союз с династией Габсбургов.

Австрийские правящие круги учитывали, что буржуазно-помещичьи оппозиционные группировки Венгрии боятся развертывания массового революционного движения венгерского народа и подъема национально-освободительного движения угнетенных национальностей Венгрии. Поэтому

[1] Хорвато-сербское сближение, сотрудничество с венгерской буржуазией, направленное против австрийского господства, тактика борьбы за реформы получили в буржуазных кругах название «политики нового курса».

[2] О радикальной партии см. гл. 35.

Франц-Иосиф решительно отказался пойти им на уступки. 19 февраля 1906 г. венгерский парламент был распущен, и солдаты очистили его помещение от депутатов.

Расчет Вены оказался правильным. Весной 1906 г. венгерская буржуазно-помещичья оппозиция, испугавшаяся революционного подъема, пошла на соглашение с австрийскими властями и поддержала нового премьер-министра Векерле, преданного Францу-Иосифу.

Хорватские народняки (унионисты), выступавшие против венгерской оппозиции, которая теперь стала у власти, оказались в трудном положении. В мае 1906 г. хорвато-сербская коалиция добилась успеха на выборах в сабор (43 места из 88).

Новое хорватское правительство бана графа Т. Пеячевича было сформировано из членов небольшой группы лояльных Габсбургам унионистов — крупных буржуа и чиновников.

Это правительство, опиравшееся на хорвато-сербскую коалицию, несколько облегчило цензурный режим, оказало поддержку сберегательным кассам, было вынуждено легализировать профсоюзы, но продолжало преследовать крестьянское и рабочее движение. Образование этого правительства свидетельствовало о сдвиге в соотношении политических сил в Хорватии: чтобы сохранить видимость парламентаризма, власти вынуждены были сотрудничать с национальной буржуазией. В связи со спадом движения сельскохозяйственных рабочих и бедноты в Славонии, начавшимся в 1907 г. в результате решительного подавления стачек, лидеры социал-демократии, и ранее убеждавшие сельский полупролетариат в ненужности массовой стачечной борьбы, направили свои силы на организацию сельских кооперативов (тем самым поддерживая мелкособственнические иллюзии крестьян), а также на ведение мирной избирательной агитации. Однако влияние социал-демократии в деревне резко упало.

Между тем развернулись внешнеполитические события, оказавшие воздействие на обстановку в Хорватии. В связи с обострением австро-сербских отношений, а затем и подготовкой аннексии Боснии и Герцеговины правящие круги габсбургской монархии стали преследовать сербов. Они стремились, разгромив хорвато-сербскую коалицию, разжечь антагонизм между хорватами и сербами и создать в Хорватии обстановку, благоприятную для возможной войны против Сербии — центра антиавстрийского национально-освободительного движения.

В мае 1907 г. в венгерский парламент был внесен законопроект, требовавший знания венгерского языка служащими железных дорог в Хорватии. Это рассматривалось хорватами как прямое нарушение Соглашения 1868 г. и как шаг к ликвидации той узкой автономии страны, о которой говорилось в нем.

Хорватская делегация под руководством Супило применила обструкцию в парламенте, а затем покинула Будапешт. Бан Пеячевич вынужден был уйти в отставку (июнь 1907 г). Все это свидетельствовало о провале тактики «нового курса». Иначе и не могло быть: хорвато-сербская буржуазия более всего опасалась революционного народного движения.

Часть буржуазии стала отходить от коалиции, когда выяснилось, что коалиция не получит поддержки со стороны венгерских буржуазно-помещичьих кругов. Вскоре баном был назначен барон П. Раух, получивший задание разгромить коалицию. Но на выборах в 1908 г. открытые сторонники Рауха потерпели невиданный провал, не проведя в сабор ни одного депутата. Коалиция получила большинство мест. В связи с таким исходом выборов заседания сабора были отложены. С лета 1907 г. до 1914 г. австро-венгерские власти управляли Хорватией главным образом абсолютистскими методами, что свидетельствовало о кризисе их господства, о нарастании югославянского национально-освободительного движения.

Раух развернул травлю сербов, преследования оппозиционных партий. За найденные при обысках сербские книги и даже расшитые национальным орнаментом вещи их владельцы подвергались наказанию. В момент боснийского кризиса австро-венгерскую политику и ее проводника Рауха поддержали франковцы. Они организовали добровольческий «хорватский легион», члены которого нападали на представителей оппозиционных партий. Эта позиция франковцев вызвала раскол в их собственной партии. Часть ее во главе с Миле Старчевичем («милиновцы») выступила за сближение с коалицией (1909 г.).

В ответ на увольнение из университета либеральных профессоров — сторонников коалиции вспыхнула забастовка студентов. Хотя в обстановке экономического кризиса 1907—1909 гг. активность хорватского рабочего класса снизилась, все же реальный отпор реакции в Хорватии оказывал главным образом пролетариат. В октябре 1908 г., узнав о конфискации номера социал-демократической газеты «Слободна рпеч», загребские рабочие вышли на улицу и выдержали столкновение с полицией, во время которого было ранено несколько человек.

Между тем в Будапеште была издана брошюра провокатора Настича, в которой утверждалось, что сербская часть хорвато-сербской коалиции действует по указаниям национальных организаций и правительства Сербии. Летом 1908 г. по обвинению в государственной измене было арестовано и предано суду 53 серба. Ссылкой на активизацию сербского национального движения власти стремились оправдать необходимость аннексии Боснии и Герцеговины. Организаторы процесса рассчитывали также расколоть коалицию, доказав государственную измену ее сербских членов и наличие у них планов превращения Хорватии в провинцию «Великой Сербии». В 1909 г. несмотря на то, что Настич был разоблачен как провокатор, суд присудил обвиняемых к длительному заключению. Позже власти были вынуждены их освободить. «Загребский процесс» вызвал широкое возмущение в славянских землях Австро-Венгрии, в Сербии и России.

Наконец, уже в марте 1909 г. перед ликвидацией боснийского кризиса австрийский историк Г. Фридъюнг, близкий к министерству иностранных дел, опубликовал статью, в которой на основе подложных материалов обвинял коалицию в измене. Коалиция потребовала судебного разбирательства, и в Вене состоялся нашумевший «процесс Фридъюнга». Изменение обстановки на Балканах побудило австрийские власти замять это дело.

В связи с ликвидацией боснийского кризиса у австро-венгерских правящих кругов отпала нужда в столь неудобной для Венгрии опоре, какой являлись франковцы, не признававшие Соглашения 1868 г., так как вожди хорвато-сербской коалиции и теперь стремились договориться с венгерским правительством и получить власть. Супило, занимавший радикальную позицию, покинул коалицию, руководящая роль в которой перешла к С. Прибичевичу. В январе 1910 г. был заключен пакт между коалицией и новым баном—лидером унионистов банкиром Н. Томашичем. Коалиция, получив обещание политических уступок, обязалась поддержать Томашича на предстоящих выборах.

Реальным результатом пакта с Томашичем была избирательная реформа (май 1910 г.). Имущественный ценз был снижен и право голоса получили 190 тыс. человек (до реформы в голосовании участвовало 45 тыс. человек при 2,6 млн. населения). Значительно увеличилось число избирателей — зажиточных крестьян. Право магнатов на личное присутствие в саборе было сохранено. Рабочий класс и крестьянская беднота остались бесправными. Расширение круга избирателей соответствовало интересам национальной буржуазии: отныне власти не могли получать послушное большинство в саборе голосами чиновников и крупных помещиков.

Прикрываясь пактом, Томашич стал собирать силы старой куэновской «партии». Требование коалиции, чтобы высшие чиновники, преследовавшие ее при Раухе, были удалены, не было удовлетворено. Ввиду нараставшего широкого недовольства ее политикой коалиция летом 1910 г. вновь перешла в оппозицию.

Венгерские власти изменили тактику. Назначенный баном судейский чиновник С. Цувай в январе 1912 г. распустил сабор, большинство которого принадлежало к коалиции и другим оппозиционным группам, и заявил, что выборов не будет до «изменения настроения» в Хорватии.

Рабочий класс и все трудящиеся Загреба ответили на роспуск сабора митингами, демонстрациями[1]. В здании университета забаррикадировались студенты. Вспыхнула массовая забастовка учеников средних школ. Рабочие и студенты булыжниками отбивали нападения конной полиции. В феврале 1912 г. обстановка в Загребе напоминала 1903 г. 2 апреля 1912 г. Цувай был назначен «королевским комиссаром» Хорватии. Действие конституции было приостановлено, власть на местах передана полиции. Эти акты были встречены с негодованием не только в Хорватии-Славонии, но и в Далмации и Боснии, где состоялись многолюдные демонстрации. Но буржуазные партии заявили о своем решении сделать «все возможное, чтобы предотвратить всякие волнения в стране».

После февральских демонстраций лидеры социал-демократии также стремились предотвратить массовые выступления. Они договорились с Цуваем о проведении первомайских собраний, обещав, что на них будут обсуждаться лишь «сословные интересы рабочих».

Национальный гнет, разорение масс крестьянства, оппортунизм и лицемерие национальной буржуазии, стремившейся казаться патриотической и одновременно получавшей немалые барыши от эксплуатации трудящихся, неудача «нового курса» и планов перестройки габсбургской монархии послужили причиной возникновения в предвоенные годы национально-революционных подпольных групп молодежи. Русская революция 1905 — 1907 гг. произвела огромное впечатление на эти демократические элементы. Многие участники подпольных групп ранее находились под влиянием идеологии «реалистов» («прогрессистов»), но разочаровались в их проповеди «малых дел»[2]. Подпольные организации существовали во всех югославянских землях Австро-Венгрии и были связаны с национальными организациями в Сербии. Участники этого мелкобуржуазного национально-революционного движения были горячими патриотами. Однако они не имели четких общественно-политических принципов. Широкое распространение в их среде получили анархистские взгляды. Подпольные группы ставили своей целью создание революционным путем югославянского государства, а средством борьбы считали террор против представителей австро-венгерских властей.

8 июня 1912 г. студент Лука Юкич неудачно покушался на Цувая. В связи с этим был арестован ряд студентов и гимназистов, обвиненных в подготовке свержения существующего строя и учреждения Югославянской республики.

[1] Наступление реакции происходило в период нового (после 1906 г.) оживления рабочего движения в 1910—1911 гг., которому способствовало окончание экономического кризиса. В 1911 г. в связи с грубым подавлением полицейскими властями забастовок в Пакраце и Загребе профсоюзы Загреба объявили всеобщую стачку протеста, и правительство вынуждено было немедленно заверить рабочих, что оно признает их право на забастовку. В 1911 г. в Загребе состоялся ряд успешных выступлений рабочих: длительная (42 дня) стачка металлистов, добившихся заключения коллективного договора, трамвайщиков, завоевавших право на еженедельный отдых и $8^1/_2$-часовой рабочий день, рабочих боен, рабочий день которых был снижен до 11 часов.

[2] В 1910 г. «прогрессисты», все более эволюционируя вправо, слились с Хорватской партией права, окончательно противопоставив себя демократическим кругам.

Таким образом, в области национального вопроса накануне балканских войн наиболее сильная буржуазная политическая группировка Хорватии — хорвато-сербская коалиция — провозглашала программу постепенного расширения автономии страны (прежде всего на область финансов) в рамках Транслейтании. Хорвато-сербское сближение и сотрудничество в Хорватии представляло опасность для Австро-Венгрии, так как отражало тенденцию исторического развития, направленную к созданию независимого югославянского государства. Но только наиболее радикальные деятели коалиции сознательно ставили себе эту цель. Оппортунизм буржуазной верхушки хорвато-сербской коалиции и ее готовность к соглашению с властями сковывали национальное движение. Накануне мировой войны коалиция, все более сближавшаяся с унионистами, на практике стала опорой венгерских властей в Хорватии[1]. Другая буржуазная группировка — клерикально-правашская — требовала перестройки империи на основе триализма, укрепления империи и подавления антиавстрийского югославянского движения. Клерикалы и франковцы-праваши являлись опорой правящих кругов при обострении внешнеполитической обстановки. С этой группировкой в предвоенные годы в области национального вопроса сблизилась крестьянская партия Радичей. Только национально-революционные молодежные группы решительно боролись за независимое югославянское государство. Социал-демократическая партия поддерживала идею югославянского единения и требование расширения автономии Хорватии в рамках империи.

Далмация под властью Австрии во второй половине XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX в. Далмация оставалась в стороне от основных торговых путей, не имела железнодорожной связи с другими югославянскими землями, имперским и европейским рынками. Более того, к концу XIX в. были прерваны традиционные торговые связи Далмации с Боснией и Герцеговиной, а через эти земли — с обширными районами Балканского полуострова, так как после оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерские власти соединили железные дороги, построенные в этих провинциях, с транспортной сетью центральных районов империи. Через них теперь стал направляться основной ввоз и вывоз оккупированных земель. Тем самым были обречены на упадок далматинские порты (Сплит, Шибеник и др.). Австро-венгерский крупный капитал подорвал позиции далматинской буржуазии в торговле. Для правящих кругов габсбургской монархии Далмация представляла интерес прежде всего как военно-стратегический плацдарм против Италии и других возможных противников.

Полуфеодальные порядки в деревне (колонат и подобные ему отношения) еще более тормозили развитие области. При всех многочисленных особенностях, которые имелись в аграрных отношениях отдельных районов Далмации, сущность этих отношений состояла в аренде земли безземельным крестьянином — колоном, кметом и др.— у землевладельца — дворянина или буржуа. (Во второй половине XIX в. совершался постепенный переход земли из рук дворянства в руки буржуазии.) Крестьянская аренда в разной мере сохраняла феодальный характер. В большинстве случаев за арендованный участок крестьянин отдавал землевладельцу часть урожая (до $^1/_2$), а также периодически приносил ему «дары», производил различную работу и т. п. Срок арендного соглашения колебался, часто аренда являлась наследственной. Различной также была и степень хозяйст-

[1] См. гл. 38.

Далматинские крестьяне-виноделы

венной самостоятельности крестьянина. Австрийские власти в интересах торгово-землевладельческой верхушки, являвшейся их классовой опорой в Далмации, сохранили эти полуфеодальные отношения вплоть до 1918 г. Часть земли находилась в собственности крестьян.

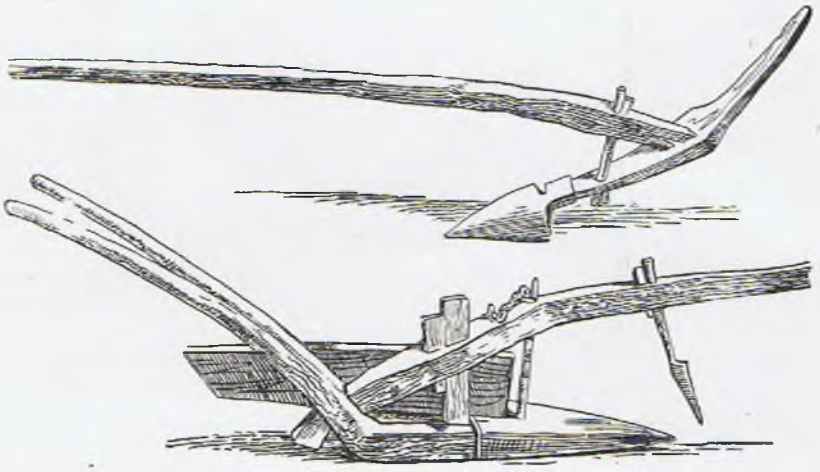
Для Далмации была характерна крайняя раздробленность земельных участков, тормозившая развитие хозяйства.

Природные условия способствовали возделыванию интенсивных культур: выращивались виноград, который занимал более $^1/_3$ всей обрабатываемой земли, табак, оливковые деревья. К интенсификации земледелия побуждало и крайнее малоземелье. Наряду с этим большое место в сельском хозяйстве Далмации занимало экстенсивное отсталое животноводство: на каменистых пастбищах, составлявших около половины территории области, пасся главным образом мелкий скот — козы и овцы.

Полуфеодальная и капиталистическая эксплуатация и налоги разоряли крестьянство: в 1902 г. свыше $^3/_5$ хозяйств имели не более чем по 2 га продуктивной площади. Тысячи сельских полупролетариев уходили на заработки за пределы страны, составляли команды судов австрийского флота, в последние десятилетия XIX — начале XX в. в значительном числе эмигрировали. В начале XX в. несколько ускорился процесс выкупа зажиточными крестьянами земли у ее владельцев, однако этот путь был закрыт для разорявшегося большинства крестьянства. На почве тяжелого положения во второй половине XIX— начале XX в. в разных районах страны неоднократно вспыхивали крестьянские волнения.

Промышленность Далмации была незначительной (производство асфальта, добыча бурого угля, каменоломни). В 1910 г. в сельском хозяйстве здесь было занято около 83% населения, а в промышленности — менее 5% (примерно столько же — в торговле и на транспорте, главным образом во

флоте). Австрийская конкуренция и затруднения с транспортом препятствовали промышленному развитию. В середине XIX в. развитой отраслью хозяйства являлось судостроение и парусное судоходство (Дубровник, полуостров Пелешац и др.), однако, не выдержав конкуренции с пароходами австрийского «Ллойда» и иностранных пароходных компаний, оно пришло в упадок в 80-х годах. В начале XX в. несколько оживились цементная и рыбоконсервная отрасли промышленности. В 1902 г.



Сельскохозяйственные орудия далматинских крестьян в начале XX в.

в Далмации, насчитывавшей 600 тыс. населения, имелось 12,9 тыс. разного рода (промышленных, торговых и др.) заведений, на которых было занято 28,2 тыс. человек. Из этих предприятий 11,1 тыс. принадлежали к группе мельчайших (от 1 до 5 работников). Далмация являлась в промышленном отношении самой отсталой областью Австро-Венгрии.

Далмация нуждалась во ввозе иностранных изделий, а крупные капиталисты Триеста, монополизировавшие внешнеторговые связи области, в 900-х годах продавали здесь товары на 10—35% дороже, чем они стоили в Триесте. Ввиду нужд промышленности, сельского хозяйства и торговли требование установления железнодорожной связи с Боснией-Герцеговиной, Хорватией-Славонией (и через нее с европейским рынком) было всеобщим. Однако как венгерские, так и австрийские власти игнорировали его. Строительство дороги началось лишь в 1913 г.

В 60-х годах в национальном развитии хорватов и сербов Далмации произошел заметный сдвиг. Представители буржуазной интеллигенции, в том числе духовенства, выступили за употребление народного языка и воссоединение с Хорватией-Славонией. Поддержанные частью землевладельцев, торговой и сельской буржуазией, они организовали Народную партию (М. Павлинович, И. Ходило, М. Клаич), нашедшую сочувствие и в крестьянской среде. Народняки 60-х годов были либералами, пропагандировали идеи парламентаризма, гарантии гражданских прав и т. п.

Итальянская и итальянизированная буржуазия[1] и более крупные землевладельцы Далмации, а также чиновники, не знавшие сербско-хорватского языка, выступали против национальных стремлений хорватов и сербов, угрожавших их монопольному положению в политической жизни страны. Противники воссоединения Далмации с Хорватией-Славо-

[1] Итальянцы и итальянизированные слои составляли примерно 4% населения Далмации.

Крестьянский дом на севере Далмации

нией выступали под флагом «автономии» и заявляли, что далматинцы являются особым народом («славодалматы»).

Австрийские власти поддерживали «автономистов». Они лицемерно предложили сабору Хорватии вступить в переговоры с далматинским сабором об объединении. Но благодаря реакционному избирательному закону противники объединения получили большинство в далматинском саборе 1861 г. Они воспротивились переговорам о воссоединении. Далмация осталась оторванной от Хорватии-Славонии. Это ослабило хорватов в борьбе за национальные права и затормозило экономическое развитие хорватских земель.

Несмотря на преследования, народняки усиливались. Их опорой была мелкая буржуазия, постепенно втягивавшаяся в национальное движение. С 1861 г. развернулась борьба за преподавание хорватского языка в школах и признание его официальным языком сабора и других государственных учреждений. В 1862 г. в Задаре при денежной поддержке Штросмайера народняки начали издавать на итальянском языке газету «Иль национале» с приложением «Народни лист». Они основывали «читальни» — центры национальной культуры и политические клубы. В 1864—1865 гг. автономисты и народняки объединялись против австрийских властей, проводивших политику централизма и полицейского произвола, душой которой был министр внутренних дел А. Шмерлинг. Вместе с тем народняки постепенно теснили автономистов в местном управлении и в 1870 г. победили на выборах в сабор.

В дуалистической Австро-Венгрии «Королевство Далмация» — одна из австрийских провинций — управлялось наместником и пользовалось весьма ограниченной автономией (выделяемый далматинским сабором комитет, глава которого назначался императором, ведал коммунальными делами, местными дорогами, низшими школами и т. п.). Сабор, заседавший в Задаре, избирался по курпальной системе, обеспечивавшей господство буржуазно-помещичьих элементов.

По мере укрепления системы дуализма народняки, не снимая требования воссоединения с Хорватией, практически ограничились борьбой за упрочение национального положения хорватов в Далмации. Они добились частичных уступок в языковом вопросе (обязательства чиновников отвечать на языке клиента и др.). Народняки стремились сотрудничать с австрийскими властями и капиталом. Австрийские власти, однако, неоднократно переходили от уступок к преследованиям национальных деятелей и политике германизации. Они подавляли оппозиционную печать, игнорировали записанные в австрийской конституции 1867 г. демократические права населения.

Значительным событием в истории Далмации было народное восстание в Которском округе в 1869 г. Масса населения выступила против попытки австрийских властей ввести здесь всеобщую воинскую повинность и ликвидировать старинные привилегии местных жителей (право хранить оружие и нести военную службу лишь на родине). Повстанцы в нескольких сражениях в горах разбили австрийские войска и заставили правительство пойти на уступки[1]. Неудача австрийской армии, широкое недовольство политикой Австрии в Далмации так же, как и внешнеполитическая обстановка — завершение объединения Италии, в связи с чем австрийские власти опасались далее поддерживать итальянский элемент в Далмации — все это побудило правящие круги империи изменить тактику и дать известную свободу народнякам, в результате чего им удалось победить на выборах в 1870 г.

Искусственная изоляция Далмации от соседних земель способствовала распространению идеи национального и югославянского единства в разных слоях населения Далмации. Все больше далматинцев училось в Загребе, а политические деятели, журналисты и ученые — далматинцы включались в политическую и научную жизнь Хорватии-Славонии. Между политическими группировками обеих земель укреплялся контакт. Все более оживленными становились связи деятелей искусства, литераторов. Национальное единство хорватов укреплялось вопреки противодействию властей. Одновременно крепли политические и культурные связи, соединявшие сербское население Далмации с сербами Хорватии, Боснии и Герцеговины и независимыми государствами — Сербией и соседней Черногорией.

Если в 1860-х годах хорваты и сербы Далмации выступали единым фронтом, то в 70—80-х годах, по мере дальнейшего развития хорватской и сербской буржуазии, положение изменилось. В хорватской среде усиливается влияние великохорватов-клерикалов. Быстро распространились в Далмации идеи А. Старчевича. Великохорваты не признавали национальных прав сербов в Далмации. В 1879 г. сербская буржуазия организовала Сербскую народную партию, выступившую против присоединения Далмации и Боснии-Герцеговины к Хорватии-Славонии.

В сербской среде (кроме связанной с Австрией буржуазной и чиновничьей верхушки) жила надежда на объединение всех земель, населенных сербским народом, в независимое государство.

В конце XIX — начале XX в. стала сильнее проявляться тенденция к сближению хорватов, сербов и итальянцев для борьбы против австрийского гнета. В свое время далматинская буржуазия приветствовала оккупацию Боснии-Герцеговины. Но ее надежды на то, что австрийские власти обеспечат ей успешное развитие торговли с этими провинциями, сменились горьким разочарованием. К тому же в 1891 г. Австро-Венгрия заключила торговый договор с Италией, предоставивший итальянским тор-

[1] В 1881—1882 гг. в том же районе вновь произошло восстание, поддержанное герцеговинскими повстанцами. Восстание было подавлено.

Набережная в Сплите в конце XIX в.

говцам привилегию на ввоз вина в империю. Этот договор нанес тяжелый удар далматинскому виноградарству. Равнодушие, с которым в Вене встречали просьбы далматинской буржуазии, растущее экономическое отставание Далмации, обнищание крестьянских масс —все это способствовало росту антиавстрийских настроений среди всех национальностей области. Политические деятели подчеркивали усилившуюся угрозу австро-германской экспансии на Балканы.

Большую тревогу австрийских властей вызывало сербское национальное движение. В 1898 г. австрийская полиция подвергла репрессиям сербских журналистов, разоблачивших колониальные методы управления в Боснии. В 1899 г. было запрещено «Сербское братство» — буржуазное общество, ставившее себе целью укрепление сербского капитала, развитие кредитной кооперации, просвещение и политическую пропаганду в национальном духе. В 1902 г. были заключены в тюрьму сербские журналисты, побывавшие в Белграде (А. Фабрис и др.), что вызвало выступление в их защиту газет России и Франции.

Против политики хорвато-сербской розни, проводимой клерикальными элементами и поддерживаемой австрийскими правящими кругами, в конце 90-х годов XIX в. выступило леволиберальное крыло Партии права во главе с И. Смодлакой[1]. В начале 1900-х годов часть далматинских правашей стала отходить от клерикалов и признала национальные права сербов в Далмации.

В этой обстановке сербо-хорватского сближения деятельность австрийского наместника барона Ганделя, назначавшего на чиновничьи должности в Далмации австрийских дворян, говоривших лишь по-немецки, вызвала единодушный отпор со стороны всех партий (в том числе итальянской). Ганделю, которому сабор в 1904 г. объявил бойкот, пришлось покинуть Далмацию. Таким образом, в начале XX в. Далмация стала одним из важных очагов хорватского и сербского национального движения. Именно здесь

[1] Эта группа была близка «реалистам» (прогрессистам) Хорватии.

наиболее заметно проявлялись антиавстрийские настроения. В 1903 г. далматинцы протестовали против репрессий в Хорватии-Славонии. Депутаты далматинского сабора пытались вручить императору петицию, содержавшую протест против политики правительства в Хорватии-Славонии, но власти не допустили их к Францу-Иосифу, что вызвало широкое недовольство.

Как и в Хорватии-Славонии, начало 1900-х годов в Далмации ознаменовалось новой перегруппировкой политических сил. Народняки (лидер П. Чингрия) и часть правашей (Ю. Бьянкини, А. Трумбич) в 1905 г. объединились в Хорватскую партию, явившуюся одним из инициаторов Риекской резолюции. Представители Сербской партии, принявшие Задарскую резолюцию, вступили в блок с Хорватской партией.

Хорвато-сербский блок, располагавший большинством мест в саборе Далмации, представлял интересы умеренной (праволиберальной) банковской и торгово-промышленной буржуазии. Блок придерживался югославизма. Внутри этого пестрого по составу блока не раз проявлялись противоречия между хорватской и сербской буржуазией, между разными группами каждой национальности. Однако торгово-промышленная буржуазия Далмации, интересы которой в условиях австрийского господства не получали удовлетворения, была недовольна режимом, и некоторые ее деятели (А. Трумбич, выходец из Далмации Ф. Супило и др.) ждали благоприятной обстановки, чтобы выступить против монархии Габсбургов. Как и в Хорватии-Славонии, этой группировке противостояли чистые праваши. В этой партии, опиравшейся в основном на хорватскую мелкую буржуазию — носительницу великохорватских триалистских планов, было сильным влияние клерикалов. Праваши, находившиеся в оппозиции, выступали за расширение прав Далмации, за воссоединение с Хорватией, но вместе с тем большинство их поддерживало внешнюю политику империи, в частности аннексию Боснии и Герцеговины (1908 г.). Однако в отличие от Хорватии-Славонии, буржуазные политические группировки Далмации в предвоенные годы сближало общее широкое недовольство политикой австрийских властей.

Широкие массы далматинского крестьянства, убедившиеся в том, что австрийские власти стоят на страже интересов полуфеодальных землевладельцев, стремились к национальному освобождению, связывая его со своими социальными требованиями, с борьбой за землю. Однако организованное крестьянское движение в Далмации было незначительным.

В 1909 г. австрийские власти ввиду подъема национального движения на юге империи пошли на уступки требованию хорватов и сербов и, наконец, признали сербско-хорватский язык официальным языком местных учреждений Далмации. Допускалось также употребление итальянского языка. В высшей администрации по-прежнему господствовал немецкий язык.

Рабочее движение в Далмации развилось позже, чем в Хорватии-Славонии. Далматинский пролетариат состоял в большей части из рабочих мелких мастерских. Первой социалистической организацией был Союз рабочих (1897 г.), действовавший в Сплите и Задаре и заложивший основу развития партийных и профессиональных организаций в области. В 1902 г. на I конференции социалистов была создана социал-демократическая партия, входившая в состав словенской («югославянской») социал-демократии. Социалисты положили начало сплочению передовых элементов пролетариата, много сделали для развития классовой солидарности хорватских, сербских и итальянских трудящихся. Социал-демократия руководила рядом стачек в 1904, 1908, 1911 гг., всеобщей первомайской забастовкой в Сплите в 1912 г.

Истрия во второй половине XIX — начале XX в.

Истрия (вместе с Горицей-Градишкой и Триестом) после 1860 г. входила в состав австрийской административной единицы — Приморья. Как и ранее, ее история была тесно связана с историей словенских земель.

После 1848 г. часть хорватских и словенских крестьян Истрии выкупила землю у помещиков—австрийцев и итальянцев. Но как и в Далмации, в Истрии сохранился колонат, в большей степени распространенный вдоль западного побережья полуострова. Во второй половине XIX — начале XX в. землевладельцы постепенно изменяли условия аренды земли колонами, стремясь приспособить сельское хозяйство к интересам быстро растущего капиталистического рынка (для Истрии таким близким и емким рынком был прежде всего Триест). Землевладелец все более контролировал колона, определял как детали ведения хозяйства, так и сбыта продуктов. Арендатор-колон, который, случалось, уже не имел ни собственных орудий, ни скота и пользовался инвентарем, рабочим скотом и удобрениями, принадлежавшими владельцу земли, помимо уплаты доли урожая зачастую был обязан согласно договору продавать урожай фруктов и овощей по цене, указанной землевладельцем, в определенном месте, а иногда — только землевладельцу. Выручка, получаемая таким колоном, в сущности мало отличалась от заработной платы батрака. Землевладелец легко мог согнать колона с земли. Колон же обычно находился у землевладельца в долгу и был вынужден работать на кабальных условиях. Попытки колонов выкупить землю часто кончались безрезультатно: вконец задолжавший крестьянин не имел иного выхода, кроме как вновь заключить колонатский договор. Землевладельцы были заинтересованы в сохранении системы колоната, которая позволяла им подвергать работника жестокой эксплуатации и в то же время ослабляла классовую борьбу трудящихся. Но в целом, однако, по мере развития капитализма система колоната постепенно распадалась и численность колонов в Истрии уменьшалась.

Развитие капитализма и в Истрии сопровождалось быстрым проникновением ростовщического капитала в деревню, обнищанием крестьянства, обострением социальной и национальной борьбы. В 1902 г. из 47 тыс. земледельческих хозяйств Истрии хозяйства до 5 га составляли $^3/_4$ всех хозяйств, в том числе почти 23 тыс. хозяйств, т. е. около половины, занимали до 2 га каждое. Крестьянская беднота Истрии нанималась служить во флот, уходила в города, а также на лесоразработки в Хорватию.

Истрия представляла собой область земледелия (главными культурами были кукуруза, виноград, оливки), скотоводства и рыболовства. Крупная промышленность развивалась в основном в Пуле — главной базе австро-венгерского военного флота. К концу XIX в. были расширены разработки угля в Раше. Заметное место в Австрии занимала Истрия по добыче озерной соли. Всего в торговле, транспорте (главным образом во флоте) и промышленности [1] Истрии в 1902 г. насчитывалось 31,6 тыс. рабочих и служащих (при 300 тыс. населения).

Как и другие провинции Австрии, Истрия после восстановления конституции имела сабор (с 1861 г.), ведавший местными делами. В 1870 г. избирательными правами пользовались около 14 тыс. человек, разделенных на курии. 136 помещиков-итальянцев посылали в сабор 5 депутатов, а 13,5 тыс. избирателей курии сельских общин (главным образом хорваты и словенцы) — 12. Крупная городская буржуазия, посылавшая 10 депутатов, была итальянской. Избирательный закон, таким образом, обеспечивал большинство в саборе итальянским помещикам, буржуазии и чинов-

[1] Промышленных предприятий и мелких мастерских насчитывалось 6,6 тыс. (в них было занято 24,7 тыс. человек).

никам, хотя в 70—80-х годах итальянское население в Истрии составляло менее 40% [1]. Деревня, где в 60—70-х годах развитие национальной мелкой буржуазии сделало определенные успехи, а также некоторые городки восточной Истрии и островов Крк и Лошинь явились оплотом национального движения хорватов.

Некоторые первые деятели хорватского Возрождения в Истрии являлись верными Габсбургам, политически умеренными людьми. В частности, с национальными требованиями выступили местные епископы, боровшиеся против либерализма итальянской буржуазии и духа итальянской ирредепты. Долгое время оказывал поддержку национальному движению хорватов епископ поречско-пульский Юрай Добрила, который был близок интересам буржуазии, выступал за развитие экономики Истрии. Добрила поддерживал связь со Штросмайером.

Немногочисленная хорватская интеллигенция, в том числе сельское духовенство, в 1860-х годах пропагандировала идею присоединения Истрии к Хорватии, а в качестве непосредственной задачи выдвигала развитие хорватского языка и культуры, обеспечение политических прав и демократизацию избирательного закона (чтобы покончить с монополией итальянцев в политической жизни провинции). Общая борьба за национальные права против господства австрийских властей и итальянского крупного капитала сплотила хорватскую и словенскую мелкобуржуазную интеллигенцию Истрии. Как в Далмации и словенских землях, хорватская и словенская интеллигенция Истрии, начиная с 1866 г., организовывала читальни — очаги национальной культуры и политической деятельности, сетью которых в течение последних десятилетий XIX и в начале XX в. покрылась вся область. В 1870 г. в Триесте началось издание газеты «Наша слога», явившейся основным органом национального движения. В течение всего периода до первой мировой войны Триест был важным центром национального движения югославян.

Хорваты и словенцы, организовавшие Хорвато-словенскую народную партию, провели в сабор в 1877 г. пять депутатов, а в 1889 — девять. Однако вплоть до конца существования Австро-Венгрии благодаря реакционному избирательному закону итальянские помещики и буржуазия сохранили большинство в саборе и господствующее положение в чиновничьем аппарате провинции. Итальянская буржуазия отказывалась признать права хорватов и словенцев на пользование родным языком в политической жизни и администрации Истрии, их права на развитие национальной культуры, тормозила развитие хорватской и словенской школы.

В 1870 г. хорватские буржуазно-либеральные деятели, стремясь привлечь крестьян к национальной борьбе, по примеру чешских и словенских либералов организовали массовые собрания («таборы»). На собраниях ораторы рассказывали народу о правах граждан и экономических нуждах Истрии, требовали применения хорватского языка в учреждениях, снижения налогов. Мелкобуржуазные либералы обращались к крестьянству с опаской. «Необходимо вести себя мирно и серьезно»,—наставляла крестьян «Наша слога», — ибо «кто хочет добиться своих прав — не должен шуметь».

Национальная буржуазия звала крестьян включиться в экономическую борьбу против итальянских конкурентов, ибо результаты этой борьбы должны были пойти на пользу в первую очередь и главным образом ей самой. «Блажен народ, умеющий прославить себя малыми делами»,— убеждала крестьян «Наша слога». С середины 80-х годов XIX в. при поддерж-

[1] В 1900 г., когда итальянское население относительно возросло, согласно австрийской переписи, итальянский язык считали своим разговорным языком 40,54% населения Истрии, сербско-хорватский — 42,58%, словенский — 14,2%.

ке буржуазии Чехии, Хорватии и словенских земель хорватская и словенская буржуазия Истрии создает сберегательные кассы, стремясь вытеснить итальянский капитал, а затем в 90-х и особенно в 900-х годах организует сельскую кооперацию. По мере разорения крестьян нарастала их борьба против землевладельцев-итальянцев. Славянская буржуазия, используя социальные противоречия в деревне, отражавшие национальные различия, стремилась укрепить свое влияние на крестьянство. Руководимые сельским духовенством кооперативные общества содействовали выкупу земли из рук итальянских землевладельцев.

Рост сил национальной буржуазии и укрепление национального самосознания хорватов и словенцев Истрии проявились в 900-х годах в ускорении развития разного рода национальных (торговых, кредитных, просветительных и других) обществ, библиотек и т. п. Постепенно укреплялись политические и культурные связи Истрии с Хорватией-Славонией, Далмацией и словенскими землями. Национальные лидеры Истрии (М. Лагиня и др.) являлись одновременно руководителями как культурно-просветительных, так и предпринимательских организаций.

Хорвато-словенские депутаты Истрии в австрийском рейхсрате долгое время поддерживали политику представителей буржуазии словенских земель. Последние, опасаясь германизаторских устремлений австрийских либералов, входили в австрийский буржуазно-помещичий Консервативный клуб графа Гогенварта. На Консервативный клуб в 80-х годах опиралось правительство графа Тааффе. Но поддержка правительства не избавляла хорватов и словенцев от национального гнета. В начале 90-х годов окрепшая хорвато-словенская мелкая и средняя буржуазия Истрии стала более решительно выступать в защиту своих национальных прав. Одним из мелкобуржуазных хорватских лидеров в Истрии был учитель В. Спинчич — сторонник партии права А. Старчевича. За оппозиционную деятельность Спинчич был изгнан со службы. В 1892 г. депутаты рейхсрата от Истрии В. Спинчич и М. Лагиня порвали с Консервативным клубом. Вместе с частью депутатов Далмации (Ю. Бьянкини и др.) они образовали Клуб независимых хорвато-словенских депутатов. Эта группировка заявила, что только объединение хорватских и словенских земель (в составе империи), а не выпрашивание мелких уступок у правительства, может обеспечить экономическое и культурное развитие хорватов и словенцев. Клуб независимых занял в рейхсрате резко оппозиционную правительству позицию и стал сотрудничать с чешской буржуазной партией младочехов.

В 90-х годах наряду с либеральной партией верхов итальянской буржуазии возникла мелкобуржуазная христианско-социальная партия, стремившаяся распространить свое влияние на итальянских рабочих. Передовые итальянские, а за ними и хорватские пролетарии (прежде всего рабочие Пулы) вступают в австрийскую социал-демократию.

Введение всеобщих и равных выборов в рейхсрат обострило национальную борьбу. В 1907 г. от Истрии были избраны три итальянца и три хорвато-словенских кандидата. Однако в саборе Истрии хорваты и словенцы занимали лишь 9 мест из 33, а с 1908 г.— 18 из 41, хотя в 1908 г. за правящую итальянскую партию голосовало меньшинство избирателей. Острые конфликты привели к кризису сабора, который после 1910 г. не собирался. В предвоенные годы растущее национальное движение югославян все более угрожало господствующим позициям итальянской буржуазии.

С конца 90-х годов социалистическое движение в Истрии развивалось в рамках итальянской социал-демократии — одной из национальных социал-демократических партий Австрии. В 1907 г. ошибочная тактика руководства итальянских социал-демократов, поддержавших итальянских буржуазных кандидатов на выборах, вызвала раскол. Хорваты и словенцы ушли из партии. При помощи словенской социал-демократии

в Истрии была создана социал-демократическая организация. Таким образом, рабочее движение в Истрии, как повсюду в Австрии, оказалось расколотым по национальному признаку. В дальнейшем, однако, итальянские и хорвато-словенские социал-демократы выступали солидарно и совместно боролись против итальянских «христианских социалистов» (клерикалов) и Национальной рабочей организации, созданной хорвато-словенской буржуазией в 1907 г. и также находившейся под влиянием клерикалов. Социал-демократы боролись против разжигания буржуазией национальной вражды между трудившимися плечом к плечу югославянскими и итальянскими рабочими. Однако хорвато-словенская социал-демократия пользовалась небольшим влиянием на рабочих Истрии, в подавляющей части еще шедших за буржуазной народной партией. На выборах в 1907 г. хорвато-словенские социалисты собрали лишь 522 голоса, а итальянские — более 3,6 тыс.

Позже влияние социал-демократов, вначале ограниченное несколькими городами (Пула, Опатия, Лабин), постепенно распространялось и на другие районы Истрии.

Социал-демократы отстаивали требования всеобщего избирательного права при выборах местного сабора, т. е. ликвидации избирательных привилегий для помещиков и капиталистов, расширения преподавания в школах на родном языке (но вместе с тем в соответствии с догмами теоретиков австрийской социал-демократии добивались разделения школьного дела по национальностям). В противовес реакционной тактике лидеров хорвато-словенской буржуазии, которые в борьбе против своих итальянских противников накануне мировой войны взывали к помощи австрийского правительства, социалисты выдвигали лозунг широкой демократизации политических порядков в Истрии.

Итальянские и хорвато-словенские социал-демократы Истрии руководили рядом стачек, в том числе длительной (свыше четырех месяцев) стачкой строителей в Пуле в 1911 г., в результате которой трудящиеся добились 8-часового рабочего дня. Хорвато-словенские социал-демократы поддерживали связи со своими товарищами в Далмации, Хорватии-Славонии, словенских землях.

ГЛАВА 34

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ

Словения в 50—90-х годах XIX в.

После революции 1848 г. капиталистическое развитие словенских земель ускорилось. Ввиду того, что аграрные преобразования происходили в условиях поражения революции, крупные имения феодальной аристократии не были уничтожены, и капитализм в сельском хозяйстве Австрии развивался по так называемому прусскому пути. И в Словении после 1848 г. помещики продолжали владеть свыше 50 тыс. га лучшей обрабатываемой земли. Крестьяне были освобождены от феодальной зависимости, стали собственниками обрабатывавшихся ими земель, но оказались обремененными новыми платежами. Выкуп феодальных повинностей затянулся до 90-х годов. Крестьяне все в большей мере подвергались эксплуатации со стороны австрийских (в Приморье — итальянских) и словенских скупщиков и ростовщиков. При ликвидации феодальных отношений у крестьян за незначительное «возмещение» было отнято право пользования помещичьими лесами и пастбищами, что нанесло тяжелый удар в особенности по хозяйству бедноты. Разорение и пролетаризация крестьянства ускорились в период аграрного кризиса 70—90-х годов, когда цены на хлеб упали в два раза. В Словении был широко распространен обычай, по которому хозяйство крестьянина переходило по наследству старшему сыну, а остальные наследники получали свою долю в деньгах, иногда же им выделялись и небольшие участки для постройки дома. Вследствие этого дробление земельных участков несколько тормозилось, но вместе с тем быстро росло население, лишенное земли (кочары, байтары, кайжары). Значительный в словенской деревне слой средних крестьян (10—12 га земли) постепенно распадался. Например, в Крайне в 1902 г. полупролетарские и бедняцкие хозяйства площадью до 5 га составляли больше половины всех хозяйств. Масса малоземельных и безземельных крестьян уходила на работу в промышленность Австрии. Во второй половине XIX в. все большие масштабы приобретала эмиграция из словенских земель, главным образом в Америку (только в 90-х годах страну покинуло до 150 тыс. человек). При введении выкупа повинностей происходили разрозненные выступления крестьянства против чиновников, защищавших помещичьи интересы, в ряде мест крестьяне отказывались платить налоги. Австрийская

жандармерия беспощадно подавляла всякое проявление недовольства. Во второй половине XIX в. в словенской деревне большую силу приобрело богатое крестьянство. Сельская буржуазия все более широко соединяла ведение сельского хозяйства с мелкой промышленностью, торговлей, ростовщичеством. Она скупала землю дворян и разоренных крестьян, постепенно захватывала общинные угодья. Австрийские власти стремились содействовать буржуазному землеустройству: уменьшению разбросанности участков, ликвидации остатков общинной собственности. Однако осуществление этих мер наталкивалось на упорное сопротивление крестьянской бедноты.

Несмотря на оскудение и разорение части дворянства, в конце XIX—начале XX в. в словенских землях дворянское землевладение было весьма значительным. Согласно переписи 1902 г., 567 крупных имений, в основном принадлежавших австрийцам, занимали площадь большую, чем 100 тыс. словенских средних и мелких крестьян (70% всех хозяйств). В словенской деревне — при широком и повсеместном развитии буржуазных отношений—сохранялись пережитки феодализма — отработки, издольная аренда и т. п. В имениях помещиков и богатых буржуа работали тысячи малоземельных крестьян и полупролетариев. В приморских районах было много землевладельцев-итальянцев. Здесь кое-где еще сохранялся колонат. Но большой выкуп, полученный помещиками по реформе 1848 г., и все укреплявшиеся связи землевладельцев с банками Вены и Граца способствовали постепенной перестройке крупного хозяйства на капиталистический лад.

К 900-м годам чисто капиталистические формы ведения хозяйства заняли преобладающее место в имениях аграриев; землевладельцы заводили улучшенные плуги, машины, применяли искусственные удобрения. Ввиду благоприятных природных условий (горные пастбища, луга и леса) и соседства австрийского рынка в хозяйствах крупных землевладельцев и зажиточного крестьянства большое развитие получило товарное животноводство.

Леса, занимавшие более $^2/_5$ площади страны и имевшие большое экономическое значение, использовались в качестве пастбищ для скота. Лес шел на переработку и вывоз. Большие лесные массивы принадлежали помещикам (после 1848 г. помещики сохранили более 150 тыс. га леса)[1] и буржуазии, тогда как крестьянская масса — более $^3/_4$ хозяйств — владела менее $^1/_4$ площади лесов, а $^1/_3$ крестьян вообще не имела лесных участков.

Промышленный переворот и быстрое развитие капитализма в соседних австрийских и чешских землях оказали непосредственное влияние на Словению, через которую шли торговые связи Австрии с балканскими странами, Италией и другими государствами. В 1849 г. строившаяся железная дорога Вена — Триест достигла Любляны, а в 1857 г.— Триеста. Интересы австрийского капитализма побуждали власти развивать сеть железных дорог, связывавшую словенские земли с общеавстрийским и международным рынками.

Внедрение австрийского и иностранного капитала в экономику Словении во второй половине XIX в. резко усилилось. Крупные австрийские предприятия быстро разоряли мануфактуры, а также массу ремесленников. В 50—80-х годах, не выдержав конкуренции заводов и фабрик, прекращали производство старинные металлургические предприятия мануфактурного типа — «фужины», металлообрабатывающие, гончарные, текстильные и другие заведения, основанные на ручном труде. Исчез извозный промысел, которым до проведения железной дороги Вена — Триест занималось множество местных крестьян и городского люда. Сохранились

[1] Австрийские магнаты владели огромными лесными угодьями: так, например, в собственности князя Ауэрсперга в начале 900-х годов находилось 29,5 тыс. га леса.

Крестьянское хозяйство в Каринтии в конце XIX — начале XX в.

лишь отдельные отрасли домашнего производства, однако мелкие производители попадали в зависимость от скупщиков и фактически превращались в наемных рабочих (например, в производстве кружев в районе Идрии). Но некоторые владельцы мануфактур объединялись, превращая свои предприятия в фабрики и заводы.

К концу XIX в. заметное развитие получила горнодобывающая и металлообрабатывающая промышленность, а также пищевая (мукомольная, пивоваренная и др.), кожевенная, текстильная, строительная, деревообрабатывающая, бумажная, стекольная, создававшиеся главным образом австрийским капиталом. Основными местами сосредоточения промышленности стали Любляна, Марибор, Целе, Есенице, Яворник, Тржич, а наиболее важным Триест. В связи с проведением железных дорог стал развиваться Засавский угольный бассейн (Трбовле, Храстник, Загорье), находившийся в руках французского «Трбовльского угольного общества». В Словении возникли отдельные крупные индустриальные очаги, имевшие общегосударственное значение: в 1865 г. вступили в строй Мариборские железнодорожные мастерские (перед первой мировой войной — 1200 человек), в 1871 г.— табачная фабрика в Любляне, число рабочих которой вскоре достигло 2600. В 1869 г. австрийским капиталом была организована «Крапинская промышленная компания» — крупное объединение, владевшее предприятиями ряда отраслей промышленности в разных словенских землях.

В середине XIX в. по уровню промышленного развития Словения значительно превосходила другие югославянские земли: на ее небольшой территории было сосредоточено более половины всех промышленных и мануфактурных предприятий, расположенных в областях, которые позже составили Югославию, и более половины всех промышленных и мануфактурных рабочих. И в дальнейшем, во второй половине XIX— начале XX в., словенские земли по своему экономическому уровню опережали остальные

югославянские земли, однако они далеко отставали от центральных австрийских областей [1].

Относительно быстро в последние десятилетия XIX в. развивался словенский ссудный и торговый капитал, разоряя и подчиняя себе в конкурентной борьбе против австрийского и итальянского капитала массу словенских крестьян и ремесленников. В 1883 г. в Целе возник «Союз словенских кредитных касс». В конце XIX в. кассы все шире стали вкладывать капиталы в промышленность и сельское хозяйство. С этого времени заметно ускоряется развитие словенской промышленной буржуазии.

Тяготение отдельных словенских земель к разным экономическим районам и центрам (Италия, Хорватия, Вена, Триест) тормозило консолидацию национального словенского рынка, хотя этот процесс и продолжал неуклонно развиваться.

В годы абсолютизма Словения подвергалась германизации и жесточайшему полицейскому гнету. Разрешалась деятельность лишь верных абсолютизму организаций. Так, в 1852 г. в Целовеце (Клагенфурт) епископом А. Сломшеком было основано «Общество св. Мохора» с целью издания словенских книг, выдержанных в католическом и прогабсбургском духе (в дальнейшем «Общество св. Мохора» стало крупнейшей в Словении литературно-издательской организацией).

Ускорившийся в 50-х годах рост словенской буржуазии привел к активизации национальной буржуазной интеллигенции в политической и культурной областях. После восстановления конституции (1860 г.) [2] словенская интеллигенция выступила за широкое употребление национального языка, обучение детей на родном языке. С 1861 г. в Триесте, Мариборе, Любляне, а затем в других городах возникают читальни — своеобразные клубы национальной буржуазной интеллигенции, ставшие вскоре и очагами политической жизни. В 1864 г. было основано общество по изданию и распространению книг — Матица словенская, в 1863 г.— спортивное общество «Южный Сокол», в 1867 г.— «Драматическое общество». Сеть литературных, просветительных и гимнастических обществ постепенно распространялась по всем словенским землям, к 1870 г. их насчитывалось уже 58.

В 60-х и 70-х годах эксплуататорские классы Австрии объединялись в два лагеря: консервативный — полуфеодальная земельная аристократия и либеральный — растущая банковская и торгово-промышленная буржуазия.

Австрийские помещики и церковь боялись либералов. Отстаивая свои привилегии, они стремились использовать страх консервативных кругов славянских народов перед либерализмом и борьбу более слабой славянской буржуазии против мощного австрийского капитала. Стремясь обеспечить себе поддержку славянской буржуазии, австрийские консерваторы соглашались пойти на небольшие уступки ей в языковом вопросе. Австрийские консерваторы и их «правовая партия» выступали за укрепление местного самоуправления в коронных землях империи (это также встречало сочувствие славянской буржуазии) и сохранение местной власти в них в руках помещиков-австрийцев.

Быстро богатевшая австрийская буржуазия после восстановления конституции стремилась политически потеснить дворян, а в экономической области укрепить свое господство на едином рынке многонациональной империи. С этой целью она выдвигала программу расширения политиче-

[1] В 1902 г. в Крайне при полумиллионном населении на 26,6 тыс. предприятиях было занято 60,1 тыс. человек, в том числе в 22,5 тыс. мельчайших мастерских (до 5 рабочих) работало 36,7 тыс. человек.

[2] Подробнее см. гл. 33.

ческих свобод и гражданских прав, ликвидации привилегий католической церкви и т. п., наряду с этим добиваясь централизации и германизации страны. Германизаторские тенденции австрийских либералов толкали буржуазию славянских народов в консервативный лагерь.

Правые круги Словении, представлявшие полуфеодальных землевладельцев, откупщиков, церковь и т. п. и на первых порах руководившие общественной жизнью, в 60-х годах выступали с требованиями внедрения словенского языка в школу и учреждения. В борьбе против либерализма, централизма и политики германизации, проводившейся австрийской буржуазией, лидеры правых (буржуа-землевладелец Янез Блейвейс, представители духовенства — Лука Еран, Антон Сломшек и др.) стремились укрепить в словенском народе консервативную идеологию, рассматривая ее также в качестве препятствия распространению революционных и демократических взглядов. Против австрийских либералов-централистов эти словенские политики поддерживали австрийских дворян-консерваторов.

Австро-венгерское соглашение 1867 г. нанесло удар по национальным чаяниям словенцев, так как означало упрочение господства австрийской буржуазии в западной части империи, в том числе в Словении, окончательный отказ австрийских правящих кругов от объединения словенских земель и предоставления словенцам автономии. Однако словенские депутаты рейхсрата поддержали правительство, получив обещание уступок в языковом вопросе.

После введения австро-венгерского дуализма в Австрии была принята новая конституция (1867 г.), которая явилась шагом вперед в буржуазном преобразовании Австрии.

Отныне закон, как правило, вступал в силу после принятия его рейхсратом и подписания императором. В ведении рейхсрата находились все дела, касающиеся австрийской части империи (Цислейтании) в целом. Рейхсрат имел право привлекать министров к ответственности за нарушение законов. Вместе с тем император сохранил весьма широкие полномочия, урезавшие права парламента. Были провозглашены свобода вероисповедания, равенство граждан перед законом и право народов пользоваться своим языком в школах и учреждениях (§ 19). Правительство либералов в 1870-х годах отделило школу от церкви, порвало конкордат с римским папой и провело другие прогрессивные реформы. Закон 1873 г. установил прямые выборы в рейхсрат (ранее депутатов посылали ландтаги). Этот закон отражал централистский принцип государственного устройства Австрии.

Ландтаги (по-словенски «дежелни збор», т. е. земельное собрание) ведали местными делами отдельных провинций (земель). Обычно они созывались в административных центрах земель. В их компетенцию входили: сельское хозяйство, местное строительство, народные школы, контроль над деятельностью низших административных единиц — общин и т. п. Решения ландтага вступали в силу лишь после утверждения их императором. Каждая провинция имела свой бюджет. Во главе местной исполнительной власти («комитета провинции», который составлялся из представителей партии, имевшей большинство в ландтаге) находился назначаемый императором «начальник провинции» (по-словенски «дежелни главар»), он же являлся председателем ландтага. Высшая власть в каждой провинции находилась в руках «президента провинции» (губернатора), который также назначался императором, являлся его представителем и был подчинен правительству в Вене.

При выборах депутатов в рейхсрат все избиратели были сгруппированы в четыре курии, созданные на основе имущественного ценза: крупных собственников (помещики-землевладельцы), городов, торгово-промышленных

палат (крупные капиталисты) и сельских общин. Те же курии (кроме торгово-промышленных палат) существовали и при выборах в ландтаги.

Обычно несколько десятков крупных помещиков и капиталистов посылало в ландтаг или рейхсрат столько же депутатов, сколько тысячи избирателей курии сельских общин. Помещики и капиталисты в основном являлись австрийцами по национальности. Таким образом, недемократическая курпальная система выборов обеспечивала большинство в рейхсрате и непропорционально большое представительство в «зборах» земель австрийским помещикам и крупной буржуазии (в Приморье — итальянским господствующим классам).

Буржуазные преобразования в Австрии были осуществлены эксплуататорскими классами «с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья» [1]. Этим определялось как положение трудящихся Австрии, так и положение угнетенных национальностей, в частности словенцев.

После 1867 г. и особенно после франко-прусской войны 1870 г. правящие круги Австро-Венгрии стали все более сближаться с Германией и все активнее осуществлять политику агрессии на Балканах и подавления угнетенных народов внутри своей страны.

Стремясь закрепить свое господство в западной части империи, австрийские либералы осуществляли политику германизации словенцев. В словенских землях создавались австрийские школьные («Шульферайн», 1880 г.) и спортивные организации. В районах со смешанным населением австрийская буржуазия, пользуясь своим господством в экономике и управлении, побуждала ремесленников, торговцев и служащих отказываться от родного языка. Германизация имела успех в особенности в среде лиц, связанных с австрийским капиталом и рынком, ибо сулила им экономические выгоды (кредиты, сбыт или приобретение товара) или карьеру.

Для словенцев степень осуществления провозглашенных конституцией 1867 г. национальных прав зависела от силы их отпора германизации в каждой земле.

На положении словенского населения, которое в 1910 г. насчитывало 1,4 млн. человек, сказывалось различие его удельного веса в отдельных землях: Крайна (главный город провинции — Любляна, все более становившаяся в последней трети XIX в. словенским центром общенационального значения) была почти чисто словенской областью, в Штирии (центр провинции — Грац) словенцы составляли около $^1/_3$ населения, в Каринтии (центр — Клагенфурт, по-словенски Целовец) — $^1/_4$, в Горице-Градишке — около $^2/_3$, в Триесте — менее $^1/_3$. Кроме того, словенцы населяли север Истрии (в административном отношении Истрия вместе с Горицей-Градишкой, а также городом и округом Триестом составляли провинцию Приморье; ее центром был Трпест), а вне Австрии — северные районы Венецианской области и Прекмурье — территорию восточнее р. Муры [2].

В Крайне в 80-х годах словенцы обеспечили себе большинство в зборе, но и здесь габсбургские власти стремились подбирать администрацию из австрийцев и чинили препятствия употреблению словенского языка в управлении. Только в Крайне утвердилось преподавание в народных школах и частично в гимназиях на словенском языке. В центре Крайны — Любляне большинство мест в городском магистрате в 1868 г. захватили авст-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 204.

[2] Прекмурье входило в состав Венгрии, где словенцы подвергались более тяжелому, чем в Австрии, национальному гнету, а Венецианская область после войны 1866 г. отошла к Италии. Таким образом, австро-прусско-итальянская война 1866 г. и австро-венгерское соглашение 1867 г. привели к усилению политической и административной раздробленности словенских земель.

рийцы и лишь в 1882 г. словенской буржуазии удалось закрепить за собой управление городом. Но так как в Крайне австрийцы составляли часть населения городов и лишь в одном сельском районе (Кочевье) составляли компактную массу, австрийским властям приходилось искать соглашения с какой-либо частью словенской буржуазии. Иной была обстановка в Штирии и Каринтии, где словенцы составляли меньшинство населения и располагались в южной части этих земель [1]. Здесь полностью господствовали австрийцы. Однако и между Штирией и Каринтией имелось большое различие.

В Южной Штирии относительно сильная словенская банковская, торговая, а затем и промышленная буржуазия поддерживала крепнувший контакт с Крайной и сопротивлялась германизации. Однако в школах здесь в большинстве случаев господствовал немецкий язык, а в штирийский ландтаг словенцы провели лишь 8 депутатов из 63. Требование объединения Словении было здесь весьма популярным. Когда в 1895 г. в ландтаге Штирии австрийские националисты выступили против открытия в Целе гимназии с преподаванием на немецком и словенском языках, словенские депутаты временно бойкотировали ландтаг. Возникший в связи с этим конфликт был столь острым, что даже привел к правительственному кризису.

В Словенской Каринтии, экономически тяготевшей к северным собственно австрийским районам, германизация, очагами которой являлись города, железные дороги, крупные предприятия, была особенно сильной. Абсолютная численность словенского населения в Каринтии постепенно уменьшалась. Здесь австрийцы проживали не только в городах, заметное австрийское меньшинство имелось и в селах. Школьные власти Каринтии стремились ограничить преподавание словенского языка. Однако в результате всего этого словенская этнографическая граница передвинулась на юг, главным образом в районе г. Целовец, в основном же словенцы сохранили свою территорию.

Правда, на этой территории Каринтии — внутри словенских этнографических границ — в последней трети XIX — начале XX в. увеличилось число австрийских этнических «островков», значительно расширились районы со смешанным словенско-австрийским населением, численность австрийского меньшинства возросла, то есть и здесь сказались результаты германизации.

Это было одним из моментов, определивших судьбу большой части Словенской Каринтии после образования Югославии.

В Приморье (Горица-Градишка, Триест) быстро развивалась словенская банковская и торговая буржуазия, в меньшей степени — промышленная буржуазия и пролетариат. Буржуазия, борясь против итальянского капитала, укрепляла свои позиции в экономике и местном управлении. В Горице в управлении применялись словенский и итальянский языки, в Триесте — итальянский. Сельская округа Триеста была славянской, а в самом городе славянское меньшинство постепенно увеличивалось. В быстро растущий Триест, где господствовал австрийский и итальянский капитал, стягивался словенский, хорватский и итальянский пролетариат. Австрийские власти в Приморье, сохраняя привилегии итальянских буржуазно-помещичьих кругов, вместе с тем нередко делали уступки словенской буржуазии. Для борьбы против германизации, главным образом в северных районах, а также для укрепления словенских национальных позиций в Приморье словенская буржуазия в 1885 г. создала «Общество Кирилла и Мефодия», которое организовывало словенские частные

[1] Части Штирии и Каринтии, в основном заселенные словенцами, принято называть Южной Штирией и Словенской Каринтией.

школы и оказывало им поддержку там, где созданию словенских государственных школ ставились препятствия.

Ограниченность и консерватизм словенских правых национальных политиков уже с начала 60-х годов вызвали недовольство в среде мелкой и средней словенской торгово-промышленной буржуазии, занявшей либеральные позиции (Й. Вошняк и др.). Национальная торгово-промышленная буржуазия в условиях подавляющего превосходства австрийской буржуазии стремилась обеспечить себе словенский рынок, сферу приложения капитала (кредитного и торгового, а затем и промышленного) и поэтому выступала за несколько более энергичную национальную политику. Словенские ремесленники, мелкие торговцы и предприниматели, теснимые австрийским капиталом, искали способа отстоять свое существование и втягивались в национальную борьбу. Нарастание недовольства народных масс в связи с усилением эксплуатации и налогового гнета, а также введение дуализма и политика германизации побудили словенскую буржуазию к активному выступлению. В 1868 г. в Марибore (Южная Штирия) либералы, порвав с правыми и их печатным органом «Новице», приступили к изданию газеты «Словенски народ» (в 1872 г.— перенесена в Любляну). Либералы поддержали буржуазные преобразования в Австрии, отстаивали демократизацию политической жизни, выступали против утверждений правых, будто национальные интересы словенцев совпадают с интересами церкви. Они вновь (после 1848 г.) выдвинули требование ликвидации исторических коронных земель и создания объединенной автономной Словении в составе федеративной Австрии.

Идеологами либерального лагеря были писатели и публицисты Й. Юрчич, А. Томшич, Й. Стритар, а наиболее крупным из либеральных деятелей—Фран Левстик, непримиримый противник консерваторов [1].

Либералы сочувствовали югославянскому сближению, видя в нем средство борьбы против господства австрийцев и германизации. Преобразование империи Габсбургов на основе австро-венгерского дуализма убедило многих либералов, что лишь политическое объединение югославян обеспечит будущее словенцев как народа. Либералам удалось несколько потеснить правых [2] в национальных культурных учреждениях.

Угроза захвата словенских земель Германией (в случае присоединения к ней Австрии) или Италией [3] толкала большинство словенской буржуазии к защите целостности империи Габсбургов. В этом же направлении действовала и католическая церковь, пользовавшаяся огромным влиянием в Словении. Но вместе с тем засилие австрийских шовинистов-германизаторов, а также казавшаяся в конце 1860 — начале 1870-х годов реальной возможность близкого распада Австро-Венгрии и торжества пангерманизма побуждали словенскую интеллигенцию к укреплению межславянских связей, усиливали ее интерес к истории, языку и культуре русского народа. Либералы надеялись, что Россия защитит словенцев в случае попытки Германии установить над ними свое господство. В области популяризации русской культуры начиная с 70-х годов XIX в. много сделал литератор Фран Целестин, позднее с достижениями русской культуры словенское общество знакомили Иван Хрибар, Богумил Вошняк, Иван Приятель и ряд других литераторов и исследователей.

Наиболее значительным проявлением югославистских тенденций в Словении явилось совещание представителей словенской (либеральной и

[1] Небольшая часть духовенства («либеральные католики»: Б. Рапч, Д. Трстеняк и др.) поддерживала либеральную программу и тактику.

[2] По примеру политических группировок в Чехии словенцы называли правых «старословенцами», а либералов — «младословенцами».

[3] Как отмечалось, уже в результате войны в 1866 г. часть словенцев оказалась в Италии. кроме того, итальянские ирредентисты претендовали на все Приморье.

правой), хорватской и сербской буржуазной интеллигенции в Любляне в 1870 г. Они собрались во время усиления пангерманизма в Австрии в связи с победой Пруссии над Францией. Совещание приняло декларацию о единстве югославян монархии Габсбургов и о поддержке ими своих единоплеменников в Турции. Эта декларация, однако, не содержала конкретных политических требований.

Либералы стремились втянуть в национальную борьбу более широкие слои крестьянства, брожение в среде которого в связи с разорением быстро возрастало. С программой «Объединенной Словении» крестьянство связывало свое избавление от тяжких бед, прежде всего от гнета австрийских помещиков, жандармов, торговцев, от растущих налогов. В 1868—1871 гг. либералы по образцу национального движения в Чехии проводили кампанию митингов («таборов»), на которых требовали воссоединения словенских земель, равноправия словенского языка, снижения налогов. На таборы собирались тысячи крестьян, и опасность развития крестьянского движения вскоре вызвала тревогу как у властей, так и в среде умеренных либералов и временно примкнувших к кампании правых.

Организация таборов являлась наиболее важным выступлением буржуазии в последней трети XIX в. Упрочение системы австро-венгерского дуализма и внешнеполитического положения Австро-Венгрии в 70-х годах в связи с наступлением относительно мирного периода в истории Европы, быстрое обогащение словенской торгово-ростовщической буржуазии, активизация рабочего и социалистического движения в Австрии в конце 60—начале 70-х годов вызвали рост оппортунизма в либеральных кругах. Ввиду этого Ф. Левстик порвал с ними, разочаровался в политической борьбе и отошел от нее.

Словенский либерализм, едва выйдя на политическую арену, стал хиреть. Боявшаяся народа словенская либеральная буржуазия к середине 70-х годов в борьбе против германизации вновь сблизилась с правыми. Последние представляли более мощную силу, и сближение произошло при их гегемонии (кроме Приморья, где создалась сильная либеральная группировка). Эта политика «согласия» продолжалась с середины 1870-х до конца 1880-х годов.

При либеральном министерстве Ауэрсперга (1871—1879 гг.) словенские депутаты рейхсрата — правые и либералы — поддерживали австрийскую консервативную «правовую партию». При консервативном правительстве графа Тааффе (1879—1893 гг.) словенцы входили в правительственное большинство. Правительство Тааффе и австрийские помещики, возглавлявшие Консервативный клуб, состоявший из членов австрийского рейхсрата, выступали против создания автономной Словении, но им удавалось, используя страх словенской буржуазии перед австрийскими либералами-германизаторами, обеспечить себе поддержку словенских депутатов, которые довольствовались постепенным расширением преподавания на словенском языке в школах.

В 1878 г. словенская буржуазия поддержала оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, полагая, что увеличение численности славянского населения габсбургской монархии создаст более благоприятные условия для борьбы за национальные права словенцев и что им удастся выгодно поместить свои капиталы в оккупированных землях.

Наиболее важным фактом истории словенского народа в конце XIX в. явилось создание политической организации рабочего класса, формировавшегося по мере развития промышленного капитализма.

Пролетариат словенских земель по положению и степени зрелости классового сознания был весьма разнородным. Наряду с потомственными пролетариями (горняки, металлисты), в его ряды включалось все большее число недавно разорившихся крестьян и ремесленников. Наряду

с рабочими небольшого количества крупных предприятий имелась масса работников мелких ремесленных мастерских и мануфактур. Немало рабочих сохраняло связь с деревней. Все это благоприятствовало распространению мелкобуржуазных и клерикальных влияний в их среде. Положение рабочих Словении было тяжелым. Словенцы, как правило, были заняты менее квалифицированным трудом. Работа в крайне нездоровых условиях продолжалась 14 часов в сутки, а иногда и больше. Лишь в 1885 г. под давлением рабочего движения австрийское правительство приняло закон об 11-часовом рабочем дне на крупных предприятиях и 12-часовом — в мелких мастерских. Однако этот закон обычно не соблюдался предпринимателями. Рабочие нередко жили в мастерских. Даже в 900-х годах их заставляли покупать продукты в лавке хозяина. Массовое распространение среди рабочих получили туберкулез и другие болезни. По заболеваемости туберкулезом Любляна занимала первое место среди городов Австрии.

Пробуждение классового самосознания словенского пролетариата было тесно связано с ростом рабочего движения в Австрии и влиянием Парижской Коммуны.

Несмотря на преследования властей, австрийские рабочие воспользовались легальными возможностями, которые им предоставила конституция 1867 г., для создания своих организаций. В 1868—1869 гг. в Вене состоялся ряд рабочих митингов и собраний, в которых принимали участие и словенцы.

Уже в конце 1867 г. в Вене был организован Рабочий просветительный союз, заявивший о поддержке I Интернационала. Вслед за наиболее развитыми собственно австрийскими и чешскими землями движение распространилось и на Словению.

В 1869 г. в Любляне возникло Рабочее просветительное общество, сыгравшее важную роль в рабочем движении начала 70-х годов. Аналогичные общества возникли в Мариборе, Целе, Птуе, Триесте. Целью обществ было просвещение рабочих, однако лучшие их элементы, поддерживая контакт с общеавстрийским рабочим движением, стремились превратить общества в очаги социалистической пропаганды и легальную форму политической организации рабочего класса. В люблянском обществе в начале 70-х годов агитацию вел портной М. Кунц, говоривший, что словенские националисты — враги рабочих [1]. Преобладающим влиянием в обществах пользовались идеи Лассаля. В начале 70-х годов под влиянием Парижской Коммуны произошли первые стачечные выступления словенского пролетариата.

Как и в австрийском рабочем движении, в Словении в 70—начале 80-х годов определилось оппортунистическое течение «умеренных», признававшее только парламентские методы деятельности и борьбу за экономические требования, а также радикальное течение, отстаивавшее необходимость революции, но оказавшееся под влиянием анархизма.

Боевым руководителем рабочих являлся Франце Железникар, интернационалист, горячий противник клерикальной реакции. Железникар участвовал в Парижской Коммуне и до конца своей жизни свято хранил память о ней. Но и он не избежал влияния анархизма.

Консервативное правительство Тааффе в 1880-х годах попыталось разгромить растущее рабочее движение Австрии. Социалистические организации были фактически запрещены, рабочие собрания разгонялись полицией, многие деятели рабочего движения оказались в тюрьмах. В 1884 г. австрийские власти подвергли репрессиям деятелей рабочего движения и в Словении. Ф. Железникар был осужден на 10 лет заключения.

[1] Позже, однако, Кунц перешел в мелкобуржуазный лагерь.

DELAVEC.

Glasilo slov. prometn. služabor[illegible]kov in obrtnijskih delavcev.

Izhaja četirtkrat v mesecu.

Slava 1. majniku!

Našemu zatiranemu narodu v pro-
mislek in prevdarek

«Делавец», орган Югославянской социал-демократической партии

После выхода из тюрьмы он стал одним из организаторов социалистической партии в Словении.

Подъем рабочего движения вновь начался в конце 80-х годов. В 1889 г. во всеобщей стачке рабочих горной промышленности Австрии участвовали словенские шахтеры Трбовля, Загорья, Храстника. Несмотря на жестокие полицейские преследования, им удалось добиться повышения оплаты труда. В 90-х годах рабочие Словении все чаще организуют экономические стачки, а также митинги и демонстрации с требованиями 8-часового рабочего дня и избирательного права.

На Гайнфельдском съезде австрийской социал-демократии (1889 г.) присутствовали и делегаты словенских земель, развернувшие затем работу по созданию организаций на местах. На съезде в Любляне в 1896 г. была создана Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП) [1]. Признавая себя частью австрийской социал-демократии, ЮСДП сохранила Гайнфельдскую программу. Гайнфельдская программа исходила из необходимости сплоченной политической партии пролетариата, ведущей подготовку рабочих масс к революционной борьбе за социализм. Программа содержала правильную характеристику буржуазного парламентаризма как «формы современного классового господства», что было важно для борьбы с реформистами. Но программа имела и серьезные недостатки: она не выдвигала задачу борьбы за демократическую республику, в ней отсутствовал тезис о необходимости диктатуры пролетариата, фактически не были разработаны национальный и аграрный вопросы.

Словенская социал-демократия заявила, что в соответствии с решением Лондонского конгресса II Интернационала (1896 г.) она отстаивает

[1] Название партии объясняется тем, что ее деятельность распространялась наряду со словенскими землями также на Далмацию и Истрию, и тем, что в среде словенских социалистов широкое распространение получила идея национального единства югославян.

«полное право самоопределения всех народов»; политике вражды между народами, проводимой буржуазией, противопоставляет интернационализм — совместную борьбу рабочего класса всех стран против капитализма и решительно протестует против буржуазной клеветы, будто социалисты предают свою национальность.

В связи с реорганизацией австрийской социал-демократии в 1896—1897 гг. в федерацию национальных партий, способствовавшей усилению национализма в рабочем движении Австрии, в словенских землях наряду с югославянской социал-демократией действовали австрийская и итальянская социал-демократические партии.

В Словении, как и в других католических странах, духовенство стремилось к руководству общественной жизнью. Толчком для активизации социальной и политической деятельности духовенства в мелкобуржуазной и рабочей среде послужила энциклика папы Льва XIII «Рерум новарум» (1891 г.). В этом послании глава католической церкви, напуганный распространением идей социализма и обострением классовой борьбы, выступил в защиту незыблемости частной собственности и капиталистического строя. В то же время папа «осуждал» бессердечных эксплуататоров и призывал к организации церковью рабочих союзов взаимопомощи, страхования и т. п. В 1892 г. в Любляне был созван словенский католический конгресс, на котором духовенство подвергло яростным нападкам всякое проявление свободомыслия, либеральные и социалистические идеи. Клерикалы требовали, чтобы обучение в школе и домашнее воспитание детей «развивало католическое религиозное мировоззрение», заявляли, что каждый словенец обязан поддерживать католическую печать, «уничтожать все журналы, противные вере», и добросовестно служить империи. В 1894 г. в Крайне была создана Католическая национальная партия,которая руководствовалась идеями этого конгресса.

Базой клерикализма в конце XIX в. являлись буржуазные и мелкобуржуазные аграрные слои. Идеологами и лидерами католической партии был адвокат Иван Шуштершич, а в 900-х годах также Антон Корошец. Усилению влияния католической партии в Словении способствовала поддержка, которую она получила со стороны придворных и высших церковных кругов Австрии и австрийского монополистического капитала.

В Словении в связи с подъемом рабочего движения и глубоким недовольством, царившим в среде мелкой буржуазии, крестьян и ремесленников, образовалось мелкобуржуазное христианско-социальное течение, представители которого провозгласили задачу борьбы за интересы «маленького человека». Главный идеолог словенского христианского социализма священник Янез Крек пропагандировал в качестве средства для ликвидации классовой борьбы организацию кооперативов в городе и деревне и превращение рабочих в акционеров предприятий. Уже в середине 1890-х годов христианские социалисты пытались охватить своим влиянием рабочих (Католическое рабочее общество, 1894 г.).

В свою очередь либералы — представители банковских, торговых и промышленных кругов в 1894 г. сплотились в Национально-прогрессивную партию, поддержанную большинством светской интеллигенции (учительство, адвокаты, студенты). Эта партия провозгласила своей целью автономию Словении. Она заявляла, что продолжает традиции либеральной группировки 60-х годов, однако ее политическая позиция была более трусливой и приспособленческой. Так в 90-х годах произошло новое размежевание в буржуазном лагере.

Словения в период довоенного империализма

В конце XIX в. Австро-Венгрия вступила в период империализма. В монополистических объединениях Словении, возникших в металлургии, химии, пищевой промышленности и других отраслях, господствовал австрийский финансовый капитал[1]. Австрийцам принадлежало свыше $^{9}/_{10}$ капитала в промышленности, в их руках находились железные дороги, крупные заводы, фабрики и рудники. В конце 90-х — начале 900-х годов в Словении появилось несколько новых крупных предприятий, в том числе металлургический завод в Шкедпе (около Трпеста), на котором в 1913 г. было произведено 110 тыс. т чугуна. Расширились горная (угольная), бумажная, пищевая, кожевенная, деревообрабатывающая отрасли, производство строительных материалов. В 1910 г. в Словении насчитывалось около 80 тыс. рабочих, большинство которых, однако, было занято на множестве мелких предприятий.

Словенская буржуазия в преобладающей части оставалась торговой, банковской, аграрной. Если словенский промышленный капитал по сравнению с австрийским (и итальянским — в Приморье) был незначительным и сосредоточивался главным образом в лесопильной промышленности и мелких предприятиях других отраслей, то в сфере кредитно-банковской национальная буржуазия заняла сильные позиции. Богатые словенские финансисты, торговцы и промышленники опирались на Люблянский кредитный банк, распространивший свое влияние на Далмацию и Боснию, Союз югославянских сберегательных касс, кредитные учреждения в Триесте, на свои связи с чешским крупным капиталом (в Триесте находились филиалы чешских банков, широко кредитовавшие словенских капиталистов).

Словенская торговая буржуазия была заинтересована в укреплении связей с другими югославянскими землями. Она усиленно добивалась соединения Словении железной дорогой с Далмацией через Хорватию, однако венгерские правящие круги препятствовали осуществлению этого требования.

В сельском хозяйстве в начале XX в. продолжался процесс интенсификации помещичьего и буржуазного хозяйства: развивалось товарное животноводство, расширялись площади под садами, огородами, техническими культурами. Крупные помещики строили в своих имениях разного рода промышленные предприятия.

Со второй половины 90-х годов быстро усилился аграрный капитал. В 1895 г. аграрии создали Народную кредитную кассу, а в 1912 г.— Земельный банк. Они были тесно связаны с австрийским монополистическим капиталом, поддерживавшим их кредитами. В 900-х годах аграрная буржуазия постепенно все теснее связывается с промышленностью и торговлей. Кредитные и сберегательные учреждения Словении укрепляли свои связи с промышленностью, создавая зародыш национального финансового капитала.

Словенская буржуазия, несмотря на конкурентную борьбу с австрийцами, разными путями все более втягивалась в финансовые и промышленные операции несравненно более мощного австрийского капитала и являлась составной частью капиталистического класса Австрии.

В конце 90-х и особенно в 900-х годах с началом империалистической эпохи массовое движение пролетариата и всего трудящегося населения

[1] «Краинская промышленная компания» контролировала большую часть металлургии Словении; венское «Акционерное общество химической промышленности», триестская судостроительная компания «Ллойд» полностью господствовали в соответствующих отраслях промышленности Словении.

Австро-Венгрии приобрело невиданный ранее размах. В 90-х годах под руководством социал-демократии в Вене, Праге и других крупных центрах государства проходили многочисленные выступления пролетариата за всеобщее избирательное право. В разных землях австро-венгерской монархии, в особенности в Венгрии, оживилось революционное движение крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих. Для борьбы против нараставшего рабочего и национально-освободительного движения в Австрии уже в 90-х годах создался блок австрийских помещиков и крупной буржуазии. Эксплуататорские классы стремились обеспечить себе поддержку мелкой буржуазии и поэтому склонялись к расширению избирательного права. В 1896 г. правительство графа Бадени провело реформу: наряду с существовавшими четырьмя куриями была создана пятая курия так называемого «всеобщего избирательного права».

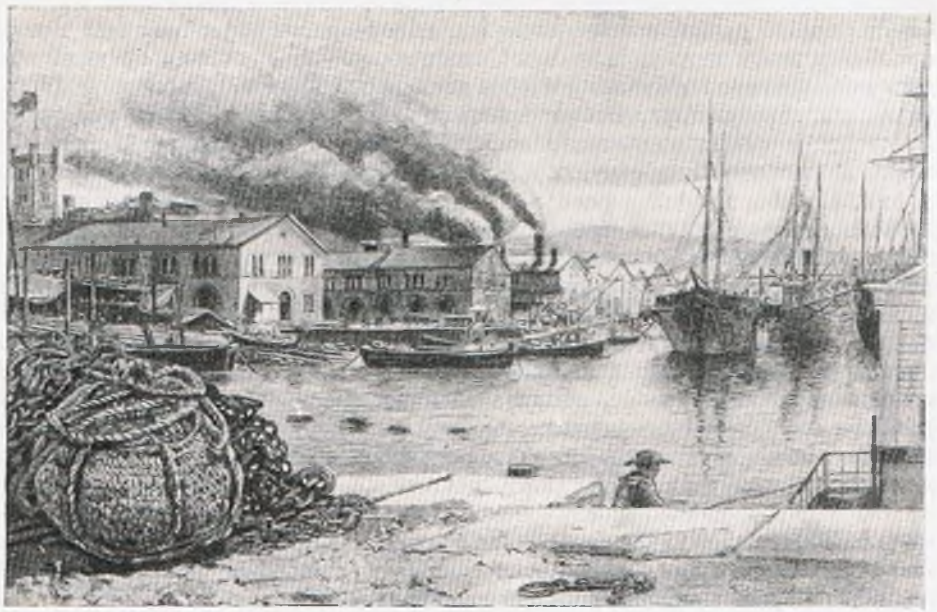
В эту курию входили как избиратели прежних четырех курий (голосовавшие, таким образом, дважды), так и лица, ранее не пользовавшиеся избирательным правом. Пролетарские и бедняцкие слои населения Австрии получили возможность избирать депутатов в рейхсрат [1].

Расширение избирательного права не принесло правящим кругам желаемого успокоения в стране. Наоборот, по мере активизации широких слоев населения социальная и национальная борьба в Австрии принимала все более широкие масштабы. Национальный вопрос являлся важнейшим вопросом политической жизни государства. В результате национальных противоречий обсуждение различных вопросов в рейхсрате неоднократно заходило в тупик. Поэтому в 900-х годах заседания рейхсрата часто срывались, и правительство издавало законы в обход рейхсрата, действуя абсолютистскими методами. В этих условиях рабочему классу было необходимо возглавить трудящиеся массы в борьбе за демократию и свободу народов, но австрийская социал-демократия не была способна вести трудящихся к решению грандиозных революционных задач, вставших перед пролетариатом в эпоху империализма. Почти все внимание она уделяла борьбе за всеобщее избирательное право, чрезмерно преувеличивая его значение и способствуя тем самым распространению парламентских иллюзий.

В начале 900-х годов экономический кризис вызвал ухудшение условий жизни рабочего класса и мелкобуржуазных масс. Как и во всей Австрии (Цислейтании), в словенских землях в начале XX в. нарастало демократическое движение, выдвигались требования национальной свободы и всеобщего избирательного права — новой избирательной реформы, однако здесь движение значительно уступало по своему размаху собственно австрийским и чешским землям. Кровавые события в Хорватии в 1903 г. вызвали в словенских землях волну возмущения, в разных городах состоялись демонстрации, участники которых требовали прекращения репрессий со стороны властей. Ухудшение положения пролетариата словенских земель в начале XX в. привело к активизации стачечной борьбы. В 1900—1903 гг. произошел ряд крупных забастовок и выступлений рабочих в Триесте и его округе, Любляне, Есенице, в районах угледобычи, в результате чего капиталисты пошли на уступки (ограничение рабочего дня и др.).

Наиболее серьезным выступлением рабочего класса в эти годы была всеобщая стачка итальянских и югославянских рабочих в Триесте в феврале 1902 г. Портовым рабочим города наряду с экономическими требованиями пришлось защищать свое право на забастовку: они требовали запретить использование военных моряков против стачечников. В кровавых столкновениях было убито 12 человек и много ранено, однако бастующие одержали победу.

[1] Пятая курия посылала в рейхсрат лишь немного более $\frac{1}{6}$ всех депутатов.



Предприятия компании «Ллойд» в Триесте в конце XIX в.

Несмотря на засилие клерикализма в Словении и создание буржуазией националистических рабочих организаций, влияние социал-демократии среди рабочих росло. Социал-демократия боролась против монополии религиозной и реакционной идеологии в Словении, впервые привлекла рабочих к организованной и сознательной политической деятельности, распространяла социалистическую литературу, будившую классовое самосознание рабочих. Она боролась за широкую демократизацию государственного устройства, за политические права пролетариата и его экономические требования, против разжигания национальной розни. В 90-х годах под руководством социал-демократии значительно укрепились профессиональные союзы. Поэтому с момента возникновения социал-демократия подвергалась нападкам со стороны буржуазии.

Но ЮСДП являлась типичной партией II Интернационала, крайне слабой в идейном и организационном отношении. «Ортодоксальное» крыло партии, которое придерживалось оппортунистических взглядов на задачи пролетариата, господствовавших в австрийской социал-демократии (завоевание власти парламентским путем), возглавлял журналист Этбин Кристан. В первые годы развития партии Э. Кристан много сделал для пропаганды социалистических идей в Словении. Вместе с тем в партии имелась открыто ревизионистская группа во главе с Антоном Кристаном, представлявшая интересы профсоюзной верхушки и мелкобуржуазных элементов и считавшая экономическую борьбу через профсоюзы и кооперацию главным полем деятельности партии. Как и хорватская социал-демократия, ЮСДП считала социал-демократом каждого члена профессионального союза. Словенские социалисты не понимали существенного различия между партией и профсоюзами.

Католическое христианско-социальное движение, продолжая свою деятельность в рабочей среде, стремилось ослабить влияние социал-демократии, затем, однако, обратило основное внимание на село и приступило к созданию сети кредитных, молочных, животноводческих и потребительских кооперативов (задруг). Христианские социалисты во главе с Креком

выступали против некоторых пережитков феодализма, высоких налогов, безудержного развития ростовщичества, господства скупщика над мелким производителем и т. п. Членами Католической партии была организована сеть кооперативов во главе с Кооперативным союзом, который в 1910 г. объединял 560 задруг. Это обеспечило Католической партии поддержку крестьян и ремесленников. Массу разорявшихся крестьян привлекали к ней демагогические лозунги «охраны» крестьянского хозяйства от разорения. Но кооперация в условиях капиталистического строя вовсе не предотвращала разорение и пролетаризацию масс, как это обещали христианские социалисты. Она приносила наибольшую пользу сельской буржуазии, возглавившей крестьянские кооперативы, и способствовала дальнейшему развитию капитализма в Словении. Из среды христианских социалистов, выступавших под «антикапиталистическим» флагом, в дальнейшем вышли крупные торговцы, предприниматели и банкиры. Католическая партия добивалась политической изоляции крестьянства от сознательных рабочих, от социал-демократии. С помощью кооперации буржуа-аграрии обрели массовую базу и на долгое время закрепили свое политическое влияние в широких слоях словенского крестьянства.

По мере нарастания народного движения в Австрии в конце 90 — начале 900-х годов, а особенно в период русской революции 1905—1907 гг. Католическая партия с целью укрепления своего влияния на трудящиеся массы стала выдвигать некоторые демократические лозунги. В 1897 г. она поддержала требование объединения и автономии Словении, в 1898 — всеобщего избирательного права. В 1905 г. Католическая партия изменила название: она стала называться Словенской народной партией (СНП). Но, поддерживая некоторые политические и экономические требования, отражавшие интересы мелкобуржуазных слоев, СНП насаждала религиозные взгляды, ожесточенно боролась против подлинного просвещения масс и пыталась подавить какое-либо проявление их классового самосознания. Католическая церковь умело использовала предрассудки и иллюзии мелкой буржуазии и стремилась создать в крестьянстве оплот буржуазного консерватизма против революционных и социалистических идей, охватывавших широчайшие слои трудящихся Европы.

Торговцы, банкиры и промышленники, объединявшиеся в Национально-прогрессивную партию (лидеры партии — Иван Тавчар, председатель Люблянского кредитного банка Иван Хрибар и др.) опасались, что политика СНП, в частности руководимая церковью кооперация, способна несколько ущемить их имущественные интересы. Они первоначально выступали против кооперативного движения, но в 900-х годах, убедившись, что с помощью кооперативов и они могут упрочить свое положение, стали вступать в католические кооперативы, а также создали свою сеть кредитной кооперации (во главе с Союзом словенских кооперативов, 1907 г.). Теснимые СНП национал-прогрессисты занимали все более правую позицию, боялись расширения избирательного права. Чуждые требованиям мелкобуржуазных масс, они не смогли получить сколько-нибудь широкого влияния (за исключением Приморья) и противостоять СНП. Их робкие выступления против «крайностей» обскурантизма клерикалов из СНП сопровождались подчеркиванием своей религиозности и враждебности радикализму.

В национальной борьбе обе партии [1] нередко вместе выступали против австрийцев. Однако в социально-политической жизни Крайны национал-прогрессисты занимали позицию более близкую австрийским помещикам. Так, в 1895 г. в сборе Крайны они блокировались с австрийцами против Католической партии. Этот блок составил большинство сбора.

[1] Национально-прогрессивную партию обычно называли либеральной, а СНП — клерикальной.

900-е годы ознаменовались новым германизаторским натиском на словенцев. Активизация австрийских шовинистов являлась частью общей агрессивной политики австро-германского империалистического блока на юго-востоке Европы. Что касается словенских земель, то ввиду их географического расположения (на пути из Германии и Австрии к Адриатическому морю) австрийско-германские шовинисты считали своей «миссией» их окончательную германизацию для того, чтобы обеспечить себе выход к Средиземноморью.

Трусливая и своекорыстная политика национал-прогрессистов, сотрудничавших с австрийским наместником, все более изолировала их от масс. С критикой их выступила группа «младолибералов» (Г. Жеряв, А. Рибникар и др.), в частности учащаяся в Вене молодежь. Подобно прогрессистам Хорватии, они в период политического кризиса 900-х годов в Австро-Венгрии требовали активной борьбы против национального гнета и клерикализма, введения всеобщего избирательного права, вовлечения с помощью «социальной» программы более широких слоев народа в национальное движение. В противовес пангерманской пропаганде в Словении усилилось движение за югославянскую солидарность. Идеи сближения и единства югославянских народов все чаще высказывались в брошюрах, газетах, на студенческих собраниях и т. д.

Русская революция 1905—1907 гг. вызвала новый мощный подъем массового демократического и рабочего движения в Австро-Венгрии. И в словенских землях в 1905 г. демократическое движение расширилось; центром выступлений пролетариата был Триест, где демонстрации солидарности итальянских и югославянских рабочих с русской революцией вспыхнули уже в январе и происходили весной и летом 1905 г. Демонстранты провозглашали лозунги: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!» Осенью в Австрии развернулись массовые народные выступления.

30 октября в Вене стало известно, что царь Николай II вынужден был издать манифест с конституционными обещаниями. Это усилило боевое настроение масс, под воздействием которого съезд австрийской социал-демократической партии, заседавший в эти дни, решил добиваться всеобщего избирательного права с помощью всеобщей забастовки. На улицах городов развернулись столкновения демонстрантов с полицией. В Вене и других городах в результате уличных стычек насчитывались сотни раненых. Революционные настроения проявились среди матросов австро-венгерского флота, значительная часть которых состояла из представителей югославянских народов. 28 ноября 1905 г.— в день открытия рейхсрата по всей Австрии была прекращена работа и вновь произошли массовые демонстрации; крупные манифестации произошли и в словенских городах. В Любляне на улицы вышло до 12 тыс. человек, в шахтерском Трбовле — 3000, Идрии — 2000 демонстрантов. В Триесте демонстрировало до 40 тыс. итальянских и югославянских трудящихся.

Под давлением масс было объявлено о введении всеобщего и равного избирательного права для мужчин старше 24 лет, проживающих в данном месте не менее одного года. Таким образом, был сохранен возрастной ценз и ценз оседлости. Женщины и сезонные рабочие не получали избирательных прав. Весь реакционный чиновничий аппарат, подчиненный правительству и императору, и решающая власть императора в законодательстве и управлении были полностью сохранены.

В результате этой реформы политическое господство австрийцев в Цислейтании и привилегированное положение австрийской и итальянской буржуазии в словенских землях было сохранено [1]. Вместе с тем предста-

[1] Для угнетенных народов Австрии, в том числе словенцев, выборы фактически остались неравными, так как в районах с австрийским и итальянским населением бы-

вительство угнетенных народов и в том числе словенцев в рейхсрате возросло (число словенских избирательных округов увеличилось с 15 до 24) и национальная борьба в Австрии и, в частности, в словенских землях продолжала обостряться. В Словении ввиду слабости пролетариата реформа дала наибольший выигрыш СНП, которая на выборах 1907 г. победила в 20 округах.

Одновременно развернулась борьба за расширение круга избирателей при выборах в земельные сборы (ландтаги). В сборе Крайны Католическая партия (а позднее СНП) в течение нескольких лет проводила обструкцию, требуя избирательной реформы. Наконец, в 1908 г., когда в сборе Крайны была образована IV (общая) курия [1], национал-прогрессисты и австрийские помещики остались в меньшинстве: СНП заняла 27 мест из 50.

В автономном управлении Крайны установилось господство клерикалов, представлявших средних и мелких аграриев, а также торговцев и часть промышленников. Их экономическая политика заключалась в поддержке кооперативных организаций, выдаче субсидий сельской буржуазии для совершенствования хозяйства, строительства дорог и т. п. Под давлением крестьянства СНП провела реформу местного управления, несколько потеснив австрийских помещиков и словенских крупных собственников. В то же время она вместе с представителями помещиков выступала за сохранение высоких пошлин на ввозимые в монархию сельскохозяйственные товары, за политику высоких цен на продовольствие.

Еще в конце 90-х годов Католическая партия стала сближаться с правашами Хорватии и поддержала идею объединения югославянских земель в составе монархии Габсбургов. Толчком к дальнейшему сближению СНП с правашами-франковцами на основе программы триализма явилась аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. и вызванный ею внешнеполитический кризис. СНП поддержала аннексию. Краинский сбор выразил «надежду, что тем самым сделан первый шаг к объединению всех югославян нашей монархии в самостоятельный в государственно-правовом отношении организм под жезлом габсбургской династии».

Программа триализма привлекала крестьянство и другие мелкобуржуазные слои населения, надеявшиеся таким путем без политических потрясений избавиться от национального гнета. Вместе с тем она была приемлема для тех групп буржуазии, которые были тесно связаны с австрийским капиталом и рынком, в особенности для аграриев, так как предусматривала сохранение целостности габсбургской монархии. СНП утверждала, что цели южных славян совпадают с задачами габсбургской династии и монархии и что поэтому триализм обеспечит успех австрийской монархии в ее продвижении на Балканы. Триалистическая программа, требовавшая радикальной перестройки империи, вместе с тем была безопасна для династии Габсбургов и была направлена против течений в национальном движении югославян, враждебных единству империи. Словенские сторонники триализма, как и хорватские, надеялись на поддержку их планов частью придворных и военных кругов Австрии.

ли созданы более мелкие округа. В результате, один депутат приходился на 39,3 тыс. австрийского, на 49,7 тыс. словенского, на 102,5 тыс. украинского населения и т. д. Отдельные земли были представлены непропорционально большим количеством австрийских и итальянских депутатов: Каринтия (словенцы — $\frac{1}{4}$ населения) 10 австрийцами и 1 словенцем, Штирия (словенцы — около $\frac{1}{3}$) соответственно 23 и 7, Горица (словенцы — около $\frac{2}{3}$) — 3 словенцами и 3 итальянцами.

[1] Избирательное право на выборах в земельный сбор Крайны в 1908 г. было изменено так же, как ранее, в 1896 г. было реформировано право выборов в рейхсрат, т. е. к существовавшим куриям, построенным на основе имущественного ценза, была добавлена курия всеобщего избирательного права. Аналогичные реформы были осуществлены и в других землях (провинциях) Австрии.

Национал-прогрессисты также поддержали требования перестройки империи на основе триализма. Формально приветствуя аннексию Боснии и Герцеговины, они вместе с тем осторожно выступили с критикой внешней политики Австро-Венгрии, заявив, что аннексию следовало предварительно согласовать с... балканскими государствами, с их стремлением к независимости. Национал-прогрессисты поддерживали тесные связи с хорвато-сербской коалицией Хорватии. Они, однако, весьма сдержанно отнеслись к союзу коалиции с венгерскими оппозиционными партиями в 1905—1906 гг., выступая против планов таможенного раздела империи.

В позиции Национально-прогрессивной партии проявилось противоречивое положение словенской торгово-промышленной буржуазии: ее зависимость от крупного австрийского и чешского капитала, боязнь захвата словенских земель Италией в случае распада монархии Габсбургов, ее оппортунизм, но одновременно с этим выступления национал-прогрессистов свидетельствовали об их симпатиях к независимым южнославянским государствам, об их оппозиции австрийской буржуазии, господствовавшей над Словенией.

Обострение национальной борьбы в конце 90-х и 900-х годов привело к тому, что повседневные действия властей: назначение какого-либо чиновника, сельского учителя и т. п. становились поводом для острых конфликтов, в которые втягивались все более широкие слои населения. Обычным методом буржуазии в национальной борьбе был бойкот торговцев другой национальности под лозунгом «свой к своему». Австрийские шовинисты организовывали нападения на словенских деятелей, на национальные учреждения. Так, в 1899 г. в Целе (Штирия) подверглись нападениям словенцы и приехавшая в город многочисленная делегация из Чехии. В сентябре 1908 г. в Птуе (Штирия) были избиты члены общества Кирилла и Мефодия, причем полиция покровительствовала нападавшим. В связи с этим в Любляне вспыхнули демонстрации, сопровождавшиеся налетами на дома австрийцев. Войска стреляли в демонстрантов, двое из которых были убиты и несколько ранено. После сентябрьских событий 1908 г. в знак протеста против национального гнета начался бойкот австрийских банковско-кредитных учреждений. Многие словенские вкладчики — к удовольствию словенских банкиров — перевели свои вклады в словенские сберегательные кассы.

В словенских землях — Южной Штирии, Словенской Каринтии, Приморье, а частично даже в Крайне, в течение всего предвоенного периода продолжалась борьба за словенскую школу, употребление словенского языка в учреждениях, за расширение участия словенцев в местном управлении [1]. Австрийские власти всячески тормозили упрочение национального единства словенцев. Так, несмотря на то, что различные политические круги словенцев упорно добивались организации словенского университета, осуществить это вплоть до краха Австро-Венгрии так и не удалось.

После 1906 г. правящие круги Австро-Венгрии временно укрепили свое господство над угнетенными народами империи. В этой обстановке младолиберальная группа Г. Жерява отказалась от лозунгов, с которыми она выступала в годы подъема демократического движения. Разочаровавшиеся в ней представители радикальной учащейся молодежи в предвоенные годы стали организовывать нелегальные революционные группы, ставившие себе целью свержение австро-венгерского гнета и создание югославянского государства.

[1] Даже в Крайне, где австрийское население составляло менее 6%, высшее, а в значительной части и низшее чиновничество, вся жандармерия, $\frac{1}{3}$ финансового ведомства были австрийскими.

Развитие рабочего движения в Словении в предвоенные годы тормозилось оппортунистическими элементами социал-демократии. После 1905 г. в партии возобладало ревизионистское крыло А. Кристана. Деятельность социал-демократии все более ограничивалась работой в профессиональных и кооперативных (потребительских) обществах. В 1909 г. в основу программы ЮСДП была положена новая принятая австрийской социал-демократией в 1901 г. ревизионистская программа. Программа 1901 г., на словах признававшая, что созревает необходимость «обобщения средств производства», на практике ограничивалась рядом буржуазно-демократических требований, прежде всего требованием всеобщего избирательного права.

Двери партии были открыты для мелкобуржуазных элементов. Например, А. Препелух в своих статьях защищал ревизионизм Бернштейна и тактику «малых дел», проповедовал, что словенцы — «нация бедняков», что они не имеют собственной буржуазии, и поэтому интересы всех словенцев одинаковы. Представители мелкобуржуазной интеллигенции, ученики чешского либерала проф. Т. Масарика (так называемые масариковцы), убедившиеся в вырождении официального словенского либерализма и враждебные клерикалам, сблизились с социал-демократией. Часть из них, хотя не имела ничего общего с марксизмом, была принята в ЮСДП и поддержала ее общедемократические и национальные требования, но стремилась противодействовать всякому проявлению классовой пролетарской идеологии. Руководство партии пыталось удержать в мирном русле любое выступление пролетариата. Введение всеобщего избирательного права в Австрии усилило реформистские настроения. Один из лидеров партии, Х. Тума, на VII съезде ЮСДП в 1909г. в докладе о тактике заявил: «Теперь, когда социал-демократическая партия завоевала всеобщее право избирать рейхсрат, нам больше не нужен революционный натиск». По мере укрепления влияния клерикалов в деревне среди социалистов все более утверждалось мнение, что крестьянство является реакционным классом, и работа в его среде была оставлена. Эта ошибочная позиция способствовала дальнейшему усилению клерикалов.

Решение национального вопроса социал-демократия справедливо связывала с широкой демократизацией Австрии. Но партия, не видевшая революционных задач пролетариата, рассматривала национальный вопрос лишь в связи с мирным процессом буржуазно-демократической эволюции. Главный теоретик партии Э. Кристан приобрел известность как автор теории «экстерриториальной культурно-национальной автономии», с которой он от имени Югославянской социал-демократической партии выступил на съезде австрийской социал-демократии в Брно в 1899 г. Сторонники этой теории считали, что ввиду пестрого состава населения отдельных областей Австрии национальный мир может быть обеспечен лишь при предоставлении права решать вопросы культуры (школьного дела и др.) национальным советам, избранным представителями каждой национальности независимо от места их жительства [1]. В. И. Ленин в ряде статей подверг эту мелкобуржуазную теорию уничтожающей критике. Он указал, что при капитализме разделение дела культуры по национальностям приведет к усилению буржуазно-националистического влияния на рабочих, к раздроблению сил рабочего класса [2].

После аннексии Боснии и Герцеговины, поставившей югославянский вопрос в центр политической жизни Австро-Венгрии, социал-демократы югославянских земель империи для выработки единых взглядов по нацио-

[1] Резолюция, предложенная Э. Кристаном, была отклонена. О национальной программе австрийской социал-демократии см. гл. 33.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 30—31; 216—221; 384—386; 455—458; 489—490; 497—499; т. 20, стр. 17—28; 33—34; 82—84; 266—268.

нальному вопросу созвали 21—22 ноября 1909 г. в Любляне (в отеле «Тиволи») конференцию. Кроме социалистов Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, на ней были представлены австрийская и чешская социал-демократия, в качестве гостя присутствовал представитель социал-демократов Сербии. «Тиволийская резолюция» конференции охарактеризовала политику габсбургской монархии в отношении угнетенных народов как эксплуататорскую, а аннексию как следствие династической и империалистической политики. Но вместе с тем словенские социалисты (как и австрийская социал-демократия) не выступали против аннексии, они требовали лишь введения демократической конституции в Боснии и Герцеговине.

Резолюция выдвигала задачу полного национального слияния югославян в единую нацию и принцип культурной автономии в составе «демократической конфедерации народов». Средством достижения этого резолюция считала борьбу за демократизацию всего государства, в частности за всеобщее избирательное право в Венгрии, Хорватии, Боснии, при выборах ландтагов Австрии. Конференция высказалась за пересмотр национальной программы, принятой в Брно в 1899 г., и выработку общей национальной программы для всех социалистов Австро-Венгрии. Конференция, имевшая определенное значение для югославянского сближения, не вышла, однако, за рамки мелкобуржуазной идеологии и тактики.

Социал-демократия Словении не была способна стать руководящей силой трудящихся масс в борьбе против буржуазно-помещичьего строя и возглавить освободительное движение в словенских землях. В предвоенные годы подавляющее большинство словенского крестьянства и часть рабочих находились под влиянием клерикальной СНП.

Среди политических деятелей, входивших в социал-демократическую партию, выделялся представитель словенской демократической интеллигенции начала XX в. писатель Иван Цанкар. В своих политических статьях и художественных произведениях Цанкар показал тяжкую долю трудящегося человека, он разоблачал как словенских либералов, так и клерикалов. Цанкар считал невозможным национальное освобождение словенского и других югославянских народов в рамках Австро-Венгрии, он был сторонником независимой федеративной югославянской республики. Цанкар видел политическую немощь словенской социал-демократии, ее неспособность повести за собой широкие массы народа. Хотя выдающийся словенский писатель не был революционным марксистом и в его взглядах нашли отражение народнические идеи, Цанкар был убежден в том, что будущее словенского народа находится в руках рабочего класса.

ГЛАВА 35

ВОЕВОДИНА

Сербские земли в составе Австрийской империи после революции 1848 г.

Одной из главных целей национального движения сербов в 1848 г. была борьба за создание национальной автономной области — Воеводины. Императорским рескриптом от 18 ноября 1849 г. была сформирована искусственная административная единица—«Сербская Воеводина и Темишский Банат»[1]. Включение в сербскую Воеводину таких несербских областей, как Крассо, явно выдавало намерения правительства не допустить создания действительно национальной области с компактным сербским населением. Некоторые сербские области, например Срем, были искусственно разделены: гражданский Срем (кроме Румского и Илокского округов) был в составе Хорватии, а Петроварадинский полковой округ — в составе Военной Границы. Центр сербской патриархии — Карловцы не был включен в Воеводину. По октроированной конституции 1849 г. Воеводина не была приравнена к другим национальным областям, хотя и составила одну из «коронных земель».

Создание Воеводины в таком виде не удовлетворило стремления сербов к автономии. Органы управления полностью соответствовали духу абсолютизма: первоначально областью управлял обер-комиссариат в Темишваре, который затем был заменен областным правительством. Жупаниями управляли правительственные комиссары. Городские магистраты подчинялись областному правительству.

Политический кризис, явившийся результатом поражения Австрии в итало-австрийской войне 1859 г., привел к отставке абсолютистского правительства Баха, вместе с которым рухнул и его режим. Между тем венгерское буржуазно-национальное движение, разгромленное в 1848—1849 гг., успело оправиться и окрепнуть. Убедившись в безуспешности всех попыток подавить его, правящие классы Австрии пошли на соглашение с венгерскими правящими кругами. Это соглашение нашло свое выражение в Октябрьском дипломе 1860 г., предоставлявшем австрийским землям, а также Венгрии, ограниченные автономные права (восстановление

[1] В ее состав вошли: Темишварский Банат (комитаты Тамиш, Торонталь и Крассо), Бачка и Румский и Илокский округа Сремской жупании. Центром был сделан Темишвар.

так называемых исторических земель). Последствием этого соглашения явилась ликвидация Воеводины в декабре 1860 г. Территория Воеводины вошла как органическая часть в состав венгерских коронных земель.

Сохранение Военной Границы в условиях второй половины XIX в. тормозило хозяйственное развитие этих областей. В 1851 г. произошло упразднение Трансильванской Границы. В 1873 г. была проведена демилитаризация Банатской Военной Границы, в результате чего жители сербско-банатского полка и батальона шайкашей получили право представительства в венгерском сейме. В 1881 г. произошла окончательная демилитаризация всей Военной Границы. Система, просуществовавшая более четырех веков, прекратила свое существование, и территория трансильванско-банатской части границы была подчинена венгерским властям.

Ликвидация Военной Границы по-разному сказалась на отдельных сторонах жизни сербского народа в бывших военных округах. Если в области социально-экономической элементы феодализма были в значительной степени устранены и созданы условия для более быстрого развития капитализма, то в области национальных отношений последствия демилитаризации были иными: на территории бывшей Военной Границы государственным языком стал венгерский.

Социально-экономическое развитие

Жизнь сербов Воеводины была связана с судьбами Венгрии, в составе которой находились сербские земли (кроме Срема) на протяжении второй половины XIX и начала XX в. Поэтому особенности экономического развития Венгрии и в первую очередь замедленное развитие промышленности в полной мере были присущи и экономическому развитию Воеводины, имевшей ярко выраженный аграрный характер.

Важнейшим фактором, способствовавшим разложению натурального хозяйства и ускорившим развитие капитализма в сельском хозяйстве Воеводины, была отмена крепостной зависимости крестьян, провозглашенная революцией 1848 г.

Изданный в 1850 г. новый «Основной закон Военной Границы», сохраняя за граничарами военную повинность, сделал их владельцами обрабатываемой ими земли без выкупа. Граничары были освобождены от всех работ, кроме общинных, облегчались раздел семейных задруг, возможность заниматься ремеслом, торговлей, свободными профессиями.

В марте 1853 г. правительство подтвердило отмену крепостного права, провозглашенную революцией. Крестьянин стал владельцем своей земли, за которую должен был уплатить выкуп. Однако земля была признана собственностью только урбариальных кметов. Другие категории феодально зависимого крестьянства, такие, как «цензуалисты», «контрактуалисты» и другие земли не получили. Вместе с владельцами карликовых наделов и «желирами» они и составили в последующие десятилетия многочисленные кадры аграрного пролетариата.

И после освобождения крестьян земельный голод, бывший бичом для крестьянства гражданских областей Воеводины, не был удовлетворен. Развитие капитализма в сельском хозяйстве гражданских областей пошло прусским путем. На одном полюсе оказалось крупное помещичье землевладение, постепенно переходившее к капиталистическим методам ведения хозяйства, на другом — массы быстро пролетаризировавшихся безземельных и малоземельных крестьян. Безземельные крестьяне в Воеводине составляли в 1910 г. свыше $^1/_3$ всего населения.

Для гражданских областей типичной формой помещичьего землевладения являлись крупные поместья, насчитывавшие тысячи и даже десятки

тысяч ютаров земли. Так, например, в Сремской жупании в конце XIX в. хозяйства с земельной площадью свыше 1 тыс. ютаров составляли лишь 0,06% общего числа хозяйств, занимая однако 17,02% всех земель жупании. Одновременно с этим мелкие крестьянские хозяйства с участками до 10 ютаров, составляя 60,29% от общего числа хозяйств, занимали лишь 14,27% земельной площади. Крупнейшими землевладельцами в Среме были венгерские магнаты Элс и Одескалки, хорватский бан Куэн-Хедерварн. Поместье графов Чеконичей в Жомболье (Банат) насчитывало свыше 31 тыс. ютаров земли.

Процесс имущественной дифференциации проходил в области Военной Границы в менее острых формах. Но и там постепенно образуется капиталистическое землевладение. Только размеры владений здесь были значительно скромнее и исчислялись лишь сотнями ютаров. Характерными для области Военной Границы были крупные крестьянские (кулацкие) хозяйства капиталистического типа, наряду с которыми существовала значительная группа безземельных крестьян.

И после освобождения крестьянства в аграрных отношениях Воеводины на протяжении почти всего XIX в. сохранялся ряд феодальных пережитков. Так, в 90-х годах сельское население боролось против введенной землевладельцами повинности, представлявшей собой вид отработки, которую можно было заменить уплатой денежной суммы; рабочие требовали оплаты их труда деньгами, а не натурой, что широко практиковалось землевладельцами, и т. д. Феодальным пережитком была также дисциплинарная власть землевладельца над арендаторами и батраками. Большой ущерб крестьянским хозяйствам в Воеводине приносили проводимые помещиками комасация (сведение помещичьих земель в общий массив) и принудительная сегрегация (размежевание общинных земель). В последнем случае общинные земли делились пропорционально наделу каждого члена общины. Безземельные крестьяне не получали ничего.

Многие крестьяне разорялись под непосильным бременем налогов. В одном из своих выступлений лидер радикальной партии Яша Томич указывал, что только в 1896 г. в связи с задолженностью полностью лишились своего имущества 15 тыс. крестьян. Вместе с тем налоговая политика правительства благоприятствовала крупному землевладению.

На хуторских землях горожан создается фермерское хозяйство капиталистического типа, большую роль при создании которого играли капиталы, вкладываемые в землю торговцами и ростовщиками.

Чтобы спастись от разорения, в конце XIX в. крестьяне создают кооперативы, арендующие помещичью землю. В 1897 г. был создан кооперативный союз. В 1910 г. на территории Воеводины было около 140 подобного рода кооперативов, арендовавших 35 тыс. ютаров земли. В 1911 г. кооперативы арендовали 40 тыс. ютаров, в 1912 г.— 50 тыс., в 1913 г.— 60 тыс. ютаров. Наибольшие выгоды от такого рода кооперативов получали кулаки и середняки. Лишь незначительной части малоземельного крестьянства удалось с помощью кооперативов избежать пролетаризации. Кроме кооперативов по аренде земли создавались кооперативы по переработке молочных продуктов.

На протяжении первых десятилетий после революции 1848 г. обрабатывающая промышленность Воеводины была представлена почти исключительно мелкими предприятиями кустарного типа. Так, в 60-х годах в области Военной Границы промышленность почти целиком ограничивалась домашним производством холста и грубого сукна. В 1900 г. в Среме числилось 9175 ремесленных мастерских и промышленных предприятий, но только 44 из них имели более 20 рабочих; в Бачке имелось 41 предприятие, насчитывавшее более 20 рабочих. Промышленные предприятия Воеводины были заняты почти исключительно переработкой сельскохозяйст-

венного сырья (мельницы, спиртовые, пивоваренные и сахарные заводы, заводы мясных консервов и др.). Имелись лишь отдельные предприятия легкой промышленности (ковровая и обувная фабрики в Великом Бечкереке, шелкопрядильни в Нови Саде и Панчеве и некоторые другие) и несколько кирпичных заводов. Использование в широких масштабах неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силы (женщин и детей) было характерной чертой этих предприятий. Значительная часть предприятий носила сезонный характер.

В 1870 г. общая мощность машин на предприятиях Воеводины была менее 2 тыс. л. с. Лишь после 1895 г. с началом строительства электростанций энерговооруженность предприятий начинает заметно расти, и в 1910 г. 316 предприятий пользовались машинами общей мощностью 34 168 л. с.

50—70-е годы были периодом бурного развития железнодорожного строительства в Венгрии. Однако, как правило, эти дороги были ориентированы на Вену и Будапешт и оказали сравнительно малое влияние на экономическое развитие Воеводины. Так, например, до 20-х годов XIX в. Бачка, Срем и Банат были очень плохо связаны друг с другом (только водными путями, бездействовавшими 4—5 месяцев в году).

Сербская торговая буржуазия Воеводины, будучи не в силах конкурировать с более мощным, к тому же находившимся в привилегированном положении австрийским капиталом, вкладывала мало средств в промышленные предприятия. В погоне за высокой прибылью она предпочитала торговлю и земледелие, а в последние десятилетия XIX в.— также банковское дело и кредит. Все это облегчало проникновение в сербские земли венгерского и австрийского промышленного капитала. Последнему особенно способствовала ликвидация в 1850 г. таможенной границы между Австрией и Венгрией.

Первые сербские кредитно-финансовые учреждения появляются в Воеводине в 60-х годах XIX в., с 90-х годов, а особенно с 900-х годов, число их значительно увеличивается. Если в 70-х годах во всей Австро-Венгрии было только 10 сербских кредитно-финансовых учреждений, то в 1911 г. таких заведений было только в Венгрии 59, а во всей Австро-Венгрии — 152. Среди них крупнейшими были Центральное кредитное заведение в Нови Саде, Народный банк в Бела Цркве и др. В конце XIX — начале XX в. был создан целый ряд сберегательных касс. Созданные в последней четверти XIX в., главным образом с целью взаимопомощи, различные финансовые учреждения (кредитные задруги, сберегательные кассы) в первые годы XX в. превращаются в обычные банковские учреждения на акционерных началах. Перед первой мировой войной наметился процесс слияния банков. Так, в 1914 г. слились два крупнейших сербских финансовых учреждения — Сербский банк в Загребе и Центральное кредитное заведение в Нови Саде.

В связи с концентрацией местного капитала в Воеводине появляются предприниматели, являющиеся одновременно представителями торгового, аграрного и банковского, реже промышленного капитала. Примером такого рода может служить семейство миллионеров Дунджерских из Србобрана. Представитель этого семейства Лазар Дунджерски был крупным биржевиком, промышленником, землевладельцем. Он спекулировал на венской и будапештской биржах, ему принадлежали конные заводы и большие поместья в Србобране, Кулпине, Чебе, Хайдучице и др. Лазар Дунджерски создал ряд промышленных предприятий, на которых работали сотни рабочих (завод по производству вакцин в Камендине, мясоконсервный завод в Кулпине, мельницы, пивоваренные заводы, спиртозавод, ковровая фабрика в Великом Бечкереке и др.).

По мере роста промышленности, хотя и крайне медленно, росла и численность промышленного пролетариата. Если в середине XIX в. во всей

Воеводине едва насчитывалось 2 тыс. промышленных рабочих, то в 1912 г. такое число рабочих работало только па одном сахарном заводе в Великом Бечкереке. Тем не менее до самого начала первой мировой войны Воеводина оставалась по преимуществу аграрной областью.

Сезонный характер значительной части предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья не позволял занять все свободные рабочие руки. Тяжелое положение сравнительно многочисленного сельского пролетариата оказывало непрерывное давление на положение промышленных рабочих.

Развитие капитализма в Австро-Венгрии в начале XX в. происходило в условиях своеобразного переплетения высокоразвитых форм монополистического капитала с отсталыми, полуфеодальными формами хозяйства. Народные массы страдали и от развивающегося капитализма, и от остатков феодализма. Поскольку же наибольшее количество феодальных пережитков сохранялось в аграрных отношениях, именно борьба сельскохозяйственного пролетариата принимала особенно боевой характер.

Национальное и рабочее движение

После революции 1848—1849 гг. единственным представительным органом для сербского населения Воеводины формально по-прежнему оставались народно-церковные саборы, но фактически они не созывались на протяжении всего существования Воеводины (1849—1860 гг.).

В марте 1861 г. с целью успокоения сербов, недовольных ликвидацией Воеводины, правительство разрешило созвать народно-церковный сабор (Благовещенский сабор). На саборе присутствовало 28 депутатов от духовенства и 50 от остального населения. Порядок выборов исключал участие в работе сабора демократических слоев (городские и сельские низы были лишены избирательного права). Официальной целью созыва сабора было обсуждение вопроса о сербской автономии. Однако в действительности правительство, не имея намерений предоставить ее, рассчитывало созывом сабора лишь оказать давление на венгерские политические круги.

На Благовещенском саборе, как самостоятельная политическая сила, впервые выступила сербская либеральная буржуазия. Ее лидер, новосадский адвокат и публицист Светозар Милетич (1826—1901 гг.), в противовес предложению реакционного феодально-клерикального большинства сабора, ставившего вопрос о сербской автономии в Венгрии в зависимость от императорской милости, потребовал демократического устройства сербской Воеводины, о котором должны были договориться между собой сербский представительный орган и венгерский сейм. В этом предложении отразилась точка зрения С. Милетича на методы решения национального вопроса. Он выступал за союз с венгерской буржуазией против венского абсолютизма, германизации и централизации, в то время как правое крыло либералов (Джордже Стратимирович и Йован Суботич) требовало союза с хорватскими буржуазными партиями под покровительством Вены для борьбы против национализма венгров.

Либеральная буржуазия осталась на Благовещенском саборе в меньшинстве. Но даже и составленные в духе верноподданничества решения сабора не были утверждены императором. Значение Благовещенского сабора заключалось в том, что на нем четко выявились два крыла в сербском национальном движении — либерально-буржуазное и консервативно-клерикальное.

В условиях слаборазвитого капитализма, медленного развития промышленности и малочисленности и слабости городской буржуазии руководство в политической жизни Венгрии второй половины XIX в. осуще-

ствляло венгерское капитализирующееся дворянство. Руководитель сербской либеральной буржуазии С. Милетич на протяжении 1861—1867 гг. стремился укрепить союз между сербской и венгерской буржуазией, видя в этом союзе средство для борьбы против германизаторской политики венского двора. Австро-венгерское соглашение 1867 г., усилившее позиции венгерских господствующих классов, привело к крушению этих надежд. С тех пор либералы Воеводины обращают свои взоры к Сербскому княжеству, рассчитывая на объединение «сербства» с центром в Белграде.

Светозар Милетич

Воеводинская либерально-буржуазная интеллигенция во главе с С. Милетичем приняла активное участие в деятельности Омладины[1]. Основанная в 1866 г. С. Милетичем газета «Застава» в течение нескольких лет была органом Омладины. Австро-венгерское соглашение не разрешило национального вопроса в монархии. Правящие классы Австрии передали венгерскому дворянству и венгерской буржуазии власть над угнетенными народами и эксплуатируемыми классами восточной части империи. Закон, принятый в 1868 г. венгерским сеймом, поставил невенгерские народности в неравноправное положение.

После австро-венгерского соглашения сербская либеральная буржуазия повела борьбу за национальные права. Обозначившиеся еще на Благовещенском саборе противоречия между буржуазией и реакционным духовенством к этому времени серьезно обострились. Высший сербский клир все чаще и чаще становится на сторону венгерского правительства, ища у него поддержки против либералов, выступавших не только против национальной политики венгерского правительства, но и против мракобесия и консерватизма сербской клерикальной реакции. Начиная с 70-х годов XIX в. и вплоть до 1912 г., когда венгерское правительство Тисы упразднило даже крайне ограниченную сербскую религиозно-культурную автономию, сербские народно-церковные саборы становятся ареной непрерывной и чаще всего бесплодной борьбы либералов (позднее радикалов) с консерваторами в лице высшей православной иерархии.

В январе 1869 г. на съезде в Великом Бечкереке (теперь Зренянин) была создана либеральная партия сербской буржуазии в Воеводине, во главе которой стал С. Милетич. Программа партии, принятая на съезде (Великобечкерекская программа), предусматривала в области внутренней политики борьбу за разрешение национального вопроса, союз с венгерской либеральной оппозицией и угнетенными народами (румынами, словаками, украинцами). В области внешней политики партия ставила своей задачей борьбу против захватнических устремлений Австро-Венгрии на Балканах, против вмешательства других держав в освободи-

[1] См. главу 31.

тельное движение балканских народов, находившихся под гнетом Турции. В программе совершенно отсутствовали социально-экономические требования.

Ставя перед собой задачу завоевания сербской буржуазией политических свобод, борясь за национальную автономию, либералы не заботились о нуждах трудящихся масс. Свою деятельность либеральная партия почти полностью ограничила парламентской борьбой.

В 1869 г. был созван народно-церковный сабор, на котором Милетич выступил с неслыханным по тем временам требованием — избрать председателем сабора не духовное лицо, а светское — писателя и политического деятеля Йована Суботича. Поскольку за либералами было большинство сабора, феодальная реакция пошла на крайнее средство — патриарх Маширевич распустил сабор. Ввиду непримиримой позиции либералов были распущены также и саборы 1870 и 1872 гг.

В начале 70-х годов в либеральной партии формируется правое крыло (Й. Суботич, Михайло Полит-Десанчич). В 1872 г. под воздействием правых были внесены некоторые изменения в программу партии, направленные на известное смягчение борьбы против венгерского правительства (признание «неделимости венгерской короны»). Позднее, на Кикиндской конференции 1884 г., правые потребовали прекращения всякой оппозиции по отношению к венгерским правящим кругам.

Параллельно с выделением правого крыла среди либералов к началу 80-х годов обозначается левое крыло, отражавшее интересы мелкобуржуазных слоев сербского общества, наиболее страдавших от капиталистического развития. Программа этой группы в отличие от программы правых ставила ряд социально-экономических вопросов, требуя сокращения и более справедливого распределения налогов, упрощения и удешевления администрации, увеличения государственных средств на поддержку кооперативов, раздачи государством крестьянам мелких участков земли и т. д.

В 1884 г. эта группа приняла название Сербской объединенной либеральной партии, а с 1891 г. — Радикальной партии. Возглавил ее публицист Яша Томич (1856—1922 гг.).

Оказавшаяся в центре между радикалами и правыми либералами (М. Полит-Десанчич и др.) группа С. Милетича после его ареста (в 1876 г.), а затем отхода от политической деятельности потеряла свое значение.

В области национальной политики программа Радикальной партии предусматривала борьбу против присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии, за предоставление широкого самоуправления славянским народам в Австро-Венгрии, обеспечение возможности их национального развития, расширение прав сербских народно-церковных соборов и др. Длительное время позиция радикалов была открыто антивенгерской. Позднее (например, в 1910 г.) радикалы заключали отдельные соглашения с венгерскими буржуазными партиями в период предвыборной борьбы.

Программа радикалов была скромной программой буржуазных реформ. Более того: они всеми силами стремились обезоружить крепнувшее социал-демократическое движение.

В 60-х годах XIX в. в Венгрии зародилось рабочее движение. В эти годы возник «Всеобщий союз рабочих», который, однако, в середине 70-х годов прекратил свое существование. Сербское рабочее движение развивалось в теснейшей связи с венгерским. В мае 1873 г. в Великом Бечкереке состоялась первая забастовка фабричных рабочих. В этом же году в Нови Саде и Вршаце были созданы первые в Воеводине рабочие союзы. В 1878 г. был создан первый союз сельскохозяйственных рабочих. Союз выдвигал требование раздела помещичьих земель, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня.

СЛОБОДА

Излази сваке суботе.

ОРГАН СРБА СОЦИЈАЛ ДЕМОКРАТА У УГАРСКОЈ.

Појединн бројеви 10 пот.

Број 9. Нови Сад, 2. марта 1912. Год. III.

НАРОДУ НОВОГА САДА!

Гроф Куен, гроф Андраши, гроф Тиса, гроф Апоњи Фрањо Кошут и остали заклети непријатељи радног народа у Угарској поново се удружили против поштеног изборног права! Свом снагом, свакојаким потајним смицалицама покушавају, да још једном одврже точак напретку. Још једном хоће да покушају, да срамно преваре народ, кога од давнина угњетавају и тлаче. На те праве потхвате назвиштва свесно радништво и демократско грађанство одговара

оригиналним демонстрацијама и народним зборовима у корист општег бирачког права у дан одлуке.

У тој борби узима удела и народ Новог Сада, те у понедељак 4 МАРТА ПРЕ ПОДНЕ приређује

ДЕМОНСТРАТИВНИ ОПХОД И НАРОДНИ ЗБОР.

Састанак је ујутру у пола 8 сати пред Радничким Домом у Аранђевој улици бр. 3. У 8 сати пола зак у четворним редовима са заставама кроз улице Имре Текелија, Фрање Ракоција II., Бе ченьија, Петефија и Лајоша Кошута у велику сворану хотела Ковача (Мађера), где ће бити народни збор са дневним редом: **ОПШТЕ ЈЕДНАКО ИЗБОРНО ПРАВО СА ТАЈНИМ ГЛАСАЊЕМ.**

После збора опход се враћа опет у четворним редовима кроз улице Лајоша Кошута, Ћурчијску и Бе ченијеву, пред Радничким Домом, где је растанак.

Сваки истински пријатељ општем бирачком праву чека дође на народни збор и учествује у демонстративном опходу.

ЖИВЕЛО ПОШТЕНО ИЗБОРНО ПРАВО!

Независимачка 48-ашка Јустова штампа.

«Слобода», орган сербских социал-демократов в Венгрии

В 70—80-х годах XIX в. одной из важнейших задач демократического движения в Венгрии была борьба за всеобщее избирательное право. По существовавшим тогда законам правом голоса пользовалось всего 6—6,5% населения. Высокий имущественный и образовательный цензы полностью отстраняли от участия в выборах и в выборных органах Венгрии промышленных рабочих и сельскохозяйственный пролетариат. Требование всеобщего избирательного права вплоть до начала первой мировой войны было одним из важнейших требований венгерского рабочего движения. При этом оппортунистическое руководство социал-демократии, выдвигая лозунг всеобщего избирательного права на первый план, абсолютизировало его, стремясь таким образом отвлечь пролетариат от революционной борьбы за коренное переустройство общества.

В декабре 1890 г. была создана Социал-демократическая партия Венгрии. Она много сделала для развития массового профсоюзного движения, вела борьбу за улучшение условий жизни, за политические права трудящихся и т. д. Сербские социал-демократы Воеводины являлись членами Венгерской социал-демократической партии.

Большое влияние на развитие социалистических идей в Воеводине оказали сербские революционные демократы и социалисты Светозар Маркович, Мита Ценич и особенно Васо Пелагич, пропагандистские брошюры которого находили настолько широкий отклик среди рабочих Воеводины, что в 1895 г. власти повели решительную борьбу с их распространением.

Борьба сельскохозяйственных рабочих началась в Воеводине в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. Рабочие требовали повышения оплаты труда и выдачи заработка не натурой, как это практиковали помещики, а деньгами. Борьба началась в Сенте, а позднее охватила Чон, Панчево,

Моравицу и др. В 1895 г. вступают в борьбу сельскохозяйственные рабочие Бечея, ряда районов Срема. Власти прибегли к судебным репрессиям. В середине 90-х годов в г. Сремска Митровица состоялись два судебных процесса против сельскохозяйственных рабочих. Движение в Среме на краткое время было приостановлено.

В 1897 г. движение сельскохозяйственных рабочих охватило всю Воеводину. Они начали применять такой вид борьбы, как массовая стачка. В ряде мест дело доходило до кровопролитных столкновений с полицией, жандармерией и войсками. В Итебее и некоторых других селах и местечках крестьяне делили помещичью землю.

Руководство социал-демократии, испугавшись широкого размаха стачечной борьбы, не приняло в ней участия.

Несмотря на правительственный террор, борьба сельскохозяйственных рабочих продолжалась (в отдельных местах) и после 1897 г. Она достигла наибольшего размаха в 1906 г., когда под влиянием революции в России движением была охвачена почти вся Воеводина. Однако, благодаря сплоченности землевладельцев, соглашательской позиции верхушки социал-демократии, правительству и на этот раз удалось подавить движение.

Грозные события 1906 г. испугали оппортунистическое руководство социал-демократической партии, которое все больше отходит от руководства массовым движением пролетариата и сосредоточивает свое главное внимание на борьбе за всеобщее избирательное право.

ГЛАВА

36

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА

Социально-экономическое развитие в 50—70-е годы XIX в.

В 50—70-е годы XIX в. в Боснии и Герцеговине ускорился процесс разложения феодализма и формирования элементов капиталистических отношений. Рост экономического значения городов, появление первых фабричных предприятий вызвали в указанные десятилетия усиленный спрос на внутреннем рынке на продукты сельского хозяйства. Расширились и внешнеторговые связи Боснии и Герцеговины. Рост внутренней торговли и торговых связей с заграницей в свою очередь стимулировал дальнейший рост товарного производства в вилайете. Увеличивалась товарность помещичьего и крестьянского хозяйств, возрастала роль торгового земледелия, что влекло за собой глубокие социально-экономические изменения в боснийско-герцеговинской деревне. Феодалы, побуждаемые развитием товарно-денежных отношений и обмена, все более приспосабливали свое хозяйство к нуждам рынка и увеличивали эксплуатацию крестьян. Они не выполняли условий договоров, на основе которых кметы обрабатывали земли; расширяли свои запашки путем насильственного сгона крестьян с земли и принуждали крестьян к кулученью.

Подати феодалам, десятина и другие государственные налоги, становившиеся еще более тяжелыми в силу откупной системы их взимания [1], разоряли крестьянское хозяйство, вели к распродаже сельскохозяйственного инвентаря и скота; в деревне росло число обедневших крестьянских хозяйств, лишенных основных орудий труда и рабочего скота. По данным 1857 г., на пять-шесть крестьянских домов приходились один плуг и одна воловья упряжка. Экономическое состояние крестьянского хозяйства падало. По данным Шуньича, после уплаты десятины государству, третины чифтлик-сахибии и отчислений в семенной фонд крестьянину оставалось не более 35% урожая.

[1] Меморандум боснийского епископа Марьяна Шуньича, врученный представителям европейских государств (1858 г.), указывал, что в течение пяти лет, предшествовавших моменту составления этого документа, крестьяне уплатили налогов более, чем за предыдущие 50 лет, так как откупщики вместо десятины взимали $^1/_5$, $^1/_4$ и даже $^1/_3$ часть с урожая.

Крестьянин-христианин был не в состоянии избавиться от малоземелья, так как попытки занять необрабатываемые государственные угодья наталкивались на преимущественное право мусульман приобретать землю. Не случайно поэтому за 18 лет, с 1857 по 1875 г., в собственность крестьян перешло незначительное число участков земли (в Бихачском санджаке — 2191, в Банялукском — 7691).

Процесс социальной дифференциации деревни в 50—70-е годы XIX в. значительно ускорился.

Под влиянием общественно-экономического развития, требовавшего изменений имущественно-правовых норм, а также опасности крестьянских восстаний, турецкое правительство в 50—70-х годах издало ряд законодательных актов, регулировавших аграрные отношения.

Опубликованный в 1858 г. Рамазанский закон — общий для империи кодекс земельного права — являлся кодификацией старых турецких законов и покоился на правовых нормах корана. Он фиксировал категории земельной собственности, ведущие свое начало еще от средневековой военно-ленной системы. Вся земля в государстве была разделена на пять категорий: частные владения (мюльк), государственные земли (мирие), земли вакуфов, земли для общего пользования (метруке) и пустующие земли (мерат). Мирийские земли фактически принадлежали землевладельцам: кметы, сидевшие на этих землях, платили им подати и десятину государству. В правовом отношении мирийские земли отличались от земель мюльк целым рядом ограничений. При разделе, купле-продаже, завещании этих земель в отличие от частновладельческих необходимо было специальное разрешение государства. Земли мирие не могли быть конфискованы за долги после смерти должника.

Эти и другие ограничения при отчуждении государственных земель, а также сокращение числа лиц, которые имели право на приобретение земельной собственности (согласно § 159 земля не могла переходить от мусульманина к немусульманину), не создавали условий для свободной мобилизации земли, задерживали вовлечение ее в торговый оборот, препятствуя тем самым дальнейшему развитию капиталистических отношений.

Лишив феодалов права выдачи тапии — документа на владение землей кметам (при продаже земли, при перемене наследника) и передав эту функцию в руки государства. Рамазанский закон и дополнения к нему (закон о тапиях 1858 г.), стремясь компенсировать феодалов за потерю этого права, превратили в мюльк—частную собственность феодалов (или беглук) часть земель бывшего тимара — так называемые хаса-земли, находившиеся в непосредственном пользовании феодала в отличие от десятинных земель, наследственными держателями которых были кметы. Земли воинов и филурнджиев были также превращены в частные владения (мюльк), что увеличивало число мелких земельных собственников, свободно распоряжавшихся землей.

Феодалы стремились превратить в беглук и десятинные земли (процесс так называемого беглученья кметских земель), что вызывало упорное сопротивление крестьянства. Между ним и феодалами шла борьба, феодалы добивались юридического закрепления своих прав на десятинные земли.

Последовавший в сентябре 1859 г. новый закон (так называемая Саферска наредба), принятие которого было ускорено многочисленными крестьянскими восстаниями 50 гг., признавал феодалов полными владельцами десятинных земель, а крестьян — их арендаторами (закупац, мустеджир). Закон определял размер и характер крестьянских повинностей в пользу феодала для каждого санджака в отдельности. Была установлена натуральная рента, колебавшаяся от $^1/_5$ до $^1/_2$ урожая зерновых (в Са-

раевском санджаке крестьяне платили третину и половину, в Банялукско-Бихачском и Зворницком — третину, в Травницком — третину, четвертину и пятину, в Герцеговинском — половину, третину, четвертину и пятину). Стремясь ограничить барщинный труд крестьян (кулученье), Саферска наредба в то же время сохраняла его там, где устанавливался более низкий размер натуральных повинностей. Кулученье по Саферской наредбе состояло из подвоза хака (сельскохозяйственные продукты, идущие в счет натуральных повинностей) к дому землевладельца или на рынок, в выполнении сельскохозяйственных работ на пашнях, виноградниках и в садах землевладельцев.

Закон устанавливал, что во всех санджаках дома, построенные кметами, должны были ремонтировать кметы; дома, построенные землевладельцами, — землевладельцы. В будущем дома кметам должны были строить землевладельцы. Закон отменял откупа, уменьшал в некоторых местах долю помещику с сена и фруктов и вводил другие облегчения.

Землевладелец не имел права сгонять кмета с чифтлика, если тот выполнял условия договора. Но кмет имел право оставить чифтлик по своему усмотрению. Отношения сторон регулировались письменным договором. Более поздняя практика установила превращение пожизненных договоров в наследственные.

Боснийско-герцеговинское крестьянство и после издания этого закона осталось феодально-зависимым. Свидетельствуя в какой-то мере о переходном характере общественно-экономических отношений в деревне от феодальных к капиталистическим, Саферска наредба в то же время сохраняла самую тяжелую форму феодальных повинностей — кулученье, юридически закрепленную для некоторых санджаков и фактически существовавшую в других.

Однако не все положения Саферской наредбы были осуществлены на практике. Так, накануне восстания 1875 г. старые арендные договоры практически не возобновлялись, и крестьянин чувствовал себя в полной зависимости от феодала. Из-за земельного голода он практически не мог уйти с чифтлика. Экономическая зависимость от феодала усугублялась бесправием христианина, который не мог получить реальной судебной защиты в силу привилегированного юридического положения мусульман. Откупная система взимания государственных налогов и податей феодалам продолжала существовать до конца турецкого господства.

В феврале 1876 г. был издан закон, отменявший обычай, по которому мирийские и вакуфные земли запрещалось покупать немусульманам; при свершении акта купли-продажи земель категории мюльк и мирие были даны равные права мусульманам и немусульманам.

Этот закон отменял также ограничения прав крестьянина на покупку чифтлика, существовавшие по Рамазанскому закону. Последний устанавливал девять ступеней на право преимущественной покупки чифтлика, ставшего выморочным; лишь на седьмом месте стоял кмет и то только тогда, когда он и землевладелец были одной веры. Закон 1876 г. вводил преимущественное право покупки чифтлика в течение одного года для кмета, как мусульманина, так и немусульманина.

Начавшийся после издания этого закона выкуп кметских земель, в основе которого лежало добровольное соглашение между феодалом и крестьянином, совершался крайне медленно. В первые годы после введения он был весьма незначительным, ибо в разгар восстания 1875—1878 гг. большинство крестьянских хозяйств было разграблено и лишено средств, а помещичье хозяйство было еще мало приспособлено к свободному найму рабочей силы.

Система поземельных и правовых отношений, покоившаяся в Боснии и Герцеговине на обветшалых нормах турецкого религиозно-феодального

законодательства, являлась серьезным препятствием на пути общественно-экономического прогресса. Боснийско-герцеговинская деревня была обречена на медленный, мучительный путь буржуазной эволюции; постепенное приспособление феодально-помещичьего хозяйства к новым, капиталистическим отношениям сопровождалось разорением основной массы крестьян.

С начала второй половины XIX в. развитие капиталистических отношений наиболее ощутимо проявилось в боснийско-герцеговинских городах. Происходило разложение городского цехового ремесла, начавшееся еще в первой половине XIX в. Его упадку способствовал широкий ввоз иностранных, прежде всего австрийских, фабричных товаров.

Однако в связи со слабостью капиталистической промышленности ремесло продолжало еще занимать господствующее положение в экономике города.

Первым крупным фабричным предприятием в Сараеве был пивоваренный завод, основанный в 1864 г. В 60-е же годы было создано товарищество по производству абы (грубого сукна), капитал которого исчислялся в 4—5 тыс. грошей. В 70-е годы в Сараеве работало несколько мастерских по выплавке железа и меди, небольшая фабрика по производству шелкового гайтана (шнура). Продолжали действовать и были расширены рудники и литейные мастерские в Фойнице, Крешеве, Високо и Вареше, была расширена также разработка соляных пластов в Тузле. Владельцами предприятий горнорудной и металлургической промышленности были главным образом представители хорватской буржуазии.

Упадок ремесленного производства и слабое развитие местной промышленности усиливали значение внешней торговли для удовлетворения возраставшего спроса населения на промышленные товары.

В указанные десятилетия произошли расширение и известная переориентация внешней торговли Боснии и Герцеговины. Создание в Сараеве в конце 50-х годов консульств некоторых европейских государств усилило торговые связи Боснии и Герцеговины с западными рынками. На этой основе изменился характер ввоза и вывоза. Помимо ремесленных изделий, имевших в основном спрос на восточных рынках, теперь стали вывозиться преимущественно предметы сельскохозяйственного производства, шедшие на запад, а ввозиться колониальные, текстильные и другие промышленные товары.

Так, в 1874 г. только в Австро-Венгрию было вывезено 400 тыс. голов крупного и мелкого скота, 60 тыс. м³ древесины и почти 2 тыс. вагонов других товаров; было ввезено около 900 вагонов различных фабричных изделий, сырья и пр.

Монопольное положение во внешней торговле заняли сараевские торговцы, ведшие торговые дела со среднеевропейскими и приморскими городами и центрами.

Помимо роста старых торговых центров — Сараева, Мостара, Травника, Тузлы и Баня Луки — расширение торговли с Австро-Венгрией привело к увеличению значения многих северных городов (Босанска Костайница, Босанска Градишка, Босански Шамац, Брчко, Бпелина и др.).

Торговая буржуазия Боснии и Герцеговины была в основном сербской. В руках мусульман была лишь торговля текстильными товарами, привозившимися из Турции. Хорватская буржуазия, занимавшаяся ремеслом и торговлей, была немногочисленна. Сербская торговая буржуазия к 50—60-м годам значительно выросла численно и окрепла экономически. В экономическом усилении боснийских торговцев большую роль играли откупа государственных налогов, прежде всего десятины.

В 50—60-х годах центральное правительство и местные власти осуществили ряд мероприятий, способствовавших развитию внешнеторговых связей Боснии и Герцеговины и внутреннего рынка.

В 1863 г. началась прокладка шоссейных дорог и строительство мостов. Первой была проложена дорога Сараево — Брод, затем Сараево — Мостар — Габела, Градишка — Баня Лука и др. В 1866 г. было организовано транспортное акционерное общество, перевозившее пассажиров и товары на лошадях. В 60-х годах была выстроена железная дорога от австрийской границы (от г. Нови) до Баня Луки. Установленное еще в 1843 г. еженедельное почтовое сообщение между Травником и Константинополем было в 1853 г. усовершенствовано и связывало Сараево с Константинополем, Герцеговиной и Сербией. С 1860 г. началась проводка телеграфных линий от Сараева на города Брод, Бихач, Босанска Градишка и в Герцеговину. Телеграфная линия Сараево — Травник — Баня Лука — Градишка была открыта в июне 1866 г.

Развитию торговли в известной мере способствовало и издание в Турции в 1860 г. свода торговых законов, в основе которых лежал французский коммерческий кодекс. Были учреждены специальные торговые суды, где наряду с мусульманами должны были заседать и христиане.

В 50—70-е годы XIX в. местная буржуазия, главным образом торговая, становилась все более важным фактором в экономической жизни вилайета. Ее не могла удовлетворить экономическая политика турецкого правительства. Она была недовольна половинчатыми реформами, всей системой турецких общественно-политических порядков. Гарантии личности и имущества, равенства христиан с мусульманами, в частности и в области судопроизводства по торговым делам, на практике не существовало. Местная буржуазия требовала создания условий для свободного, быстрого и всестороннего экономического развития, осуществления национальных и гражданских свобод.

Экономический, политический и национальный гнет турецкого феодального государства, тормозивший развитие капиталистических отношений и в деревне и в городе, вызвал резкое обострение социальных и национальных противоречий. На этой основе и развертывалось массовое национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине в последние годы турецкого господства.

Национально-освободительное движение против турецкого ига в 50—70-е годы XIX в.

Большое влияние на развитие антифеодальной, освободительной борьбы в Боснии и Герцеговине в 50—70-е годы XIX в. оказала волна освободительного движения, прокатившаяся по Европе. Борьба за освобождение и объединение Италии, освободительное движение в Польше и Венгрии, а также в южнославянских землях — Хорватии, Сербии, Черногории, Болгарии и др., находило широкий отклик и живейшую поддержку в Боснии и Герцеговине.

Важнейшей особенностью боснийско-герцеговинского освободительного движения этой поры была его массовость. В нем приняли участие крестьяне (не только православные и католики, но и мусульмане), составлявшие основную массу угнетенного населения, а также торговцы, мелкие предприниматели, ремесленники, представители интеллигенции и низшего духовенства.

Все более крепнувшая экономически боснийско-герцеговинская буржуазия активизировала в эти годы свою деятельность. С 50-х годов XIX в. старые торговые и ремесленные города — Сараево, Травник, Мостар, Тузла и Баня Лука — вместе с многочисленными новыми городами и пунктами, особенно в Посавине и Крайне, становятся средоточием национально-политической и культурно-просветительной деятельности.

Ликвидация феодальных отношений и национального гнета, создание независимого национального государства стали основными программными требованиями национально-освободительного движения.

Противоречия в общественно-экономическом развитии острее всего ощущало крестьянство, стремившееся к отмене феодальных отношений. А так как на пути к осуществлению этих задач стояло турецкое феодальное государство, то социальная борьба крестьянства сливалась с борьбой за национальное освобождение.

Наиболее ярким проявлением протеста против социального и национального гнета явились вооруженные крестьянские восстания, неоднократно вспыхивавшие на протяжении 50—70-х годов XIX в. и придававшие национально-освободительному движению массовый характер и революционный размах.

Европейские государства, заинтересованные в усилении своего влияния на Балканах, зорко следили за ходом борьбы покоренных народов Балканского полуострова. Восстания в Боснии и Герцеговине приобретали зачастую международное значение.

В течение десятилетия (1852—1862) трижды вспыхивали антифеодальные крестьянские восстания в Герцеговине — в 1852—1853, 1857—1858 и в 1861—1862 гг. По мере развития эти восстания принимали национально-освободительный характер; повстанцы стремились освободиться от турецкой власти и присоединиться к независимой Черногории. Последняя поддерживала эти стремления, поэтому восстания перерастали в турецко-черногорские войны.

Территория, на которой развертывалось восстание 1852—1853 гг., входила в состав Требиньской нахии (Зубцы, Крушевица, Суторино, Кореничи). Затем восстание охватило ряд других областей южной и юго-восточной Герцеговины (Драчевицу, Шуму, Попово Поле).

Центром восстания стала область Зубцы, а ее капитан (глава области, избиравшийся населением) Лука Вукалович, зажиточный оружейник, возглавил его.

Еще с конца XVIII в. пограничные области Герцеговины поддерживали тесные связи с Черногорией. В 50-х годах XIX в. эти связи усилились. Князь Данило, считая эти области составной частью Черногории, утверждал там сердарей и капитанов и издавал даже свои постановления. Он поддерживал стремления герцеговинского крестьянства к вооруженному выступлению против турок, пытаясь воспользоваться им для завоевания международного признания своего нового княжеского титула, полученного с помощью России в 1852 г.

В 1852—1853 гг. активизировалась деятельность тайных организаций, созданных официальной Сербией и пропагандировавших восстание в Боснии и Герцеговине против Турции.

Представители турецкой администрации и прежде всего Омер-паша Латас, только что подавивший вооруженное сопротивление боснийско-герцеговинских феодалов, рассматривали эту деятельность Сербии и Черногории как «панславистскую агитацию», в которой, в частности, они заподозрили и франциscанца И. Ф. Юкича. Его статьи в «Босанском приятеле», книгу «Землеописание Боснии и Герцеговины» и особенно приложение к ней «Жалобы и просьбы христиан Боснии и Герцеговины турецкому султану Абдул-Меджиду» (см. гл. 24, стр. 367) Омер-паша назвал бунтарскими. В январе 1852 г. Юкич был арестован, а затем заточен в Константинополе.

В то же время было издано распоряжение о разоружении крестьян сначала Боснии, а затем (в марте 1852 г.) и Герцеговины. В июне 1852 г. в Гацко для разоружения населения было направлено 1400 турецких солдат. Жители Зубцев, Корепичей, Банян и Никшича оказали туркам вооруженное сопротивление. Осенью 1852 г. произошел уже целый ряд вооружен-

ных столкновений между местными турецкими властями и феодалами, с одной стороны, и крестьянами, с другой. Восстание открыто поддерживала Черногория.

В начале 1853 г. Турция объявила Черногории войну, во время которой повстанческие отряды Вукаловича вели партизанскую борьбу в тылу турецкой армии. Война закончилась поражением Черногории. Вмешательство Австрии и России спасло ее от оккупации турецкими войсками.

После окончания войны волнения в пограничном с Черногорией поясе Герцеговины не прекращались; Грахово и другие области фактически не признавали турецкой власти.

Наиболее значительным по своему размаху и результатам было второе восстание под руководством Л. Вукаловича в 1857—1858 гг.

Хатт-и-хумайюн 1856 г., провозглашенный Портой под влиянием европейских держав, обещавший равноправие христиан с мусульманами и реформу управления, так же как и Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г., не дал почти никаких практических результатов.

Хатт-и-хумайюн не обеспечил равенства христиан и мусульман, безопасности личности и имущества, свободы вероисповедания. В судах по-прежнему отвергались показания десятков христиан, если им противоречило свидетельство одного мусульманина.

Крестьянство, как и раньше, страдало от сословной неполноправности и налогового обременения, от возраставшей эксплуатации со стороны чифтлик-сахибиев. Ряд жалоб, поданных крестьянами в конце 50-х годов, говорил о безвыходном их положении и о том, что Хатт-и-хумайюн не изменил его к лучшему.

Непосредственным поводом к восстанию 1857 г. в Герцеговине послужил насильственный сбор недоимок за прошлые годы и убийство в связи с этим двух сербов.

На призыв Вукаловича о подготовке восстания сразу же отозвалось население Зубцев, Крушевицы и Суторино. Повстанцы заручились помощью Черногории.

Первое вооруженное столкновение отряда Вукаловича с требиньскими феодалами у Ораховаца закончилось его победой. Этот успех ускорил распространение восстания на всю пограничную область, а затем и на внутренние районы восточной Герцеговины. В битве у Полицы в Поповом Поле к отряду Вукаловича, состоявшему из 4000 сербских крестьян, присоединились и крестьяне хорваты. В битве под Плани-Долом вместе с герцеговинскими повстанцами сражались 300 черногорцев.

Победы повстанцев вызвали опасения Австрии. Она потребовала вывода черногорцев из пределов Герцеговины и закрыла свою границу.

В начавшейся в 1858 г. турецко-черногорской войне турецкие войска потерпели крупное поражение. В знаменитой битве на Граховом Поле (28 апреля — 1 мая 1858 г.) турецкая армия была наголову разбита черногорцами и герцеговинскими повстанцами. Был занят Клобук, а отряд Вукаловича осадил Требинье.

Военные действия были приостановлены благодаря вмешательству России, Австрии, Англии, Франции и Пруссии. Для определения границы между Турцией и Черногорией была создана комиссия, в которую вошли консулы европейских государств.

Между повстанцами и представителями турецких властей было заключено перемирие, которое предусматривало установление размера военного налога по взаимному соглашению между предводителями областей и герцеговинским визирем; предписывало башибузукам, совершавшим насилия над населением, покинуть Герцеговину; устанавливало четвертину (вместо третины) в качестве натуральной повинности крестьян феодалам.

Вукаловнч в 1858 г. был произведен черногорским князем в воеводы Зубцев, Крушевицы и Драчевицы. Почти до конца работы консульской комиссии он управлял этими областями самостоятельно: собирал налоги и пошлины, назначал капитанов и сердарей, вершил суд и осуществлял другие функции государственной власти.

Согласно решению консульской комиссии область Грахово, а также ряд других пограничных областей (часть территории Банян, Дробняка и др.) были присоединены к Черногории.

Волнения крестьянства в Боснии начались еще весной 1857 г. Они вылились вначале в массовую подачу жалоб и прошений турецким властям. Для их выработки крестьяне отдельных нахий (не только православные и католики, но и мусульмане) собирались большими массами и безоружными направлялись затем к представителям турецкой администрации. Под влиянием консулов европейских государств турецкие власти были вынуждены в конце мая 1857 г. заслушать перед меджлисом в Сараеве представителей от крестьян почти всех санджаков Боснии. Крестьяне жаловались на тяжесть податей феодалам и многочисленных налогов государству, прежде всего десятины, на насильственный сгон с земли, на необеспеченность личности и имущества, на неравенство перед законом. Больше всего было жалоб на откупщиков десятины и третины, таких ярых мучителей крестьян, как Али-ага Талиревич, Муй-эга Пазарац, Хусейн Арнаут. В петиции посавских крестьян, отправленной в декабре 1857 г. со специальной делегацией в Вену для вручения ее турецкому посланнику, а также в некоторых других петициях содержалось основное требование крестьянства — ликвидировать чифтлики и третину.

На дальнейший ход борьбы боснийского крестьянства большое влияние оказало вооруженное восстание в Герцеговине, начавшееся в конце 1857 г., а затем успешная победа черногорцев и герцеговинских повстанцев над турецким войском на Граховом Поле в начале мая 1858 г. По свидетельству современника посавские крестьяне были готовы взяться за оружие и только ждали сигнала, «чтобы совместно с остальными братьями, которые уже вступили в борьбу, ударить по угнетателям...»

Антифеодальные крестьянские восстания в Боснийской Крайне и Посавине развернулись летом и осенью 1858 г.

Восстание в Крайне распространилось на территорию между реками Савой, Уной и Саной. Центром восстания стало село Иваньска в Крупской нахии. Во главе восстания стояли Ристо Ейч, родом из Градачской нахии, и Спмо Чосич, прибывший из Сербии, а также известные гайдуки Петр Петрович-Пеция и Петр Гарача.

Отряд из 3000 крестьян под руководством Гарача, поджигая помещичьи имения, прошел долиной Уны до г. Нови. 4 июля отряд под руководством Ейча у села Доляны (недалеко от Бихача) вел упорную борьбу с феодалами из Петроваца и Кулен Вакуфа. Гайдук Петр-Пеция действовал в районе горы Козары. Турецкие войска, посланные одновременно из Баня Луки и Герцеговины, стали теснить повстанцев. 15 июля пала Иваньска, 21 июля у Тавии (около Костайницы) отряды повстанцев были рассеяны, часть их бежала в Хорватию.

Вооруженные столкновения в Боснийской Посавине особенно усилились с октября 1858 г. Одна группа повстанцев действовала между городами Брчко и Градачац под руководством священника Стевана Аврамовича; а другая — на юго-запад от линии Градачац—Модрич во главе со священником Хаджи Петко Ягодичем. Между этими группами не было связи, повстанцы были плохо вооружены. Во второй половине октября 1858 г. они были разгромлены турецкими войсками.

Массовые крестьянские восстания в восточной Герцеговине, Боснийской Крайне и Посавине вынудили Порту заняться урегулированием аг-

рарных отношений. В декабре 1858 г. последовало распоряжение султана об отправке в Константинополь боснийской делегации. Делегация состояла из 42 человек (по шесть человек от каждого из семи санджаков, причем каждый санджак избирал по два человека от чифтлик-сахибий, кметов и свободных крестьян). Переговоры между Портой и боснийской делегацией велись в течение семи месяцев. Итогом их было издание 13 ноября 1859 г. аграрного закона для Боснии и Герцеговины — так называемой Саферской наредбы.

Саферска наредба не разрешила аграрного вопроса. Усиливавшаяся эксплуатация служила причиной непрекращающегося крестьянского движения в последующие годы.

В январе 1861 г. в Герцеговине началось третье восстание под руководством Л. Вукаловича, охватившее вскоре всю пограничную с Черногорией область.

Башибузук

В начавшейся вслед за тем в 1862 г. черногоро-турецкой войне черногорцы и действовавшие совместно с ними герцеговинские повстанцы потерпели поражение. При посредничестве европейских государств был заключен мир, сохранивший прежнюю границу между Черногорией и Турцией.

По соглашению между герцеговинским визирем Хуршидом-пашой и Л. Вукаловичем (10 сентября 1862 г.) население пограничного с Черногорией герцеговинского района было освобождено от уплаты десятины и третины за три прошлых года и на три года вперед. Вукалович был поставлен бимбашой отряда в 500 пандуров, оплачиваемых Турцией и набираемых из местного христианского населения для охраны границы.

Освободительная борьба в Боснии и Герцеговине в начале 60-х годов развивалась под большим влиянием освободительного движения в Италии. Имя Гарибальди было здесь весьма популярным. Планы итальянских и венгерских революционеров о совместном со славянскими народами выступлении против Австрии и Турции широко пропагандировались на Балканах. Большую роль в этой пропаганде сыграло туринское итало-славянское общество, активизировавшее свою деятельность в 60-х годах. Мичо Любибратич, один из сподвижников Луки Вукаловича, был непосредственно связан с итальянскими революционерами. В отряде Л. Вукаловича сражался и погиб гарибальдиец Деведерия. На конгресс итальянских революционеров в 1861 г. ожидалось прибытие представителей не только от Сербии, но и от Герцеговины. В апреле 1862 г., после того как Турцией была объявлена война Черногории, Гарибальди опубликовал обращение, в котором от имени Италии приветствовал порабощенные народы Востока и высказывал пожелание объединиться для достижения поставленных целей.

Возникший в 1860 г. в Белграде Сербско-боснийский комитет, ставивший своей задачей подготовку в Боснии восстания, пытался, в частности, приурочить начало своей деятельности к предполагаемой войне Италии против Австрии, к готовившемуся восстанию в Венгрии.

С целью подготовки восстания у границ Боснии и в ней самой было создано 17 агентств и целый ряд тайных складов оружия. Была предусмотрена организация повстанческих чет и план их военных операций. Важной стороной деятельности комитета являлась также посылка протестов европейским государствам и Порте.

В числе членов комитета были боснийский торговец Нико Окан, деятель тайных сербских организаций Матия Бан, а также сербский митрополит Михаил. Комитет установил связь с представителем Московского славянского комитета славянофилом И. С. Аксаковым. Через последнего была получена денежная помощь из России в размере 10 тыс. рублей.

Крупное влияние на деятельность комитета оказали боснийские беженцы, главным образом крестьяне, прибывшие в Сербию после поражения восстания в Боснийской Посавине и Крайне в 1858 г. Их требования о предоставлении земли в собственность отразились на формировании планов деятельности комитета. Эти планы предусматривали сразу же после начала восстания, наряду с созданием национальной администрации, введение «нового социального порядка» в Боснии. В написанном Оканом документе «Слово об окончательном установлении налогов и об уравнении властелы (феодалов. — *Ред.*) с христианами Боснии» ясно выражена мысль о ликвидации феодального землевладения: «Навсегда будет уничтожена властела в Боснии и ее феодальные права. Все ее земли, без исключения: чифтлики, горы, пустыни и рудники, будут отняты и возвращены народу и народному правительству». По существу это была радикально-демократическая программа крестьянского движения, одним из этапов которого было восстание в Боснийской Посавине и Крайне в 1858 г. Деятельность этого комитета была прекращена в 1861 г.

Однако вскоре вновь оживились тайные сербские организации, душой которых были Гарашанин и Любибратич. При активном участии Стевы Богдановича, торговца из Брода, в Сараеве возник Главный комитет, в который вошли Саво Косанович, будущий митрополит Боснии, учитель Стево Петранович и еще двое сараевских торговцев. Главному комитету подчинялись подкомитеты в Баня Луке, Маглае, Травнике и других боснийских городах. С 1865 г. доверенным лицом Гарашанина в Герцеговине стал архимандрит монастыря Дужи Серафим Перович. Вместе со своим братом Иованом, мостарским торговцем Ефто Белобрком, Мелентием Радуловичем, католическим священником Гргуром Скаричем он готовил восстание в северо-западной Герцеговине. В 1866 г. как доверенное лицо сербского правительства в юго-восточную Герцеговину для подготовки восстания отправился Любибратич.

После отставки Гарашанина и смерти князя Михаила тайные организации ослабили свою деятельность, однако они просуществовали вплоть до 1873 г. По предложению сербского правительства в 1870 г. Нико Окан разрабатывал план подготовки восстания в Боснии и Герцеговине.

Программа сербских тайных организаций 60-х — начала 70-х годов предусматривала принцип сохранения феодального землевладения в Боснии и Герцеговине как условие участия мусульман во всеобщем восстании против Турции. Эта политика сотрудничества с мусульманскими феодалами, проводившаяся сербским правительством, осуществлялась и в период восстания 1875—1878 гг., она усилилась со времени вступления Сербии в войну против Турции в 1876 г. Активными проводниками и выразителями этой политики были боснийские торговцы и священники.

В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. среди боснийско-герцеговинских учителей, священников и торговцев распространилось культурно-просветительное движение «Объединенной сербской омладины» (1866—1872 гг.).

В 1866 г. в Баня Луке было основано первое среднее учебное заведение Боснии и Герцеговины по подготовке учителей и священников — Сербская семинария, управителем которой стал известный революционер-демократ и социалист Васо Пелагич (1838—1899 гг.); было основано в Сараеве «Общество по сбору произведений народного творчества». Вторым после банялукского средним учебным заведением была Сербская семинария, основанная С. Перовичем в Герцеговине.

Мичо Любибратич.
Исторический музей в Москве

На почве культурно-просветительной деятельности усиливались связи боснийско-герцеговинской буржуазии с буржуазией Сербии и Воеводины, вырастала роль и значение молодой боснийско-герцеговинской интеллигенции в освободительном движении. Турецкое правительство в 1868 и в 1873 гг. организует ряд судебных процессов против священников, учителей и торговцев в Герцеговине и в городах Баня Лука и Босанска Градишка. Перед судом предстал и Васо Пелагич. Из рядов этого движения вышли и первые пропагандисты социалистических идей в Боснии и Герцеговине — Васо Пелагич, Косто Угринич, Манойло Хорвачанин, Земфо Бостанчич. Выход в свет книги выдающегося сербского революционера-демократа и социалиста Светозара Марковича «Сербия на востоке», попытка социалистов Сербского княжества вместе с Народной партией Воеводины поднять широкое восстание на Балканском полуострове в 1872 г. сыграли важную роль в формировании взглядов боснийских социалистов.

Вместо туманных планов освобождения возникла мысль о революции, о необходимости коренного социального и политического преобразования общества. Наиболее ярким примером новых идей является проект В. Пелагича «Послание друзьям угнетенных братьев в Турции» (1874 г.), который предусматривал внутреннее политическое переустройство Боснии и Герцеговины после освобождения.

Таким образом, накануне восстания 1875—1878 гг. в общественно-политическом движении Боснии и Герцеговины наметилось два течения — либерально-буржуазное и социалистическое, отражавшее интересы широких слоев крестьянства и городских низов.

Восстание 1875—1878 гг. было кульминационным пунктом боснийско-герцеговинского освободительного движения против турецкого ига. Широкое участие в восстании крестьян, интеллигенции, поддержка его буржуазией придали ему массовый, народный характер.

Готовившееся в течение ряда лет восстание началось 5 июля 1875 г. нападением гайдуцкого отряда Перы Тунгуза на турецкий караван у горы Бишины на шоссе Мостар — Невесинье, в Герцеговине. К августу пламенем восстания была охвачена вся северная и большая часть южной Герцеговины, а число восставших достигало 10—12 тыс. человек. Они подвергли блокаде ряд крупных городов и турецких крепостей — Никшич, Горанско, Невесинье, Требинье, Билеча. Помимо Мичи Любибратича и Пеки Павловича, прибывшего из Черногории, среди военных предводителей герцеговинских повстанцев выделялись воеводы Лазарь Сочица из Пивы, Петр Радович из Невесинья, Максим Бачевич из Банян, Богдан Зимонич из Гацко. В августе 1875 г. вспыхнуло восстание на севере, в сентябре — на юго-западе Боснии. К середине августа восстание в Боснии распространилось на значительную территорию между реками Уной, Врбасом и Савой, городами Нови, Приедором и Баня Лукой. Города Приедор, Костайница, Дубица, Орахово и Градишка были осаждены восставшими.

Наиболее известными руководителями повстанцев были крупные торговцы и священники — Васо Видович, Симо и Иово Билбия, Спасое Бабич на севере Боснии; Голуб Бабич, Петр Узелац, Тодор Сучевич, Илья Билбия — на юго-западе Боснии. В восстании приняли участие и известные гайдуки — Остоя Корманош и Петр Петрович-Пеция.

Освободительная борьба в Боснии и Герцеговине вызвала глубокие симпатии в Сербии, Хорватии, Словении, Черногории и европейских странах — Англии, Швейцарии, Италии и др., где стали возникать комитеты помощи восстанию. 28 августа 1875 г. в Париже был создан Международный комитет помощи повстанцам, его председателем стал сербский митрополит Михаил, вице-председателем — хорватский епископ Йосип Штросмайер. Движение помощи герцеговинцам и боснякам охватило Россию. Денежные средства, поступавшие в славянские комитеты Москвы и Петербурга от русского народа из самых отдаленных мест страны, были основным источником поддержки повстанцев.

Общая сумма пожертвований, переправленных в Герцеговину, составила сотни тысяч рублей.

Выражением сочувствия и поддержки освободительной борьбы в Боснии и Герцеговине явилось также участие в нем многочисленных добровольцев из Италии, югославянских стран — Хорватии, Далмации, Сербии, Черногории, а также из России.

Летом 1875 г. в рядах герцеговинских повстанцев сражались представители русского революционного народничества — участник Парижской Коммуны М. П. Сажин, известный писатель С. Степняк-Кравчинский, революционеры из Киева, Одессы, Могилева — И. Дебогорий-Мокриевич, О. Габель, П. Енкуватов, В. П. Лепешинский, студент-медик Емельянов, революционно настроенные гимназисты Могилевской гимназии — А. Лепешинский и несколько его товарищей и др. В Боснии русские революционеры появились в декабре 1875 г. Первым в их числе был Н. Д. Далматов. Русские добровольцы были восторженно встречены босняками и герцеговинцами.

Восстание в Боснии и Герцеговине явилось отправным моментом в развитии Восточного кризиса 70-х годов. Австрия, Россия и Германия, по-разному заинтересованные в делах Балканского полуострова, выступили инициаторами умиротворения восставших турецких провинций. В конце 1875 — начале 1876 г. Австрия предложила поддержанный другими дер-

Герцеговинские повстанцы.
Исторический музей в Москве.

жавами проект реформ (меморандум Андраши от 30 декабря 1875 г. и нота Андраши от 26 января 1876 г.), в результате чего Порта была вынуждена издать ряд постановлений (ираде от 2 октября 1875 г., фирман от 12 декабря 1875 г., ираде от 11 февраля 1876 г.), вновь провозгласивших равноправие мусульман с христианами, равенство всех перед законом.

Султанские указы и обещания держав встретили решительный отпор со стороны боснийско-герцеговинских повстанцев. Совещание герцеговинских руководителей в Суторино 16 февраля 1876 г. заявило: «...народ не может принять план, в котором нет ни слова о настоящей свободе». В телеграмме боснийских беженцев русскому правительству 10 марта 1876 г. говорилось: «Единственная гарантия нашего благосостояния — наше народное правительство и управление». Свои конкретные пожелания руководители повстанцев Герцеговины формулировали при встрече с австрийским генералом Родичем в апреле 1876 г. в Суторино. Они требовали предоставления крестьянам трети земли в собственность; вывода навсегда турецких войск из Герцеговины, за исключением крепостей в Мостаре,

Васо Пелагич

Столаце, Требинье, Никшиче и Фоче; восстановления разрушенных турками христианских домов и церквей, предоставления продовольствия на год и орудий для обработки земли за счет Турции и освобождения от налогов на три года; признания права христиан на ношение оружия до осуществления реформ и разоружения мусульман и др.

Малочисленная революционно-демократическая группа выдвинула свою программу, сформулированную ее вождем В. Пелагичем в двух документах: в «Проекте одного боснийца. О преобразовании Боснии и Герцеговины на современных демократических принципах», опубликованном в январе 1876 г., и в «Повстанческой программе народных прав», написанной в конце 1877 г. Программа требовала уничтожения феодального землевладения и откупов: «Земля должна принадлежать только тому, кто сможет ее сам обрабатывать».

Народную скупщину, составленную из свободно избранных депутатов, программа провозглашала высшим органом власти; низшими звеньями государственного устройства — самоуправляющиеся общины. Выдвигалось требование полной и неограниченной свободы слова, печати, союзов и собраний, обеспечения неприкосновенности личности и имущества, отделе-

ния школы от церкви. Боснийские революционеры-демократы, так же как и либеральная буржуазия, боролись за объединение Боснии и Герцеговины с Сербией. Однако это объединение мыслилось демократами не как простое присоединение к княжеству, а предполагало глубокие социальные и политические преобразования в объединенном государстве. Поэтому решительный протест В. Пелагича вызвало как официально объявленное группой боснийских руководителей с Г. Бабичем во главе объединение Боснии с Сербией и провозглашение Милана Обреновича боснийским князем, так и провозглашение группой герцеговинских вождей князя Николая Черногорского герцеговинским князем.

Что касается социальной программы боснийской буржуазии, то известная часть ее руководителей в северной, а главным образом в юго-западной Боснии с Г. Бабичем во главе, пытаясь установить сотрудничество с боснийскими феодалами, гарантировала им сохранность их имений.

Революционно-демократическая группа выражала чаяния крестьянства, разорившихся ремесленников и мелких торговцев, составивших основную массу участников движения. Хрватска Костайница (в Австро-Венгрии) была средоточием революционно-демократических и социалистических элементов. Здесь вокруг Пелагича, помимо боснийских социалистов Косты Угринича, Манойлы Хорвачанина и Земфы Бостанчича, группировались принимавшие участие в восстании сербские и воеводинские социалисты, русские революционеры. Участие иностранных социалистов и революционеров вызвало тревогу правительственных кругов России, Сербии и Австро-Венгрии. Полицейские власти последней в 1876 г. арестовали В. Пелагича.

Объявление Сербией и Черногорией войны Турции (30 июня 1876 г.) придало новые силы восставшим. Черногорская армия действовала совместно с повстанцами. В Боснию сербским правительством был послан Милета Деспотович, взявший на себя командование повстанческими отрядами. Черногория и Сербия тем самым стремились использовать восстание в своих интересах. Повстанцы продолжали свои действия и в период сербско-турецкой и русско-турецкой войн.

Однако в начале августа 1877 г. наиболее крупная группа (на юго-западе Боснии) была разгромлена.

Сан-Стефанский мир принес Боснии и Герцеговине автономию. Однако по Берлинскому трактату, продиктованному западными державами, в Боснию и Герцеговину были введены австро-венгерские войска, которые в течение июля — октября 1878 г., преодолев вооруженное сопротивление населения, осуществили оккупацию провинций.

Социально-экономическое развитие после австро-венгерской оккупации (1878—1912 гг.)

Переход Боснии и Герцеговины под власть Австро-Венгрии имел двоякие последствия. С одной стороны, широкий приток австрийского и венгерского капиталов, уничтожение таможенной границы между Боснией и Герцеговиной и Австро-Венгрией, строительство необходимых путей сообщения способствовали росту промышленности (в 1904 г. в Боснии и Герцеговине было уже около 100 крупных предприятий с 31 тыс. рабочих). С другой стороны, на основании законов 1879 и 1880 гг., включивших область в таможенный союз империи и разрешавших свободно открывать на ее территории промышленные и другие предприятия, а также на основании закона 1909 г. о занятии промысловой деятельностью, ключевые позиции в крупной фабрично-заводской промышленности оказались

Сараево в начале XX в.

в руках австро-венгерских капиталистов. Австрийским и венгерским промышленникам было выгодно извлекать прибыль путем использования дешевых боснийско-герцеговинского сырья и рабочей силы. Крупнейшим монополистом являлось и государство. В Боснии и Герцеговине представителям правящей династии и государству принадлежали угольные копи, лесопильные заводы, крупнейшие предприятия текстильной, табачной промышленности, железные дороги и др. Национальное производство сохраняло ремесленный или мануфактурный характер. По данным промышленной статистики 1907 г. в предприятиях, составлявших 91,03% от общего числа частных предприятий, не применялись машины; 83,3% предприятий не имело наемных рабочих. Развитие национального промышленного производства задерживал и массовый ввоз австро-венгерских фабричных товаров.

В боснийско-герцеговинской промышленности хозяйничало несколько десятков австро-венгерских акционерных компаний; некоторые из них, особенно в лесной и химической промышленности, входили в крупные международные картели. Ярким олицетворением господства иностранного капитала в области являлись Боснийское электрическое акционерное общество в г. Яйце, основанное в 1897 г., и немецко-австрийская лесопромышленная фирма Отто Штайнбайса, возникшая в 1892 г. Помимо электростанции и двух электрохимических фабрик в г. Яйце в Боснии, Боснийскому электрическому обществу принадлежали подобные фабрики в Австрии, Германии, Англии и Норвегии. Фирма Отто Штайнбайса в 1909 г. была преобразована в акционерное общество с основным капиталом в 8 млн. крон. 60% акций перешло в руки Штайнбайса, остальные — Привилегированному государственному банку Боснии и Герцеговины и двум крупнейшим австрийским банкам. Обществу принадлежало два лесопильных завода в Добрлине и Дрваре, оснащенные паровыми пилами общей мощностью в 2500 л. с. По данным 1914 г., число рабочих, занятых на этих заводах и на лесоразработках, достигало 7 тыс. человек. Общество

располагало своей железной дорогой и портом (возле Шибеника). Лесоматериал в больших количествах экспортировался в Германию, Голландию и страны Средиземноморского бассейна. Извлечению огромных прибылей способствовали льготные условия заключавшихся с правительством договоров; так, общество платило 2 кроны за кубический метр, а рыночная цена дерева, по данным 1913 г., исчислялась от 12 до 14 крон за кубический метр.

Добыча соли в Тузле

В экономическом закабалении Боснии и Герцеговины крупную роль сыграли австро-венгерские банки, создавшие здесь широкую сеть своих филиалов. Финансовый капитал, пользуясь всевозможными привилегиями, нашел сферу приложения не только в промышленности и железнодорожном строительстве, но и в принявших широчайшие размеры ссудных операциях, в частности при выкупе кметских чифтликов.

Наряду с австро-венгерскими промышленниками и банкирами, постепенно усиливалась и росла и местная торговая, банковая и промышленная буржуазия. Одним из показателей этого процесса является рост числа местных банков и сберегательных касс и увеличение их капиталов с начала 900-х годов.

Несмотря на то, что отдельные местные промышленники получали концессии от правительства, австро-венгерские промышленники и финансисты продолжали занимать господствующее положение в экономике области.

После оккупации в Боснии и Герцеговине началось ускоренное железнодорожное и шоссейное строительство, обусловленное экономическими и военно-стратегическими целями Австро-Венгрии на Балканском полуострове. К началу XX в. было построено 1684 км железнодорожного полотна. Основная железная дорога Босански Брод — Сараево — Мостар — Метковић соединила сеть железных дорог Австро-Венгрии с Боснией и Герцеговиной, но не связала районы области между собой.

В 1908—1912 гг. возник вопрос о новой программе железнодорожного строительства в Боснии и Герцеговине. Правительство отвергло проекты местных буржуазных кругов, исходившие из внутренних экономических потребностей. Был запроектирован ряд дорог, включавших наиболее плодородные районы — Посавину и Подринье — в систему венгерских торгово-экономических связей и превращавших их в поставщиков сельскохозяйственных продуктов на венгерский рынок.

Появление фабричной промышленности, связанный с этим рост городов и городского населения, вовлечение Боснии и Герцеговины в систему австро-венгерских торговых связей вызвали рост товарооборота.

Грузооборот по железным дорогам с 49 млн. тоннокилометров в 1896 г. возрос до 267 млн. тоннокилометров в 1911 г. Выросла ярмарочная торговля, продажа скота на ярмарках и базарах за период с 1899

по 1910 г. увеличилась на 60%. В отдельных городах сосредоточилась торговля разными видами товаров: Тузла и Баня Лука славились ярмарками скота, Ливно — ярмарками шерсти, центром хлебной торговли Посавины была Дервента. Главным продуктом торговли в Герцеговине являлось виноградное вино, а крупнейшим центром по продаже вина был г. Мостар. Производство вина росло быстрыми темпами.

Если в городах, хотя и односторонне, происходил процесс развития капиталистических отношений, в деревне в основном сохранились старые феодальные порядки. Распоряжением австрийского императора от 12 октября 1878 г. провозглашалась неприкосновенность собственности помещиков, а все отношения между землевладельцами и кметами должны были строиться на основе прежних турецких законов, главным среди которых была Саферска наредба 1859 г. Выкуп кметских повинностей, совершавшийся на основе закона 1876 г., проходил крайне медленно (с 1879 по 1910 г. выкупилось всего 28 481 кметское хозяйство) и привел к возникновению категории так называемых частичных кметов, т. е. кметов, выкупивших лишь часть кметской земли. Существование этой категории крестьян (фактически рабочих с наделом) было необходимо для технически отсталого помещичьего хозяйства. В 1895 г. таких хозяйств насчитывалось 22 655, в 1910 г. — 31 146. По данным 1910 г., в боснийско-герцеговинской деревне наряду со 136 857 хозяйствами свободных крестьян было 79 677 кметских хозяйств. Преобладали хозяйства помещиков, ведшиеся феодальными методами, использовавшие труд кметов. Труд кметов применялся в 10 463 хозяйствах и лишь в 4279 обходились без него. Выкуп кметских наделов особенно усилился с 1911 г., когда был издан закон о выдаче ссуд для выкупа. В 1895—1904 гг. было выкуплено 7066 кметских наделов, в последующее десятилетие (1905—1914 за исключением 1911 г., за который нет данных) — 24 174. Закон 1911 г. однако не вносил существенных изменений в процесс выкупа, он носил половинчатый характер, предполагая выкуп только с согласия землевладельца (§ 1) и признавал это право лишь за экономически состоятельными крестьянами (§ 8). Естественно, поэтому, что процесс выкупа по-прежнему шел медленно; более того, экономическая несостоятельность крестьян привела к тому, что в 1912—1913 гг. возникло свыше 2000 новых кметских хозяйств.

Замедленный и мучительный для крестьянства процесс превращения феодальных хозяйств помещиков в капиталистические характеризовался и наличием категории крестьянских хозяйств, «сходных с кметскими» (по официальной терминологии австро-венгерских властей). К этой категории относились хозяйства крестьян, арендовавших у феодалов земли на кабальных условиях. В отличие от кметов, владевших землей наследственно, эти арендаторы могли быть согнаны с земли феодала в любое время. Однако возникнув с 50-х годов XIX в. (см. гл. 24, стр. 360), эта форма отношений в 90-е годы подверглась регламентации со стороны австро-венгерского правительства. В 1896 г. был издан ряд постановлений, согласно которым земля у такого крестьянина могла быть отнята только при определенных условиях, что отвечало интересам феодалов, стремившихся закрепить эту группу крестьянства за своим хозяйством.

Положение крестьян было тяжелым. Задолженность ростовщикам вела к экспроприации крестьянства. Насильственный сгон кметов с чифтликов способствовал увеличению собственно помещичьей земли — беглука. Возможность для сгона кметов с чифтликов давал закон 1883 г. о разделе кметской задруги и § 8 Саферской наредбы, по которому кмет мог быть лишен чифтлика, если он не выполнял условий договора. По официальным данным за 1906 г., подавляющая масса свободных крестьян — 76,87% и почти половина кметов — 48,16% владела земельными наделами, не

Пахота в Боснии.

превышающими 5 га, причем 51,48% всех хозяйств свободных крестьян были карликовыми (от 2 га и меньше).

Австро-венгерская оккупация несколько ускорила капиталистическое развитие Боснии и Герцеговины и в то же время политика консервации феодальных отношений в деревне тормозила рост производительных сил в сельском хозяйстве. Превращение Боснии и Герцеговины в источник сырья и рынок сбыта фабричных товаров империи ограничивало развитие местной промышленности, вело к хищническому истреблению естественных богатств области, приносило огромные прибыли австро-венгерским империалистам, нищету, разорение и бесправие — трудящимся этих земель. Все это вело к обострению социальных и национальных противоречий.

Борьба против оккупационного режима в 1878—1912 гг.

Международно-правовое положение Боснии и Герцеговины, основанное на XXV ст. Берлинского трактата от 13 июля 1878 г. и на Австро-турецкой конвенции от 21 апреля 1879 г., оставалось неопределенным вплоть до аннексии этих областей Австро-Венгрией в 1908 г. Юридически над оккупированными провинциями признавался суверенитет султана, в действительности Австро-Венгрия осуществляла там всю полноту власти.

С середины 1879 г. стало функционировать Областное управление (Земальска влада), начальник которого подчинялся общеимперскому министерству финансов. Он являлся одновременно и верховным военным комендантом оккупационных войск. Были восстановлены существовавшие ранее административные советы (меджлисы идаре) при Областном управлении и в более мелких административных единицах. Члены их назначались

из представителей отдельных вероисповеданий и председателей церковных общин и имели совещательный голос. Учреждением этих советов оккупационные власти пытались создать видимость участия населения в управлении, так как вплоть до 1910 г. в области не существовало избираемого народом представительного учреждения.

Босния и Герцеговина были включены в таможенную систему империи, на них был распространен целый ряд общеавстрийских законов. 4 ноября 1881 г. в оккупированных провинциях была введена воинская повинность.

Оккупационный режим очень скоро вызвал недовольство. Уже с осени 1878 г. были отмечены крестьянские волнения в Герцеговине (особенно в срезах Гацко, Невесинье и Билеча), продолжавшиеся и в последующие годы. Кметы-беженцы, принимавшие непосредственное участие в восстании 1875—1878 гг., возвратясь на родину, были недовольны нерешенностью аграрного вопроса и налоговой политикой Областного управления. Последнее установило перечень обязательных налогов с крестьян, среди которых первое место занимала десятина, затем шли сборы с дома, арендуемой земли, скота и т. п. Предусматривалась также ежегодная трудовая повинность населения в возрасте 10—60 лет по постройке дорог.

Для привлечения на свою сторону части местного населения правительство в 1878 г. сформировало в Боснии сержантский корпус, в Герцеговине — полицию и пандурский корпус, составленный преимущественно из репатрированных герцеговинских повстанцев. Вошел в него и ряд известных вождей восстания 1875 г.

Неурегулированность аграрных отношений, наступивший в 1879 г. в связи с неурожаем голод, недовольство пандуров (им платили меньше, чем полицейским) привели к тому, что в марте 1879 г. ряд известных пандурских сердарей бежал в Черногорию. В конце июля они вернулись в Невесинье и приняли деятельное участие в начавшемся в августе 1879 г. восстании пандуров. Движение охватило несколько районов восточной и северной Герцеговины — Невесинье, Зубцы, Билеча, Лукавац. В сентябре восстание было подавлено.

Новым поводом для проявления недовольства народа явился закон 4 ноября 1881 г. о воинской повинности, хотя действительной причиной оставались неразрешенность аграрного вопроса и тяжесть налогового обложения.

На установление воинской повинности различные слои населения реагировали по-разному. Крестьянство в массе своей отбывание воинской повинности ставило в зависимость от предоставления ему земли. Сербская церковная община Мостара, являясь фактически выразителем интересов сербской буржуазии Герцеговины, 22 ноября 1881 г. выступила с протестом против военного закона, заявив, что признает суверенитет султана над Боснией и Герцеговиной и что в одной стране не может быть двух сюзеренов.

Признаки недовольства наблюдались в Бихачском, Травницком и Тузланском округах Боснии, особенно сильно они проявились в южной Боснии (в Фоче) и в Герцеговине, в срезах Билеча, Гацко, Невесинье, Столац, Требинье и Любинье. Движение вылилось в широкую освободительную борьбу народа против оккупационного режима. В отличие от многих восстаний, происходивших в Боснии и Герцеговине в XIX в., в восстании 1882 г. единым фронтом выступало сербское крестьянство, составившее основную массу восставших, и известная часть помещиков-мусульман. Социальная разнородность восставших явилась одной из причин внутренней слабости и быстрого поражения движения.

Восстание началось в ночь с 10 на 11 января 1882 г. нападением на жандармскую казарму в Улоге, лежавшем на пересечении путей из восточной Герцеговины в южную Боснию. К середине января под контролем восставших оказалась обширная территория между Гацко, Мостаром, Кони-

цем, Сараевым, Горажде, Фочей и черногорской границей. Повстанцам была оказана некоторая поддержка со стороны Черногории. В ходе восстания было создано повстанческое правительство в Улоге, осуществлявшее военную и гражданскую власть. В марте 1882 г. восстание пошло на убыль, а в апреле оно было подавлено.

Восстание побудило правящие круги Австро-Венгрии поставить вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины. В октябре 1882 г. был разработан «Законопроект для обеих парламентов о возможном присоединении Боснии и Герцеговины». Однако в начале 1883 г. аннексия была временно отложена из соображений внутриполитического и внешнеполитического порядка.

Другим политическим последствием восстания 1882 г. явилась некоторая перестройка управления Боснией и Герцеговиной. Была учреждена новая должность заместителя начальника Областного управления (цивильни адлатус), который стал ведать непосредственно гражданскими делами. В 1882 г. общеимперским министром финансов, в подчинении которого находились Босния и Герцеговина, стал Вениамин Калай, установивший в течение своего 20-летнего правления областью жесточайший режим централизации.

Развитие капитализма определило новую расстановку классовых сил в национально-политической борьбе. В 90-х годах стали возникать первые рабочие организации: культурно-просветительные общества и общества взаимопомощи. В 1894 г. возникло «Типографское общество по страхованию и взаимопомощи в Сараеве», переименованное в 1906 г. в «Типографское общество Боснии и Герцеговины»; в 1898 г. общество сараевских железнодорожников «Флуград», распространившее в 1907 г. свою деятельность на всю Боснию и Герцеговину. В 1899 г. в Баня Луке произошла забастовка портных, первая известная до сих пор забастовка рабочих Боснии и Герцеговины.

В дальнейшем развитии рабочего и социалистического, а также общедемократического освободительного движения в Боснии и Герцеговине крупную роль сыграла первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. Под ее влиянием в Боснии и Герцеговине активизировались широкие слои народа, усилилась антиимпериалистическая национально-освободительная борьба, развернулось рабочее и социалистическое движение.

В 1905 г. в Боснии и Герцеговине возникает целый ряд профессиональных организаций и нелегально объединяющий их Главный рабочий союз Боснии и Герцеговины, создателями которого были участники рабочего движения Сербии и Хорватии — Мичо Соколович, Еротие Плавшич и Никола Вукоевич.

Профсоюзы провели в 1905 г. ряд местных забастовок, а в 1906 г. всеобщую забастовку в Сараеве, продолжавшуюся три дня (4—6 мая). Стачечники выдвинули требования: признания прав рабочих на объединение и в частности Главного рабочего союза; признание права стачек, свободы печати и собраний.

Всеобщая забастовка в Сараеве вызвала забастовки в Мостаре, Тузле, Завидовичах, Баня Луке, Конице, Босанском Броде, Какани, Любушках, Вареше, Крушчице, Хаджичах, Яйце, Травнике, Добрлиие, Дервенте, продолжавшиеся до конца мая 1906 г. и носившие всеобщий характер. В ряде пунктов при этом были выдвинуты политические требования: так, в Мостаре — требование автономии Боснии и Герцеговине, в Любушках — демократических выборов в городскую общину.

Всеобщая забастовка рабочих в 1906 г. всколыхнула и беднейшее крестьянство. По призыву радикального журналиста П. Кочича огромная масса окрестных крестьян, сербов и мусульман (около 10 тыс. человек), собралась в предместье Сараева и изъявила желание присоединиться к рабочим.

В некоторых других пунктах крестьяне или примкнули к рабочим, или снабжали их продовольствием. Австро-венгерские власти были вынуждены признать силу рабочего движения. 12 сентября 1906 г. правительство утвердило «Правила Главного рабочего союза Боснии и Герцеговины» и его секций, а 14 октября 1906 г. на рабочей скупщине в Сараеве был избран Главный комитет Союза.

После 1906 г. усилилась борьба рабочих за улучшение своего экономического положения. Под влиянием забастовочного движения правительство в начале 1909 г. издало закон об охране жизни и здоровья рабочих, об ограничении сверхурочной работы и др. 1 января 1910 г. был издан закон об обеспечении рабочих в случае болезни. Законы, ограничивавшие продолжительность рабочего дня, далеко не всегда выполнялись, и пролетариат продолжал бороться, добиваясь новых уступок у правительства и предпринимателей.

По данным Главного рабочего союза Боснии и Герцеговины, в 1910 г. у 1500 рабочих рабочий день продолжался 8 часов, у 4300 — 9 часов, у 9500 — 10 часов, у 15 тыс. — от 10 до 12 часов, у остальных, составлявших около 50 тыс. человек, длительность рабочего дня была свыше 12 часов.

Подъем рабочего движения, начавшийся с 1905 г., повлек за собою усиление социалистической пропаганды. В 1909 г. возникла социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, печатным органом которой стала газета «Глас слободе». Принятая на I съезде партии программа, так же как и программы многих югославянских социал-демократических партий, повторяла Эрфуртскую программу немецкой социал-демократической партии.

В социалистическом движении Боснии и Герцеговины преобладали тредъюнионистские, а не революционные методы борьбы. В результате социал-демократическая партия и профсоюзы Боснии и Герцеговины вплоть до конца первой мировой войны не стали массовыми организациями. Профсоюзное движение было расколото. Главный рабочий Союз не объединял все профсоюзные организации, вне его рядов долго оставались профсоюзы железнодорожников и типографских рабочих. В противовес классовым профсоюзам предприниматели создали так называемые желтые профсоюзы, а католическая церковь — клерикально-националистические организации рабочих («Организация рабочих хорватов» и др.).

Буржуазное национальное движение в 90-х годах нашло свое проявление в борьбе православных и мусульман за церковно-школьную автономию.

Австро-Венгрия стремилась оторвать Боснию и Герцеговину от религиозных центров, находившихся в Турции, и в церковном отношении подчинить область империи. 28 марта 1880 г. между Австро-Венгрией и Константинопольской патриархией была заключена конвенция, предоставлявшая австро-венгерскому императору право утверждать боснийско-герцеговинских митрополитов и выплачивать им жалование. 13 августа 1883 г. была учреждена православная консистория, члены которой утверждались и оплачивались правительством. 21 октября 1881 г. была учреждена самостоятельная верховная религиозная организация боснийско-герцеговинских мусульман — Улеме меджлис, членов которого назначало правительство.

В целях еще большего упрочения своего политического влияния в области, особенно среди хорватского населения, Австро-Венгрия поддерживала католическую церковь, предоставляя ей льготы и преимущества.

Пропаганда католицизма заметно усилилась в 1881 г., когда во главе католической церкви в Боснии стал архиепископ Иосиф Штадлер. Деятельность Штадлера и иезуитов была направлена на разжигание национальной и религиозной ненависти между католиками, с одной стороны, православными и мусульманами, с другой.

Указанные акты правительства являлись ограничением существовавшей автономии православной и мусульманской церкви и находившихся в ведении церковных общин школ. В прекращении связей с Константинопольской патриархией сербы усматривали крушение надежд на временный характер оккупации. Борьбу за сохранение церковно-школьной автономии поддержало подавляющее большинство церковно-школьных общин Боснии и Герцеговины. В декабре 1896 г. был подан меморандум императору с изложением жалоб и требований сербско-православного населения, в июле 1898 г. выработан проект устава церковного и школьного самоуправления.

Установление зависимой от правительства мусульманской религиозной организации вызвало решительный протест мусульман. В декабре 1900 г. мусульманская делегация вручила Областному управлению меморандум и проект статута об автономном управлении мусульманскими религиозными делами и вакуфными имуществами в Боснии и Герцеговине.

В ходе борьбы за церковно-школьную автономию выдвинулся ряд видных руководителей: у православных — крупный сараевский торговец Григорий Евтанович, мостарский помещик Войслав Шола, Косто Куюнджич, священник Степо Трифкович и др.; у мусульман — мостарский муфтий Али Фехми-ефенди Джабич, крупные помещики и торговцы Шериф Арнаутович, Али-бег Фирдус и др.

Борьба завершилась изданием австрийским правительством 13 августа 1905 г. «Закона о церковно-православном управлении сербскими православными епархиями в Боснии и Герцеговине» и 15 апреля 1909 г. — «Статута об автономном управлении мусульманскими религиозными и вакуфно-меарифными делами в Боснии и Герцеговине». Эти законы предоставляли православной и мусульманской церкви ограниченную автономию. Назначение австрийскими властями митрополитов, членов консистории, правительственный надзор за деятельностью церковных органов законы не отменили.

С начала XX в. в церковно-просветительной борьбе православных сербов и мусульман произошел поворот в сторону выдвижения собственно политической программы и к совместным действиям, что отражало в известной мере консолидацию сил буржуазного движения, обусловленную экономическим ростом национальной буржуазии, а также стремлением сплотить силы для борьбы с растущим общедемократическим движением пролетариата и крестьянства.

В 1902 г. в Славонском Броде руководители движения православных и мусульман подписали соглашение о будущем государственно-правовом устройстве Боснии и Герцеговины. В нем они призывали народ Боснии и Герцеговины добиваться самоуправления под верховной властью султана. Православные и мусульмане заявляли о готовности бороться против аннексии. Предполагалось решение аграрного вопроса свободным волеизъявлением народа. Ни одна из сторон без согласия другой не должна была вступать в соглашение с австрийским правительством.

На дальнейший рост буржуазного национального движения в Боснии и Герцеговине также большое влияние оказала первая русская революция. В этот период возникли оппозиционные газеты, создавались различные национальные организации и политические партии, распространялись их программы. Крупным достижением демократических сил было издание в 1907 г. закона о печати, отменявшего предварительную цензуру.

В 1906 г. возникла первая мусульманская политическая партия — Мусульманская народная организация. Ее Исполнительный комитет во главе с Али-бегом Фирдусом находился в Будапеште. Печатным органом партии была газета «Мусават». Программа партии предусматривала завершение борьбы за религиозно-школьную автономию, выдвигала требование

политических свобод, урегулирования аграрных отношений с учетом интересов землевладельцев. Постепенно партия превратилась в организацию мусульманских помещиков, отстаивавших сохранение феодальных отношений в деревне, и вступила позднее в открытый сговор с австро-венгерским правительством.

После создания в 1905 г. газеты «Српска рнеч», в 1907 г. газеты «Народ» в Мостаре и «Отаджбина» в Баня Луке были сделаны попытки политического объединения различных слоев сербской буржуазии. Мостарский «Народ» выступил инициатором создания единой сербской политической организации для достижения более широких гражданских и политических свобод, для решения аграрного вопроса. Газета выдвинула лозунг «Балканы — балканским народам». Она отражала интересы буржуазно-либеральной сербской интеллигенции. «Отаджбина» во главе с П. Кочичем выдвинула в качестве главного требование уничтожения кметских отношений. Газета выражала интересы мелкой радикальной буржуазии и крестьянства.

В 1907 г. произошло объединение оппозиционных групп и была создана Сербская народная организация. Ее печатным органом стала газета «Српска рнеч». Высказываясь за право на самоопределение, программа этой организации указывала, что Босния и Герцеговина являются составной частью Турецкой империи, а Австро-Венгрия управляет ими на основе мандата европейских держав. Она требовала полной автономии, создания представительного народного законодательного органа, избранного на основе общего, прямого и тайного голосования, полного самоуправления городских и сельских общин, самостоятельной таможенной политики, изменения налоговой системы, решения аграрного вопроса, признания официальным языком сербского.

Хорватская буржуазия объединялась в двух партиях — Хорватском народном объединении, созданном в феврале 1908 г., где основную роль, особенно в начале, играли франциканцы, и в Хорватском католическом союзе, руководителями которого были иезуиты. После аннексии руководителем партии стал архиепископ И. Штадлер. Большинство крупной хорватской буржуазии поддерживало идею создания «Великой Хорватии», идею трпализма. Наиболее ревностным сторонником и проводником этих идей в Боснии и Герцеговине стал архиепископ Штадлер. Правящие круги Вены стремились использовать идеи трпализма в качестве противовеса стремлениям к объединению югославян во главе с Сербией. С этой целью католическая церковь, субсидируемая правительством, всемерно разжигала шовинистическую антисербскую кампанию.

Усилившееся под влиянием русской революции рабочее и освободительное движение в Боснии и Герцеговине, а также в других югославянских областях Австро-Венгрии грозило взорвать изнутри империю Габсбургов. Поэтому реакционные правящие круги Вены и Будапешта, военно-клерикальная клика во главе с наследником престола эрцгерцогом Францем-Фердинандом решили осуществить насильственную аннексию Боснии и Герцеговины и превратить их в коронные земли Габсбургов. Эта захватническая программа поддерживалась и финансовым капиталом, стремившемся к расширению империалистической экспансии на Балканах. Осуществление аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией ускорила и младотурецкая революция 1908 г. Турецкая революция пробудила в Боснии и Герцеговине надежды на демократизацию государственного устройства, на установление национальной автономии и независимости. В период подготовки аннексии Сербская и Мусульманская народные организации, отвергая всякую мысль о революционной деятельности, вели легальную борьбу за конституцию без изменения существующего правового положения Боснии и Герцеговины.

Объявление аннексии 7 октября 1908 г. вызвало острое недовольство народных масс и привело к подъему национального движения не только в Боснии и Герцеговине, но также в Сербии и Черногории, усилило стремление югославянских народов к объединению для отпора империалистической и колонизаторской политике Австро-Венгрии и стоящей за ней Германии. Сербская и Мусульманская народные организации совместно опубликовали протест против аннексии, призывая в то же время население к лояльности.

Однако очень скоро (в 1909—начале 1910 г.) обе группировки заявили о признании аннексии и готовности сотрудничать с правительством.

На основе роста общедемократического движения усилилось и движение студенчества и молодежи. В 1909—1912 гг. в Боснии и Герцеговине, а также во многих университетских центрах Австро-Венгрии возник целый ряд новых молодежных (омладинских) националистических организаций (первые такие организации возникли еще в 80—90-х годах XIX в.). Деятельность молодежных организаций в Боснии и Герцеговине развивалась под сильным влиянием идеи объединения югославян в единое государство, которая получила в это время широкое распространение. Известное воздействие на них имели сербские националистические организации: «Народная защита» и «Объединение или смерть», известная также под именем «Черной руки».

Молодежные организации носили заговорщический характер и состояли из законспирированных групп. Русское народовольчество, идеи Бакунина имели здесь немалое число сторонников. Террор признавался важнейшим средством подготовки революции. Многие члены молодежных организаций жаждали немедленных и решительных действий. 15 июня 1910 г., в день открытия Боснийского сабора, Богдан Жераич попытался застрелить начальника Областного управления Варешанина, но покушение было неудачным. Жераич покончил с собой. В 1913—1914 гг. была создана организация «Молодая Босния», придерживавшаяся тактики индивидуального террора. Видными деятелями ее стали: Владимир Гачинович, Данило Илич, Гаврило Принцип и др.

Чтобы отвлечь массы от революционных выступлений и сгладить неблагоприятное впечатление, вызванное у населения аннексией, австро-венгерское правительство объявило о своем намерении даровать Боснии и Герцеговине конституцию.

В борьбу за конституцию включился и рабочий класс Боснии и Герцеговины. Социал-демократическая партия отвергла конфессиональный и сословный принцип выборов в будущий сабор, потребовав равного права голоса для всех граждан Боснии и Герцеговины. В течение 1909 г. проводились демонстрации и митинги рабочих, на которых обсуждался вопрос будущего конституционного устройства и выдвигались требования о правах рабочих на участие в сборе.

17 февраля 1910 г. были изданы конституционные законы, определявшие функции и порядок работы сабора, порядок выборов в него, провозгласившие право собраний, организаций и др.

Боснийский сабор состоял из 20 назначаемых правительством депутатов и 72 выборных депутатов; он ведал чисто местными вопросами. Управление области не было ответственно перед сабором.

Выборы были организованы по куриальной системе. В первую курию входили землевладельцы, торговцы, промышленники, крупные чиновники; во вторую — ремесленники и другие горожане, в третью — крестьяне.

На первых заседаниях сабора была принята резолюция, отмечавшая неполноценность конституции, не обеспечившей ответственность Управления области перед сабором и выражавшая пожелание самостоятельности в решении местных экономических вопросов.

Весной 1910 г. был подготовлен законопроект о добровольном выкупе кметских чифтликов. В связи с этим началась усиленная агитация за уничтожение кметских отношений со стороны радикальной группировки Сербской народной организации во главе с П. Кочичем. Так как законопроект не предусматривал полную ликвидацию кметских отношений, началось крестьянское движение в Боснийской Крайне, охватившее постепенно значительную часть Боснии. Крестьяне не ограничивались мирными демонстрациями, они поджигали помещичье сено, амбары, самовольно собирали урожай.

Австрийские власти подавили движение крестьян. С конца октября оно пошло на убыль, однако отдельные вспышки крестьянского недовольства наблюдались во всей Боснии, вплоть до начала 1911 г.

В 1911 г. депутаты сабора от Мусульманской народной организации, хорватские депутаты и часть депутатов Сербской народной организации из 1-й курии большинством голосов отвергли предложения радикальной группировки П. Кочича об обязательном выкупе кметов и приняли закон о факультативном выкупе, отвечавший интересам помещиков-мусульман.

В сабope образовалось большинство из представителей партий крупных помещиков-мусульман, крупной сербской и хорватской буржуазии, которое охотно шло на соглашение с австро-венгерским правительством.

ГЛАВА 37

МАКЕДОНИЯ

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., освобождение в ходе ее Болгарии породили и в Македонии горячие надежды на избавление от турецкого гнета. Но в результате ревизии Сан-Стефанского мирного договора на Берлинском конгрессе 1878 года Македония осталась под властью Турции. Турецкому правительству лишь формально вменялось в обязанность со временем ввести в Македонии особое административное устройство по образцу Критского органического устава 1868 г. Решения Берлинского конгресса вызвали сильное недовольство в Македонии. Широкие массы населения активно протестовали против них, а вскоре выступили и с оружием в руках. Уже весной 1878 г. в Македонии были созданы отряды, действовавшие в районах Битоля, Охрида, Преспанского озера, Велеса, Прилепа, Сера и др. В октябре — декабре 1878 г. в долинах рек Струмы и Месты вспыхнуло восстание (Кресненско-Разложское). Даже после его подавления борьба продолжалась. В 1881 г. в районах Дебара, Кичева, Охрида, Демир-Хисара, Крушева, Прилепа была сделана попытка поднять новое восстание, оказавшаяся неудачной.

Однако самоотверженная борьба народа не смогла изменить судьбы Македонии, определенной реакционным вмешательством западных держав.

После Берлинского конгресса развитие болгарских и македонских земель шло в различных политических и экономических условиях. Стали создаваться предпосылки для постепенного обособления славянского населения Македонии в самостоятельную нацию.

На развитии экономики Македонии отрицательно сказывалось отделение в результате постановлений Берлинского конгресса болгарского и боснийско-герцеговинского рынков сбыта. Из отраслей сельского хозяйства наиболее пострадало скотоводство.

Возросший со второй половины XIX в. спрос на сельскохозяйственные продукты способствовал неуклонному росту товарности сельского хозяйства, что в свою очередь ускоряло проникновение капиталистических отношений в деревню. Основным предметом сбыта были зерновые продукты, поставщиками товарного зерна — крупные землевладельцы и отчасти зажиточные крестьяне.

С конца XIX в. в сельском хозяйстве Македонии шире применялась наемная рабочая сила. Лучшую часть земли, а то и всю землю чифтлика беги стали обрабатывать при помощи наемных рабочих — постоянных и сезонных.

Помещики и зажиточные крестьяне стремились к улучшению сельскохозяйственной техники. Они покупали, правда, в небольшом количестве, плуги, веялки, молотилки. В начале XX в. было создано несколько сельскохозяйственных школ — в Битоле, Скопле, районе Тиквиша.

Однако, несмотря на отмеченные сдвиги, сельское хозяйство Македонии оставалось крайне отсталым. В 1903 г. 88% хозяев употребляли рало. Чифтлики, сдаваемые в аренду крестьянам (чифтлигарам), обрабатывались так же плохо, как мелкие наделы. Товарное зерно ни по цене, ни по качеству не могло выдержать конкуренции на международном рынке.

В конце XIX — начале XX в. продолжался процесс распада чифтлигарской аграрной системы: происходило дробление чифтликов при наследовании, шла продажа их целиком и по частям, в результате чего в частности увеличивалось число владельцев чифтликов-христиан. Для этого времени характерно существование разных категорий сел: чифтлигарских, смешанных, свободных[1]. Но несмотря на все это, чифтлигарская аграрная система, сохранявшая черты феодальных отношений, все еще играла важную роль в сельском хозяйстве страны. Основной земельный фонд по-прежнему находился в руках мусульман. Свыше 90% чифтликов в начале XX в. были мусульманскими. К тому же турецкое правительство переселило после 1878 и 1908 гг. в Македонию большое число мусульман (так называемых мухаджиров) из Болгарии, Боснии и Герцеговины.

Развитие крестьянского хозяйства тормозилось и ввиду отсутствия дешевого кредита, доступного массе трудового населения. Отделения Константинопольского сельскохозяйственного банка в Македонии, основанного в 1888 г., ссужали кредитами главным образом крупных землевладельцев и наиболее зажиточных крестьян, преимущественно мусульман. Попытки создать более доступные кредитные учреждения были робкими и малоэффективными. Рядовой труженик неизбежно становился добычей ростовщиков, бравших большие проценты.

Пауперизация крестьянства привела, начиная с 80-х годов XIX в., к массовому уходу на заработки (гурбетчийство) в соседние государства. Число отходников достигало ежегодно 100 тыс. человек. С начала XX в. усилилась эмиграция в Америку. Национальное угнетение и бесправие, произвол турецкой администрации и помещиков еще более усугубляли и без того тяжелое положение крестьян.

Все это определило чрезвычайную остроту крестьянского вопроса в конце XIX — начале XX в. Поэтому именно крестьянство явилось основной силой национально-освободительного движения.

В 80-е годы XIX в. происходила глубокая и болезненная перестройка экономики городов Македонии. Сужение рынков сбыта в связи с новыми государственными границами Турецкой империи, усиление притока европейских товаров (чему способствовало начавшееся в 70-х годах XIX в. в Македонии железнодорожное строительство [2]) подрывали мануфактур-

[1] Согласно данным 1910 г., охватывающим 1838 сел из 2325 по всей Македонии, 552 — полностью были чифтлигарскими, 366 — смешанными, а 920 — свободными. На территории современной Социалистической Республики Македонии в начале XX в. было около 2260 чифтликов с 140 000 га обрабатываемой земли. В чифтликах жило 12 980 чифтлигарских семей, насчитывающих 106 680 человек.

[2] В 1873 г. была открыта железнодорожная линия Салоники — Скопле (протяженностью 243 км), продолженная в 1888 г. к Белграду; в 1894 г. железная дорога соединила Салоники с Битолем (218 км), в 1896 г.— Салоники с Дойраном, Демир-Хисаром, Сером, Драмой, Местой (260 км). Всего к концу XIX в. было построено 762 км железнодорожных путей. Все железные дороги Македонии были построены и эксплуатировались Обществом восточных дорог, компанией Жонксьон и Обществом по эксплуатации линии Салоники — Битоль.

На улице Битоля

ное и ремесленное производство, торговлю. Мелкая буржуазия старых ремесленных и торговых центров разорялась, трудовое население нищало и переселялось в Болгарию, Сербию, Румынию. Охрид перестал быть крупным центром кожевенного производства. Главным источником существования его жителей стали отхожие промыслы. Та же судьба постигла Велес, Стругу, Ресен.

Вместе с тем росли и экономически укреплялись другие торговопромышленные центры: Битоль и Скопле (наряду с Салониками), кроме того развивались города, расположенные у новых торговых путей. При относительно слабой общей плотности населения (28,5 человек на 1 кв. км) к началу XX в. произошла значительная концентрация населения в городах (25,5% всего населения).

Другим показателем дальнейшего проникновения капитализма в экономику было усиление с 80—90-х годов промышленного строительства. Из-за недостатка местных средств главную роль в развитии фабричной индустрии играл иностранный капитал, который с началом эпохи империализма устремился к богатым источникам сырья и дешевой рабочей силы. Проникновение иностранного капитала в Македонию облегчалось

финансовой задолженностью Турции, превращением ее в полуколонию европейского капитализма.

В первую очередь в Македонии развивалась обрабатывающая и легкая промышленность — пищевая, табачная и текстильная, т. е. отрасли, обеспечивавшие европейскому империализму извлечение сверхприбылей. В 1904 г. на территории Македонии насчитывалось 74 промышленных предприятия, 33,8% которых находилось в Салониках[1], 27,7% — в Битоле, 6,7% — в Скопле. На этих предприятиях было занято 10 000 рабочих. Процесс создания капиталистической промышленности ускорился после Младотурецкой революции 1908 г.

С конца XIX в. внешняя торговля уже не приносит прежних прибылей турецкому фиску и местной торговой буржуазии, так как с 90-х годов XIX в. вывоз местного сырья постепенно сокращается, а ввоз иностранных товаров увеличивается. Отсюда все возрастающий дефицит турецкого, а следовательно и македонского внешнеторгового баланса.

Развитие промышленности и торговли было тесно связано с развитием кредитной системы. В конце XIX — начале XX в. в Македонии открывались главным образом филиалы ряда иностранных и турецких банков (кроме Салоник кредитные учреждения были в Битоле, Скопле, Велесе, Штипе и других городах). Доминирующее положение в них принадлежало английским, французским, австрийским и немецким финансовым магнатам. Делали попытки проникновения в Македонию и банки балканских стран — Греции, Болгарии, Сербии. Местный капитал чаще всего выступал как мелкий акционер иностранных банков и реже участвовал в деятельности македонских банкирских домов. До конца турецкого господства в Македонии не теряло своего значения и ростовщичество.

Капиталистическое развитие Македонии приобретало однобокий полуколониальный характер.

Турецкое господство оставалось главным тормозом и на пути дальнейшего общественно-политического развития Македонии. Славянское население испытывало национальное угнетение, было лишено элементарных гражданских прав, не имело доступа к управлению. Турецкая империя не выполнила решения Берлинского конгресса о предоставлении области административной автономии. Внешнеполитическая обстановка и положение внутри Македонии осложнились, так как начиная с середины 80-х годов XIX в. обострилась борьба соседних балканских государств за овладение Македонией. Правящие классы Болгарии, Сербии, Греции усилили свою пропаганду в Македонии, прикрывая свои завоевательные планы фразами о «национальном» освобождении.

На основании конвенции с Турцией сербское правительство открыло свои консульства в Салониках и Скопле в 1887 г., в Битоле — в 1888 г. С этого момента великосербскую пропаганду направляет само государство. В Македонии открывались сербские школы, в страну отправлялась литература, доказывавшая, что Македония — «колыбель сербства». Великогреческая пропаганда, давно ведшаяся в Македонии, но ослабленная в 60—70-е годы XIX в., вновь усилилась. Активно действовали и болгарские буржуазные круги, опираясь на экзархию и подчиненную ей церковно-школьную сеть.

Все эти претенденты на македонскую территорию, яростно соперничая друг с другом, вербовали себе сторонников, сеяли вражду среди населения, разобщая силы, необходимые для борьбы с основным врагом — турецким феодальным государством. Балканские монархии строили планы раздела Македонии. Великие державы использовали в своих империа-

[1] Салоники были крупнейшим промышленным и торговым центром Македонии, основным узлом железнодорожных и морских путей, важнейшим транзитным пунктом.

листических интересах эту борьбу балканских государств. Тяжелое экономическое положение трудового населения, его полное политическое и национальное бесправие, реально вырисовывавшаяся угроза раздела страны активизировали освободительное движение в Македонии. В 80-х — начале 90-х годов XIX в. были предприняты попытки создать революционные группы в Охриде, Штипе, Битоле. В отдельных районах действовали четы. Возникли ученические кружки в гимназиях Битоля, Салоник. Организаторами и руководителями этих групп и кружков были будущие македонские революционеры — Гёрче Петров, Пере Тошев, Дамян Груев, Гоце Делчев.

В 90-е годы массовый характер приняли выступления против экзархии, вызванные ее стремлением бесконтрольно господствовать в делах школы и церкви, сосредоточить в своих руках руководство общественной жизнью. В то же время на страницах журнала «Лоза», выходившего в 1890 г. в Софии под редакцией Петра Попарсова, была возобновлена дискуссия о литературном языке. На его страницах высказывалось пожелание, чтобы в болгарском литературном языке использовались македонские диалекты, чтобы он был так же понятен и на берегах Вардара, как и на берегах Марицы. Такая постановка вопроса привела в ярость болгарские правящие круги, и журнал был закрыт правительством Стамбулова[1].

Началом нового этапа национально-освободительного движения в Македонии можно считать 1893 г., когда в Салониках Груев, Христо Татарчев, Попарсов и другие заложили основы Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), устав которой выдвигал требование автономии Македонии. Национально-освободительное движение возглавила демократическая интеллигенция, в первую очередь учителя, отражавшие заинтересованность крестьян, ремесленников и мелкой торговой буржуазии в освобождении от уз феодализма и власти Турции.

В расширении революционной сети, окончательной выработке идейных основ Внутренней организации огромную роль сыграл революционер-демократ Гоце Делчев (1872—1903) [2]. Он выступил за подготовку всеобщего вооруженного восстания, против вмешательства извне. «Спасение Македонии во внутреннем восстании. Кто думает иначе, тот лжет себе и другим»,— говорил Делчев.

На общем съезде организации в 1896 г. в Салониках был принят новый устав, провозглашавший принцип: «Македония для македонцев». В уставе говорилось о необходимости сплочения всех недовольных элементов в Македонии и Адрианопольском вилайете [3] без различия пола, веры, национальности, борьбы с шовинистической пропагандой и национальными распрями, скорейшего вооружения населения для подготовляемого восстания и завоевания революционным путем политической автономии. Руководящие деятели ВМОРО подчеркивали также, что Орга-

[1] Несколько позднее (в 1894 г.) в Петербурге вышел «Македонско-славянский сборник» П. Драганова, в котором автор на основании материала, собранного в Македонии в 1885—1887 гг., отрицал основательность сербских, болгарских и других суждений о языке и народности «македонско-славянского населения». Он был сторонником самобытного развития Македонии.

[2] Вместе с несколькими товарищами по Салоникской гимназии в июле 1891 г. он поступил в военное училище в Софии. В Болгарии на него оказали влияние Болгарская социал-демократическая партия и группа македонских революционных социал-демократов Васила Главинова. В сентябре 1894 г. Делчев был исключен из военного училища за социалистическую пропаганду и вернулся на родину полный решимости бороться за ее освобождение.

[3] Он был включен в сферу деятельности Внутренней организации в 1896 г., которая с этого времени стала называться Внутренней македоно-одринской (адрианопольской) революционной организацией (ВМОРО).

низация борется не против турецкого народа, а против турецких землевладельцев и власти султана.

Внутренняя македонская революционная организация охватывала всю Македонию и Адрианопольский вилайет, которые были разделены на революционные округа, районы и общины. Высшим органом Организации был съезд, избирающий Центральный комитет из трех — шести человек. Местом пребывания его были Салоники. ВМОРО имела свои представительства в Софии, Константинополе, Афинах (наиболее активно действовало первое из них). Организация имела свою администрацию, шифр, налаженную почту и курьеров.

В оформлении идейного облика ВМОРО и ее нового устава большую роль сыграла социалистическая мысль. Социалистические идеи проникали в Македонию главным образом через Болгарию и Сербию. В 1893 г. одновременно с ВМОРО, столяр из Велеса Васил Главинов, ученик и соратник Д. Благоева, создал в Софии первую македонскую социал-демократическую группу. Эта группа в 1895 г. начала издавать газету «Революция», а в 1898 г. «Политическа свобода» [1]. Македонские социалисты в программной статье газеты «Революция» провозгласили лозунг: «Освобождение Македонии—дело рук самих македонцев» и начали пропаганду создания независимой Македонской республики, что должно было привести к полному политическому и экономическому освобождению населения Македонии. Социалисты призывали к союзу с демократическими силами Турции и других балканских народов. В 1896 г. македонская социал-демократическая группа оформилась в Македонский революционный социал-демократический союз. Он примыкал к Болгарской рабочей социал-демократической партии и действовал под ее руководством. Социал-демократы в Македонии вели социалистическую пропаганду, создавали кружки в городах (Битоле, Крушеве, Скопле, Велесе) и посылали в ряды ВМОРО своих активных членов.

Решение об этом было принято в 1900 г. на первой нелегальной конференции в Крушевском районе. Члены Македонского социал-демократического союза — Велю Марков, Никола Карев, Никола Русинский — стали воеводами в революционных районах. Это были лучшие организаторы и агитаторы в Македонии. Членом Македонского социал-демократического союза был и такой выдающийся революционер, как Димо Хаджидимов.

Несмотря на внешнее единство среди руководящих деятелей ВМОРО с самого начала наметилось два основных течения, борьба между которыми впоследствии приняла острый характер. Революционно-демократическое направление возглавлял Гоце Делчев, ближайшими соратниками и помощниками которого были Гёрче Петров, Пере Тошев, Петр Попарсов, Яне Сандански. Революционеры-демократы были выразителями интересов широких народных масс Македонии, в первую очередь крестьянства и ремесленников, прогрессивной интеллигенции, мелкой буржуазии. Либерально-буржуазная группировка под руководством Христо Татарчева, Христо Матова, выражавшая интересы более зажиточных слоев буржуазии, только для видимости согласилась с идеологическими основами ВМОРО и по существу ориентировалась на официальные круги Болгарии.

Некоторые из деятелей ВМОРО разделяли взгляды анархистов. К ним в первую очередь принадлежал Михаил Герджиков, бывший одно время

[1] Кроме того, македонские социал-демократы в Софии положили начало «Македонской рабочей библиотеке», начав издание популярных брошюр: «Воззвание к македонскому трудящемуся народу» и др.

Гоце Делчев

членом анархо-террористической группы в Женеве[1]. Часть анархистски настроенной молодежи, так называемые «гемиджии», действовали внутри страны самостоятельно, вне рамок Внутренней организации.

Таким образом, отсутствие фактического единства внутри ВМОРО, известное распыление демократических сил с самого начала ослабляли революционное движение.

ВМОРО действовала в сложной обстановке. Ей приходилось отстаивать свою самостоятельность и независимость от внешних влияний, вести борьбу против настойчивых стремлений правящих кругов соседних государств и их агентов, стремившихся подчинить македонское освободительное движение своим захватническим интересам. Против ВМОРО выступала и экзархия. Решительный отпор у революционно-демократического крыла ВМОРО встретила деятельность Верховного македонского комитета, образованного в 1894 г. в Софии группой македонских эмигрантов. Этот комитет, созданный с целью помощи ВМОРО, вскоре превратился

[1] В конце 90-х годов XIX в. эмигрантами в Швейцарии был создан Македонский тайный революционный комитет, известный также как группа «Македонских революционеров-террористов». Являясь сторонниками анархизма и террористических методов борьбы, члены комитета в то же время не были чужды идеям социализма. Их взгляды нашли отражение в газетах «Глас» и «Отм'штение» (вышло по одному номеру каждой газеты), в ряде опубликованных документов комитета — программе, уставе и т. д.

в орудие болгарского правительства [1] и стал претендовать на руководство национально-освободительным движением. Трения, бывшие у ВМОРО с Верховным комитетом и прежде, переросли в открытую вражду. Уже летом 1901 г. происходили кровавые схватки между четами Внутренней организации и отрядами, засылаемыми Верховным комитетом для вооруженной расправы с македонскими революционерами. Деятельно помогала верховистам (членам Верховного комитета) и экзархия, бывшая проводником великоболгарских интересов. Между тем, к этому времени Внутренняя организация, прошедшая первый организационный этап своего развития, длившийся до 1900 г., окрепла [2]. Из городской, интеллигентской Организация превратилась в массовую, крестьянскую.

Крестьяне активно участвовали в деятельности Внутренней македонской революционной организации, так как надеялись, что успешное освободительное восстание может вернуть им землю и улучшить их экономическое и правовое положение.

Укрепившись организационно, ВМОРО перешла не только к активной подготовке населения к восстанию, но и взяла на себя защиту его экономических и гражданских прав, призывая крестьян к бойкоту турецких учреждений, к отказу от уплаты налогов и т. п. Опорой ВМОРО при этом были четы, скрывавшиеся в горах и поддерживавшие тесные связи с населением [3]. Четники обучали крестьян владеть оружием, осуществляли правосудие (фактически вытесняя турецкие суды), карали изменников и шпионов. По просьбе населения, четники оказывали давление на ненавистных народу ростовщиков, определяли поденную плату наемным рабочим, боролись за отмену барщины, за ограничение своеволия турецких помещиков. Они нередко убивали прославившихся своей жестокостью чифтлик-сахибиев. Напуганные турецкие землевладельцы зачастую бежали из сел, продавая свои чифтлики. При этом Организация не позволяла завышать цену на землю, следила, чтобы купить ее могли крестьяне. Так борьба за освобождение от чуженационального гнета перерастала в борьбу за ликвидацию чифтлигарства, за улучшение положения трудящихся масс. Особую силу Организация приобрела в Битольском революционном округе.

Одним из основных для Организации был вопрос о приобретении оружия. Острый недостаток средств (членских взносов, сумм, взимавшихся с зажиточных граждан, и т. д.) толкал членов Организации иногда на такие поступки, как, например, захват в плен четой Яне Сандан ского американской миссионерки Стоун с целью получения за нее выкупа. Оружие закупалось в Болгарии, Греции и нелегально переправлялось в Македонию. Но масштабы закупок были невелики, и чаще всего приобретались ружья старых систем. Широко пропагандировалось так называемое самовооружение населения, т. е. приобретение оружия самими членами Организации.

Учитывая авторитет Внутренней организации, Верховный комитет попытался захватить руководство ею, опираясь на деятелей типа Татарчева, Матова и их группу, которая усилилась после присоединения

[1] Руководство Верховным комитетом попало в руки преимущественно ушедших в отставку офицеров болгарской армии — генерала Цончева, Николаева и др.

[2] ЦК ВМОРО установил связь с группой студентов из Македонии и Фракии, обучавшихся в Петербургском университете. Последние к концу 1900 г. сформировали в Петербурге Тайный македоно-одринский комитет (ТМОК). В течение 1902 г. подобные кружки появились в Москве, Киеве, Казани (позднее, в 1904 г., и в Одессе). Задачей кружков были сбор денег, содействие публикации в центральных русских газетах правдивой информации о Македонии, установление связей с русскими и украинскими демократическими кругами.

[3] Каждый революционный район имел одну, иногда две-три четы; по мере приближения срока восстания число чет росло.

в 1900 г. к ВМОРО проверховистского «Революционного братства»[1]. В январе 1901 г. Гарванову и его сторонникам вследствие ареста членов Центрального Комитета ВМОРО удалось захватить руководство в свои руки. В контакте с верховистами они начали готовить вооруженное выступление.

Всеобщее вооруженное восстание рассматривалось революционно-демократической частью ВМОРО во главе с Делчевым как основное средство для достижения освобождения страны; верховисты же и их сторонники во ВМОРО смотрели на него как на способ привлечь внимание Европы к македонскому вопросу. Поэтому они не считались со степенью военной подготовки населения и не учитывали реальной перспективы развития восстания.

В 1902 г. македонские революционеры сумели локализовать деятельность верховистов Горно-Джумайским районом, где последним все-таки удалось организовать местное восстание[2].

Это восстание обратило на себя внимание европейской дипломатии. В начале 1903 г. Порта под давлением России и Австро-Венгрии приступила к проведению в Македонии некоторых реформ: реорганизации полиции и жандармерии под руководством иностранных инспекторов, созданию для каждого вилайета отдельного бюджета, контролируемого Оттоманским банком; замене десятины поземельным налогом, а полевых сторожей-турок в христианских селах христианами и учреждению для трех вилайетов Македонии поста специального генерального инспектора. Реформы по существу не изменили положения в Македонии: население все так же страдало от произвола помещиков, администрации, турецкого фанатизма и т. п.

Результатом восстания было только дальнейшее обострение обстановки в стране, рост эмиграции в соседние балканские страны, в первую очередь в Болгарию, новая волна турецкого террора против Внутренней организации, размещение в Македонии большого числа турецких войск.

Горькие уроки необдуманного выступления не образумили верховистов и их сторонников. В январе 1903 г. Иван Гарванов созвал в Салониках съезд, на котором поставил вопрос о восстании в Македонии весной текущего года. На съезде отсутствовали наиболее видные члены Организации, так как одни из них были арестованы, другие находились в Болгарии. И хотя собравшимся было известно мнение Делчева и других о преждевременности вооруженного выступления, съезд постановил поднять восстание. Двум делегатам съезда было поручено сообщить об этом решении отсутствующим.

Решение о восстании было принято без реальной оценки степени вооружения населения и международной обстановки. Ввиду назревания вооруженного конфликта на Дальнем Востоке между Россией и Японией, великие державы особенно заботились в это время о сохранении status quo на Балканах.

Решение съезда встретило решительное противодействие руководящих членов Организации — Делчева, Петрова, Тошева, Сандanского, находившихся в Софии. Только Татарчев и Матов, заграничные представители ВМОРО, присоединились к решению съезда. Делчев, Тошев и многие другие члены Организации поспешили в Македонию для уточнения обстановки на местах. После посещения Серского и части Струмицкого революционных округов, Делчев встретился в Салониках с Груевым.

[1] Создано в 1897 г. в Салониках сторонниками экзархии во главе с И. Гарвановым и Д. Мирчевым. Оно находилось в тесной связи с Верховным комитетом в Софии. В 1900 г. влилось во ВМОРО.

[2] Меньшего размера, но такое же напрасное кровопролитие было вызвано верховистами в 1895 г. в районе г. Мелника.

Было решено только в Битольском революционном округе поднять массовое восстание, а в других округах лишь усилить четническую и диверсионную деятельность. Вскоре после этого Делчев был выслежен турками и окружен в с. Баница вместе с находившимися с ним четниками. В начавшейся перестрелке он был убит. Смерть Делчева была тяжелой утратой, в его лице ВМОРО потеряла своего идеолога, первоклассного организатора и бесстрашного борца за свободу Македонии.

19 апреля 1903 г. в с. Смилево состоялся окружной конгресс Битольского революционного округа (он включал районы: Кичевский, Прилепский, Демир-Хисарский, Битольский, Охридский, Преспанский, Леринский и Костурский). После ожесточенных споров было одобрено решение Салоникского съезда о восстании, но начало его переносилось на лето. Для руководства восстанием был избран главный штаб в составе: Дамяна Груева, Бориса Сарафова и Анастаса Лозанчева; он должен был также определить точную дату восстания. Съездом были выбраны руководители для каждого района Битольского округа и принят дисциплинарный повстанческий статут.

Началась лихорадочная подготовка к восстанию. Всеми средствами изыскивалось оружие, в пещерах складывали зерно и муку, проводили военные учения и т. п.

Еще во время заседаний конгресса в Смилеве группа анархистов, без ведома ВМОРО, совершила в Салониках взрыв Оттоманского банка, подожгла в порту французский пароход «Гвадалквивир». Эти действия вызвали в Салониках и Битоле резню христианского населения турками.

15 июля главный штаб обратился к населению с призывом к восстанию, намеченному на 20 июля в Ильин день, и с декларацией к великим державам, в которой говорилось, что македонский народ не сложит оружия до тех пор, пока не добьется своей цели. 20 июля началась кровавая борьба. Характерно, что восставшие крестьяне наряду с действиями против турецких войск, администрации, порчей дорог и телеграфной сети нападали на турецкие чифтлики, нередко сжигая при этом «бейские башни» — опорные пункты турецких помещиков. В этом ярко проявился антифеодальный характер движения. В Битольском округе восстание приняло массовый характер. Только в Демир-Хисарском районе было до 1000 повстанцев.

Первоначально восставшим удалось взять под свой контроль все горные районы Битольского округа, захватить два небольших городка Невеску и Клисуру, подступить к городу Кичеву. Кульминационным моментом восстания был захват г. Крушево, в 32 километрах западнее Прилепа. Здесь была провозглашена Крушевская республика — первая республика на Балканах. Под руководством социалиста Николы Карева в городе была создана новая революционная власть, исполнительным органом которой был совет из шести человек. К турецкому населению революционеры обратились со специальным воззванием, призывая к совместной борьбе против тирании и рабства.

Но торжество восставших длилось недолго. Оправившись от неожиданности, турки начали стягивать воинские части. 30 июля Крушевская республика погибла в крови и огне. Август и сентябрь прошли в ожесточенных стычках с турецкими войсками. Слабее борьба развертывалась в Салоникском и Скопльском округах. 6 августа началось, но значительно более ограниченное, восстание в Адрианопольском вилайете. 2 октября Главный штаб решил прекратить восстание, но более месяца после этого борьба еще велась и окончательно прекратилась только в начале ноября 1903 г.

Восстание, плохо подготовленное и организованное, было подавлено турками с исключительной жестокостью. Много повстанцев и жителей

Группа четников. 1903 г.

погибло, десятки тысяч людей остались без крова, более 30 тыс. беженцев искало приюта в Болгарии, Сербии и других странах.

Основной причиной неудачи Ильинденского восстания была слабость демократических сил в Македонии, Турции и на всем Балканском полуострове, которые были не в состоянии оказать реальную поддержку героически и самоотверженно сражавшимся повстанцам.

Самоотверженная борьба восставшего населения Македонии произвела огромное впечатление на всем Балканском полуострове и далеко за его пределами: в Англии, Италии, Франции проводились митинги, собирались средства для помощи жертвам турецкого террора. Во всех славянских странах развернулась кампания в защиту Македонии. Общественное мнение России было на стороне героического народа Македонии. Славянское благотворительное общество в Петербурге вторично выделило из своих фондов 10 тыс. рублей в помощь Македонии (впервые такую же сумму общество передало пострадавшим от турецкого террора 1902 г.). Оно и вслед за ним общество Красного Креста опубликовали в газетах объявления о сборе пожертвований для облегчения участи бедствующих жителей Македонии. Однако царское правительство не разрешило организовать широкую кампанию в пользу Македонии.

В то время как мировая общественность стремилась всеми средствами помочь населению Македонии, правительства Австро-Венгрии и России разработали в октябре 1903 г. в австрийском городке Мюрцштеге проект реформ, получивших название мюрцштегских. Этот проект предусматривал прикомандирование (сроком на два года) двух гражданских агентов (австрийского и русского) к главному турецкому инспектору Хильми-паше, реорганизацию турецкой жандармерии, новое административное деление Македонии, преобразование ее административных и судебных учреждений, создание смешанных комиссий для разбора дел участников Ильинденского восстания и т. д. Предложенные реформы реорганизации турецкого управления не могли удовлетворить население Македонии.

Неудача Ильинденского восстания, тяжелые последствия поражения вызвали острую дискуссию в самой Македонии и среди македонской

эмиграции в Болгарии о дальнейших судьбах Внутренней организации. В ходе этой дискуссии все больше оформлялись два крыла: левое во главе с ветеранами движения, такими, как Петров, Тошев, Сапданский, Димо Хаджидимов и правое во главе с Матовым, Татарчевым, Гарвановым, Сарафовым. Груев занял промежуточную позицию. В октябре 1905 г. в Рильском монастыре состоялся съезд ВМОРО, который принял новый устав, осудил шовинистическую пропаганду балканских государств в Македонии, позицию великих держав в македонском вопросе, возложил на Организацию заботу об улучшении культурного и экономического положения населения. Это была, хотя и кратковременная, победа левого крыла. Уже в 1906 г. произошел разрыв между обеими группами. Левые или серская группа, как их еще называли, имели решающее влияние в Серском, Струмицком и отчасти в Салоникском революционных округах. Правые утвердились в Скопльском и Битольском округах. Их сторонникам удалось в 1908 г. захватить в свои руки Центральный комитет и заграничное представительство ВМОРО.

Основываясь на решениях Рильского съезда, представители левого крыла ориентировались на привлечение эксплуатируемых чифтлигарских масс, борясь за решение аграрного вопроса, за передачу земли крупных турецких феодалов крестьянам. Одновременно они начали сотрудничество с младотурками, которые сделали Македонию базой подготовки революции в империи, опираясь на расквартированные в Македонии сочувствовавшие им воинские части Порты. Сапданский и его соратники приняли активное участие в Младотурецкой революции 1908 г., надеясь на решение аграрного вопроса, дарование стране областной автономии.

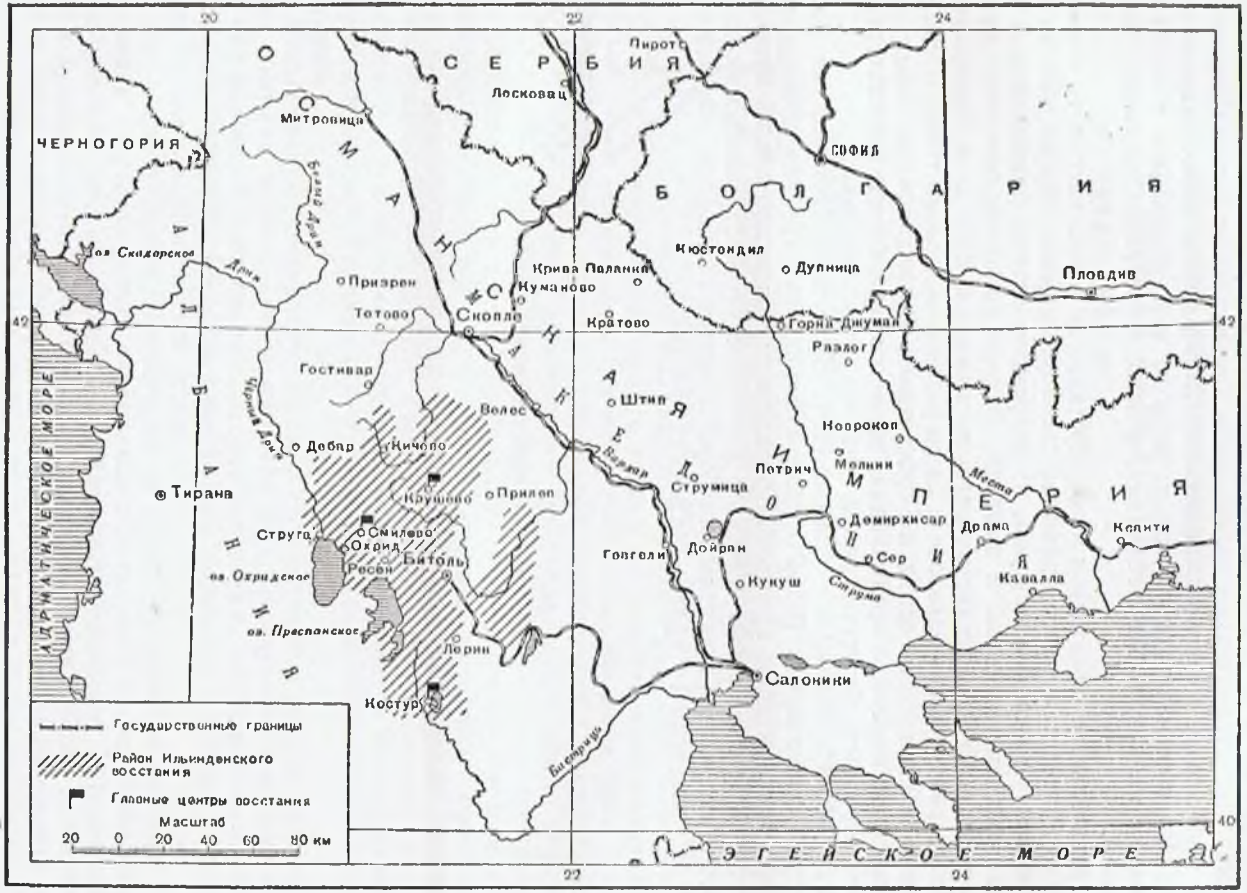
Используя благоприятную политическую обстановку после революции указанная группировка ВМОРО создала свою легальную политическую организацию — Народную федеративную партию,— ставшую выразительницей интересов крестьянства. Одним из пунктов ее программы было требование наделения неимущих крестьян землей, возврата незаконно отнятых у крестьян земель и проведение ряда других мероприятий, направленных на упорядочение аграрных отношений.

Все проверховистские элементы объединились в так называемые партии конституционных клубов — болгарских, сербских, греческих.

Македонские социалисты (Димо Хаджидимов и др.), сотрудничавшие с левым крылом ВМОРО, после Ильинденского восстания продолжали самостоятельную социалистическую пропаганду. Центром распространения социалистической литературы в Македонии стала интернациональная социалистическая книжная лавка, открытая В. Главиновым в Салониках.

Постепенно в наиболее крупных городах — Салониках, Битоле, Скопле, Велесе — были созданы местные социалистические организации. При поддержке Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) македонские социал-демократы выпускали газету «Работническа искра». Они твердо отстаивали революционные принципы марксизма, решительно борясь против оппортунизма. В начале января 1910 г. Главинов участвовал как делегат от Македонии в Первой балканской социалистической конференции в Белграде.

С начала XX в. социалисты активизировали свою деятельность среди рабочих Македонии, поднимавшихся на экономическую борьбу против предпринимателей. Рабочие боролись за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий жизни и труда. Первой массовой забастовкой была забастовка рабочих и железнодорожников линии Велес — Демир-Капия в 1900 г., организованная социалистами Велеса. В том же году бастовали шахтеры Скопле, рабочие Битоля и других городов. Забастовочное движение развивалось по восходящей линии



Ильинденское восстание в Македонии. 1903 г.

вплоть до Балканских войн 1912—1913 гг. Наибольшее число стачек было в Салониках.

В 1908 г. в Македонии создаются первые рабочие профсоюзные организации. Прежде всего они возникают в Скопле и Салониках, затем в Битоле, Велесе и т. д. На развитии рабочего и профсоюзного движения в Македонии отрицательно сказывалась национальная рознь. Существовали профсоюзы, объединявшие рабочих только определенной национальности. Но постепенно отдельные профсоюзы преобразовались в федеративные (с национальными секциями) и даже в интернациональные (смешанные).

Правительство младотурок не осуществило до конца ни одного торжественно провозглашенного принципа своей программы. Оно не облегчило положения угнетенных народов, не устранило острых национальных и социальных противоречий в империи. Вскоре правительство стало проводить открыто националистическую политику. С 1910 г. в Македонии началось разоружение населения, здесь расселили десятки тысяч мусульманских беженцев из Боснии и Герцеговины, был издан закон о запрещении местных партий и организаций, началось преследование культурно-просветительных обществ, прессы, училищ, интеллигенции.

Ухудшилось положение крестьянства. Временное прекращение четнической деятельности ВМОРО дало возможность турецким помещикам усилить эксплуатацию крестьян. Правительство наделяло землей мусульманских беженцев за счет сельского христианского населения. Это содействовало сплочению крестьян для борьбы против классового, национального и религиозного врага — турецких феодалов.

ГЛАВА

38

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912—1913 гг.

Сербия и Черногория в первой балканской войне

К началу второго десятилетия XX в. социальные и национальные противоречия на Балканах достигли большой остроты. Перед угнетенными народами Балканского полуострова, изнывавшими под игом Турции и Австро-Венгрии, стояла задача ликвидации остатков феодализма, свержения чуженационального гнета и достижения национальной независимости. Эта историческая задача могла быть решена лишь путем демократической революции. Однако демократическое движение на Балканах, левое крыло которого составляла социал-демократия, было довольно слабым, что обусловливалось прежде всего немногочисленностью пролетариата, забитостью и темнотой крестьянства — основной массы населения. Слабость демократических сил ощущалась как в балканских буржуазно-монархических государствах, так и в югославянских землях Австро-Венгрии. Верхушечная младотурецкая революция быстро потерпела поражение, и к власти в Турции снова пришла феодально-компрадорская группировка.

Разъединению демократических сил способствовала реакционная политика великих держав — соперничество двух враждующих империалистических коалиций и отдельных, входивших в них, государств за преобладание на Балканах; Балканы становились одним из основных объектов борьбы империалистических стран.

Правящие в Сербии, Черногории и других балканских странах буржуазия и дворцовые клики стремились использовать нараставшее национально-освободительное движение угнетенных султанской Турцией народов и вызванное этим ослабление Османской империи в своих узкоклассовых и династических интересах. Путем войны они хотели расширить границы своих государств за счет земель, населенных балканскими народами. Это был буржуазно-националистический путь решения балканских проблем.

Ввиду того, что война против Турции была не под силу каждой из балканских стран в отдельности, они стремились создать военно-политический союз. Правительство Сербии надеялось к тому же использовать этот союз как дополнительную опору против усиливающейся агрессивной политики Австро-Венгрии; военные круги последней рассчитывали при поддержке

германских империалистов развязать войну против Сербии, становившейся все более опасным притягательным центром для югославянского населения двуединой монархии.

Вспыхнувшая в октябре 1911 г. итало-турецкая война обнаружила слабость Османской империи и послужила дополнительным толчком к сближению балканских стран. Между Болгарией и Сербией при активном посредничестве русской дипломатии с осени 1911 г. возобновились переговоры. 13 марта [1] 1912 г. между ними был подписан договор о дружбе и союзе, предусматривавший взаимную помощь в случае нападения на одну из договаривавшихся сторон и их совместные действия, если какая-либо «великая держава» (подразумевалась Австро-Венгрия) попытается захватить балканские владения Турции. Договор и секретное приложение к нему заложили основу союза балканских государств, направленного в первую очередь против Турции. Секретное приложение в случае успешной войны с Турцией предусматривало раздел завоеванных территорий. Болгария признавала за Сербией права на земли к северу и западу от Шар-Планины (Новипазарский санджак, Косово и Метохия и другие земли). Сербия признавала права Болгарии на территории во Фракии (к востоку от Родопских гор и реки Струмы).

Сложнее дело обстояло с Македонией — важным объектом борьбы как сербской, так и болгарской буржуазии; на Македонию претендовала также и греческая буржуазия. Хотя центральным лозунгом идеологической подготовки к войне с Турцией был лозунг борьбы за автономию Македонии, именно перспектива захвата ее и других, принадлежавших Турции, земель, как об этом свидетельствуют документы, сблизила правительства Сербии, Болгарии и Греции.

В итоге дипломатических переговоров между Сербией и Болгарией был фактически намечен проект раздела Македонии.

Правда, в статье 2-й секретного приложения имелась оговорка о том, что раздел Македонии будет произведен в случае, если «... договаривающиеся стороны убедятся, что организация этой территории (речь идет о Македонии.— *Ред.*) в одну особую автономную область являлась бы невозможной...». По существу же, согласно той же статьи секретного приложения, Сербия признавала права Болгарии на часть Македонии, расположенную к юго-востоку от линии, идущей от вершины Голем (на турецко-болгарской границе, к северу — от Крива Паланки) до Охридского озера (в литературе эта часть получила условное название «бесспорной зоны»). Другую же часть Македонии, расположенную к северо-западу от указанной линии (с городами Куманово, Скопле, Тетово, Гостивар, Кичево), предполагалось передать Сербии с оговоркой, что окончательное уточнение границ этой зоны должно быть произведено в случае спора с помощью арбитра — русского царя (эта зона получила в литературе условное название «спорной»). Договор был дополнен военной конвенцией и соглашениями между генштабами сербской и болгарской армий.

Несколько позднее были подписаны болгаро-греческий союзный договор (29 мая 1912 г.), в котором вопрос о границах в Македонии вовсе не был затронут (ибо стороны не смогли прийти к соглашению), а затем и военная конвенция.

Последней к Балканскому союзу присоединилась Черногория. Она заключила соглашения с Болгарией и Сербией. Политические и военные конвенции о совместных действиях против Турции между Сербией и Черногорией были подписаны 6 октября 1912 г.

[1] В этой главе, как и в следующей, события датируются по новому стилю. В скобках дана датировка по старому стилю внутренних событий в Сербии и Черногории, где существовал в это время юлианский календарь.

Так, к осени 1912 г. оформился «союз балканских монархий», как его назвал В. И. Ленин [1]. Правительства России, Англии и Франции содействовали заключению Балканского союза, рассчитывая использовать его в своих целях — и в частности, в своей борьбе против проникновения Германии и Австро-Венгрии на Балканы и в Турцию.

Между тем к лету 1912 г. напряжение на Балканах усилилось. Резня славянского населения, устроенная турками-шовинистами в г. Кочане (в Македонии) и в Беранском районе (в Новипазарском санджаке, близ черногорской границы), была использована для антитурецкой националистической пропаганды в Сербии, Черногории и других балканских государствах.

Орган правящей сербской буржуазной партии радикалов газета «Самоуправа» и другие буржуазные газеты Сербии пропагандировали необходимость войны с Турцией. При этом за лозунгом освобождения угнетенных братьев от турецкого ига стояли не только объективно освободительные стремления присоединить к Сербии населенные сербами районы Новипазарского санджака и некоторых других земель; правящие националистические круги и буржуазная печать Сербии прикрывали этим лозунгом и свои захватнические тенденции в отношении Албании и Македонии.

Лишь социал-демократы Сербии и других балканских стран, не доверяя своим буржуазно-монархическим правительствам, выступали против националистической пропаганды, против милитаризма и войны, за Балканскую демократическую федерацию. Однако они пользовались в этот период поддержкой лишь сравнительно небольшой, наиболее сознательной части пролетариата.

Большое влияние в Сербии имела националистически настроенная интеллигенция, а также шовинистические элементы буржуазии и военщины. В силу этого основная масса населения Сербии и Черногории была увлечена антитурецкой пропагандой националистических кругов, форсировавших развязывание войны с Турцией.

24 сентября 1912 г. турецкое правительство, извещенное дипломатами Австро-Венгрии о планах балканских союзников, объявило о мобилизации в европейских вилайетах. Вслед за отказом Турции (в ответ на ноту великих держав) провести реформы в своих европейских владениях и отменить начавшуюся мобилизацию последовала мобилизация в Сербии, Черногории и других государствах Балканского союза.

9 октября 1912 г. войска Черногории открыли военные действия против Турции. 18 октября 1912 г. в войну с Турцией вступили Сербия, Болгария и Греция.

Военные действия балканских союзников против Турции развернулись на двух главных театрах военных действий — западном и фракийском. На западном — в Македонии, Албании и Эпире — в нескольких важнейших крепостях и центрах были расположены значительные турецкие соединения. Против них устремились войска Сербии, Черногории, Греции и частично Болгарии.

Основные силы сербской армии развернули концентрическое наступление против наиболее значительной в Македонии турецкой армии, расположенной в районе Куманово — Скопле. У Куманова 23—24 октября произошло большое сражение, окончившееся поражением турок. Победа у Куманова окрылила сербов, подняла их боевой дух. Развивая наступление, сербские войска заняли в октябре Скопле, Велес и Призрен.

В это время вспомогательный Ибарский корпус сербской армии, освободив Нови Пазар и другие города Санджака, соединился с черногорскими войсками, двинулся на запад (к Адриатическому морю) и 18 ноября занял город Алессио (Лежа), а 10 дней спустя — Тирану и Дуррес.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156.

В начале и середине ноября у Бакарно Гумно (близ Прилепа) и Битоля сербские войска разгромили вторую значительную группировку турецких сил в Македонии. В то же время сербские части при поддержке местного населения почти без сопротивления со стороны турок овладели районами северо-западной, западной и отчасти центральной Македонии и северной и центральной Албании, заняв к началу декабря города Ресен, Охрид, Дебар и Эльбасан. Основные военные силы Черногории направились к главной цели устремлений ее правительства — Скутари (Шкодеру) и осадили его. Осада Скутари, в котором был сосредоточен довольно большой турецкий гарнизон, затянулась на длительное время.

Греческие войска в Эпире подошли 8 ноября 1912 г. к хорошо укрепленной крепости Янина, где были сконцентрированы турецкие войска. Осада Янины также затянулась. Фессалийская армия греков, проделав большой путь и разбив 2—3 ноября 1912 г. турок у Ениджe, подошла к Салоникам. К Салоникам подошла с севера также и болгарская VII Рилская дивизия. 9 ноября Салоники были сданы турками без боя грекам для того, чтобы поссорить их с болгарами. Господство греческого флота на море позволило греческим войскам оккупировать большое число островов Эгейского моря.

Болгарской армии, действовавшей в Восточной Фракии, где были сосредоточены самые значительные силы турок, выпала трудная задача. Приостановив начавшееся наступление турецкой армии, болгарские войска решительным контрударом у Кирк-Килисе (Лозенграда) обратили турок в бегство. Лозенград был сдан турками без боя. После этого болгарские войска осадили Адрианополь. В результате кровопролитных сражений, происшедших на линии Люле Бургаз — Бунар Хиссар, турецкие войска снова потерпели поражение. Беспорядочное отступление привело их к Чаталджинским высотам (к западу от Константинополя); здесь туркам удалось закрепиться и 17—18 ноября остановить наступление болгарской армии. В Западной Фракии, а позднее в боях у Адрианополя и в Восточной Фракии (у Чаталджи) активное участие в военных действиях против турок приняли батальоны ополчения, организованные при болгарской армии из добровольцев-эмигрантов из Македонии [1].

Таким образом, в течение пяти-шести недель с момента объявления войны основные силы турецкой армии на Балканском полуострове были разбиты, за исключением гарнизонов трех осажденных крепостей (Скутари, Янины и Адрианополя). Балканские владения Османской империи в основном были освобождены от турецких войск. Болгарская армия подошла к Константинополю.

Важнейшим фактором, обусловившим победу войск балканских союзников, был высокий моральный дух их солдат. Поскольку война способствовала освобождению угнетенных народов от феодального ига султанской Турции, она имела объективно прогрессивные черты и была популярна в Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. Воины армий балканских союзников, не подозревая (в массе) о захватнических устремлениях своих правительств, с воодушевлением сражались с противником. Солдаты же турецкой армии, напротив, несмотря на попытки правительства разжечь религиозный фанатизм путем объявления «джихада» («священной войны»), не обнаружили моральной стойкости и быстро сдавались в плен.

Огромную роль в успешном освобождении балканских земель от турецкого господства сыграла поддержка, оказанная армиям Сербии, Черногории, Болгарии и Греции населением освобождаемых территорий. Особен-

[1] Всего было создано 12 батальонов, насчитывавших в своих рядах более 14 тыс. добровольцев из македонской (и отчасти фракийской) эмиграции. Кроме того, значительное число выходцев из Македонии сражалось в составе частей регулярной болгарской армии.

Сбор резервистов в Белграде. 1912 г.

но большую активность проявило население Македонии. Еще с начала войны в Македонии активизировались отряды (четы), вооруженные на средства Болгарии, Сербии и Греции. Действовали в Македонии также независимые четы македонских революционеров. Одним из таких отрядов руководил Яне Сандански. Всего в разных районах Македонии действовало около 50 партизанских чет.

Находясь в контакте с наступающими сербскими, болгарскими и греческими частями, македонские четники нападали на турецкие войска с тыла, нарушали их коммуникации и связь, совершали диверсии. Отряды четников брали в плен мелкие турецкие подразделения, освобождали при поддержке местного населения многие села и города от турецких властей. Так были освобождены города и села Струмицкого района, а также города Кукуш, Лерин, Кратово, Крушево, Штип. Чета Яне Сандански освободила город Мелник. Македонские отряды оказали помощь сербской армии в боях у Куманова, Скопля, Велеса, Прилепа, Битоля.

Поражениями турецкой армии воспользовались и албанцы, поднимавшиеся на борьбу за освобождение в 1911 и 1912 гг. 28 ноября 1912 г. в Валоне (Влёре) была провозглашена независимость Албании.

Таким образом, война Болгарии, Сербии, Черногории и Греции с Турцией переплеталась с национально-освободительной борьбой угнетенных Османской империей балканских народов. Это усиливало объективно прогрессивные черты войны и способствовало успешному завершению военных действий союзников.

Характеризуя социальное значение побед армий Сербии и ее балканских союзников над Турцией для освобожденных земель (в первую очередь для Македонии), В. И. Ленин писал: «...победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями» [1].

Победы Сербии, Черногории, Болгарии и Греции принесли освобождение народам Новипазарского санджака, Косова и Метохии, Македонии, Албании и других земель от ига султанской Турции. Крестьяне были освобождены от гнета турецких помещиков. Таким образом, победы

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 187.

балканских союзников явились большим шагом на пути к разрушению остатков средневековья и к развитию капитализма в юго-восточной Европе[1]. Поражения турецкой армии заставили султанское правительство просить перемирия. Оно было заключено 3 декабря 1912 г.

Победы балканских стран показали, что они представляют собой значительную силу, с которой нельзя не считаться.

16 декабря в Лондоне начались мирные переговоры между балканскими союзниками и Турцией. На другой день там же открылась конференция послов великих держав (Германии, Австро-Венгрии, Италии, России и Франции) под председательством министра иностранных дел Англии Эдуарда Грея. Конференция послов была созвана по инициативе английской дипломатии, стремившейся играть ведущую роль в решении назревших балканских проблем. Судьба мирного договора в конечном счете зависела от решений конференции послов.

Главной целью войны правящие круги Сербии считали достижение выхода к морю — приобретение территории с портом на Адриатике. Против этого категорически возражали империалисты Австро-Венгрии, поддерживаемые Германией. Они угрожали Сербии войной и настаивали, чтобы занятые сербами адриатические порты были включены в состав Албании, над которой Австро-Венгрия намеревалась установить свой протекторат.

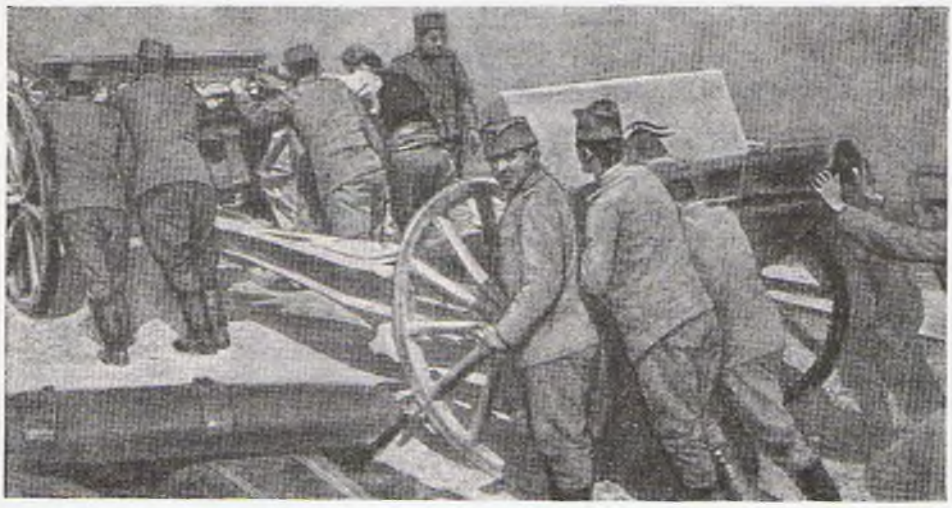
Стремлению Сербии к Адриатике оказывало содействие правительство России. Однако резкое противодействие этому со стороны Австро-Венгрии, поддержанной Германией и Италией, и уклончивая позиция Англии заставили русскую дипломатию занять примирительную позицию. Австро-сербский конфликт грозил опасностью общеевропейской войны. Россия не была к ней готова, и русская дипломатия советовала сербскому правительству проявить умеренность и искала компромисса. Правительство Сербии, оказавшись перед лицом объединенного фронта Австро-Венгрии, Германии и Италии, было вынуждено отказаться от притязаний на порт в Адриатике.

Еще 17 декабря 1912 г., т. е. в первый же день заседаний Лондонской конференцией послов было принято решение о создании автономной Албании под контролем шести европейских держав и с учетом особых интересов Австро-Венгрии и Италии. Вместе с тем было решено предоставить Сербии «торговый выход» в Адриатику. В дальнейшем на конференции послов вспыхнули ожесточенные споры по вопросу о границах между Сербией, Черногорией и вновь созданной Албанией.

Острая борьба развернулась на конференции воюющих стран между балканскими союзниками и Турцией. Успехи на полях сражений вскружили головы военщине и буржуазным шовинистам всех балканских стран. Правящие буржуазно-националистические клики и династии Болгарии, Греции, Сербии и Черногории добивались каждая для себя в отдельности максимальных территориальных приращений за счет побежденной Турции. Представители стран Балканского союза требовали установления границы во Фракии по линии Мидия — Родосто, сдачи Адрианополя и уступки островов в Эгейском море. Турецкое правительство долго сопротивлялось, но под давлением великих держав вынуждено было пойти на принятие основных требований балканских союзников.

Между тем 23 января 1913 г. в Константинополе произошел переворот. К власти пришло ориентировавшееся на Германию правительство младотурок. Новое правительство, подстрекаемое Германией и Австро-Венгрией, не проявило уступчивости. Мирные переговоры были прерваны, и 3 февраля 1913 г. возобновились военные действия. Началась вторая фаза пер-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156, 187—188; т. 23, стр. 38.



Сербские артиллеристы в первой Балканской войне

вой балканской войны. Военные действия носили теперь позиционный и затяжной характер.

По мере того, как война затягивалась, положение трудящихся Сербии, Черногории и других воюющих стран становилось все более тяжелым. Были увеличены налоги, стали быстро расти цены на предметы первой необходимости (продовольствие, обувь, одежду). Продукты питания в Сербии в среднем вздорожали к концу войны на 40%. В то же время прилив на предприятия неквалифицированных рабочих повел к снижению заработной платы; продолжительность рабочего дня была увеличена; усилилась эксплуатация женского и детского труда. Наиболее тяжелым было продовольственное положение в городах, освобожденных от турок. Широкие массы трудового крестьянства тяжело страдали от непомерного налогового обложения и других военных тягот. Значительная часть скота была уничтожена, что нанесло большой ущерб крестьянскому хозяйству.

В ходе войны углубились социальные противоречия в балканских странах. За счет усилившейся эксплуатации трудящихся масс буржуазия Сербии и Черногории извлекала большие прибыли. Она наживалась на военных поставках и спекуляции. Началась скупка земли и имущества населения освобожденных областей, в частности, в районах Косова, Куманова, Скопля, Прилепа, Битоля.

В начальной стадии войны успехи армии, принесшие сербской буржуазии непосредственные и значительные плоды, заглушили критику со стороны оппозиции и способствовали некоторому временному сплочению буржуазного лагеря Сербии. Все буржуазные партии, в том числе и оппозиционные, поддерживали милитаристский националистический курс монархии и правительства радикалов во главе с Николой Пашичем. Они одобряли политику «сербизации», проводившуюся сербскими офицерами и чиновниками в освобожденных районах Косова и Метохии, северной Албании и македонских областях.

Оппозиционные буржуазные партии — так называемая Народная партия («либералы» или «националисты») во главе со Стояном Рибарацем и «напредняки» («прогрессисты»), возглавляемые Стояном Новаковичем,— активно сотрудничали с правительством Пашича.

С правящей радикальной партией выразила фактически свою солидарность и руководимая Любомиром Давидовичем и Яшей Продановичем

мелкобуржуазная партия независимых радикалов («самостальцев»). Но по мере того, как все более вырисовывались неудачи попыток правительства Пашича присоединить к Сербии районы северной Албании и Адриатического побережья, стала обостряться борьба внутри буржуазного лагеря.

Против радикалов, ориентировавшихся на Францию и Россию, выступила Народная партия (бывшие либералы), придерживавшаяся проавстрийской ориентации. Либералы (их называли «друзьями Вены») считали, что основным объектом устремлений Сербии должна быть Македония, и добивались через свой орган (газету «Српска застава»), чтобы правительство потребовало пересмотра сербо-болгарского соглашения о разделе Македонии, не останавливаясь перед угрозой войны с Болгарией. Объективно их линия содействовала интригам австро-германской дипломатии, направленным на разжигание противоречий между Сербией и Болгарией и на распад Балканского союза.

В вопросе о Македонии либералы имели поддержку значительной части сербской военщины. Националистически настроенное офицерство и его тайная организация «Черная рука» вместе с либералами и дворцовой камарильей занимали крайне шовинистическую воинственную позицию и настаивали на чисто военных методах управления в освобожденных сербскими войсками землях.

Единственной партией в Сербии, которая выступила с осуждением политики правительства с интернационалистских позиций, была сербская социал-демократическая партия. Еще накануне войны сербские социал-демократы развернули в печати и в парламенте, на собраниях и митингах активную борьбу против милитаризма, шовинизма и надвигающейся военной угрозы. 8 сентября (26/VIII) 1912 г. в Белграде социал-демократами был организован многотысячный митинг, на котором выступил лидер партии Димитрий Туцович, разоблачивший политику милитаризма и шовинизма и призвавший к объединению балканских народов в федерацию балканских республик. В обращении к социал-демократам балканских стран 17(4) сентября и вслед за этим к Международному социалистическому бюро сербские социал-демократы предложили созвать Вторую балканскую социал-демократическую конференцию с целью демонстрации солидарности балканского пролетариата и объединения его усилий. В сербской скупщине два депутата от социал-демократической партии — Драгиша Лапчевич и Триша Кацлерович — выступили 7 октября (24.IX) с заявлением, содержавшим протест против войны, призыв к демократической революции и созданию федерации балканских народов [1].

С начала войны в армию была призвана большая часть социал-демократов. В связи с этим деятельность провинциальных городских и сельских организаций партии, в особенности в первое время после начала войны, либо резко ослабла, либо прекратилась. Сербская социал-демократия оказалась настолько малочисленной и лишенной средств, что не смогла послать своего представителя на состоявшийся 24—25 ноября 1912 г. (в связи с войной на Балканах) чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле, ограничившись приветственным письмом в адрес конгресса. Прекратился выход почти всех социал-демократических изданий, кроме газеты «Радничке новине», но и ее распространение было ограничено правительством. Через газету «Радничке новине» и на рабочих собраниях в течение зимы и весны 1913 г. сербская социал-демократия продолжала осуждать воинственную политику правительства Сербии.

[1] Антивоенную позицию заняли также и Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов), социал-демократические организации Греции и Румынии и социалистические группы Турции (в частности, члены социалистической федерации города Салоники).

Сербские социал-демократы разоблачали шовинистическую программу буржуазии Сербии и других балканских стран; они указывали, что война против Турции с целью раздела ее европейских владений приведет к войне между союзниками. Но они не смогли в должной мере,— как это сделал В. И. Ленин,— оценить объективные результаты побед балканских союзников над феодальной Турцией. У сербских социал-демократов, пропагандировавших лозунг Балканской федеративной республики, не было ясности в вопросе о путях его осуществления. Придерживаясь ошибочных теоретических позиций, присущих большинству партий II Интернационала, сербские социал-демократы не смогли выработать и правильной тактики: они ограничивались легальной агитацией и пропагандой, им не хватало действенности.

Однако, заняв антивоенную позицию, сербские социал-демократы выполнили свой пролетарский долг. Главной задачей пролетарской партии в это время было отстоять самостоятельность рабочего движения, отгородиться от развращающего влияния поднявшейся в связи с войной против Турции волны буржуазного национализма, бывшего в создавшихся условиях главной опасностью.

Во второй фазе войны против Турции военные действия развернулись в сравнительно ограниченном числе районов — во Фракии (между болгарскими и турецкими войсками); в районе Янины, где греческие войска взяли, наконец, 5 марта 1913 г. янинскую крепость; у Скутари, где сербские войска помогали черногорской армии в осаде крепости, и в районе Адрианополя, где в составе болгарской армии находились сербские части (еще в ноябре 1912 г. сюда были переброшены две сербские дивизии). 26 марта 1913 г. после трехдневного кровопролитного штурма Адрианополя осаждавшие овладели крепостью и взяли в плен турецкую армию во главе с Шукри пашой. Это явилось важной победой балканских союзников. Турецкое правительство вынуждено было снова просить перемирия.

15 апреля 1913 г. военные действия были приостановлены, и 23 апреля по предложению конференции послов в Лондоне возобновились мирные переговоры. Они протекали в обстановке ожесточенного соперничества великих держав из-за господства на Балканах.

Острую борьбу между империалистическими державами вызвал вопрос о Скутари, осажденном черногорцами с первых дней войны. Осада Скутари дорого стоила черногорскому народу, вследствие чего в Черногории уже с конца 1912 г. стало расти недовольство династией и правительством. Отказ от претензий на Скутари грозил династии потерей престижа, и в феврале 1913 г. черногорские войска предприняли при поддержке сербских войск очередную кровопролитную, но безуспешную попытку взять крепость штурмом.

По настоянию Австро-Венгрии в апреле 1913 г. у берегов Черногории была проведена морская демонстрация пяти великих держав с целью заставить ее подчиниться решению конференции послов о включении Скутари в границы автономной Албании. Но правительство Черногории не хотело уступать. Понимая, что среди великих держав нет единодушия, оно предприняло ловкий маневр — заключило 23 апреля 1913 г. соглашение с комендантом осажденного в Скутари турецкого гарнизона прожженным авантюристом албанским феодалом Эссад-пашой. Последний сдал крепость в обмен на признание его черногорцами королем Албании.

Однако угрозы со стороны Австро-Венгрии и давление со стороны других держав заставили короля Черногории в конце концов уступить. 3 мая (20.IV) 1913 г. в Черногории произошла смена кабинета. Новое правительство сообщило об отказе от Скутари. 14 мая Скутари был передан командованию международной эскадры, направившему туда десант.

Сложная дипломатическая борьба развернулась среди великих держав и по ряду других балканских проблем — о границах Албании, о претензиях Румынии, об островах Эгейского моря, о границах Болгарии во Фракии, о выходе Сербии к морю и т. д.

Усиление империалистической борьбы великих держав на Балканах, их интриги и провокации, а также рост шовинизма в балканских странах — обостряли противоречия между самими балканскими союзниками. Заключение мирного договора с Турцией в связи с этим затягивалось.

Сохранение военного положения отрывало основную массу трудоспособного населения Сербии и других воюющих стран от производства, приносило все новые и новые тяготы народу. Недовольство трудящихся масс Сербии и ее союзников, по мере того как война затягивалась, росло.

Активизировалась деятельность сербской социал-демократии. Весной 1913 г. по инициативе социал-демократов организовывались рабочие собрания и митинги, выносившие резолюции с требованиями мира и объединения балканских народов. Резолюция, принятая на митинге рабочих Белграда 25(12) апреля 1913 г., требовала подписания мира с Турцией, демобилизации армии и возвращения народа к труду, выражала протест против шовинистической политики династии и военщины, ведущей к новому военному конфликту, и снова призывала к созданию федерации балканских народов.

30(17) апреля 1913 г. сербские социал-демократы провели первомайские демонстрации и митинги. В Белграде, несмотря на военное положение, в демонстрации участвовало около 7 тыс. человек. Митинги и собрания рабочих были организованы социал-демократами в этот день в Нише, Крушеваце, Прокупле, Валеве, Лесковаце, Шабаце, Крагуеваце, Пироте, Княжеваце, Неготине, Пожареваце, Ягодине, Чачаке, Смедереве, Ужице, Парачине, Вране и других городах. В присоединенных областях демонстрации были запрещены. Первомайские демонстрации, митинги и собрания рабочих Сербии в 1913 г. прошли под знаком борьбы против войны, за мир и демократическое объединение балканских народов.

Весной 1913 г. брожение среди народных масс в тылу и в армии проявлялось и в других балканских странах, в частности в Болгарии.

Учитывая создавшуюся обстановку, министр иностранных дел Англии Грей от имени конференции послов заявил уполномоченным стран Балканского союза, что договор с Турцией необходимо подписать в том виде, как он выработан дипломатами великих держав. Кто откажется подписать его, пусть пеняет на себя, заключил Грей.

В результате давления великих держав 30 мая 1913 г. в Лондоне был подписан прелиминарный мирный договор с Турцией. Последняя уступала балканским государствам все свои владения на Балканах к западу от линии Энос — Мидия (за исключением Албании). Сербия не получила выхода к морю, этот вопрос не был даже затронут в условиях мирного договора. Пункт о «торговом выходе» Сербии к морю решено было включить в статут Албании; последний вместе с границами нового Албанского государства должна была выработать комиссия из представителей великих держав. На рассмотрение великих держав был передан и вопрос о судьбе занятых в ходе войны греческими войсками островов в Эгейском море. Таким образом, Османская империя была фактически лишена почти всех своих владений в Европе.

В результате войны территории всех стран балканского союза, в том числе Сербии и Черногории, расширились. В состав Черногории вошли части Новипазарского санджака и Метохии и район около Скутарийского озера. К Сербии отходили округа Новипазарского санджака, Косова и Метохии. С разделом Новипазарского санджака между Сербией и Черногорией была установлена общая граница.

Македония оказалась в результате войны оккупированной войсками трех государств (Сербии, Греции и Болгарии) и фактически расчлененной. Обращение группы македонских эмигрантов в Петербурге от 14(1) марта 1913 г. к конференции послов в Лондоне с требованием создания независимой Македонии в рамках таможенного союза балканских государств осталось без результатов.

Отмечая объективно прогрессивные результаты первой балканской войны, В. И. Ленин в то же время неоднократно подчеркивал, что исторические задачи балканских народов были решены лишь частично и не путем революции, а путем войны, руководимой буржуазными и династическими интересами [1]. «...Балканская революция, — указывал В. И. Ленин, — стоила бы во сто раз менее жертв, чем балканская война, и дала бы в тысячу раз более широкие и прочные демократические результаты...»[2]. То обстоятельство, что инициативу в разрешении насущных задач балканских народов взяли в свои руки буржуазно-монархические клики и династии, не стремившиеся и не способные разрешить эти задачи в демократическом духе, таило в себе серьезную опасность и грозило большими осложнениями для балканских стран.

Подъем национально-освободительного движения югославянских народов Австро-Венгрии в период первой балканской войны

Первые же вести о начале войны балканских государств против Турции произвели большое впечатление на угнетенные славянские народы Австро-Венгрии. Прогрессивная интеллигенция и трудовой народ не скрывали своих симпатий к войскам Сербии и ее балканских союзников, несшим освобождение от феодального ига угнетенным народам султанской Турции.

Власти, рассчитывая в начале войны на победу Османской империи, дали разрешение на сбор пожертвований в пользу раненых сербских солдат, на поездку врачей в Сербию. Позднее, по мере того как волна сочувствия к Сербии и ее союзникам нарастала, они стали чинить этому всяческие препятствия.

Формы выражения усилившихся национально-освободительных стремлений славянских народов двуединой монархии были различны. Среди славянского населения монархии проводился сбор денежных средств. Сотни молодых добровольцев из Боснии и Герцеговины, а также Хорватии, Словении и других югославянских областей нелегально переходили границы и вступали в армии Сербии и Черногории (в числе добровольцев были, например, деятели «Молодой Боснии» Влада Гачинович, Мустафа Голубич и др.). Добровольцами в балканские армии, сражавшиеся против турецких войск, отправлялись и эмигранты из балканских стран, проживавшие во многих государствах Европы и Америки.

Помощь войскам балканских союзников (в том числе Сербии и Черногории) оказали и представители русской интеллигенции и студенчества. Некоторые из них отправлялись волонтерами в армии балканских стран (в их числе были врачи и медсестры, уезжавшие в санитарные отряды).

Победы Сербии и ее союзников над Турцией поднимали престиж Сербии как «Югославянского Пьемонта» и воодушевляли югославянские народы Австро-Венгрии. В их среде крепла надежда, что при поддержке Сербии можно добиться освобождения и создания объединенного государства югославян.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156, 187; т. 23, стр. 38
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 214.

В связи с этим активизировалась деятельность различных общественных организаций среди югославянского населения монархии Габсбургов: тайных молодежных (омладинских), спортивных (сокольских) и иных. Возникали новые нелегальные молодежные кружки и группы, издававшие свои газеты. Они объединяли в своих рядах студентов, учащихся старших классов гимназий и иные категории прогрессивной, а также и националистически настроенной молодежи и интеллигенции.

В Любляне 1 ноября 1912 г. начала выходить газета «Препород» («Возрождение»), являвшаяся органом радикальной словенской молодежи. В Далмации органом омладинцев стала издававшаяся в Сплите газета «Слобода». Хорватская молодежь Загреба создала тайную группу, целью которой было освобождение Луки Юкпча, студента, неудачно покушавшегося в июне 1912 г. на королевского комиссара в Хорватии Цувая. В Боснии и Герцеговине действовала «Молодая Босния» — одна из наиболее активных организаций Омладины. С сентября 1912 г. она начала издавать в Сараеве свою газету «Српска Омладина». Во всех больших городах Боснии и Герцеговины, где существовали гимназии (в Сараеве, Мостаре, Тузле и др.), возникали группы «Молодой Боснии». Организации сербской, хорватской и словенской молодежи создавались также в Далмации, словенских землях, Воеводине и в университетских городах Австро-Венгрии (в Праге, Вене, Граце, Кракове, Брно и т. д.), где учились югославянские студенты.

Состав кружков и организаций был разнороден, а политические взгляды их членов крайне расплывчаты и эклектичны. Некоторая часть омладинских кружков придерживалась бесплодной тактики «малых дел». Более радикальные кружки (часть «препородовцев» и иные) были по своей идеологии в сущности националистическими. Роль этих кружков была противоречивой. Выдвигая неясный лозунг «политического объединения» югославян, они делали ставку не на революцию, а на войну. Распространенные в их среде анархистские настроения и террористические методы борьбы отрывали их от демократического движения трудящихся. В то же время их стремления к освобождению югославянских народов от гнета империи Габсбургов способствовали объединению части югославянской молодежи Австро-Венгрии для борьбы за национальное освобождение. Существовали и отдельные действительно радикальные группы омладинцев, высказывавшихся за демократическую федеративную югославянскую республику.

По инициативе омладинцев во многих городах Австро-Венгрии были проведены манифестации, в ходе которых сжигались черно-желтые флаги Габсбургов и раздавались приветствия по адресу Сербии, Черногории и других государств Балканского союза. Антиавстрийские демонстрации с выражением радости по поводу побед Сербии и балканских союзников осенью 1912 г. имели место в некоторых городах Далмации (например, Сплите, Шибенике, Дубровнике), Боснии и других областей. В Сплите и Шибенике в демонстрациях приняли участие и депутаты местных муниципалитетов. В ответ на это по приказу австрийского наместника в Далмации муниципалитеты Сплита и Шибеника были распущены.

В Сараеве 16 ноября 1912 г. произошла демонстрация учеников старших классов гимназий, во время которой они пели сербские песни. Днем раньше там же состоялось совещание сербских депутатов боснийского сабора, принявшее резолюцию с поздравлениями Сербии и Черногории по поводу их побед над Турцией. Резолюция солидаризировалась с требованием Сербии о предоставлении ей выхода к Адриатическому морю.

В Загребе на королевского комиссара Цувая, олицетворявшего собою ненавистный для хорватов «режим Цувая», 31 октября было совершено новое неудачное покушение. 12 ноября произошла демонстрация солидар-

ности с Сербией в Загребе. Настроения хорватов были выражены в речи буржуазного деятеля Иосипа Смодлаки. После поражения Турции, заявил он, придет конец и венгерскому господству в Хорватии. Проявления недовольства имели место и среди населения Словении и других югославянских земель.

Иван Цанкар

Национально-освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии было по своей сущности буржуазно-демократическим. Последовательное разрешение задач буржуазно-демократической революции могло быть осуществлено только при условии руководства этим движением со стороны самого передового класса — пролетариата. Между тем реформистская социал-демократия Австро-Венгрии недооценивала значение национального вопроса и отстаивала оппортунистический лозунг национально-культурной автономии.

В социал-демократической печати югославянских земель монархии появлялись не подкрепленные массовыми действиями призывы: «Руки прочь от Балкан! Балканы — балканским народам!». Антивоенные антиимпериалистические выступления социал-демократии имели определенное положительное значение. Отдельные представители левых социал-демократов югославянских земель выступали за создание югославянской федеративной республики.

Однако руководство социал-демократических организаций югославянских областей, как и всей социал-демократии Австро-Венгрии, придерживалось реформистской концепции австро-марксизма в национальном вопросе и считало, что национальный вопрос для югославянских народов должен быть разрешен конституционным путем в рамках монархии Габсбургов.

Неправильная позиция социал-демократии способствовала тому, что руководство национальным движением югославянских народов Австро-Венгрии захватили буржуазные партии.

Часть сербской буржуазии и мелкобуржуазных кругов Боснии и Герцеговины, Воеводины, отчасти Далмации и Хорватии стремилась к освобождению югославянских земель монархии и к созданию сербо-хорвато-словенского государства, возглавляемого Сербией. Победы сербской армии у Куманова и Битоля способствовали увеличению числа сторонников Сербии, усилению ее авторитета и укреплению просербской ориентации в национальном движении югославянских народов, в особенности среди части сербской буржуазии и югославянской молодежи Боснии и Герцеговины. Эти группировки национального движения югославян были частично связаны с великосербскими националистическими организациями

в самой Сербии, с ее офицерством, чьим органом была газета «Пьемонт».

Более радикальную позицию занимало молодое поколение демократически настроенной мелкой буржуазии и интеллигенции Словении (часть «препородовцев»), отчасти Хорватии и Боснии. Многие из них мечтали о создании независимого федеративного государства Югославии в составе югославянских земель Австро-Венгрии, Сербии, Черногории и даже Болгарии. Однако пути осуществления этой программы были им не ясны.

Значительные слои национальной буржуазии Хорватии и Словении группировались вокруг буржуазно-либеральных партий (Хорвато-сербская коалиция в Хорватии и Национально-прогрессивная партия в Словении). Они, хотя и подчеркивали свое югославянство, оставались в этот период лояльными по отношению к престолу, призывая правительство лишь к уступкам, к расширению прав югославянского населения Австро-Венгрии.

Рьяными сторонниками сохранения югославянских земель в составе Австро-Венгрии были католическое духовенство, аграрии и часть крупной и средней буржуазии Хорватии и Словении (клерикалы и христианские социалисты в Словении, словенская Народная партия Шуштершича, куэновцы во главе с Томашичем, праваши — хорватские шовинисты). В большинстве своем они были приверженцами идеи превращения двуединой Австро-Венгрии в триединую империю. В качестве третьего составного элемента проектировалось создать автономное объединение славянских или югославянских земель монархии. Пропаганда триализма поддерживалась частью придворных и военных кругов Вены, стремившихся таким путем предотвратить подъем национально-освободительного движения югославян и предупредить распад монархии.

Таковы были основные политические группировки, действовавшие в югославянских землях Австро-Венгрии.

Национально-освободительное движение югославянских народов, несмотря на его слабости, в целом представляло собой с начала балканской войны растущую прогрессивную силу. Его активизация происходила на фоне развернувшегося национального движения других угнетенных наций монархии (поляков, чехов, украинцев и др.), на фоне широкого недовольства трудящихся масс всего государства. В ноябре-декабре 1912 г. в ряде чешских городов прошли демонстрации сочувствия балканским союзникам.

Рабочие и студенты протестовали против вмешательства Австро-Венгрии в балканские дела и провозглашали — «Слава Сербии, слава Черногории!».

Усиление недовольства и рост брожения среди трудящихся вызваны были отчасти ухудшением их экономического положения. Война на Балканах и последовавшая в связи с этим мобилизация в австро-венгерскую армию значительного числа запасных, а также последствия разразившегося осенью 1912 г. мирового экономического кризиса влияли на рост цен на предметы первой необходимости. Дороговизна, а также безработица остро ощущались в югославянских землях, в особенности в Боснии и Герцеговине.

Рост национально-освободительного движения южных славян был дополнительным фактором, который побуждал господствующие круги Австро-Венгрии противиться усилению Сербии, и в особенности — расширению ее в сторону Адриатики. Именно в таком духе приняла резолюцию состоявшаяся в октябре 1912 г. конференция немецких партий Австро-Венгрии.

У определенной части правящей группировки усиливалось стремление к компромиссу с умеренными кругами буржуазии славянских земель.

В конце декабря 1912 г. Цуваю, ставшему одиозной фигурой в глазах всего хорватского населения, был дан отпуск, а позднее и отставка.

В то же время значительная часть правящих кругов монархии (в первую очередь — военщина) была склонна силой подавить национальное движение югославян и напасть на Сербию. Ускорились военные приготовления (мобилизация запасных, концентрация частей в пограничных районах и т. д.). В официозной печати раздувалась антисербская и античерногорская кампания. Наиболее напряженный момент в австро-сербских и австро-черногорских отношениях наступил к весне 1913 г., когда возник так называемый кризис из-за Скутари (см. выше, стр. 647).

Скутарийский кризис и угрозы империалистов Австро-Венгрии по адресу Сербии и Черногории вызвали недовольство югославянского населения монархии и обострение внутриполитического положения в ней. Активизировалась деятельность организаций молодежи, особенно в Боснии и Далмации. Представители Омладины на своем тайном совещании в Сплите еще 16 марта решили противодействовать нажиму Австро-Венгрии на Сербию усилением пропаганды в народе и в армии, а в случае, если дело дойдет до войны, — готовились перебежать в сербскую армию. 30 марта в Сплите произошла демонстрация солидарности с балканскими союзниками. В Любляне 12 апреля 1913 г. известный пролетарский писатель Иван Цанкар выступил в аудитории рабочего союза «Взаимность» с лекцией на тему «Словенцы и югославяне»; в лекции содержался протест против преследований в югославянских землях и призыв к национальному объединению и возрождению. Цанкар отвергал идею триализма и призывал к объединению южных славян в свободную федеративную республику на началах полного равноправия всех составных частей федерации[1].

Рост недовольства широких народных масс, антиправительственные выступления населения югославянских земель монархии, сложная международная обстановка, опасность того, что военный поход против Сербии и Черногории приведет к столкновению с Россией, — побудили правящие круги Австро-Венгрии на время отказаться от плана военного разгрома Сербии и Черногории. В то же время усиливались стремления австро-германской дипломатии добиться ослабления Сербии путем разжигания сербо-болгарских противоречий.

Вторая балканская война

Пока балканские страны были объединены совместной борьбой против Турции, противоречия между ними до поры до времени не выступали наружу.

Однако к концу декабря 1912 г. — началу января 1913 г., т. е. после заключения первого перемирия с Турцией, противоречия из-за Македонии между Сербией и Грецией, с одной стороны, и Болгарией, — с другой, начали проявляться открыто. Уже в январе 1913 г. газеты австрофильской партии либералов «Српска застава» и «Вечерне новости» упрекали правительство Пашича в чрезмерной приверженности к союзу с Болгарией и в излишней уступчивости болгарам. Одним из наиболее шовинистических органов, особенно рьяно нападавших на Болгарию из-за Македонии, была газета сербской военщины «Пьемонт». Полемика между сербскими и болгарскими националистами быстро нарастала. Она отражала растущие империалистические притязания буржуазии

[1] За свое выступление Цанкар был обвинен властями в покушении на общественный порядок и в августе 1913 г. осужден на неделю тюремного заключения. Рабочий же союз, организовавший выступление Цанкара, по приказу властей был распущен.

и придворных буржуазно-монархических клик Сербии и Болгарии, их стремления к гегемонии на Балканах.

Сербо-болгарские противоречия из-за Македонии искусно подогревались дипломатами Вены и Берлина. Основной их задачей на Балканах с начала балканской войны было добиться развала Балканского союза, ибо последний усиливал позиции Сербии и стоявших за ее спиной государств Антанты (в первую очередь России) и ослаблял влияние Австро-Венгрии и Германии.

Преследуя эту цель, дипломаты Австро-Венгрии и Германии предлагали сербскому правительству искать выхода не к Адриатическому, а к Эгейскому морю, через Македонию и Салоники. Этим они толкали Сербию к неизбежному конфликту с Болгарией. В Софии же они тайно рекомендовали болгарскому правительству не уступать Сербии.

Разжигая сербо-болгарские противоречия, империалисты Австро-Венгрии и Германии рассчитывали столкнуть Сербию и Болгарию, что привело бы к ослаблению обеих сторон.

Внутриполитическая обстановка, сложившаяся весной 1913 г. на Балканах, благоприятствовала интригам дипломатов Австро-Венгрии и Германии. К этому времени в Сербии, Болгарии и других балканских странах значительно усилилась роль военщины и буржуазно-шовинистических кругов. И в Сербии, и в Болгарии быстро нарастала весной 1913 г. мутная волна шовинизма. Не только бульварная пресса, но и «солидные» газеты буржуазных партий как Сербии, так и Болгарии публиковали статьи, отстаивавшие свои претензии на Македонию и открыто враждебные другой стороне.

Блокируясь с крайними шовинистами из оппозиционных партий, офицерство оказывало давление на правительство Пашича, обвиняя его в преступной осторожности и медлительности и чуть ли не в предательстве национальных интересов Сербии.

Подталкиваемое крайними националистическими кругами сербское правительство потребовало от Болгарии в меморандуме от 26(13) мая 1913 г. ревизии соглашения 1912 г. о разделе Македонии. В сенсационном заявлении в скупщине 28(15) мая 1913 г. Пашич, отметив хорошие отношения с Грецией и Черногорией, заявил, что Сербия должна иметь общую границу с Грецией, и с этой целью договор с Болгарией о разделе Македонии должен быть изменен в пользу Сербии. Свои требования сербское правительство мотивировало различными доводами; важнейшим из них была ссылка на то, что Сербия, не получив (вследствие противодействия великих держав, в первую очередь Австро-Венгрии) выхода в Адриатику, может обеспечить себе торговый путь в Эгейское море через Скопле и районы Македонии, связанные железной дорогой с Салониками. Выдвигались и другие мотивы, в частности присоединение к Болгарии значительных территорий во Фракии, не предусмотренных договором 1912 г., претензии к болгарам, якобы не выполнившим своих военных обязательств, и т. д.

Правящие круги Сербии в этом вопросе имели поддержку со стороны греческого правительства. Воинственные угрозы болгарских шовинистов, требовавших присоединения к Болгарии всей Македонии (в том числе районов, занятых сербскими и греческими войсками), позиция правящих кругов Болгарии, настаивавших на точном соблюдении условий сербо-болгарского союзного договора 1912 г., — все это сблизило правительства Сербии и Греции.

Переговоры, начавшиеся втайне между ними еще в январе 1913 г., закончились подписанием в Салониках 1 июня 1913 г. (через день после заключения Лондонского мирного договора с Турцией) сербо-греческого союзного договора и военной конвенции.

Договаривающиеся стороны обязались добиваться установления общей греко-сербской границы в освобожденной от турецкого господства Македонии путем раздела ее территории к западу от реки Вардар между Сербией и Грецией, войска которых заняли эти районы в ходе первой балканской войны. Секретное приложение определяло сферы влияния сторон в Албании. Подписанная одновременно военная конвенция устанавливала принципы совместного ведения войны против Болгарии в случае нападения со стороны последней.

Одновременно с переговорами о заключении союза против Болгарии правительства Сербии и Греции концентрировали в Македонии свои войска. Болгарское командование в свою очередь перебрасывало сюда войска из Фракии. На демаркационной линии расположения сербских и греческих войск, с одной стороны, и болгарских — с другой, происходили конфликты и столкновения.

Население Сербии, как и других балканских стран, было недовольно военным положением и ростом продовольственных затруднений.

Сербские социал-демократы, опираясь на растущее недовольство трудящихся, выступили против националистических настроений, сознательно раздувавшихся буржуазно-монархическими кругами страны. На рабочих собраниях и в газете «Радничке новине» социал-демократы осуждали шовинистический курс правительственной и оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий, призывали к объединению балканских народов, к созданию федерации балканских республик.

В мае-июне 1913 г. депутаты — социал-демократы протестовали в скупщине против безумной политики правящего лагеря, толкавшей страну к братоубийственной войне с Болгарией, требовали немедленной демобилизации и отказались от участия в закрытом заседании скупщины.

Сербское правительство, стремясь отвести недовольство трудящихся создавшимся положением в угодное ему направление, настойчиво внушало народу мысль, что отсрочка демобилизации и затяжка военного положения вызваны непримиримой политикой Болгарии. В действительности, правящие круги Сербии сами не хотели идти на компромисс с Болгарией. Крайние буржуазно-националистические элементы в Сербии (так же как в Болгарии и Греции) не желали никаких уступок в вопросе о Македонии. Реакционное сербское офицерство поддерживалось престолонаследником Александром[1]. Офицеры-шовинисты требовали, чтобы правительство Сербии использовало то обстоятельство, что сербская армия сосредоточилась в Македонии ранее болгарской, взяло инициативу в свои руки и силой добилось решения «национальных задач».

В правящих кругах обострялась борьба по вопросу о путях и методах осуществления программы территориальных захватов.

Правительство радикалов, возглавляемое Пашичем, проявляло колебания и осторожность и медлило с принятием решения. Шовинистическая печать обвиняла Пашича в измене.

Радикалы ориентировались во внешней политике на союз с Россией и Францией. Правительство России не желало допустить распада Балканского союза и активно стремилось к урегулированию назревавшего конфликта мирным путем. С этой целью русская дипломатия настойчиво добивалась равномерного сокращения армий балканских союзников и примирения их территориальных притязаний путем компромисса. Ею была выдвинута идея созыва конференции премьер-министров стран Балканского союза (Сербии, Болгарии, Греции и Черногории) при условии

[1] В мае 1913 г. Александр посетил ставку в Скопле и выступил перед солдатами с шовинистическими речами, а в начале июня дал провокационное интервью, в котором требовал немедленного решения спора с Болгарией.

посредничества и арбитража России, предусмотренного сербо-болгарским союзным договором 1912 г.

Правительства балканских стран не спешили с принятием предложения русской дипломатии. Этому содействовала также и позиция остальных великих держав. Англия и Франция, хотя и были заинтересованы в Балканском союзе как в барьере против австро-германской экспансии на Балканы, в то же время считали, что он способствует усилению влияния России. Политика же германской и австро-венгерской дипломатии была прямо направлена на разъединение государств Балканского блока.

Болгарское правительство, получив от Австро-Венгрии заверение, что она окажет ему поддержку, стремилось присоединить к Болгарии как можно больше македонской территории. Оно отклонило предложение России о созыве конференции премьеров стран Балканского союза, настаивало на точном соблюдении условий сербо-болгарского соглашения о разделе Македонии и добивалось пропуска своих войск в занятые сербами и греками части юго-западной и южной Македонии.

Сербское правительство находилось в нерешительности. Глава шовинистов престолонаследник Александр настаивал на решении вопроса о разделе Македонии силой.

Тогда русская дипломатия оказала давление на правительство Сербии, потребовав от него принятия предложения о созыве конференции премьеров стран Балканского союза при посредничестве и арбитраже России. В скупщине и в сербских правительственных кругах, на совещаниях правительства с лидерами партий шли ожесточенные дебаты о том, принимать или не принимать предложение России.

В этот момент правившая в Болгарии буржуазно-шовинистическая клика во главе с Фердинандом, подталкиваемая австро-германской дипломатией, решила силой вырвать у Сербии и Греции уступки в Македонии.

В ночь на 30(17) июня 1913 г. болгарские войска без объявления войны совершили нападение на сербские части, расположенные в Македонии, в бассейне реки Брегальницы.

Так началась вторая балканская (или межсоюзническая) война. Она была вызвана захватнической политикой буржуазно-шовинистических кругов, правивших в балканских странах, их экспансионистскими стремлениями, подогревавшимися интригами империалистической дипломатии великих держав (в первую очередь Австро-Венгрии и Германии), и была несправедливой с обеих сторон.

Оставив против Турции небольшие заслоны, болгарское командование бросило основные части болгарской армии против Сербии, рассчитывая быстрым и неожиданным ударом разгромить ее силы. Сербские войска оказали болгарам упорное сопротивление в районе реки Брегальницы и вынудили их перейти к обороне.

Вспомогательные операции против греческих войск в районе нижнего течения реки Струмы и на территории от Струмы до р. Вардар также не принесли болгарам успеха. Болгарское правительство уже было склонно представить начавшиеся военные действия как пограничный инцидент и попыталось через своего посла в Афинах добиться их прекращения. Однако правительства Сербии и Греции решили воспользоваться благоприятными возможностями, объявили Болгарии войну и отдали приказ о наступлении. Войну Болгарии объявила также и Черногория.

Под натиском сербских, черногорских и греческих войск, перешедших в начале июля 1913 г. в контрнаступление, болгарская армия отступала к своей старой границе. В этот момент в войну вступили также Румыния, а затем и Турция, решившие воспользоваться трудным положением Болгарии. Румынские войска 14—15 июля вторглись на территорию

Болгарии, оккупировали Южную Добруджу, часть северной Болгарии (Плевенский район) и продвигались к Софии. Турецкие войска, перейдя 18—19 июля линию Энос—Мидия, вступили 23 июля в Адрианополь, заняли Восточную Фракию и пересекли старую болгарскую границу.

Сербские войска, пытаясь прорвать фронт болгарской обороны, наступали в трех основных направлениях: с юго-запада, в районе Царево Село (у деревни Калиман), на Кюстендил; с запада, в районе Босилеграда, на Софию, и с северо-запада на Белоградчик и Видин.

Болгарское правительство запросило мира. Так как к этому времени продвижение основных сил сербской армии (с юго-запада и на центральном направлении) было приостановлено, а греческим войскам даже угрожала опасность (в районе Пехчево) быть отрезанными, то правительства Сербии и Греции приняли предложение России об открытии переговоров в Нише. 31 июля 1913 г. было заключено перемирие.

10 августа 1913 г. в Бухаресте был подписан мирный договор между Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией, с одной стороны, и Болгарией — с другой. По условиям мирного договора почти вся освобожденная от турок Македония была поделена между Сербией и Грецией, установившими между собой общую границу.

К Сербии отошла западная и центральная часть Македонии (так называемая Вардарская Македония). Греция получила южную ее часть (Эгейская Македония). Лишь небольшой Пиринский район Македонии был оставлен за Болгарией. Болгария потеряла и южную Добруджу, отошедшую к Румынии. По заключенному 29 сентября с Турцией Константинопольскому мирному договору Болгария потеряла также большую часть Восточной Фракии, отошедшую обратно к Османской империи. Окончательные экономические и иные расчеты между Сербией и Турцией были подведены по мирному договору от 14 марта 1914 г. в Константинополе.

В результате балканских войн территория и население Сербии и Черногории значительно увеличились. Территория Сербии —с 48,3 тыс. кв. км до 87,3 тыс. кв. км, ее население — с 2912 тыс. до 4444 тыс. Территория Черногории выросла с 9 тыс. кв. км до 14,2 тыс. кв. км, а ее население — с 285 тыс. до 435 тыс.

Война разрушила Балканский союз и тем самым ликвидировала один из барьеров на пути экспансии австро-германских империалистов на Балканах. Понимая это, некоторые представители демократических кругов югославянского населения Австро-Венгрии выражали свое недовольство конфликтом между Сербией и Болгарией и осуждали антиболгарскую шовинистическую пропаганду.

В результате балканских войн (в особенности второй) в Сербии усилилась роль военщины и реакционных шовинистических кругов.

Балканские войны увеличили зависимость Сербии от стран Антанты, крепче привязали ее к одному из соперничавших империалистических блоков.

Вторая балканская война имела отрицательные последствия для балканских народов и особенно для населения Македонии, территория которой была разделена между тремя государствами.

Следствием этой войны явилось резкое обострение противоречий между балканскими странами, и прежде всего,— противоречий между Сербией и Австро-Венгрией. Правящие круги двуединой монархии, стремясь остановить подъем национально-освободительного движения в югославянских землях, выжидали лишь удачного момента, чтобы разгромить Сербию.

ГЛАВА 39

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1917 гг.

Сербия и Черногория в начальный период первой мировой империалистической войны (1914—1915)

Первая мировая война явилась результатом обострения всех противоречий империализма. Противоречия между двумя империалистическими группировками — Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией), с одной стороны, и Антантой (Англией, Францией и Россией), с другой,— на Балканском полуострове, конфликт на Балканах между Австро-Венгрией и Сербией — послужили прелюдией к мировой войне. «Будущее Австро-Венгрии — на Балканах»,— неоднократно заявлял в предвоенные годы начальник ее генштаба фельдмаршал фон Гетцендорф. Экспансионистские проекты и планы превращения Балканского полуострова в сферу влияния Австро-Венгрии намечали и другие руководящие деятели Вены. Осуществлению этих планов препятствовала прежде всего Сербия. За ее спиной стояли империалисты Франции и России.

Не получив во время балканских войн, вследствие противодействия Австро-Венгрии, выхода к морю, правительство Сербии стремилось добиться его, выдвинув план объединения с Черногорией. В Сербии все большее влияние приобретало шовинистически настроенное офицерство и его тайная организация «Черная рука». Военщина конфликтовала с правящей радикальной партией, требуя проведения более решительной внешней политики и добиваясь приоритета перед гражданскими властями во вновь присоединенных областях (в Македонии, Косово и Метохии). По инициативе военщины в июне 1914 г. 70-летний король Петр вынужден был передать власть наследнику Александру, ставшему принцем-регентом.

Усилившаяся после балканских войн Сербия становилась притягательным центром для семи миллионов югославян двуединой монархии. Нарастало национально-освободительное движение югославянских народов в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Далмации и других областях.

Несмотря на преследования властей и полиции, активизировались различные организации и кружки югославянской молодежи. Особенно деятельными были омладинские организации и кружки Боснии и Герцеговины. В Сараеве действовала «Молодая Босния»—самая крупная из омладинских организаций, в Тузле — объединенная сербо-хорватская организация. Организации югославянской молодежи проявляли активность

Арест Гаврилы Принципа 28 июня 1914 г.

также в городах Далмации (Сплите, Дубровнике, Задаре), отчасти в Хорватии (Загребе), Крайне (Любляне) и других землях Австро-Венгрии.

В правящих кругах империи Габсбургов зрели планы нанесения удара по Сербии. Различные проекты ослабления Сербии, изменения соотношения сил на Балканах в пользу Австро-Венгрии и Германии за счет Сербии активно обсуждались руководящими деятелями Вены, Будапешта и Берлина весной 1914 г. На июнь была намечена новая антисербская провокация: командование австро-венгерской армии объявило о проведении больших маневров в пограничном с Сербией округе, в Боснии. В этих маневрах должен был принять участие престолонаследник Австро-Венгрии эрцгерцог Франц-Фердинанд. Приезд в Сараево крон-принца, главы австрийской военной клики, открыто угрожавшей Сербии, был назначен с целью уязвить национальные чувства сербов на 28 июня (Видов день)[1], что было явной провокацией. Сербское правительство предостерегало Вену относительно посещения эрцгерцогом Сараева, но на это предостережение в Вене не обратили никакого внимания.

В ответ на провокацию австрийских властей группой националистически настроенной боснийской молодежи было совершено покушение на эрцгерцога в день его приезда в Сараево (28 июня). Франц-Фердинанд и его жена были убиты. Покушавшиеся (Гаврило Принцип и др.) были членами организации «Молодой Боснии»; некоторые из них пользовались поддержкой со стороны «Черной руки».

Убийство в Сараеве правящие шовинистические круги Австро-Венгрии и Германии использовали как повод для развязывания войны, к которой

[1] В Видов день — 15 июня 1389 г.— произошла битва сербов с турками на Косовом поле; этот день считался днем траура сербов. В связи с победами Сербии в балканских войнах на этот раз население Белграда и других сербских городов готовилось встретить Видов день как праздник.

империалисты обеих враждующих группировок давно готовились. Поставив перед собой задачу устранения Сербии «как фактора силы на Балканах», правительство Австро-Венгрии при поддержке Германии предъявило 23 июля ультиматум Сербии. Ультиматум включал заведомо неприемлемые пункты. Для ответа на него давалось 48 часов. Одновременно правительство Австро-Венгрии начало подготовку к мобилизации.

Сербское правительство, стремясь выиграть в глазах общественного мнения, проявило по совету России уступчивость. Из 10 требований австрийского ультиматума 8 требований оно приняло, одно приняло формально и с оговорками, и отказалось удовлетворить лишь одно неслыханное требование: допустить представителей Австро-Венгрии к расследованию на территории Сербии обстоятельств покушения. Сербское правительство предложило перенести спор в международный суд в Гааге. Несмотря на это, 25 июля, через 30 минут после получения сербского ответа, австрийский посол заявил, что поскольку ответ сербского правительства неудовлетворителен, он вместе с составом миссии покидает Белград.

Сербия начала готовиться к войне. Правительство вместе с дипломатическим корпусом выехало из Белграда, расположенного у границы, в центр страны — город Ниш.

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В ответ на это в России началась всеобщая мобилизация, после чего Германия объявила 1 августа России войну. Сразу же после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, дальнобойная артиллерия австро-венгерской армии и ее мониторы на Дунае обстреляли Белград. 4 августа регент Александр объявил войну Австро-Венгрии.

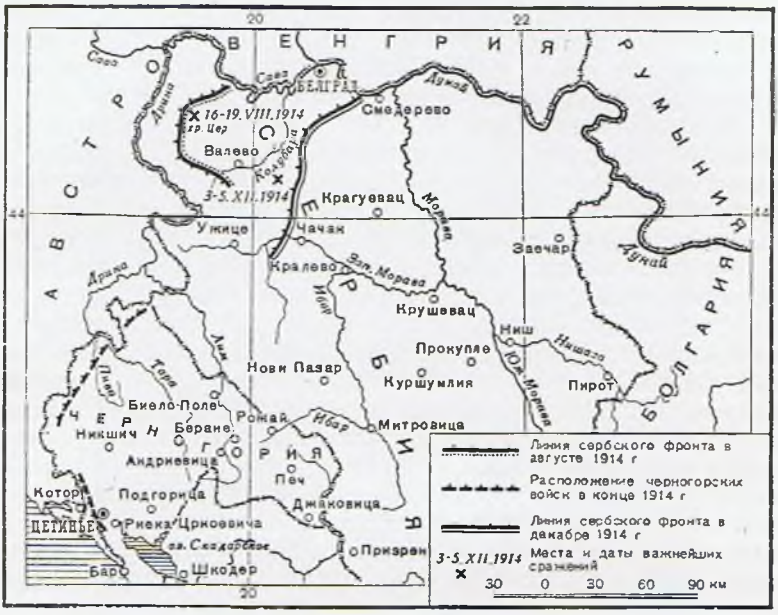
Хотя в предвоенные годы черногорский король Николай маневрировал между Австро-Венгрией и Россией, вымогая субсидии и с той и с другой стороны, правительство Черногории решило присоединиться к Сербии. 5 августа, на другой день после того, как Россия объявила войну Австро-Венгрии, Черногория также объявила Австро-Венгрии войну.

В течение нескольких дней война из австро-сербской превратилась в мировую, в схватку двух соперничавших империалистических блоков — стоявшей за Сербией Антанты (Англии, Франции, России) и Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, а вскоре и Турции).

Положение Сербии и Черногории в начавшейся войне было своеобразным. Империалисты Австро-Венгрии и Германии начали войну против Сербии, желая «...покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства»[1], — указывал В. И. Ленин. Однако в силу того, что Сербия и Черногория выступали в войне не одни, а в составе империалистической коалиции стран Антанты, «национальный элемент» в борьбе Сербии и Черногории против Австро-Венгрии имел совершенно подчиненное значение и не менял общего империалистического характера войны[2].

Австро-венгерская армия во главе с генералом Потиореком, имея численное и техническое превосходство над сербской, 12 августа предприняла наступление на восток от р. Дрины, в северо-западной части Сербии. Сербская армия под руководством генерала Путника упорно сражалась с вторгшимся неприятелем. В четырехдневном сражении 16—19 августа в районе Церского хребта сербская армия вклинилась в расположение неприятельских войск и перешла в контрнаступление. К 24 августа австро-венгерские части были отброшены на исходные рубежи, за Дрину и Саву, потеряв много пленными и оставив при отступлении значительное количество оружия, снаряжения и припасов.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.
[2] Там же, стр. 162.



Военные действия в Сербии в 1914 г.

Успешному отражению Сербией наступления австро-венгерской армии во многом содействовал моральный фактор. Хотя сербское правительство и связало страну с империалистической коалицией стран Антанты, национальный элемент в борьбе сербов против Австро-Венгрии и то обстоятельство, что Сербия подверглась агрессивному нападению,— все это укрепило силы сербского сопротивления вторгшейся австро-венгерской армии.

Через короткое время — 7 ноября, сорвав начавшееся при поддержке черногорцев наступление сербов на Сараево, австро-венгерские части предприняли второе наступление. Они переправились через Дрину и продвинулись в глубь Сербии, опустошая занятую территорию. Испытывая острый недостаток в боеприпасах, в особенности в снарядах (на 100 неприятельских артиллерийских выстрелов сербы нередко отвечали одним), отступая с боями, сербская армия вынуждена была оставить 14 ноября Валево, а 2 декабря — Белград. Доставленные на русских кораблях по Дунаю и через Салоники из Франции снаряды и припасы позволили сербской армии вскоре перейти в контрнаступление. В сражении в бассейне р. Колубары («Сербская Марна») 3—5 декабря 1914 г. сербские части разбили австро-венгерские войска. Вскоре Белград, а затем и вся Сербия были очищены от неприятеля, понесшего во время отступления большой урон пленными и вооружением. Сербская армия не имела сил развивать наступление и остановилась на рубежах рек Савы и Дрины. Командование австро-венгерской армии, потерпев подряд два поражения, отказалось на время от операции против Сербии и направило по требованию Германии свои основные силы на Восточный фронт. Положение на австро-сербском фронте надолго стабилизировалось.

Успеху сербской армии, отбившей неприятельский натиск, содействовали операции русской армии в Галиции, отвлекшие значительные силы Австро-Венгрии, в том числе и часть армии Потиорека. В то же время сербские войска, связавшие часть австро-венгерских сил, содействовали операциям русской армии на Восточном фронте. Стойкая оборона и контр-

наступление сербов сорвали планы австро-германского командования, рассчитывавшего установить в 1914 г. прямую связь с Турцией. С началом первой мировой войны конфликт между правящей партией радикалов и группой офицеров из «Черной руки» потерял свою остроту. Назначенные еще в июне 1914 г. выборы в новую скупщину в связи с военным положением были отменены, и старая скупщина вновь начала функционировать. 5 декабря (22.XI) 1914 г. правительство Пашича было реорганизовано. На смену однопартийному кабинету радикалов пришло коалиционное правительство, это должно было способствовать более успешному ведению войны. В состав нового кабинета, возглавленного Пашичем (занявшим, как и раньше, также и пост министра иностранных дел), кроме радикалов, вошли представители от младорадикалов («самостальцев») и от «прогрессистов» («напредняков»). 7 декабря (24.XI) в разгар успешного контрнаступления сербской армии правительство выступило в скупщине с заявлением о целях войны, известным под названием Нишской декларации. В декларации объявлялось, что Сербия ведет войну «за освобождение и объединение всех наших порабощенных братьев сербов, хорватов и словенцев». Она была встречена с сочувствием как сербским народом, так и югославянским населением Австро-Венгрии.

Выдвинув популярную в народных массах программу освобождения угнетенных югославянских народов монархии Габсбургов, правящие сербские круги в действительности преследовали при этом цель создания «Великой Сербии» с династией Карагеоргиевичей во главе. Шовинистические притязания правящих кругов Сербии сказывались в их настойчивых попытках добиться санкции союзников на оккупацию «стратегических пунктов» албанской территории; в июне 1915 г. сербские войска были введены в центральную часть Албании (районы Эльбасана и Тираны).

Против националистической политики сербской буржуазии выступила только социал-демократическая партия. Перед объявлением войны, 25(12) июля 1914 г. состоялось заседание руководства партии, на котором в последний раз присутствовал лидер партии Димитрий Туцович (в ноябре 1914 г. он погиб на фронте). Димитрий Туцович и Душан Попович высказались против войны, выступив с критикой шовинистической и националистической политики правительства Сербии. Совещание определило интернационалистскую позицию партии в наступавшем конфликте, наметило проведение антивоенного митинга. Но мобилизация в армию почти всех членов партии сорвала намеченное мероприятие. Оставшиеся немобилизованными социал-демократы (в том числе два депутата скупщины) продолжали отстаивать позицию, определенную руководством партии. В скупщине и в партийном органе, газете «Радничке новине», социал-демократы выступили против войны, отказались вотировать военные кредиты, высказывались за пролетарскую солидарность с рабочим классом Австро-Венгрии.

Как и в период первой балканской войны, сербские социал-демократы не были до конца последовательны в вопросах войны, мира и революции. Однако они правильно поняли главную задачу пролетарской партии в начавшейся империалистической войне, которая, по словам В. И. Ленина, заключалась в том, чтобы «...бороться в первую голову с шовинизмом „своей“ буржуазии...»[1], отстоять «...свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма „патриотической“ буржуазной клики всех стран...»[2]

Сербские социал-демократы, в отличие от большинства социалистических партий Европы, не поддались в своей массе националистическому

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 40.
[2] Там же, стр. 17.

Димитрий Туцович

угару. Напротив, они стремились отмежеваться от шовинистической политики сербской буржуазии, тесно связанной с империалистами Антанты, старались помешать ей увести пролетариат в болото шовинизма. Принимая во внимание, что (в общем потоке империалистической войны) в войне Сербии против Австро-Венгрии был,— как отмечал В. И. Ленин,— и «национальный элемент» (см. стр. 660), антивоенная позиция сербских социал-демократов тем более свидетельствовала, что они поставили на первый план интересы международного рабочего движения.

Интернационалистическая позиция сербской социал-демократии была отмечена и одобрена В. И. Лениным[1] и большевистской газетой «Социал-демократ».

Мобилизация в армию большей части социал-демократов привела к резкому ослаблению деятельности партии. За первые два с половиною месяца войны вышло всего четыре номера газеты «Радничке новине». Даже редкие номера рабочей газеты вызывали цензурные и полицейские преследования, так как она разоблачала своекорыстную классовую политику правящего в Сербии буржуазно-монархического лагеря. В конце июня 1915 г. правительство запретило распространять газету «Радничке новине» в полосе военных действий и в землях, присоединенных после балканских войн, а вскоре издание газеты было совсем прекращено.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 25 и «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. М., 1956, стр. 417.

Вместо нее в августе 1915 г. стала выходить под редакцией Поповича газета «Будучност» («Будущее»). Сербская социал-демократическая партия заняла классовую пролетарскую позицию и в вопросах, связанных с интересами балканских народов и рабочего движения на Балканах в целом. Она солидаризировалась с выступлением руководителя Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) Георгия Киркова 24(11) января 1915 г., в котором последний заявил, что для балканских народов одинаково опасны союзы как с империалистами Антанты, так и с империалистами Центральных держав. На общебалканском митинге в Софии в марте 1915 г. (где был представитель и от сербских социал-демократов) и в приветствии Второй общебалканской социал-демократической конференции в Бухаресте в июле 1915 г. сербские социал-демократы выражали солидарность с социал-демократическими партиями Болгарии, Румынии и Греции, выступали против разделов на Балканах (в частности, в Македонии), за мир между балканскими народами, за демократическую федерацию балканских республик. Особенно тесными и дружескими были связи между сербскими социал-демократами и тесняками.

Военные действия, развернувшиеся на территории самой плодородной части Сербии — в Мачве и в междуречье Дрины, Савы, Моравы и Дуная,— губительно сказались на экономике страны. Почти все взрослое мужское население оказалось под ружьем. Был реквизирован тягловый скот. Посев озимых во многих хозяйствах не производился или производился в крайне ограниченных размерах. Уже осенью 1914 г. в стране стал ощущаться недостаток продовольствия. Тяжело страдало от продовольственных затруднений городское население, особенно в Белграде. К началу 1915 г. цена на хлеб повысилась по сравнению с предвоенным периодом в пять раз. Наступление австро-венгерской армии вызвало массовое передвижение беженцев, оказавшихся в чрезвычайно трудном положении. Большие бедствия трудящимся принесли также эпидемии, охватившие страну с конца 1914 г. В результате эпидемий к лету 1915 г., по некоторым данным, умерло около 130 тыс. человек.

Бедственным положением трудящихся, в особенности беженцев, пользовались спекулянты. Большие прибыли также получали дельцы, занимавшиеся поставками для армии одежды, обуви и продовольствия. За злоупотребления, связанные с поставкой муки, под давлением обличительных выступлений социал-демократов, депутатов скупщины, было отдано под суд несколько крупных хлеботорговцев — Попович, Бальтазарович и Пешич. Большой шум произвела в стране так называемая опанчарская афера — дело о поставке группой спекулянтов во главе с миллионерами братьями Иличами опанок[1] из гнилой и тонкой кожи, явившееся предметом обсуждения в скупщине.

Растущее недовольство народных масс вздорожанием жизни и махинациями алчных дельцов, разоблаченных социал-демократами, заставило правительство издать законы о помощи пострадавшим от войны (в декабре 1914 г.) и о моратории на налоги (в апреле 1915 г.). Социал-демократы критиковали эти законы, предлагали расширить сферу действия их в интересах широких масс, в частности рабочих, оказавшихся без работы. Правительством был создан специальный комитет по устройству беженцев, имевший свои органы на местах. Но меры не принесли больших результатов.

Особенно тяжелым было положение в Македонии, где по существу сохранился оккупационный режим, установленный там еще с момента присоединения ее к Сербии. Еще осенью (в сентябре-октябре) 1913 г.

[1] Опанки — сербская крестьянская национальная обувь из сплетенных кожаных ремней.

близ границы с Албанией среди населения присоединенных к Сербии областей Македонии (в районах Охрида, Струги и Дебара) и Косова вспыхнули волнения. Восставшие выступили против насильственной политики сербизации, проводившейся по указке из Белграда. Восстание было жестоко подавлено войсками. Преследуя бежавших в Албанию повстанцев (албанского происхождения), сербское командование оккупировало часть албанской территории. Против шовинистической политики сербских властей протестовала лишь социал-демократическая партия Сербии.

Большое недовольство населения Македонии вызвала мобилизация в сербскую армию: росло число дезертиров, переходивших через границу в Болгарию, или создававших четы и действовавших внутри страны. Осенью 1914 г. положение в Македонии было снова столь неспокойным, что для «ревизии» туда были посланы три министра.

Одновременно в Македонии активизировалась деятельность ВМРО. Отдельные четы македонских революционеров добивались образования автономной Македонии.

Другие македонские четы были связаны с «верховистами», стремившимися присоединить всю Македонию к Болгарии. С молчаливого разрешения болгарских властей эти отряды создали себе базу в Струмицком районе Пиринской Македонии, принадлежавшей Болгарии. Весной 1915 г. четы, возглавляемые такими головорезами, как Брло (общее руководство ими осуществляли лидеры «верховистов» Тодор Александров и Александр Протогеров), совершали налеты на территорию Вардарской Македонии. Выполняя задание австро-германской разведки, они терроризировали население и устраивали диверсии.

Террор сербской администрации в Македонии, посылка карательных отрядов не принесли правительству ожидаемых результатов. Число жителей Македонии, дезертировавших из армии, росло. Учащались стычки групп дезертиров с жандармскими отрядами. Подразделения, состоявшие из македонцев, сербское командование считало настолько ненадежными, что использовало их лишь для несения тыловой службы и для оккупации албанской территории.

Сербские социал-демократы, как и социал-демократы Болгарии, Греции и Румынии, выражали свое сочувствие населению Македонии, разоблачали в газете «Радничке новине» жестокий режим, установленный сербским правительством в Македонии.

Трудным было и положение черногорского народа. Процент мобилизованных в армию был здесь еще выше, чем в Сербии, и это отрицательно сказывалось на крестьянском хозяйстве. Вследствие блокады австрийским флотом черногорского побережья доставка продовольствия извне прямым путем в черногорский порт Антивари (Бар) была чрезвычайно рискованным делом. Другой путь — через Салоники и Сербию — был очень нелегким. Недовольство населения на почве голода и злоупотреблений спекулянтов прорывалось иногда наружу. Так, в апреле 1915 г. в г. Рпека Црноевича перед резиденцией короля Николая произошла демонстрация голодных женщин.

Черногорская армия не проявляла большой активности. Она лишь поддерживала отдельными вспомогательными операциями борьбу сербов. Получая от Сербии на содержание армии ежемесячную субсидию, а также обмундирование из Франции (в счет поставок для России), черногорский король отклонил сербское предложение об объединении черногорской армии с сербской под сербским командованием. В отличие от большинства черногорского населения и офицерства король Николай и его окружение боялись тесного союза с Сербией. Король опасался антидинастических устремлений сторонников сближения Черногории с Сербией. Сказывалось также соперничество черногорской и сербской

династий в борьбе за присоединение югославянских земель Австро-Венгрии, претензии на создание «Великой Черногории». Король Николай строил планы захватов новых территорий, в первую очередь в северной Албании. В июне 1915 г. черногорские войска перешли границы Албании, оккупировав Скутари и бассейн реки Бояны (Буны). На этой почве дело чуть было не дошло до столкновения между сербскими и черногорскими войсками.

Наступившее с начала 1915 г. затишье на фронте использовалось сербским командованием для мобилизации и обучения новых резервов. Учитывая, что для отражения возможного более мощного удара неприятеля сил Сербии будет недостаточно, сербское правительство неоднократно обращалось за помощью к своим союзникам. Россия не могла послать в Сербию свои войска, так как морской путь через проливы, принадлежавшие Турции, был закрыт. Англия и Франция, стремившиеся к овладению проливами, направили своих солдат на подкрепление Дарданельской морской экспедиции, начав в апреле 1915 г. высадку войск в Галлиполи. Помощь Сербии и Черногории ограничилась присылкой некоторого количества оружия, припасов, снаряжения и т. д., а также посылкой санитарных отрядов из России и Франции.

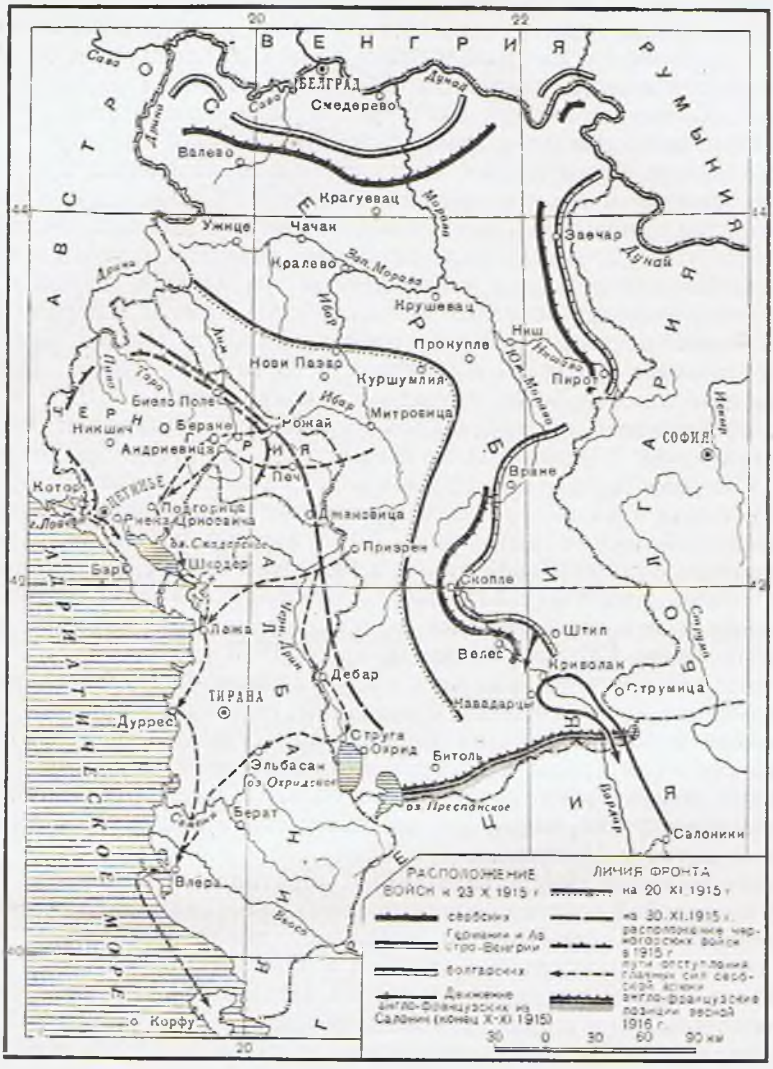
Пытаясь обеспечить победу путем привлечения новых союзников, дипломатия Антанты, так же как и дипломатия Центральных держав, развернула борьбу за нейтральные страны. С начала войны, а особенно в течение 1915 г. проходили переговоры обеих коалиций с Италией и Болгарией.

Переговоры с Италией окончились заключением 26 апреля 1915 г. секретного Лондонского договора. Согласно договору Италии за выступление на стороне Антанты были обещаны обширные территориальные приобретения, в том числе югославянские земли Австро-Венгрии на Адриатическом побережье (Горица и Градишка, Истрия с островами и Триестом, большая часть Далмации с прилегающими островами). С претензиями сербского правительства на эти области в Лондоне и Париже не считались. Русская дипломатия пыталась, исходя из своих планов, сопротивляться сделке с Италией за счет югославянского населения, но вынуждена была отступить.

Антанта стремилась привлечь и Болгарию на свою сторону, добиваясь в связи с этим от сербского правительства уступок в Македонии. В начале августа 1915 г. союзниками был передан сербскому королю меморандум с предложением, чтобы Сербия уступила Болгарии так называемую бесспорную зону в Македонии (по сербо-болгарскому договору от 1912 г.). В качестве компенсации союзники обещали присоединить к Сербии территории Боснии и Герцеговины, южной Далмации, а возможно, и Хорватии.

Нажим союзников на сербское правительство вызвал разногласия в руководящих кругах Сербии. Руководители оппозиционных партий и военные каждый раз, когда правительство Пашича попадало в трудное положение, усиливали нападки на него. Последнее, чувствуя себя не очень уверенно, созвало 16(3) августа 1915 г. скупщину. В конце сессии были проведены закрытые заседания, на которых депутатов ознакомили в общих чертах с ходом переговоров с Антантой по вопросу о Македонии. Против общей линии правительства выступили лишь представители социал-демократии, осуждавшие его националистическую политику, разделы на Балканах (в Македонии) и выдвигавшие лозунг «За мир, за Балканскую федерацию демократических республик»[1].

[1] С полным одобрением встретили болгарские тесняки декларацию сербских социал-демократов, опубликовав ее в своем органе газете «Работнически вестник» и прислав приветственную телеграмму солидарности с сербской социал-демократией.



Военные действия в Сербии и Черногории в 1915—1916 гг.

Получив от скупщины одобрение общей политической линии и свободу рук в переговорах с Антантой, правительство Пашича отказывалось уступить Болгарии всю так называемую бесспорную зону в Македонии; оно соглашалось, да и то под большим давлением, на передачу лишь части этой зоны. Между тем переговоры Центральных держав с Болгарией проходили более успешно. 6 сентября 1915 г. между Германией и Болгарией втайне был подписан договор о союзе. Германия обещала Болгарии за ее выступление против Сербии всю Вардарскую Македонию, входившую в состав Сербии, и часть сербского Поморавья.

Договором с Болгарией Центральные державы обеспечили себе превосходство в силах на балканском театре военных действий. 5—7 октября австро-германская армия под командованием генерала Макензена перешла в наступление против Сербии. Форсировав Дунай и Саву, захватив Белград, она начала теснить сербскую армию с севера и запада. Неожиданно с востока на Сербию напала болгарская армия. Первоначаль-

но сербские войска оказывали упорное сопротивление, но уже в ноябре положение Сербии резко ухудшилось. Попытка переброшенных из Галлиполи в Салоники англо-французских частей продвинуться на соединение с сербской армией, сделанная с большим опозданием, оказалась безуспешной. В начале ноября англо-французские части были отброшены болгарскими войсками и сербской армии был отрезан путь на Салоники.

В это время значительная часть сербского населения представляла собою кочующую массу разоренных беженцев, не знавших, в каком направлении им двигаться. Правительство вместе с дипломатическим корпусом несколько раз переезжало из одного города в другой, затем перебралось в Черногорию, и в конце ноября оказалось в Албании (Скутари). К этому моменту основные силы сербской армии, деморализованной наступавшими с разных сторон превосходящими силами противника, были оттеснены к границам Албании и отчасти Черногории. Испытывая большие лишения, сербские солдаты в течение декабря 1915 г. и января 1916 г. пробирались по труднопроходимым горным путям к Адриатическому побережью северной Албании. Оттуда им пришлось отправиться на юг, к портам Дуррес и Влёра для переброски на остров Корфу. Вместе с ними уходила и часть сербского гражданского населения. Большинство же сербских беженцев вынуждено было вернуться в свои разоренные родные места. Путь сербской армии и беженцев был усеян трупами умерших от голода, холода и болезней. 300-тысячная в начале войны сербская армия к моменту прибытия ее остатков на остров Корфу насчитывала лишь около 120 тыс. солдат (февраль 1916 г.).

Черногорская армия в период австро-германо-болгарского наступления на Сербию не вела больших операций, сдерживая попытки австрийцев перейти в наступление на черногорском участке фронта. После поражения сербской армии и отступления части ее в Черногорию австро-венгерское командование начало наступление на Черногорию. Оказав слабое сопротивление, черногорские войска сдали в начале января 1916 г. Ловчен, а затем и Цетинье.

Король Николай 14(1) января 1916 г. обратился к императору Францу-Иосифу с просьбой о прекращении военных действий и заключении мира. Правительство Австро-Венгрии поставило тяжелые условия, потребовав, в частности, разоружения и сдачи в плен всех черногорских и находившихся в Черногории сербских солдат. Переговоры, начавшиеся между правительством Черногории и командованием австро-венгерской армии, были прекращены. Не видя возможности продолжать борьбу и не решаясь подписать акт о капитуляции, король Николай вместе с частью правительства и командования покинул страну. Бегство короля деморализовало армию, которая вскоре прекратила сопротивление; часть солдат попала в плен к австрийцам, другие разошлись по домам. Лишь небольшой отряд черногорцев вместе с сербскими солдатами переправился на остров Корфу. В течение января—февраля 1916г. австро-венгерские войска постепенно оккупировали и горные районы Черногории.

Югославянские народы Австро-Венгрии в первые годы войны

С начала войны куцые конституционные свободы в Австро-Венгрии были ликвидированы, деятельность парламента и многих муниципальных органов прекратилась. Военные трибуналы судили и гражданских лиц.

Правящая верхушка Вены и Будапешта, начав войну против Сербии и Черногории, объявила сербов «нацией убийц». В некоторых городах Боснии и Герцеговины, Срема, Хорватии и в других районах в первые

дни войны были организованы антисербские демонстрации, местами погромы. Все сербские общества и объединения, в том числе просветительные и спортивные, были распущены, имущество их конфисковано.

Правительство стремилось разжечь национальный и религиозный антагонизм между угнетенными народами; оно покровительствовало добровольческим отрядам, созданным в Боснии и Герцеговине из деклассированных элементов и мусульман-фанатиков. Подобные полувоенные иррегулярные отряды так называемых легионашей были созданы и в других югославянских областях. Они совершали насилия и самосуды, помогая властям в борьбе против оппозиционных элементов.

Волна правительственного террора и преследований прокатилась по всем югославянским землям монархии. Газеты были закрыты, деятели Омладины и других национальных югославянских организаций и люди, просто сочувствовавшие идее национального освобождения югославян, были репрессированы. Среди арестованных были депутаты муниципальных органов, видные представители югославянской интеллигенции. Их заключали в тюрьмы и концлагери, либо высылали в отдаленные места монархии (Арад, Комаром и др.). Особенно жестоко расправились власти с деятелями «Молодой Боснии» и других молодежных организаций — они были подвергнуты истязаниям и расстреляны, либо заточены в казематах. В пограничных районах — в Боснии и Герцеговине, Среме и других областях — власти для устрашения населения брали заложников.

Мобилизованные в армию лица югославянского происхождения страдали от произвола и жестокостей австрийских и венгерских офицеров. Подразделения, укомплектованные из боснийцев и других югославян, отправлялись на особо опасные участки фронта. В целях устрашения командование ставило за югославянскими полками отряды с пулеметами, а иногда применяло так называемую децимацию — расстрел каждого десятого. Недовольные солдаты при первой возможности перебегали линию фронта и сдавались в плен русским или сербам и черногорцам.

Большую помощь правительству Габсбургов оказали клерикалы и руководители буржуазных партий югославянских земель. Ватикан, тесно связанный с Габсбургами, поддержал войну Австро-Венгрии против Сербии, Черногории и России. Епископы Любляны, Загреба и других югославянских центров монархии одобряли милитаристскую политику правительства и молились о даровании побед австро-венгерской армии. Воинственную позицию занимала и югославянская клерикальная печать.

Словенская клерикально-буржуазная партия (Народная партия) во главе с Шуштершичем демонстрировала свою преданность монархии. Некоторые лидеры партии из числа наиболее ревностных приверженцев Габсбургов организовали совместно с представителями церкви слежку за верующими словенцами для выявления неблагонадежных. Войну против Сербии поддержали хорватские клерикальные круги и крупные землевладельцы, помещики-мусульмане Боснии, а также клерикалы Далмации и других югославянских земель.

Либерально-буржуазные партии югославянских областей империи в лице их официальных лидеров также одобрили войну с Сербией. Прежде всего сказывался оппортунизм либеральных буржуа, напуганных политическим террором в монархии в начале войны, а также страх перед империалистами Италии. К тому же часть словенской и хорватской буржуазии, связанная с австрийскими и венгерскими монополиями, была заинтересована в сохранении общеимперского рынка и в расширении экспансии австро-венгерского империализма на Балканы. В силу этих причин руководство словенской Национально-прогрессивной партии поддержало правительство. Лидер партии мэр Любляны Иван Тавчар заявлял: «Мы, словенцы, хотим остаться преданными сыновьями империи».

Лидеры Хорвато-сербской коалиции, отказавшиеся от оппозиции господствующему режиму еще накануне войны, оказали поддержку правительству. Правда, это крупнейшее хорватское буржуазное объединение партий, имевшее более половины мандатов в хорватском саборе, в отличие от франковцев, не принимало участия в шовинистических сербофобских демонстрациях. Но именно по инициативе лидеров коалиции 14 июня 1915 г. в хорватском саборе была устроена демонстрация преданности Габсбургам по случаю вступления Италии в войну против Австро-Венгрии. Поддерживая военные цели монархии, официальное руководство коалиции заявляло о желательности присоединения к Хорватии Далмации и Боснии. Позицию поддержки войны против Сербии заняли также и лидеры Хорватской крестьянской партии, робко критикуя некоторые отдельные мероприятия властей, затрагивавшие интересы крестьянства.

Постановление Базельского конгресса II Интернационала, принятое (в ноябре 1912 г.) при участии представителей австрийских, венгерских, хорватских и других социал-демократов Австро-Венгрии, специально обязывало социал-демократов Австрии, Венгрии, а также Хорватии и других югославянских областей «всеми силами оказать эффективное противодействие» любой агрессии против Сербии. Однако лидеры социал-демократии Австро-Венгрии по существу оказали поддержку правящему лагерю. Они совершили прямое предательство, выступив в поддержку разбойничьего похода против Сербии. Нападение на Сербию они оправдывали тем, что Центральные державы якобы ведут войну в интересах демократии и несут цивилизацию в отсталые балканские страны.

Ориентируясь на позицию руководства австрийской социал-демократии, лидеры социал-демократии югославянских земель, зараженные ядом австро-марксизма, капитулировали перед буржуазно-монархическим лагерем. И тем не менее, деятельность рабочих партий и профсоюзов в югославянских землях была с начала войны фактически запрещена, а газеты социал-демократов закрыты.

Лишь немногие из левых социал-демократов и членов профсоюзов, в первую очередь в Боснии и Герцеговине,— где положение трудящихся было хуже, чем в других районах империи, и классовые противоречия острее,— заняли антивоенную позицию. К их числу принадлежали, например, Джуро Джакович, выступавший против социал-шовинистской и оппортунистической линии руководства социал-демократии, арестованный в 1915 г. за антивоенную пропаганду среди рабочих Сараева и приговоренный к смертной казни, замененной каторжными работами; Алия Алиягич, находившийся среди солдат в Мостаре и арестованный за выступление против грубого обращения и плохих условий, и некоторые другие.

Небольшая часть деятелей буржуазных партий югославянских областей с самого начала войны сделала ставку на победу Антанты. Представители этого крыла буржуазных партий, оказавшиеся по разным причинам к началу войны за границей или бежавшие в начале войны из пределов Австро-Венгрии, создали в Риме и в Нише центры югославянской эмиграции. На основе римской группы после совещания в конце апреля 1915 г. возник так называемый Югославянский комитет, возглавленный Анте Трумбичем. Центр деятельности Комитета был в Лондоне. В состав Югославянского комитета входили деятели буржуазных партий Хорватии и Далмации (Анте Трумбич, Франо Супило, Хинко Хинкович, Франко Поточняк, известный скульптор Иван Мештрович и др.), Боснии и Герцеговины (Никола Стоянович, Душан Васильевич), Словении (Богумил Вошняк и др.).

Претендуя на роль представителя интересов югославянского населения Австро-Венгрии, Югославянский комитет издавал газеты и выступал с заявлениями в печати, вел переговоры с дипломатами стран Антан-

ты и с правительством Сербии, устанавливал связи с югославянской эмиграцией в Северной и Южной Америке, помогавшей ему своими средствами, содействовал набору добровольцев в сербскую армию. Филиалы Комитета были созданы в Париже, Петрограде, Женеве и Вашингтоне.

Деятели Комитета в своем большинстве отражали интересы тех кругов буржуазии югославянских земель Австро-Венгрии, которые не были тесно связаны с монополиями Вены и Будапешта и могли выиграть в случае создания самостоятельного государства югославян. Однако в среде югославянской эмиграции из Австро-Венгрии (так же, как и в самом Комитете) не было единства, ибо она состояла из разнородных в социальном и национальном отношении групп. Отдельные представители хорватской буржуазии строили планы создания югославянского государства; гегемоном в новом государстве должна была, по их предположению, стать Хорватия. Некоторые деятели сербской буржуазии из Боснии, Герцеговины, Далмации и Воеводины склонны были к соглашению с сербскими националистами, добивавшимися создания «Великой Сербии» (т. е. присоединения югославянских земель монархии к Сербии). Были в составе Комитета и лица, действовавшие непосредственно по инструкциям Пашича. Сербские шовинисты ориентировались на поддержку царской России, заинтересованной в создании «Великой Сербии» с выходом в Адриатику.

Программой Югославянского комитета в целом, в отличие от планов сербского правительства, было создание югославянского государства путем объединения югославянских земель империи с Сербией на началах широкой автономии. Югославянский комитет зависел от Пашича в финансовом отношении, и его члены, ведя переговоры с дипломатами стран Антанты и с правительством Сербии, готовы были пойти на различные комбинации и компромиссы. Некоторое исключение составлял лишь входивший в состав Комитета мелкобуржуазный демократ Супило. Он добивался создания югославянской федерации. «Или Югославия[1], или ничего!» — заявил он в одном из своих выступлений еще в самом начале войны. Выступая против компромиссов с великосербскими шовинистами, Супило оказался в одиночестве и вынужден был в мае 1916 г. выйти из Комитета.

Неудачи Австро-Венгрии в войне в 1914 — начале 1915 г. вызвали некоторые перегруппировки в югославянских партиях монархии. В то время как официальные лидеры партий клялись в верности Габсбургам, выдвигая иногда лишь оговорки в духе триализма, отдельные представители этих партий налаживали непосредственные связи с югославянской эмиграцией. 11 и 18 апреля 1915 г. в Трисете состоялось тайное совещание представителей крупнейших югославянских буржуазных партий Хорватии и Славонии, Штирии, Горицы и Крайны. После долгих споров совещание одобрило идею создания Югославянского комитета с целью борьбы за объединение югославянских земель империи в самостоятельное государство.

Правительства стран Антанты первоначально не допускали возможности распада габсбургской монархии; это не входило и в расчеты влиятельных финансовых кругов Лондона и Парижа, связанных с венскими банками. Британская дипломатия к тому же отрицательно относилась к идее создания югославянского государства или «Великой Сербии», опасаясь, что это усилит Россию.

Из государств Антанты лишь правительство России до известной степени поддерживало планы присоединения югославянских земель Австро-Венгрии к Сербии. Правительство же Италии, вступившее в мае 1915 г.

[1] Лозунг создания Югославии выдвигался тогда сторонниками федерации югославянских народов в противовес идее «Великой Сербии».

в войну на стороне Антанты, было самым решительным противником создания большого югославянского государства. Подписав Лондонское соглашение с Италией, империалистические правительства Англии, Франции, а под их нажимом, и России, продемонстрировали в целом свое полное нежелание считаться с чаяниями югославянских народов, с программой Югославянского комитета, а также и с планами сербского правительства.

Не думая всерьез о создании югославянского государства, правительства стран Антанты, хотя и вели переговоры с Югославянским комитетом, не желали связывать себя какими-нибудь далеко идущими обязательствами. В то же время державы Антанты использовали Комитет для целей разведки и как центр объединения югославянской эмиграции в борьбе против Центральных держав и поэтому оказывали ему некоторую поддержку.

По мере того как война затягивалась, страны Антанты становились все более заинтересованными в Югославянском комитете и как в дополнительном рычаге воздействия на правящие круги Австро-Венгрии (при попытках заключения сепаратного мира), и как в органе, содействовавшем набору добровольцев в сербскую армию.

В начале войны лица югославянского происхождения из числа перебежчиков или военнопленных, изъявлявшие желание сражаться против Австро-Венгрии, направлялись (в том числе и из пределов России) в сербскую и черногорскую армии. После поражения Сербии и Черногории, в России, где численность пленных из югославянских земель Австро-Венгрии быстро увеличивалась, приступили к формированию сербских добровольческих батальонов. Весной 1916 г. в Одессе начала формироваться 1-ая добровольческая сербская дивизия, которая затем в составе русской армии приняла участие в боях в Добрудже. Позже была создана и 2-ая добровольческая дивизия, составившая (вместе с 1-ой) добровольческий корпус. Сербские части комплектовались из добровольцев сербов и других югославян.

Некоторые солдаты-добровольцы были сторонниками югославянской идеи, т. е. создания Югославии как государства с равными правами для всех югославянских народов. Офицерский же состав дивизии, присланный в основном из сербских частей с острова Корфу, состоял почти исключительно из великосербских шовинистов.

Правящие верхи сербской монархии, оказавшись в эмиграции (сначала на острове Корфу, а затем частично в Салониках, куда весной 1916 г. была переведена основная часть сербской армии вместе с командованием), по-прежнему строили планы создания «Великой Сербии».

Поражение сербской армии было использовано регентом Александром Карагеоргиевичем для укрепления своей личной власти. Честолюбивый интриган Александр, желая подчинить себе полностью всю армию, сменил руководство в Верховном военном командовании, заменив старых генералов во главе с Путником своими приверженцами. После этого был нанесен удар по влиятельной в армии возглавлявшейся полковником Димитриевичем (Аписом) офицерской группе «Черная рука», конфликтовавшей с руководством радикальной партии. Опираясь на поддержку Пашича и на группу офицеров во главе с Петром Живковичем («Белая рука»), Александр арестовал в декабре 1916 г. полковника Димитриевича.

В ходе войны произошли значительные социально-экономические изменения во всей Австро-Венгрии, в том числе в югославянских землях и оккупированных областях Сербии и Черногории. Сельское хозяйство в связи с мобилизацией трудоспособных мужчин пришло в упадок. Валовый сбор зерна на протяжении войны непрерывно падал. Принудительные закупки продуктов земледелия у крестьян по низким ценам, пре-

вращавшиеся фактически в реквизицию, разоряли трудовое крестьянство югославянских областей. Цены на продовольствие и другие товары первой необходимости выросли по сравнению с довоенным уровнем в несколько раз. От этого страдало прежде всего трудящееся население городов, а также и деревенская беднота. Особенно тяжелым было положение в Боснии и Герцеговине (являвшихся зоной военных действий против Сербии), где вследствие военных реквизиций беднота голодала, а также в Истрии, объявленной зоной военных действий с момента вступления Италии в войну против Австро-Венгрии.

Франо Супил

Промышленное производство Австро-Венгрии резко упало вследствие недостатка сырья, топлива и нехватки рабочих рук. Предприятия были военизированы — для работавших на них был установлен строгий режим, включавший продолжительный (14— 18-часовой) рабочий день. На многих предприятиях ста широко применяться труд женщин и детей.

Еще хуже было положение населения в оккупированных австро венгерскими войсками северных и северо-западных областях Сербии в Черногории. В феврале-марте 1916 г. здесь были учреждены военны управления. Все население оккупированных областей было обязан получить от оккупационных властей удостоверения личности; передви жение жителей ограничивалось. Все партии и общественные организа ции, в том числе филантропические союзы, были запрещены. Газеты и ча стные типографии были закрыты. Выходила лишь одна официальна газета —орган оккупационных властей. Стремясь ущемить национальны чувства сербов, власти запретили употребление кириллицы даже в час ной переписке.

В целях борьбы с «государственными преступниками» было создан специальное ведомство. Все лица, так или иначе выступавшие в начал войны против Австро-Венгрии, были объявлены врагами монархии и аресто ваны, а их имущество конфисковано. Около 150 тыс. из оставшихс на оккупированной территории наиболее политически активных сер ских подданных были интернированы и заключены в тюрьмы и концлаг ри, где умирали от истощения. Часть интернированных была отправл на на сельскохозяйственные работы в Венгрию.

Оккупировав Сербию и Черногорию, австрийские власти подверг систематическому расхищению их лесные богатства и горнорудные зап сы. Сербия и Черногория превратились фактически в районы, отку австро-венгерские и германские империалисты выкачивали сырье и пр довольственные ресурсы. В результате население Сербии и Черногор страдало от голода. В Белграде, например, выдавалось по карточка в месяц по килограмму кукурузной муки на человека.

Тяжелым было и положение населения оккупированных болгарскими войсками областей, входивших в состав Сербии. Болгарские власти разделили свою зону оккупации на два генерал-губернаторства: Поморавье — сербские области к востоку от реки Моравы, с центром в Нише, и Македонию (Вардарскую Македонию) с центром в г. Скопле. В Македонии оккупационные власти опирались на «верховистов», являвшихся сторонниками присоединения Македонии к Болгарии. В школах вместо сербского было введено преподавание болгарского языка. Наиболее политически активное сербское население, в особенности из интеллигенции, было интернировано — тысячи сербов из Пиротского и Нишского округов были оторваны от своих семей и высланы на разного рода работы в глубь Болгарии. Население Македонии подверглось ограблению со стороны военных и чиновников, специально отправившихся в эти районы для быстрого обогащения и пользовавшихся поддержкой болгарских центральных властей[1].

В выкачивании продовольствия и сырья из этих районов, как и из районов, оккупированных австро-венгерскими войсками, принимали активное участие германские империалисты. В их распоряжении находились железные дороги (Смедерево — Ниш — Велес, Ниш — София и Заечарская). Пользуясь своим фактически бесконтрольным положением, офицеры и солдаты немецких и австро-венгерских частей, расположенных в этом районе, грабили местное население и вывозили с собою или посылали своим родным продовольствие.

И в австро-венгерской, и в болгарской зонах оккупации, несмотря на жестокий террористический режим, нарастало возмущение местного населения. В лесах и горах скрывалась часть солдат сербской и черногорской армий, сохранявших оружие и не сдавшихся властям (так называемые комиты).

В то время как трудовое население югославянских областей Австро-Венгрии, Сербии и Черногории бедствовало, господствующие классы обогащались. На военных поставках, на эксплуатации всех трудящихся империи путем государственно-монополистического регулирования экономики через так называемые централи (государственные военно-хозяйственные органы), на ограблении населения оккупированных областей наживали огромные прибыли не только банкиры и промышленники Вены и Будапешта. Часть прибылей доставалась и чешской и югославянской буржуазии, связанной с австрийскими и венгерскими монополиями. В словенских землях были основаны за годы войны два новых банка — Иллирийский и Задружный, а некоторые старые банки (например, Кредитный в Любляне) увеличили свои капиталы. Многие сербские буржуа обогатились за время чужеземной оккупации; некоторые стали в период войны миллионерами. Выросла и экономически окрепла сельская буржуазия Хорватии и Славонии. Усиление чешской и отчасти югославянской буржуазии вело к обострению конкурентной борьбы в лагере господствующих классов монархии, к росту центробежных тенденций среди буржуазии оттесненных и угнетенных наций.

Таким образом, в ходе войны обострялись классовые и национальные противоречия, которые стали особенно заметно проявляться с конца 1916 — начала 1917 г.

[1] В защиту населения Поморавья и Македонии решительно выступали депутаты болгарского парламента от партии тесняков (в том числе Благоев и Димитров). Они выражали сочувствие народам Сербии и Черногории в постигшем их несчастье.

Антивоенное, национально-освободительное и рабочее движение в югославянских землях в 1917 г.

С конца 1916 г. начал быстро нарастать общий хозяйственный и военно-политический кризис империи Габсбургов. Продовольственная и сырьевая база страны была истощена. Недостаток сырья и топлива предопределил спад промышленного производства, явно ощущавшийся особенно с конца 1916 г.

Наступление русской армии в июне — сентябре 1916 г. и занятие ею южной Галиции и Буковины резко ухудшили положение Австро-Венгрии. В результате ряда неудач ее армия была уже не способна к серьезным операциям. Дисциплина в ней упала, росло дезертирство. Солдаты, в особенности славянского происхождения, массами сдавались в плен русским. Фронт удерживали главным образом германские части. Верховное командование над армиями ослабленной Австро-Венгрии перешло к генералу Гинденбургу.

В рядах трудящихся, испытывавших усилившийся за время войны социальный и политический гнет, росло глубокое недовольство.

Большое влияние на пробуждение политической активности трудящихся двуединой монархии оказала Февральская революция в России. Свержение самодержавия и образование Советов вызвали широкие отклики во всем мире и в особенности в Австро-Венгрии, являвшейся, как и Россия, одним из слабых звеньев в системе империализма. Первые же вести о революции в России породили волну собраний, митингов и демонстраций, прокатившуюся по всей Австро-Венгрии, в том числе и в югославянских областях монархии. 8 апреля 1917 г. собрание рабочих Триеста приняло резолюцию, в которой отмечалось большое значение революции в России.

В армии Австро-Венгрии усилилось разложение. На фронте происходило братание с русскими солдатами, что способствовало проникновению и распространению революционных идей. В леса и горы Хорватии и Далмации, Боснии и Герцеговины устремились солдаты, дезертировавшие из своих частей, а также рекруты, уклонявшиеся от мобилизации. Это движение отрядов так называемых зеленых начало особенно широко распространяться в югославянских землях.

В 1917 г. происходит активизация деятельности комитов в оккупированных австро-венгерскими и болгарскими войсками районах Сербии и Македонии, а также оживление движения четников в Черногории. Крупнейшим проявлением движения комитов было Топлицкое восстание в феврале-марте 1917 г. Восстание охватило население Ябланицкого и Крушевацкого районов Нишского округа. В нем приняли участие и отряды комитов, во главе которых стояли лица, связанные с сербским правительством. Восставшие сумели на короткое время захватить несколько небольших городов (Куршумлия, Прокупле и др.). Брошенные на подавление восставших подразделения оккупационной болгарской армии при поддержке австро-венгерских сил в марте 1917 г. подавили восстание.

В 1917 г. шириласъ борьба югославянских пролетариев. Большое влияние на них оказали революционные события в России, а также пример революционной борьбы чешского пролетариата и трудящихся других областей империи. Распространялись революционные листовки, издававшиеся левыми социалистами («леворадикалами») Вены. Одна из таких листовок, напечатанная на хорватском языке, призывала рабочий класс к забастовке и к захвату власти по примеру Парижской Коммуны и Советов рабочих депутатов 1905 г. в России.

Весной 1917 г. среди рабочих югославянских земель росло движение за повышение заработной платы. В нем участвовали рабочие всех

профессий — печатники и трамвайщики, табачники и железнодорожники, кожевники и деревообделочники. Движение рабочих проходило почти всюду стихийно. Лидеры социал-демократических партий и профсоюзов Хорватии, словенских и других областей монархии стояли в стороне от него. В связи с этим в ряде мест (в первую очередь в Боснии и Герцеговине) появились новые руководители. В частности, в герцеговинском городе Мостаре по инициативе находившихся на нелегальном положении социал-демократов (Гойко Вуковича и др.) были восстановлены местные профсоюзы. Вслед за рабочими выступили и служащие государственных и муниципальных учреждений. 30 апреля собрание муниципальных служащих Хорватии вынесло решение добиваться увеличения военной надбавки к заработной плате на 100% в связи с ростом цен.

1 мая 1917 г. рабочие почти всех предприятий югославянских областей империи отмечали пролетарский праздник. Первомайское собрание рабочих Сараева послало горячие поздравления народу России и российской социал-демократии, приветствовало «великую русскую революцию, которая придала новые силы идее свободы во всем мире». 5 мая вспыхнула забастовка обувщиков Карловаца. Во второй половине мая началась стачка железнодорожников Загреба, длившаяся до начала июня 1917 г.

Весной 1917 г. по всей стране проходили демонстрации трудящихся, требовавших хлеба и мира, выступавших против дороговизны, спекуляции и злоупотреблений властей.

Активизация борьбы трудящихся, в первую очередь пролетариата, за мир, хлеб, социальную и национальную свободу вызывала противодействие господствующих классов империи. Правящие круги применяли репрессивные меры по отношению к революционно настроенным элементам. В то же время власти отменили постановления об ограничении деятельности рабочих организаций в югославянских областях. Более того, они даже подталкивали лидеров социал-демократии возглавить растущее рабочее движение и направить его в мирное русло.

В сложившейся обстановке правительство Австро-Венгрии (где после смерти в ноябре 1916 г. Франца-Иосифа императором стал Карл I) стремилось создать у трудящихся масс впечатление о своем стремлении к миру. При удобном случае оно действительно склонно было пойти на заключение мира на выгодных для себя условиях и выясняло возможность заключения сепаратного мира с Антантой[1]. Наживавшаяся на военных прибылях буржуазия Австро-Венгрии, как и других воюющих держав, чувствуя растущее возмущение масс и боясь революции, начала думать о заключении империалистического мира[2]. Именно поэтому власти Австро-Венгрии оказали содействие реформистским лидерам социал-демократии, в том числе и деятелям социал-демократии югославянских земель, в их поездке на международную социалистическую конференцию в Стокгольм.

Опасаясь нараставшего революционного и национально-освободительного движения, правящие круги Венгрии вынудили выйти в отставку открыто реакционный венгерский кабинет во главе с графом Иштваном Тисой, ярым противником реформ. Стремясь к сплочению буржуазных слоев и партий, правительство Австрии решило возобновить деятельность рейхсрата. Тронная речь императора, открывшая заседание созванного 30 мая 1917 г. рейхсрата, содержала обещание государственных реформ.

В тот же день, 30 мая, лидер словенских клерикалов Антон Корошец от имени так называемого Югославянского клуба, куда входили словенские, хорватские и сербские депутаты югославянских областей Цислей-

[1] Весной 1917 г. Габсбурги через своего родственника Сикста Бурбонского вели переговоры с правительством Франции о возможности заключения сепаратного мира.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 183, 245, 256—258.

тании (словенских земель и Далмации) выступил в рейхсрате с заявлением, получившим название Майской декларации. Она провозглашала необходимость объединения всех словенских, хорватских и сербских земель монархии в самостоятельный государственный организм, под скипетром габсбургской династии, т. е. соответствовала планам триалистического переустройства дуалистической монархии. Приблизительно в таком же духе сделали заявления и представители чешских и украинских депутатов, добивавшихся переустройства монархии на федеративных началах и автономии чехословацких и украинских земель в рамках габсбургской монархии.

Майскую декларацию поддержали прежде всего деятели клерикальных кругов югославянских областей — сторонники идеи триализма. Некоторые из клерикалов, в частности люблянский епископ Еглич, надеялись, что декларация нейтрализует попытки Югославянского комитета, направленные на отрыв югославян от монархии Габсбургов. Кроме представителей католической церкви, декларацию в Словении поддержали лидеры словенских Народной и Национально-прогрессивной партий (Шуштершич и Тавчар) и представители католического рабочего объединения. За объединение югославян, включая Сербию и Черногорию, под скипетром Габсбургов высказался сараевский митрополит сербской православной церкви Летица.

В Хорватии в поддержку идеи объединения хорватов, словенцев и сербов Австро-Венгрии выступили «старчевичанцы» — «милиновцы» (см. главу 33). Ранее придерживавшиеся великохорватской позиции «милиновцы» в это время эволюционировали. Представитель «милиновцев» д-р Анте Павелич[1] выступил 5 июля 1917 г. в саборе с заявлением, в котором солидаризировался с идеей единства югославян Австро-Венгрии. Отказавшись от прежней антисербской платформы, партия установила контакты с сербскими буржуазными партиями Далмации, Боснии и Герцеговины.

Руководство крупнейшего объединения буржуазных партий Хорватии — Хорвато-сербской коалиции — не захотело компрометировать себя в глазах двора и воздержалось от выражения солидарности с Майской декларацией, подчеркнув таким образом свою лояльность.

Признательность двора не замедлила последовать. После длительного кризиса к власти в Будапеште пришло в середине июня правительство Морица Эстергази. На место внеконституционного комиссара барона Скерлеца 29 июня 1917 г. оно назначило хорватским баном крупного землевладельца, одного из деятелей Хорвато-сербской коалиции Антуна Михаловича. Хорвато-сербская коалиция приняла на себя таким образом формальную ответственность за политику правящего лагеря.

В правительственных кругах Вены и Будапешта усиленно заговорили о предстоящих реформах избирательной системы и даже о новой конституции. Из острого правительственного кризиса в Вене попытались найти выход в создании коалиционного кабинета с участием представителей от буржуазных партий угнетенных наций и социал-демократии. Дело, однако, кончилось формированием в июне 1917 г. беспартийного чиновничьего кабинета, возглавленного немецким националистом Эрнстом фон Зейдлером. 3 июля императорским указом была объявлена амнистия политическим заключенным, осужденным в период войны.

Ослабление империи, кризис ее «верхов» обусловили усиление центробежных тенденций и предопределили зарождение процесса перегруппировки сил в лагере буржуазных партий югославянских областей. Наиболее реакционное крыло этого лагеря, в первую очередь клерикалы

[1] Не смешивать с Анте Павеличем — главарем усташей (хорватских фашистов).

и крупные землевладельцы, продолжали цепляться за монархию. Значительная часть буржуазного лагеря (словенские либералы, часть сторонников Хорвато-сербской коалиции), перейдя к политике лавирования и маневрирования, выжидала и все больше прибегала к псевдодемократической фразеологии.

И лишь отдельные представители буржуазных югославянских партий под влиянием обострения национальной и классовой борьбы начали все более определенно ориентироваться на победу Антанты. В начале июля 1917 г. два деятеля Хорвато-сербской коалиции (Срджан Будисавлевич и Валерьян Прибичевич) вышли из партии и сделали заявление в саборе о необходимости «объединения всех земель монархии, населенных словенцами, хорватами и сербами, в полностью самостоятельный и независимый государственный организм».

Борьбой за «национальные права» буржуазные лидеры югославянских земель пытались обеспечить за собой гегемонию в поднимавшемся национально-освободительном движении с тем, чтобы упрочить свои классовые позиции.

Некоторая перегруппировка сил происходила и в лагере югославянской эмиграции. В рядах сербского добровольческого корпуса в России после Февральской революции быстро росли революционные настроения. Ширилась пропаганда сербских, хорватских и словенских социал-демократов, установивших связи с русскими большевиками. Активизировались и демократически настроенные хорватские и словенские солдаты и офицеры, вступившие в корпус для борьбы за самостоятельную и демократическую, федеративную Югославию. Представители демократически настроенных офицеров корпуса обратились весной 1917 г. с декларацией к русским властям в Одессе. В заявлении они осуждали великосербских шовинистов и высказались «за создание Югославии, основанной на принципах демократии и равноправия всех трех народностей».

Сербское командование усилило репрессии по отношению к прогрессивно настроенным элементам, что привело к росту недовольства в корпусе и к выходу из него значительного числа солдат и офицеров, вступивших затем в русскую армию. Учитывая это, командование вынуждено было пойти на формальную уступку: сербский добровольческий корпус был переименован в «добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев».

Весной и летом 1917 г. сербское эмигрантское правительство переживало серьезные трудности. Прежде всего, свержение царизма в России лишило его единственной более или менее прочной опоры в лагере Антанты. В этот момент французское правительство вело секретные переговоры с правительством Австро-Венгрии о возможностях заключения сепаратного мира. Идя навстречу планам заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией, сербское правительство решило отмежеваться от организаторов убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда путем осуждения участников убийства в Сараеве. В конце мая — начале июня 1917 г. в Салониках по настоянию радикалов был проведен военный суд над полковником Димитриевичем (Аписом) и привлеченными по этому же делу участниками сараевского убийства. Суд приговорил Аписа и непосредственных организаторов убийства к расстрелу. В знак протеста против приговора суда представители «самостальцев» (Любомир Давидович и Милорад Драшкович) 23 июня вышли из коалиционного правительства. Был создан однопартийный кабинет радикалов во главе с Пашичем.

В этой сложной обстановке сербские правящие круги решили пойти на переговоры с Югославянским комитетом, желая добиться консолидации сил буржуазной югославянской эмиграции, сделавшей ставку на победу Антанты. По инициативе правительства Пашича в середине июня на остро-

ве Корфу начались переговоры, в которых участвовали, с одной стороны, представители сербских правящих кругов (Пашич, Драшкович, Давидович, Воислав Маринкович), и с другой — лидеры Югославянского комитета (Трумбич, Хинкович, Динко Трипайстич, Вошняк, Васильевич).

Между сербскими националистами, добивавшимися создания «Великой Сербии», и деятелями Югославянского комитета, отстаивавшими интересы буржуазии югославянских земель Австро-Венгрии (в первую очередь — хорватской и словенской) существовали серьезные противоречия. Однако страх перед растущим революционным движением народных масс и притязаниями итальянских империалистов на югославянские земли, а также опасения, как бы инициатива и руководство в югославянском национальном движении и в решении национального вопроса не была перехвачена сторонниками Майской декларации, заставили обе стороны искать соглашения.

В конце концов длительные переговоры закончились подписанием 20 июля 1917 г. декларации, известной под названием Корфской. Корфская декларация провозглашала неизбежность создания единого государства югославян и принципы, на основе которых должно было быть создано после окончания войны единое государство сербов, хорватов и словенцев. Декларация утверждала, что будущее государство («Королевство сербов, хорватов и словенцев») должно включить в свои границы все югославянские земли Австро-Венгрии, Сербию и Черногорию. Новое государство должно стать конституционной, демократической, парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей. Для выработки конституции объединенного государства предусматривался созыв Учредительного собрания. При этом конституция и законы будущего государства должны были вступать в силу лишь с санкции короля.

Декларация формально была компромиссом между великосербской позицией и линией буржуазии югославянских земель Австро-Венгрии, добивавшейся на основе федерации равных прав с сербской. Однако в сущности она отрицала самобытность отдельных югославянских народов (в статье 9-й говорилось о едином трехименном югославянском народе) и тем создавала идейную основу для будущей гегемонии великосербских шовинистов. Сербское правительство имело за собой военную силу, официальное признание правительств стран Антанты, и это не могло не дать перевеса великосербским тенденциям.

Известное положительное значение декларации заключалось в том, что она провозгласила программу создания независимого югославянского государства. Отныне это становилось единой целью и Югославянского комитета, и сербского эмигрантского правительства.

Идея создания единого югославянского государства из Сербии, Черногории и югославянских земель Австро-Венгрии завоевывала себе все большее число сторонников и в среде черногорской эмиграции. Из черногорских политических деятелей, порвавших в 1916 г. с королем Николаем, и студентов-эмигрантов был создан в марте 1917 г. в Париже «Черногорский комитет национального объединения» во главе с бывшим главою правительства Андрием Радовичем. Черногорский комитет издавал газету «Уединене», сотрудничал с Югославянским комитетом и находился в тесной связи с сербским правительством, получая от него субсидии. 11 августа 1917 г. Черногорский комитет выразил свою солидарность с Корфской декларацией. Только король Николай и послушное ему правительство выступили против объединения, объявив всех черногорцев, солидаризировавшихся с Корфской декларацией, «изменниками».

Летом 1917 г. все более широкий размах приобретали антивоенные демонстрации и волнения трудящихся Австро-Венгрии. Ширилось стачечное движение рабочих различных областей монархии, в первую очередь

в чешских землях и в Австрии. В Далмации (Которе, Сплите и других городах) прошли антивоенные демонстрации и волнения голодающего населения. В Словении летом 1917 г. вспыхнула стачка в железнодорожных мастерских города Марибора. Приходили в движение сельскохозяйственные рабочие Воеводины. Выступали за увеличение военной надбавки печатники города Загреба и рабочие других городов. В октябре 1917 г. бастовали кожевники Загреба.

Оживилась деятельность профессиональных союзов. В Загребе в июле 1917 г. были восстановлены профсоюзы металлистов, деревообделочников, кожевников, строителей, пищевиков и др. В Сплите и других городах Далмации возникли комитеты действия, ставившие своею целью возрождение деятельности профсоюзов. Первыми здесь начали действовать профсоюзы деревообделочников и парикмахеров, а за ними и многие другие.

Активизировалась и деятельность социал-демократических организаций, особенно в Боснии и Герцеговине. Под влиянием революционно настроенной массы рабочих здесь было создано единое руководство партией и профсоюзами.

Летом 1917 г. начали функционировать Временный комитет действия хорватских социал-демократов и правление Общего рабочего союза (объединения профсоюзов Хорватии). 30 июня 1917 г. в Сараеве возобновился выпуск газеты «Глас Слободе», органа боснийских социал-демократов. В июле 1917 г. начали выходить социал-демократические газеты в Хорватии и Словении («Слобода» и «Напрей»).

Во главе отдельных местных комитетов профсоюзов и организации социал-демократии в Боснии и в Хорватии (в Вуковаре, например) вставали левые социалисты, сочувствовавшие большевикам. Однако руководство в большинстве восстанавливавшихся в югославянских областях организаций социал-демократии оказалось в руках реформистских и центристских деятелей. Реформистские лидеры (Витомир Корач и др.) стали во главе движения с тем, чтобы направить его в русло экономической борьбы. В национальном вопросе реформистские лидеры словенских и хорватских социал-демократов в преобладающей своей части стояли на позициях Корфской декларации.

Сербская социал-демократия переживала кризис. Малочисленный и до войны сербский пролетариат за время войны в связи с разрухой в сербской промышленности почти полностью деклассировался. Оккупационный террор, аресты и интернирование деморализовали отдельных, оставшихся в стране социал-демократов (Лапчевича и др.), и они по существу прекратили партийную деятельность. Некоторые из сербских социал-демократов эмигрировали за границу (во Францию, Швейцарию и Грецию — Салоники). Оказавшийся в Швейцарии Триша Кацлерович принял участие в происходившей в апреле 1916 г. в Кинтале конференции социал-демократов — циммервальдцев. В то же время часть сербских социал-демократов, находившихся в эмиграции во Франции, осудила с националистических позиций участие Кацлеровича в конференции интернационалистов в Кинтале.

Потеряв связь с массами, не имея достаточно четкого революционного мировоззрения, сербские социал-демократы не смогли занять последовательно революционных позиций в изменившейся в 1917 г. обстановке. Часть сербских социал-демократов в Салониках и во Франции (Сава Музикравич и др.) перешла на социал-шовинистские позиции. Другие, как, например, приехавшие в Стокгольм в конце сентября 1917 г. представители левого крыла сербских социал-демократов (Попович и Кацлерович) с помощью социал-пацифистских деятелей из Голландско-Скандинавского комитета издали «Обращение сербских социал-демократов к цивилизованному миру». Обращение это содержало яркие данные, разоб-

лачавшие жестокий режим, установленный в Сербии германскими, австрийскими и болгарскими оккупантами. Однако сербские социал-демократы не выдвинули при этом программы революционной борьбы, не связали задачи национального освобождения страны с задачами социального освобождения.

Определяя в октябре 1917 г. позицию сербских социал-демократов, представители которых прибыли в Стокгольм уже после окончания Третьей Циммервальдской конференции, В. И. Ленин назвал сербскую социал-демократию партией, стоящей близко к интернационалистическому течению, но не являвшейся последовательно интернационалистской.

Таким образом, в обострившейся революционной национально-освободительной борьбе гегемонию (ввиду отсутствия в югославянских землях сильного рабочего класса и революционной партии) захватила буржуазия, в значительной своей части готовая на сделку с правящими кругами монархии Габсбургов.

Перспектива развития национально-освободительного движения югославянских народов, их будущее зависели от мощи и размаха революционной борьбы народных масс, от условий и масштабов развития революционного процесса в Австро-Венгрии и в Европе в целом.

Огромное влияние на ход вызревания и углубления революционной ситуации в Австро-Венгрии и в Европе оказала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Октябрьская революция изменила соотношение сил на международной арене и создала благоприятные предпосылки для более успешного хода революционной борьбы трудящихся Австро-Венгрии. Революционное движение народных масс югославянских земель, получившее после победы Октябрьской революции новый мощный импульс, явилось в конечном итоге главной двигательной пружиной того исторического процесса, который привел в конце 1918 г. к образованию самостоятельного югославянского государства.

ГЛАВА 40

КУЛЬТУРА

Культура югославянских народов второй половины XIX — начала XX в. продолжала и развивала лучшие традиции периода национального Возрождения. Развитие капитализма, формирование классов буржуазного общества, постепенное усиление противоречий и борьбы между ними приводили к прямой и широкой постановке социальных проблем, к обострению классовой трактовки важнейших жизненных вопросов, в том числе и национальных. Данный исторический период характеризуется двумя неразрывно связанными между собой процессами: развитием и обогащением национальных культур большинства югославянских народов и дальнейшим формированием «двух культур» в каждой национальной культуре, борьба которых в значительной степени определяла характер и пути развития духовной жизни этих народов.

Постепенно формировавшаяся национальная буржуазия все более стремилась поставить на службу своим практическим, жизненным интересам и духовным запросам различные области культуры — просвещение, печать, науку и искусство. К концу XIX в. в наиболее развитых югославянских землях (Сербии, Словении, Хорватии, Воеводине) окончательно сложилась буржуазная культура, как культура господствующего класса. Вместе с тем в процессе борьбы «двух культур» стали обозначаться и признаки идейного кризиса буржуазной культуры: возрастание ее реакционности, усиление национализма, влияние идеалистической философии и отражавшего ее концепции западного буржуазного искусства, вступившего в период декаданса и культивировавшего упадочнические настроения. В Словении и Хорватии на развитие буржуазной культуры оказывали воздействие и клерикальные круги.

Дальнейший этап развития буржуазного общества характеризуется обострением идеологических противоречий, в значительной мере обусловленных ростом демократических, прогрессивных элементов национальных культур югославян. В обогащении их духовной жизни все бо́льшую роль начали играть выходцы из трудовых слоев народа и деятели культуры, идейно ставшие на сторону угнетаемых и эксплуатируемых масс. Продолжая лучшие традиции национальной культуры и творчески используя культурный опыт других народов, они развивали и обогащали прогрессивную, демократическую культуру, боролись за просвещение народа,

за приобщение его к достижениям науки и искусства, стремились установить критерии художественных ценностей, разоблачая реакционную сущность теории «искусства для искусства», получавшей распространение и в югославянских землях. В борьбе с этой теорией существенную роль сыграли сторонники революционной демократии и некоторые другие прогрессивные деятели.

Возрастающая общественно-политическая активность народных масс служила не только почвой для появления даровитых ученых и талантливых художников, но и основой того, что наиболее значительные достижения дала именно прогрессивная, демократическая культура. Этим объясняется то, что несмотря на реакционность политического режима Габсбургов, расцвет буржуазного национализма, влияние клерикальных кругов и буржуазной культуры Запада, — наука и искусство, печать и просвещение югославянских народов добиваются крупных успехов. Важную роль в этом выполняло воздействие прогрессивной культуры других народов, особенно русского. В частности, теории «искусства для искусства» наносили удары труды Чернышевского, завоевывавшие известность в Сербии.

Достижения в области науки и искусства и значительное расширение культурных связей и сотрудничества с другими народами повышали значение культуры югославян в общем процессе развития мировой культуры.

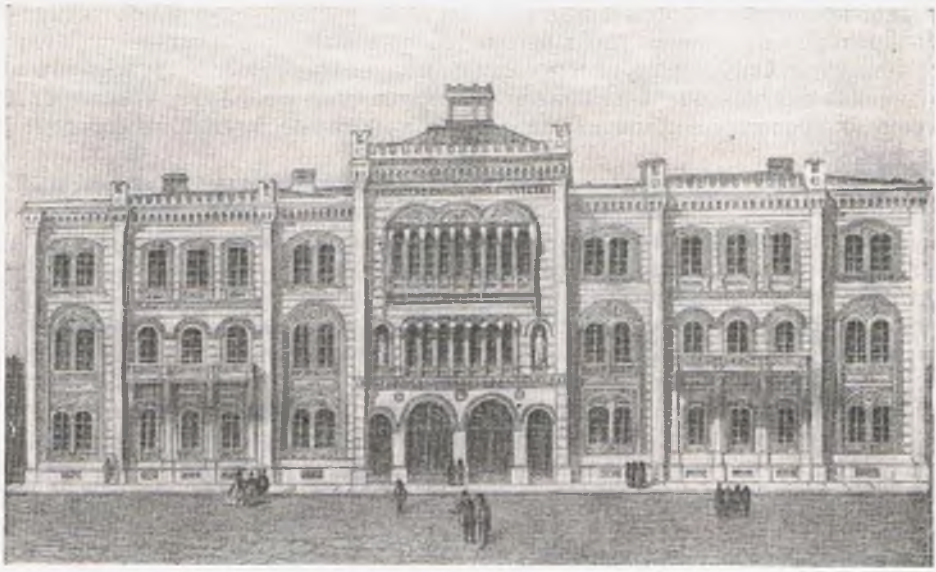
Просвещение и наука

Просвещение в югославянских землях в этот период развивалось неравномерно. В Сербии, Хорватии и Словении оно достигло больших успехов, в других землях сильно отставало. Так, например, в Боснии и Герцеговине даже в 1914 г. училось только 10% детей школьного возраста. Характерной особенностью было развитие специального образования — торговых, финансово-экономических, счетно-бухгалтерских, строительных, технических, сельскохозяйственных средних учебных заведений.

В землях, входивших в состав Австро-Венгрии, а также в Македонии, еще продолжалась борьба за обучение на родном языке. В Словении оно более широко было введено только с 1869 г. Шла борьба и за отделение школы от церкви. Этот вопрос раньше и радикальнее был решен в Сербии, Воеводине и Черногории; католическая же церковь в Словении, Хорватии и Далмации оказывала сильное влияние на просвещение.

Значительным достижением в области образования было открытие в 1863 г. Великой (высшей) школы в Белграде (в 1905 г. преобразованной в университет) и в 1874 г. университета в Загребе. В Словении университета не было до 1919 г. Лишь в австрийском городе Граце была создана кафедра словенской литературы и языка для подготовки преподавателей будущего университета. Наличные университеты, однако, не могли дать образование всей югославянской молодежи, поэтому она уезжала учиться в заграничные учебные заведения.

В развитии просвещения важную роль играли культурно-просветительные общества: Матица сербская (с 1864 г. в Нови Саде), издававшая журнал «Летопис» и серии общедоступных книг, и Матица хорватская, издававшая журналы «Невен» и затем «Виенац». Эти общества открывали музеи, архивы, библиотеки. В Белграде были созданы библиотеки Учительским обществом (1882) и Рабочим обществом (1895), в Загребе — Естественно-историческим (1885), в Сараеве — Музейным обществом (1899). В 1868 г. Васа Пелагич основал в Баня Луке Сербскую читальню. Крупнейшими библиотеками были Народная библиотека (с 1853) в Белграде, библиотека Югославянской академии наук и искусств (с 1868) и университета (с 1874) в Загребе.



Здание Высшей школы в Белграде

Развитию просвещения способствовало существование специальных педагогических обществ и журналов. Особенно плодотворной была деятельность Словенской школьной Матицы (с 1900 г.).

Со второй половины XIX в. наблюдается постепенный подъем и в области науки, чему содействуют университеты, научные общества и академии наук. В 1866 г. в Загребе была основана Югославянская академия наук и искусств с музеем и картинной галереей. Большая заслуга в этом принадлежит епископу Штросмайеру. Первым президентом академии был известный историк Франьо Рачкий.

В Белграде в 1864 г. возникло Сербское ученое общество, а в 1886 г. создана Сербская академия наук на базе этого общества. Ее первым президентом был крупный ботаник Йосип Панчич. Эти учреждения вместе с университетами стали центрами научной жизни.

Своеобразие экономического и политического положения югославянских стран определяло развитие научных исследований. Югославянские ученые не имели средств для постановки серьезных научных экспериментов. Именно в силу этого замечательный хорватский изобретатель — электротехник Никола Тесла (1856—1943) принужден был уехать в Соединенные Штаты Америки. Там он создал первый электродвигатель переменного тока, высокочастотный трансформатор, систему передачи сигналов при помощи электромагнитных волн, управление судна по радио. Он был одним из основоположников телеавтоматики и кибернетических машин. Тесла стоял на прогрессивных общественных позициях, он пришел к естественнонаучному материализму и понимал, что развитие общества неизбежно ведет к коммунизму.

Особенно большое внимание в югославянских землях уделялось естественным наукам. Югославянская и Сербская академии, используя опыт западноевропейской и русской науки, вели большие исследования растительного мира и земных недр своих стран. Обе академии поддерживали связь с Российской академией наук и избрали своими членами крупнейших русских ученых, например Д. И. Менделеева. Изучению природы способствовали переводы сочинений Дарвина и Геккеля. Защиту

теории эволюции Дарвина в Хорватии вели Б. Шулек и Л. Вукотинович. Последний написал работу об изменении и возникновении новых видов растений (1875). Большой популярностью пользовались труды И. М. Сеченова, а также естественнонаучные статьи Д. И. Писарева.

Развитие естественных наук тормозилось политической реакцией, церковью, национальным гнетом, экономической отсталостью и господством идеалистических воззрений. Но ученые-патриоты с большим упорством вели исследования, разрабатывали научную терминологию (ботаническую Б. Шулек, географическую Й. Цвиич, археологическую С. Рутар и т. д.) и, таким образом, боролись с германизаторской политикой Австрии: австрийские шовинисты считали невозможным изложение результатов научных исследований на славянских языках.

Естественнонаучные исследования расширились после создания специальных институтов. Основатель Ботанического института в Сербии — Йосиф Панчич (1814—1888) изучал растительный мир страны и написал ценные труды «Сербская флора» (1865) и «Флора княжества Сербии» (1871). В Хорватии указатель растений и фундаментальный труд «Хорватская флора» (1869) выпустили И. Шлоссер и Л. Вукотинович. Каталог лекарственных растений издали Ю. Домац и Г. Янечек (1885).

Значительны были успехи в области географии и геологии. В Сербии Йован Жуевич (1856 — 1935) составил геологическую карту страны (1882), написал «Геологию Сербии» (т. I—II, 1893—1900) и редактировал «Геологические анналы Балканского полуострова». Он был председателем созданного в 1892 г. Сербского геологического общества. Выдающимся географом и геологом был Йован Цвиич (1865—1927) — профессор Великой школы с 1893 г. Он автор «Основ географии и геологии Македонии и Старой Сербии» (1906—1911) и библиографии географической литературы о Балканском полуострове. Цвиич был основателем Географического института (1894) и Географического общества (1910) и редактором «Антропологических проблем Балканского полуострова» (24 книги). Его научная деятельность характеризуется разносторонностью (геоморфология, геология, антропология, этнография), стремлением комплексно изучать отдельные области Балканского полуострова и полуострова в целом, историзмом, научной объективностью. Цвиич принимал участие и в общественной жизни. Он был почетным членом академий наук Югославянской и Чешской, членом-корреспондентом Академии наук СССР, почетным доктором Сорбонны и Карлова университета.

Геологию Хорватии изучали главным образом австрийские ученые. Уже в 1849 г. в Вене был создан Геологический институт. Развитие геологии в Хорватии шло по нескольким направлениям: составлялись геологические карты (первые опыты их создания предпринял Л. Вукотинович), изучались теоретические проблемы (Джуро Пилар, 1846—1893), сейсмология (Мийо Кишпатич, 1851—1926), палеонтология (Драгутин Горяпович-Крамбергер, 1856—1936; Спиридон Брусина, 1845—1906), геофизика (Андрия Мохоровичич, 1857—1936).

Географией хорватских земель занимались В. Сабляр, составивший словарь населенных пунктов, И. Маткович (физическая и экономическая география) и В. Клаич, Х. Хранилович и Д. Хирц (население и природа).

Геологию Словении, кроме Венского геологического института, изучало Геологическое общество в Граце и его отделение в Любляне, ставшее с 1852 г. самостоятельным обществом. И. Жижа, М. Целеншек и Ф. Сейдль в результате предпринятых экспедиций создали ценные труды по геологии. Основы географической науки в Словении заложили Симон Рутар, Фран Орожен, Янез Есенко. Ценные картографические работы создали Х. Фрейер и И. Козлер. Ученые определили этнографические границы расселения словенцев, что имело большое значение для борьбы против

Югославянская академия наук и искусств в Загребе

проводимой австрийскими властями германизации. В 90-е годы Матица словенская издает большую серию книг по географии и этнографии.

Естествознание в этот период в югославянских странах достигло известных успехов: были заложены основы ряда наук, созданы исследовательские учреждения, написаны ценные труды, начата подготовка кадров ученых. Все это было важным вкладом в культуру югославян и способствовало ее дальнейшему развитию.

Работы в области физики, химии и математики развернулись только в самом конце XIX в. В Сербии плодотворными были исследования химиков Л. Лозанича (химическая технология, электрохимия, органика) и М. Новичича, физика М. Секулича (атомистика и электричество), математика М. Петровича. В Хорватии видным физиком был Отон Кучера, выступавший против попыток католической церкви затормозить развитие науки. Известность получила его книга «Время» (1897).

В области общественных наук во второй половине XIX — начале XX в. происходит острая борьба идеализма и материализма. Распространению материалистических идей препятствуют реакционные круги, правительство и церковь.

Ярким проявлением материалистической мысли в Сербии были работы Светозара Марковича[1]. В своих философских воззрениях он был воинствующим материалистом и непримиримо боролся с идеализмом и религией. Философские взгляды Марковича наиболее полно изложены в работе «Реальное направление в науке и жизни» (1871—1872), свидетельствующей о его близости к позиции русских революционеров-демократов. Маркович материалистически понимал закономерности бесконечного развития природы, утверждал первичность материи и вторичность сознания, познаваемость мира и активность сознания. Но во взглядах на развитие общества он во многом остался на идеалистических позициях, не поднявшись до исторического материализма, хотя считал экономические отно-

[1] См. о нем также гл. 31.

шения основными в обществе. Марковић был основоположником материалистической философии в Сербии. До него материалистические идеи развивал Живоин Жуевич (1840 — 1870) — «первый социалист среди сербов», как назвал его Маркович. Но мысли Жуевича о закономерностях развития общества, роли труда в жизни людей, обусловленности деятельности человека внешними условиями еще не сложились в законченную систему воззрений. Значительное влияние на него оказывали естественные науки (Дарвин, Сеченов). Воззрения же Марковича представляли собою более оформленную систему материалистических положений, как и более революционную систему общественно-политических взглядов. Именно это было причиной большого влияния Марковича на развитие передовой мысли, науки и искусства. Одним из последователей и популяризаторов его идей был Данило Илич (1890—1915), переводчик произведений Чернышевского, Маркса и Плеханова.

Йосип Юрай Штросмайер

К позициям Марковича был близок Васо Пелагич[1]. Его воззрения также складывались под воздействием русской революционной демократии во время пребывания в России в 1863—1865 гг. В своих работах «Опыт прогрессивного развития природы и личности» (1871), «Рассуждения здравого разума» (1879), «Социализм или коренное возрождение общества» (1884) и «Наука и трудовой народ» (1893) Пелагич защищал материалистические взгляды на развитие природы, роль труда в обществе, идеи социализма. Он отстаивал революционный путь освобождения народа и перестройки общества. Но ему были свойственны идеализм в понимании истории и переоценка роли личности в ней.

Идейная борьба в Сербии в конце XIX — начале XX в. значительно обострилась в связи с началом социалистического движения и распространения марксизма, против которого резко выступала реакционная философия.

Сербская буржуазная философия в большей своей части отличалась идеализмом, эклектичностью и несамостоятельностью. В ней наблюдались влияние кантианства (Милан Ристич «Система общей философии», 1860), гегельянства (Милан Куюнджич «Обозрение мировой гармонии», 1867—1872; Лаза Костич «Основной принцип или критическое введение в общую философию», 1884), позитивизма (работы Божидара Кнежевича, 1862—1905, по теории исторического процесса, особенно книги «Принципы истории», I—II, 1898—1901 и «Мысли», 1902). Увлечение позитивизмом подготовило почву для влияния махизма, эмпириокритицизма.

[1] См. о нем также гл. 36.

Разного рода идеалистические «системы» создали почву для метафизического подхода к действительности и к основным проблемам философии. Это наблюдалось, например, в работах Бранислава Петроневича (1875—1954) «Принципы теории познания» (1900) и «Принципы метафизики» (1904—1912), изданных в Германии. Петроневич идеалистически решал вопрос об отношении материи и сознания.

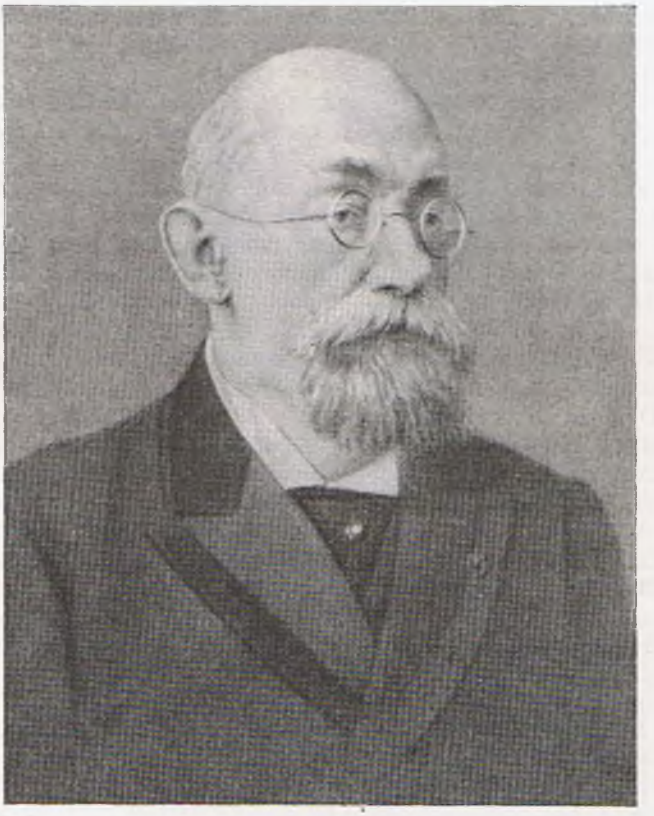
Еще ярче метафизический подход сказался в работах сербского математика Михаила Петровича. В книге «Элементы математической феноменологии» (1911) сложные явления жизни сведены им к простым, а эти последние схематически выражены математическими формулами. Такого рода механические теории большею частью развивались представителями специальных дисциплин, в результате неумения рассматривать действительность с более широкой точки зрения, нежели аспект их науки.

Рост рабочего класса Сербии в связи с развитием капитализма, усиление его социальной борьбы и проникновение в его среду социалистических идей послужили почвой для развития материалистической мысли. Однако это развитие тормозилось политическими преследованиями, влиянием буржуазной идеологии, разного рода новых форм идеализма. Примером может быть Драгиша Джурич (1871—1941), один из основателей сербской социал-демократической партии, испытавший на себе воздействие немецкого социал-реформизма и австромарксизма и пришедший к позитивистской вульгаризации исторического материализма («Проблемы марксизма», 1903). В книге «Проблема субъекта и объекта» (1912) он идеалистически толковал отношение сознания и действительности.

За чистоту марксистской философии боролись представители революционного крыла сербской социал-демократии, особенно Димитрий Туцович и Душан Попович (1884—1918). Первый из них основное внимание уделял революционному развитию общества и борьбе с социал-реформизмом и экономизмом, с теорией надклассовости буржуазного государства, делая закономерный вывод о необходимости завоевания власти рабочим классом как условии коренного преобразования общества. Туцович был редактором издававшихся в Сербии работ классиков марксизма. Душан Попович был переводчиком этих работ. Оба они много сделали для популяризации идей марксизма в Сербии. Попович, как и Туцович, стремился применить учение марксизма для понимания закономерностей развития своей страны. И в своих философских и в своих политических работах Попович последовательно отстаивал идеи закономерности общественного развития, классовую борьбу как движущее его начало, а в работе «Теория и практика» (1910) рассматривал общественную практику как основу познания и критерий истины. Характерным для этого этапа развития социалистического движения в Сербии было то, что и Туцович и Попович не поняли значения союза рабочего класса и крестьянства в революции. Не всегда верно они решали вопрос о диктатуре пролетариата. Но их пропаганда идей марксизма, их борьба за революционный подход к пониманию действительности сыграли большую роль в активизации материалистической мысли в Сербии.

В Хорватии и Словении борьба материализма и идеализма не проходила в столь острых формах, как в Сербии. В хорватской философии довольно сильно было влияние католицизма. Это способствовало живучести идеализма.

Кафедру философии в Загребском университете многие годы занимал Джуро Арнольд (1854—1941), стоявший на позициях спиритуализма: он считал дух творцом мира, материю — вторичным явлением, бога — единственной реальностью, знание заменял верой, историческое развитие — телеологическим. В работах «О психологии без души» (1898), «Фи-



Стоян Новакович

лософия, естественные науки и социология» (1899) и «Монизм и христианство» (1909) он, критикуя материализм, защищал религию.

В конце XIX — начале XX в. наблюдается появление большого числа «теорий» и «школ», повторявших модные течения тогдашней западноевропейской буржуазной философии. Против распространявшихся мистики и оккультизма выступили многие писатели и ученые, хотя сами они нередко стояли на идеалистических позициях (Антун Густав Матош, Милан Марьянович).

Материалистическая мысль в Хорватии не получила значительного развития. Она проявлялась главным образом в форме естественнонаучного материализма в трудах крупных ученых. Таким был Богослав Шулек (1816—1895), секретарь академии в 1874—1895 гг. Он защищал материализм и дарвинизм. Большое значение имели его работы «Предшественники Дарвина» (1885).

Прогрессивные антиклерикальные позиции занимал Даворин Трстеняк (1848—1921), который в книгах «Воспитание человека-борца» (1909), «Этика» (1910) и «Культурная история» (1914) разоблачал религиозные легенды о сотворении мира и человека богом, церковную догму о неизменяемости мира.

В Словении влияние католицизма было еще более сильным. Епископ Антон Махнич преследовал всех, кто осмеливался подрывать устои церкви. Много лет он грубо нападал на прогрессивно-демократического поэта Антона Ашкерца. Центром реакции в области философии был журнал «Римски католик». Близко к Махничу стоял профессор семинарии

Алеш Ушеничник, редактор журналов «Католишки обзорник» («Католическое обозрение», 1897—1906) и «Час» («Время», 1907—1919), автор «Социологии» (1910) и «Книги о жизни» (1918).

Некоторое распространение в Словении получил позитивизм (И. Жмавц, Б. Зарник). Он проявился также у социал-демократов (Антон Дермота, Драготин Лончар).

Во второй половине XIX — начале XX в. в югославянских странах значительных успехов добилась историческая наука. В Сербии это было в известной степени результатом того, что историки реакционно-романтического направления, самым крупным среди которых был Пантелия Сречкович (1834—1903), потерпели поражение в полемике с представителями новой, научно-критической школы. Ее основателем был Иларион Руварац (1832—1905), занимавшийся главным образом вспомогательными историческими дисциплинами: источниковедением, хронологией, генеалогией. Острый полемист, Руварац вскрыл тенденциозность и шовинизм концепции Сречковича, а в своих многочисленных работах дал детальное исследование отдельных исторических периодов, специальных вопросов истории Сербии и Боснии. Он опроверг ряд легенд, бытовавших в сербской исторической литературе, и разъяснил немало спорных вопросов. Труды Руварацa определили дальнейшее направление сербской историографии.

Основа, заложенная Руварацем, была развита последующими учеными. Стоян Новакович (1842—1915) — консервативный государственный деятель — был крупным ученым, работавшим как в области филологии (ученик Джуры Даничича), так и в области истории. Он создал ряд фундаментальных и оригинальных исследований, в которых сказалось влияние историко-юридической школы. В то же время Новакович первым из сербских историков применил сравнительно-исторический метод. В таких его работах, как «Село», сказался интерес ученого к социальной истории. Большим вкладом в сербскую медиевистику были публикации Новаковичем «Законника Стефана Душана» (1898) и средневековых грамот (1912). Его труды «Возрождение Сербского государства», «Восстание против дахиев», «Турецкая империя перед Первым сербским восстанием» и другие значительно продвинули разработку истории Первого сербского восстания.

Видным представителем сербской исторической науки был Станое Станоевич (1874—1937). В отличие от указанных выше авторов, он не только создал крупные исследования («Византия и сербы», I—II, 1903—1906), но и написал выдержавшую несколько изданий обобщающую работу «История сербского народа» (I—II, 1908). В этой книге, так же как и в «Истории сербов, хорватов и словенцев» (1920), проявился великосербский национализм автора.

Помимо буржуазных концепций, в сербской исторической науке были сформулированы и исторические взгляды революционно-демократического направления. Они изложены в книге С. Марковича «Сербия на Востоке», где автор развивает мысль о народе как творце истории и о революции, как основном моменте исторического движения от старого к новому. Он в то же время стремится доказать демократизм общественного строя сербов накануне первого восстания, видит в задруге полный коммунизм и идеализирует патриархальные черты общественных отношений.

Больших успехов добилась и хорватская историография. В Хорватии существовали научные исторические общества и учреждения, имевшие свои периодические издания.

Главным центром исторической науки была Югославянская академия наук и искусств, которую в течение 20 лет возглавлял выдающийся ис-

Франьо Рачкий

торик Франьо Рачкий (1828—1894). В результате длительной и упорной работы в Ватиканском архиве он извлек оттуда важные для истории Хорватии материалы. Это определило одно из направлений деятельности Рачкого. Он стал основоположником научной археографии в Хорватии, дав критическое издание источников средневековой истории страны. В своих многочисленных работах он исследовал важные вопросы средневековой истории Хорватии и других балканских стран.

В монографии «Внутреннее устройство Хорватии в XII веке» Рачкий разносторонне характеризовал хорватское общество, государство и церковь. В работе «Богомилы и патарены» он раскрыл связи балканских стран (Болгария, Босния) с южной Францией и Италией, сумел понять, что богомильство захватывало главным образом «нижние слои народа». Эта книга не утратила своего значения и в наши дни. Рачкий был не только ученым, но и крупным буржуазным политическим деятелем либерального направления, отстаивавшим самостоятельность Хорватии в составе федеративной Австрии и принципы югославизма.

Актуальные задачи национально-политической борьбы нашли свое отражение в некоторых его исторических сочинениях в виде модернизации прошлого («Борьба южных славян за независимость в XI в.»).

Для хорватских ученых характерно обращение прежде всего к истории средневекового Хорватского государства, что связано с национальной борьбой второй половины XIX в. Ряд историков не только исследовал

отдельные проблемы, но и работал в области создания общей истории Хорватии, уделяя основное внимание периоду средневековья.

Тадия Смичиклас (1843—1914) в 1882—1889 гг. выпустил «Историю Хорватии» в двух томах. Векослав Клаич начал издавать подобный же труд в 1899 г., Фердо Шишич — в 1906—1913 гг. Смичиклас вышел за границы политической истории и дал общую историю Хорватии, а не историю отдельных областей или периодов. Шишич первым стал изучать новую историю Хорватии.

В начале XX в. многие историки посвящают свои труды периоду национального Возрождения (Р. Хорват «Новейшее время хорватской истории», 1906; Д. Шурмин «Хорватское Возрождение», т. I—II, 1903—1904). Возрастает интерес и к истории таких югославянских областей, как Босния, Далмация и г. Дубровник.

В Словении в конце XIX — начале XX в. также несколько активизировалась историческая наука, были созданы ученые общества, стали выпускаться исторические журналы, появились критические исследования, чаще всего посвященные средневековой истории страны.

Во всех югославянских землях широко изучались быт и творчество народных масс, открывались этнографические общества. Продолжая традиции Караджича, югославянские ученые много сделали в области собирания и публикации фольклора. Из этих сборников наиболее ценны «Народные песни из старых, большею частью приморских записей» (1878) Валтазара Богишича (1834—1908), многотомное издание Матицы хорватской «Хорватские народные песни» (с 1895 г.) и «Словенские народные песни» под редакцией Карла Штрекеля (с 1895 г.). Весьма ценными были труды Франьо Кухача (1834—1911), основоположника хорватской музыкальной этнографии.

В изучении этнографии и фольклора в середине XIX в. сказалось влияние мифологической школы, особенно у словенцев (Грегор Крек и др.), что было связано с романтизмом. Но в 80-е годы Матия Мурко (1861—1952) нанес удар этой школе и начал изучать фольклор в свете истории культуры и психологии творчества. Он создал ценные труды по литературе и эпосу югославян. В сербской фольклористике под влиянием русской науки с первых работ С. Новаковича утвердилась историческая школа. В конце XIX — начале XX в. фольклористы стали также применять сравнительный метод изучения народного творчества.

Литература

С 50-х годов XIX в. прогрессивный романтизм в литературе югославянских народов становится основным направлением.

В новых общественных условиях в романтизме находили свое выражение не только национальные идеи, но и социальные. Писатели-романтики шире охватывали жизнь, острее реагировали на современность, используя нередко форму сатиры. В связи с этим в романтизме начали возникать элементы реализма, что стало одним из важнейших явлений литературного процесса и вместе с тем поднимало романтизм на новую ступень развития. Этот процесс наиболее нагляден в творчестве крупнейших художников слова: у сербов—Джуры Якшича и Йована Йовановича-Змая, у хорватов — Августа Шеноа, у словенцев — Франа Левстика.

Вместе с тем в романтизме все более развивались внутренние противоречия, определявшиеся участием в национальном движении различных социальных слоев, влиянием прогрессивных и реакционных общественных сил. Именно поэтому, например, в сербском романтизме существовало и прогрессивное течение (Якшич, Змай) и консервативное (Костич,

Шапчанин, М. Попович, Куюнджич). Внутренние противоречия романтизма, наконец, сказывались и в том, что в творчестве одних романтиков развивались реалистические черты (Якшич, Змай, Шеноа, Левстик), а другие выступали как прямые противники реализма (хорватский поэт Франьо Маркович, словенский писатель Йосип Стритар).

Общими чертами романтизма были: обращение к национальным традициям, героические темы и образы, фольклоризм, борьба за самобытность национальной культуры. Прогрессивный же романтизм, кроме того, отличался смелой поддержкой идей национально-освободительной борьбы и выступлений против самодержавия.

Эти черты романтизма по-разному проявлялись в югославянских литературах. Так, сербские поэты-романтики больше испытали на себе влияние революционно-демократических идей (Якшич, Змай), в силу чего более резко критиковали сербское и австрийское самодержавие, церковь и западноевропейские правительства за равнодушное отношение к судьбам балканских славян. В их творчестве основное место заняла политическая лирика и сатира. На литературе Хорватии сказалось влияние настроений, рожденных крестьянскими волнениями 60—70-х годов, что определило интерес писателей к теме крестьянства и демократический характер ее трактовки (Шеноа). Близкие этому явления были и в словенской литературе (Левстик), но они не получили такого развития в известной мере в силу идейного давления католицизма.

Не одинаковы были и литературные традиции. Сербская и словенская литература продолжали традиции раннего романтизма, а хорватская, напротив, во многом преодолевала их.

По-разному проявлялась связь с народным творчеством: в сербской литературе гораздо больше, нежели в хорватской и словенской, писатели обращались к сюжетам и образам народного эпоса. Различны, наконец, были и литературные связи: сербская литература шире была связана с русской, а хорватская и словенская с западноевропейскими литературами. Конечно, более всего национальное своеобразие романтизма видно в конкретном содержании, жизненном материале, сюжетах и образах произведений писателей Сербии, Хорватии и Словении.

Непрерывное расширение связей литературы с жизнью народа, влияние передовой общественной мысли и достижений реалистического искусства других стран содействовали развитию реализма в югославянских литературах. Возникающие в это время в романтизме реалистические черты были следствием не только отклика литературы на жизнь, но и особой художественной трактовки действительности, свидетельствующей о формировании нового творческого метода в искусстве.

Формирование реализма относится к 70-м годам XIX в., но основным направлением литературы он становится в 80-е годы. С этого времени важнейшим процессом литературного развития является обогащение и углубление реализма, что выражается в возрастании многосторонности и конкретности изображения жизни и ведет к усилению общественной роли литературы. Эти качества реализма особенно наглядно видны в жанрах социального романа и повести, что свидетельствует о творческой зрелости югославянских литератур. Но реалисты добились значительных успехов и в других жанрах прозы.

Наиболее крупные достижения реализма приходятся на 1895—1917 гг. — время расцвета творчества группы талантливых художников слова: в Сербии — Домановича, Нушича, Чипико; в Хорватии — Новака; в Словении — Цанкара и др.

Большое значение имела разработка теории реализма, которая была дана в трудах С. Марковича, а также в статьях ряда писателей и критиков, например, в Хорватии в статьях Шеноа, Пасарича, Шрепела. Важную

роль в развитии реалистического направления в сербской литературе играло творчество болгарского писателя Любена Каравелова.

Светозар Маркович в статьях «Поэзия и мышление» (1868) и «Реальность в поэзии» (1870) впервые в югославянской литературе определил основы материалистической эстетики и задачи искусства в освободительной борьбе народа. Предметом литературы он считал жизнь народа, а задачей — правдивое ее воспроизведение и создание образов передовых людей современности и критику социального зла. Маркович отвергал консервативный романтизм, оторванный от жизни, узкий по темам, неестественный в художественной манере; критик отвергал и романтизм вообще как устаревшую форму искусства. Он высоко ценил тех художников, в творчестве которых развивались реалистические черты,— Змая, Якшича, Игнятовича. Своими теоретическими и критическими суждениями Маркович оказал влияние не только на упомянутых писателей, но и на первых реалистов, таких, как Глишич. Марковичу иногда было свойственно узко утилитарное понимание искусства и упрощенное толкование отношения содержания и формы, но его борьба за реализм сыграла важную роль в развитии этого литературного направления.

В Хорватии принципы реалистического искусства впервые пытался определить Шеноа. В статьях в журнале «Вienац» он выдвинул программу: «Будем реалистичными, изучим народ». Реализм он понимал как обращение писателя к общественной жизни, к современности, как постановку важнейших вопросов жизни. Серьезное значение имели и статьи болгарина Илии Миларова о русской литературе, в которых он развивал эстетическую теорию Белинского, Чернышевского и Добролюбова («Взгляд на развитие русского общества и литературы», 1881).

Однако вскоре в хорватской литературе сказалось влияние французского натурализма. Евгений Кумичич в книге «О романе» (1883) решительно поддержал теорию натурализма. Вслед за ним пошел критик Янко Иблер, который печатался в журнале «Хрватска вила», редактировавшемся в 1883—1884 гг. Кумичичем. Против натурализма выступили критики Йосип Пасарич и Миливой Шрепел. Первый в статьях «Хотим ли мы натурализма?» и «О современном романе» («Вienац», 1885—1886) указывал на вред, который натурализм приносит хорватской литературе, некритически копируя жизнь, не давая ее оценки, изображая главным образом безобразное и отрицательное, не показывая передовое и положительное. Пасарич же выдвигал принцип «здорового реализма». Борьба Шрепела и Пасарича содействовала укреплению реализма в хорватской литературе. В словенской литературе реалистические принципы первым стал утверждать Фран Левстик в своих критических статьях. Вслед за ним шли Фран Целестин, требовавший от литературы не забывать общественных вопросов и научно подходить к жизни, а также Фран Левец — редактор журнала «Люблянски звон» («Люблянский колокол»), много сделавший для победы реалистического направления.

Развитие реализма в литературе югославянских народов имело свои общественные основы. С 80-х годов весьма усилилось воздействие на литературу обострившихся социальных противоречий, роста крестьянского, а затем и рабочего движения. Передовые писатели, как Цанкар, Доманович, Кочич, Чипико, выступили против ограбления народа буржуазией, против монархии и политической реакции, поднялись до острой социальной критики и постановки важнейших общественных проблем. Все это требовало от писателей изучения общественной жизни, современности, положения и быта народных масс, а стало быть, способствовало развитию реализма.

Литература испытывала на себе влияние передовых течений общественной мысли и философии. С возникновением рабочего движения усили-

вается и влияние на нее социалистических идей (Иван Цанкар), зарождается пролетарская поэзия (К. Абрашевич). В области национальной культуры происходило все большее размежевание передовых и реакционных сил, все острее становилась их борьба.

В последние годы XIX в. и первые годы XX в. в сербской, хорватской и словенской литературе, с рядом отличий, начинают проявляться новые веяния, которые получили общее наименование модернизма и сущность которых состояла в отрицании общественной роли и общественного назначения искусства, эстетизме, уходе от социальных проблем, замыкании в кругу личных переживаний, разрыве с реалистическими традициями, принципе творческого произвола и новаторства формы. Общим почти для всего модернизма было декаденство: настроения разочарования, одиночества, духовного опустошения, бессилия.

Модернизм был результатом возрастающего размежевания двух национальных культур, причем культура буржуазная, все более отрывавшаяся от народной, переживала глубокий кризис, кризис бесперспективности. Влияние оказывало и усиление политической реакции, вызывавшее настроения безнадежности. Уход в мир личных переживаний, в «чистое искусство» рассматривался многими модернистами как возможность художника отстоять свою независимость. Отрыв писателей от освободительной борьбы народных масс не позволял им почувствовать общественные силы, способные сломить реакцию.

Большая часть модернистов была выходцами из мелкобуржуазной среды и сохраняла связь с нею. Они поэтому легко поддавались влиянию индивидуалистической буржуазной психологии, что приводило к некритическому усвоению новых форм субъективного идеализма, а порою и к прямому подражанию новым течениям западноевропейской буржуазной литературы. Модернизм встретил решительный отпор писателей-реалистов и реалистической критики. Литературная жизнь XX в. характерна острой борьбой реализма и модернизма, что не исключало и некоторого их взаимовлияния. При широком распространении модернизма реализм, однако, твердо сохранял свои позиции и получил свое дальнейшее развитие в творчестве крупнейших художников.

Общий культурный прогресс югославянских стран приводил к уменьшению неравномерности литературного развития различных земель, что усиливало общность литературных явлений. Развитие капитализма определяло наличие общих жизненных проблем, поднимаемых литературой, прежде всего проблемы разорения крестьянства. На этой почве рождались изображение народных страданий и критика капиталистической эксплуатации. Общей была и тема капиталистического хищничества периода первоначального накопления. Это делало популярными произведения писателей одной югославянской страны в другой.

В Хорватии, Словении, Воеводине, Далмации, Боснии и Герцеговине особенно остро стояла национальная проблема. Поэтому, например, критика австрийских властей в комедии Кочича «Барсук перед судом» в повести «Судания» нашла широкий отклик не только в Боснии, но и в Хорватии, Словении, Воеводине, Далмации. Существовало и некоторое сходство идейно-эстетических позиций передовых писателей-реалистов этих стран, что в значительной мере определялось, примерно, одинаковым уровнем общественного развития.

В то же время в 80—90-е годы XIX в. расширяются литературные связи сербов, хорватов, словенцев и боснийцев. Это наглядно видно, например, из того, что воеводинский журнал «Бранково коло», выходивший в Сремских Карловцах, сараевский журнал «Босанска вила» и мостарский журнал «Зора» приобретают важное значение и для Сербии, и для Воеводины, и для Боснии и Герцеговины, и для Черногории.

Белградский журнал «Српски књижевни гласник» в 1901—1914 гг. объединил вокруг себя писателей различных югославянских земель. Усилия в этом отношении предпринимал и загребский журнал «Савременик» (1906—1917). Увеличилось число переводов произведений словенских писателей в Сербии и Хорватии, а сербских и хорватских в Словении. С 1904 г., после падения режима Хедервари, сближение хорватских и сербских писателей идет особенно интенсивно. Матица хорватская в Загребе выпускает произведения сербской литературы, Сербское литературное общество в Нови Саде — произведения хорватской литературы. Сербские и хорватские писатели начинают издавать совместно альманахи, в которых принимают участие и боснийские, и далматинские писатели. Расширение связей проявлялось и в том, что многие из писателей нового поколения в своих произведениях изображают жизнь в разных югославянских землях. Так, Симо Матавуль охватывает своим творчеством Приморье, Черногорию, Герцеговину и Сербию; Сильвие Страхимир Кранчевич — Далмацию, Боснию и Хорватию и т. д. В условиях разобщенности югославянских народов, национального гнета и в то же время усиливающегося шовинизма большое прогрессивное значение имела борьба передовых писателей-демократов за политическую взаимопомощь и культурное сотрудничество. Она противостояла шовинистическим стремлениям буржуазии их стран и политике разобщения народов, проводимой правящими кругами Австро-Венгрии.

На новом историческом этапе для многих народов все еще остро стоял вопрос о развитии национально-самобытной культуры, но теперь понятие народности и национальной самобытности углубилось. Многие из писателей и критиков в своих статьях выступают против внешнего их понимания, требуют раскрытия особенностей жизни и быта народа, его психологии, интересов и взглядов на жизнь. Все это усиливало самобытность каждой из югославянских литератур и определяло их национальные различия. В Сербии, например, не пришлось вести такие острые бои против натурализма, как в Хорватии. Натурализм проявился и в Словении, но позже. Кроме того, натурализм в Хорватии был связан с французским натурализмом, а более поздний натурализм в Словении — с немецким.

В сербской реалистической литературе на первое место стали социальные проблемы, тогда как в хорватской, словенской и боснийской они совмещались с национальными проблемами. В сербской литературе одной из центральных тем была тема крестьянства, что привело к широкой популярности жанра сельской повести; в хорватской литературе в центре стало изображение городской жизни, а крестьянская тема бралась теперь в новом аспекте — отношений города и села; тема разорения дворянства характерна только для хорватской литературы, ее не было ни в сербской, ни в словенской.

Вторая половина XIX — начало XX в.— время расцвета сербской литературы, время лучших ее творческих достижений сначала в области романтизма, а затем и реализма.

Крупнейшими представителями прогрессивного сербского романтизма 50—70-х годов, переросшего в реализм, были Йован Йованович-Змай и Джура Якшич.

Йован Йованович-Змай (1833—1904) в своем поэтическом творчестве многосторонне, в ярко национальных формах отразил действительность Воеводины и Сербии. Змай откликался на все значительные явления общественной жизни: положение народных масс, политику правительств и буржуазных партий, освободительную борьбу и войны, выборы и смену правительств. И хотя не во всем поэт смог правильно разобраться, он неизменно стоял на демократических позициях. Принадлежа к левому

Йован Йованович-Змай

крылу либеральной партии Воеводины, а затем к левым радикалам, Змай смотрел на жизнь шире и глубже представителей этих партий. Он был гражданским поэтом и считал поэзию оружием в борьбе за народное счастье («Меч и перо», 1888). Хотя ему принадлежат замечательные сборники интимной лирики «Розочки» (1864) и «Увядшие розочки» (1882), основные разделы его творчества — гражданская лирика и политическая сатира. Змай — один из крупнейших сербских сатириков XIX в. Он положил начало сатирическим журналам и название наиболее известного из них сделал своим псевдонимом (журнал «Змай» выходил в 1864—1871 гг.).

Творческий путь Йовановича-Змая характеризуется яркой гражданской направленностью его поэзии, обострением сатиры и развитием реалистических тенденций. Темы освободительной борьбы и образ патриота стали основными в его творчестве уже в 60-е годы («Сербская молитва», «Песни сербского меча»). Программным стал его призыв: «Встань, живи, борись, не падай духом!» Вместе с патриотизмом углубляется демократизм его творчества. Поэт обличает монархо-бюрократический строй («Ютутунский гимн»). В 70-е годы он сочувствует последователям С. Марковича, борьбе парижских коммунаров и разоблачает мировую реакцию («Париж пал», «Милостивой Европе»), напоминает о героических традициях сербского народа («Светлые могилы»), выступает против политической реакции, предателей народных интересов, австро-венгерской политики национального угнетения, откликается на герцеговинское восстание и войну 1877—1878 гг. Тема бесправия народных масс, их нищеты и темноты, ограбления их ростовщиками («Дядя Мия», «Ростовщик»), образы городской бедноты («Швея»), социальная антитеза бедности и богатства, жизненные типы людей, бытовые детали, разговорные интонации и фразеология свидетельствуют об углублении демократизма и реализма его поэзии.

В последних сборниках стихов поэт говорит о гуманизме, справедливости, чести и дружбе народов. Змай много сделал для расширения культурного сотрудничества с другими народами, он дал прекрасные переводы стихов русских и западноевропейских поэтов (Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Добролюбова, Гейне, Петефи), обогатив этим сербскую литературу. С огромным уважением он относился к русскому народу и выражал в своих стихах благодарность ему за помощь в освобождении южных славян.

Джура Якшич (1832—1878) — человек тяжелой судьбы, гонимый властями сельский учитель и живописец — стал, как и Змай, одним из духовных вождей народа. Он остро реагировал на социальное зло и несправедливость. В его стихах выражены страстный порыв к общественной и личной свободе, боль за страдания людей.

О сердце мое, дитя больное,
Как будто весь мир кричит из тебя!

Якшич — поэт борьбы и свободы. Его стихи — призыв к подвигу во имя народа, выражение протеста и гневного отрицания строя насилия и угнетения. В стихотворениях «Отчизна», «Падайте братья» и в цикле «Райя» поэт отвергает примирение с невыносимым положением народных масс:

Довольно! Больше не может райя
Нести это иго, терпеть этот срам!

Расширение освободительной борьбы, жизнь среди народа и влияние идей С. Марковича дали возможность Якшичу вырасти в большого прогрессивного поэта, выразить народные идеалы. От идеализации средневековья

он переходит к современным проблемам, пишет стихи о вере в победу демократии, приветствует Парижскую Коммуну, выражает надежду на помощь русского народа. В его стихах последних лет основными чертами становится обостренное социальное чувство и тема общественного неравенства, социальные типы и картины быта, что усиливало реализм его поэзии, ее демократический дух.

В своем прозаическом творчестве Якшич от романтических повестей 60-х годов («Сын седого Гамзы», «Неверная Тияна») в 70-е годы переходит к повестям о сельской жизни, показывает тяжелое положение крестьянства под властью помещиков («Помещик»), произвол сельских властей и полиции («Крестьяне»). В повестях «На мертвой страже», «Могила капитана», «Русская» писатель нарисовал образы героев войны 1877—1878 гг., в частности образ русской девушки — сестры милосердия. Якшич первым в сербской литературе обратился к жанру социальной повести, в которой у него наметился переход от романтизма к реализму, к социальной трактовке действительности, жизненным типам, простому языку и речевым характеристикам героев.

Новым явлением в сербской драматургии были романтические драмы Якшича — «Елизавета, княгиня черногорская» (1868) и «Станое Главаш» (1873). Они отличались углубленной психологической трактовкой образов героев, лиризмом, яркой стихотворной формой, простотой языка.

В отличие от Змая и Якшича, Лаза Костич (1841—1910) стоял на позициях консервативного романтизма, был защитником идеалистической эстетики и вел борьбу с С. Марковичем и его последователями. Но его стихи и пьесы пользовались популярностью. Трагедии Костича отличались буйной фантазией, эффектностью действия, напыщенной декламацией, строились на конфликте любви и долга. В «Максиме Черноевиче» (1866) и «Пере Сегединаце» (1875) он обработал эпические песенные сюжеты и создал образы защитников народа.

Развитие сербской литературы, центр которой с 70-х годов переместился из Нови Сада в Белград, состояло прежде всего в углублении реализма. Это наглядно видно из сопоставления творчества реалистов старшего поколения (Игнятовича, Глишича, Лазаревича, Матавуля, Сремаца, Веселиновича и Ранковича) и реалистов младшего поколения (Нушича, Домановича, Кочича, Чипико). Творчество второй группы писателей более значительно по темам, глубже и острее по их трактовке, совершеннее по художественному мастерству, типизации, психологическому изображению.

Сербский реализм характеризуется широким развитием жанра сельской повести, сатирического изображения действительности. В сербском реализме, как и в романтизме, существовали различные идейные тенденции — прогрессивные и консервативные. Позиции Глишича, Чипико, Кочича были более прогрессивными, нежели позиции Лазаревича, Сремаца Ранковича и других. У первых острее социальная критика, у вторых есть идеализация патриархальных отношений, отрицание неизбежности развития капитализма, а иногда и отрицательное изображение передовой интеллигенции, «новых людей» («Школьная икона» Лазаревича).

Настроения бесправного и нищего крестьянства и общественные позиции наиболее прогрессивной части интеллигенции, связанной с народом, были почвой расцвета сатиры. Сатирическая линия проходит через весь сербский реализм и занимает в нем значительное место. Ее начинают Якшич, Игнятович и Глишич, она получает развитие у Сремаца и Матавуля и достигает высшего подъема у Домановича и Кочича. Предметом сатиры служили монархия, бюрократия и капиталистическое хищничество.

Одним из зачинателей реализма в сербской литературе был воеводинский писатель Яков Игнятович (1824—1888). Его произведения содержат в себе черты и авантюрного и социально-психологического романа: «Милан Наранджич» (1860—1863), «Странный мир» (1869), «Васа Решпект» (1875). Игнятович обличал общественную несправедливость, однако чаще в юмористической, чем в сатирической форме. Ему свойственна идеализация патриархальности.

Новую тему в сербскую литературу внес Милован Глишич (1847—1908). Он изображал столкновение сельских богатеев-ростовщиков и обираемой ими крестьянской бедноты. Лучшая его повесть «Голова сахару» (1875), в которой полицейский исправник, ростовщик и поп, действуя совместно, доводят крестьян до разорения. В жанре сельской повести Глишич был продолжателем Якшича. В трактовке общественных противоречий у него сказалось влияние С. Марковича. Глишич переводил произведения русских писателей (Гоголя, Гончарова, Островского, Толстого).

Иную трактовку жизнь села получила в повестях Лазы Лазаревича (1851—1890). Начав с увлечения революционно-демократическими идеями, переводя статьи Чернышевского, Лазаревич впоследствии стал на консервативные позиции, идеализировал патриархальный сельский быт и задругу («У колодца»). Наиболее жизненно правдив его рассказ «За народом не пропадет», в котором показано равнодушие властей к судьбе воина-инвалида. Лазаревич — талантливый писатель, усовершенствовавший искусство композиции, углубивший психологический анализ, обогативший язык сербской прозы.

Поэтизация сельской жизни и патриархальной морали свойственна Янко Веселиновичу (1862—1905). В «Картинах сельской жизни» (1886—1889) он с большой любовью описал народный быт, нравы, мораль, а в повести «Крестьянка» (1893) — семейные отношения. В романе «Гайдук Станко» (1896) писатель нарисовал образ борца времени Первого сербского восстания.

В отличие от идеализирующей тенденции творчества Лазаревича и Веселиновича в сербской литературе развивается сатирическая линия реализма, идущая от Якшича, Игнятовича и Глишича. Продолжателями этих последних были Сима Матавуль (1852—1908) и Стеван Сремац (1855—1906). В рассказах Матавуль осмеял хищничество и невежество белградской буржуазии, а в романе «Баконя Фра Брне» (1888—1892) противопоставил тяжелую жизнь крестьян, их голод, нищету и темноту паразитической, сытой и безнравственной жизни монахов в монастыре, в который попадает крестьянский мальчик.

Ярким бытописцем и талантливым юмористом был Сремац. Правда, на его творчестве сказалась принадлежность к либеральной партии (повесть «Иллюминация в селе» является памфлетом на передовых людей времени, в ней дан карикатурный образ сельского учителя). Но в лучших произведениях Сремаца нарисованы верные, богатые наблюдениями картины жизни. В повести «Вукадин» (1903) писатель в сатирических тонах изобразил быт и нравы чиновников, тип дельца-карьериста, выходца из села, который любыми средствами прокладывает себе путь к успеху. В повести «Ивкова слава» (1895) представлены в проническом освещении быт и нравы небольшого городка; в повести «Поп Чира и поп Спира» (1898) с тонким юмором рассказано о нравах духовенства и его низменных интересах.

Разрушение патриархального быта и падение нравов села было основной темой романов Светолика Ранковича (1863—1899). Обращая большое внимание на психологический анализ, Ранкович, однако, не смог дать глубоких социальных характеристик. Поэтому он рисовал только

отрицательные явления жизни и типы, не сумев увидеть здоровые силы народа. В романе «Лесной царь» (1897) он изобразил гайдучество, как следствие тяжелого положения народа; в «Сельской учительнице» (1899)— тяжелую судьбу девушки, мечтавшей о счастье, в романе «Разрушенные идеалы» (1899) — утрату юношей высоких идеалов под влиянием жизни в монастыре.

Таким образом, уже первое поколение сербских реалистов поставило важные жизненные вопросы; их творчество приобрело значительную общественную ценность.

В самом конце XIX — начале XX в. развернулось творчество молодых талантливых прозаиков: Радое Домановича, Петра Кочича, Иво Чипико, Борисава Станковича. Они еще более обогатили прогрессивное идейное содержание литературы, ее художественные качества и жанры, расширили охват действительности, ярче показали эксплуататорскую сущность развивающегося капитализма, глубже отразили настроения и чаяния крестьянства.

Радое Домановић (1873—1908) — крупнейший сербский сатирик, отразивший в своем творчестве недовольство народных масс бюрократическо-полицейским режимом сербского самодержавия. Начав с рассказов, идеализирующих сельскую жизнь, он в 1898—1903 гг. создал своеобразный жанр политической сатиры-памфлета. Пользуясь аллегорией, гиперболой, едкой иронией, Домановић смело обличал самодержавие, реакцию, буржуазное политиканство, ложный патриотизм, предательство народных интересов, прислужничество перед властями, рабскую психологию либералов и радикалов, а также долготерпение народных масс («Отмена страстей», «Мертвое море», «Вождь», «Королевич Марко второй раз среди сербов»). Наиболее широкую картину произвола властей и бесправия народа он нарисовал в повести «Страдия» (1902). Домановић, хотя и принадлежал к левому крылу радикальной партии, последовательно отстаивал интересы народа. Это придавало его сатире большое общественное значение.

Творчество Петра Кочича (1877—1916) пронизывает дух борьбы и непримиримого протеста против австрийского гнета в Боснии, против разорения крестьян помещиками, ростовщиками, чиновниками и попами. Кочич был страстным политическим бойцом, смелым защитником крестьянских масс[1] и как депутат боснийского сабора и как издатель газет «Отаджбина» (1907, 1911—1913) и «Развитак» (1910), за что подвергался постоянным преследованиям. Его произведения разделяются на две идейно-тематические группы. Одни из них раскрывают психологию крестьянина, его высокий моральный облик, стойкость в борьбе с жизненными трудностями (сборники рассказов «С гор и из-под гор», кн. 1—3, 1902—1905); «Вопли со Змияня», 1910). Кочич часто рисует образы сильных и смелых людей, непримиримых к неправде («Мргуда»). Писатель показывает не только страдания крестьян, разоряемых помещиками, кулаками и сельскими старостами («Могила Сладкой души»), но и их борьбу. В рассказе «Вукова роща» крестьяне с оружием в руках отстаивают свой лес, проданный помещиком купцу. Художественная манера рассказов о боснийских крестьянах характеризуется соединением лиризма и драматизма, трагичностью сюжетов, свежим и красочным языком, использованием импрессионистических средств в изображении природы. Кочич—тонкий художник природы.

Вторая группа произведений Кочича — антиавстрийские сатиры. В одноактной комедии «Барсук перед судом» (1904) Кочич с тонким остроумием и едкостью обличает порядки, установленные австрийской

[1] См. о нем также гл. 36, стр. 619. 622.

администрацией в оккупированной Боснии. Большим художественным достижением писателя является образ Давида Штрбаца. Умный и лукавый, с виду простоватый крестьянин приходит в австрийский суд искать правды, жалуясь на барсука, поевшего у него кукурузу; во внешне наивных рассуждениях он высказывает жестокую правду, разоблачая антинародную сущность и нелепость суда. В речах Штрбаца звучат трагизм положения и яркий народный юмор, горькая ирония и смелость. В повести «Судания» (1912) Кочич раскрывает сущность «цивилизации», «порядка» и «законности», вводившихся австрийскими властями в Боснии. Сатира Кочича имела огромный общественный отклик и пользовалась исключительным успехом, так как была выражением подлинно народной точки зрения.

Иво Чипико (1869—1923) изображал жизнь Далмации. В его произведениях силен социальный анализ. Писатель показал разорение, безработицу и ограбление крестьян («Возвращение с работы»), тяжелую жизнь тех, кто в поисках счастья переселился в Америку («Цвета»). В основном своем произведении — романе «Пауки» (1909) — Чипико рассказал историю молодого крестьянина Раде, борющегося за свою землю, которую намерен отнять у него ростовщик; стихийный протест Раде выражается в убийстве кулака, безжалостно обирающего крестьянскую бедноту. Романы и повести Чипико отличаются богатым жизненным материалом, четкой композицией, глубоким психологическим анализом, строгой простотой стиля.

Борисав Станкович (1876—1927) испытал на себе влияние натурализма и импрессионизма, однако остался на позициях реализма. В картинах быта и нравов южносербского городка Вране писатель передает его восточный колорит, этнографические детали. В романе «Дурная кровь» (1911) автор ставит проблемы наследственности и вырождения, но рассматривает их не отвлеченно, а рисуя яркую картину жизни богатой крестьянской семьи.

Большим художником-реалистом был драматург Бранислав Нушич (1864—1938), создатель национального репертуара сербского театра. Он писал сатирические и юмористические рассказы («Десять рассказов», 1901), патриотические драмы, но основной его жанр — сатирическая комедия. Нушич отличался исключительным богатством воображения, блестящим остроумием, сценическим мастерством. Он был острым критиком общественных порядков и нравов буржуазно-монархической Сербии. В своих многочисленных комедиях Нушич дал разностороннее изображение сербской действительности конца XIX — начала XX в. Предметом осмеяния в комедиях Нушича служат продажные министры и депутаты, карьеристы-чиновники, разбогатевшие и рвущиеся к власти и высокому положению в обществе буржуа. В комедии «Народный посланник» (1883) автор разоблачает выборную механику, подкупы и произвол; в «Подозрительной личности» (1887) — монархический режим и преследования его противников; в «Протекции» (1889) — карьеризм и круговую поруку чиновников; в комедиях «Свет» (1906) и «Путь вокруг света» (1910) — нравы белградской буржуазии. Острота сатиры в комедиях Нушича была причиной того, что они ставились на сцене много лет спустя после их написания.

С конца XIX в. в сербской литературе начинает проявляться модернизм. Это было в известной мере подготовлено поэзией Воислава Илича (1862—1894), талантливого поэта, разностороннего и противоречивого в своем творчестве, разрабатывавшего темы патриотизма, славянской дружбы, писавшего политические сатиры («Маскарад на Руднике»), но в то же время защищавшего позиции «чистого искусства» и оказавшего этим отрицательное влияние на молодых поэтов. Распространению идей «чис-

того искусства» способствовали и критики Любомир Недич (1858—1902) и Богдан Попович (1863—1944). Первый с позиций идеалистической эстетики выступал против реалистов и демократов (Змая Ненадовича и др.), отвергая традиции гражданского искусства; второй как профессор университета и редактор журнала «Српски књижевни гласник» (1901—1904) много сделал для повышения художественной культуры, но своими идеалистическими воззрениями в области искусства способствовал развитию модернизма.

Модернизм в сербской литературе не получил широкого распространения и был эклектическим в художественном отношении. Не получил в ней значительного развития и символизм. Господствовавшая в модернизме интимная лирика или приближалась к поэзии французских парнасцев (Дучич), или носила форму декаденства (Пандурович, Петкович-Дис).

Поэзия Йована Дучича (1872—1943) — утонченная, индивидуалистическая. Для нее характерны культ формы, обращение к образам античности, поэтизация средневековья, в частности Дубровника, пластичные, но холодные картины природы. В элегических стихах Милана Ракича (1876—1938) большое место занимают абстрактные размышления о жизни и страданиях человека во враждебном ему мире. Стихи Пандуровича и Диса крайне субъективны и пессимистичны. Характерно, что в период войн 1912—1918 гг. многие из модернистов стали писать стихи на национально-патриотические темы, в которых нередко звучали националистические ноты.

Против модернизма широким фронтом выступили представители прогрессивной литературы. Во главе их стоял Йован Скерлич (1877—1914), видный критик и историк литературы, автор книг о С. Марковиче, Я. Игнятовиче, В. Иличе, об Омладине и обобщающего труда «История новой сербской литературы» (1914), а также многих статей о писателях конца XIX — начала XX в. Будучи редактором журнала «Српски књижевни гласник» (в 1905—1914 гг.), он объединил вокруг него передовые силы литературы. Видя влияние общественных условий и политической и философской мысли на развитие литературы, Скерлич разъяснил многие явления литературной жизни. Он последовательно отстаивал принципы материалистической эстетики, демократизма и реализма, который считал высшей формой искусства. Скерлич подверг резкой критике упадочную поэзию Пандуровича и Диса, называл модернизм поэзией, которая пестрыми лохмотьями хочет прикрыть бедность мысли и отсутствие глубоких чувств.

Против модернизма чаще всего выступали писатели-реалисты в журналах «Босанска вила» (Сараево), «Бранково коло» (Сремски Карловцы), «Дело» (Белград). Особенно острыми были статьи Кочича. Модернизму противодействовало само творчество писателей-реалистов и, пожалуй, особенно поэтов-реалистов, так как модернизм большее распространение получил в поэзии. В эти годы еще писал Змай-Йованович, в эти годы творческий расцвет переживали Милорад Митрович (1866—1907), в стихах которого большое место занимает политическая сатира, и Алекса Шантич (1868—1924), крупный поэт-реалист, продолжатель лучших традиций сербской гражданской лирики, многообразно связанный с народным творчеством. Свой литературный путь Шантич начал любовной лирикой с характерным герцеговинским колоритом. Но скоро в его поэзии как основные темы определились тема родины и тема крестьянства. Тяжелая судьба Герцеговины в условиях австрийской оккупации и аннексии была почвой развития в поэзии Шантича патриотических мотивов. Поэт, однако, не только показал страдания народа, но и выразил свою глубокую веру в его силы («Бока», «Моя отчизна»). С большой любовью он изобразил труд и быт крестьянства («Сеятели», «О мои колосья», «Перед хижинами»), рисовал образы людей труда («Углекопы», «Кузнец»). Это было

ценным достижением реалистической и демократической сербской поэзии, собственно новым этапом ее развития.

Продолжением этих тенденций прогрессивной сербской поэзии, противостоявших модернизму, явилась зарождавшаяся в те годы рабочая поэзия. Рост рабочего класса, развитие его сознания в связи с распространением социалистических идей и созданием социал-демократической партии (1903), углубление демократических и социалистических элементов народной культуры были основой зарождения в конце XIX — начале XX в. социалистической поэзии. В социалистической печати — в газетах «Социал-демократ», «Раднички лист», «Радничке новине», «Будучност», в журналах «Борба», «Живот» и др., а также и в радикальной буржуазной печати («Дело», «Српски книжевни гласник», «Звезда») стали выступать поэты социалистических убеждений, нередко это были рабочие, главным образом печатники. Обозначился новый процесс в области литературы. Продолжая традиции передовой сербской поэзии (Якшич, Змай и др.) и революционной поэзии других стран (Гервег, Фрейлиграт и др.), поэты писали о тяжелой доле и труде рабочего, о своей вере в будущее, призывали к борьбе с эксплуатацией и бесправием, обличали буржуазию, монархию, шовинизм и даже «придворных поэтов». Социалистическая поэзия сделала своим героем борца-рабочего. Тема революционной борьбы, боевой пафос, вдохновляющий оптимизм, революционная символика, призывные интонации — характеризуют ее как поэзию революционного романтизма. Наиболее талантливыми представителями социалистической поэзии были: Коста Абрашевич (1879—1898), автор популярных стихотворений «Красная», «Мир — наша отчизна», «Братство», «Бушуй, ветер!», в которых звучат призывы к борьбе и единению рабочих, интернационализм; Стеван Лукович (1877—1902), певец революционной мечты и светлого будущего; Прока Йовкич (1886—1915), писавший под псевдонимом Нестор Жучни, творчество которого отличается драматизмом, пафосом, гневным обличением. Социалистическая поэзия сыграла важную роль в подъеме духовной культуры рабочего класса и его общественного сознания.

Развитие литературы в Македонии отставало от развития литературы в Сербии и Болгарии, причем оно было более связано с культурной жизнью последней.

Так как македонского литературного языка не было, то литераторы, жившие в Македонии, писали на болгарском или сербском языках. Талантливым прозаиком был Анджелко Крстич (1871—1952). В своих произведениях он пользовался сербским языком. Но некоторые из писателей пробовали писать и на македонских наречиях, как Войдан Черноджинский (1875—1951) в драме «Македонская кровавая свадьба» (1900), где он изображает зверства турок, убивающих жениха на сельской свадьбе.

Связь македонской культурной жизни конца XIX — начала XX в. с болгарской выражалась, в частности, в том, что многие видные ученые и писатели — уроженцы Македонии работали в Болгарии (проф. Л. Милетич, писатель А. Страшимиров и др.).

В то время, когда в других южнославянских литературах, в том числе болгарской и сербской, уже в полной мере развился реализм, в литературе Македонии еще господствовал романтизм, основой которого были патриотические темы с сильной этнографической окраской.

В хорватской литературе совершался примерно тот же процесс, что и в сербской. Сфера существования романтизма быстро сужалась. Она все более ограничивалась историко-патриотическими поэмами и драмами, использующими нередко народно-поэтические сюжеты, стиль и стих. Это характерно, например, для поэм Ивана Трнского и Ивана Дежмана об осаде Сигета и гибели Николы Зринского.

Важное общественное значение имели поэмы, направленные против австрийского и венгерского национализма, как «Раб» (1870) А. Харамбашича и «Смерть Петра Свачича» (1877) А. Шеноа. Исторические сюжеты в романтическом духе разрабатывались и в исторических драмах, как «Франкопан» и «Степан, последний король боснийский» Мирко Боговича (1816—1893), изображающие борьбу с турками. Боговичу принадлежит и драма о крестьянском восстании 1573 г. «Матия Губец» (1859), запрещавшаяся к постановке австрийскими властями.

В хорватской драматургии, однако, постепенно начинает развиваться и жанр комедии, что явилось проявлением реалистических тенденций в литературе. Жизненной и яркой была «Волшебная записная книжка» Янко Юрковича (1827—1889), изображающая богатую загребскую молодежь и ее нравы. Йосип Томич (1843—1906) в комедии «Новый порядок» осмеял баховский режим, прислужничество перед австрийцами и равнодушие к судьбам родного народа. И Юркович и Томич писали также пьесы о сельской жизни, используя нередко сказочные и анекдотические мотивы.

Однако реалистические черты наиболее широко развивались в хорватской прозе, которая от национально-исторических тем переходила к темам социальным, начинала трактовать действительность не только в национальном, но и в социальном аспекте. В хорватской литературе возникает жанр сатирической и психологической повести. В этом жанре писали Иван Перковац (1826—1871) и Я. Юркович. Первый был автором повестей «Мелкопоместные дворяне» и «Станковацкая учительница», а второй — повестей «Тимотий Патков», «Разрушенный идеал» и «Сельские меценаты», в которых есть жизненные сцены и типы. Но реализм этих повестей весьма ограничен и проявляется главным образом в изображении нравов и быта, а социальная критика не переходит рамок осмеяния нравов.

Значительный шаг вперед сделал Август Шеноа (1838—1881). Его творчество было высшей ступенью развития хорватской прозы 60—70-х годов. Шеноа прошел путь от прогрессивного романтизма к реализму, который особенно многосторонне проявился в его произведениях конца 70-х годов. Творчество Шеноа разнообразно в темах и жанрах, богато жизненным материалом. Он был поэтом, прозаиком, драматургом, критиком, публицистом. Однако его патриотическая поэзия и особенно драма стоят значительно ниже уровня его прозы.

Шеноа создал новый тип исторического романа, правдиво воспроизводящего прошлое, ставящего большие социальные проблемы, соединяющего в себе национальные вопросы и вопросы антифеодальной борьбы. Таков его роман «Крестьянское восстание» (1877), посвященный тем же событиям, что и драма Боговича «Матия Губец», но значительно превосходящий ее в исторической правдивости, в сюжетном мастерстве и психологическом изображении. Роман широко охватывает жизнь общества, раскрывает причины поражения восстания, тонко передает социальную психологию героев. Все это свидетельствует о значительном его реализме. Важной идейной стороной романа является то, что писатель решительно протестует против национального гнета, феодализма, сочувствует борющемуся крестьянству и раскрывает единство хорватского и словенского народа в борьбе с общими их врагами. В этом его романе отразились настроения хорватского крестьянства 70-х годов, что видно и в выборе темы, и в ее трактовке. Но в творчестве Шеноа вместе с тем сказались настроения и других демократических слоев Хорватии, общенародные демократические стремления, что подтверждается его повестями.

Большой заслугой Шеноа было обращение к современной тематике. В повестях («Барон Ивица», «Илинно завещание», «Нищий Лука» и др.)

Август Шеноа

он широко представил жизнь Хорватии 60—70-х годов, показал экономические, и общественно-политические процессы и прежде всего разорение крестьянства, возрастающую власть денег, царящее в стране беззаконие, произвол сельских властей. Шеноа говорил, что долг писателя — заглянуть в душу народа, «увидеть его раны».

В этих повестях, как и в романе «Крестьянское восстание», есть черты романтической манеры в развитии сюжетов, в особенностях развязок, в характерных типах, в языке. Но в них можно найти и социальную типизацию, глубокий психологический анализ, отражение закономерностей жизни, простой и богатый язык, то есть важнейшие черты реализма.

Творчество Шеноа составило целую эпоху в развитии хорватской литературы, положило начало хорватскому реализму, социальному роману и повести. За реализм, за правдивое изображение жизни народа он боролся и как критик, в частности в статье «Наша литература» (1865). Всем этим определяется место и значение Шеноа в хорватской литературе.

С 80-х годов основным литературным направлением в Хорватии становится реализм. Главное внимание уделялось социальным темам: развитию городов и промышленности, жизни горожан — буржуазии, интеллигенции, рабочих. Для некоторой части писателей были характерны тема борьбы за независимость, тема разорения дворянства. Писатели-реалисты группировались вокруг литературных журналов «Впенац» (с 1869 г.), «Хрватска вила» (с 1882 г.) и «Балкан» (с 1886 г.).

Проза Евгения Кумичича (1850—1904), испытывавшая влияние натурализма, посвящена борьбе против иноземного владычества («Приморцы», 1882 и др.) и изображению загребского общества. В романе «Госпожа Сабина» (1883) писатель дал картину его разложения и яркие типы развращенной дворянки, ростовщика, буржуа. Ценна его книга «Под ружьем» (1886), правдиво описывающая оккупацию Боснии.

Анте Ковачич (1854—1889) в своих социальных романах раскрыл пороки австрийской аристократии и ее разорение («Любовь баронессы», 1877), показал борьбу богатеющих буржуа за овладение дворянскими имениями («Фискал», 1882), изобразил процесс превращения крестьянина в горожанина и его моральное развращение в условиях городской жизни.

Творчество Ксавера Шандора Джальского (1854—1935) весьма разнообразно по своей тематике. Но основной темой писателя служит оскудение дворянства. В повести «Спятельнейший Баторич» (1884) разорившийся дворянин теряет чувство реальности и живет еще старыми представлениями; в повести «Знатный и благородный Цинтек» (1899) дворянин все еще жаждет титулов и званий и воображает себя знатным и богатым. В ряде произведений Джальский показал и жизнь интеллигенции: сельских учителей, мечтателей-литераторов. Он сумел нарисовать картины политической и духовной жизни страны: в романе «Ночью» (1886)—время от правления бана Мажуранича до правления графа Хедервари, приспособление оппозиционных правашей к режиму; в «Янко Бориславиче»— психологию упадочной интеллигенции конца XIX в. В историческом романе «За родной язык» (1906) он показал хорватский иллиризм.

Йосип Козарац (1858—1906) вошел в литературу со своей особой темой. Он изображал разорение крестьян и уход в город, где им суждена тяжелая доля («Пролетарии», 1888). Замечательно рисуя сельский быт, типы и природу, писатель ставил вопрос о разумном использовании природных богатств страны и рабочих рук. В романе «Мертвые капиталы» (1889) управляющий имением Лешич увлечен мыслью о необходимости лучше обрабатывать землю. Но кругом все равнодушны к земле. Та же тема развита и в романе «Между светом и тьмой» (1891), только здесь, кроме того, еще показана мешающая прогрессу темнота. Козарац —

либерал по своим убеждениям, не увидел эксплуатацию крестьян помещиками и кулаками.

Венцеслав Новак (1859—1905) рисовал жизнь города—интеллигенции, ремесленников, рабочих, торговцев, изображал социальные конфликты и тяжелое положение людей труда. Он выступил как критик буржуазного общества. Одна из основных идей писателя—мысль о разлагающем действии города, особенно на людей из села. В романе «Павел Шегота» (1888) честный и бедный юноша становится жертвой ростовщиков и развратников. В романе «Последние Стипанчичи» (1899) дворянская семья попадает в руки жестоких и морально низких людей и гибнет. «Тито Дорчич» (1906) — роман о сыне рыбака, который, став судьей, сталкивается с неправдой и жестокостью законов. Касался Новак и вопросов социальной борьбы. В повести «Отец и сын» он изобразил борьбу крестьян, эксплуатируемых предпринимателем на рубке леса. Произведения Новака широко охватывают явления общественной жизни, остро ставят вопросы, дают законченные типы и ярко рисуют социальную среду.

Хорватский реализм выдвинул двух крупных поэтов — Августа Харамбашича (1861—1911) и Сильвие Страхимира Краньчевича (1865—1908). Первый был захвачен идеей национальной борьбы и развития народной культуры. Известна его патриотическая песня «К Хорватии».

Ранние стихи Краньчевича представляют собой патриотическую лирику. Но в сборнике «Избранные стихи» (1898) с большой силой зазвучали социальные темы. Уже в одном из ранних стихотворений поэт показал человека труда не только как страдальца, но и как носителя новой веры, борца, освободителя человечества («Рабочему», 1885, новый вариант — 1898). Позднее поэт еще шире охватывает действительность, рисует труд, голод, нищету, бегство крестьян за границу в поисках работы. В стихотворении «Переселенец» он дает глубокую социально-психологическую характеристику образа. Откликается Краньчевич на события русской революции 1905 г., хотя трактует ее в народническом и даже религиозном духе, что было выражением характерных для него противоречий. Тема революционной мечты и веры в будущее звучит у поэта все ярче и выражается в образе звезды, вспышки которой ждут люди. Призывы к борьбе и обличение режима, церкви, лжепатриотов были причиной преследований поэта, а крушение надежд вызвало ноты пессимизма. Краньчевич—реформатор хорватской поэзии. Он внес в нее большие общественные темы, вдохновение борьбы, острый критицизм, бунт против несправедливости. Он создал свой поэтический стиль, соединяющий реалистические детали и аллегорические формы, бытовые сцены и широкие философские обобщения, романтический пафос и глубокую жизненность, типические образы и античную и библейскую символику.

Поэзия Краньчевича была итогом развития хорватской поэзии XIX в. и поисками новых творческих путей. Это было причиной того, что модернисты высоко оценили ее. В поэзии Краньчевича их привлекало отрицание старых форм, яркий лиризм, философский ее характер, пользование символическими образами. Но по своей идейной сущности она была чужда модернизму.

Хорватский реализм создал большие идейно-художественные ценности в области прозы и отчасти поэзии, но не смог достичь таких же успехов в драматургии.

В 1895 г. в хорватской литературе обозначились новые веяния. Выступила группа молодых писателей и критиков, которая получила название «хорватский модерн». Она начала острую борьбу против реализма. Эстетическая теория и художественная практика молодых были направлены, по заявлению самих писателей, против всего отжившего, против традиционализма и обветшавших форм.

Модернизм в свою очередь встретил противодействие. Против него выступили прозаик Венцеслав Новак, критики Якша Чедомил и Динко Политео, сторонник натурализма Янко Иблер, историк Джуро Шурмин. Писатель Анте Тресич-Павичич в издаваемом им в Сплите журнале «Нови век» (с 1897 г.) защищал патриотические традиции хорватской литературы от нападок «молодых». Профессор-этнограф Франьо Кухач в брошюре «Анархия в хорватской литературе и искусстве» обвинял модернистов в измене родной культуре.

Центрами «старых» были Матица хорватская и журнал «Виенац». Однако этот журнал скоро стал предоставлять свои страницы и «молодым», которые вели борьбу за свои органы печати, требовали свободы выступлений. Однако традиции реализма продолжались, особенно в жанре социального романа, но приобретали новый характер, испытывая на себе влияние новых веяний. В результате борьбы «старые» были в известной степени оттеснены, а некоторые из них признали модернизм и были объявлены его предшественниками. Поддержку модернизму стали оказывать Джальский, Козарац, Краньчевич, Лесковар, а Войнович полностью перешел на его позиции. В созданное «молодыми» Общество хорватских писателей стали входить и «старые», а председателем его был избран Иван Трнски, продолжатель национально-патриотических традиций хорватской литературы. Особенностью хорватского модернизма было то, что в нем не определились ни символизм, ни импрессионизм, несмотря на то, что черты того и другого проявлялись.

Одно из течений в модернизме, крайне индивидуалистическое и космополитическое, испытывало на себе влияние венского модернизма. Это течение представляли выходцы из буржуазно-чиновничьей среды, учившиеся в Вене и Мюнхене. Они издавали журналы «Младост» (Вена, 1898), «Хрватски салон» (1898—1899) и «Живот» (Загреб, 1900—1901), которые редактировал критик Милливой Иванов-Дежман, глава этой группы модернистов.

Ко второму течению примыкали писатели, вышедшие из мелкобуржуазной и крестьянской среды. Они провозглашали, казалось бы, прогрессивные принципы творчества, однако подлинной связи с жизнью и народом у них не было. Органами второго течения были «Хрватска мисао» (Прага, с 1897 г.), «Народна мисао» (1898), «Нова нада» (1898—1899), «Глас» (1899, Загреб). Возглавлял его Милан Марьянович (1879—1955). К нему близко стоял Милутин Цихлар-Нехаев (1880—1931).

В пору модернизма в хорватской литературе выступило много новых поэтов, различных по своему мировосприятию и стилю. Их творчество представлено в сборнике «Хрватска млада лирика» (1914). Одним из его участников был Милан Бегович (1876—1948), автор «больной лирики», как определяла его критика. Психологизм, стилизация, эротика, пессимизм—отличительные ее черты. Его сборник стихов «Книга Боккадоро» (1900) была своего рода манифестом модернизма. В лирике Владимира Видрича (1875—1909) господствуют античные и средневековые мотивы и образы и видно влияние французских парнасцев. Стихи Драгутина Домьянича (1875—1933) выразили душевную усталость и разочарования поэта; в его произведениях, написанных на кайкавском наречии, есть и черты реализма.

Наиболее ярким и талантливым поэтом этого времени был глубоко самобытный, национально своеобразный Владимир Назор (1876—1949). Идейная сторона его творчества характеризуется героическими мотивами, свободолюбием, патриотизмом, любовью к жизни и человеку, а художественная—широким использованием славянской мифологии и фольклора, исторических преданий и легенд, богатым языком, гибким стихом («Славянские легенды», 1900; «Книга о королях хорватских», 1904; «Ли-

Сильвие Страхимир Краньчевич

рика», 1910; «Хорватские короли», 1912; «Новые песни», 1913). Поэзия Назора противостояла космополитизму и идейным блужданиям модернизма, хотя и испытывала на себе влияние последнего. Ставя в центр борьбу народа, образ сильного человека и картины родной природы, поэт тем самым отвергал декадентство.

Проза и драма в Хорватии в конце XIX—начале XX в. не получили широкого развития, хотя и дали ряд интересных произведений. М. Нехаев в романе «Бегство» (1909) показал и осудил «бегство» интеллигента от мучающей его действительности. Йосип Косор (1879) писал повести о босяках («Черные голоса», 1905) и романы о людях труда («Рабочие», 1906), хотя разрабатывал эти темы не в социальном, а в морально-психологическом плане.

Среди прозаиков этого времени особо стоит Динко Шимунович (1873—1933), во многом близкий к Назору. Он изображал тяжелый труд и своеобразный быт крестьян Далмации, патриархальную жизнь, героические характеры, сильных мужчин и прекрасных женщин. Он обличал ростовщиков, чиновников и попов, обирающих народ. Его идеалами были смелость и честность, труд и борьба за справедливость. Лучшие его произведения — повести «Мркодол» и «Алькар».

Для хорватской прозы этого времени характерно тяготение к проблемности, но проблемы избираются морально-психологические и трактуются обычно в субъективно-лирическом плане. Популярны были небольшие формы, в том числе стихотворение в прозе.

Драма была представлена близкими к натурализму пьесами Нехаева («Перелом», «Жизнь»), Косора («Пожар страстей», «Жена»), а также лирико-символической драмой Милана Огризовича «Хасанагиница» (1909), использующей сюжет известной народной песни.

Наиболее крупным драматургом этого времени был Иво Войнович (1857—1929), который по существу являлся одним из представителей модерна. Его драма «Равноденствие» (1895)—пьеса сильных страстей и трагических судеб. То, как трактуется в ней столкновение кораблестроительных рабочих с разбогатевшим в Америке жадным и жестоким судовладельцем, раскрывает антибуржуазные позиции автора и объективно вызывает симпатии к людям труда. Пьеса глубока по своему психологическому анализу. Своеобразна «Дубровницкая трилогия» (1900—1903) Войновича, изображающая утрату республикой самостоятельности во времена Наполеона, падение родов патрициев и австрийское правление. «Трилогия» глубоко элегична. Изобразив три периода жизни Дубровника, автор показал историю упадка этого богатого и славного в прошлом города. С большой силой проявились у Войновича национально-патриотические тенденции в драмах «Смерть матери Юговичей» (1907) и «Лазарево воскресение» (1913), где использованы фольклорные мотивы.

Своеобразной фигурой в хорватской литературе конца XIX—начала XX в. был Антун Густав Матош (1873—1914) — критик, поэт и прозаик. К какому-либо течению модернизма он не принадлежал, но по своим идеям был ему близок и оказывал на модернистов значительное воздействие. В новеллах он пытался соединить реализм и модернизм, рисовал типы обездоленных и нищих людей, чиновников и студентов со странными причудами, в стихах разрабатывал патриотические темы. В критических статьях дал импрессионистическую характеристику и оценку творчества многих хорватских и сербских писателей. С позиций партии права он критиковал политиканство, боролся за объединение патриотических сил. Матош был блестящим стилистом. Афоризмы и парадоксы, лиризм и богатство выразительных средств—отличительные черты его языка и в прозе, и в стихах, и в статьях.

Хорватские писатели, в той или иной мере примкнувшие к модернизму, несмотря на теоретические заблуждения создали ценные и оригинальные произведения. Острые споры повысили интерес к искусству и его теоретическим проблемам.

Однако отрыв модернизма от реальной действительности вновь ставил вопрос об углублении реализма, так как оказалось, что идя путями модернизма, нельзя решить самых основных проблем искусства. Но новая ступень развития реализма могла наступить только в том случае, если бы возникли благоприятные для нее социально-исторические условия.

В словенской литературе, как и в сербской и хорватской, в середине XIX в. в недрах романтизма постепенно обозначались признаки развития реализма. 50—60-е годы, однако, были временем господства консервативной идеологии так называемых старословенцев. Их воззрения отражали позиции слабой словенской буржуазии, принужденной приспосабливаться к австро-венгерской монархии и капиталу. Их органом была газета «Новице», их главой — Блейвейс, их поэтом—Иван Весел Косеский (см. гл. 30). С конца 60-х годов основное место в литературе заняли младословенцы. Это было либеральное течение средней и мелкой буржуазии, во главе которого стоял Фран Левстик (1831—1887), основоположник литературной критики в Словении, реформатор литературы и языка. Левстик начал с романтизма, в своих песнях и балладах широко использовал народно-поэтические мотивы, создал два замечательных цикла стихов о любви бедняка — «Тонины песни» и «Франины песни», где несмотря на ноты элегичности воспел любовь и веселье, счастье и

красоту. В патриотических стихах он изобразил страдания своей родины и выразил надежду на помощь русского народа, мощь которого он передавал в образе «русского грома». В сатирических стихах Левстик осмеял самозванных вождей народа — консерваторов. В рассказе «Мартин Крпан» он высказал свою веру в силы народа и в образе крестьянина-богатыря воплотил мощь, трудолюбие и правдивость народа. В трагедии «Тугомер» Левстик изобразил борьбу древних славян с германцами. Трагедия заканчивается словами:

Будь тверд и несгибаем, муж стальной,
Когда придется защищать и честь и право
Народа своего и языка.

Другой крупный писатель этого времени Йосип Стритар (1836—1923) в своих статьях изложил принципы прогрессивного романтизма. Его журнал «Звон» («Колокол») стал центром этого течения. Стритар жил в Вене. В книге стихов «Песни с пути» он выразил свою тоску по родине, а в «Венских сонетах» осмеял консервативный романтизм. Позже под влиянием панславизма и отрыва от родины он отстал от передовой литературы, в его творчестве обозначились не только ноты мировой скорби, но и мистицизм.

Крупными поэтами словенского романтизма были Симон Енко (1836—1869) и Симон Грегорчич (1844—1906). Стихи первого имеют сильную национальную окраску, но элегичны и ограничены в круге тем. Стихи второго посвящены родной природе, прошлому народа, полны веры в него («Наша звезда»).

Однако основным процессом и в словенской литературе 70—80-х годов стало развитие реализма. Черты его сильны в прозе Йосипа Юрчича (1844—1889), который начал с исторических повестей о борьбе с турками («Юрий Козьяк») и жизни средневековой Любляны («Дочь городского судьи»), но затем одним из первых словенских писателей обратился к изображению современности и притом с демократических позиций. Начавшееся разорение крестьянства нашло отклик в его повести «Соседский сын».

Реалистические элементы чувствуются в комедии из сельской жизни Мирослава Вильхара «Жупан», в которой автор критикует германофилов, и в комедии Йосипа Огринца «Где межа?», изображающей тяжбу двух крестьян из-за земли.

Словенский реализм формировался в условиях обострения борьбы политических партий, усиления соглашательства и клерикализма, с которыми должен был вести борьбу. Во главе клерикалов стоял епископ Антон Махнич. В издаваемом им журнале «Римски католик» он выступал против передовой культуры.

Клерикалам и Махничу противостояли молодые писатели-либералы. Знание жизни и связь с демократическими слоями служили почвой усиления реалистических черт в их творчестве. Защиту реалистического искусства особенно настойчиво вели Целестин, Левец и Керсник. Они объединялись в журнале «Люблянски звон», где скоро к ним примкнули Грегорчич, Ашкерц и др. Консерваторы тогда создали еще один, уже специально литературный журнал «Дом ин свет», старались увести литературу от реальной действительности, от общественных проблем к проблемам «духовной» жизни, то есть религиозной.

Несмотря на трудные общественные и литературные условия, реализм завоевывал все более крепкие позиции. Он не только проявлялся в художественной практике писателей, но и получил теоретическое обоснование. Фран Целестин (1843—1895), познакомившийся с русской

литературой во время пребывания в России, под ее влиянием требовал от писателей откликаться на общественные вопросы, изучать жизнь, дал критическую оценку творчества писателей-романтиков, указав на их слабости. Ему принадлежат две книги о России и повести из крестьянской жизни. Важное значение имела деятельность Франа Левца (1846—1916); как редактор журнала «Люблянски звон» он объединял писателей-реалистов, а в статьях по литературе отстаивал прогрессивное искусство и реализм.

Видным представителем словенского реализма, по существу зачинателем реалистической прозы, был Янко Керсник (1852—1897). Он изображал жизнь различных социальных слоев, критиковал соглашателей и «немшкутаров» — людей, изменивших народу. В романе «Цикламен» (1883) он показал праздное и бессодержательное существование дворянства и буржуазии. Большой заслугой Керсника было изображение политической и духовной жизни своего времени. В романе «Агитатор» (1885) писатель представил картину борьбы вокруг выборов в областную скупщину, нарисовал типы либералов, клерикалов и «немшкутаров». Это первое в словенской литературе произведение, в котором раскрываются общественные противоречия и борьба. В романе «Выскочки» (1893) Керсник обличает быстро разбогатевших буржуа, равнодушных к судьбам народа, жестоко ломающих жизнь зависящих от них людей. В сборнике «Картинки крестьянской жизни» Керсник показал труд и быт крестьян, обирание их ростовщиками и чиновниками, распри из-за земли и имущества. Рассказы этого сборника — ответ писателя на обострение крестьянского вопроса и разорение крестьянства. Проза Керсника имела большое значение в развитии словенской литературы. Он разрабатывал большие социальные темы, показал пороки молодой буржуазии, раскрыл психологию современного ему интеллигента, обратил внимание на важнейшие явления в жизни села. Его произведения строятся на богатых жизненных наблюдениях, точны в психологическом анализе и описаниях, свежи по языку. Общественные проблемы современности разрабатывал также Иван Тавчар (1851—1923), автор повестей из сельской жизни («Меж горами») и сатиры на клерикалов («4.000»).

Развитие реализма в словенской литературе сопровождалось, однако, и проявлением натурализма, который представлял собою осуществление примитивно понятых принципов Золя: изображение человека в его биологической природе, грубых страстей и низменных интересов. Это имело место у Франа Говекара (1871—1949), который выступил в 1895 г. со статьями о натурализме и объединил вокруг себя целую группу писателей (Радо Мурник, Зофка Кведрова, Этбин Кристан). Изображая современное им общество, они обходили социальные вопросы, а останавливали свое внимание на проблеме наследственности, душевных болезнях, грубых страстях, что характерно, например, для романа Говекара «В крови» (1896). Но натурализм не имел значительного распространения в словенской литературе, так как против него решительно выступили реалисты. Против него выступили и модернисты.

В поэзии наиболее ярким явлением было творчество Антона Ашкерца (1856—1912), у которого соединяются романтические черты (жанр баллады, близость к народному творчеству, исторические сюжеты трагического характера) и черты реалистические (жизненные проблемы, естественность трактовки образов, простота языка). Ашкерц — борец за гуманизм и демократию. Он был священником, но отказался от духовного сана и решительно выступил против клерикалов. О сознательном выборе им своего пути он говорит в стихотворении «Могила певца». Ашкерц постепенно расширял тематику своей поэзии и в центр ее поставил социальные проблемы. В стихотворении «Моя муза» и в статьях он заяв-

ляет о своем разрыве с сентиментальной лирикой и выдвигает программу служения родине, народу, угнетенным, прогрессу человечества. Развитие общественных противоречий, борьба словенского народа за независимость, идейная жизнь 80—90-х годов определили социальную остроту его поэзии. В цикле стихов «Старая правда» он рисует картины крестьянских восстаний начала XVI века в особом цикле стихов воспевает освободительную борьбу болгарского народа. Большое внимание он уделяет жизни различных народов, их судьбе, их стремлениям. Поэт особенно интересуется славянскими народами, дружба которых была важной темой его стихов («Завещание Святополка»). Ашкерц посетил многие страны, в том числе Россию. В стихотворении «Великий русский язык» поэт называет этот язык языком народа, который несет другим освобождение. Вместе с И. Веселом Ашкерц издал «Русскую антологию» (1901).

В поэзии Ашкерца сильно развита социальная сатира: обличение клерикалов, австрийского режима, предателей народных интересов. Общественная и литературная деятельность писателя содействовала объединению прогрессивных сил словенского народа на борьбу за независимость и культуру. В своем творчестве он рисовал тяжелое положение рабочих («Дочь рабочего», «Песня рабочего об угле», «Рождественская песня бедняков»). Эти стихи проникнуты революционным протестом. Однако Ашкерц постепенно сошел на либеральные позиции. Его боевой дух угасал, тематика безгранично расширилась и потеряла остроту. Это вызвало критику его со стороны молодых писателей (Цанкар). Ясно было, что на той ступени, какой достиг Ашкерц, литература остановиться не может. Он по сути дела принадлежал к первому поколению реалистов. Вслед за ним выступило новое поколение реалистов, но оно выступило в особых условиях — в условиях появления модернизма.

Словенский модернизм значительно отличался от сербского, хорватского да и западноевропейского. Кроме характерных обычно для модернизма того времени декадентских, символистских тенденций, в нем проявились и тенденции прогрессивные, демократические. Они наиболее определенно выразились у той группы писателей, которая получила название «словенский модерн» (Кетте, Мурн, Жупанчич, Цанкар). Словенский модерн был связан с жизнью народа, ставил социальные проблемы, критиковал буржуазную мораль, консерватизм клерикалов, либеральное фразерство. Его представители оптимистически смотрели в будущее, веря в возможность коренного изменения жизни, потому что верили в народные силы. На этой почве рождались в их творчестве реалистические черты.

Видным разделом творчества писателей словенского модерна была лирика. Под влиянием субъективистского и индивидуалистического восприятия мира они считали выражение духовного мира художника основой искусства. Их первые стихи имели декадентские ноты, передавали обостренное и болезненное мировосприятие, носили форму интимной исповеди. Эти черты были свойственны для первой книги стихов Ивана Цанкара «Эротика», которая люблянским епископом Егличем была объявлена безнравственной и сожжена, для первых книг стихов Отона Жупанчича (1878—1949) «Чаша опьянения», для стихов рано умерших Драготина Кетте (1876—1899) и Йосипа Мурна-Александрова (1879—1901). Последние два поэта были связаны с селом, что ярче проявилось у Мурна в стихах о крестьянском труде и быте. Стихи Мурна близки народным песням, в них видно влияние русского поэта А. В. Кольцова.

Развитие рабочего движения дало новые темы поэзии. Оно усилило ее связь с жизнью и реализм. Крупнейший поэт словенского модерна Жупанчич освобождался от упадочнических настроений, индивидуализма, от трактовки любви в чувственном плане, что характерно для книги

«Чаша опьянения» (1899). В сборнике «По равнине» (1904) он пришел к жизнерадостному, светлому мировосприятию. В его стихах возрастает объективность изображения, углубляется познание жизни, усиливается отрицание буржуазной идеологии и морали. В сборнике стихов «Монологи» (1908) основными темами становятся родина и народ. Поэт говорит о труде и страданиях рабочих («Голод», «Песня кузнецов», «Песня гвоздильщиков»), о выселении крестьян в чужие края, о своей любви к маленькой и измученной родине, для которой он жаждет счастья и свободы. Жупанчич — поэт большой культуры, мастер слова, положивший начало свободному стиху, обогативший поэтическую образность и ритмико-интонационную выразительность стиха. Используя опыт мировой и народной поэзии словенцев, он остается оригинальным.

Самым крупным явлением в развитии словенской литературы начала XX века было своеобразное в своем реализме творчество Ивана Цанкара (1878—1918) — выдающегося словенского пролетарского писателя. Он был связан с социал-демократическим движением, преследовался за это австрийскими властями и католическим духовенством. Цанкар — большой мастер прозы и драмы, во многом определивший дальнейшее развитие словенской литературы. В рассказах «Книги для легкомысленных людей» (1901) он рисует тяжелые картины жизни и труда городской бедноты и интеллигенции, которых терзает буржуазное общество. В повести «На бедняцкой горе» (1902) писатель создал образ женщины, прошедшей тяжелые испытания в жизни. Подобная же тема в повести «Крест на горе» (1904). Исключительное идейное значение имела повесть «Батрак Ерней и его право» (1907), в ней писатель с огромной силой раскрыл бесправие трудового человека, отразил его недовольство и стихийный протест. Важной темой прозы Цанкара было отношение интеллигенции к народу. Рассказывая историю героя романа «Мартин Качур» (1905), утратившего под давлением условий жизни, власти, реакции и церкви свои высокие идеалы и ставшего духовным мещанином, писатель призывает интеллигенцию служить народу.

Важным этапом в развитии словенской литературы являются пьесы Цанкара. Одним из его жанров—сатирическая комедия. В пьесе «Ради блага народа» (1901) автор разоблачает либералов и клерикалов, за речами которых о благе народа кроются эгоизм и беспринципность. Против либералов и клерикалов выступает демократически настроенный журналист Щука. В пьесе «Король Бетайновы» (1902) Цанкар в образе фабриканта Кантора показал обирателя народа и нового хозяина жизни, которому служат судьи, чиновники, духовенство и который безжалостно уничтожает тех, кто становится на его пути к обогащению и власти. В пьесе «Холопы» (1910) разоблачаются прислужники капитала и политической реакции; ее главный герой учитель Ерман, хотя и выходит из борьбы, предчувствует победу прогрессивных сил.

Пьесы Цанкара отразили важнейшие общественные процессы времени и прежде всего усиление экономической и политической силы крупной буржуазии. Цанкар был основоположником словенской социальной драмы и поднял ее на высокий идейно-художественный уровень. Он выступил как подлинный реформатор прозы, углубивший ее реализм. Основой всего этого служила связь писателя с жизнью народа, понимание им социальных противоречий, интересов основных противостоящих сил и роли пролетариата в перестройке общества. В лекции «Словенская культура, война и рабочий класс» он говорил, что будущность словенского народа лежит «на плечах рабочих». Один из словенских литературоведов отмечает, что происходивший в те годы в России процесс перерастания критического реализма Толстого и Чехова в более высокий тип реалистического творчества Горького гораздо сильнее воздействовал на Цанкара,

нежели появление новых «измов» на Западе. Однако творчество Цанкара имеет и следы влияния модернизма (ноты пессимизма, мистика, использование условных форм изображения). Его сложность и противоречивость были причиной того, что оно воздействовало на писателей различных направлений.

Художественные достижения литературы югославянских народов были обусловлены важнейшими социально-историческими факторами: освободительной борьбой народных масс, передовой общественной мыслью, а также развитием лучших национальных традиций. Но известную роль играло и усвоение художественного опыта литературы других народов, особенно русской.

В период позднего романтизма, то есть в 50—70-е годы, в Сербии, Хорватии и Словении еще более возросли связи литератур этих стран с русской литературой. Весьма популярны стали Пушкин, Лермонтов и особенно Гоголь. Его романтические повести и прежде всего «Тарас Бульба» отвечали патриотическим настроениям и героическим традициям сербов и хорватов. Хорватский писатель-романтик Иван Трнский в статьях о Пушкине и Гоголе отмечал, что русская литература стала образцом, и призывал изучать русских писателей, «чтобы облагородить хорватскую литературу» («Невен», 1854).

Расширению литературных связей с Россией способствовали Крымская война 1853—1856 гг. и русско-турецкая война 1877—1878 гг. Они стали важной темой сербской литературы. О помощи русского народа южным славянам, о героизме русских войск писали Дж. Якшич и Й. Йованович-Змай. Последний заявлял, что память о подвиге русских людей «живет в сербском сердце» («Памятник близ Алексинаца»). Якшич и Змай высоко ценили русскую литературу. Их поэзия созвучна поэзии Лермонтова и Некрасова. Змай переводил стихи Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Добролюбова. В период романтизма важное значение для сербской, хорватской и словенской литератур имела русская поэзия, дававшая образец гражданского, демократического искусства. Ее патриотические темы и ее политическая сатира были особенно ценны.

В период формирования и развития реализма в литературах Сербии, Хорватии и Словении значение русской литературы для них особенно возросло. С одной стороны, идеи, которые несла русская литература (борьба с феодализмом и его пережитками, дружба народов), а с другой — разработка русской критикой теории реализма и народности литературы—приводили к возрастанию роли русского реализма в формировании передовых течений сербской, хорватской и словенской литератур. Особенно большое значение приобрел творческий метод Гоголя, популярность которого у всех южных славян была исключительной. Критика, отмечая народность и жизненность творчества Гоголя, призывала писателей учиться у него критическому подходу к действительности («Даница», 1866). Его произведения читали и в подлиннике и много переводили, в том числе писатели-реалисты Лаза Лазаревич и Милован Глишич.

Особенно велико было значение Гоголя для сербской и хорватской сатирической литературы. Сербские писатели Игнятович, Глишич, Сремац, Нушич и многие другие сами писали о влиянии Гоголя на их произведения. Гоголевское влияние проявляется и позже. Иван Цанкар называл Гоголя «гениальным русским сатириком», а известный литературовед Милош Савкович писал: «Гоголь своими произведениями придал нашей литературе настоящий реализм».

В формировании реализма в сербской и хорватской литературе большую роль играли теоретические суждения В. Г. Белинского. На него как на авторитет ссылались Целестин, Шеноа и многие другие. Когда в 80-е годы в Хорватии началась борьба реализма против натурализма,

защитники первого обосновывали свои взгляды положениями Белинского (Пасарич, Шрепел, Ст. Радич). Академик Антун Барац говорил, что хорватская критика усвоила у Белинского «понимание реализма, понимание литературы как общественной силы, а писателя — как борца за передовые идеи своего времени». Важное значение имели и критические статьи Чернышевского, Добролюбова и Писарева.

Но особенно большую роль в развитии реализма в югославянских литературах сыграло творчество И. С. Тургенева. Он был самым любимым русским писателем. Тургенева много переводили, о нем много писали. Его ценили за реализм, за верность жизни, за умение ставить важнейшие проблемы жизни. Й. Скерлич подчеркивал мировое значение творчества Тургенева. В сербской литературе влияние Тургенева проявилось более всего в жанре рассказа (стиле, композиции), в хорватской—в романе (в образах героев, в постановке общественных проблем). Влияние Тургенева видно в произведениях Анте Ковачича, в теме человека и природы в прозе Йосипа Козарца. Словенский писатель Янко Керснпк называл себя учеником Тургенева.

Творчество Льва Толстого привлекло к себе самое пристальное внимание и гуманизмом, и изображением крестьянства. Его произведения переводили крупнейшие писатели. Его пьесы стали постоянными в репертуаре театров. О Толстом писали в югославянской печати исключительно много. Известны слова Лазы Лазаревича слависту Ватрославу Ягичу после прочтения «Анны Карениной»: «Теперь уже не нужно писать, он все сказал». Могучий гений Толстого, искусство психологического анализа и выразительная сила речи оказали значительное влияние на прозу Ранковича, Чипико, Джальского, на драматургию Чипико, Косора, Финжгара. Влияние «Воскресенья» и «Живого трупа» югославские литературоведы видят в повестях и пьесах Цанкара, в частности в разработке темы «человек и закон».

Рассказы Чехова, особенно «Мужики», избавляли писателей от иллюзий о возрождении патриархального быта, а его пьесы, по словам одного из критиков, учили бороться за правду и добро и защищать необходимость труда для всех. Следы чеховской манеры отмечались в рассказах Нушича, Светозара Чоровича и др.

Максим Горький был воспринят как певец революции и романтик. Новые черты его реалистического метода были оценены позже. Его произведения переводили лучшие писатели, например Кочич. Его пьесы заняли прочное место в репертуаре театров. Критика писала о том, что Горький поднимает важнейшие вопросы жизни, смело ведет борьбу с реакцией и декадентством, зовет к созданию новой жизни («Савременик», 1912). В 1905 г. сербские писатели направили русскому правительству протест против ареста Горького. Воздействие творчества Горького ощущается в прозе Кочича и Чипико, в стихах Проки Йовкича, в драматургии Воислава Йовановича и Драгослава Ненадича.

Русская реалистическая литература помогала бороться с декадентством и другими формами модернизма, содействовала укреплению реализма. Правда, модернисты увлекались и такими писателями, как Л. Андреев, Ф. Соллогуб, М. Арцыбашев. Особенный интерес вызывало творчество Ф. М. Достоевского. А. Г. Матош говорил: «Нам Достоевский был милее Толстого» («Савременик», 1909). Но творчество Тургенева, Толстого, Чехова и Горького выполняло большую роль в борьбе с модернизмом и натурализмом.

Воздействие передовой русской литературы способствовало идейному росту и художественному совершенствованию сербской, хорватской и словенской литературы, учило правдивому изображению жизни, несло благородные идеи, обогащало творческий опыт писателей. Ее влияние не-

стирало национальной самобытности художников слова, а, напротив, углубляло ее, так как помогало глубже осмыслить жизнь своего народа. Хорватский переводчик произведений Тургенева писал: «Русская художественная литература дает европейскому читателю нечто совершенно новое, замечательное, нечто величественное, так что в струе европейского реализма русские писатели занимают не только самостоятельное, но и во многих отношениях положительно первое место».

Театр, Музыка. Изобразительное искусство. Архитектура

Театр, музыка, живопись прошли во второй половине XIX — начале XX в. путь развития примерно такой же, какой прошла литература. В искусстве действовали общие закономерности. Только развитие этих видов искусства по сравнению с литературой в некоторой степени отставало. Так, национальный театр и национальная музыка югославянских народов формируются позже, нежели литература.

Но во всех видах искусства происходила борьба и последовательное развитие романтизма, реализма и модернизма, причем реализм, ведя борьбу с натурализмом и различными формами модернизма, оставался основным направлением сербского, хорватского и словенского искусства.

Новый этап в развитии театрального искусства югославян начинается с 60-х годов. Именно в 60-е годы в большинстве югославянских земель создается национальный театр, общественное значение театра сильно возрастает, он испытывает на себе воздействие передовых течений общественной мысли, начинает играть важную роль в духовной жизни народа. В сценическом искусстве в 60—70-е годы еще господствует романтическая манера исполнения, но все более широко на сцену проникает реализм (и в драматургии, и в театральных постановках).

Театральная жизнь во второй половине XIX в. наиболее интенсивно протекала в Воеводине, где существовало несколько талантливых бродячих драматических трупп и театральных обществ, например «Общество друзей сербского театра» (Нови Сад, 1850—1851). Труппа, которой руководил Йован Кнежевич (1818—1864), послужила основой постоянного театра, который был создан в Нови Саде в 1861 г. при содействии Сербской читальни; значительна роль в этом режиссера Йована Джорджевича (1826—1900) и писателя Йована Йовановича-Змая. Активное участие в этом принял и известный общественный деятель Светозар Милетич. Театр ставил пьесы Йована Поповича, Косты Трифковича, Коцебу, Мольера, постепенно расширяя свой репертуар. Позже кроме драматической труппы в него вошла и оперная труппа. Руководитель театра Йован Джорджевич собрал талантливую труппу актеров. В 1869 г. он переехал в Белград и положил начало постоянному театру в столице Сербии. В 1872 г. Новисадский театр приобрел свое здание; с 1871 г. стал выходить первый сербский театральный журнал «Позориште» («Театр») под редакцией Антония Хаджича (1833—1917), который длительное время состоял директором театра. Особенностью Новисадского театра было то, что он почти ежегодно давал представления не только в Нови Саде, но и во многих городах Воеводины, Славонии, Хорватии, Боснии и Герцеговины.

В организации и развитии театрального дела Хорватия достигла успехов ранее, нежели Сербия и Словения. До 1861 г. театральная жизнь в Хорватии характеризуется деятельностью любительских трупп, которые вели борьбу с приезжими немецкими труппами. В 1861 г. хорватский сабор принял закон, объявлявший театр национальным учреждением. В Загребе был открыт Хорватский народный театр и создана театральная

школа. Были учреждены премии за лучшие пьесы. Театр этого времени прежде всего выражал национально-патриотические идеи. Ставились «Дубравка» Гундулича, пьесы Боговича, Томича и Юрковича. В 1868—1873 гг. театром руководил Август Шеноа. Он много содействовал развитию хорватской драматургии. Но в репертуар театра входили и произведения мировой драматургии: Шекспира, Мольера, Шиллера и др. В 1874 г. был поставлен «Ревизор» Гоголя.

Хорватским народным театром в 1894—1898 гг. руководил крупный режиссер Степан Милетич (1868—1908). Он придал театру ярко прогрессивное направление, собрал талантливую актерскую труппу, включал в репертуар пьесы русских писателей — Грибоедова, Гоголя, Островского, Толстого, Чехова. Много сделал Милетич и для развития оперы. Постоянные оперные представления начались в Загребе в 1870 г. Но в 1889 г. венгерские власти запретили их, лишь в 1895 г. Милетич добился возобновления оперных представлений. Правда, оперу снова закрыли в 1902 г., и она вновь начала свои представления только в 1909 г. С этого времени Загреб становится центром музыкальной жизни югославянских стран. Тут создается сильная оперная труппа. В 1898 г. поставлен «Евгений Онегин» Чайковского.

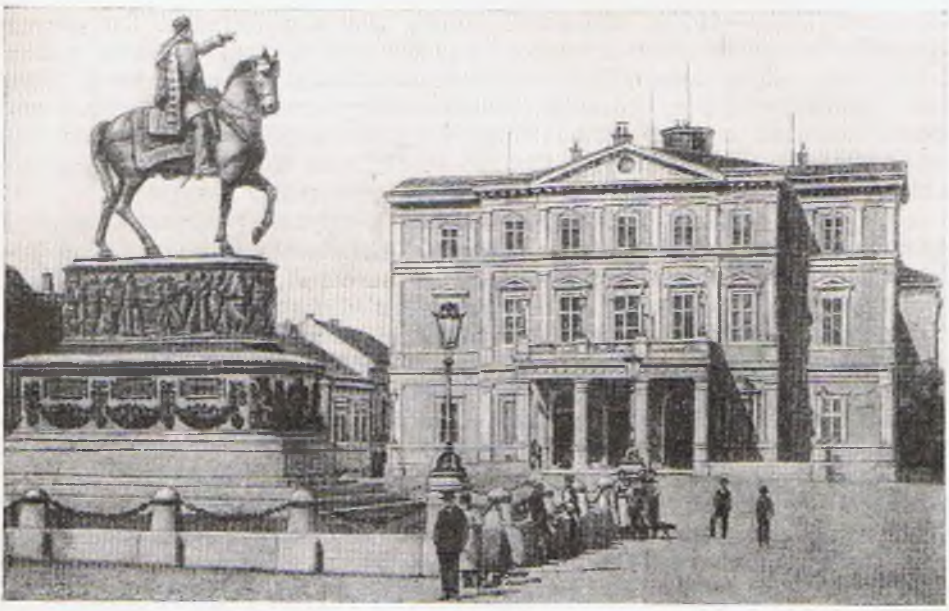
Значительны заслуги в этом композитора и оперного дирижера Сречко Альбани (1869—1933), который возглавлял оперу в Загребе в 1895—1902 и 1909—1919 гг. Он автор балетов, опер и оперетт. На сценах театров многих стран шла его оперетта «Барон Тренк» (1908).

Балет развился ранее всего в Хорватии: в Сербии и Словении балетные спектакли стали ставиться только с 1919 г. А в Загребе первое представление балета состоялось в 1892 г., регулярно балетные спектакли начали ставиться с 1894 г., когда С. Милетич пригласил итальянскую прима-балерину Эмму Грондони и педагогов-специалистов. Среди хорватских танцовщиц скоро выдвинулась Криста Жупанчич. В Загребе ставились известные балеты: «Коппелия» Делиба (в 1895 г.), «Жизель» А. Адана, а затем и первые хорватские балеты: «Ела» Белы Адамовича (1856—1934) в 1897 г. и «На Плитвицких озерах» Сречко Альбини в 1898 г.

Театр пользовался любовью во всех слоях хорватского общества, которое оказывало ему и материальную поддержку. Это способствовало развитию и оперного и драматического искусства.

В конце XIX — начале XX в. в Загребе существовала прекрасная драматическая труппа, сложилась своя актерская школа. Наиболее видными ее представителями были исполнительница трагических ролей Мария Ружич-Строцци, Андрия Фиан—замечательный трагик и руководитель драматической труппы, исполнитель ролей Гамлета, Хлестакова и Сирано де Бержерака, а также Адам Мандрович, характерный актер и талантливый педагог, который много сделал для организации театров и подготовки актеров не только в Загребе, но и в Белграде и в Софии. Загреб посещали и знаменитые европейские актеры: французские — Сара Бернар, Жан Коклен, польские — Сокальская и Выспянская. В последние годы XIX и в первые годы XX в. в театральный репертуар стали входить пьесы модернистского характера (М. Беговича, И. Войновича, М. Огризовича).

Сербский театр оформился в 1869 г., когда в Белграде было выстроено театральное здание, а скупщина в 1870 г. приняла закон о развитии драматического искусства и открытии театральной школы. Несмотря на этот закон, театр из-за тяжелых материальных обстоятельств трижды прекращал свою деятельность. Однако театральное искусство все же прогрессировало. На сцене кроме переводных пьес Шекспира, Шиллера и Гоголя ставились и сербские пьесы — Трифковича, Суботича, Бана. Хотя большое место в репертуаре занимали романтические пьесы с музыкой и пением, на сцену проникают и реалистические произведения, что



Национальный театр в Белграде

заставляло театр менять и характер постановок и исполнения. С конца XIX в. утверждавшаяся на сцене реалистическая игра вытесняла патетику и декламацию романтических актеров. Этому содействовало влияние русского театра и русской драматургии, дававшей театру важную часть его репертуара — пьесы Островского, Толстого, Чехова и Горького. В 1911 г. в Белград из России приехал режиссер А. В. Андреев, который развивал реалистические традиции в сценическом искусстве. В Белградском театре сложилась труппа даровитых актеров, которую возглавляли исполнитель комических ролей Илия Станоевич (1859—1930), Милорад Гаврилович (1861—1930) и Вела Нигринова (1869—1908); в труппу входили также даровитый актер Димитрие Ружич (1841—1912), талантливая трагическая актриса Милка Гргурова (1840—1924), исполнительница ролей Джульетты, Дездемоны и Офелии.

Свежую струю в развитие театра не только Сербии, но и Хорватии, Словении и Македонии внесло творчество Бранислава Нушича, который был директором театров в Белграде, Нови Саде и Скопле (в этом последнем он создал театр). Нушич и как драматург и как руководитель театров противостоял проникавшему в начале XX в. на сцену модернизму.

В Словении шла упорная и длительная борьба за создание национального театра, чему мешали и австрийские власти и немецкие труппы, занимавшие театральные здания, и недостаток средств. В 1861 г. при читальне в Любляне возникла словенская драматическая труппа. За пять лет она поставила 36 пьес. В 1867 г. было основано Драматическое общество, а в 1869 г. оно дало первый спектакль на словенском языке. Деятельность словенской труппы осложнилась тем, что в 1887 г. сгорело старое здание театра, а новое было выстроено только в 1892 г. Сезон был открыт пьесой Юрчича «Вероника Десеницкая», где роль героини исполняла талантливая трагическая актриса Софья Борштник-Звонарева (1868—1949). Словенская труппа вытеснила немецкую, представления которой население Любляны бойкотировало. В 1892—1912 гг. она дала две тысячи спектаклей. Во главе труппы стоял крупный актер Игнат

Борштник (1859—1919), игравший много лет и в Загребе. Он достиг большой естественности и психологической глубины в трагических ролях (Яго, Ричард II, Шейлок). Одна из самых блестящих его ролей была роль Кантора в «Короле Бетайновы» И.Цанкара. Борштник воспитал ряд талантливых актеров, в том числе Антона Беровшека (1866—1914), который начал с трагических ролей (Карл Моор, Отелло) и закончил характерными ролями (лучшая из них Аким во «Власти тьмы» Толстого).

Театральная жизнь Любляны, а затем и других городов Словении развивалась, создавались новые труппы, обогащался национальный репертуар, в который вошли замечательные пьесы И. Цанкара, хотя цензура препятствовала их постановке, и пьесы мировой драматургии (Толстого, Ибсена, Гауптмана). В словенской драматургии в некоторой мере проявился натурализм, однако реализм остался ее основным направлением.

И в словенском, и в хорватском, и в сербском театре шла борьба прогрессивной, реалистической драматургии и реалистического исполнения с модернистскими влияниями и натурализмом.

Музыкальное творчество югославянских народов середины XIX в. характеризуется господством романтизма, что выражалось в широком развитии патриотической песни и национально-исторической тематики, разработке лирических вокальных форм и большом интересе к музыкальному фольклору, который оказывал влияние на вокальную и инструментальную музыку. Но постепенно в музыке начинают развиваться новые черты—реалистические, что проявилось в отражении народного быта, постановке больших общественных проблем, углублении содержания произведений. К концу XIX в. в музыке уже видны модернистские тенденции. Модернизм более всего сказался в инструментальной музыке, в использовании усложненных форм и в ложном новаторстве, в отрыве от национальных форм музыки или в искусственной их стилизации и архаизации. У югославян в начале XX в. модернизм не достиг степени крайнего субъективизма и формализма, которые характерны для более позднего времени. Историческое развитие романтизма, реализма и модернизма в музыке сопровождалось их сложной борьбой, внутренними противоречиями, в чем отражалось влияние различных общественных течений, борьба в области общественной и эстетической мысли.

С 50-х годов в сербской музыке наблюдается значительный подъем. В 1853 г. в Белграде создается певческое общество, которое способствовало расцвету хоровой культуры, профессионального и музыкального образования. Выдающимся композитором-романтиком был Корнелий Станкович (1831—1865), руководитель этого общества и собиратель музыкального фольклора. Он заложил основы национального направления в сербской музыке, издав три книги «Сербских народных песен». Близок к нему Даворин Енко (1835—1914), словенец по происхождению. Он сочетал формы европейской музыки с самобытной сербской народной музыкой. Его романсы и романтические хоры («Дуйте, ветры», «Что молчишь ты, грустный серб») были весьма популярны. Он писал музыку для театральных представлений, например к пьесам «Поселение сербов» Якшича, «Мейрима» Матии Бана, «Душан Сильный» Милорада Шапчанина, чем подготовил почву для сербской национальной оперы.

Белградское певческое общество постепенно расширяло свою деятельность. В течение 30 лет его возглавлял Стеван Мокраняц (1855—1914), заложивший основы реалистической музыки своими хоровыми рапсодиями и песенными сюитами на народные темы («Руковет»). Он утвердил новые принципы гармонизации народных напевов, вытекающие из их мелодической структуры. Но еще жили и романтическая лирика (сольная песня) и патриотические хоры («Ах, как славно умирать за отчизну»), представленные в творчестве Йосипа Маринковича (1851—1931).

В начале XX в. зарождаются сербская опера и симфоническая музыка. В 1901 г. Божидар Йоксимович (1868—1955) создает первую сербскую оперу «Женитьба Милоша Обилича». Станислав Бинички (1872—1942) писал музыку к пьесам Нушича и Войновича, создал оперу «На рассвете» (1903). Петр Коньович (р. 1883) и Стеван Христич (1885—1958) выступают как крупные мастера симфонической и сценической музыки. Сербская музыка развивается по реалистическому пути. Модернизм сказывается лишь у отдельных композиторов, например в раннем творчестве М. Милоевича (1884—1946).

В 50-е годы в Хорватии были закрыты патриотические певческие общества и музыкальная школа. Только с 60-х годов музыкальная деятельность оживляется. Большую роль в этом сыграл композитор и педагог Иван Зайц (1832—1914). Он писал оперы и оперетты, хоровую и сольную вокальную музыку. Известна его героико-романтическая опера «Никола Шубич-Зринский» (1876). Творчество Зайца было в известной степени эклектичным: оно совмещало в себе национальные особенности с влиянием итальянской оперы, но имело большое прогрессивное значение, служило освободительной борьбе хорватского народа.

Подъем музыкальной жизни Словении начинается с 60-х годов. В 1872 г. в Любляне была основана Музыкальная матица, объединившая композиторов, исполнителей и критиков. Романтическая музыка этого времени носила ярко выраженные национальные черты. Музыкальный фольклор использовали Д. Енко в хоровых песнях, Фран Гербич (1840—1917) в вокальном сборнике «Голоса Словении» и созданной им первой словенской симфонии. Модернизм в виде неоромантизма проявился в творчестве Ристо Савина (1859—1948), в его операх, балетах и оркестровых произведениях. Ему принадлежат важные по темам оперы «Прекрасная Вида», «Матия Губец» и музыка к драмам. Модернистские тенденции проявлялись в деятельности журнала «Нови акорди».

Романтизм и реализм в сербской живописи вначале своеобразно сосуществовали. Пример этого представляет творчество Джуры Якшича. С одной стороны, он создает исторические композиции с яркой патриотической и романтической трактовкой сюжетов и образов («Смерть Карагеоргия»), а с другой, — пишет реалистические портреты. Даже в патриотические картины романтического плана он вводит реалистические фигуры (старик в картине «На страже»). Творчество Якшича народно. Художник изображает народ и передает его тревогу за судьбы родины. Люди на портретах Якшича строги и серьезны, на их лицах печать глубоких раздумий и переживаний.

К Якшичу близки Павле Симич (1818—1876) и Новак Радонич (1826—1890). Они также писали картины из сербской истории и драматические портреты (автопортрет Радонича). Особенно близок к Якшичу был Крстич (1851—1907). Его искусство драматически напряжено и романтично. В 1875—1876 гг. он пишет картины на национальные сюжеты: «Гусляр идет в церковь», «На Косовом поле», «Раненый», «Герцеговина на страже». Иной характер имеет его «Анатом», где создан яркий образ ученого, пытливого и упорного в разгадках тайн природы. Это картина большого значения. Писал Крстич и пейзажи, полные глубокой любви к родине: «У источника» (1882), «Под яблоней» (1882). Идеи революционной демократии оказали влияние на Стеву Тодоровича (1832—1925), человека разносторонней деятельности, способствовавшего развитию театра, музыки и живописи. Ему принадлежат исторические зарисовки («Бомбардировка Ниша», 1877).

В 80—90-е годы в сербской живописи развивается реализм. Он проявляется в полных любви к человеку портретах Милоша Теньковича (1849—1890), народных сюжетах Уроша Предича, крестьянских темах

Пайо Йовановича (1859—1957), портретах и исторических картинах Марко Мурата (1864—1944), который использует достижения пленерной живописи («Бегство царя Душана из Дубровника», 1900). Новые черты сказываются и у Ристо Вукановича (1873—1918), у которого они, однако, не вытесняют реализма («Гусляр», 1898).

Искусство Хорватии получило значительный стимул для развития в 60-е годы, когда были учреждены Югославянская академия наук и искусств, Национальный музей и художественные школы. Штросмайер и Рачкий содействуют созданию Общества друзей хорватского искусства. Все эти учреждения, как и сами художники, ведут борьбу за национальную культуру. Художники часто избирают предметами изображения исторические сюжеты, картины родной природы, портреты национальных деятелей. Фердо Кикерец (1845—1893), француз по происхождению, пишет «Коронование Дмитрия Звонимира», одного из последних королей Хорватии, создает жизненные портреты людей из народа, иллюстрирует «Горный венец» Негоша. Искусство портрета развивает Никола Машич (1852—1902). В «Жителе Лики» он представил крестьянина в национальном костюме с краюхой хлеба в руке.

Большое место в живописи занимает выдающийся далматинский художник Влахо Буковац (1855—1922). Вокруг него группируются передовые художники. Он пишет картины на условные сюжеты: «Гомер обучает Данте, Шекспира и Гете», «Одиссей» и глубоко патриотическую картину «Гундулич задумывает своего «Османа»».

В хорватской живописи конца XIX — начала XX в. господствует реализм. Художники изображают жизнь и труд крестьян. Отон Иветович (1864—1939) в картине «На страже» в отличие от Якшича основной целью ставит раскрытие душевных состояний героев. Но романтизм еще долго живет в хорватской живописи. Фердо Ковачевич (1870—1927) в своих пейзажах с большой силой передает через состояние природы чувство тревоги человека («Зима на Саве», «Сава во время заката»). Целестин Медович создал композицию «Собор в Сплите», в которой запечатлел борьбу хорватского народа за богослужение на родном языке.

Несмотря на открытие в Загребе картинной галереи, Салона (выставочного зала), Высшей школы искусств и ремесел, Академии и музея, развитие искусства встречало большие препятствия. Художники вынуждены были уезжать учиться в Париж и работать за границей. На их творчестве поэтому сказывалось влияние нового французского искусства, в частности Сезанна. Это имело место у Мирослава Кралевича (1885—1913) и Йосипа Рачича (1885—1909). Но художники не забывали о родине. Они писали на отечественные сюжеты, передавали драматизм действительности, национальные черты быта и характеров («Мать и дитя» Рачича).

Своеобразно развивалась хорватская скульптура. У Ивана Мештровича (1883—1962) господствуют национальные темы и образы большой волевой силы. Яркий и глубокий художник Мештрович широко пользуется аллегориями и символами. Женщина в его «Воспоминании» воплощает в себе прошлое хорватского народа, выражает протест против политического и национального гнета, царившего в стране. Образы Мештровича психологически сложны. В «Раненом» переданы и страдание и мужество. Скульптора, как и весь народ, волновали большие темы, прежде всего борьба за независимость родины. Творчеству Мештровича свойственны страстность, напряженный драматизм, динамичность, глубокая человечность, а также обобщенность и монументальность композиции и образов. Оно пропитано патриотическим духом. В некоторой мере на нем сказалось воздействие модернизма.

В словенской живописи после длительного господства романтизма развиваются реалистические тенденции. Наиболее отчетливо они проявв-

ляются в 70—80-е годы. У крупных художников Янеза (1850—1889) и Юрия (1856—1890) Шубицев, работавших в области декоративной и церковной росписи, самое ценное — портреты, жанровые сцены и пейзаж. Янез в обыденных ситуациях раскрывает характеры людей («Сестра Мица», изображающая женщину, задумавшуюся над прочитанным). Юрий пишет бытовые сцены («У колодца»), обращая внимание на зрительные моменты (луч солнца, ворвавшийся в дверь в картине «Перед охотой»). Он создает графическую серию «Райя», посвященную освободительной борьбе славян. Братья Шубицы исполнили серию сцен для официального издания «Австро-венгерская монархия в словах и картинах». Их реалистические тенденции продолжали Йожеф Петковшек (1861—1898), изобразивший на одной из картин себя в кругу своей крестьянской семьи, и Ивана Кобильца (1861—1926).

Важную роль в словенской живописи сыграл Антон Ажбе (1862—1905), открывший в Мюнхене школу, в которой учились не только словенские художники Иван Грохар (1867—1911), Рихард Якопич (1869—1943), но и русские художники Грабарь, Добужинский, Кардовский и украинский художник Мурашко. Ажбе — импрессионист. Но, уделяя внимание зрительной стороне в передаче действительности, он стремится и к психологической содержательности образов («Голова старика», «Негритянка»).

Ученики Ажбе во главе с Грохаром создали в 1904 г. в Любляне общество художников. Оно объединяло импрессионистов, передававших в тонких по колориту полотнах характер родной природы, настроения грусти и печали. Среди них выделялся оригинальный график Ф. Тратник, испытавший влияние Кете Кольвиц и посвящавший свои работы социальным и политическим вопросам («Вдова», «Незаконный ребенок», «Депутаты» и «Процесс в Загребе», 1909).

В словенской скульптуре выдвинулись Алойз Гангль, создавший портреты национальных деятелей Вальвасора и Прешерна, и Франце Бернекер, выполнивший памятник Приможу Трубару.

Архитектура югославянских земель второй половины XIX и начала XX в. характеризуется теми же многообразными и противоречивыми поисками, какие были в той или иной мере присущи всей европейской архитектуре этого периода. Новые социальные отношения, господствующая роль буржуазного класса, расширение функционального диапазона архитектуры, интенсивное развитие техники — все это поставило перед архитекторами новые, часто трудно увязываемые задачи. Строгий классицизм первой половины XIX в. уже не удовлетворял вкусы буржуазии. Стала развиваться эклектика — ложно понятая свобода архитектурного творчества. Появились здания, в которых перемешивались стили прежних эпох: готика, ренессанс, барокко, классицизм. Некоторые архитекторы, не удовлетворявшиеся эклектизмом, пытались обновлять уже отжившие стили прошлого,— так возникали стилизации в плане неоготики, неоренессанса, неоклассицизма и т. п. Существовало также направление академизма в его разновидностях.

Типичным примером эклектики в архитектуре второй половины XIX в. может служить здание Университета на Студенческой площади в Белграде, построенное в 1863 г. по проекту архитектора Яна Неволе. В архитектуре этого здания собраны мотивы романского, готического и ренессансного стилей. Автор поставил перед собой задачу создать из этих разнородных элементов наиболее эффектную композицию, заботясь прежде всего о представительности.

К наиболее крупным архитекторам Сербии второй половины XIX в. относится Александр Бугарский (1835—1891). Самыми значительными его постройками в Белграде являются здание Народного театра (1868—1869) и так называемый Старый дворец (теперь здание Союзного исполни-

тельного века), построенный в 1882 г. В обоих этих сооружениях Бугарский успешно выступает как последователь академизма, используя формы ренессанса и классицизма. Архитектурная композиция Старого дворца отличается серьезностью и большой дисциплиной в соотношении объемных масс и разработке деталей. По своим композиционным принципам сооружения Бугарского близки к классицизму.

Выдающимся белградским архитектором был Йован Илькич (1857—1917), строивший отель «Москва» (1906) и спроектировавший здание Народной скупщины в неоклассицистическом стиле и другие сооружения. Видными сербскими архитекторами были также Светозар Ивачкович (1844—1924) и Владимир Николич (1857—1922), построившие ряд общественных, культовых и частных зданий. Они также использовали формы ренессанса, классицизма и других стилей.

В Хорватии выдающимся мастером архитектуры второй половины XIX и начала XX в. был Виктор Ковачич (1847—1924). Получив широкое художественное и архитектурное образование, он много сделал для воспитания хорватских архитекторов, будучи профессором Высшей технической школы в Загребе. По его проектам построено большое количество частных домов в Загребе, церковь св. Блажа. Наиболее интересной его постройкой является здание загребской биржи, в котором умело используются классические архитектурные формы для современного здания. Выходящий на площадь торец этого 4-этажного здания решен мощным портиком ионического ордера, имеющего, однако, необычные пропорции. Его антаблемент соответствует целому этажу на боковых фасадах. Смелое обращение с классическим наследием указывает на творческий подход мастера к использованию классических традиций. Ковачичу принадлежит также проект загребского Капитолия.

В архитектуре Загреба второй половины XIX в. преобладало влияние венской школы. Ее представителем был архитектор Герман Болле (1845—1926), построивший здание Ремесленной школы. Он также являлся сотрудником венского архитектора Фридриха Шмидта в строительстве здания Югославской академии и реставрации загребского кафедрального собора. К венской архитектурной школе относится также здание Хорватского народного театра.

Словенская архитектура второй половины XIX — начала XX в. развивалась под значительным воздействием австрийской архитектуры. В ней также отразилось влияние эклектики. Так, например, церковь св. Иернея, построенная в этот период в Любляне, показывает соединение романского, готического и позднебарочного стилей. Наиболее значительным архитектором Любляны начала XX в. был Иожеф Плечник (1872—1957). Он был последователем и преемником известного венского архитектора Отто Вагнера. По проектам Плечника построено в Любляне здание технического факультета, стадион и другие объекты.

Таким образом, культурное развитие югославянских народов во второй половине XIX—начале XX в. характеризуется ростом общения между ними. Все более крепнут и связи югославян с прогрессивной культурой западноевропейских стран и России. Литература все шире откликается на острые вопросы современности. В художественном творчестве появляется и утверждается реалистический метод. Наиболее выдающиеся деятели культуры югославянских народов создают ряд крупных произведений, получивших известность и за пределами югославянских земель.

Список
иллюстраций

•

Список карт

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Археологические находки в Боснии. IV тысячелетие до н. э. 12
Античные находки на территории Югославии. Сверху: Изображение почтальона на надгробии. Внизу: Пляска нимф и Пана. Рельеф. Национальный музей в Белграде 17
Амфитеатр в Пуле 19
Внутренняя галерея дворца Диоклетиана в Сплите 21
Дворец Диоклетиана (реконструкция) 23
Славянские ральники (сошники) 28
Предметы карантанской культуры. VIII—X вв. 43
Княжеский престол на Госпосветском поле 45
Оружие хорватов. 51
Часть надписи с упоминанием хорватского князя Трпимира. IX в. 53
Изображение хорватского государя. Сплитский собор. XI в. 55
Церковь в Нине. Около 800 г. 57
Надпись царя Ивана-Владислава (1015—1018 гг.) в Битоле 71
Крепость в Охриде. X—XI вв. 73
Миниатюра из Мирославова евангелия. XII в. 79
Брижинские листки 80
Церковь св. Доната в Задаре. IX в. 81
Оплакивание Христа. Фреска церкви в Нерези. XII в. 82
Интерьер церкви св. Доната 83
Савва. Фреска монастыря Милешево. XIII в. 91
Фрагмент из грамоты Стефана Дечанского. XIV в. 93
Стефан Душан. Фреска монастыря Лесново. XIV в. 95
Деталь фрески «Пахота Каина». Дечанский монастырь. XIV в. 99
Пастух на фреске «Рождество Христово». Монастырь Сопочаны. XIII в. . . 103
Воины. Фреска. Монастырь Матеич. XIV в. 109
Огнестрельное оружие. XIV—XV вв. 112
Крепость Смедерево. XV в. 117
«Святые воины». Фреска. Церковь св. Пантелеймона в Нерези. XII в. . . . 121
Боснийская королевская печать XV в. 127
Воевода Хрвое Вукчич Хорватинич. Миниатюра XV в. 133
Крепости Ключ и Вишеград в Боснии 135
Крепостные стены Дубровника 139
Дивона (монетный двор). Дубровник 141
Княжеский дворец в Дубровнике. XIV в. 143

Грамота короля Белы IV Загребу. XIII в. 153
Бановцы. Хорватские монеты XIII—XIV вв. 155
Полевые работы крестьян. XV в. 161
Уплата крестьянами натуральных платежей господину 163
Монастырь Жиче в Штирии. XII в. 165
Евангелие. Сербская рукопись XV в. Рукописный отдел Библиотеки имени В. И. Ленина 171
Хиландарский монастырь на Афоне 173
Портал собора в Трогире. XIII в. . . (вклейка) 176
Церковь Богородицы в Студенице. XII в. 179
Церковь в монастыре Грачаница. XIV в. 181
Церковь в монастыре Каленич. XV в. 182
Девушки. Деталь фрески. Студеница 183
Деталь фрески «Рождение Христа». Монастырь Сопочаны 184
Стечак (намогильный камень) купца Милутина 185
Кафедральный собор в Задаре. XIII в. 186
Кафедральный собор в Шибенике. XV в. 187
Никола Божидарович. Деталь триптиха. Дубровник 188
Янез Люблянский. Грешница и демон. Фреска. XV в. 189
Мостар 197
Янычар, идущий на войну 198
Хусревбегова мечеть в Сараеве. XVI в. 199
Мехмед-паша Соколович 201
Белград в период турецкого господства 209
Георгий Бранкович 211
Занятие Белграда австрийцами в 1789 г. 217
Улица в Дубровнике 225
Землетрясение в Дубровнике в 1667 г. 226
Далматинец Марко Мартинович обучает российских дворян морскому делу. 1711. Картина неизвестного художника 233
Никола Зринский 239
Дом туропольского племича 241
Загреб. XVII в. 245
Сень. XVII в. 246
Замок князей Зринских в Кралевице. 40-е годы XVII в. 247
Франьо Крсто Франкопан 248
Петр Зринский 249
Крепость Карловац на Военной Границе. XVII в. 253
Пост на Военной Границе 255
Граничары. XVIII в. 263
Сремски Карловцы. Гравюра З. Орфелина. 1770 265
Идрия. XVII в. 271
Железники. XVII в. 273
Примож Трубар 275
Любляна. XVI в. 277
Перевозка грузов по реке в Словении 279
Перевозка товаров в XVII в. 280
Сельскохозяйственные работы в Словении в XVII в. 281
Страница Октоиха, напечатанного в Цетинье в 1494 г. Отдел редких книг Библиотеки имени В. И. Ленина 289
Руджиер Бошкович 293
Бернардо Бобич. Король Ладислав вручает церковную утварь загребскому епископу (вклейка) 296
«Славено-сербский магазин». 1768 г. Первый сербский журнал 299
Храм св. Влаха в Дубровнике. Начало XVIII в. 301
Двор ратуши в Трогире. XV в. 303

Площадь перед старым кафедральным собором в Загребе 305
Фортунат Бергант. Портрет Даниэля Вольбенка Эрберга (вклейка) 304
Карагеоргий 311
Матия Ненадович 313
Печать правительствующего совета 318
Милош Обренович 327
В доме зажиточного крестьянина 331
Откорм свиней в лесу 333
Дворец князя Милоша в Топчидерском парке (построен в 1834 г.) 335
Тома Вучич Перишич 337
Илия Гарашанин 339
Здание скупщины в Белграде в XIX в. 341
Цетинский монастырь 345
В доме черногорца 347
Базарная площадь в Риеке Црноевича 349
Крестьянский дом в Боснии 359
На улице Сараева 361
Селение в Лике 379
Свидетельство о поведении и работе, выданное цехом подмастерью. Осиек, 1827 г. 381
Людевит Гай 389
«Новине Хорватске» «Даница Хорватска, Славонска и Далматинска» 391
Иван Кукулевич-Сакцинский 394
Литейная мануфактура в Словении 400
Мануфактура по производству иголок в Словении 401
Гончарная мастерская в Словении 403
Франце Прешерн (вклейка) 408
Крепость Петроварадин на Дунае 413
Защитники революционной Вены обороняют город от войск Елачича . . . 438
Генерал Елачич перед Веной. Австрийская карикатура 1848 г. 439
Йован Раич 447
Досифей Обрадович 449
Валентин Водник 451
Вук Стефанович Караджич 453
Джуро Даничич 455
Бранко Радичевич 457
Йован Стерия Попович 459
Петр II Петрович Негош 461
Йосип Томинц. Портрет отца (вклейка) 464
Отливка ядер в Майданпеке (Сербия) в 60-х годах 475
Задружное крестьянское хозяйство 477
Михаил Обренович 481
Суд в Сербии в 60-х годах XIX в. 483
Захват сербами турецкого поста во время столкновений в Белграде. 1862 г. 485
Газета «Раденик», издававшаяся Светозаром Марковичем 487
Организация отряда сербских добровольцев в Шабаце. 1876 г. 488
Палата русского госпиталя в Сербии. 1876 г. 489
Группа русских добровольцев в Сербии. 1876 г. 491
Сербские регулярные войска и добровольцы. 1876 г. 492
Светозар Маркович (вклейка) 496
Сербская социалистическая газета «Радничке новине» 503
Первый светский правитель Черногории князь Данило 511
Перевозка черногорцами турецких пушек, захваченных у Грахова. 1858 г. 513
Военный совет в Цетинье. Гравюра 1859 г. 515
Производство патронов в монастыре Цетинье. 1858 г. 519
Загреб в 1860 г. 533
«Раднички приятель» — первая социалистическая газета в Хорватии 541

Первомайский плакат, выпущенный в Хорватии в 90-х годах XIX в. 545
Карикатура на Куэна-Хедервари. 1902 г. 549
Далматинские крестьяне-виноделы 559
Сельскохозяйственные орудия далматинских крестьян в начале XX в. . . . 560
Крестьянский дом на севере Далмации 561
Набережная в Сплите в конце XIX в. 563
Крестьянское хозяйство в Каринтии в конце XIX — начале XX в. 571
«Делавец», орган Югославянской социал-демократической партии 579
Предприятия компании «Ллойд» в Триесте в конце XIX в. 583
Светозар Милетич 595
«Слобода» — орган сербских социал-демократов в Венгрии 597
Башибузук 607
Мичо Любибратич 609
Герцеговинские повстанцы 611
Васо Пелагич 612
Сараево в начале XX в. 614
Добыча соли в Тузле 615
Пахота в Боснии 617
На улице Битоля 627
Гоце Делчев 631
Группа четников. 1903 г. 635
Сбор резервистов в Белграде. 1912 г. 643
Сербские артиллеристы в первой балканской войне 645
Иван Цанкар 651
Арест Гаврилы Принципа 28 июня 1914 г. 659
Димитрий Туцович 663
Франо Супило 673
Здание Высшей школы в Белграде 684
Югославянская Академия наук и искусств в Загребе 686
Йосип Юрай Штросмайер 686
Стоян Новакович 689
Франьо Рачкий 691
Йован Йованович-Змай (вклейка) 697
Август Шеноа 705
Сильвие Страхимир Краньчевич 709
Национальный театр в Белграде 719

СПИСОК КАРТ

Славяне на Балканском полуострове в VI—VII в. 35
Югославянские земли в период раннего средневековья 59
Югославянские земли в XII—XIV в. (вклейка) 104
Сербские земли в 70-х годах XIV — первой половине XV в. 115
Югославянские земли в XVI—XVIII в. (вклейка) 256
Сербия в первой половине XIX в. 315
Иллирийские провинции 383
Рост территории Сербии в XIX— начале XX в. 495
Черногория в XIX—XX в. 517
Политико-административная раздробленность югославянских земель в Австро-Венгрии в начале XX в. (вклейка) 552
Народные восстания в Боснии и Герцеговине в 50—70-х годах XIX в.(вклейка) 608
Ильинденское восстание в Македонии. 1903 г. 637
Югославянские народы и первая балканская война 1912—1913 гг. (вклейка) 640
Изменение государственных границ в результате балканских войн 1912—1913 гг. (вклейка) 656
Военные действия в Сербии в 1914 г. 661
Военные действия в Сербии и Черногории в 1915—1916 гг. 667

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 5

Часть первая

Дославянский период

Глава 1. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй у дославянского населения на территории Югославии 11

Часть вторая

Югославянские земли в период становления феодальных отношений в VII — XI вв.

Глава 2. Заселение Балканского полуострова славянами и их общественное развитие в VII — VIII вв. 27

Глава 3. Словенские земли 41

Глава 4. Хорватские земли 49

Глава 5. Сербские земли 62

Глава 6. Македония 69

Глава 7. Культура 76

Часть третья

Югославянские земли в период развитого феодализма в XII — XV вв.

Глава 8. Сербское государство 87

Освобождение сербского народа от византийской зависимости в конце XII в. Расширение и укрепление Сербского государства в XIII — первой половине XIV в. 87

Социально-экономическое развитие Сербии в XII — XIV вв. . . . 97
Распад Сербо-греческого царства. Турецкая агрессия против балканских государств во второй половине XIV в. 107
Завоевание сербских земель турками в XV в. 111

Глава 9.
Македония 119

Глава 10.
Боснийское государство 124
Возникновение и развитие Боснийского государства в XII—XIVвв. . 124
Социально-экономическое и государственное развитие Боснии в XII—XV вв. 129
Упадок Боснийского государства в XV в. и завоевание Боснии турками 132

Глава 11.
Дубровницкая республика 137

Глава 12.
Хорватские земли 145
Социально-экономические отношения в хорватских землях в XII — начале XVI в. 145
Политическая история хорватских земель в XII— начале XVI в. . 155

Глава 13.
Словенские земли 159

Глава 14.
Культура 168

Часть четвертая

Югославянские земли под властью Турции, Венеции и Габсбургов в XVI— XVIII вв.

Глава 15.
Югославянские народы под властью Турции 193
Положение югославянских народов под властью Турции в XVI в. . 193
Рост освободительного и антифеодального движения югославянских народов в конце XVI—XVII вв. 203
Сербия, Македония, Босния и Герцеговина под властью Турции в XVIII в. 212
Борьба черногорцев за освобождение от власти Турции и создание самостоятельного государства в XVII — XVIII вв. 218

Глава 16.
Дубровницкая республика 224

Глава 17.
Далмация под властью Венеции 228

Глава 18.
Хорватские земли 236
Борьба хорватского народа против турок в XVI — начале XVII в. Крестьянская война 1573 г. 236
Банская Хорватия и Военная Граница в XVII в. 244
Хорватия, Славония и Военная Граница в XVIII в. 250

Глава 19.
Сербы Воеводины 262

Глава 20.
Словенские земли 269
Социально-экономическое развитие, крестьянские восстания и реформация в словенских землях в XVI в. 269

Словенские земли в конце XVI — начале XVIII в. 278
Развитие капиталистических отношений в словенских землях в XVIII в. 283

Глава 21.
Культура 287

Часть пятая

Кризис феодального строя и развитие капитализма в югославянских землях в первой половине XIX в. Национальные движения

Глава 22.
Сербия 309
Первое сербское восстание (1804—1813 гг.) 309
Восстановление турецкой власти в Сербии. Второе сербское восстание и образование вассального Сербского княжества (1815—1833 гг.) 324
Социально-экономическое развитие Сербского княжества в 30—50-е годы XIX в. 330
Политическое развитие Сербии (1833—1858 гг.) 334

Глава 23.
Черногория 344
Социально-экономическое развитие Черногории в первой половине XIX в. 344
Политическое развитие Черногории 350

Глава 24.
Босния и Герцеговина 356
Социально-экономическое развитие 356
Борьба боснийско-герцеговинских феодалов против центральной власти 362
Выступления крестьянства. Зарождение национального движения 365

Глава 25.
Македония 368

Глава 26.
Хорватские земли 375
Хорватия и Славония в конце XVIII — первой половине XIX в. . 375
Далмация в первой половине XIX в. 385
Иллиризм 388

Глава 27.
Словенские земли 397
Словенские земли в составе Иллирийских провинций 397
Социально-экономическое развитие словенских земель в первой половине XIX в. 399
Национальное движение 405

Глава 28.
Воеводина 411

Глава 29.
Югославянские земли Австрийской империи в период революции 1848—1849 гг. 419
Классовая и национальная борьба в Хорватии и Славонии весной и летом 1848 г. 419
Революционное движение и национальная борьба в Воеводине весной и летом 1848 г. 425
Классовая борьба и национальное движение в Далмации, Истрии и Словении в марте — сентябре 1848 г. 431
Югославянские земли в период спада и поражения революции в Австрийской империи 437

Глава 30.
Культура 444

Часть шестая

Югославянские земли в период утверждения капитализма и начала империализма [вторая половина XIX — начало XX в.]

Глава 31.

Сербия 473
Развитие капитализма 473
Политическое развитие Сербии до 1878 г. 479
Сербия после Берлинского конгресса 493
Рабочее и социалистическое движение 501

Глава 32.

Черногория 509
Завоевание Черногорией государственной независимости 509
Развитие капиталистических отношений в Черногории в конце XIX — начале XX в. 514
Кризис самодержавного режима 520

Глава 33.

Хорватские земли 527
Хорватия и Славония в годы абсолютизма и конституционных реформ в империи Габсбургов (1851—1868 гг.) 527
Хорватия с 1868 г. до середины 90-х годов XIX в. 534
Подъем освободительного движения в Хорватии в период довоенного империализма 543
Далмация под властью Австрии во второй половине XIX — начале XX в. 558
Истрия во второй половине XIX — начале XX в. 565

Глава 34.

Словенские земли 569
Словения в 50—90-х годах XIX в. 569
Словения в период довоенного империализма 581

Глава 35.

Воеводина 590
Сербские земли в составе Австрийской империи после революции 1848 г. 590
Социально-экономическое развитие 591
Национальное и рабочее движение 594

Глава 36.

Босния и Герцеговина 599
Социально-экономическое развитие в 50—70-е годы XIX в. 599
Национально-освободительное движение против турецкого ига в 50—70-е годы XIX в. 603
Социально-экономическое развитие после австро-венгерской оккупации (1878—1912 гг.) 613
Борьба против оккупационного режима в 1878—1912 гг. 617

Глава 37.

Македония 625

Глава 38.

Югославянские народы в период балканских войн 1912—1913 гг. 639
Сербия и Черногория в первой балканской войне 639
Подъем национально-освободительного движения югославянских народов Австро-Венгрии в период первой балканской войны . . . 649
Вторая балканская война 653

Глава 39.

Югославянские народы в период первой мировой империалистической войны 1914—1917 658

Сербия и Черногория в начальный период первой мировой империалистической войны (1914—1915) 658
Югославянские народы Австро-Венгрии в первые годы войны . . 668
Антивоенное, национально-освободительное и рабочее движение в югославянских землях в 1917 г. 675
Глава 40.
Культура 682
Просвещение и наука 683
Литература 692
Театр. Музыка. Изобразительное искусство. Архитектура . . . 717
Список иллюстраций. 727
Список карт 731

История Югославии
Том I

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редакторы издательства *В. П. Шушарин* и *А. Х. Клеванский*
Художник *Н. А. Седельников*
Технический редактор *Т. А. Прусакова*
Корректор *Н. Г. Васильева*

РИСО АН СССР № 63 В. Сдано в набор 21/IX 1962 г. Подписано к печати 31/VII 1963 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 46+13 вкл. Усл. печ. л. 63,02+13 вкл. Уч.-изд. л. 59,4 (58,1+1,3 вкл.) Тираж 7000 экз. Т-13434. Изд. № 1337. Тип. зак. № 1182.

Цена 3 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
33	2 св.	Димирия	Дмитрия
357	4 св.	аграрная реформа 1839 г.	аграрные реформы 30—40-х годов
417	11 св.	русских и сербских повстанцев	русских войск и сербских повстанцев
462	4—3 сн.	Мажурахич	Мажуранич
478	5 св.	1855 г.	1856 г.
494	21 св.	1800 г.	1880 г.
501	13 сн.	1892 г.	1896 г.